Бюллетени литературы и жизни.

v. 5, no. 13-15/16

Title transliterated.
Biulleteni literatury i zhizni

3 1761 08106852 0

AP
50
B54
v.5
NO.13-15/16

Bibliotecni literatury i zhizni

ц. 30 к. Въ провинціи и на ст. жел. дор. 35 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 13. Мартъ—I. 1914.

(Пятый годъ изданія.)

AP 50 B54 v.5 no.13-15/16

СОДЕРЖАНІЕ

1. Единство творчества 751
2. Представитель естествознанія о внѣопытномъ міропостиженіи.... 755
3. Загадочныя явленія. Наука и суевѣріе 761
4. Двѣ мистеріи. „Царь Іудейскій" К. Р.—„Парсифаль" Вагнера..... 765
5. Куинджи 777
6. Яль Гогенъ 784
7. Изъ литературнаго и художественнаго прошлаго (Воспоминанія Е. Ф. Юнге, урожд. гр. Толстой. 1843—1863 гг.). Изъ переписки Е. Ф. Юнге съ Ѳ. М. Достоевскимъ.—Щербина, Гаевка, Шевченко, Ольдридкъ 792
8. Въ культурномъ скиту 801
9. Борьба съ жизнью въ имя жизни 808
10. О призывѣ къ бодрости 811
11. Отзывы о книгахъ 407
12. Новыя книги..... 426
13. Содержаніе журналовъ..... 435
14. Библіографія по отдѣльнымъ вопросамъ. Педагогика. I. Общіе вопросы педагогики. а) Теорія..... 437

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 7 м.—2 р. 35 к., 6 м.—2 р. 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-06.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука". 2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція".

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

Комиссионера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право", Нюренберга, „Законовѣдѣніе", Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, сервала (п. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Повышиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ". ☐ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 83—28.

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ

ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** МОСКВА, Моховая, д. 26.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на большую ежедневную, ПРОГРЕССИВНУЮ, внѣпартійную политико-экономическую и литературно-художественную газету

ПЕТЕРБУРГСКІЙ КУРЬЕРЪ

ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ (утромъ и вечеромъ) съ литературно-художеств. приложеніями.

Воскресный фельетонъ Аркадія АВЕРЧЕНКО. Худож. отдѣлъ подъ ред. А. А. РАДАКОВА.

О днѣ выпуска вечерняго изданія будетъ объявлено особо.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Утреннее изданіе: въ С.-Петербургѣ: на годъ—9 руб., 6 мѣс.—5 руб., 3 мѣс.—2 руб. 75 коп., 1 мѣс.—1 руб. Во всѣ города Россіи: на годъ—10 руб., 6 мѣс.—5 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб. 15 коп. За границу: на годъ—24 руб., 6 мѣс.—13 руб., 3 мѣс.—7 руб., 1 мѣс.—2 руб. 50 коп. Вечернее изданіе: въ С.-Петербургѣ: на годъ—4 руб., 6 мѣс.—2 руб. 50 коп., 3 мѣс.—1 руб. 50 коп. Во всѣ города Россіи: на годъ—5 руб. 6 мѣс.—3 руб., 3 мѣс.—2 руб.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: СПБ., Невскій, 25.

Издатель: „Т-во ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ". Редакторъ И. А. НОТОВИЧЪ.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Мартъ — I. • № 13.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

Единство творчества.

[15:7.01]

Процессъ творчества всегда былъ и остается одной изъ наиболѣе интересныхъ и спорныхъ проблемъ психологіи, вызывавшей самые разнообразные споры. Сжато и оригинально подходитъ къ нему П. К. Энгельмейеръ въ статьѣ „Эвролгія, или всеобщая теорія творчества“, помѣщенной въ V т. „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества“.

Въ основу своего разсужденія авторъ ставитъ слѣдующій тезисъ: „творчество далеко не ограничивается возникновеніемъ въ душѣ новаго образованія. Процессъ творческій завершается только тогда, когда созданіе фактически „сдѣлано“. Такимъ образомъ, весь процессъ творчества зачинается въ нѣдрахъ души и заканчивается мускульнымъ поздѣйствіемъ наружу.

Оказывается, что творчество есть функція нѣсколькихъ перемѣнныхъ, далеко не независимыхъ другъ отъ друга. Наоборотъ, не подлежитъ сомнѣнію, что они другъ на друга вліяютъ. Стало быть, если психологъ подходитъ къ изученію творчества съ мыслью разсмотрѣть изъ всего комплекта одну только психологическую сторону, то онъ легко можетъ послѣ большихъ умственныхъ затратъ, замѣтить, что результаты не пропорціональны этимъ затратамъ. И стало быть, для того, чтобы, по возможности, оградить и себя и будущихъ работниковъ, надо, прежде всего, направить всѣ усилія на то, чтобы разсмотрѣть хотя бы въ крупныхъ чертахъ, во зато дѣйствительно всѣ составныя части творчества. Потомъ можно приступить и къ изученію частныхъ производныхъ. Но тогда легко будетъ не терять изъ вида возможныя взаимодѣйствія между перемѣнными и оставлять въ теоріи необходимыя свободныя мѣста для могущихъ впослѣдствіи потребоваться поправокъ на взаимодѣйствія между основными факторами.

Вотъ такой-то обзоръ того, что необходимо и достаточно для творчества, и составляетъ цѣль настоящей работы.

Я называю *эврологіей* всеобщую теорію творчества, т.-е. такую теорію, которая охватываетъ всѣ явленія творчества, какъ то: художественное созданіе, техническое изобрѣтеніе, научное открытіе, а также и практическую дѣятельность, направленную на пользу, или на добро, или на что угодно. Такимъ образомъ, эвролгія является также и теоріей воли“.

Построеніе всеобщей теоріи творчества затруднялось тѣмъ, что законы творчества выводились обычно изъ дѣятельности геніальныхъ личностей; это вызывало робость и ограниченность кривизнъ и не позволяло прослѣдить законы во всей ихъ полнотѣ. „Будемъ говорить о геніальности просто, безъ робости и восклицательныхъ знаковъ, и условимся видѣть ея элементъ въ догадкѣ, представляющей геніальность не то что въ миніатюрѣ, не такъ, какъ, напр., въ опытѣ Плато маслиная капля изображаетъ солнечную систему, а просто такъ, какъ миллиграммъ золота есть все-таки золото, а не другое вещество“.

Другимъ препятствіемъ было противопоставленіе открытія изобрѣтенію. „Философы учили, что если гдѣ человѣкъ и творитъ, то это именно въ искусствѣ, и только въ немъ. Здѣсь геній даетъ-де себѣ полный просторъ, черпая только изъ себя и себя выявляя. То, что таинственно зародилось въ священной глубинѣ генія, онъ-де, по своему произволу, выливаетъ въ звуки, краски и т. д., свободный отъ всякихъ природныхъ стѣсненій, послушный только своимъ собственнымъ законамъ: онъ не преслѣдуетъ-де ничего, кромѣ одного только желанія—высказаться. Отсюда-де не подлежитъ никакому сомнѣнію, что художественное произведеніе есть самодѣль и высшее проявленіе человѣческой дѣйственности.

Но если стряхнуть съ себя гипнозъ, навѣваемый восклицательными знаками, то сказанное возвышеніе искусства оказывается карточнымъ домикомъ, падающимъ подъ дуновеніемъ первыхъ же вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ простой здравый смыслъ можетъ понять утвержденіе, *будто художественное произве-*

деніе свободно отъ всякихъ природныхъ стѣсненій? А мы спросимъ наоборотъ: кто, когда и гдѣ видѣлъ хоть одно подобное произведеніе человѣческое? Никто. Всѣ видѣли картины, статуи, пляски, читали поэмы, романы, слушали рѣчи, симфоніи. Но вѣдь это тѣ же звуки, краски, слова, тѣлодвиженія, изъ которыхъ состоятъ и всѣ остальныя дѣла человѣческія. Это все тотъ же арсеналъ сына человѣческаго на всѣхъ стезяхъ его. Въ искусствѣ нѣтъ ничего добавочнаго. Но намъ возразятъ, что мы говоримъ только о формѣ. Хорошо, поговоримъ о содержаніи. Тутъ мы опять замѣчаемъ только человѣческій обиходъ: образы, чувства, настроенія, размышленія и т. п. Да, возразятъ намъ, но художникъ воленъ дѣлать изъ этихъ элементовъ произвольныя комбинаціи, вовсе не справляясь о какихъ бы то ни было правилахъ и требованіяхъ внѣ себя. Да неужели же это правда? спросимъ мы. Неужели художнику такъ-таки и не надо придерживаться ни здраваго смысла, ни логики, ни ариѳметики, ни даже этимологіи? Неужели найдется такой приверженецъ свободы творчества, который признаетъ поэму въ случайно разсыпанномъ типографскомъ шрифтѣ?

Художникъ, прежде всего, хочетъ быть понятнымъ. Не понятымъ, а понятнымъ. Извѣстно правило писательства, установленное кажется Вергиліемъ: „мы должны стремиться не къ тому, чтобы насъ всякій понималъ, а къ тому, чтобы насъ нельзя было не понять". Вотъ уже первое стѣсненіе для пресловутой свободы творчества художника.

„Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ", до тѣхъ поръ онъ и не поэтъ. Но вотъ въ одинъ прекрасный день поэтъ находитъ въ душѣ своей новое образованіе, сотканное, смотря по обстоятельствамъ, изъ образовъ, чувствъ, настроеній, мыслей и т. п. И поэту до-смерти хочется выявить это новообразованіе наружу. Именно „до-смерти". „Для звуковъ жизни не щадить", это вовсе не въ шутку сказано. Выявить свое переживаніе, вотъ въ данный моментъ цѣль жизни. И это одинаково, имѣемъ ли мы дѣло съ поэтомъ, живописцемъ, скульпторомъ, техникомъ-изобрѣтателемъ или инымъ творцомъ. Если творческое переживаніе сильно, то останавливается вся остальная жизнь и вся уходитъ въ одно стремленіе: *высказаться.* Для чего? Кому это нужно? полезно? это вопросы второстепенные, и опять же вездѣ одинаково. А если кто думаетъ, что техническій изобрѣтатель непремѣнно творитъ только для денегъ или славы, тотъ расписывается въ неспособности къ пониманію творчества.

Замѣчательно, что въ созидающемъ художникѣ, ученомъ, техникѣ, есть *особый родъ совѣсти,* который ему безошибочно говоритъ, высказался ли онъ вполнѣ или нѣтъ. Никакими софизмами этого голоса не переспоришь. Можно заставить его замолчать, если некогда или лѣнь. Но никто лучше самого творца не видитъ недостатковъ въ своемъ произведеніи. Вы, конечно, помните того живописца Михайлова, котораго Анна и Вронскій встрѣтили въ Италіи. Вы помните, что „во всемъ, что онъ писалъ и написалъ, онъ видѣлъ рѣжущіе ему глаза недостатки, происходившіе отъ неосторожности, съ которой онъ снималъ покровы, и которыхъ онъ теперь уже не могъ исправить, не испортивъ всего произведенія". Въ этихъ словахъ слышится стонъ самого Льва Толстого, котораго „крылатые" слова, какъ извѣстно, въ черновикахъ такъ и летѣли изъ подъ пера въ типографію...

Но вотъ предположимъ, что художникъ высказался. Высказался и ушелъ. Художника больше нѣтъ. Осталось только его произведеніе. Ужъ не заложилъ ли авторъ въ свое произведеніе частицу своей души, какъ закладываются животворящія мощи въ напрестольные кресты? Или какъ тотъ волшебникъ въ Гоголевскомъ „Портретѣ"? Къ чему такой привносъ? такое „вчувствованіе" (модное слово)? *Здравый смыслъ* говоритъ, что художникъ оставилъ послѣ себя что? кусокъ камня, глины, воска, мѣди, или кусокъ холста, замазаннаго красками, или тетрадь, испещренную либо буквами, либо нотными знаками. Попробуйте теперь подступиться къ художественному произведенію со взглядомъ на него, какъ на „самоцѣль". Едва ли это вамъ удастся. Какая же это самоцѣль? Вѣдь художникъ почему творилъ? Потому что изъ него „лѣзло" созданіе. Для чего творилъ? чтобы высказаться. И, такъ выше сказано, художникъ отлично знаетъ, хорошо ли или дурно высказаться. Значитъ, произведеніе ему служило не цѣлью, *а средствомъ высказаться.*

Для чего служатъ техническія изобрѣтенія? Для употребленія въ жизни. Совершенно вѣрно: иголка для шитья, перо для писанія, автомобиль для ѣзды. А для чего служитъ Сикстинская Мадонна? Для чего она задѣлана герметически подъ зеркальнымъ стекломъ? помѣщена въ отдѣльномъ кабинетѣ съ одноцвѣтными обоями? Для того, чтобы тѣ тысячи, которыя рѣкой текутъ сквозь этотъ кабинетъ, могли бы безпрепятственно отдаваться самовнушенію подъ дѣйствіемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ перла созданія. Значитъ, если автомобиль служитъ для ѣзды, то Сикстинская Мадонна служитъ для

нашихъ переживаній. Автомобиль есть средство къ тому, чтобы ѣхать такъ-то. Сикстинская Мадонна есть средство къ тому, чтобы, переживать то-то. Смѣшно задаваться à la Писаревъ вопросомъ о „пользѣ" Пушкинскихъ стиховъ. Но смѣшно и закрывать глаза на то, что имѣется общаго во всѣхъ произведеніяхъ человѣческаго генія. Это значитъ искусственно преграждать себѣ путь къ пониманію человѣческаго творчества.

Итакъ, если мы посмотримъ на художественное произведеніе и на техническое изобрѣтеніе *съ телеологической точки зрѣнія*, то тотчасъ обнаружимъ разительное сходство обоихъ, которое заключается въ томъ, что и то и другое служитъ *средствомъ* къ цѣли, причемъ за *цѣль* берется *эффектъ* произведенія, его назначеніе или цѣнность въ человѣческой жизни. Но тотчасъ же замѣчается и разница: художественное произведеніе служитъ для возбужденія эстетическихъ переживаній, а техническое произведеніе служитъ для удовлетворенія другихъ потребностей.

...Что воля, инициатива, творчество—это родныя сестры, это хорошо знаетъ изъ самонаблюденія тотъ, въ комъ чередуются періоды повышенія воли и ея упадка. Конечно, тамъ, гдѣ это чередованіе уже выродилось въ раздвоеніи личности, изъ которыхъ одна вытѣсняетъ другую, тамъ самонаблюденіе замолкаетъ. Но въ тѣхъ легкихъ и очень распространенныхъ случаяхъ, которые называются перемѣнами въ расположеніи духа, особенно на границѣ двухъ состояній, они очень хорошо сравниваются между собой. Въ повышенномъ періодѣ всякое рѣшеніе очень легко принимается. Чего можно и должно хотѣть? Какъ достигнуть желаемаго? все это выясняется само собою безъ большихъ усилій. Изъ всѣхъ путей, которыхъ, по общему признанію, всегда представляется нѣсколько, тотчасъ выбирается наиболѣе подходящій. Отсюда уже видно, что повышенный періодъ характеризуется, во-первыхъ, живостью намѣреній, во-вторыхъ, ясностью средствъ для ихъ достиженія.

Обратное надо сказать о періодѣ упадка воли. Прежде всего нѣтъ желаній. Разсудокъ указываетъ, что надо хотѣть того-то: но... и хотѣлось бы хотѣть, да не хочется. Ничего не хочется. А когда, по требованію „холоднаго разсудка", и приступаешь къ какому-нибудь дѣлу, то оно кажется труднымъ, сложнымъ и не могущимъ удасться. Мнѣ особенно хочется подчеркнуть здѣсь кажущуюся многосложность каждаго дѣла. Ошибочно было бы выводить заключеніе, будто въ пониженномъ состояніи примѣчается больше частностей въ томъ, о чемъ думаешь, или что передъ глазами. Какъ разъ обратное справедливо: частностей замѣчаешь еще больше въ повышенномъ состояніи духа. Но здѣсь онѣ какъ-то группируются, другъ съ другомъ сплавляются, чего не происходитъ въ пониженномъ состояніи. Не желая вовсе механизировать душу, я такъ бы иллюстрировалъ разницу между обоими состояніями: человѣкъ видитъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ направленными на него силами сопротивленія, которыя ему невозможно побороть, когда онъ что-нибудь предпринимаетъ. И вотъ, когда приступаешь къ дѣйствію въ повышенномъ состояніи, то внѣшнія силы сопротивленія передъ глазами сами собой складываются въ небольшое число равнодѣйствующихъ. А въ пониженномъ состояніи, наоборотъ, онѣ торчатъ каждая отдѣльно. Поэтому ихъ и кажется больше.

Это замѣчаніе мнѣ представляется многозначительнымъ, потому что оно характеризуетъ повышенное состояніе какъ такое, которое отличается *синтезирующею силой*; а эта послѣдняя и составляетъ самое *ядро творчества*. И само собою дѣлается яснымъ, что въ повышенномъ состояніи не только всего хочется, все интересно, но и все ясно, понятно, душа полна новыми мыслями, образами, намѣреніями. Угнетенное состояніе, напротивъ, отличается бѣдностью, какъ волевыхъ, такъ и творческихъ проявленій. Не слѣдуетъ ли заключить изъ одновременности повышеній и пониженій творчества и воли объ однородности этихъ двухъ явленій?...

Всѣ эти соображенія показываютъ, что *творчество и воля принадлежитъ къ одному порядку вещей*.

...Всякое изобрѣтеніе можно разсматривать, какъ рѣшеніе нѣкоторой задачи. Техникъ стоитъ передъ задачей устранить такое-то неудобство или достигнуть такого-то положительнаго результата. Художникъ стоитъ передъ задачей выразить свое переживаніе. Ученый стоитъ передъ задачей приладить свои мысли къ новому опыту. Всѣ трое, въ сущности, стоятъ передъ задачей выявить себя, свои мысли, чувства и образы, просящіеся наружу изъ подсознательныхъ глубинъ души.

Когда же появляется передъ сознаніемъ первый проблескъ рѣшенія поставленнаго вопроса, то онъ, по общему правилу, гипотетиченъ. Это пока только одно предположеніе или предчувствіе, что рѣшеніе найдется на такомъ то пути. Но и здѣсь приходится отмѣтить одну подробность, которая можетъ занять психологовъ. Это вѣра въ свою гипотезу. Какъ бы туманенъ ни былъ первый проблескъ, обыкно-

венно онъ возбуждаетъ въ душѣ носителя сильную любовь къ себѣ и увѣренность въ томъ, что это есть новая и большая цѣнность, и что поэтому нужно приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дать ей реальное осуществленіе. И всѣ силы души уходятъ на выясненіе передъ самимъ собою своей идеи.

Если взять средній, типичный случай творчества, то рано или поздно здѣсь наступаетъ такой моментъ, когда носитель идеи ее видитъ „достаточно“ ясно.

Тогда мы говоримъ: совершенъ первый актъ изобрѣтенія. Собственно изобрѣтенія далеко еще нѣтъ. Отъ него налицо пока только одинъ замыселъ. Но можно потому выдѣлить созданіе замысла въ отдѣльный актъ, что онъ отмѣченъ дѣятельностію интуиціи, догадки, со всѣми ея вспомогательными средствами, какъ то: живостью воображенія, способностью къ комбинаціямъ, богатствомъ опыта, легкостью воспоминанія и т. д.

Далѣе, для того, чтобы претворить замыселъ въ плоть и кровь, надо его выработать. Выработка производится за счетъ двухъ различныхъ факторовъ: разсудочной работы и мускульной ловкости и сноровки. Поэтому дальнѣйшую выработку изобрѣтенія можно съ удобствомъ раздѣлить на второй и третій акты, при чемъ ко второму акту мы отнесемъ обдумываніе, критику, подсчетъ и т. д., словомъ функцію дискурсивнаго мышленія, а къ третьему акту мы отнесемъ то, что называется въ искусствѣ „техникой“, т.-е. ремесленное выполненіе, непосредственное воздѣйствіе на матерію.

Наши три акта суть въ сущности не стадіи, а *три стороны одного процесса, соотвѣтствующія тремъ основнымъ факторамъ творчества: интуиціи, дискурсивному мышленію и мускульной приспособленности.*

...Итакъ, подъ творчествомъ будемъ разумѣть созданіе чего-нибудь изъ ничего. И вотъ теперь спросимъ себя: приложимо ли понятіе творчества къ дѣятельности человѣка? Авторъ едва ли ошибется, если предположитъ, что изъ десяти читателей девять сразу отвѣтятъ самымъ категорическимъ отрицаніемъ, ибо они непремѣнно подумаютъ о матеріи и энергіи. Но позвольте: развѣ ни о чемъ другомъ нельзя и говорить, когда говорятъ о творчествѣ? Посмотримъ.

Представимъ себѣ двухъ артистовъ по венеціанской мозаикѣ изъ разноцвѣтныхъ кубиковъ. Пусть передъ каждымъ одинъ и тотъ же наборъ цвѣтныхъ кубиковъ; но дѣлаютъ они разныя картины. Мы имѣемъ случай, гдѣ двѣ дѣятельности даютъ нѣчто разное, только не въ отношеніи матеріи и энергіи. Сравнивается: въ чемъ же мы эту разницу найдемъ? Ну, въ нашемъ примѣрѣ отвѣтъ не затруднитъ: разницу мы найдемъ въ расположеніи цвѣтныхъ кубиковъ на обѣихъ картинахъ. Получаются двѣ разныя картины. Онѣ-то для насъ и являются результатомъ двухъ дѣятельностей. Но тутъ есть одна подробность, которую надо выдѣлить.

Если мы относимъ полученныя картины къ произведеніямъ искусства, то это значитъ, что мы не останавливаемся на одномъ только рисункѣ, на формѣ и расположеніи элементовъ картины, но что идемъ дальше въ ея оцѣнкѣ.

Какое значеніе имѣетъ данное произведеніе человѣческое? Вотъ первый и необходимый вопросъ, съ которымъ мы обращаемся ко всякому результату здоровой, т.-е. вмѣняемой человѣческой дѣятельности. Насъ интересуетъ далѣе: что преслѣдовалъ авторъ произведенія? что онъ хотѣлъ сказать? Какія переживанія произведеніе въ насъ возбуждаетъ? Однимъ словомъ, мы съ разныхъ точекъ зрѣнія произведеніе оцѣниваемъ. Въ этой оцѣнкѣ мы, конечно, доходимъ до какого-нибудь окончательнаго результата и говоримъ: данное произведеніе имѣетъ такую-то цѣнность; оно означаетъ то-то, въ немъ заложена такая-то идея; вотъ его значеніе въ нашей жизни.

Если передъ нами не художественное произведеніе, а техническое изобрѣтеніе, то все вышесказанное примѣнимо и здѣсь, и въ результатѣ оцѣнки мы тоже говоримъ: это изобрѣтеніе преслѣдуетъ такую-то цѣль, удовлетворяетъ такую-то потребность, имѣетъ такой то техническій эффектъ и такое-то значеніе.

Обобщая, можно сказать такъ: результатъ всякой здоровой дѣятельности мы оцѣниваемъ съ точка зрѣнія приложимости къ нашей жизни и видимъ, что получилось новое добро, новая красота, истина или польза,— вообще говоря— новая цѣнность. И вотъ гдѣ мы находимъ человѣческое творчество.

Человѣкъ творитъ цѣнности и только ихъ. Цѣнности онъ творитъ, т.-е. создаетъ изъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ новую теорію, объединяющую новыя наблюденія, новое художественное произведеніе, новый добродѣтельный поступокъ, новую полезность...— однимъ словомъ, новую, созданную человѣкомъ, цѣнность. Вѣдь этой цѣнности раньше не было; стало быть, она сотворена изъ ничего. Въ отношеніи цѣнностей человѣкъ является творцомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Это утвержденіе авторъ беретъ на свою отвѣтственность.“

Представитель естествознанія о внѣ-опытномъ міропостиженіи.

[001:133]

Президентскую рѣчь Оливера Дж. Лоджа, одного изъ крупнѣйшихъ физиковъ нашего времени, на послѣднемъ годичномъ съѣздѣ англійскаго „научнаго парламента“,—какъ величаютъ Британскую Ассоціацію наукъ,—безспорно, приходится отнести къ замѣчательнѣйшимъ и *знаменательнѣйшимъ* „событіямъ“ научной жизни за истекшій годъ. Содержаніе этой рѣчи [1]) возбудило большой интересъ среди ученыхъ всего міра, вызвало много толковъ, и въ печати разныхъ странъ стали появляться статьи протеста — подчасъ пѣсьма рѣзкія по тону—протеста противъ тѣхъ „мистическихъ“ идей, которыя позволилъ себѣ проповѣдывать, „пропагандировать“ въ собраніи дѣятелей ортодоксальной науки избранный предсѣдателемъ этого собранія. У насъ, напр., ополчились противъ рѣчи Лоджа—заключительной ея части—К. Тимирязевъ („Вѣст. Евр.“, январь—„Погоня за чудомъ, какъ атавизмъ у людей науки“) и М. Новорусскій („Энергія“, сборникъ II —„Предѣлы науки“), особенно первый изъ нихъ.

Мы даемъ здѣсь рѣчь маститаго англійскаго физика въ сокращеніи, но такъ, чтобы читатель получилъ полное представленіе о тезисахъ ея и ходѣ размышленій ея автора, главное же—о томъ процессѣ мысли, который привелъ одного изъ виднѣйшихъ представителей современной *опытной* науки, послѣ десятковъ лѣтъ изученія природы, къ „мистикѣ“ и оккультизму.

„...Сосредоточная вниманіе на области чистой науки, поставимъ себѣ вопросъ: что по преимуществу является характернымъ для того многообѣщающаго, хотя и смутнаго періода, который мы переживаемъ теперь? Два различныя лица дадутъ различные отвѣты, но отвѣтъ, который я рѣшаюсь дать, можно формулировать такъ: *быстрый прогрессъ, соединенный съ глубокимъ скептицизмомъ*.

О прогрессѣ я буду говорить мало; всегда имѣется извѣстная неопредѣленность относительно прочности каждаго отдѣльнаго пріобрѣтенія; я хочу говорить относительно основного скептицизма.

Чтобы выразить мое мнѣніе наиболѣе кратко, я могу указать характеръ преобладающихъ споровъ, нынѣ занимающихъ вниманіе, употребляя, насколько возможно, въ каждомъ случаѣ только одно слово, чтобы подчеркнуть неизбѣжную краткость и недостаточность указаній.

Въ физіологіи конфликтъ разыгрывается вокругъ *витализма*. Въ химіи дебаты касаются *атомной гипотезы*. Въ біологіи споръ идетъ о законахъ *наслѣдственности*. Въ педагогикѣ высказываются революціонныя идеи относительно преимуществъ свободы для дѣтей. Въ экономической и политической наукѣ или въ соціологіи—что только не подвергается обсужденію? Не только собственность, не только землевладѣніе, но все—вплоть до садовъ Эдема и взаимоотношеній между мужчиной и женщиной. Наконецъ, въ громадной группѣ математическихъ и физическихъ наукъ скептицизмъ нашихъ дней касается того, что, если бы можно было выразить это въ одномъ словѣ, я назвалъ бы *непрерывностью*.

Однако, гораздо болѣе основнымъ и глубоко коренящимся, чѣмъ всѣ эти секціонные вопросы, является происходящее критическое изслѣдованіе основаній науки вообще; развивается извѣстнаго рода философскій скептицизмъ, имѣющій своимъ результатомъ недовѣріе къ чисто интеллектуальнымъ процессамъ и признаніе ограниченности области науки.

Такъ какъ наука является, несомнѣнно, продуктомъ интеллекта, то она разсматриваетъ все въ холодномъ свѣтѣ разума, и въ этомъ ея сила. Но, будучи распространено изъ положительныхъ предѣловъ своей примѣнимости въ область догматическаго отрицанія и философствованія, это исключительное, односторонее направленіе науки становится также ея слабостью. Природа человѣка—вѣчто обширное; интеллектъ только часть этой природы, къ тому же молодая часть, которая поэтому необходимо, хотя и безсознательно, страдаетъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, вытекающихъ изъ ея новизны и незрѣлости, и не должна позволять себѣ воображать себя цѣлымъ человѣческой природы — она можетъ быть даже и не лучшая часть природы человѣка.

Эмоціи, интуиція и инстинктъ несравненно древнѣе науки, и они не могутъ быть игнорируемы при исчерпывающемъ изученіи жизни, живыхъ существъ. Ученые съ полнымъ правомъ могутъ, дѣлая свою непосредственную работу, не обращать вниманія на нихъ, но философы не могутъ поступать такъ.

Такимъ образомъ, философы начинали изслѣдовать многія изъ щирочайшихъ обобщеній науки и ставить вопросъ, не распространяли ли мы, въ стремленіи сдѣлать ихъ исчерпываю-

---

[1]) Издана теперь и на русскомъ языкѣ.—Сэръ Оливеръ Дж. Лоджъ. Непрерывность. Кн-во «Естествоиспытатель». Ц. 60 к.

щими, слишкомъ далеко наши лабораторныя индукціи. Сохраненіе энергіи, напримѣръ: будетъ ли оно всегда и всюду имѣть мѣсто, или лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ?

Не только философамъ, но и ученымъ старые научные постулаты вырываются съ корнемъ. Физики и математики начали обсуждать вопросъ, насколько, данно извѣстные и ясно обоснованные, законы механики приложимы всюду и всегда, не можетъ ли Ньютонова схема быть замѣнена чѣмъ-либо болѣе современнымъ, къ чему законы Ньютона были бы только приближеніемъ.

Наконецъ, была создана цѣлая система не-Ньютоновой механики, основанная на недавно открытыхъ измѣненіяхъ, которыя должны происходить въ тѣлахъ, движущихся со скоростью, близко сравнимой со скоростью свѣта (принципъ относительности). Оказалось фактически, что какъ масса, такъ и форма тѣла являются функціями скорости. Когда скорость возрастаетъ масса увеличивается и форма измѣняется, хотя при обычныхъ условіяхъ эти измѣненія безконечно малы.

Даже законы геометріи были заподозрѣны, и Эвклидова геометрія разсматривается какъ частный случай болѣе основныхъ обобщеній. Насколько она примѣнима къ существующему пространству и насколько время есть реальность или иллюзія и можетъ ли оно какимъ-либо образомъ зависѣть отъ движенія или положенія наблюдателя—всѣ эти вопросы обсуждаются нынѣ въ той или иной формѣ. Также сохраненіе матеріи, эта главная мачта корабля химіи XIX вѣка, и существованіе мірового эфира, этотъ большой якорь физики XIX вѣка,—развѣ не кажутся они иногда выброшенными за бортъ?

Эта готовность принять новые факты и включить ихъ въ схему физики ведетъ, быть можетъ, къ слишкомъ большому развитію научнаго скептицизма, въ цѣляхъ возстановленія равновѣсія.

Существуетъ, однако, гораздо болѣе глубокая разновидность всеобъемлющаго скептицизма, и она утверждаетъ, что всѣ наши законы природы, съ такимъ трудомъ установленные и такъ тщательно формулированные, являются по существу только условностями, а не истиной; что мы не имѣемъ возможности установить дѣйствительную истину; что наше сознаніе не ставитъ себѣ подобныхъ академическихъ задачъ; что все, что мы можемъ сдѣлать, это—выразить явленія въ формѣ удобной для настоящихъ цѣлей и пользоваться этимъ способомъ выраженія, какъ опытнымъ и прагматически полезнымъ объясненіемъ.

Однако, даже *объясненіе* было устранено нѣкоторыми учеными, какъ слишкомъ большое притязаніе: мы обладаемъ только способностью *описывать*. Они не только настаиваютъ на замѣнѣ вопроса *почему* вопросомъ *какъ*,—что до извѣстной степени неизбѣжно, ибо объясненія никогда не являются окончательными,—но удовлетворяются весьма отвлеченными положеніями и считаютъ математическія уравненія, по причинѣ ихъ большей надежности, болѣе предпочтительными, чѣмъ механическія аналогіи или модели.

...Если бы мы отвѣтили *главныя* направленія естественно-научныхъ споровъ настоящаго времени, то я склоненъ былъ бы утверждать, что они въ значительной степени вращаются около вопроса: кому будетъ принадлежать окончательная побѣда въ битвѣ между *непрерывностью* и *прерывностью*.

На „поверхности природы“ прежде всего мы усматриваемъ прерывность,—предметы, отдѣленные одинъ отъ другого и исчисляемые. Затѣмъ мы познаемъ воздухъ и другія среднны и такимъ образомъ устанавливаемъ существованіе непрерывности и постепенно измѣняющихся количествъ. Послѣ этого мы открываемъ атомы и численныя свойства—и еще разъ обнаруживаемъ прерывность. Вскорѣ мы изобрѣтаемъ зонръ и снова сталкиваемся съ непрерывностью. Но это, повидимому, не конецъ: что является исчерпывающимъ концомъ и существуетъ ли онъ вообще—вопросъ, на который трудно отвѣтить.

Современной тенденціей является подчеркивать прерывный или атомный характеръ всего существующаго.

Весьма замѣчательно, что была доказана атомность самого электричества, т.-е. электрическаго заряда. Электронъ является естественной единицей отрицательнаго электричества, и не долго осталось ждать того времени, когда будетъ найдена естественная единица также и положительнаго электричества.

Даже магнетизмъ стали предполагать атомнымъ, и его гипотетическая единица была названа *магнетономъ*.

Можно сказать, что и біологія становится атомичной. Она уже давно имѣла естественныя единицы въ видѣ клѣтокъ и ядеръ, и нѣкоторая прерывность выражалась границами организмовъ и стѣнками клѣтокъ; но нынѣ, въ ея законахъ наслѣдственности, какъ они были установлены Менделемъ, число и прерывность рѣзко проявляются въ воспроизводящихъ клѣткахъ.

Мы такъ далеко отошли отъ положенія, согласно которому природа не дѣлаетъ скачковъ,

что становится сомнительнымъ, дѣлаетъ ли она что-либо безъ нихъ. И, до сихъ поръ плавный, ходъ ея, болѣе детально изслѣдованный, начинаетъ походить на своего рода скачку съ препятствіями.

Прерывность не преминула оказать вліяніе даже на математику. Были изобрѣтены кривыя, которыя не имѣютъ ни касательной, ни дифференціальнаго коэфиціента.

Но не только это открыто признанные результаты являются замѣчательными; были выставлены многія болѣе трудныя и неожиданныя положенія въ этомъ же направленіи и провозглашенъ атомный характеръ *энергіи* (теорія проф. Планка о квантахъ).

Пока во всѣхъ спорныхъ вопросахъ я хочу сохранить консервативную позицію. Я принимаю новыя экспериментальныя данныя, на которыхъ основываются нѣкоторыя изъ этихъ теорій—напримѣръ, принципъ относительности—и глубоко заинтересованъ ими, но я не чувствую, чтобы они были столь революціонны, какъ думаютъ лица, ихъ установившія. Я вижу возможность удержать старое и вмѣстѣ съ тѣмъ охватить новое и настаиваю на умѣренности въ вырываніи и удаленіи основныхъ вѣхъ на научномъ пути.

Изъ нихъ главная—непрерывность. Я не могу представить себѣ проявленія механической силы черезъ пустое пространство, безразлично какъ бы оно мало ни было; непрерывная среда кажется имѣ существенно необходимой. Я не могу принять прерывности пространства или времени и не могу вообразить какого-либо рода опытовъ, могущихъ подтвердить подобную гипотезу".

* * *

„Охвативъ новое"—допустивъ возможность прерывчатости матеріи—Лоджъ, что касается „удержавія стараго", выдвигаетъ вопросъ о міровомъ эѳирѣ, „эѳирѣ пространства" и въ эѳирѣ видитъ подтвержденіе своего ученія о непрерывности.

„Эѳиръ, — повторяетъ онъ вслѣдъ за Дж. Томсономъ, другимъ столпомъ современной физики, — не является фантастическимъ порожденіемъ умозрительной философіи; онъ такъ же существенъ для насъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ... Изученіе этой всенаполняющей субстанціи есть, быть можетъ, наиболѣе привлекательная и важная задача физика".

И затѣмъ О. Лоджъ переходитъ къ болѣе субъективной части своей рѣчи,—къ тѣмъ деликатнымъ предположеніямъ, которыя сдѣлали ее предметомъ живѣйшаго обсужденія.

„Эѳиръ, конечно, не матерія, но все же нѣчто матеріальное, нѣкій матеріалъ; онъ принадлежитъ къ матеріальному міру и долженъ быть изслѣдуемъ обычными методами. Но говорить это никоимъ образомъ не значитъ отрицать, что онъ можетъ исполнять духовныя функціи въ какомъ-нибудь другомъ порядкѣ существованія, подобно тому, какъ матерія исполняетъ свои въ этомъ.

Чтобы охарактеризовать ту проѣзжую дорогу, на которой мы не въ состояніи открыть то, что окружаетъ насъ, если только оно не связано съ чѣмъ-либо, что дѣлаетъ его констатируемымъ, позволите мнѣ сдѣлать вторую цитату изъ рѣчи сэра Дж. Томсона въ Виннипегѣ въ 1909 г. Онъ обращаетъ вниманіе на фактъ, что даже отдѣльные атомы, если они вполнѣ наэлектризованы соотвѣтствующимъ атомнымъ зарядомъ, могутъ быть открыты вѣкоторыми тонкими инструментами—ихъ силовое поле вводитъ ихъ въ нашъ кругозоръ—тогда какъ нѣлое скопленіе неэлектризованныхъ атомовъ ускользаетъ отъ наблюденія.

„Малѣйшимъ количествомъ матеріи, когда-либо открытымъ, является, вѣроятно, количество неона, одного изъ недѣятельныхъ газовъ атмосферы. Проф. Стреттъ показалъ, что количество неона въ $^1/_{20}$ кубическаго сантиметра воздуха при обыкновенномъ давленіи можетъ быть открыто спектроскопомъ; по оцѣнкѣ сэра Вилльяма Рамсея, неонъ въ атмосферѣ составляетъ лишь одну часть на 100.000 частей воздуха, такъ что неонъ въ $^1/_{20}$ куб. сант. долженъ занимать при атмосферномъ давленіи объемъ въ половину милліонной доли куб. сант. Представленное въ этой формѣ количество кажется необычайно малымъ, но оно содержитъ около десяти милліоновъ милліоновъ молекулъ. Нынѣ населевіе земли опредѣляется въ 1500 милліоновъ, такъ что малѣйшее количество молекулъ, которое мы можемъ установить, въ 7000 разъ больше населенія земли. Другими словами, если бы мы не имѣли лучшихъ свидѣтельствъ о существованіи человѣка, тѣмъ о существованіи неэлектризованной молекулы, мы пришли бы къ заключенію, что земля необитаема".

Это сравненіе весьма замѣчательно, такъ какъ изъ него можно законно заключить, что мы не имѣемъ никакого права положительно утверждать, что пространство необитаемо. Все, что мы можемъ безъ опасенія сказать, это—что мы не имѣемъ средствъ открыть существованіе вѣфолапетвыхъ нематеріальныхъ жителей и что, пока они не имѣютъ какого-либо соединительнаго звена или связи съ матеріей, они должны всегда физически оставаться внѣ нашего кругозора. Истинный агностицизмъ зако-

ненъ, но никакъ не догматическія или положительныя гностическія его разновидности.

Я утверждаю, что наука не компетентна дѣлать исчерпывающія отрицанія даже относительно эѳира, что она идетъ неправильно, когда дѣлаетъ подобныя попытки. Наука не должна заниматься отрицаніями: она сильна въ утвержденіяхъ, но ничто, основанное на отвлеченіи, не должно предполагать отрицаніе внѣ своей собственной области. Часто случается, что устраняемое и игнорируемое въ одной нѣтви науки принимается во вниманіе въ другой.

Отрицаніе является не болѣе безошибочнымъ, чѣмъ утвержденіе. Существуютъ дешевые и поверхностные виды скептицизма, точно такъ же какъ дешевые и поверхностные виды догматизма; въ дѣйствительности, скептицизмъ можетъ стать вредно догматическимъ и наука должна быть на стражѣ противъ личнаго пристрастія въ отрицательномъ направленіи, такъ же какъ и въ положительномъ. Направленіе универсальнаго отрицанія можетъ быть весьма поверхностнымъ.

Для того, чтобы въ дѣйствительности отрицать, необходимо гораздо болѣе обширное знаніе, чѣмъ чтобы утверждать.

Нѣкоторые критики называли меня витализмъ, и въ извѣстномъ смыслѣ я являюсь имъ; но я не виталистъ, если витализмъ обозначаетъ обращеніе къ неопредѣленной „жизненной силѣ“ (спорный терминъ, которымъ я никогда не считалъ возможнымъ пользоваться) противъ законовъ физики и химіи. Эти законы должны быть дополнены, но никоимъ образомъ не могутъ быть отмѣнены. Задачей науки является всюду прослѣдить способъ ихъ дѣйствія такъ далеко и такъ полно, какъ только возможно; и справедливымъ является инстинктъ, сопротивляющійся средневѣковому введенію духовныхъ и невзвѣстныхъ причинъ въ научную работу. Въ наукѣ всякій призывъ къ таинственнымъ свойствамъ незаконенъ и является препятствіемъ для эксперимента и вообще для научнаго изслѣдованія; напримѣръ, когда что-либо называется дѣломъ Бога и не говорится ничего далѣе, событіе остается необъясненнымъ. Какъ конечное объясненіе, подобная фраза можетъ быть не только вѣрна, но и универсально приложима. Однако, всегда существуютъ ближайшія объясненія, которыя должны быть терпѣливо отыскиваемы и открываемы. Такимъ образомъ, молнія, землетрясенія и другія грозныя явленія природы были сведены къ естественнымъ причинамъ. Никогда не достигались конечныя объясненія, а всегда только ближайшія. Эти объясненія указываютъ, что предшествуетъ, и задачей ученыхъ является искать эти объясненія.

Существуетъ не мало біологовъ, которые, предпринявши широкій обзоръ своей области, ясно признаютъ и учатъ, что для полнаго объясненія всѣхъ дѣйствій живыхъ существъ нужно допустить существованіе нѣкоторыхъ до сихъ поръ исключавшихся причинъ. Со временъ Р. Майера неизмѣнно становилось все болѣе и болѣе достовѣрнымъ подчиненіе живыхъ существъ, подобно всему остальному, въ отношеніи превращенія работы, законамъ физики. Поведеніе военнаго корабля, стрѣляющаго ядрами и гранатами, можетъ быть выражено терминами ученія объ энергіи, но различіе, которое этотъ корабль дѣлаетъ между другомъ и врагомъ, не можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Физика, химія и механика принимаютъ видное участіе во всякомъ жизненномъ явленіи, но для полнаго пониманія этого явленія необходимо нѣчто лежащее за предѣлами физики и химіи.

Жизнь вводитъ факторъ, не подлающійся вычисленію. Причуды огня или циклона полностью могутъ быть предсказаны вычисленіемъ, если даны начальныя положенія, скорости и законъ ускоренія молекулъ; но никакой математикъ не въ состояніи опредѣлить орбиту полета обычной домашней мухи. Физикъ, въ гальванометръ котораго забрался паукъ, неизбѣжно будетъ наблюдать явленія совершенно необъяснимаго характера, пока не откроетъ ихъ сверхъестественной, т.-е. буквально сверхъфизической причины. Я беру на себя смѣлость утверждать, что жизнь вводитъ нѣчто неисчислимое и нѣлесообразное въ среду законовъ физики; этимъ она значительно дополняетъ ихъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и оставляетъ ихъ точно такими же, какими они были прежде, и подчиняетъ имъ все.

Мы видимъ только дѣйствія жизни, мы не видимъ ея самой. Превращеніе неорганическаго въ органическое всегда происходитъ подъ вліяніемъ живого организма. При этихъ условіяхъ превращеніе несомнѣнно происходитъ и можетъ быть изучено. Жизнь представляется необходимой для превращенія; оно несомнѣнно происходитъ подъ ея руководствомъ, хотя само по себѣ оно является физическимъ и химическимъ процессомъ. Многіе изъ лабораторныхъ процессовъ происходятъ подъ управленіемъ жизни и, если бы не присутствіе экспериментатора, они никогда не имѣли бы мѣста.

Что является вполнѣ несомнѣннымъ — это невозможность никакихъ проявленій жизни на землѣ внѣ матерій. Поэтому, естественно, высказываютъ или одобряютъ сужденія въ родѣ

слѣдующихъ: „Я распознаю въ матеріи потенціальную возможность всѣхъ формъ жизни“. Всѣхъ земныхъ проявленій жизни, конечно. Какъ же иначе могутъ они проявляться, какъ не черезъ матерію? „Я не вижу ничего въ организмѣ, кромѣ законовъ физики и химіи“, говоритъ также. Очень хорошо это достаточно естественно.

Это то, что они нашли; они изучаютъ физическія и химическія стороны и проявленія жизни. Но самое жизнь—жизнь, умъ, сознаніе—они не изучали и исключили ихъ изъ своего кругозора. Матерія является тѣмъ, что дѣйствуетъ на наши чувства здѣсь и нынѣ; матеріализмъ приспособленъ къ матеріальному міру, не какъ философія, но какъ рабочая гипотеза, какъ ближайшая и непосредственная формула для руководства изслѣдованіемъ. Все лежащее внѣ этого относится къ другой области и должно быть изслѣдуемо другими методами. Объясненіе психическое въ понятіяхъ физики и химіи просто невозможно; поэтому существуетъ тенденція отрицать его существованіе, разсматривать его какъ эпифеноменъ. Но всѣ подобныя философствованія неоправдываемы и являются въ дѣйствительности плохой метафизикой.

Ученые могутъ формулировать наши процессы роста и матеріальныхъ спутниковъ воли, чувства, мысли; но они не касаются таинственной руководящей сущности.

Какимъ образомъ сознаніе связывается съ матеріей, какимъ образомъ жизнь руководитъ химическими и физическими силами, какъ механическія движенія превращаются въ ощущенія—всѣ эти вопросы затруднительны и требуютъ долгаго изученія. Но фактъ существованія всего этого не допускаетъ сомнѣнія, и трудность объясненія не является аргументомъ противъ этого.

Хотя жизнь и разумъ могутъ быть исключены изъ физіологіи, они не являются исключенными изъ науки. Конечно, нѣтъ. Неразумно говорить, что что-либо по существу не поддается изслѣдованію просто потому, что мы не сталкивались съ нимъ. Между тѣмъ эта ошибка иногда дѣлается. Эфиръ не дѣйствуетъ на чувства, поэтому нѣкоторые начинаютъ говорить, что онъ не существуетъ. Разумъ часто попадаетъ въ то же положеніе. Жизнь не обнаруживается въ лабораторіи иначе какъ въ своихъ физическихъ и химическихъ проявленіяхъ, но тѣмъ не менѣе мы принимаемъ, что она руководитъ этими процессами. Она можетъ быть названа катализаторомъ *).

*) Катализаторомъ въ химіи называется вещество, однимъ своимъ присутствіемъ вліяющее на направленіе и скорость реакціи. *Ред.*

Мой долгъ напомнить вамъ и себѣ, что наши занятія не исчерпываютъ міра и что, догматизируя въ отрицательномъ направленіи и заявляя, что мы можемъ свести все къ законамъ физики и химіи, мы проявляемъ себя смѣшными и узкими педантами и далеко отходимъ отъ богатства и полноты нашихъ человѣческихъ наслѣдственныхъ правъ.

Совершенно ясно, что... если физіологическій механизмъ, посредствомъ котораго мы совершаемъ матеріальныя дѣйствія, повреждень, выраженіе мыслей и проявленіе нашей индивидуальности невозможно и соотвѣтственно страдаютъ. Это такъ подозрительно, что представляется возможнымъ предположить, что механизмъ сообщенія, образованный и работающій въ насъ, является полнаго нашего существованія и что по существу мы представляемъ собою не что иное, какъ тѣ механизмы, посредствомъ которыхъ обнаруживается наше существованіе. Мы находимъ здѣсь машину, не пользующуюся ничѣмъ, кромѣ хорошо извѣстныхъ формъ энергіи и подчиняющуюся всѣмъ законамъ химіи и физики,—было бы странно, если бы это не было такъ,—и изъ этого факта мы пытаемся вывести важныя заключенія относительно нашей природы и невозможности нашего существованія внѣ этихъ временныхъ формъ матеріальной дѣятельности и проявленій.

Мы такъ неизмѣнно пользуемся ими въ нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, что должны быть на стражѣ противъ обольщенія этой устойчивой невозможностью. Матеріальныя тѣла суть все, надъ чѣмъ мы имѣемъ какой-нибудь контроль, все, чѣмъ мы экспериментально владѣемъ; все, что мы можемъ сдѣлать съ ними, ясно для насъ; всякое заключеніе, которое мы дѣлаемъ относительно нихъ, должно быть правильно и законно. Но переступать за эту область и отрицать существованіе всякой другой, потому только, что мы не имѣемъ органа чувствъ для ея воспріятія или потому, что (подобно зеэру) она слишкомъ неизмѣнно вездѣсуща для нашего пониманія,—это значитъ искажать наши преимущества и права и обращать ихъ отъ ихъ истиннаго употребленія и приложенія къ нашему собственному заблужденію.

Безразлично, являемся ли мы безсмертными существами или нѣтъ. Мы можемъ не знать своей судьбы, но мы должны имѣть какую-либо судьбу. Отрицающіе дѣлаютъ точно такую же ошибку, какъ и утверждающіе: въ дѣйствительности отрицаніе есть утвержденіе, вы-

Мой долгъ напомнить вамъ и себѣ, что наши занятія не исчерпываютъ міра и что, догматизируя въ отрицательномъ направленіи и заявляя, что мы можемъ свести все къ законамъ физики и химіи, мы проявляемъ себя смѣшными и узкими педантами и далеко отходимъ отъ богатства и полноты нашихъ человѣческихъ наслѣдственныхъ правъ.

Совершенно ясно, что... если физіологическій механизмъ, посредствомъ котораго мы совершаемъ матеріальныя дѣйствія, повреждень, выраженіе мыслей и проявленіе нашей индивидуальности невозможно и соотвѣтственно страдаютъ. Это такъ подозрительно, что представляется возможнымъ предположить, что механизмъ сообщенія, образованный и работающій въ насъ, является полнаго нашего существованія и что по существу мы представляемъ собою не что иное, какъ тѣ механизмы, посредствомъ которыхъ обнаруживается наше существованіе. Мы находимъ здѣсь машину, не пользующуюся ничѣмъ, кромѣ хорошо извѣстныхъ формъ энергіи и подчиняющуюся всѣмъ законамъ химіи и физики,—было бы странно, если бы это не было такъ,—и изъ этого факта мы пытаемся вывести важныя заключенія относительно нашей природы и невозможности нашего существованія внѣ этихъ временныхъ формъ матеріальной дѣятельности и проявленій.

Мы такъ неизмѣнно пользуемся ими въ нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, что должны быть на стражѣ противъ обольщенія этой устойчивой невозможностью. Матеріальныя тѣла суть все, надъ чѣмъ мы имѣемъ какой-нибудь контроль, все, чѣмъ мы экспериментально владѣемъ; все, что мы можемъ сдѣлать съ ними, ясно для насъ; всякое заключеніе, которое мы дѣлаемъ относительно нихъ, должно быть правильно и законно. Но переступать за эту область и отрицать существованіе всякой другой, потому только, что мы не имѣемъ органа чувствъ для ея воспріятія или потому, что (подобно зеэру) она слишкомъ неизмѣнно вездѣсуща для нашего пониманія,—это значитъ искажать наши преимущества и права и обращать ихъ отъ ихъ истиннаго употребленія и приложенія къ нашему собственному заблужденію.

Безразлично, являемся ли мы безсмертными существами или нѣтъ. Мы можемъ не знать своей судьбы, но мы должны имѣть какую-либо судьбу. Отрицающіе дѣлаютъ точно такую же ошибку, какъ и утверждающіе: въ дѣйствительности отрицаніе есть утвержденіе, вы-

сказанное въ отрицательной формѣ. Ученыхъ считаютъ авторитетами, и они должны тщательно стараться не ввести кого-либо въ заблужденіе. Наука не можетъ выяснить судьбу человѣка; но, несомнѣнно, она не должна затемнять ее. Все остается такимъ же, какъ оно есть, независимо отъ того, открыли мы его или нѣтъ; и если мы будемъ дѣлать безразсудныя и ложныя утвержденія, потомство выяснитъ это, если оно вообще будетъ смущать свои головы мыслью о насъ. Я являюсь однимъ изъ принимающихъ, что методы науки не такъ ограничены въ своемъ примѣненіи, какъ это иногда думаютъ: они могутъ примѣняться гораздо болѣе широко, и даже психическая дѣятельность можетъ быть взучена и подведена подъ законы. Позвольте намъ, какъ бы то ни было, сдѣлать попытку. Дайте намъ равныя условія, предоставьте тѣмъ, кто предпочитаетъ матеріалистическую гипотезу, всѣми средствами развивать ихъ положенія такъ далеко, какъ они могутъ; но позвольте намъ попытаться сдѣлать, что можемъ, въ психической области и посмотрите, кто выиграетъ. Наши методы въ существѣ тѣ же самые, что и у нихъ, но наши объекты—различны. Никто не долженъ удерживать другого отъ дѣланія попытокъ.

Происходятъ ли такіе факты, какъ интуиція и откровеніе—является открытымъ вопросомъ. Нѣкоторые имѣютъ основаніе говорить, что они происходятъ и что они не должны, во всякомъ случаѣ, отрицаться заранѣе. Фактически, всегда крайне трудно отрицать что-либо, имѣющее общій характеръ, до тѣхъ поръ, пока свидѣтельства въ пользу него могутъ быть только тайными и не обнаруживающимися въ любое время, особенно, если они не должны обнаруживаться въ какомъ-либо періодѣ міровой исторіи или на какой-либо опредѣленной ступени умственнаго развитія. Мистицизмъ долженъ имѣть свое мѣсто, хотя до сихъ поръ его взаимное отношеніе къ наукѣ не было найдено. Они представляются несравнимыми и разобщенными, но вѣтъ необходимости во враждѣ между ними. Всякій родъ реальности долженъ быть провѣренъ и изученъ надлежащимъ образомъ.

Хотя я говорю ex cathedra, какъ одинъ изъ представителей правовѣрной науки, я не могу воздержаться отъ личнаго замѣчанія, суммирующаго результаты дѣйствія на мой умъ тридцатилѣтняго опыта въ изслѣдованіи психическихъ явленій, изслѣдованіи, начатомъ безъ предвзятости въ его пользу и пристрастія—наоборотъ, съ обычнымъ враждебнымъ предубѣжденіемъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности или обсуждать факты, которыми пренебрегаетъ правовѣрная наука, но я не могу воздержаться, помня, что соображенія, высказываемыя съ этой каѳедры, не являются чѣмъ-то преходящимъ, такъ какъ они остаются для критики поколѣній, нынѣ еще не рожденныхъ, знанія которыхъ неизбѣжно должны быть полнѣе и шире нашихъ. Нашъ президентъ, поэтому, не долженъ быть вполнѣ связанъ цѣпями правовѣрія настоящаго дня или ограниченъ воззрѣніями, модными въ данное время. Желая быть справедливымъ по отношенію къ себѣ и своимъ сотрудникамъ, я, даже рискуя надоѣсть моимъ теперешнимъ слушателямъ, долженъ засвидѣтельствовать наше убѣжденіе, что явленія, нынѣ разсматривая какъ оккультныя, могутъ быть изслѣдованы и классифицированы при помощи научныхъ методовъ тщательно и неуклонно примѣняемыхъ. Мало того, я заявляю, что вообще изслѣдованные такимъ образомъ факты убѣдили меня, что память и любовь не ограничены той связью съ матеріей, исключительно черезъ посредство которой онѣ могутъ обнаруживаться, здѣсь и нынѣ, и что личность существуетъ и послѣ тѣлесной смерти. Факты, на мой взглядъ, доказываютъ, что очищенный отъ тѣла интеллектъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ вступать съ нами во взаимодѣйствіе матеріальнымъ образомъ, вступая этимъ неприммымъ способомъ въ нашъ научный кругозоръ, и что мы можемъ надѣяться постепенно достигнуть извѣстнаго пониманія природы болѣе широкаго, быть можетъ, вѣчнаго бытія и условій, управляющихъ сношеніями черезъ бездну. Отвергать сознающихъ свою отвѣтственность изслѣдователей уже нынѣ высаживается на предательскіе, но многообѣщающіе берега новаго континента.

Слѣдуетъ сказать больше этого. Методы науки не являются единственнымъ путемъ, хотя это нашъ путь къ достиженію истины. „Upo itinere non potest pervenire ad tantum grande secretum“ (однимъ путемъ нельзя подойти къ столь великой тайнѣ).

Многіе ученые до сихъ поръ находятся въ попистенномъ настроеніи относительно теологіи по причинѣ того преувеличеннаго догматизма, съ которымъ сражались и который побѣдили наши предшественники въ прошломъ. Они боролись за свободу искать истину своимъ собственнымъ путемъ; но борьба была печальной необходимостью, которая повлекла за собою нѣкоторыя вредныя послѣдствія и оказала нѣкоторыя вредныя вліянія. Однимъ изъ нихъ является отсутствіе симпатій, порою прямая враждебность, къ болѣе духовнымъ видамъ истины. Мы не можемъ реально и серьезно предполагать, что истина начала появляться на этой планетѣ всего нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Прежде научное прозрѣніе геніевъ—поэтовъ, пророковъ,

святыхъ—имѣло величайшую цѣнность, и глубоко было проникновеніе этихъ вдохновенныхъ провидцевъ въ душу природы. Но смѣнившіе ихъ книжники и фарисеи, какъ бы они ни назывались, не имѣли такого провидѣнія, а лишь злов редное и безумное упрямство,—и пророки новой эры были побиваемы камнями...

Нынѣ, наконецъ, въ новый зрѣ, мы являемся вообудителями, и камни теперь въ нашихъ рукахъ; но подражать старому церковному направленію для насъ было бы безумiемъ. Не будемъ впадать въ старую ошибку, думая, что нашъ путь является единственнымъ для изслѣдованія многообразныхъ глубинъ вселенной и что всѣ остальные пути ошибочны и не имѣютъ цѣнности. Міръ есть широчайшее, что только мы можемъ себѣ представить, и никакой методъ изслѣдованія не можетъ одинъ исчерпать его сокровищъ.

Люди и братья, мы являемся хранителями истины физическаго міра, поскольку онъ научно изслѣдованъ: будемъ достойны нашей задачи.

Религія откровенія имѣетъ свои корни глубоко въ сердцѣ человѣчества и въ міровой дѣйствительности. Неудивительно, что нашими методами мы не можемъ охватить ее: дѣянія Божества не дѣйствуютъ на какое-либо особое чувство—это только общій призывъ; и наши методы, какъ мы знаемъ, не могутъ открыть полнаго единообразія. Здѣсь существуетъ принципъ относительности, и, пока мы не сталкиваемся съ изъянами, разладомъ или перемѣнами, мы и не замѣчаемъ ничего; мы глухи и слѣпы поэтому къ Ненамѣненому Величію, пока не прозрѣемъ достаточно, чтобы въ ткацкой мастерской бытія увидѣть медленно текущую со станка, въ безконечномъ движеніи къ совершенству, вѣчно обновляющееся одѣяніе непостижимаго Бога".

Загадочныя явленія.

Наука и суевѣріе.

[001:241.15]

Существуютъ поистинѣ загадочныя явленія въ человѣкѣ, которыя, несомнѣнно, очень часто имѣютъ подъ собой почву вполнѣ естественную, но только неизвѣстную намъ. Такова явленія гипнотизма, „чтеніе мыслей" и пр. Наука, къ сожалѣнію, медленно проникаетъ въ эту область, но все-таки теперь она не блуждаетъ въ темнотѣ, а, напротивъ, проливаетъ свой свѣтъ на многіе изъ фактовъ, до сихъ поръ бывшихъ необъяснимыми. Интересная книга проф. Баррэта *) между прочимъ заключаетъ въ себѣ попытку доказать право науки на изслѣдованія этого рода.

„Въ широкихъ кругахъ,— говоритъ онъ,— существуетъ желаніе узнать кое-что о спорной пограничной области между территоріей, уже завоеванной наукой, и темнымъ царствомъ невѣжества и суевѣрія; узнать, какого рода достовѣрныя доказательства существуютъ въ отношеніи обширнаго класса загадочныхъ психическихъ явленій, важность которыхъ невозможно преувеличить, если несомнѣнно установлены соотвѣтствующіе факты. Удовлетворить это назрѣвшее желаніе, хотя бы приблизительно и несовершенно,— является нашей цѣлью.

Вопросы, подлежащіе нашему разсмотрѣнію, занимаютъ обширное поле между безсознательнымъ мускульнымъ дѣйствіемъ и мистическими проявленіями нашего подсознательнаго я...

Эти явленія, даже если вѣрна лишь частица изъ всего того, что утверждаютъ легковѣрные очевидцы, открываютъ новую и весьма значительную главу въ книгѣ человѣческаго знанія. Если они истинны, то представляютъ большое и чудесное расширеніе границъ человѣческихъ способностей и позволяютъ намъ заглянуть въ бездны человѣческой личности, въ глубины, лежащія по ту сторону времени, внѣшнихъ чувствъ и внѣшнихъ вещей, и учатъ, что „природа не есть бездушная игра атомовъ, жизнь— не безсмысленное бѣдствіе, завершающееся могилой".

Но здѣсь мы встрѣчаемся, съ одной стороны, съ возраженіями многихъ религіозныхъ людей, что эти явленія принадлежатъ къ области *сверхъестественнаго*, и потому, ихъ изслѣдованіе безнадежно, если не нечестиво; съ другой стороны, видимъ снисходительное презрѣніе возвышенныхъ личностей, которыя лишь пожимаютъ плечами, разсматривая всю матерію, какъ чистое суевѣріе. Поэтому, прежде чѣмъ мы обратимся къ критическому разсмотрѣнію этихъ загадочныхъ явленій, поставимъ вопросъ, имѣется ли какое-либо дѣйствительное основаніе описывать ихъ, какъ сверхъестественныя или, какъ суевѣрныя.

Въ дѣтскій періодъ жизни человѣчества каждое рѣдкое или необъяснимое событіе, будь то на небесахъ или на землѣ, разсматривалось, какъ сверхъестественное. Затменія, кометы, метеориты и другія необычныя метеорологическія явленія представлялись сверхъестественнымъ предзнаменованіемъ или прямымъ вмѣша-

*) Баррэтъ: Загадочныя явленія человѣческой психики, „Московское книгоизд." 1914 г. 1 р. 25 к.

тельствомъ Божества. Но прогрессъ знанія показалъ, что эти и всѣ другія явленія — какъ бы они ни были таинственны и въ данное время необъяснимы — часть природы и ея порядка, т.-е. естественны, а не сверхъестественны. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ многія изъ чудесныхъ новѣйшихъ научныхъ открытій подошли бы подъ обозначеніе сверхъестественныхъ. Знать, что случилось менѣе часа тому назадъ у нашихъ антиподовъ на другой половинѣ земного шара, или слушать голосъ и разговаривать съ друзьями, пребывающими въ различныхъ мѣстностяхъ, — самыя обычныя явленія въ наше время телефона и телеграфа, не говоря уже о безпроволочной передачѣ сообщеній черезъ Атлантическій океанъ и моментальномъ фотографированіи и воспроизведеніи быстро движущихся предметовъ, — все это почиталось бы невозможнымъ или чудеснымъ.

Чудеса, — такъ утверждало большинство теологовъ, начиная со св. Августина, — не совершаются въ противорѣчіи съ природой, они не сверхъестественныя событія, а лишь переступаютъ границу того, что намъ въ данное время извѣстно о природѣ. Мы не можемъ претендовать на опредѣленіе рубежа между естественнымъ и сверхъестественнымъ до тѣхъ поръ, пока цѣлое природы не откроется нашему знанію. Если въ томъ или другомъ пунктѣ научное изслѣдованіе наталкивается на границу, то все, что лежитъ по ту сторону, есть лишь часть пока неизвѣстной природы. Такимъ образомъ, какъ бы чудесны и необъяснимы ни были извѣстныя явленія, мы увѣрены, что рано или поздно они получатъ объясненіе и займутъ мѣсто въ той или другой области обширныхъ владѣній науки.

У насъ нѣтъ достаточнаго основанія ограничить эти соображенія видимой вселенной. Безконечная цѣпь явленій, составляющая естественный порядокъ, не приходитъ къ внезапному концу тамъ, гдѣ явленія не воспринимаются болѣе нашими теперешними органами чувствъ. Наука уже признаетъ непримѣтный, невѣсомый и безконечно чудесный и свѣтоносный эѳиръ, невидимую форму матеріи, совершенно отличную отъ всего доселѣ извѣстнаго нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, само существованіе которой принимается, какъ выводъ. Одинъ выдающійся ученый выразился по этому поводу такъ: „Въ прежнія времена на предположеніе о существованіи подобной среды посмотрѣли бы, вѣроятно, какъ на очевидное доказательство сумасшествія“. Законъ непрерывности заставляетъ насъ признать, что, на какія бы неизвѣстности и загадочныя явленія мы ни наткнулись, въ видимой или невидимой вселенной, въ этомъ мірѣ или въ другомъ, мы никогда не достигнемъ границы естественнаго. Въ центрѣ и въ каждой части этой нѣтъ расширяющейся и безконечной сферы природы остается — прикрытая отъ пристальнаго, проницательнаго взгляда науки — Непостижимая и Высшая Мысль, единственно заслуживающая названія Сверхъестественной. Вѣдь самый терминъ phenomenon — явленіе, греческое слово для обозначенія явленія, подразумѣваетъ нѣчто, введенное въ границы чувственнаго и раціональнаго познанія, нѣчто, тѣмъ самымъ перестающее быть сверхъестественнымъ и становящееся другимъ проявленіемъ творческой мысли Бога. Слѣдовательно, сверхъестественное никогда не можетъ быть предметомъ наблюденія или научнаго изслѣдованія; только Божественное Существо можетъ переступить черезъ границы Своего творенія.

Вотъ почему явно неправильно говорить о видѣніяхъ и спиритическихъ явленіяхъ, какъ о чемъ-то сверхъестественномъ. Даже если будетъ установлена ихъ истинность, они не могутъ лежать по ту сторону или внѣ природы, а лишь внѣ нашего обыкновеннаго нормальнаго опыта. Они — *сверхнормальныя* явленія, и на всемъ протяженіи этой книги мы будемъ пользоваться этимъ словомъ для обозначенія предметовъ такъ называемаго психическаго изслѣдованія или изслѣдованія загадочныхъ явленій нашей психики...

Но оффиціальная наука въ цѣломъ все еще косо поглядываетъ на изслѣдованіе загадочныхъ явленій психики и говоритъ о его адептахъ, какъ о людяхъ болѣе или менѣе легковѣрныхъ и суевѣрныхъ. Что подразумѣвается подъ суевѣріемъ?

Суевѣріе можно опредѣлить какъ вѣру, не соотвѣтствующую фактамъ, когда не существуетъ связи между принимаемой причиной и воображаемымъ слѣдствіемъ, и какъ обращеніе къ суевѣрнымъ пріемамъ, когда такая вѣра разсматривается какъ приносящая помощь или несчастье. Какое-нибудь заурядное событіе могло сопровождаться однажды бѣдствіемъ, и съ тѣхъ поръ оно становится дурнымъ предзнаменованіемъ! Такимъ образомъ, случайное совпаденіе представляется суевѣрному человѣку закономъ природы. Такое неразумное направленіе мысли мы находимъ не только въ культурныя эпохи древней Греціи и Рима, но на протяженіи послѣдующихъ вѣковъ и вплоть до настоящаго времени. Оно вовсе не исключительная особенность людей легковѣрныхъ и невѣжественныхъ. Вольтеръ возвращался домой въ дурномъ расположеніи духа, когда ему случалось услышать съ лѣвой стороны крикъ во-

роны. Многіе свѣтскіе офицеры и умныя женщины боятся сѣсть въ числѣ тринадцати за столъ, точно такъ, какъ крестьянинъ боится крика совы. Вѣра въ дурныя предзнаменованія и предсказанія столь же жива въ современной Индіи, какъ въ древнемъ Римѣ. Суевѣріе начинается тамъ, гдѣ прекращаются работа разума и изслѣдованіе, и гдѣ есть только низкопробная, безосновательная вѣра. Но въ каждомъ случаѣ, когда наука входитъ въ дверь, суевѣріе вылетаетъ черезъ окно. Итакъ, въ наши дни, если мы хотимъ освободиться отъ многихъ безумныхъ и пагубныхъ суевѣрій, столь обильныхъ среди насъ, намъ слѣдуетъ направить на нихъ „вельдепріятный и ясный свѣтъ" науки...

Остается еще одна, болѣе обычная форма недовѣрія къ таинственнымъ психическимъ явленіямъ, опирающаяся на фактъ, что возражающій противъ нихъ не былъ ихъ очевидцемъ, и что ихъ нельзя воспроизвести по желанію съ цѣлью убѣдить его. Но вѣдь многіе изъ насъ никогда не были свидѣтелями паденія метеорныхъ камней на землю, однако мы вѣримъ въ ихъ существованіе, несмотря на невозможность воспроизвести паденіе метеоровъ для нашего удовольствія. Мы вѣримъ на основаніи свидѣтельства многихъ неожиданныхъ очевидцевъ. И въ области физической науки есть явленія столь же рѣдкія, трудно уловимыя и необъяснимыя, какъ и явленія въ области т. н. психическаго изслѣдованія.

Это фактъ: нашъ разсудокъ инстинктивно враждебенъ пріятію доказательства, не легко укладывающагося въ структуру существующаго знанія. Мы всѣ склонны просмотрѣть различіе между доказательствомъ, связаннымъ съ расширеніемъ нашего знанія, и доказательствомъ, заключающимъ въ себѣ прямое противорѣчіе установленнымъ законамъ, каковъ законъ сохраненія энергіи. Если телепатія, ясновидѣніе или даже существованіе безтѣлесныхъ личностей будетъ установлено на опытѣ, то это будетъ означать очень замѣтное расширеніе сферы нашего знанія, но отнюдь не противорѣчіе ему. Кромѣ того, совершенно новое открытіе, въ родѣ свойствъ радія, никогда не добилось бы признанія, если бы, привявъ аргументы Юма противъ чумы, мы отказались признать это открытіе потому, что нашъ предшествующій опытъ былъ ему совершенно противоположенъ.

Однако, быть можетъ, главное препятствіе къ общему признанію таинственныхъ психическихъ явленій заключается въ нашемъ нерасположеніи довѣриться въ этой области опыту и свидѣтельству другихъ наблюдателей, хотя бы выдающихся и компетентныхъ. Блестящія и поразительныя открытія, сдѣланныя У. Круксомъ въ физикѣ, были приняты всѣми съ почтеніемъ и вѣрой, а его не менѣе тщательное изслѣдованіе загадочныхъ психическихъ явленій почиталось большинствомъ ученыхъ недостойнымъ серьезнаго вниманія. Правда, открытія перваго рода были болѣе, открытія второго рода менѣе доступны экспериментальной провѣркѣ; но въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, отказъ отъ сужденія, выжиданіе подтверждающаго доказательства, а не пренебреженіе и презрѣніе были бы болѣе умѣстнымъ научнымъ отношеніемъ.

Отношеніе къ гипнотизму и его отважнымъ піонерамъ со стороны представителей медицинской профессіи вплоть до сравнительно недавняго періода предостерегаетъ отъ смѣшныхъ безразсудствъ, въ какія впадаетъ наука, когда она въ своемъ противодѣйствіи всякому вторженію опирается не на доказательство, а на предразсудокъ и отрицаніе. Къ несчастію, наука слишкомъ часто проявляла склонность къ систематическому отрицанію. Факты, какъ замѣтилъ однажды покойный У. Джемсъ, „отрицаются до тѣхъ поръ, пока не найдено желаемое толкованіе,— тогда ихъ принимаютъ легко и охотно". Никто не всевѣдущъ, и въ послѣднее время намъ пришлось признать столько истинъ, казавшихся нѣкогда невозможными, что намъ слѣдовало бы уже усвоить аксіому, высказанную извѣстнымъ естествоиспытателемъ Джономъ Гершелемъ: „естествоиспытатель не долженъ ничего считать невѣроятнымъ, а долженъ скорѣе надѣяться, что нѣтъ ничего невозможнаго".

...Отвращеніе, которое многіе ученые питали по отношенію къ т. н. психическому изслѣдованію, возникаетъ быть можетъ, изъ невниманія къ существенному различію между наукой о матеріи и наукой о духѣ. Согласно первой, единственныя ворота или пути воспріятія знанія — извѣстные органы внѣшнихъ чувствъ, тогда какъ вторая считаетъ, что иногда эти пути могутъ быть ободены. Главная цѣль науки о матеріи — измѣреніе и предвидѣніе, и изъ ея явленій должны быть устранены жизнь и свободная воля. Психическія явленія нельзя ни измѣрить, ни предвидѣть, какъ нельзя исключить изъ ихъ области вліянія жизни и воли или предвидѣть его.

Изученіе человѣческой личности и объема человѣческихъ способностей составляютъ главные предметы психическаго изслѣдованія. Оно уже пролило много свѣта на эти глубокія проблемы. Наше я не простая вещь, „не допускающая степеней" и „проявляющаяся лишь въ нашемъ

нормальномъ сознаніи, какъ предполагали и учили психологи прежняго времени. Наоборотъ, результаты психическаго изслѣдованія привели многихъ къ принятію взгляда, столь искусно защищавшагося Майерсомъ, что наше сознательное я, знакомое намъ въ жизни бодрствованія, лишь часть „болѣе обширнаго сознанія, болѣе глубокой способности, которая въ преобладающей мѣрѣ остается потенціальной, поскольку имѣется въ виду земная жизнь", но которая съ перемѣной, называемой смертью, можетъ воспринять къ полной дѣятельности.

Совершенно такъ, какъ экспериментальная физика показала, что каждый солнечный лучъ включаетъ въ свою сферу сильное невидимое лучеиспусканіе, помимо замѣчаемаго нами видимаго, такъ экспериментальная психологія приводитъ доказательства, что каждая человѣческая личность включаетъ сильную скрытую способность, или я, помимо знакомаго всѣмъ сознательнаго я. Майерсъ, пользуясь психологическимъ терминомъ порога или limen, назвалъ это скрытое я сублиминальнымъ. Подъ нимъ подразумѣваются всѣ разновидности психической дѣятельности, мысли, чувства и т. д., которыя лежатъ ниже порога сознанія. Этотъ порогъ слѣдуетъ мыслить не по аналогіи съ порогомъ при входѣ въ комнату, а скорѣе какъ нормальную поверхность воды въ безбрежномъ океанѣ жизни. Надъ уровнемъ океана возвышаются отдѣльные острова сознательной жизни, но эти видимыя части покоятся на невидимомъ, широкомъ, погруженномъ вглубь, основаніи. Глубоко подъ поверхностью океана всѣ отдѣльные острова соединяются въ обширномъ подводномъ ложѣ океана. Сходнымъ образомъ человѣческая личность созидаетъ отдѣльныя вершины въ бодрствующей сознательной жизни, но ея основа покоится на скрытой жизни, ниже порога, и еще глубже лежитъ океанъ вселенной и его ложе, гдѣ всѣ жизни соединяются съ Источникомъ Жизни. Сонъ и бодрствованіе—приливъ и отливъ жизни, періодически скрывающіе и снова обнажающіе вершины острововъ сознанія. На смерть можно смотрѣть, какъ на осѣданіе острова ниже уровня океана, удаленіе человѣческой жизни отъ нашего настоящаго поверхностнаго взора, который видитъ лишь фрагментъ пѣлаго человѣческой личности.

Я подсознательное не только впадаетъ слѣдами оставляемыхъ безъ вниманія прошлыхъ впечатлѣній, т.-е. скрытой памятью, но также дѣятельностями и способностями, далеко превосходящими наше сознательное я. Въ этомъ отношеніи оно походитъ на невидимое лучеиспусканіе солнца, главный источникъ всей физической и жизненной энергіи въ этомъ мірѣ. Въ проявленіяхъ высшихъ подсознательныхъ способностей нѣтъ недостатка; они всплываютъ иногда въ гипнотическомъ трансѣ, въ твореніи генія и вдохновеніи, въ ариѳметическихъ и музикальныхъ чудесныхъ талантахъ выдающихся дѣтей.

Иллюстрируемъ подсознательную дѣятельность слѣдующимъ примѣромъ, который показываетъ почти невѣроятную быстроту и легкость рѣшенія въ умѣ длинныхъ ариѳметическихъ задачъ „мальчиками-счетчиками"; они производятъ пустое, мысленное вычисленіе въ гораздо меньшее время, чѣмъ какое потребно для того же взрослымъ, даже при пользованіи карандашомъ и бумагой. Е. Блайзсъ изъ Эдинбурга разсказываетъ о своемъ братѣ Веніаминѣ:

„Когда Веніамину было около шести лѣтъ отъ роду, и онъ гулялъ однажды со своимъ отцомъ передъ завтракомъ, онъ вдругъ спросилъ: „Папа, въ которомъ часу я родился?" Въ 4 часа утра, отвѣтилъ отецъ, и сынъ спросилъ дальше: „А теперь который часъ?" 7.50 утра, былъ отвѣтъ. Ребенокъ прошелъ нѣсколько сотъ ярдовъ (англійскихъ аршинъ) молча, затѣмъ повернулся къ отцу и назвалъ число секундъ, которое онъ прожилъ со дня своего рожденія. Мой отецъ записалъ цифры, и, придя домой, сдѣлалъ вычисленіе и сказалъ Веніамину, что онъ ошибся на 172.800 секундъ, на что получилъ быстрый отвѣтъ: „Папа, вы забыли прибавить два дня для високосныхъ тодовъ 1820 и 1824"; и такъ было на самомъ дѣлѣ. Этотъ послѣдній фактъ относительно лишняго дня въ високосномъ году извѣстенъ не многимъ шестилѣтнимъ дѣтямъ, и если кто-вибудь попытается выучить обыкновеннаго шестилѣтнаго ребенка таблицѣ умноженія до 12×12, то тогда только побѣдитъ, насколько необыкновенную способность проявилъ маленькій Веніаминъ въ своемъ вычисленіи секундъ".

Его ариѳметическій талантъ не былъ результатомъ обученія, а былъ врождённой способностью или, какъ это выражаетъ Майерсъ, „проявленіемъ подсознательной силы". Въ такихъ случаяхъ обладатель таланта не можетъ объяснить, какъ онъ пріобрѣлъ его, и чудесный даръ исчезаетъ, обыкновенно, вмѣстѣ съ дѣтскимъ возрастомъ. Такъ, профессоръ Саффордъ, будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, могъ произвести правильно въ умѣ въ теченіе одной минуты умноженіе большихъ чиселъ, сумма которыхъ состояла изъ тридцати шести цифръ, но утратилъ эту способность съ возмужалостью, хотя въ зрѣломъ возрастѣ очень нуждался въ ней.

Понятіе о подсознательномъ я было введено однимъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ

послѣдняго поколѣнія, Джономъ Гершелемъ. Онъ разсказываетъ, что любопытное собственное переживаніе привело его къ вѣрѣ въ это subliminal self: „для меня стало очевиднымъ присутствіе мысли, разума, работающаго внутри нашей собственной организаціи и отличнаго отъ разума нашей собственной (сознательной) личности". Конечно, ежедневные процессы развитія, питанія и возстановленія тканей тѣла и мозга, совершающіеся автоматически и безсознательно внутри насъ, находятся внѣ власти нашей сознательной личности. Всякая жизнь вообще раздѣляетъ съ нами этотъ чудесный автоматизмъ: ни одинъ химикъ, во всеоружіи своей науки и своего искусства, не въ состояніи обратить муку въ мозговое вещество или сѣно въ молоко.

Терминъ subliminal, т.-е. находящійся подъ порогомъ или подсознательный, какъ его употреблялъ Майерсъ и какъ онъ теперь принятъ вообще, охватываетъ очень широкую область. Онъ включаетъ хорошо извѣстныя жизненныя и психическія явленія, „каковы: — (1) Такія чувственныя впечатлѣнія, которыя или остались незамѣченными, или были слишкомъ слабы, чтобы вызвать сознательно воспріятіе ихъ въ то время, когда они имѣли мѣсто, но которыя всплываютъ въ сознаніи во время покоя, сна или гипнотическаго транса, когда устранены болѣе сильныя чувственныя впечатлѣнія. Такъ, слабый свѣтъ звѣздъ выступаетъ яснѣе по мѣрѣ того, какъ блекнетъ болѣе сильный дневной свѣтъ. (2) Живая, но безсознательная сила, контролирующая физіологическіе и возстановительные процессы нашего собственнаго тѣла, глубоко подлающіеся вліянію „внушенія". (3) Высшія умственныя способности, проявляющіяся въ генін, необыкновенныхъ дѣтяхъ, гипнотическомъ трансѣ и т. д. (4) Распаданіе личности при явленіяхъ раздвоеннаго сознанія, двойного и даже многократнаго я, смѣщающаго нормальное я. Все это лежитъ въ границахъ правовѣрной психологіи. Терминъ *подсознательный* употребляется также для обозначенія (5) тѣхъ высшихъ способностей перцепированія, лежащихъ въ подсознательной глубинѣ, которыя, какъ утверждаютъ, имѣются у нѣкоторыхъ лицъ,— такова, напримѣръ, „способность видѣть безъ помощи глазъ", и далѣе (6) такія явленія, которыя возникаютъ внѣ души воспринимающагося, т.-е. или (а) въ умахъ другихъ живыхъ людей — такъ въ телепатіи, или (b) — какъ полагаютъ нѣкоторые — въ безплотныхъ душахъ, безтѣлесномъ разумѣ, человѣческомъ или иномъ. Я предпочелъ бы назвать эти послѣднія явленія (b), если они установлены, *сверхсознательными* т.-е. „лежащими сверхъ порога сознанія", но Майерсъ ограничилъ этотъ терминъ инымъ смысломъ, и имъ пользуются теперь для обозначенія всего относящагося къ нашему обыкновенному сознанію въ бодрствующемъ состояніи.

Отъ времени до времени мы наталкиваемся на индивидуумовъ, въ которыхъ подсознательное я проявляется болѣе свободно, чѣмъ у другихъ; ихъ называютъ „медіумами",— слово, правда, довольно несимпатичное. Но, какъ научное изслѣдованіе показало, что месмеристы не всѣ шарлатаны, такъ оно показало далѣе, что даже платные медіумы не всегда обманщики, хотя, конечно, было бы предпочтительнѣе пользоваться терминомъ „психистъ" или „автоматистъ". Скептики, высмѣивающіе необходимость „медіума", забываютъ о фактѣ, что всѣ физическія явленія, которыя не могутъ быть непосредственно восприняты нашими внѣшними чувствами, требуютъ содѣйствія физической среды, которая дѣлаетъ ихъ воспринимаемыми.

Такъ, невидимое лученспусканіе солнца можетъ быть изслѣдовано лишь черезъ посредство такой среды, какъ фотографическая пластинка или тонкій термоскопъ; оба они дѣлаютъ невидимые лучи видимыми для нашего зрѣнія. Сходнымъ образомъ, подсознательное я, какъ упомянуто въ предшествующей главѣ, требуетъ какого-нибудь вмѣшательства и посредничества, механическаго или сенсорнаго,— какого-нибудь автоскопа,—чтобы его дѣйствія и проявленія стали замѣтными. Слѣдовательно, имъ ничего непостижимаго или противонаучнаго въ необходимости пользоваться автоматистомъ или медіумомъ въ области явленій, превышающихъ наше сознательное воспріниманіе.

Это расширеніе человѣческихъ способностей, открывая таинственныя глубины нашего существа, помогаетъ намъ объяснить многія явленія, которыя приписывались безтѣлеснымъ человѣческимъ существамъ. Объясняетъ ли оно всѣ явленія, включаемыя въ область т. н. психическаго изслѣдованія? Смѣю думать, что нѣтъ, но въ настоящемъ намъ приходится подвигаться впередъ ощупью и расчищать дорогу для будущаго изслѣдователя этихъ неизвѣстныхъ странъ".

Двѣ мистеріи.

„Царь Іудейскій", К. Р.

[891.7—2]

Въ началѣ этого года была поставлена въ Петербургѣ, на сценѣ Императорскаго эрмитажнаго театра, новая драма, написанная извѣстнымъ августѣйшимъ поэтомъ — „Царь Іудей-

скій". Не касаясь самой постановки, вызвавшей много разговоровъ,— ни ея художественной стороны, ни той, другой, которую можно назвать „цензурной",— не касаясь и достоинствъ пьесы, являющейся не столько драмой, сколько поэтизированіемъ въ лицахъ о переживаемой за кулисами драмѣ, остановимся только на содержаніи ея. Пьеса вышла отдѣльной книжкой; кромѣ подлиннаго текста, имѣются подробные пересказы въ нѣкоторыхъ журналахъ (напр., въ янв. кн. „Нашей Старины") и газетахъ.

Дѣйствіе этой исторической пьесы-мистеріи происходитъ въ Іерусалимѣ, обнимая недѣлю отъ знаменитаго „входа" Спасителя въ этотъ городъ до Его воскресенія. Зрителю открывается сцена, запруженная народомъ. Въ глубинѣ—въ воротахъ городской стѣны—давка, задержавшая толпу. Только что торжественно въѣхалъ въ городъ „на ослятѣ" Тотъ, кого все продолжаютъ привѣтствовать и напутствовать, средн общаго шума и ликованія, кликами: „Благословенъ Давидовъ сынъ!" „Осанна!" „Царь Израилевъ, грядущій во имя Господа!.."

Въ задержанной тѣснымн воротами массѣ есть и фарисеи съ саддукеями. Послѣдніе яростно спорятъ съ восторженными почитателями „царя іудейскаго", пока римская стража не разгонитъ и тѣхъ, и другихъ. Сцена пуститъ. Выходитъ изъ города, бесѣдуя, члены синедріона Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ.

Простодушный Іосифъ никакъ не можетъ понять своего друга, передающаго ему содержаніе давней тайной бесѣды своей съ Учителемъ.

Іосифъ.

Какъ глубоко мнѣ въ душу западаютъ
Его проникновенныя слова!
Ты повторяешь ихъ съ благоговѣньемъ,
Три долгихъ года въ сердцѣ носишь ихъ,
Готовый вѣрить чистому ученью,
Ты чудотворца видишь въ Іисусѣ
И все жъ Мессію въ Немъ не признаешь?

Никодимъ.

Въ томъ глубина страданья моего,
Что сердцемъ я давно Его призналъ,
Но умъ и знаніе не допускаютъ
Увѣровать въ любимую мечту...

Іосифъ.

Не свѣдущъ я въ законѣ и пророкахъ...
И не по мнѣ ихъ глубина и мудрость.
Благоговѣйно святость ихъ я чту
И вѣрую отеческимъ преданьямъ.
Священнаго Писанія глаголы
Напоминаютъ звѣзды въ небесахъ:
Въ тиши ночей изъ темно-синей дали
Загадочно, таинственно онѣ
Льютъ намъ свое сіяніе на землю;
Восхищены истлѣнною красою,
Мы трепетно подъемлемъ взоры къ нимъ,
Но ихъ теченье въ вышинѣ безбрежной,
Непсчисленность ихъ намъ непонятны,
Ихъ свѣтлый сонмъ непостижимъ и чуждъ,
Какъ звѣздочетъ, вникающій пытливо
Въ небесъ полночныхъ огненную книгу,
Ты изучилъ пророковъ и законъ;
Я жъ отдаюсь души слѣпому чувству,
Порывамъ сердца повинуясь я...

Въ то время, какъ Никодимъ и Іосифъ дѣлятся такими мыслями, возвращаются, не замѣчая ихъ, фарисеи съ однимъ изъ саддукеевъ. Они въ этомъ уединенномъ мѣстѣ сговариваются, какъ вѣрнѣе погубить ненавистнаго имъ и опаснаго для нихъ галилейскаго „лжепророка". Невольно подслушавшій этотъ заговоръ, Іосифъ спѣшитъ разсказать о немъ супругѣ Пилата Прокулѣ, которую какъ разъ несутъ на носилкахъ изъ города.

Іосифъ не ошибся въ расчетѣ: на жену римскаго прокуратора сообщеніе его и многозначительные слова: „въ твоихъ рукахъ, о Прокула, отнынѣ жизнь Іисуса", произвели должное впечатлѣніе. Прокула все еще подъ обаяніемъ Галилеянина, котораго она тоже видѣла во время его царственнаго шествія по улицамъ Іерусалима.

„...Сегодня,— нѣтъ тому и часа (съ умиленіемъ вспоминаетъ она),—

По узкой улицѣ Онъ на ослицѣ
Протѣхалъ мимо дома моего.
Мнѣ не былъ виденъ ликъ Его сначала:
Поникла была Его глава.
Но съ домомъ, гдѣ живу я, поравнявшись,
Возвелъ Онъ очи на меня и долго
Остановилъ на мнѣ пытливый взоръ,
Ни у кого донынѣ не видала
Такого я прекраснаго лица:
Оно сіяло дивнымъ выраженьемъ
Величья, кротости и тихой грусти...
Когда на мнѣ остановилъ Онъ очи,
Какъ будто вѣчность мнѣ въ глаза глянула,
И въ неземномъ я взорѣ томъ прочла
Такую глубину любви небесной
И полноту такую милосердья,
Что мнѣ по гробъ тѣхъ глазъ не позабыть!"

Прокула жадно внимаетъ всему, что разсказываютъ ей не только о самомъ Іисусѣ, но и матерѣ, отцѣ его, и закидываетъ вопросами сопровождающую ее жену Иродова домоправителя, Іоанну, которая лично знакома съ Маріей.

„Да, Прокула,—разсказываетъ Іоанна,— Ее
давно я знаю
И счастлива, что жребій выпалъ мнѣ

Съ Ней сблизиться. Нѣтъ Женщины прекраснѣй.
Какъ въ пору вешнюю, когда природа
Какъ бы торопится явить заразъ
Всю полноту своихъ очарованій,
Когда тепломъ повѣетъ благовоннымъ,
И запестрѣютъ первые цвѣты,
И соловьи по рощамъ зарокочутъ,—
Такъ въ образѣ Маріи слилъ Творецъ
Всѣ добродѣтели и совершенства.
Въ Ней чистота безоблачнаго утра
И сумерекъ вечернихъ тишина,
И ясность нѣжная луны сіянья,
И непорочность лилій полевыхъ,
И горлицы незлобивость и кротость."

Растроганная Прокула не наслушается разсказовъ Іоанны, она требуетъ новыхъ и новыхъ подробностей. И та передаетъ эпизоды изъ дѣтства Іисуса:

„Ужъ въ дѣтствѣ
Онъ, говорятъ, сталъ чудеса творить:
Съ ребятами, бывало, птичекъ лѣпитъ
Изъ глины; у другихъ онѣ, понятно,
И остаются глиной; у Него жъ,
Ожившія, встрепенутся въ малыхъ ручкахъ,
Вспорхнутъ и съ пѣсней къ небу улетятъ.
Поздиѣй, — ужъ статнымъ юношей,—однажды
Надъ тѣмъ-то Онъ работалъ въ мастерской,
Строгалъ, и стружки въ кольца завивались
И падали, на солнцѣ золотясь.
Проходитъ мимо нищая вдовица
И проситъ подаянья. Юный плотникъ
Сталъ шарить по угламъ, проспѣ хоть сикля
У Матери, за пряжею сидѣвшей,
Но въ домѣ ни лепты не оказалось.
Тогда съ улыбкой стружку подалъ Онъ
Вдовицѣ; и мгновенно превратилась
Та стружка въ золото въ рукахъ у нищей"...

Вдругъ въ эти разсказы вплетается тихое отдаленное пѣніе: то Іисусъ съ учениками возвращается изъ города въ Виѳанію. Прокула торопливо приказываетъ рабамъ нести себя навстрѣчу идущимъ. „Еще хоть разъ мнѣ на Него взглянуть!"

Пѣніе все ближе и громче, все явственнѣе разносится въ вечернемъ воздухѣ. На небѣ высыпаются звѣзды, точно и онѣ хотятъ взглянуть на Учителя и послушать благостныя слова пѣсни.

„О, Господи! Боже спасенья,
Къ Тебѣ я взываю мольбой,
И жаркія сердца моленья
Всегда и вездѣ предъ Тобой;
И днемъ, и въ ночное молчанье
Возносятся къ небу они.
О, Боже, въ отвѣтъ на стенанье
Ты ухо Твое преклони!
Во злѣ находилъ я усладу,
Душа истомилась моя,
Я жизнью приблизился къ аду,
Страшитъ меня ярость Твоя.
Во рву, въ превсподней лежу я,
И смертная сѣнь надо мной,
И, мучась во тьмѣ и тоскуя,
Къ Тебѣ я взываю мольбой.
Ты вѣдаешь, какъ я страдаю:
Готовы глаза изомочь,
Я руки къ Тебѣ воздѣваю,
О, Боже, весь день и всю ночь.
Услышь этотъ вопль и моленья,
Я ищущъ, о, Господь, предъ Тобой!
О, Боже мой, Боже спасенья,
Къ Тебѣ я взываю мольбой!"

На звуки знакомой пѣсни бѣжитъ Вартимей, которому Іисусъ чудесно отверзъ очи. И ему тоже хочется еще разъ насладиться лицезрѣніемъ „Сына Давидова". Вартимей уже преклоняетъ благоговѣйно колѣни. Вотъ-вотъ сейчасъ покажется Онъ,— такъ близко пѣніе. Но... падаетъ занавѣсъ.

Во второмъ дѣйствіи передъ нами—роскошный „перистиль" во дворцѣ, занимаемомъ Пилатомъ. Предразсвѣтный сумракъ. Прокула поражена недобрымъ вѣщимъ сномъ, ей тяжды этой „долгой ночью" приснившимся. Ей снился Іисусъ, она слышала Его призывъ: „Иди за Мной!" Она устремилась за нимъ, и, вдругъ, на пути — пропасть съ водоворотомъ бурнаго потока на днѣ. Услышавъ снова сквозь шумъ стремнинъ тотъ же призывъ, Прокула рванулась впередъ и — стремглавъ полетѣла въ пучину...

Приходитъ Іосифъ съ страшной вѣстью, что въ рощѣ Геѳсиманской минувшей ночью схваченъ Іисусъ, что созванный съ восходомъ солнца синедріонъ, внѣ сомнѣнія, вынесетъ Іисусу смертный приговоръ. Присутствующіе потрясены. Между тѣмъ взошло солнце. Изъ храма доносятся звуки трубъ левитовъ, возвѣщающихъ наступленіе великаго пасхальнаго дня. Іосифъ предлагаетъ прибѣгнуть съ молитвою къ безсмертному Творцу, чтобы „въ этотъ день печали Онъ заступленье съ помощью" послалъ имъ.

Іосифъ.

Боже, всесильной рукою
Столько творящій чудесъ,
Ты засвѣтилъ надъ землею
Свѣтлое солнце небесъ.
Боже, не только намъ въ очи
Солнечный свѣтъ ты пролей,—

Въ сердцѣ, гдѣ сумерки ночи,
Также да будетъ свѣтлѣй!

Іоанна.

Дай мнѣ не быть малодушной.
Дай мнѣ смиренной душой
Быть неизмѣнно послушной
Волѣ твоей пресвятой.
Дай мнѣ въ часы испытанья
Мужества, силы въ борьбѣ!
Дай мнѣ въ минуту страданья
Вѣрной остаться Тебѣ!

Лія

(іудеянка, невольница Прокулы, переживающая зарю своей любви къ Александру, тоже невольнику Прокулы).

Солнце, лучомъ озарившій
Смертныя очи мои,
Дай мнѣ, людей возлюбившій,
Непрестающей любви!
Въ небѣ во слѣдъ за невластьемъ
Солнцу велѣвшій сіять,
Сердца избранника счастьемъ
Дай мнѣ всю жизнь озарять.

Александръ

(сынъ Симона Киринеянина).

Первыми солнца лучами
Ночи разсѣявшій тьму,
Чистыми дай намъ сердцами
Имени пѣть Твоему.
Трудъ повседневный, усердный,
Нами творимый въ любви,
Солнцемъ Твоимъ, Милосердный
Господи, грѣй и живи! (Встаютъ.)

Прокула.

Утра ль заря золотая,
Солнце ли юнаго дня,
Тайна ль молитвы святая
Чудно волнуютъ меня?
Сердце полно умиленья...
Что это? Слезы въ глазахъ?
Слышны ль земныя моленья
Тамъ, въ голубыхъ небесахъ?..

Опасенія Іосифа оправдались очень скоро: „первосвященники и старшины со всѣмъ синедріономъ“ уже ведутъ къ Пилату связаннаго Іисуса. На мольбы Прокулы,—„Понтій, будь твердъ на этотъ разъ“,— супругъ ея отвѣчаетъ съ досадой:

„Ужели въ твердости моей сомнѣнье
Есть у кого-нибудь? Я не пойму,
Что такъ тебя волнуетъ и тревожитъ!“

И пока гости прокуратора—новый префектъ и два трибуна—въ безпечной болтовнѣ, сплетнях, пересудахъ развлекаютъ прекрасную хозяйку, разсѣянно слушающую ихъ, тревожно прислушивающуюся къ голосамъ за сценой, Пилатъ препирается съ синедріономъ. Возвращается онъ спокойный по внѣшности, но въ глубинѣ души взволнованный: его поразило спокойное достоинство Подсудимаго. Пока прокураторъ бесѣдуетъ съ гостями, сообщающими ему, между прочимъ, поразившую его неожиданную вѣсть о страшной гибели сильнаго его покровителя Сеяна, обвиненнаго Тиверіемъ въ государственной измѣнѣ, толпа возвращается отъ Ирода съ Іисусомъ къ Пилату съ тѣмъ, чтобы онъ постановилъ рѣшеніе.

Теперь уже въ иномъ настроеніи выходитъ къ евреямъ Пилатъ. И его теперь кое-что „волнуетъ и тревожитъ“, но совсѣмъ не то, что Прокулу.

Со смерти Сеяна, „по внушеніямъ котораго іудеи были въ немилости у Кесаря“, въ Римѣ, какъ оказывается, стали совсѣмъ иначе смотрѣть на „еврейскій вопросъ“. „Нынѣ имъ (іудеямъ) возвращено благоволеніе владыки“,— читаетъ Пилатъ въ полученномъ сейчасъ официальномъ извѣщеніи. И далѣе читаетъ, что за „прозрѣніе“ къ ихъ „вѣрованіямъ и законамъ“ прокуратору Іудеи объявляется гнѣвъ Августѣйшаго.

Пилатъ чуть не въ отчаяніи.
„Куда укрыться! Гдѣ найти спасенье!
И есть ли въ цѣломъ свѣтѣ уголокъ
Невѣдомый, далекій, потаенный,
Гдѣ бъ со своей Капреи неприступной
Зловѣщій, лысый, сгорбленный старикъ,
Рукою дряхлой, сморщенной, но мощной,
Не могъ меня достать и раздавить?
Нѣтъ, не уйти отъ глазъ его всезрящихъ,
Какъ отъ грозы небесъ не скрыониться.
А потому вѣрнѣй и безопаснѣй
Чудовищу во власть себя предать“.

Заранѣе можно сказать, что участь Іисуса теперь рѣшена...

Минуты ужасныхъ душевныхъ мукъ приходится переживать Прокулѣ, Іоаннѣ и другимъ приверженцамъ Іисуса въ ожиданіи приговора. Сначала поворотъ въ отношеніи Пилата къ дѣлу вызываетъ лишь недоумѣніе. Супругѣ прокуратора передаютъ первое постановленіе его.

„Виновнымъ (заявилъ Пилатъ) не нашелъ
Я Іисуса въ преступленьяхъ, въ конхъ
Вы обвиняете Его. Итакъ,
Въ угоду вамъ Его я накажу
И, наказавъ, верну Ему свободу“.

Прокула (префекту).

Что говоришь ты? „Наказавъ“? Иль я
Ослышалась?

Іоанна.

Къ чему же наказанье,
Коль никакой не найдено вины?

Префектъ.

Я повторяю только то, что слышалъ
Такъ прокуратору говорилъ.

Прокула.

Постой...
Въ толкъ не возьму я... Если Обвиненный
Виновнымъ на судѣ не признанъ, можно ль
Наказывать Его?

Дальнѣйшее заставляетъ даже префекта воскликнуть (правда, „въ сторону“):

„Хорошъ, однако, этотъ тверды, стойкій,
Неколебимый, праведный судья!..“

А у Прокулы разрывается сердце отъ скорби, сострадания и стыда за супруга, когда вѣжавшій Александръ разсказываетъ о бичеваніи Іисуса. Она больше не въ силахъ слушать. Зачѣмъ уши, она кричитъ: „замолчи!“ И такъ выразительно въ устахъ этой римлянки слово, которое вырывается изъ глубины ея истерзанной души:

— Злодѣи!
Но горшее еще впереди...

Голосъ саддукея (за сценой).

Когда Его отпустишь,—
Ты кесарю не другъ!

Голосъ 1-го фарисея.

Затѣмъ, что всякій
Дерзающій царемъ себя назвать,
Противникъ кесарю!

Іоанна (глядѣвшая въ пріоткрытую дверь).

Смотри, какъ вздрогнулъ
И сталъ блѣе снѣга прокураторъ.

Прокула.

Трибуну знакъ онъ подалъ...

Центуріонъ.

То велитъ онъ
Опять къ народу вывести Іисуса.

Іоанна.

Да! Вотъ преторіи раскрылись двери...
Его ведутъ!..

Лія.

О, ужасъ!

Прокула.

Боги! Что
Съ Нимъ сдѣлали они!..

(Чтобы не лишиться чувствъ, прислоняется къ колоннѣ. Іоанна и Лія стараются не подпускать ее къ двери).

Лія.

Заприте
Скорѣе эту дверь!
(Центуріонъ запираетъ дверь).

Іоанна.

Не надо къ двери
Пускать ее!

Прокула.

Въ себя я прихожу...
Мнѣ лучше... Мнѣ... Пустите, ахъ, пустите!..
Зачѣмъ меня вы держите?..

(Дверь снова отворяется. Стремительно вбѣгаетъ Александръ, хватаетъ со стола кувшинъ съ лоханью и бросается къ фонтану зачерпнуть воды. Дверь остается открытой.)

Голосъ Пилата (насмѣшливо).

Се Царь вашъ!

Прокула.

Я слышу голосъ Понтія! Пустите!

Іоанна.

Молю тебя, не подходи къ той двери!

Голоса народа:

1-ый.

Возьми, возьми!

2-ой.

Распни Его!

3-ій.

Распни!

Лія.

Что дѣлаешь ты тамъ? Зачѣмъ вода?

Александръ.

Воды велѣлъ подать нашъ господинъ.
(Убѣгаетъ).

Голосъ саддукея.

На смерть!

Голосъ 1-го фарисея.

На крестъ!

Голосъ 2-го.

Возьми Его!

Голосъ 3-го.

Распни!

Голосъ Пилата (съ горькой насмѣшкой).

Царя ли вашего распну?

Прокула.

Ты слышишь?
То говоритъ мой мужъ...

Іоанна.

О, успокойся!
О, Прокула, побережись!

Голосъ 1-го фарисея.

Не знаемъ
Царя мы!

Голосъ 2-го.

Нѣтъ у насъ царя!

Голосъ 3-го.

Не нужно
Царя намъ!

Голосъ саддукея.

Царь у насъ единый: кесарь!

Прокула (вырываясь).

Пустите!.. Прочь!.. Пустите къ этой двери!
Пустите же! Все, все хочу я видѣть!

(Крики смолкаютъ).

Голосъ Пилата (послѣ молчанія).

Я умываю руки въ знакъ того,
Что неповиненъ я въ крови невинной.
За Праведника вамъ держать отвѣтъ!

Голосъ народа.

Пусть кровь Его на насъ и дѣтяхъ нашихъ!

Занавѣсъ быстро падаетъ.

Первая картина 3-го дѣйствія изображаетъ домъ и садъ Іосифа. Мимо ограды пролегаетъ скорбный путь на Голгоѳу...

Іосифъ и Никодимъ продолжаютъ бесѣду о вѣрѣ, приближаясь въ болѣе чистому и сокровенному пониманію религіи. Именно послѣднія событія въ судьбѣ Іисуса укрѣпили ихъ въ ихъ новомъ пониманіи. Затѣмъ въ буколической сценкѣ садовника Іосифа Симонъ Киринеянинъ, его второй сынъ Руфъ и Вартимей, работающіе въ саду, восхваляютъ весну. Еще вчера дулъ ледяной вѣтеръ съ Ливана; сегодня ярко сіяетъ солнце. Ласточки, радуясь веснѣ, вьютъ гнѣзда; красный гіацинтъ раскрываетъ свои кудрявые цѣты.

Въ эту идиллію, сотканную изъ солнечнаго свѣта и аромата цвѣтовъ, рѣзко врывается смертный приговоръ Іисусу. Ужасъ свершающагося непостижимъ. Римскіе воины уже воздвигаютъ крестъ; уже слышенъ издали шумъ приближающагося шествія...

Кривъ — „Ведутъ!“, и зритель слышитъ, какъ за стѣной, отдѣляющей сцену отъ дороги, движется жестокая, озвѣрѣвшая толпа, ведущая Осужденнаго на распятіе. Подъ сильные, потрясающіе аккорды музыки, въ которыхъ слышатся звуки бичеванья (выраженные впервые примѣняемыми ударами пучковъ лозы по тарелкамъ) — падаетъ занавѣсъ.

Во второй картинѣ этого дѣйствія мы присутствуемъ при разгарѣ пира, устроеннаго прокураторомъ въ честь своихъ гостей. Обязанности хозяйки заставляютъ и Прокулу возлежать за столомъ, но всѣ ея помыслы тамъ, гдѣ должна свершиться позорная казнь... Но и пирующіе неспокойны, невеселы, хотя роскошное убранство стола радуетъ взоръ и обильно льется дорогое вино: необычайный сумракъ среди дня таинственно окуталъ землю, и мракъ все сгущается. А время отъ времени, какимъ-то memento mori, настойчиво до слуха римлянъ доносится съ башни протяжный, заунывный голосъ левита:

„Молитесь о казнимыхъ!“

Въ этомъ зловѣщемъ, требуемомъ обычаемъ, воззваніи къ гражданамъ уже чудятся Прокулѣ глухіе удары по гвоздямъ, которые вбиваютъ тамъ, на Лобномъ мѣстѣ, въ Распинаемаго. Въ неизбывной тоскѣ она дѣлаетъ еще одну попытку повліять на отмѣну приговора, хоть на отсрочку его. Но тщетны ея мольбы...

А Пилатъ старается разсѣять общее тяжелое настроеніе вакхической пляской сирійскихъ рабынь. Вдругъ въ тотъ моментъ, когда гости готовы забыться въ жадномъ созерцаніи пол ныхъ зноя и граціи движеній танцовщицъ, сверкнула ослѣпительная молнія, ударилъ громъ, послышался грозный подземный гулъ. Стѣны и колонны колеблются...

Полное смятеніе на сценѣ. Гости, роняя кубки, бѣгутъ въ безпорядкѣ, сшибаются, падаютъ съ крикомъ отчаянія. Въ довершеніе ужаса гаснутъ всѣ огни и воцаряется непроницаемый мракъ. Потомъ сразу темь смѣняется яркимъ дневнымъ свѣтомъ.

Присутствующіе не могутъ притти въ себя отъ изумленія. Одна только Прокула отзвѣтъ себѣ отчетъ въ случившемся. Съ величіемъ обращается она къ мужу и гостямъ:

„Ужели вы не поняли еще?
Ужель сердца у васъ окаменѣли?
О, Понтій! Боязливо, малодушно
Ты Неповиннаго послалъ на смерть.
Знай, римскій прокураторъ Іудеи,
Намѣстникъ Кесаря и другъ его,—
Водою міра пѣлаго не смоешь
Съ себя ты той чудовищной вины!
Онъ, Праведникъ, Онъ, посланный намъ съ неба,
Овъ, Солнце истины и Божій Сынъ,
Повисъ, простертый на крестѣ позорномъ.
И вы дивитесь, что померкло солнце,
Что молніи во мракѣ заблистали,
Что разразился грозный громъ небесъ,
Что въ ужасѣ тряслись земныя нѣдра.—
Я вѣрую! Мнѣ сердце говоритъ!
Онъ испустилъ послѣднее дыханіе.
Свершилось!— Господи, Его страданье
Грѣхъ міра дольняго да искупитъ!“

Начало послѣдняго дѣйствія овѣяно дымкою тихой, нѣжной грусти, которая ташитъ въ себѣ зачатки великой радости. Ночь въ саду Іосифа Аримаѳейскаго,— теплая, весенняя, напоенная ароматами распускающихся лилій. Волна только часть прелестнаго сада съ извилистою

дорожкою, ведущею наверхъ, къ пещерѣ, гдѣ покоится бездыханное тѣло Учителя. Скорбь, слезы и воспоминанія о подробностяхъ казни объединяютъ собирающихся здѣсь вѣрующихъ. Іосифъ сидитъ въ глубокой задумчивости, надъ обрывомъ, и не замѣчаетъ даже проходящихъ мимо него съ цвѣтами и драгоцѣнными мурромъ женъ-мироносицъ, направляющихся ко гробу Господню.

Но вотъ врывается на сцену центуріонъ съ вѣстью о воскресеніи. Всѣ спѣшатъ къ мѣсту погребенія. Чудо свершилось. Непостижимое стало очевиднымъ. Даже у Никодима исчезаютъ теперь послѣднія сомнѣнія. Общее ликованіе находитъ свое выраженіе въ вдохновенномъ гимнѣ Іосифа:

„Тебѣ, Воскресшему, благодаренье!
Минула ночь, и новая заря
Да знаменуетъ міру обновленье,
Въ сердцахъ людей любовію горя.
Хвалите Господа съ небесъ
И пойте непрестанно:
Исполненъ міръ Его чудесъ
И славой несказанной.
Хвалите, сонмъ безплотныхъ силъ
И ангельскіе лики:
Изъ мрака скорбнаго могилъ
Свѣтъ возсіялъ великій.
Хвалите Господа съ небесъ,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти стратъ исчезъ,
Свѣтлѣютъ наши взоры.
Хвалите Бога, моря даль
И океанъ безбрежный!
Да смолкнутъ всякая печаль
И ропотъ безнадежный!
Хвалите Господа съ небесъ
И славьте, человѣки!
Воскресъ Христосъ! Христосъ воскресъ!
И смерть поправъ навѣки!“

„Парсифаль“ Вагнера.

[792.4]

Хотя „Парсифаль“ написанъ болѣе тридцати лѣтъ назадъ, однако его можно считать новинкой этого театральнаго сезона, такъ какъ до 1-го января настоящаго года, когда истекъ срокъ права собственности наслѣдниковъ композитора, на величайшемъ произведеніи Вагнера лежалъ строжайшій запретъ, имъ самимъ наложенный: до сихъ поръ его опера-мистерія—по убѣжденію автора, недоступная пониманію массы, „черни непосвященной“—могла исполнятся лишь въ одномъ Байрейтѣ, для „избранныхъ“, и потому для широкой публики, даже нѣмецкой, она всѣ эти годы какъ бы не существовала. Теперь, наконецъ, „Парсифаль“ вышелъ за тѣсные предѣлы маленькаго Байрейта и совершаетъ свое торжественное шествіе по всѣмъ крупнымъ центрамъ Европы.

Мы знакомимъ читателя съ идейнымъ содержаніемъ вагнеровской мистеріи, пользуясь либретто оперы, книжкой С. Свириденко „Парсифаль“ и другими пособіями.

Сюжетъ своего „Парсифаля“ Вагнеръ построилъ на старинныхъ сказаніяхъ о святомъ Граалѣ, которыя въ свою очередь составились изъ элементовъ разныхъ средневѣковыхъ христіанскихъ легендъ, кельтскихъ преданій о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ „Круглаго стола“, а также древнихъ восточныхъ (арабскихъ) сказаній. Но все имъ заимствованное Вагнеръ свободно, творчески, переработалъ и свой замыселъ расширилъ такъ, что онъ получилъ общечеловѣческое, вѣчночеловѣческое значеніе, а не узко-христіанское (въ пониманіи протестантства). Насквозь проникнутое мистической символикой, „Парсифаль“ Вагнера—по своимъ религіознымъ и философскимъ мотивамъ—даже, пожалуй, ближе къ буддизму и восточнымъ эзотерическимъ ученіямъ, чѣмъ къ христіанству. Основой же содержанія мистеріи является нѣчто, равно близкое глубочайшимъ нашимъ духовнымъ запросамъ и простѣйшему человѣческому сознанію: это—повѣствованіе о стремленіи человѣка къ Божеству, развитіе и освобожденіе божественнаго начала въ бытіи человѣчества. А главный герой мистеріи Парсифаль—это второй Мессія, искупающій своимъ самоотреченіемъ и своими страданіями эгоизмъ и порочность человѣчества.

Исходная точка легенды, составляющей фундаментъ „Парсифаля“, покоится въ христіанскомъ апокрифѣ о заповѣдной чашѣ, которою благословилъ своихъ учениковъ Спаситель на Тайной Вечери. Сохраненная благочестивою рукою, святая чаша приняла въ себя кровь Христову, струившуюся на крестѣ; чудомъ сохраняя свою священную влагу, эта чаша вѣрена была нѣкогда посланными на землю ангелами праведному рыцарю Титурелю (вмѣстѣ съ копьемъ, пронзившимъ Распятаго), и тотъ для храненія снятыя построилъ въ горахъ Испаніи крѣпкій замокъ-храмъ Монсальватъ,—обиталище благочестивыхъ воителей, связанныхъ обѣтомъ служенія Богу, почерпающихъ силу въ созерцаніи дивной чаши.

Укрѣпленные вѣрою, воители Граля посвящаютъ жизнь великимъ подвигамъ на благо людей, получая чудесную поддержку свыше въ

своемъ служеніи. Но только чистые сердцемъ могутъ служить Гралю...

Въ числѣ стремившихся получить посвященіе въ рыцари священнаго ордена былъ и Клингзоръ, отшельникъ, жившій въ сосѣдней долинѣ. Но онъ оказался недостойнымъ посвященія,—не потому, что онъ когда-то погрязалъ въ порокахъ (онъ уже успѣлъ принести искреннее раскаяніе въ своихъ тяжкихъ грѣхахъ), а потому, что—

„Не въ силахъ пылъ страстей въ душѣ смирить молитвой,
Онъ плоть себѣ самъ умертвилъ,
Мечтая такъ къ святымъ пройти“,—

пройти не прямымъ, тернистымъ путемъ борьбы съ соблазнами, а легкимъ, безопаснымъ *обходнымъ* путемъ самооскопленія... Но послѣдній путь не угоденъ Богу, и хранитель Граля отвергъ недостойнаго.

Въ ярости, въ отчаяніи, проклиная свою безполезную жертву, Клингзоръ весь загорѣлся враждою и местью противъ воинства Граля и вождя его. Предавшись дьяволу, онъ силой ада воздвигъ неподалеку волшебный замокъ, окруженный пышными садами и населенный демонски-соблазнительными красавицами, предназначенными заманивать, на вѣчную погибель, доблестныхъ и чистыхъ подвижниковъ. Уже многіе изъ рыцарей Граля позорно пали въ волшебномъ чертогѣ наслажденья, нарушивъ свои обѣты и забывъ святой долгъ. И худшимъ несчастьемъ для ордена было паденіе самого Амфортаса, сына Титуреля. Обремененный глубокой старостью, отецъ передалъ сыну главенство надъ благочестивымъ воинствомъ; новый глава братства взялся посрамить Клингзора, однако онъ не разсчиталъ своихъ силъ и поддался искушенію: коварный волшебникъ обольстилъ воителя чарами таинственной красавицы. Въ ея объятіяхъ злополучный хранитель Граля позабылъ о предпринятомъ подвигѣ, объ ожидаемой побѣдѣ надъ чародѣемъ; онъ выронилъ священное копье, которымъ вмигъ овладѣлъ Клингзоръ, и послѣдній съ торжествомъ исчезъ, нанеся Амфортасу рану въ бокъ, ту ужасную рану, что никогда не заживаетъ и причиняетъ ему невыносимыя страданія. Съ тѣхъ поръ Амфортасъ изнываетъ въ мукахъ, облегчаемыхъ только смутной надеждою на избавленіе; въ покаянной молитвѣ онъ однажды имѣлъ небесное видѣніе, обѣщавшее ему спасеніе черезъ невѣдомаго избранника:

„Любовью мудрый,
Простецъ святой,—
Жди его:
Онъ избравъ Мной“...*)

Въ Амфортасѣ и Клингзорѣ мы видимъ олицетвореніе внутренней трагедіи зрѣлаго и могучаго человѣческаго духа въ его безъисходной борьбѣ съ темными силами плоти, но олицетворена эта трагедія въ каждомъ по-своему. Оба—страстные и преступные, но одинъ—падшій навѣки и съ дьявольской гордостью пріемлющій проклятіе; другой—на мигъ соблазнившійся и терзаемый безконечнымъ раскаяніемъ...

Амфортасъ перепробовалъ уже много лѣчебныхъ средствъ, однако все напрасно. Чтобы хоть нѣсколько облегчить свои страданія, онъ приказываетъ ежедневно нести себя къ находящемуся у замка лѣсному озеру. Въ чистыхъ, освѣжающихъ струяхъ этого озера утихаютъ его невыносимыя боли, и онъ чувствуетъ себя бодрѣе. И тогда укрѣпляется его вѣра въ таинственное предсказаніе о полномъ исцѣленіи.

Однажды въ тотъ моментъ, когда Амфортасъ, погруженный въ воду, увидѣлъ въ кружащемся надъ озеромъ дикомъ лебедѣ доброе предзнаменованіе, чья-то рука вдругъ сразила птицу насмерть стрѣлой. Убійцей оказался невѣдомо откуда взявшійся, невѣдомо какъ проникнувшій въ священные предѣлы Граля прекрасный юноша съ довѣрчивымъ и чистымъ взглядомъ.

Приближенные Амфортаса—рыцари и пажи—поражены, возмущены: въ этомъ блаженномъ краю, гдѣ царитъ законъ милосердія, гдѣ всѣ твари лѣсныя подъ его защитой, гдѣ никто не губитъ птицъ и звѣрей и всѣ они довѣрчиво приближаются къ людямъ,—совершено дерзкое преступленіе... Нарушителя мира схватили и ведутъ къ Гурнеманцу, одному изъ главныхъ стражей Граля. Юноша не противится, удивленный, не понимая, въ чемъ его вина. Старый воитель заговариваетъ съ нимъ; безъ гнѣва, съ ласковою грустною строгостью, показываетъ ему окровавленнаго лебедя, раскрываетъ передъ нимъ всю грубую жестокость безцѣльнаго убійства прекрасной птицы. Пришелецъ слушаетъ, смущается, впервые задумываясь надъ тѣмъ, что сдѣлалъ; и вдругъ, въ дѣтскомъ порывѣ раскаянья, ломаетъ и бросаетъ свой лукъ.

Старикъ еще ласковѣе говоритъ съ нимъ, разспрашиваетъ, кто онъ, откуда. Но незнакомецъ на всѣ вопросы отвѣчаетъ; „Я не знаю“. Онъ знаетъ только, что у него есть любящая мать, близъ которой онъ росъ въ дальнемъ пустынномъ краю, въ глуши лѣса. Гурнеманцъ

*) Парсифаль, или „Фальпарси“, по-арабски означаетъ *простой-чистый*.

слушаетъ пришельца почти пренебрежительно, начиная считать его просто глупымъ мальчикомъ. Ему и въ мысль притти не можетъ, что этотъ юный стрѣлокъ не кто иной, какъ будущій великій Избавитель, избранникъ Божій, Парсифаль.

Выясняется мало-по-малу исторія юноши. Отецъ его погибъ въ бою прежде рожденья сына, и мать, боясь рокового жребія мужа, нарочно растила мальчика въ лѣсной глуши, ничему не уча его, вдали отъ людей и отъ опасностей, но отрокъ, увидя разъ блестяще вооруженныхъ всадниковъ, страстно захотѣлъ послѣдовать за ними; онъ убѣжалъ отъ материнскаго крова и все шелъ и шелъ пустыней горной, надѣясь догнать всадниковъ. Со своимъ лукомъ онъ побѣждалъ встрѣчныхъ разбойниковъ, лѣсныхъ чудовищъ и великановъ, самъ не подозрѣвая, что совершаетъ опасные подвиги...

Гурнеманцу ясно, что передъ нимъ чистый душою простецъ, а такъ какъ такимъ открытъ доступъ въ чертоги св. Граля и къ братской трапезѣ, онъ уводитъ юношу съ собою въ замокъ.

Тотъ, слыша уже не разъ это имя—Граль, спрашиваетъ:

— Что значитъ Граль?

— Сказать нельзя; но если ты его избранникъ, ты эту тайну самъ узнаешь,—отвѣчаетъ старый хранитель Чаши. И затѣмъ прибавляетъ:—Ну, вотъ! Теперь я вижу, что ты чистъ: къ нему вѣдь нѣтъ совсѣмъ пути, только тотъ проникнетъ къ Гралю, кого онъ самъ къ себѣ направитъ...

Дѣйствительно, путь таинственнымъ образомъ развертывается передъ ними, — какъ бы самъ идетъ навстрѣчу: мѣстность, сцена постепенно мѣняется, двигаясь все въ одну сторону; долина, лѣсъ исчезаютъ, появляются окрестности замка—ущелья, стѣноподобные утесы, потомъ и самый замокъ во всемъ своемъ великолѣпіи и величіи.

Юноша не можетъ надивиться: онъ только успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, а какъ много уже они прошли!..

— О да, мой сынъ,—говоритъ на это водитель.—Въ пространствѣ время здѣсь...

И когда, наконецъ, подъ все возрастающій колокольный перезвонъ, путники вступаютъ въ священную обитель Граля—въ высокій залъ, съ колоннами, съ купололомъ, исчезающимъ въ вышинѣ, откуда льются потоки свѣта,—Гурнеманцъ обращается къ ошеломленному, очарованному Парсифалю со словами:

„Теперь внимай! Мнѣ надо знать:
Ты сердцемъ чистъ и простъ,
Но *мудростью* какой ты надѣленъ?“

Подъ величественными сводами собираются всѣ обитатели замка,—на торжество братской трапезы.

Парсифаль видитъ просвѣтленныя лица рыцарей, слышитъ торжественный гимнъ въ честь святыни Граля, возвышающейся въ завѣшенномъ ковчегѣ, на каменномъ престолѣ; но ему непонятно все, что онъ видитъ.

Амфортасъ медлитъ приступить къ таинству. Со времени своего грѣхопаденія, ему стоитъ нечеловѣческихъ мукъ выполнять возложенный на него долгъ — открывать чашу Граля взорамъ вѣрующихъ: при видѣ крови Христовой нестерпимо усиливаются его физическія страданія, и кровь его, кровь грѣшника, осквернившая священное копье, снова льется изъ раны; но еще ужаснѣе тоска и пытка нравственная, которую ему „приноситъ видъ, отрадный всѣмъ другимъ“.

Между тѣмъ престарѣлый Титурель, чья жизнь еще длится только чудодѣйственною силою Граля, жаждетъ созерцанія святыни. Какъ изъ могилы звучитъ его голосъ—изъ каменной ниши, гдѣ онъ покоится уже много лѣтъ, въ молитвенномъ забытьѣ. Онъ проситъ Амфортаса открыть чашу. Тотъ умоляетъ отца еще разъ выполнить самому священный обрядъ; но Титурель не можетъ это сдѣлать, старость лишила его силъ. Въ отчаяніи Амфортасъ молитъ не открывать святыни и взываетъ къ небесамъ о пощадѣ, объ избавленіи отъ тяжкаго позора грѣха, отъ горькой казни, какою является для него служеніе святынѣ. Онъ проситъ у Бога искупительной смерти-избавительницы и въ полномъ изнеможеніи падаетъ навзничь на свое ложе. Съ вышины звучатъ надъ нимъ молитвенные голоса отроковъ, повторяющіе небесный обѣтъ избавленія.

По повелѣнію Титуреля, отроки открываютъ Граль. Страшнымъ усиліемъ овладѣвъ своею волею, Амфортасъ приступаетъ къ таинству. Онъ возноситъ чашу, при пѣніи заповѣдныхъ словъ:

„Примите плоть и кровь Мою,
Таковъ завѣтъ Любви!“

Въ чертогѣ сначала воцаряется сумракъ, потомъ полный мракъ; и вотъ яркій лучъ небеснаго свѣта озаряетъ съ высотъ вознесенную хрустальную чашу, и отъ нея исходитъ неземное алое сіяніе, наполняющее весь чертогъ. Таинство свершилось. Амфортасъ благословляетъ хлѣбъ и вино. Чертогъ снова свѣтлѣетъ, отроки ставятъ чашу снова въ ковчегъ, и начинается братская трапеза. Рыцари Граля садятся у столовъ, мальчики разносятъ хлѣбъ и вино. Гурнеманцъ, сѣвъ, приглашаетъ и Парсифаля занять мѣсто рядомъ: но юноша сто-

нтъ точно въ оцѣпенѣніи, безмолвно и недвижно, пораженный чудеснымъ видѣніемъ.

Страданія Амфортаса между тѣмъ возобновились, кровь снова хлынула изъ раны. Его поддерживаютъ отроки и затѣмъ уносятъ въ торжественномъ шествіи. Парсифаль продолжаетъ стоять оцѣпенѣло, но уже теперь потрясенъ онъ видомъ страшныхъ мукъ и стонами несчастнаго.

Гурнеманцъ подходитъ къ нему и трясетъ его за руку.

— Ты что же стоишь? Понялъ или нѣтъ?

Юноша, судорожно схватившись за грудь, подавленно дѣлаетъ знакъ отрицанія.

Тогда старый рыцарь сердито выталкиваетъ его вонъ и захлопываетъ за нимъ дверь, со словами:

„Да—ты, я вижу, только глупъ!
Вонъ ступай! уходи скорѣй!
Но слушай мой совѣтъ:
Впредь лебедей ты въ покоѣ оставь!
Ищи-ка, гусенокъ, гусей!.“

А съ вышины опять доносится торжественно-ласкающій голосъ:

„Любовью мудрый,
Простецъ святой“...

Во второмъ дѣйствіи передъ нами—заколдованный замокъ Клингзора. Въ башнѣ, среди таинственныхъ приборовъ и чародѣйскихъ изображеній, волшебникъ приступаетъ къ заклинаніямъ. Продолжая свое мщеніе рыцарямъ Монсальвата и надѣясь овладѣть самимъ Граалемъ, онъ задумалъ погубить Парсифаля, чуя въ немъ новаго соперника ненавистной святыни. На помощь себѣ Клингзоръ призываетъ могущественную темную силу: силу грѣховнаго чувственнаго обаянія, воплощенную въ таинственной красавицѣ, поднимающейся на его зовъ изъ подземнаго мрака.

Красавица эта—Кундри. Въ этой женщинѣ воплощенъ мятущійся грѣшный духъ, уже много вѣковъ живущій двойною жизнью и терзаемый раздвоемъ своей двойственной природы. Грѣхъ и раскаяніе попеременно властвуютъ ею, и въ этомъ ея проклятіе, которое она несетъ за то, что смѣялась, когда Христа вели на Голгоѳу.

Въ пору раскаянья она живетъ дикаркой, отшельницей близъ Монсальвата, трудится для служителей святыни, униженная и смиренная; но приходитъ пора, она впадаетъ въ тяжкій сонъ, отъ котораго пробуждается дочерью ада, гордой жрицей сладострастья, одаренной всепобѣждающею гибельною красотою и подвластной злой волѣ Клингзора. Ужасъ ея жизни въ томъ, что память ея хранитъ оба разныя существованія: въ смиреніи она помнитъ о грѣхѣ, среди грѣха томится жаждою избавленія. Но избавить ее можетъ только тотъ, кто отвергнетъ чары ея красоты—а донынѣ никто не могъ ей противостоять. — „О ужасъ, ужасъ!—скорбитъ она.—Всѣ—слабы, всѣхъ проклятье губитъ пытаетъ со мною!..“ Она погубила Амфортаса, какъ и множество другихъ до него. Теперь Клингзоръ хочетъ, чтобы она соблазнила и Парсифаля.

Тщетно пытается Кундри противиться заклинателю. Она стонетъ и борется съ темною силою соблазна: „Не хочу!.. нѣтъ! ты меня не принудишь“... Но противъ Клингзора она безсильна. Одинъ только онъ, *скопецъ*, могъ не поддаваться ея чарамъ, тѣмъ и подчинилъ ее своей власти.

Парсифаль уже приближается къ замку волшебника. Клингзоръ сзываетъ своихъ рыцарей (соблазненныхъ его волшебными дѣвами и навѣки оставшихся въ проклятомъ замкѣ). Почти безоружный, юноша безстрашно вступаетъ въ бой, за которымъ Клингзоръ и Кундри слѣдятъ съ башни.

Парсифаль, одолѣвъ перваго противника, вырываетъ у него мечъ и бьется съ остальными. Вскорѣ, онъ побѣждаетъ всѣхъ. Раненые воители бѣгутъ и скрываются въ замкѣ. Юный побѣдитель слѣдуетъ за ними и останавливается у ограды, пораженный чарующимъ видомъ волшебнаго сада... Клингзоръ съ торжествомъ замѣчаетъ внезапное отсутствіе Кундри: она уже въ саду—ждетъ свою жертву... „Ты, ребенокъ! — грозитъ онъ издали Парсифалю:—что бы ни прочило тебѣ предсказаніе, ты слишкомъ юнъ и глупъ, чтобы бороться со мной. Твоя чистота отнимется у тебя, и тогда ты будешь въ моей власти!“

Башня исчезаетъ, на мѣстѣ ея является садъ.

Этотъ садъ прекраснѣй всѣхъ садовъ на землѣ. Роскошныя растенія причудливо переплетаются, высятся и стелются, гнутся подъ пышнымъ покровомъ цвѣтовъ и плодовъ, чаруя жаркими переливами дивныхъ красокъ, опьяняя невѣдомыми ароматами, лаская и туманя всѣ чувства своею заколдованною красотою...

Посреди этой растительной роскоши появляются, маня и волнуя такою же чародѣйною прелестью — шесть нѣжныхъ юныхъ красавицъ въ сіяющихъ полупрозрачныхъ одеждахъ.

Онѣ прибѣгаютъ съ жалобными криками, напуганныя приходомъ незваконца, побѣдившаго и изранившаго ихъ возлюбленныхъ рыцарей. Но при видѣ простодушнаго юнаго красавца, входящаго въ садъ, ихъ ужасъ проходитъ. Онѣ начинаютъ заигрывать съ нимъ, словно бабочки, окружаютъ его съ веселою

болтовнею, дерзкими ласками надѣясь вовлечь его въ любовную игру... Юноша спокойно смотритъ на нихъ чистыми глазами и отстраняетъ ихъ нѣжныя руки, не понимая ихъ соблазнительнаго вызова. Однако, онѣ надоѣдаютъ ему, онъ досадуетъ, хочетъ бѣжать...

Но вотъ изъ цѣлующаго куста слышится ласкающій зовъ: „Парсифаль!“ Смущенный при звукѣ своего имени, онъ приближается и видитъ на ложѣ изъ цвѣтовъ полуобнаженную величаво прекрасную женщину. Это Кундри во всей своей торжествующей гибельной красотѣ. Кундри властно удаляетъ беззаботныхъ красавицъ; съ робкимъ сожалѣніемъ покидаютъ онѣ гостя въ саду...

Теперь она сама заговариваетъ съ юношей, кротко и вдумчиво,—говоритъ о его матери, о его дѣтствѣ... Юноша довѣрчиво и радостно слушаетъ, слышитъ знакомыя воспоминанія дѣтства, но узнаетъ и много новаго о своемъ отцѣ, о себѣ.

И вдругъ узнаетъ ужасную вѣсть: его мать умерла. Внезапные изнѣлавъ страданіе, онъ горько рыдаетъ, упрекая себя за ребяческую безпечность, съ какою онъ забылъ о матери, ища подвиговъ и чудесъ на чужбинѣ.

Кундри утѣшаетъ его коварно ласковыми словами, съ притворною материнскою кротостью: „любовь утѣшитъ тебя“... шепчетъ она, „прими первый привѣтъ любви!“ И она цѣлуетъ довѣрчиваго юношу.

Но елва этотъ поцѣлуй, долгій и страстный, обжегъ его уста, Парсифаль вырывается съ крикомъ. Онъ вспомнилъ Амфортаса... Наконецъ-то онъ понялъ страданія несчастнаго, его рану, его смертельную боль стыда и скорби при видѣ святой Чаши. Онъ понялъ эту рану, потому что теперь „раненъ“ и самъ онъ—въ сердце:

„Здѣсь—въ сердцѣ—огонь!
Томленьемъ, ужасньмъ томленьемъ
Я весь охваченъ и скованъ весь!
О! мука страста!“...

Внезапно постигшій значеніе грѣха и грозящаго ему осквернѣнія,—Парсифаль страшнымъ усиліемъ воли подавляетъ соблазнъ и отталкиваетъ обольстительницу. Напрасны ея чары и мольбы. А она уже не помышляетъ о его гибели. При видѣ мужественной твердости, при видѣ глубины страданія и сознанія, проснувшимся въ этомъ ребенкѣ,—она перестаетъ быть хищною обольстительницею, она чувствуетъ, что сама любитъ его, любитъ безумно. Она готова купить часъ блаженства вѣчною гибелью и въ страстной тоскѣ повѣряетъ ему весь ужасъ своей раздвоенной жизни, моля о сострадавіи, вѣря, что его любовь спасетъ ее.

Но Парсифаль сердцемъ знаетъ, что только чистый сможетъ спасти другихъ, что лишь долгимъ служеніемъ ближнимъ, забывъ о собственномъ счастьѣ, сможетъ онъ достигнуть избавленія—а тогда дастъ спасеніе и Кундри.

Онъ готовъ покинуть ее. Въ отчаяніи, въ ярости, отвергнутая заклинаетъ путь, который ищетъ онъ,—путь къ св. Граалю.

„Ну, что жъ—бѣги отсюда прочь,
Блуждай дорогою любви!
Но путь, что ты ищешь,—
Тотъ путь найти ты не сможешь!“

Она призываетъ на помощь Клингзора, и тотъ направляетъ на юношу заповѣдное копье. Но оружіе, брошенное въ Парсифаля, не поражаетъ его, а повисаетъ надъ нимъ въ воздухѣ. Парсифаль схватываетъ древко и описываетъ въ воздухѣ знаменіе креста: „Этимъ знакомъ разрушаю я твои чары!“

Садъ, волшебный замокъ,—все съ грохотомъ проваливается въ землю. Кундри съ крикомъ падаетъ. Кругомъ невѣдомая пустынная мѣстность, и Парсифаль, вооруженный святымъ копьемъ, удаляется, безъ гнѣва обращаясь къ Кундри съ прощальными словами: „Ты знаешь, гдѣ найти меня снова!..“

Прошли долгіе годы...

Весеннее утро въ годовщину святого дня, Страстной пятницы, озаряетъ красивую цвѣтущую мѣстность близъ Монсальвата.

Гурнеманцъ, теперь уже древній старецъ, въ одеждѣ отшельника, выходитъ изъ своего скита, заслушавъ глухой стонъ въ терновыхъ кустахъ. Онъ находитъ тамъ безчувственное тѣло Кундри и приводитъ ее въ сознаніе. Очнувшись, она, какъ бывало, принимается за работу—собираетъ хворостъ, ищетъ коренья; но старецъ замѣчаетъ въ ней глубокую перемѣну. Угрюмая дикость исчезла, она спокойна и тиха; пылавшіе когда-то глаза смотрятъ ясно и кротко. Въ то время какъ она уходитъ въ скитъ, неся ведро съ водой,—Гурнеманцъ видитъ незнакомаго рыцаря въ черныхъ доспѣхахъ, направляющагося къ нему медленно, задумчивымъ шагомъ. Не поднимая забрала, черный рыцарь безмолвнымъ поклономъ отвѣчаетъ на привѣтъ Гурнеманца и молча сидитъ, видимо отдыхая, на пригоркѣ у источника. Старецъ замѣчаетъ рыцарю, что онъ долженъ снять оружіе, вступая въ священные предѣлы, въ особенности въ праздникъ Великой пятницы. Незнакомецъ молча киваетъ, потомъ, всадивъ въ землю копье, складываетъ передъ нимъ щитъ, мечъ и шлемъ; и, преклонивъ колѣни, въ молчаніи молится.

Гурнеманцъ, всмотрѣвшись, узнаетъ Парсифаля; вѣдь это тотъ глупый юноша, убившій лебе-

да... Вдругъ Гурнеманцъ охнулъ: онъ узналъ и копье, — святое копье, похищенное Клингзоромъ!.. При его радостномъ возгласѣ Парсифаль оборачивается и привѣтствуетъ его. Онъ повѣствуетъ о томъ, какъ искалъ въ трудахъ и страданіяхъ путь къ Монсальвату, къ Амфортасу, „чей стонъ однажды въ сердце мнѣ проникъ" и котораго призванъ онъ исцѣлить; повѣствуетъ о бояхъ, гдѣ онъ принялъ несчетныя раны,— никогда не пуская въ дѣло святое копье, дабы не осквернить его. Восторженно благословляетъ Гурнеманцъ возвращеніе копья: благая вѣсть такъ желанна для всѣхъ!

Парсифаль узнаетъ, какая скорбь воцарилась въ замкѣ Граля. Амфортасъ, не въ силахъ болѣе сносить муки при видѣ святыни, отказался навсегда отъ совершенія таинства, надѣясь, что такимъ путемъ онъ, наконецъ, добьется смерти и конца мученій. Долгіе годы таинство не совершается, братство рыцарей лишено созерцанія Граля, лишено причастія божественной пищи и его благодатной силы. Старый Титурель, чья жизнь длилась лишь чудотворной властью Граля, скончался въ тяжкой скорби; остальные рыцари лишились своей чудесной силы и поддержка свыше, и Божественная Воля не посылаетъ ихъ болѣе на подвиги... Безъ вождя, безъ прежней мощи и вѣры въ себя, печально влачатъ свою жизнь прежніе радостные подвижники. И въ тоскѣ по старомъ господинѣ удалился Гурнеманцъ въ пустынный скитъ, моля о скорой смерти...

Слыша эти вѣсти, Парсифаль въ ужасѣ винитъ себя, свое прежнее легкомысліе, во всемъ случившемся; почти безъ чувствъ онъ опускается на траву, поддерживаемый Гурнеманцемъ. Кундри, снявъ повязки латъ, смиренно омываетъ ему ноги, потомъ достаетъ съ груди своей золотой фіалъ съ муромъ и, помазавъ ноги избранника, отираетъ ихъ своими волосами. Рыцарь, сознавая свое предназначеніе, проситъ Гурнеманца тѣмъ же муромъ умастить его голову, какъ царственному властителю Монсальвата, и старый оруженосецъ Титуреля совершаетъ помазаніе.

Гурнеманцъ затѣмъ торжественно говоритъ ему.

„Ты, претерпѣвъ Спасителя страданья,
Послѣдній грѣхъ сними съ главы Его".

И новый помазанникъ творитъ свое первое таинство: окропляетъ водою колѣнопреклоненной Кундри, говоря: „Прими крещеніе и вѣрь въ Искупителя!" Избавленная наконецъ отъ проклятія, она плачетъ блаженными слезами. Парсифаль нѣжно цѣлуетъ ее въ лобъ.

Между тѣмъ, природа чудесно преображается вокругъ нихъ: все цвѣтетъ, просвѣтленное новою красотою. Это „чары Страстной пятницы" — сіяющее оживленіе всего міра, возрожденнаго смертью Искупителя. Потому что въ Вѣчности не день Воскресенія является днемъ великаго торжества искупающей Любви Божіей—а именно этотъ день, когда искупленіе *совершилось* и Спаситель, плотію почившій, божескимъ духомъ Своимъ вознесся въ рай къ Отцу: все сущее въ этотъ день распѣтаетъ и преображается, радуясь въ небесахъ возвращенному Мессіи, радуясь на землѣ освобожденному отъ грѣха человѣчеству...

Гурнеманцъ надѣваетъ на избранника плащъ рыцарей Граля и торжественно ведетъ его, въ сопровожденіи Кундри, къ замку.

Какъ въ первомъ дѣйствіи, мѣстность мѣняется, путь приближается къ замку. Идущіе скрываются отъ врателей среди скалистыхъ твердынь...

И вотъ открывается торжественный чертогъ Граля, гдѣ собрались всѣ рыцари для скорбнаго торжества: погребенія Титуреля.

Амфортасъ, казня себя за смерть отца, причиненную его отказомъ совершать таинство—рѣшилъ въ этотъ день вновь совершить его, претерпѣть всѣ грозящія муки по искупленіе своей вины. Но когда наступаетъ пора открыть Граль, Амфортасъ отшатывается въ дикомъ ужасѣ, при мысли, что созерцаніе чаши снова продлитъ его жизнь и его невыносимыя муки.

„Нѣтъ!—кричитъ онъ въ бѣшеномъ отчаяніи, чувствуя какъ, грѣшная кровь уже хлынула изъ его раны при приближеніи таинства: —Безумцы! кто принудитъ меня жить?!.. Пусть я умру!" Раскрывъ одежду на груди, онъ обнажаетъ свою страшную рану: „Обнажите мечи, всѣ! разите, убейте грѣшника и его муки!.."

Въ то время, какъ всѣ поражены ужасомъ,— незамѣтно вошедшій Парсифаль является передъ Амфортасомъ и протягиваетъ святое копье: „Рану исцѣлитъ то копье, что ее нанесло!" Совершается чудо: рана закрывается. Исцѣленный и прощенный Амфортасъ, съ восторгомъ просвѣтлѣнія на лицѣ, склоняется на руки Гурнеманцу.

„Отнынѣ я заступаю твое мѣсто" торжественно объявляетъ Парсифаль.

Въ благоговѣйномъ восхищеніи привѣтствуютъ всѣ новаго царственнаго Избранника и возвращенное копье въ его рукѣ. Парсифаль под-

нимается къ престолу Граля, сперва молится, прекловивъ колѣна, въ молчаніи, потомъ возноситъ Чашу, совершая таинство. Въ то время, какъ Кундри, освобожденная отъ искупительнаго земного бытія, въ молитвенномъ просвѣтлѣніи опускается мертвая у ступеней престола, голоса вѣрующихъ сливаются въ дивномъ благодарственномъ общемъ гимнѣ, и всѣ склоняются передъ возносящимъ Чашу Парсифалемъ, тогда какъ на него нисходитъ лучъ горняго свѣта и небесный Голубь осѣняетъ бѣлыми крылами его чело. И въ священномъ пѣніи звучитъ таинственный божественный обѣтъ:

„Благодати высшее чудо—
Искупителю—искупленье!"

Куинджи.

[92(К):7]

Это имя, одно изъ славнѣйшихъ въ исторіи нашей живописи, въ свое время блиставшее такимъ же ослѣпительнымъ свѣтомъ, какъ и краски на картинахъ носителя этого имени, теперь засіяло вновь — на фонѣ посмертной выставки великаго мастера. Дава, наконецъ, широкой публикѣ возможность увидѣть богатѣйшее, до тѣхъ поръ окруженное тайной, наслѣдіе Куинджи, именно тѣ его пейзажи, которые онъ создавалъ въ послѣдніе десятилѣтія своей жизни, тщательно скрывая плоды своей работы даже отъ друзей и любимыхъ учениковъ.

Предварительно „Общество имени А. И Куинджи", очень кстати, выпустило въ свѣтъ (еще въ прошломъ году) монографію о покойномъ художникѣ, написанную М. П. Невѣдомскимъ и И. Е. Рѣпинымъ. Необычайно яркая и удивительно оригинальная личность Куинджи не можетъ не представлять огромнаго интереса, и интересъ этотъ усиливаютъ нѣкоторыя загадочныя обстоятельства его жизни и творчества, надъ которыми немало ломали голову современники его, въ особенности товарищи по искусству.

Необыкновенно интересна и внѣшняя судьба знаменитаго пейзажиста. Сынъ сапожника (грека), рано потерявшій родителей, Куинджи началъ свою житейскую карьеру съ пастьбы гусей... А кончилъ—обладателемъ милліоннаго почти состоянія, основаніе которому положено было вовсе не сбытомъ прославленныхъ картинъ, какъ это естественнѣе всего подумать, а счастливой перепродажей случайно купленнаго дома.

Образованія нашъ художникъ не получилъ никакого, если не считать кратковременнаго пребыванія въ маріупольской городской школѣ. Своимъ умственнымъ развитіемъ, высокой интеллигентностью, которою впослѣдствіи поражалъ многихъ „глубокомысленный грекъ" („бураидилъ землю насквозь" своими мыслями по тому или другому вопросу,—какъ образно выразился Рѣпинъ), онъ обязанъ былъ исключительно самому себѣ, точно такъ же, какъ и художественнымъ развитіемъ своимъ и своей сказочной славой. *„Самъ-одинъ"*—вотъ девизъ и формула всего его творчества и всей его жизни.

Еще юношей,—когда Куинджи, служа ретушеромъ у фотографа, осваивалъ свое призваніе,—рвется онъ въ академію художествъ. Но упорная мечта его сбывается не сразу. Два раза держитъ Куинджи экзаменъ— и оба раза проваливается. Во второй разъ изъ 30 экзаменующихся забракованнымъ оказался онъ *одинъ*— оказался „хуже всѣхъ". Однако принятія въ академію онъ добился-таки (на двадцать восьмомъ году жизни), заставилъ себя принять: дорогу туда открыла ему выставленная имъ картина „Татарская сакля", на которую уже не могли не обратить *благосклоннаго* вниманія профессора академіи.

Итакъ, наконецъ, Куинджи у цѣли своихъ мечтаній, но вотъ довольно скоро, „въ одинъ прекрасный день, — разсказываетъ М. Невѣдомскій со словъ товарищей А. И.,— Куинджи исчезаетъ изъ академіи. Всѣ недоумѣваютъ, считаютъ его уѣхавшимъ на родину. Это недоумѣніе длится около года. Но истеченіи этого времени является однажды въ академію Буровъ":

— Братцы, а вѣдь Куинджи здѣсь... Я его разыскалъ!..

— Что? гдѣ? Какъ?..

Оказывается, Буровъ, зашедши случайно въ одну фотографію, засталъ тамъ Архипа Ивановича въ качествѣ завѣдывающаго позами, фонами и т. д.

Викторъ Васнецовъ отправился тотчасъ по указанному адресу и не безъ нѣкотораго труда, но уговорилъ все же упрямаго „грека" вернуться къ живописи, къ товарищеской средѣ..."

Но такъ и не прошелъ Куинджи академическаго „курса". Иначе, конечно, и быть не могло. Никакой *нормы* не признавала его своеобразная, свободолюбивая натура. Бросивъ академію, Куинджи примыкаетъ вскорѣ къ „передвижникамъ".

Здѣсь, въ „Товариществѣ", молодой художникъ чуть не сразу же выдвигается въ первый рядъ, на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Это мѣсто окончательно упрочиваетъ за нимъ

всѣмъ хорошо извѣстная „Украинская ночь". Куинджи, вызывая своими картинами ожесточенные споры, становится объектомъ все большихъ восторговъ, все большаго поклоненія, даже въ средѣ самихъ художниковъ. Съ каждой новой передвижной выставкой, гдѣ нейважи Куинджи неизмѣнно служатъ „гвоздемъ", слава его растетъ и растетъ.

Но, вѣрный своему девизу „самъ-одинъ", Куинджи не долго оставался и въ Товариществѣ. Съ 1879 г., послѣ ссоры съ однимъ изъ передвижниковъ, онъ уже больше никому не „товарищъ". Въ слѣдующемъ году *впервые на Руси* появляется выставка отдѣльнаго художника, да притомъ еще не цикла произведеній, а одной только картины. И картина эта трактовала не какой-нибудь грандіозный историческій сюжетъ, въ родѣ брюлловской „Гибели Помпеи", а была лишь весьма скромнымъ по размѣру пейзажемъ... Это было смѣлое, пожалуй, даже дерзкое нововведеніе (говоритъ Невѣдомскій). Но смѣлость и на этотъ разъ „взяла городъ"...

По поводу выхода Куинджи изъ „Товарищества" и этой отдѣльной его выставки, Крамской въ письмѣ къ Третьякову высказывался въ такомъ объективномъ тонѣ: „Богъ съ нимъ, съ Куинджи! Пусть прославляется. Для меня давно вещь рѣшенная, что всѣ выходящіе изъ ряда вонъ люди не соціальны... Обыкновенные смертные нуждаются другъ въ другѣ, а не сплачи".

Слухи о картинѣ ходили по городу еще до выставки. Художникъ открылъ двери своей мастерской для публики по воскресеньямъ въ теченіе двухъ часовъ. Кое-кто изъ рецензентовъ тотчасъ далъ восторженные отзывы о картинѣ въ газетахъ. Даже пріобрѣтена была эта „Ночь на Днѣпрѣ" еще до выставки, прямо изъ мастерской вел. кн. Константиномъ Константиновичемъ.

Гайдебуровъ, въ своей газетѣ, слѣдующимъ образомъ описывалъ эту покупку: „Однажды въ мастерскую г-на Куинджи является какой-то молоденькій офицеръ, въ сопровожденіи другого офицера, и проситъ позволенія взглянуть на картину, о которой, по его словамъ, онъ недавно узналъ отъ кого-то. Художникъ позволяетъ. Тогда офицеръ спрашиваетъ, не продается ли она, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освѣдомляется насчетъ цѣны. „Да зачѣмъ вамъ?" — спрашиваетъ г. Куинджи, улыбнувшись; —вѣдь вы все равно не купите, она дорога". — „Ну, однако?" — допытывается офицеръ. Художникъ еще разъ улыбнулся и назначилъ примѣрную цѣну — „тысячу пять". „Ну, хорошо, —сказалъ офицеръ, —я ее оставляю за собой". Оказалось, что это былъ одинъ изъ великихъ князей".

Когда, затѣмъ, картина была выставлена въ „Обществѣ Поощренія Художествъ", буквально весь грамотный Петербургъ цѣлыми днями осаждалъ помѣщеніе выставки. Кареты стояли отъ подъѣзда „Общества" по Большой Морской до самаго Невскаго и загибали еще за уголъ по Невскому до Малой Морской (нынѣ улица Гоголя). Публику, во избѣжаніе давки, приходилось впускать группами. И въ то время какъ одна группа толпилась передъ картиной, другая длинной веренцей ждала по лѣстницѣ и густой толпой стояла у подъѣзда. Самъ Архипъ Ивановичъ то и дѣло принужденъ былъ „наводить порядокъ": разбивалъ публику на группы, урезонивалъ нетерпѣливыхъ. Словомъ, происходило нѣчто небывалое, невиданное и неслыханное. Никогда еще художникъ, да еще пейзажистъ, не дѣлался у насъ такимъ „героемъ дня", не увлекалъ такъ толпы. Газеты на перебой помѣщали хвалебные отзывы о картинѣ; въ каждой изъ нихъ появлялось по двѣ—три и болѣе статей о „Ночи на Днѣпрѣ" и ея авторѣ. Высказывались не только присяжные рецензенты, но и такія имена, какъ Полонскій, Страховъ, Мендельѣевъ. Въ журналахъ, сколько-нибудь причастныхъ къ художеству, печатались вчерные обстоятельныя статьи, цѣликомъ посвященныя Куинджи и его значенію въ нашей живописи, дѣлались попытки опредѣлить его мѣсто въ живописи европейской. Поэтъ К. Фофановъ написалъ стихотвореніе на тему куинджевской картины, а нѣкій Платонъ Браунъ положилъ его на музыку. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", въ романѣ г-жи Каустиной, картинѣ былъ посвященъ цѣлая глава. „Отнынѣ это имя знаменито" — писалъ Суворинъ въ передовой статьѣ, озаглавленной: „Куинджи". И поясняетъ: „Не въ обычаѣ посвящать передовую статью художнику. Но мы думаемъ, что картина Куинджи — большое общественное явленіе".

Два слова о самой картинѣ. Небольшой холстъ, около полутора аршинъ въ вышину и около двухъ въ длину, разрѣзанъ, справа внизъ налѣво, лѣниво извивающейся подъ лунными лучами лентой Днѣпра. Надъ рѣкой въ ясномъ ночномъ небѣ, среди небольшихъ облаковъ—полная луна. Ниже луны облака эти стелются длинными косвенными полосами и теряются въ глубинѣ горизонта. Передній берегъ рѣки тонетъ во мракѣ, кой-гдѣ свѣтятся извѣстью хатки, съ мерцающими въ окнахъ огоньками. Лунная рябь на рѣкѣ и сіяніе самаго диска луны были переданы

съ поразительной живостью и силой. Иллюзія свѣта была такъ полна, что иные наивные зрители просили разрѣшенія заглянуть за ширму, на которой висѣла картина, чтобы удостовѣриться, не транспарантъ ли это, не написано ли это на стеклѣ и не просвѣчиваетъ ли сквозь него свѣтъ какой-нибудь лампы. Дѣло въ томъ, что картина была выставлена въ темномъ помѣщеніи и освѣщена съ боку лампповымъ свѣтомъ (какъ объясняли нѣкоторые изъ рецензентовъ, художника побудила къ этому красная стѣна дома на противоположной сторонѣ Морской, дававшая рефлексъ на картину и губившая ея колоритъ).

„Ночь на Днѣпрѣ“, послѣ выставки въ Петербургѣ, была унесена великимъ княземъ въ кругосвѣтное плаваніе. Пріобрѣтенная имъ картина такъ полюбилась ему, что онъ въ Петербургѣ неоднократно заходилъ въ мастерскую Куинджи, въ то время, когда тотъ еще заканчивалъ ее для выставки. Теперь онъ не пожелалъ разстаться съ ней...

Техническія открытія Куинджи въ „Ночи на Днѣпрѣ“ и въ слѣдующей картинѣ—возбудили, конечно вниманіе нашихъ пейзажистовъ. Я,—пишетъ упомянутый авторъ,—не буду говорить о „подражателяхъ“, которые всегда, подобно слѣпнямъ, облѣпляющимъ борзаго коня, вьются вокругъ каждаго имѣвшаго успѣхъ счастливца и спѣшатъ использовать „для рынка“ модный мотивъ: живописная макулатура, въ видѣ ночныхъ пейзажей съ лунами, блестящими рѣками и огоньками въ хаткахъ, а черезъ годъ—въ видѣ солнечныхъ прогалинокъ въ березовыхъ лѣсахъ, конечно, начала появляться въ большомъ количествѣ. Рѣчь не о нихъ и не объ этомъ. А вотъ что достойно вниманія: серьезные художники увидѣли въ открытіяхъ Куинджи предметъ для взученія, цѣнный матеріалъ для обогащенія пейзажной техники. Именно такъ высказывался о „Березовой рощѣ“ Шишкинъ, повидимому, подчеркивая въ то же время ея незавершенность въ смыслѣ гармоніи: „Это не картина, а съ нея картину можно писать“.

„Вся стая работавшихъ тогда пейзажистовъ (вспоминаетъ Репинъ) ждала и съ жадностью набрасывалась на каждый новый эффектъ мага и волшебника. Разругавъ громко „на всѣ корки“ Куинджи, за всякое его выступленіе, противники не могли удержаться отъ подражанія и наперерывъ, съ азартомъ старались выскочить впередъ со своими поддѣлками, выдавая ихъ за свои личныя картины. И были покупатели, были издатели этихъ контрафакій, торговали бойко!.. Но главнымъ камнемъ преткновенія для хищниковъ была *иллюзія тона* въ оригиналахъ и сила гармоніи къ тѣнямъ свѣта. Тутъ уже предполагали *секретъ* и старалась постичь его даже умные, даже почтенные художники.

Съ особенной лихорадочной тряской слѣдилъ за Куинджи художникъ В. Д. Орловскій. Самъ сильный художникъ, много учившійся не безъ успѣха (онъ могъ вмѣстѣ съ пушкинскимъ Сальери сказать: „Музыку я разъялъ, какъ трупъ; гармонію провѣрилъ алгеброй“). Орловскій недосыпалъ, недоѣдалъ—какъ на огнѣ горѣлъ, не могъ понять, тѣмъ Куинджи достигаетъ такой иллюзіи свѣта и такого общаго тона картины, чѣмъ онъ такъ могущественно завладѣваетъ мѣлою толпою зрителей и заставляетъ ее самозабвенно нѣмѣть отъ восторга передъ его картинами. Встрѣчая Куинджи, онъ веселo пожиралъ его недоумѣвающимъ жадными взглядомъ своихъ большихъ сѣрыхъ глазъ на выкатѣ и не могъ скрыть отъ товарища—признался, что онъ сугубо работаетъ надъ раскрытіемъ секрета его — *Куинджи*; онъ разскажетъ ему, какъ только достигнетъ. Куинджи весело и громко, какъ только онъ могъ хохотать — заразительно - сомнатично, смѣялся при этомъ обѣщаніи откровеннаго товарища раскрыть его секрета, котораго онъ самъ не подозрѣвалъ въ себѣ.

Однажды Орловскій, озабоченный, но торжествующій, веселый, еще издали дѣлалъ Куинджи знаки и приглашалъ итти за нимъ. Куинджи даже раздумье взяло: итти ли? пожалуй, рехнулся чулакъ, да еще убить собирается. Но Орловскій имѣлъ видъ такого счастливаго таланта *отъ удачи* и такъ любовно глядѣлъ на Куинджи, что онъ послѣдовалъ за нимъ въ мастерскую (Боголюбовскую), въ академію художествъ. Орловскій подвелъ Куинджи къ окну въ академическій садъ, подалъ ему зеленое стекло.—Смотрите!!—произнесъ онъ таинственнымъ шопотомъ. — Это?.. Что такое? — недоумѣвалъ Куинджи.—Зеленое стекло?.. Такъ что же? Гдѣ секретъ, въ чемъ?— Не хитрите,— страстно, выразительно кипѣлъ Орловскій,—вы пишете природу въ пѣтное стекло?!!—Ха! Ха! ха, ха, ха! ха! — отвѣчалъ Куинджи. — Охъ, не могу... Ха! Ха!—А это вотъ: оранжевое, голубое, красное...—Да?!.—шепталъ Орловскій.— Куинджи въ отвѣтъ только хохоталъ.

Естественно, что Куинджи такъ, отъ всего сердца, хохоталъ надъ откровенностью своего товарища: онъ такъ глубоко и серьезно работалъ, по-рыцарски, и такъ ревниво не допускалъ въ себѣ ничего взбитаго. Ему ли было до фокусовъ? Глубоко, упорно добивался онъ совершенства въ своей задачѣ. Здѣсь онъ былъ чувствителенъ къ самымъ минимальнымъ

колебаніямъ въ недойденности и неутомимъ въ своей энергіи глубочайшихъ исканій плюзіи, какъ уже сказано. *Плюзія сама* была его богомъ, и *не было художника, равнаго ему* въ достиженіи этого чуда живописи. Куинджи — *художникъ свѣта*. Ахъ, какъ живо помню я его за этимъ процессомъ (когда мы еще не поняли другъ отъ друга своихъ работъ). Коренастая фигура, съ огромной головой—шевелюрой Авессалома и очаровательными очами быка — онъ былъ красивъ, какъ Ассуръ, духъ ассиріецъ. Живо представляю: долго стоитъ онъ на разстояніи шаговъ 15 передъ своею картиной; сильно, не смигнувъ, смотритъ его „буркалы" въ самую суть созиваемой стихіи на холстѣ; кажется, лучи его зрѣнія, уже мнѣ, зрителю, видны,—такъ они сильны и остры; нескоро, наконецъ, взглядъ его опускается на палитру; долго и медленно смѣшиваетъ онъ краску. Можно заскучать, наблюдая, какъ одинъ почтенный зритель заскучалъ надъ удильщикомъ рыбы. Наконецъ-то! онъ зашагалъ тяжелыми шагами къ картинѣ (такъ шагаютъ только вагнеровскіе герои, съ большими пиками, на сценѣ). Остановился. Долго всматривается въ картину и на краску на концѣ кисти; потомъ, прицѣливши, вдругъ, какъ охотникъ, быстро кладетъ мазокъ и тогда уже быстрѣе идетъ назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ мѣшалъ краску, гдѣ твердо стоялъ на своихъ толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, *обнявши ногами*. Опять остріймій лучъ *волоокихъ* на холстѣ, опять, долгое соображеніе и провѣрка на разстояніи; опять опущенные глаза на палитру, опять, еще дольшее, мѣшаніе краски и опять тяжелые шаги къ своему простенькому мольберту...

Въ большомъ физическомъ кабинетѣ на университетскомъ дворѣ, мы, художники-передвижники, собирались, въ обществѣ Менделѣева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, для изученія, подъ ихъ руководствомъ, свойствъ разныхъ красокъ. Есть приборъ, измѣрялъ чувствительности глаза къ тонкимъ нюансамъ тоновъ; Куинджи побивалъ рекордъ въ чувствительности до идеальныхъ точностей, а у нѣкоторыхъ товарищей до смѣху была груба эта чувствительность.

Любопытно еще одно мѣсто въ очеркѣ Рѣпина:

„...Самъ авторъ (т.-е. авторъ картины „Ночь на Днѣпрѣ") въ это время былъ заваленъ письмами, вопросами, предложеніями. Въ домѣ Гребенки, на углу 6-й линіи, у рынка, къ высокой лѣстницѣ квартиры, гдѣ жилъ Куинджи, то и дѣло подъѣзжали извозчики съ сѣдоками. Эти взбирались по крутой лѣстницѣ въ самый верхъ и звонили къ колдуну. Наплывъ былъ такъ великъ, что Куинджи вывѣсилъ, наконецъ, объявленіе: *„никого не принимаетъ"*. Онъ до невозможности утомленъ былъ даже милыми, доброжелательными, преданнѣйшими друзьями. А изъ этихъ, бывало, нѣкоторые плетали къ нему, совершенно разстроенные: забыть не могутъ, послѣ безсонныхъ ночей отъ созерцанія, его картинъ. Не для красоты разсказа—истинная пранда: были такіе, которые на котѣнкихъ умоляли автора уступить имъ какую-нибудь своей работы картину или, наконецъ, этюдикъ. Пусть художникъ берегъ что угодно, они не богаты, но они въ разсрочку выплатятъ ему, сколько онъ назначитъ за свой мазокъ, этюдъ или набросокъ, или, наконецъ, картинку—хотя бы повтореніе въ маломъ видѣ. А одинъ, г. Я., въ продолженіе цѣлаго мѣсяца не отставалъ отъ Куинджи, проси отдать ему картину „Ночь на Днѣпрѣ". Авторъ дружески образумливалъ его съ большою твердостью въ характерѣ.

Въ это время Куинджи до такой полноты одержимъ былъ своими художественными идеями, что онѣ сами рвались изъ него къ полотнамъ. И все это было такъ разнообразно, такъ неожиданно ново. Сердце не камень. И автору интересно было показать новые зародыши своего творчества восторженнымъ поклонникамъ, своимъ старымъ и новымъ поклонникамъ. Чародѣй уходилъ за перегородку въ мастерскую и, порывшись тамъ, выносилъ новый холстъ и ставилъ на единственный мольбертъ, стоявшій въ самой свѣтлой точкѣ свѣта всей студіи. Мгновенно наступала пауза... Торжественная тишина. Иногда слышалось только, съ какимъ-то особымъ сдержанымъ вздохомъ, похожимъ на стонъ души: о, о, о... И водворялась опять живая, торжественная тишина. Авторъ, счастливый радостью побѣды своего генія, обводилъ глазами своей души умиленныхъ поклонниковъ, видѣлъ ясно ихъ невольныя слезы восторга. И самъ не могъ удержать слезъ... счастья".

Еще два раза устраивалъ Куинджи выставку—въ 1880 и 1882 гг.,—и все по одной новой картинѣ („Березовая роща" и „Днѣпръ утромъ") и попрежнему съ успѣхомъ изъ ряда выходящимъ, хотя уже не столь шумнымъ. А затѣмъ... А затѣмъ слѣдуетъ *тридцатилѣтній*, безъ малаго, періодъ *молчанія*,—слѣдуетъ непосредственно за апоѳеомъ славы, не перемежаясь никакими неудачами, вообще ничѣмъ, что могло бы внѣшнимъ образомъ объяснить загадку. При огромномъ спросѣ на его картины, при небывало напряженномъ интересѣ къ нему публики, художникъ

внезапно порываетъ всякое общеніе съ нею. Нѣтъ больше выставокъ Куинджи. Ни одна картина Куинджи не поступаетъ отнынѣ въ продажу. Мало того: до 900-хъ годовъ онъ даже никому изъ близкихъ, кромѣ жены, не показываетъ своихъ работъ. Онъ заточился въ своей мастерской. Въ серединѣ 90-хъ годовъ Куинджи, правда, вновь выступаетъ на общественной аренѣ, но лишь въ качествѣ преподавателя. Десятилѣтіе же, 1883—1893 гг., проводитъ въ полной изолированности отъ публики и публичности, а если не считать немногихъ близкихъ друзей, то и въ полномъ уединеніи...

Это—случай совершенно исключительный въ біографіи большихъ художниковъ,—справедливо замѣчаетъ біографъ Куинджи. Творчество *для себя*, творчество, которое само по себѣ даетъ полное удовлетвореніе художнику... Всѣ эти двадцать восемь послѣднихъ лѣтъ жизни А. И. писалъ, искалъ, достигалъ, творилъ, волновался, то мучился, то радовался, но уже больше ни съ кѣмъ не дѣлился своей творческой работой, своими творческими переживаніями, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ-трехъ случаевъ, когда онъ, на двадцатомъ году своего художническаго „затворничества“, нарушалъ тайну своей мастерской, да и то на мгновеніе какое-нибудь.

Въ цитированномъ біографическомъ очеркѣ М. Невѣдомскаго мы находимъ разсказъ одного изъ ближайшихъ учениковъ А. И., художника К. Вроблевскаго, о томъ, какъ Куинджи впервые показалъ чужому глазу свою новую живопись.

„Это было весною 1901 года. Въ маѣ, передъ отъѣздомъ на лѣтніе этюды, часовъ около 10 вечера, я позвонилъ у дверей. По обыкновенію, долго никто мнѣ не открывалъ, но, наконецъ, я услышалъ шаги А. И., спускавшагося по лѣстницѣ изъ своей мастерской. Онъ отворилъ дверь. Я извинился, что оторвалъ его отъ работы... „А вы почемъ знаете, что я работалъ?“—Глядя на васъ, не трудно догадаться.—Дѣйствительно, глаза изъ-подъ очковъ горѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ, на щекахъ — лихорадочный румянецъ. Во всемъ замѣчалась какая-то необычайная приподнятость, и видно было, что учитель былъ на этотъ разъ доволенъ собою... Я хотѣлъ уйти, чтобы не мѣшать. Но А. И. не отпустилъ меня, заявивъ, что работать больше не будетъ, что наоборотъ, радъ моему приходу, такъ какъ уже стало смеркаться.

Мы уѣлись, и А. И., по обыкновенію, началъ думать—папироса за папиросой. Онъ задалъ нѣсколько вопросовъ относительно моей поѣздки и этюдовъ, а вскорѣ незамѣтно перешелъ къ болѣе общимъ темамъ—о творчествѣ вообще, о переживаніяхъ художника-творца. Я жадно слушалъ, чувствуя, что все имъ высказываемое есть лишь продолженіе только что пережитаго творческаго подъема. Сумерки сгущались, мерцалъ огонекъ папиросы, а онъ говорилъ и говорилъ. Онъ коснулся нѣкоторыхъ интимныхъ, дорогихъ пунктовъ. До тѣхъ поръ почти безмолвный слушатель, я тутъ прямо спросилъ: неужели художникъ можетъ творить исключительно для себя, не дѣлясь своей радостью съ другими? Неужели онъ никогда не испытываетъ этой потребности? И еще на многіе волновавшіе меня вопросы требовалъ я отвѣта. И въ отвѣтахъ А. И. мнѣ опять чувствовалось что-то глубоко субъективное, относящееся къ данной минутѣ, къ еще свѣжимъ переживаніямъ. Вдругъ онъ всталъ и быстрыми шагами направился въ мастерскую. Я остался въ густыхъ сумеркахъ и ждалъ съ какимъ-то тревожнымъ чувствомъ. Опять раздались шаги по лѣстницѣ, и появился А. И. съ маленькой лампой въ одной рукѣ и какимъ-то небольшимъ картономъ въ другой. Я не трогался съ мѣста, сердце стучало съ болью, я чувствовалъ что-то страшное, что-то грядущее. Приклонивъ къ роялю картонъ, А. И. подозвалъ меня. Я не двигался съ мѣста—теперь мной овладѣлъ уже паническій страхъ: вдругъ я увижу нѣчто недостойное моего учителя, передъ кѣмъ я такъ преклонялся?..—Да видите же, не бойтесь! Это не такъ плохо, какъ вы думаете,—услышалъ я голосъ А. И. Я пошелъ, какъ на казнь. Передо мной заигралъ солнечный закатъ. Я стоялъ передъ эскизомъ необычайной силы, молча созерцая. И, только когда освоился со своимъ положеніемъ, замѣтилъ я на себѣ пристальный взоръ А. И.: онъ, видимо, остался доволенъ и мною и собой. Когда прошла первая напряженная минута, онъ признался мнѣ, что всякая похвала изъ моихъ устъ была бы для него ударомъ,—хуже приговора. А. И. отнесъ эскизъ обратно въ мастерскую, и, по возвращеніи его, бесѣда наша текла спокойнѣе, какъ бы въ разрядившейся атмосферѣ. Онъ помнитъ бѣгалъ въ свою мастерскую, и каждый разъ я видѣлъ новыя откровенія: онъ показывалъ мнѣ эскизъ за эскизомъ, писанные болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Зашла рѣчь объ этюдахъ — были показаны и этюды. Вспомнилъ А И. мои исканія солнечнаго свѣта на украинскихъ мазанкахъ: — Вотъ вы все искали, часто были близки къ цѣли. Я наблюдалъ васъ въ это время: вотъ-вотъ попадетъ. И не попало!.' (Я, дѣйствительно, работалъ въ его мастерской въ академіи, увлекался эффектомъ

заходящаго солнца на бѣлыхъ стѣнахъ хатокъ). И я увидѣлъ новую вещь А. И.: чудныя хатки, освѣщенныя багрянцемъ заходящаго солнца. Уже занималась заря, а А. И. все не могъ успокоиться и продолжалъ говорить.

Случайно я оказался свидѣтелемъ глубокаго душевнаго перелома въ этомъ удивительномъ человѣкѣ и художникѣ. Но, вотъ, внезапно, наступила реакція. Онъ обрушился на меня со всей своей страстностью, укоралъ рѣзко и гнѣвно:—Это вы виноваты! Вы всегда умѣете подъѣхать ко мнѣ. Чортъ знаетъ, что такое! Знаете, что я теперь испытываю благодаря вамъ?—въ величайшемъ волненіи заключилъ А. И.: — э, да что долго говорить! Вы меня невинности лишили... — Напрасно я оправдывался. Ничто не помогало. Ему, видимо, передъ самимъ собою не хотѣлось сознаться, что я тутъ ни при чемъ, что я лишь подвернулся въ тотъ исторически важную минуту, когда художника непреодолимо влечетъ подѣлиться своей радостью. Будь кто угодно на моемъ мѣстѣ, я почти убѣжденъ, произошло бы то же самое. Осенью того же года друзья писали мнѣ въ Москву, что А. И. показываетъ своимъ ученикамъ и кой-какимъ избраннымъ зрителямъ свои картины".

Если первый періодъ „затворничества" Куинджи является страннымъ, непонятнымъ, то уже въ высшей степени загадочно то обстоятельство, что художникъ, послѣ того какъ произведенное новыми работами впечатлѣніе должно было, казалось бы, подѣйствовать благопріятно на самаго взыскательнаго автора, — снова, понрежнему, „затворяется", уходитъ въ себя и больше никому никогда ничего уже не показываетъ, до самой смерти.

Чѣмъ же объяснить это *молчаніе* Куинджи, это *пожизненное заточеніе* его новыхъ картинъ?—спрашиваетъ г. Невѣдомскій, и рѣшаетъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

„Пытаясь разгадать загадку, я обращался къ близкимъ покойному людямъ, обращался къ старымъ товарищамъ его по „передвижничеству", обращался и къ нѣкоторымъ изъ учениковъ его, пользовавшимся его довѣріемъ. Большинство отвѣчало: *„Вѣроятнее всего.* что послѣ такого небываларо успѣха, какой имѣли „Ночь на Днѣпрѣ" и „Березовая роща", Архипъ Ивановичъ уже не желалъ выступать съ вещами, на которыя онъ въ этомъ смыслѣ не надѣялся; а, вѣдь надо было дать такое *новое*, чтобы успѣхъ его затмилъ успѣхъ прежній"...

Что же? Значитъ, ключъ къ загадкѣ — самолюбіе, славолюбіе, честолюбіе?.. Мы знаемъ, что эти свойства далеко не были чужды необузданному, стихійному „я" Архипа Ивановича... Но достаточно ли ихъ для объясненія *молчанія?* Могли ли одни эти побужденія сами по себѣ побороть могучее влеченіе каждаго художника къ общенію съ человѣчествомъ, лежащее *въ натурѣ вещей?*

Мнѣ думается: нѣтъ, не могли. Именно слишкомъ стихійна была вся фигура этого художника и слишкомъ подлинный онъ былъ художникъ, чтобы удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Мнѣ думается, это могло быть привходящимъ моментомъ, а не опредѣляющимъ...

И даже *менѣе всего* вѣроятнымъ кажется мнѣ такое объясненіе — столь упрощенный ключъ къ сложнѣйшему психологическому вопросу: мнѣ чувствуется здѣсь какой-то глубокій душевный переломъ, нѣчто, пожалуй, аналогичное тому, что такъ долго не давало „говорить" Иванову, переломъ въ мірощущеніи, въ эстетическихъ взглядахъ.

Основываясь въ своихъ догадкахъ, прежде всего на томъ, что *говорятъ* мнѣ картины Куинджи одна за другой, вплоть до послѣднихъ, и, въ видѣ „рупора", успѣвающаго звукъ ихъ „рѣчей", прибѣгаю къ анализу умонастроенія нашей интеллигенціи въ соотвѣтствующіе годы, главнымъ образомъ, конечно въ сферѣ художественныхъ вопросовъ.

Въ *трудную* минуту замолчалъ Куинджи. Закатилось только что передъ тѣмъ ярко освѣщавшее всѣмъ пути солнце общепризнанныхъ, руководящихъ идеаловъ и принциповъ, жизненныхъ, философскихъ, эстетическихъ. Настала минута глубокихъ сумерекъ, зыбкая, колеблющаяся атмосфера разочарованій, сомнѣній, исканій. И если въ Архипѣ Ивановичѣ этотъ моментъ породилъ тѣ же сомнѣнія и колебанія, то я могу усмотрѣть въ этомъ лишь доказательство глубочайшей серьезности его натуры, глубоко серьезнаго отношенія его къ искусству.

Мнѣ лично всѣ указанные признаки его само-и славолюбія кажутся такими ничтожными, по сравненію съ тѣми колебаніями, которыя должны были роковымъ образомъ зародиться въ его религіозной душѣ въ эти *годы перелома*, и, конечно, особенно сильно должны были сказываться въ новаторѣ, пробивавшемъ новые пути, не имѣвшемъ опоры во всемъ приемлемомъ, установившейся традиціи...

И,—конечно, это лишь моя личная догадка, которую я и высказываю, какъ таковую,—мнѣ думается, ощущеніе обступившаго его со всѣхъ сторонъ общаго техническаго переворота (въ живописи) могло тоже сыграть роль въ колебаніяхъ Архипа Ивановича.

Кстати: не слѣдуетъ воображать, что *молчаніе* Архипа Ивановича явилось результатомъ какого-нибудь *рѣшенія*, единожды на-

всегда принятаго, до самой смерти неварушеннаго. Ничего подобнаго. Не одинъ разъ, какъ передавали мнѣ близкіе къ нему люди, онъ какъ бы удовлетворяся достигнутымъ, рѣшалъ выставить свои картины, но затѣмъ опять перерѣшалъ вопросъ и принимался „заканчивать“ ихъ... Особенно близокъ онъ былъ къ выставкѣ въ 1901 году, когда показалъ свои произведенія кой-кому изъ знакомыхъ и критиковъ. Но, несмотря на восторженные отзывы большинства зрителей, онъ вновь заколебался, и картины остались въ мастерской—до самой его смерти“...

* * *

Еще на одну характерную черту въ личности Куинджи хочется обратить вниманіе: на его рѣдкостную „сердобольность“, на ту трогательную заботливость, которую знаменитый художникъ проявлялъ ко всему живому, ко всякой твари земной и небесной, особенно же *небесной*,—къ птицамъ.

М. Неѣдомскій, по поводу ранняго дѣтства А. И., отмѣчаетъ слѣдующій „психологическій штрихъ, можно сказать — *вѣщій*“. Уже тогда, пятилѣтній бутузъ, но коренастый и мускулистый, онъ наводилъ страхъ на своихъ однолѣтковъ, товарищей по уличной жизни. Когда имъ вздумается заняться обычнымъ въ этомъ возрастѣ мучительскомъ надъ животными. Не одинъ котенокъ и щенокъ были обязаны своей жизнью или здоровьемъ малышу Архипу: онъ не терпѣлъ этого мучительства, и, только издали завидѣвъ его, мальчишки бросали свою жертву и разбѣгались. Такимъ образомъ, уже въ пятилѣтнемъ бутузѣ сказывается будущій „птичій докторъ“, уже тутъ проявляется и будущій покровитель всѣхъ слабыхъ и нуждающихся, какимъ мы знаемъ его впослѣдствіи. Въ полуденный часъ въ стекла его мастерской, въ Петербургѣ, будутъ потомъ стучаться голодные и больные голуби и вороны. И онъ будетъ выпускать на крышу, чтобы сдѣлать перевязку паціенту; будетъ совершать хирургическія операціи (въ родѣ трахеотоміи и вставленія трубочки въ горло голубя), будетъ щедро отдавать свое время этой перватой твари. Во всякіе часы будутъ обращаться къ нему—въ письмахъ, въ личныхъ просьбахъ—нуждающіеся, настигнутые бѣдой товарищи, ученики, знакомые и даже незнакомые, и никто не встрѣтитъ отказа... Вѣчная готовность къ самой широкой помощи ближнимъ была однимъ изъ самыхъ трогательныхъ и характерныхъ свойствъ А. И. до самаго конца. А началось это еще тамъ—на обожженныхъ солнцемъ улицахъ маріупольскаго предмѣстья, когда, какъ говорится, его еле отъ земли было видно...

Самъ А. И. впослѣдствіи объяснялъ слѣдующимъ образомъ эту свою черту:

— Съ дѣтства привыкъ, что я сильнѣе и помогать долженъ“.

Особенно замѣчательно пристрастіе Куинджи къ пернатымъ. Птицы пользовались всегда исключительными его симпатіями.

„Можетъ быть, и тутъ сказывалось чувство „солидарности“?—строитъ предположеніе авторъ очерка.—Онъ, вѣдь, не только *мечталъ летать* на своемъ аппаратѣ (надъ изобрѣтеніемъ котораго трудился еще въ тѣ годы, когда авіація была лишь мечтой), не только всматривалась зоркимъ взглядомъ со своихъ „вышекъ“ въ безконечныя дали, но всю жизнь фактически „летазъ“ въ своемъ творчествѣ надъ просторами земными, по необозримымъ просторамъ небесными, которые передавалъ съ такою любовью и мастерствомъ. Однажды, встрѣтившись съ нимъ случайно въ Крыму, я былъ прямо изумленъ тѣмъ своеобразнымъ „краснорѣчіемъ“, съ какимъ онъ описалъ, въ разговорѣ со мной, *взлетъ* двухъ орловъ: какъ-то карабкаясь по горамъ близъ своего имѣнія, онъ случайно въ кустахъ набрелъ на нихъ, и вотъ, царственныя птицы медленно поднялись, словно негодуя на нарушителя ихъ покоя...—Архипъ Ивановичъ словами, а въ подмогу словамъ—мимикой и жестами, съ безподобной живостью нарисовалъ мнѣ картину, и я, помню, подумалъ тогда: если бъ и не имѣть никакихъ свѣдѣній объ его спеціальности, по одному этому словесному описанію можно узнать въ немъ художника. Онъ такъ разсказывалъ и такъ „мимировалъ“, что и буквально *видѣлъ* и негодующе-обезпокоенныя позы орловъ, и наклонъ ихъ могучихъ крыльевъ, и движеніе ихъ къ небу“.

„По словамъ Л. В. Позена, Архипъ Ивановичъ былъ искренно увѣренъ, что птицы чувствуютъ къ нему особенную любовь, что онъ является *„избранникомъ“* ихъ... К. Я. Крыжицкій въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ, что иногда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ нѣкоторыхъ своихъ „паціентовъ“, принадлежавшихъ къ людской породѣ, но платившихъ ему за помощь лишь непріятностями, А. И. горячо превозносилъ птицъ и животныхъ вообще: „Какъ они чувствуютъ, когда имъ поможешь! Вотъ, я вамъ скажу, когда птицѣ дѣлаешь перевязку. Въ 12 часовъ я ихъ на крышѣ кормлю, онѣ со всего Петербурга слетаются, когда пушка ударитъ: онѣ хорошо свой часъ знаютъ и всѣ около меня тутъ ходятъ, клюютъ и не боятся... И когда больная, съ отмороженной или отдавленной ногой попадется, она спокойно даетъ себя взять. Она знаетъ, что я ей сдѣлаю хорошо“.

А когда, въ послѣдній годъ жизни, А. И. лежалъ тяжко больной, лишенный возможности выходить на крышу къ своимъ пернатымъ друзьямъ, они еже ненно около полудня прилетали какъ бы навѣщать его и стучались клювами въ стекла мастерской...

Этотъ человѣкъ, полный такой рѣдкостной любви, такой *страсти* къ жизни и ко всему живому, разставался съ жизнью мучительно—до ужаса. Однажды, въ свѣтлый, солнечный день (за нѣсколько дней до смерти), онъ лежалъ въ гостиной, а одинъ изъ друзей замѣтилъ на окнѣ пышнымъ краснымъ цвѣтомъ расцѣтшій кактусъ и обратилъ вниманіе больного на яркій цвѣтокъ; Архипъ Ивановичъ, запрокинувъ голову, посмотрѣлъ и, тотчасъ, закрывъ лицо руками, съ ожесточеніемъ крикнулъ:

— Не хочу я видѣть... Зачѣмъ показываете мнѣ это?...

— Въ другой разъ жена, думая развлечь его, впустила въ комнату одного изъ пернатыхъ пашентовъ Куниджи—воробья, и опять—только боль и ожесточеніе вызвало это въ умирающемъ..."

Поль Гогенъ.

[92(Г) : 7]

Умершій десять лѣтъ назадъ Гогенъ не только у насъ, но и въ самой Франціи все еще знакомъ больше понаслышкѣ, чѣмъ по своимъ, скрытымъ въ частныхъ коллекціяхъ, картинамъ, хотя цѣлое поколѣніе художниковъ 90-тыхъ годовъ должно считать его своимъ „мэтромъ", цѣлая школа художниковъ — своимъ родоначальникомъ. Русская публика, кромѣ того, и о жизни этого оригинальнѣйшаго представителя новаго искусства до сихъ поръ имѣетъ лишь очень смутное представленіе, представленіе какъ тому же не отвѣчающее истинѣ: на Гогена привыкли смотрѣть лишь какъ на экстравагантную личность, и только.

Указанный пробѣлъ восполняютъ вышедшія въ русскомъ переводѣ записки его „*Ноа-Ноа*", *Путешествіе на Таити*, и вступительная статья къ нимъ Я. Тугендхольда. Болѣе примѣчательны тѣ страницы книги, которыя заняты описаніемъ взаимныхъ отношеній автора и его „вахинэ" — жены-таитянки,—интимныхъ отношеній европейца XIX вѣка, преобразившагося въ „Адама", и его „золотокожей" Евы. Для того чтобы лучше понять эти отношенія и, вообще, самое это „путешествіе" художника, приведемъ нѣкоторыя данныя изъ его біографіи, какія сообщаетъ въ своей статьѣ г. Тугендхольдъ.

„Гогенъ,—пишетъ послѣдній,—точно съ дѣтства нашелъ себя; и вся его жизнь вплоть до ея досрочнаго трагическаго конца была лишь яркимъ раскрытіемъ какой-то единой, предопредѣленной миссіи. Семейная наслѣдственность, географическая среда, личный темпераментъ со всѣми его несомнѣнными недостатками — все это соединилось воедино, чтобы создать изъ Гогена того культурнаго „декаря", какимъ онъ былъ. Онъ никогда не „начинчалъ" и не „прощался", въ чемъ обвиняла его критика, видѣвшая въ немъ кривлявшагося „декадента",—онъ отъ природы былъ наивенъ и простъ, подобно другому „варвару" современности, другому проповѣднику первобытнаго Рая, — Уоту Уитману...

Гогенъ очень гордился своей бабушкой съ материнской стороны и ея древней испанской кровью (она принадлежала къ семьѣ южноамериканскихъ испанцевъ, потомковъ завоевателей Перу), и возможно, что именно отъ нея унаслѣдовалъ онъ свой страстный темпераментъ, свое презрѣніе къ буржуазному благополучію и тоску по обѣтованной землѣ. Впрочемъ, это влеченіе къ бродяжничеству, этотъ Бодлэровскій goût de l'infini, вѣчно увлекавшій Гогена подъ новыя небеса, въ невидѣванныя дали, навѣяны были и самими условіями его дѣтства и отрочества".

Онъ родился въ Парижѣ въ мятежные іюльскіе дни 1848 года и уже трехлѣтнимъ мальчикомъ узналъ Атлантическій и Тихій океаны: сопр d'Etat Наполеона III заставилъ его отца эмигрировать на родину матери, въ Перу. Юношей Гогенъ, уже по возвращеніи въ Францію, осуществилъ дѣтскую мечту свою — поступилъ юнгой на коммерческое судно, а потомъ попалъ на военный крейсеръ. Шесть лѣтъ продолжался періодъ скитаній по свѣту, по широкому простору океана, и только на 24-мъ году жизни Гогенъ началъ осѣдлую жизнь— „маленькимъ винтикомъ сложнаго финансоваго механизма столицы": онъ опредѣлился на службу въ одну изъ парижскихъ мѣнильныхъ конторъ.

„Затѣмъ все пошло въ обычномъ порядкѣ — матеріальная обезпеченность, женитьба (на уроженкѣ Копенгагена), дѣти, игра на биржѣ, буржуазный бытъ. Но одно маленькое обстоятельство вторглось и нарушило эту блестящую финансовую карьеру Гогена — знакомство съ группой художниковъ-импрессіонистовъ и внезапно вспыхнувшая откуда-то изъ вулкана души любовь къ искусству. Отдѣленіе банка, въ которомъ служилъ Гогенъ, помѣщалось на rue Laffitte, этомъ средоточіи парижскихъ картинныхъ магазиновъ, откуда бубными артеріями расходятся по всему свѣту новые художественные вкусы. Здѣсь въ галлереѣ Дюранъ Рюэл-

ля—быть можетъ, случайно—познакомился Гогэнъ съ первыми славными героями импрессіонизма: Писсарро, Манэ, Монэ, Ренуаромъ, Дега и Сезаномъ. Попалъ въ ихъ среду, захлеснулся волною ихъ интересовъ, накупилъ ихъ картинъ и, наконецъ, попробовалъ и самъ рисовать—по вечерамъ и праздникамъ, въ свободные отъ счета купоновъ часы. Ему было уже двадцать семь лѣтъ, когда онъ взялъ въ руки кисть, не имѣя никакого опыта, никакихъ готовыхъ рецептовъ, кромѣ яркихъ записей своей зрительной памяти. Ему не пришлось преодолѣвать академическую тину; наивно и смѣло искалъ своего пути среди моря искусства этотъ бывшій пловецъ: онъ зналъ свою путеводную звѣзду—она мерцала на Югѣ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ глубже проникала въ Гогэна сладкая отрава искусства. Онъ бросаетъ доходное мѣсто въ банкѣ, гдѣ пробылъ одиннадцать лѣтъ, однимъ ударомъ разрушаетъ благополучіе жены и дѣтей"...

Матеріальный кризисъ разрушилъ семью. Супруги Гогэнъ разъѣхались: она съ дѣтьми вернулась къ своимъ роднымъ, онъ сталъ влачить одинокую нищенскую жизнь. Его единственнымъ заработкомъ въ это время была расклейка афишъ по стѣнамъ парижскихъ домовъ, доставлявшая ему три франка въ день.

Гогэнъ однако „хотѣлъ хотѣть", какъ онъ выражается, и умѣлъ хотѣть. Нужда не помѣшала его художественному развитію и художественной продуктивности.

Но снова ощутилъ онъ зовъ океана, и вскорѣ нашъ художникъ-скиталецъ, распродавъ все, что могъ, ѣдетъ на Антильскіе острова. Это было въ 1887 г. Черезъ годъ ядовитое дыханіе тропиковъ заставило полубольного Гогэна вернуться въ Парижъ. Нечего и говорить, что опять потекли мѣсяцы голодной жизни. И опять потянуло его прочь изъ „каменнаго мѣшка"—города, подальше отъ городской культуры. То мы видимъ художника въ Понтъ-Авенѣ, то въ приморской деревушкѣ Пульду (Бретань), то въ Арлѣ (Провансъ). Вернулся было онъ въ Парижъ и—двухъ лѣтъ не выдержалъ въ обстановкѣ тяжелой, ненавистной ему городской жизни. Въ 1891 г.—Гогэну въ это время было уже 43 года—онъ рѣшаетъ эмигрировать въ Океанію, на островъ Таити, надѣясь тамъ найти убѣжище отъ жестокости европейскаго города, условности европейской культуры. Октавъ Мирбо, печатно напутствуя художника лучшими пожеланіями, писалъ тогда: „Я узналъ, что Поль Гогэнъ уѣзжаетъ на Таити съ намѣреніемъ прожить тамъ нѣсколько лѣтъ, чтобы переработать заново свои излюбленные образы Какъ примѣчательно и трогательно это бѣгство человѣка отъ цивилизаціи, это добровольное исканіе забвенія и тишины для того, чтобы лучше услышать тѣ внутренніе голоса, которые заглушаются въ насъ шумомъ нашихъ споровъ и страстей"...

„Путешествіе Гогэна на Таити—читаемъ мы у Я. Тугендхольда,—не partie de plaisir и не искусственное *опрощеніе, а пріобщеніе.* Гогэнъ былъ своего рода „естественнымъ человѣкомъ" Руссо, которому стало тѣсно въ городѣ современности и который стихійно тяготѣлъ къ своей изначальной, духовной родинѣ—первобытной цивилизаціи.

Достаточно прочесть Гогэновскую „Ноа-Ноа", эту исторію пребыванія его на Таити и вмѣстѣ съ тѣмъ комментарій къ его творчеству, чтобы увидѣть внутреннее родство его съ той экзотической и первичной средой, въ которую онъ попалъ. „Ноа-Ноа"—не утопическій романъ; это исповѣдь, это — эстетистическое и моральное credo Гогэна. Правда, его описаніе таитянскаго быта часто впадаетъ въ идеализацію à la Руссо. Художникъ могъ преувеличить чары своей золотокожей „пахинэ", своей Техуры—ея обаяніе не обязательно для насъ; его подходъ къ таитянской женщинѣ можетъ показаться намъ слишкомъ упрощеннымъ. Но каждое слово здѣсь — изъ души. Искренно его проклятіе европейской культурѣ съ ея унизительной „заботой о завтрашнемъ днѣ", съ ея „казармами, кабаками и тюрьмами"; искренно его влеченіе къ „естественной жизни", къ „безумному счастью", къ природѣ и солнцу. Можно сколько угодно иронизировать надъ наивностью растительной и тѣлесной философіи Гогэна, но нельзя забывать того, что это — разбѣгъ той же жгучей волны, которая создала Уитмана и Гамсуновскаго „Пана", и Бальмонта,—и надъ „Ноа-Ноа" хочется надписать эпиграфъ:

Будемъ какъ солнце!

Ибо, дѣйствительно, этотъ новый Робинзонъ Крузо могъ бы тоже сказать о себѣ: „Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце и синій кругозоръ"...

Вотъ почему такъ легко дались ему отреченіе отъ Европы и ассимиляція съ жизнью дикарей—иногда даже слишкомъ легко! И однако „опрощеніе" Гогэна не было „одичаніемъ", Вообще, слово „дикарь" едва ли приложимо къ тому племени, среди котораго жилъ Гогэнъ на Таити. Это презрительное слово не выдерживаетъ критики при свѣтѣ современной этнографической науки, которая открыла въ Океаніи цѣлую древнюю цивилизацію, богатую миѳами и художественными памятниками. Именно въ Полинезіи, куда направился Гогэнъ, ярче всего отложилась и сохранилась эта древняя океанійская культура, и какъ разъ племя Маори,

среди котораго онъ жилъ—самая красивая и сильная раса Полинезіи, цвѣта темной бронзы или обожженной глины,— недаромъ островъ Таити называютъ царицей Полинезіи. Всѣ путешественники отмѣчаютъ пластическую красоту стройной и тонконогой маорійки, напоминающей по своему типу нѣчто среднее между негритянкой и испанкой, а новѣйшія художественно-этнографическія изслѣдованія вполнѣ подтверждаютъ высказанную Гогэномъ мысль о полубожественномъ ореолѣ, которымъ окружена женщина на Таити".

* * *

„Ноа-Ноа"—книга, въ которой, по словамъ самого Гогэна, развертывается исторія того, какъ цивилизованный человѣкъ нашего времени, „усталый отъ западнаго декаданса, былъ плѣненъ пышнымъ ростомъ людей-растеній тамъ, вдалекѣ". Главныя нити этого сладкаго плѣна шли, конечно, отъ женщины-„растенія" — „царицы-дитяти и богини-дикарки Блаженнаго Острова, которое туземцы назвали „Ноа-Ноа" (Благоуханная земля).

„Тема моего труда трактуетъ о возможности быть счастливымъ безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, а его манера—своего рода литургія, въ которой ритмы радости чередуются съ трепетомъ ужаса. Читатель, это и есть основная точка зрѣнія данной книги; объ этомъ надо было сказать.

Очень ловка и проворна, очень горда и мудра золотокожая Ева, и я не выдумалъ того сочетанія ужаса и радости, которое составляетъ маорійское очарованіе. Ибо едва ли возможна радость тамъ, гдѣ нѣтъ скорби о прошломъ, гдѣ нѣтъ страха за будущее.

...Въ рамкѣ вѣчно-праздничной природы, среди окружающаго животнаго и растительнаго великолѣпія, гдѣ лишь чудо тѣни можетъ спорить съ чудомъ солнечнаго блеска...— обнаженныя женскія формы пламенно-темной окраски съ переливами бронзы и золота. Солнце сожгло ихъ, но также и проникло въ нихъ. Оно живетъ въ тѣлахъ, оно лучится изъ нихъ, и эти женщины Тьмы таятъ въ себѣ сильнѣйшій источникъ свѣтозарнаго жара. Въ этомъ сіяніи кажется прозрачной, прежде всего, самая душа этихъ существъ, проворныхъ, сильныхъ и страстныхъ, какъ большіе въ смѣлыхъ сплетеніяхъ цвѣты вокругъ нихъ,—этихъ существъ беззаботныхъ и шумливыхъ, ласковыхъ и легкомысленныхъ, упрямыхъ и измѣнчивыхъ, веселыхъ утромъ и днемъ, опечаленныхъ и трепетныхъ въ концѣ вечера и ночью: вѣдь свѣтъ чаруетъ, пока онъ горитъ. Солнце выявляетъ всѣ тайны, кромѣ своихъ,—такъ и женщины Маори, эти живые и темные свѣточи, подъ личиной внѣшней доступности, хранятъ въ своихъ душахъ нѣкія тайны. Объ этомъ предупреждаетъ диссонансъ между архитектурной величавостью ихъ красоты и дѣтской граціей ихъ движеній и позъ.

Женщина Маори позволяетъ овладѣть собою, но она не отдается вполнѣ. Всегда умолкаетъ она на рубежѣ послѣдняго слова, на рубежѣ единственнаго слова, которое договорило бы все. И ея ускользающая улыбка возникаетъ вмѣстѣ съ молчаніемъ, оберегая сокровенную истину отъ человѣческаго приближенія. И никогда не будетъ увѣреннымъ ея обладатель. Но и никогда не будетъ онъ утоленъ: вотъ, вмѣстѣ съ улыбкой обновилось все ея существо и радостно призываетъ оно къ новому изученію, и никогда не ослабѣетъ къ нему жгучій интересъ.

Мало-по-малу передъ взоромъ художника вырисовывается физическій и какъ бы растительный типъ послѣдней Евы, мощный расцвѣтъ молодого деревца на истощенной почвѣ вырожденія многихъ поколѣній. На ней священная печать той древней сказочной старины, о которой тоскуютъ ея инстинкты, радости и страхи, которой насыщена ея печаль и гордость".

Въ первое время Гогэнъ чувствовалъ себя среди туземцевъ очень одинокимъ. Трудно было сразу приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ жизни, и поэтому между нимъ и окрестнымъ населеніемъ продолжала существовать какая-то стѣна. Но понемногу художникъ превратился въ настоящаго таитянина, понемногу освоился съ новымъ жизненнымъ укладомъ.

„Цивилизація мало-по-малу уходитъ отъ меня. Я начинаю мыслить просто, испытываю мало ненависти къ моему ближнему,— лучше того, я начинаю любить его. Я имѣю всѣ радости свободной жизни—животной и человѣческой. Я разстаюсь съ ложью, условностями и старыми привычками. Я приближаюсь къ истинѣ, къ природѣ. Вмѣстѣ съ увѣренностью въ томъ, что послѣдующіе дни будутъ подобны дню сегодняшнему, будутъ такіе же свободные и такіе же прекрасные, миръ нисходитъ на мою душу, и я развиваюсь нормально, не имѣя пустыхъ заботъ".

У Гогэна даже появился пріятель.

Однако—„одиночество не переставало тяготить меня. Я видѣлъ вокругъ много молодыхъ женщинъ, много молодыхъ дѣвушекъ, настоящихъ таитянокъ со спокойнымъ взоромъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, охотно раздѣлили бы со мною жизнь,—но я не рѣшался подступиться къ нимъ. Онѣ меня положительно запугивали своимъ увѣреннымъ взглядомъ, достоинствомъ своей осанки и гордостью своей походки.

А между тѣмъ, всѣ онѣ желаютъ быть „взятыми“, взятыми въ буквальномъ смыслѣ этого слова (man—брать)—грубо и безъ разговоровъ. Всѣ онѣ мечтаютъ втайнѣ о насиліи. Этимъ проявленіемъ власти самца, снимающимъ отвѣтственность съ женской воли—ибо она не давала своего согласія—начинается здѣсь прочная любовь. Возможно, что въ основѣ этого насилія, съ перваго взгляда столь возмутительнаго, таится глубокій смыслъ. Возможно, что оно имѣетъ и свое дикое очарованіе. Я много мечталъ объ этомъ, но я не дерзалъ...

... Съ нѣкотораго времени я сталъ хандрить. Моя работа страдала отъ этого. Правда, мнѣ не хватало много существенныхъ матеріаловъ; меня раздражало мое безсиліе передъ лицомъ наиболѣе пылкихъ художественныхъ замысловъ.

Но больше всего мнѣ не хватало радости!

Я рѣшилъ уйти, совершить вокругъ острова путешествіе, конечной цѣли котораго не представлялъ себѣ ясно.

Въ Фаонэ, маленькой деревнѣ, какъ бы предмѣстьи Ихіа, я слышу, какъ меня окликаетъ туземецъ:

— Эй, Человѣкъ, дѣлающій людей! (онъ знаетъ, что я художникъ). Наёгё mai ta maha! („иди поѣсть съ нами“—таитянская формула гостепріимства).

Я не заставляю себя просить, настолько улыбка, сопровождающая приглашеніе, привѣтлива и ласкова.

Я слѣзаю съ лошади. Мой хозяинъ береть ее за поводъ и привязываетъ къ вѣткѣ дерева, ловко и просто, не выказывая никакихъ признаковъ раболѣпія.

И мы вмѣстѣ входимъ въ хижину, гдѣ собрались мужчины и женщины, сидя на землѣ, разговаривая и куря. Вокругъ нихъ играютъ и болтаютъ дѣти.

— Куда ты ѣдешь? — спрашиваетъ меня красивая матрёйка, лѣтъ сорока.

— Я ѣду въ Ихіу.

— Зачѣмъ?

Я не знаю, что за идея явилась у меня въ головѣ, а, быть можетъ, я двѣтвительно высказалъ настоящую цѣль моей поѣздки, скрытую до той поры для меня самого.

— Чтобы найти тамъ жену,—отвѣтилъ я.

— Но ихъ достаточно въ Фаонэ, и есть красавицы. Хочешь одну изъ нихъ?

— Да.

— Отлично! Если она тебѣ понравится, я тебѣ дамъ одну изъ нихъ. Это моя дочь.

— Она молода?

— Да.

— Она красива?

— Да.

— Она здорова?

— Да.

— Отлично, приведи мнѣ ее.

Женщина вышла.

Четверть часа спустя, въ то время, какъ принесли ѣду,—майоръ, дикіе бананы и раки,— она вошла въ сопровожденіи молоденькой дѣвушки, державшей въ рукахъ маленькій пакетъ.

Сквозь платье, изъ розовой, очень прозрачной кисеи, просвѣчивала золотистая кожа плечъ и рукъ. Двѣ крѣпкія почки выступали на грудяхъ. Это было большое, сильное и порывистое, съ чудесными пропорціями, дитя. Но въ ея красивомъ лицѣ я не узналъ того типа, который господствовалъ на островѣ. Ея волосы также были совершенно особенные, слегка вьющіеся и густые, словно кустарникъ. На солнцѣ все это образовало настоящую оргію желтыхъ краскокъ.—Мнѣ сказали, что она была родомъ съ острововъ Тонга.

Я поздоровался съ ней, она улыбнулась и сѣла рядомъ со мной.

— Ты не боишься меня?—спросилъ я ее.

— Аіта (нѣтъ).

— Хочешь ты жить въ моей хижинѣ, всегда?

— Ена (да).

Это было все.

Сердце мое билось, въ то время, какъ молодая дѣвушка раскладывала на землѣ, на большомъ банановомъ листѣ, пищу, предложенную для меня. Я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, но былъ озабоченъ и глубоко взволнованъ. Это дитя, имѣвшее приблизительно тринадцать лѣтъ (18 или 20 лѣтъ Европы), восхищало и дѣлало робкимъ и почти страшило меня. Что могло произойдить въ моей душѣ? И это я, я, такой старый, колебался въ моментъ заключенія договора, въ которомъ всѣ выгоды были на моей сторонѣ...

Быть можетъ,—думалось мнѣ,—это мать ей приказала, вынудила ее. Быть можетъ, это—сдѣлка, изъ-за которой онѣ ссорились другъ съ другомъ... Но я успокоился, замѣтивъ на лицѣ молодой дѣвушки, въ ея жестахъ, въ ея осанкѣ ясные признаки независимости и гордости, столь характерные для ея расы. И моя увѣренность стала полной и непоколебимой, когда, изучивъ ее хорошо, я подмѣтилъ у нея выраженіе того свѣтлаго спокойствія, которымъ сопровождается всегда у юныхъ существъ какое-нибудь благородное, похвальное дѣйствіе.—Но насмѣшливая складка ея рта, въ общемъ, добраго, чувственнаго и нѣжнаго, предупреждала меня о томъ, что всѣ опасности предпріятія грозятъ мнѣ, а не ей...

Я не стану отрицать того, что когда я переступалъ порогъ хижины, мое сердце было

сдавлено какимъ-то страннымъ и очень щемящимъ безпокойствомъ...

Часъ отъѣзда насталъ. Я сѣлъ на лошадь.

Молодая дѣвушка слѣдовала за мной сзади. Ея мать, одинъ мужчина, двѣ молодыхъ женщины,—ея тетки, какъ она говорила,—слѣдовали также за нами.

Мы возвращались въ Таравао, что лежитъ въ девяти километрахъ отъ Фаонэ.

Послѣ перваго километра мнѣ сказали:

— Parahi téié (здѣсь остановись).

Я слѣзъ съ лошади, и мы въ шестеромъ вошли въ большую и опрятную хижину, почти богатую,—богатствомъ земли: красивыми цыновками на сѣнѣ.

Тамъ жила еще молодая и удивительно привлекательная чета. Моя невѣста сѣла рядомъ съ хозяйкой и представила ее мнѣ:

— Вотъ, моя мать.

Затѣмъ, въ молчаніи наполнили кубокъ свѣжей водой, которую мы всѣ поочереди пили съ торжественнымъ видомъ, словно дѣло шло о какомъ-то обрядѣ семейной религіи.

Затѣмъ та, на которую моя невѣста указала какъ на свою мать, сказала мнѣ съ растроганнымъ видомъ и влажными глазами:

— Ты добрый?

Я отвѣтилъ, не безъ смущенія, экзаменуя свою совѣсть:

— Надѣюсь, что да.

— Ты сдѣлаешь мою дочь счастливой!

— Да.

— Черезъ недѣлю она вернется сюда. Если она не будетъ счастливой, она покинетъ тебя.

Я согласился жестомъ. Водворилось молчаніе. Казалось, никто не осмѣливался нарушить его.

Наконецъ, мы вышли, и снова, верхомъ на лошади, я продолжалъ свой путь, все время въ сопровожденіи моего эскорта.

По пути мы встрѣтили много лицъ, знавшихъ мое новое семейство. Они уже были освѣдомлены о событіи и, привѣтствуя молодую дѣвушку, говорили ей:

— Какъ? Ты теперь вахинэ француза? Будь же счастлива.

Одинъ вопросъ безпокоилъ меня. Какимъ образомъ Тэхура (такъ называлась моя жена) имѣла двухъ матерей?

Поэтому я спросилъ ту, которая первая предложила мнѣ ее:

— Зачѣмъ ты мнѣ сказала неправду?

Мать Тэхуры отвѣтила мнѣ:

— Я не солгала. Другая то же ея мать, — это ея кормилица.

... Моя жена говорила немного, но любила посмѣяться и поострить, и въ тоже время была меланхолична.

Мы не переставали изучать другъ друга, но она оставалась непроницаемой для меня, и я былъ скоро побѣжденъ въ этой борьбѣ.

Хотя я и давалъ себѣ обѣщаніе наблюдать за собой и держать себя въ рукахъ, чтобы оставаться проницательнымъ наблюдателемъ, но мои нервы не сдерживали моихъ рѣшеній, и въ короткое время я сталъ для Тэхуры открытой книгой.

За свой счетъ и на своей собственной особѣ я увидѣлъ, такимъ образомъ, глубокую пропасть, которая отдѣляетъ океанійскую душу отъ латинской, и особенно отъ французской. Душа Маори не раскрывается сразу. Надо много терпѣнія и изученія, чтобы добиться обладанія ею. Даже тогда, когда кажется, что знаешь ее всю до дна, она сбиваетъ съ толку внезапными и самыми непредвидѣнными скачками. Эта—сама Тайна или, скорѣе, безконечное сцѣпленіе тайнъ. Въ тотъ самый моментъ, когда думаешь, что постигъ ее,—она уже далека, недоступна, неуловима, закутана смѣхомъ и капризностью. Потомъ, когда она желаетъ этого сама, она приближается снова,—чтобы снова ускользнуть, какъ только увидитъ въ васъ малѣйшіе признаки увѣренности. И въ то время, какъ, заинтригованные ея личиной, вы ищете ея истинную сущность, она сама изучаетъ васъ со спокойной увѣренностью, изъ подъ маски своего постояннаго смѣха и этого беззаботнаго легкомыслія, быть можетъ, менѣе реальнаго, чѣмъ оно кажется...

Что касается меня, то я скоро отказался отъ этихъ задачъ, мѣшавшихъ мнѣ наслаждаться жизнью. Я сталъ жить просто, съ довѣріемъ ожидая отъ вереницы дней тѣхъ откровеній, въ которыхъ мнѣ отказывали первыя минуты.

Такъ протекла недѣля, въ теченіе которой я пережилъ „дѣтство", бывшее мнѣ самому незнакомымъ.

Я любилъ Тэхуру, и я говорилъ ей это, что заставляло ее смѣяться — она сама знала это очень хорошо!

Въ свою очередь, и она, повидимому, любила меня, хотя совершенно не говорила мнѣ этого,—но иногда, по ночамъ, молніи сверкали изъ золота ея кожи...

На восьмой день,— мнѣ казалось, что мы только что впервые вошли вмѣстѣ въ мою хижину,—Тэхура попросила у меня разрѣшенія повидать свою мать въ Фаонэ. Это было обѣщано.

Я покорился съ грустью и, завязавъ въ платокъ нѣсколько піастровъ, чтобы она могла оплатить путевыя издержки и купить рому своему отцу, я проводилъ ее до повозки.

У меня было чувство прощанія навѣки.

Тягостны были послѣдующіе дни. Одиночество гнало меня изъ хижины, а воспоминанія звали меня обратно къ нее. Я не могъ сосредоточить своихъ мыслей ни на какой работѣ.

Прошла еще недѣля, и Тэхура вернулась.

Тогда началась вполнѣ счастливая жизнь. Блаженство и трудъ подымались вмѣстѣ съ солнцемъ, лучистые, какъ оно.

Золото ея лица заполняло радостью и свѣтомъ внутренность жилища и весь окрестный пейзажъ. Она больше не изучала меня, я больше не изучалъ ее. Она больше не скрывала отъ меня, что любитъ меня, я ей больше не говорилъ, что люблю ее.

Мы жили оба въ совершенной простотѣ.

Какъ хорошо было пойти утромъ освѣжиться въ сосѣднемъ ручьѣ,—такъ, навѣрно, дѣлали въ Раю первый мужчина и первая женщина!

Тантинскій Рай—Navé Navé Fénua — Восхитительная Земля!

И Ева этого Рая отдается мнѣ все болѣе и болѣе, покорная и любящая. Я весь пропитанъ ея ароматомъ: „ноа-ноа“! Она во-время вошла въ мою жизнь. Нѣсколько раньше, быть можетъ, я не понялъ бы ея, а нѣсколько позже—было бы слишкомъ поздно. Теперь же я понимаю ее такъ, какъ я ее люблю, и черезъ нее проникаю я, наконецъ, въ тайны, бывшія до сихъ поръ недоступными для меня. Но, пока, мой разумъ не анализируетъ еще моихъ открытій и не распредѣляетъ ихъ въ своей памяти. Это моимъ чувствамъ вѣряетъ Тэхура все, что она говоритъ. Это въ моихъ впечатлѣніяхъ и въ моихъ ощущеніяхъ найду я потомъ записанными ея слова. Такъ ведетъ она меня (болѣе вѣрно, чѣмъ я смогъ бы достичь этого инымъ методомъ) къ полному пониманію своей расы,—ежедневными уроками жизни.

И я не различаю больше ни дней и часовъ, ни зла и добра. Счастье настолько чуждо времени, что оно упраздняетъ повѣтіе о немъ. Я знаю только, что все хорошо, потому что все красиво.

И Тэхура совершенно не мѣшаетъ мнѣ, когда я работаю или отдаюсь мечтамъ. Тогда инстинктивно она умолкаетъ. Она хорошо знаетъ, когда можно говорить со мной, не мѣшая мнѣ,—и мы бесѣдуемъ объ Евроѣ и Таити, о Богѣ и о богахъ: я учу ее; она учитъ меня.

... Тэхура была иногда очень умной и очень любящей, иногда же очень безразсудной и легкомысленной. Въ одномъ существѣ жили двѣ различныя натуры,—не считая много другихъ ея ликовъ, безконечно разнообразныхъ,—которыя противорѣчили другъ другу и смѣняли другъ друга съ ошеломляющей быстротой. Она не была измѣнчива, она была двойная, тройная, многоединая—дитя *старой* расы.

Однажды въ наше мѣстечко приходитъ „вѣчный жидъ“—разносчикъ (онъ попадается на островахъ, какъ и на континентѣ) съ коробомъ „драгоцѣнностей“ изъ позолоченной мѣди.

Онъ раскладываетъ свой товаръ; его окружаютъ.

Пара сережекъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Глаза всѣхъ женщинъ горятъ, всѣ жаждутъ ихъ получить.

Тэхура морщитъ брови и смотритъ на меня. Ея глаза говорятъ мнѣ очень ясно, но я притворяюсь, что не понимаю.

Она увлекаетъ меня въ сторону.

— Я ихъ хочу.

Я замѣчаю ей, что во Франціи эта побрякушка не имѣетъ никакой цѣны, что онѣ *мѣдныя*.

— Я ихъ хочу!

— Но, послушай! Платить двадцать франковъ за подобную гадость! Это было бы безуміемъ. Нѣтъ!

— Я ихъ хочу!

И со страстной лихорадочностью, съ глазами, полными слезъ:

— Какъ! Тебѣ не будетъ стыдно увидѣть эту драгоцѣнность въ ушахъ другой женщины? Вотъ одинъ говоритъ, что онъ продастъ свою лошадь, чтобы подарить эту пару сережекъ своей вахинѣ!

Я не могу обречь себя на эту глупость и отказываю вторично.

Тэхура смотритъ еще разъ на меня, упорно, не говоря больше ни слова, и плачетъ.

Я ухожу, я возвращаюсь, даю еврею 20 франковъ, и солнце восходитъ снова.

Два дня спустя было воскресенье. Тэхура разодѣлась по праздничному. Ея волосы, вымытые съ мыломъ, высушенные на солнцѣ, были натерты благовоннымъ масломъ. Въ красномъ платьѣ, съ однимъ изъ моихъ платковъ въ рукѣ, съ цвѣткомъ за ухомъ,—босикомъ она отправляется въ храмъ.

— А серьги?—говорю я ей.

Тэхура дѣлаетъ презрительную гримасу:

— *Вздоръ онѣ мѣдныя.*

И, заливаясь смѣхомъ, она переступаетъ порогъ хижины и уходитъ, внезапно сдѣлавшись серьезной.

Въ часъ послѣобѣденнаго отдыха, раздѣтые, мы дремлемъ и въ этотъ день, такъ же, какъ и въ остальные дни, рядышкомъ, — дремлемъ или мечтаемъ. Быть можетъ, въ своей грезѣ Тэхура видитъ сверкающія другія серьги.

Я же хотѣлъ бы забыть все, что я знаю, и вѣчно жить въ этой дремѣ...“

Наступилъ сезонъ рыбной ловли, — ловли тунцовъ. Вышехалъ съ рыбаками въ морѣ и Гогонъ. Вотъ наступила его очередь закинуть крючки.

„Спустя очень короткое время мы вытащили громаднаго тунца. Я услыхалъ, хотя и не обратилъ на это достаточнаго вниманія, какъ мои сосѣди пересмѣивались и шептались другъ съ другомъ.

Оглушенная ударомъ палки по головѣ, рыба трепетала въ судорогахъ агоніи и извивалась въ пирогѣ, а ея тѣло, какъ зеркало, сверкало блестками и отбрасывало тысячи огней.

Во второй разъ мнѣ повезло точно такъ же.

Французъ, рѣшительно, привозилъ счастье. Мои товарищи радостно поздравляли меня, увѣряя, что я родился подъ счастливой звѣздой, и я, исполненный гордости, не отрицалъ этого.

Но, среди хора похвалъ, я различилъ, какъ и при первой удачѣ, какое-то перешептываніе и неспокойный смѣхъ.

Рыбная ловля продолжалась до вечера.

Когда пѣсокъ запасъ маленькихъ рыбокъ, служившихъ приманкой, и солнце залило красными пламенемъ горизонтъ—десять великолѣпныхъ тунцовъ составляли грузъ нашей пироги.

Мы приготовились къ возвращенію.

Пока все приводили въ порядокъ, я спросилъ у одного юноши смыслъ тѣхъ словъ, которыми они обмѣнивались шепотомъ, и смѣха, которымъ они встрѣтили объ мои удачи. Онъ отказался отвѣтить мнѣ. Но я настаивалъ, зная, какъ мало можетъ противиться маори и какъ скоро сдается онъ, при энергичномъ давленіи.

Мой собесѣдникъ кончилъ тѣмъ, что пояснилъ мнѣ: если рыба попалась на крючокъ нижней челюстью,—а мои оба тунца были пойманы именно такимъ образомъ, — то это означаетъ невѣрность вахинэ во время отсутствія ея танэ.

Я улыбнулся недовѣрчиво...

И мы возвратились.

Тотчасъ же приступили къ дѣлежу добычи.

Не теряя времени, моя вахинэ взяла топоръ, наколола дровъ и зажгла огонь, въ то время какъ я нѣсколько необчистился и одѣлся, такъ какъ ночь была прохладная.

Изъ нашихъ двухъ долей добычи одна была сварена, а свою долю Тэхура сохранила въ сыромъ видѣ.

Затѣмъ она долго разспрашивала меня о различныхъ происшествіяхъ ловли, и я снисходительно удовлетворилъ ея любопытство. Она радовалась всему, довольная и наивная, и я наблюдалъ за ней, ничуть не давая ей замѣтить мою тайную озабоченность. Въ глубинѣ моей души проснулось какое-то безотчетное безпокойство и не хотѣло больше улечься. Я горѣлъ желаніемъ задать Тэхурѣ одинъ вопросъ, одинъ опредѣленный вопросъ...—Я могъ сколько угодно говорить себѣ: „Къ чему?“ Но что-то отвѣчало во мнѣ: „Кто знаетъ?“

Наступилъ часъ сна, и когда мы оба растянулись рядомъ, я вдругъ спросилъ:

— Ты была умницей?

— Да.

— А твой сегодняшній любовникъ пришелся тебѣ по вкусу?

— У меня не было любовника!

— Ты лжешь! Рыба сказала мнѣ!

Тэхура поднялась и пристально посмотрѣла на меня. На ея лицѣ отпечаталось выраженіе какого-то непередаваемаго мистицизма и торжественности, какое-то странное незнакомое величіе, чего я никогда не ожидалъ отъ ея физіономіи, обыкновенно радостной и почти дѣтской.

Новая атмосфера возникла въ нашей хижинѣ: *я чувствовалъ, что Нѣкто Высшій сталъ между нами.* Да, вопреки своей волѣ, я испытывалъ власть вѣры, я ожидалъ предостереженія съ неба, и въ то же время, съ усиліемъ возвращаясь къ пустотѣ нашего скептицизма,—такой безплодной по сравненію съ пламенностью вѣры или даже суевѣрія,—я не сомнѣвался, что никакого предостереженія не будетъ...

Тэхура тихо встала и удостовѣрилась, что наша дверь хорошо закрыта; затѣмъ, вернувшись на середину комнаты, она громко произнесла слѣдующую молитву:

„Спаси меня! Спаси меня!
„Насталъ вечеръ, насталъ Божій вечеръ!
„Будь при мнѣ, мой Боже!
„Остереги меня, Господи!
„Охрани меня отъ чаръ и дурныхъ совѣтовъ!
„Охрани меня отъ внезапной смерти.
„Отъ злыхъ желаній и отъ заклятій;
„Охрани меня отъ земельныхъ тяжбъ,
„—Да царитъ миръ вокругъ насъ!
„О мой Боже, охрани меня отъ злобныхъ воиновъ,
„Охрани меня отъ того, кто бродитъ съ угрозами,
„Кто радъ наводить страхъ,
„Отъ того, чьи волосы всегда стоятъ дыбомъ!
„—Да будемъ живы я и мой духъ,
„О мой Боже“!

Конечно, въ этотъ вечеръ вмѣстѣ съ Тэхурой молился и я.

Окончивъ свою молитву, она приблизилась ко мнѣ и сказала съ глазами, полными слезъ:

— Надо побить меня, надо много меня бить.

И, глядя на глубокую выразительность этого лица и на совершенную красоту этой живой статуи, я представлялъ себѣ само Божество, къ которому обращалась съ молитвою Тэхура.

Да будутъ на вѣки прокляты мои руки, если онѣ осмѣлятся подняться на это совершеннѣйшее твореніе Природы!

И вотъ, обнаженная, съ глазами спокойными и полными слезъ, она казалась мнѣ снова одѣтой въ желто-оранжевое покрывало непорочности, въ желто-оранжевое покрывало Викку.

Она повторила:

— Надо меня побить, надо много меня бить, иначе ты долго будешь сердиться и ты будешь боленъ...

Я обнялъ ее.

И теперь, любя ее безъ недовѣрія и такъ же сильно, какъ сильно я восхищался ею, я повторилъ въ душѣ слѣдующія слова Будды: „Да, кротостью надо побѣждать насиліе, добромъ—зло, истиной—ложь“.

Эта ночь была божественной, какъ столько другихъ ночей, больше, чѣмъ всѣ другія ночи,—и день занялся радостный.

Рано утромъ тещa принесла намъ нѣсколько свѣжихъ кокосовъ.

Глазами она задавала вопросы Тэхурѣ. Она *знала*.

Съ очень тонкой игрой на лицѣ, она сказала мнѣ:

— Ты вчера ловилъ рыбу. Все обошлось хорошо?

Я отвѣтилъ:

— Да, я надѣюсь начать снова—въ скоромъ времени.

... Мнѣ нужно было вернуться во Францію. Настоятельныя семейныя дѣла призывали меня обратно.

Прощай же, гостепріимная Сладостная Земля, родина свободы и красоты!

Я уѣзжаю, состарившись на два года, помолодѣвъ на двадцать лѣтъ, большимъ *варваромъ*, чѣмъ былъ по пріѣздѣ, и гораздо болѣе *просвѣщеннымъ*.

Когда я покидалъ набережную, въ моментъ отплытія я взглянулъ въ послѣдній разъ на Тэхуру.

Она плакала нѣсколько ночей подъ рядъ, и теперь, усталая и все еще печальная, но спокойная, она сидѣла на камнѣ, свѣсивъ ноги, касаясь широкими и крѣпкими ступнями соленой воды.

Цвѣтокъ, который она носила утромъ за ухомъ, упалъ—уядшій—на ея колѣни.

Отовсюду, другія женщины, такіе же нѣмыя, усталыя, угрюмыя, смотрѣли на тяжелый дымъ парохода, который уносилъ насъ всѣхъ, навсегда и далеко, — любовниковъ минувшаго дня.

И съ мостковъ парохода еще долго казалось мнѣ, что я читаю на этихъ женскихъ устахъ старые маорійскіе стихи:

Вы, легкіе вѣтерки юга и востока,
Слетающіеся надъ моей головой для ласки
и игры,
Поспѣшите на другой островъ,
Тамъ найдете вы, подъ тѣнью любимаго
дерева,
Того, кто покинулъ меня —
Скажите ему, что вы видали меня въ слезахъ...

* * *

Такъ кончилась благоухающая идиллія въ безпокойной жизни Гогэна. Онъ снова на родинѣ. Сурово встрѣтилъ его Парижъ, въ частности его новыя, тантянскія, полотна, выставка которыхъ не принесла художнику ничего, кромѣ насмѣшекъ и критики и публики. Еще разъ могъ убѣдиться Гогэнъ, что „акклиматизироваться“ въ Европѣ ему гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на Таити... И Гогэну больше ничего не остается, какъ вернуться (на этотъ разъ ужъ навсегда) туда, въ „гостепріимную Сладостную Землю“.

„Тамъ, на Таити, я смогу, по крайней мѣрѣ, кончить свои дни безъ заботы о завтрашнемъ днѣ и вѣчной борьбы съ глупцами; тамъ домъ мой будетъ изъ деревянной рѣзьбы. Прощай же, искусство, если оно—не радость“,—пишетъ онъ своему другу.

Если первое тантянское путешествіе его было похоже на родерію, то эта вторая и послѣдняя поѣздка,—по словамъ автора вступительной статьи,—превратилась въ драму, въ которой одно дѣйствіе слѣдовало за другимъ съ необходимостью рока, увлекая его къ необходимому концу. Все новые и новые долги, незаживающія раны на ногѣ, томительная служба изъ-за куска хлѣба въ управленіи общественныхъ работъ, извѣстіе о смерти дочери — все это съ каждымъ днемъ омрачало его настроеніе. Теперь ему хочется только одного—чтобы о немъ забыли во Франціи, чтобы ему дали спокойно умереть въ неизвѣстности изгнанія.

Однако, несмотря на болѣзнь ноги и наступающую старость, Гогэнъ все тянется къ солнцу, къ беззаботному счастью, и надъ входомъ своей бамбуковой хижины дѣлаетъ надпись: „Maison du Iouir“ (Домъ наслажденій).

Не смирился и боевой темпераментъ Гогэна; наоборотъ, именно послѣдніе годы его жизни озарились наиболѣе яркой вспышкой его воинствующаго духа: онъ затѣваетъ неравную борьбу съ колоніальными сатрапами — борьбу, въ которой было не мало личнаго озлобленія и даже манія преслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало и своеобразнаго идеализма. Какъ новый донъ Кихотъ, подымаетъ онъ мечъ за невозможное и обреченное—за сохраненіе туземной культуры, золотокожаго человѣчества; онъ издаетъ свой собственный сатирическій листокъ „Le Sourire", полный памфлетовъ и карикатуръ на мѣстную администрацію, который самъ составляетъ, иллюстрируетъ и печатаетъ на гекторафѣ. И недѣтъ среди туземцевъ пропаганду противъ христіанской школы и правительственныхъ податей, высмѣиваетъ священника.

Такъ, въ разгарѣ фанатической войны, можно сказать, на полѣ битвы, и умеръ Поль Гогэнъ,—въ маѣ 1903 г. А онъ еще мечталъ побывать въ Испаніи...

Изъ литературнаго и художественнаго прошлаго.

[92]

(Воспоминанія Е. Ф. Юнге. урожд. гр. Толстой. 1843—1863).

Судьба поставила Екатерину Федоровну Юнге въ исключительно счастливыя условія. Это была одна изъ богато одаренныхъ натуръ прошлаго вѣка. Дочь графа Федора Петровича Толстого, болѣе 30 лѣтъ бывшаго вице-президентомъ академіи художествъ, Е. Ф. съ дѣтства была окружена исключительно художественной обстановкой. Передъ ней прошли всѣ выдающіеся люди ея эпохи. Она знакома со всѣми писателями и художниками. Самая изысканная духовная атмосфера окружаетъ ее. Ихъ домъ—музей рѣдкостей, ея отецъ извѣстный художникъ и знатокъ классической живописи. У нихъ постоянные вечера и гости. Вокругъ ея отца собиралось всегда самое избранное общество.

Такова та духовная обстановка, въ которой жила Е. Ф. Понятно, что воспоминанія ея, въ виду этого, должны представлять большой интересъ.

Изъ всего обилія фактовъ, приводимыхъ авторомъ воспоминаній, мы беремъ только то немногое, что имѣетъ отношеніе къ такимъ выдающимся личностямъ, какъ Гинка, поэтъ Щербина, Шевченко и трагикъ Ольдриджъ.

Но предварительно остановимся на личности самой Е. Ф. Юнге. А. Повицкій въ предисловіи къ „Воспоминаніямъ", между прочимъ, приводитъ начало переписки Екат. Фед. съ Достоевскимъ, рельефно обрисовывающей ея духовный обликъ.

Изъ переписки Е. Ф. Юнге съ М. Ф. Достоевскимъ.

„Это было время, когда только еще печатались въ журналѣ „Братья Карамазовы". Прочтя ихъ еще не до конца, она приняла въ такое восхищеніе, что не спала всю ночь, хотѣла сейчасъ же писать письмо автору, но пока написала своей матери: „Эта вещь,— пишетъ она,—совсѣмъ разбередила меня, въ ночи я не могла спать и горячія слезы проливала; но это наслажденіе — проливать слезы надъ произведеніемъ искусства. Еще Пушкинъ выставилъ, какъ одну изъ причинъ, почему онъ жить хочетъ, это—можетъ быть „надъ вымысломъ слезами обольюсь". Если бъ зналъ Достоевскій, сколько онъ мнѣ доставилъ этихъ слезъ и сколько утѣшенія своими произведеніями, ему бы вѣрно было пріятно. Еще во время войны, когда бывало на душѣ такъ тяжело, что силъ нѣтъ, одинъ „Дневникъ писателя" утѣшалъ меня. Бывало, читаешь и думаешь: утопія все это, а между тѣмъ, въ душу входитъ что-то утѣшающее, сладкое, потому что видно тамъ любящее сердце, душу, понимающую все, повинующую и вѣру. Ужъ если есть хоть одинъ человѣкъ, убѣжденный, вѣрующій, любящій, не згонитъ,—какое, это, въ тяжелыя минуты, огромное утѣшеніе, а онъ еще такъ прямо, такъ громко, такими жгучими словами говоритъ о своей вѣрѣ! Мнѣ тогда много разъ хотѣлось поѣхать къ нему, написать ему; но, конечно, при моей застѣнчивости, не сдѣлала. Думала, посмѣется только человѣкъ надо мной, что ему за дѣло до моихъ восторговъ и внѣшній? Если бы всѣ его поклонники со всей Россіи стали бы ѣздить къ нему съ выраженіемъ чувствъ!? Но теперь, если бы я была въ Петербургѣ, я бы пошла къ нему, и онъ ужъ самъ былъ бы виноватъ. Развѣ не описалъ онъ, какъ было пріятно старцу Зосимѣ, когда къ нему пришла простая русская глупая баба со своимъ русскимъ простымъ спасибо?! И я бы пришла и сказала „спасибо",— спасибо, что онъ думалъ и высказалъ вещи, которыя безъ словъ наполнили душу и мучили меня, спасибо, что онъ не гнушается войти въ сквернное, преступное сердце и выкопать тамъ нѣчто и прекрасное, за то, что любитъ дѣтокъ, за художественное наслажденіе его образами, за слезы, за то, что съ нимъ я забыла ежедневныя

заботы и мелочи жизни и какъ-то возвеслась надъ ними. Невольно сравниваешь Достоевскаго съ европейскими романистами,— я беру лучшихъ изъ нихъ, — французовъ: Золя, Гонкуръ и Доде,— они всѣ честные, желаютъ лучшаго; но, Боже мой, какъ мелко плаваютъ! А этотъ... и реалистъ, такой реалистъ, какъ никто изъ нихъ! Его лица — совсѣмъ живые люди! Самъ кажется, будто вы знавали ихъ или видѣли гдѣ-то, будто вы знаете темброъ ихъ голоса. Еще болѣе реальности придаетъ этимъ людямъ высоко-художественный пріемъ— не описывать ихъ, а давать читателю знакомиться съ ними постепенно, какъ это бываетъ въ жизни. Наблюдатель Достоевскій такой тонкій и глубокій, что можно только поражаться,—это, конечно, не новость. И, вмѣстѣ съ этимъ крайнимъ реализмомъ, можно ли на свѣтѣ найти еще такого поэта и идеалиста?! Вѣдь это почти достижніе идеала искусства,— человѣкъ, который реалистъ, точный наблюдатель, психологъ, идеалистъ и философъ! Да, онъ еще и философъ,— у него совсѣмъ философскій умъ, а между тѣмъ, онъ, вѣроятно, не получилъ философскаго образованія; видно, философы бываютъ врожденные, какъ геніи. Говорить ли тебѣ, что я рѣдка, читая разсказъ бабы объ умершемъ ребенкѣ?! И какъ онъ такъ знаетъ женское сердце?! Должно быть, и это врожденное: сила его любви дала ему понять женское и дѣтское сердце. А какое впечатлѣніе всего хода романа! Какъ передъ грозою собираются тучи, и ты видишь—неминуемая уже гроза, — такъ и тутъ: собираются событія, воздухъ становится все гуще и невыносимѣе, и такъ сильно впечатлѣніе, что хочется, чтобъ ужъ онъ убилъ его поскорѣе, чтобы уже было кончено. Прочла я вчера вечеромъ Великаго Инквизитора, не могла болѣе читать, да и проваляласъ до утра, думая объ этомъ всемъ и сочиняя письмо къ Достоевскому. Мнѣ такъ вдругъ захотѣлось исповѣдоваться ему и услышать отъ него какое-нибудь нужное мнѣ слово! Захотѣла исповѣдоваться ему потому именно, что онъ все пойметъ и никѣмъ не гнушается. Я бы, можетъ быть, была, дѣйствительно, способна это сдѣлать, если бъ онъ позволилъ. Право, я какая-то сумасшедшая! Все-таки, если увидишь его, передай ему мое спасибо".

Мать, получивъ это письмо, дѣйствительно поѣхала съ нимъ къ Достоевскому. „Я нашла его,—писала она послѣ того дочери,—тѣмъ-то разстроеннымъ, больнымъ, доведеннымъ слѣдственъ... Не даромъ мнѣ хотѣлось прочесть Достоевскому твое письмо: по мѣрѣ того, какъ жена его читала (читаетъ она превосходно и съ большой осмысленностью и чувствомъ), лицо его происвялось, покрылось жизненною краскою, глаза блестѣли удовольствіемъ, часто блестѣли слезы. По прочтеніи письма мнѣ показалось, что онъ вдругъ помолодѣлъ. Онъ спросилъ, пишешь ли ты. На отрицательный отвѣтъ сказалъ: „Грѣхъ по ея письму, она такъ же можетъ писать, какъ и я". Когда я уходила, онъ просилъ меня передать тебѣ его глубокую признательность за твою оцѣнку къ его труду, прибавивъ, что въ письмѣ твоемъ полная научная критика, и лучшая, какая (когда)-либо, была и будетъ, и которая доставила ему невыразимое удовольствіе. Это ужъ я сама видѣла. Все время, покуда я одѣвалась въ передней, онъ только и твердилъ, чтобы я не забыла передать тебѣ его благодарность за то, что такъ глубоко разбираешь его романъ, Карамазовыхъ, и сказать тебѣ, что никто такъ еще осмысленно его не читалъ. Ты сама бы порадовалась, увидѣвъ, какое наслажденіе доставило твое письмо благородному труженику. Что же касается до того, что ты пишешь о своей конфузливости, то онъ это выходитъ не натуральнымъ и не твоимъ, по слогу (складу?) твоего ума и чувства; но что это чуже, привитое къ тебѣ, которое со временемъ пройдетъ и непремѣнно пройдетъ... Достоевскій говоритъ, что онъ былъ бы очень радъ получить отъ тебя письмо, но просить объ этомъ не можетъ, чтобы не было чего-нибудь затруднительнаго для тебя, какъ обязательнаго".

Получивши это сообщеніе, Екатерина Ѳедоровна, дѣйствительно, написала Ѳ. М. Достоевскому письмо, искрящееся умомъ, тонкимъ пониманіемъ души человѣческой и необычайною скромностію. Привожу его почти цѣликомъ:

„Вы позволили мнѣ писать вамъ, многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, какъ же противостоять такому искушенію! Но только, если вы смѣетесь надо мной, то не дѣлайте этого,— вы видите передъ собой больную душу, которая вѣритъ душевнымъ. Не могу выразить вамъ, какъ сильно я цѣню васъ, какъ писателя-мыслителя, т.-е. ее пѣню—„пѣню" ее слово (это было бы слишкомъ дерзко съ моей стороны дѣлать вамъ оцѣнку), но какъ сильно я благодарна вамъ, именно благодарна. Не смѣйтесь надъ моими утрировками, — но, право, это чувство однородное съ тѣмъ, какъ чувствуешь въ дѣтствѣ, когда восторгаешься природой или наслаждаешься какимъ-нибудь удовольствіемъ, и въ душѣ рождается какая-то горячая благодарность къ Создателю. Я часто оставляла елку, чтобы побѣжать помолиться, а потомъ часто передъ красотою заката падала на землю въ восторгѣ и нѣмой молитвѣ. А теперь, когда я читаю что-нибудь хорошее, у меня является непреодолимое желаніе пойти и высказать Соз-

датслю то, что такъ глубоко потрясетъ меня, мою благодарность. Не такого ли чувства заслуживаю Марію припадать къ колѣнямъ своего дивнаго Учителя и слѣдовать за Нимъ до самаго подножія креста? Вотъ почему въ годъ войны я часто была на порогѣ, чтобы питя къ вамъ, но никогда не могла рѣшиться и просто мучилась этимъ, особенно въ то время, когда вы прекратили „Дневникъ“,—мнѣ такъ хотѣлось упросить васъ продолжать намъ это утѣшеніе. Вы посвятили свое время не менѣе прекрасному труду. Много бы хотѣлось сказать про Карамазовыхъ, много мыслей и чувствъ пробудила во мнѣ эта чудесная повѣсть, но боюсь надоѣсть вамъ. Кстати объ моей застѣнчивости. Вы отчасти правы были, когда сказали, что это во мнѣ привитое. Хотя застѣнчивость у меня есть отъ природы, но она усилилась отъ сильной близорукости и отчасти благодаря одному обстоятельству... Мнѣ и теперь кажется, что я говорю очень глупо, и только глубокая вѣра, что вы человѣкъ, въ душѣ котораго такая бездна снисходительности и всепрощенія, заставляетъ меня исполнить мое давнишнее желаніе, если не пойти, то написать къ вамъ, — на бумагѣ какъ-то менѣе совѣстно. Съ одной стороны, я теперь рада, что моей мамашѣ вздумалось показать вамъ мое письмо. Вы, вѣроятно, увидѣли изъ него, что оно не предназначалось для вашихъ ушей, и это гораздо лучше. Если бъ я прямо написала вамъ, я конечно, не высказалась бы такъ откровенно, искала бы фразъ, и вышло бы не то. Моя мама передала мнѣ, что вы говорили, что я могла бы писать, и хвалили мое письмо. Я не помню, въ какихъ чертахъ я изливала въ немъ свои чувства, но скажу одно: это письмо не я писала, а мое непосредственное чувство, само дѣло говорило за себя, сама правда непосредственно и безъ моего вѣдома вылилась. У меня такъ часто бываетъ: въ какомъ-нибудь письмѣ неожиданно вылаются страницы, которыя люди называли поэтическими. Я вѣдь всегда сочиняю, — лежу ли безъ сна ночью, гуляю ли, шью ли, всѣ мысли у меня складываются въ образы, и я сама знаю, что иногда недурные; но совсѣмъ другое дѣло, когда сядешь съ вамъреніемъ написать что-нибудь... всѣ смѣшиваются, все улетучивается. Къ тому же я очень лѣнива, техника писанія сердитъ меня. Я потому предпочитаю живописъ, — тамъ прямо творишь, а тутъ между твоею мыслью и бумагой —это противное, неуклюжее перо! Отъ одного макнія въ чернила можно съ ума сойти. Вотъ если бъ можно было диктовать или стенографировать, если бъ фонографъ какъ-нибудь приспособить... было бы другое дѣло. Кромѣ моего желанія высказать вамъ, что я, насколько могу, понимаю васъ и благодарна вамъ всѣмъ сердцемъ за тѣ хорошія чувства, которыя вы заставляете шевелиться, за то утѣшеніе, которое проливаете въ душу; высказать вамъ не объ моего только ничтожнаго имени, а какъ одна изъ тысячъ, что вы не даромъ писали и мыслили... Кромѣ этого главнаго, еще одна мысль все напрашивалась мнѣ въ голову, и именно: мнѣ кажется, что и принадлежу къ такимъ типамъ, въ которыхъ вы только можете разобраться и кое-что объяснить и которые могутъ дать васъ занять, не по своему совершенству или выдающимся чертамъ, но скорѣе именно по своему несовершенству и по психологической загадкѣ, въ нихъ заключающейся. Во-первыхъ, мнѣ кажется, я заключаю въ себѣ, въ миніатюрѣ, всѣ недостатки русскаго народа: крайняя воспріимчивость и недостатокъ выдержки, постоянныя увлеченія въ ту или другую сторону, талантливость, не ведущая къ желаемымъ результатамъ, самыя высокія стремленія, приводящія къ фіаско! Во-вторыхъ, у меня двойственность въ характерѣ, доведенная до послѣдней степени. Двойственность эта заставляетъ меня всегда дѣлать то, что я вполнѣ сознаю, что не должна бы дѣлать, и это какимъ-то самымъ роковымъ образомъ, будто всѣ обстоятельства слагаются такъ, чтобъ я это сдѣлала. Особенно въ мелочахъ это проявляется очень интересно. Всѣ эти разнообразныя чувства, которыя вытекаютъ изъ этой двойственности, которыя волнуютъ и терзаютъ меня, устраиваютъ около меня такой лабиринтъ, что только рука опытнаго психолога можетъ вывести меня на свѣтъ Божій. Вотъ у меня и является желаніе исповѣдаться такому психологу. Я сама себѣ удивляюсь: неужели я бы могла вамъ, почти незнакомому человѣку, высказать откровенно то, что скрываю отъ своихъ близкихъ. Откуда такое довѣріе? Съ людьми, съ которыми тысячи узъ связываютъ меня —молчу, а тутъ: явился посторонній человѣкъ, вылилъ свою душу на бумагу. Бумага эта попала мнѣ на глаза и, какъ волшебный ключъ, открыла тайникъ моего сердца, и сталъ этотъ чудный человѣкъ мнѣ другомъ, въ котораго я вѣрю и котораго не стыдусь!.. Къ сожалѣнію, почти немыслимо написать свою исповѣдь какъ бы мнѣ ни полегчало отъ этого, такъ какъ говорить правду объ настоящемъ нельзя... Простите мнѣ, добрѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, это длинное и безсвязное письмо. Вы вѣроятно, его расчитали настолько, что поняли самое главное, что и безконечно благодарна вамъ вообще всегда и въ частности теперь, когда

вы отнеслись ко мнѣ ласково, и что я была бы счастлива, если бъ мои, можетъ быть, глупыя, но искреннія, правдивыя слова доставили вамъ самое малѣйшее удовольствіе".

Ѳ. М. Достоевскій отвѣтилъ ей на это слѣдующимъ письмомъ (отъ 11 апрѣля 1880 г.):

„Простите, что слишкомъ долго промедлилъ вамъ отвѣчать на прекрасное и столь дружественное письмо ваше; не сочтите за небрежность. Хотѣлось отвѣтить вамъ что-нибудь искреннее и задушевнее, а ей-Богу моя жизнь проходитъ въ такомъ безпорядочномъ кипѣніи и даже въ такой суетѣ, что право я рѣдко когда принадлежу весь себѣ. Да и теперь, когда я, набоненецъ, выбралъ минуту, чтобы написать вамъ — врядъ ли, однако, я въ состояніи буду написать хоть малую долю изъ того, что сердце бы хотѣло вамъ сообщить. Мнѣніе ваше обо мнѣ я не могу не цѣнить: тѣ строки, которыя показала мнѣ изъ вашего письма къ ней ваша матушка, слишкомъ тронули и даже поразили меня: я знаю, что во мнѣ, какъ въ писателѣ, есть много недостатковъ, потому что я самъ первый собою всегда недоволенъ. Можете вообразить, что въ иныя минуты внутренняго отчета я часто съ болью сознаю, что не выразилъ буквально и двадцатой доли того, что хотѣлъ бы, а можетъ быть и могъ бы выразить. Спасаетъ при этомъ меня всегдашняя надежда, что когда-нибудь пошлетъ Богъ настолько вдохновенія и силы, что я выражусь полнѣе, однимъ словомъ,—что выскажу все, что у меня заключено въ сердцѣ и въ фантазіи. На недавнемъ здѣсь диспутѣ молодого философа Владиміра Соловьева (сына историка) на доктора философіи, я услышалъ отъ него одну глубокую фразу: „Человѣчество, по моему глубокому убѣжденію (сказалъ онъ), знаетъ гораздо болѣе, чѣмъ до сихъ поръ успѣло высказать въ своей наукѣ и въ своемъ искусствѣ". Ну, вотъ такъ и со мною: я чувствую, что во мнѣ гораздо болѣе скрыто, чѣмъ сколько я могъ до сихъ поръ выразить, какъ писатель! Но все же, безъ ложной скромности говоря, я вѣдь чувствую же, что и въ выражемомъ уже мною было нѣчто, сказанное отъ сердца и правдиво. И вотъ, клянусь вамъ, сочувствія встрѣтилъ я много, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ заслуживалъ, во критика, печатная литературная критика, даже если хвалила меня, (что было рѣдко), говорила обо мнѣ до того легко и поверхностно, что, казалось, совсѣмъ не замѣтила того, что рѣшительно родилось у меня съ болью сердца и вылилось правдиво изъ души. А потому можете заключить, какъ пріятно должна была подѣйствовать такая тонкая, такая глубокая оцѣнка меня, какъ писателя, которую прочелъ я въ вашемъ письмѣ къ вашей матушкѣ. Но я все о себѣ, хотя трудно не говорить о себѣ, говоря съ такимъ глубокимъ и симпатичнымъ мнѣ критикомъ моимъ, какого вижу въ васъ. Вы пишете о себѣ, о душевномъ настроеніи вашемъ въ настоящую минуту. Я знаю, что вы художникъ, занимаетесь живописью. Позвольте вамъ дать совѣтъ: не покидайте искусства и даже еще болѣе предайтесь ему, чѣмъ доселѣ. Я знаю, я слышалъ (простите меня), что вы не очень счастливы. Живя въ уединеніи и растравляя душу свою воспоминаніями, вы можете сдѣлать свою жизнь слишкомъ мрачною. Одно утѣшеніе, одно лѣкарство: искусство и творчество. Исповѣдь же вашу, теперь, по крайней мѣрѣ, не рѣшайтесь писать,—это будетъ, можетъ быть, вамъ очень тяжело. Простите за совѣты; но я бы очень желалъ васъ увидѣть и сказать вамъ хоть два слова изустно. Послѣ такого письма, которое вы мнѣ написали, вы, конечно, для меня дорогой человѣкъ, близкое душѣ моей существо, родная сестра по сердцу,—и не могу же я вамъ не сочувствовать! Что вы пишете о вашей двойственности? Но это—самая обыкновенная черта у людей... не совсѣмъ, впрочемъ, обыкновенныхъ,—черта, свойственная человѣческой природѣ вообще, но далеко-далеко не во всякой природѣ человѣческой встрѣчающаяся въ такой силѣ, какъ у васъ. Вотъ и поэтому вы мнѣ родная, потому что это раздвоеніе въ васъ точь въ точь какъ и во мнѣ, и всю жизнь во мнѣ было. Это—большая мука, но въ то же время и большое наслажденіе. Это—сильное сознаніе, встрѣвожсть самостчета и присутствіе въ природѣ вашей потребности нравственнаго долга къ самому себѣ и къ человѣчеству. Вотъ что значитъ эта двойственность. Были бы вы не столь развиты умомъ, были бы ограниченѣе, то были бы и менѣе совѣстливы, и не было бы этой двойственности,—напротивъ, родилось бы великое сомнѣніе. Но все-таки эта двойственность—большая мука. Милая, глубокоуважаемая Катерина Ѳедоровна, вѣрите ли вы во Христа и Его обѣты? Если вѣрите (или хотите вѣрить очень), то предайтесь Ему вполнѣ, и муки отъ этой двойственности сильно смягчатся, и вы получите исходъ душевный, а это главное. Простите, что написалъ такое безпорядочное письмо. Но если бъ вы знали, до какой степени я не умѣю писать писемъ и тягочусь писать ихъ! Но вамъ всегда буду отвѣчать, если вы еще напишете. Наживъ такого друга, какъ вы, не захочу потерять его. А пока прощайте. Всѣмъ сердцемъ преданный

вамъ другъ вашъ и родной по душѣ Ѳ. Достоевскій".

Щербина, Глинка, Шевченко, Ольдриджъ.

Вечера у Толстыхъ были всегда очень интересны. Собирались у нихъ обыкновенно по средамъ.

„Въ эти дни,—пишетъ Е. Ф.,—въ громадной нашей залѣ ставились длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, освѣщенные лампами съ рефлекторами, и всѣ наши художники садились за работу: кто рисовалъ карандашомъ, кто кистью. Писатели читали тутъ свои новыя вещи, разсказывали, музыканты играли, пѣли. Публики собиралось очень много, но большею частью все были артисты, и потому эти вечера отличались оживленіемъ, разнообразіемъ, шумною веселостью и вмѣстѣ съ тѣмъ интимнымъ характеромъ. Чудные, незабвенные это были вечера! Если бы я захотѣла перечислить всѣхъ замѣчательныхъ людей, которые собирались тутъ, то пришлось бы перемѣновать всѣхъ выдающихся тогда нашихъ писателей и художниковъ и очень многихъ профессоровъ, музыкантовъ, актеровъ и пріѣзжихъ артистовъ. Тогда было богатое время по отношенію къ талантамъ: если періодъ Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, Брюллова (которые всѣ были друзьями отца) миновалъ, то все-таки это было время, когда жили Вяземскій, Одоевскій,—время Тургенева, Писемскаго, Толстого, Майкова, Иванова... Тутъ слышали мы превосходное чтеніе Писемскаго, Тургенева и еще болѣе превосходные разсказы послѣдняго, неизданныя вещи Майкова, Мея, Полонскаго, игру Контскаго, пѣніе де-Бассини, Леоновой и Петрова.

Н. Ѳ. Щербина былъ душой нашего общества. Многіе еще помнятъ вѣроятно этого маленькаго, смуглаго человѣка, съ необыкновенно блестящими, живыми и проницательными черными глазами, помнятъ его остроуміе, его рѣдкія сатиры, но мало кто зналъ его душевныя качества, его трагическую внутреннюю жизнь, тѣ богатыя сокровища любви, которыя таились подъ личиной озлобленія, мало кто замѣчалъ, что въ смѣхѣ его звучали слезы. Чуткая и нѣжная душа, страстное стремленіе къ любви, высоко-идеальное представленіе о женщинѣ,—все это было поругано въ немъ жизнью. Онъ былъ весь точно израненный, весь окровавленный внутри; и чѣмъ сильнѣе подымалась въ немъ боль, тѣмъ веселѣе и ядовитѣе лились его остроты и оглушительнѣе гремѣлъ гомерическій хохотъ его слушателей.

Какъ только появлялся Н. Ѳ. (Щербина), всѣ занятія прекращались, художники бросали кисти, старички—карты, дѣти—игрушки, около него образовывался тѣсный кругъ, и до утра лились самыя оригинальныя, самыя фантастическія импровизаціи. Тутъ затрогивалась и политика, и литература, всѣ „злобы дня" рисовались карикатурно, нравовъ, разсказывались юмористическіе анекдоты, часто о присутствующихъ, но въ нихъ было столько комизма, веселости и добродушія, что никто не обижался. Щербина обладалъ необыкновенной наблюдательностью и способностью схватывать самыя характерныя черты человѣка, обрисовывать личность или кружокъ какимъ-нибудь словомъ такъ мѣтко, что это слово навѣки прилипало къ охарактеризованному имъ лицу или кружку; но зла, желанья сдѣлать кому-нибудь больно—не было въ Щербинѣ, напротивъ, онъ съ сердечнымъ тактомъ умѣлъ разграничивать легкую насмѣшку отъ обиды, когда говорилъ о присутствующихъ. Талантъ этого человѣка выражался главнымъ образомъ въ томъ, что онъ никогда не повторялся, и, множество разъ передавая свои сонники и акаѳисты, умѣлъ разнообразить и варіировать ихъ до неузнаваемости, вѣчно прибавляя что-нибудь новое и совершенно неожиданное. Напечатанныя его вещи не даютъ и понятія о блескѣ его разсказовъ. Все—новости дня, прочитанная вещь, случайно кѣмъ-нибудь сказанное слово,—все служило ему темой для неисчерпаемыхъ импровизацій. Такого хохота, который раздавался между его слушателями, право, мнѣ не случалось потомъ слышать: хохотали до изнеможенья, до боли, а на лицѣ его никогда не появлялось даже и улыбки, онъ говорилъ всѣмъ серьезно, точно разсказывалъ самыя обыденныя происшествія и такъ убѣжденно, точно вполнѣ вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность; этотъ контрастъ между его выраженіемъ и тѣмъ, что онъ разсказывалъ, производилъ невѣроятное комичное впечатлѣніе, которому способствовало легкое заиканіе Н. Ѳ., выходило какъ бы подчеркиваніе нѣкоторыхъ мѣстъ рѣчи и иногда удивительно кстати. Вообще это чуть замѣтное заиканіе какъ-то шло къ Щербинѣ.

За этимъ-то игривымъ разсказчикомъ просмотрѣли страдающаго человѣка и вдохновеннаго поэта. Щербину, какъ поэта, мало знали, а какъ человѣка—не понимали вовсе. Объ его сатирахъ всѣ говорили, въ обществѣ его всегда просили разсказать что-нибудь, но только небольшой кружокъ оцѣнивалъ вполнѣ, какъ это дѣлалъ мой отецъ, душевныя качества Щербины и его дивныя антологическія стихотворенія. Въ послѣднихъ, по мнѣнію моего отца, Щербина поднялся на высшія ступени,

когда-либо достигнутыя самыми великими поэтами.

Бываютъ личности, къ которымъ всю жизнь судьба несправедлива: къ такимъ принадлежалъ Щербина, и не мудрено, что онъ сдѣлался мизантропомъ. Натѣшивши общество въ въ продолженіе цѣлаго вечера, вылилъ въ насмѣшкѣ всѣ свои тайныя слезы, иногда набравши въ то же время въ душу новаго негодованія, онъ отправлялся въ трактиръ Палкина и тамъ, одинокій и угрюмый, просиживалъ до утра; тамъ онъ работалъ и читалъ, а чаще думалъ свои мрачныя думы. При этомъ онъ пилъ одинъ только чай. Утромъ возвращался онъ домой и ложился спать.

Часто отецъ мой и мать выговаривали ему за такой образъ жизни; тогда онъ открывалъ передъ ними свою наболѣвшую душу, описывалъ свою безрадостную жизнь, всѣ порывы къ тихому личному счастью, всю боль за страдающее человѣчество, всѣ стремленія, которымъ закрыта была дорога, все то, что заставляло его ежиться отъ людей и уходить въ себя.

Впослѣдствіи душа Щербины нашла себѣ выходъ, хотя и болѣе узкій, чѣмъ можно было думать, судя по его прежнимъ общечеловѣческимъ тенденціямъ, но все же самъ по себѣ прекрасный: Щербина увлекся изученіемъ народной поэзіи и все съ большею нѣжностью вникалъ въ характеръ русскаго народа. Но и тутъ суждено было нашему поэту остаться непонятымъ. Онъ въ своей любви къ народу не примкнулъ ни къ славянофиламъ, —къ „спиртофиламъ", какъ онъ называлъ ихъ,—ни къ народникамъ, которые, какъ онъ разсказывалъ, говорили мужику: „ей-Богу, Бога нѣтъ!"— онъ остался и тутъ самобытнымъ и потому одинокимъ. То было какъ разъ время конца шестидесятыхъ годовъ, время честное, но жестокое,—и этого увлекающагося человѣка, самого до слезъ умиляющагося надъ бабой, съ простою вѣрою и слезами ставящей свѣчку передъ образомъ,—обвинили не только въ реакціонерствѣ, на даже въ лицемѣріи. И я подъ давленіемъ времени сдѣлалась причастна къ этому грѣху противъ Духа Святого: я, которую съ дѣтства любилъ Щербина, какъ дочь, я, на свадьбѣ которой онъ поднялъ заздравный кубокъ „за молодыхъ князя съ княгинею" и сказалъ трогательную, горячую рѣчь; я, которая должна бы хорошо знать его, могла дать себя настроить противъ него!.. Можетъ быть чуткій Щербина подмѣтилъ какую-нибудь легкую перемѣну въ моемъ всегда дружескомъ отношеніи къ нему, а можетъ быть и случайно, но онъ послѣдніе годы своей жизни сталъ рѣдко бывать у насъ. Мы, кажется, уже болѣе года не видались съ нимъ, когда услышали, что онъ сильно боленъ. Мужъ мой тотчасъ же отправился къ нему, засталъ его очень плохимъ, почти уговорилъ его сдѣлать трахеотомію, и вечеромъ того же дня отправился къ нему съ проф. Богдановичемъ. Но Щербина не позволилъ сдѣлать операцію, которая, по словамъ мужа, спасла бы его. Въ эту тяжелую минуту онъ еще вспомнилъ о моихъ дѣтяхъ и послалъ имъ изданный имъ сборникъ „Пчела".

Н. Ѳ. далъ слово, что, если ему станетъ хуже, онъ тотчасъ же пошлетъ за Богдановичемъ, который оставилъ у него свои инструменты. Когда въ ту же ночь припадокъ удушья захватилъ Щербину, онъ не успѣлъ даже позвать своего лакея, и утромъ его нашли мертвымъ на полу. Въ предсмертныхъ мукахъ своихъ, какъ и въ жизни, не встрѣтилъ онъ около себя помощи любящей руки и, какъ жилъ, такъ и умеръ одинокимъ.

———

Большой пріятель отца моего былъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка. Они были друзья со школьной скамьи, и, вѣроятно, эти раннія воспоминанія связывали ихъ. Ѳ. Н. былъ когда-то въ числѣ либеральной молодежи, былъ, какъ отецъ мой, масономъ, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ устройствѣ ланкастерскихъ школъ и общества „зеленой книги", былъ другомъ декабристовъ, но когда я знала его, онъ представлялъ совершенную противоположность моему отцу. Отецъ продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде: горячимъ защитникомъ всего свѣжаго, молодого, сочувствующимъ всякому движенію впередъ, всякому благому начинанію, съ яснымъ, широкимъ взглядомъ на вещи,— Ѳедоръ же Николаевичъ весь ушелъ въ чинопочитаніе, въ ханжество, въ мелочное обожаніе своего „я"; стихотворенія его были полны квасным патріотизмомъ, на все новое и молодое онъ нападалъ. Какъ-то разъ онъ подарилъ мнѣ медвѣдя изъ папье-маше, въ очкахъ, пишущаго на доскѣ; къ нему было приклеено слѣдующее стихотвореніе (переписываю правописаніемъ подлинника):

Чивилизація.

Прогрессъ! Прогрессъ!
И я медвѣдь, покинувъ лѣсъ
Съ *консервативною* своей берлогой
И, съ *вѣкомъ наравнѣ*, пошелъ *иной* дорогой
Въ *чивилизаціи* искать чудесъ;
И, разумѣется, я пересталъ дичиться
И захотѣлось мнѣ съ людьми сойтиться—
И высмотрѣть, *что* тамъ у нихъ и *какъ*?..
Но что-жъ?.. Не будь ихъ чести въ томъ обида,—
И научился я у нихъ—курить табакъ,
А книгу, такъ себѣ, держать въ рукахъ,—*для вида!!*

Однако, Ѳ. Н. не былъ желчнымъ человѣкомъ, напротивъ, онъ былъ мягкій и добрый; мы, дѣти, очень любили его; не могу того же сказать о его супругѣ, которая была дружна съ моей матерью, но которую мы терпѣть не могли. Вообще, курьезная парочка были эти супруги: оба—поэты и оба влюблены въ лиру другъ друга. Глинка былъ маленькій, черненькій, сморщенный старичокъ, съ очень добродушнымъ личикомъ; онъ всегда носилъ массу орденовъ; Щербина называлъ его ходячимъ иконостасомъ и пресерьезно увѣрялъ, что бабы къ нему прикладываются, и что Ѳ. Н. даже купается въ орденахъ: самъ онъ плыветъ на большихъ пузыряхъ, а его ордена—вокругъ на маленькихъ. Авдотья Павловна была тоже невелика ростомъ, но была дама рѣшительная и на окружающихъ смотрѣла свысока. На нее сочинялъ Щербина нескончаемые акаѳисты: „радуйся, сѣдыхъ локонъ взбиваніе! радуйся старыхъ костей обваженіе! радуйся, плохихъ виршей сплетеніе! радуйся, мерзкихъ книжонокъ писаніе! радуйся, мѣдныхъ пятаковъ раздаваніе! Евдокія треклятая, радуйся!“ и т. д. Дѣйствительно, ея сѣдые локоны были какъ-то особенно пышны, и платье она носила, несмотря на свой преклонный возрастъ, болѣе или менѣе декольтэ, даже днемъ. Сидя за чаемъ, она брала печенье, нюхала его и, найденное достойнымъ, собирала, чтобы отнести своимъ собачкамъ, которыхъ иногда по очереди брала къ намъ въ гости. Болѣе отвратительныхъ собачонокъ трудно себѣ представить,—всѣ онѣ были маленькія, со слезящими глазами, избалованныя, злыя; звали ихъ: „Капля“, „Крошка“ и т. п. нѣжными, но неподходящими къ нимъ именами. Всякій гость, входящій въ квартиру Глинокъ, былъ встрѣчаемъ лаемъ, визгомъ и безсильными попытками укусить за ногу цѣлой стаи этихъ отвратительныхъ созданій, и долженъ былъ, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ, находить это премилымъ. Въ гостиной Глинокъ находилась на самомъ виду витрина, гдѣ были разложены ордена Ѳ. Н.; на стѣнѣ висѣла арфа Авд. П., на которой она, кажется, довольно хорошо играла.

Но интереснѣе всего было чтеніе поэмы Ѳ. Н. „Божественная капля“; это было настоящимъ священнодѣйствіемъ. Происходило оно или на квартирѣ, или у насъ. Приглашались только достойные, „могущіе вмѣстить“. Въ залѣ устраивалось возвышенное мѣсто, на которомъ ставился столъ и два стула рядомъ; на столѣ зажигались свѣчи, ставилась сахарная вода и самыми восторженными поклонницами съ таинственною осторожностью раскладывались фоліанты рукописи. Для слушателей ставились кресла полукругомъ; всѣ разсаживались заблаговременно и, предвкушая блаженство, тихо восторгались поэмой... Вдругъ всѣ смолкали, и авторъ съ женой молча всходили на свою трибуну. За симъ, неукоснительно, происходилъ слѣдующій разговоръ: „Ma chére, кто начнетъ!“—„Ты, конечно, mon cher“—„Увѣряю тебя, ma chére, что ты гораздо лучше меня читаешь“.—Наконецъ, кто-нибудь начиналъ; и мужъ, и жена читали совершенно одинаково: патетично, пѣвуче, монотонно...

Сюжетъ поэмы былъ заимствованъ изъ апокрифическаго сказанія о бѣгствѣ Дѣвы Маріи въ Египетъ. Преданіе это повѣствуетъ, что въ какомъ-то ущельѣ на святое семейство напали разбойники и хотѣли умертвить всѣхъ, но одна изъ женщинъ табора остановила разбойниковъ словами: „Посмотрите, какой у этой женщины цвѣтущій и прекрасный младенецъ, а мой умираетъ отъ истощенія! Пусть она накормитъ моего ребенка!“ Пресвятая Дѣва взяла больного ребенка и приложила къ своей груди: ребенокъ, глотнувъ святого молока, на глазахъ у всѣхъ исцѣлился и расцвѣлъ. Разбойники, пораженные чудомъ, отпустили путниковъ съ благодарностью. Глинка описываетъ въ своей поэмѣ параллельно жизнь Христа и разбойника и сводитъ ихъ на крестѣ, гдѣ разбойникъ, воспріявшій божественную каплю молока Богородицы, говоритъ Христу: „Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое!“

Т. Г. Шевченко былъ очень близокъ семьѣ Толстыхъ. Когда поэта постигла ссылка, Толстые были одни изъ тѣхъ немногихъ, которые переписывались съ нимъ и хлопотали объ амнистіи.

„При восшествіи на престолъ Александра II, — пишетъ Е. Ф., — отецъ мой позаботился о томъ, чтобы исходатайствовать прощеніе поэту и художнику-академисту, но изъ списка политическихъ преступниковъ, которымъ должна была быть объявлена амнистія, имя Шевченко было вычеркнуто самимъ Государемъ. Говорятъ, послѣдній при этомъ произнесъ: „Этого я не могу простить, потому что онъ оскорбилъ мою мать (вѣроятно, въ одномъ изъ стихотвореній, взятыхъ при обыскѣ). Отецъ поѣхалъ къ министру двора Адлербергу, который наотрѣзъ отказалъ, засимъ къ президенту Академіи В. К. Маріи Николаевнѣ. Она также отказалась просить за человѣка, котораго Государь самъ вычеркнулъ. „Ну, такъ я самъ, отъ своего имени подамъ прошеніе!“ — сказалъ разгоряченный отецъ. „Что съ вами?—сказала великая княгиня, я, сестра, не смѣю этого

сдѣлать, а вы...“—„А я подамъ“. „Да вы съ ума сошли!“ — воскликнула великая княгиня. Отецъ, несмотря ни на что, исполнилъ свое намѣреніе“.

Какъ разъ въ это время мать Е. Ф. получила отъ Шевченко изъ ссылки письмо, въ которомъ онъ извиналъ свою скорбь.

„Мнѣ запрещено писать стихи, я знаю на что и переношу наказаніе безропотно. Но за что мнѣ запрещено рисовать? Свидѣтельствую Сердцевѣдцемъ Богомъ—не знаю. Да и судьи мои столько же знаютъ, а наказаніе страшное! Вся жизнь моя была посвящена божественному искусству. И что же? Не говорю уже о матеріальной пыткѣ, о нуждѣ, охлаждающей сердце. Но какова пытка нравственная? О, не приведи Господи никому на свѣтѣ испытать ее. Хотя съ великимъ трудомъ, я, однакожъ, отказалъ себѣ въ самомъ необходимомъ. Довольствуюсь тѣмъ, что царь даетъ солдату. Но какъ отказаться отъ мысли, чувства, отъ этой неугасаемой любви къ прекрасному искусству. О, спасите меня, или еще одинъ годъ,—и я погибъ. Какъ мое будущее? Что у меня на горизонтѣ? Слава Богу, если богадѣльня и, можетъ быть...

Какъ въ Бога милосердиаго, такъ я вѣрую въ ваше милосердіе, и во имя этой святой вѣры подайте отъ себя прошеніе обо мнѣ ея высочеству, нашему августѣйшему президенту. Во имя человѣколюбія принесите эту жертву. Подобныя жертвы приносятся матерями и сестрами; но у меня ни сестры, ни матери, никого нѣтъ. Замѣните же мнѣ и ту, и другую, замѣните мнѣ единственнаго друга!..

Въ отношеніи книгъ полагаюсь совершенно на вашъ выборъ. Не забудьте кисть и плитку серій, пускай хоть полюбуюсь на эти предметы, сердцу дорогіе“.

Освобожденіе Шевченко долго не приходило. „Прошла коронація,—пишетъ Е. Ф.,—а отвѣта не было. Волненіе въ нашемъ домѣ было большое,— всѣ предсказывали самыя ужасныя послѣдствія смѣлой выходки отца. Время тянулось, неизвѣстность все болѣе томила, но я должна сказать къ чести нашей семьи, что все вниманіе всѣхъ насъ было обращено все на личные интересы, а только на то: будетъ или нѣтъ освобожденъ Шевченко? Наконецъ,— никогда не забуду я этого вечера —отвѣтъ былъ полученъ! Бумага пришла часовъ въ одиннадцать вечера; мы, дѣти, уже спали. Вдругъ тетя будитъ насъ. „Что такое?“— вскакиваемъ мы.—„Радость! радость! одѣнайтесь скорѣе, идите въ залу...“Въ одну минуту готовы, летимъ въ залу, попадаемъ въ объятія матери, въ объятія Николая Осиповича (Осипова, молодого художника, пріятеля семьи Т.) который подбрасываетъ насъ на воздухъ. Тутъ и тетя Надя, ради такого торжества спустившаяся со „своего верху“, m-me Левель [1]), всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: „Освобожденъ! освобожденъ! Шевченко освобожденъ!“ Суютъ намъ какую то бумагу... Отецъ притягиваетъ насъ къ себѣ, лицо у него свѣтлое и радостное... Раздался выстрѣлъ открываемой бутылки шампанскаго, и мы съ сестрой, точно теперь только проснувшись, начинаемъ кричать отъ радости и кружиться по залѣ.

Мать моя, теперь не скрывая своего имени, тотчасъ же сообщила Шевченку счастливую вѣсть и получила отъ него безумно радостное письмо, съ обрывками мыслей, надеждъ и плановъ“.

Пріѣздъ Шевченко былъ событіемъ для семьи Толстыхъ. „Отецъ, кажется, поѣхалъ встрѣчать его на станцію желѣзной дороги, а мы,— вспоминаетъ Е. Ф.,—дома съ замираніемъ сердца ждали, смотрѣли въ окошко и, какъ всегда бываетъ, просмотрѣли, такъ что возгласъ кого-то: „пріѣхали!“ засталъ насъ врасплохъ; мы не успѣли выбѣжать навстрѣчу,—Т. Гр. уже вошелъ въ залу. Средняго роста, скорѣе полный, чѣмъ худой, съ окладистой бородою, съ добрыми, полными слезъ глазами, онъ простеръ къ намъ свои объятія. Всѣ мы были подъ вліяніемъ такой полной, такой свѣтлой, такой трогательной радости! Всѣ обнимались, плакали, смѣялись, а онъ могъ только повторять: „Сердеяьки мои! други мои!“—и крѣпко прижималъ насъ къ своему сердцу...

Черезъ нѣсколько дней у насъ былъ обѣдъ въ честь Шевченка, на которомъ присутствовали, кромѣ нашихъ общихъ друзей, еще многіе его земляки-малороссы, между прочимъ и Марковичъ (Марко Вовчекъ); говорилось много искреннихъ и трогательныхъ рѣчей; говорилъ и отецъ мой; Шевченко былъ такъ растроганъ, что не могъ кончить своей рѣчи отъ слезъ; но это чествованіе не могло изгладить впечатлѣнія той первой встрѣчи, порывистой, радостной, любовной, которая связала насъ крѣпкою, неразрывною дружбой.

Т. Г. Шевченко былъ какъ дитя добродушенъ, ласковъ, довѣрчивъ; всякая малость радовала его; всякій могъ обмануть и эксплоатировать его. Несмотря на все зло, на всѣ несправедливости, которыя онъ испыталъ въ своей многострадальной жизни, вѣра его въ людей и добро не поколебалась; въ немъ не накопилось въ его груди. Онъ много разъ говорилъ намъ: „Я теперь счастливъ, что всѣмъ и всѣ про-

[1]) Гувернантка.

стилъ! За все, что выстрадалъ, я теперь вознагражденъ". Если онъ и не было другихъ причинъ, болѣе серьезныхъ причинъ, то его нелюбливое сердце, почти безпомощная довѣрчивость заставили бы всякаго полюбить его.

Какъ вспомню я поэзію, которая проникала его всего, какъ вспомню его недостатки, его грустную кончину, — я чувствую такую нѣжность, такое безконечное сострадание, что не писать, а плакать мнѣ хочется...

Великій поэтъ, давшій ребенку имя друга, когда мы съ нимъ ходили по Васильевскому Острову въ поискахъ за красотой и находили ее въ сломанной вѣтвѣ, въ отблескѣ зари,— кто изъ насъ былъ моложе душой?

Влетитъ къ намъ, бывало, Тарасъ: „Серденько, берите каравдашъ, идемъ!"— Куда это?—„Да и тутъ дерево открылъ, да еще какое дерево!" — Господи, гдѣ это такое чудо? — „Недалеко, на Среднемъ проспектѣ. Да ну же, идемъ скорѣй!" И мы стоя зарисовывали въ свои альбомы „дерево на Среднемъ проспектѣ".

Придемъ мы домой, забьемся на желтый диванъ, въ полутемной залѣ, и польются его восторженныя рѣчи! Со слезами въ голосѣ повѣряль онъ мнѣ свою тоску по родинѣ, рисовалъ широкій Днѣпръ съ его вѣковыми вербами, съ легкой душегубкой, скользящей по его старымъ волнамъ; рисовалъ лучи заката, золотящіе утонувшій въ зелени Кіевъ, вечерній полумракъ, легкой дымкой заволакивающій очертанія далей; рисовалъ дивныя, несравненныя украинскія ночи: серебро надъ сонной рѣкой, тишина, замираньe... и, вдругъ, трели соловья... еще и еще... и несется дивный концертъ по широкому раздолью... „Вотъ гдѣ бы пожить намъ съ вами, серденько!"... Пришлось мнѣ потомъ пожить тамъ и видѣть любимую имъ Украйну, да не было со мной его, дорогого нашего Тараса Григорьевича.

Съ именемъ Шевченко возстаетъ въ моей памяти образъ африканскаго трагика Айра Ольдриджа, внесшаго свою долю поэзіи и теплоты въ нашъ дружескій кружокъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ зимою 1858-го года. Мы взяли нѣсколько ложъ рядомъ, отправились всей компаніей смотрѣть его въ „Отелло" и пришли въ такой неописанный восторгъ, что послѣ спектакля всѣ поѣхали въ гостиницу, гдѣ онъ остановился, и дождались его тамъ. Боже мой, что тамъ было! Старовъ (учитель Юнге) цѣловалъ ему руки, „его благородныя черныя руки"! Я, вся дрожащая отъ волненія и конфуза, не успѣвала переводить все, что говорили и восклицали окружающіе; за разъ звучали русскія, французскія, англійскія и нѣмецкія слова. Выходило что-то крайне нелѣпое, но хорошее, и всѣ были растроганы.

Въ наше разсудительное время странно даже писать обо всѣхъ этихъ тогдашнихъ приподнятыхъ чувствахъ и восторгахъ, — но сколько въ нихъ было жизни и теплоты! Сколько сильныхъ впечатлѣній, сколько сладкихъ воспоминаній они оставили!

Ольдриджъ сталъ почти ежедневно бывать у насъ, онъ насъ полюбилъ, и мы не могли не полюбить его. Это былъ искренній, добрый, безпечный, довѣрчивый и любящій ребенокъ, по характеру очень похожій на Шевченка, съ которымъ онъ близко сошелся. Бывало войдетъ Ольдриджъ своей быстрой, энергической походкой и тотчасъ же спроситъ: „And the artist?" Такъ называлъ онъ Шевченка, ибо всякая попытка произнести это имя, оканчивалась тѣмъ, что онъ, пожатываясь со смѣху надъ своими тщетными усиліями, повторялъ: „Oh, thoses russian names!" [1]). Мы посылали за Тарасомъ Григорьевичемъ,— и „the artist" являлся. Кромѣ сходства характеровъ, у этихъ двухъ людей было много общаго, что возбуждало въ нихъ глубокое сочувствіе другъ къ другу: одинъ въ молодости былъ крѣпостнымъ, другой принадлежалъ къ презираемой расѣ; и тотъ, и другой испытали въ жизни много горькаго и обиднаго, оба горячо любили свой обездоленный народъ. Помню, какъ оба они были растроганы одинъ вечеръ, когда я разсказала Ольдриджу исторію Шевченки, а послѣднему переводила съ его словъ жизнь трагика. Отецъ Ольдриджа былъ сынъ какого-то африканскаго царька, захваченный и привезенный работорговцами въ Америку маленькимъ ребенкомъ, но онъ не попалъ въ рабство, а былъ воспитанъ, не помню кѣмъ и какимъ образомъ, и сдѣлался наставникомъ или проповѣдникомъ между неграми. Айра Ольдриджъ еще ребенкомъ имѣлъ страсть къ театру. Въ то время, при входѣ въ театръ, висѣла надпись: „Собакамъ и неграмъ входъ воспрещается". Чтобы попадать въ театръ, Ольдриджъ нанялся лакеемъ къ одному актеру. Можно себѣ представить, сколько страданій онъ пережилъ и сколько энергіи долженъ былъ проявить, пока добился, наконецъ, извѣстности, да и то не на своей родинѣ. Даже и въ Англіи предразсудки противъ людей темной расы были такъ сильны, что актеръ Кинъ (сынъ или внукъ знаменитаго, не помню), узнавъ, что Ольдриджъ ангажированъ въ тотъ же театръ, гдѣ онъ,— съ негодованіемъ отка-

---

[1]) „О, эти русскія имена!"

зался играть на одной сценѣ съ „презрѣннымъ негромъ“. Какъ вознагражденіе за всѣ эти обиды, женитьба Ольдриджа была крайне романическая: въ него влюбилась англійская леди, влюбилась во время игры и, несмотря на сопротивленіе родителей, вышла за него.

Для болѣе длинныхъ рѣчей между Шевченкомъ и Ольдриджемъ требовалось посредство моихъ переводовъ, но въ обыкновенномъ разговорѣ они удивительно хорошо понимали другъ друга: оба были художники, стало быть—наблюдатели, у обоихъ были выразительныя лица, а Ольдриджъ жестами и мимикой просто представлялъ все, что онъ хотѣлъ сказать.

Особенно памятны мнѣ сеансы въ мастерской Шевченка, когда онъ рисовалъ портретъ трагика [1]). Безъ насъ съ сестрой имъ нельзя было обойтись, во-первыхъ, потому, что, какъ ни была выразительна ихъ мимика, все-таки много понадобилось объяснительное словечко, а во-вторыхъ, и, главнымъ образомъ, потому, что отъ насъ трудно было избавиться, если бъ они того и хотѣли. Мы съ сестрой усаживались съ ногами на турецкій диванъ, Ольдриджъ—на стулъ противъ Шевченка, и сеансъ начинался. Нѣсколько минутъ слышенъ былъ только скрипъ карандаша о бумагу,—но развѣ могъ Ольдриджъ усидѣть на мѣстѣ! Онъ начиналъ шевелиться, мы кричали ему, чтобы онъ сидѣлъ смирно, онъ дѣлалъ гримасы, мы не могли удержаться отъ смѣха. Шевченко сердито прекращалъ работу, Ольдриджъ дѣлалъ испуганное лицо и снова сидѣлъ нѣкоторое время неподвижно. „Можно пѣть?“—спрашивалъ онъ вдругъ.—„А ну его! пусть себѣ поетъ!“ Начиналась трогательная заунывная негритянская мелодія, постепенно переходила въ болѣе живой темпъ и кончалась отчаяннымъ джигомъ, отплясываемымъ Ольдриджемъ посреди мастерской. Вслѣдъ за этимъ онъ представлялъ намъ цѣлыя комическія бытовыя сцены (онъ былъ превосходный комикъ); Тарасъ Григорьевичъ увлекался его веселостью и пѣлъ ему малорусскія пѣсни; завязывались разговоры о типическихъ чертахъ разныхъ народностей, о сходствѣ народныхъ преданій и т. д. Несмотря на то, что это веселое и интересное времяпрепровожденіе, къ нашему съ сестрой удовольствію, очень затягивало сеансы, портретъ былъ-таки оконченъ и вышелъ живымъ и похожимъ.

...На первыхъ же порахъ нашего знакомства я спросила Ольдриджа, какъ онъ можетъ такъ страшно падать со ступеней? Что онъ дѣлаетъ, чтобы не ушибиться? Онъ разсмѣялся своимъ добродушнымъ смѣхомъ: „Что дѣлаю? Да я весь въ синякахъ и шишкахъ! Развѣ я въ эту минуту что-нибудь помню? Развѣ я вижу, куда я падаю? Ужъ какъ только Богъ меня спасаетъ!“

...Къ воспоминаніямъ моимъ объ Ольдриджѣ, какъ о великомъ артистѣ, постоянно примѣшиваются разные мелкіе случаи, рисующіе его милымъ и простымъ человѣкомъ, съ которымъ мы такъ весело проводили время, что невольно хочется передать что-нибудь изъ этихъ пустяковъ. Разъ мы пошли съ нимъ въ Эрмитажъ; такъ какъ у него было мало времени, а музей былъ открытъ по извѣстнымъ днямъ, то это посѣщеніе довольно трудно было устроить. Пріѣзжаемъ мы — и вдругъ насъ не хотятъ впустить, потому что Ольдриджъ не во фракѣ! Подвижная физіономія артиста грустно вытягивается: ему такъ хотѣлось полюбоваться картинами вмѣстѣ съ нами! Внезапно лицо его принимаетъ опять веселое выраженіе, и онъ, хитро подмигивая, подзываетъ насъ съ сестрой въ сторону: „Подколите мнѣ сюртукъ булавками“. Сказано — сдѣлано! Ольдриджъ въ импровизированномъ фракѣ гордо проходитъ въ галлерею.

...Въ январѣ 1859-го года Ольдриджъ уѣхалъ.

Послѣ того я видѣлась съ африканскимъ трагикомъ въ 1862-мъ году, въ Лондонѣ, гдѣ мы посѣтили его въ его домѣ, познакомились съ его маленькимъ сыномъ, который, хотя и имѣлъ довольно крупныя черты лица отца, но былъ совершенно бѣлый, съ русыми волосами. Въ 1864 году, когда Айра Ольдриджъ пріѣзжалъ на короткое время въ Петербургъ (но не выступалъ на сценѣ), онъ бывалъ у меня почти каждый день. Моему старшему сыну было тогда около года, и, вынося его въ первый разъ къ Ольдриджу, я ужасно боялась что ребенокъ испугается его вида и что мой черный другъ, который такъ страстно любилъ дѣтей, невольно огорчится. Вѣроятно и онъ думалъ что-нибудь подобное — но ребенокъ разсѣялъ наши опасенія — онъ тотчасъ же потянулся къ Ольдриджу и пошелъ къ нему на руки. Лицо Ольдриджа просіяло, онъ началъ плясать съ малюткой по комнатѣ и весь день не спускалъ его съ рукъ, даже за обѣдомъ“.

[1]) Находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ.

Въ культурномъ скиту.

[255:334]

Исканіе новыхъ общественныхъ формъ жизни въ исторіи человѣчества встрѣчается не

разъ. Такъ намъ извѣстны общины Роберта Оуэна, англійскаго дѣятеля, образовавшіяся подъ вліяніемъ идей Фурье,—фаланги, икарійскія общины въ Америкѣ (отъ названія романа „Икарія", вызвавшаго это движеніе) и мн. др. Въ Россіи наиболѣе извѣстны: коммунистическая община „Кривина" на Черноморскомъ побережьѣ и община, устроенная помѣщикомъ Неплюевымъ въ хуторѣ Воздвиженскѣ, Черниговск. губ., Глуховскаго у. Въ настоящее время въ описываемой общинѣ живетъ около 500 членовъ: братьевъ, сестеръ, учениковъ, учениць. Скончавшійся въ 1908 г. основатель общины оставилъ ей крупное имущество, состоящее изъ 16 тысячъ слишкомъ дес. земли съ лѣсомъ, постройками и заводами: двумя винокуренными, сахарнымъ и литейнымъ. Стоимость подаренного имущества опредѣляется въ 1.750.000 руб. Община живетъ, богатѣетъ и постепенно превращается въ крупный кооперативъ.

Небольшая книга г. Абрамова *) содержитъ весьма любопытный матеріалъ, позволяющій судить какъ объ основателѣ общины Н. Н. Неплюевѣ, такъ и о его дѣтищѣ-общинѣ.

Въ молодости онъ, аристократъ по рожденію, готовился къ государственной службѣ, обладая для этого всѣми данными. Карьера его началась въ русскомъ посольствѣ въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ пробылъ недолго, побуждаемый къ ломкѣ своей жизни какимъ-то внутреннимъ голосомъ. Самъ Неплюевъ разсказываетъ о себѣ такъ:

„Разъ, вернувшись съ придворнаго бала во дворцѣ регента баварскаго, принца Луитпольда, я былъ болѣе духовно утомленъ, чѣмъ когда-либо; мысль, что вся моя жизнь пройдетъ въ свѣтской суетѣ, среди изящнаго коварства и утонченнаго лицемѣрія, приводила меня въ отчаяніе. Въ эту ночь я увидѣлъ себя во снѣ въ крестьянской избѣ; въ окнѣ виднѣлась церковь моего роднаго села; я былъ окруженъ крестьянскими дѣтьми, бесѣдовалъ съ ними и чувствовалъ въ душѣ такой миръ, такую радость, какихъ наяву я уже давно не испытывалъ. Особенно поразили меня, остались живою, дорогою памятью въ сердцѣ моемъ осмысленныя, одухотворенныя лица дѣтей и та духовная отрада, которую я переживалъ въ общеніи съ этими свѣтлыми мыслью и сердцемъ, любящими и братски любимыми мною существами. Этотъ сонъ повторялся нѣсколько разъ и далъ толчокъ моимъ мыслямъ и желаніямъ въ новомъ направленіи. Я понялъ, что отъ насъ, людей образованныхъ и состоятельныхъ, зависитъ многое въ святомъ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго преображенія русскаго народа; понялъ, что грустное духовное состояніе нашего бѣднаго народа есть результатъ антихристіанскихъ отношеній къ нему нашихъ предковъ, изъ которыхъ большинство видѣло въ немъ только рабочую силу, слишкомъ долго забывая, что онъ долженъ быть для насъ любимымъ и уважаемымъ о Христѣ братомъ, что, слѣдовательно, долгъ христіанской совѣсти повелѣваетъ намъ сдѣлать въ пользу народа все, что можемъ, теперь, когда онъ вступаетъ на новый для него путь сравнительно свободной жизни... Понялъ я и то... что именно это дѣло является историческимъ призваніемъ моимъ, какъ русскаго помѣщика, и придастъ жизни моей тотъ разумный смыслъ, который и помиритъ меня съ нею. Въ душѣ все чаще, какъ угрызенія совѣсти, возникала память о вещетѣ, грязи, безобразіи и духовномъ мракѣ родной русской деревни".

Душевное безпокойство и исканіе разрѣшенія внутренней тревоги привели его къ рѣшительнымъ шагамъ. Не медля, онъ уѣзжаетъ на родину и становится деревенскимъ постояннымъ жителемъ у себя въ имѣніи. Сначалъ онъ просто помогаетъ бѣднымъ, потомъ открываетъ пріютъ для обездоленныхъ дѣтей. Вспоминаетъ ему и свое дѣтство, о которомъ онъ такъ пишетъ:

„Увезли меня совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ, увезли далеко на сѣверъ, за полторы тысячи верстъ отъ Яиполя. Приставили ко мнѣ старую французенку-няню; добрая она была старушка, веселая такая, все, бывало, поетъ мнѣ французскія пѣсни своимъ тоненькимъ, старушечьимъ, дребезжащимъ голосомъ. Часто разсказывала она мнѣ о своей счастливой, дорогой далекой родинѣ; уже тогда, слушая разсказы старой няни о Франціи, о томъ, какъ счастливо и привольно въ ней живется, я сталъ горячо желать поработать на счастье русскаго народа. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, многому меня научили, много странъ и объѣздилъ, жизнь многихъ народовъ видѣлъ, пожилъ и на родинѣ моей старой няни; вспомнилось мнѣ, съ какою любовью, съ какимъ благоговѣніемъ говорила мнѣ старушка о Франціи. Три года я прожилъ въ чужихъ краяхъ; жилось мнѣ тамъ весело, что ни день—то праздникъ, но сердце манило назадъ, въ бѣдную Россію, въ сѣрые русскіе будни. Бывало, стою я въ роскошномъ залѣ,—люстры блестятъ тысячью огней, гремитъ веселая музыка, кругомъ меня кишитъ нарядная толпа, и мерещится мнѣ необозримая снѣжная равнина

*) И. Абрамовъ: „Въ культурномъ скиту". Спб. 1914. Ц. 50 к.

маленькія, покосившіяся хижины чуть видны изъ-за снѣжныхъ сугробовъ, тускло свѣтится въ крошечныхъ окошкахъ лучина. И стыдно мнѣ станетъ среди всѣхъ этихъ людей, которые во мнѣ не нуждаются, когда у меня на родинѣ такъ много страдаютъ, такъ много во мнѣ нуждаются. И далъ я себѣ слово всю мою жизнь, всѣ мои силы отдать на служеніе моей бѣдной родинѣ"...

Постепенно пріютъ преобразовывается и превращается въ сельскохозяйственную школу, а затѣмъ уже (1894 г.) въ трудовое крестовоздвиженское братство. Познакомимъ же читателя съ внутреннимъ бытомъ школы (ихъ двѣ — мужская и женская) и братства.

* * *

„Воздвиженская школа,—пишетъ г. Абрамовъ,—окружена густымъ лѣсомъ. Громадные развѣсистые дубы и высокія сосны встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Лѣсъ данно уже расчищенъ и превращенъ въ чудный паркъ.

Зданіе школы и общежитіе учителей обсажены стройными тополями.

За небольшимъ мостикомъ, густо заросшимъ дикимъ виноградомъ, домъ Неплюева, окруженный кустами сирени, жасмина, смородины...

Дальше за усадьбой владѣльца — казармы для рабочихъ, разныя службы и шумный, вѣчно дымящійся винокуренный заводъ.

Казалось бы жить да радоваться среди поэтической природы Воздвиженска... А въ дѣйствительности своеобразная система воспитанія, принятая въ братской школѣ, сдѣлала здѣсь жизнь труднымъ подвигомъ. Самая крупная особенность въ организаціи школъ это такъ называемые *„Братскіе кружки воспитанниковъ"*,—*„старшій кружокъ"* и *„младшій кружокъ"*. Дѣло въ томъ, что всѣ воспитанники (возрастъ воспитанниковъ отъ 12 лѣтъ) раздѣляются на 3 категоріи. Самые примѣрные по своему поведенію воспитанники старшихъ классовъ составляютъ „старшій братскій кружокъ", находящійся подъ личнымъ покровительствомъ блюстителя братства; члены этого кружка являются самыми близкими помощниками попечителя, такъ сказать, его „сподручниками". По субботамъ, сидя за чайнымъ столомъ въ домѣ своего патрона, члены описываемаго кружка разсказываютъ ему всѣ самомалѣйшія подробности школьной жизни остальныхъ воспитанниковъ. Пріемъ новаго члена въ „старшій братскій кружокъ" является выдающимся событіемъ въ жизни школы и празднуется тамъ съ особой торжественностью. Всякому члену этого кружка поручается воспитывать четырехъ или пяти младшихъ воспитанниковъ, которыхъ онъ, старшій, долженъ привести къ подножію „Креста Господня", какъ принято выражаться въ школѣ.

„Младшій братскій кружокъ" является необходимой ступенью для каждаго воспитанника, задумавшаго вступить въ „старшій кружокъ". Члены этого кружка задаются цѣлью помогать другъ другу, совершенствоваться въ духовно-нравственномъ отношеніи; они также зорко слѣдятъ и за внѣкружковыми воспитанниками; если кто-нибудь изъ кружка замѣтитъ проявленіе „доброй воли" со стороны внѣкружкового воспитанника, то сейчасъ же сообщаетъ объ этомъ кружку; кружокъ зоветъ какощагося грѣшника въ свое собраніе и, при общемъ ликованіи, торжественно выражаетъ ему похвалу; послѣ нѣкотораго испытанія совершается въ ближайшій праздникъ очень пышный пріемъ обращеннаго воспитанника въ братскій кружокъ.

Въ назначенный день и часъ „братскіе кружки" приходили изъ школы въ домъ попечителя и молились въ его спальнѣ-молельнѣ.

Въ день пріема эта комната имѣла видъ довольно оригинальный: на передней стѣнѣ висѣлъ огромный, широкій деревянный крестъ, на которомъ почти во весь человѣческій ростъ изображенъ распятый Спаситель. У подножія креста стоитъ черная шкатулка; на ея крышкѣ что-то написано; можно разобрать слова:

„... убіеннаго отрока Симеона"...

Въ этой шкатулкѣ сохраняются, какъ реликвіи, окровавленныя одежды одного бывшаго воспитанника, убитаго нечаянно постороннимъ лицомъ, вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Передъ распятіемъ, то ярко вспыхивая, то погасая, мерцаетъ большая позолоченая лампада. Часть передней и лѣвой стѣны сплошь уставлена иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ. Въ тяжелыхъ бронзовыхъ канделябрахъ горитъ множество стеариновыхъ свѣчей. На маленькомъ черномъ столикѣ, стоящемъ передъ распятіемъ, лежитъ небольшой желтый крестъ, сдѣланный изъ оливковаго дерева и освященный на Гробѣ Господнемъ. Это большая святыня братства.

Вся комната декорирована яркой зеленью и свѣжими душистыми розами. Со всего дома снесены сюда пальмы и цвѣты.

По обѣ стороны распятія стоятъ, бывало, два маленькихъ воспитанника въ цвѣтныхъ шелковыхъ курточкахъ, обшитыхъ парчой, и держатъ знамена братства. Одинъ знаменосецъ—брюнетъ—держитъ—красное знамя, другой—блондинъ—голубое.

Всѣ одѣты въ бѣлоснѣжныя блузы; на груди

у каждаго брата виситъ братскій серебряный крестикъ.

Братское торжество состоитъ изъ чтенія Евангелія (отъ Матоея гл. III, V и X), произнесенія молитвъ и пѣнія. Нѣкоторыя молитвы написаны самимъ Неплюевымъ спеціально для даннаго праздника („Звуки души").

Когда окончатся моленія, попечитель вызываетъ поступающихъ въ кружки воспитанниковъ и говоритъ, обращаясь къ „братьямъ":

— Если кто изъ васъ желаетъ у нихъ спросить, какъ они понимаютъ цѣль братскаго кружка, отношенія къ братьямъ по кружку, къ старшимъ воспитанникамъ и ко мнѣ,— спросите!

Изъ толпы „братьевъ" несется вопросъ:

— Какъ вы должны относиться къ вашимъ новымъ братьямъ?

Слѣдуетъ длинное объясненіе, произнесенное робкимъ дрожащимъ голосомъ:

— Мы должны любить... помогать имъ своими совѣтами, замѣчаніями... Если же кто преслушаетъ нашъ совѣтъ, мы должны о таковомъ сообщить кружку, и кружокъ поговоритъ съ нимъ.

— А если онъ и кружокъ преслушаетъ?

— Тогда онъ будетъ намъ, какъ язычникъ и мытарь...

Потомъ новопоступающіе давали разные братскіе обѣты; блюститель спрашивалъ ихъ:

— Обѣщаете ли вы оставить отца и мать свою и итти за Христомъ? Обѣщаете ли быть вѣрными и добрыми братьями?

— Обѣщаете ли до конца своихъ дней не измѣнять братству Христову?

Поступающіе должны на все отвѣчать установленной формулой:

— Обѣщаемъ. И да поможетъ намъ въ томъ Христосъ!..

За симъ они опускались на колѣни передъ крестомъ оливковаго дерева, привезеннымъ изъ Іерусалима, и склоняли свои головы, а попечитель возлагалъ имъ на головы руки и медленно читалъ положенную молитву:

„Посѣти насъ, Господи, милостью Твоею, омой насъ банею смертною...

Любовью наполни сердца наши. Да будутъ они какъ свѣтъ лампады предъ Тобою мерцающій, какъ дымъ кадильный предъ Тобою возносящійся"... и т. д.

— „Посѣти насъ, Господи, милостью Твоею, омой насъ банею смертною!.." — вторятъ за нимъ воспитанники.

А знаменосны — голубой и красный — склоняютъ свои хоругви надъ поднятыми. Прочитавъ молитву, попечитель снималъ съ шеи свой крестъ съ брилліантомъ, цѣловалъ и давалъ цѣловать поступающимъ. Потомъ онъ снова надѣвалъ на себя свой крестъ и, не отнимая рукъ, возложенныхъ на преклоненныя головы поступающихъ въ кружокъ, долго шепталъ про себя молитвы.

— „Ну, дѣти,— говоритъ онъ, бывало, въ заключеніе,— поздравляю васъ съ началомъ новой духовной жизни, а васъ, браточки, съ новыми братьями!..

Проговоривъ это, онъ обнималъ новыхъ братьевъ и нѣсколько разъ крѣпко и звучно цѣловалъ ихъ.

Всѣ члены кружка тоже цѣловали вновь поступившихъ и другъ друга, крѣпко потрясая руки и заглядывая одинъ другому въ очи. Слышались звуки крѣпкихъ поцѣлуевъ и тихій шопотъ: „поздравляю"!..

Наконецъ пѣли „Тебѣ Бога хвалимъ", и молитвенная часть торжества оканчивалась [1]).

Всѣ изъ спальни шли въ гостиную.

Попечитель провожаетъ до порога свою юную паству; онъ ласково разговариваетъ со всѣми и иногда шутитъ.

— А вы, милостивые государи,— обращается онъ къ новичкамъ,— вы-то отчего же не подаете мнѣ руки?

„Милостивые государи" топчутся на одномъ мѣстѣ, переминаются съ ноги на ногу и застѣнчиво улыбаются.

Онъ протягиваетъ имъ свою руку и прибавляетъ:

— Теперь вы мои братья и имѣете право подавать мнѣ руку!

Наконецъ всѣ воспитанники уходятъ, оглашая дубовый паркъ какимъ-нибудь душеспасительнымъ кантомъ, въ родѣ.

„Алая заря въ восточныхъ
Загоралась облакахъ"...

Воспитанники, не состоящіе членами братскихъ кружковъ, составляютъ третью категорію и называются просто „внѣкружковыми".

Для обращенія невѣрныхъ школа прибѣгала къ особымъ педагогическимъ пріемамъ, таковы, напримѣръ, „отлученіе отъ общества товарищей", запись въ „черную книгу", выговоры въ „кругу" по субботамъ и, наконецъ,— исключеніе изъ школы.

Среди распорядка дня въ школѣ обращаютъ на себя вниманіе предмолитвенныя бесѣды.

Онѣ бываютъ въ школѣ каждый праздничный день, если только нѣтъ богослуженія въ храмѣ. Ученики по звону собираются въ рекреаціонный залъ или въ лѣсъ на поляну, если позволяетъ погода.

[1]) Теперь пріемы въ „братскіе кружка" происходятъ въ храмѣ.

Всѣ становятся липомъ на востокъ.

Н. Н. читаетъ установленную молитву передъ началомъ всякаго дѣла. Помолившись, всѣ усаживались въ порядкѣ старшинства. Начиналась предмолитвенная бесѣда, имѣвшая цѣлью настроить всѣхъ на молитвенный ладъ.

Послѣ бесѣды начинали молиться. Многія читаемыя здѣсь молитвы написаны Николаемъ Николаевичемъ спеціально для опредѣленныхъ случаевъ.

— „Боже, Боже,—читаетъ, бывало, Н. Н.,— крупицу хлѣба духовнаго подаждь ми, да не отощаетъ духъ мой... и т. д.

— „Помяни, Господи, раба твоего Николая,— отзывается кто-нибудь изъ братьевъ,— умъ его свѣтомъ разумѣнія правды Твоея просвѣти, любовью и радостью согрѣй его сердце; слово благопотребное вложи въ уста его; не по грѣхамъ его воздай ему и духа Твоего святого не отыми отъ него“ и т. д.

— „Господи! любовью наполни сердца всѣхъ,—продолжаетъ другой,—дай намъ любовь къ правдѣ и добру, дай намъ жалость къ горю ближняго. Въ любви мудрость наша, въ любви наша тихая радость“.

Въ концѣ просятъ Бога, чтобы Овъ тѣхъ людей, „которые по неразумію отъ церкви отпали, изъ буквы мертвящей себѣ кумиры создали, вразумилъ, просвѣтилъ, раны сердца ихъ елеемъ любви, вѣры и радости о духѣ святѣ заживилъ и къ святой церкви причтилъ“...

Въ заключеніе поминаютъ покойниковъ, причемъ молятся за „болярина Николая, крестьянина Никиту и убіеннаго отрока Симеона“...

Помолившись, всѣ, кто не принадлежитъ къ братскимъ кружкамъ, уходятъ домой, а кружки остаются, чтобы прочитать свои спеціальныя молитвы и „привѣтствовать другъ друга лобзаніемъ святымъ“.

Прочитавъ спеціальную молитву, всѣ братья окружали Николая Николаевича, цѣловали его и другъ друга.

Вечеромъ, бывало, братья снова собирались для молитвы большею частью на церковномъ погостѣ, и, смотря на заходящее свѣтило, пѣли „Свѣте тихій“...

Однако, несмотря на удручающую, по выраженію г. Абрамова, обстановку, нѣкоторые изъ учениковъ достигали высокаго умственнаго развитія.

Помогали этому часто устраиваемые литературные вечера, а также отличная библіотека попечителя школы; впрочемъ книги изъ библіотеки выдавались съ большимъ разборомъ. Вотъ для примѣра красивое стихотвореніе одного изъ воспитанниковъ школы:

ГРЕЗЫ.

Ночь тиха, ночь свѣтла... Звѣзды ярко горятъ;
Въ сладкой нѣгѣ заснулъ орошенный нашъ садъ;
Бѣлый мѣсяцъ за рощами тихо встаетъ,
Соловей на черемухѣ пѣсню поетъ...
Улетимъ, улетимъ изъ затворовъ глухихъ
Выше башенъ и горъ, дальше звѣздъ золотыхъ!
Улетимъ, улетимъ поскорѣе вдвоемъ,—
Мирно бѣлая ночь міръ окутала сномъ;
За звѣздою звѣзда въ синемъ небѣ зажглась, —
Улетимъ, улетимъ въ эту чудную высь!..
Дремлетъ мирная степь, дремлютъ очерки горъ,
Дремлютъ липы, глядясь въ струи темныхъ озеръ;
Тайной вѣетъ съ небесъ и изъ мрака аллей...
Сердце робко дрожитъ... Улетимъ поскорѣй...
Улетимъ, улетимъ далеко на просторъ,
Выше темныхъ лѣсовъ, выше башенъ и горъ!
Насъ душистая ночь скроетъ свѣжею мглой;
Насъ заря окружитъ золотой пеленой...
Наши кони летятъ, колесница скользитъ;
Море травъ и цвѣтовъ ароматомъ пьянитъ,
Брызжутъ капли росы отъ деревьевъ густыхъ,
Звѣзды ярче горятъ, вѣтеръ въ полѣ затихъ...
Кони вихремъ взвились... На просторъ, на просторъ!..
Выше темныхъ лѣсовъ, выше башенъ и горъ...
Дай мнѣ руку, дитя, крѣпче къ сердцу прижмись,—
Полетимъ, полетимъ въ эту чудную высь!.. [1]).

Большинство оканчивающихъ школу поступаетъ въ братство, подчиняясь убѣжденіямъ попечителя и членовъ братства.

Уговоры не прекращаются въ теченіе пятилѣтняго пребыванія воспитанника въ стѣнахъ школы.

— Для васъ, крестьянскихъ дѣтей,— говорилъ блюститель вѣрѣдко, — поселился я въ деревнѣ... На васъ трачу я и свои средства, и свои способности, и свое здоровье. Неужели вы послѣ этого заплатите мнѣ черной неблагодарностью? Неужели же вы предпочтете стать наемниками, торговать на ярмаркѣ жизни, а не быть братьями монми о Христѣ? Кому же, какъ не вамъ, поступать въ братство? Вѣдь изъ всего человѣчества вы наиболѣе спеціально и систематически подготовляетесь къ братской жизни!“

Интересенъ разсказъ одного изъ учениковъ, рѣшившаго уйти изъ школы, вслѣдствіе непригодности своего характера къ строгой дисциплинѣ. Послѣ долгихъ колебаній, онъ наконецъ приходитъ къ Неплюеву съ твердымъ рѣшеніемъ прекратить свое пребываніе въ школѣ.

„И вотъ я рѣшился.

Я пришелъ, повѣствуетъ разсказчикъ, въ домъ Николая Николаевича. Сердце такъ и колотилось въ груди, духъ захватывало, ноги подкашивались и казались какими-то чужими

[1]) Авторъ — Родіонъ Леляковъ, покинувшій братство.

Н. Н. былъ дома и ходилъ взадъ впередъ по своей нарядной гостиной.

— Николай Николаевичъ! Позвольте... пожалуйста... Я хочу... поговорить съ вами объ одномъ... объ одномъ важномъ дѣлѣ!..

— Что такое?.. что такое? — встревожился онъ:—о чемъ?..

Я осматривался кругомъ и собирался съ духомъ. Часы съ турецкими цифрами на циферблатѣ пробили 5. Бѣлый бюстъ Дибича-Забалканскаго угрожающе смотрѣлъ изъ угла...

— Н. Н.! Я не могу больше находиться въ братскомъ кружкѣ... Я не въ состояніи!.. Я не поступлю въ братство по окончаніи школы!.. Простите меня!.—выпалилъ я.

Только что усѣлъ я произнести эти слова, какъ произошло что-то ужасное. Мои слова глубоко взволновали воспитателя. Онъ истерически зарыдалъ, повторяя:

— Боже мой, Боже мой!.. Вотъ благодарность... за всѣ мои труды, за всѣ мои заботы!.. Боже, ты видишь!

Я никогда не видалъ Николая Николаевича такимъ. Я опасался, что это повліяетъ на него слишкомъ дурно. Я потерялъ самообладаніе и, переставая отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаю, въ свою очередь закричалъ:

— Н. Н.! Простите меня! Это грѣхъ меня попуталъ!.. Я нансерга останусь въ братствѣ...

Тогда воспитатель успокоился.

— Ну, то-то же,—сказалъ онъ уже спокойнымъ голосомъ,—пойдемъ, помолимся!

Мы пошли въ спальню и долго-долго молились, кладя земные поклоны"...

* * *

Главную цѣль Крестовоздвиженскаго братства самъ г. Неплюевъ опредѣляетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Главная цѣль — организація добра въ жизни, практическое осуществленіе христіанской правды путемъ стройной жизни, отношеній и всѣхъ родовъ труда на основѣ любви къ Богу и братолюбія".

Община состоитъ изъ членовъ трехъ категорій: полноправныхъ, пріемныхъ и соревнователей.

Полноправные братья — полноправные хозяева братства, они устанавливаютъ общій строй жизни братства, завѣдуютъ его имуществомъ и распоряжаются его доходами. Полноправные братья образуютъ изъ себя „братскую думу" подъ предсѣдательствомъ ими же выбраннаго блюстителя.

Пріемные братья—находятся на испытаніи; живутъ вмѣстѣ съ полноправными братьями въ предѣлахъ владѣній „братства" и пользуются равнымъ участіемъ въ доходахъ, но не участвуютъ ни въ выборахъ, ни въ установленіи строя жизни „братства".

Члены-соревнователи — обязаны, живя на сторонѣ, каждый въ своемъ положеніи содѣйствовать „братству" въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Они не участвуютъ въ доходахъ братства, но могутъ, по усмотрѣнію полноправныхъ братьевъ, получать отъ братства матеріальную помощь на дѣятельность въ духѣ братства за его предѣлами.

Въ братствѣ въ настоящее время около 20-ти полноправныхъ братьевъ и сестеръ, въ составъ которыхъ входилъ самъ г. Неплюевъ, его матушка и двѣ сестры; остальные по преимуществу крестьянскіе парни, бывшіе воспитанники Воздвиженской школы. Всего же въ братствѣ числится около 500 членовъ всѣхъ трехъ разрядовъ.

Въ братствѣ есть члены, поступившіе со стороны, но главный контингентъ составляютъ бывшіе воспитанники и воспитанницы неплюевскихъ школъ.

Членами братства наравнѣ съ мужчинами могутъ быть и женщины, пользуясь во всемъ равными съ ними правами.

Члены братства составляютъ изъ себя рабочую потребительную артель, при чемъ уставъ требуетъ, чтобы всѣ работы выполнялись самостоятельно, безъ помощи постоянныхъ наемниковъ. Фактически наемъ постороннихъ рабочихъ практикуется и по настоящее время. Чистый доходъ братства распредѣляется такъ: 20% отчисляется ежегодно въ основной и запасный капиталы, по 10% въ каждый. Остатокъ чистаго дохода раздѣляется поровну между всѣми полноправными и пріемными членами братства, но не выдается имъ на руки, а записывается на ихъ личные счета.

Покинувшіе „колыбель" воспитанники уже становятся „о Христѣ братьями", часто собираются вмѣстѣ, молятся и усердно занимаются самосовершенствованіемъ. Братскія именины, свадьбы, крестины, похороны, проводы брата на военную службу даютъ новые поводы для безконечно долгихъ молитвенныхъ собраній. Обстановка при этомъ та же самая, которая была описана раньше, — тѣ же экзотическія растенія, тяжелые бронзовые канделябры, стеариновыя свѣчи, хоругви, бѣлыя одѣянія, серебряные кресты, иконы и лампады...

Братскія собранія учащаются и моленія особенно усиливаются во время великаго поста. На страстной седмицѣ, передъ причастіемъ, въ братствѣ принятъ обычай „отпущенія грѣховъ" другъ другу.

Начиналось все длинной проповѣдью блюстителя.

... „Покаемся передъ Богомъ, — говорилъ онъ между прочимъ,—и передъ нашими ближними, попросимъ у Него прощенія въ великой неправдѣ нашей и сотворимъ плоды, достойные покаянія“.

Всѣ становились на колѣни. Кто-нибудь громко и „проникновенно“ читалъ братскую молитву.

„Пріими, Господи, души наши въ руку Твою, да будутъ онѣ, какъ свѣтъ лампады, предъ Тобою мерцающій, какъ дымъ кадильный, къ Тебѣ возносящійся. Ангеламъ Твоимъ заповѣдуй, да пріимутъ они умы и сердца наши подъ сѣнь крылъ своихъ. Укрѣпи, Господи, братство наше; пріими жизнь нашу на святое кѣло Твое и міръ озари немерцающимъ свѣтомъ вѣчной, святой любви Твоея“...

„Послѣ молитвъ, — разсказываетъ братскій хроникеръ въ книгѣ „Воздвиженская школа“,— блюститель отъ имени всѣхъ (братьевъ) сказалъ воспитанникамъ: „Мы часто указываемъ вамъ на наши недостатки,—это наша христіанская обязанность воспитателей, но мы сами грѣшные... Простите насъ!“

„И все братство и всѣ мы со слезами и земнымъ поклономъ просили прощенія другъ у друга... и старшій братскій кружокъ съ земнымъ поклономъ просилъ прощенія у младшихъ, младшіе отвѣчали тѣмъ же! Очень многіе плакали... Тяжело до боли сердечной, тяжело до слезъ было многимъ въ то время, когда Николай Николаевичъ и все братство съ земнымъ поклономъ просили прощенія у насъ“,— прибавляетъ воспитанникъ, записавъ эту церемонію.

Можно видѣть, что кругъ интересовъ описываемой общины всецѣло сосредоточился въ самомъ братствѣ, отгороженномъ отъ окружающаго міра высокой стѣной гордаго самомнѣнія и своеобразнаго ритуала.

Къ окружающему бѣдному и крайне невѣжественному населенію община относится вполнѣ индифферентно; оказывать помощь на сторонѣ тамъ не принято.

Въ огромную экономію г. Неплюева каждое лѣто сходится свыше 700 сельскохозяйственныхъ рабочихъ. И никогда ни одинъ правовѣрный братъ не бросалъ луча свѣта въ эти темныя массы. Народныя чтенія, вечерніе классы тамъ отсутствовали.

Отсутствіе благотворительности невольно бросается въ глаза каждому наблюдательному человѣку, лично посѣтившему Воздвиженскъ.

Съ тѣмъ же спокойствіемъ взираетъ община и на окружающее поголовное пьянство. Извѣстно, что даже само братство имѣетъ собственные винокуренные заводы, дающіе ему ежегодно значительные доходы.

„Упрекать меня въ томъ, писалъ Н. Н., что я не закрываю винокуреннаго завода,— нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ я не только не признаю самую водку и умѣренное употребленіе ея за зло, но былъ бы неискреннимъ и непослѣдовательнымъ именно въ томъ случаѣ, если бы, закрывъ, въ угоду общественному мнѣнію и современной модѣ (?), винокуренный заводъ, приносящій большую пользу мѣстному хозяйству, далъ поводъ думать, что люди, желающіе забыться, не будутъ продолжать пьянствовать, покупая водку съ другихъ заводовъ или одурманивая себя другими способами, если бы водки достать было невозможно“.

Въ виду этого, существованіе винокуренъ на территоріи братскаго хутора вовсе не тревожитъ братство, и оно нимало не смущается, когда его прекраснодушнымъ рѣчамъ о трезвости и воздержаніи громко вторятъ свистки его собственныхъ водочныхъ заводовъ.

Воспитанники, поступающіе въ братство, насильно порываютъ связи съ родной средой, даже съ родною семьей. Они превращаются въ паничей, сверху внизъ посматривающихъ на своихъ сородичей. Когда-то покойный проф. Н. П. Вагнеръ (Коть-Мурлыка) пришелъ въ восторгъ отъ Неплюевскаго братства и на стр. „Недѣли“ объявилъ его „оазисомъ среди пустыни“. Съ тѣхъ поръ въ „оазисъ“ не перестаютъ прѣзжать интеллигенты, люди „взыскующіе небеснаго града“... Прѣзжихъ гостей въ братствѣ принимаютъ чрезвычайно радушно.

По большей части гости разносятъ о братствѣ самыя лучшія вѣсти... Нужно, впрочемъ, сказать, что существуетъ постановленіе „братской думы“ о недопущеніи постороннихъ на различныя братскія церемоніи характера семейнаго.

Какъ я уже сказалъ, въ настоящее время въ Воздвиженскѣ числится до 500 человѣкъ, живущихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ братства; полноправныхъ же членовъ братства, распоряжающихся судьбами его, всего два десятка. Блюстителемъ братства состоитъ М. Н. Уманецъ, сестра покойнаго Неплюева. Полноправные братья—это аристократія и вмѣстѣ бюрократія братства.

Огромныя имѣнія, подаренныя братству Неплюевымъ, обрабатываются, главнымъ образомъ, наемными рабочими, число которыхъ доходитъ до 800 человѣкъ.

Доходы съ имѣній въ послѣдніе годы простирались до 112 тысячъ слишкомъ, активъ же братства достигаетъ 2 милліоновъ рублей.

Воздвиженскъ замѣтно растетъ и ширится. Появилось множество прекрасныхъ каменныхъ зданій. Хозяйство ведется въ образцовомъ порядкѣ. Сельскохозяйственныя машины, улучшенныя породы скота не заставляютъ желать ничего лучшаго".

Борьба съ жизнью во имя жизни.

[241.633:343.621]

Сначала съѣздъ врачей, а теперь съѣздъ криминалистовъ категорически высказались за ненаказуемость истребленія плода.

Основанія въ пользу такого рѣшенія приводятся исключительно социально-экономическаго характера.

Эти причины сильнѣе даже инстинкта материнства.

И судъ безсиленъ бороться съ ними. Судъ направно искалъ бы въ абортахъ злой умыселъ, желая подогнать ихъ подъ преступленіе. Злого умысла нѣтъ, ибо причины внѣ человѣка, въ условіяхъ его жизни. Абортъ—не дѣло суда. Съ этической стороны абортъ недопустимъ, но онъ и не преступленіе. Въ жизни много такихъ дѣяній, съ которыми наша измѣнчивая этика примѣряется, не квалифицируя ихъ, какъ преступленія.

Судъ, если бы хотѣлъ дѣйствительно бороться съ абортами, долженъ былъ бы расширить свое преслѣдованіе инквизиціей путемъ ограниченія женщинъ отъ побоевъ, столь обычныхъ въ нашихъ крестьянскихъ семьяхъ, а работницъ—отъ эксплоатаціи. При нынѣшнихъ же условіяхъ судебное преслѣдованіе аборта оказываетъ не пользу, а вредъ, загоняя беременныхъ женщинъ къ невѣжественнымъ бабкамъ и повитухамъ. И разъ судебное преслѣдованіе въ этой борьбѣ безсильно, то оставлять законъ о наказуемости аборта въ его теперешнемъ видѣ нельзя. Всякая общественная инициатива въ области разрѣшенія вопроса объ абортахъ (подача помощи и т. д.) при существующемъ законѣ невозможна, такъ какъ судебное преслѣдованіе немедленно настигало бы всѣхъ такихъ женщинъ. Вотъ почему абортъ не долженъ быть наказуемъ.

Но есть мнѣнія на этотъ счетъ совершенно противоположнаго характера. Основаны они не на практическихъ соображеніяхъ, продиктованныхъ интересами завтрашняго дня, а на непреложныхъ требованіяхъ космической жизни. Съ двумя изъ нихъ мы познакомимъ своихъ читателей.

В. Денисовъ въ газетѣ „Россія" пишетъ:

Въ міровой жизни самое главное есть жизнь, ибо все совершается въ предѣлахъ этого понятія. Теперь скажите, пожалуйста, не что превратится источникъ жизни, разъ онъ перестаетъ имъ быть? Это будетъ, прежде всего, ненужность, одна видимость вещи, пустоцвѣтъ. Это будетъ та очевидная никчемность, которая не исполняетъ самаго важнаго изъ всѣхъ назначеній — біологическаго.

Всѣ многочисленнѣйшія наши обязанности: личныя, общественныя, гражданскія, наконецъ, общечеловѣческія, цѣликомъ укладываются въ біологическія рамки и сводятся въ конечномъ итогѣ къ этому первоисточнику и въ то же время самоцѣли. Все въ конечномъ результатѣ направлено къ утвержденію и процвѣтанію жизни. Человѣкъ трудится въ потѣ лица для себя, для своей семьи, ради процвѣтанія общества, ради націи, или той разновидности, къ которой онъ принадлежитъ, и, наконецъ, ради всего рода человѣческаго. Всѣ эти мотивы, несмотря на различія, имѣютъ одинъ и тотъ же біологическій источникъ. Бытіе есть и начало всего и конечная цѣль всего.

Но разъ источникъ жизни, каковымъ является въ отношеніи рода человѣческаго женщина, или утратилъ инстинктъ, или не дорослъ до сознанія своего назначенія, то не служитъ ли это вѣрнѣйшимъ признакомъ явнаго психофизическаго банкротства всего зоологическаго типа? Вѣдь это форменное начало конца. Нѣкоторые народы древности поэтому совершенно не зря почитали плодородіе благословеніемъ Божіимъ, а безплодіе—проклятіемъ неба. Его боялись, какъ огня, и совершенно основательно считали позоромъ, ибо природа тутъ явно отказывалась отъ продолженія ненужнаго съ ея точки зрѣнія типа: индивидуальныя свойства нежелательныхъ природѣ особей хоронились такимъ образомъ навѣки и будущее отдавалось во власть другихъ болѣе и лучше одаренныхъ счастливцевъ, носившихъ въ себѣ сѣмена много, болѣе пышнаго развитія. Роды изсякшіе, эти „засохшія вѣтви" на древѣ человѣчества, безпощадно отметались рукой невидимаго, но великаго садовника. И съ скорбью великой, съ слезами горючими, съ мольбами о пощадѣ, принимался этотъ неотвратимый ударъ судьбы.

Теперь пришло время, когда, благодаря извращенію инстинкта и ослѣпленію мысли, люди величайшее несчастіе стали считать истинными счастьемъ и даже мѣрами искусственными источникъ жизни превращаютъ въ источникъ смерти. Молодое цвѣтущее тѣло женщины становится могилой ихъ собственныхъ дѣтей и матери въ буквальномъ смыслѣ уподобляются тѣмъ змѣямъ, которыя пожираютъ собственныхъ

дѣтевышей. Одной нужно сохранить фигуру, другой нужно служить обществу, третьей не хочется отдаваться тяжелому труду воспитанія, четвертой дѣти кажутся слишкомъ дорогимъ удовольствіемъ и она жертвуетъ ими для собственнаго комфорта, но въ концѣ концовъ каждая плетется къ знахаркѣ, къ акушеркѣ, къ врачу, для того, чтобы учинить абортъ, т.-е. по-просту убійство крошечнаго, зародившагося подъ ея сердцемъ, существа. Люди съ вытравленнымъ инстинктомъ жизни совершаютъ это тягчайшее изъ преступленій въ громадномъ большинствѣ случаевъ безсознательно. Тутъ можно только попытаться прояснить омраченную мысль и разбудить дремлющую совѣсть. Можно призвать на помощь всю строгость закона, памятуя, что онъ не только карастъ, но и воспитываетъ людей въ извѣстныхъ нравственныхъ понятіяхъ, ибо чѣмъ зло сильнѣе карается, тѣмъ большимъ зломъ оно признано. Нѣтъ ничего болѣе растлѣвающаго, какъ снисходительное отношеніе къ проявленіямъ доказаннаго зла. Этимъ какъ бы стирается грань между зломъ и добромъ и создается какъ бы нравственное поощреніе и потаканіе. Законъ есть не только классификація возмездія за проявленія злой воли, это есть, кромѣ того, живое указаніе на степень зла, моральная оцѣнка поступковъ. Въ этомъ его воспитательное значеніе, и эту истину, казалось бы, живѣе всего нужно бы было сознавать теоретикамъ права, какими являются криминалисты.

А между прочимъ, какое отношеніе на послѣднемъ съѣздѣ было проявлено ими къ вопросу о наказуемости аборта? Этотъ до послѣдней степени противоестественный актъ не признавъ даже преступленіемъ. Надо сознаться, что мотивы приводились изумительные по своему логическому убожеству. Говорилось, напримѣръ, что въ извѣстные періоды развитія эмбріона человѣка нельзя отличить отъ эмбріона собаки. Пусть это такъ, пусть даже „самъ Геккель“ такъ утверждаетъ, но вѣдь и самъ Геккель не будетъ утверждать, что въ силу этого эмбріонъ человѣка совершенно равноцѣненъ эмбріону собаки. Изъ человѣческаго эмбріона можетъ получиться Шекспиръ или Ньютонъ, а изъ собачьяго только дворняжка „Шавка“ или фоксъ-терьеръ „Попрыгунчикъ“. Это „двѣ маленькія разницы“. Затѣмъ многіе утверждали, что эмбріонъ вовсе не живое существо, а часть женскаго тѣла, съ которой она можетъ обращаться по усмотрѣнію. Нелѣпость тутъ сама мечется въ глаза. Прежде всего, эмбріонъ вовсе не ноготь, и не волосъ, которые можно стричь или не стричь, а во-вторыхъ, человѣческій зародышъ есть вовсе не просто эмбріонъ, а эмбріонъ, оплодотворенный съ согласія женщины, и въ качествѣ такового нѣчто неприкосновенное, какъ начало будущей отдѣльной жизни.

Какую цѣну имѣло бы, напримѣръ, утвержденіе человѣка, глядящаго на истоки Волги и доказывающаго, что это не Волга, а какая-то незвѣстная рѣченка, не заслуживающая даже этого названія, ибо настоящая Волга неизмѣримо шире, многоводнѣе и глубже? Вѣдь это явный абсурдъ. Вѣдь каждый мудрецъ былъ когда-то глупымъ, шаловливымъ мальчишкомъ, игравшимъ въ лошадки. Что же, тогда онъ, стало быть, не былъ самимъ собой? Оплодотворенный эмбріонъ есть человѣкъ въ началной стадіи своего развитія, и потому, несмотря на всѣ очевидные софизмы, уничтожающіе его, убиваютъ человѣка.

На третье возраженіе, исходившее къ сожалѣнію отъ женщины, что нельзя же насильно заставлять женщинъ рожать дѣтей, надлежитъ, самое лучшее, отвѣтить вопросомъ: „а что же остается дѣлать бременнымъ женщинамъ“? Если, конечно, смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія Арцыбашенскихъ героинь, понимающихъ подъ жизнью одинъ сплошной флиртъ, то беременность надлежитъ признать просто непріятнымъ приключеніемъ, отъ котораго надо поскорѣе избавиться, чтобы безпрепятственно изображать изъ себя фруктъ и предметъ вожделѣнія. Къ сожалѣнію, вся эта поэзія любви и всѣ эти розы по замыслу природы суть только заманчивая и блестящая увертюра къ крайне тяжелымъ, отвѣтственнымъ и серьезнымъ материнскимъ обязанностямъ. Женщина, которая этого не понимаетъ, была бы очень похожа на того военнаго, который думалъ бы, что всѣ его обязанности заключаются въ болѣе или менѣе декоративномъ вышагиваніи подъ звуки перемоніальнаго марша на парадахъ. За шумихой всевозможнаго quasi-передового пустозвонства женщина забыла главное свое назначеніе—поддерживать жизнь рода и въ непонятномъ и преступномъ ослѣпленіи отшатнулась отъ почетнѣйшаго въ мірѣ назначенія быть любящей и добросовѣстно относящейся къ воспитательнымъ своимъ обязанностямъ материю.

Почему, скажите, всѣ должны исполнять свой долгъ и только одна женщина должна быть свободна? Всѣ люди, желающіе быть достойными имени человѣка, такъ или иначе содѣйствуютъ своей дѣятельностью разсвѣту и развитію жизни: врачъ лечитъ, юристъ стоитъ на стражѣ законнаго урегулированія человѣческихъ эгоизмовъ, земледѣлецъ въ потѣ лица трудится надъ взращеніемъ хлѣба, ученый не

спить ночи въ погонѣ за научными завоеваниями, обезпечивающими власть человѣка надъ мертвой природой, солдатъ приноситъ жизнь свою за торжество націи въ жизненной борьбѣ и только женщина хочетъ быть свободна отъ основного своего долга? Вырождающаяся физически, сходящая на нѣтъ нація, въ которой смертей больше, чѣмъ рожденій, что это такое? Вѣдь это хуже, чѣмъ нація завоеванная, ибо у ней можетъ быть надежда на освобожденіе, а тутъ ничего кромѣ смерти. Что это за семья, существованіе которой не окрашивается, не одухотворяется и не осмысливается назрѣвающей въ ея нѣдрахъ новой жизнью? Что это за люди, послѣ которыхъ остается на землѣ круглый нуль? Вѣдь это пни гніющіе, около которыхъ нѣтъ молодыхъ побѣговъ. Тутъ смерть, пустота и отчаяніе.

Природа—не съѣздъ криминалистовъ и съ безпощадной жестокостью караетъ извращеніе своихъ основныхъ законовъ и забвеніе долга. Рушится семья, въ безсмысленномъ и безподобномъ развратѣ хиритъ общество, вырождаются и стираются съ земли цѣлые народы. Это ли не ужасающее преступленіе?!".

Приблизительно на такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Баянъ („Русск. Сл.").

Вопросъ, рѣшенный на съѣздѣ криминалистовъ, пишетъ онъ, покрываетъ стыдомъ и печалью чело человѣчества. Я имѣю въ виду не столько резолюцію съѣзда по этому вопросу,—о ненаказуемости аборта,—сколько самую сущность его. Эта сущность напоминаетъ мнѣ чистый ручей на днѣ пропасти, безнадежно ущемленный гигантскими, недоступными скалами. Истребленіе плода антиприродно, антигосударственно и аморально. Это — аксіома. Явленіе это, какъ неврастенія и всякаго рода нервныя болѣзни, занесено съ прогрессомъ. Оно кажется въ центрѣ обратной стороны медали культуры. Оно—высокая плата за блага XX вѣка. На днѣ его—хохочущая рожа дьявола.

Тема, дебатировавшаяся на съѣздѣ криминалистовъ,—самоистребленіе человѣчества. Для того, чтобы такая тема вообще могла стать вопросомъ общественнымъ (а, слѣдовательно, и моральнымъ), чтобы она могла выглянуть на свѣтъ Божій изъ тѣни, въ которой покоилась вѣка вмѣстѣ съ другими страшными темами общежитія,—нужна была поистинѣ дьявольская коллизія. Аборты ущемленъ поистинѣ гигантскими противорѣчіями. Съ одной стороны его—природа, нравы, религія, законы и органическое чувство. Съ другой—моральныя, и соціальныя проблемы.

Чтобы убить въ женщинѣ позывъ къ материнству, инстинктъ материнства, восторгъ материнства, страхъ людской и Божій, наслѣдственныя привычки и убѣжденія, чтобы убить голосъ собственной крови,—нужна поистинѣ силы высшаго порядка. Въ душѣ человѣка, убивающаго свой плодъ,—если душа эта не стерлась окончательно,—должна происходить жесточайшая схватка основныхъ началъ битія. Уже самая схватка эта—стыдъ и позоръ. Но когда изъ нея выходитъ побѣдителемъ разрушительное начало,—передъ нами глубокая трагедія. Абортъ, какъ таковой,—банкротство культуры. Никакія завоеванія человѣческаго генія, никакіе радіи и аэропланы не могутъ затушевать его. Если культура—творчество, и если весь ходъ ея направленъ къ облегченію и расширенію творчества,—абортъ, какъ циничнѣйшій изъ актовъ разрушенія, антикультуренъ. Абортъ одіозенъ потому еще, что онъ топчетъ всѣ усилія науки, направленныя къ поддержанію жизни и къ раскрытію ея тайнъ. Было время, когда, имѣя съ философскимъ камнемъ, искали способа создать жизнь внѣ законовъ природы. Пусть исканія эти безумны, но они свидѣтельствуютъ о стойкости жизненнаго начала въ людяхъ. Абортъ отрицаетъ и эту стойкость,—зондъ, прокалывающій зародышъ, прокладываетъ и всю исторію человѣческой борьбы съ разрушеніемъ. Вотъ почему санкціонированіе аборта, какими бы мотивами оно ни было обставлено, является отрицаніемъ этой исторіи, отрицаніемъ культуры.

Статистику абортовъ вести нельзя. Но всѣ фактическія и логическія данныя за то, что на Западѣ абортъ практикуется еще шире, чѣмъ у насъ, что процессъ разрушенія человѣчества тамъ глубже. Франція уже вымираетъ. Англія близка къ грани вымиранія. Если бы въ Европѣ дѣтоубійство не вошло въ систему,—подъ дѣтоубійствомъ я подразумѣваю и истребленіе сѣмени,—населеніе ея было бы теперь такъ же густо, какъ въ Китаѣ. Борьба съ природой, борьба съ Богомъ идетъ по всей линіи человѣчества, и чѣмъ люди культурнѣе, тѣмъ борьба эта интенсивнѣе. Древнее благословеніе Божіе обратилось въ проклятіе. Посулъ размноженія, „какъ морской песокъ",—въ насмѣшку. Иродово избіеніе стало однимъ изъ стимуловъ культуры.

Абортъ свилъ свое гнѣздо на этомъ уклонѣ человѣчества къ самоистребленію. Въ людяхъ выросъ новый инстинктъ, явилась новая наслѣдственность: инстинктъ антиматеринства, наслѣдственность дѣтоубійства. Выходя замужъ, нынѣ дѣвушки уже открыто ставятъ условіе: „не имѣть дѣтей". Большинство же требуетъ

„отстрочки“ для перваго ребенка, и на немъ большею частью кончается приращеніе семьи. Сожительство съ мужемъ въ большинствѣ случаевъ не семейное, а адюльтерное. Мужъ имитируетъ любовника. Половая, идейная, духовная и матеріальная развинченность сдвинула весь институтъ человѣчества съ плоскости страданій и размноженія въ плоскость наслажденія и разрушенія. Въ этой атмосферѣ аборт—не дисгармонія, не диссонансъ, а одна изъ нотъ, входящихъ въ аккордъ человѣческаго блага. Убійная несуществующее, спасаютъ существующее,—таковъ лозунгъ вѣка.

Къ этому лозунгу тянутся условности и предразсудки, дефекты законодательствъ, нравы, людской эгоизмъ, людская злость. Человѣчество до сихъ поръ не можетъ покончить съ „иллегальностью“ любви и дѣторожденія. Государственный, соціальный и личный эгоизмъ удерживаютъ ячейку семьи въ стальномъ оборучѣ формальностей. Внѣ этихъ формальностей семья не признается. Только вчера сняли у насъ съ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, позорное клеймо: „незаконныхъ“. А въ Европѣ bâtard'ы существуютъ и по днесь. Передъ женщиной, готовящейся стать матерью, если она не записана въ мэріи или въ приходской книгѣ, раскинута проволочная изгородь съ волчьими ямами. У будущаго ребенка ея нѣтъ имени и правъ наслѣдованія. Нѣтъ отца. Нѣтъ уваженія гражданъ. Газетнаго листа незватитъ перечислить опасности, которымъ подвергаются мать и ея будущій плодъ, если онъ увидитъ свѣтъ Божій не по кодексу законовъ и не по церковнымъ канонамъ. Къ реальнымъ опасностямъ этимъ прибавляются еще моральныя: стыдъ. Дѣвушкѣ стыдно стать матерью. Явный стыдъ этотъ, очевидно, перевѣшиваетъ стыдъ скрытый,—лучше скинуть, чѣмъ родить...

Ничего новаго я, понятно, не собираюсь сказать на эту избитую тему. Но если законовѣрно чувство стыда и негодованія, вызваннаго открытымъ поощреніемъ истребленія плода, должны быть понятны и простительны чувства тѣхъ, кто хочетъ избавить русскую женщину отъ лжи и компромиссовъ.

Если быть матерью становится позорно и трудно,—лучше убить инстинктъ материнства, чѣмъ профанировать его. Такъ мнѣ хочется понять ретивыхъ криминалистовъ и криминалистокъ! Такова трагедія человѣчества!

О призывѣ къ бодрости.

[301(47)]

Николай Раевскій въ газетѣ „Новь“ (№ 39) пытается отвѣтить на вопросъ—что же такое „бодрость“, къ которой насъ всѣ такъ призываютъ?

„Максимъ Горькій „вѣритъ въ человѣка“ и призываетъ бодро идти впередъ.

Вересаевъ тоже „вѣритъ въ человѣка“ и призываетъ къ бодрости духа.

Футуристы только и говорятъ, что о „бодрости“.

Джекомъ Лондономъ восторгаются за бодрость.

Маринетти аплодировали за бодрость и энтузіазмъ.

Верхарну подносили адреса за энтузіазмъ.

Никогда мы не жили такъ уныло и никогда такъ много не кричали о бодрости. Это очень подозрительно. Всѣ увѣровали въ человѣка и возлюбили жизнь.

— Давайте будемъ бодрыми! Будемъ жить для жизни! Увѣруемъ въ человѣка!

Но, господа, это совсѣмъ не такъ просто!—восклицаетъ авторъ цитируемой статьи.

Чеховъ написалъ А. С. Суворину мрачное письмо. Въ отвѣтъ на это А. С. Суворинъ прислалъ Чехову письмо одной барыни, гдѣ та увѣряетъ, что вѣритъ въ жизнь, и что для бодрости больше ничего не требуется.

Чеховъ разсердился. Написалъ А. С. Суворину очень горячее письмо и о проповѣди дамы, „вѣрующей въ жизнь“, выразился:

— Это не міросозерцаніе, а монзансье!

Не потому ли всѣ современные призывы къ „бодрости“ такъ и безсильны, что за ними стоитъ не твердый камень, не міросозерцаніе, ясное и опредѣленное, а туманное, расплывающееся, какъ конфета, „общее мѣсто“?

Современный человѣкъ тоскуетъ. Нѣсколько человѣкъ стоятъ на зыбкомъ берегу и кричатъ:

— Ничего, бодрись! Мы въ тебя вѣримъ!

Вѣрьте, это прекрасно. И къ бодрости призывать тоже прекрасно. Но надо же вытащить человѣка на берегъ!

Если понять, почему современный человѣкъ тоскуетъ, станетъ яснымъ, что такое настоящая бодрость. Бодрость, это—твердое дно подъ ногами. Это—почва, которая тоскующему человѣку даетъ возможность твердо встать и твердо жить.

Есть пословица: „Что посѣешь, то и пожнешь“. Мы очень, очень долго сѣяли то, что теперь пожинаемъ!

Мы ставили передъ человѣкомъ лишь вѣш-

нія цѣли, иногда очень возвышенныя, но все же внѣшнія; и потому пригодныя оправдать лишь конечное его существованіе. Чѣмъ дальше шла жизнь, тѣмъ яснѣй становилось, что это не то. Безконечное въ человѣкѣ предъявляло свои права, не находило удовлетворенія; конечныя, внѣшнія задачи перестали „захватывать“, возбуждать энтузіазмъ, общество начинало впадать въ апатію, въ уныніе: мы сѣяли сѣмена смерти, и изъ нихъ начали всходить души мертвыя, къ жизни не пригодныя. И мы испугались и стали кричать о бодрости и вѣрѣ въ жизнь. Но мы сами отняли и то и другое. И если искренно хотимъ вернуть бодрость,—должны все начинать сначала.

„Цѣли“, во имя которыхъ живетъ современный человѣкъ, могутъ быть очень различны—отъ самыхъ низменныхъ до самыхъ возвышенныхъ, но общій ихъ признакъ все же одинъ: онъ *внѣ* человѣка, и потому могутъ дать смыслъ лишь конечному его существованію. Богатство, карьера, слава, семья, свершеніе существующаго государственнаго строя, счастье народа, счастье человѣчества,—всѣ эти „цѣли“ при допущеніи безсмертія явно недостаточны. Нельзя же оправдать безсмертную вѣчную жизнь человѣческаго духа министерскимъ портфелемъ, обладаніемъ любимымъ человѣкомъ или счастьемъ всего человѣчества, потому что пройдутъ милліоны лѣтъ, и теперешней жизни не будетъ *вовсе*.

Вотъ въ этой лжи, въ этомъ духовномъ извращеніи, въ этой безумной попыткѣ *безсмертнаго человѣка* жить во имя конечныхъ цѣлей—и корень всей болѣзни.

Какъ можно говорить человѣку „о бодрости“ и „вѣрѣ въ жизнь“, когда у него отнято главное условіе и бодрости и вѣры, отнято сознаніе, что стоитъ быть бодрымъ, и что жизнь стоитъ того, чтобы въ нее вѣрить!

Если я живу для любимаго человѣка, и онъ умираетъ,—мнѣ жить больше не для чего. И ни Горькій, ни Вересаевъ, ни Джекъ Лондонъ, ни самъ Маринетти со всѣмъ своимъ энтузіазмомъ не спасутъ меня. Если я живу для карьеры и карьера испорчена,—жить не стоитъ.

Если я живу для революціи и революція не удалась,—пулю въ лобъ.

Отнять у человѣка вѣру въ вѣчное бытіе духа и потомъ призывать его „вѣрить въ жизнь“, и звать „бодро итти впередъ“,—это значитъ заниматься риторикой.

Человѣкъ тонетъ. Кричитъ. И чтобы спасти его, надо прежде всего вытащить на берегъ. А потомъ уже говорить: „бодро иди впередъ!“ Да и говорить-то не придется. Онъ самъ почувствуетъ бодрость. Самъ пойдетъ.

Стихійному стремленію людей къ внѣшнимъ цѣлямъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ къ хроническому или острому самоубійству, можно быть противопоставлено внутреннее оправданіе его бытія. Общество должно быть въ корнѣ перевоспитано. Должна быть измѣнена самая суть его психологической основы. Точно такъ же, какъ теперь, ему съ молокомъ матери внушается, что вся суть жизни въ достиженіи тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ цѣлей, ему должно быть внушено, что цѣль его—овладѣть всѣми внутренними силами, въ душѣ его заложенными, проявить эти силы въ творческой дѣятельности, раскрыть свою индивидуальность, жить не частицей духа своего, а всей полнотой бытія—и тогда не только „признаетъ“ онъ, но и ощутитъ „смыслъ жизни“,—и это будетъ настоящей бодростью. Человѣкъ, поставивъ себѣ внутреннія задачи, очень скоро почувствуетъ органическую связь всего міра съ собой—почувствуетъ всеединство. И тогда работа надъ собой станетъ для него не праздникомъ „эгоистическимъ дѣломъ“—личнымъ „самоспасеніемъ“, а дѣломъ, единственно важнымъ, приближающимъ общее, вѣчное благо міра.

Вся внутренняя жизнь его станетъ другой. А вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнится его отношеніе и къ внѣшней жизни.

Какой же выводъ?

А выводъ,—что „бодрость“ не есть „настроеніе“, которое можно вызвать самой горячей, „призывающей“ къ жизни статьей. Бодрость есть состояніе духа, котораго можно достигнуть лишь упорной работой надъ собой. Къ этой работѣ и надо призывать людей. А ужъ бодрость придетъ сама, какъ результатъ ея.

Надо давать людямъ міросозерцаніе, а не моппансье! Горькій понималъ это, міросозерцанія религіознаго не имѣлъ и потому ни къ чему „не призывалъ“.

И современнымъ проповѣдникамъ бодрости надо все это сознать такъ же, какъ сознавалъ Чеховъ. И выбирать изъ двухъ одно: или замолчать или встать на новую дорогу“.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Мартъ — I. • № 13.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

286. Флоренскій, П., свящ. 1:2

Столпъ и утвержденіе истины. Опытъ православной теодиціи въ 12-ти письмахъ. 1914. М., кн-во „Путь". 814 стр. Съ иллюстр. Ц. 3 р. 50 к.

Книга проф. Ф. впервые выводитъ православное богословіе на новый путь и открываетъ новые горизонты. Это повистинѣ теодиція, догматико-философскій трактатъ объ основныхъ истинахъ христіанства и, вмѣстѣ, поэтическая пѣснь о Божествѣ и божественномъ, о землѣ, о всемъ твореніи, о человѣкѣ, жизни и смерти. Авторъ не мыслитъ, не разсуждаетъ только о религіи: онъ живетъ ею и откровенно передаетъ свои переживанія. Какъ въ человѣкѣ нераздѣльны, собственно, умъ и чувство, такъ и у Ф. столь же живо, непосредственно, неискусственно сочетается то и другое, и вы, вмѣстѣ съ авторомъ, переживаете всю его внутреннюю работу, весь процессъ религіознаго богопознанія, въ результатѣ котораго получается стройное зданіе вѣры, „столпъ и утвержденіе истины". Не думайте, однако, что книга отражаетъ исключительно субъективное настроеніе. Нѣтъ, въ томъ ея и объективная цѣнность, что авторъ лично переживаетъ вѣчно вѣчное, то, чѣмъ живетъ Церковь, чѣмъ жили родоначальники христіанства, отцы и учители церкви, подвижники и святые, религіозные мыслители, люди духовнаго опыта и, наконецъ, всѣ вѣрующіе. Онъ проникаетъ какъ бы въ душу Церкви и сливается съ нею своей собственной душою.

„Живой религіозный опытъ, какъ единственный законный способъ познанія догматовъ,— такъ мнѣ хотѣлось бы, — говоритъ Ф., — выразить общее стремленіе моей книги. Только опираясь на непосредственный опытъ, можно обозрѣть и оцѣнить духовныя сокровища Церкви. Только вода по древнимъ строкамъ влажною губкою, можно омыть ихъ живою водою и разобрать буквы церковной письменности. Подвижники церковные живы для живыхъ и мертвы для мертвыхъ. Для потемнѣвшей души лики угодниковъ темнѣютъ, для параличной—тѣла ихъ застываютъ въ жуткой неподвижности. Но ясныя очи попрежнему видятъ лики угодниковъ сіяющими, „какъ лицо ангела". Для очищеннаго сердца они по старому привѣтливы; какъ встарь, вопіютъ и взываютъ къ имѣющимъ уши слышать... Не обольщаюсь я, знаю твердо, что зажегъ я себѣ не болѣе, какъ лучину или конеечную свѣчечку желтаго воску. Но и это, дрожащее въ непривычныхъ рукахъ, пламешко міріадами отблесковъ заискрилось въ сокровищницѣ св. церкви.

Многими вѣками, изо дня въ день собиралось сюда сокровище, самоцвѣтный камень за камнемъ, золотая крупинка за крупинкою, червонецъ за червонцемъ. Какъ благоуханная роса на руно, какъ небесная манна, выпадала здѣсь благодатная сила богозаренной души... Затаеннѣйшія чаянія, сокровеннѣйшіе порывы къ богоуподобленію, лазурныя, послѣ бурь наступающія минуты ангельской чистоты, радость богообщенія и святыя муки остраго раскаянія, благоуханіе молитвы и тихая тоска по небу, вѣчное искваніе и вѣчное обрѣтеніе, бездонно-глубокія прозрѣнія въ вѣчность и дѣтская умиренность души, благоговѣніе и любовь—любовь безъ конца... Текли вѣка, а это все пребывало и накапливалось". Пусть съ лучинкой, по создатель „теодицеи" сумѣлъ, дѣйствительно, проникнуть въ церковную сокровищницу и извлечь оттуда неисчерпаемыя богатства, чего не могли, не умѣли такъ сдѣлать до сихъ поръ другіе. Именно такъ надо, потому что только такъ всѣмъ доступно, всѣмъ близко, всѣмъ дорого, кто хочетъ вѣрить и молиться. Книга даетъ настроеніе. Съ первыхъ же строкъ она захватываетъ своей задушевностью и роднитъ автора съ читателемъ. Самая форма „писемъ", форма не то исповѣди, не то бесѣды, какъ нельзя, болѣе подходитъ къ задачѣ подобнаго произведенія. Въ книгѣ много есть и того, что называется „ученостью", и чѣмъ любятъ опереровать наши апологеты. Но ученость эта здѣсь только между прочимъ, въ качествѣ разъясненія, добавленія для желающихъ, для теоретиковъ. Въ такомъ видѣ она не мертвитъ живыхъ религіозныхъ переживаній. Таково именно должно быть настоящее богословское вѣдѣніе. И, если бы православная церковность, къ которой, какъ къ тихому пристанищу, направляетъ авторъ свои стопы, была дѣйствительно, de facto, такою, какъ является она сквозь призму „теодицеи", то, навѣрно, Достоевскому не приходилось бы говорить о параличѣ церкви, а другимъ повторять за нимъ то же.

Хотѣлось бы надѣяться, что произведеніе Ф. проложитъ дорогу новому направленію, и русское богословіе дастъ примѣръ настоящаго православнаго богословствованія, въ отличіе отъ католичества и протестанства. *(П. Надеждинъ „День". 1914—56).*

Книга привлекаетъ личностью автора, человѣка не только всесторонне образованнаго, но и ученаго. Ф. не побоялся окунуться въ стихію православія, столь непопулярнаго среди нашей интеллигенціи. Ни для кого не тайна, что мно-

гіе изъ православныхъ относятся къ православію неодобрительно. Конечно, предубѣжденность объясняется за счетъ нашего незнакомства съ предметомъ, однако, она—неоспоримый фактъ. Ф. раскрываетъ передъ читателемъ православные догматы, отношеніе церкви къ міру и жизни. „Живой религіозный опытъ“ есть „единственный законный способъ познанія догматовъ“. Познаніе это возможно только въ церкви. „Церковность—это жизнь, особая новая жизнь, данная человѣкамъ, но, подобно всякой жизни, недоступная разсудку. Опредѣлять церковность можно съ большой вѣроятностію достовѣрности біологически и эстетически. Если церковность есть жизнь въ Духѣ, то мѣриломъ правильности этой жизни можетъ быть только красота, разумѣется, красота духовная, ведущая къ Божеству. Православіе не доказуется, а показуется“. И для постиженія, пониманія его необходимъ религіозный опытъ, нуженъ, какъ и въ воспріятіи прекраснаго, вкусъ, особый, православный, а для выработки вкуса надо погрузиться въ стихію православія. Въ книгѣ Ф. не только бездна учености, но и живого чувства, лирическаго подъема, въ ней много поэзіи. Нѣкоторыя письма какъ бы нарочно написаны для интеллигента въ поясненіе важныхъ сторонъ православія. Между прочимъ, къ этимъ главамъ принадлежитъ письмо девятое „О твари“. Многое, очень многое объясняетъ это письмо всѣмъ незнакомымъ съ православіемъ. И прежде всего, отношеніе христіанства къ творенію, къ твари. „Человѣкъ связанъ своимъ тѣломъ со всею плотію міра, и связь эта такъ тѣсна, что судьба человѣка и судьба всей твари неразрывны“. Богъ заключилъ завѣтъ не съ человѣкомъ только, но со всею тварью. Отсюда вытекаетъ любовь христіанская къ природѣ и животнымъ, также къ тѣлу. Тѣло человѣческое есть красота, созданная по образу Божію. Какъ храмина высшей красоты, тѣло—свято. Идея святого тѣла не только не отвергается аскетизмомъ, а, напротивъ, утверждается. „Христіанство породило невиданную ранѣе влюбленность въ тварь“. Надо такъ „жить и чувствовать вмѣстѣ со всею тварью“, чтобы прозрѣвать въ ней, въ этой твари, „иную, высшую природу“.

Авторъ признаетъ неопредѣлимость православной церковности, въ чемъ онъ видитъ преимущество православія передъ другими религіями. Читателя не должно смущать, что самъ авторъ, какъ бы впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, свою книгу наполнилъ неудержимымъ стремленіемъ къ разъясненію, опредѣленію православія. Авторъ не отказывается отъ услугъ разума, ибо „сквозь зіяющія трещины человѣческаго разсудка видна бываетъ лазурь Вѣчности.“ (*Ал. Булдѣевъ. „Гол. М.“ 1914—47*).

Авторъ заранѣе недоволенъ своей работой, но не потому, что ему не удалось сдѣлать того, что онъ хотѣлъ, а потому, что „неисчислимы, несмѣтны, несказуемы богатства церковныя“, и каждому можно взять себѣ „только часть ихъ для пользованія“.

...Значеніе книги мы видимъ въ методѣ автора, стремящагося подойти къ догмату отъ живого религіознаго опыта. Въ частностяхъ, болѣе или менѣе важныхъ, съ авторомъ можно, а иногда даже и должно не соглашаться: но неоспоримо то, что этотъ трудъ ставитъ себѣ серьезную задачу, хотя выполняетъ ее оригинально и далеко не для всѣхъ одинаково пріемлемо. (*Павел. Астровъ. „У. Рос.“ 1914—38*).

Зная автора, можно было ждать, что онъ и сокровищницы вѣковъ извлечетъ что-нибудь „новое и свѣтозарное“. Этого нѣтъ. Конечно, ей работа не диссертація, переведенная съ нѣмецкаго, и не мертвая бронзовщина — но обѣщанія обмануты. Взгляды не глубокіе по существу — искусственно и внѣшне углублены сложной и часто красивой терминологіей. Гносеологическое обоснованіе догмы троичности—въ сущности „голо“ и словесно и во всякомъ случаѣ не свѣтло и не прозрачно.

Теорія постепенной раскрываемости—ипостасей троицы (при чемъ ипостась Св. Духа будто плохо понималась и чувствовалась не только первохристіанствомъ, но и эпохой IV вѣка) не нова и главное неубѣдительна, хотя, можетъ быть, и вѣрна. Изслѣдуя религіозный опытъ вѣковъ, авторъ приноситъ слишкомъ много жертвъ принципу ортодоксіи—онъ не хочетъ рѣшительно знать опыта западной мистики и нашей сектанской, и слишкомъ много цѣны придаетъ вульгарному опыту Мотовилова, о которомъ нелишни справки въ литературѣ психіатрической. Принципъ обязательной антиномичности догмы, обольстительный тамъ, гдѣ авторъ оперируетъ надъ понятіями огромной сложности, сильно дискредитируется, когда тема проста и ясна (о вѣчности мученій и возстановленіе въ блаженствѣ). Мы не можемъ не сказать, однако, что въ литературѣ богословской книга—явленіе исключительное. Она даетъ серьезный толчокъ мысли. Богословъ съ глубокимъ вниманіемъ прочитаетъ все. Всякій, кого интересуетъ философія религіознаго опыта и мистической морали, многія главы (Грѣхъ, Геена, Тварь, Дружба) прочтетъ съ подлиннымъ наслажденіемъ. Нѣкоторыя страницы—религіозныя поэмы—великой искренности и подъема. (*Бывшій профессоръ. „Рѣчь“. 1914—19*).

287. Моравская, М. 087.1

Апельсинныя корки. Стихи для дѣтей. Рисунки С. Чеховина. 1914. Спб., кн-во т-ва О. Н. Поповой. 64 стр. Ц. 1 р.

Хорошая дѣтская книга—явленіе очень рѣдкое. Хорошіе дѣтскіе стихи — явленіе почти исключительное. Стихи М., несомнѣнно, принадлежатъ къ такимъ радостнымъ исключеніямъ. Никакихъ нравоученій, никакого заискиванія—только чувство, только образы, только шутки, юморъ. Такіе стихи должны развивать въ ребенкѣ впечатлительность, остроту, должны обострять предметное чувство,—чувство души въ вещахъ и въ звѣряхъ. И дѣти, конечно, съ восторгомъ будутъ заучивать стихи М. Я увѣренъ, что „Мечты“, „Похороны цыпленка“, весь отдѣлъ „Звѣри обиженные“ и большая часть изъ отдѣла „Звѣри веселые“ станутъ любимыми дѣтскими стихотвореніями. Дѣти гораздо больше любятъ звѣрей, чѣмъ людей. Поэтому звѣриное горе, звѣриная обида имъ какъ-то ближе, понятнѣе. Дачный пёсикъ, брошенный всѣми, „съ росинками на хвостикѣ“, чахоточная обезьяна, словъ, которому надоѣло, что на резинкахъ рисуютъ его портретъ,—все это будетъ оцѣнено. Поэтическій талантъ М. такъ значителенъ, а любовь къ дѣтской душѣ такъ велика, что ребенокъ нигдѣ не почувствуетъ сочинительства. Я даже

думаю, что многія дѣти не сбросятъ, кто сочинилъ эти стихи—они сами сочинились. (*Б. Эйхенбаумъ. „Рус. М.“ 1914—2*).

М. не сочиняетъ стиховъ спеціально „для дѣтей“. Ея книжка, посвященная дѣтямъ, органически входитъ въ ея творчество въ цѣломъ. Изъ этого цѣлаго оказалось возможнымъ выдѣлить часть, понятную и доступную дѣтямъ какъ по темамъ, такъ и по трактовкѣ ихъ. Темы все обычныя, но подходитъ къ нимъ М. именно такъ, какъ могли бы подойти дѣти. И дѣти, несомнѣнно, будутъ радоваться, читая отдѣлъ „Звѣри веселые“, и сочувственно печалиться при чтеніи цикла „Звѣри обиженные“. Эти два отдѣла—лучшіе въ книгѣ. Нѣсколько слабѣе отдѣлъ „Апельсинныя корки“, въ немъ чувствуется какъ будто нѣкоторая нарочитость, даже поддѣлка подъ „дѣтскость“, хотя и здѣсь хороши стихи—„Апельсинная страна“, „Бѣглецъ“ и др. Значительное, пожалуй, немногимъ меньшее М. участіе въ созданіи этой милой книжки принималъ С. Чехонинъ, чудесные рисунки котораго такъ гармонируютъ съ стихотворными ея содержаніемъ. Книжка М. найдетъ путь къ дѣтскимъ душамъ. Пусть только дѣти узнаютъ ее, а узнавъ—полюбятъ навѣрное. (*Н. Александровичъ. „День“. 1915—241*).

Стихи М. просты, милы сердцу дѣтей, доступны ихъ пониманію. Въ нихъ есть своеобразный, наивный юморъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу хотя бы слѣдующія стихотворенія:

Мечты.

Ахъ,
Обижаютъ меня постоянно...
Убѣгу въ африканскія страны,
Гдѣ пахучіе зрѣютъ бананы,
Гдѣ катаютъ дѣтей на слонахъ,
Айсбергъ а до мыса Нордкапа,
Превращусь непремѣнно въ арапа,
Заведу себѣ лукъ и верблюда,
И уже не пріѣду оттуда,
И домой никогда не вернусь.—Пусть!
Ну, а какъ же я буду въ апрѣлѣ
Безъ базара на вербной недѣлѣ?
Жалко также и новыхъ конюковъ:
Тамъ, пожалуй, не будетъ катковъ...
Жалко маму, котенка и брата...
Нѣтъ, уже лучше остаться...

Апельсинныя корки.

Горько жить мнѣ, очень горько—
Всѣ умши и я одинъ...
Шебаршитъ мышенокъ въ норкѣ
Я грызу, вздыхаю корки,—
Съѣлъ давно я апельсинъ.
Часъ я плакалъ—длинный-длинный,—
Не идетъ уже слеза.
Сокомъ корки апельсинной
Я побрызгаю глаза.
Запасусь опять слезами,
Буду плакать хоть полдня,—
Пусть придутъ, увидятъ сами,
Какъ обидѣли меня...
(*Н. А. „Сарат. Вѣст.“ 1914—37*).

Изящно и съ большимъ вкусомъ изданная книжка, интересна уже одной своей внѣшностью и превосходными, чуть манерными рисунками, которые просмотрятъ съ удовольствіемъ и взрослый. Содержаніе книжки не вполнѣ ровное. Вполнѣ удачными вышли 2 и 3-й отдѣлы. Стихи же 1-го отдѣла, гдѣ особенно чувствуется снисходительное, добродушно-юмористическое отношеніе къ ребенку и дѣтству, едва ли могутъ сильно увлечь маленькаго читателя. (*„Свѣт. Журн.“ 1914—1*).

288. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 087.1

Приключенія Рольфа. Пер. съ англ. М. Волошиновой. 1914. Спб., кн-во т-ва О. Н. Поповой. 569 стр. Съ рисун. Ц. 2 р. 50 к.

Хочется обратить возможно большее вниманіе родителей и педагоговъ на эту прекрасную книгу. Это во многихъ отношеніяхъ желанная книга. Въ ней замѣчательнымъ образомъ сочетаются достоинства, дѣлающія ее цѣнною, какъ въ глазахъ юнаго читателя, такъ и въ глазахъ педагога, руководителя развитіемъ ребенка. Содержаніе книги увлекательно, и дѣти, въ возрастѣ 11—14 лѣтъ, читаютъ ее съ захватывающимъ вниманіемъ. Приключенія мальчика, потомъ юноши Рольфа полны острагo интереса. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ прошлаго вѣка (главныя событія повѣсти относятся къ 1811—1815 г.г.) въ Сѣв. Америкѣ. Главныя дѣйствующія лица—сирота Рольфъ (бѣлый) и Куонебъ или Кванебъ (краснокожій). Описывается ихъ жизнь въ лѣсахъ, жизнь въ тѣсномъ общеніи съ могучею, еще нетронутою культурными человѣкомъ, природою сѣвера. Потомъ описывается война американцевъ съ англичанами за освобожденіе Америки, эта героическая эпоха американцевъ, такъ мало знакомая намъ. Рольфъ и Куонебъ принимаютъ въ ней дѣятельное участіе въ качествѣ солдатъ и незамѣнимыхъ развѣдчиковъ. Это все какъ разъ темы, которыя такъ цѣнятся юными читателями. Цѣнятся и элементъ героизма, твердости воли, смѣлости и находчивости въ минуты опасности. Но при всемъ этомъ все время чувствуется, что это не простое нагроможденіе приключеній, опасностей, „ужасныхъ случаевъ“. Нѣтъ, авторъ остается вѣренъ себѣ, и всюду сохраняетъ свойственную ему правдивость и художественность. Особенно хороши описанія суровой природы, животнаго міра, смѣны временъ года. Авторъ такъ хорошо лично изучилъ и перечувствовалъ все это и умѣетъ описать съ рѣдкимъ искусствомъ. Прекрасно очерчена психологія дѣйствующихъ лицъ, и передъ читателемъ ярко и отчетливо встаетъ характеръ Рольфа, своеобразная личность Куонеба, послѣдняго представителя угасшаго, истребленнаго племени, характеръ фермеровъ, скупщиковъ мѣховъ, даже характеръ собачки Скукумъ, этого вѣрнаго и неизмѣннаго спутника героевъ повѣсти. Нельзя также не привѣтствовать этой книги въ виду того бодраго, жизнерадостнаго настроенія, которымъ она проникнута. Не для моралистическаго назиданія, а естественно, просто говоритъ авторъ о необходимости быть твердымъ, о моральной силѣ, о чувствѣ долга.

Вся книга проникнута бодростью, смѣлостью и вмѣстѣ съ тѣмъ высокими общечеловѣческими идеями нравственности. Но идеи эти нигдѣ въ книгѣ не звучатъ назидательно, а всегда вытекаютъ изъ жизни, изъ хода событій. Нѣкоторыя неестественности встрѣчаются въ описаніяхъ военныхъ событій, но это охотно прощаешь автору въ виду высокихъ достоинствъ книги. Издана книга хорошо, снабжена прекрасными

рисунках автора. Нельзя не пожалѣть о нѣкоторыхъ недочетахъ перевода, въ общемъ вполнѣ удовлетворительнаго. (*Евгенія Еланичъ. „Педаг. Обозр." 1914—1*).

Хотя большая часть книги занята охотничьими и военными приключеніями, но повѣсть вта все-таки представляетъ для дѣтей хорошее чтеніе, не только въ смыслѣ занимательности, но и въ педагогическомъ отношеніи. Охота описана здѣсь не какъ забава, а какъ ремесло, дающее человѣку средства къ существованію и требующее отъ него большой ловкости, умѣнья и выносливости. На войну авторъ смотритъ, какъ на тяжелый долгъ, который несутъ сыны воюющей страны. Главный же интересъ повѣсти заключается въ личности Рольфа: суровая школа жизни развиваетъ въ этомъ мальчикѣ его лучшіе наклонности и воспитываетъ въ него мужественнаго и стойкаго человѣка, полнаго терпимости и великодушія къ людямъ. (*С. Р. „Семья и Шк." 1914—2*).

Т.-С. является однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей для юношества. Отличительной чертой его первыхъ произведеній, доставившихъ ему заслуженную извѣстность далеко за предѣлами родины, были научность содержанія, а главное совершенно новая манера писать о животныхъ. Прирожденный охотникъ и натуралистъ, Т.-С. прекрасно изучилъ нравы и повадки дикихъ животныхъ Сѣв. Америки и черпалъ матеріалъ для своихъ разсказовъ изъ неисчерпаемаго запаса личныхъ наблюденій. Отсюда поразительная правдивость его разсказовъ. Нѣкоторые ученые зоологи нашли даже возможнымъ въ своихъ ученыхъ трудахъ ссылаться на Т.-С., какъ на крупный авторитетъ въ вопросахъ зоологіи.

Въ книгѣ разсказывается судьба бѣлаго мальчика—Рольфа, оставшагося сиротой и нашедшаго пріютъ на фермѣ своего дяди. Фермеръ оказался безчестнымъ и жестокимъ человѣкомъ, промышлявшимъ темными дѣлами и даже конокрадствомъ. Рольфъ, будучи мальчикомъ честнымъ и смышленымъ, вскорѣ покинулъ домъ своего дяди и случайно нашелъ пріютъ у индѣйца Куневса, съ которымъ скоро подружился. Индѣецъ былъ охотникомъ на пушного звѣря и на зиму отправился на сѣверъ Канады. Здѣсь въ совершенно дикой мѣстности индѣецъ со своимъ маленькимъ спутникомъ построилъ себѣ хижину и принялся за охоту на пушныхъ звѣрей. Въ описаніи постройки хижины и дальнѣйшаго ея оборудованія необходимой утварью, а также въ описаніи охотничьихъ приключеній и заключается главная часть книги. Во второй части книги Куневсъ и Рольфъ поступаютъ на службу американской арміи и успѣшно исполняютъ самыя трудныя порученія въ войнѣ съ англичанами. Такой переносъ дѣйствія къ началу XIX столѣтія является для читателя довольно неожиданнымъ, такъ какъ начало повѣсти можетъ быть пріуроченo и къ нашему времени.

Конечно, въ описаніяхъ охотничьихъ приключеній Т.-С. остается прежнимъ тонкимъ наблюдателемъ-натуралистомъ. Тѣмъ не менѣе центръ тяжести перенесенъ съ животныхъ на человѣка, и отъ этого произведенія Т.-С. не выигрываютъ. Какъ это не странно въ приключеніяхъ и поступкахъ людей чувствуется у него неестественность и дѣланность, наоборотъ, относительно животныхъ все вполнѣ естественно, чувствуется сама жизнь; авторъ лучше разбирается въ психологіи животныхъ, чѣмъ людей. (*В. Капельянъ. „Вѣсти. Восп." 1914—2*).

289. Лихтенберже, А. 32:33](43)

Современная Германія. Пер. съ франц. Р. М. Марголиной. 1914. Спб., изд. Брокгаузъ-Ефронъ. 319 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Л. даетъ картину могучаго экономическаго и политическаго развитія Германіи за послѣдніе полвѣка, расцвѣта ея научной мысли, успѣховъ ея въ области промышленности и искусства. Авторъ даетъ тонкую и безпристрастную характеристику нѣмецкаго національнаго характера, въ которомъ видитъ разгадку блестящихъ завоеваній Германіи въ областяхъ политической и экономической. Основной чертой нѣмецкаго характера является антипатія къ крайнимъ рѣшеніямъ и умѣніе находить средній путь къ ихъ примиренію. Въ области религіозной Германія ни атеистична, ни клерикальна. Ни одного изъ завоеваній научнаго рационализма она не отвергаетъ, но въ то же время она хранитъ уваженіе къ традиціямъ религіозной мысли, она стремится насколько это возможно, примирить науку съ вѣрою, національную истину съ традиціонной. Равнымъ образомъ, въ области политики она стремится къ согласованію принципа власти съ демократическимъ принципомъ. Другая черта нѣмецкаго характера—способность къ дисциплинѣ. Еще одну важную черту національнаго нѣмецкаго характера авторъ видитъ въ его способности къ спеціализаціи. Нѣмецъ охотно жертвуетъ частью своей индивидуальности и, согласно характерному нѣмецкому выраженію, низводитъ себя до степени Theilmensch, человѣческой дроби, спеціалиста, превосходно выполняющаго свое дѣло, мало заботясь о томъ, что находится за предѣлами области имъ себѣ отмежеванной.

Полны интереса главы, посвященныя свободной мысли и новѣйшимъ теченіямъ въ искусствѣ, характеристикѣ Ницше и другого германскаго титана, Рихарда Вагнера, и отношенія къ нимъ современнаго нѣмецкаго общества. Констатируя значительное вліяніе Ницше на современную германскую мысль, авторъ все же находитъ, что у иностраннаго наблюдателя является весьма опредѣленное наблюденіе, что Ницше не можетъ служить типичнымъ выразителемъ идей, господствующихъ нынѣ въ Германіи. (*Н—евъ. „День". 1913—341*).

Одной изъ лучшихъ книгъ, посвященныхъ исторіи Германіи XIX в., безспорно является книга Л. Несмотря на сравнительно небольшой объемъ, она даетъ широкую картину всѣхъ столбовъ современной Германіи, и читатель выноситъ ясное представленіе о той эволюціи, какую совершила Германія въ теченіе XIX в. Книга состоитъ изъ четырехъ частей, озаглавленныхъ: „Экономическая жизнь", „политика", „эволюція религіозной и философской мысли" и „искусство". Наиболѣе удачны двѣ послѣднія части, гдѣ Л. является тонкимъ наблюдателемъ и порою оригинальнымъ любителемъ. Особаго вниманія заслуживаетъ и безпристрастіе француза, пишущаго о Германіи, въ частности, о Бисмаркѣ и франко-прусской войнѣ. Онъ даже беретъ подъ свою защиту германскаго канцлера, которому

„приписываютъ девизъ: сила выше права". По мнѣнію Л., понятіе объ антагонизмѣ между силою и правомъ свойственно лишь французскому юридическому мышленію; для Бисмарка же, какъ вообще для нѣмцевъ, нѣтъ права безъ силы, какъ и силы безъ права. Нѣмецкая нація, германскій народъ высоко одаренъ стремленіемъ къ власти; онъ хочетъ власти не столько изъ личнаго желанія выдвинуться, заставить себя цѣнить, не ради даже матеріальныхъ выгодъ, которыя она можетъ ему предоставить, а ради ноя самой, потому что власть—мѣрило истинной цѣнности человѣка, группы, партіи или народа. „Нѣмцы поклоняются силѣ, которая въ то же время есть и право, потому что она—выраженіе истиннаго превосходства, которое по справедливости *требуетъ* признанія и уваженія". Какъ всякій здоровый человѣкъ, нѣмецъ отличается большой смѣлостью, и въ книгѣ Л. можно найти массу примѣровъ, показывающихъ, что индивидуальная мысль въ Германіи не отступаетъ ни предъ какой проблемой и одинаково все подвергаетъ критическому изслѣдованію. Несмотря на такую смѣлость, нѣмецъ въ окончательномъ результатѣ отвергаетъ всякія крайности и охотно ищетъ (и находитъ) хорошаго въ прошломъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что книга Л. отводитъ много мѣста психологіи нѣмецкаго народа. Наоборотъ, она говоритъ о ней лишь вскользь и предоставляетъ читателю притти къ извѣстнымъ выводамъ о характерѣ нѣмецкаго народа по тѣмъ интереснымъ, а главное искусно скомбинированнымъ фактамъ, которыми богата книга. Особенно блестящи посвященныя католицизму и протестантизму страницы. Переводъ сдѣланъ хорошо. (*С. Лозинскій. „Рус. М." 1914—2*).

Книга Л. написана, можно сказать, увлекательно. Во-первыхъ, авторъ разсматриваетъ всю эволюцію Германіи въ XIX в. съ философской точки зрѣнія, стремясь путемъ синтетич. метода представить, какъ нѣчто цѣлое, всѣ разностронніе проявленія германской матеріальной и духовной культуры. Это даетъ ему возможность, не перегружая книгу фактами, расположенными въ строго хронолич. порядкѣ, касаться и экономич. жизни и политики, религіи, философіи и искусства. Несмотря на столь серьезную задачу, которую поставилъ авторъ, книга все же написана настолько яснымъ, доступнымъ языкомъ, что ее можно рекомендовать самымъ широкимъ слоямъ читателей. Тѣмъ болѣе, что книгу Л. надо разсматривать, какъ введеніе въ изученіе исторіи современной Германіи. Не можемъ не отмѣтить, что переводъ сдѣланъ безукоризненно, вполнѣ передаетъ и прекрасный изящный стиль автора, и духъ самой книги, въ каждой строкѣ которой сквозитъ глубокая мысль историка-философа и соціолога. (*Н. Борецкій-Бергфельдъ. „Рѣчь". 1913—316*).

290. Гензель, П. П., проф. 336(3).

Очерки по исторіи финансовъ. Очеркъ I. Финансы древняго міра. 1914. М., (Отд. отт. изъ „Изв. Моск. Коммерч. Инст. Экон. отд. кн. 1"). 52 стр. Ц. 60 к.

Небольшой, въ сравненіи съ громаднымъ объемомъ темы, размѣръ изслѣдованія опредѣляетъ основнымъ положеніемъ автора—обслѣдовать не фактическую сторону финансоваго дѣла въ древности, а дать извѣстный синтезъ экономич. идей, въ частности разсмотрѣть возникновеніе и развитіе (внѣдреніе!) самой идеи прямого обложенія. Такая постановка вопроса и самый фактъ разрѣшенія его ученымъ финансистомъ, а не присяжнымъ, какъ было до сихъ поръ, историкомъ, заставляютъ съ нетерпѣніемъ ждать дальнѣйшихъ выпусковъ. Вып. 1 охватываетъ: Грецію, Римъ республ., Египетъ, Персію, Вавилонъ, Римъ имперъ. Общій выводъ: древній міръ зналъ не финансовое право, а финансовое насиліе, что не мѣшало техникѣ обложенія достигнуть высокаго иногда совершенства. (*„Рус. М." 1914—2*).

До сихъ поръ мы имѣли лишь изслѣдованія и учебники по исторіи политической экономіи. Теперь дѣлается попытка—и притомъ впервые среди русскихъ ученыхъ—создать, такъ сказать, новую дисциплину. Съ трудной задачей проф. Г. справился очень удачно. Жаль только, что пока онъ далъ исторію финансовъ лишь древняго міра. И эта исторія не всегда полна. Такъ, авторъ едва упоминаетъ объ оригинальной монополіи въ древнемъ Египтѣ. Персія изложена во много разъ кратче Вавилоніи. Но зато превосходно и полно изложена исторія финансовъ въ древней Греціи и въ Римѣ. Сочиненіе Г. представляетъ не только историческій, но и теоретическій интересъ, давая ключъ къ проблемѣ происхожденія налоговъ и монополій. (*В. Тотоміанцъ „У. Рос." 1913-282*).

291. Слобожанинъ, М. 352 (47)

Изъ исторіи и опыта земскихъ учрежденій въ Россіи. Очерки. (Къ 50-лѣтію земск. учрежденій).. 1913. сп., изд. журн. „Жизнь для Всѣхъ" XII+551 стр. Ц. 2 р.

Книга С. составилась изъ его статей, писанныхъ съ конца 80-хъ г. Въ ней наиболѣе цѣнными являются статьи по земскимъ финансамъ, съ которыми авторъ прекрасно знакомъ по своей прежней служебной дѣятельности. Очень интересенъ очеркъ о вліяніи перевѣса въ земскихъ собраніяхъ гласныхъ-крестьянъ на характеръ и направленіе земской дѣятельности. Заслуживаетъ полнаго вниманія также статья „Народное здравіе и общественное призрѣніе въ рукахъ земства". Въ дѣлахъ общественнаго призрѣнія авторъ имѣетъ обширныя и спеціальныя познанія. (*Сергѣй Сперанскій. „Рус. Вѣд." 1914-11*).

Авторъ не ставитъ себѣ задачей дать цѣльную исторію земскихъ учрежденій или сдѣлать систематич. сводъ и разработку данныхъ и дѣятельности за 50 л. Его очерки имѣютъ публицистич. характеръ и съ интересомъ прочтутся читателями, желающими познакомиться съ важнѣйшими сторонами даннаго вопроса—организаціей земскаго самоуправленія прежде и теперь, условіями дѣятельности земск. учрежденій и результатами ея въ области народн. образованія, медицины, обществ. призрѣнія, содѣйствія экономич. подъему населенія, затѣмъ—съ земскими финансами и т. д. Отмѣтимъ только одно обстоятельство, которое можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Говоря о желательныхъ измѣненіяхъ въ организаціи земства съ цѣлью приближенія его къ населенію, авторъ указываетъ на необходимость „возвратъ къ старинной идеѣ безсословной, вѣдающей всѣ мѣстныя культурныя, правовыя и хозяйствен. дѣла и объединенной

хозяйств. интересами, мелкой земской единицы", а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что въ предѣлахъ послѣдней должны возникнуть общій центральный потребительскій складъ съ о-вами потребителей, общія ссудо-сберег. или кредитн. товарищества и т. д. Взвалить на плечи будущей мелкой земской единицы „всѣ дѣла" культурныя, правовыя и хозяйствен.—это слишкомъ много, надо что-нибудь оставить и другимъ. Авторъ, повидимому, не признаетъ различія между публичными союзами и организаціями частно-правового характера. Органы мѣстнаго самоуправленія могутъ, конечно, и должны оказывать свое содѣйствіе развитію кооперацій, но организовать въ качествѣ таковыхъ, производит., потребит. и др. кооперативы—это ужъ не ихъ дѣло, а самого населенія, и не слѣдуетъ вводить въ этомъ отношеніи читателей въ заблужденіе. (*К. Пажитновъ „День". 1914—8*).

Постепенное развитіе и усложненіе земской работы, ея значеніе въ мѣстной культурной и экономической жизни, отношеніе къ ней разныхъ слоевъ населенія, характеръ ихъ участія въ земской работѣ, препятствія этой работѣ, вытекающія изъ несовершенствъ земскаго положенія и недовѣрчиваго отношенія администраціи къ земству, итоги земской работы во всѣхъ сферахъ земской дѣятельности и взгляды на будущее въ связи съ неизбѣжной земской реформой,—все это—и многое другое—нашло прекрасное отраженіе въ „Очеркахъ". „Очерки" написаны довольно точнымъ и яснымъ языкомъ и пригодны для распространенія среди широкихъ слоевъ населенія, интересующихся земской работой. Особенно было бы поучительно прочитать ихъ земскимъ гласнымъ. (*„Голосъ". 1914—26*).

Конечно, очерки не исчерпываютъ всего матеріала земской дѣятельности и не даютъ систематическаго свода по всѣмъ вопросамъ русскаго быта, которыми полна земская жизнь. Но тѣмъ не менѣе авторъ отмѣчаетъ важнѣйшіе моменты въ исторіи земскихъ учрежденій и устанавливаетъ соотвѣтствіе земскихъ работъ съ нуждами населенія (ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, о крестьянскомъ представительствѣ въ земствѣ, и т. д.). Еще болѣе важны въ очеркахъ С. намѣченные имъ пути и задачи дальнѣйшаго развитія земской дѣятельности. По его мнѣнію, о возстановленіи поземельной волостной общины нечего и говорить въ данный моментъ. Но найти общность экономическихъ интересовъ для жителей небольшой территоріи—волости, участка, округи и т. п.—можно и должно. Одни кооперативныя единенія и мѣстные союзы кооперативовъ могутъ дать для этого достаточно основаній и поводовъ. Такимъ образомъ, въ качествѣ основной мелкой земской единицы должны возникнуть волостныя или участковыя земства, въ предѣлахъ которыхъ могутъ дѣйствовать, напримѣръ, общая для всей данной территоріи организація по сбыту хлѣба, общій центральный потребительскій складъ съ обществами потребителей или общественными лавками въ отдѣльныхъ поселеніяхъ.

Таковое участковое земство, объединяющее тѣ или другіе хозяйственно-экономическіе интересы и опирающееся на это объединеніе, конечно, не можетъ быть ни сословнымъ, ни групповымъ. Оно, по мнѣнію С., должно быть строго демократическимъ, должно объединить все мѣстное населеніе такъ, чтобы въ земской жизни, какъ въ древнѣйшія времена, могли принимать участіе всѣ достигшіе рабочаго возраста мѣстные жители. Земскіе выборы повтому должны быть всеобщими, прямыми, равными и тайными. Для такой роли своей земства должны пользоваться самостоятельностью, совершенно не завися отъ административныхъ учрежденій и отвѣчать, въ лицѣ своихъ представителей, только передъ судомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для широкой, соотвѣтствующей дѣйствительнымъ запросамъ современной жизни, постановки экономическихъ и культурныхъ мѣропріятій, земству необходимы обширныя собственныя средства. Наиболѣе соотвѣтственнымъ была бы передача земству цѣликомъ всѣхъ такъ называемыхъ реальныхъ налоговъ, установленіе спеціальнаго, въ пользу земства, обложенія „незаработанной" возросшей цѣнности имущества и такого же дохода, предоставленіе опредѣленной доли участія въ подоходномъ налогѣ, въ налогѣ на наслѣдства и т. д.

Пятидесятилѣтній опытъ земской работоспособности убѣждаетъ автора въ томъ, что тѣсное мѣстное единеніе, основанное на общности экономическихъ и другихъ интересовъ, упрочитъ мелкую земскую организацію, которая послужитъ прочнымъ устоемъ для земскихъ организацій высшаго порядка—тѣздныхъ и губернскихъ, а также для ихъ союзной областной и всероссійской дѣятельности. „Организованному на такихъ основаніяхъ земству не страшна никакая реакція, и никакія темныя силы не закроютъ для него источниковъ живой воды, которыми такъ богата народная толща во всей ея исключительной мощности". Таковы общія начертанія земскаго дѣла въ будущемъ. (*А. Фаресовъ. „Ист. Вѣст." 1914—2*).

292. Ганзбергъ, Ф. 371.

Творческая работа въ школѣ. Пер. съ нѣм. М. Левитиной. Съ вступ. замѣткой „Піонеры естествен. воспитанія въ Германіи" С. Левитина. 1914. М., скл. изд. у П. И. Горбунова-Посадова. 82 стр. Ц. 60 к.

Г. вводитъ насъ въ свой классъ и заставляетъ насъ присутствовать на своихъ урокахъ, онъ убѣждаетъ насъ не силою своихъ доводовъ и не безпощадностью своей критики, а безконечнымъ богатствомъ, разнообразіемъ, остроуміемъ, оригинальностью и увлекательностью своихъ педагогическихъ пріемовъ. Онъ не долженъ толковать намъ о томъ, что представляетъ собою творческая работа въ школѣ, онъ самъ творитъ на нашихъ глазахъ. Онъ показываетъ, что творчество можетъ проявиться на каждомъ шагу преподавателя, что каждый внѣшній поводъ можетъ стать исходною точкой для безконечнаго углубленія и проникновенія въ дѣйствительность и жизнь. И въ его рукахъ весь скучный, сухой учебный матеріалъ превращается въ живыя творящія силы. Онъ читаетъ разсказъ о томъ, „какъ Вилли сталъ маляромъ", онъ даетъ дѣтямъ новое понятіе: „маляръ", но понятіе это усваивается на его урокѣ не статически, а динамически; онъ не удрятываетъ его въ абстрактное опредѣленіе: „маляръ это человѣкъ, который краситъ", а развертываетъ его во всемъ богатствѣ его конкретнаго содержанія, во всемъ безконечномъ разнообразіи связанныхъ съ нимъ представленій: маляръ, цвѣтъ и запахъ красокъ, крыша, лѣстница, улица, шумъ и движевье, труды

опасность... Въ результатѣ и дѣтское творчество начинаетъ работать во всѣхъ направленіяхъ, и дѣтскія сочиненія, къ которымъ у Г. непосредственно сводится каждый урокъ, оказываются не случными, трафаретными, другъ на друга похожими упражненіями на заданную тему, а живой, индивидуальной непосредственной разработкой самыхъ разнообразныхъ темъ.

Г. энергично высказывается противъ, такъ называемаго наглядного обученія, которое еще недавно казалось откровеніемъ педагогической мысли, но на самомъ дѣлѣ только замѣнило мертвое слово мертвымъ предметомъ. Наглядное преподаваніе искусственно связываетъ вниманіе ребенка однимъ безсодержательнымъ, безжизненнымъ, ограниченнымъ, случайнымъ предметомъ; вмѣсто этого Г. подводитъ дѣтей къ самимъ основамъ дѣйствительной жизни. Но мертвый памятникъ, на которомъ безъ всякой связи съ другими случайно запечатлѣлось одно какое-нибудь историческое событіе, а фабрики, почта, банки, школы, машины, все, въ чемъ сконцентрировалась и продолжаетъ развиваться человѣческая культура, должно явиться исходной точкой историческаго преподаванія. И вмѣсто того, чтобы приносить въ школу сухіе ботаническіе препараты, онъ выноситъ школу въ природу: „мы заставимъ природу творить: мы возьмемъ участокъ поля, луга, болота и создадимъ условія для произрастанія полезныхъ растеній. Въ заключеніе мы создадимъ обратный опытъ и дадимъ саду возможность снова одичать". Вмѣсто того, чтобы говорить съ дѣтьми непонятнымъ для нихъ языкомъ географическихъ картъ, онъ обращается къ самымъ источникамъ картъ, къ землемѣрнымъ съемкамъ, на которыхъ дѣти могутъ увидѣть дѣйствительную жизнь: „деревни, мельники, мельницу у озера при впаденіи въ него рѣчки, болото, постепенно теряющеся въ озерѣ, шоссе, которое то идетъ между холмами, то, подобно плотинѣ, ведетъ черезъ землю сосѣда, и т. д., и т. д." Вмѣсто такъ называемаго рисованія съ натуры, т.-е. рисованія „невыразительныхъ и ничего не говорящихъ предметовъ", онъ подводитъ дѣтей къ истиннымъ произведеніямъ искусства, научаетъ видѣть глазами художника окружающій міръ, находить задачи и проблемы, которыя стояли передъ нимъ, когда онъ брался за его изображеніе. Жизненность, которой требуетъ Г., радикально противоположна всякому эмпиризму: онъ ведетъ отъ конкретныхъ явленій жизни къ самымъ основамъ жизни, къ раскрытію сложнѣйшихъ проблемъ. Искусство преподаванія „заключается въ томъ, чтобы представить даже самыя сложныя явленія въ простомъ видѣ и сдѣлать ихъ, такимъ образомъ, доступными для дѣтей. Оно должно облечь плотью и кровью жизнь, извѣстную намъ лишь изъ теоріи, т.-е. вернуть насъ къ тому времени, когда отвлеченныя понятія вырастали изъ массы конкретныхъ явленій".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что черезъ все разнообразіе пріемовъ творческаго воспитанія проходитъ цѣльная система: оно хочетъ дать цѣлое, а не отрывокъ; жизнь, а не схему; проблемы, а не догматы; направленіе для дальнѣйшей самодѣятельности дѣтей, а не сухой переченъ знаній. Само собою разумѣется, что при такомъ характерѣ преподаванія старая организація школы съ ея расписаніями, курсами, учебниками и программами становится несостоятельной, и Г. требуетъ новой организаціи школы, построенной на идеѣ свободнаго воспитанія и школьнаго самоуправленія. Онъ требуетъ, чтобы самодѣятельности учителя былъ предоставленъ полный просторъ, и это съ своей стороны требуетъ измѣненія всего характера подготовки учителей. Чѣмъ больше исчезаютъ школьныя руководства, тѣмъ больше руководящихъ идей долженъ вносить въ преподаваніе самъ учитель, чѣмъ больше преподаваніе переносится въ жизнь, тѣмъ лучше долженъ умѣть учитель разбираться въ явленіяхъ окружающей жизни.

Самодѣятельность учителя можетъ быть ограничена только самодѣятельностью дѣтей, ибо школа, которая хочетъ развить способность самостоятельнаго творчества, должна дать дѣтямъ возможность активно участвовать въ организаціи школьной жизни, выражать свою волю при составленіи плановъ занятій. Такимъ образомъ, трудовое воспитаніе непосредственно ведетъ къ общественному воспитанію. Г. указываетъ на огромное значеніе демократическаго общества въ которомъ современный человѣкъ, обезличенный и оторванный отъ жизни въ силу раздѣленія и разрабленія труда, снова обрѣтаетъ свое лицо и органическую связь съ міромъ, начинаетъ чувствовать и сознавать себя частью великаго цѣлаго, принимать участіе въ общественномъ творчествѣ и въ общественной культурѣ. И только школа, построенная на творчествѣ, самодѣятельности и трудѣ, можетъ стать школой общественной жизни. Піонеры творческаго воспитанія выразили въ педагогикѣ то, что является въ настоящее время общимъ теченіемъ философской мысли. Они поняли, что абстрактное, или статическое знаніе никогда не можетъ дать полнаго усвоенія предмета и что предметъ можно схватить только въ его живой жизненности, въ его динамическомъ развитіи. Такое усвоеніе не можетъ быть дано внѣшнимъ знаніемъ предмета, а требуетъ органическаго, творческаго, интуитивнаго сопереживанія. Однако это динамическое знаніе не исключаетъ значенія статическаго, систематическаго знанія. Систематическое знаніе, хотя и представляетъ намъ предметъ въ его разрывѣ, въ его разрѣзѣ, а потому никогда не можетъ быть цѣльнымъ, законченнымъ знаніемъ, однако, уясняя намъ значеніе каждой части предмета, оно именно въ силу этого и даетъ намъ возможность свободнаго обращенія съ предметомъ и творческаго его проникновенія. Если, напр., истинное усвоеніе языка дается лишь путемъ раскрытія его внутренняго содержанія, то только статическое, систематическое знаніе языка, напр., знаніе грамматики, даетъ намъ возможность свободно обращаться съ языкомъ, наполнять его живымъ содержаніемъ, претворять его творческимъ духомъ. Какъ приступаетъ творческая школа къ этой задачѣ статическаго, систематическаго образованія,—этого намъ Г. не говоритъ. Піонерамъ творческаго воспитанія пока еще не до этого было. Поскольку Г. сумѣлъ ввести насъ въ живой потокъ своей творческой школьной работы, мы можемъ принять его книжку цѣликомъ.

Переведена книжка добросовѣстно и съ знаніемъ предмета, но мѣстами тяжеловато. Хорошо переведены образцы дѣтскихъ сочиненій („*Рус. Бог. 1914—2*)

Педагогическимъ опытомъ, давшимъ автору много свѣтлыхъ минутъ, Г. дѣлится съ читателями въ настоящемъ трудѣ. Послѣдній отнюдь

не является законченнымъ методическимъ руководствомъ, гдѣ бы все было предусмотрѣно и приведено въ систему. Нѣтъ, это скорѣе дневникъ, куда заносились еще не успѣвшія окристаллизоваться мысли. И тѣмъ не менѣе отъ всѣхъ этихъ внечатлѣній и доводовъ вѣетъ глубокой, искренней убѣжденностью, читатель и самъ начинаетъ скоро вѣрить, что авторъ на вѣрномъ пути.

Этотъ путь—непосредственное введеніе дѣтей въ современную жизнь, въ современную культуру. Тогда и далекое прошлое сильнѣе захватываетъ, если понимается, какъ фундаментъ и обоснованіе современнаго. „Всякое преподаваніе должно быть преподаваніемъ мировоззрѣній", знаніе, науку нельзя такъ разрозненно и дробить, чтобы въ сознаніи оставалось лишь неопредѣленное multa, изъ котораго такъ не легко понять связь явленій жизни.

Дѣтскія сочиненія, которыхъ немало приведено въ книжкѣ Г., наглядно покажутъ читателю, какъ много въ нихъ своеобразной наблюдательности, какъ живъ интересъ ребенка къ сторону современности. Также и ихъ рисунки, всегда столь смѣлые и дерзновенные и столь поучительные для васъ, педагоговъ... Многія изъ построеній автора покажутся странными, парадоксальными. Иныя изъ нихъ дѣйствительно таковы. Но эти парадоксы выбиваютъ изъ школьной рутины привыкшаго къ обычнымъ педагогическимъ формамъ мысли учителя, они устремляютъ къ новымъ творческимъ заданіямъ, столь плодотворнымъ для дѣтей и ихъ наставниковъ. (*И. Соловьевъ.* „*Вѣст. Восп.*" *1913—8*).

Книжка знакомитъ читателя съ пріемами веденія занятій въ духѣ идей трудовой школы въ обыкновенной народной школѣ Германіи, связанной опредѣленной программой. (*В. В.* „*Вѣст. Евр.*" *1914—1*).

293. [. . . . 52.

Успѣхи астрономіи. Сборникъ статей подъ ред. прив.-доц. А. Р. Орбинскаго. 1914. Одесса, изд. „Матезисъ". 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ можно признать весьма удачнымъ. Составитель собралъ однадцать статей разныхъ спеціалистовъ, авторитетовъ по тому или иному животрепещущему вопросу астрономіи, резюмирующихъ ихъ взгляды. Статьи были помѣщены ранѣе или въ популярныхъ журналахъ, или прочитаны въ видѣ лекцій для широкаго круга публики. Поэтому всѣ онѣ, за исключеніемъ отчасти двухъ,—посвященныхъ трудамъ Дж. Дарвина о приливахъ, и движеніи и деформаціи земной коры,—пестрящихъ спеціальными терминами и трудно усваиваемыхъ, читаются вполнѣ легко и съ большимъ интересомъ. Очерки затрагиваютъ самыя интересныя области современной астрономіи. Нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи или повторенія, неизбѣжныя въ сборникѣ статей разныхъ авторовъ, не мѣшаютъ общему благопріятному впечатлѣнію и интересу, съ какимъ читается названный сборникъ. (*А. Ш.* „*Вѣст. Евр.*" *1914—1*).

Сборникъ чрезвычайно привлекателенъ разнообразіемъ и въ то же время, если такъ можно выразиться, злободневностью затронутыхъ въ немъ темъ. Книжка открывается двумя статьями о Марсѣ; одна изъ нихъ принадлежитъ Ловеллу, извѣстному энтузіасту-защитнику идеи объ обитаемости Марса разумными существами, другая—англійскому астроному Маундеру, одному изъ главныхъ противниковъ Ловелла. Статья Маундера является возраженіемъ на „тезисы" Ловелла, основывающимся на результатахъ другихъ наблюдателей, главнымъ образомъ на замѣчательныхъ наблюденіяхъ Антониади. Сопоставленіе этихъ двухъ статей чрезвычайно интересно.

Слѣдующія статьи—астронома Кромменлина и извѣстнаго физика Риги посвящены загадочнымъ вопросамъ о происхожденіи и физической природѣ кометъ (Статья Риги „Кометы и электроны" уже вышла раньше въ отдѣльномъ изданіи подъ редакціей проф. А. А. Иванова). Всѣ эти статьи вполнѣ доступны для любителей. Нѣсколько труднѣе, по самому существу дѣла, статья Генкеля о работахъ Дж. Дарвина; да и написана она сухо, въ видѣ обзора цѣлаго ряда изслѣдованій этого недавно скончавшагося замѣчательнаго теоретика. Зато очень интересна статья Лаллемана о деформаціяхъ земной коры, излагающая поразительные результаты новѣйшихъ наблюденій съ горизонтальными маятниками.

Докладъ О. А. Баклунда о современной небесной механикѣ, необыкновенно богатый содержаніемъ, несмотря на свою сжатость, мѣстами будетъ недоступенъ для недостаточно подготовленнаго читателя (онъ и предназначенъ быть, собственно, для спеціалистовъ). Но несомнѣнно, что и отъ такого читателя не ускользнутъ затронутые въ немъ глубокіе вопросы, особенно вопросъ о возможной неустойчивости нашей планетной системы, о томъ, что она „содержитъ въ себѣ зародышъ уничтоженія". Статьи о солнцѣ Пюизэ и особенно Гэля, наиболѣе выдающагося среди современныхъ изслѣдователей солнца, не нуждаются въ рекомендаціи. Но только надо замѣтить, что статья Гэли, сама по себѣ прекрасная, не даетъ отвѣта на вопросъ, который въ настоящее время наиболѣе интересуетъ всѣхъ изслѣдователей солнца: въ ней (такъ же какъ и въ статьѣ Пюизэ) нѣтъ ни слова о возможныхъ магнитныхъ силахъ, дѣйствующихъ на солнцѣ. Это понятно: рѣчь Гэля произнесена 22 апрѣля 1908 года, за нѣсколько недѣль до его открытія „солнечныхъ вихрей". За пять лѣтъ, протекшихъ со времени этого открытія, о немъ накопилась порядочная литература. Надо было бы хоть упомянуть о магнитномъ полѣ солнца въ примѣчаніи или въ предисловіи. Это упущеніе представляется единственнымъ промахомъ, допущеннымъ при редактированіи сборника. Послѣдняя двѣ статьи: Эддингтона „Звѣздныя теченія" и Шварцшильда — „Система звѣздъ" вводятъ читателя въ область самыхъ глубокихъ вопросовъ современной астрономіи, вопросовъ о строеніи звѣздной вселенной. Объ статьи хороши, особенно статья Шварцшильда, заканчивающая книгу и являющаяся, на мой взглядъ, и по формѣ и по содержанію настоящимъ украшеніемъ сборника. Переводъ очень хорошъ. (*І. Полакъ.* „*Природа*". *1913—12*).

Книгѣ не достаетъ той стройности и однородности въ изложеніи, какую бы имѣла книга, написанная однимъ авторомъ. Нѣкоторыя статьи довольно обильно снабжены цифровыми данными и даже указаніями на литературу, въ другихъ эти свѣдѣнія совершенно отсутствуютъ. Но зато у книги есть крупное достоинство: статьи написаны выдающимися спеціалистами, лицами, въ большинствѣ случаевъ непосредственно рабо-

тающими надъ разрѣшеніемъ трактуемыхъ вопросовъ; это придаетъ книгѣ особый интересъ. Нѣкоторыя статьи, какъ, напр., Эддингтона и Шварцшильда читаются съ захватывающимъ интересомъ. Книга доставитъ читателю много часовъ высокаго удовольствія. (*Д. П. „Бюлл. Харьк. О. Л. Пр.“ 1913—5*).

Можно только привѣтствовать появленіе въ печати подобной, чрезвычайно интересной, поучительной и содержательной книги. (*В. Ястребцевъ. „Изв. Р. О. Л. Мір.“ 1914—1*).

Книга является обзоромъ успѣховъ астрономіи въ первомъ десятилѣтіи текущаго столѣтія и съ интересомъ прочтется каждымъ, кто знакомъ съ развитіемъ этой науки до конца 19-го вѣка. (*„Эл. и Жз.“ 1914—1*).

294. Ланкестеръ, Е. 56

Вымершія животныя. Пер. съ англ. подъ ред. А. А. Борисяка. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девріена. Съ 214 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р.

У насъ, къ сожалѣнію, совершенно нѣтъ книгъ по палеонтологіи, пригодныхъ для средняго возраста, если не говорить о популярныхъ книжкахъ Гётченсона, быть-можетъ, распространенныхъ болѣе, чѣмъ онѣ того заслуживаютъ. Отъ преподавателей постоянно приходится слышать вопросъ, что можно бы рекомендовать ученикамъ для чтенія по палеонтологіи, и пока ничего нельзя было указать. Теперь книжка Е. Рай-Ланкестера въ значительной степени устраняетъ это затрудненіе, такъ какъ при совершенно доступномъ изложеніи даетъ очень хорошее описаніе ископаемыхъ остатковъ животныхъ, какъ основу построеній исторіи органическаго міра. Въ приложеніи приведены таблицы съ перечнемъ главнѣйшихъ группъ животныхъ и таблица осадочныхъ образованій съ показаніемъ ихъ относительной мощности. Редакторъ русскаго изданія сдѣлалъ нѣсколько измѣненій въ текстѣ, примѣнительно къ потребностямъ нашихъ читателей, а также замѣнилъ нѣсколько рисунковъ оригинала рисунками изъ другихъ изданій. За точность перевода ручается имя редактора. (*М. Мензбиръ. „Рус. Вѣд.“ 1913—285*).

Принятая на себя авторомъ трудная задача разрѣшена имъ съ поразительнымъ умѣньемъ и талантливостью, тѣмъ болѣе замѣчательными, что авторъ рѣшительно отвергъ прежніе пріемы, трактовавшіе палеонтологич. данныя какъ „волшебныя сказки науки“. Реальность изложенія строго проведена черезъ всю книгу—и въ этомъ главное достоинство послѣдней. Однако отъ реальности содержанія интересъ изложенія ничуть не страдаетъ. Происходитъ это отъ того, что авторъ сумѣлъ, не вдаваясь въ детали, ввести читателя въ самое горнило науки, такъ сказать, пріобщить его къ самому процессу научнаго изслѣдованія. Познакомивъ въ первой главѣ читателя съ животными, исчезнувшими на памяти исторіи, и съ образованіемъ осадочныхъ породъ, съ находящимися въ нихъ отпечатками ископаемыхъ, авторъ нѣсколькими мастерскими штрихами знакомитъ съ основами сравнительной анатоміи и зоогеографіи, какъ съ дисциплинами, самымъ тѣснымъ образомъ связанными съ палеонтологіей, попутно устанавливается эволюціонный принципъ, какъ основа науки о вымершихъ животныхъ, только тогда авторъ приступаетъ къ обзору о вымершихъ животныхъ, т.-е. къ цѣли всего труда. Описаніе начинается съ животныхъ, ближе всего стоящихъ къ нашимъ современникамъ, и ведется отъ высшихъ къ низшимъ. При этомъ особенно подробно авторъ останавливается на отдѣльныхъ, наиболѣе полно представленныхъ найденными остатками и потому хорошо разработанныхъ. Таковыми являются слоны, непарнопалыя, жираффы, неполнозубыя южи. Америки — изъ млекопитающихся. Изъ остальныхъ позвоночныхъ довольно подробно описаны пресмыкающіяся. Безпозвоночнымъ удѣлено сравнительно немного, авторъ ограничился лишь краткимъ обзоромъ главнѣйшихъ формъ. Въ предисловіи Л. высказываетъ странный взглядъ, и, во всякомъ случаѣ, спорное положеніе: „Многіе полагаютъ, что знанія должны предлагаться юношеству въ логическомъ порядкѣ; что прежде, чѣмъ говорить о вымершихъ животныхъ, необходимо основательно познакомить съ современными, такъ какъ, только изучивъ строеніе современ. животныхъ, можно сознательно отнестись и къ вымершимъ организмамъ. Таковъ существующій взглядъ, но я не раздѣляю его; логическій методъ въ обученіи, по моему мнѣнію,—одно недоразумѣніе...“ Этотъ парадоксальный взглядъ Л. рѣшительно опровергается написанной имъ книгою. Она можетъ быть вполнѣ пригодна лишь для читателя, уже усвоившаго элементы общей зоологіи. Для неподготовленнаго читателя многое останется непонятнымъ и потому мало интереснымъ. Зато для сколько-нибудь подготовленнаго читателя чтеніе этой книги можетъ доставить истинное наслажденіе. Его умственный кругозоръ станетъ гораздо шире и явится невольное желаніе глубже вникнуть въ прочитанное и самому заняться изученіемъ ископаемыхъ. Поэтому книгу Л. можно рекомендовать не только учащейся молодежи, но и лицамъ взрослымъ, желающимъ пополнить свое образованіе. (*В. Капелькинъ. „Природа“. 1914—2*).

Особенно цѣнна книжка тѣмъ, что въ ней ископаемыя животныя разсматриваются не какъ удивительныя чудовища, поражающія насъ своей уродливостью и грандіозными размѣрами, а какъ звенья въ цѣпи живыхъ существъ, давшихъ начало современнымъ формамъ. Такой методъ разсмотрѣнія ихъ имѣетъ двоякія выгоды: онъ вводитъ начинающаго въ кругъ научныхъ умозаключеній о родствѣ и происхожденіи современныхъ животныхъ и въ то же время знакомитъ съ методами, какими палеонтологи доходятъ до распознаванія родства формъ. Л. не только знаменитый ученый, обладающій огромной эрудиціей, но и опытный популяризаторъ. Нельзя не отмѣтить, что приводимый имъ матеріалъ вполнѣ современенъ. Мы находимъ здѣсь, напр., и новѣйшую теорію происхожденія слоновъ, по даннымъ Эндрюйса, и окапи, и данныя о шкурѣ милодонта. Переводчикъ очень удачно дополнилъ русское изданіе описаніемъ интереснѣйшихъ русскихъ динозавровъ, открытыхъ проф. Амалицкимъ на берегахъ Сѣв. Двины,—изображенія ихъ мѣстонахожденій и ихъ скелетовъ появляются едва ли не впервые въ нашей популярно-научной литературѣ. Можно лишь пожалѣть, что не сдѣлано того же по отношенію къ мамонту—другой гордости и славѣ нашихъ коллекцій.

Книгу можно рекомендовать не только начинающимъ любителямъ естествознанія, но и учи-

телимъ естеств. исторіи, такъ какъ она содержитъ много данныхъ, способныхъ оживить преподаваніе зоологіи. (*„Рус. Бог." 1914—2*).

Мы охотно рекомендуемъ эту книгу въ библіотеки рабочихъ просвѣтит. и иныхъ обществъ, а также для школы для рабочихъ. Переводъ книги сдѣланъ хорошо, опечатки имѣются, но рѣдки. Переводчикомъ сдѣланы дополненія, касающіяся наиболѣе рѣдкихъ ископаемыхъ, найденныхъ въ Россіи. Рисунки вышли хуже, чѣмъ въ англійскомъ текстѣ. (*А. Н. „Просвѣщеніе". 1914—2*).

Въ нашей популярной литературѣ есть книги (Гетчинсона, Боммели и др.), доступныя для юношества и дающія гораздо болѣе цѣльное, связное и стройное представленіе объ исторіи органическаго міра на землѣ, чѣмъ книжка Л., которая никакого пробѣла не восполняетъ и восполнить не можетъ, такъ какъ именно *исторіи* органическаго міра не даетъ (не только растительнаго, о которомъ въ ней вовсе не упоминается, но и животнаго). Но не зависимо отъ черезчуръ рекламнаго и претенціознаго предисловія, сама по себѣ книжка Л. — очень недурная популярная книжка. Это бесѣды о наиболѣе замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи типахъ ископаемыхъ животныхъ, преимущественно позвоночныхъ. Весь отдѣлъ безпозвоночныхъ сжатъ въ нѣсколько страницъ; о насѣкомыхъ, любопытнѣйшія формы которыхъ найдены въ янтарѣ и каменноугольныхъ отложеніяхъ, вовсе не упомянуто: вообще, этотъ отдѣлъ лучше было бы исключить, расширивъ за его счетъ описаніе позвоночныхъ и ограничившись ими. Изложеніе очень живое, легкое, популярное—точнѣе, элементарное — и иллюстрированное многочисленными рисунками — вполнѣ можетъ возбудить у читателя охоту къ болѣе основательному знакомству съ предметомъ; въ этомъ главное достоинство книжки, такъ какъ свѣдѣній она дастъ мало — и слишкомъ отрывочныхъ, — и вопреки увѣренію редактора русскаго изданія, *не* ознакомитъ читателя съ „основными вопросами и главнѣйшими данными науки объ ископаемыхъ". (*М. Э—дтъ. „Своб. Жур." 1914—1*).

295. Вороиковъ, Н. В. 57

Планктонъ прѣсныхъ водъ. 1913. М., изд. „Bios", подъ ред. прив.-доц. В. С. Елпатьевскаго. VIII+317 стр. Съ 129 рис. Ц. 2 р.

Книга В. посвящена „планктону", т.-е. тому преимущественно микроскопическому населенію соленыхъ и прѣсныхъ водъ, которое почти цѣликомъ и, всю жизнь проводитъ въ открытой водѣ, совершенно не нуждаясь въ почвѣ. Это населеніе играетъ очень важную роль въ экономикѣ природы, то какъ загрязнители воды, то какъ дѣятели, способствующіе ея очищенію, то, наконецъ, какъ пищевой матеріалъ для рыбы, въ томъ числѣ и промысловой, и поэтому, конечно, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Единственная книга, которая на русскомъ языкѣ знакомитъ интересующихся съ этимъ своеобразнымъ міромъ „жизнь прѣсныхъ водъ" Ламперта въ настоящее время устарѣла, и появленіе книги В. можно только привѣтствовать. Написанная очень доступно, простымъ, хорошимъ языкомъ и съ знаніемъ дѣла, она, несомнѣнно, сыграетъ свою роль въ дѣлѣ изученія обильныхъ и разнообразныхъ водоемовъ Россіи. Приложенія книги дѣлаютъ ее особенно цѣнной для начинающихъ и полезной для тѣхъ, кто не можетъ пользоваться руководствомъ спеціалиста. (*Вл. Муравейчъ. „Рус. М." 1914—1*).

Несмотря на большой интересъ, представляемый ученіемъ о планктонѣ, или, говоря обще, гидробіологіей, интересъ не только чисто теоретическій, но и практическій, въ Россіи до настоящаго времени не существовало ни одного сочиненія, разсматривающаго гидробіологію, какъ самостоятельную дисциплину. Да и въ міровой литературѣ до выхода въ свѣтъ капитальнаго труда Steur'a (Planktonkunde. 1910) почти не имѣлось общихъ сочиненій по гидробіологіи. Ясно, насколько своевременно выходитъ въ свѣтъ книга В. Что касается выполненія задачи, взятой на себя В., то слѣдуетъ сказать, что выполнена она вполнѣ хорошо. Несмотря на полную доступность изложенія, авторъ не обходитъ ни одного вопроса безъ тщательнаго разсмотрѣнія. Познакоминъ первоначально съ понятіемъ планктона и общимъ характеромъ планктонныхъ организмовъ, ихъ систематич. раздѣленіемъ и раздѣленіемъ по условіямъ жизни (біологич. классификаціей), авторъ останавливается на весьма интересныхъ въ біологич. отношеніи вопросахъ о происхожденіи и географич. распространеніи планктонныхъ организмовъ. Далѣе авторъ обращается къ условіямъ жизни планктон. организ., ихъ питанію, ихъ зависимости отъ физикохимич. свойствъ бассейновъ, ихъ вертикальному и горизонтальн. распредѣленію, миграціямъ, сезоннымъ измѣненіямъ состава. Здѣсь же прилагаются весьма интересные съ общебіологич. точки зрѣнія вопросы о цикломорфозѣ и о сезонныхъ варіаціяхъ планкт. организмовъ. Давши классификацію планктоновъ различныхъ водоемовъ, авторъ переходитъ къ вопросамъ, важнымъ въ практич. отношеніи, именно къ вопросу объ опредѣленіи степени загрязненія водъ и къ хозяйственному значенію планктона, главнымъ образомъ къ значенію его для рыбнаго дѣла. Послѣдняя глава даетъ обстоятельный очеркъ методики планктонныхъ изслѣдованій. (*В. Граціановъ. „Природа". 1914—2*).

Удачно подобранный научный матеріалъ, увлекательное изложеніе даютъ право этому изданію стать настольной книгой для всѣхъ интересующихся жизнью прѣсныхъ водъ. ...Въ заключеніе авторъ собралъ обширную литературу, какъ по общей гидробіологіи, такъ и по планктону прѣсныхъ водъ Россіи. (*Мих. Марковъ. „Бюлл. Хар. О. Л. Пр." 1913—4*).

296/7. [. . . . . 57(08)

Новыя идеи въ біологіи. Неперіодич. изд., выход. подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Е. А. Шульца. Сборники: № 2. Новое въ ученіи о нервной системѣ I. № 3. Смерть и безсмертіе. 1913. Спб., изд. „Образованіе". 137+148 стр. Съ рис. Ц. 80 к.+80 к.

Второй сборникъ посвященъ изложенію интереснѣйшихъ новыхъ изслѣдованій надъ нервною системою. Эти новыя изслѣдованія значительно углубили современныя познанія о дѣятельности нервной системы—этого носителя всей психической дѣятельности. Но изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ не ограничились однимъ выясненіемъ и углубленіемъ старыхъ положеній, а открыли совершенно новые горизонты и направили научную

мысль по совершенно новымъ путямъ, въ области пониманія жизнедѣятельности системы нервныхъ клѣтокъ. Такою дѣйствительно, новою областью изученія является ученіе о внутреннихъ секреціяхъ, о значеніи гормоновъ. Сборникъ составленъ крайне интересно и включаетъ въ себѣ нѣсколько логически другъ къ другу подходящихъ статей разныхъ авторовъ. Первою помѣщена, въ хорошемъ переводѣ статья проф. Г. Штрассера „О невронахъ и неврофибриллахъ", которая даетъ хорошій критическій обзоръ современныхъ воззрѣній на строеніе и функціи невроновъ и неврофибрилловъ. Далѣе слѣдуетъ не менѣе интересная статья выдающагося испанскаго гистолога С. Рамонъ-Кахаля „Теорія невробіоновъ", въ которой авторъ даетъ свою стройную теорію невробіоновъ, т.-е. тѣхъ протоплазматическихъ единицъ, изъ которыхъ состоитъ сѣть неврофибрилловъ. Обѣ эти статьи должны быть признаны спеціальными и имѣющими особый интересъ лишь для читателя, уже вполнѣ знакомаго съ основами строенія нервной системы. Болѣе общій интересъ не для однихъ спеціалистовъ имѣетъ статья А. В. Немилова „Спорные вопросы неврологіи". Подъ этимъ нѣсколько „сухимъ" заглавіемъ кроется статья большого интереса, заслуживающая самаго серьезнаго вниманія. Она распадается, въ свою очередь, на двѣ статьи: „Что такое сонъ?" и „Нервная система и внутренняя секреція".

Третій сборникъ серіи, по широкому заглавію своему, еще интереснѣе предыдущаго. Однако, при ближайшемъ ознакомленіи съ нимъ испытываешь нѣкоторое разочарованіе. Сборникъ состоитъ изъ четырехъ статей, интересныхъ, но врядъ ли умѣстныхъ въ сборникѣ, имѣющемъ цѣлью знакомить читателя съ новыми теченіями и новыми идеями въ наукѣ. Въ особенности это относится къ статьѣ А. Вейсмана: это чрезвычайно интересная статья, имѣвшая очень большое вліяніе на постановку вопросовъ и разработку научнаго пониманія явленія смерти, но появилась она еще въ 1884 г. Статья проф. Евг. Шульца „О молодѣніи" представляетъ собою скорѣе изложеніе нѣкоторыхъ мыслей и соображеній автора къ вопросу объ умираніи и сохраненіи жизни, чѣмъ статью самостоятельнаго интереса. Заключительныя фразы автора кажутся весьма мало убѣдительными: „Природа обладала всѣми средствами сдѣлать индивидуумъ безсмертнымъ, но она выбрала для него смерть. Вмѣсто постояннаго молодѣнія отдѣльныхъ органовъ посредствомъ молодѣнія ихъ клѣтокъ, она избрала молодѣніе организма помощью одной клѣтки. Она отняла у насъ безсмертіе и взамѣнъ его дала намъ любовь". Это и мало убѣдительно, да и по тону своему мало гармонируетъ съ тономъ изложенія предыдущихъ статей. (*Евгеній Елачичъ. „Рус. Шк.". 1914—1*).

Къ сожалѣнію, 2-й сборникъ составленъ довольно небрежно и далеко не систематично; вмѣсто всесторонняго освѣщенія одного или немногихъ вопросовъ, въ этомъ сборникѣ каждая статья вноситъ свои новые вопросы. Штрассеръ даетъ компиляцію вопроса о строеніи нервной ткани. Самъ сторонникъ нейронной теоріи, онъ и компиляцію дѣлаетъ въ соотвѣтственномъ духѣ. Между тѣмъ вопросъ о строеніи нервной ткани еще очень недавно былъ полемъ ожесточенной битвы, и было бы, несомнѣнно, очень любопытно дать возможность читателю познакомиться въ подлинникахъ съ различными направленіями, встрѣтившимися здѣсь. Тѣмъ болѣе, что это вполнѣ осуществимо. Главные изслѣдователи: Гензенъ, Гельдъ, Кахаль, Апати, неоднократно сопровождали свои научныя работы общетеоретическими главами, написанными очень популярно. Я уже не говорю про интересъ такихъ статей, какъ Брауса или Гаррисона. Въ этихъ маленькихъ статьяхъ, излагающихъ результаты ихъ опытовъ, заключается, можно сказать, квинтъ-эссенція двухъ враждебныхъ направленій. Одна замѣтка Гаррисона объ его наблюденіяхъ надъ движеніемъ и ростомъ живыхъ нейрононъ, о которыхъ и не упоминается у Шрассера, гораздо ярче освѣтила бы вопросъ, нежели вся компиляція послѣдняго. Слѣдуетъ указать также на большую небрежность перевода. Особенно сильно эта небрежность сказывается въ статьѣ Штрассера. Переводъ пестритъ выраженіями медуллоспонгій, автогенная регенерація и т. д. Кромѣ того стилистически переводъ настолько небреженъ, что даже такія мѣста, какъ опредѣленіе сущности нейронной теоріи понять чрезвычайно трудно даже и спеціалисту. (*Ю. Бѣлоголовый. „Рус. Вѣд.". 1914—5*).

Статьи А. В. Немилова, затрагивая и базируясь на самыхъ послѣднихъ научныхъ данныхъ, выясняютъ на конкретныхъ примѣрахъ ту громадную роль, которую имѣетъ для пониманія физіологической дѣятельности нервной системы разрабатываемое въ послѣднее время ученіе о внутренней секреціи. Въ статьѣ „Что такое сонъ?" авторъ постепенно вводитъ читателя въ курсъ современныхъ теорій сна, послѣдовательно критикуя ихъ; авторъ доказываетъ, что сонъ сводится къ повышенной ассимиляціи организма, а бодрствованіе — къ повышенной диссимиляціи. Правильное ихъ чередованіе обезпечиваетъ то равновѣсіе между этими двумя противоположными процессами, которое необходимо для равномѣрнаго теченія жизненныхъ процессовъ организма. Другая статья: „Нервная система и внутренняя секреція" представляетъ глубокій интересъ. Изложивъ исторію вопроса о внутренней секреціи и ея связь съ нервной системой, авторъ указываетъ „на тотъ знаменательный переворотъ, что прежде предполагали, что нервная система доминируетъ въ организмѣ и ея направляющими вліяніями обезпечивается равномѣрное теченіе жизненныхъ процессовъ и согласованная работа отдѣльныхъ органовъ. Теперь нервная система не только утратила свое былое значеніе центральнаго органа, которому подчинены остальныя части тѣла, но и самую специфическую дѣятельность ея пытаются свести къ явленіямъ внутренней секреціи. Прежде химизмъ считался подчиненнымъ въ организмѣ нервному вліянію; теперь даже нервная дѣятельность оказывается тѣмъ же химизмомъ". Оканчивается статья приведеніемъ знаменитыхъ опытовъ физіолога Штейнаха, которому удалось превратить искусственно самца въ самку и вызвать у него не только всѣ вторичные половые анатомическіе признаки женскаго организма, но и придать всей его нервной дѣятельности тѣ черты, которыя характерны для психологіи самки. Опыты Штейнаха безспорно доказываютъ, что различіе между полами значительно глубже, чѣмъ это мы себѣ обыкновенно представляемъ. „Женщина отличается отъ мужчины не только анатомическими признаками, но и біохимически, при чемъ

эти біохимическія отношенія простираются и на тончайшія гистологическіе элементы ея тѣла". Теперь мы знаемъ, „что дѣятельность нервной системы мужчины протекаетъ подъ вліяніемъ мужскихъ гормоновъ, на женскую нервную систему — женскихъ гормоновъ. Дѣйствіе этихъ мужскихъ и женскихъ гормоновъ специфично и, по мнѣнію автора, должно думать, что и половыя различія не ограничиваются одними соматическими признаками, а простираются и на психическую дѣятельность мужчины и женщины". (*П. Сербиновъ. „Бюлл. Харьк. О. Л. Пр." 1913—5*).

Первой въ 3-мъ сборникѣ помѣщена старая, классическая статья Вейсмана „О жизни и смерти", излагающая его ученіе о безсмертіи одноклѣточныхъ организмовъ и о появленіи смерти у многоклѣточныхъ, какъ своего рода приспособленіи подъ вліяніемъ естественнаго подбора. Попутно по этой же статьѣ читатель знакомится съ противоположнымъ, старымъ же воззрѣніемъ Гёте, именно, что смерть представляетъ собой необходимость, заложенную съ самаго начала въ самой сущности жизни, почему она должна встрѣчаться у всѣхъ существъ. Хотя статьѣ трудно претендовать на новизну, едва ли кто посѣтуетъ за помѣщеніе статьи Вейсмана въ „Новыхъ идеяхъ біологіи", настолько и до сихъ поръ она полна интереса.

Въ этомъ отношеніи ей уступаютъ двѣ другихъ гораздо болѣе новыхъ статьи—Майнота „О безсмертіи и о развитіи смерти" и Р. Гертвига „О причинѣ смерти". Обѣ содержатъ рядъ новыхъ и интересныхъ фактовъ относительно явленій роста, депрессій и полового процесса у простѣйшихъ организмовъ и т. д., но ихъ толкованіе причины смерти врядъ-ли отличается особенной глубиной. Майнотъ и Гертвигъ сходятся въ томъ, что смерть обязана своимъ происхожденіемъ дифференцировкѣ и въ высшей интенсивности жизни у многоклѣточныхъ организмовъ. Послѣдней помѣщена въ сборникѣ статья Е. А. Шульца „О молодѣніи". Авторъ исходитъ изъ своей теоріи, развитой имъ болѣе подробно въ одной изъ спеціальныхъ работъ, объ обратимости жизненныхъ процессовъ. По его мнѣнію, всѣ клѣтки— и у простѣйшихъ и, хотя бы потенціально, у многоклѣточныхъ организмовъ—обладаютъ способностью дедифференцированія, т.-е. перехода въ первоначальное недифференцированное состояніе, иначе говоря, всѣмъ имъ присуща способность молодѣнія. Старость и смерть — лишь слѣдствія отсутствія молодѣнія и отнюдь не свойственны живой матеріи, какъ таковой. Едва ли нужно указывать, что эти четыре статьи далеко не исчерпываютъ всѣхъ взглядовъ на причину смерти (достаточно указать еще хотя бы на воззрѣнія Мечникова). (*„Рус. Бог." 1914—2*).

3-й сборникъ составленъ наиболѣе содержательно и интересно. Статья Вейсмана, маститаго біолога, до сихъ поръ не утратила своего интереса. Она служитъ очень удачнымъ введеніемъ къ вопросу о значеніи смерти. Правда, далеко не популярное изложеніе и сухой языкъ дѣлаютъ его чтеніе мало доступнымъ для неспеціалиста, но за то строгая логика разсужденій Вейсмана и широкое критическое освѣщеніе вопроса прекрасно выясняютъ сущность значенія смерти организмовъ въ томъ видѣ, какъ его себѣ представляли морфологи - эволюціонисты старой формаціи. Статьи Майтона и Гертвига представляютъ превосходные образцы научной популяризаціи. Ясный, простой языкъ, удивительно логичное развитіе мысли дѣлаютъ ихъ вполнѣ доступными и по содержанію, и по изложенію, хотя въ каждой изъ нихъ и затрагиваются очень сложные научные вопросы. Эти двѣ статьи представляютъ еще и тотъ особенный интересъ, что онѣ составлены двумя выдающимися современными изслѣдователями причинъ естественной смерти, положившими начало, если можно такъ выразиться, современному физіологическому ученію о смерти, замѣнившему прежнее, видѣвшее въ естественной смерти лишь явленіе, связанное съ естественнымъ отборомъ организмовъ. Заканчивается сборникъ статьей Е. А. Шульца, излагающей въ нѣсколько сбивчивомъ видѣ результаты его очень интересныхъ опытовъ надъ омолодѣніемъ клѣтокъ.

Намъ, кажется только, что въ популярной статьѣ Шульцу нужно было бы нѣсколько осторожнѣе дѣлать выводы изъ своихъ работъ и тщательнѣе выбирать примѣры. Иначе читатель можетъ подумать, что авторъ подноситъ ему не свои научные выводы, а лишь свои предположенія, да еще предположенія-то не очень разработанныя. Нельзя, намъ кажется, говорить, какъ о чемъ то доказанномъ, о связи между долголѣтіемъ животнаго и способностью его клѣтокъ къ омолодѣнію. Это еще спорный вопросъ. Тѣмъ болѣе нельзя его доказывать, опираясь на такія гипотезы, какъ долголѣтіе грызуновъ, подвергающихся зимней спячкѣ, или птицъ. О дѣйствительномъ долголѣтіи этихъ животныхъ ничего неизвѣстно въ точности,— какъ это признаетъ и самъ Шульцъ,— и ссылаться на нихъ поэтому какъ на доказательства своихъ воззрѣній и вообще нельзя, а ужъ въ популярной статьѣ и подавно. (*Ю. Бѣлоголовый. „Рус. Вѣд." 1914—17*).

Обращаю вниманіе читателя на взгляды, высказанные Гертвигомъ,—о причинѣ смерти. Мы знаемъ, какая огромная разница въ энергіи роста организмовъ въ ихъ утробной и внѣутробной жизни. Если отношеніе массы зародышей яйцеклѣтки къ массѣ развившагося изъ нея плода равно отношенію 1 къ милліарду, то отношеніе вѣса развившагося плода къ вѣсу взрослаго равно только отношенію 1 : 16. Въ основѣ роста лежитъ дѣленіе клѣтокъ. Очевидно, что съ теченіемъ времени энергія дѣленія клѣтокъ убываетъ и наконецъ прекращается. Гдѣ этому причина? Разъ организмъ сформировался, то задача клѣтки — заботиться только о питаніи и возстановленіи израсходованнаго, работа же ея вызывается и регулируется не ею самою, а органомъ и организмомъ въ цѣломъ. Клѣтка—теперь рабыня, отъ которой требуютъ работы, не спрашивая ее, хватитъ ли у нея силъ на выполненіе этой работы. Индивидуальная жизнь клѣтки кончилась. Эта принужденная работа клѣтки является причиною ихъ смерти. Возстановленіе самоопредѣленія клѣтокъ, выходъ ихъ изъ-подъ власти государства клѣтокъ даетъ возможность къ дальнѣйшему ихъ существованію и энергичному размноженію. Доказательствомъ этого могутъ служить опухоли, основанныя на клѣточномъ размноженіи. Клѣтки ихъ не подчиняются болѣе потребностямъ цѣлаго; онѣ сдѣлались клѣточными революціонерами и идутъ своимъ путемъ. Извѣстно, что чѣмъ выше организація животнаго, чѣмъ болѣе приспособлена въ немъ какая-либо

ткань къ опредѣленной функціи, тѣмъ труднѣе для клѣтокъ уклониться отъ властнаго вліянія цѣлаго. Таковы клѣтки нервныя и мышечныя, менѣе зависимыя клѣтки соединительной ткани и покрововъ (эпителій). А поэтому опухоли нервныя рѣдки и неопасны; часты же и опасны опухоли эпителія (ракъ). Раковыя заболѣванія представляютъ страшное разростаніе клѣтокъ; ихъ люди боятся больше чумы и холеры. Въ этихъ опухоляхъ пробуждается огромная способность клѣтокъ къ размноженію (т.-е. извѣстная степень ихъ безсмертія). Опыты съ пересадкой опухолей имѣютъ совершенно выдающійся интересъ: они показываютъ, какъ слабо обоснована теорія, по которой опухоли могутъ вызываться, подобно инфекціоннымъ болѣзнямъ, поразитами. Они показываютъ, наоборотъ, что причину опухолей мы должны искать въ измѣненіи характера клѣтокъ, въ ихъ возвратѣ къ былому индивидуализму. (*Прив.-доц. Т. И. Вяземскій. „У. Рос." 1914—3*).

298. Вельфлинъ, Г. 72

Ренессансъ и барокко. Изслѣдованіе о сущности и происхожденіи стиля барокко въ Италіи. Пер. съ нѣм. Е. Лундбергъ. 1914. Спб., изд. „Грядущій День", подъ ред. А. Л. Волынскаго. 164 стр. Съ 16 табл. и 19 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. 75 к.

Книга В. пополнила въ значительной мѣрѣ пробѣлъ, какой имѣется въ нашей литературѣ по исторіи архитектуры. Эта книга, написанная 25 лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ совершенно не устарѣвшая, является прекраснымъ вкладомъ въ библіотеку тѣхъ, кому дороги знанія и критическій анализъ въ исторіи мірового искусства. Нѣсколько сухо написанный, но глубоко проникающій въ область методологическихъ и принципіальныхъ вопросовъ искусства, трудъ В. цѣненъ еще тѣмъ, что авторъ его, наряду съ научнымъ и безстрашнымъ анализомъ, даетъ подлинно эстетическую оцѣнку столь сложнаго въ развитіи мірового искусства момента, какъ переходъ отъ ренессанса къ барокко. Медленно, съ необычайной осмотрительностью переходитъ В. отъ формы къ формѣ, пока для насъ не становится очевидной генетическая связь барочныхъ формъ съ формами ренессанса. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ отдѣлъ „Сущность смѣны стилей", въ двухъ первыхъ главахъ котораго дается блестящее опредѣленіе живописнаго и монументальнаго стилей. Болѣе спеціальны, но въ то же время болѣе историчны главы послѣдняго отдѣла: Церковная архитектура, Дворцовая архитектура, Виллы и сады. Въ общемъ книга производитъ глубокое и серьезное впечатлѣніе. Издана она очень хорошо, безъ особыхъ притязаній, но съ должнымъ вкусомъ. Переводъ не заставляетъ желать ничего лучшаго, такъ какъ въ немъ передается даже своеобразная манера автора, тотъ специфическій научно-нѣмецкій стиль, намъ столь чуждый, но пріятный какой-то уравновѣшенной спокойной ясностью. (*Н. Пунинъ. „Сѣв. Зап." 1914 — 2*).

Уясненію художественной цѣнности барокко и его историко-технической связи съ предшествующей архитектурой классическаго ренессанса посвящена интереснѣйшая книга В.— одна изъ лучшихъ книгъ по искусству, вышедшихъ за послѣдніе годы въ русскомъ переводѣ. В. цѣненъ, какъ одновременно объективно-научный и эстетически-чуткій авторъ. Его изложеніе всегда стремится выяснить общую основу изучаемаго предмета, но это отнюдь не „засушиваетъ" его и не уводитъ въ пустыню педантизма. В. все время не отходитъ отъ живого художества своихъ объектовъ — всегда умѣетъ подмѣтить ихъ философско-психологическую цѣнность именно въ эстетическихъ ихъ качествахъ. Въ этомъ отношеніи его перекрестная характеристика художественной оригинальности и особенностей стиля ренессанса и барокко можетъ считаться въ своемъ родѣ классической, и наводитъ на широкія заключенія изъ области исторической психологіи, не всегда договариваемыя самимъ авторомъ. Опредѣленіе барокко, какъ архитектуры движенія, гдѣ одновременно массивное беретъ верхъ надъ единичнымъ, подчиняя всякую частность общему принципу, заставляетъ невольно вспомнить объ извѣчной противоположности эллинскаго и римскаго началъ, изъ которыхъ первое нашло себѣ новое воплощеніе въ явленіи флорентинскаго ренессанса, а второе — на той же почвѣ стараго Рима, смѣнившаго языческихъ свѣтскихъ кесарей на кесарей духовныхъ. Грандіозная фигура Микель-Анджело, „отца барокко", — этого послѣдняго флорентійца и перваго римлянина, — связываетъ живымъ звеномъ обѣ эпохи. Едва ли не на каждой страницѣ возвращается къ нему нашъ авторъ. Его изслѣдованіе даетъ вообще исчерпывающій матеріалъ для уясненія роста и развитія барочной школы и ея принциповъ. (*П. Перцовъ. „Нов. Вр." 1914 — 13638*).

В. опредѣляетъ сущность стиля барокко тѣмъ, что архитектура здѣсь получаетъ живописный характеръ, измѣняя своей природѣ и пытаясь воздѣйствовать средствами, свойственными другому роду искусства, приближаясь къ живописи. На первый планъ выступаютъ не линіи въ ихъ смѣнѣ и гармоніи, а масса: свѣтъ и тѣнь становятся основнымъ элементомъ стиля барокко. Если ренессансъ — искусство прекраснаго спокойнаго существованія, то барокко хочетъ увлечь всей силой страсти непосредственно, непобѣдимо. Онъ не воодушевляетъ равномѣрно, онъ — возбуждаетъ, онъ опьяняетъ, приводитъ въ экстазъ. И какъ слѣдствіе — стремленіе къ титаническимъ, грандіознымъ размѣрамъ. Не даромъ однимъ изъ величайшихъ образцовъ стиля барокко является соборъ св. Петра въ Римѣ. Давъ въ первыхъ главахъ сжатую, но выпуклую характеристику основныхъ особенностей стиля барокко въ его отличіи отъ ренессанса, В. въ остальныхъ главахъ разсматриваетъ отдѣльные моменты этого стиля, щедро иллюстрируя снимками, планами, рисунками, какъ цѣлыхъ зданій, такъ частей ихъ и архитектурныхъ деталей. Въ общемъ, получается весьма отчетливая картина, понятная и интересная не только для спеціалистовъ. (*С. „Совр." 1914 — 1*).

В. занимаетъ барокко XVI и первой трети XVII вѣка; дальнѣйшія судьбы барокко, вплоть до перехода въ рококо, его не интересуютъ. „Время послѣ ренессанса серьезно до послѣдней своей глубины. Эта серьезность отражается во всѣхъ сферахъ жизни... Ренессансъ любовно погружался во всякую деталь и интересовался отдѣльнымъ ея существованіемъ; искусство не могло досыта нарадоваться на разнообразіе, на

интимность въ обработкѣ частностей. Барокко отступаетъ отъ этихъ задачъ: онъ требуетъ не столько величія частностей, сколько цѣльнаго результата: меньше созерцанія, больше настроенія... Его вамыслы волнуются лишь въ огромномъ. Церковная архитектура — единственное мѣсто, гдѣ онъ чувствуетъ себя удовлетворенными: воспламеняться безконечнымъ, находить разрѣшеніе въ чувствѣ высшаго могущества и непостижимаго — таковъ плоскъ послѣклассическаго времени. Отреченіе отъ понятнаго. Потребность въ захватывающемъ..." Эти опредѣленія историко-психологическихъ мотивовъ барокко представляются намъ слишкомъ неясными и общими: вѣдь такими же признаками можно опредѣлить и „душу искусства" нашего времени, а между тѣмъ наша утонченность и сложность и утонченность и сложность итальянскаго XVI вѣка — далеко не одно и то же. Мало объясняетъ происхожденіе барокко и та теорія, которая видитъ причину стилей въ притупленіи восприятія слишкомъ однообразными и обыденными впечатлѣніями, потому что эта причина, притомъ далеко не единственная, присутствуетъ во всякой смѣнѣ стилей. Въ этихъ основныхъ положеніяхъ — слабое мѣсто изслѣдованія В., но зато онъ прекрасно характеризуетъ внѣшнія стороны барокко и этапы развитія его типовъ. (*Н. Л-нр-ъ. Прил. „Нивы". 1914 — 3*).

299. Радловъ, Н. Э. 75:92(С)

Сѣровъ. Очеркъ. 1914. Спб., изд. Н. И. Бутковской. 48 + XIV стр. Съ 7 иллюстр. въ краск., 5 черн. на отд. листѣ и 14 табл. иллюстр. Ц. 1 р. 75 к.

Художественная дѣятельность Сѣрова относится къ періоду перелома въ русскомъ искусствѣ, перехода отъ передвижничества къ искусству импрессионистскому. Поэтому его біографы сочли нужнымъ дать характеристику идейнаго значенія переходнаго времени. Р. строго относится къ искусству 60-хъ гг. „Новаторы" 1863 г. игнорировали основные вопросы живописи, а потому ихъ протестъ и позднѣйшая реформа Академіи художествъ были „исторически-неизбѣжнымъ движеніемъ передвижничества". Новое же искусство начато художниками — Поленовымъ, Головинымъ, Левитаномъ, Коровинымъ, — и болѣе другихъ — Сѣровымъ. Врубелемъ и пропов'ѣдью Дюнклинскаго. Р. приближаетъ Сѣрова къ нашимъ временамъ, категорически отмежевывая его отъ Рѣпина, къ вліянію котораго на Сѣрова въ конечномъ итогѣ Р. относится совершенно отрицательно. Искусство 80-хъ гг., т.-е. искусство Сѣрова и др., имѣло задачей, — говоритъ Р., — „красоту художественную поставить выше красоты правды". Оно учило одновременно, что „идеей живописи должна быть идея живописная". Р. опредѣляетъ его, какъ искусство „импрессионистическое", въ отличіе отъ „безъидейнаго импрессіонизма фрвнцузовъ". Р. въ число вліяній, опредѣлившихъ творчество Сѣрова, не включаетъ „Міръ Искусства" и его вдохновителей. Далѣе Чистяковскаго вліянія (и кратковременнаго — Врубеля) Р. не пошелъ въ своемъ изслѣдованіи. Литература о Сѣровѣ, теперь появившаяся, рисуетъ его намъ, какъ гордаго, самостоятельнаго, правдиваго и искренняго человѣка и какъ крупнѣйшаго художника, связавшаго свое имя съ новыми пріобрѣтеніями родной живописи. (*Б. Шуйскій. „День". 1914 — 43*).

Монографію Р. въ значительной мѣрѣ выгодно отличаетъ отъ работы о Сѣровѣ И. Грабаря подчасъ тревожная мысль. Пусть работа Р. не обладаетъ легкимъ и яснымъ языкомъ Грабаря, пусть даже въ цѣломъ он текстъ тяжеловѣсенъ и представитъ большія трудности при чтеніи, — въ его работѣ есть подлинная жизнь, со всѣми ея противорѣчіями и сомнѣніями, съ горячимъ стремленіемъ понять, вскрыть, отвергнуть или полюбить; Р. не только пишетъ, но онъ живетъ, и каждая страница его текста рождаетъ мысль или заставляетъ трепетать въ какомъ-то предчувствіи новой мысли. Въ главѣ „Искусствопониманіе Сѣрова" глубокая и полусознанная тревога слышится въ каждой строчкѣ, и когда мы читаемъ такія слова: „Вѣчно учиться, вѣчно не умѣть! Ибо тамъ, гдѣ начинается умѣнье, появляется ложь, прекращается истинное почтеніе передъ великимъ учителемъ — природой!.." или дальше: „Ибо что такое мастерство? Это — способность скрывать свою безпомощность передъ безконечными трудностями изображенія природы" — мы чувствуемъ, что Сѣровъ для Р. живой художественный организмъ, черезъ который надо пройти, чтобы его понять, и что, во всякомъ случаѣ, самъ Р. опаленъ творческимъ огнемъ. Трехцѣтныя автотипіи въ книгѣ не удались, какъ это часто случается; ихъ краски очень приблизительны и грубо ярки. Въ общемъ же книга оставляетъ пріятное и значительное впечатлѣніе. (*Н. Пунинъ. „Сѣв. Зап." 1914 — 2*).

Очеркъ Р. написанъ вдумчиво и интересно. Много вѣрнаго въ характеристикѣ творчества Сѣрова и его техники. Весьма интересны строки о его манерѣ видѣть. Сѣровъ видѣлъ какъ бы проекцію человѣка и предметовъ на плоскости, и потому для него были такъ важны ихъ взаимоотношенія, чѣмъ и объясняется весь строй его композицій. Немного странны, во всякомъ случаѣ, могутъ ввести въ заблужденіе, строки о незаконченности картинъ Сѣрова, о „совершенно чуждой его искусству громоздкой работѣ знаній и вышколенной руки", которая требуется для картины. Если „картина" здѣсь разумѣется въ передвижническо-академическомъ аспектѣ, то стоитъ ли о ней говорить? Нельзя также согласиться съ чрезчуръ большимъ умаленіемъ значенія передвижничества и особенно „Міра Искусства", какъ теченія, съ которымъ Сѣровъ будто бы былъ связанъ случайно, „самъ понимая всю нелѣпость этой связи". Какъ разъ вѣдь именно всѣ художники „своеобразнаго теченія", которыхъ выдѣляетъ и называетъ авторъ, цѣликомъ вошли въ „Міръ Искусства". Тѣмъ не менѣе, и очеркъ, и весь выпускъ (богато иллюстрированный, при чемъ нѣкоторыя изъ репродукцій, въ краскахъ очень удачны, напр., фрагментъ портрета кн. Орловой; думается только, что нѣсколько нецѣльный видъ книгѣ придаетъ какъ бы отдѣльный альбомъ въ концѣ на тонкой бумагѣ) одна изъ наиболѣе удачныхъ книжекъ издательства. (*А. Р — въ. „Рѣчь". 1914 — 50*).

Сжато, безъ литературныхъ отступленій и психологическихъ мудрствованій, подходитъ авторъ къ существу сѣровскаго художества. Въ книжкѣ намѣчены и упомянуты этапы творчества, но скупомъ, но несложномъ очеркѣ встаетъ фигура молчаливаго и упорнаго подвижника, ищущаго и непреложнаго живописца. какимъ былъ Сѣровъ. Конечно, въ объемѣ книжки не могло

вмѣститься ни подробное жизнеописаніе Сѣрова, ни точное выясненіе мѣста, которое онъ занялъ въ русскомъ искусствѣ, и тѣхъ путей, по которымъ онъ прошелъ среди современниковъ. Но при своемъ маломъ размѣрѣ, цѣнѣ и приличныхъ репродукціяхъ книжечка Р. сможетъ удовлетворить тѣмъ задачамъ широкой популяризаціи творчества Сѣрова, для которыхъ она, очевидно, и предназначена. (*К. „У. Росс.“ 1914 — 26*).

Очеркъ занятъ въ сущности однимъ вопросомъ: какъ работалъ Сѣровъ? И въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ право на вниманіе со стороны всѣхъ, интересующихся искусствомъ. Изданъ очеркъ съ большой художественной тщательностью. (*Э. Старкъ. „Илл. Петерб. Курьеръ“. 1914 — 4*).

Ограниченный мѣстомъ, очеркъ Р. удовлетворителенъ далеко не во всѣхъ частяхъ. Мало удачна характеристика взглядовъ Сѣрова на живопись; съ интересомъ читается глава, посвященная техникѣ В. А. Біографія художника представляетъ одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ книги. Это—сухой перечень годовъ и фактовъ, напоминающій „біографіи“ энциклопедическихъ словарей, перечень, совершенно не объясняющій эволюціи сѣровскаго творчества, не стоящій съ нимъ ни въ какой связи. Обошелъ молчаніемъ авторъ удивительную сѣровскую способность портретированія въ психологіи изображаемаго лица. Можно стоять вмѣстѣ съ авторомъ на той точкѣ зрѣнія, что „Сѣровъ отнюдь не былъ портретистомъ въ томъ смыслѣ, какъ были или Репинъ, или Лампи“, т.-е. не былъ портретистомъ исключительно, но нельзя у Сѣрова отнимать этой способности, которая ставитъ его неизмѣримо выше не по заслугамъ вознесенныхъ современныхъ „королей портрета“ Цорна и Ленбаха и роднитъ съ величайшими портретистами далекаго прошлаго. (*Юрій Б. „Новь“. 1914—40*).

Первая часть очерка Р., особенно въ своей характеристикѣ академизма, передвижничества и „Міра Искусства“, грѣшитъ своего рода „вывертомъ“,—ужимками и кивками по разнымъ адресамъ, спѣшнымъ выкидываніемъ за бортъ нѣлыхъ художественныхъ теченій, отъ которыхъ авторъ считаетъ возможнымъ отмахаться нѣсколькими вызывающими афоризмами и бретерски-неточительными сентенціями. Въ атмосферѣ, созданной этимъ ложнымъ тономъ, взятымъ авторомъ сразу и fortissimo, распываются и становятся мало замѣтными любопытныя мысли и замѣчанія автора о разныхъ явленіяхъ русскаго искусства. Не удалось Р. также справиться съ архитектоничесвой стройностью этой первой части своего очерка: мысли здѣсь набѣгаютъ и разнертываются анархически, не сдерживаемыя авторской волей, тѣснясь зачастую тамъ, гдѣ необходимо дать имъ просторъ, иначе остается необоснованнымъ важное положеніе, и, наоборотъ, разливаясь широко тамъ, гдѣ достаточно немногихъ скупо сказанныхъ словъ. Въ противоположность этому вторая часть очерка, анализирующая самое творчество Сѣрова, выполнена удачно и читается съ подлиннымъ интересомъ. Здѣсь чувствуется въ авторѣ тотъ внутренній подъемъ, который обостряетъ силу изслѣдованія и находитъ для выраженія точныя и свѣжія слова. Эта часть развивается стройно, ставя увѣренно вѣхи и ведя по нимъ читателя. По существу съ Р. зачастую трудно согласиться, и прежде всего потому, что въ своемъ анализѣ онъ охватилъ далеко не всю гамму сѣровскаго творчества. Его характеристика касается только Сѣрова-портретиста; такимъ образомъ, обликъ Сѣрова вырисовывается односторонне. Но несмотря на все это, съ выводами и положеніями Р. слѣдуетъ ознакомиться интересующимся проблемой сѣровскаго творчества, ибо они оригинально поставлены и четко проведены, примѣчательно освѣщая многое въ художественной работѣ Сѣрова. Изданъ очеркъ просто и изящно. (*Россіи. „Рус. Вѣд.“. 1914—53*).

300. Бенкеръ, П. 78

Бетховенъ. Вып. I. (Біографія. Поэтическая идея). Перс. съ нѣм. Г. А. Ангерть, подъ ред. Д. С. Шоръ. 1914. М., изд. „Бетховен. студія“ Д. С. Шоръ. 107 стр. Съ 10 табл. иллюстр. Ц. по подп. за 5 вып. 12 р. 50 к.

Среди массы книгъ, трактующихъ біографію, и творчество Бетховена, книга Б. занала своеобразную позицію. Авторъ, въ многочисленныхъ деталяхъ обнаруживающій глубокое и исчерпывающее знаніе какъ литературы о Бетховенѣ, такъ и бетховенскихъ твореній, отнюдь не стремится дать полную картину жизни композитора или подробный музыкальный анализъ его произведеній. Но, пожалуй, никто изъ писавшихъ о Бетховенѣ не внесъ въ свою работу столько увлеченія предметомъ, сколько внесъ его Б., и такой цѣлостности взглядовъ. Для Б. все творчество Бетховена является какъ бы монолитнымъ и все оно объединено одной поэтической идеей. Эта идея — пѣснь свободѣ, — свободѣ въ искусствѣ, въ политической и личной жизни, — свободѣ воли, дѣйствій, вѣры и свободѣ личности во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ ея проявленіяхъ. Фанатикъ своего взгляда на бетховенское творчество, Б. не разъ вноситъ въ сомнительныя утвержденія, но иногда его выводы поразительно мѣтки, новы и ужъ всегда интересны. (*Гр. Прокофьевъ. „Рус. Вѣд.“. 1914—47*).

Специалисты признали эту книгу „Евангеліемъ для каждаго, кто однажды почувствовалъ на себѣ вѣяніе бетховенскаго духа“, „сверкающей вершиной въ области изслѣдованія музыки“. Не говоримъ уже о глубокомъ знаніи вопроса— съ этой точки зрѣнія „Бетховенъ“ Б. — трудъ исчерпывающій, фундаментальное, можетъ быть даже вѣчное произведеніе, какъ выразился Ed' Mörike; мы хотимъ указать на другую черту прекрасной монографіи: на смѣлость изслѣдователя, который не побоялся представить въ одномъ нераздѣльномъ цѣломъ Бетховена — человѣка, имѣющаго свои маленькія, „слишкомъ человѣческія“ слабости, и Бетховена гиганта-художника, давшаго намъ своемъ творчествѣ корректива къ своей жизни. И при такомъ изображеніи, лишеномъ прикрасъ и робкихъ недомолвокъ, великій поэтъ героическаго остается фигурой колоссальной, монументомъ, глядящимъ въ вѣчность. Строгая простота изложенія не скрываетъ отъ читателя внутренній паосъ изслѣдователя. Глубокій анализъ произведеній Бетховена, основанный на исчерпывающемъ знаніи матеріаловъ, громадной эрудиціи историка и музыканта и на художественномъ чутьѣ, дѣлающемъ изъ вдумчиваго критика — вдохновеннаго поэта, возводитъ сочиненіе Б. на степень „Завѣта, который должно раскрывать въ торжественные моменты“.

Цѣльности писчатѣнія способствуетъ и сосредоточенная внѣшность книги. (*М. Л. „Одес. Нов." 1914—9264*).

Среди очень богатой новѣйшей нѣмецкой литературы о музыкѣ книга Б. представляетъ прямо событіе. Глубокое изученіе всѣхъ сочиненій Бетховена и его біографіи привело Б. къ открытію одной основной идеи, которая вела творчество Бетховена отъ земной скорби къ неземной радости. Въ своемъ творчествѣ Бетховенъ преодолѣлъ свои личныя, поистинѣ великія, страданія и силою своего духа вознесся надъ ними. Но освобождая въ своемъ творчествѣ свое „я" отъ давленія земного существованія, Бетховенъ далъ и всѣмъ, чувствующимъ его музыку, указаніе на тотъ путь, который ведетъ къ безсмертной радости, путь, на которомъ въ единеніи людей между собою и съ безсмертнымъ духомъ уничтожается страхъ своего одиночества и смерти. Раскрытіе этой идеи великаго композитора Б. ведетъ съ поразительнымъ знаніемъ музыки Бетховена, въ связи съ его жизнью и современными обстоятельствами. Въ самомъ изложеніи Б. обнаруживаетъ превосходный литературный талантъ. Такимъ образомъ его книга должна стать настольною для каждаго музыканта, для каждаго любителя музыки. Поэтому и привѣтствую появленіе этой книги на русскомъ языкѣ. Переводъ прекрасный и снабженъ полезными для русскаго читателя примѣчаніями. Жаль, что въ этихъ примѣчаніяхъ не оказалось новѣйшаго открытія, что Бетховенъ въ 1789 г. 14 мая поступилъ въ Боннскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи о Кантѣ въ качествѣ Studiosus philosophiae. Это обстоятельство объясняетъ тотъ загадочный до сихъ поръ фактъ преклоненія Бетховена передъ моральнымъ ученіемъ Канта (Бетховенъ былъ очень мало образованъ, такъ какъ мальчикомъ онъ получалъ только самыя элементарныя свѣдѣнія). (*В. Вальтеръ. „Въст. Евр". 1914—5*).

Это — одна изъ лучшихъ современныхъ книгъ о Бетховенѣ, какъ по изложенію, такъ и по содержанію. Въ предисловіи авторъ справедливо замѣчаетъ: „Я не придерживаюсь взгляда, что Бетховенъ человѣкъ и Бетховенъ-художникъ — два совершенно равноцѣнныхъ явленія. Я поступаю ихъ, какъ дополняющія другъ друга, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крайне различныя проявленія одной личности, которая въ своемъ искусствѣ дала коррективъ къ своей жизни. Такъ какъ искусство это представляетъ то вѣчное, что осталось, а жизнь—то бренное, что однажды было, то я не задумался изложить біографію Бетховена сжато, ограничиваясь только необходимымъ, и не побоялся нигдѣ указать на противорѣчія между его жизнью и искусствомъ." Изъ такого взгляда вытекаютъ „пропорціи" отдѣльныхъ частей книги. За всѣмъ извѣстной и потому очень сжато изложенной біографіей Бетховена слѣдуетъ главная часть литературнаго труда Б.—характеристика искусства Бетховена. Изъ этой характеристики только первая общая ея часть попала въ первый томъ. Въ этой части Б. утверждаетъ стремленіе къ свободѣ, какъ главную „вѣсть, которую несетъ Бетховенъ". Идея не новая, но она красиво развита Б. Любопытны его взгляды на совмѣщеніе въ личности Бетховена демократическихъ и аристократическихъ тенденцій, а также мысли Б. о „программныхъ элементахъ бетховенскаго искусства". Совершенно вѣрно, что Бетховену „чуждо то принципіальное различіе, какое дѣлаютъ въ наше время между программной и непрограмной музыкой", что на языкѣ Бетховена „писать музыку" (componieren) часто значитъ то же самое, что „творить поэзію" (dichten). И все же меня сначала непріятно поразила слишкомъ рѣшительная фраза Б.: „Бетховенъ — программный композиторъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это думаютъ". Однако, изъ дальнѣйшаго выяснялся, что фраза эта пущена едва ли не ради одного ея ошеломляющаго эффекта. Сейчасъ же вслѣдъ за ней Б. признается, что хотя „натуралистическое теченіе" рельефнѣе всего выступаетъ у Бетховена въ „Schlachtsymphonie", но эта вещь—слабѣйшее его произведеніе. Уточняя понятіе о программности, Б. говоритъ далѣе: „Программа становится для него лишь базисомъ, на которомъ самодѣятельно работаетъ фантазія. Программа—только видимое начальное звено въ цѣпи психологическаго развитія, которое развертывается совершенно независимо отъ программы и питается на счетъ поэтической фантазіи творящаго композитора". Еще далѣе, послѣ интересныхъ соображеній о *Героическомъ* Бетховенской музыки и о пантеистическихъ настроеніяхъ, Б. говоритъ: „Особенности разрабатываемаго имъ матеріала обусловливаютъ собою все возрастающую утонченность въ формѣ абстракціи" — и, наконецъ, дѣлаетъ такое заявленіе: „Самымъ загадочнымъ и въ то же время самымъ доступнымъ изъ всѣхъ языковъ Бетховенъ говоритъ въ большинствѣ своихъ произведеній — въ безпрограммной инструментальной музыкѣ". Все это совершенно вѣрно, но при такомъ изощреніи понятія о программѣ не окажется ли, что на свѣтѣ безпрограммныхъ композиторовъ вовсе не существуетъ? Если программа у Бетховена только „начальное звено", и художественное произведеніе вырастаетъ „совершенно независимо" отъ этого звена, то позволительно спросить, чѣмъ отличается такая программность отъ „абсолютной" музыки? Вѣдь у самыхъ фанатичныхъ музыкальныхъ „абсолютистовъ" вдохновенія не рождаются же изъ ничего, а всегда представляютъ собою специфическую метаморфозу какихъ-нибудь опредѣленныхъ душевныхъ переживаній! „Возрастающая утонченность въ формѣ абстракціи" свойственна, очевидно, не только Бетховену, но и Б., начавшему съ категорическаго утвержденія программнаго начала въ искусствѣ Бетховена, а оканчившему указаніемъ на безпрограммныя его сочиненія, какъ на высшія творческія достиженія Бетховена, въ которыхъ мастеръ говоритъ „самымъ загадочнымъ и въ то же время самымъ доступнымъ изъ всѣхъ языковъ". Послѣ этого нѣсколько противорѣчиваго, но весьма интереснаго и къ вѣрнымъ выводамъ приводящаго анализа программности Б. переходитъ къ общему разбору главныхъ формъ бетховенскаго письма: сонатовъ, рондо, варіацій, вдумчиво освѣщая съ психологической точки зрѣнія особенности каждой формы. (*В. Каратыгинъ. „Спб. Зап." 1914—1*).

361. Бедье, Ж. 84

Романъ Тристана и Изольды въ изложеніи Ж. Бедье. Пер. Е. С. Уреневъ. 1913. М., кн-во К. Ф. Некрасова. 200 стр. Ц. 1 р.

Безсмертное сказаніе о роковой любви и печальной смерти Тристана и Изольды передаетъ намъ В. Онъ изучилъ старые романы о Триста-

нѣ Béroul'я Тома и Готфрида Страсбургскаго (который даютъ самое глубокое толкованіе любви).—и какимъ-то чудомъ авторъ перенесся въ XII вѣкъ. Плавно и красиво течетъ его разсказъ, ни одно слово не нарушаетъ гармоніи. Передъ нами знакомые и любимые образы оживаютъ во всей ихъ трогатель ой и знаной прелести. Вотъ король Маркъ, человѣчный и великодушный въ глубинахъ своего сердца, жестокій только къ моменты слѣпого гнѣва, когда обмануто его довѣріе. Тристанъ съ вѣчнымъ трагическимъ конфликтомъ въ душѣ—любовью и благодарностью къ старому Марку и неограниой страстью къ Изольдѣ, и, наконецъ, она сама,—трогательная въ своей женской слабости и сильная въ любви,—всегда печальная, принужденная дѣлить себя между долгомъ въ образѣ Марка и любовью къ Тристану. Другіи „grande amoureuse" Кретьена де Труа—героини романа Cligès жестоко поричаетъ Изольду за этотъ дѣлежъ. Но надъ тѣмъ этимъ тягоѣетъ роковая, волшебная сила, тотъ любовный напитокъ, который создалъ ихъ счастье и страданіе. Вотъ почему онѣ не могутъ себя считать преступными, онѣ всегда только жертвы рока!

Переведена книжка тщательно и съ большей любовью. Это уже очень много. Есть кое-гдѣ шероховатости стиля и, изрѣдка, неточности. Онѣ не портятъ впечатлѣнія, но хотѣлось бы сохранить всякую деталь, дорога каждая отдѣльная черточка. Не всегда чувствуется также тотъ внутренній ритмъ языка, который такъ плѣнителенъ у Б. (*М. Лиеровская. „Свѣт. Зап." 1914—I*).

Прелестная легенда, обработанная Б. на основѣ дошедшихъ до насъ фрагментовъ, представляетъ собою громадныя трудности для перевода. Совершенный французскій языкъ книги насквозь проникнутъ своеобразнымъ наивно-благороднымъ духомъ эпохи, вѣтшій тонъ романа такъ гармонируетъ съ внутреннимъ, что дѣйствительно получается иллюзія будто передъ нами подлинный разсказъ старинnаго трувера. Русскій текстъ написанъ приличнымъ, литературнымъ языкомъ, мѣстами переводъ хорошъ. Но переводчикъ не вездѣ сумѣлъ передать ритмическую прозу оригинала и въ русской передачѣ часто пропадаетъ привкусъ эпохи, сказавшійся, напр., въ эпитетахъ и обращеніяхъ. Несмотря на недостатки, переводъ, въ общемъ, даетъ представленіе о романѣ „Любви и Смерти". (*В. И-мъ. „У. Рос." 1913—282*).

Культурно-историческое значеніе и психологическая значительность легенды о Тристанѣ и Изольдѣ чрезвычайно велики.

Русскій переводъ могъ бы быть лучше, изящнѣе и точнѣе. Тогда какъ въ оригиналѣ французскаго эрудита-поэта взвѣшено и отдѣлано каждое слово, этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать о русскомъ переводѣ. Онъ не прямо плохъ, но сдѣланъ небрежно и переполненъ неточностями. Поэтому русскій переводъ недостаточно передаетъ изящную простоту французскаго оригинала.

Примѣровъ неточной и невѣрной передачи подлинника можно было бы привести множество. Между тѣмъ этотъ подлинникъ является нарочито точной передачей сохранившихся древнѣйшихъ текстовъ и необыкновенно тщательно обдуманнымъ воспроизведеніемъ ихъ пробѣловъ. Непонятно, почему переводчикъ не потрудился перевести предпосланное французскому оригиналу предисловіе знаменитаго ученаго *Гастона Пари* и слѣдующія за этимъ предисловіемъ суммарныя объясненія самого Б. о томъ, какъ онъ пользовался источниками. Вмѣсто этихъ предисловій *Уренiусъ* даетъ свое, ихъ вовсе не замѣняющее. Въ этомъ предисловіи есть такая фраза: „Рыцарскія времена, естественно, и легендѣ о Тристанѣ придали нѣкоторую манерность и утонченность. Такимъ образомъ, къ глубинѣ ея основныхъ чувствъ ((sic!) присоединилась искусность (искусственность?) формы". Эта фраза не только стилистически неудовлетворительна, она вводитъ читателя въ значительной мѣрѣ въ заблужденіе и по существу. Ибо не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ процессѣ своей литературной обработки легенда о Тристанѣ и Изольдѣ не только получаетъ новую болѣе „искусственную" форму, но и углубляется по содержанію и внутренне утончается.

Съ внѣшними недостатками русскаго изданія легче примириться, чѣмъ съ его литературными дефектами. Тѣмъ не менѣе лицамъ, которыя не могутъ прочесть оригинала Б., мы горячо рекомендуемъ прочесть „Романъ Тристана и Изольды" хотя бы въ русскомъ переводѣ. (*Петръ Струве. „Рус. Мысль" 1111—21.*

302. Вознесенскій, Ал. 891.7—1

Путь Агасфера. Первая книга стиховъ съ предисловіемъ Л. Андреева. 1914. Спб., изд. „Шиповникъ". 110 стр. Ц. 1 р.

Если перевести любезный и благосклонный языкъ предисловія на менѣе любезный и болѣе безстрастный языкъ критики, необходимо заявить, что основной недостатокъ стиховъ В. въ томъ, что, вопреки законамъ божественнаго соотвѣтствія между формой и содержаніемъ, второе въ нихъ властвуетъ надъ первой слишкомъ рѣшительнымъ образомъ, и желѣзные прутья его честныхъ мыслей часто прорываютъ легкотканныя одежды стиха и торчатъ оттуда своими колючими остріями вполнѣ непристойно. Тогда, говоря словами самого автора,

„Мысль испуганно взираетъ, какъ едва,
Словно плѣнные безродностные слуги,
Служатъ ей плѣненныя слова".

Но рядомъ съ этимъ суховатымъ схематизмомъ, рядомъ съ какой-то чрезмѣрной внутренней трезвостью, есть у автора книги отдѣльныя мѣста и цѣлыя вещи, гдѣ онъ находитъ несложайные, подлинные образы.

„Я воскресенья не люблю.
Мнѣ близокъ строгій понедѣльникъ
Сѣдой батракъ, столѣтній мельникъ.
Морякъ прикованный къ рулю".

У В. много наблюдательности, есть глазъ на детали, онъ живо чувствуетъ жизнь предметовъ, особливо городскихъ, и въ его стихотворной рѣчи есть часто пріятная пѣвучесть.

„Я помню ночь хмельного бала.
Въ чужихъ объятіяхъ чиста,
Ты не касалась цѣловала,
Моя печальная уста"

Въ книгѣ встрѣчаются ритмическія ошибки, мелкія областныя погрѣшности противъ строя великорусской литературной рѣчи и нерѣдки примѣры вліяній другихъ поэтовъ. Но въ цѣломъ, въ качествѣ первой книги, сборникъ В.

надо признать заслуживающимъ вниманія. (*Сергѣй Кречетовъ.* „*У. Рос.*“ *1913—288*).

Въ книгѣ нѣтъ стиховъ, рожденныхъ вдохновеннымъ, чисто вмоціальнымъ порывомъ. Печать раздумья лежитъ на большинствѣ ихъ и придаетъ поэзіи В. нѣкоторое однообразіе, несмотря на относительное богатство размѣровъ и тонкость рифмы. Поэзія эта можетъ сначала показаться даже скучной, но въ ней свое, какое-то утомленное, очарованіе, къ которому надо прислушаться. Усталость проникаетъ ее. Усталыми глазами смотритъ поэтъ на міръ:

Я усталъ усталостью послѣдней
И отъ доброй матери ворчливой
И отъ молодо рѣчистыхъ бредней
И отъ глазъ любовницы ревнивой...

Усталость и рождаетъ то философически-безучастное созерцаніе, которое характерно для В. „Быть можетъ пьяная, быть можетъ, мертвая— не все-ль равно“—такъ кончается стихотвореніе „уличная старушка“. „Не все-ль равно“—можно было бы поставить эпиграфомъ въ книгѣ. Впрочемъ—это не совсѣмъ вѣрно. Временами поэту бываетъ не „все равно“. Это случается тогда, когда богровымъ пламенемъ загарается чувственность. Тогда онъ пишетъ стихи, пожалуй лучшіе въ книгѣ. (*В. П. „День“. 1913—347*).

„Въ стихахъ В. меня привлекаетъ ихъ затаенная тревога мысли. Въ нихъ есть что-то безсонное: это душа, которая никогда не спитъ и не знаетъ колыбельныхъ, баюкающихъ пѣсенъ“. Такъ характеризуетъ Л. Андреевъ книгу В.—„книгу философскихъ настроеній“,—предупреждая читателя, чтобы онъ не испугался „избытка ratio въ этихъ стихахъ“. Въ этомъ предисловіи отмѣчена дѣйствительно типичная для книги В. черта. Но если бы Л. Андреевъ продолжилъ предисловіе, ему пришлось бы отмѣтить дальше, что при избыткѣ въ книгѣ „философскихъ настроеній“ они все же очень туманны и поэтому не заражаютъ ни чувствомъ, ни мысли читателя. Когда авторъ говоритъ: „мнѣ чудится, что я пишу стихи“, это значитъ, что ему вовсе не чудится, а что онъ и на самомъ дѣлѣ пишетъ стихи. Слово „чудится“ вкралось сюда по какому-то недоразумѣнію, по которому и въ другіе стихи В. вкралось много лишнихъ словъ, затрудняющихъ пониманіе его книги.

Въ общемъ можно сказать, что В. принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ, которые утратили свои былыя вѣроканія и тоскуютъ въ созданной ими же атмосферѣ душевной пустоты. Въ стихотвореніи „Сыну“ поэтъ внушаетъ послѣднему такого рода сентенціи:

...въ мірѣ нѣтъ путей различныхъ,
Нѣтъ злыхъ, нѣтъ добрыхъ; никому
Нельзя утѣшить горемычныхъ.
Всѣ горемычны, всѣ равны,
Въ добрѣ и злѣ равно безсильны...
Печальныхъ сказокъ въ жизни нѣтъ,
Затѣмъ, что сказокъ нѣтъ веселыхъ,
И невозможенъ яркій цвѣтъ,
Въ пустыняхъ коменисто-голыхъ,
Не много лжи, но все есть ложь—
Въ устахъ живыхъ и въ мертвой книгѣ...

На такой философіи далеко не уѣдешь, и проникнутые ею лирическіе стихи В. кажутся поэтому однотонными и совершенно безсильными въ какихъ-то порывахъ къ чему то туманному для самого поэта. Лучше всего удаются автору стихотворенія сатирическаго или, точнѣе, сатириконскаго тона, гдѣ поэтъ, въ легкой, беззлобной юмористикѣ даетъ выходъ своему чувству разочарованности въ людяхъ и въ жизни. Такого рода стихи принадлежатъ къ самымъ интереснымъ въ книгѣ, хотя на нихъ тоже печати опредѣленной индивидуальности. Кажется даже страннымъ, почему эти стихи попали въ книгу, подписанную однимъ именемъ, тогда какъ наиболѣе подходящимъ для нихъ мѣстомъ былъ бы какой-нибудь сборникъ или журналъ сатириконствующаго направленія, гдѣ такія вещи кажутся и написанными и подписанными какимъ-то общимъ собирательнымъ лицомъ. Даже индивидуальныя погрѣшности В. въ этихъ стихахъ какъ-то не хочется приписывать ему одному. Быть можетъ, такъ принято писать у независимыхъ, свободныхъ отъ всякихъ традицій сатириконцевъ (*Вл. Кр. „Совр. Міръ“ 1914—2*).

Вмѣсто должныхъ общихъ фразъ, написанныхъ въ предисловіи, Андреевъ могъ бы оказать болѣе нужную поддержку своему подопредыслонному, а именно исправить ему грамматическія, синтаксическія и стилистическія ошибки. При наличности мыслей, у В. нѣтъ грамотности. Что значитъ: „бросать взглядъ на архитектора?... Какъ можно „постелить баюшки-баю“? Какъ это могло случиться, что „я оболокъ свои мысли въ мечты“? Что это такое: „у ута переполнялась слеза“? Что это такое: „тавло людское, и лѣсное бедро...“? Что такое „глыба изъ камней“? Эта неграмотность, наряду съ полнымъ незнаніемъ того, гдѣ стоитъ въ русскихъ словахъ ударенія, при склонности автора къ андреевскимъ выраженіямъ („кто-то тощій“, „кто-то жадный“) доставляютъ неодолимую досаду читателю. Его неграмотные (и ритмически тоже) стихи обладаютъ извѣстнымъ лиризмомъ, у него есть привычка и способность мыслить надъ явленіями. Развивъ вкусъ и ставъ грамотнымъ, В., пожалуй, не затерялся бы въ толпѣ искателей поэзіи. Пока же онъ только оскорбляетъ ее. (*Сергѣй Городецкій. „Рѣчь“. 1914—33*).

303. Михаэлисъ, А. 902

Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Пер. съ нѣм., под. ред. проф. Вл. К. Мальмберга. 1913. М., изд. Имп. Моск. Археолог. Инст. IV+403 стр. Ц. 3 р. 50 коп.

Книга написана съ громаднымъ подъемомъ и исключительной искостью. Съ любовью и увлеченіемъ изложено вѣковое триумфальное шествіе одной изъ наиболѣе юныхъ дисциплинъ, „науки заступа“. Центръ тяжести лежитъ въ открытіяхъ художественно цѣнныхъ, притомъ разсмотрѣніе ограничено греко-римскимъ міромъ, чисто-почсточная культура исключена и колоссальныя открытія на Критѣ трактованы лишь вскользь. Тѣмъ не менѣе для каждаго источника книга М. послужитъ важнымъ и пріятнымъ пособіемъ; разочарованіе можетъ лишь вызвать „указатель“, незаконченный и недостаточно надежный. („*Рус. М“. 1914—2*).

Вѣкъ археологическихъ открытій проходитъ передъ читателемъ книги М. Изслѣдователи античныхъ городовъ и свитлищъ, пріемы ихъ работы, найденные ими монументальные и художественные памятники,—новыя данныя, въ особенности по исторіи греческаго искусства,—таковъ обширный матеріалъ, приведенный М.

Авторъ прежде всего даетъ исторію науки классической археологіи, указываетъ на различіе между старыми пріемами работы археолога и методами новой археологической науки. Если во времена Винкельмана и Васконти (XVIII в.—нач. XIX) можно было при раскопкахъ Помпеи выпиливать части фресокъ, разрушать позднѣйшіе, чтобы добыть мозаику, то въ половинѣ XIX в. археологи иначе смотрятъ на дѣло. Цѣлью раскопокъ является реконструкція цѣлаго, возстановленіе площади давнаго города при сохраненіи наибольшаго количества памятниковъ. Вещи,—художественные памятники,—собираются тщательно; но вниманіе ученаго привлекаетъ также и планъ дома, размѣры улицы, площадей, типы общественныхъ зданій, вопросъ объ архитектурѣ изучаемаго города; все это—подготовительныя данныя къ вопросу о хронологической датировки, опредѣленіи эпохи даннаго слоя. Къ археологу, знатоку вещей, присоединяется, слѣдъ затѣмъ, архитекторъ, составляющій частичные и общіе планы раскапываемой территоріи по всѣмъ ея сломамъ,—отъ поверхности до нетронутой почвы. Къ археологу и архитектору необходимо дополняется фотографъ; снимки точно передаютъ памятники и даютъ возможность закрѣпить для научнаго изслѣдованія ходъ работы. Наконецъ, важно при раскопкахъ города имѣть всѣ свѣдѣнія древнихъ авторовъ о немъ,—для болѣе прочныхъ выводовъ относительно зданій, ихъ вида и мастеровъ, въ нихъ работавшихъ. Совокупность работы археолога, собирающаго найденные памятники, архитектора, составляющаго планы мѣстности и деталей, фотографа и филолога-источника-вѣда даетъ въ результатѣ систему античнаго искусства, раздѣленнаго на опредѣленныя эпохи архитектуру, скульптуру и живопись древняго міра и каждую эпоху изучаетъ по извѣстнымъ мастерамъ. Громадный матеріалъ, приведенный авторомъ, такъ популярно передавъ, что прочтеніе книги нетрудно. Изученіе же ея, хотя и осложняется массой фактическихъ данныхъ, необходимо, какъ alphabet археологіи. (*Н. Ч—а. „Рус. Вѣд." 1913—285*).

304. Тураевъ, Б. А., проф. 9(3)

Исторія Древняго Востока. Ч. 1. 1913. Спб., изд. 2-е, исправл., Студеничъ. Изд. Ком. при Ист.-Филол. фак. Спб. ун. 367 стр. Съ иллюстр. Ц. 2 р. 75 к.

Книга Т.—русскій оригинальный трудъ по исторіи древняго Востока, науки, у насъ въ Россіи столь скудно представленной. Въ свое время появленіе этой книги составило для насъ цѣлую эпоху въ литературѣ по этому вопросу, еще не насчитывающей за собой ста лѣтъ. По своей убѣдительности, простотѣ и ясности, трудъ Т. такъ и напрашивается подъ опредѣленіе классическаго труда. Эпически-спокойный тонъ его нарушается иногда давно отзвучавшими словами какого-нибудь гильгамеша или Амонъ-Ра: не довольствуясь изложеніемъ памятниковъ, авторъ очень часто приводитъ полные переводы ихъ. Сухая пыль надробныхъ камней и папирусовъ не помѣшала нашему ученому увлекательно оживить передъ нами первую главу исторіи человѣчества. Прекрасная книга. (*В. Ир. „Рѣчь". 1914—9*).

Книга эта представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу по древнему Переднему Востоку. Она не только курсъ исторіи Древняго Востока, но и увлекательный разсказъ объ его религіозной и умственной жизни, дающій подробную литературу предмета, приводящій яркіе отрывки изъ литературныхъ памятниковъ. Строгій методъ ученаго совмѣстился въ ней съ интересомъ отзывчиваго на красоту писателя. Въ первой части книга находится введеніе, заключающее въ себѣ: источники, исторію науки, хронологію, географическія условія и этнографію Древняго Востока. Отдѣлъ первый посвященъ семиарско-египетской эпохѣ, второй—египетскому преобладанію. (*„Россія". 1914—2314*).

Второе изданіе труда Т., сохраняя вполнѣ хронологическія рамки и распредѣленіе матеріала изданія предыдущаго, вноситъ массу новыхъ цѣнныхъ (особенно библіографическихъ) данныхъ, и снабжено интересными, отчасти рѣдкими снимками въ отличномъ воспроизведеніи. (*„Рус. М.". 1914—2*).

305. Лабзина, А. Е. 92(Л)

Воспоминанія. (1758—1828). Съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго и вступ. замѣткой С. Ѳ. Ольденбурга. 1914. Спб., кн-во „Огни". 163 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Л.—жена извѣстнаго мистика и масона, недюжинная по высокой духовной настроенности и религіозному жизнеотношенію душа, оставила интересныя, но, къ сожалѣнію, неоконченныя автобіографическія воспоминанія и дневникъ, обнимающій очень небольшой періодъ—два съ половиною мѣсяца 1818 года. Эти два обрывка—интересныя и важныя, въ смыслѣ освѣщенія психологіи эпохи, исторіи внутренней жизни. Документы столь глубоко-интимнаго содержанія вообще рѣдки въ литературѣ, еще рѣже въ области женскихъ мемуаровъ. Мы знаемъ одно подобное произведеніе—дневникъ Башкирцевой; тамъ искренность безграничной гордыни, здѣсь—искренность смиренія. (*Л. „Рѣчь". 1914—5*).

Книжку съ удовольствіемъ прочтетъ не только спеціалистъ-историкъ, но и всякій, интересующійся исторіей читатель. Конечно, самые факты „событія" въ жизни Л. въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ никакого „историческаго" въ узкомъ смыслѣ слова—интереса. Невеселая жизнь Л. (въ первомъ бракѣ Карамышевой) справедливо названа акад. Ольденбургомъ „человѣческимъ документомъ" къ „Une vie" Мопасана, этой великой книгѣ женскаго страданія". Весьма характерны отрывки дневника Л., ревностной масонки, посвященной своимъ второмъ мужемъ, который, между прочимъ, былъ въ 1822 г. не только оставленъ отъ должности вице-президента Академіи Художествъ, но и высланъ изъ Спб. за то, что при выборѣ въ почетные любители академіи гр. Гурьева, Аракчеева и Кочубея предложилъ заодно выбрать уже и царскаго кучера Илью, который имѣетъ тѣ же права, что и названные вельможи, такъ онъ не менѣе ихъ „близокъ къ императору, а за сановниками другихъ правъ на почетное званіе не числилось. Записки Л. обрываются на полусловѣ, при описаніи бѣдственной ея жизни при первомъ мужѣ, отъявленномъ негодяѣ, типа аксаковскаго Куролесова. Отрывки изъ дневника, относящіеся уже къ старости, даютъ меньше чисто-житейскихъ чертъ, но необычайно любопытны для психологіи ма-

сонства. Предисловіе и примѣчанія составлены очень умѣло. („*Рус. Бог.*". *1914—2*).

Въ воспоминаніяхъ ярко отразился бытъ и нравы эпохи и много новыхъ данныхъ для исторіи масонской ложи „Умирающаго Сфинкса", основанной Лобзинымъ. („*Гол. М.*". *1914—3*).

Новыя книги.

Общія сочиненія [0]

1415. Лаврскій, Н. 016:7

Указатель книгъ и статей по вопросамъ искусства (Живопись и скульптура). 1914. М., кн-во „Творчество". 24 стр. Ц. 25 к.

Изъ предисловія: „Наша задача помочь и указать лучшія книги, въ которыхъ излагались бы, какъ исторія искусства, такъ и новѣйшія теченія въ искусствѣ, а также и біографическія свѣдѣнія".

1416. [. 027

Императорская публичная библіотека за 100 лѣтъ. 1814—1914.—Спб., 1914, тип. В. Ѳ. Киршбаума. 4⁰, 482+XXVI стр. Съ 30 иллюстр. на отд. листахъ. Ц. 5 р.

Содержаніе: Введеніе—начало имп. публичной библ. и работы въ ней до ея открытія. Имп. публич. библ. подъ управленіемъ А. Н. Оленина съ 1814 по 1843 г., Д. П. Бутурлина 1843—1849, бар. М. А. Корфа 1849—1861, И. Д. Делянова, А. Ѳ. Бычкова 1882—1899, Н. К. Шильдера 1899—1902, Д. Ѳ. Кобеко 1902—1913. Примѣчанія и приложенія:

Примѣчаніе I. Свѣдѣнія о числѣ выданныхъ билетовъ на чтеніе, о числѣ посѣщеній библіотеки и о числѣ томовъ, бывшихъ въ обращеніи въ читальн. залѣ за 1814—1912 г. II. Участокъ земли, принадлежащій имп. публ. библ. III. Изданія имп. публ. библ.

1417. [. 087.1

Рыцарь-Волкъ. Повѣсть изъ средневѣковой жизни. Пер. съ англ. Е. Л. 1914. М., изд. жур. „Семья и Школа". 78 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

1418. Зарницына, М. 087.1(075)

Школяры. — Библ. „Новой народн. школы" подъ, ред. Ѳ. П. Борисова и Н. И. Лаврова. Вып. I. Первый годъ обученія.— Съ рис. К. Спасскаго. 1914. М., кн-во К. И. Тихомирова. 48 стр. Ц. 25 к.

Содержаніе: Привѣтъ.—Будущіе ученики. „Учительница пріѣхала". „Илья Муромецъ". Первые дни въ школѣ. Первые уроки.

Философія [1]

1419. Баррэтъ, У. Ф., проф. 13

Загадочныя явленія человѣческой психики. Пер. съ англ. М. В. Райхъ, подъ ред. Н. Д. Виноградова. 1914. М., изд. „Моск. кн-ва". 230 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловія. Наука и суевѣріе. Безсознательныя мускульныя дѣйствія. Маятникъ — изслѣдователь. Автоскопы. О-во Психич. Изслѣдованій, или о-во для изученія загадочныхъ явленій человѣческой психики. Человѣческая личность. „Игра въ желанія" и такъ наз. чтеніе мыслей. Передача мыслей: въ нормальномъ состояніи перципіента, въ гипнотич. состояніи. Месмеризмъ. Гипнотизмъ. Внушеніе. Эксперим. и самопроизвольная телепатія на большихъ разстояніяхъ. Зрительныя галлюцинаціи: призраки живыхъ и мертвыхъ. Сновидѣнія и ясновидѣнія (видѣнія при созерцаніи кристалла). Сверхнормальное воспріятіе: созерцаніе безъ глазъ. Такъ наз. волшебный прутъ. Привидѣнія и безпокойные духи-домовые. Физич. явленія въ спиритизмѣ. Автоматич. писаніе. Жизнь послѣ смерти. Президенты о-ва психич. изслѣдованій. Библіографія.

1420. Титченеръ, Э. Б., проф. 15(02)

Учебникъ психологіи. Университ. курсъ. Пер. съ англ. прив.-доц. А. П. Болтунова. Ч. II. 1914. М., изд. т-ва „Міръ". VI+250 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 35 к.

Содержаніе: Пространственныя воспріятія. Временныя, качественныя, сложныя воспріятія. Психологія воспріятія. Ассоціація. Память и воображеніе. Волевое дѣйствіе. (Action). Душевное движеніе. (Emotion). Мышленіе. Заключеніе: Настоящее положеніе психологіи. Указатель литературы. Указатель авторовъ и предметный.

1421. Эльзенгансъ, Ѳ., проф. 15/6

Психологія и логика какъ введеніе въ Философію. Авториз. пер. съ послѣд. нѣм. изд. А. Эльвшева. (Русское изданіе „Sammlung göschen"). 1913. Рига. Изд. „Наука и Жизнь". 16⁰ 163 стр. Ц. 65 к.

1422. Шиловъ, А., прис. пов. 178.1:371

Кружокъ дѣятелей по борьбѣ со школьнымъ алкоголизмомъ въ Москвѣ. (Докладъ, представл. XIV Международн. Антиалког. Конгрессу въ Миланѣ, 9—14 сент. 1913 г.). 1914. М., тип. В. И. Воронова. 16⁰. 12 стр. Ц. 5 к.

Соціальныя науки [3]

1423. Антоновичъ, А. Я. 33

Основанія политической экономіи. Т. I. Введеніе и основныя силы, дѣйствующія въ національн. хозяйствѣ: 1. Сходства. Различія. Число. 2. Эволюція. Конъюнкція. Прогрессъ. 3. Потребности. Эмоціи. Идеи. 4. Талантъ. Правительство. Общество. 5 Природа. Капиталъ. Трудъ. 1914. Кіевъ, тип. 2-й артели. XII+710 стр. Ц. 3 р.

1424. Идашкинъ, С. И. 332

Курсовыя таблицы для перевода русскихъ денегъ на иностран. валюту: во франкахъ, герман. маркахъ, англ. фунтахъ стерлинговъ, голланд. гульденахъ, сѣверо-америк. долларахъ, австр., датск., шведск. и норвеж. кронахъ. 1913. Тула, скл. изд. у автора (Орша, Соед. банкъ). 162 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1425. [. . . . . 334(08)

Библіотека „Кооперативной Жизни". Первый сборникъ статей. 1914. М., изд. жур. „Кооперат. Жизни". 132 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Н. П. Огановскій. Современный аграрный вопросъ и кооперативы. А. Е. Вормсъ. Залогъ надѣльныхъ земель. З. С. Каценеленбаумъ. Меліоративныя товарищества и ихъ значеніе. Кн. Д. П. Шаховской. Земельное общество или земельный кооперативъ? А. В. Чаяновъ. Союзы скотоводовъ въ Запад. Европѣ. К. А. Мацѣевичъ. Агрономія и кооперація.

1426. Кулишеръ, І. М. 336(43)

Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историч. развитіи. Опытъ изученія основныхъ теченій въ развитіи городскихъ финансовъ. 1914. Спб., скл. изд. при юрид. кн. скл. „Право". VIII+466 стр. Ц. 3. р.

Содержаніе: Введеніе. Три періода въ исторіи нѣмец. городовъ. Прямое обложеніе въ городахъ въ XIV—XVI ст. Обложеніе перехода имуществъ и лицъ, вступающихъ въ число гражданъ, въ XIV—XVI ст. Косвенное обложеніе въ XIV—XVI ст. Городское обложеніе въ XVII—XVIII ст. Измѣненія въ общемъ характерѣ обложенія въ XIX в. Прямое и косвенное обложеніе въ городахъ и соотношеніе между ними въ XIX в. Основанія коммунальнаго прямого обложенія до 70 г. г. XIX ст. Новѣйшія реформы въ области коммунальнаго прямого обложенія (личное и реальное обложеніе). Новѣйшіе виды коммунальнаго обложенія. Заключеніе.

1427. Идельсонъ, Н. И. 34:9(44)

Революціонный трибуналъ во Франціи. Судебно-историч. очеркъ. 1914. Спб., скл. изд. при юрид. кн. маг. „Право". 84 стр. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Мы постараемся показать трибуналъ въ его дѣятельности, т.-е. въ работѣ такъ наз. судей и въ страданіяхъ такъ наз. преступниковъ, надъ которыми заносился и съ чрезвычайною быстротою опускался карающій мечь закона".

1428. Рязановскій, В. А., пр. пов. 347.62(47)

О посмертномъ преемствѣ супруговъ по русскому праву. Историко-догматич. очеркъ. 1914. Ниж.-Новг., кн-во Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешилина. VI+218 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Историч. обзоръ (Древній, московскій и петербургскій періоды). Дѣйствующее право (Юридич. природа преемства супруговъ. Отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ. Толкованіе постановленій дѣйствующ. права о преемствѣ супруговъ). Приложенія. (Изъ печатной Кормчей). Пособія (Списокъ 118 книгъ).

1429. [. 347.7

Заемъ и заемное обязательство. Общедоступн. изложеніе основн. началъ дѣйствующ. права. Права и обязанн. заимодавцевъ и должниковъ съ прилож. образцовъ договоровъ, исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ. 1914. Спб. Изд. кн. маг. Яснаго, б. М. В. Попова — Общед юридич. библ., изд. подъ ред. В. Я. Крюковскаго. Вып. 2.— 150 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Что такое заемъ. Лица въ договорѣ займа. Форма совершенія займа. Содержаніе заемнаго обязательства. Недѣйствительность займа. Права и обязанности должника. Права и обязанности заимодавца по заемному обязательству. Способы прекращенія займа. Необходимыя свѣдѣнія изъ области судопроизводства. Образцы исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ.

1430. Паульсенъ, Ф. 371

Педагогика. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Г. К. Вебера. 1913. М., изд. т-ва „Міръ". VIII+488 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предисловіе къ рус. переводу. Введеніе. Предварительныя замѣчанія изъ области антропологіи и психологіи. Ч. I. Воспитаніе воли. Ч. 2. Дидактика. (Общая и спеціальная). Добавленіе: Физическій уходъ за ребенкомъ и физич. воспитаніе.

1431. Красевъ, А. А. 372(47)

Чего ждетъ отъ школы наша страна для своего обновленія. Къ вопросу о необходимыхъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ курсѣ начальн. народн. обученія. (Статья эта напечатана была въ журн. Мин. Нар. Просв. за 1908 г.). 1914. М., кн-во К. И. Тихомирова. 84 стр. Ц. 40 к.

Содержаніе: Переживаемый нами историч. моментъ и возбуждаемые имъ вопросы. Новыя средства и пути для дѣла начальн. народн. образованія. Время для начала и окончанія годичныхъ занятій и общая продолжит. курса нач. нар. обученія. Необходимыя дополн. и измѣненія въ программахъ, дѣйствующихъ въ настоящее время въ начальн. нар. училищахъ. По вопросу о преподаваніи Закона Божія. О преподаваніи русскаго яз. и его задачахъ. Школьное письмо дѣтей и его задачи. Учебный по предмету ариѳметики матеріалъ для 4-го года школьн. обученія. Уроки пѣнія въ народн. училищахъ и желательная ихъ постановка. Элемент. уроки черченія и рисованія въ курсѣ нач. нар. школы. Заключеніе.

Филологія [4]

1432. Унде-Поповъ, П. 41(09)

Международный языкъ. Историч. очеркъ, съ конспектомъ грамматики системы Международной Делегаціи „Идо". (Отт. изъ жур. „Вѣст. Кр. Креста". Спб. 1913. №№ 9 и 10). Армавиръ, „Междунар. языкъ". 53 стр. Ц. 40 к.

1433. Tihomirov, V. V. 412

Al kvesto pri evoluado de Esperanto, kiel lingvo vivanta. (K voprosu o razvitii mezdunarodnago jazyka Esperanto). 1914. М., тип. П. П. Рябушинскаго. 16⁰. 48 стр. Ц. 20 к.

1434. Тихомировъ, В. В. 491.7

Novaja russkaja azbuka. (Новая русская азбука). 1914. М., тип. П. П. Рябушинскаго. 16⁰. 16 стр. Ц. 8 к.

Чистыя науки [5]

1435. [. . . . 5(07)

Естествознаніе въ школѣ. Неперіод. изд., выход. подъ общей ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ № 5. Обзоръ новѣйшей методической, научно-популярной и учебной литературы по естествознанію. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 166 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: И. И. Полянскій. Обзоръ литературы по методикѣ естествовѣдѣнія. Е. Елачичъ. Новыя научно-популяр. книги по біологич. вопросамъ. К. П. Ягодовскій. О литературѣ по начальному природовѣдѣнію. Г. Н. Бочь. Учебная литература по ботаникѣ, Б. Райковъ. Литература зоологіи. Проф. Ѳ. Е. Туръ. Русская учебная и учебно-вспомог. литература по анатоміи, физіологіи и гигіенѣ. Н. А. Томилинъ. Обзоръ физической литературы.

1436. Аверинцевъ, С. В., прив-доц. 5(075)

Руководство къ практич. занятіямъ по естествознанію. Книга для учащихся. (Курсъ кадет. корп. и др. среднеучебн. завед.). Съ 120 рис. 1914. Спб., тип. т-ва А. С. Суворина. 264 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Ботаника. Зоологія. Минералогія и физіологія. Указатель.

1437. Дедекиндъ, Р., проф. 51

Непрерывность и ирраціональныя числа. Перевелъ прив.-доц. С. Шатуновскій. Съ присоед. статьи переводчика: Доказательство существованія трансцендентныхъ чиселъ. 1914. Одесса, изд. 3-е „Mathesis"—Библ. классиковъ точнаго знанія I.—40 стр. Ц. 40 к.

Отъ переводчика: „Въ брошюрѣ Д. яркая образность и высокая отвлеченность соединены въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для того, чтобы, уяснить читателю ходъ возникновенія современной вполнѣ отвлеченной идеи, объ ирраціон. числѣ и возможность примѣненія этой идеи къ предметамъ болѣе или менѣе конкретнаго характера—къ геометрич. образамъ. (Дополнительная) статья содержитъ извѣстное канторовское доказательство теоремы о существ. трансценд. чиселъ".

1438. Таннери, Ж., проф. 51

Основныя понятія математики. Съ прибавл. очерка П. Таннери: Основныя свѣдѣнія изъ исторіи математики. Пер. съ 3-го франц. изд. Н. Евреинова. Съ 184 рис. въ текстѣ 1914. Спб. изд. т-ва А. С. Суворина—„Нов. Время". XVIII+406 стр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Введеніе. Основныя дѣйствія съ цѣлыми числами. Отношеніе двухъ величинъ. Обыкновен. и обобщ. дроби. Пропорц. числа и величины. Десятичныя дроби. Относит. числа. Основныя дѣйствія съ этими числами. Алгебраич. обозначенія. Уравненія. Плоская геометрія. Геометрія въ пространствѣ. Методы преобразованій. Гл. I—IX: О нѣкоторыхъ тождествахъ. Геометрич. алгебра. Уравненія второй степени. Координаты. Эмпирич. кривыя. Основныя понятія аналитич. геометріи. Касательныя, скорости, производныя. Основныя понятія интегральн. исчисленія. Предѣлы.—Безконечно-малыя величины. Опредѣленный интегралъ. Ряды. — Основныя свѣдѣнія: изъ исторіи математики и по астрономіи.

1439. [. . . . . 51(08)

Новыя идеи въ математикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. засл. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 8. Математика и философія I. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 144 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе. А. Васильева.—Л. Нельсонъ. Замѣчанія о не-эвклидовой геометріи и о происхожденіи математич. достовѣрности. О. Гельдеръ. Наглядное представленіе и мышленіе геометріи. Ф. Клейнъ.—А. Гофлеръ. Пограничные вопросы математики и философіи.

1440. Магницкій, Л. 511

Ариѳметика. Точное воспроизведеніе подлинника. Съ прилож. статьи П. Баранова. 1914 М. Изд. П. Баранова. IV+33 стр. Ц. 80 к.

1441. Кулишеръ, А. Р. 513(075)

Учебникъ геометріи. Ч. I. Курсъ подготовительный. Съ 130 рис., 5 табл. въ краск. и 3 прилож. 1914. Спб, изд. кн. маг. П. В. Луковникова. XII+130 стр. Ц. 90 к.

Изъ предисловія: „Подготовит. курсъ геометріи имѣетъ цѣлью выясненіе геометрич. стороны того міра, въ которомъ ребенокъ живетъ, растетъ и будетъ дѣйствовать". [Въ приложеніяхъ даны: Краткій обзоръ нѣкотор. опредѣленій и выводовъ. Зависимость между сторонами прямоуг. треугольника (между двумя его катетами и гипотенузой. Указанія для преподавателя. (Есть указанія литературы)].

1442. Реклю, Э. 525

Вулканы. VII-й вып. сочиненія „Земля". Полный пер. съ франц. А. В. Мезіеръ. Подъ ред. Н. А. Рубакина. и съ примѣч. и дополн. Н. А. Рубакина и Н. А. Ульянова. 2-е иллюстр. изд. съ прилож. краткаго списка научныхъ и научно-попул. книгъ по философіи физики въ связи съ философіей химіи. 1914. М., кн-во. К. И. Тихомірова. 158 стр. Ц. 60 к.

1443. Реклю, Э. 525

Землетрясенія и медленныя колебанія земной поверхности. VIII вып. сочиненія „Земля". Полный пер. съ франц. А. В. Мезіеръ. Подъ ред. Н. А. Рубакина и съ примѣч. и дополн. Н. А. Рубакина и Н. А. Ульянова. 2-е иллюстр. изд. съ прилож. списка научныхъ и научно-попул. книгъ по основнымъ вопросамъ современнаго научнаго міросозерцанія и его исторіи (1. Реальность нашего образа физич. міра по взглядамъ современ. научной философіи. Вопросъ о познаніи и его границахъ. 2. Исторія выработки современ. научно-философ. міросозерцанія. 3. Общая картина мірозданія по современ. научно-философ. представленіямъ. 4. Книги о современ. научныхъ методахъ). 1914. М., кн-во К. И. Тихомирова. 132 стр. Ц. 50 к.

1444. Розингъ, Б. 534

Физика для всѣхъ. Свѣтъ. Съ 101 рис. П. Бѣняша. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 176 стр. Ц. 65 к.

1445. [. . . . 54(0:8—1)

Carbonias sive Carmina duodecim de metamorphosis corporum organicorum scripta. (Карбоніада или двѣнадцать пѣсенъ, описывающихъ превращенія органическихъ тѣлъ). 1913. Спб., тип. М. Фроловой. Изд. 2-ое. 16 стр. Ц. 25 к.

1446. [. . . . 54(08)

Новыя идеи въ химіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. Сборникъ № 6. Строеніе матеріи I. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 160 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Отъ редактора. Сэръ Дж. Дж. Томпсонъ. Строеніе атома. А. М. Бутлеровъ. Современное значеніе теоріи химическаго строенія. (Чтеніе въ общемъ собраніи Физ.-Хим. о-ва 17 апр. 1879 г.) Л. А. Чугаевъ. О неустойчивыхъ органическихъ соединеніяхъ.

1447. Ланкестеръ, Е. 56

Вымершія животныя. Пер. съ англ. подъ ред. А. А. Борисяка. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девріена. XVIII+261 стр. Съ 214 рис. Ц. 2 р.

1448. Сѣверцовъ, А. Н., проф. 575

Современныя задачи эволюціонной теоріи. Съ 41 рис. въ текстѣ. 1914. М., кн-во „Bios", подъ ред. прив.-доц. Моск. Унив. В. С. Елпатьевскаго. 156 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Историч. задачи эволюціон. теоріи и вопросъ о происхожденіи позвоночныхъ. Общіе законы эволюціи: прогрессъ и регрессъ, схожденіе и расхожденіе признаковъ, монофилія и полифилія. Попытка объясненія эволюціи коррелятивн. измѣненій. Общій обзоръ и конечные выводы.

1449. Миге, Г., д-ръ. 581

Ученіе о клѣткѣ и анатоміи растеній. Авториз. пер. съ послѣдн. нѣм. изд. А. Я. Брусова. (Русское изданіе „Sammlung Qöschen"). 1914.

Рига. Изд. „Наука и Жизнь“. 16⁰. 168 стр. съ рис. Ц. 65 к.

1450. Викъ, С. Н., фонъ. 59(04)

Путевыя замѣтки при зоологическихъ экспедиціяхъ на сѣверо-востокъ Индіи и на Голубой Нилъ. 1914. Спб., тип. т-ва А. С. Суворина. 145 стр. Съ рис. и карт. Ц. 1 р.

Прикладныя науки [6]

1451. Денъ, О. О., фонъ. 61

Краткій учебникъ рентгенологіи. Вып. I. Изслѣдованіе лучами Рентгена грудныхъ органовъ и желудочно-кишечнаго канала. 1914. Спб., изд. Э. А. Бетче и П. Г. Дубберке. 83 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

1452. Сентивъ, П. 61

Симуляція чудеснаго. Пер. съ франц. д-ра мед. Е. В Свѣтловскаго. Съ предисл. д-ра П. Жане. 1914. Спб., скл. изд. кн. маг. б. М. В. Попова. 310 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Посвященіе. Введеніе д-ра П. Жане. Ч. I. Притворныя болѣзни. Ч. 2. Симуляція сверхъестественнаго. болѣзней. Ч. 3. Симуляція чудесныхъ исцѣленій.

1453. Членовъ, М. А., проф. 614

Патогенезъ врожденнаго („наслѣдственнаго“) сифилиса и вопросъ о бракѣ сифилитиковъ въ свѣтѣ современныхъ данныхъ. 1914, М. тип. „Ломоносовъ“. 16⁰ 114+2 стр. Ц. 75 к.

1454. [. 616

Сборникъ монографій по дифтеріи, изд. подъ ред. Ф. М. Блюменталя и М. М. Грана. Вып. I. Отдѣл. I. Патологія дифтеріи. 1914, М. Тип. Я. Данкина и Я. Хомутова. III. 28+16+36 стр. +10 табл. микрофотографій. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Никифоровъ, М. Н. Патолого-анатомическія измѣненія при дифтеріи. Абрамовъ, С. С. Патогенезъ дифтеріи. Молчановъ, В. И. Роль подпочечниковъ при дифтеріи.

1455. Симановскій, Н. П. 617.(02)

Лекціи по ушнымъ, горловымъ и носовымъ болѣзнямъ, читанныя въ 1912—13 учебн. году. Подъ ред. В. И. Воячекъ. 1914, Спб. изд. А. Мельникова, И. Набатова и А. Покровскаго. XX+399+125+XIV стр. съ 206 рис. и портр. Ц. 5 р.

1456. Ивановъ, Н. П. 623

Приборы стрѣльбы и наблюденія въ полевой артиллеріи. 1. Компасъ. 2. Буссоль. 3. Угломѣръ. 4. Бинокль. 5 Стерео-труба. 6 Вышка. 1913. Новгородъ. Тип. „Труженикъ.“ 16⁰ 161 с. Ц. 50 к.

1457. Зубрилинъ, А. А. 63(04)

Нѣтъ знаній—нѣтъ хлѣба! Вступит. лекція на сельско-хозяйств. курсахъ для старообрядцевъ въ Москвѣ 1913 г. 1913, М. кн.-во „Другъ Земли.“ 61 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

1458. Маршалль, Лесли С. 633.4

Практикъ-льнопридильщикъ. Описаніе воздѣлыванія, обработки и пряденія льна и оческовъ. Перев. съ англ. А. Г. Лёвва. 1913, М. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰. 387 стр. Ц. 10 р.

1459. Томкевичъ, Н. Ф. 639.1

Объ организаціи правильнаго охотничьяго хозяйства (Практическо-элементарное руководство для охотниковъ и охотничьихъ обществъ). 1914. Спб. Изд. ред. журн. „Наша Охота“. 87 стр. Съ рис. Ц. 65 к.

1460. Ульяновъ, Н. А. 66

Химія на службѣ человѣку. Основы химич. технологіи въ общедоступ. изложеніи. (По сочиненію Дингерзаса и др. иностр. и рус. источникамъ). 1914. М., кн-во „Наука“ 196 стр. Ц. 65 к.

Изъ предисловія: „Химич. обработка главнѣйшихъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ повседневной жизни (пищевые продукты, свѣтъ и тепло, одежда, мыло, кожа, резина и бумага, глина, стекло, металлы) и посвящена эта книжка. Она можетъ служить для первоначальн., систематич. знакомства съ прикладной химіей, т.-е., съ такъ наз., химич. технологіей, а также и для наведенія справокъ о способахъ обработки и полученія химич. продуктовъ“.

1461. Мещерскій, Г. В., кн. 692

Сравнительныя данныя, отчетныя и равнѣочныхъ вѣдомостей: сведныхъ единичныхъ цѣнъ: поверстнаго количества и поверстной стоимости работъ и поставокъ по постройкѣ ж. д. въ Россіи. За время съ 1881—1914 г. 1914, Спб. Тип. И. Флейтмана. 4⁰ 76 стр. Ц. 3 р.

Изящныя искусства [7]

1462. Бредтъ, Е. В., д-ръ. 701

Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. Съ добавленіемъ: Позднѣйшія юридич. тенденціи. Съ 73 иллюстр. Пер. съ нѣм. Третьяна. 1914. М., кн-во „Совр. проблемы“. 130 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ добавленія: „Содержаніемъ этой книги послужила характеристика нашего воззрѣнія на наготу и т. д. въ искусствѣ. Многовѣковыя понятія прежнихъ временъ служили зеркаломъ для современныхъ. Обзоромъ пересѣдовалась цѣль содѣйствовать улучшенію нашего способа воззрѣнія“.

1463. Гогенъ, П. 701

„Hoa—Hoa“. Путешествіе на Таити. Пер. О. И. Ш. Редакція и вступит. статья Я. Тугендхольда. 1914. М., изд. Д. Я. Маковскаго. 127 стр. Съ репродукц. въ текстѣ и на отд. листахъ. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Я. Тугендхольдъ. Поль-Гогенъ.—П. Гогенъ. „Hoa—Hoa“.

Изъ предисловія: „Можно такъ или иначе относиться къ неоархаизму въ современ. художествѣ, но не слѣдуетъ забывать того, что Г. былъ однимъ изъ его первыхъ пророковъ и жертвъ. Въ наше время особенно цѣнно вспомнить Г., утвердившаго новые вкусы не только властью своего таланта, но и всей своей жертвенной жизнью“.

1464. Марковъ, В. 701

Принципы творчества въ пластическихъ искусствахъ. Фактура. 1914. Спб., изд. О-ва худ. „Союзъ молодежи“. 70 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Основные факторы, обусловливающіе фактуру. Скульптура. Архитектура. Техника природы. Техника человѣка. Имитація. Любовь къ матеріалу. Поверхность. Наборъ матеріаловъ. Камертонъ.

1465. Тугендхольдъ, Я. 701

Французское искусство и его представители. (Сборникъ статей). Съ 26 рис. въ текстѣ и на

отд. табл. [1914]. Спб., кн-ое т-во „Просвѣщеніе". 350 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Послѣднія теченія француз. живописи. (Два очерка). На выставкахъ Монтичелли, Мона и Гогена. Три салона. Э. Верхарнъ, какъ художеств. критикъ. Городъ во француз. искусствѣ XIX в. (Три очерка).

1466. [. . . . . 701(08)

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. (Непеpiод. изд., выход. подъ ред. Б. А. Лезина). 1914. Харьковъ, скл. изд., въ кн. маг. А. С. Суворина, Нов. Время". XVI+564 стр. Съ портр. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Б. Лезинъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскому. Т. Райновъ. „Психологія творчества" Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Ч. I. Теорія творчества: Т. Райновъ. Введеніе въ феноменологію творчества. С. Франкъ. О сущности художеств. познанія (Гносеологія Гете). П. Энгельмейеръ. Эврологія, или всеобщая теорія творчества. И. Лапшинъ. О перевоплощаемости въ художеств. творчествѣ. А. А. Потебня. Черновыя замѣтки о Л. Н. Толстомъ и Достоевскомъ. Ч. 2. Миѳотворчество: Е. Кагаровъ. Очеркъ современнаго состоянія миѳологич. науки. Типическое развитіе религіозно-миѳологич. творчества. К. Тіандеръ. О началахъ мистическаго міровоззрѣнія. А. Погодинъ. Формы первобытной общественности въ связи съ миѳотворчествомъ. Б. Лезинъ. Изъ черновыхъ замѣтокъ А. А. Потебни о миѳѣ. В. Харціевъ. Миѳотворчество, поэзія и наука.

1467. Адамъ, Р. и Дж. 72„17"

Англійскій классицизмъ XVIII вѣка. Архитектурные проекты. Вып. III и IV. 1914. М., изд. учащихся учил. Живописи, Ваянія и Зодчества. 4⁰. 14+14 лист. рис. Ц. по 2 р. 60 к.

1468. Мурзаевъ, В. С. 741(07)

Творческое рисованіе. (Опытъ краткой практич. методики творческаго рисованія въ начальной школѣ). 1913. М., изд. жур. „Педаг. Обозр."— Библ. восп. и обученія. Подъ ред. А. Е. Флерова. № 5—46 стр. Съ IV табл. рис. Ц. 50 к.

Отъ автора: „Книга—результатъ нашей личной школьной работы въ дѣлѣ постановки творческаго рисованія въ элементарной и средн. школѣ. Думается, что въ наше время еще неоформенныхъ педагогич. и, въ частности, методич. исканій и такая форма работы,—скорѣе будирующей, чѣмъ создающей что-либо положительное,—можетъ имѣть значеніе".

1469. Вылка, Илья, худ.-самоѣдъ. 75

Записки о Новой землѣ. Напечатано въ журн. „Путь". февр. 1912 г. Со вступ. статьей худ. В. В. Переплетчикова. 1914. М., скл. изд. Соколиная ул., д. 22. 16 стр. Съ портретомъ Вылки. Ц. 30 к.

1470. Чесноковъ, А. 781.2(075)

Учебникъ элементарной теоріи музыки, 1913. М. Изд. П. Юргенсона. 52 стр. Ц. 60 к.

1471. Ломакинъ, И. С. 792

„Школьный театръ". Сборникъ пьесъ и сценъ для школьн. и домашн. дѣтскаго театра. 1914. М., кн-во К. И. Тихомирова. 64 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Содержаніе: Тима болевъ. (По М. Твэну) Лиса-плакальщица. Петя и Петька. Котофей Ивановичъ. Путешественники. Тима-маляръ. (По М. Твэну). Въ плѣнъ. (Пьеса для дѣтей, въ 2 дѣйств.). Ворона. (По сказочкѣ Ѳ. Сологуба) Шалунъ. (Живой кинематографъ). Медвѣдь и вожатый.

1472. Варнеке, Б. В., проф. 792(09)(47)

Исторія русскаго театра. 1914. Спб. изд. Н. Н. Сергіевскаго, 2-ое знач. доп. X+701 стр. Ц. 4 р.

1473. Короткова, Е. 796

Въ часы досуга и веселья. Сборникъ подвижныхъ игръ и развлеченій. 1914. М., изд. Н. И. Горбунова — Библ. Н. Горбунова - Посадова для дѣтей и юнош. № 286.— Ц. 25 к.

Содержаніе: Игры съ бѣганіемъ, съ мячомъ. Бросаніе въ цѣль. Игры безъ бѣга.

Литература [8]

1474. Маринетти, Ф. Т. 8(09)

Футуризмъ. Пер. М. Энгельгардтъ. Съ портр. Маринетти 1914. Спб., кн—во „Прометей", Н. Н. Михайлова. 241 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Отъ переводчика: „Въ книжкѣ М. читатель найдетъ футуризмъ во всей его широтѣ и полнотѣ, со всей его взъерошенностью и растрепанностью..."

1475. Чуковскій, К. 8(09)

Лица и Маски. 1914. Спб., изд. „Шиповникъ" 356 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе О. Уайльдъ. О Л. Андреевѣ. Футуристы. Современные очерки (Д. Лондонъ. Объ А. Н. Толстомъ. З. Н. Гиппіусъ. Мы и они. Некрасовъ и модернисты. Старая книга и новыя слова. Б. Зайцевъ). Шевченко. О В. Гаршинѣ. О дѣтскомъ языкѣ. Лидія Чарская. Приложеніе: Л. Андреевъ и русская критика.

1476. Шульговскій, Н. Н. 808

Теорія и практика поэтическаго творчества. Технич. начала стихосложенія. 1914. Спб. изд. т-ва М. О. Вольфъ. XXIV+524 стр. Ц. 3 р.

Изъ предисловія: „Въ спеціальныхъ областяхъ книги стремится дать опредѣленную образованность, въ тѣхъ же, гдѣ образованность не м. б. пріобрѣтена по одной какой-либо книгѣ, полную оріентировку въ вопросахъ такъ, чтобы изучающій поэтику могъ остановиться на заинтересовавшемъ его вопросѣ и самостоятельно продолжать свое образованіе въ немъ, хотя бы по той обширной спеціальной литературѣ, которая приведена въ началѣ этого руководства. Въ основу метода построенія руководства положено не догматич. приведеніе правилъ стихосложенія, а выведеніе ихъ совмѣстно съ читателемъ изъ лучшихъ образцовъ поэзіи".

1477. [. . . . . 8—1

„Изъ недалекаго прошлаго". Сборникъ стихотвореній А. М. Жемчужникова, Ю. В. Жадовской, И. З. Сурикова, К. М. Фофанова, Л. Н. Трофолева, гр. А. А. Голенищева - Кутузова, Ѳ. Н. Берга, В. Г. Бенедиктова и В. Л. Величко. Съ біографіями и портретами. Подъ ред. Д. И. Тихомирова. 1914. М. изд. ред. журн. „Юная Россія". 16⁰. 72 стр. Ц. 15 к.

1478. [. . . . . 8—8

Альманахи издательства „Альціона". Кн. 1. 1914. М., изд. „Альціона". 242 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: В. Брюсовъ. Послѣ дѣтскаго бала. Разсказъ. М. Кузминъ. Принцъ съ мызы Комедія. В. Мозалевскій. Исчезнувшая мечта

Повѣсть. Б. Садовскій. Игоревъ сокольникъ. Разсказъ. Л. Столица. Нѣжная княжна. Сказка. А. Топорковъ. Геката. Разсказъ. Югурта. Сомнѣнія и надежды. В. Ходасевичъ. Русская поэзія. Обзоръ. М. Шагинянъ. Письма о музыкѣ. Г. Якуловъ. Дневникъ художника.

1479. [. . . . . 8—8

Летучіе альманахи. Вып. 15-й. 1914. Спб., кн-во „Рубиконъ". 135 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: И. Рѣпинъ. Изъ моихъ общеній съ Л. Н. Толстымъ. Ю. Волгинъ. Гражданинъ вселенной. Л. М. Василевскій. Обида. А. Зоринъ. Первое разочарованіе. Вл. Кохановскій. Исторія одной любви. А. Пазухинъ. Ложь. Я. Годинъ. Радость любви. Д. Цензоръ. Царица бала. А. Рославлевъ. Въ деревнѣ.

1480. [. . . . . 8—8

Сполохи. Кн. 9-ая. 1914. М., скл. изд. въ кн. маг. т-ва М. О. Вольфъ. 176 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Разсказы: Н. Ляшко. Степное. И. Давидинъ. Совѣсть. С. Боръ. Галина. Д. Шамбировъ. Встрѣча. В. Ютанова. Слабость. И. Анскій. Тихой ночью. Г. Вилльямъ. Слобожане. К. Лоптинъ. Померкнувшая радость. П. Плоховъ. Необычайное. Стихотворенія: Н. Мѣшковъ: Погостъ. Солнце въ аллеѣ. * * *. А. Чернышевъ: Вечерній звонъ. * * *. Ю. Бочаровъ. Пажъ. П. Егоровъ. Душа. М. Паперъ. Изъ Альфр. де Мюссэ. П. Фильнавиди. * * *. С. Горбачевъ. * * *. П. Петровскій. Въ гостиной. И. Бунаковъ. Тайна омута.

1481. Киплингъ, Р. 82—3

Избранные разсказы. Кн. 3. Пер. Н. Пушешникова. 1914. М., изд. „Моск. Кн—ва"—Библ. иностр. писат. подъ ред. Ив. А. Бунина. 284 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Исторія Мугаммедъ Дина. Дверь Ста Печалей. Въ домѣ Судгу. Саисъ миссъ Югхэль. Покинутый всѣми. Каннеринъ. Королевскій анкъ. Откуда пошелъ страхъ. Нашествіе Джунглей. Рыжія собаки. Весна идетъ. Могильщики. Туманъ слоновый. Бѣлый тюлень. Чудо Пурунъ Багата.

1482. Корелли, Марія. 82—3

Печаль Сатаны. Романъ. Пер. съ англ. кн. Е. Ф. Кропоткиной. Въ двухъ частяхъ. 1914. Спб. изд. И. Л. Тузова. 2-е. 398+2 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

1483. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 82(73)—3

Рольфъ въ лѣсахъ. (Приключенія мальчика-скваута, индѣйца Квонаба и собачки Скукума). Съ 222 рис. автора. Пер. съ англ. Е. В. Лавровой. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 392 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ предисловія: „Въ этой повѣсти я попытался изобразить тѣ вліянія, которыми окружала американ. молодежь сто лѣтъ тому назадъ; благодаря имъ, изъ этой молодежи, вышли сначала хорошіе граждане, а позднѣе, въ годину бѣдъ—герои. Особенно подробно остановился я на мирной жизни и развѣдкахъ въ лѣсу. Другая задача книги—дать обзоръ настоящаго индѣйца, съ его религіозн. понятіями о добрѣ и злѣ".

1484. Келлерманъ, Б. 83—3

Собраніе сочиненій. Т. II. Море. Романъ. Пер. съ нѣмец. З. Н. Журавской. 1914. Спб., кн—во „Прометей", Н. Н. Михайлова. 223 стр. Ц. 1 р.

1485. Хухъ, Фр. 83—3

Миттъ и Фоксъ. Любовныя перипетіи братьевъ Сантрупъ. Кн. I—II. Пер. съ нѣмец. К. Жихаревой. 1914. М., кн—во „Польза", В. Антикъ и К°. 236+246 стр. Ц. 1 р.+1 р.

1486. Гамсунъ, К. 839.82—3

Дѣти вѣка. Романъ. Пер. съ норвеж. М. Розенфельдъ и Я. Сегалъ. 1914. М., кн—во „Польза", В. Антикъ и К°. 392 стр. Ц. 1 р.

1487. Фохтъ, Ю. А. 84(09)

Мольеръ. Публичная лекція. Съ портр. Мольера. 1914. М., скл. изд. „Студенч. изд—во". 52 стр. Ц. 40 к.

Изъ вступленія: „Позвольте же мнѣ оживить и вновь приблизить къ вамъ М., стряхнуть пыль съ его твореній и показать вамъ въ немъ человѣка, чтобы вы могли лучше понять и оцѣнить его, какъ писателя".

1488. Тагоръ, Р. 891—1

Гитанджали. (Жертвопѣсни). Съ предисловіемъ В. Б. Йейтсъ. Пер. подъ ред. Ю. Балтрушайтиса. 1914. М., изд. В. Португалова. XXII+126 стр. Съ портр. Т. Ц. 40 к.

Изъ предисловія: „Эти переводы взяты изъ числа религіозныхъ поэмъ, содержащихся въ книгахъ: Найведья, Кхейя и Гитанджали, а также изъ числа немногихъ поэмъ, которыя появились только въ журналахъ".

1489. Гершензонъ, М. 891.7(09)

Грибоѣдовская Москва. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 120 стр. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Книжка есть опытъ историч. иллюстраціи къ „Горе отъ ума", попытка представить возможно нагляднымъ образомъ уголокъ той подлинной, реальной дѣйствительности, которую Грибоѣдовъ, творчески преображая, изобразилъ въ геніальной комедіи. Матеріалъ, служившій мнѣ для этого изображенія, были неизданныя семейныя письма Римскихъ-Корсаковыхъ".

1490. Львовъ-Рогачевскій, В. 891.7(09)

Двѣ правды. Книга о Леонидѣ Андреевѣ. Съ иллюстр. 1914. Спб., кн—во „Прометей", Н. Н. Михайлова. 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Двѣ правды. Дѣтство, отрочество и юность. Первые литерат. шаги. Первый томъ и критика. Надъ бездной. Бурные годы. Шаги смерти. Злой городъ. Походъ противъ Л. Андреева. Разсказъ о семи повѣшанныхъ. Побѣда смерти. „Катерина Ивановна". „Не убій" (Каинова печать). Э. По и Л. Андреевъ. Какъ работаетъ Л. Андреевъ. Л. Андреевъ о московскихъ „Средахъ". Библіографія: Собраніе сочиненій. Изданія отдѣльн. произведеній. Даты произведеній А. Библіографич. данныя о жизни и творч. Л. Андреева: Словари, коллективныя труды, указатели. Матеріалы для біографіи А. Общая характеристика творчества А. Статьи объ отдѣльн. произведеніяхъ.

1491. Сакулинъ, П. 891.7(09)

Краткій курсъ исторіи русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. 1914. М., изд. 2-е, исправл. и доп. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 484 стр. Съ рисунк. Ц. 1 р. 50 к.

1492. Савченко, С. В. 891.7(09)

Русская народная сказка. (Исторія собиранія

и изученія). 1914. Кіевъ, тип. Акц. о—ва Н. Т. Карчакъ-Новицкаго. IX+543 стр. Ц. 3 р.

1493. Горскій. Вл. 891.7—1

Танго. Поэзы. 1914. М., тип. т./д. „Мысль". 16 стр. Ц. 25 к.

Содержаніе: Увертюра. Танго. „Безпокойная мысли .." „Не надо притворяться..." Эпизодъ. Въ альбомъ. „Всѣ восторгались..." Кто Вы? Спортъ. Въ отдѣльномъ кабинетѣ. Матовыя гаммы. Eortissimo. Экспромтъ. Встрѣча. „Не надо улыбаться... Балъ. Телефонная близость я и вы. Спичъ. Что же? Безъ взаимности. Прогулка. „Я хотѣлъ бы..."

1494. [. . . . . 891.7—1

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серія сборниковъ по періодамъ. Періодъ третій. Вып. II. 1914. Спб., скл. въ кн. скл. М. М. Стасюлевича. 314 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Стихи: А. Блока, А. Бѣлаго, В. Иванова, И. Коневскаго, Ю. Балтрушайтиса, В. Стражева, А. Добролюбова, Эллиса, В. Полякова, М. Кузмина, М. Волошина, Н. Гумилева, А. Магіе, А. Биска, А. Тинякова, И. Анненскаго, М. Сидорова, В. Гофмана, И. Новикова, В. Пяста, М. Цвѣтаевой, И. Эренбурга, А. Ахматовой, Нелли, И. Сѣверянина, С. Чернаго, П. Потемкина, С. Городецкаго, М. Зенкевича, О. Мандельштама, А. Столицы, П. Радимова. А. Н. Толстого, Н. Клюева, С. Клычкова, М. Шагинянъ.

1495. Рудичъ. В. 891.7—1

Пятый сборникъ стиховъ. 1914. Спб., тип. т-ва А. С. Суворина. 59 стр. Ц. 50 к.

1496. Чахотинъ, С. 891.7—1

Голубая тетрадь. Стихи. 1914. Ярославль, тип. К. Ф. Некрасова. 94 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе отдѣловъ: Карнавалъ осени. Живые призраки. Сонъ Морозины. Вино смерти. Замокъ на горѣ. Три кадета. Три письма. Письмо къ Нинѣ. Въ церкви Петра и Павла. Весенній рогъ. Къ поэту. У послѣдняго храма. Къ морю и смерти.

1497. Амфитеатровъ, А. 891.7—3

Звѣрь изъ бездны. Историч. сочиненіе въ 4-хъ томахъ. Т. IV. Погасшія легенды. 1914. Спб., книгоизд. т—во „Просвѣщеніе". 488 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Domus Aurea (Золотой Дворецъ). Великій римскій пожаръ. Гоненіе на христіанъ. Катакомбы. Римскіе декабристы. Гибель Нерона. Заключеніе. Примѣчанія. Списокъ пособій къ III и IV т. §

1498. Амфитеатровъ, А. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. XXVI. Дрогнувшая ночь. Романъ. 1914. Спб., книгоизд. т—во „Просвѣщеніе". 16°. 354 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1499. Бибикъ, А. 891.7—3

Къ широкой дорогѣ. (Игнатъ изъ Новоселовки). Романъ. Съ предисл. В. Львова-Рогачевскаго. Обложка раб. худ. А. Арнштама. 1914. Спб., скл. изд. въ кн. маг. б. М. В. Попова. XIV+ +280 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ предисловія: „Въ русской литературѣ впервые появляется романъ рабочаго изъ жизни рабочихъ, и я съ радостью привѣтствую это серьезное, вдумчивое, правдивое произведеніе... Несмотря на излишнее подчеркиваніе техническихъ терминовъ Б. даетъ живое и яркое представленіе о заводѣ. Самый языкъ романа неровный".

1500. Брусянинъ, В. В. 891.7—3

Мужчина. Романъ. Разсказы: Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка. 1914. М., изд. „Моск. кн—ва" 248 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1501. Будищевъ, Ал. 891.7—3

Изломы любви. 1914. М., изд. „Моск. кн—ва" 294 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Изломы любви. Безуміе ли? Вѣшніе зовы. Распря. Уголекъ. Помпей. Астра. Неравный бракъ. Разныя понятія. Черный ангелъ. Лебединая пѣсня. Которая изъ двухъ? Братья. Дуракъ. Жертва полемики. Благодатное небо. Сюрпризъ. Кто я? Препятствіе. Свѣтлый гость. Въ лѣсу. Смерть. Лѣсная идиллія. Жажда жизни.

1502. Верхоустинскій, Б. 891.7—3

Во лѣсяхъ. (Разсказы. Поэмы. Апокрифъ). 1914. Спб., изд. „Шиповникъ" 234 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Разсказы: Во лѣсяхъ. Дядя Яша. Оно. Женичка. Воръ. Часы. Правда. Уродъ. Стихи: Спасъ. Анастасія. Лоси.

1503. Гусевъ-Оренбургскій, С. И. 891.7—3

Полное собраніе сочиненій. Т. XII. Въ глухомъ уѣздѣ. Повѣсть. 1914. Спб., изд. „Жизнь и Знаніе". 302 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Ч. I. Степное марево. Ч. II. Жажда чуда.

1504. Зенченко, С. 891.7—3

Другъ за друга. Очерки и разсказы для дѣтей. 1913. М., кн—ва К. И. Тихомирова, изд. 2 ое. 184 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Пожертвованіе. Не пропалъ. Товарищи. Другъ за друга. Обезьянка Джекъ.

1505. Крачковскій, Дим. 891.7—3

Золотая карета. Разсказы. 1914. М., изд. „Моск. Кн-ва". 238 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Незабудки. Жемчужное ожерелье. Ледяныя сосульки. Терновый вѣнокъ. Клятва. Тайна. Грядущее чудо. Рефератъ. Розовое перо. Дѣвчонка. Свиданіе.

1506. Маминъ-Сибирякъ, Д. 891.7—3

Сибирскіе разсказы. Т. III—IV. 1914. Спб., изд. 4-ое, кн. маг. П. В. Луковникова. 272+283 стр. Ц. 1 р.+1 р.

Содержаніе: Въ послѣдній разъ (повѣсть). Старый шайтанъ. Въ болотѣ. Говорокъ. Комбинація. Панъ Копачинскій. Инфлуэнца. Дорогіе гости. Ночь. Крупичатая. Авва. (Очеркъ). Депеша. (Монологъ). По дешевой цѣнѣ. (Глава изъ романа). Самородокъ. Глупая Окся. (Эскизъ). Таинственный незнакомецъ. (Очеркъ). Седьмая труба. (Эскизъ). По просту.

1507. Рукавишниковъ, И. 891.7—3

Аркадьевка. (Романъ). 1914. М., изд. „Моск. Кн-ва". 212 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1508. Сергѣевъ, В. 891.7—3

Сказки Несмѣяны. Разсказы. 1914. М., тип. Моск. т-ва Н. Л. Казецкаго. 170 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Присказка. Наташа. Степная сказка. День. Яша пономарь. Работа. Курганы. Ночь. Чудо. Путь свободенъ. Весна. На костяхъ. Съ крещенской водой. Не она. Отверженный.

Мефистофель. Съ неба звѣздочка упала. Цвѣты любви. Царевна Несмѣяна. Партія „С.—В." Новый составъ. Талисманъ. Стоматинъ. Вѣрное средство.

1509. Чириковъ, Евг. 891.7—3

Житье-бытье. 1913. М., изд. „Моск. Кн-ва". 260 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Въ лощинѣ межъ горъ. Фаустъ. Мужъ. Хромой. Капитуляція. Учитель. Испортилась. Въ сугробахъ. Чортова жалость. Человѣкъ съ прошлымъ.

1510. Юшкевичъ, С. 891.7—3

Полное собраніе сочиненій. Т. 13. Леонъ Дрей. (Романъ). Ч. I. 1914. Спб., кн-во „Жизнь и Знаніе". 268 стр. Ц. 1 р.

1511. Егорьевъ, В. и Марковъ, В. 895.1—1

Свирѣль Китая. 1914. Спб., изд. О-ва худ. „Союзъ Молодежи". XVI+116 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Поэзія сыграла весьма значительную и совершенно своеобразную роль въ исторіи китайской имперіи. Исторія поэзіи тѣсно переплелась съ исторіей всей націи".

Содержаніе: Предисловіе. Переводы стиховъ: Ши Кингъ, Конгъ-Фу-Тзе, Имп. Ву-Ти, Хіе-К-О, Сао-Ханъ, Монъ-Као-Іенъ, Вангъ-Чангъ-Лангъ, Ли-Тай-По, Ту-Фу, Тсуи-Чонъ-Че, неизв. автора, Чангъ-Цзи, Ту-Сингъ-Ю, Ли-О-Эй, Су-Тонгъ-По, Чангъ-Іо-Су, Ло-Чангъ-Най, Ла-Ксу-Фенгъ, Шей-Мингъ, Ма-Хуангъ-Тунгъ, Тунъ-Ліу-Фанъ, Ли-Зонгъ-Флу, Тинъ-Тунъ-Лингъ.

Исторія и географія [9]

1512. Улановъ, В. Я. 9(07)

Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ. 1914. М. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 283 стр. Ц. 1 р.

1513. Аваліани, С. Л. 9(08)

Опытъ исторической хрестоматіи. Ч. II. Пособіе при изученіи исторіи Зап. Европы въ новое время съ прилож. библіографич. указателя. 1914. Одесса, изд. кн. маг. п. ф. „Одес. Новости". 208+XX стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Р. Декартъ. Размышленія объ основахъ философіи. Д. Локкъ. Нѣтъ врожденныхъ принциповъ въ душѣ. Д. Юмъ. Элементы нашихъ выводовъ о причинѣ. И. Кантъ. Предварительное замѣчаніе объ особенности всякаго метафизич. познанія. Ламеттри. Человѣкъ, какъ машина. Ж.—А. Кондорсе. Эскизъ историч. картины прогресса человѣч. разума. А.-Р.-Ж. Тюрго. Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ. Ф.-М.-А. Вольтеръ. Голосъ приходскаго священника въ судѣ за рабовъ, обитающихъ близъ горы Юры, притѣсняемыхъ монахами. Свобода совѣсти. Ш.-Л. Монтескье. О духѣ законовъ... (О законахъ вообще. О законахъ, вытекающихъ непосредственно изъ природы правительства. О принципахъ трехъ видовъ правленія). Ж. Ж. Руссо. Объ общественномъ договорѣ. О причинахъ неравенства. Французская конституція 3 сент. 1791 г. (Объявленіе правъ Человѣка и Гражданина. Французская конституція). Приложенія.— Объяснит. текстъ и библіограф. указатель: Введеніе. Декартъ, Локкъ, Юмъ, Кантъ, Ламетри, Кондорсе, Тюрго, Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Франц. конституція 3 сент. 1791 г.— Библіогр. указатель литературы по исторіи Зап. Европы XVII—XVIII в. в. (Общіе курсы по исторіи Зап. Европы XVII—XVIII в. и по исторіи политич. учрежденій и обществ. мысли. Исторія отдѣльныхъ странъ: Франція, Германія, Англія, Бельгія и Голландія, Испанія и Португалія, Сербія и Болгарія. Общіе обзоры по исторіи новой философіи. Произведенія философовъ и ихъ комментаторы. Исторія литературы и политич. экономіи).

1514. Дельвигъ, А. Н., бар. 9(47)(003)

Мои воспоминанія. Т. IV. 1913. М., изд. Имп. Моск. Публ. и Румянцевск. музея. XX×587 стр.× 1 пртр. Ц. 4 р.

1515. Авенаріусъ, В. П. 9(47)„1812"](003)

На Парижѣ! Дневникъ юноши, участника кампаніи, 1813—14 гг. Съ 12 картин. худ. Н. Н. Болдырева. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 276 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Въ прошломъ году мнѣ посчастливилось найти у букиниста рукопись очевидца Отечеств. войны, которая и была выпущена подъ заглавіемъ „Среди враговъ". Вскорѣ мнѣ были присланы изъ провинціи еще двѣ рукописныя тетради при слѣдующемъ письмѣ: „...Сер. Матв. Пруденская... препоручила мнѣ переслать вамъ... дневникъ ея покойнаго дѣда, отст. полковника Анд. Серап. Пруденскаго... напечатали бы вы тоже и сей дневникъ...— Т. Жукова".

1516. Андреевъ, Ник. 901:13

Человѣкъ и нечистая сила. Культурно-историч. очеркъ. Съ 13 рис. 1914. Спб., кн-во „Жизнь и Знаніе" — Общедоступ. библ. Кн. 3. 48 стр. Ц. 20 к.

Отъ автора: „Эта книжка представляетъ собою нѣсколько расширенное изложеніе лекціи, неоднократно читанной авторомъ въ рабочихъ просвѣтит. О-вахъ Спб. и въ окраинныхъ аудиторіяхъ Спб. О-ва Народ. Унив."

1517. Нечаевъ, А. П. 91(07)

О преподаваніи начальной географіи. Замѣтки по методикѣ начальн. курса. Съ прилож. краткаго указателя методич. руководствъ и обзора книгъ для чтенія учениковъ. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова.— Методы и принципы школьн. землевѣдѣнія. Подъ общей ред. А. П. Нечаева. № 3.—94 стр. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: „Настоящая книжечка представляетъ собою попытку дать болѣе полное и общее освѣщеніе вопросовъ, затронутыхъ въ моей распроданной запискѣ „Начальный курсъ географіи съ методич. точки зрѣнія". Въ основу легла перераб. и дополн. статья моя „О преподаваніи начальной географіи", вошедшая въ одинъ изъ томовъ „Педаг. Акад." Я сохранилъ при ней и указатель книгъ для чтенія учащихся, причемъ дополнилъ его новыми данными".

1518. Покровская, В. 91(07)

Моя первая географія. Для занятій въ дѣтскихъ садахъ и дома. Бесѣды, рисованіе, раскрашиваніе, лѣпка и др. Съ многочисл. рис. и географич. картами. 1914. Спб., книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе". 112 стр. Ц. 80 к.

[Книга содержитъ стихотвореніе и прозаич. отрывки географич. содержанія, съ вопросами и указаніями возможныхъ работъ].

1519. Вольногорскій, П. 91(08)

По Бѣлу Свѣту. Иллюстр. географич. библ. Вып. V. Въ нѣдрахъ земли. Съ хромолит. кар-

тиной и 77 рис. въ текстѣ. 1913. М., кн-во К. И. Тихомирова. 208 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Происхожденіе пещеръ и распространеніе ихъ по земному шару. Ледяныя пещеры. Русскія пещеры. Пещерныя рѣки. Гроты. Обитатели пещеръ.

1520. Лесгафтъ, Э. 91(26)

Льды Сѣвернаго Ледовитаго Океана и морской путь изъ Европы въ Сибирь. 1913. Спб., изд. О. Н. Поповой. 237 стр. Съ карт. Ц. 3 р.

1520 а. Реклю, Э. 91(285)

Источники. IV-й вып. сочиненія „Земля". Полный пер. съ франц. А. В. Мезіеръ. Подъ ред. Н. Рубакина и съ примѣч. и дополн. Н. А. Рубакина и Н. А. Ульянова. 2-ое иллюстр. изд., съ прилож. списка научныхъ и научно-попул. книгъ по физикѣ. (1. Общіе обзоры физики. Монографіи по разнымъ вопросамъ физики: а) Физика частичныхъ силъ. Общія свойства тѣлъ. Ученіе о звукѣ. Свѣтъ. Радіоактивность. Ученіе о теплотѣ. Руковод. и пособія для практич. работъ по физикѣ и для изготовл. физич. приборовъ). 1904. М., кн-во К. И. Тихомирова. 84 стр. Ц. 35 к.

1521 Реклю, Э. 91(285)

Озера. VI-й вып. сочиненія „Земля". Полный пер. съ франц. А. В. Мезіеръ. Подъ ред. Н. А. Рубакина и съ примѣч. и доп. Н. А. Рубакина и Н. А. Ульянова 2-ое иллюстр. изд. съ прилож. списка научныхъ и научно-попул. книгъ по магнетизму, электричеству и электротехникѣ. 1914. М., кн-во К. И. Тихомирова. 76 стр. Ц 35 к.

1522. Реклю, Э. 91(281)

Рѣки. V-й вып. сочиненія „Земля". Полный пер. съ франц. А. В. Мезіеръ. Подъ ред. Н. А. Рубакина и съ примѣч. и дополн. Н. А Рубакина и Н. А. Ульянова. 2-ое иллюстр. изд. съ прилож. списка научныхъ и научно-популяр. книгъ по общей географіи. (Природа и человѣкъ въ ихъ взаимн. отношеніяхъ. Исторія землевѣдѣнія и географич. открытій (до XIX в.). Памятники по исторіи географіи и путешествія до XIX в. Путешествія вокругъ свѣта въ XIX и XX ст. Главнѣйшіе учебники географіи. Общіе обзоры. Географич. хрестоматіи. Различныя книги по вопросамъ общей географіи. Путешествія, охватывающія нѣсколько частей свѣта. Новѣйшая методика географіи. Главнѣйшіе географич. журналы. Географич. атласы и картографія). 1914. М., кн-во К. И. Тихомирова. 186 стр. Ц. 80 к.

1523. Слобожанскій, С. 91(4)(08)

Европа. Географич. хрестоматія. Съ 25 рис. Ч. IV. Западъ: Голландія, Бельгія, Швейцарія и Франція. 1914. Спб., изд. Вятскаго т-ва. 256 стр. Ц 80 к.

Содержаніе: Жераръ. Борьба съ водой въ Голландіи. Буква: Амстердамъ. Маленькій Парижъ. На фермѣ французскаго помѣщика. Край шампанскаго. Эдель: на о. Маркенъ. Сьестенъ и Изаръ. Серенскій заводъ. Изаръ. На заводѣ зеркальныхъ стеколъ. На шерстопрядильнѣ въ Вервье. Сьестенъ. Въ Арденнахъ. Поггенполь. На Маттерговъ. На Монъ-Бланъ. На вершинѣ Монъ-Блана. Эйхгорнъ. Фирвальдштедтское озеро. Е. Марковъ. По долинѣ Рейса. Въ нагорной Швейцаріи. Впечатлѣніе отъ Швейцаріи. Діонео. Черезъ С.-Бернаръ. Сторн. Борьба съ природой въ Швейцаріи. Щепкина-Куперникъ. Въ Швейцаріи. Уголокъ счастья. Сѣверовъ. Швейцарская армія. Бѣлоруссовъ. Ледникъ. Парижане. „Море льда". Жакменъ. Ницца. Боланъ. Изъ Лурда въ Гаварни. Ардуанъ-Дюмазе. Ланды. Яковлева и Немировичъ-Данченко. День въ Парижѣ. В. Ф. и Бѣлоруссовъ. Подземный Парижъ. Д—чъ. Изъ Нормандской жизни.

1524. Усковъ, М. В. 91:525

Математическая географія въ начальномъ курсѣ. Очеркъ. методики математич. географіи въ младш. классахъ сред. учебн. завед. Съ 48 рис. въ текстѣ. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова — Методы и принципы школьн. землевѣдѣнія. Подъ общей ред. А. П. Нечаева. № 2—78 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Предисловіе. Вступит. бесѣда и понятіе о планѣ. О горизонтѣ и странахъ свѣта. Уровень, отвѣсъ и компасъ. Угломѣры по горизонту и небесн. своду. Шарообразность земли. Величина, вращеніе земного шара. Меридіаны и параллели. Глобусъ и карта. Опредѣленіе географич. широты и долготы мѣста во время путешествій. Времена года. Тропики и полярные круги. Тепловые пояса.

1525. Владиславлевъ, И. В. 92

Жизнь замѣчательныхъ людей. [Краткія біографіи и указатель книгъ для чтенія]. („Что читать?" Вып. III). 1914. М., кн-во „Наука". 176 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Чтеніе біографій выдающихся людей. Общее содержаніе и планъ работы.—Обществ. дѣятели. Писатели. Ученые. Философы. Представители религіи и Церкви. Дѣятели на поприщѣ искусства. Знаменитые путешественники. Великіе изобрѣтатели. Приложеніе. (Нѣсколько сборниковъ, посвящен. жизни замѣчат. людей, подвизавшихся на различн. поприщахъ).

Изъ предисловія: „Молодежь часто мучается вопросомъ: „кѣмъ быть? какую спеціальность выбрать? чему учиться?" Чтеніе біографій людей, подвизавшихся на различныхъ поприщахъ, позволитъ имъ скорѣе опредѣлить и установить и свои запросы и свои наклонности".

1526. [. . . . . 92(Б):75

Переписка Микель-Анджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его ученикомъ Асканіо Кондиви. Съ прилож. портр. и 20 рус Пер. Марг. Павлиновой. 1924. Спб., изд. „Шиповникъ". 2+238 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Отъ переводчицы: „Я счастлива представить впервые русской публикѣ переводъ этихъ драгоцѣнныхъ писемъ, которыя ярко обрисовываютъ личность великаго М.-А. Переводъ біографіи на рус. языкъ я дополнила примѣчаніями, прилож. къ послѣдн. итальян. изд. біографіи Кондиви, а также примѣчаніями къ письмамъ, взятыми частью изъ изд. Миланези, частью изъ нѣмец. изд. К. Фрея и частью моими собственными".

1527. Спенсеръ, Г. 92(С):1

Автобіографія. Ч. 1. Пер. съ англ., подъ ред. и со вступ. статьями проф. Л. Е. Владимірова. 1914. Спб., книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе". IV+355 стр. Съ портр. Ц. За 2 тома 2 р. 50 к.

1528. Грабарь, Игорь. 92(С):75

Валентинъ Александр. Сѣровъ. Жизнь и творчество.—Русскіе художники Собраніе иллюстир. монографій. Вып. 3. Сѣровъ. 1914. М., изд. I. Кнебель. 4⁰. 300 стр. Съ 14 иллюстр. въ краск., 8 на отд. лист., 254 въ текстѣ и портр. С., раб. Рѣпина. Ц. 6 р.

Изъ предисловія: „Книга была задумана осенью 1906 г. въ Парижѣ и, вернувшись въ въ Москву, я предложилъ Сѣрову осуществить эту мысль. Послѣ двадцати долгихъ вечеровъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ наединѣ въ рабочей комнатѣ С., эта занимательная, какъ чудесный романъ, жизнь была вся записана".

Содержаніе: Вмѣсто предисловія. Отъ правды жизненной къ правдѣ художественной. Раннее дѣтство. Занятіе у Рѣпина въ Парижѣ. Возвращеніе въ Россію. Гимназія и воскресныя занятія у Рѣпина въ Москвѣ. Жизнь у Рѣпина и поѣздка въ Запорожье. Въ Академіи художествъ. Первая поѣздка за границу и выходъ изъ Академіи. Вторая поѣздка за границу и работа въ Абрамцевѣ и Домотькановѣ. Женитьба и переѣздъ въ Москву. Отъ живописи къ характеру. Отъ характера къ стилю. Сѣровъ—иллюстраторъ. Черты жизни и творчества.—Литература о С. Лѣтопись жизни С. Списокъ произведеній.

Содержаніе журналовъ.

„Борьба". (1914—1) Отъ редакціи.— Историческое десятилѣтіе.— М. Покровскій. Изъ исторіи общественныхъ классовъ Россіи. — В. Т-ръ. Наше профессіональное движеніе за послѣдніе 2 года. — А. Луначарскій. Пролетарская литература. — Расколъ думской с.-д. фракціи. — Н. Троцкій. Парламентаризмъ и рабочій классъ. — Е. Фрейманъ. Очередныя задачи приказчичьяго движенія. — А. Зурабовъ. Армянскій вопросъ и русская дипломатія. — Обзоръ международнаго рабочаго движенія.— Т. Памяти Н. Л. Гроссера-Зельцера.

„Воспитаніе и Обученіе". (1914—1). Д-ръ Щепинскій. О дѣтскомъ упрямствѣ.—Н. Альмедингенъ. Въ „Дѣтскомъ домѣ" Монтессори.—Т. Солнцевъ. Всероссійская выставка гигіены.—Педагогическая хроника.—Библіографія.

„Воспитаніе и Обученіе".(1914—2). Е. Тихѣева. Нѣсколько словъ о развитіи рѣчи дѣтей.—Д-ръ А. Щепинскій. О дѣтскомъ упрямствѣ. (Оконч).—О. Быстрова. Наши четверги.—Е. Иванова. Изъ жизни ребенка.—Книги для дѣтей за 1913 г.—Педагогическая хроника.

„Вѣра и Разумъ". (1914—3). Преосв. Ѳеодоръ. Рѣчь при освященіи новаго зданія Основянской г. Харькова.—церк.-прих. школа.—Прот.-прот. Н. Стеллецкій. Слово въ день преп. Антонія Великаго.—Его же. Нравственное вмѣненіе.—Свящ. I. Дмитревскій. Тайна жизни. (Продолж.)—Прот. I. Пичета. Памяти преосвящ. Илларіона, епис. Полтавскаго.—К. И—въ. Наши миссіонеры въ борьбѣ съ сектантствомъ. (Продолж.).—В. Катрейнъ. Вѣра и знаніе. Перев. съ нѣм. свящ. Н. Липскаго. (Продолж.).

„Вѣра и Разумъ". (1914—4). Проф.-прот. Н. Стеллецкій. Жизнь Iисуса Христа, какъ образецъ и примѣръ нравственной жизни.—Свящ. I. Дмитревскій. Тайна жизни. (Продолж.).—Прот. П. Фоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. (Продолж.).—Арх. Никаноръ. Мораль, основанная на демографіи.—К. И—въ. Наши миссіонеры въ борьбѣ съ сектантствомъ. (Оконч.).

„Вѣстникъ Воспитанія". (1914—2). М. М. Рубинштейнъ. Памяти I. Г. Фихте.—С. Гинзбергъ. Молодое поколѣніе Франціи.—Ѳ. Эрнъ. Дѣти и школа въ произведеніяхъ В. Г. Короленко.—М. М. Рубинштейнъ. Объ эстетическомъ воспитаніи дѣтей. (Оконч.).—Проф. А. Фортунатовъ. О знаніи и пониманіи.—Е. Звягинцевъ. Земство и внѣшкольное просвѣщеніе народа.—Ю. Веселовскій. Учителя въ нѣмецкой литературѣ послѣднихъ лѣтъ.—Л. Хавкина-Гамбургеръ. Разсказываніе, какъ педагогическій методъ.—М. Словинъ. Душа ребенка въ изображеніи новѣйшей итальянской литературы. (Лучьяно Дзукколи).—Критика и библіографія.—Хроника.

„Вѣстникъ Европы". (1914—3). Е. Чириковъ. Возвращеніе, ром. (Продолж.).—А. Доброхотовъ. Въ глухомъ монастырѣ.—Н. Олигеръ. Принцесса, повѣсть. (Продолж.).—Eremita. Сынъ вдовицы, стих. Ад. Шамиссо.—А. Дивильковскій. Съ Богомъ, деревня, по міру! (Изъ очерковъ „На рѣкахъ Вавилонскихъ").—Д. Овсянико-Куликовскій. Вопросы времени. I. Возрожденіе позитивизма.—Ек. Кольбъ. Викторія, германск. импер., прусская королева.—Темпль Серстонъ. Мятежная юность. Съ англ. пер. М. Славинской. (Продолж.).—М. Ковалевскій. „За рубежомъ". (Изъ переписки русскихъ дѣятелей за границей: Герцена, Лаврова и Тургенева).— К. Тимирязевъ. Лавуазье XIX в. (Марселенъ Бертло).—А. Чекинъ. Хроника. Тенденція аграрной эволюціи въ Англіи.—А. Кауфманъ. Чѣмъ должна быть 2-я всероссійская перепись.—Проф. С. А. Корфъ. Эльзасъ-Лотарингія.— Л. Слонимскій. Борьба съ печатью.—Земскій юбилей: В. Кузьминъ-Караваевъ. Прошлое земства; 2. Н. Львовъ. Земство въ новомъ строѣ.—Н. Коробка. И. С. Шмелевъ. (Критическій этюдъ).—И. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—Иностранное обозрѣніе.— Литературное обозрѣніе.—А. Ганейзеръ. Отзывъ современника о Лермонтовѣ.—К. Арсеньевъ. Перемѣна въ составѣ министерства.— Вопросы внутренней жизни.—М. Славинскій. Къ юбилею Шевченко.—Библіографическій листокъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы". (1914—2). Заграничная хроника: I Общественная жизнь: Германскія крѣпости на русской границѣ. Внѣшняя политика Японіи. Новый актъ свободы въ Сѣверо-Америк. Соединенныхъ Штатахъ. Самая юная столица въ Европѣ. Изъ воспом. знаменитаго сыщика.—II. Театръ и искусство: Знаменитые итальянскіе артисты у себя на родинѣ.—III. Изъ области науки: Зачѣмъ людямъ нуженъ алкоголь? Винодѣліе и спиртные напитки въ Соедин. Штатахъ. Библіограф. отдѣлъ: Изъ Норвегіи. Рождественскія новинки.—Холль Кэйнъ. Богомъ данная мнѣ женщина.—Оното Ватано. Японскій соловей.—К. Штробль. Чудесному вѣрь!—К. Перъ. Кади замужемъ.—Я. Седербергъ. Мартинъ Биркъ.—Г. Гейерстамъ. Газетчикъ Калле.—Я. Кречмаръ. Странный день.—П. Бурже. Крапива.—Эсадъ Керсстъ. Кормилицв.—В. Блэръ. Невидимый свидѣтель.—М. Свейнъ. Настройщикъ.—Р. Бракко. Пути любви.

„Голосъ Минувшаго". (1914—2). Н. С. Русановъ. Н. К. Михайловскій и общественная жизнь Россіи. — С. А. Ефремовъ. Судьба одной книги.

(Къ 100-лѣтію годовщины рожденія Шевченко).— Д. М. Щепкинъ. Изъ исторіи крестьянской реформы. (Памяти Н. П. Щепкина). — В. М. Фигнеръ. Загадочная страница біографіи Байрона.— Г. Брандесъ. Новинность самаго ославленнаго въ исторіи убійцы-садиста. Перев. В. М. Спасской. — А. А. Пеликанъ. Во второй половинѣ XIX в., воспом. — П. И. Торгашевъ. Воспоминанія народовольца 1878—1883 гг. — Гр. де-Волланъ. Очерки прошлаго. — А. Мягковъ. Высылка Н. К. Михайловскаго въ 1891 г. изъ Петербурга.— В. В. Каллашъ. Аполлонъ Григорьевъ о Петрашевскомъ. — А. З. Попельницкій. Запрещенный по высоч. повелѣнію банкетъ въ Москвѣ 19 февр. 1858 г. — Е. А. Колосовъ. Къ характеристикѣ общественнаго міросозерцанія Н. К. Михайловскаго. — С. Г. Святиковъ. Г-въ М. В. Клочковъ и его апологія роли Сената въ дѣлѣ Чернышевскаго. — В. Н. Перцевъ. Изъ нѣмецкихъ историческихъ журн.: 1) Гете и 1813 г. 2) Белохъ о статистическомъ методѣ въ исторіи. — Статьи въ текущихъ журналахъ.— И. П. Поповъ. Д. А. Клеменцъ, некрологъ. — Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. (Продолж.).

„Для Народнаго Учителя“. (1914—4). Н. Іорданскій. Вліяніе числа учащихся въ классѣ на успѣшность обученія. В. Е. Смирновъ. Второй съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ. — Систематическій сводъ резолюцій, принятыхъ секціями и комиссіями 1-го Всерос. съѣзда по вопросамъ народнаго образованія. — Постановленія резолюціи, принятыхъ II съѣздомъ имени К. Д. Ушинскаго. — И. Ст-ой. Мечты. — Вопросы народнаго образованія въ Московскомъ Губ. Земскомъ Собраніи послѣдней сессіи. — Работы по народному образованію въ Москвѣ. — Библіографія.—Среди книгъ, газетъ и журналовъ. — Учительница. Голосъ учителя. — Изъ жизни учительскихъ организацій. — Письма съ мѣстъ.— Проектъ устава Россійскаго Педагогическаго О-ва имени К. Д. Ушинскаго. — Хроника. — Списокъ книгъ, допущенныхъ Мин. Нар. Просвѣщенія.

„Ежемѣсячный Журналъ“. (1914—2). Ал. Блокъ, Ю. Верховскій, Н. Клюевъ. А. Ахматова, М. Моравская, А. Ширяевецъ, Ю. Юрьинъ. Стихи.— В. Винниченко. Радость. — В. Шишковъ. Чуйскія были. — Е. Замятинъ. Три дня. — А. Чапыгинъ. Послѣдняя лѣшня. — Г. Гребенщиковъ. На Иртышѣ. — С. Подьячевъ. Изъ-за пустого дѣла. — С. Семеновъ. Односельцы, повѣсть. — А. В. Немиловъ. Почему всѣ части человѣческаго тѣла работаютъ согласно. — В. Курбатовъ. Объ искусствѣ и о красотѣ. II. Красота стѣнной живописи. — Л. П. Никифоровъ. Л. Н. Толстой о себѣ. Извлеченія. — Г. Танинъ. Творчество Бунина. — А. Мейеръ. Софисты и Сократъ. — Н. А. Морозовъ. Воспоминанія. — Вл. Скороходовъ. Изъ воспоминаній стараго общинника. У Энгельгардта и въ Буковской общинѣ. — Д. Коноваловъ. Религіозныя движенія въ Россіи. Радаевъ. — Е. Синегубъ. Новый Годъ. — А. Петрищевъ. Бабы бастуютъ. — Б. Черненковъ. Гдѣ выходъ? (По поводу „Односельцевъ“ Семенова). Дѣвт. Крест. Банка. Неудача землеустройства. Голодъ среди переселенцевъ. — Ан. Сел-въ. Община и хуторъ. — П. Гавриловъ. Земельный вопросъ въ будущемъ. — Ѳ. Ртищевъ. Хроника рабочей жизни. Страховая кампанія. — Ст. Вольскій Изъ Америки. Какъ вырабатываются граждане.— Библіографія.—Д. Святскій. Непосредственное знакомство съ небомъ. Февраль. — Юридическіе отвѣты.

„Естествознаніе и Географія“. (1914—1). Б. Житковъ. Морскіе пути въ Сибирь и сѣверные инородцы — С. М. Чугуновъ. Наблюденіе надъ появленіемъ ратнаго червя въ западной Сибири. — Е. Кобякова. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній. (Парижъ—Борневаль—Лондонъ). — М. Сіязовъ. Зима въ Кисловодскѣ. — К. Д. Мачаваріани. Городъ Сухумъ и Абхазія въ настоящемъ и прошломъ. — К. Арепьевъ. Планъ постановки предподаванія географіи въ средней школѣ. — Н. Золотницкій Интересъ собиранія и содержанія водяныхъ растеній въ акваріумѣ. — Критика и библіографія. — Смѣсь. — Хроника.

„Завѣты“. (1914—2). Ю. Верховскій. Королева, Стихотв. — К. Треневъ. Любовь Бориса Николаевича. — Ив. Вольный. Юность. (Третья кн. „Повѣсти моей жизни“) — Ѳ. Сологубъ. Жена умнаго человѣка. — М. Пришвинъ. Слуга времени. — Б. Шоу. Андроклъ и Левъ. (Басня въ трехъ дѣйств.). Перев. съ рукописи З. Венгеровой и Б. Лебедева. Съ предисловіемъ отъ ред. — Ал. Гизетти. О міросозерцаніи Вл. Соловьева. — К. Кочаровскій. Крестьяне на „нелегальномъ“ положеніи. — Е. Сталинскій. Тактическія проблемы.— Символисты о символизмѣ: Ѳ. Сологубъ. Г. Чулковъ, Вяч. Ивановъ. — С. Метальниковъ. Идеи безсмертія въ современной біологіи. Ст. вторая. — З. Венгерова. Д. Б. Шоу. — С. Мстиславскій. Свое и чужое. О пьянствѣ. — Текущая жизнь. I Литература: В. Винниченко. Т. Г. Шевченко: Е. Лундборгъ. Двѣ драмы. — II Философія. И. Брусиловскій, Іоганнъ Готлибъ Фихте. III В. Бруговскій. О нѣкоторыхъ сторонахъ деревенской коопераціи. — IV. Соціальная жизнь: Б. Воронов. Хроника рабочаго движенія; Александровъ. Подъ знакомъ кризиса. (Письмо изъ Франціи). — Ивановъ-Разумникъ. „Старинное“. (Поэзія Ю. Верховскаго).— Библіографія.

„Извѣстія по Народному Образованію“. (1914—2). Правительственныя распоряженія.—Вл. И. Фармаковскій. Народная школа въ Швейцаріи.—Б. Н. Китерманъ. Что дала школѣ всероссійская гигіеническая выставка 1913 г.—Х. Ѳ. Вознесенская. Вспомогательныя школы въ Германіи.— В. Лясковскій. Левъ Ив. Поливановъ.—Отзывы о книгахъ.

„Кооперативная Жизнь“ (1914—4). Кооперація и областничество.—С. Масловъ. Хлѣбный рынокъ и кооперація.—И. Подольскій. Какъ быть?—А. Кулыжный. Введена-ли у насъ кооперація?— Кооперативная жизнь въ Россіи.—Кооперативная жизнь за границей.—Товарищескія операціи съ хлѣбомъ въ 1914 г.—О рынкахъ и товарахъ.— Изъ практики для практики.—Отклики.—Кооперативные курсы для крестьянъ.—Практическія указанія по устройству.—Къ познанію народной самодѣятельности.—О новыхъ книгахъ.—Хроника.—Инструкторскій отдѣлъ.—Хроника Московскаго Народнаго Банка.

„Наша Заря“. (1914—2). Ник. Матвѣевъ. Перенесеніе Ѳомы и Павла, разск.—Л. Григоровъ. Черный пудель, разск.—Л. Морская, С. Клочковъ, С. Кошкаровъ. Стихи.—А. Коллонтай. Формы и типы страхованія материнства.—Раф. Григорьевъ. Поэтъ Окуровской Руси.—Н. Череванинъ. Экономическій подъемъ и политическій кризисъ.—В. И. Засуличъ. Д. А. Клеменцъ. (Личныя воспом.).—Л. Сѣдовъ. Среди журналовъ.—А.

Мартыновъ. Иностранное обозрѣніе.—Петръ П. Гомруль и рабочее движеніе въ Англіи.—Н. Черевaнинъ. Въ царствѣ призраковъ.—Л. М. Вмѣшательство Интернаціонала и объединеніе с.-д.—А. Н. Потресовъ. Моимъ критикамъ.—Отклики. (Замѣтки на текущія темы).—Библіографія.

„Новый Журналъ для Всѣхъ." (1914—2) Е. Градичъ, О. Далкъ., Одинокій, А. Тиняковъ. Стихи.—А. Письменная. Сказка.—А. Говоровъ. Кормилица.—М. Д. Ордынцевъ. Кто?—Д. Шамбуровъ. Тоска.—А. Гумилевскій. Шутка.—Г. Звѣревъ. 50-лѣтіе земства.—С. Бычковъ. Столѣтіе Имп. публичной библіотеки.—Н. Широкій. Мужицкій поэтъ.—М. Вѣтринскій. К. С. Баранцевичъ.—С. Исаковъ. Мысли объ искусствѣ.—Г. Триге. Научный обзоръ.—Л. Старокадомскій. Сѣверный морской путь.—Библіографія.—Приложеніе: Фелисите Робертъ де Ламеннэ. Слова вѣрующаго. Пер. съ 3-го фр. изд. И. И. фонъ Зекъ.

„Педагогическое Обозрѣніе".—(1914—2). В. И. Фармаковскій. Взаимоотношеніе физическаго и умственнаго развитія учащихся.—Н. Е. Румянцевъ. Творческое воспитаніе и развитіе у дѣтей воображенія. (Оконч.)—Я. Яворская. Драматическій методъ обученія. (Продолж.)—М. Басовъ. Итоги 2-го Всерос. Съѣзда по Экспериментальной педагогикѣ. (Продолж.).—Обзоръ журналовъ: Еще объ историч. беллетристикѣ. Школьный кинематографъ.—Хроника школьной жизни.—Заграничная хроника.—Изъ школьной практики: Е. Елачичъ. Снѣгъ, какъ матеріалъ для нагляднаго преподаванія географія. Ручной трудъ, какъ методъ преподаванія въ начальныхъ школахъ.—Критика и бібліографія.

„Просвѣщеніе" (1914—2). А. Марусинъ. Годъ Нюсиной жизни.—Л. Старкъ. Передъ бурей. Стихотв.—Вл. Павловъ. О нѣкоторыхъ чертахъ философіи. А. Богданова.—Ветеранъ. Національный вопросъ и латышскій пролетаріатъ.—Фр. Энгельсъ о парламентской тактикѣ. с.-д.—С. Астровъ. Въ моемъ вѣнкѣ, стих.—В. Корженцевъ. Англійскій сельскій рабочій.—Э. К. Профессіональное движеніе въ Германіи.—З. Лилина. Забастовка въ Южной Африкѣ.—Демьянъ Бѣдный. Портретъ, сатира.—Г. Зиновьевъ. Итоги и перспективы. (Оконч.)—А. Дмитріевъ. Къ женскому дню.—Чужой. Обзоръ рабочаго движенія.—Т. М. Пролетарская культура въ ликвидаторскомъ освѣщеніи.

„Обновленіе Школы". (1914—кн. XXI). Н. Мальцева. Школы спеціальнаго обученія въ Брюсселѣ.—Л. Кравченко. Общая характеристика плана организаціи школы.—А. В. Туфановъ. Докладъ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по народному образованію, на тему: „Нежелательный типъ книги для класснаго чтенія".—Библіографія.

„Путь". (1914—2). Степаненко, Н. Пѣвецъ Украины.—Воспоминанія Е. Ю. Юнге о Т. Г Шевченкѣ.—И. Бѣлоусовъ. Невѣста Т. Г. Шевченко.—Н. Степаненко. Какъ хоронили Т. Г. Шевченко. — И. Бѣлоусовъ. На смерть Т. Г. Шевченко, стих. — Литературный архивъ. — В. Моровъ. Безъ почвы, разск.—И. Бѣлоусовъ. Изъ Украинскихъ картинъ, стих.—Д. Семеновскій. Іерей, стих.—Н. Тюринъ. Волки.—А. Бѣлоусовъ. Возвращеніе, стих.—Литературная хроника.—Н. Каринцевъ. Иностранная жизнь.—Замѣтки о новыхъ книгахъ.

„Русская Мысль". (1914—2). В. Бородаевскій. Изъ цикла „Деревня", стихи.—С. Н. Сергѣевъ-Ценскій. „Наклонная Елена". (Продолж.).—Г. Дж. Уэллсъ. Стадная дружба, ром. Пер. Э. К. Пименовой. (Продолж.).—Ал. Блокъ. Стихотв.—В. М. Волькенштейнъ. Калики перехожіе, трагедія.—Б. Садовской. Стихотв.—Г. Гессе. Росгальда, ром. Авторъ, перев. съ нѣм. А. С. Полоцкой. (Продолж.).—С. Парнокъ, стихотв.—Вл. Каревинъ. Разбитыя стекла, разск.—Н. А. Умовъ. Эволюція физическихъ наукъ и ея идейное значеніе.—И. Д. Холоповъ. Борьба за религіозное міровоззрѣніе.—Л. Львова. Семь лѣтъ назадъ.—А. Левинсонъ. „Опасныя связи" и ихъ авторъ.—А. Б. Дерманъ. О. гр. Ал. Н. Толстомъ.—Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. I. Письма М. Е. Салтыкова къ А. Я. Герду. II. Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ Н. А. Блокъ.—А. К. Янсонъ. Первый Всероссійскій Съѣздъ по народному образованію.—А. С. Изгоевъ. На перевалѣ. Смѣна.—П. Струве. Листки. I. Памяти А. Х. Христофорова. II. Памяти А. И. Скворцева.—Въ Россіи и за границей: А. С. Изгоевъ. Къ 50-лѣтію земства; Ст. Конъ. Балансъ текстильной промышленности Царства Польскаго, А. В. Игельстромъ. Лео Мехелинъ; А. А. Корниловъ. Памяти Д. А. и Е. Н. Клеменцъ; И. О. Левинъ: Турецко армянскій вопросъ; В. Чудовскій; В. А. Сѣровъ; Мих. Могилянскій. Украинская литература въ 1913 г.; Ал. Эліасбергъ. Изъ нѣмецкой литературы 1913 г.—В. И. Вернадскій. Памяти Ѳ. Н. Чернышева; М. Я. Басовъ. Второй всерос. съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ; Н. Похитоновъ. Опытъ военной энциклопедіи; Некрологи.—Критическое обозрѣніе.

„Русская Школа". (1914—1). Законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія.—Н. Іорданскій. Условія осуществленія всеобщаго обученія въ Россіи.—Чл. Гос. Думы Ив. Клюжевъ. Народное образованіе въ Швеціи.—Э. О. Вахтеровъ. Чтеніе съ дѣтьми въ семьѣ. (Страничка изъ дневника).—Ѳ. Жаровъ. Способъ производства экзаменовъ въ начальной школѣ.—А. П. Нечаевъ. Наглядность преподаванія географіи и самодѣятельность учениковъ.—Н. М. Соколовъ. Указатель картинъ къ урокамъ русскаго языка и бесѣдамъ на гуманитарныя темы.—Новѣйшія педаг. теченія на Западѣ: Отъ редакціи:—С. Левитинъ. Идейное и культурное общеніе съ Западомъ;—Д-ръ L. Gurlitt. Отрицательныя стороны классической школьной системы.—Н. Румянцевъ. Вопросъ о сравнительной психологіи половъ и совмѣстномъ воспитаніи на 3-мъ нѣмецкомъ конгрессѣ по воспитанію и изученію дѣтей школьнаго возраста.—Библіографія эксперимент. отдѣла.—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

Библіографія по отд. вопросамъ.

Педагогика [37]

Отъ редакціи. Принимая во вниманіе то безспорное для нашего времени явленіе, что вопросы воспитанія сдѣлались объектомъ усиленнаго интереса не только узкаго круга спеціалистовъ, но и широкой публики, и привѣт-

стаул это явленіе,— редакція *„Бюллетеней“* намѣрена предложить вниманію читателей рядъ указателей литературы какъ по общимъ, такъ и по частямъ вопросамъ педагогики, педагогической психологіи и педологіи. Указатели эти составлены на основаніи спеціальныхъ библіографическихъ источниковъ, дополнены указаніемъ журнальной литературы послѣднихъ 15—16 лѣтъ и, разумѣется, не могутъ претендовать на полноту, но редакція стремится восполнить этотъ, технически неустранимый, пробѣлъ — серьезностью содержанія приводимой литературы, а также намѣрена въ заключеніе привести указатель и библіографической литературы по этимъ вопросамъ.

I. Общіе вопросы педагогики.

а) Теорія [37(01)].

Alba. Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры „Вѣст. Теос.“ 1912, 2.

Анри. Современное состояніе экспериментальной педагогики, ея методы и задачи. Изд. ж. „Вѣст. Восп.“ М. 1900. Стр. 109. Ц. 40 к.

А-въ, А. Къ вопросу о педагогической свободѣ. „Нав. по Нар. Обр.“ 1908, 1.

Б. Проблемы воспитанія. „Рус. М.“ 1904, 10.

Б М. Экспериментальная педагогика. (По кн. проф. N. Steika). „Образ.“ 1900, 9.

Бартъ, П. Элементы воспитанія и обученія на основаніи современной психологіи и философіи. Т. I. Пер. съ 3-го нѣм. изд. подъ ред. В. А. Вотковскаго. Изд. О. Богдановой. Спб. 1913. Стр. VI | 275 II. Ц. 3 р. (за 2 тома).

Богдановичъ, С. Этюды по воспитанію. „Св. Восп.“ 1912/3, 1.

Болдуинъ, Д. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. Изд. „Моск. Книгоизд.“ М. 1914. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. Педагогическія сочиненія. Со вступительной статьей Г. А. Фальборка и очеркомъ жизни и педагогической дѣятельности Бѣлинскаго, примѣчаніями и библіографическими указаніями А. Г. Фомина. Спб. 1912. Изд. газеты „Школа и Жизнь“. XII+259 стр. Ц. 1 р.

Вайсфельдъ, М. Идеалы воспитанія. 1911. 40 к.

Вахтеровъ, В. Основы новой педагогики. Т. I. Изд. II. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 580. Ц. 1 р. 60 коп.

Веберъ, Г. Общая или теоретическая педагогика. „Пед. Обзор.“ 1912, 2.

Вегенеръ. Грядущее поколѣніе. М. 1909 г. 182 стр. Ц. 75 к.

Вентцель, К. Этика и педагогика творческой личности. Т. I. Этика творч. личности. М. 1911. Изд. К. Тихомирова 2 р.— Т. II. Педагогика творческой личности. 1 р. 50 к. [Статьи, собр. въ этихъ книгахъ, печатались предварительно въ журн. „Св. Восп.“ за 1907—1911 гг.].

Его же. Цѣли невидимаго рабства. Изд. Горб.-Посадова. 5 к.

Его же. Новые пути воспитанія и образованія дѣтей. Изд. Горб. Посадова. 45 к.

Ветенампъ. Самодѣятельность и творчество въ воспитаніи и преподаваніи. „Св. В.“ 1908/9, 10 и 11.

Викторовъ, В. П. Основы новой педагогики. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 581. Ц. 1 р. 60 коп.

Виноградовъ, Н. Педагогика, какъ наука и какъ искусство. „Вопр. Фил. и Псих.“ 1912. III.

Вороновъ, И. Черты англійскаго воспитанія и образованія. „В. Восп.“ 1912, 7.

Вопросы педагогики. № 1. Подъ ред. проф. Е. А. Боброва. Варшава 1912. Стр. 167+24+57+32. Ц. 1 р. 75 к.

Галанинъ, Д. О воспитаніи въ школѣ. „Восп. и Об.“ 1908. 3.

Герценъ, А. Мысли о воспитаніи и образованіи „Св. Восп“. 1909/10,10.

Гуриттъ. О воспитаніи. Спб. 1911 г. Стр. 172. Изд. газ. „Шк. и Жизнь“. Ц. 1 р. [См. также ж. „Сем. Восп.“ 1911,6/7 и 8/9].

Его же. О творческомъ воспитаніи. (Моя жизнь съ моими дѣтьми). Перев. съ нѣм. Е. Дунаева. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1911. 25 к. [См. также въ ж. „Св. Восп.“ 1908/9, 6, 7 и 10].

Гюйо, М. Воспитаніе и наслѣдственность. Соч. т. IV. Соціологическое изслѣдованіе. Пер. Н. Некамкиса. Изд. „Знаніе“. Спб. 1 р. 50 к.

Дауге, А. Искусство и творчество въ воспитаніи. Сборн. статей подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1911. 75 к.

Демковъ, М. П. Курсъ педагогики. Часть 1-я: Основы педагогики, дидактика и методика. М. 1907 г. Стр. 315. Ц. 1 р. 50 к.—Ч. II. Теорія и практика воспитанія. М. 1908. 338 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дернова-Ярмоленко, А. Возможно ли планомѣрное воспитаніе? „Сем. Восп.“ 1911, 4.

Дистервегъ, А. Руководство для нѣмецкихъ учителей. Обработка и предисловіе К. Ваккера. Пер. съ нѣм. А. Ѳ. Гретманъ. Съ предисл. Д. Н. Королькова. „Педагогическая библ.“ подъ ред. Д. Н. Королькова. М. 1913. Изд. кн-ва К. И. Тихомирова. Стр. IV+321+1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

Добротина, Г. М. О преимуществахъ воспитаній предъ образованіемъ. Труды I. Всерос. съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ“, т. II.

Дуплинъ, С. Педагогика творческой личности. „Св. Восп.“ 1911/12, 8.

Его же. Исторія одной свободной школы. „Св. Восп.“ 1907/8, 1 и 2.

Его же. Экспериментъ или пытка. „Св. Восп.“ 1907/8, 3.

Его же. Общественное признаніе идей свободнаго воспитанія. „Св. Восп.“ 1909/10, 9.

Ежегодники экспериментальной педагогики. 1912 г. Подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Я. Румянцева. Спб. 1908—1913 гг. Ц. по 1 р. [Ст. предварительно печатаются въ „Русской Школѣ“].

Житомирскій, К. Эмансипація педагогіи. „Пед. Сб.“ 1907, 5, 6 и 8.

Зеленко, А. Современные реформаторы воспитанія и обученія. „Св. Восп.“ 1911/2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 1912/3, 3, 4, 5, 6; 1913/4, 1, 3. (Продолженіе будетъ).

Зиминъ, О. Н. Новое воспитаніе. Докладъ А. Ферьеръ Съ фр. „Св. Восп.“ 1911/12, 7.

Зѣньковскій, В. Принципъ индивидуальности въ психологіи и педагогикѣ. „Вѣст. Филос. и Псих.“, III и V.

Ивановскій, В. В. Роль общественныхъ наукъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія. „Рус. М.“ 1899, 2.

И Ш. Свободная школа въ Вѣнѣ. „Св. Восп.“ 1912, 5.

Каптеревъ, П. Ф. Педагогическій процессъ 1905. Ц. 75 к. Стр. 136.

Его же. Современное англійское воспитаніе „Образ.“ 1898, 7 и 8.

Каптеревъ, П. и Музыченко, А. Современныя педагогическія теченія. Съ рис. въ текстѣ.—„Педагог. Акад. въ очеркахъ и монографіяхъ. (Воспитаніе въ семьѣ и школѣ). Подъ общей рѣд. проф. А. П. Нечаева“. Кн-во „Польза“, В. Антикъ и К° М. 1913. Стр. 219. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 1. 60 к.

Квинъ. Реформаторы воспитанія. М. 92 г. 294 стр. 2 руб.

Кей, Э. Избранныя мысли о воспитаніи. „Св. Восп.“ 1909/10. 3, 4, 6 и 10.

Клечковскій, М. Современное воспитаніе и новые пути. (По Эльсландеру). Подъ рѣд. И. Горбунова-Посадова. М. 1911. Изд. 3-е И. Горбунова-Посадова. 40 к.

Ковальскій, Е. П. Современныя теченія въ дѣлѣ воспитанія. „Изв. по Нар. Обр.“ 1907, 4

Коменскій, Я. Избранныя педагогическія сочиненія. Ч. I. Великая дидактика. Пер. съ лат. яз. А. Адольфа и С. Любомудрова. Съ очеркомъ жизни и дѣятельности Коменскаго и объяснительными примѣч. М. Изд. Тихомирова, 4-е. 336 стр. 1912. 1 р. 75 к.

Кемпере. Отрочество, его психологія и педагогика. 1910. 117 стр. 50 к.

Красновскій, А. Экспериментальное направленіе въ педагогикѣ. Казань. 1912. 36 стр. 30 к.

Критъ, М. Къ вопросу о воспитаніи подрастающаго поколѣнія. Спб. 1912. 57 стр. 1 р.

Кришнамурти, Джи. (Алсіонъ). Воспитаніе какъ видъ служенія. Спб. 1913. Стр. 133. Ц. 50 к.

Крумонъ совмѣстнаго воспитанія и образованія дѣтей въ Москвѣ. (1907 — 1912). М. 1912. Стр. 36. Съ иллюстр. Ц. 20 к.

Крупская, Н. Къ вопросу о свободной школѣ. „Св. Восп.“ 1909/10, 7.

Лай, А. В. Экспериментальная педагогика. 1912. Изд. 2-е. 247 стр. 75 к.

Латышевъ, В. Критика теоріи свободнаго воспитанія. „Рус. Нар. Уч.“ 1910, 10.

Л. Е. Педагогическая діагностика. „Восп. и Об.“ 1909. 12.

Лебедевъ, А. Значеніе индивидуальности въ дѣлѣ воспитанія. „Пед. Лист.“ 1911, 1.

Либровичъ, С. Ф. Школа для родителей. Задушевное воспитаніе. Собраніе популярныхъ очерковъ, лекцій и статей по педагогическимъ вопросамъ. Подъ рѣд. В. Русакова. Спб. 1912. Изд. М. О. Вольфа. Стр. 36. Ц. 15 к.

Линдъ, В. Активная педагогика въ начальной школѣ. „Пед. Л.“ 1911, 4.

Лозинскій, Е. Современныя судьбы женщины въ связи съ проблемами воспитанія. (Обзоръ новѣйшей иностранной литературы). „Міръ В.“ 1902, 9.

Его же. Поворотный пунктъ въ развитіи современной педагогики (по поводу международн. конгресса по общественному воспитанію). „Образ.“ 1903, 8.

Его же. Герои и героическое въ воспитаніи. „Рус. Шк.“ 1911, 1.

Его же. Право на тишину „В. В.“ 1911, 7.

Локкъ, Д. Мысли о воспитаніи. „Педаг. библ.“. Пер. съ англ. А. Бакистова. Съ портретомъ Локка и очеркомъ его жизни и дѣятельности Изд. К. И. Тихомирова, 3-е. М. 1913. Стр. XVI+238. Ц. 1 р 50 к.

Лэзанъ. Воспитаніе будущаго. Пер. съ фр. Спб. 1908. 15 к.

Мальцева, Н. Первый международный конгрессъ по педагогикѣ въ Брюсселѣ. „Ж. Мин. Нар. Пр.“ 1912, 2.

Манасеина. Основы воспитанія съ первыхъ дѣтъ жизни до окончанія университетскаго образованія. 5 т. Ц. 11 р. 1894 — 1899. Стр. 147+276+409+360+380.

Мартыновъ, А. О. Рюлле объ основныхъ вопросахъ воспитанія. „Вѣстн. Восп.“ 1913, 2.

Мейманъ, Э. проф. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Ч. I—II. Пер. подъ ред. Н. Д. Виноградова. М. 1913. Изд. Т-ва „Міръ“. Ц. 2 р. 90 к.; 1 р. 80 к.

Его же. Современное положеніе педагогики. Пер. съ нѣм. А. Румянцевой. „Рус. Шк.“ 1913, 3.

Монтессори, М. Д-ръ. Домъ ребенка. Методъ научной педагогики. Изд. т-ва „Задруга“. М. 1913. Стр. XXVI+339. Ц. 2 р. 50 к.

Намашидзе, И. П. О самовоспитаніи. „Св. Восп.“ 1908/9, 5.

Его же. Любовь, какъ высшее знаніе. „Св. В.“ 1909/10, 1, 2.

Его же. Мысли о свободномъ воспитаніи. „Св. Восп.“ 1912, 6.

Наторпъ, П. Культура народа и культура личности. 6 лекцій. Пер. съ нѣм. М. Рубинштейна. Спб. 1911. Изд. О. Богдановой. 169 стр. 60 к.

Его же. Соціальная педагогика. Теоріи воспитанія воли на основѣ общности. Пер. А. Громбаха съ 3-го нѣм. изд. Спб. 1911. Изд. О. Богдановой. 2 р. 50 к.

Н. К. Изъ воспитательной работы въ Швеціи. „Св. Восп.“ 1912, 5.

Обленскій, А. Е. Замѣтка. (Ницшеанцы и воспитаніе). „Вѣст. Евр.“ 1904, 4.

Обухонъ, А. М. Свободное воспитаніе и дисциплина. Изд. 2-е. М. 1913. Стр. 108. Ц. 40 к. [См. также въ ж. „Вѣстн. Восп.“ 1903, 6 и 7].

Пэръ, Я. Быстрый переходъ отъ строгостей къ ласкамъ. „Восп. и Об.“ 1909, 4.

Пабстъ. Практическое воспитаніе. М. 1910 г. Стр. 30. Ц 20 к.

Паульсенъ. Фр. Педагогика. Пер. съ 5-го нѣм. изд. Спб. 1913. Изд. газ. „Шк. и Жизнь“. 306 стр. Съ портр. автора. 1 р. 50 к. — Изд. т-ва „Міръ“. М. Ц. 1914. 2 р.

Песталоцци. Педагогическія сочиненія. 5 т. Изд. К. Тихомирова. М. 1893—96. Ц. 7 р. 50 к.

Петрищевъ, А. Педагогическій максимализмъ. (Свободное воспитаніе). „Рус. Бог.“ 1907, 12.

Пироговъ, Н. И. Собраніе сочиненій. 2 т. 1900 г. Ц. 6 р.

Позоринская, В. Отцы и дѣти нашихъ дней. (О воспитаніи). „Образ.“ 1905, 7.

Полозъ, Е. И. Письма о воспитаніи. „Св. Восп.“ 1907/8, 2 и 7.

П., Э. Американская жизнь и воспитаніе. „Образ.“ 1911, 2 и 3.

Радосавьевичъ. Новыя движенія въ области воспитанія. „Обн. Шк.“ 1912, VI, VII, VIII.

Его же. Соціальная педагогика. „Св. В.“ 1912, XII, 12.

Рахмановъ, В. Свободное воспитаніе съ точки зрѣнія психологіи. „В. В.“ 1907, 1.

Его же. Основы здороваго душевнаго воспитанія. „Р. Шк.“ 1909, 1 и 2.

Рейнъ, В., проф. Очерки педагогики. Пор. съ 5-го нѣм. изд. Изд. Е. Л. Райхиштейна, подъ ред. прив.-доц. С. А. Ананьина. Кіевъ. 1913. Изд. пед. кн. м. В. П. Пенкина. 86 стр. 60 к.

Рейнери, Дж., проф. Педагогика въ пяти книгахъ съ историко-литературнымъ введеніемъ д-ра Г. Б. Джеркина. Пер. проф.-прот. А. Дружинина. Т. I. Историко-литературное введеніе д-ра Джеркина. Введеніе автора. М. 1913. Изд. К. И. Тихомирова. Стр. 558+VI. Ц. 3 р.

Рубинштейнъ, М. Педагогика или педагогич. психологія? „Вопр. Фил. и Пс.“ 1912, II, III.

Его же. О цѣляхъ и принципахъ педагогики. „Вопр. Фил. и Псих.“ 1913, I.

Его же. Очерки педагогической психологіи въ связи съ общей педагогикой. „Педаг. библ.“. М. 1913. Изд. К. И. Тихомирова. Стр. 594. Ц. 3 р.

Румянцева, А. Новое воспитаніе. „Обн. Шк.“ 1912.

Румянцевъ Н. Задачи воспитанія и его границы. „Пед. Обозр.“ 1912, 9.

Его же. Спорные вопросы воспитанія. „Восп. и Об.“ 1913, I.

Руссо, Ж.-Ж. Эмиль или о воспитаніи. Перев. съ фр. П. Первова. Со статьей о жизни его и произведеніяхъ. М. 1911. Изд. К. Тихомирова. 3 р. 50 к.

Рюле, О. Основные вопросы воспитанія. Пер. съ нѣм. И. Степанова, съ предисл. переводчика. Спб. 1913. Изд. „Прибой“. Стр. 107. 60 к.

Селивановичъ, А., прив.-доц. Очеркъ общей педагогики для семьи, школы и воспитателей. Кіевъ. 1913. Изд. кн. скл. Оглоблина. 194+IV стр.

Сикновъ, К. Идеалы учащейся молодежи. „В. В.“ 1909, 2.

Синицкій, Л. Соціологія въ ея приложеніи къ педагогикѣ. „В. Восп.“. 1912, 8.

Сиповскій, В. Д. Избранныя педагогическія сочиненія. Съ портр. автора, съ предисл. проф. В. В. Сиповскаго и съ литер.-біограф. очеркомъ, составленнымъ Н. Л. Леонтьевой. Спб. 1911. 313. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл.

Спенсеръ. О воспитаніи умственномъ, нравственномъ и физическомъ. Спб. 1900. Стр. 232. Ц. 75 к.

Столица, З. Борьба съ пессимизмомъ. „Восп. и Об.“ 1917, 8.

Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Спб. 1892. 11+38+567+36 стр. 3 р.

Сухотина, Т. М. Монтессори и свободное воспитаніе. „Св. Восп.“ 1912/3, 7, 8, 9.

Сѣдовъ, А. Юность; педагогика и психологія его возраста. „В. В.“ 1910, 8 и 9.

Его же. Современныя педагогическія вскавія полноты духовнаго развитія. „В. Восп.“ 1911, 1, 2.

Его же. Основные вопросы общей теоріи воспитанія. „В. Восп“. 1911, 8 и 9.

Тихомировъ, Кл. Что далъ намъ съѣздъ по эксперимент. педагогіи. „Р. Шк.“ 1911, 2.

Толстой, Л. Педагогическія сочиненія. Со вступит. статьей С. Венгерова и очеркомъ педагогической дѣятельности Толстого и библіографическимъ указателемъ А. Фомина. Спб. 1911. Изд. газ. „Школа и Жизнь“ 413 стр. 1 р. 50 к.

Его же. Воспитаніе и образованіе. Педагогическія статьи трехъ періодовъ 60-хъ, 70-хъ гг. и послѣдняго вр. „Библ. Л. Толстого, подъ ред. П. Бирюкова“. М. 1911. 423 стр. 75 к.

Его же. Избранныя мысли о воспитаніи и образованіи. „Св. Восп.“ 1907/8, кн. I, 7, и 12.

Его же. О воспитаніи. „Св. В.“. 1909/10, кн. 2.

Тровновскій, И. Педагогическіе этюды. 1. Въ чемъ сущность педагогическаго развитія. 2. Задачи школы въ достиженіи умственнаго развитія. 3. О достиженіи сознательнаго чтенія. 4. О письменномъ изложеніи учениками своихъ мыслей. М. 1911. Изд. И. Сытина. 2 е. 50 к.

Труды педагогическаго лабораторіи при Московскомъ Педагогическомъ Собраніи, издаваемые подъ ред. прив.-доц. А. Н. Бернштейна. Вып. I. М. 1909. 60 стр. 50 к. Вып. II. М. 1911. 96 стр. 60 коп.

Труды Перваго Всероссійскаго съѣзда по экспериментальной педагогикѣ въ Спб., съ 26 по 31 дек. 1910 г. Отчетъ, составленный секретаремъ съѣзда И. Румянцевымъ. Спб. 1911. Изд. Бюро съѣзда. 2 р.

Ушинскій, К. Д. Педагогическія сочиненія. Спб. 1905. Ц. 3 р. Стр. 308.

Его же. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опыты педагогической антропологіи. Т. I и II. Спб. 1910, 1911. Изд. 12-е. 1 р. 50 к. и 2 р.

Ферреръ, А. Новое воспитаніе. „Св. В.“. 1912, 7.

Фидровскій, В. О новой или экспериментальной педагогикѣ. „Сем. Восп.“ 1911, 3, 4, 5.

Фоминъ, А. Свободное воспитаніе и свободная школа. „Восп. и Об.“ 1908, 8 и 9.

Форъ, С. О воспитаніи. „Св. Восп.“ 1907/8, 3.

Фребель. Воспитаніе человѣка. М. 1906 г. 326 стр. Ц. 1 р. 75 к.—То же Изд. К. Тихомирова. М. 1914. 2 р.

Холмъ, С. Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ „Душевная жизнь дѣтей“. „Библіотека педагогической психологіи“ подъ ред. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха. М. 1912 Стр. 444. Ц. 2 р. 50 к.

Чепинская, М. Американскій Посталоцци. „Образ.“ 1901, 12.

Чижъ, В. Педагогія,—какъ искусство и какъ наука. Рѣчь. Юрьевъ. 41 стр.

Чумиковъ, О. Старое и новое о наболѣвшихъ вопросахъ воспитанія. „Образ.“ 1897, 7 и 8.

Шкарванъ, А. Мысли о воспитаніи. „Св. Восп.“ 1907/8, 9.

Эбертъ-Штокингеръ, К. Естественное воспитаніе. Съ нѣм. М. Левитина. 20 к. [См. также въ ж. „Св. Восп.“ 1907/8, 12].

Яковенко, Вл. Воспитаніе мужественности по Людвигу Гурлитту. „В. В.“ 1907, 5 и 6.

Письмо въ редакцію.

М. Г., г. Редакторы!

Не откажите дать мѣсто въ Вашемъ почтенномъ журналѣ моему письму.

Въ № 12 „Бюллет. Л. и Ж.“, приводя въ Литературномъ Отдѣлѣ отрывки изъ моей статьи о русскихъ женщинахъ, авторъ называетъ ее отвѣтомъ г-ну Марку Кривицкому.

Это совсѣмъ не вѣрно.

Я очень цѣню произведенія названнаго писателя, но его статьи по этому вопросу къ сожалѣнію не читалъ. Примите и пр.

Вас. Немировичъ-Данченко.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на новое изданіе Т-ва „МІРЪ“.

Г. В. Плехановъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Изданіе составитъ около 5 томовъ приблизительно по 18 листовъ въ каждомъ и будетъ иллюстрировано портретами историковъ, общественныхъ дѣятелей и публицистовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи каждаго тома въ переплетѣ (включая пересылку)—2 р. 80 коп. и сверхъ того за перев. платежа 10 к.

Первый томъ выйдетъ въ концѣ марта. Подробные проспекты БЕЗПЛАТНО.

Продолжается подписка на другія изданія Т-ва „МІРЪ“.

Исторія русской литературы. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и П. Н. Сакулина.

Русская литература XX в. (1900—1910). Подъ ред. проф. С. А. Венгерова.

Исторія западной литературы. Под. ред. Е. Д. Батюшкова.

Силуэты русскихъ писателей. Ю. И. Айхенвальда.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. А. Морозова и профес. В. М. Шимкевича.

Эволюція міра. Карлъ Шлернъ. Съ доп. ст. проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова.

Декамеронъ. Дж. Боккаччо. Пер. акад. Александра Веселовскаго.

Современная скульптура. 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ Сергѣя Маковскаго.

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. Главная контора Т-ва „МІРЪ“, Москва, Знаменка, 9.

„ПРОМЕТЕЙ“

С.-Петербургъ, 10—9.

МАРИНЕТТИ.

Футуризмъ. Съ приложеніемъ всѣхъ футуристическихъ манифестовъ 1.25

КЕЛЛЕРМАНЪ.

Туннель. Романъ 1.50
Идіотъ. Романъ 1.50
Ингеборгъ. Романъ . . . . . 1.—
Море. Романъ . . . . . 1.—
(Изданіе авторизованное).

ЛЕМОНЬЕ, КАМИЛЛЪ.

Когда я была мужчиной. Съ предисловіемъ А. И. Куприна . 1.—

АЛЕКСАНДРЪ ГРИНЪ.

Позорный столбъ 1.25

АШЕШОВЪ, Н.

Раны любви. Обл. раб. Миссъ 1.25

ОКУНЕВЪ, Я.

Каменное иго 1.25

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Былые дни Сибири 1.25
Третій Римъ . . . . . 2.—

ДОБРОНРАВОВЪ, Л.

Новая бурса 1.25

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Цѣна номера 10 к.

Вышло уже около 1000 номеровъ.

Иностранная литература.

845.848. Ирасекъ. Псоглавцы.
849. Бирбаумъ. Странныя исторіи.
850.855. Лондонъ. Мартинъ Идонъ.
856. Стриндбергъ. Дѣтская сказка.
857-858. Мопассанъ. Разсказы бекаса.
859. Кн. А. Церетели. Баши-Ачукъ.
860-862. Сроковскій. Анахронисты.
863. Сюлли-Прюдомъ. Избранныя стихотворенія.
864-866. Жюль Верн. Вокругъ луны.
867. Макушинскій. Мефистофель.
871-872. Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ. Поль и Виргинія.
873. Гейне. Флорентійскія ночи.
878. Мопассанъ. Мадмуазель Фифи.
879-882. Жюль Верн. Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней.
884-886. Уэльсъ. Первые люди на лунѣ.
887. Бирбаумъ. Студенты.
895. Лондонъ. Путь ложныхъ солнцъ.
896-897. Ожешко. Гекуба.
898. А. Фоанье. Школьница.
899-900. Лондонъ. Зовъ предковъ. Ублюдокъ. Тысяча дюжинъ.
901. Сервантесъ. Ринконетъ и Кортадильо. Лисенсіатъ стеклянный.
905. Шиллеръ. Коварство и любовь.
906-907. Абрамовичъ. Фишка хромой.
908. Тома. Тетя Фрида.
909. Мольеръ. Донъ Жуанъ.
910-912. Лондонъ. Бѣлый клыкъ.
913. Лондонъ. Страшные Соломоновы острова.
914. Мопассанъ. Семья и др.
915-16. Сербскій сборникъ. Повѣсти и разск.
917. Тома. Разсказъ проказника.
918. Ранси. Разсказы Совы.
923-4. Зангвиль. Мечтатели Гетто.
925. Альмквистъ. Мельница въ Шельнурѣ.
926-927. Мопассанъ. Съ лѣвой руки.
928. Лондонъ. Великое чудо.
929-931. Реймонтъ. Мечтатель.
932. Лондонъ. Потомокъ Макъ-коя.
933-935. Беннетъ. Святая любовь.
936-938. Гамсунъ. Послѣдняя отрада.

Русская литература.

Н. Г. Помяловскій.
591-2. Молотовъ.
593-4. Мѣщанское счастье.
595-6. Очерки бурсы.

Научно-популяр. литература.

651. Э. Пименова. Наполеонъ I.
652. Т. Богдановичъ. Александръ I.
653-657. Гр. де-Сегюръ. Походъ въ Россію. Записки адъютанта Наполеона I.
658. В. Пичета. Причины Отечественной войны.
659, 660, 663, 664, 667. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. I—V.
661. Т. Сократова (Алабина). Наполеонъ въ Россіи.
662. Г. Шваб. Миѳы классической древности. Походъ аргонавтовъ.
665-666. А. Гартманъ. Паденіе античнаго міра.
668. Платонъ. Апологія Сократа. Критонъ.
669. Дж. Уотсонъ. Наслѣдственность.
670-671. В. Пичета. Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. В. Филатовъ. Родъ бояръ Романовыхъ.
673. Е. Богрова. Дмитрій I.
674. М. Коваленскій. Московская смута XVII вѣка.
675. Мержеретъ. Состояніе Россійской державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.
676-677. Перцовъ. Девятнадцатый вѣкъ.
681-682. Бортъ. Исторія римской литературы.

Справочный отдѣлъ.

Карманные словари.

601-4. Французско-русскій.
605-8. Русско-французскій.
613-5. Нѣмецко-русскій.
617-20. Русско-нѣмецкій.
Цѣна словаря 50 коп. въ переплетѣ.

Путеводители.

609-10. Берлинъ и его окрестности.
611-2. Вѣна и ея окрестности.
621-3. Римъ и его окрестности.

Ганнекенъ. Введеніе въ изученіе психологіи. Цѣна 75 к.

Роскошныя изданія.

Ар. Беннетъ. Святая любовь. Ц. 1 р.
Г. Ибсенъ. Перъ Гюнтъ, переводъ Балтрушайтиса. Ц. 1 р.
Леруа Сиоттъ. Секретарь союза. Ц. 1 р. 50 к.
И. Ленкъ. Кумиры. Ц. 1 р. 25 к.
Ф. Хухъ. Питтъ и Фоксъ, въ 2 частяхъ. По 1 р. ч.
К. Гамсунъ. Дѣти вѣка. Ц. 1.
Полина Бальми. Погони за любовью. Ц. 1 р.

Книги продаются во всѣхъ кн. маг., въ кіоскахъ и у газетчиковъ.

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО. Заказы не менѣе чѣмъ на 1 р. 50 к. исполняются гл. контор. нал. платеж.

Главная Контора Кн-ва **„ПОЛЬЗА" В. Антикъ и К°.**

Москва, Козицкій пер., д. 42.

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, д. № 26. Телефонъ 1-31-34.

п. 30 к. Въ провинціи и на ст. жел. дор. 35 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 14. Мартъ—II. 1914.

(Пятый годъ изданія.)

Содержаніе

О новомъ возрожденіи	813
Смерть и безсмертіе въ свѣтѣ современной біологіи	819
Мораль, основан. на демографіи.	822
Размышленія Марка Аврелія	825
Федоръ Сологубъ о символизмѣ.	834
Исторія одной „религіи“. („На серебряномъ шарѣ“ и „Побѣдитель“ Г. Жулавскаго)	837
Новые романы и повѣсти. „Гольфштремъ“ Г. Розеггера. — „Когда я была мужчиной“ К. Лемонье. — „Путы“ Колетты Вилли	853
Новыя пьесы. „Свѣтлый Богъ“ Д. Айзмана. — „Плавильный тигель“ И. Зангвилла	859
Бытъ старой Россіи. Петербургъ въ 50-хъ годахъ. — Будни дворянскаго гнѣзда. — Дѣвочка-жена	864
Изъ революціоннаго прошлаго. Пружины контръ-революціи. — Исторія убійства П. А. Столыпина	875
Отзывы о книгахъ	441
Новыя книги	453
Содержаніе журналовъ	462
Книги, поступившія въ редакцію.	466

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 6 м.—2 р. 35 к., 6 м.—2 р. 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-06.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука“. 2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція“.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

Комиссіонера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исачэнко, Маргунова, „Право", Нюренберга, „Законовѣдѣніе", Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зеркала (п. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ „МОСКВА—ЮРИСТЪ". ☐ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—28.

Съ марта 1914 г. въ СПБ. выходитъ журналъ новаго типа, подъ редакціей и при ближайшемъ участіи Ѳедора Сологуба

„Дневники Писателей".

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, тетрадками не менѣе 2 печ. листовъ. Къ участію привлекаются поэты, беллетристы и критики. Задача журнала—знакомить читателей съ современными взглядами писателей на событія искусства и жизни—въ свободной формѣ дневниковъ и замѣтокъ. Девизъ новаго журнала,—точнѣе сборниковъ,—„свободныя мысли въ свободной формѣ". Въ распоряженіи редакціи уже имѣются маленькіе вклады Куприна, Ремизова, Рукавишникова, Волошина, Миртова и др.

КАКЪ ВОЗВРАТИТЬ И СОХРАНИТЬ ЗДОРОВЬЕ

„ЛЕЧЕНІЕ ГОЛОДОМ"

И ЕГО ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ".

Такъ назыв. 11 глава въ сочин. нѣмецкаго врача, д-ра Меллера **„Какъ возвратить и сохранить здоровье"**, перв. съ 4 нѣм. изд. съ авторск. предисл. и дополн. съ рукописи для данн. русск. изд. Изд. 2-ое (1-ое вышло въ 4 мѣс.). Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 46 к. (Къ книгѣ прилож. отзывы о ней русск. печати, въ томъ числѣ отзывъ „Биллет. и Листер. Ж." изъ № 16 за 1912 г., гдѣ было напечат. извлеченіе изъ данн. сочин. подъ загл.: „Голодъ, какъ факторъ здоровья").

Гл. складъ: г. Тверь, почт. ящ. 5, изд-во А. Вышеславской—высыл. эту кн., а равно и проч. свои новинки по вопр. о здоров. (соч. **д-ра Хейга, д-ра Камта, М. Брандембургъ**) налож. плат. по первому требов.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Мартъ—II. • № 14.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

О новомъ возрожденіи.

[149.1.(396.5)]

Извѣстно въ исторіи Европы два возрожденія классическаго эллинскаго міра. Одно было въ XVI вѣкѣ и захватило міръ романскій, другое—германское, въ XVIII в. Оба явленія, извѣстныя еще подъ именемъ гуманизма, сопровождались возрожденіемъ классическихъ искусствъ и эллинской мудрости. Значеніе этихъ явленій было огромно для всей Европы.

Теперь намъ предрекаютъ новое возрожденіе, но ужъ не эллинское, а арійское, связанное съ религіозной мудростью индусовъ.

Х. С. Чемберленъ въ своей книгѣ „Арійское міросозерцаніе“ убѣжденно развиваетъ и доказываетъ эту мысль.

„Я считаю желательнымъ и даже необходимымъ,—говоритъ авторъ,—это „гуманистическое“ добавленіе къ тому великому, тѣмъ мы обязаны несравненной Элладѣ, и полагаю, что знакомство съ древне-арійской мудростью должно и будетъ имѣть значеніе не простого прироста историческаго матеріала, но и повышенія жизненной энергіи.

Среди насъ каждый мыслящій, благородно настроенный человѣкъ невзбѣжно мечется между порывомъ къ стройному, руководящему, просвѣтляющему жизнь религіозному міросозерцанію и полной неспособностью рѣшительно порвать со всѣмъ этимъ міромъ церковныхъ представленій, оставляющимъ человѣка глубоко неудовлетвореннымъ. Въ индо-арійскомъ же мышленіи есть все необходимое для того, чтобы возбудить нашу энергію въ этомъ направленіи и указать намъ пути.

Свойствами, сообщающими арійскому мышленію столь могучее значеніе, являются: 1) его чистота, безпримѣсность посторонняхъ вліяній, 2) ростъ его, идущій изъ глубины *цѣлаго* народа и 3) органичность, т.-е. какъ бы цѣльность органической жизни всего народа безъ рѣзкихъ проявленій индивидуальнаго произвола.

Первое свойство — чистота — исходитъ, конечно, не изъ собственной силы, а представляетъ собою продуктъ историческаго промысла. Его значеніе касается самой сущности мышленія: на протяженіи всей исторіи духовнаго развитія индо-европейцевъ одно только древнеиндусское мышленіе, какъ и поэзія, осталось свободно отъ всякаго, даже самаго отдаленнаго соприкосновенія съ семитическимъ духомъ; оттого оно такъ чисто, ясно, подлинно и самобытно. Какъ же не пасть на колѣни и не прильнуть благодарными устами къ такому рѣдкому источнику! Говорю это вовсе не изъ какихъ-либо кровожадныхъ антисемитскихъ побужденій, а только потому, что мнѣ извѣстно, насколько эта удивительная порода—семитъ,—распространяющаяся по всему міру и обладающая такою изумительною способностью все себѣ ассимилировать — глубоко и внутренно измѣняетъ все, къ чему прикасается. Величайшіе признанные авторитеты, притомъ вполнѣ либеральные — какъ Веберъ, Лассенъ, Ренанъ, Робертсонъ Смитъ—единогласно заявляютъ, что семитъ лишенъ настоящей творческой силы, но зато надѣленъ совершенно исключительной способностью все усваивать.

И я вижу семитовъ, какъ они, отъ временъ доваввилонскихъ сумероаккадійцевъ и вплоть до нынѣшней Европы—заимствуютъ культуру другихъ народовъ, перерабатывая ее по-своему до неузнаваемости, что, впрочемъ, само по себѣ имѣетъ полное оправданіе и даже заслуживаетъ признанія и изумленія; для насъ же имѣетъ весьма печальныя послѣдствія, потому что, едва подчинившись болѣе сильной или хотя бы болѣе навязчивой волѣ, мы уже не умѣемъ предохранить наше собственное отъ искаженія, какъ и не умѣемъ найти удовлетворенія въ чужомъ.

Одно изъ наиболѣе достойныхъ сожалѣнія свойствъ всѣхъ индо-европейцевъ—это та легкость, съ которою они отчуждаются отъ самихъ себя. И вотъ отъ этой-то серьезной опасности насъ ничто не можетъ оградить, ни варварское, насъ же самихъ позорящее, гоненіе, ни торжественный остракизмъ. Антисемитъ упускаетъ изъ виду два обстоятельства: во-первыхъ, евреи никогда не были чистымъ семитомъ и не стали

таковымъ; онъ имѣетъ въ крови нѣкоторые посредствующіе элементы; а изъ этого слѣдуетъ, что необходимо дѣлать различіе между тѣмъ или инымъ евреемъ и не упускать изъ виду, что многіе евреи, такъ же, какъ и мы, жаждутъ освобожденія отъ семитическихъ представленій; во-вторыхъ, если іудейскіе полусемиты, благодаря мощи своей воли и объединенію въ замкнутую интернаціональную націю, и представляютъ собою наиболѣе поражающій „чуждый" элементъ въ нашей средѣ, то во всякомъ случаѣ не единственный. Я назвалъ семита лишь потому, что онъ одинъ сыгралъ извѣстную роль въ мірѣ идей, подобную по своему значенію роли индо-арійцевъ и родственныхъ имъ духомъ—а можетъ быть и тѣломъ—европейцевъ; но среди насъ есть другіе посторонніе элементы, которые тѣмъ опаснѣе, что остаются безымянными; люди, которые имѣютъ съ нами большое внѣшнее сходство, внутренно же отличаются отъ насъ специфически иною душою, которые не переиначиваютъ, какъ семиты, до основанія всего того, что отъ насъ получаютъ и въ чемъ вмѣстѣ съ нами принимаютъ участіе, но все внутренно отравляютъ и портятъ, обращая благословеніе въ проклятіе.

Чѣмъ же мы можемъ, чѣмъ должны ограждать себя? Какъ устоять въ этой священной и справедливой борьбѣ,— борьбѣ за собственное существованіе? Прежде всего, глубоко проникнувшись необходимостью этой борьбы, а затѣмъ, выработавъ вдумчивое и сознательное отношеніе къ тому, что собственно намъ присуще. Цѣлымъ столѣтіемъ пожертвовали мы ради какой-то до нелѣпости неограниченной терпимости; мы почти утратили чувство невозмѣстимой важности границъ, важности того индивидуальнаго, что безвозвратно уходитъ, и изъ чего единственно исходитъ творчество и великія дѣла. Мы мчимся прямо къ хаосу. Пора, давно пора опомниться! И вовсе не для того, чтобы ограничивать чью-нибудь свободу, а чтобы самимъ стать господами въ своемъ собственномъ домѣ, чего у насъ все еще нѣтъ.

Вотъ въ этой-то крайней необходимости „опомниться" и можетъ имѣть огромное значеніе общеніе съ подлинными индо-арійцами.

Въ дополненіе къ этимъ выводамъ о чистотѣ индо-арійскаго мышленія должна быть сдѣлана необходимая оговорка. Когда я говорю объ индо-арійскомъ міросозерцаніи, я отнюдь не имѣю въ виду буддизма.

Въ томъ, что самъ Будда былъ отпрыскомъ чистѣйшаго индо-арійства, сомнѣваются лишь очень немногіе; все, что было въ немъ продуктивнаго, онъ черпалъ изъ мышленія своего народа. Идеалистическій образъ мыслей, предрасположеніе къ метафизической глубинѣ—все это говоритъ о его расѣ. Но въ то же время, онъ былъ отступникомъ, который коренное міросозерцаніе народа назвалъ „пустою глупостью" и который за одно съ религіей осудилъ и соціальный строй. Кромѣ того, теперь установлено, что съ самаго начала буддизмъ былъ подхваченъ и разнесенъ элементами совсѣмъ не арійскими.

Различными изслѣдователями давно уже было замѣчено, что буддизмъ возникъ въ мѣстности Индостана, наименѣе населенной арійцами; замѣчательный самъ по себѣ этотъ фактъ привелъ къ установленію еще и того, что люди всѣхъ слоевъ населенія, ранѣе другихъ примкнувшіе къ этому движенію и въ качествѣ миссіонеровъ разносившіе по всему міру это пресловутое душеспасительное вѣроученіе,—въ большинствѣ случаевъ не могли быть арійцами. Какъ чума, распространялось по всей Индіи это ученіе, враждебное всѣмъ религіознымъ традиціямъ народа. Но, въ концѣ концовъ, выпрямился согбенный аріецъ и вышвырнулъ врага вонъ. И теперь, вотъ уже много столѣтій, въ Индіи нѣтъ буддизма. „Только на не-арійской почвѣ, среди не-арійскихъ народностей, продолжается поклоненіе Буддѣ".

Буддизмъ, къ сожалѣнію, въ такой огромной мѣрѣ заполонившій умы огромнаго большинства европейцевъ во вредъ всякому серьезному гуманистическому изученію индусскаго мышленія, хотя и долженъ быть названъ, какъ сказано, индо-арійскимъ по своему первоисточнику, но въ дальнѣйшемъ, какъ и во всемъ своемъ историческомъ развитіи, онъ остается явленіемъ сплошь не-арійскимъ, антиарійскимъ, и, кромѣ того, совершенно неоригинальнымъ.

Не пускаясь въ далекія изысканія, довольно остановиться на правилахъ практической жизни, чтобы понять все неразрѣшимое противорѣчіе между буддизмомъ и подлиннымъ индо-арійскимъ міросозерцаніемъ. Основной принципъ индо арійцевъ—гармоническое сліяніе съ природой, у буддистовъ—отрицаніе природы. Пессимизмъ индо-арійцевъ относится къ ихъ общему міросозерцанію, какъ тьма къ свѣту, какъ осень къ лѣту и веснѣ: послѣ радостной юности, брака, отцовства и исполненія гражданскаго долга—наступаетъ естественное въ старческомъ возрастѣ отреченіе отъ міра. И здѣсь отрицаніе воли къ жизни признается, какъ высшая мудрость; но познаніе это было для нихъ не исходнымъ, а конечнымъ пунктомъ, оно было послѣднимъ плодомъ всей жизни, вѣстникомъ близкой кончины.

То соображеніе, что метафизика индо-арійцевъ, тончайшая и отвлеченнѣйшая, не теряетъ въ то же время непосредственнаго соприкосновенія съ конкретной цѣльностью міра,—развѣ не кажется бездной, передъ которой останавливается мысль? Такое явленіе могло быть, разумѣется, слѣдствіемъ только органическаго роста: въ противоположность чему, буддизмъ есть возмущеніе индивида противъ всего органически выросшаго, противъ „закона"; онъ отрицаетъ не только то, что его непосредственно окружаетъ, т.-е. историческое возникновеніе общества и ученіе Ведъ, но логически и весь общемировой порядокъ. Здѣсь пессимизмъ не конецъ, а начало.

Въ наши дни, въ эпоху смѣхотворнаго переживанія псевдо-„буддійскаго" спорта, когда очень многіе серьезно держатся мнѣнія, что буддизмъ есть полное и совершенное выраженіе индусской мудрости, было уместно заявить протестъ, кратко, но энергично. Древне-индусскими мыслителями онъ уже давно былъ заявленъ. Не кто иной, какъ самъ Шанкара, послѣ основательнаго опроверженія всѣхъ главныхъ тезисовъ буддизма, покончилъ съ нимъ слѣдующими убійственными словами: „Такимъ образомъ, Будда проявилъ только свою безудержную болтливость, или же еще и ненависть свою къ человѣческому роду".

Глубочайшую и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразнѣйшую основу подлинно-арійскаго міросозерцанія я вижу въ томъ, что оно органически выросло изъ метафизической дѣятельности цѣлаго народа.

То, что вырастаетъ изъ жизни цѣлаго народа, питается большимъ количествомъ жизненныхъ сковъ, чѣмъ геніальная фантазія какого-нибудь отдѣльнаго мечтателя. Наша европейская философія движется только параллельно съ нашимъ міромъ,—она можетъ завтра же исчезнуть безъ малѣйшаго ущерба для нашей государственности; въ противоположность чему, индусское міросозерцаніе было душою индусскаго народа, оно опредѣляло внѣшнія формы его жизни, составляя содержаніе его мышленія, его стремленій, его тупковъ и надеждъ. Эпоха высшаго могущества индусскаго народа была также временемъ расцвѣта его метафизики; а когда философія утратила свое господствующее значеніе,—погибъ и народъ.

Всякая попытка постигнуть индусское мышленіе не приведетъ ни къ какимъ результатамъ или же приведетъ къ однобокимъ, если не будетъ принято во вниманіе, что здѣсь рѣчь идетъ не о философской системѣ или системахъ отдѣльныхъ философовъ, а о міросозерцаніи цѣлаго народа мыслителей.

Я далекъ отъ нелѣпаго утвержденія, что всякій индусъ былъ непремѣнно философомъ: я только говорю: различныя жизненныя развѣтвленія, расходящіяся въ противоположныхъ направленіяхъ, различныя призванія и наклонности, сходились у этихъ людей всѣ, какъ въ фокусѣ, въ одной точкѣ: въ преклоненіи предъ мышленіемъ. Кто самъ не былъ мыслителемъ, тотъ поддерживалъ мышленіе тѣмъ, что въ философѣ признавалъ высшее существо, которому и подчинялся безпрекословно, а выводы этого мышленія служили ему руководящей нитью въ жизни и основой его политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Мыслители же по признанію (т.-е. браманы) составляли высшую касту; самый гордый монархъ спускался со своего трона, чтобы привѣтствовать прославленнаго мыслителя. Кто могъ повѣдать о томъ „предѣчномъ, что никогда не можетъ быть доказано", того богатые осыпали золотомъ. Величайшей честью для всякаго двора считалось присутствіе возможно большаго числа мыслителей.

Такимъ образомъ, мышленію и морально и матеріально способствовалъ цѣлый народъ; то, что въ этомъ мышленіи находило себѣ выраженіе нѣчто высшее, сознавалось болѣе или менѣе каждымъ индусомъ. Эта-то общая настроенность и говоритъ о какой-то особенной, безпримѣрной склонности, простирающейся на всю націю; едва ли можно назвать другой подобный примѣръ.

Отсюда вытекаетъ третье отличительное свойство индо-арійскаго мышленія, вскользь уже упомянутое выше: мышленіе это въ высокой степени органично.

Въ противоположность нашей философіи, созданной усиліями отдѣльныхъ ученыхъ, возникавшей мало-по-малу, скачками, отъ утвержденій къ нихъ же опроверженіямъ—индо-арійская метафизика есть нѣчто органическое и безпрерывно созидавшееся. Такого рода мышленіе дѣйствуетъ на тѣхъ изъ насъ, европейцевъ, кого еще не окончательно хватилъ умственный паралличъ (Ankilosis) — точно внезапное освобожденіе изъ лабиринта разнаго рода системокропаній. Мы вдругъ лицомъ къ лицу сталкиваемся съ природой, и какъ разъ въ той самой области, гдѣ мы настолько привыкли встрѣчать одну только крайнюю искусственность, что едва и осмѣливались предполагать здѣсь возможность природы вообще. Правда, природа, какъ говоритъ Гете, „проще, чѣмъ можно думать; и въ то же время запутаннѣе, чѣмъ оно доступно для пониманія"; и вотъ эта-то близость индусскаго мышленія къ природѣ и создаетъ огромныя трудности. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду тому, кто захотѣлъ бы успѣшно от-

даться трудной, но благодарной работѣ воспріятія индо-арійскаго міросозерцанія изъ первоисточниковъ. Потому что тогда становится яснымъ, что никакая, даже самая удачная и обстоятельная книга, имѣющая цѣлью болѣе удобнымъ путемъ ввести насъ въ этотъ міръ, никогда не можетъ привести къ желанному результату. Чисто формальное, логическое изученіе арійской философіи совершенно безцѣльно; оно было бы похоже на попытку ознакомиться съ филологіей растеній изъ описательной систематики. По этому поводу справедливо замѣчаетъ Дейссенъ, что всѣ наши обычныя схемы—теологія, космологія, психологія—въ приложеніи къ индускому мышленію являются какими-то „сосудами безъ дна“. Втискивать это мышленіе въ подобныя схемы, значитъ лишить его жизни.

Это свойство органичности предохраняетъ, въ то же время, отъ разныхъ наростовъ того преступнаго индивидуализма, который пытается порвать со своимъ коренными началомъ и отдаться свободной фантазіи. „Чисто разсудочное изученіе ведетъ къ анархіи“, говоритъ Гете; это познали уже эллины, когда философы взяли у нихъ верхъ надъ поэтами; въ этой духовной анархіи живемъ теперь мы, и она намъ представляется свободой.

Въ каждой области столкновеніе живого органическаго единства съ отвлеченной логичностью создастъ неизбѣжное противорѣчіе. На практикѣ противорѣчіе это превращается въ противодѣйствіе и, какъ таковое, подчиняетъ себѣ всѣ феномены жизни. Также и въ душевной жизни, различныя силы пріобрѣтаютъ равновѣсіе черезъ это—называемое противорѣчіемъ—противодѣйствіе. Это основной фактъ въ архитектоникѣ разума. Мы встрѣчаемъ его повсюду: во всѣхъ философскихъ системахъ, во всѣхъ теоріяхъ, въ ученіяхъ всѣхъ великихъ людей и въ жизни всѣхъ выдающихся народовъ. Противорѣчіе — это тотъ балансиръ, съ помощью котораго мы перебираемся черезъ зіяющую пропасть непостижимаго по очень узкой перекладинѣ нашего разума. На насъ же, жителей Запада, всякое сопоставленіе тезисовъ, противорѣчивый характеръ которыхъ нельзя отрицать, производитъ впечатлѣніе прежде всего какой-то запутанности. Мы и спѣшимъ заключить все подобное, какъ „безсмыслицу“. Потому что, если бы мы даже вообразили, что тиранніи вѣры уже сокрушена, все равно тиски логики оставляютъ намъ еще меньше свободы, передъ ея канономъ мы падаемъ ницъ все такъ же безпрекословно.

Оттого мы и привыкли такъ заботливо запрятывать противорѣчія нашего мышленія въ самую глубину нашего міросозерцанія; мы стараемся обмануть себя и другихъ. Почти двѣ трети нашихъ философствованій уходятъ на критическое уловленіе противорѣчій у другихъ философовъ. Въ противоположность этому, у индусовъ противорѣчіе признается открыто и безъ всякихъ околичностей. Какъ переливчатою тканью, противорѣчіемъ у нихъ облекается обнаженная истина. Безчисленные боги,— и при этомъ единый міровой духъ; индивидуумъ, обреченный на долгій рядъ перевоплощеній,— и, въ то же время, снятіе индивидуальности въ „тать-твамъ-аси“ („то-есть-ты“); этика, основанная на этомъ ученіи о переселеніи душъ,— и несмотря на это признаніе: „только тотъ, кто еще подвластенъ слабостямъ незнанія, можетъ признавать такое переселеніе“; свобода воли,— и необходимость; идеальность міра, его реальность и т. д. Какъ будто съ умышленной иронією и съ какимъ-то предвзятымъ пристрастіемъ ставитъ индо-арієцъ въ одинъ рядъ всѣ эти ученія, съ точки зрѣнія чисто логическаго мышленія совершенно несовмѣстимыя.

Изумительная способность арійцевъ къ математикѣ достаточно сказывается въ томъ фактѣ, что они, которымъ была противна буква, изобрѣли цифры, неправильно названныя „арабскими“, чѣмъ и открыли путь всякой высшей математикѣ; но въ своей дѣтской простотѣ и величіи они никогда не дошли бы до геометрической конструкціи „божества“ и до вычисленія добродѣтели по тройному правилу. Во всѣхъ индусскихъ произведеніяхъ противорѣчія, какъ сказано, остаются явными. Поэтому читатель не найдетъ у нихъ той неприкрытой простоты и обозримости, того индивидуальнаго мышленія, лишеннаго противорѣчій, которое стремятся къ единогласію только съ самимъ собою. Это не система, по крайней мѣрѣ не въ нашемъ значеніи слова, а скорѣе размышленія, взысканія въ области нѣкотораго міросозерцанія, предполагаемаго всѣмъ извѣстнымъ и для всѣхъ несомнѣннымъ, создававшагося органически, усиліями тысячи родственныхъ умовъ и многочисленныхъ, одно за другимъ слѣдовавшихъ поколѣній.

Въ правѣ ли мы называть попросту нелогичнымъ такого рода мышленіе, въ которомъ противорѣчія слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ? Не думаю.

Нѣтъ сомнѣнія, что, взятое въ цѣломъ, индусское міровоззрѣніе, если не нелогично, то, во всякомъ случаѣ, алогично; но алогично именно въ томъ смыслѣ, что логика не подчиняетъ себѣ мышленія, а напротивъ, служитъ ему тамъ, гдѣ оно въ ней нуждается.

Въ опредѣленномъ, хотя и ограниченномъ

смыслѣ, логика можетъ быть названа именно внѣшней стороной нашего мышленія, его формой; но, кромѣ того, существуетъ еще матерія мышленія, которая, съ этой точки зрѣнія, образуетъ его внутреннее содержаніе. У насъ же, по примѣру эллиновъ, создалась привычка подчеркивать форму; неизбѣжныя противорѣчія мы, какъ уже было сказано, стараемся упрятать вовнутрь, влагаемъ ихъ въ самую матерію, гдѣ они не такъ бросаются въ глаза. Индо-арійцъ же, наоборотъ, въ своемъ мышленіи выдвигаетъ прежде всего матерію, а потомъ форму. Оттого онъ и дѣлаетъ различіе между „внутреннимъ“ или истиннымъ знаніемъ и тѣмъ „незнаніемъ“, которое касается именно логическихъ формъ, или, какъ выражается Шанкара, „всякихъ занятій надъ доказываніемъ и надъ доказуемымъ“.

Существуютъ вещи, которыя могутъ быть доказаны, и вещи, которыя доказаны быть не могутъ. Когда арійцъ весь свое мышленіе основываетъ на несокрушимой увѣренности въ моральномъ значеніи міра—своего собственнаго бытія и бытія всеобщаго—то онъ строитъ свое мышленіе на „внутреннемъ познаніи“, но ту сторону „всякихъ занятій надъ доказываніемъ“. Эта „матерія“ не можетъ быть получена изъ наблюденія надъ окружающей природой. И однако же мы видимъ, что индо-арійцъ невзмѣнно смотритъ на всю природу, какъ на нѣчто ему самому родственное и, слѣдовательно, имѣющее моральное значеніе. Сказывается это прежде всего на его миѳологіи, которая, благодаря этому, до того усложнена, что тѣ боги, которые прежде всего олицетворяютъ явленія природы, являются въ то же время символами внутреннихъ силъ въ человѣческой груди. Какъ будто арійцъ чувствуетъ въ себѣ потребность извлечь и бросить міру все то, что шевелится въ темныхъ нѣдрахъ его существа, и какъ будто потомъ великія явленія природы—ясное небо, облака, огонь и т. д.—возвращаются тѣмъ же путемъ, но тѣмъ же наружу прорвавшимся изъ глубины лучамъ, вторгаются въ грудь человѣка и таинственно шепчутъ ему: да, другъ, мы то же, что ты! Отсюда эта странная безбоязненность въ отношеніяхъ древнихъ арійцевъ къ ихъ „богамъ“. У нихъ нѣтъ опредѣленно выраженныхъ представленій о подчиненіи, а говорятся совершенно запросто о „двухъ народахъ“, Какъ говоритъ Дейссенъ: „Если у семитовъ Богъ прежде всего господинъ, а человѣкъ—его слуга, то у индо-арійцевъ царитъ представленіе о Богѣ, какъ объ отцѣ, и о людяхъ, какъ о дѣтяхъ его“.

Вотъ здѣсь-то, въ этомъ предрасположеніи строить свое міросозерцаніе, исходя отъ внутренняго къ внѣшнему, и лежитъ зародышъ неслыханнаго развитія метафизической способности, зародышъ всѣхъ великихъ произведеній индо-арійскаго мышленія. Такъ напримѣръ, старый, неподдѣльный пессимизмъ индусовъ, ихъ свойство распознавать страданіе во всей природѣ—основано цѣликомъ на чувствѣ страданія въ собственной груди; и отсюда оно уже распространяется на весь міръ.

Это и есть проектированіе внутреннихъ переживаній во внѣшнюю природу, ибо никакая наука въ мірѣ не способна доказать, что страданіе существуетъ, не можетъ установить даже его вѣроятія. Страданіе есть исключительно внутренній опытъ.

Достаточно измѣрить всю глубину преобладанія внутренняго момента въ индо-арійскомъ мышленіи, чтобы понять, сколь тѣснымъ родствомъ это мышленіе связано съ религіей.

Въ самомъ дѣлѣ: ставить индусскую философію, какъ „чистую, систематическую философію“, въ рядъ съ системами Аристотеля, Декарта или Канта было бы ребячествомъ; точно такъ же, какъ было бы легкомысленно ставить религію Ведъ на одной высотѣ съ христіанскою. Но въ одномъ отношеніи духовный уровень индо-арійцевъ стоитъ недосягаемо выше нашего: именно, поскольку тамъ философія была религіей, а религія—философіей. У насъ мысль и чувство, вначалѣ какъ пара близнецовъ мирно почивавшія въ лонѣ человѣческаго сознанія, достигнувъ зрѣлаго возраста, отошли другъ отъ друга, точно два совершенно чуждыя существа: враждебно стоятъ они другъ противъ друга. Съ этимъ долженъ согласиться всякій, сколько-нибудь одаренный и незаносимый умъ. Если же они приходятъ въ соприкосновеніе, какъ, напримѣръ, въ схоластикѣ или (на другомъ концѣ скалы) въ позитивизмѣ, то у каждаго изъ нихъ одно стремленіе: подчинить другого и заставить служить себѣ.

Было бы печально, если бы высокое развитіе отдѣльныхъ проявленій нашей расщепленной дѣятельности лишило насъ способности хоть издали восхищаться и пѣнить непередаваемую силу и красоту явленія цѣлостнаго и законченнаго въ себѣ.

Эта слитность религіи и философіи сдѣлала возможнымъ нѣчто, чего—въ этомъ приходятся сознаваться съ горечью—въ нашей культурѣ почти нѣтъ: въ Индіи не нашлось бы ни одного человѣка столь низкаго духовнаго уровня, чтобъ онъ могъ оказаться совершенно невосприимчивымъ къ философіи; и ни на какой высотѣ дерзновенный полетъ мысли исключительно одареннаго не отнималъ у него пламень „религіозности“. Тайнаго ученія въ Индіи не

существовало; это утвержденіе, которое часто приходится слышать, покоится на недоразумѣніи. Но развѣ глубочайшее познаніе не остается для всѣхъ насъ и безъ того тайною? Развѣ не ясно для всякаго, что различныя способности разныхъ людей составляютъ безконечную лѣстницу ступеней, гдѣ открытое одному остается сокрытымъ отъ другого? Но это нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ тайны кабалистики. Индо-арійское мышленіе и чувство, медленно и органически возникая въ сердцахъ и умахъ цѣлаго народа религіозныхъ мыслителей, выросло въ такой изумительный пластическій организмъ, что оно могло въ одинаковой мѣрѣ удовлетворять самымъ разнороднымъ духовнымъ запросамъ.

„Въ странѣ этой во всѣ времена царствовала абсолютнѣйшая свобода мысли", говоритъ профессоръ Гарбе. И нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ не о той свободѣ, которую міряпинъ постепенно отвоевываетъ (какъ это происходитъ у насъ) у противоборствующаго духовенства, но что эта „абсолютнѣйшая свобода мысли" есть въ то же время одна изъ органическихъ составныхъ частей индо-арійской религіи, изъ которой свобода эта рождается естественно, непротиворѣчиво, безпроблемно. Оттого-то религія и является тамъ носительницей науки, которая безъ свободы мысли существовать не можетъ. Всѣ достиженія индо-арійцевъ, въ области математики, филологіи и т. п., неизмѣнно связаны съ ихъ гносеолого-религіозными представленіями.

Ничего подобнаго мы не находимъ у себя. У насъ всякая истинная наука и всякая истинная философія находятся въ исконной борьбѣ съ религіей. Если же борьба иной разъ временно и затихаетъ, то здѣсь играетъ роль или практическая необходимость примѣниться къ даннымъ обстоятельствамъ на почвѣ обоюдной систематической неустойчивости въ мышленіи и въ поступкахъ, или же сознательное и разсчитанное ханжество. Если въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего населенія и сохранилась религія, то Богу вѣдомо, сколь безуспѣшно было бы искать тамъ хоть какихъ-нибудь проблесковъ мысли; у философовъ же нашихъ мы или совсѣмъ не находимъ религіи, или только ея маску. О большинствѣ же нашихъ образованныхъ людей приходится сказать безъ преувеличенія, что нѣтъ у нихъ ни религіи, ни философіи: они подобны существамъ нѣкогда крылатымъ, у которыхъ оба крыла отрѣзаны.

Теперь мы осознали то свойство индо-арійскаго мышленія, которое носитъ въ себѣ главные задатки будущаго гуманитарнаго воздѣйствія; и я надѣюсь быть понятымъ, если скажу: величайшее непосредственное вліяніе его должно сказаться на той сущности нашей, изъ которой и исходитъ все міросозерцаніе, т.-е. все то, что заключаютъ въ себѣ понятія религіи и философіи: здѣсь сущность должна оказать дѣйствіе на сущность, пробуждая насъ отъ летаргическаго сна къ новой жизни. То средостѣніе, которое наши учители церкви съ такимъ искусствомъ воздвигли между религіей и научно-правдивымъ мышленіемъ—неправое дѣло; это офиціальное признаніе лжи. Ложь эта, отравляющая существованіе и общества и отдѣльныхъ лицъ, ввергнетъ насъ рано или поздно въ состояніе полнѣйшаго варварства, потому что она неизбѣжно будетъ содѣйствовать побѣдѣ дурныхъ и глупыхъ среди насъ (ибо они лишь одни искренни, а оттого и сильны); проистекаетъ же эта ложь исключительно изъ того, что мы, индо-европейцы, принадлежа къ самому религіозному племени земного шара, унизились настолько, что положили въ основу своей „религіи" іудейскую исторію, а какъ вѣнецъ этой мнимой „религіи" приняли сиро-египетскую магію. Выходитъ такъ, какъ будто оба разбойника, распятые по лѣвую и правую сторону Спасителя, помилованные и снятые со своихъ крестовъ—тутъ-то и стали глумиться надъ божественнымъ образомъ Іисуса Христа.

Правда, мы долгимъ, кровавымъ боемъ отвоевывали себѣ свободу мыслить, начиная отъ Скота Эригены и до нашего времени, но „безъ вѣры нѣтъ мышленія", учитъ насъ глубокомысліе индо-арійца, и вотъ свѣтъ нашего подлиннаго собственнаго міросозерцанія продолжаетъ горѣть подъ сосудомъ. Оно не можетъ принять этой чуждой, сиро-семитической вѣры, съ которою не мирится наше мышленіе, а провозгласить другую вѣру не дерзаетъ; и кромѣ того, оно не можетъ выступить здѣсь въ качествѣ „философіи", а должно было бы проявить себя скорѣе въ качествѣ „религіи". Потому, что есть религія, придется сперва поучиться у индо-арійцевъ, потому что мы это забыли.

...Есть механически объяснимый міръ становленія [1]) и есть механически необъяснимый міръ бытія. Если человѣкъ организуетъ первый міръ,—то онъ создаетъ науку, если второй,—то получаетъ религію. Истинная наука не должна никогда переходить за предѣлы области становленія и доискиваться послѣднихъ основъ бытія, или же ей неизбѣжно грозитъ „помраченіе духа", какъ говоритъ индусскій мысли-

[1]) Становленіе—философскій терминъ, обозначающій измѣнчивую сторону міра въ противоположность бытію — неизмѣняющейся вѣчной основѣ.

тель; въ этомъ случаѣ она уже превзбрегаетъ точнымъ опытнымъ познаваніемъ и черезъ это уничтожаетъ сама себя. Пытаясь затѣмъ совершенно произвольными, ложными выводами механически истолковывать немеханическое, наука эта тѣмъ самымъ спираетъ нерушимыя грани и своимъ неправомѣрнымъ догматизмомъ подготовляетъ гладкій путь тѣмъ самымъ попамъ, которые осмысливаютъ механическое немеханически. Съ другой стороны, истинная религія можетъ и должна имѣть соотношеніе только съ бытіемъ, и никогда не со становленіемъ. Индо-арійцы знали это настолько хорошо, что на протяженіи цѣлыхъ тысячелѣтій не допускали никакихъ вопросовъ о сотвореніи міра и вообще о какихъ бы то ни было первопричинахъ; въ крайнемъ случаѣ они терпѣли подобныя вещи лишь какъ сознательную игру воображенія поэтическими символами. „Происхожденіе міра необъяснимо даже для владыкъ боговъ", говоритъ Шанкара. Какъ только религія захватываетъ область становленія, другими словами, какъ только она становится историчной—какъ въ іудейско-христіанскихъ церквахъ—она разрушаетъ науку, а вмѣстѣ съ этимъ и сама теряетъ свое собственное, несравненное значеніе.

Истинно религіозная точка зрѣнія высказана съ изумительною афористическою краткостью въ Упанишадѣ: „Не во времени—я, но самъ я—время".

Никогда индусъ не покушается доказывать существованіе Бога. То, что индусы почитаютъ какъ божественное—„по ту сторону неба и въ глубинѣ сердца"—не имѣетъ ничего, рѣшительно ничего общаго съ Ягве книги Бытія и церковно-христіанскаго ученія.

Другое важное слѣдствіе этого единственно истиннаго—или по меньшей мѣрѣ „арійскаго" — пониманія религіи заключается въ томъ, что основа нравственности зиждется здѣсь не на предстоящей наградѣ или будущемъ возмездіи, а на благоговѣйномъ отношеніи человѣка къ самому себѣ, къ тому всеобъемлющему, что человѣкъ „тантъ въ глубинѣ сердца". Это означаетъ освобожденіе отъ тѣхъ недостойныхъ и безумныхъ представленій о раѣ и адѣ, противъ которыхъ уже нѣсколько столѣтій раздаются громкіе протесты со стороны такихъ благочестивыхъ христіанскихъ священниковъ, какъ Мейстеръ Экартъ, протесты со всѣмъ пыломъ нѣмецкаго воодушевленія. Религія есть настоящее,—не прошедшее и не будущее.

Но въ то же время—и этого нельзя обойти молчаніемъ—Христосъ далъ намъ нѣчто, чего не могло дать все древне-арійское мышленіе вмѣстѣ взятое. Правда, представленіе о Богочеловѣкѣ и свойственно—какъ было уже указано - арійцамъ, семитамъ же совершенно чуждо; но живой примѣръ и спекулятивная идея разнятся межъ собою, какъ день и ночь. Тѣмъ, что Христосъ гораздо ближе къ природѣ, Онъ ближе къ Богу: этимъ, я думаю, сказано главное. Даже отрицающій Церковь едва ли откажется назвать это явленіе, всегда говорящее о Богѣ только какъ объ „Отцѣ" — Сыномъ Божіимъ. Въ подлинномъ арійскомъ мышленіи заложены зачатки представленія о природѣ, какъ о дѣлѣ рукъ дьявола (довольно припомнить Заратустру и христіанскихъ гностиковъ); отсюда неизбѣжно вытекаютъ пессимизмъ и аскетизмъ. Но пессимизмъ, если онъ служитъ не только углубленію познанія, а становится умонастроеніемъ, ведетъ къ отреченію отъ воли, что знаменуетъ собою крушеніе человѣческой жизни; въ концѣ же концовъ онъ доводитъ до позора и рабства. Что мы и видимъ въ нынѣшней Индіи. Въ противовѣсъ этому, Христосъ (въ своемъ собственномъ, чисто-человѣческомъ ученіи, обратномъ тому, что изъ него сдѣлала Церковь), возвѣщаетъ намъ свое Да, радостное, безпредразсудочное и полное довѣрія; въ этой жизни заключено Небо, какъ зарытый въ полѣ кладъ. Эта простота превосходитъ всякое глубокомысліе. Поэтому, если я и жду воздѣйствія сущности на сущность, если жажду очистительнаго омовенія въ свѣтлыхъ струяхъ неподдѣльнаго арійскаго религіознаго мышленія, то все-таки я очень далекъ отъ того, чтобы обмѣнять то драгоцѣнное, чѣмъ я уже владѣю, на то далекое, что одно никогда и не удовлетворитъ меня вполнѣ. Мало того, я убѣжденъ, что школа индусскаго мышленія способна положить начало болѣе чистому, болѣе свободному и возвышенному, а потому и болѣе достойному отношенію къ Іисусу Христу.

Смерть и безсмертіе въ свѣтѣ современной біологіи.

[151.6:577]

Очень часто успѣхи науки въ какой-либо области заставляютъ пересмотрѣть вопросы, казалось, давно забытые, открываютъ новые горизонты и проливаютъ свѣтъ на нѣкоторыя загадочныя явленія. Замѣчательные опыты съ съ анабіозомъ, приходящіе ткани и организмы въ состояніе, совершенно отличное отъ обычнаго жизненнаго процесса, побудили натуралистовъ вновь задуматься о жизни, о смерти, о сущности этихъ явленій и о возможности

безсмертія. Не удивительно, что въ послѣднее время эти проблемы горячо обсуждаются со всѣхъ сторонъ.

Изданіе „Новые идеи въ біологіи" отвели цѣлую книжку (сбор. № 3) вопросу о смерти и безсмертіи. Начинается она статьей проф. А. Вейсмана, *перваго* біолога, внесшаго понятіе безсмертія въ позитивную науку. До него никто изъ натуралистовъ и не думалъ о возможности безсмертія,—такъ это казалось невѣроятно.

Детальное изученіе жизни простѣйшихъ животныхъ привело Вейсмана къ открытію безсмертія у одноклѣточныхъ животныхъ. Каждое одноклѣточное животное дѣлится пополамъ безъ остатка; получаются двѣ новыя особи, которыя точно такъ же, въ свою очередь, дѣлятся, и такъ далѣе безъ конца.

Такимъ образомъ, ни одна особь никогда не умираетъ, развѣ только отъ случайной причины, и существуетъ постоянная непрерывность жизни.

Смерть, по Вейсману, не представляетъ собой явленія неизбѣжнаго и лежащаго въ самой сущности жизни. Скорѣе она является лишь цѣлесообразнымъ приспособленіемъ, появившимся тогда, когда организмы достигли большой сложности, потребовавшей раздѣленія труда между клѣтками организма. Неограниченная продолжительность жизни была бы роскошью для особи и вредила бы виду, потому что сохранялись бы неприспособленныя и слабыя особи.

Но и высшія животныя утратили безсмертіе не окончательно. Зародышевыя клѣтки высшихъ животныхъ, дающія новое поколѣніе, поддерживаютъ безсмертіе протоплазмы и безсмертіе вида. Сами онѣ безсмертны въ томъ же смыслѣ, какъ и простѣйшіе одноклѣточныя животныя. Такимъ образомъ, клѣтки сложнаго организма имѣютъ различную судьбу: одѣ получили спеціальную, сложную дифференцировку, превратившись въ нервныя клѣтки, мышечныя волокна и т. д. и утратили безсмертіе; зародышевыя клѣтки, сохранивъ простоту строенія, взяли на себя задачу поддержанія непрерывнаго потока жизни.

Но клѣтки организма въ теченіе его жизни все время дѣлятся, какъ и зародышевыя, какъ и простѣйшія одноклѣточныя животныя, только ихъ размноженію положенъ предѣлъ. Изъ того факта, что этотъ предѣлъ у разныхъ видовъ далеко не одинаковъ (нѣкоторыя—напр.—эпителій нашей кожи—даютъ милліоны поколѣній въ теченіе человѣческой жизни), Вейсманъ дѣлаетъ выводъ, что тѣлесныя клѣтки утратили безсмертіе не навсегда и, быть можетъ, когда-либо могутъ его достичь вновь.

Взгляды Вейсмана подверглись критикѣ со стороны Р. Гертвига *). Послѣдній разводилъ культуры простѣйшихъ животныхъ и замѣтилъ, что по временамъ передъ дѣленіемъ клѣтка выталкиваетъ вонъ часть ядра или растворяетъ его въ своей плазмѣ. Здѣсь Гертвигъ видитъ уже частичную смерть клѣтки. Кромѣ того, для того, чтобъ дѣлиться неопредѣленно долго, клѣтка,—говоритъ Гертвигъ,—по временамъ должны впадать въ особое состояніе понижен-ной, дремлющей жизни, и въ это время реорганизуются, чтобы начать новый циклъ дѣленій.

Клѣтки высшихъ животныхъ работаютъ на пользу всего организма, выражаться изъ подчиненія онѣ не могутъ и должны служить до полнаго истощенія. Если бы онѣ могли по временамъ погружаться въ такое же дремотное состояніе, отдохнуть и внутренно реорганизоваться, быть можетъ, онѣ бы и вернули способность безконечнаго размноженія. Въ высшей питесивности жизни заключается, по Гертвигу, орудіе смерти.

Ч. Майнотъ также признаетъ безсмертіе протоплазмы. Но высшимъ организмамъ онъ отказываетъ въ безсмертіи.

Безсмертіе зависитъ отъ безграничной способности дѣленія; вотъ эту способность, по Майноту, высоко диференцированныя клѣтки теряютъ. Въ своей статьѣ „О безсмертіи и о развитіи жизни", тамъ же онъ приводитъ рядъ кривыхъ, показывающихъ, какъ параллельно съ диференціаціей и усложненіемъ клѣтокъ теряется ихъ способность къ размноженію. Такимъ образомъ, смерть есть плата за диференцировку, давшую намъ такіе тонкіе инструменты, какъ глазъ, мозгъ и т. п. Но, подобно Вейсману, Майнотъ полагаетъ, что смерть обусловлена только данными направленіемъ эволюціи видовъ, что она существуетъ только потому, что полезна для вида; но при другихъ условіяхъ ея могло бы и не быть.

Другіе авторы нѣсколько иначе смотрятъ на сущность старости и причины смерти.

Калкинсъ, Конклинъ и Чайлдъ считаютъ старость вырожденіемъ, связаннымъ съ пониженіемъ обмѣна веществъ. Гёте ставитъ старость и смерть въ связь съ размноженіемъ. По его мнѣнію, животное умираетъ тогда, когда оно обезпечило себя потомствомъ. Слѣдовательно, онъ считаетъ смерть явленіемъ естественнымъ для вида. Мнѣніе Гёте однако не согласуется со многими фактами біологіи: напр., рыбы живутъ чрезвычайно долго,

*) „Новыя идеи въ біологіи" № 3. Р. Гертвигъ „О причинахъ смерти".

даже сотни лѣтъ, тогда какъ онѣ каждый годъ откладываютъ неисчислимое количество яичекъ въ видѣ икры.

Мечниковъ, какъ извѣстно, видитъ причину смерти въ самоотравленіи продуктами обмѣна. Ослабленныя этими внутренними ядами ткани не могутъ не противустоять вреднымъ вліяніямъ. Съ другой стороны, макрофаги, эти чистильщики организма, начинаютъ усердно пожирать ослабленныя въ своей жизнедѣятельности ткани и часто уничтожаютъ благородные элементы, необходимые для жизни, напр., нервныя клѣточки.

Теорія Мечникова представляетъ большой интересъ въ примѣненіи къ человѣку и высшимъ животнымъ, но она лишена общебіологическаго интереса, и поэтому не приложима къ животнымъ, имѣющимъ совсѣмъ другую организацію. Современные біологи ищутъ причину старости и смерти въ свойствахъ самой животной клѣтки, а не въ организаціи животнаго.

Любопытное возраженіе Вейсману дѣлаетъ проф. В. В. Завьяловъ въ журн. „Природа“ (январь). Вмѣстѣ съ тѣломъ человѣка старѣютъ и гибнутъ всѣ зародышевыя клѣтки, которыя не успѣли выдѣлиться. Эта гибель ихъ случайна, по мнѣнію Вейсмана. Но не случайна ли тогда, спрашиваетъ проф. Завьяловъ, и гибель самого тѣла? Быть можетъ, оно также можетъ быть безсмертно?

Отсюда проф. Завьяловъ заключаетъ, что не слѣдуетъ отчаиваться и нужно всѣми силами бороться со старостью и смертью, потому что эта борьба находитъ себѣ поддержку въ нашихъ инстинктахъ, которые говорятъ о постоянной жаждѣ безсмертія. Быть можетъ, объективные законы жизни находятъ себѣ объективное выраженіе въ инстинктѣ?.. Во всякомъ случаѣ, эта борьба глубоко человѣчна. Подобный же взглядъ высказалъ недавно на лекціи проф. Кулагинъ.

Если возможно омолаживаніе, — говоритъ проф. Завьяловъ,—то время обратимо. А возможно ли омолаживаніе?

Е. Шульцъ въ своей статьѣ „О молодѣніи“ помѣщенной въ томъ же сборникѣ „Новыя идеи въ біологіи“, доказываетъ, что омолодѣніе возможно, достижимо.

Онъ указываетъ на опыты Р. Гертвига, Шульца, Рябберта и Ганземана, въ которыхъ ткани теряли свою дифференцировку, упрощались, чтобы возмѣстить тотъ или другой дефектъ, произведенный экспериментаторомъ. Далѣе, въ опытахъ съ переносѣніемъ тканей на другой организмъ или на питательныя среды, наблюдалось, что эти ткани упрощались въ своемъ строеніи и пріобрѣтали большую энергію размноженія.

Клѣтки опухолей точно такъ же построены несравненно проще окружающихъ тканей и зато обладаютъ такой силой роста, передъ которой отступаетъ и гибнетъ все окружающее.

Причины упрощенія, дифференцированія авторъ видитъ въ различныхъ раздраженіяхъ, которымъ подвергаются клѣтки. Главнымъ же стимуломъ служитъ усиленная дѣятельность, соединенная съ голоданіемъ. Смерть не есть необходимость, безсмертіе допустимо, но у высшихъ животныхъ омолаживаніе совершается посредствомъ одной только клѣтки, зародышевой. Можно ли измѣнить такой порядокъ вещей, авторъ не говоритъ.

Проф. Метальниковъ считаетъ существованіе естественной, не обусловленной внѣшними причинами смерти у многоклѣточныхъ вовсе недоказаннымъ *). Наконецъ, приватъ-доцентъ Шмидтъ, производившій опыты съ анабіозомъ, высказываетъ надежду (лекція „На границѣ жизни и смерти“), что путемъ замораживанія можно устранить различныя болѣзненныя состоянія, освободить организмъ отъ бактерій и дать ему возможность неопредѣленно продолжительнаго существованія.

Такимъ образомъ, всѣ біологи считаютъ смерть явленіемъ случайнымъ, не необходимымъ, возникшимъ въ эволюціонной исторіи организмовъ, какъ полезное для вида приспособленіе, освобождающее его отъ слабыхъ, устарѣлыхъ, неприспособленныхъ индивидуумовъ. Все же ближайшія причины смерти неизвѣстны.

Съ другой стороны, всѣ признаютъ безусловное безсмертіе протоплазмы, вѣчность и неуничтожаемость потока жизни, въ которомъ отдѣльные индивидуумы являются лишь звеньями въ вѣчной цѣпи, передатчиками вѣчнаго огня отъ предковъ къ потомкамъ.

Каковы же надежды современной біологіи? Одна часть ученыхъ полагаетъ, что человѣку никогда не вырваться изъ желѣзнаго круга космическихъ законовъ. Другіе же надѣются, что наукѣ удастся побѣдить природу и, пользуясь силами той же природы, продлить человѣческую жизнь или неопредѣленно долго, или до наступленія того инстинкта смерти, о которомъ говоритъ Мечниковъ.

Но какъ бы ни были обольстительны эти надежды, онѣ не говорятъ намъ ничего о развитіи, о ростѣ человѣческаго духа, что мы привыкли связывать съ идеей безконечной

*) С. Метальниковъ „Идея безсмертія въ совр. біолог.“ „Завѣты“, февраль, 1914.

жизни. И остается открытымъ глубокій и важный вопросъ: удовлетворитъ ли насъ это скудное безсмертіе натуралистовъ?..

Мораль, основанная на демографіи.

[171 : 312]

Вопросы народовѣдѣнія (демографіи) волнуютъ въ послѣднее время Францію. Они вызваны, несомнѣнно, жизнью и, какъ таковые, для французовъ интересны не столько теоретически, какъ практически. Но особенно показательны попытки использовать демографію для построенія системы морали, что объясняется тенденціей французовъ придавать термину „демографія“ значеніе того отдѣла статистики, который имѣетъ своимъ предметомъ *нравственность* населенія.

Цѣль построенія такой системы преслѣдуетъ книга A. Dumont'а подъ заглавіемъ „Мораль, основанная на демографіи“, книга, разборъ которой мы находимъ на страницахъ журнала „Вѣра и Разумъ“ (1914 г. № 4) въ статьѣ архимандрита Никанора.

„Бросая бѣглый и общій взглядъ, пишетъ названный авторъ, на нравственное состояніе современнаго человѣчества, Dumont называетъ это послѣднее періодомъ морального кризиса. Примѣръ родной страны позволяетъ ему констатировать постепенное паденіе авторитета традиціонныхъ моральныхъ нормъ и прозрѣвать въ недалекомъ будущемъ нравственную анархію.

Гдѣ же причина переживаемаго моральнаго кризиса?—Dumont видитъ ее прежде всего и главнымъ образомъ въ относительности и измѣнчивости,—короче субъективизмѣ, нравственныхъ понятій. Совѣсть не универсальна и не однообразна, не одна и та же у всѣхъ людей. Между нравственностью атеиста, съ одной стороны, и человѣка, давшаго обѣтъ безусловнаго повиновенія, съ другой, „существуютъ не сотни, но тысячи посредствующихъ этаповъ“. Китаецъ и французъ при торжественныхъ обстоятельствахъ слѣдуютъ діаметрально противоположнымъ правиламъ поведенія. Извѣстное, строго опредѣленное явленіе (напр., полигамія) подвергается на правахъ этической ненормальности суровымъ преслѣдованіямъ въ однихъ странахъ и считается, не возбуждая угрызеній и мукъ совѣсти, узаконеннымъ обычаемъ у другихъ народовъ. Крайняя измѣнчивость въ нравственныхъ понятіяхъ—удѣлъ не только разъединенныхъ между собою расъ, но и сосѣднихъ народовъ, живущихъ подъ однимъ и тѣмъ же небомъ, въ одной и той же мѣстности. Субъективизмъ нравственности простирается такъ далеко, что она не всегда равна себѣ даже въ опредѣленномъ индивидуумѣ. Подъ вліяніемъ „внутренней и внѣшней среды“ окружающаго и цивилизаціи, въ томъ же самомъ субъектѣ нравственность можетъ измѣниться и дѣйствительно измѣняется. Подобная неустойчивость нравственности, какъ субъективнаго (въ смыслѣ личномъ и общественномъ) явленія, неизбѣжно отражается и на морали, какъ системѣ нравственныхъ нормъ, другими словами, на объективной морали. Вѣдь исторически эта послѣдняя, согласно Dumont'у, не что иное, какъ облеченная въ формулы нравственность извѣстнаго народа въ моментъ возникновенія его національнаго самосознанія. А свойственный каждой морали характеръ императива происходитъ единственно отъ привычки, только никомъ образомъ не отъ объективной раціональности дѣйствія. При такомъ положеніи вещей мораль оказывается уже не маякомъ, на что претендуетъ метафизическая философія, а флюгеромъ, который оборачивается при всякомъ случайномъ вѣтрѣ, говоритъ бѣлое или черное, сообразно обстоятельствамъ, въ которыхъ она образуется. Обусловленная въ самомъ своемъ происхожденіи случайностью, мораль, само собою разумѣется, eo ipso подлежитъ закону эволюціи, и нѣтъ въ цѣломъ мірѣ такой организаціи, которая тѣми или инными путями могла бы привести нравы въ неподвижное состояніе.

Банкротство субъективной морали съ особенною силою вызываетъ необходимость установить новый и объективный критерій порока и добродѣтели.

Правда, на это послѣднее претендовали и претендуютъ религія и философія. Однако Dumont убѣжденъ, что ни та, ни другая не оправдываютъ своихъ претензій.

Общимъ недостаткомъ всякой религіозной морали, раздѣляемымъ ею вмѣстѣ съ этикой философской и нравственными предписаніями законодательныхъ кодексовъ, по Dumont'у, является ея гетерономность, точнѣе же—противоестественность. „Дѣлать, пишетъ онъ, всѣ религіи, почти всѣ философскія системы, всѣ кодексы предписывали человѣку исполнять несвойственныя ему желанія именемъ премудрости божественной или человѣческой, высшей его и чужд ему.

Какъ ученую собаку, которую заставляютъ ходить, стоя на заднихъ лапахъ, короли, священники, колдуны и шарлатаны принуждали людей выполнять движенія, по самому существу противорѣчащія человѣческой организаціи. Религіи, именемъ самыхъ химерическихъ автори-

тетовъ, запирали человѣчество въ монастыри, увѣчили, обрѣзывали, кастрировали, бичевали, секвестровали, заключали, обкрадывали, сдирали кожу, все это посредствомъ убѣжденія. Онѣ заставляли человѣка не ѣсть, когда голоденъ, жить безъ любви,—мужчинъ безъ женщинъ, женщинъ безъ мужчинъ, благоговѣть съ трепетомъ предъ пустыми ящиками и лишенными смысла словами, замѣнять 4 раза въ годъ необходимую пищу постомъ, праздностью и воздержаніемъ".

Христіанская мораль не представляетъ въ данномъ случаѣ и отношеніи исключенія, скорѣе наоборотъ.

Отожествляя христіанство въ значительной мѣрѣ съ католицизмомъ, Dumont, прежде всего, самое Откровеніе Синая и Евангелія, на ряду съ которымъ, кстати, у него фигурируетъ и Коранъ, считаетъ минимумъ. „Многіе сотни тысячъ людей, говоритъ нашъ авторъ, состоятъ на жалованьѣ у народовъ Европы и Америки, чтобы учить ихъ морали, открытой среди грома и молній на вершинѣ аравійскаго вулкана. Ее изрекла миѳологія іудеевъ; они ее повторяютъ".

Собственно моральныя предписанія христіанства, если такъ можно выразиться, блещутъ отсутствіемъ новизны. Въ нихъ нѣтъ ничего ни особеннаго, ни незначеннаго: — это вещи, которыя всегда въ древности, какъ и теперь, были извѣстны всему міру, а то, чѣмъ, съ своей стороны, христіанство желало пополнить списокъ общечеловѣческихъ добродѣтелей, оказывалось ложнымъ и вреднымъ. Dumont утверждаетъ болѣе. Онъ склоняется къ мысли, что христіанство, какъ и всякая вообще религія, принижаетъ мораль. Церковь, по нему, не только не укрѣпляетъ общества въ томъ ходячемъ мнѣніи, какое каждый человѣкъ имѣетъ о своихъ обязанностяхъ, наоборотъ—ослабляетъ его, потому что обучаетъ послѣднимъ совмѣстно съ предписаніями, касающимися ритуала, „которымъ, однако, она приписываетъ гораздо большую важность". Церковь, развивая предыдущее положеніе авторъ, одновременно съ тѣмъ, какъ убѣждаетъ людей быть честными, прямыми, трудящимися, рекомендуетъ милліонъ разъ присутствовать при богослуженіяхъ и сто милліоновъ разъ говорить помолимся.

Образцомъ индивидуальнаго совершенствованія для христіанъ является Іисусъ—человѣкъ, который жилъ одинокимъ, у котораго никогда не было ни семьи, ни отечества, ни опредѣленной профессіи, ни отца, ни жены, ни дѣтей, который не былъ ни солдатомъ, ни гражданиномъ. Такой идеалъ, замѣчаетъ Dumont, если слѣдовать ему, окажется годнымъ единственно для того, чтобы создать чудаковъ или монаховъ, т.-е. лицъ, презирающихъ солидарность, въ широкомъ смыслѣ слова, эту необходимѣйшую изъ человѣческихъ обязанностей.

Полное осуществленіе евангельской морали наносило бы непоправимый ущербъ труду и наукѣ, тогда какъ для человѣчества они имѣютъ значеніе источниковъ всякаго блага, богатства, энергіи и умственной силы.

Въ самомъ дѣлѣ, „если бы мы подражали полевымъ птицамъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ, у насъ совсѣмъ не было бы агрикультуры. Если бы, къ несчастію, мы одѣвались какъ лиліи долинъ, которыя не прядутъ, не ткутъ, у насъ не было бы ни торговли, ни индустріи". А реализованная во внѣ проповѣдь дѣвства, породившая по началу анахоретовъ, или надолго бы превратила въ пустыню бассейнъ Средиземнаго моря и Западную Европу, или лишила бы ихъ культурныхъ обитателей.

Никоимъ образомъ нельзя ожидать научнаго и экономическаго прогресса тамъ, гдѣ смерть разсматривается какъ цѣль жизни, страданіе какъ средство совершенствованія, болѣзнь какъ нормальное состояніе человѣка, гдѣ вѣрятъ въ первородный грѣхъ и надѣются на сверхъестественную помощь благодати. И если исповѣдующіе христіанскую религію народы доселѣ не превратились въ животныхъ, не достигли состоянія полной атрофіи, то они обязаны главнымъ образомъ личному благоразумію, подсказавшему имъ надежный выходъ—вырваться изъ узъ евангельской морали. „Они энергичны и цивилизованы имъ той мѣрѣ, въ какой забываютъ ее", къ тому же и католицизмъ въ своей морали логически незаконченъ.

Согласно Dumont'у, послѣ религіи главнымъ препятствіемъ на пути осуществленія научной морали является метафизика. Между этой послѣдней и религіей Dumont устанавливаетъ нѣсколько пунктовъ соприкосновенія.—Прежде всего, и та, и другая—помѣха въ дѣлѣ исканія истины, отожествляемой нашимъ авторомъ, какъ это и вполнѣ естественно, съ научной моралью. Далѣе, если метафизика и не порабощаетъ, и не фанатизируетъ массъ, въ чемъ повинна религія, то, благодаря ей, становится безполезнымъ для научнаго прогресса даже культурное меньшинство. Субъективный характеръ метода и преобладающій надъ созидательнымъ критическій элементъ метафизики отражается въ свою очередь на философской этикѣ. Ей, какъ и религіозной морали, не достаетъ объективности ни въ исходныхъ точкахъ, ни въ заключительныхъ моментахъ. Будучи въ отношеніи интеллектуальномъ сынами классической древности, философы, пишетъ Dumont,

отдаютъ предпочтеніе авторитету совѣсти предъ авторитетомъ науки. Отсюда, несмотря на 25-ти вѣковое существованіе и претензіи перенестись въ нѣдра абсолютнаго, въ надеждѣ открыть разомъ всю мораль, философская этика досель не имѣетъ прочныхъ основъ, но установила точныхъ границъ, не опредѣлила своего предмета, не выяснила тѣхъ средствъ, которыми она можетъ располагать въ изученіи подлежащихъ ея вѣдѣнію феноменовъ. Метафизическая мораль абстрактна.

Она очень похожа на грамматику. Грамматика не создаетъ языка, но формируетъ, сокращаетъ и очищаетъ его. Такъ и философская этика.

Итакъ, религія или, сохраняя терминологію Dumont'a, религіозные предразсудки, вмѣстѣ съ заблужденіями, рутиною и вѣковымъ невѣжествомъ, суть мнимые факторы морализаціи. Претендуя измѣнить человѣческое сердце, религіи фактически не исполняютъ данныхъ ими обѣщаній. Онѣ, какъ въ собственномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ, могутъ обезпокоить это сердце, сдавить, съ ущербомъ для здоровья, его біеніе, произвить и даже заставить умереть, но совершенно безсильны измѣнить его.

Съ другой стороны, и абстрактный долгъ философовъ—не что иное, какъ легко улетучивающійся остатокъ тѣхъ противорѣчивыхъ нравственностей, простое сравненіе которыхъ уже разрушаетъ условную мораль.

Выводъ отсюда понятный. Традиціонные нравы въ ихъ цѣломъ и частяхъ должны быть не только поколеблены, но безпощадно и безъ всякихъ исключеній потрясены въ самой своей основѣ. По мнѣнію Dumont'a, для достиженія намѣченнаго существуетъ одинъ путь — выработка и установка новой морали.

„Мораль—вещь соціальная“ говоритъ Dumont. Неправильной, по его мнѣнію, была досель самая постановка этической проблемы. Вѣдь вопросъ не въ томъ: существуетъ ли долгъ, какъ вѣчто такое, что должно исполнять? Гораздо важнѣе, полагаетъ Dumont, уяснить, что именно слѣдуетъ исполнять и разсматривать какъ нашу обязанность. Вотъ къ этой-то конкретизаціи, къ тому, чтобы найти пробный камень добра и зла, между прочимъ, и должна стремиться мораль.

Перейдемъ къ обозрѣнію конкретныхъ формъ, въ которыя отлилась позитивная мораль у Dumont'a.

Если объектомъ морали должно быть общество и основную ошибку этики прошлаго составляло перенесеніе центра тяжести на индивидуума, если результаты извѣстнаго акта, отразившіеся на обществѣ, — суть истинныя санкціи перваго, то научной морали предстоитъ рѣшить двойную задачу.

Ея отрицательная работа сводится къ тому, чтобы разрушить дурные предразсудки, внѣдренные въ человѣка привычкой и воспитаніемъ, а положительною цѣлью будетъ отыскать для человѣческихъ дѣйствій естественныя санкціи, составить возможно полный списокъ ихъ, съ указаніемъ относительной важности каждой, и, въ итогѣ, замѣнить имъ ходячую мораль.

По мнѣнію Dumont'a дѣйствительно научная мораль теперь можетъ быть выработана, благодаря наличности и при помощи этнографіи и демографіи.

Роли этихъ наукъ, по идеѣ, распредѣляются здѣсь слѣдующимъ образомъ: этнографія доставляетъ фактическій матеріалъ, касающійся нравовъ человѣчества, въ его полномъ объемѣ, съ одной стороны, прошломъ и настоящемъ, съ другой, а демографія производитъ оцѣнку ихъ подъ угломъ общественнаго блага.

Такъ какъ только невѣжество не можетъ быть убѣждено относительно данныхъ изъ области нравственности, собранныхъ этнографіей, демографія же является наиболѣе передовой и солидной частью соціологіи, то нѣтъ абсолютно ничего болѣе грандіознаго, необходимаго и спасительнаго, чѣмъ попытка построить мораль на данныхъ демографіи.

Демографія съ точностью измѣряетъ силу народовъ, какъ абсолютную, такъ и относительную, съ немеяьшею точностью можетъ выразить ее за каждый годъ существованія этихъ послѣднихъ, и, такимъ образомъ, демографическая мораль далека отъ той, для которой критеріемъ служитъ усѣхъ.

Dumont убѣжденъ, что за преступленіе своихъ законовъ природа денимируетъ. Не менѣе ясно для него и то, что демографія можетъ учесть тяжесть проступковъ и ошибокъ по тѣмъ поврежденіямъ, которыя они причиняютъ. Отсюда уже становится до нѣкоторой степени понятной сущность демографическаго критерія.

Если питаніе и размноженіе суть два основныхъ взаимнопредполагающихъ закона природы органической, то, очевидно, сила извѣстнаго учрежденія измѣряется его способностью создавать людей здоровыхъ въ физическомъ и духовномъ отношеніи, энергичныхъ, счастливыхъ и многочисленныхъ. И наоборотъ, пониженіе рождаемости само въ себѣ такой феноменъ, который, будучи надлежащимъ образомъ констатированъ, достаточенъ, по своей важности, для того, чтобы инкриминировать всю нашу нравственность, философію, политическую и соціальную организаціи. Иначе говоря, уменьшеніе и увеличеніе силы народной нужно раз-

смотривать, какъ результатъ и санкцію нравовъ худыхъ или добрыхъ, потому что при моральной оцѣнкѣ извѣстнаго факта слѣдуетъ принимать въ соображеніе прежде всего моральность дѣйствія, личная же нравственность человѣка здѣсь имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Доступное исключительно для демографическаго измѣренія это сокращеніе или расширеніе соціальной силы и образуетъ искомый объективный критерій, истинный этометръ. Словомъ, критеріемъ для положительной оцѣнки нравовъ, обычаевъ и какого бы то ни было образа дѣйствія народонаселенія является его демографическая сила, поскольку само общество должно преслѣдовать одну цѣль — имѣть возможно большее количество людей, а каждаго изъ индивидовъ надѣлить наибольшей степенью силы. Возможно, впрочемъ, и иное, implicite [1]), все же заключающееся въ предыдущемъ, опредѣленіе демографическаго критерія, а именно какъ такого, который намъ показываетъ, насколько хороша или фатальна, мелленна или быстра историческая эволюція. Однако есть данныя, видимо противорѣчащія демографическому принципу, узнавать по плоду цѣнность дерева,—принципу, покоющемуся на предположеніи: положительныя дѣйствія порождаются добрыми причинами и обратно. Какъ будто не въ его пользу говорятъ тысячи примѣровъ, показывающихъ, что смертность часто стоитъ въ зависимости отъ характера, безспорно, почтенной самой по себѣ профессіи (врачъ), степени, безусловно, полезной для общаго блага активности извѣстныхъ индивидовъ и даже цѣлыхъ народовъ и т. п. Но, полагаетъ Dumont, достаточно внимательно присмотрѣться, и цѣнность этихъ примѣровъ значительно падаетъ, потому что, въ существѣ дѣла, она покоится на смѣшеніи двухъ точекъ зрѣнія: соціальной и индивидуальной. Не нужно никогда судить о моральности дѣйствія по результатамъ—добрымъ или худымъ для индивида, который является виновникомъ этого дѣйствія. Критеріемъ моральнаго не можетъ быть ни увеличеніе, ни уменьшеніе индивидуальнаго блага и силы. Правда, общество состоитъ изъ индивидовъ и ихъ количественное уменьшеніе должно отразиться на цѣломъ индивидовъ—обществѣ. Но, повторяетъ Dumont въ другихъ выраженіяхъ только что высказанную мысль,—случаи внѣбрачныхъ рожденій, преждевременные браки молодыхъ людей, целибатъ— явленія, предосудительныя гораздо болѣе въ той мѣрѣ, въ какой они вредятъ націи, нежели непосредственно индивидамъ.

[1]) Неясно, запутанно, темно.

Опредѣленная вышеуказаннымъ образомъ демографическая санкція, исключая, по словамъ Dumont'а самую возможность ошибокъ или неясности, почію обнаруживаетъ притворство теологической. Правда, первая пренебрегаетъ личностью, но зато обладаетъ неоспоримыми преимуществами другого порядка. Прежде всего демографическая санкція не химерична, а дѣйствительно существуетъ, и ея наличность можетъ быть констатирована, далѣе, этого рода санкція укрѣпляетъ солидарность между людьми, наконецъ, она болѣе подвижна и разнообразится въ своей интенсивности соотвѣтственно времени, мѣсту, законодательству и тысячѣ другихъ обстоятельствъ.

Съ другой стороны, мораль демографическая своими положительными предписаніями выгодно отличается и отъ морали эмпирической, проникнутой по преимуществу отрицательнымъ характеромъ (не убивай, не кради, не лги и т. д.).

Расходясь съ моралью прошлаго, воззрѣнія которой на нравственность были проникнуты всецѣло пассивнымъ характеромъ, демографическая совпадаетъ съ нравственными понятіями античныхъ республикъ, гдѣ добродѣтелью считались жизнь, энергія и активность".

Размышленія Марка Аврелія.

[I(A)]

Не только вновь открытыя, недоступныя намъ раньше сокровища духа переплавливаются современной мыслью; и знакомыя, пересказанныя уже слова мудрецовъ и поэтовъ нашей культуры снова оживаютъ въ нашей памяти. Въ вѣкъ демократіи, когда каждый долженъ быть грамотенъ и способенъ понять всю накопленную не только для избранниковъ духа мудрости вѣковъ переводы древнихъ писателей, дающія возможность всякому непосредственно, не черезъ пересказъ, пріобщиться къ ихъ мысли, къ ихъ исканіямъ, пріобрѣтаютъ все большее значеніе и большую цѣнность.

Книгоиздательство бр. Сабашниковыхъ ставитъ своею цѣлью ознакомленіе съ лучшими образцами мірового творчества, выпуская, въ первую очередь, переводы писателей античнаго міра. Въ ряду этихъ переводовъ видное мѣсто занимаетъ книга Марка Аврелія „Наединѣ съ собой", содержащая тѣ размышленія, которыя нашъ философъ, волею судьбы поставленный на тронъ властителя величайшей міровой имперіи и вынужденный чуть ли не половину своего царствованія проводить на

войнѣ, заносилъ по вечерамъ, въ своей скромной походной палаткѣ.

„Когда читаешь произведеніе человѣка, имѣвшаго возможность проявлять и осуществлять свою волю въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ,—говоритъ въ предисловіи къ переводу С. А. Кистяковскій,—то особенно понятнымъ и законнымъ становится вопросъ, насколько М. Аврелію удалось примѣнить тѣ высокіе моральнополитическіе принципы, которые мы находимъ въ его „Размышленіяхъ"? У Марка Аврелія философія не расходится съ текущей работой, и опытъ императора ни въ чемъ не опровергаетъ самыхъ продуманныхъ и прочувствованныхъ его мыслей. Въ его собственномъ сознаніи между философіей и жизненной практикой не существуетъ никакого антагонизма. Тѣмъ, сказанное, что философское исповѣданіе можетъ ни къ чему не обязывать, представился бы ему чудовищнымъ.

Здѣсь и раскрывается одна изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ личности М. Аврелія: онъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ всякихъ утопій, онъ сознательно ихъ отвергаетъ. Философія остается закономъ жизни, но философъ долженъ понимать все несовершенство человѣческаго матеріала, всю крайнюю медленность усвоенія людьми высшихъ моральныхъ и интеллектуальныхъ истинъ, всю громадную силу сопротивленія, заключающуюся въ историческомъ бытѣ. Нельзя насильственно обновить міръ, ввести совершенный порядокъ, ибо никакой властитель не властенъ надъ мыслями и чувствами людей. Трагизмъ здѣсь лежитъ въ роковомъ несоотвѣтствіи между высотой настроенія того, кто желаетъ быть благодѣтелемъ человѣчества, и призрачностью итоговъ. „Всеобщая причина есть какъ бы стремительный потокъ: она все уноситъ съ собой. Какъ жалки всѣ эти преисполненные самомнѣнія люди, мнящіе, что они по-философски ведутъ дѣла государства!.. Чего ты хочешь, человѣкъ? Дѣлай то, чего отъ тебя требуетъ въ настоящее время природа. Не надѣйся осуществить республику Платона и будь доволенъ движеніемъ впередъ хотя бы на одинъ шагъ—и не считай этотъ успѣхъ маловажнымъ. Кто можетъ измѣнить образъ мысли людей? А безъ такого измѣненія что можетъ быть кромѣ рабства, стоновъ и лицемѣрнаго повиновенія?".

Не чувствуется ли въ этихъ словахъ самая высшая форма безкорыстія, непонятная для фанатиковъ прогресса, какими бы благородными мотивами они не руководились. Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе, говоритъ Евангеліе. Блаженны тѣ, кто, никогда не забывая о предѣлахъ, поставленныхъ человѣческой природѣ, никогда не обольщаясь возможностью ихъ перейти, находитъ въ себѣ силу неустанно работать для приближенія къ никогда несосуществимому идеалу.

Вотъ нѣсколько изъ изреченій этого спокойнаго философа.

---

1. Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникаетъ не безъ участія природы или не безъ связи и соединенія съ тѣмъ, тѣмъ руководитъ промыселъ. Все проистекаетъ изъ этого источника: съ нимъ сопряжены и неизбѣжное, и то, что идетъ на пользу всему міру, коего ты составленная часть. Для всякой же части природы будетъ благомъ то, что производитъ природа Цѣлаго и что способствуетъ ея поддержанію. Изъ измѣненія, какъ элементовъ, такъ и сложныхъ тѣлъ, способствуетъ поддержанію міра. Вотъ мысли, которыя должны дать тебѣ удовлетвореніе; пусть же онѣ будутъ твоими основоположеніями. Утоли свою жажду книжнаго знанія, чтобы не роптать, когда придетъ смерть, а умереть, храня благорасположеніе и искренно, отъ всего сердца, благодаря боговъ.

2. Наибольшимъ позоромъ покрываетъ себя душа человѣческая, когда возмущается противъ міра, становясь (поскольку то зависитъ отъ нея) какъ бы болѣзненнымъ наростомъ на немъ. Ибо ропотъ по поводу чего-либо происходящаго есть возмущеніе противъ природы Цѣлаго, объемлющей въ своей части всѣ другія вещества.

3. Время человѣческой жизни—мигъ; ея сущность — вѣчное теченіе; ощущеніе — смутно; строеніе всего тѣла —бренно; душа — неустойчива; судьба—загадочна; слава —недостовѣрна. Однимъ словомъ, все относящееся къ тѣлу подобно потоку, относящееся къ душѣ—сновидѣнью и дыму. Жизнь—борьба и странствіе по чужбинѣ; посмертная слава—забвеніе. Но что же можетъ вывести на путь? Ничто, кромѣ философіи. Философствовать же значитъ оберегать внутренняго гевія отъ поношенія и изъяна, добиваться того, чтобы онъ стоялъ выше наслажденій и страданій, чтобы не было въ немъ дѣйствій ни безразсудка, ни обмана, ни лицемѣрія, чтобы не касалось его, дѣлаетъ или не дѣлаетъ чего-либо его ближній, чтобы на все происходящее и данное ему въ удѣлъ онъ смотрѣлъ, какъ на проистекающее оттуда, откуда изошелъ онъ и самъ, а самое главное,—чтобы онъ безропотно ждалъ смерти, какъ простого разложенія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается каждое живое существо.

Но если для самихъ элементовъ нѣтъ ничего страшнаго въ ихъ постоянномъ переходѣ другъ въ друга, то гдѣ основанія бояться кому-либо ихъ общаго измѣненія и разложенія? Вѣдь послѣднее согласно съ природой, а то, что согласно съ природой, не можетъ быть дурнымъ.

4. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что даже и приходящее къ произведеніямъ природы обладаетъ какой-то привлекательностью и заманчивостью. Такъ, на печеномъ хлѣбѣ мѣстами имѣются трещинки, и хотя эти расщелины нѣкоторымъ образомъ чужды цѣли пекарскаго искусства, однако онѣ какъ-то умѣстны и особенно возбуждаютъ аппетитъ къ ѣдѣ. Точно также и плоды смоковницы лопаются, достигнувъ наибольшей зрѣлости, а въ перестѣлыхъ маслинахъ самая близость гніенія сообщаетъ какую то особую прелесть плоду. Низко склоненные колосья, хмурое чело льва, пѣна, бьющая изъ пасти вепря, и многое другое, далеко не миловидное, если разсматривать его само по себѣ, сопутствуя тому, что произведено природой, способствуетъ общему впечатлѣнію и влечетъ къ себѣ; такъ что тому, кто обладаетъ воспріимчивостью и болѣе глубокимъ проникновеніемъ въ происходящее въ Цѣломъ, едва ли что-нибудь и изъ сопутствующаго произведеніямъ природы не покажется нѣкоторымъ образомъ умѣстнымъ. На пасти живыхъ звѣрей онъ будетъ взирать съ немалымъ удовольствіемъ, чѣмъ на изображеніяхъ, въ подражаніи природѣ, художниками и ваятелями; а разумными очами своими онъ сможетъ узрѣть какъ особый расцвѣтъ и красоту старца и старухи, такъ и привлекательность ребенка. И много есть такого, что вѣдомо не всякому, но открывается лишь тому, кто дѣйствительно сблизился съ природой и ея дѣлами.

5. Все совершающееся совершается согласно справедливости; если будешь наблюдать внимательно, то убѣдишься въ этомъ.

6. На жертвенникѣ много кусочковъ ладона. Одинъ изъ нихъ попалъ сюда раньше, другіе позже—разницы здѣсь нѣтъ никакой.

7. Кто отступаетъ и удаляется отъ разума общей природы, выражаетъ неудовольствіе происходящимъ—отступникъ отъ міра. Вѣдь порождаетъ все происходящее та же природа, что породила и его. Огнерожденъ Гракха тотъ, кто обособляетъ свою душу отъ души всѣхъ разумныхъ существъ—единой для всѣхъ.

8. Все существующее есть нѣкоторымъ образомъ сѣмя того, что изъ него произойдетъ. Ты же считаешь сѣменемъ только засѣянное въ землю или утробу матери—и косаешь въ невѣжествѣ.

9. Ты всегда долженъ мыслить міръ, какъ единое существо, съ единой сущностью и единой душой. Подумай о томъ, какъ все сводится къ его же единому ощущенію, какъ создаетъ онъ все единымъ стремленіемъ, какъ все содѣйствуетъ возникновенію всего, какая во всемъ связь и соотвѣтствіе.

10. Пріемли съ радостью все совершающееся, даже если оно кажется тебѣ тягостнымъ, ибо оно ведетъ къ изящной цѣли, къ здравію міра, благоденствію Зевса и успѣху его начинаній. Ибо онъ никому не ниспослалъ бы этого, если бы это не способствовало благу Цѣлаго. Вѣдь и природа любой вещи не производитъ ничего, что не было бы на потребу подвластному ей. Итакъ, слѣдуетъ любить все происходящее съ тобой по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, оно произошло съ тобой, было предназначено тебѣ и какъ бы имѣло въ виду тебя, будучи связано съ тобой еще силой изначальной причины. Во-вторыхъ, оно является причиной благоуспѣшности, совершенства ей-же-ей, самого существованія міродержавнаго правителя. Вѣдь Цѣлое будетъ извращено, если ты хоть въ чемъ-нибудь нарушишь согласіе и связь, какъ частей его, такъ и причинъ. Но именно это ты и дѣлаешь, по мѣрѣ своихъ силъ, когда выражаешь недовольство чѣмъ-нибудь и какъ бы устраняешь его.

11. Я состою изъ начала причиннаго и матеріальнаго. Ни то, ни другое не перейдетъ въ небытіе, какъ и не возникло оно изъ небытія. Поэтому каждая часть моего существа по измѣненіи сдѣлается какой-нибудь частью міра, послѣдняя, измѣнившись въ свою очередь, сдѣлается другой частью міра, и такъ въ безконечность. Вѣдь и я возникъ въ силу измѣненія, и тѣ, кто породили меня, и т. д. также въ безконечность.

12. Кто видѣлъ настоящее, тотъ уже видѣлъ все, бывшее въ теченіе вѣчности, и все, что еще будетъ въ теченіе безпредѣльнаго времени. Ибо все однородно и единообразно.

13. Чаще размышляй о связи всѣхъ вещей, находящихся въ мірѣ, и объ ихъ взаимоотношеніи. Ибо всѣ онѣ какъ бы переплетены между собою и поэтому въ содружествѣ другъ съ другомъ, слѣдуя другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Это объясняется непрерывностью движенія, общей согласованностью и единствомъ сущности.

14. Всякое орудіе, приспособленіе, утварь будутъ исполнять дѣло, ради котораго они созданы, хотя здѣсь создавшій эти предметы и

не находится при нихъ. Что же касается вещей, созданныхъ природой, то творческая сила находится внутри ихъ и пребываетъ съ ними. Поэтому ее слѣдуетъ особенно чтить и быть увѣренными, что, если ты будешь вести себя согласно ея пожеланіямъ, то все будетъ тебѣ по душѣ. Точно такъ же и все, принадлежащее къ Цѣлому, по душѣ ему.

15. Всѣ мы содѣйствуемъ единой общей цѣли, одни сознаніемъ и пониманіемъ, другіе безсознательно. Поэтому-то, думается мнѣ, Гераклитъ и говоритъ, что и спящіе также дѣйствуютъ и содѣйствуютъ происходящему въ мірѣ. Но каждый содѣйствуетъ по-своему: и разнузданный хулитель, и тотъ, кто пытается противодѣйствовать происходящему и устранить его. И такіе люди нужны міру. Слѣдовательно, тебѣ предстоитъ рѣшить, къ кому себя сопричислить. Тотъ, кто правитъ Цѣлымъ, все равно используетъ тебя надлежащимъ образомъ и обратитъ тебя въ одного изъ содѣйствующихъ и соучастниковъ.

16. Если боги заданались какимъ-нибудь намѣреніемъ относительно меня и долженствующаго произойти со мной, то ихъ намѣреніе прекрасно. Вѣдь, бога, лишеннаго намѣреній, трудно и помыслить. А по какой причинѣ должны они были бы стремиться причинить мнѣ зло? Какой прокъ былъ бы отъ этого имъ или Цѣлому—предмету ихъ наибольшихъ заботъ? Если же они не имѣли никакихъ намѣреній относительно меня лично, то уже, конечно имѣли относительно Цѣлаго вообще; но я въ такомъ случаѣ я долженъ привѣтствовать и любить свой удѣлъ, какъ соединенный необходимой связью съ Цѣлымъ. Но если у боговъ нѣтъ никакихъ намѣреній относительно насъ, то вѣдь я самъ могу имѣть намѣренія относительно самого себя—и долженъ разсмотрѣть, что мнѣ полезно. Каждому полезно то, что согласно съ его строемъ и природой.

17. Все сплетено другъ съ другомъ, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному. Ибо все объединено общимъ порядкомъ и служитъ къ украшенію одного и того же міра. Вѣдь изъ всего состоитъ единый міръ, все проникаетъ единый богъ, единая сущность всего, единъ законъ, единъ и разумъ во всѣхъ одухотворенныхъ существахъ, единая истина, если только едино совершенство для всѣхъ существъ одного и того же рода и причастныхъ одному и тому же разуму.

18. Для разумнаго существа одно и то же дѣйствіе согласно и съ природой, и съ разумомъ.

19 Каковое отношеніе между членами солошного и еднаго тѣла, таково же и между раздѣленными пространствомъ разумными существами, созданными для соучастія въ единомъ дѣлѣ. Эта мысль глубже западаетъ въ тебя, если ты будешь часто говорить себѣ, что ты являешься членомъ Цѣлаго, состоящаго изъ разумныхъ существъ. Если же ты назовешь себя частью, то не будешь еще любить людей отъ всего сердца, и дѣятельность на благо другимъ не доставитъ тебѣ еще окончательнаго удовлетворенія. Въ этой дѣятельности ты будешь видѣть только свой долгъ, а не свое собственное благо.

20. Для природы Цѣлаго вся міровая сущность подобна воску. Вотъ она слѣпила изъ нея лошадку; сломавъ ее, она воспользовалась ея матеріей, чтобы вылѣпить деревцо, затѣмъ человѣка, затѣмъ еще что-нибудь. И все это существуетъ лишь самое краткое время. Для ларца нѣтъ ничего ужаснаго въ томъ, чтобы быть разобраннымъ, какъ и въ томъ, чтобы быть скрепленнымъ.

21. Природа-вседержительница скоро измѣнитъ все то, что ты видишь, а изъ его сущности создастъ что-нибудь другое, а затѣмъ и еще что-нибудь новое, дабы вѣчно юнымъ пребывалъ міръ.

22. Видѣлъ ли ты когда-нибудь отрубленную руку, или ногу, или отсѣченную голову, лежащую отдѣльно отъ туловища? Такимъ дѣлаетъ себя, поскольку то отъ него зависитъ, тотъ, кто, обособляя себя, не пріемлетъ происходящаго или же дѣлаетъ что-либо идущее въ разрѣзъ съ общимъ благомъ. Ты отторгнутъ нѣкоторымъ образомъ отъ единенія, согласно съ природой: ты рожденъ быть частью, но теперь самъ отсѣкъ себя. Однако здѣсь тебѣ предоставлено еще то преимущество, что ты можешь вновь привести себя къ единенію. Этого богъ не дозволилъ никакой другой части: вновь сойтись, будучи уже отдѣленной и отсѣченной. Оцѣни же милость, которой онъ взыскалъ человѣка: онъ предоставилъ его власти не отторгать себя съ самаго начала отъ Цѣлаго и отторгнутому уже дозволилъ вновь сойтась, срастись и занять положеніе части.

23. Ни съ однимъ человѣкомъ не можетъ случиться ничего такого, что не составляетъ удѣла человѣка, съ быкомъ, виноградной лозой, камнемъ—что не составляетъ ихъ удѣла. Если же съ каждымъ случается только то, что для него обычно и естественно, то на что же ты станешь негодовать? Общая природа не ниспослала тебѣ ничего такого, чего ты не могъ бы претерпѣть.

24. Огурецъ горекъ? Брось его. На твоемъ пути терновые кусты? Обойди ихъ. Этого достаточно. Не надавайся еще вопросомъ: „Для чего существуетъ нѣчто подобное въ мірѣ“? Вѣдь человѣкъ, посвященный въ тайны природы, осмѣтъ тебя, какъ осмѣяли бы тебя плотникъ или сапожникъ, если бы ты упрекнулъ ихъ въ томъ, что въ ихъ мастерскихъ ты видишь стружки и обрѣзки кожи отъ издѣлій. У этихъ ремесленниковъ есть однако, куда выбросить остатки, природа же Дѣлаго не имѣетъ ничего внѣ себя. Но именно самымъ удивительнымъ въ искусствѣ природы является то, что, ограниченная сама собой, она превращаетъ въ самое себя все кажущееся внутри ея испортившимся, отжившимъ и безполезнымъ и что изъ всего этого она опять создаетъ нѣчто новое. Такимъ образомъ она не пользуется ни матеріей извнѣ и не нуждается въ мѣстѣ, куда выкидывать гниль. Она довольствуется своимъ пространствомъ, своей матеріей и свойственнымъ ей искусствомъ.

25. Пора не только согласовать свое дыханіе съ окружающимъ воздухомъ, но и мысли со всеобъемлющимъ разумомъ. Ибо разумная сила такъ же разлита и распространена повсюду для того, кто способенъ вбирать ее въ себя, какъ сила воздуха для способнаго къ дыханію.

26. Одна душа распредѣлена между неразумными животными и одна мыслящая душа—между разумными. Вѣдь и земля одна для всего земного, и видимъ мы благодаря одному свѣту и дышимъ однимъ воздухомъ—всѣ мы причастные зрѣнію и жизни.

27. Вѣтвь, отсѣченная отъ другой вѣтви, не можетъ не оказаться отсѣченной и отъ всего ствола. Точно такъ же и человѣкъ, порвавшій съ однимъ человѣкомъ, отторгаетъ себя отъ всего общества. По вѣтвь не сама себя отсѣкаетъ, человѣкъ же самъ отдаляется отъ своего ближняго, возненавидѣвъ и чуждаясь его, и не сознаетъ, что тѣмъ самымъ отсѣкаетъ себя и отъ всей гражданской общины. Правда, Зевесъ—зиждитель общественности — даровалъ намъ способность вновь сойтись съ тѣми, кто намъ близокъ, и вновь занять свое мѣсто въ качествѣ членовъ Дѣлаго. Однако, если это отдѣленіе повторяется, то отдѣлившееся дѣлается все болѣе неспособнымъ къ объединенію и возстановленію въ прежнее положеніе. И вообще между вѣтвью, съ самаго своего произрастанія живущей одной неразрывной жизнью со всѣмъ растеніемъ, и той, которая была отсѣчена, а потомъ привита вновь,—есть существенная разница, что бы ни говорили садовники: послѣдняя срастается, правда, но не до полной неотличимости.

1. Все прекрасное, чѣмъ бы оно ни было, прекрасно само по себѣ, похвала не входитъ въ него составной частью. Поэтому отъ похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имѣю здѣсь въ виду и то, что называется прекраснымъ съ обычной точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, матеріальныя вещи и произведенія искусства. А въ какой похвалѣ могло бы имѣть нужду дѣйствительно прекрасное? Не болѣе, чѣмъ законъ, не болѣе, чѣмъ истина, не болѣе, чѣмъ благожелательность, чѣмъ порядочность. Что изъ всего этого прекрасно вслѣдствіе похвалъ или извращается благодаря порицанію? Развѣ смарагдъ отъ отсутствія похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпуръ, мраморъ, цвѣтокъ, растеніе?

2. Кто бы что ни дѣлалъ или ни говорилъ, я долженъ оставаться хорошимъ человѣкомъ. Такъ золото, изумрудъ или пурпуръ могли бы сказать: „Что бы кто ни говорилъ или ни дѣлалъ, а я долженъ остаться изумрудомъ и сохранить свою окраску“.

3. Меня занимаетъ только одно: какъ бы не сдѣлать чего-нибудь такого, что не согласуется, со строемъ человѣка, или такъ, какъ не согласуется, или же то, что въ данный моментъ не согласуется съ нимъ.

4. Не будь ни мѣшкотнымъ въ дѣйствіяхъ, ни путаннымъ въ рѣчахъ. Не отдавайся полету воображенія, не предавайся чрезмѣрному отчаянію или ликованію и не заполняй всей жизни дѣлами. Люди, убиваютъ, рвутъ на части, преслѣдуютъ проклятіями. Но чѣмъ это можетъ помѣшать душѣ оставаться чистой, разсудительной, благоразумной, справедливой. Такъ, если кто-нибудь, подойдя къ прозрачному и прѣсному роднику, сталъ бы изрыгать на него хулу: родникъ все же не перестанетъ бить ключомъ питьевой воды. И пусть онъ даже броситъ въ него грязи или навоза, родникъ очень скоро разсѣетъ все это, смоетъ и нигдѣ не помутится. Когда же ты будешь обладать вѣчнобьющимъ родникомъ, а не стоячимъ болотомъ? Если ты ни на часъ не будешь оставлять попеченія о своей свободѣ, сопряженной съ благожелательностью, простотой и скромностью.

5. Надлежитъ учесть не только то, что жизнь убываетъ съ каждымъ днемъ и остается все меньшая ея доля, но также и то, что, если бы даже была обезпечена кому-нибудь болѣе долгая жизнь, все же не останется невзвѣстнымъ, будетъ ли попрежнему достаточна сила его

мысли для пониманія наличныхъ обстоятельствъ и для постиженія, сообщающаго съ дѣлами божескими и человѣческими. Вѣдь если человѣкъ начнетъ тупѣть, то это конечно не отразится на дыханіи, пищевареніи, воображеніи, стремленіи и тому подобныхъ отправленіяхъ, но власть надъ самъ мъ собой, точное пониманіе своихъ обязанностей, способность разобраться въ происходящемъ и отдать себѣ отчетъ въ томъ, не пора ли разстаться съ этой жизнью, все, что необходимо предполагаетъ изощренность разума, будетъ потеряно безвозвратно. Итакъ нужно торопиться не только потому, что съ каждымъ днемъ мы все ближе и ближе подходимъ къ смерти, но и потому, что еще при жизни отказывается служить способность уразумѣнія и наблюденія вещей.

6. Вспомни, съ конхъ поръ ты откладываешь эти размышленія и сколько разъ ты, получивъ у боговъ отсрочку, не воспользовался ею. Но вѣдь слѣдуетъ же тебѣ въ концѣ концовъ сознать, къ какому міру ты принадлежишь, какъ часть, и встеченіемъ какого міроправителя ты являешься; ты долженъ сознать, что положенъ предѣлъ времени твоей жизни, и, если ты не воспользуешься этимъ временемъ для своего просвѣщенія, оно исчезнетъ, какъ исчезнешь и ты, и болѣе уже не вернется.

7. Всегда ревностно заботься о томъ, чтобы дѣло, которымъ ты въ данный моментъ занятъ, исполнять такъ, какъ достойно римлянина и мужа, съ полной и искренней серьезностью, съ любовью къ людямъ, со свободой и справедливостью; и о томъ также, чтобы отстранить отъ себя всѣ другія представленія. Послѣднее удастся тебѣ, если ты каждое дѣло будешь исполнять, какъ *послѣднее въ своей жизни*, свободный отъ всякаго безразсудства, отъ обусловленнаго страстями пренебреженія къ велѣніямъ разума, отъ лицемѣрія, себялюбія и недовольства своей судьбой. Ты видишь, какъ немногочисленны требованія, исполнивъ которыя, всякій сможетъ жить блаженной и божественной жизнью. Да и сами боги отъ того, кто исполняетъ эти требованія, ничего больше не потребуютъ.

8. Безумны люди, которые всю жизнь безъ силъ отъ дѣлъ и не имѣютъ все-таки цѣли, съ которой они сообразовали бы всецѣло всѣ стремленія и представленія.

9. Все слѣдуетъ дѣлать, обо всемъ говорить и помышлять такъ, какъ будто каждое мгновеніе можетъ оказаться для тебя послѣднимъ.

10. Въ душѣ человѣка, облагороженнаго и претерпѣвшаго очищеніе, ты не найдешь ни гнойниковъ, ни скверны, ни скрытой порчи. Когда бы ни настигла бы его судьба, его жизнь не будетъ не окончена, какъ про трагическаго актера говорятъ, что онъ оставилъ сцену, не не окончивъ и не доигравъ роли. Въ немъ нѣтъ ничего рабскаго, вынужденнаго, нѣтъ навязчивости, отчужденности, нѣтъ ничего заслуживающаго порицанія и боящагося свѣта.

11. Какъ врачи всегда имѣютъ подъ рукой инструменты и приборы на случай внезапной операціи, такъ и ты имѣй наготовѣ основоположенія для познанія вещей божескихъ и человѣческихъ и во всѣхъ даже самыхъ незначительныхъ дѣйствіяхъ помышляй о связи тѣхъ и другихъ. Безъ соображенія съ божественнымъ не сдѣлаешь хорошо ничего человѣческаго и наоборотъ.

12. Тѣло, душа, духъ. Тѣлу принадлежатъ ощущенія, душѣ — стремленія, духу — основоположенія. Способностью получать впечатлѣнія обладаютъ и скоты, стремленія проявляются бурно и въ дикихъ звѣряхъ, пользоваться духомъ для внѣшняго соблюденія обязанностей могутъ люди и не признающіе боговъ, и измѣняющіе своей родинѣ, и творящіе, запершись у себя, всякія гнусности. Если все это, согласно сказанному, обще всѣмъ, то одному лишь хорошему человѣку свойственно любить и привѣтствовать происходящее и сопряженное съ нимъ, не оскверняя живущаго въ его груди генія, не безпокоить и не смущать его обиліемъ представленій, а сберечь его чистымъ, строго послушнымъ богамъ, не говорящимъ никогда въ разрѣзъ со справедливостью. Если даже всѣ люди откажутся повѣрить, что онъ живетъ такъ просто, скромно и счастливо, то онъ не будетъ сердиться ни на кого изъ нихъ и не сойдетъ съ пути, ведущаго къ цѣли жизни, къ которой слѣдуетъ подойти чистымъ, спокойнымъ, съ легкимъ сердцемъ и съ безропотной покорностью своей судьбѣ.

13. Люди ищутъ уединенія, стремятся къ деревенской тиши, къ морскимъ берегамъ, въ горы. И ты также привыкъ болѣе всего желать этого. Все это, однако, говоритъ лишь о крайнемъ невѣжествѣ, ибо въ любой моментъ ты можешь удалиться въ самого себя. Вѣдь самое тихое и безмятежное мѣсто, куда человѣкъ можетъ удалиться,— это его душа. Въ особенности же человѣкъ, который найдетъ внутри себя то, вглядѣвшись во что, онъ тотчасъ преисполнится спокойствіемъ; подъ спокойствіемъ же я разумѣю здѣсь не что иное, какъ сознаніе своей добропорядочности. Почаще разрѣшай себѣ такое уединеніе и черпай въ немъ новыя силы.

14. Если ты провинишься извѣстными осново-

положеніями и отдашься служенію разуму, то черезъ десять дней покажешься богомъ тѣмъ, кому теперь кажешься зафремъ и обезьяной.

15. Сколько досуга выигрываетъ тотъ, кто не смотритъ на то, что сказалъ, сдѣлалъ или подумалъ его ближній, но лишь на то, что онъ дѣлаетъ самъ, чтобы соблюсти въ своихъ дѣйствіяхъ справедливость и благочестіе! По слову Агатона, не выискивать слѣдуетъ пороки другихъ, а итти своей прямой дорогой, не уклоняясь въ сторону.

16. „Если хочешь достичь душевнаго спокойствія“, говоритъ философъ, „то ограничь свою дѣятельность немногимъ“. Но не лучше ли было бы сказать „необходимымъ“ и тѣмъ, что предписываетъ разумъ существа, отъ природы гражданственнаго, и притомъ, какъ онъ предписываетъ? Въ такомъ случаѣ мы будемъ обладать не только тѣмъ душевнымъ міромъ, который обусловливается прекрасными поступками, но и тѣмъ, который обусловливается ихъ немногочисленностью. Вѣдь большая часть того, что мы говоримъ и дѣлаемъ, не необходима, и если бы кто-нибудь обошелся безъ этого, то былъ бы богаче досугомъ и бѣднѣе треволненіями. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ спрашивать себя: „Относится ли это къ числу необходимаго?“ И устранять слѣдуетъ не только не необходимые поступки, но и не необходимыя представленія, ибо за ними-то и слѣдуютъ праздные поступки.

17. Будь подобенъ скалѣ: волны безпрестанно разбиваются о нее, она же стоитъ недвижимо, и вокругъ нея стихаютъ взволнованныя воды! Я несчастенъ потому, что со мной случилось то то и то-то.— Отнюдь нѣтъ. Наоборотъ, я счастливъ потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломленъ настоящимъ, не трепещу передъ грядущимъ. Случиться вѣдь это могло со всякимъ, но не всякій остался чуждымъ печали. Почему же первое болѣе несчастье, нежели второе счастье? Назовешь ли ты вообще несчастьемъ для человѣка то, что не препятствуетъ человѣческой природѣ достичь ея цѣли? Но кажется ли тебѣ такимъ препятствіемъ то, что не идетъ въ разрѣзъ съ требованіями человѣческой природы? Въ чемъ же заключаются эти требованія? Ты знаешь ихъ. Развѣ случившееся мѣшаетъ тебѣ быть справедливымъ, великодушнымъ, благоразумнымъ, разсудительнымъ, осторожнымъ въ сужденіяхъ, правдивымъ, скромнымъ, откровеннымъ и обладать всѣми другими свойствами, въ наличности которыхъ особенность человѣческой природы? Не забывай же впредь при всякомъ событіи, повергающемъ тебя въ печаль, пользоваться основоположеніемъ: „Не событіе это является несчастьемъ, а способность достойно перенести его—счастьемъ“.

18. Гдѣ есть возможность жить, тамъ можно и хорошо жить.

19. Если обстоятельства понудятъ тебя измѣнить своему душевному равновѣсію, то поспѣши вернуться къ самому себѣ и не отступать сверхъ необходимости отъ размѣренныхъ движеній своей души. Вѣдь чѣмъ чаще будешь ты возвращаться къ гармоніи, тѣмъ болѣе и болѣе будешь укрѣпляться въ ней.

20. Никто не можетъ тебѣ помѣшать жить согласно разуму твоей природы, и ничто не происходитъ вопреки разуму общей природы!

21. Лицо, искаженное гнѣвомъ, есть нѣчто совершенно противоестественное. Если такое выраженіе повторяется часто, оно какъ бы умерщвляетъ человѣческій обликъ, совершенно погашаетъ его, такъ что никомъ образомъ нельзя его возстановить. Изъ этого уже можно понять, что оно противорѣчитъ разуму. Если мы лишимся и сознанія заблужденій, то для чего еще жить?

22. Вполнѣ возможно стать богоподобнымъ человѣкомъ, оставаясь никому неизвѣстнымъ. Всегда помни объ этомъ, а также о томъ, что блаженная жизнь предполагаетъ чрезвычайно немногое.

23. Жизнь слѣдуетъ слагать изъ отдѣльныхъ дѣйствій и быть довольнымъ, если каждое изъ нихъ удовлетворяетъ своему назначенію. И никто не можетъ помѣшать тебѣ въ томъ, чтобы каждое твое дѣйствіе удовлетворяло своему назначенію.

24. Не говори себѣ ничего, кромѣ того, что содержится въ предшествующихъ представленіяхъ. Тебѣ передаютъ, что такой-то плохо о тебѣ отзывается. Но вѣдь о томъ, что благодаря этому ты терпишь вредъ,— тебѣ никто не сообщаетъ. Я вижу, что ребенокъ боленъ. Да, вижу; но что онъ въ опасности, я не вижу. Итакъ, оставайся постоянно въ предѣлахъ первыхъ представленій, ничего не примышляя къ нимъ самъ отъ себя, и съ тобой ничего не будетъ. Или еще лучше, примысли, но какъ человѣкъ, знающій все происходящее въ мірѣ.

25. До какой низости и плацемѣрія нужно дойти, чтобы сказать: „Я намѣренъ быть искреннимъ въ отношеніяхъ съ тобой“. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Не слѣдуетъ предупреждать объ этомъ,— это выясняется само собой: содержаніе твоихъ словъ должно быть запечатлѣно на твоемъ челѣ. Ты таковъ — и тотчасъ же

твой взоръ выдастъ это, какъ возлюбленный тотчасъ же читаетъ все въ глазахъ любящаго. Вообще человѣкъ искренній и хорошій долженъ быть подобенъ потиновому, чтобы ставшій рядомъ съ нимъ волей-неволей почувствовалъ его, лишь только въ нему приблизится. Искренность же, выставляемая напоказъ, опаснѣе кинжала. Нѣтъ ничего омерзительнѣе волчьей дружбы. Избѣгай ее болѣе всего. Человѣка хорошаго, благожелательнаго и искренняго — узнаешь по глазамъ; этихъ свойствъ не скроешь.

26. Ты не станешь учить письму и чтенію, прежде чѣмъ не научишься самъ. Тѣмъ паче — жизни.

27. Какая частица безмѣрнаго и безпредѣльнаго времени удѣлена каждому изъ насъ? Еще немного, — и она исчезнетъ въ вѣчности. А какая частица всей сущности? Какая—міровой души? На какомъ клочкѣ земли мы пресмыкаемся? Раздумавъ надъ всѣмъ этимъ, не считай важнымъ ничего, кромѣ одного: дѣйствовать такъ, какъ предписываетъ твоя природа, и мириться со всѣмъ, что создастъ общая природа.

---

1. Если бы даже ты разсчитывалъ прожить три тысячи лѣтъ и еще тридцать тысячъ, все же ты долженъ помнить, что никто не лишается другой жизни, кромѣ той, которую онъ изживаетъ и никто не изживаетъ другой жизни, кромѣ той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничѣмъ не отличается отъ самой краткой. Вѣдь настоящее для всѣхъ равно, а слѣдовательно равны и потери — и сводятся онѣ всего на всего къ мгновенью. Никто не можетъ лишиться ни минувшаго, ни грядущаго. Ибо кто могъ бы отнять у меня то, чего я не имѣю? Итакъ, слѣдуетъ помнить о двухъ истинахъ. Во-первыхъ: все изъ вѣка равно самому себѣ, пребывая въ круговоротѣ, и потому вполнѣ безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лѣтъ, или двѣсти, или же безконечное время. Во-вторыхъ: наиболѣе долговѣчный и умершій, только что начавъ жить, теряютъ, въ концѣ концовъ, одно и то же. Настоящее — вотъ все, чего можно лишиться, ибо только имъ и обладаешь, а никто не лишается того, чѣмъ не обладаетъ.

2. Каждый живетъ лишь настоящимъ, ничтожно малымъ моментомъ; все же остальное или уже прожито, или покрыто неизвѣстностью. Ничтожна жизнь каждаго, ничтоженъ тотъ уголокъ земли, гдѣ онъ живетъ, ничтожна и сама долгая слава посмертная: она держится лишь въ нѣсколькихъ кратковѣчныхъ поколѣніяхъ людей, не знающихъ и самихъ себя, не то что тѣхъ, кто уже давно окончилъ.

3. Не живи такъ, точно тебѣ предстоитъ еще десять тысячъ лѣтъ жизни. Ужъ близокъ часъ. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать хорошимъ.

4. Тотъ, кто мечтаетъ о посмертной славѣ, упускаетъ изъ виду, что каждый, помнящій о немъ, самъ скоро умретъ, за нимъ послѣдуетъ и тотъ, кто унаслѣдовалъ ему, и такъ до тѣхъ поръ, пока не угаснетъ вся память, пройдя поколѣнія помнившихъ и обреченныхъ. Но допусти, что безсмертны помнящіе о тебѣ и непстребима память. Что тебѣ до этого? Я не говорю уже, что это — ничто для умершаго. Но что до пользы живому, кромѣ развѣ имущественныхъ выгодъ? Оставь же теперь заблаговременно заботы объ этомъ суетномъ дарѣ, зависящемъ только отъ людской молвы.

5. Слова, бывшія нѣкогда обычными, теперь нуждаются въ поясненіи. То же и съ именами нѣкогда прославленныхъ мужей, какъ Камиллъ, Цезовъ, Волезъ, Леоннатъ, скоро та же участь постигнетъ и Сципіона, и Катона, затѣмъ Августа, а потомъ очередь и Адріана, и Антонина. Все кратковѣчно и вскорѣ начинаетъ походить на миѳъ, а затѣмъ предается и полному забвенію. И я еще говорю о людяхъ, въ свое время окруженныхъ необычайнымъ ореоломъ. Что же касается остальныхъ, то стоитъ имъ испустить духъ, чтобы „не стало о нихъ и помину". Что же такое вѣчная слава? — Сущая суета. Но есть ли что-нибудь, къ чему слѣдуетъ отнестись серьезно? Только одно: праведное помышленіе, общеполезная дѣятельность, рѣчь, неспособная ко лжи, и душевное настроеніе, съ радостью пріемлющее все происходящее, какъ необходимое, какъ предусмотрѣнное, какъ проистекающее изъ общаго начала и источника.

6. Если бы кто-нибудь изъ боговъ сказалъ тебѣ, что ты умрешь завтра или уже по всякомъ случаѣ послѣзавтра, то едва ли ты сталъ бы очень добиваться, чтобы это провзошло послѣзавтра, если ты только не трусливъ до низости. Ибо насколько же ничтожна разница! Точно такъ же не считай очень важнымъ, умрешь ли ты по истеченіи многихъ лѣтъ или же завтра!

7. Всегда размышляй о томъ, сколько умерло врачей, часто хмурившихъ чело надъ ложемъ больного, сколько математиковъ, гордившихся своими предсказаніями смерти другимъ людямъ, сколько философовъ, распространявшихся о смерти и безсмертіи, сколько воителей, загубившихъ множество людей, сколько тbecтановъ, пользовавшихся своей властью надъ чужой жизнью съ такимъ высокомѣріемъ, точно они

сами были безсмертны, сколько умерло, такъ сказать, цѣлыхъ городовъ, какъ Геликія, Помпея, Геркуланумъ и безчисленное множество другихъ. Перебери одного за другимъ и тѣхъ, кого ты зналъ лично: одинъ хоронитъ одного, другой — другого, а затѣмъ умираютъ и сами, — и все это въ теченіе краткаго промежутка времени. Вообще слѣдуетъ смотрѣть на все человѣческое, какъ на мимолетное и кратковѣчное — то, что было вчера еще въ зародышѣ, завтра уже мумія или прахъ. Итакъ, проведи этотъ моментъ времени въ согласіи съ природой, а затѣмъ разставься съ жизнью такъ же легко, какъ падаетъ созрѣвшая олива: славословя природу, ее породившую, и съ благодарностью къ произведшему ее древу.

8. Простое, но дѣйствительное средство для того, чтобы научиться презирать смерть,— это воскрешать въ памяти тѣхъ, кто жадно цѣплялся за жизнь. Чѣмъ имъ лучше, нежели умершимъ преждевременно? Лежатъ гдѣ-нибудь и Катиліанъ, и Фабій, и Юліанъ, и Лепидъ, и имъ подобные, многихъ схоронившіе, а затѣмъ погребенные и сами. Разница во времени вообще незначительна, да и при какихъ условіяхъ, съ какими людьми и въ какомъ жалкомъ тѣлѣ придется провести это время! Итакъ, не считай всего этого важнымъ. Оглянись назадъ — тамъ безмѣрная бездна времени, взгляни впередъ — тамъ другая безпредѣльность. Какое же значеніе имѣетъ, по сравненію съ этимъ, разница между тѣмъ, кто прожилъ три дня, и прожившимъ три человѣческихъ жизни?

9. Азія, Европа — только уголки міра, весь океанъ — капля въ мірѣ, гора Аѳосъ — комъ земли въ мірѣ. Все настоящее — мгновеніе вѣчности. Все ничтожно, непостоянно, подлежитъ исчезновенію. Все исходитъ отъ одного общаго руководящаго начала непосредственно или же въ силу необходимой связи. И пасть льва, и ядъ, и все вредоносное, какъ шипы или тина, есть сопринадлежность совершеннаго и прекраснаго. Не воображай же, что оно чуждо тому, что ты чтишь, но постоянно возвращайся мыслью къ источнику всего.

10. Скоро ты забудешь обо всемъ, и все, въ свою очередь, забудетъ о тебѣ.

11. Что такое смерть? Если взять ее самое по себѣ и отвлечься отъ всего, что вымышлено по ея поводу, то тотчасъ же убѣдишься, что она не что иное, какъ дѣйствіе природы. Бояться же дѣйствія природы, — ребячество; смерть же не только дѣйствіе природы, но и дѣйствіе, полезное ей.

12. Смерть есть такая же тайна природы, какъ и рожденіе. Въ одномъ случаѣ соединеніе, въ другомъ разложеніе однихъ и тѣхъ же элементовъ.

13. Пусть будетъ для тебя безразлично, терпишь ли ты, исполняя свой долгъ, отъ холода или зноя, клонитъ ли тебя ко сну, или ты уже выспался, плохо ли о тебѣ отзываются, или хорошо, собираешься ли умирать, или сдѣлать что-нибудь другое. Вѣдь смерть есть одна изъ нашихъ жизненныхъ задачъ, и для ея рѣшенія достаточно надлежащаго выполненія текущихъ дѣлъ.

14. Развѣ ты досадуешь на то, что въ тебѣ столько-то вѣсу, а не въ сто разъ больше? Точно также не досадуй на то, что тебѣ суждено прожить извѣстное число лѣтъ, а не больше. Довольствуйся удѣленнымъ тебѣ временемъ, какъ ты довольствуешься удѣленной тебѣ сущностью.

15. Боящійся смерти боится или остаться вовсе безъ ощущеній, или получать ощущенія иного рода. Но если онъ будетъ лишенъ ощущеній, то не будетъ ощущать никакого зла, если же онъ пріобрѣтетъ новый видъ ощущеній, то онъ ставетъ другимъ существомъ, и его жизнь не прекратится.

16. Не презирай смерти, но будь расположенъ къ ней, какъ къ одному изъ явленій желаемыхъ природой. Вѣдь разложеніе есть явленіе того же порядка, что молодость, старость, ростъ, зрѣлость, прорѣзываніе зубовъ, обрастаніе бородой, сѣдина, оплодотвореніе, беременность, роды и другія дѣйствія природы, сопряженныя съ различными періодами жизни. Поэтому человѣкъ разсудительный долженъ относиться къ смерти безъ упорства, отвращенія или кичливости, но ждать ее, какъ одного изъ дѣйствій природы. И какъ ты теперь ждешь, пока дитя выйдетъ изъ утробы твоей жены, такъ слѣдуетъ ждать того часа, когда твоя душа сброситъ съ себя эту оболочку. Если же ты хочешь средства немудренаго, но дѣйствительнаго, то лучше всего примирять себя со смертью внимательный взглядъ на предметы, которые тебѣ предстоитъ покинуть, и мысль о характерѣ людей, съ которыми твоей душѣ уже не придется соприкасаться. Ибо, хотя и не слѣдуетъ гнѣваться на нихъ, а, наоборотъ, надлежитъ и заботиться о нихъ и переносить ихъ съ кротостью, но въ то же время не нужно забывать, что разлука предстоитъ тебѣ не съ людьми единомышленными. Вѣдь если вообще есть что-нибудь въ жизни, что влекло бы къ ней и въ ней удерживало, то лишь одно: возможность жить въ общеніи съ людьми, усвоившими тѣ же основоположенія, что и мы. Но теперь ты видишь, насколько

тягостно разномысліе съ окружающими, и можешь воскликнуть: „Поспѣши, смерть! что объ мнѣ самому не забыть о себѣ!“

17. „Человѣкъ, ты былъ гражданиномъ этого великаго Града. Не все ли тебѣ равно, пять лѣтъ или три года? Вѣдь повиновеніе законамъ равно для всѣхъ. Что же ужаснаго въ томъ, если изъ Града отсылаетъ тебя не тиранъ и не судья неправедный, а та самая природа, которая тебя въ немъ поселила? Такъ преторъ отпускаетъ со сцены принятаго имъ актера“.— „Но вѣдь я же проигралъ не пять дѣйствій, а только три“. — „Вполнѣ правильно. Но въ жизни три дѣйствія — это вся пьеса. Ибо конецъ возвѣщается тѣмъ, кто былъ нѣкогда виновникомъ возникновенія жизни, а теперь является виновникомъ ея прекращенія. Ты же не при чемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Уйди же изъ жизни, сохраняя благожелательность, какъ благожелателенъ и тотъ, кто отпускаетъ тебя“.

Ѳедоръ Сологубъ о символизмѣ.

[8.01]

Въ концѣ января текущаго года въ Петербургѣ состоялся публичный доступъ о современной литературѣ, при участіи Ѳедора Сологуба, Вячеслава Иванова, Г. Чулкова, Евг. Аничкова и многихъ другихъ представителей символизма. Въ сущности, диспута никакого не было, а было только изложеніе съ разныхъ точекъ зрѣнія мнѣній самихъ символистовъ о символизмѣ.*)

Наиболѣе полно высказался Ѳедоръ Сологубъ во вступительномъ словѣ, предпосланномъ „диспуту“.

Вопросы искусства, какъ мы всѣ знаемъ, сказалъ онъ,—часто выступаютъ на второй планъ передъ вопросами практической жизни, такъ что, напримѣръ, разсуждать о законахъ печати, конечно, гораздо интереснѣе и легче, чѣмъ о самой печати, чѣмъ о самой литературѣ.

А между тѣмъ, если есть на землѣ какая-нибудь цѣнность, дѣйствительно необходимая для человѣка, то это, конечно, искусство, или, выражаясь болѣе общимъ терминомъ, творчество. Другими многими дѣлами занимается человѣкъ по необходимости, изъ-за соображеній практической жизни, многое дѣлаетъ принужденно, съ неохотой, почти съ отвращеніемъ; къ искусству же онъ приходитъ только потому, что искусство его утѣшаетъ и радуетъ; всегда приходитъ свободный, ничѣмъ къ этому не гонимый. Да и невозможно подойти къ искусству, если душой владѣютъ темныя и тяжелыя страсти и чувства. Всю свою душу вкладываетъ человѣкъ въ искусство, поэтому ни въ чемъ такъ, какъ въ искусствѣ, не отпечатлѣвается душевный міръ человѣка, то, „чѣмъ люди живы“. Когда мы хотимъ составить сужденіе о человѣкѣ той или другой эпохи, то единственнымъ надежнымъ руководствомъ для насъ въ этомъ отношеніи служитъ только искусство этой расы, этого времени, или точнѣе отношеніе этихъ людей къ искусству.

Поэтому странно было бы смотрѣть на искусство, только какъ на способъ красиво или выразительно изображать избранный моментъ жизни. Искусство не есть только зеркало, поставленное передъ случайностями жизни, оно не хочетъ быть такимъ зеркаломъ. Это для него неинтересно, скучно. Скучное занятіе— отражать случайности жизни, пересказывать мало забавные анекдоты, во что никакъ нельзя вложить живую душу. Живая душа человѣка всегда жаждетъ живого дѣла, живого творчества, жаждетъ созиданія въ себѣ самой міра, подобнаго міру внѣшнихъ предметовъ, но міра дѣйствительнаго, созданнаго. Живая жизнь души протекаетъ не только въ наблюденіи предметовъ и въ пріуроченіи имъ именъ, но и въ постоянномъ стремленіи понять ихъ живую связь и поставить все являющееся нашему сознанію въ нѣкоторый всеобщій, всемірный чертежъ.

Такимъ образомъ, для сознанія нашего предметы являются не отдѣльными случайными существованіями, но въ общей связи между собой. И вотъ, по мѣрѣ усложненія въ нашемъ сознаніи связанности отношеній, все сложное представляющагося намъ міра сводится къ возможно меньшему числу общихъ началъ, и каждый предметъ постигается въ его отношеніи къ наиболѣе общему, что можетъ быть мыслимо. Вотъ при такомъ отношеніи всѣ предметы становятся только вразумительнымъ зеркаломъ нѣкоторыхъ общихъ отношеній, только многообразнымъ проявленіемъ нѣкоторой мірообъемлющей общности. Сама жизнь перестаетъ казаться рядомъ случайностей, анекдотовъ, является въ сознаніи, какъ часть мірового процесса, направляемаго единой волей. Всѣ сходства и несходства являютъ представляются раскрытіемъ многообразныхъ возможностей, носителемъ которыхъ становится міръ. Самодовлѣющей же цѣнности не имѣетъ ни одинъ изъ предметовъ предметной дѣйствительности. Все въ мірѣ относительно, какъ это и

*) Краткій отчетъ объ этомъ диспутѣ помѣщенъ во предыдущемъ № „Бюллетеней“.

признано въ наши дни наукой относительно временъ и пространствъ.

Символическое міропостиженіе, однако, упраздняетъ эту всеобщую относительность явленій такъ, что, принимая эту относительность предметовъ и явленій въ мірѣ предметовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оно признаетъ нѣчто единое, къ чему всѣ предметы и всѣ явленія относятся. По отношенію къ этому единому все являющееся, все существующее въ предметномъ мірѣ только и получаетъ свой смыслъ. И, вотъ, только это міропостиженіе до настоящихъ временъ всегда давало основаніе высокому большому искусству. Когда искусство не остается на степени праздной забавы, оно всегда бываетъ выраженіемъ наиболѣе общаго міропостиженія даннаго времени. Искусство только кажется обращеніемъ всегда къ конкретному, частному, только кажется разсыпающимися пестрыми сцѣпленіями случайныхъ анекдотовъ; по существу же искусство всегда является выразителемъ наиболѣе глубокихъ и общихъ думъ современности, думъ, направленныхъ къ міросозданію человѣкомъ въ обществѣ. Самая образность, присущая созданіямъ высокаго искусства, обусловливается тѣмъ, что для искусства на его высокихъ степеняхъ образы предметнаго міра только пробиваютъ окно въ безконечность, суть одинъ изъ способовъ міропостиженія. Высокое внѣшнее совершенство образовъ въ искусствѣ соотвѣтствуетъ ихъ назначенію, всегда возвышенному и значительному. Поэтому въ высокомъ искусствѣ образъ стремится стать *символомъ*, т.-е. стремится къ тому, чтобы вмѣстить въ себѣ многозначительное содержаніе, стремится къ тому, чтобы это содержаніе образа въ процессѣ воспріятія его зрителемъ, читателемъ было способно раскрыть все болѣе и болѣе свое глубокое значеніе.

Въ этой способности образа къ безконечному его раскрытію только и лежитъ тайна безконечнаго существованія высокихъ произведеній искусства. Художественное произведеніе, до дна истолкованное, до глубины разъясненное, немедленно умираетъ; жить дальше ему нечѣмъ и незачѣмъ. Оно исполнило свое маленькое временное назначеніе и померкло, погасло. Такъ гаснутъ полезные огни костровъ, когда они исполнили то, для чего предназначались,— а звѣзды высокаго неба продолжаютъ свѣтиться дальше.

Для того, чтобы имѣть возможность дать символу сдѣлаться открывающимся вѣчно окномъ въ безконечность, образъ долженъ обладать двойной точностью. Онъ долженъ и самъ быть точнымъ изображеніемъ, чтобы не сталъ образомъ, случайнымъ и праздно измышленнымъ,—за праздными измышленіями никакой глубины не откроешь. Кромѣ того, образъ долженъ быть взятъ въ точномъ отношеніи его съ другими предметами предметнаго міра, долженъ быть поставленъ въ чертежѣ міра на свое надлежащее мѣсто. Только тогда онъ будетъ способствовать выраженію наиболѣе общаго міропониманія въ данное время. Изъ этого слѣдуетъ, конечно, что наиболѣе законной формой символическаго искусства является *реализмъ*, и, дѣйствительно, такъ почти всегда и было.

Если мы возьмемъ даже сказки, сложенныя народомъ, то и въ нихъ мы различимъ, съ одной стороны, выраженіе наиболѣе общаго міропониманія того народа, которымъ сказки созданы, съ другой стороны—удивительную точность житейскихъ и бытовыхъ подробностей, сплетенныхъ съ фантастическими измышленіями. Сказка не является, конечно, механическимъ изображеніемъ жизни, она по произволу комбинируетъ ея составные элементы, остается искусствомъ въ этомъ смыслѣ свободнымъ отъ жизни, но она не обманетъ того, кто, не углубляясь въ ея миѳологическое значеніе, захочетъ искать только изображенія народнаго быта.

Это свойство символическаго искусства проявлялось и въ наше время неоднократно. Тѣ, кому новое искусство не нравится, говорили, что оно постоянно отвращается отъ жизни и отвращаетъ людей отъ жизни. Конечно, это ошибка! Ничего подобнаго при пристальномъ ознакомленіи съ новымъ искусствомъ мы не найдемъ. Если возьмемъ романъ такого упорно отвращаемаго поэта, какъ Рукавишниковъ, романъ „Желѣзный Родъ", то не найдемъ ошибки противъ быта. Такое же точно изображеніе быта и жизни мы видимъ въ романахъ Андрея Бѣлаго, въ повѣстяхъ и разсказахъ, какъ изъ современной жизни, такъ и исторической, Валерія Брюсова и др. дѣятелей новой поэзіи.

Иначе, конечно, не можетъ быть. Искусство символическое не тенденціозное, не заинтересованное ни въ какой степени въ томъ, чтобы такъ или иначе изображать жизнь,—заинтересовано только въ томъ, чтобы сказать свою правду о мірѣ. Такое искусство не имѣетъ никакого побужденія къ неточному пользованію своими моделями, каковыми являются для него всѣ предметы предметнаго міра. Случается въ исторіи литературы, что реализмъ забываетъ свое истинное назначеніе служить формой того искусства, которое выражаетъ символическое міропостиженіе,—тогда искусство обращается къ простому копированію

дѣйствительности, при чемъ иногда этому копированію ставятся задачи публицистическаго характера. Тогда реализмъ—искусство высокое и прекрасное—вырождается и падаетъ до степени наивнаго натурализма. Въ этомъ наивномъ натурализмѣ, смѣнившемъ высокое творчество Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого, пребывала русская литература почти до конца XIX столѣтія.

Тогда, лѣтъ 20 тому назадъ, возникло то литературное движеніе, которое было встрѣчено такъ неодобрительно, такъ недоброжелательно, то, которое получило названіе „декаданса", „модернизма", быть можетъ, и нѣкоторыя другія еще названія. Представители этого новаго теченія весьма различались и различаются между собой и не предсгавляютъ одной литературной школы, но всѣхъ ихъ объединяетъ стремленіе возвратить поэзіи ея истинное назначеніе, быть выразительницей наиболѣе общаго міропостиженія, т.-е. всѣмъ этимъ поэтамъ свойственно стремленіе возстановить права символизма и, съ другой стороны, возродить реализмъ, какъ законную форму символическаго искусства. Это было сдѣлано въ послѣднія 20 лѣтъ, сдѣлано съ такой силой и властью, что въ наши дни возвращеніе искусства къ наивному натурализму представляется очень невѣроятнымъ. Само собою разумѣется, что на протяженіи этого послѣдняго періода, обнимающаго приблизительно лѣтъ 20, новое искусство не стояло на одномъ мѣстѣ. Общій законъ смѣняемости коснулся его.

Можно различать въ этомъ движеніи три стадіи, но при этомъ необходимо отмѣтить, что точной хронологической послѣдовательности здѣсь нѣтъ и смѣшиваются границы этихъ стадій, которыя я обозначилъ бы: 1) космическій символизмъ; 2) индивидуалистическій символизмъ, и 3) демократическій символизмъ.

Первая стадія символическаго искусства представляетъ раздумье о мірѣ, о смыслѣ міровой жизни и о господствующей въ мірѣ единой волѣ, если она признается, или о господствующихъ въ мірѣ воляхъ, если признаются нѣсколько управляющихъ міромъ божествъ. На пути этихъ возвышенныхъ вдохновеній предшественникомъ нашимъ былъ великій поэтъ Тютчевъ. Изъ современныхъ поэтовъ справедливо указать на Вячеслава Иванова, автора превосходныхъ стихотвореній и глубокихъ теоретическихъ статей. Быть можетъ, не вѣря въ міродержавную волю, потому что мудрость не всегда согласна съ вѣрой, этотъ поэтъ является выразителемъ наиболѣе глубокихъ думъ о мірозданіи.

Рѣзкимъ переломомъ въ литературной жизни было, однако, не это космическое стремленіе къ символизму. Индивидуалистическіе стихи русскихъ модернистовъ казались особенно непріятными русской критикѣ и навлекли наиболѣе нареканій. Индивидуализмъ русскихъ модернистовъ истолковывался, какъ тенденція противообщественная, что, конечно—ошибочно. Индивидуализмъ никогда и нигдѣ не могъ имѣть значеніе противообщественнаго явленія. Сама общественность имѣетъ цѣну только тогда, когда она опирается на ярко выраженное сознаніе отдѣльныхъ личностей. Вѣдь только для того и стоитъ соединяться съ другими людьми, чтобы сохранить себѣ свое лицо, свою душу, свое право на жизнь. Недаромъ завѣтомъ наикрѣпчайшей общественности служатъ слова: „мой домъ—моя крѣпость". Въ частности индивидуализмъ русскихъ модернистовъ обращалъ свое жало не противъ общественности, а совершенно въ другую сторону. Мы уходили въ себя, въ свою пустыню, чтобы въ мірѣ внѣшнемъ, въ великомъ царствѣ единой воли найти наше мѣсто. Если единая воля образуетъ міръ, то что же моя воля? Если весь міръ лежитъ въ цѣпяхъ необходимости, то что же моя свобода? Вѣдь мою свободу я ощущаю тоже, какъ необходимый законъ моего бытія, и безъ свободы я жить никакъ не могу.

Не бунтомъ противъ общественности былъ нашъ индивидуализмъ, а возстаніемъ противъ механической необходимости. Въ нашемъ индивидуализмѣ мы искали не эгоистическаго обособленія отъ другихъ людей, а освобожденія, самоутвержденія на путяхъ экстаза, исканія чуда или на какихъ-нибудь иныхъ путяхъ. Намъ предстоялъ вопросъ, что такое человѣкъ, и каково его отношеніе къ единой волѣ. Если все въ мірѣ связано цѣпями необходимости, то на себѣ я вынесъ и каждый несетъ всю тяжесть совершеннаго когда-то зла и все торжество содѣяннаго блага когда бы то ни было и кѣмъ бы то ни было. Каждый изъ насъ явится виновникомъ каждаго его поступка. На меня и на каждаго изъ насъ налагается на наши слабыя плечи ярмо всеобъемлющей отвѣтственности за грѣховность всего міра. Это дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышающую насъ возможность находить свою волю, какъ могучую поэтику, волю всемірную.

И вотъ черезъ надменный солипсизмъ и эгоцентризмъ это настроеніе души приводило насъ къ возвышенному понятію о богочеловѣчествѣ. Сліяніе съ единой волей нашего индивидуализма было основаніемъ религіозно-философскаго стремленія русской поэзіи послѣд-

няго времени. Самъ по себѣ этотъ индивидуализмъ былъ лишь переходомъ въ третій моментъ движенія искусства, въ демократическій символизмъ, жаждущій соборности и коллегіальности.

Въ этой послѣдней стадіи и пребываетъ русскій символизмъ въ настоящее время. Здѣсь онъ встрѣчается съ тѣмъ требованіемъ, которое въ предыдущіе вѣка никогда не предъявлялось ни жизнью, ни искусствомъ, требованіемъ, которое звучитъ странно и многимъ не нравится. Это требованіе—любить жизнь. Повидимому, этого и требовать не стоитъ, ибо кому же несвойственно любить себя, свою маленькую отдѣльную жизнь, въ которой есть такъ много малыхъ и большихъ радостей. Но въ нашъ вѣкъ, когда непосредственное жизнеощущеніе такъ ослабѣло, это требованіе получаетъ особенную трагичность. Мы требуемъ любить жизнь какъ будто бы потому, что чувствуемъ въ себѣ неспособность любить. Между тѣмъ, что значитъ требованіе любить жизнь? Въ жизни есть много прекраснаго, но есть и много безобразнаго, отвратительнаго, что надо ненавидѣть всѣми силами души. Любить жизнь, вообще жизнь, жизнь какую бы то ни было, конечно, это нелѣпо, потому что это значитъ любить палача и любить жертву. Надо, конечно, выбирать,—любить одно и ненавидѣть другое. Не любите жизнь таковой, какъ она есть, потому что въ общемъ своемъ теченіи современная жизнь вовсе не стоитъ этого. Жизнь требуетъ преобразованія въ творческой волѣ. Въ этой жаждѣ преобразованія искусство должно итти впереди жизни, потому что оно указываетъ жизни прекрасные идеалы, по которымъ жизнь имѣетъ быть преобразована, если она этого хочетъ; а если не хочетъ—то будетъ коснѣть.

Исторія одной „религіи“.

(„На серебряномъ шарѣ“ и „Побѣдитель“ Г. Жулавскаго.)

[891.85—3].

Года два назадъ въ изданіи того же К. Ф. Некрасова вышелъ въ переводѣ первый фантастическій романъ Г. Жулавскаго „На серебряномъ шарѣ“, составляющій какъ бы прологъ той „лунной“ трагедіи, которая развертывается въ „Побѣдителѣ“. Передъ нами—рѣдкій по оригинальности и грандіозности, по смѣлости и глубинѣ захвата, художественный замыселъ. Талантливый польскій писатель поставилъ себѣ здѣсь задачу, справиться съ которой могъ бы развѣ только геній или, по крайней мѣрѣ, художникъ съ болѣе могучей фантазіей и съ болѣе острымъ духовнымъ взоромъ и—болѣе мистически настроенный, воодушевленный истинно-религіознымъ наоосомъ. Поэтому разсказанная намъ лунная эпопея оставляетъ по себѣ чувство нѣкоторой неудовлетворенности, какъ если бы ее, луну, показали намъ въ бинокль, когда ожидали мы увидѣть свѣтило ночное въ телескопъ... Но надо все же отдать должное этой красивой, полной такого волнующаго смысла, сказкѣ, производящей сильное впечатлѣніе ужъ одной необычностью и значительностью своего сюжета. Не каждый годъ посягаютъ романисты, даже геніальнѣйшіе, на подобныя темы...

Сейчасъ, когда, подъ вліяніемъ блестящихъ успѣховъ воздухоплаванія, уже серьезно стали подымать вопросъ о возможности и межпланетныхъ сообщеній (см. „Вюлл.“ № 8), утопіи Жулавскаго пріобрѣтаетъ особенный интересъ. Но не на этой, внѣшней, „астрономической“ сторонѣ діалогіи его хотимъ мы остановить вниманіе читателя, а на внутренней—идейно-психологической.

* * *

За семьсотъ лѣтъ до описываемыхъ въ „Побѣдителѣ“ событій на луну впервые ступила человѣческая нога... Нѣсколько отважныхъ европейцевъ осуществили проектъ Жюль-Верна, и вотъ снарядъ, выпущенный изъ гигантской пушки, доставилъ ихъ на поверхность сосѣдней планеты.

Послѣ неимовѣрныхъ трудностей и лишеній трое уцѣлѣвшихъ смѣльчаковъ въ своемъ снарядѣ, прекращенномъ теперь въ самодвижущійся, приспособленный къ такимъ путешествіямъ вагонъ, выбираются, наконецъ, изъ предѣловъ Великой Пустыни—изъ предѣловъ обращеннаго къ землѣ полушарія Луны, представляющаго собою безводную мертвую возвышенность. Путешественники, вопреки утвержденіямъ большинства астрономовъ, разсчитывали найти на другой сторонѣ Луны нѣчто, болѣе благопріятныя условія, пригодныя для существованія, и не ошиблись. Здѣсь, на берегу моря, среди „тепляхъ прудовъ“, основываютъ они колонію первыхъ людей на Лунѣ, и отъ нихъ ведетъ свое начало новое человѣчество—лунное.

Дѣло въ томъ, что среди отважившихся полетѣть на Луну была женщина. Марта (дочь индійскаго раджи), страстно любившая одного изъ участниковъ экспедиціи, англичанина-доктора Томаса Вудбеля, настояла на томъ, чтобы ей позволили раздѣлить опасность съ дорогимъ человѣкомъ.

Вудбею не суждено было войти въ „обѣтованную землю“. Онъ умеръ въ пути, на

третьи „лунныя сутки“,—палъ жертвой страшной пустыни.

„... Едва мы *) проѣхали нѣсколько десятковъ метровъ по равнинѣ, какъ Томасъ попросилъ остановить вагонъ. Малѣйшее движеніе мучило его непрязно...

— Я хочу отдохнуть,—говорилъ онъ слабѣющимъ голосомъ,—и поглядѣть на солнце, пока оно не зашло.

Мы остановились, и онъ сталъ глядѣть на солнце, льющее цѣлымъ потокомъ послѣдніе золотые лучи на его лицо. Онъ минуту глядѣлъ неподвижно, а потомъ сказалъ Мартѣ:

— Марта, какъ это: Солнце, свѣтлый богъ... Какъ дальше?

Тогда Марта, какъ во время перваго видѣнаго съ Луны заката, стала въ свѣтѣ солнца. Протянувъ руки, она подняла къ исчезающему свѣтилу полные слезъ глаза и начала произносить нараспѣвъ удивительный, переливающійся въ волнообразномъ ритмѣ гимнъ:

„Солнце, о, свѣтлый богъ, ты уходишь отъ насъ въ неизвѣстные намъ края!

Солнце, о, свѣтъ неба, роскошь Земли, ты уходишь, оставляя въ печали наши глаза, чтобы свѣтить тѣмъ, которые ужъ освобождены отъ тѣлъ...

Которые ужъ освобождены отъ тѣлъ, но еще не получили новыхъ, какъ рабы, которыхъ на минуту освободили, чтобы дать имъ день тишины и спокойствія, и редъ тѣмъ какъ вернуть ихъ къ карамъ и цѣпямъ.

Онъ добръ, добръ, Предвѣчный, Непзъяснимый и Непонятный, создавшій день тишины средь борьбы и мученій...

Въ Немъ начало и конецъ всего бытія, въ Немъ находятся растаявшія души тѣхъ, которые ужъ окончили борьбу и возвращаются въ мѣста, откуда вышли передъ вѣками...

О, Солнце, свѣтлый богъ, ты идешь къ стопамъ Его, и въ печали остаются здѣсь наши тоскующія очи...“

Вудбель слушалъ и, казалось, засыпалъ. Вдругъ онъ раскрылъ глаза:

— Марта! О'Таморъ умеръ?

— Умеръ.

— Ремовье умерли?

— Умерли.

— Я также умру... И они... Они...—Онъ показывалъ глазами на насъ.

— Они умрутъ. Ты будешь жить,—отвѣчала она вновь съ удивительно глубокой вѣрой.

— Да!.. — прошепталъ больной, — но что мнѣ съ того...

На минуту воцарилось молчаніе. Селена положила переднія лапы на гамакъ и лизала его свѣсившуюся руку. Онъ посмотрѣлъ и сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы желая приласкать вѣрное животное, но, видно, силъ ему ужъ не хватало...

— Моя, моя собака...—только прошепталъ онъ.

Потомъ онъ сказалъ, что хочетъ поглядѣть на Землю. Мы повернули его такъ, чтобы онъ могъ ее видѣть. Она стояла какъ разъ въ первой четверти къ югу надъ скалами. Онъ долго смотрѣлъ, съ глубокой тоскою протягивая руки къ этому свѣтящемуся на небѣ полукругу. Какъ разъ въ это время на немъ медленно двигалась тѣнь Индійскаго Океана, съ свѣтлымъ, врѣзывающимся въ него треугольникомъ Индіи.

— Смотри, смотри! Тамъ Траванкоре,— вскричалъ больной.

— Тамъ Траванкоре,—какъ эхо, повторила Марта.

— Тамъ мы были счастливы...

— Да, счастливы...

Больной вновь сталъ безпокойнымъ.

— Марта! Пойду ли я туда послѣ смерти?.. Видишь ли, я не хочу... блуждать здѣсь... въ этой пустынѣ... въ этомъ городѣ мертвыхъ... Марта! пойду ли я туда?..

Марта, опустивъ голову, молчала, и Томасъ вновь сталъ настойчиво повторять...

— Марта, пойду ли я туда... послѣ смерти?.. на Землю?..

По лицу дѣвушки пробѣжала судорога страданія, но она переспилила себя и тихо отвѣтила со слезами въ голосѣ...

— Пойдешь, на время, на день тишины... Потомъ вернешься ко мнѣ.

Взоръ его ужъ померкъ; ладони безсильно повисшихъ рукъ поснѣли и были холодны. Онъ вздрогнулъ еще разъ и прошепталъ едва слышно:

— Марта, какъ на Землѣ?..

Марта вновь начала разсказывать о морѣ, о лугахъ, о цвѣтахъ, а его уста складывались въ страдальческую, но спокойную улыбку, и глаза медленно закрылись.

Онъ еще разъ открылъ ихъ на минуту, посмотрѣлъ на Землю и на Солнце, свѣтящее ужъ только узкимъ краешкомъ надъ пустыней, легко вздохнулъ и умеръ съ послѣднимъ лучомъ угасающаго дня.

Неудержимый, безумный плачъ Марты раздался въ внезапно наступившей тьмѣ.

*) Разсказъ ведется отъ имени пережившаго всѣхъ своихъ товарищей поляка Яна Корецкаго, который потомъ, передъ смертью, послалъ свои дневники на Землю,—въ ящикѣ, выстрѣломъ изъ сохранившейся отъ экспедиціи сигнальной пушки.

Ужъ впотьмахъ мы вырыли могилу и засыпали пескомъ его прахъ.

И вновь мы въ дорогѣ, уже около двадцати часовъ.

... И вотъ страшно тихо въ нашемъ вагонѣ, потому, что мы—о чемъ же мы съ Петромъ можемъ разговаривать?

Не хорошо вышло. Смерть Томаса—это не только смерть человѣка, не только утрата полезнаго, вѣрнаго и дорогого товарища: это страшное несчастье, это отвратительная прорѣзь, бросающая вдругъ между нами эту женщину, которой мы оба одинаково жаждемъ. Я не могу смотрѣть на нее безъ сладострастной дрожи и въ то же время я ясно чувствую всю ужасную гнусность этого... святотатства по отношенію къ свѣжей могилѣ товарища. Мнѣ кажется, что душа Томаса еще гдѣ-то здѣсь, близко, что она плюетъ мнѣ въ сердце, видя эти мои мысли, но я не могу сопротивляться, не могу, не могу! Мой мозгъ въ огнѣ, кровь бѣшено кипитъ въ жилахъ, а глаза такъ полны этой женщиной, что, я закрывъ ихъ, я вижу ее передъ собою съ какою-то страшной, веселящей отчетливостью.

Я съ трудомъ сдерживаю свои мысли, какъ свору бѣшеныхъ собакъ, но они срываются со смычка моей воли, бросаются всѣ на Марту, безстыдно сдираютъ съ нея платье, лѣзутъ къ ней и трутся о ея формы, кружатся вокругъ ея тѣла и грязнятъ ее гнусными мордами; когда же она, несмотря на все, остается равнодушной и холодной, онѣ начинаютъ лаять и хватать ее зубами, и кусать, и рвать... О, эти подлыя мысли мои, какъ страшно мучатъ онѣ меня!

Съ Фарадоломъ происходитъ то же самое; я знаю, чувствую, вижу это. Онъ тоже знаетъ, что дѣлается въ моей душѣ. Отсюда эта глухая, упорная ненависть между нами. Къ чему обманывать себя, къ чему называть вещи прекраснымъ именами! Мы оба подлы, потому что она между нами. Насъ только двое на этомъ страшномъ свѣтѣ, но что-то въ глубинѣ нашихъ душъ кричитъ, что одинъ изъ насъ лишній. Мы совсѣмъ не разговариваемъ между собой, не глядимъ другъ на друга. Иногда только я перехватываю взглядъ Фарадоля, страшный взглядъ, въ которомъ сверкаетъ смерть, какъ пожаръ въ окнахъ пылающаго дома.

Но временами я прихожу въ бѣшенство. Я хотѣлъ бы плюнуть себѣ въ лицо, а потомъ стать передъ Петромъ и громко сказать: „Слушай! Будемъ драться за обладаніе этой женщиной! Будемъ грызться, какъ два бѣшеныхъ волка изъ-за волчицы! Неувѣренные въ завтрашнемъ днѣ, неувѣренные въ томъ, что останемся въ живыхъ, изгнанники на этомъ свѣтѣ,—станемъ бороться за обладаніе этой презрительно-равнодушной къ намъ любовницей нашего только что умершаго друга. До того, какъ мы завтра умремъ, пойдемъ, будемъ сегодня драться!“

Но я слишкомъ лицемѣръ и трусъ, чтобы такъ поступить... О, какъ я презираю себя!

И ее презираю, и ненавижу ее! Бываютъ минуты, когда я былъ бы въ состояніи кинуться на нее, ударами вырвать крикъ изъ ея безмолвныхъ, печальныхъ устъ,—и задушить этотъ крикъ вмѣстѣ съ жизнью. Можетъ быть, такъ было бы лучше... Мы остались бы одни, безъ цѣли, безъ побужденій къ жизни, можетъ быть, мы даже покончили бы съ собою, но, по крайней мѣрѣ, между нами не было бы...

Для чего она живетъ, что удерживаетъ ее здѣсь? Какъ она можетъ еще жить, если любила этого человѣка и если дѣйствительно онъ былъ для нея всѣмъ и съ нимъ покончилось для нея все? Кто знаетъ, кто знаетъ, быть можетъ, эти на видъ застывшіе въ страданіи и угасшіе глаза украдкой глядятъ на насъ; быть можетъ, въ ея мозгу, еще заполненномъ образомъ того, умершаго, рождается ужъ тайная мысль: кого выбрать изъ этихъ двухъ живыхъ, чтобы выполнять вѣкончное назначеніе женщины?..“

Наступилъ, моментъ объясненія между мужчинами...

„...Онъ колебался минуту, наконецъ, нахмурилъ брови и отрывисто, сухо произнесъ по-нѣмецки, чтобы Марта не могла понять:

— Что мы сдѣлаемъ съ этой женщиной?

Я ждалъ этихъ словъ, но несмотря на то, они подѣйствовали на меня, какъ ударъ молота по головѣ. Я рѣзко затормозилъ вагонъ, такъ какъ кровь ударила мнѣ въ голову и въ глазахъ у меня потемнѣло. Сердце стучало у меня въ груди, во рту я почувствовалъ непріятную сухость. Наступила рѣшительная минута.

Я посмотрѣлъ на Фарадоля. Онъ стоялъ предо мною, блѣдный, какъ трупъ, и упорно глядѣлъ мнѣ въ глаза. Всю жизнь я буду помнить этотъ взглядъ! Въ немъ было безпокойство и подлая, почти собачья мольба и въ то же время какая то страшная угроза.

Не говоря ни слова, я машинально отстранилъ его и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, подошелъ къ Мартѣ, сидѣвшей за какимъ-то питьемъ. Онъ пошелъ за мною.

— Зачѣмъ ты живешь, женщина?—внезапно спросилъ я, съ невыразимо-смѣшнымъ, какъ

теперь думаю, трагизмомъ, хотя тогда, Богъ свидѣтель, мнѣ было не до смѣха!

Марта удивленно поглядѣла на насъ, а потомъ, ярко покраснѣвъ, медленно произнесла слегка дрожащимъ голосомъ, какъ бы оправдываясь:

— Я ожидаю возвращенія Томаса...

Я пришелъ въ бѣшенство.

— Довольно этихъ глупыхъ баснэ!—вскричалъ я, вырывая въ то же время у нея изъ рукъ работу, надъ которой она сидѣла склонившись. Не знаю, что произошло бы, во въ эту минуту я взглянулъ на кусовъ полотна: это была дѣтская рубашонка.

Я вдругъ все понялъ. Не будучи въ состояніи выговорить ни слова, я только протянулъ руку, показывая Петру эту вещь. Онъ слегка вскрикнулъ и быстро отошелъ къ рулю вагона.

Вотъ почему она съ такимъ убѣжденіемъ говорила Томасу: „Ты будешь жить!“ Вотъ почему она не послѣдовала за нимъ!

Вѣдь, согласно вѣрованіямъ ея народа, въ ребенка, родившагося послѣ смерти отца, переходитъ душа покойнаго. Вотъ она и ждетъ, увѣренная, что въ ребенкѣ къ ней вернется Томасъ, послѣ того, какъ духъ его посѣтитъ Землю, по которой онъ такъ тосковалъ передъ смертью. Она, вѣроятно, сообщила ему эту „радостную новость“ и сказала, что такъ будетъ ждать его—можетъ быть, когда передъ его смертью говорила ему что-то по-малабарски?

Все это молніей пробѣжало у меня въ головѣ.

Я посмотрѣлъ на нее: она теперь тихо плакала, закрывъ лицо маленькой рубашонкой, вырвенной изъ бѣлья умершаго.

И вдругъ со мною произошло что-то удивительное. Я испыталъ такое ощущеніе, какъ если бы что-то надорвалось въ моемъ сердцѣ, какъ бы прорвался какой-то мучительный нарывъ, и въ то же время будто пелена спала съ моихъ глазъ. Марта показалась мнѣ совершенно иною. Я смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, точно видя ее впервые. Это ужъ не была женщина, за обладаніе которой я минуту назадъ почти былъ готовъ драться съ моимъ другомъ и единственнымъ на этомъ снѣгѣ спутникомъ. Это была основательница новаго поколѣнія, побѣждающая смерть великой тайной жизни и любви.

Чувство невыразимой признательности наполнило мою душу; признательности за то, что благодаря ей мы не будемъ здѣсь одиноки, и за то, что она заслонилась отъ насъ этимъ ореоломъ материнства. А мы! слѣпые, мы видѣли въ ней только драгоцѣнное наслѣдство послѣ умершаго. Я невольно наклонился и поцѣловалъ ея руку.

Она вздрогнула, но, очевидно, поняла мой поцѣлуй, такъ какъ въ ту же минуту подняла еще заплаканное лицо съ гордымъ уже сознаніемъ новаго и признаннаго достоинства.

Удивительна натура человѣка! Вѣдь, все это не разрѣшаетъ вопроса, а только откладываетъ его на нѣкоторое время. Но, несмотря на это, мы теперь такъ спокойны, какъ если бы все ужъ было устроено.

У насъ есть сознаніе, что эта женщина не принадлежитъ никому изъ насъ, живущихъ, а только тому, умершему, и мы чтимъ ее, не задумываясь, что, быть можетъ, вновь придетъ время, когда... Но нѣтъ! нѣтъ! и даже думать объ этомъ не хочу!

Теперь только на сѣверъ, попрежнему на сѣверъ!“

Однако „время“ пришло,—года полтора спустя послѣ рожденія Тома. Вновь поднятъ былъ мужчинами роковой вопросъ, осложненный теперь сознаніемъ необходимости положить здѣсь начало человѣческому роду, и соперники рѣшали, что одинъ изъ нихъ возьметъ Марту въ жены, а другой обязывается никогда не становиться у него на дорогѣ. Сдѣлать выборъ должна была сама Марта. И только въ случаѣ ея безусловнаго нежеланія сдѣлать это, рѣшили покончить жребіемъ...

„Мы всѣ трое сидѣли у входа въ пещеру, а маленькій Томъ, цѣпляясь за колѣни матери, силился гулять на собственныхъ ногахъ вокругъ этой опоры. Въ это время Петръ, кинувъ на меня выразительный взглядъ, съ видомъ внезапнаго рѣшенія обратился къ Мартѣ.

Я почувствовалъ сильное сердцебіеніе, отъ котораго у меня даже сдавило горло... А онъ безъ предисловій и приготовленій спросилъ, такъ прямо:

— Марта, кого изъ насъ ты предпочитаешь?

Марта, захваченная врасплохъ неожиданнымъ вопросомъ, казалось, сразу не поняла, въ чемъ дѣло. Изумленно поглядѣла она на меня, на него, потомъ опять на меня и презрительно пожала плечами.

Петръ повторилъ:

— Марта, кого изъ насъ ты предпочитаешь?

Его пристальный взглядъ, должно быть, сказалъ ей больше, чѣмъ этотъ вопросъ, такъ какъ она, вдругъ поняв все, побѣдѣла и съ легкимъ крикомъ сорвалась съ мѣста. Въ

рукѣ у нея вновь заблестѣлъ кинжалъ, которымъ она однажды ужъ грозила Петру.

— Изъ васъ? никого!—крикнула она.

Петръ приблизился на шагъ:

— Однако же, ты должна выбрать и... и выбрать!—сказалъ онъ съ ударѣніемъ.

Глаза ея въ нѣмомъ отчаяніи затрепетали, какъ птицы, охваченныя ужасомъ. Мнѣ показалось, что на мгновеніе, на короткое мгновеніе они остановились на моемъ лицѣ съ какимъ-то умоляющимъ колебаніемъ или размышленіемъ,—но нѣтъ! Это мнѣ показалось, навѣрно, только показалось, ибо въ ту же минуту она оборвающимся движеніемъ подняла кинжалъ и твердо произнесла:

— Не выберу, и хотѣла бы знать, кто изъ васъ осмѣлится приблизиться ко мнѣ! Я никого не хочу!

И вновь, помню, мнѣ показалось, что послѣдняя фраза смягчились въ ея устахъ и глаза ея вновь встрѣтились съ моимъ взглядомъ,—но несомнѣнно это былъ обманъ чувствъ. Я тогда былъ такъ возбужденъ... Боже мой! Я хочу вѣрить, что это мнѣ только показалось!

Когда мать встала, Томъ усѣлся на землѣ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на всю сцену. Теперь Петръ коснулся рукой его головы. Марта замѣтила это.

— Прочь! — тревожно вскричала она, — прочь! не подходи къ нему! онъ мой!

Петръ не двинулся. Продолжая касаться пальцами головы малютки, онъ пристально, съ насмѣшливой улыбкой смотрѣлъ на Марту.

— Что же будетъ съ Томомъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

Марта опѣшила.

— Съ Томомъ? Что будетъ съ Томомъ?—повторила она почти безсознательно.

— Ну да! Когда мы умремъ и онъ останется одинъ...

Эти слова поразили ее, какъ громомъ. Она открыла широко глаза, какъ бы вдругъ увидѣвъ пропасть, о которой до сихъ поръ не думала; глубоко вздохнула и сѣла, чувствуя, очевидно, что силы ее оставляютъ.

— Да, что будетъ съ Томомъ...—шопотомъ повторяла она, глядя на ребенка съ безпомощнымъ отчаяніемъ.

И Петръ тогда началъ объяснять ей и доказывать, что изъ любви къ Тому она должна выбрать одного изъ насъ. Не захочетъ же она осудить любимаго сына на страшную одинокую смерть, а до того времени—на еще болѣе страшную одинокую жизнь? Что онъ будетъ дѣлать послѣ нашей смерти? Заброшенный, унылый, одичалый, онъ будетъ одиноко блуждать по горамъ и берегу моря, послѣдній человѣкъ, единственный человѣкъ на этомъ шарѣ, думающій только объ одной неизбѣжной вещи, о смерти.

Будутъ минуты, когда онъ проклянетъ мать, давшую ему жизнь. Одинокій, онъ забудетъ человѣческую рѣчь. Слова, которымъ мы его научили, онъ растеряетъ одно за другимъ, подобно тому, какъ разсыпаютъ деньги въ пустынѣ, гдѣ за нихъ ничего нельзя купить. Быть можетъ, въ концѣ концовъ у него сохранятся въ памяти нѣсколько послѣднихъ безполезныхъ словъ, звуковъ которыхъ онъ еще долго будетъ тѣшиться, но это, навѣрно, будутъ страшныя слова, выражающія ужасъ, одиночество, заброшенность и печаль...

Петръ говорилъ еще долго, рисуя всѣ ужасы, ожидающіе Тома послѣ нашей смерти. А я—да накажетъ меня Господь!—я помогалъ ему терзать эту женщину и убѣждалъ ее, что изъза Тома она должна выбрать одного изъ насъ...

Марта слушала, не говоря ни слова. Лишь лицо ея, сначала изумленное, выражало поочередно: страхъ, отчаяніе, подавленность, покорность судьбѣ.

Съ юга ужъ доносились первые далекіе раскаты надвигающейся бури... Марта сидѣла безмолвно.

Когда мы, наконецъ, кончили, Петръ спросилъ ее, согласна ли она стать женой одного изъ насъ, но она, казалось, не слышала вопроса. Только когда я повторилъ его, она вздрогнула и подняла голову, какъ бы пробудившись отъ сна. Посмотрѣла на насъ, а потомъ, съ трудомъ выговаривая слова, глухо произнесла:

— Я знаю, для васъ не въ Томѣ дѣло, но все равно... Вы правы... Я для Тома... сдѣлаю... все...

Она судорожно вздохнула и замолчала.

— Браво!—закричалъ Петръ,—это разумно! И поэтому, — добавилъ онъ, наклонясь къ ней,—кого изъ насъ ты предпочитаешь?

Я стоялъ въ сторонѣ и смотрѣлъ на Марту. Она невольно отшатнулась, какъ бы охваченная внезапнымъ отвращеніемъ, но въ ту же минуту овладѣла собою и посмотрѣла на насъ. И опять, опять, ужъ въ третій разъ, мнѣ показалось, что ея взглядъ остановился на минуту на мнѣ, взглядъ сѣдой, затравленной, загнанной и умоляющей о сострадніи лани.

Вся кровь изъ стѣсненнаго сердца бросилась мнѣ въ голову.

Петръ - также долженъ былъ замѣтить ея взглядъ, такъ какъ онъ сразу поблѣднѣлъ и

повернулся ко мнѣ съ выраженіемъ какой-то страшной рѣшимости.

Въ ту же минуту Марта разразилась сильнымъ, долго сдерживаемымъ рыданіемъ и, бросившись на землю, начала съ отчаяніемъ причитать сквозь слезы:

— Томась! Томась мой! Мой добрый, любимый Томась!

Она призывала умершаго, какъ если бы онъ могъ спасти ее отъ живыхъ.

Петръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Не о чемъ разговаривать и нечего ждать,—сказалъ онъ.—Будемъ тянуть жребій.

Я еще сопротивлялся. Мнѣ было душно и страшно. Тучи заволокли ужъ полнеба; надъ моремъ непрерывно сверкали ослѣпительныя молніи. Маленькій Томь, видя, что мать плачетъ, также началъ плакать.

Я сдѣлалъ шагъ къ Маргѣ.

— Марта...

— Марта,— повторилъ я, слегка касаясь рукой ея плеча.

— Прочь! прочь!—закричала она, вы оба противны!..

— Будемъ тянуть жребій,—торопилъ Петръ.

Я оглянулся. Онъ стоялъ за мною, держа въ сжатой рукѣ два кончика платка.

— Кто вытянетъ узелокъ, тотъ возьметъ ее,— онъ указалъ головой на лежащую на землѣ.

Со мною происходило что-то страшное. Я все сознавалъ, былъ даже спокоенъ, только мнѣ не хватало дыханія, какъ если бы кто навалилъ мнѣ на грудь цѣлую гору. Я смотрѣлъ на два кончика платка, торчащіе изъ руки Петра, и сначала меня поразилъ рубецъ, немного надорванный въ одномъ мѣстѣ... Потомъ мнѣ припомнилась иная сцена, на Маге Imbrium, гдѣ мы точно такъ же должны были тянуть жребій—смерти... какъ теперь... любви!

Петръ терялъ терпѣніе.

— Тяни,—кричалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него. Его лицо судорожно подергивалось, глаза впились въ меня. Я вдругъ все понялъ. Если я вытяну жребій, я принужденъ буду сейчасъ же убить этого человѣка, такъ какъ иначе онъ убьетъ меня. Я невольно положилъ руку въ карманъ, отыскивая оружіе. Но въ то же время мнѣ пришло въ голову, что такъ же легко жребій можетъ достаться Петру. Что тогда? Хватитъ ли у меня силъ отказаться отъ любимой женщины, зная, что все рѣшилъ пустой случай? Не возстану ли я косда-нибудь противъ него?

Потъ каплями выступилъ у меня на лбу.

Если бы я зналъ, что Марта предпочитаетъ меня, что у нея хоть немного болѣе расположенія ко мнѣ, чѣмъ къ Петру, я не дожидался бы жребія...

Но теперь...

Вѣдь, она только что сказала: „вы противны оба“... Оба!

Я долженъ причинить ей насиліе—и для этого убить человѣка... или подчиниться случаю...

Я посмотрѣлъ на Марту. Она ужъ перестала плакать и сидѣла теперь тихо, вперивъ взглядъ въ далекое море, какъ бы не зная, что мы тутъ въ нѣсколькихъ шагахъ...

Я почувствовалъ безмѣрное, безграничное, болѣзненное состраданіе къ этой женщинѣ.

Все это продолжалось едва ли секунду, но ужъ невольно я вновь положилъ руку на оружіе и, касаясь рукоятки револьвера, выбиралъ блуждающимъ взоромъ, кого я долженъ убить: Петра, Марту, себя или Тома, котораго мы сдѣлали невольнымъ орудіемъ пытки его матери...

Наконецъ, послѣ этого невѣроятнаго напряженія нервовъ, наступила реакція. Во мнѣ осталось лишь равнодушіе и... гордость.

Я раскрылъ ладонь, ужъ сжимавшую револьверъ.

— Тяни,— зашипѣлъ Петръ сдавленнымъ голосомъ.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ я, внезапно принявъ рѣшеніе.

— Что?!

— Мы не будемъ тянуть жребія.

Онъ еще не могъ понять. Быстро всунулъ руку въ карманъ, и я услышалъ звукъ взведеннаго курка револьвера. Слѣдовательно, и онъ приготовился; я не ошибся. Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ я схватилъ его за обѣ руки. Онъ согнулся въ желѣзныхъ тискахъ; въ глазахъ его былъ невыразимый ужасъ.

Я услышалъ испуганный крикъ Марты. Въ первую минуту мнѣ показалось, что въ немъ что-то задрожало, какъ будто бы радость, но потомъ я подумалъ, что она быть можетъ боится за Петра. А поглядѣлъ на него; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза съ безсильнымъ бѣшенствомъ отчаянія. Мнѣ казалось, что онъ ждетъ смерти. Я улыбнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ! не то... Возьми ее себѣ,— сказалъ я и пустилъ его.

Въ первую минуту онъ онѣмѣлъ отъ изумленія. Безсознательно поглядѣлъ на меня, а потомъ принужденно улыбнулся:

— Ты благороденъ, да, благодарю тебя... Правда, я моложе, слѣдовательно, справедливо... Но,—тутъ онъ понизилъ голосъ,—но обѣщаешь ли ты мнѣ, что никогда... никогда...

Онъ движеніемъ головы показалъ въ сторону Марты.

Я посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Да, знаю, не надо... Благодарю тебя, ты...—быстро произнесъ онъ.

Меня охватило невыразимое отвращеніе. Петръ колебался минуту, а потомъ быстро повернулся и подошелъ къ Мартѣ. Посмотрѣлъ и я на нее, и опять наши взоры встрѣтились, но теперь ея взглядъ выражалъ какое-то безграничное презрѣніе или ненависть. Она сейчасъ же отвернулась, какъ только замѣтила, что я смотрю на нее.

— Марта, я долженъ стать твоимъ мужемъ,—сказалъ Петръ.

— Знаю.—Она произнесла это совершенно равнодушно.

— Марта...

— Что?

— Приближается буря...

— Вижу...

Петръ нервно вздохнулъ.

— Пойдемъ, укроемся въ пещерѣ.

Въ его глазахъ горѣла страшная, животная страсть, сковзь судорожно сжатыя челюсти съ трудомъ вырывались слова, а тѣло подергивалось лихорадочной дрожью.

Я не смѣлъ взглянуть на Марту. И услышалъ только ея голосъ, глухой, равнодушный:

— Хорошо. Иду.

Петръ колебался еще:

— Марта, отдай раньше книжалъ.

Она бросила его на землю, такъ что остріе извлекло на камняхъ, и, не оглядываясь, вошла въ гротъ. Петръ, схвативъ на руки Тома, бросился за нею.

Такъ устроилась наша жизнь на Лунѣ...“

Это была тяжелая жизнь, и трудно сказать, кого изъ троихъ создавшееся такимъ образомъ положеніе дѣлало самымъ несчастнымъ, едва ли какъ разъ не того, кто, казалось, долженъ былъ бы торжествовать,— португалецъ Фарадоль. „Я видѣлъ, что временами ему хотѣлось вызвать въ Мартѣ хотя бы возмущеніе и ненависть, лишь бы только вырвать ее изъ этого страшнаго равнодушія...“

Когда Марта снова стала матерью (матерью дѣвочекъ-двойни), маленькій Томъ спросилъ:

„— Мама, а что я буду дѣлать съ сестричками?

— Что хочешь, моя крошка! будешь бить ихъ, любить, царапать, ласкать, все, что захочешь! А онѣ будутъ слушаться тебя и работать за тебя, когда вырастутъ, понимаешь?

— Марта! Что ты говоришь! — крикнулъ Петръ,—Марта, это мои дѣти!

Она холодно посмотрѣла на него:

— Я знаю, Петръ, что это *твои* дѣти...

Петръ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая кинуться на нее, но сдержался и, подойдя къ кровати, сказалъ какъ можно мягче:

— *Это наши* дѣти, Марта. Неужели у тебя нѣтъ для меня ни одного слова? Ничего?..

— Напротивъ. Благодарю тебя.

Потомъ она вновь начала ласкать и страстно цѣловать свѣтлую головку сына:

— Мой Томъ, мой дорогой, любимый, золотой сыночекъ...

Петръ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ комнаты, а у меня захватило дыханіе. Было что-то чудовищное въ этой исключительной материнской любви“.

А послѣ третьяго ребенка отъ Петра, Марта холодно, твердо, не допускающимъ никакихъ возраженій, объявила, что, „исполнивъ свою обязанность“, она теперь „возвращаетъ себѣ свободу“. „Но глаза ея и улыбка говорили, что она беретъ свободу не какъ крылья—право на полетъ, но какъ санаванъ—право на отдохновеніе; что свобода для нея — не разсвѣтъ, предвѣщающій день, но сумерки, приносящія успокоеніе“...

Впереди Петра ожидало еще горшее испытаніе, котораго онъ уже не вынесъ. Вскорѣ Марта опасно заболѣла, и однажды, будучи наединѣ съ больной, Янъ Корецкій услышалъ такія слова:

„—... Мнѣ хотѣлось бы сказать еще, передъ смертью,—начала она спустя минуту,— что ты былъ мнѣ... дорогъ. Я упрекала себя за это больше, чѣмъ за то, что была женою Петра... Можетъ быть... если бы я стала твоей, а не его, жизнь на Лунѣ пошла бы инымъ путемъ, можетъ быть, я не умирала бы теперь...

Она говорила все это тихимъ, угасающимъ голосомъ, а во мнѣ вдругъ разразилась буря. Я зарыдалъ, какъ маленькое дитя, и безъ памяти покрывалъ поцѣлуями ея руки. Изъ груди моей вырывались сквозь слезы несвязныя слова любви, такъ долго скрываемыя и только теперь освобожденныя отъ путъ—передъ умирающей.

Она слегка наклонилась и положила другую руку мнѣ на голову.

— Тише,—говорила она,—тише... Я знаю... Не плачь. Такъ, какъ было, было лучше... Ты былъ мнѣ дорогъ за свое благородство, за любовь къ Тому, впрочемъ—я сама не знаю, за что... но, несмотря на все, я, можетъ быть, не была бы добра къ тебѣ, если бы ты сталъ между мною и тѣмъ, умершимъ, который одинъ имѣлъ на меня право. Тише же — не плачь.

Ты ужъ знаешь теперь. Я думаю, Томасъ простилъ меня за то, что я это чувствовала и теперь сказала тебѣ въ часъ смерти... Я была такъ несчастна...

Она, утомившись, замолчала, а я, спрятавъ лицо на ея груди, весь дрожалъ, разрываѐмый внутреннимъ рыданіемъ.

Но черезъ минуту она вновь начала:

— Пусть... признаюсь тебѣ во всемъ. Вѣдь я въ послѣдній разъ говорю съ тобою... Въ тотъ поздень...

Умирающая на минуту остановилась, какъ если бы внезапный стыдъ, не блѣдѣющій даже передъ лицомъ смерти, вдругъ лишилъ ея голоса, — но я зналъ, о какомъ полуднѣ она говорила!

Она нѣкоторое время молчала, слегка только шевеля губами, а потомъ съ внезапнымъ порывомъ, поднеся руки къ вискамъ, вскрикнула:

— Почему ты не убилъ Петра!?

Въ эту минуту я услышалъ за собою поданленный стонъ. Въ немъ было что-то такое страшное, что я невольно вскочилъ и повернулъ голову. Въ дверяхъ, опершись рукой о косякъ, стоялъ блѣдный, какъ трупъ, Петръ и смотрѣлъ на насъ широко раскрытыми глазами. Онъ, должно быть, ужъ давно стоялъ здѣсь и, навѣрно, слышалъ все, что мнѣ говорила Марта"...

Почти совпали—внезапная смерть потрясенной Марты и самоубійство Петра... Малютки-дѣтки остались на попеченіи единственнаго теперь на Лунѣ человѣка съ Земли.

Шли годы. Прошли десятки лѣтъ. Люди на Лунѣ рождались и умирали, потомство Марты уже образовало цѣлое поселеніе на берегахъ моря и „теплыхъ прудовъ", а Старый Человѣкъ,—какъ прозвали Яна новыя поколѣнія,— къ своему удивленію, все продолжалъ жить. Жить, тоскуя по „роднѣ", по далекой, навѣки утраченной Землѣ, чувствуя себя такимъ страшно одинокимъ, такимъ чужимъ среди этого, въ полномъ смыслѣ слова, новаго человѣчества, хотя и воспитаннаго имъ.

Уже по внѣшнему своему виду рѣзко отличались лунные люди отъ пришельца съ Земли. Въ сравненіи съ нимъ они были прямо карлики. Ихъ ростъ, рано какъ и силы, приспособились къ условіямъ тамошняго міра: къ его меньшей величинѣ и уменьшенному вѣсу тѣлъ. Точно такъ же „приспособились" къ Лунѣ ихъ душевное развитіе, ихъ духовные интересы. Все болѣе и болѣе отдаляло „Стараго Человѣка" отъ этихъ людей ихъ равнодушіе къ тому, что ему было дороже всего на свѣтѣ: равнодушіе къ Землѣ, къ *его* милой, родной звѣздѣ, которой они даже не видятъ отсюда, съ Теплыхъ Прудовъ.

Но если внуки и правнуки Марты вызывали въ Янѣ лишь чувство отчужденности и тоски одиночества, то въ нихъ онъ, непонятный, таинственный, сѣдовласый великанъ, единственный въ своемъ родѣ *старый человѣкъ*, прибывшій съ „золотистой звѣзды", все не умирающій,— вселялъ чувство суевѣрнаго почитанія, чуть не идолопоклонства, и, самъ того не желая, всякаго противодѣйствія, способствовалъ придавію особаго, сокровеннаго, смысла этому прозвищу: *Старый Человѣкъ*.

И уже при жизни Стараго Человѣка создается легенда о сверхъестественномъ происхожденіи его и его могуществѣ и безсмертіи. И, какъ ни старается Янъ установить и укрѣпить истинный взглядъ на себя, миѣ неуклонно растетъ, и самъ онъ невольно довершаетъ, своими дѣйствіями, его развитіе.

Старый Человѣкъ, будучи не въ силахъ заглушить въ себѣ тоску по Землѣ, отправляется въ Полярный Край: оттуда, съ вершины горы, видать надъ горизонтомъ дорогую, родную звѣзду... Хоть поглядѣть на нее, хоть разъ еще вглянуть на нее,—мечтаетъ ему. И—мечтаетъ несчастный—тамъ, передъ лицомъ матери-Земли, при ласковомъ свѣтѣ ея, умереть...

Желаніе Стараго Человѣка „уйти" было, конечно, понято какъ желаніе уйти туда, на *свою* звѣзду: „вѣдь *Онъ* можетъ все, что пожелаетъ"... Лунный народецъ еще крѣпче утверждается въ этой увѣренности, когда Старый Человѣкъ приводитъ въ исполненіе другое свое, вдругъ возникшее, намѣреніе—онъ отправляется затѣмъ и дальше, въ Великую Пустыню (въ томъ же ваго̀вѣ, въ которомъ прибылъ оттуда). Онъ вспомнилъ о заряженной, не использованной въ свое время сигнальной пушкѣ, которую они тогда забыли тамъ, въ Sinus Medii. Вотъ теперь она сослужитъ службу, наконецъ: посредствомъ ея, въ ядрѣ, можно послать на Землю всѣ свои записки, свои лунные дневники, — послать вѣсть о себѣ людямъ-братьямъ, и такимъ образомъ хоть на мигъ забыть о мучительномъ одиночествѣ своемъ: вѣдь, стало быть, не такъ ужъ заброшенъ онъ здѣсь и оторванъ отъ родной звѣзды... Правда, за это придется поплатиться жизнью,—не хватитъ запаса воздуха, чтобы вернуться,—но на что ему теперь жизнь; да и такъ ужъ близка смерть...

И вотъ Старый Человѣкъ пускается въ трудный, опасный — *послѣдній* путь. Его съ благоговѣйнымъ страхомъ и скорбью провожа-

ютъ прибывшіе съ нимъ въ Полярный Край виднѣйшіе представители лунныхъ людей, тщетно упрашивающіе своего патріарха не оставлять ихъ,—какъ разъ теперь, когда неожиданно открылось существованіе за моремъ весьма опасныхъ лунныхъ туземцевъ шерновъ и предстоитъ борьба съ ними.

Съ горечью и печалью пускается онъ въ путь.

„Печально у меня на сердцѣ, но спокойно. Смотрю на минувшую жизнь, и кажется, что пора подвести итогъ. Я хотѣлъ бы исповѣдаться въ грѣхахъ, какъ это дѣлаютъ на Землѣ люди, приготовляющіеся къ смерти, но — странная вещь! — во мнѣ тѣснятся мои страданія. Неужели это одно и то же?

Поэтому Ты, Господи, слышащій голосъ самаго ничтожнаго человѣка такъ же, какъ и грохотъ міровъ, несущихся въ пространствѣ, Ты, видѣвшій меня здѣсь, на Лунѣ, какъ вѣкогда видѣлъ меня на Землѣ, прими эту исповѣдь, въ которой сознаюсь Тебѣ, что былъ грѣшенъ и несчастенъ!

Когда я былъ ребенкомъ, мнѣ было тѣсно на Землѣ, которую Ты сотворилъ для меня, и я въ мысляхъ постоянно уносился на крыльяхъ тоски въ далекіе міры, блестящіе на небоснодѣ; я избѣгалъ ласкъ матери, чтобы мечтать о чудесахъ, которыя Ты сотворилъ,— не для меня! Былъ я грѣшенъ и несчастенъ...

Когда я подросталъ и поглощалъ тѣ крупицы знанія, которыя Ты позволилъ людямъ пріобрѣсти, моя душа постоянно кричала: мало! И мечтала о томъ, чтобы сорвать семикратныя печати и поднять завѣсы, опущенныя Твоею рукой. Грѣшнымъ я былъ и несчастнымъ.

А едва я возмужалъ, какъ меня обуяла жажда парить въ пространствахъ — какъ будто бы, находясь на Землѣ, я не былъ въ неизмѣримомъ пространствѣ вселенной и не возносился надъ бѣдами,— и я воспользовался случаемъ и съ легкимъ сердцемъ покинулъ матькормилицу для серебрянаго, увлекающаго лунатиковъ лика Луны. Грѣшенъ былъ я, Господи, и теперь несчастенъ.

... Я остался одинъ на этомъ ужасномъ свѣтѣ, на который попалъ по собственной волѣ, и, руководя порученнымъ мнѣ молодымъ человѣческимъ поколѣніемъ, я не умѣлъ пробудить въ немъ души, не умѣлъ обратить его взоры къ небу... Напротивъ, вмѣсто любви, я презиралъ несчастныхъ и допустилъ, чтобы они мнѣ поклонялись, тогда какъ поклоненіе принадлежитъ Тебѣ Одному... Я былъ грѣшенъ и несчастенъ...

И теперь, подавленный скорбью, извуреный тоскою, я оставляю этихъ порученныхъ судьбою моей опекѣ и руководству въ угожу ради послѣдней печальной роскоши, ради смерти предъ лицомъ Земли!

Я грѣшенъ, Господи, и несчастенъ!

Моя жизнь разломилась на двѣ части, изъ которыхъ одна была стремленіемъ къ неизвѣстному, а другая—тоскою по утраченномъ... И обѣ были печальны и невыразимо мучительны...“

Такъ же невыносимо горестно теперь и его обращеніе къ Землѣ, „утраченной матери“.

„О, мои братья! тамъ, на свѣтломъ ядрѣ, которое свѣтитъ въ эту минуту предо мною!

О, братья мои далекіе! о, братья мои незнакомые и дорогіе!

О, Земля! пресвѣтлая звѣзда! радость очей моихъ! свѣтъ, пылающій надъ пустынями!

Земля! роскошный рай! истинное сокровище, свѣтлый изумрудъ, оправленный въ лазурь морей! Ты—своихъ цвѣтовъ, благовонная кадильница! арфа, распѣвающая голосами птицъ! О, Земля, Земля! моя родная! моя утраченная мать!

Рыданіе вырывается изъ моей старой, тоскующей груди, но уже нѣтъ слезъ, чтобы оплакивать тебя, звѣзда, сіяющая надъ пустынями! міръ, болѣе другихъ достойный любви!

Вотъ я протягиваю къ тебѣ руки—самый далекій, самый несчастный изъ твоихъ сыновей и единственный, которому ты соблаговолила явиться въ этомъ золотомъ образѣ— звѣзда среди звѣздъ на небѣ!

Вотъ я молюсь на тебя, я, заброшенный и одинокій, я, котораго ты знала ребенкомъ и который состарился не на твоей материнской груди:

Земля! прости, что я ушелъ отъ тебя, одержимый безумной жаждой знанія, которую ты сама воспитала во мнѣ! Ушелъ, увлеченный серебринымъ ликомъ этого мертваго шара, который ты вѣка тому назадъ выбросила изъ себя, чтобы онъ освѣщалъ твои ночи и колыхалъ твои моря!

Я твой блудный сынъ, которому ты дала всѣ блага, благородную осанку и мыслящую душу, цвѣты, чтобы радовать зрѣніе, и птицъ, чтобы упиваться ихъ пѣсней, и братьевъ, чтобы имѣть, съ кѣмъ раздѣлить горе и радость; я, слудный сынъ, сурово наказанный и ужъ немогущій вернуться, чтобы стать худшимъ изъ твоихъ дѣтей на твоей материнской груди, я прошу тебя:

Земля! не забывай меня! свѣтя глазамъ моимъ прежде, чѣмъ ихъ покроетъ туманъ горячо желанной смерти!

Пью, поглощаю свѣтъ твой всѣмъ сномъ

существомъ! Упиваюсь свѣтомъ твоимъ до видѣній, до безумія!

Свѣтъ твой, яркій отъ лазоревыхъ морей, отъ снѣжныхъ вершинъ, отъ зеленыхъ полей, отъ мелкихъ, сверкающихъ листьевъ деревъ, отъ цвѣточныхъ чашечекъ, отъ росы, блистающей тамъ на лугахъ, отъ деревенскихъ крышъ и отъ стрѣльчатыхъ церковныхъ башенъ, отъ человѣческихъ лицъ, задумчиво глядящихъ на небо—пробѣжалъ сотни тысячъ миль, направляясь ко мнѣ, черезъ вѣковѣчную пустоту, и теперь онъ для меня все: и лазурь твоихъ морей, и зелень полей, и сверканье росы, и краски цвѣтовъ, и отблескъ человѣческаго духа, отражающійся въ поднятыхъ къ небу глазахъ!

О, Земля! Земля моя!

О, когда же моя душа, освободившись отъ тѣла, пойдетъ по струнамъ свѣта, натянутымъ между тобою и этимъ страшнымъ міромъ, и, припавъ къ твоему лону, станетъ, какъ тихій вѣтерокъ, цѣловать все, что такъ любитъ и о чемъ такъ безгранично тоскуетъ!

О, Земля!..“

Послѣдняя запись въ дневникѣ:

„У могилы О'Тамора, въ послѣдній часъ.

Слава Всевышнему: я нашелъ дорогу и то мѣсто... проклятое! гдѣ въ первый разъ наша нога коснулась лунной почвы, и... благословенное! откуда я могу послать на Землю вѣсть о себѣ.

Я стою надъ трупомъ стараго О'Тамора и дивлюсь, видя, что онъ моложе меня, живого. Года прошли надъ нимъ, не коснувшись его, такъ, какъ легкій вѣтерь проходитъ надъ гранитными скалами. Здѣсь, въ этой безвоздушной пустотѣ, нѣтъ разложенія: старецъ О'Таморъ выглядитъ такъ, какъ въ ту минуту, когда мы хоронили его—непрестанно смотритъ на Землю широко раскрытыми мертвыми глазами. А я, ушедшій молодымъ отъ его могилы, стою теперь надъ нимъ съ сѣдою бородой по поясъ и остатками сѣдыхъ волосъ на полысѣвшемъ черепѣ и со страхомъ въ гаснущихъ глазахъ.

Слишкомъ долго жилъ я, старый О'Таморъ! слишкомъ долго жилъ я!

Я нашелъ пушку: она готова и не испорчена. Она ждетъ меня больше пятидесяти лѣтъ... И вотъ я пишу послѣднія слова, передъ тѣмъ какъ заключу эти бумаги въ ядро, которое отнесетъ ихъ на Землю.

Запасы провизіи ужъ истощились, воздуху мнѣ хватитъ едва лишь на два или три часа. Я долженъ спѣшить...

Отъ Исхода нашего семьсотъ семь лунныхъ дней.

О, Земля!.. О, Земли утраченная...“

А въ это время жрица лунного народа, полубезумная „пророчица“ Ада (младшая дочь Марты), проводившая Стараго Человѣка до границы пустыни, вдохновенно-экстатически, какъ Пиѳія, проповѣдуетъ внимающимъ ей людямъ у Теплыхъ Прудовъ:

— Онъ ушелъ... на Землю! Сюда же придетъ вновь только спустя вѣка, вѣка... когда исполнится...

* *
*

Такъ положено было начало религіи на Лунѣ... Проходили вѣка, лунное человѣчество размножалось, и всѣ жили вѣрой въ грядущаго Стараго Человѣка, который вернется съ Земли уже свѣтлымъ, лучезарнымъ юношей и — вернется „Побѣдителемъ“, чтобы спасти свой народъ. „Побѣдитель“!.. Какъ магически звучало это слово въ устахъ лунныхъ людей. Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какой страстной тоской теперь, по прошествіи семисотъ лѣтъ, ждали его. Чудовищные шерны—эти крылатые полу-люди, полу-животныя—давно уже поработила страну Теплыхъ Прудовъ, и потомство Марты изнывало подъ жестокимъ игомъ порабощителей.

Непрестанно, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, думали о *Немъ*. Когда встрѣчались двое, невзмѣннымъ привѣтствіемъ служили слова: „Онъ придетъ!“ И всегда отвѣтомъ было—„Воистину придетъ!..“

И давно уже, сотни лѣтъ, въ Полярномъ Краю готовы къ радостной встрѣчѣ своего Мессіи Братья Ожидающіе. Въ длинныхъ, темныхъ рясахъ, съ братьми головами, эти лунные монахи живутъ здѣсь, именно какъ „ожидающіе“, не въ домахъ, а палаткахъ, никогда не зажигая огня — „какъ бы на часъ только выйдя изъ дома“...

„Кто однажды вступилъ въ монастырь, тотъ отрекался отъ всего и не оставлялъ ужъ Полярной Окраины ни при жизни, ни послѣ смерти. Братья утрачивали семью, не знали собственности, отказывались отъ употребленія напитковъ и вареной пищи, должны были быть непорочными, воздержанными и правдивыми, слушаться своего начальника, и первой ихъ обязанностью было: ждать въ полной готовности. Время, не имѣющее въ этой странной мѣстности ни дня, ни ночи, они проводили въ научной работѣ и молитвахъ, которыя совершались на горѣ, лицомъ къ Землѣ. А кто умиралъ, тотъ освобождался отъ работы, но молитвы раздѣляль съ живыми. Потому что его не сжигали и не клали въ могилу, а относили на горы и прислоняли плечами къ камню,

чтобы онъ смотрѣлъ на Землю и ждалъ пришествія вмѣстѣ съ живыми.

Такъ—лицомъ къ Землѣ—вѣка тому назадъ приказала положить себя тутъ первая жрица и святая основательница Братства, Ада, которая, послѣ ухода Стараго Человѣка, провела остатокъ жизни въ Полярномъ краю, глядя на Великую Звѣзду надъ Пустынями, и такъ, по ея примѣру, помѣщали всѣхъ Братьевъ, которые умирали.

Были такіе, которые, чувствуя приближеніе смерти, приказывали товарищамъ отправить ихъ туда, чтобы окончить жизнь предъ лицомъ Земли.

Въ холодномъ и разрѣженномъ воздухѣ трупы не поргились, и съ теченіемъ времени это мертвое братство стало многочисленнѣе живого. Солнце обращалось вокругъ высохшихъ труповъ, а они продолжали оставаться такими же—неизмѣнными, спокойными и „ожидающими“. Когда Земля была въ новолуніи и пылающее солнце стояло надъ нею, загорались краснымъ блескомъ почернѣвшія лица и пылали такъ до тѣхъ поръ, пока не сходилъ съ нихъ солнечный блескъ, уступая мѣсто все усиливающемуся, мертвенно-синему свѣту Земли. Въ часъ полнолунія Братья Ожидающіе поднимались на гору молиться, и когда они усаживались на камняхъ среди труповъ спиною къ солнцу, понятнѣ трудно было распознать, которые изъ нихъ живые и которые мертвые“.

Такъ именно и сидѣли они, мертвые вмѣстѣ съ живыми, когда однажды произошло великое событіе.

Сверкнуло надъ ихъ головами блестящее, огромное ядро и упало на самую средину Полярной равнины — и изъ него вышелъ молодой бѣлокурый человѣкъ, похожій на лунныхъ людей, но только вдвое выше ихъ ростомъ,—величественный, свѣтлый, смѣющійся.

Велика была радость Братьевъ Ожидающихъ, дождавшихся наконецъ „Побѣдителя“, но не меньше было и изумленіе новаго пришельца съ Земли, когда онъ узналъ причину этой неописуемой радости. Онъ разражается безудержнымъ хохотомъ при мысли, что, вотъ, онъ здѣсь „долженъ быть какъ бы китайскимъ божкомъ“. Но при видѣ того, какъ по приказанію главы ордена Элема монахи, теперь уже „Братья Радостные“, спѣшили сложить костеръ изъ труповъ, — „время ихъ ожиданія также кончилось, пусть отдохнутъ“, — и какъ съ крикомъ: „Спаси насъ, спаси!“ они стали потомъ обнимать его ноги, земного гостя вдругъ охватилъ страхъ: онъ „понялъ, что его безумное прибытіе на Луну связалось случайно съ чѣмъ-то великимъ, что онъ—не зная того—возложилъ на себя какое-то бремя“... И Маркъ,—такъ звали его на Землѣ,—„медленно и какъ бы колеблясь склоняетъ голову:

— Да, принимаю свой жребій“...

Но—„былъ жуткій моментъ, когда онъ невольно взглянулъ на свой блестящій вагонъ, который уже стоялъ готовый для обратнаго пути“ (снарядъ былъ устроенъ такъ, что, падая, самъ себя зарядилъ сгущеннымъ воздухомъ)...

Радость монаховъ передается жителямъ всѣхъ селеній и столицы у Великаго Моря, куда „Братья Радостные“ торжественно ведутъ „Побѣдителя“. Одинъ только первосвященникъ Малагуда не можетъ проникнуться этимъ всеобщимъ праздничнымъ настроеніемъ, всенароднымъ ликованіемъ.

Какое-то странное смятеніе, тяжелую внутреннюю борьбу переживаетъ онъ, приготовляясь къ пріему „Наивысшаго“. Всѣ обстоятельства чудеснаго появленія въ Полярномъ Краю того, кого уже и монахи и народъ объявили Побѣдителемъ, совпадаютъ съ древними заповѣдями и пророчествами — и однако, вмѣсто радости, необъяснимая, все увеличивающаяся мрачность, тревога и страхъ овладѣвали душою Малагуды. И чуткая внучка первосвященника, красавица Игезаль, съ трепетомъ и ужасомъ прозрѣваетъ его душевную драму:

— Дѣдушка! ты... не вѣришь, что это... Онъ?!

Что могъ Малагуда отвѣтить на это? „Долженъ ли былъ сказать ей онъ, верховный жрецъ, стражъ Истины и Тайны, послѣдній изъ вѣкового и уже угасающаго вмѣстѣ съ нимъ рода жрецовъ, онъ — вождь всего народа... долженъ ли былъ онъ сказать, онъ, который всю долгую жизнь чтилъ и приказывалъ вѣрить въ пришествіе Побѣдителя,—что теперь, когда ему донесли, что Побѣдитель дѣйствительно пришелъ, онъ пересталъ вѣрить, что тотъ вообще долженъ когда-нибудь притти?..“

Съ жадностью, пытливымъ вниманіемъ углубился первосвященникъ въ вѣковыя священныя книги, въ которыхъ записаны всѣ пророчества о возвращеніи Стараго Человѣка — и видитъ теперь ясно, *впервые*, что „каждое народное несчастіе, каждое бѣдствіе въ теченіе вѣковъ имѣли своего пророка и что всегда обѣщалось тѣмъ скорѣйшее пришествіе Побѣдителя, чѣмъ болѣе тяжкая судьба выпадала народу“.

„...Тяжело опустились руки первосвященника на послѣднюю страницу послѣдней книги. Онъ уже зналъ навѣрно, что никакой „Побѣдитель“ никогда никѣмъ не былъ обѣщанъ, и что всѣ пророчества были лишь выраженіемъ тоски

народа, угнетеннаго отвратительными и злобными лунными туземцами...

И однако—онъ пришелъ!

Это была для Малагуды неразрѣшимая загадка, какой-то пронический и страшный парадоксъ! И притомъ, еще другое: какой-то заколдованный кругъ чувства, исплывающаго изъ самыхъ затаенныхъ глубинъ его существа. Вѣдь, минуту тому назадъ онъ разрушилъ въ душѣ всю свою вѣру, а теперь чувствуетъ, что все въ немъ возмущается при мысли, что этотъ странный пришлецъ, въ сущности не возвѣщенный пророками, простымъ появленіемъ своимъ перевернетъ всю религію ожиданія, опирающуюся на эти пророчества!

И вновь у него явилась мысль, что, быть можетъ, онъ никогда въ дѣйствительности не вѣрилъ, что слова, которыя онъ говорилъ самому себѣ и народу, имѣли иное значеніе, чѣмъ то, какое онъ, казалось, имъ придавалъ, что все это было какимъ-то сномъ, который въ силу страннаго и противорѣчиваго случая, сталъ дѣйствительностью, совершенно незванной...

И въ то же время онъ чувствовалъ, что ему жаль вѣры"...

И весь трагизмъ своего невѣрія, всѣ муки своей смятенной души старый верховный жрецъ вкладываетъ въ привѣтствіе, съ которымъ встрѣчаетъ онъ прибывшаго во главѣ простодушно вѣрующихъ народныхъ толпъ Побѣдителя.

„—...До сихъ поръ насъ поддерживала надежда, что *придетъ* Побѣдитель; вотъ въ этомъ храмѣ, на порогѣ котораго я привѣтствую тебя, я ежедневно подкрѣплялъ народъ этими словами, — помни, что съ того момента, какъ ты явишься, вѣтъ уже надежды, а потому должна быть дѣйствительность!" ...Я не знаю, былъ ли ты обѣщанъ,— продолжалъ онъ, и голосъ его росъ, становился мощнымъ и гремѣлъ въ маленькой груди: — не знаю, былъ ли ты обѣщанъ, хотя всѣ книги полны обѣщаній, но я вижу, что ты прибылъ — и потому говорю тебѣ еще разъ: ты долженъ совершить то, что въ теченіе вѣковъ создала въ грезахъ наша, кровью облитая, тоска, и если не совершишь— поистинѣ лучше было бы для насъ и для тебя, если бы ога твоя никогда не ступала на Луну, ибо будешь проклятъ среди насъ. ...Я слагаю свой санъ и власть на порогѣ храма и послѣднимъ архипастырскимъ распоряженіемъ объявляю упраздненной старую религію, которая до сихъ поръ укрѣпляла и поддерживала насъ. Основывай ты теперь новую своими дѣлами. Видитъ Богъ, что иначе я не могу..."

Марку остается только слѣдовать своей судьбѣ, такъ неожиданно вплетенной въ главный узелъ человѣческихъ дѣлъ на Лунѣ, и исполнить „работу, которую взялъ на себя".

На первыхъ порахъ задача казалась легкой, простой. Хотя шерны,— эти крылатыя, четырехглазыя, одаренныя разумомъ существа, обладавшія страшной таинственной силой: прикосновеніемъ обѣихъ ладоней своихъ шестипалыхъ рукъ къ обнаженному человѣческому тѣлу убивать мужчинъ и оплодотворять женщинъ, отъ которыхъ рождались тогда отвратительные убладки морны,— хотя шерны наводили паническій ужасъ на людей и, благодаря своимъ крыльямъ и „змѣинымъ" рукамъ, имѣли громадное преимущество даже надъ самимъ Побѣдителемъ, но зато они были безсильны передъ его огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Прежде всего былъ взятъ приступомъ сосѣдній замокъ поработителей и истреблены всѣ обитатели его — шерны и морны — при чемъ главнаго шерна, намѣстника Авія, удалось захватить въ плѣнъ. Немедленно затѣмъ сталъ Маркъ готовиться къ походу за море, въ самую страну шерновъ.

Во время сборовъ онъ нѣсколько разъ встрѣчается съ прекрасной Игезалью, внучкой отказавшагося отъ власти первосвященника Малагуды. Игезаль уже была невѣстой, но теперь она и слышать не хочетъ о своемъ женихѣ Іеретѣ. Съ перваго же взгляда она, вѣрующая дочь своего народа, полюбила „свѣтлаго", величественнаго Побѣдителя какъ бога; но также и — женщина — полюбила пламенно какъ человѣка... И благоговѣйное очарованіе сплелось, смѣшалось съ страстнымъ влеченіемъ къ нему.

А онъ, глядя съ любопытствомъ на эту златоволосую миніатюрную лунную дѣвушку, только хохочетъ въ отвѣтъ на разные намеки свѣдаемаго ревностью Іеретa:

— Даже ребенкомъ я не игралъ въ куклы! Что бы я съ ней дѣлалъ?

Да и некогда Марку удѣлять вниманіе лунной красавицѣ: надо, не теряя времени, снаряжать людей въ походъ.

Пускаясь въ далекій путь, Побѣдитель разсѣянно прощается съ дѣвушкой, которая — вся восхищеніе, вся порывъ, вся томленіе. Что-то хочетъ она сказать ему передъ разлукой, но слова замерли на беззвучно трепещущихъ губахъ, и вдругъ Игезаль разражается судорожнымъ рыданіемъ... Но рыданія заглушаетъ призывомъ своимъ походная труба. Мысли Побѣдителя уже несутся туда, на берегъ моря, гдѣ строятся въ боевомъ порядкѣ войска для выступленія.

Въ первомъ завоеванномъ городѣ Маркъ вспоминаетъ о „такой забавно маленькой“ красавицѣ и шлетъ ей царственные подарки — изъ захваченныхъ сокровищъ шероховъ. При видѣ этихъ драгоцѣнностей, въ глазахъ Игезали „вдругъ засверкалъ блескъ, похожій на блескъ стальнаго кинжала“, и она спрашиваетъ изумленныхъ, ничего не понимающихъ пословъ:

— Неужели вы не привезли мнѣ самой драгоцѣнной вещи, которая во много разъ дороже этихъ розовыхъ жемчужинъ?..— И поясняетъ: — Сердца его хотѣла бы, кроваваго, краснаго сердца!

Послѣдніе слова оказались вѣщими...

А Побѣдитель въ это время продолжаетъ свое побѣдоносное шествіе по странѣ шероховъ, трупами ихъ устилая равнину между моремъ и горами и обращая города ихъ въ развалины. Но счастье сопутствовало ему только до тѣхъ поръ, пока не подошли завоеватели къ гористой части страны. Почти неприступны были эти огромныя, отвѣсныя, съ кольцеобразными вершинами, горы, куда шероховъ подымались на своихъ крыльяхъ. А между тѣмъ надо было во что бы то ни стало овладѣть горами, чтобы довести до конца „взятую на себя работу“: ибо тамъ, въ горахъ, прятались важнѣйшіе города непріятеля.

Маркъ не падаетъ духомъ. Воодушевленные имъ воины послѣ геройскихъ усилій достигаютъ кольцеобразной вершины одной изъ горъ и останавливаются въ изумленіи. Здѣсь—въ серединѣ гигантской, покрытой роскошной зеленью горной котловины — возвышался чудно-прекрасный городъ, ощетинившійся сотней башенъ и удивительныхъ стройныхъ зданій.

Городъ наконецъ во власти людей; но уже на слѣдующій день пришлось вернуть его врагу и отступить съ большимъ урономъ. И отказаться навсегда отъ мысли „передушить шероховъ въ ихъ гнѣздахъ“.

Звѣзда Побѣдителя начинаетъ меркнуть...

Между тѣмъ по ту сторону моря, въ странѣ Теплыхъ Прудовъ, совершаются событія, оказавшіяся еще болѣе роковыми для него.

Среди лунныхъ людей были свои ученые,— составлявшіе Братство Истины, — которые не хотѣли вѣрить „сказкамъ“ монаховъ и жрецовъ о Старомъ Человѣкѣ и его возвращеніи съ Земли. Землю они считали необитаемой, а „вѣчное“ происхожденіе людей объясняли такъ: я „Старый Человѣкъ“ и этотъ, кого называютъ „Побѣдителемъ“, прибыли не съ Земли, а съ той стороны Луны,—гдѣ нѣкогда былъ плодородный населенный край и гдѣ въ болѣе поздніе времена, когда „по необъяснимой причинѣ“ улетучился воздухъ и высохли моря, люди переселились подъ поверхность пустынной почвы и живутъ теперь тамъ въ довольствѣ и изобиліи—въ подземныхъ городахъ, среди подземныхъ луговъ и морей.

Марку не удалось разсѣять заблужденій ученыхъ, какъ не удалось поколебать суевѣрія вѣрующихъ, и вотъ, въ отсутствіе его, руководители „Братства Истины“ тайно отправились въ Полярный Край, чтобы завладѣвъ снарядомъ Побѣдителя, имѣть возможность диктовать ему *свои* условія: лунные „ученые“ хотѣли во что бы то ни стало проникнуть въ заманчивое подземное царство „на той сторонѣ“. Но случилось такъ, что не они завладѣли снарядомъ, а снарядъ „завладѣлъ“ ими. Одинъ изъ командированныхъ туда членовъ Братства, болѣе нетерпѣливый искатель истины, зная по разсказамъ самого Побѣдителя что, „достаточно войти внутрь, захлопнуть входное отверстіе и нажать кнопку, чтобы снарядъ, вытолкнутый изъ своей оболочки воздухомъ, возвратился на то же самое мѣсто, откуда былъ выброшенъ“, — не преминулъ тутъ же воспользоваться этимъ знаніемъ, и...

„...Легкое сотрясеніе поколебало полъ вагона.

— Что ты дѣлаешь! — воскликнулъ Рода.

Матареть былъ блѣденъ.

— Не знаю, не ошибся ли ты, — сказалъ онъ. — Мнѣ кажется, что мы стоимъ на мѣстѣ...

— Ты нажалъ кнопку?!

— Да.

Рода кинулся къ лѣстницѣ, но Матареть удержалъ его.

— Если мы уже находимся въ пространствѣ, то нельзя открывать дверцы. Здѣсь гдѣ-нибудь должно быть окно...

Послѣ долгихъ поисковъ они нашли въ полу металлическую доску, закрывавшую толстый стеклянный люкъ.

Матареть сталъ на колѣни и долго смотрѣлъ. Когда онъ всталъ, то былъ блѣденъ, какъ трупъ, и глаза его выражали неописуемое изумленіе.

— Мнѣ кажется, что мы летимъ на Землю...— шепнулъ онъ.

Рода бросился къ окну и взглянулъ. Тамъ, подъ ихъ ногами съ ужасающей быстротой убѣгала Луна, — уже видна была огромная часть Великой Пустыни отъ которой они удалялись все болѣе и болѣе, мчась въ пространство.

Рода безъ силъ упалъ на полъ.

— На Землю, на Землю... — шепталъ онъ помертвѣвшими губами.

— Да,— сказалъ тихо Матарета.— Побѣдитель говорилъ правду. Я не думалъ...

Тогда Рода вдругъ вскочилъ и, подскакивая съ кулаками къ Матарету, крикнулъ:

— Но Земля необитаема! понимаешь? необитаема!! Я тебѣ сейчасъ докажу!..“

Томящаяся, тоскующая Игезаль все чаще стала заглядывать въ подземелье, гдѣ къ стѣнѣ прикованъ былъ плѣнный намѣстникъ Авіи. Видъ шерна вызывалъ въ ней отвращеніе, страхъ, ужасъ, но тѣмъ не менѣе ее что то влекло сюда,— какая-то непреодолимая сила исходила изъ четырехъ круглыхъ кровавыхъ глазъ крылатаго чудовища.

Сначала дѣвушка просто жаждала взглянуть въ эти странные колдовскіе глаза, чтобы насладиться униженіемъ и безпомощностью побѣжденнаго врага, когда-то, на свободѣ, столь опаснаго, страшнаго для нея, женщины, своими „змѣиными руками“. Но загадочные глаза сверкали такой неукротимой гордостью и презрѣніемъ къ побѣдителямъ, а потоки хриплыхъ словъ звучали такой непоколебимой увѣренностью въ окончательномъ торжествѣ шерновъ, что порженная, вѣмѣющая Игезаль усиліемъ слабѣющей воли пятилась назадъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ какого-то непонятнаго для нея самой чувства...

Шернъ уже казался ей не только страшнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какимъ-то высшимъ существомъ.

— Иди, скажи своему Побѣдителю,— скрипѣли злобно его роговыя, клювообразныя губы,— пусть пойдетъ въ Великую Пустыню и обыщетъ разваливы городовъ, которые разсыпаются тамъ въ прахъ, и узнаетъ то, что мы знали вѣка тому назадъ, когда на Землѣ еще не было жизни! Пусть прицѣпитъ себѣ крылья и покоритъ за Моремъ нашъ самый большой городъ на высокихъ скалахъ, пусть научится читать хранимую тамъ книгу, писанную только красками, и пусть убѣдится, какъ мы ужъ тогда знали Землю, когда она еще была необитаема, и какую тяжесть знанія мы ужъ давно отбросили, какъ ненужную вещь!..

„... Онъ вдругъ замолчалъ и впился зачаровывающими глазами въ мѣняющуюся въ лицѣ дѣвушку.

— Будетъ опять служить намъ человѣческое племя,— сказалъ онъ,— за исключеніемъ той, которая захочетъ стать госпожой и добровольно пойдетъ за шерномъ въ чудный городъ, построенный на горахъ, чтобы царствовать тамъ съ нимъ и имѣть морковъ болѣе послушныхъ, чѣмъ собаки, и людей, взятыхъ въ плѣнъ для услугъ, и неисчерпаемыя сокровища, болѣе сверкающія, чѣмъ искрящіяся темной ночью звѣзды! Царствовать будетъ человѣческая женщина, избранная шерномъ, царствовать будетъ съ той минуты, когда узнаетъ и пойметъ, что нѣтъ ни зла, ни добра, выдуманныхъ слабыми людьми, нѣтъ справедливости и обидъ, заслуги и награды, наказанія и грѣха, а есть одна лишь сила, заключенная въ наивысшемъ творѣніи свѣта, во всемыслящемъ шерѣ!.. Подойди!“

Только тогда опомнилась Игезаль и съ крикомъ бросилась къ дверямъ. На лѣстницѣ она упала въ изнеможеніи, сотрясаясь въ судорожномъ плачѣ.

Человѣческія рѣчи шерна зачаровывали не только сами по себѣ, но еще и тѣми непонятными свѣтящимися на его бѣломъ, фосфоресцирующемъ лбу знаками, посредствомъ которыхъ шерны передавали болѣе сложныя и глубокія свои переживанія, впечатлѣнія, мысли. Лобъ тогда покрывался мутно-синей краской, сквозь которую „просвѣчивали быстро слѣдующія другъ за другомъ сверканія, цѣлыя гаммы красокъ, минутами расплывающіяся въ общемъ фіолетовомъ тонѣ... Временами краски измѣнялись, какъ поднимая полярная заря, и были такъ ярки, что все подземелье казалось освѣщеннымъ радугой; временами же угасали, лѣнивo и мягко переливаясь одна въ другую... Создавалось впечатлѣніе дивнаго гимна свѣта и красокъ, могущаго, быть можетъ, выразить то, чего никогда нельзя передать человѣческимъ голосомъ“.

— Іереть!— тщетно умоляетъ Игезаль своего отвергнутаго жениха, прибывшаго изъ-за моря по порученію Побѣдителя за подкрѣпленіемъ:— Іереть! сжалься! возьми меня съ собою! Я хочу къ Побѣдителю! не оставляйте меня здѣсь подъ чарами шерна! На глазахъ его нѣтъ цѣпей!.. Я хочу къ Побѣдителю! хочу видѣть, чувствовать, что онъ сильнѣе, что онъ...

Дѣвушка задумываетъ убить Авіи. Но не сразу рѣшается она на это. Вѣдь *передъ тѣмъ* она должна будетъ взглянуть въ его кровавые насмѣшливые глаза...

„...Она сорвалась съ широкой софы и стала звать прислужницъ, чтобы онѣ привели къ ней служителей. Ихъ пришло четверо: грубые парни, похожіе на палачей. Игезаль знакомъ приказала имъ ждать.

Въ задней, небольшой комнатѣ, гдѣ она обыкновенно одѣвалась, находилось широкое металлическое зеркало надъ полукруглымъ бассейномъ, вдѣланнымъ въ мозаичный полъ. Сюда вошла Игезаль, ведя за собою двухъ прислужницъ, ея дѣвушекъ. Она стала предъ зеркаломъ и приказала раздѣть себя.

Какъ волшебный цвѣтокъ, зашевѣла она теперь предъ собственнымъ, вонвшимися въ зеркало глазами. Уста ея любовно раскрылись, и тяжелыя вѣки ползакрыли глаза, когда она смотрѣла на отраженіе своего тѣла...

— Я прекрасна...

— Ты прекрасна, о, госпожа!— отвѣтили хоромъ обѣ служавки.

Она остановалась такъ минуту, стройная, гибкая, нагая и безукоризненная—и вдругъ, какъ бы подъ ударомъ какого-то воспоминанія, она сплела руки и закрыла имп глаза, опуская голову на грудь. Прислужницамъ показалось, что онѣ разслышали стонъ или звукъ сдерживаемаго рыданія.

Когда она вновь отняла руки отъ лица, губы ея были сжаты, а въ глазахъ появилось жестокое, повелительное выраженіе.

— Одѣвайте меня,— коротко сказала она и движеніемъ головы указала на сундуки, гдѣ хранились ея самыя дорогія одежды.

Черезъ нѣсколько минутъ въ непгущемся платьѣ, подъ пурпуровымъ плащомъ, покрытымъ драгоцѣнностями и золотомъ, трудно было бы даже представить себѣ ея нагое и какъ бы мечтою рожденное чудное тѣло. Высокій вѣнецъ обвиналъ вокругъ висковъ ея волосы, покрытые расшитымъ жемчугомъ и кораллами покрываломъ, на ногахъ были зеленыя полуботинки, съ длинными золотыми цѣпями, волочившимися по землѣ при каждомъ шагѣ,— на рукахъ ея сверкали огромныя розетки изъ драгоцѣнныхъ камней, прикрѣпленныя золотыми шнурками къ четыремъ кольцамъ на пальцахъ и широкому обручу у изгиба руки.

Въ дверяхъ она приказала слугамъ зажечь факелы. Въ красномъ блескѣ разгорѣвшихся смолистыхъ щекъ ея сжатыя уста задрожали какой-то страшной, холодной жестокостью...

Она толкнула двери подземелья и приказала прислужницамъ войти первыми. Они стали по обѣимъ сторонамъ двери, свѣтя смолянымп факелами, а тогда вошла и она, звеня золотыми цѣпями у ногъ, сверкая дорогими каменьями, неподвижная въ дорогихъ и тяжелыхъ одѣяніяхъ, съ застывшимъ бѣлымъ лицомъ.

— Игезаль!— прохрипѣлъ онъ спустя минуту.

Она безъ словъ приблизилась къ нему, съ неподвижнымъ попрежнему и какъ бы застывшимъ лицомъ. Медленно вынула изъ складокъ платья острый кинжалъ съ гибкимъ остріемъ и вырѣзанной изъ цѣльнаго коралла рукоятной, и стала, какъ бы играя, сверкать имъ при блескѣ факеловъ.

— Игезаль!

Острая боль подавила крикъ у него въ горлѣ. Дѣвушка какъ бы невинпымъ движеніемъ вдругъ приложила остріе кинжала къ его лбу и провела на немъ широкій разрѣзъ. Потомъ она слегка отступила и сдѣлала знакъ двумъ слугамъ, чтобы они подошли съ факелами. Нѣкоторое время она смотрѣла на чудовище въ кровавомъ блескѣ смолистыхъ лучей, наконецъ, медленно взяла ихъ изъ рукъ державшихъ и подсунула подъ распростертыя черныя крылья.

Шершъ скорчился отъ боли,— подземелье наполнилъ запахъ гари.

Вдругъ она ударила шерна въ грудь пылающимъ факеломъ, который при этомъ выпалъ у нея изъ рукъ и тлѣлъ, разливаясь по полу широкимъ, покрытымъ краснымъ огнемъ пятномъ смолы.

Тѣнь шерна, отклонившагося отъ стѣны, поднялась вверхъ и заколебалась огромнымъ червымъ призракомъ. А изъ свернувшагося въ клубокъ чудовищнаго тѣла сверкали четыре страшныхъ кровавыхъ глаза... Игезаль вдругъ почувствовала, что силы ее покидаютъ. Она невольно оглянулась, ища рукою опоры; служители серылись въ какомъ-то суевѣрномъ страхѣ. Она была одна.

Одну минуту и ей хотѣлось убѣжать. Она почувствовала, что ноги ей не повинуются, ей стало какъ-то душно, жесткія драгоцѣнныя одежды стали тяготить ее. Тихій стонъ вырвался изъ ея посиневшихъ, полуоткрывшихся губъ.

Шершъ до сихъ поръ не издалъ ни звука. Извиваясь отъ мукъ, онъ сжалъ свои роговыя губы и теперь лишь молча страшными глазами смотрѣлъ на шатающуюся дѣвушку. И она не могла оторвать взгляда отъ его глазъ. Никогда еще она не чувствовала себя такой безсильной предъ нимъ, какъ именно теперь, когда пришла показать гордому чудовищу свое могущество и великолѣпіе. Широко раскрытыми, изступленными глазами она неподвижно смотрѣла на него, не будучи въ состояніи сдѣлать ни шагу. Она видѣла рану на груди, вызженную факеломъ, угасавшимъ теперь у его ногъ въ красныхъ, прыгающихъ огняхъ— и глаза, глаза...

Страшный безумный крикъ вырвался изъ ея груди и замеръ на половинѣ, на самой высокой нотѣ, какъ фонтанъ, внезапно скованный морозомъ.

— Подойди ближе,— сказалъ шершъ, не спуская съ нея глазъ.

Она зашаталась, но послушно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Ближе.

Она приблизилась еще, ужъ только полшага отдѣляло ее отъ него.

— Сжалься...

— Разрѣжь веревки,— сказалъ Авій.

Машинальнымъ, безвольнымъ движеніемъ она подняла кинжалъ и, склоняясь къ ногамъ чудовища, стала разрѣзывать стягивающія ихъ путы.

— Руки...

Она выпрямилась и медленно, какъ бы во снѣ, вонзила остріе кинжала между рукою черна и желѣзнымъ кольцомъ на стѣнѣ. Одна рука у Авія была ужъ свободна. Но онъ не протянулъ ее къ кинжалу, чтобы освободить себѣ и другую, а лишь повторилъ тѣмъ же самымъ тихимъ, приказывающимъ голосомъ:

— Дальше, и другую...

Игезаль перерѣзала веревку.

И вдругъ почувствовала, что какая-то страшная черная масса валится на нее. Она хотѣла защищаться, хотѣла оттолкнуть эту тяжесть руками, ударить кинжаломъ, но онъ вылетѣлъ изъ ея руки, какъ увядшій листъ, и въ ту же минуту два широкихъ, высоко поднятыхъ крыла захлопали гдѣ-то вверху надъ ея головой и упали на нее, мягко обвивая... Она почувствовала страшныя руки, скользящія по ея бокамъ и пищущія среди жесткихъ складокъ платья живого тѣла,— а потомъ на обнаженныхъ бедрахъ прикосновеніе холодныхъ, скользкихъ ладоней... Внезапная ночь окутала ея голову. Огонь на губахъ и въ гортани. Боль, какая-то чудовищная, нечеловѣческая боль, скручивающая мышцы и внутренности, боль до того отвратительная, что походила на дикое наслажденіе...

Она упала, потерявъ сознаніе".

Какъ разъ въ это время возвращается Побѣдитель. Его, не оправдавшаго своего имени, встрѣчаетъ общій ропотъ. Ореолъ сверхъестественности, окружавшій его личность, померкъ. Противъ него уже ведется агитація, строются козни, спѣшатъ учесть моментъ разные честолюбцы, въ родѣ Элема (главы монашескаго братства), захватившаго въ свои руки первосвященническую власть. Проповѣдь фанатиковъ, и прежде объявлявшихъ пришельца Лжепобѣдителемъ, такъ какъ мертвые „ожидающіе братья" не воскресли съ его пришествіемъ, теперь только усиливаетъ смуту (какъ и „разоблаченія" ученыхъ). А когда Маркъ приступаетъ къ осуществленію задуманныхъ имъ съ самаго начала коренныхъ соціальныхъ реформъ, волненіе и всевозможныя интриги принимаютъ весьма серьезный оборотъ. Въ довершеніе всего, освобожденный Игезалью и тщательно ею скрываемый Авій наполнитъ на всѣхъ ужасъ своими дерзкими внезапными нападеніями и своей неуловимостью. Народный гнѣвъ и за эти нападенія обрушивается на Марка, такъ какъ это онъ не позволилъ тогда убить взятаго въ плѣнъ черна.

Маркъ чувствуетъ себя одинокимъ, всѣми покинутымъ. Не нашелъ онъ утѣшенія и въ Игезали. Прекрасная внучка Малагуды уже не та...

„— Игезаль,— снова и снова спрашиваетъ Побѣдитель,— почему ты теперь избѣгаешь меня? Ты такъ нужна мнѣ...

Она слегка пожала плечами.

А онъ продолжалъ:

— Нѣкогда ты была подлѣ меня, какъ райская птичка, которая садится на плечо, золотая и не пугливая. Ты была близко, и мнѣ достаточно было протянуть руку...

Она подняла на него печальные глаза.

— Почему ты не протянулъ тогда руки, Побѣдитель?

— Не знаю, не знаю! Можетъ быть, мнѣ не было еще такъ плохо, можетъ быть, я еще не былъ такъ одинокъ... Теперь передъ своими врагами я долженъ выдавать себя за сильнаго, предъ друзьями — отрекаться отъ своей человѣческой природы, а, вѣдь, я, хотя и рожденный на далекой Землѣ, хотя и превосходящій васъ ростомъ и умомъ, все же такой же человѣкъ, какъ и вы, и одинокъ я, одинокъ, одинокъ! Игезаль, будь ты со мною!

— Слишкомъ поздно,— беззвучно сказала она,— слишкомъ поздно. Я могла быть тогда твоею, навѣки. А теперь я ужъ такъ страшно далеко отъ тебя... Уходи, уходи, пока есть время. Бѣги на Землю!

Онъ протянулъ къ ней руки,— она слегка отодвинулась.

— О! почему ты причинилъ мнѣ такую обиду!— вновь заговорила она спустя минуту, съ какимъ-то страннымъ ожесточеніемъ въ голосѣ,— почему ты такъ пренебрегъ мною? Почему ты не смотрѣлъ на меня тогда, когда я была передъ твоими глазами, или почему ты сразу не прогналъ меня прочь, а лишь разрѣшилъ...

Она вдругъ остановилась и безумно посмотрѣла ему въ глаза. Злая усмѣшка ужъ начинала кривить ея губы.

— Ничего у меня нѣтъ съ тобою общаго, Побѣдитель...— говорила она.— А, можетъ быть, я—именно Душа лунаго народа, и надо было имѣть меня въ рукѣ?.. Ты проглядѣлъ нужную минуту и приходишь теперь за птицей, которая ужъ улетѣла, ого! улетѣла... И теперь ты—Побѣдитель...

Она сухо и съ отвращеніемъ засмѣялась.

— Игезаль!

— Прочь! Я не хочу смотрѣть на тебя, не могу!

— Не могу!— повторила она, опускаясь на колѣни.

Въ глазахъ ея проглядывалъ чудовищный страхъ; она умоляюще протянула къ нему дрожащія руки.

— Сжалься надо мной! Уходи! уходи! пусть я ужъ не вижу тебя! пусть не помню...

... Его охватила безграничная печаль и апатія. Безцѣльность задуманнаго поступка, безцѣльность всѣхъ вообще усилій его, вдругъ живо стала передъ его глазами,— и осталась одна лишь глубокая, безмѣрная тоска, которая кричала въ его душѣ, какъ дитя, протягивающее руки къ матери: На Землю! на Землю!..“

Радостными криками встрѣчаетъ народъ (про старѣйшинъ, съ Элемомъ во главѣ, нечего и говорить) заявленіе Побѣдителя о своемъ намѣреніи немедленно вернуться на Землю. И такой горькой обидой звучатъ эти насмѣшливо-восторженные крики, живо напоминающіе ему тѣ восторги, съ которыми въ свое время принимали его здѣсь. Но Марку теперь все равно. Онъ сгораетъ отъ нетерпѣнія сѣсть въ свой снарядъ и распроститься навсегда съ Луною. Въ такомъ настроеніи онъ узнаетъ, что его снарядъ-вагонъ исчезъ безслѣдно...

Точно вся сила, все обаяніе Побѣдителя заключались въ этомъ исчезнувшемъ снарядѣ. Съ нимъ теперь рѣшаются поступить какъ съ самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ съ обыкновеннымъ обманщикомъ, и онъ погибаетъ, осужденный на смерть народнымъ судомъ, по наущеніямъ первосвященника и старѣйшинъ,— казнимый позорной казнью: его побиваютъ камнями.

Но смерть суждено было принять Побѣдителю не отъ тѣхъ сотенъ рукъ, которыя бросали въ него камни, а отъ руки Игезали. Она вышла изъ толпы, приблизилась къ висѣвшему на столбѣ и стала ударять ножомъ въ грудь ему противъ того мѣста, гдѣ находится сердце, „кровавое, красное сердце“,— пока казнимый не умеръ...

Офиціальная и научная исторія укрѣпили за погибшимъ Побѣдителемъ имя обманщика, но существуетъ третья версія о смерти этого человѣка, возникшая изъ преданій и легендъ. Третья версія выставляетъ казненнаго истиннымъ Побѣдителемъ, который послѣ своей смерти „самъ вышелъ изъ-подъ камней и спокойно вернулся на Землю“ и который передъ казнью громко говорилъ народу:

„Являясь сюда съ Земли, о лунный народъ, я не зналъ даже, что я такъ щедръ! Я отдалъ вамъ свою жизнь и отдаю вамъ свою смерть! Я поистинѣ сталъ ожидаемымъ вами Побѣдителемъ, и сегодняшній день является поистинѣ вѣнцомъ моего торжества! Послѣ смерти никто ужъ не побѣдитъ меня въ душахъ вашихъ! А вы, ученики и друзья мои, быть можетъ, находящіеся здѣсь, помните преступленія, въ которыхъ меня упрекаютъ, ибо скоро наступитъ время, когда они будутъ названы добродѣтелями!..“

Новые романы и повѣсти.

„Гольфштремъ“ Г. Розеггера. [83—3]

Фантастическій романъ Ганса Розеггера, сына хорошо извѣстнаго поэта-крестьянина, можно разсматривать двояко. Съ одной стороны, по своимъ „корнямъ“, это „программная“, специфически-нѣмецкая утопія, и не только патріотическая, но даже классовая утопія. А съ другой, по своимъ вширь и вверхъ раскинувшимся „вѣтвямъ“, „Гольфштремъ“—произведеніе мірового значенія, представляющее серьезный общечеловѣческій, общекультурный интересъ.

Только съ этой, послѣдней, точки зрѣнія и будемъ знакомиться съ новымъ утопическимъ романомъ, въ чемъ намъ помогутъ реферировавшіе его въ русской печати К. Тіандеръ („Рѣчь“, № 28) и В. Фриче („Рус. Вѣд.“ № 293).

Основная тема романа — борьба Европы и Америки изъ-за гегемоніи. Окончанные успѣхомъ Панамскаго канала, американцы принимаются за выполненіе монструознаго замысла — за измѣненіе теченія Гольфштрема такъ, чтобы это теченіе, своимъ тепломъ питавшее до сихъ поръ Европу, направилось въ сторону Америки. Въ Европѣ должна низко упасть температура, долженъ наступить вновь ледниковый періодъ, и соперница Америки будетъ вычеркнута изъ списка очаговъ культуры, будетъ окончательно раздавлена торжествующей республикой. А послѣдняя будетъ торжествовать вдовицѣ: новое направленіе Гольфштрема измѣнитъ къ лучшему климатъ Сѣверной Америки.

Правда, для этого приходится уничтожить полуостровъ Флориду и отмели около Ньюфаундленда и строить посреди океана дамбы противъ холодныхъ теченій, идущихъ отъ Гренландіи. Но американцы давно уже перестали считаться съ природными препятствіями, и

усовершенствованная техника, въ связи съ желѣзной энергіей, даетъ имъ возможность осуществить даже такой небывалый по смѣлости замыселъ. Начало романа относится къ 1930 г., когда Соединенные Штаты съ огромной помпой празднуютъ это осуществленіе.

Послѣдствія грандіознаго предпріятія не преминули сказаться. Среди лѣта въ Европѣ выпалъ снѣгъ... Европейскія державы встревожились не на шутку, и взрывъ общаго негодованія реализуется быстро: противъ зазнавшейся сѣверо американской республики шлютъ соединенную эскадру, состоящую изъ нѣсколькихъ сотъ броненосцевъ.

Но побѣда остается на сторонѣ Америки. Общеевропейская армада дѣйствуетъ недружно, командующіе больше заняты взаимными раздорами. Катастрофа неминуема. И дѣйствительно: часть флота погибаетъ, форсируя проходъ черезъ каналъ, другая истребляется подъ Нью-Іоркомъ, въ двойной гигантской битвѣ на водѣ и въ воздухѣ.

Европа не успѣла оправиться отъ понесеннаго удара. Въ новыхъ, рѣзко, все болѣе ухудшающихся, условіяхъ сплошной зимы жизнь замираетъ, населеніе почти вымираетъ. Но зато немногіе уцѣлѣвшіе вступаютъ въ упорную и небезнадежную борьбу со стихіей. Люди научаются соблюдать строгій режимъ, гарантирующій ихъ отъ гибельныхъ послѣдствій стужи; они открываютъ способъ добыванія тепла изъ нѣдръ земли; они создаютъ новую систему обработки почвы; они пріучаются къ суровой простотѣ и напряженному труду, и поколѣнія неврастениковъ и алкоголиковъ смѣняются расой широкогрудыхъ, ясноокихъ атлетовъ. Такъ возникаетъ новая культура на болѣе здоровыхъ началахъ.

Между тѣмъ Сѣверная Америка, пользуясь тепломъ Гольфштрема, расцвѣтаетъ пышнѣе прежняго, и ея звѣздное знамя развѣвается побѣдоносно надъ всѣмъ міромъ отъ края и до края. Однако слишкомъ мягкій климатъ мало-по-малу дѣлаетъ тамошнихъ жителей лѣнивыми и беззаботными. Они становятся неспособными къ труду и предаются излишествамъ, что влечетъ за собою вырожденіе бѣлой расы. Большимъ вліяніемъ во всѣхъ сферахъ начинаютъ пользоваться цвѣтныя расы. Даже во главѣ республики становится представитель послѣднихъ,—китаецъ.

Понявъ, что Гольфштремъ сталъ для нихъ не благомъ, а зломъ, американцы рѣшили было „возвратить“ его Европѣ, но та, окрѣпшая, отрезвѣвшая, отказывается теперь отъ такого подарка и, уже безъ особаго труда на сей разъ побѣдивъ свою соперницу, обязываетъ ее въ мирномъ договорѣ ничего не предпринимать въ этомъ направленіи. Это „случилось“ въ 1980 году...

Итакъ, новая раса, населяющая Европу, имѣетъ всѣ основанія бояться теплаго климата и благословляетъ чудотворный ледниковый періодъ.

Утопія Розеггера, этой идеей оздоровленія расы борьбою со стужей, отвѣчаетъ современному, все усиливающемуся, стремленію культурнаго человѣчества бороться съ вырожденіемъ при помощи холодной воды и свѣжаго воздуха. Это и отмѣчаетъ К. Тіандеръ. „Вспомнимъ,—говоритъ онъ,—пастора Кнейпа и систему Миллера. Вспомнимъ бойскоутовъ, лыжный спортъ, школу подъ открытымъ небомъ, театръ на лонѣ природы. Вспомнимъ извѣстное теченіе въ литературѣ—природоописательное и облюбовавшее охотничьи темы: Киплингъ, Шиллингсъ, Іоганнесъ Іенсенъ и др. Нашей культурѣ грозила опасность стать комнатнымъ цвѣткомъ, а мы сами при этомъ могли превратиться въ комнатныхъ животныхъ. Можно думать, что опасность миновала. Будущее принадлежитъ тому, кто холода не боится!“

„Когда я была мужчиной“ К. Лемонье.

[849.3—3]

Скончавшійся недавно корифей бельгійской беллетристики Камиллъ Лемонье въ романѣ „Когда я была мужчиной“, выпущенномъ теперь въ русскомъ переводѣ издательствомъ „Прометей“, попытался изобразить одну изъ разновидностей „новой“ женщины: изобразить женщину, которая, не видя возможности совмѣстить со своей *женской* жизнью жизнь *истинно-свободную*, отказывается отъ первой, чтобы создать вторую,—принимаетъ мужской обликъ, подобно тому какъ животное вырабатываетъ свою „защитную“ окраску.

Молодая образованная дѣвушка-подростокъ изъ хорошей провинціальной интеллигентной семьи, Андрэ Пьегръ, осиротѣвъ, попадаетъ въ Парижъ на попеченіе стараго дяди-холостяка, торговца зонтиками. Отсюда начинается ея трудная, полная всякихъ превратностей и опасностей, дѣвичья одиссея.

Мужское вожделѣніе гонитъ ее изъ дома дяди; она устраивается самостоятельно. Штопальщица зонтиковъ, лектриса, горничная, мастерица, бонна, продавщица, на побѣгушкахъ у цвѣточницы, опять продавщица... Таковы жизненные этапы бѣдной „малютки Андрэ“, или, лучше сказать—ея „хожденіе по мукамъ“, ибо всюду преслѣдуетъ ее мужская похоть, учитывая либо соціальную, либо экономиче-

скую, либо просто физическую беззащитность молоденькой одинокой дѣвушки.

Но юная героиня романа съ честью выходитъ изъ всѣхъ опасностей, выпутывается благополучно изъ самыхъ разнообразныхъ силковъ, разставляемыхъ ей мужчинами. Въ этомъ ей помогаетъ не только врожденное высокое нравственное чувство: благодаря своей натурѣ, а также воспитанію, она мало подвержена всякимъ, часто являющимся роковыми, „женскимъ слабостямъ". Впрочемъ, Богъ вѣсть чѣмъ кончилась бы эта неравная борьба съ мужскимъ засильемъ, если бы не одно происшествіе, измѣнившее кореннымъ образомъ жизнь Андрэ, даже, можно сказать, самую психику ея.

Привязавшійся къ ней однажды на улицѣ—по старой памяти—бывшій хозяинъ ея, владѣлецъ сапожной мастерской, въ отместку за упорную „неприступность" заявилъ подошедшему полицейскому агенту, что, вотъ, „эта дѣвка пристаетъ съ гнусными предложеніями. Прошу васъ исполнить вашу обязанность и отвести ее въ участокъ".

То, что пришлось затѣмъ пережить Андрэ, потрясло ее ужасно. Тамъ, въ участкѣ, могли серьезно отнестись къ такой вздорной, такой очевидной клеветѣ! Такъ легко и просто злому человѣку покрыть вѣчнымъ позоромъ имя любой порядочной дѣвушки!..

Но еще больше была ошеломлена Андрэ развязкой этой исторіи, такъ сказать, ликвидаціей инцидента. Хотя недоразумѣніе выяснилось, хотя хозяинъ булочной, гдѣ она служитъ продавщицей, не только не выразилъ никакихъ сомнѣній въ ея невинности, но даже постарался успокоить на этотъ счетъ комиссара, „тѣмъ не менѣе,—печально заявляетъ онъ ей,—фактъ остается фактомъ, васъ заподозрили, и это можетъ опорочить мою фирму. Чего добраго, сюда начнутъ ходить агенты... Пойдутъ разговоры... У меня незапятнанное прошлое... А поэтому—я васъ прошу искать себѣ другого мѣста"...

„Онъ отрекается отъ меня! (романъ ведется отъ имени героини)—онъ, который, оставивъ меня у себя, могъ бы разсѣять всякую тѣнь оскорбительнаго подозрѣнія!..

Съ этой минуты мое душевное состояніе совершенно измѣнилось. Уныніе исчезло безъ слѣда. Наоборотъ, какъ будто какая-то тайная сила влекла меня впередъ, къ какому-то важному рѣшенію. Такъ, должно быть, теченіе влечетъ корабль къ надежной пристани. Я думала: — „О! только бы вырваться изъ этой убогой женской доли. Быть самой себѣ госпожой и бороться съ мужчиной равнымъ оружіемъ!".. Это было еще только стремленіе къ освобожденной жизни, надъ которой презрѣнный и ненавистный мужчина не имѣлъ бы власти. Чего я могла ждать отъ этой жизни, когда даже честный человѣкъ, какъ господинъ Бервардeнъ, отнесся ко мнѣ не лучше, чѣмъ этотъ мерзавецъ Жильпіа. Но что, именно, надо сдѣлать—было для меня еще неясно."

Идею подсказалъ ей случай. Добрые знакомые, чтобы разсѣять ее, уговорили Андрэ поѣхать съ ними на костюмированный балъ, первый въ ея жизни. Дѣвушка замаскировалась грумомъ. И вотъ ливрея грума, мужской костюмъ, пришедшійся ей такъ „по плечу" и доставившій ей такой огромный успѣхъ на маскарадѣ, какъ бы послужилъ указующимъ перстомъ: „съ этого вечера началась моя новая жизнь".

„Это было свободнымъ актомъ моей воли, вольнымъ крикомъ всего моего существа. Я жаждала принадлежать только себѣ, быть госпожой своего тѣла, ума, всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ. Мнѣ надоѣло подставлять шею подъ ярмо, какъ лошадь, какъ волъ, отдавая въ аренду все, что во мнѣ было лучшаго, молодого, дѣеспособнаго, какъ отдаютъ въ аренду каменный домъ или кусокъ земли.

Впрочемъ, я не столько разсуждала, сколько повиновалась внутреннему инстинкту самосохраненія и борьбы. Если бъ я черезчуръ много раздумывала вначалѣ, быть можетъ, и со мною сталось бы то, что бываетъ съ трусливыми купальщиками—добѣжитъ до конца доски и назадъ, а прыгнуть въ воду не смѣетъ.

Все дѣло для меня было въ томъ, чтобы освободиться отъ мужчины, отъ котораго я зависѣла и безъ котораго бѣдная дѣвушка, какъ я, какъ всѣ бѣдныя дѣвушки, ничего не можетъ добиться. Онъ одинъ свободенъ, воленъ поступать, какъ онъ хочетъ, — безнаказанно сдѣлаться преступникомъ, или оставаться честнымъ человѣкомъ. Смѣло могу сказать, что я изъ ненависти къ мужчинамъ стала мужчиной. Пусть другіе разбираются въ этомъ психологическомъ фактѣ,—я только дѣйствовала, а разбираться не умѣла.

Страха во мнѣ не было ни на іоту. Напротивъ, казалось, что передо мною откроется міръ. И ноздри мои раздувались, какъ у молодого коня, готоваго ринуться въ пространство. Я достаточно знала себя, чтобъ не сомнѣваться въ своемъ мужествѣ и настойчивости—разъ ужъ я рѣшилась: я была изъ надежной породы. Но отрѣшиться отъ своего пола не такъ-то просто; даже промѣнять юбку на панталоны уже кое-что значитъ, не говоря объ остальномъ.

Физической силы у меня было достаточно. Гдѣ я ни служила, какъ только другія мои товарки не могли справиться съ какой-нибудь тяжелой работой, онѣ обращались ко мнѣ. Тѣло у меня было крѣпкое, гибкое, жилистое, здоровое; только ноги скоро устали. Но все-таки мнѣ нужно было осмотрѣть себя, изслѣдовать, подготовиться, какъ бойцы передъ состязаніемъ подтягиваютъ себѣ животъ и смазываютъ масломъ подмышки. Какъ сейчасъ, вижу себя голую передъ зеркаломъ, спокойно и внимательно изучающую себя съ ногъ до головы, ощупывая свои бедра, ноги, руки, грудь. При этомъ—ни тѣни нечистой или сладострастной мысли: я изслѣдовала свое тѣло какъ врачъ, не такъ, какъ въ былое время, какъ молодая дѣвушка, влюбленная въ свое тѣло. Въ глазахъ монахъ свѣтилась рѣшимость. Я смотрѣла на себя глазами мужчины, и мнѣ нравилось какъ разъ то, что меня, какъ женщину, раньше часто огорчало,—что грудь у меня была небольшая, суховатая, почти невидная подъ платьемъ".

„Превратиться въ мужчину" Андрэ было легче, чѣмъ большинству другихъ дѣвушекъ. Въ ней сидѣла женщина мужеподобная, еще въ дѣтствѣ проявляла она мальчишескія замашки, да и росла какъ мальчикъ. Однако, оказалось—нужно было много поработать надъ собой, чтобы не выдать какъ-нибудь своей жѣчской природы. А съ другой стороны, было такъ трудно и жалко разставаться со всѣмъ этимъ *женскимъ*...

Одно изъ первыхъ тяжелыхъ испытаній—минуты, когда парикмахеръ помогалъ ей принести въ жертву задуманному то, съ чѣмъ она „сжилась и не разставалась съ самаго дѣтства,—волосы".

„При первомъ же звукѣ смыкающихся ножницъ я закрыла глаза: холодъ стали какъ будто проникъ вглубь моего тѣла: никогда еще я не чувствовала такъ ощутительно, что волосы—это что-то живое. Упала одна коса, и легла мнѣ на плечо мягкой тяжестью, словно осыпался большой букетъ розъ.

— Прошу васъ: скорѣе!..

Прежде чѣмъ вполнѣ усвоить свою новую роль, не разъ дѣлала промахи Андрэ. Съ перваго же мѣста, куда она поступила уже „мужчиной", подъ именемъ Леона, ей пришлось уйти потому, что сама дала поводъ хозяйкѣ, модисткѣ, догадаться о тайнѣ ея хорошенькаго грума.

„Послѣ того я перебывала разсыльнымъ въ цвѣточномъ магазинѣ.—шесть картонокъ въ плетушкѣ, привязанной на ремняхъ за спиной,—человѣкомъ-сэндвичемъ, съ двумя досками спереди и сзади, мучительно напиравшими на грудь и спину—это была настоящая пытка, „доставщикомъ" на большомъ „базарѣ" модныхъ товаровъ, въ синей куртке съ серебряными пуговицами. Это были тяжелыя испытанія: каждый разъ я измучивалась до того, что потомъ принуждена бывала отдыхать по цѣлымъ недѣлямъ. Женщина,—организмъ, созданный для любви и мирной дѣятельности,—кричала во мнѣ: „Ты меня убиваешь! Вѣдь я же все-таки не мужчина".

Но новыя привычки, новый образъ жизни дѣлали свое дѣло. Черезъ нѣсколько лѣтъ Андрэ могла уже съ гордостью занести въ свои записки:

„У меня явилась чисто мужская увѣренность въ себѣ, въ своихъ жестахъ и поступкахъ. Въ особенности послѣ того, какъ я выправила въ себѣ женскую чувствительность. Теперь ужъ у меня не бывало промаховъ, какъ прежде. Мужчина, изъ-за котораго я отрѣшилась отъ своего пола и сама стала мужчиной, чтобы бороться съ нимъ его же оружіемъ, до такой степени вросъ въ меня, сжился со мной, что мнѣ уже не было надобности слѣдить за собой, чтобъ не выдать себя. Внѣшніи формы моего тѣла отъ постояннаго упражненія развились и стали болѣе похожи на мужскія. И жесты у меня выработались такіе, какіе бываютъ у мужчинъ въ рѣшительныя минуты, когда имъ надо проявить свою силу. Мои коротко обрѣзанные волосы завивались надъ ушами, какъ у моряковъ: кожа на лицѣ огрубѣла и загорѣла отъ вѣтра, солнца и дождя. Хозяинъ не прочь былъ время отъ времени выпить: когда надо было, я умѣла составить ему компанію. Теперь я уже не выгибала ногъ по-женски, держалась прямо, грудью впередъ, какъ мужчина, и изъ кокетства любила носить высокіе венгерскіе сапожки. Словомъ, я оставалась женщиной только для себя".

Не менѣе преуспѣвала Андрэ, какъ мужчина, и въ служебномъ отношеніи. Изъ конторщика она стала управляющимъ, правой рукой оптоваго торговца Тушара и настолько заслужала его довѣріе, что тотъ самъ предложилъ „Леону" вступить въ дѣло компаньономъ. А послѣ его смерти мы видимъ Андрэ Пьеръ полнымъ „хозяиномъ" фирмы.

И вотъ тогда,—только теперь, когда первая молодость осталась позади,—въ Андрэ-Леонѣ проснулась наконецъ женщина, но не женщина-самка, а женщина-мать. Жизнь уже не заглушала въ ней зова вѣковѣчнаго инстинкта, и голосъ природы былъ выслушанъ какъ приказъ.

Въ заключительной главѣ романа мы читаемъ:

„Я больше уже не чувствовала потребности любить. Но все же, подъ своимъ мужскимъ платьемъ я оставалась женщиной, съ женской грудью и животомъ, созданными для того, чтобы давать любовь и жизнь. Впрочемъ, я уже вышла изъ возраста, когда дѣвушки любуются на себя въ зеркало. Я знала только, что, если бы во мнѣ пробудилось желаніе, мнѣ стоило бы только снять съ себя мужской костюмъ... Скажу всю правду: можетъ быть, суровый и размѣренный трудъ и притупляетъ неотложную потребность въ любви, другая сторона все же остается...

То, о чемъ я говорю, обострилось уже въ то время, когда чувственность у женщинъ обыкновенно замираетъ. Близилась осень моей жизни, и я думала о томъ, что какъ некому было сорвать мой первый весенній цвѣтъ, такъ не будетъ возлѣ меня никого, чтобы наслаждаться зрѣлымъ плодомъ. Женщина—законъ, вѣчный законъ, заключившій въ яйцѣ неорерывность расы: ей достаточно отдаться, чтобы дать начало новой жизни. Безпредѣльное будущее трепещетъ въ каждомъ движеніи материнскаго лона, которое легкими толчками приподнимаетъ дитя.

И, если говорить правду, каждая женщина носитъ въ себѣ свое дитя задолго до того, какъ оно было зачато отъ слiянія съ мужчиной. Когда, наконецъ, оно рождается, его крикъ уже знакомъ ей: этотъ самый крикъ она слышала сотни тысячъ лѣтъ въ своемъ извѣчномъ предназначеніи быть продолжательницей рода. Я не была ни женой, ни любовницей, но чувствовала, что для меня пришло время стать матерью: въ потайной глубинѣ моего тѣла я уже слышала движеніе ребенка, его голосъ, звавшій меня: „мама!“ И уже носила его внутри себя, въ своей душѣ, задолго до того, какъ онъ сквозь кровавую рану вышелъ наружу, въ міръ.

Какъ это случилось, я не хочу разсказывать. Приходитъ пахарь на поле и взрываетъ землю; приходитъ виноградарь въ виноградникъ и выжимаетъ сокъ изъ гроздій. Но тотъ и другой—лишь случайные, временные гости: до нихъ была и послѣ нихъ останется земля. Что намъ въ имени оплодотворившаго, если потомъ, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, работаетъ ужъ мать, чтобы во благовременіе взрастить сѣмя.

Вся моя жизнь была создана усиліемъ моей свободной воли: худа ли, хороша ли, она была тѣмъ, чѣмъ я захотѣла ее сдѣлать. „Такъ должно быть и во всемъ,—говорила я себѣ.— И ребенка я буду имѣть, когда сама захочу“. Является мужчина, затѣмъ акушеръ, и каждый дѣлаетъ свое дѣло. Актъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего общаго ни съ любовью, ни съ закономъ; мэръ и священникъ могутъ освятить его, но онъ самъ по себѣ свять и прекрасенъ, ибо онъ—единственный, всѣмъ понятный символъ вѣчности. Богъ держитъ въ лонѣ своемъ всѣхъ матерей, каковы бы онѣ ни были, и помогаетъ имъ производить жизнь, которая переживаетъ ихъ самихъ...

Я переѣхала въ далекій городъ. Названія его я не скажу, ибо всѣ слѣды этого прошлаго должны быть уничтожены, и здѣсь начинается единственная тайна, которой я не могу открыть. Мужчина, которымъ я сдѣлалась, отказавшись, ради возможности существовать, отъ своей женской внѣшности, могъ теперь позволить себѣ, ради святого дѣла, отбросить на время обманъ и личину. Я вновь облеклась въ женскія одежды, какъ земля надѣваетъ лучшій свой уборъ въ часъ обсѣмененія и прорастанія сѣмени. И затѣмъ—отдалась. Спокойно, цѣломудренно, съ сознаніемъ, что ничего дурного въ этомъ нѣтъ,—напротивъ, есть простое, великое и чистое, ибо это—исполненіе закона жизни. Какъ въ юности, повинуясь закону церкви, я причащалась, вся въ бѣломъ, передъ святымъ алтаремъ, такъ и теперь—я закрыла глаза, предавшись загадочному акту, въ которомъ единый мигъ творитъ безконечность временъ.

Мужчина былъ изъ тѣхъ, съ которыми нѣтъ охоты встрѣтиться вторично: онъ сдѣлалъ свое дѣло и ушелъ. И ужъ, конечно, не для того я потратила на него столько ненависти въ прошломъ, чтобы въ настоящемъ самой создать себѣ господина. Такимъ образомъ я морально могу считать себя отцомъ и матерью моего ребенка: въ его рожденіи участвовали мои оба пола.

Любовь, горячая материнская привязанность къ своему ребенку, сдѣлала меня женщиной; я ликвидировала всѣ свои мужскія дѣла и переѣхала въ другой городъ. Но, покидая столицу, я оставила за собой чердачную комнатку подъ крышей, какъ прячутъ въ ящикъ неувядаемый и нѣжный сувениръ и запечатываютъ крышку. Когда-нибудь, послѣ моей смерти, мой сынъ получитъ ключъ отъ этой комнаты: открывъ дверь, онъ увидитъ меня, какой я была въ то время.

— Мой сынъ...—съ какимъ наслажденіемъ я твержу эти слова.

Съ тѣхъ поръ прошло ужъ десять лѣтъ, и ты возлѣ меня, мой мальчикъ, играешь подъ террасой, на которой я дописываю послѣднія строки этихъ записокъ, думая о тебѣ“.

„Путы“ Колетты Вилли.

[84—3]

Интересна писательская судьба этой французской романистки. Сначала она писала въ сотрудничествѣ съ мужемъ. Участіе жены въ появленіи на свѣтъ серіи романовъ о знаменитой Клодинѣ считалось тогда всѣми второстепеннымъ, несущественнымъ. Нѣсколько времени спустя Колетта разошлась съ мужемъ, и сотрудничество ихъ прекратилось. И съ тѣхъ поръ имя Вилли, какъ литератора, почти окончательно заглохло, тогда какъ каждое новое произведеніе Colette свидѣтельствовало о ростѣ и развитіи ея таланта. И въ настоящее время это одна изъ самыхъ талантливыхъ французскихъ писательницъ.

Ея новое произведеніе является продолженіемъ изданнаго три года назадъ романа „La Vagabonde“. Съ этимъ новымъ романомъ знакомятъ русскихъ читателей Р. Заблудовская („Од. Л.“ № 315).

Героиня „Путь“ („L'Entrave“) Ренэ Нервэ въ первомъ романѣ, во имя свободы, культивируемой ею, отвергла бракъ съ любимымъ человѣкомъ, и дороги ихъ расходятся. Несмотря на приманку новой, залитой тепломъ и свѣтомъ жизни, уже протягивающей въ ней магнія, но сковывающія щупальцы, она все же выбираетъ, борясь съ развивающимся въ ней чувствомъ, свою не согрѣтую привязанностью и лаской одинокую свободу.

Если бы можно было сходиться, не отдавая своей души, не внося своего пятимятаго „я,“ сочетаясь лишь для ласокъ, беря только наслажденіе и расходясь безъ боли, когда это наслажденіе прекратится... Но исключительно чувственная связь всегда останется чѣмъ-то слишкомъ мало женственнымъ, и Ренэ Нервэ не способна на нее. Она ушла потому, что чувствовала, что полюбить сильно, или... потому, что еще не любила...

Болѣе вѣроятно послѣднее, потому что въ слѣдующемъ романѣ свободолюбивая Ренэ Нервэ не разрываетъ сковывающихъ ее путъ и покорно надѣваетъ голову въ ярмо, смотря съ полупечальной, полунасмѣшливой улыбкой на самое себя, дающую такъ много и получающую такъ мало...

Порвавъ съ женихомъ, Ренэ Нервэ опять стала вести кочевую, безудержно-свободную и одинокую жизнь, пока... она не встрѣтила Жана. О немъ мы узнаемъ изъ романа только то, что онъ—Жанъ, что онъ молодъ, красивъ, богатъ, лѣнивъ и силенъ той особой силой, которая сотканна изъ хитрости, грубоватой мощи и слабости, достаточно соблазнительной, чтобы добиться всего... Въ первый-же разъ, когда онъ неожиданно поцѣловалъ ее въ затылокъ, долгимъ, горячимъ, спокойнымъ поцѣлуемъ, она ясно почувствовала, что ихъ отношенія не ограничатся этимъ поцѣлуемъ. Она не сопротивляется ходу событій. Она говоритъ себѣ: „это приключеніе будетъ продолжаться ровно столько времени, сколько я захочу, не больше...“ Въ рѣшительную минуту, въ качествѣ послѣдней защиты, у нея вырываются слова: „Вы меня даже не любите!“ На что Жанъ просто отвѣчаетъ: „А вы-то!“

Ренэ въ восторгѣ. Въ 36 лѣтъ она впервые узнала „разумную радость плоти, которая немедленно признаетъ и принимаетъ своего властелина...“ Она увѣрена, что эта „радость плоти“ является единственнымъ цементомъ, сплачивающимъ ихъ связь, и что, когда прекратится эта радость, цементъ безшумно начнетъ осыпаться, и связь безболѣзненно распадется.

Она нарочно старается ограничить ее этой радостью, не вкладывать въ нее ничего отъ своего „я“, сохранять свой внутренній міръ неприкосновеннымъ, не впускать въ него Жана и не интересоваться нисколько тѣмъ, что у него лежитъ за этимъ лбомъ и этими сѣрыми глазами. „Мы не много разговаривали, но мы обмѣнивались нужными, пріятными, правдивыми замѣчаніями. Онъ сказалъ мнѣ: „Какія у тебя красивыя руки, и какъ люблю я чувствовать тебя тяжелой и крѣпкой, когда я тебя поднимаю!...“ А я, въ свою очередь, призналась ему: „Какъ ты мнѣ пріятенъ! У тебя кожа гладкая, сухая и теплая, похожая на мою...“

Жанъ первый неосторожно нарушаетъ этотъ молчаливый договоръ. Одинъ разъ онъ прошепталъ точно во снѣ: „Понимаешь... я люблю тебя.“ Немедленно она призываетъ его къ порядку: „Шш... не это слово! Прощай. Молчи. Будемъ спать!“ Ренэ хочетъ довольствоваться радостью даннаго момента, отдѣляя его совершенно отъ будущаго. Но, очевидно, она не создана для сношеній, въ которыхъ нисколько не участвуетъ душа. Въ то время, какъ Жанъ примирился съ умышленно установленными ею отношеніями, Ренэ чувствуетъ, что то, что она считала „капризомъ“, есть на самомъ дѣлѣ любовь, завладѣвшая ею всецѣло, безъ остатка. Теперь она страдаетъ оттого, что ей принадлежитъ лишь маленькая частица Жана, что ей неизвѣстно ничего изъ того, что онъ думаетъ, какъ онъ чувствуетъ, чего желаетъ... Она обвиняетъ себя: „Когда онъ воздерживался отъ вопросовъ, касающихся моего внутренняго міра, я считала его лишеннымъ содержанія. А когда онъ начиналъ меня

разспрашивать, я немедленно, съ ироніей превосходства, отстраняла его очень далеко".

Она мучается созданшимися условіями: „Онъ тутъ, онъ двигается или отдыхаетъ, какъ всегда, и все кажется простымъ въ насъ и вокругъ насъ. Но я знаю, что онъ закрытъ для меня. Отнынѣ онъ стоитъ, непроницаемый, между мной и прозрачной вселенной. Любовь — это болѣзненное и постоянно возобновляемое столкновеніе со стѣной, которую невозможно пробить. Мы могли быть друзьями, двигающимися параллельно по обѣ стороны этой твердой хрустальной перегородки, не зная, что она насъ раздѣляетъ. Но любовь броситъ насъ другъ о друга, и я трепещу, что я разобьюсь первая, *я*, которая болѣе хрупка..."

Любовь прошла между ними и отравила все: „Я сознала всю опасность въ тотъ день, когда я стала презирать то, что я получаю отъ тебя: веселое и не обременительное наслажденіе, немножко жестокое, какъ голодъ и жажда, невинное, какъ онъ... Одинъ разъ я стала думать обо всемъ томъ, чего ты мнѣ не даешь: и въ этотъ день я вступила въ холодную тѣнь, предшествующую любви."

„Я снова потратила эту ночь на созерцаніе тебя, который былъ моей гордостью, моей лакомой, но не „любимой" добычей,—увы! я не *вижу* тебя больше: я *думаю* о тебѣ. Я предчувствую то недалекое время, когда я буду еще болѣе смиренной, когда у меня будутъ жалкія мысли, въ родѣ: „Любитъ ли онъ меня? Измѣняетъ ли онъ мнѣ? Дай Богъ, чтобы всѣ его мысли принадлежали мнѣ..."

Уже начинаетъ сказываться тиранія любви.

„...— Нѣтъ... Я съ тобой несогласна.

Я не сказала ничего, кромѣ этого. Онъ молчитъ вѣжливо, а я смотрю на море, покрытое пятнами островковъ. Мы не ссорились,— не было никакого повода для ссоры, даже для спора. Я не сказала ничего, кромѣ этихъ словъ, и этого достаточно, чтобы намъ обоимъ показалось, будто мы внезапно разстались...

Я жестоко обидѣла его, потому что я другого мнѣнія...

— Жаль... ты сердишься?.. Ты находишь, что я неправа?

Онъ протестуетъ, не поднимая глазъ:

— Нисколько!.. Я подчиняюсь...

— Да ?... Не для того-ли, чтобы раздавить меня?..."

Куда дѣвались гордость, независимость Рене? Ихъ захлеснуло чувство. Огнивѣ у нея одна лишь миссія: удержать его, трепетать, что онъ уйдетъ, видѣть, какъ онъ отъ нея ускользаетъ, и снова терпѣливо приближаться, чтобы опять овладѣть имъ:

„Все, что я любила до него, будетъ мнѣ тогда возвращено,— солнечный свѣтъ, музыка, шопотъ деревьевъ, робкій и горячій призывъ любимыхъ животныхъ, гордое молчаніе страдающихъ людей, — все будетъ мнѣ возвращено, но *черезъ него*, и лишь-бы онъ принадлежалъ мнѣ... Я видѣла его такъ близко отъ меня, такимъ прижавшимся ко мнѣ съ первой встрѣчи, что мнѣ казалось, что я владѣю имъ. Я хотѣла, безумная, перешагнуть черезъ него, принимая за препятствіе предѣлъ моей вселенной... Я думаю, что много женщинъ сначала скитается подобно мнѣ, прежде чѣмъ займутъ онѣ свое настоящее мѣсто, находящееся *по ту сторону* мужчины..."

Новыя пьесы.

„Свѣтлый Богъ" Д. Айзмана.

[891.7—2]

Д. Айзманъ назвалъ свою пьесу (напечатанную во второмъ сборникѣ альманаха „Энергія") сказкой, хотя и легли въ основу ея историческіе факты. Это въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ „сказка": поэтическая вольность автора лишь весьма слабо связала содержаніе „Свѣтлаго Бога" съ событіями, происшедшими въ дѣйствительности, а связь съ мѣстомъ и временемъ ихъ не сохранена и вовсе.

Въ центрѣ драматической сказки стоитъ іудейскій пророкъ Альгамарь, лицо вымышленное, объединяющее въ себѣ идеи и дѣятельность нѣсколькихъ извѣстныхъ фантазеровъ-мессіанистовъ XII вѣка. Сынъ скромнаго виноградаря, онъ выступаетъ въ родномъ краю, въ Гренадѣ (дѣйствіе отнесено къ серединѣ XIV в., ко времени упадка халифата), съ проповѣдью о Свѣтломъ Богѣ Адонай и о томъ, что онъ, Альгамарь, пришелъ „укрѣпить ослабѣвшія руки, утвердить ослабленныя колѣна, исцѣлить увядшія сердца".

Сначала довольно туманны рѣчи молодого пророка. Его слова волнуютъ и плѣняютъ души слушателей своей загадочностью, тѣми свѣтлыми далями, что мерещатся за ними, но еще не знаетъ Альгамарь главнаго, самаго нужнаго, магическаго слова, которое могло бы захватить, увлечь всю толпу, весь народъ, какъ одного человѣка, увлечь даже тѣхъ, кого сейчасъ только разражаетъ или смущаетъ „безумная", „оскорбляющая вѣру" проповѣдь.

Однажды Альгамарь слышитъ жалобы старика-отца, усталаго отъ жизни, во всемъ разочаровавшагося, во всемъ извѣрившагося.

— Ничего добраго нельзя найти, — вздыхает

хаетъ старый Осій.—Есть порча въ мірозданіи, сынъ мой, непонятная и страшная порча,—какъ будто кто-то враждебный и лукавый, полный темной злобы, умышленно испортилъ прекрасное твореніе Адонай... Толкнулъ Адонай въ локоть, когда Адонай творилъ—и вышло его созданіе поврежденнымъ... И уже нельзя исправить... Въ этомъ весь ужасъ, Альгамаръ, въ этомъ весь ужасъ: уже нельзя исправить... Въ этомъ всѣ начала и всѣ концы: человѣкъ не можетъ исправить... Я искалъ,—а нашелъ только вотъ это сознаніе: мы не можемъ исправить...

Сынъ пораженъ.

— Кто-то злобный испортилъ твореніе Адонай?..

А въ тотъ же вечеръ, въ разбушевавшуюся грозу, Альгамаръ видитъ, какъ молнія ударила въ кипарисъ передъ ихъ домомъ и дерево вспыхнуло яркимъ огнемъ. Но уже не кипарисъ передъ его безумно горящими глазами: зажженное молніей дерево „приняло подобіе огненнаго видѣнія, ангела съ длинными крыльями изъ сиреневатаго пламени". И уже не „громъ; затихая, рокочетъ долго и однотонно", а это говоритъ видѣніе.

— Возстань, Альгамаръ! Къ тебѣ слово мое, ты избранъ... Плѣненъ Адонай! Въ скорби онъ... Въ страданіи онъ... Въ великой мукѣ за муки дѣтей своихъ... Для вѣчнаго блаженства, для небесныхъ радостей создалъ онъ человѣка, но, плѣненный, онъ безсиленъ исполнить... Ты призванъ,—освободи!., Собери людей, созови племена и народы и съ ними вмѣстѣ иди освобождать твоего Адонай, безсмертнаго Свѣтлаго Бога... Ради своего безсмертія освободите, люди, освободи, Альгамаръ, Адонай!..

Съ этого времени сынъ виноградаря Осія имѣетъ необычайный успѣхъ въ народѣ. Вдохновенная пропов'ѣдь его о томъ, что онъ поведетъ всѣхъ въ царство Правды и Свѣта и что предварительно люди должны отказаться отъ богатства, отъ всякой собственности, дѣйствуетъ теперь даже на богатыхъ, которые спѣшатъ раздать свое имѣніе нищимъ и вмѣстѣ со всѣми готовятся въ путь, шьютъ себѣ для полета голубые одежды: пророкъ поведетъ своихъ послѣдователей на вершину Сіерры-Невады, а оттуда унесется съ ними на Синай, чтобы освободить плѣненнаго Свѣтлаго Адонай...

Въ Гренадѣ только и разговоровъ о молодомъ небесномъ избранникѣ и о предстоящемъ „полетѣ". Самъ халифъ заинтересовался личностью Альгамара. Но пока еще не тревожитъ его воцарившаяся въ странѣ смута умовъ, хотя его и запугиваетъ визирь, совѣтующій пресѣчь зло однимъ ударомъ—казнить „опаснаго сумасброда".

— Можно отрубить голову человѣку, нельзя отрубить голову слову,—въ раздумьѣ отвѣчаетъ халифъ.—Если въ рѣчахъ Альгамара есть крупица живого смысла, пусть эти рѣчи несутся надъ землей, какъ молодыя птицы въ утренній часъ. Если же человѣкъ этотъ дѣйствительно безуменъ, онъ самъ устранитъ себя изъ сердецъ людей.

Халифъ даже не желаетъ продолжать этого разговора. Мысли его заняты другимъ: сердце его томитъ и давитъ чувство одиночества,—„сила со мной... и власть со мной... и одиночество со мной"... Эта тоска даетъ себя знать съ особенной остротой съ того дня, какъ очаровала халифа своей солнечной красотой и милой простотой одна изъ работницъ, работающихъ у него въ саду, Зоранда. Властно охватившая его любовь приноситъ ему одѣ лишь муки, ибо Зоранду, къ великому удивленію халифа, не прельщаютъ никакіе подарки, никакіе знаки его высокаго вниманія. Она продолжаетъ выказывать ледяную холодность.

Прервавъ разговоръ объ Альгамарѣ, халифъ дѣлаетъ новую попытку покорить неприступное сердце своей работницы. Онъ приказываетъ привести ее.

Страстныя рѣчи повелителя попрежнему не производятъ никакого дѣйствія на дѣвушку. Ея единственный отвѣтъ:

— Я въ твоей власти, государь...

Тогда онъ умоляетъ ее забыть, что онъ *государь*,—передъ нею просто человѣкъ со скорбнымъ сердцемъ, „бѣдный, одинокій человѣкъ", который „зналъ много красивыхъ женщинъ, но никогда не зналъ любви и ласки". И, въ порывѣ своего серьезнаго чувства, обѣщаетъ въ угоду ей перестать быть халифомъ, отречься отъ царства,—ибо зачѣмъ онъ, такой, своему царству. „Горе странѣ, если правитель ея живетъ безъ радости".

Зоранда наконецъ—въ тяжкомъ волненіи—открываетъ ему глаза:

— Люблю... другого.

Сначала признаніе это приводитъ халифа въ бѣшенство.

„Халифъ. А!.. Но со мною еще не кончено... Я еще халифъ!., Съ разсвѣтомъ вамъ отрубятъ головы... Обоимъ!..

Зоранда (съ полнымъ спокойствіемъ). Ты—халифъ.

(Долгая пауза. Зоранда неподвижна, какъ статуя. Король мѣняется въ лицѣ).

Халифъ. Зоранда?

Зоранда. Что, государь?

Халифъ. Приблизься.

(Послѣ минутнаго колебанія Зоранда спокойно подходитъ—безъ тѣни страха. Она величественна въ своей простотѣ, въ желѣзномъ своемъ спокойствіи).

Халифъ. Да будетъ благословеніе всемогущаго Господа надъ нами... Надъ тобой, Зоранда, и... и надъ... надъ нимъ ..—Иди!

Зоранда (хочетъ говорить).

Халифъ. Иди, Зоранда!.."

Не знаетъ еще халифъ, что тотъ—соперникъ его—не кто иной, какъ Альгамаръ, котораго визирь такъ настойчиво совѣтуетъ казнить для спокойствія страны... Но не прошло и часа, какъ довелось несчастному влюбленному увидѣть собственными глазами, для кого пылаетъ лицо гордой работницы, для кого вздымается ея грудь, для кого звенитъ сладостно ея голосъ: мимо дворца халифа ведетъ Альгамаръ на Сіерру-Неваду обычаи восторгомъ народныхъ толпы, и рядомъ съ пророкомъ, славословя его, сіяя счастьемъ, шествуетъ Зоранда.

Вскорѣ новый ударъ постигъ халифа. Ему доноситъ одна изъ невольницъ его „фаворитки" Эльвиры, что та изъ-днихъ, пользуясь удобнымъ моментомъ, признавалась іудейскому пророку въ любви и сказала ему, что будетъ въ сумерки ждать его къ себѣ, въ свою башню, будто бы для проповѣди.

Въ то время какъ халифъ, подъ впечатлѣніемъ такого „позора", совѣщается съ визиремъ, какъ поступить съ измѣнницей, да и съ Альгамаромъ, во дворецъ является самъ пророкъ и требуетъ, чтобы халифъ приказалъ отрубить ему всенародно голову...

Неудавшаяся попытка полетѣть „на Синай" внесла расколъ въ массы послѣдователей „избавителя". Малодушные уже готовы отступиться отъ него, какъ отъ обманщика; простодушные еще сильнѣе увѣровали въ слова безумца, и среди нихъ расчетъ молва, что полету помѣшалъ хитрый Врагъ, плѣнявшій „Свѣтлаго Бога". Альгамаръ, чтобы показать людямъ безграничную силу свою и доказать, что онъ дѣйствительно посланъ высшей Волей, рѣшается на страшное испытаніе. Онъ хочетъ „божественнымъ и неслыханнымъ чудомъ" сокрушить ковы Врага и укрѣпить вѣру народа.

— Пусть сойдутся люди, пусть стекутся народы, пусть увидятъ міръ, какъ на высокомъ помостѣ отрубленъ будетъ голова Альгамара. И увидятъ народы, и племена увидятъ, что чудо великое свершится. Моя голова упадетъ, но тотчасъ поднимется вверхъ и прирастетъ къ тѣлу. Говорю вамъ—оживетъ Альгамаръ! Завтра на разсвѣтѣ ты отрубишь мнѣ голову!— повелительно заявляетъ онъ оторопѣвшему халифу и съ царственнымъ величіемъ идетъ къ дверямъ.

Халифъ рѣшительно не знаетъ, какъ ему быть.

— Я эту голову благословилъ... Я эту голову отрублю...

И въ отвѣтъ на соблазнительный совѣтъ визиря—„избавиться" такимъ простымъ, легкимъ способомъ отъ неудобнаго во всѣхъ отношеніяхъ іудея и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить передъ народомъ весь обманъ его—загадочно говоритъ:

— А если народъ *увидитъ*, что Альгамаръ воскресъ?.. Я этой головѣ дамъ безсмертіе...

Прежде чѣмъ рѣшать трудную задачу, халифъ захотѣлъ увидѣть свою фаворитку.

„(Входитъ Эльвира. Она смертельно блѣдна. Входя, останавливается у двери и въ ужасѣ смотритъ въ землю. Долгое молчаніе. Халифъ не смотритъ на нее).

Халифъ. Правда?

Эльвира (молчитъ).

Халифъ. Ты мнѣ измѣняла?.. съ этимъ... съ сумасшедшимъ іудеемъ... сдѣлала меня посмѣшищемъ... Покрыла позоромъ мой тронъ?

Эльвира (молчитъ.)

Халифъ (въ исступленіи ярости подбѣгаетъ къ ней, заноситъ надъ ней кинжалъ). А-а-а!

Эльвира (отшатнувшись, кричитъ). Но Альгамаръ невиненъ!.. Онъ даже не знаетъ о моей любви. (Рука халифа падаетъ. Онъ вдругъ отступаетъ, смотритъ на Эльвиру; молчаніе).

Халифъ. Ты... ты любишь его?.. любишь?..

Эльвира (въ порывѣ внезапной страсти). Убивай!.. Коли!.. Вотъ мое сердце... Но Альгамара любитъ ово, Альгамара... Ово никогда не билось для тебя... Оно всегда ненавидѣло тебя и хотѣло тебѣ зла... Уста мои шептали тебѣ сладкія слова, пальцы мои ласково перебирали твои волосы, руки мои нѣжно обвивались вокругъ твоей шеи, но только Альгамара любила моя душа, только его образъ былъ въ моемъ сердцѣ... Альгамаръ, Альгамаръ!.. Въ одномъ словѣ его больше силы, чѣмъ во всей жизни твоей,—и ты халифъ! Въ одномъ взглядѣ его больше величія, чѣмъ во всѣхъ дѣлахъ твоихъ,—и ты властитель!—Альгамаръ, я умираю!.. Послѣдній вздохъ мой,—онъ для тебя, Альгамаръ!..

(Король долго стоитъ молча. Онъ блѣднѣе Эльвиры. Стучитъ. Входитъ визирь).

Халифъ. Уведи... И возвращайся... (Визирь и Эльвира уходятъ. Халифъ стоитъ въ оцѣпенѣніи. Визирь возвращается).

Визирь. Ужасъ... ужасъ... Я потрясенъ... Я не могу понять...

Халифъ (хрипло). Что?

Визирь. Бывали измѣны... бѣгства изъ дворца случались... со стражами... съ врачами... съ иностранными принцами... Все случалось... Но чтобы такая дерзость... такое неслыханное безстыдство...

Халифъ. Какъ?

Визирь. Не знаю теперь, какую казнь для нея... Самую мучительную нужно, самую медленную...

Халифъ. Казнь?..

Визирь. Самую мучительную, какую только можно придумать... Расшать на новомъ минаретѣ, или на площади Биварамбы повѣсти ее на костеръ изъ сырыхъ дровъ.

Халифъ (хрипло, черезъ силу. Весь онъ точно сталъ меньше ростомъ.) Свой дворецъ, что на пути въ Кордову... Уѣсти ее сегодня же вечеромъ... Пусть тамъ поселится... Слугъ ей дать... врачей... музыкантовъ... художниковъ... Дать ей каретъ, лошадей... муловъ... Всѣ ея желанія исполнять.

Визирь. Я... я не понимаю... государь!

Халифъ. Во всемъ полную свободу... Ни въ чемъ не отказывать... (Пауза.) Она любитъ, какъ я... И, какъ я, она несчастна... Или.

(Визирь идетъ. Когда онъ уже у двери, халифъ останавливаетъ его).

Халифъ. А тотъ... Альгамаръ... Ему пусть голову отрубятъ... Но помни: Альгамаръ оживетъ".

Ночь, близокъ разсвѣтъ. Садъ на холмѣ, возлѣ того мѣста, гдѣ уже сколачиваютъ помостъ для казни Альгамара.

Теперь, передъ рѣшительной минутой, добровольно идущій на казнь пророкъ палъ духомъ. Сомнѣнія впервые поколебали его восторженную рѣшимость.

— Холодный туманъ придавилъ мою душу,— въ глубокомъ унынія говоритъ онъ любимой дѣвушкѣ.—Скажи мнѣ: „Еще время, не иди туда",—и я не пойду туда. Скажи мнѣ: „Еще время, бѣги отсюда",—и я побѣгу отсюда.

Зоранда, припадая къ возлюбленному, съ горечью замѣчаетъ:

— Альгамаръ, Альгамаръ... Я хотѣла, чтобы твоя сила убила мою скорбь. Твоя скорбь убиваетъ мою силу...

Но нѣтъ,—сильна, необычайно сильна эта дѣвушка. Она задумала великое дѣло, идетъ на великую жертву, и уже никакая скорбь, никакія колебанія Альгамара не могутъ смутить ея душу. Она ихъ предвидѣла и не страшится ихъ. Только что передъ тѣмъ она молилась: „Господи, подкрѣпи его! Господи взгляни на него! Все отдаю я тебѣ: сердце мое, любовь мою, жизнь мою, и то, что больше жизни моей—жизнь Альгамара моего отдаю я тебѣ! Всели, Господи, духъ твой въ жертву мою,—чтобы гордымъ и сильнымъ и мужественнымъ, съ ликованіемъ въ очахъ, взошелъ Альгамаръ къ смерти... Его, Господи, попади, его, Боже, укрѣпи,—скорбь же мою повѣсу я сама." И, твердая надеждой на Бога, Зоранда внушаетъ Альгамару новую вѣру въ то, что онъ избранъ свыше и что предстоящая казнь—не къ смерти, а къ славѣ его.

Чтобы укрѣпить эту вѣру, дѣвушка заставляетъ мать пророка Ноеминь разсказать про свой вѣщій сонъ, который та видѣла будто бы въ ночь рожденія сына.

— Въ ночь рожденія твоего, Альгамаръ, было видѣніе... Бѣлый орелъ вышелъ изъ чрева моего, и онъ къ небу взвился, и онъ въ небѣ сталъ. Бѣлый онъ былъ, какъ снѣгъ на вершинахъ Сіерры-Невады, какъ молитва матери о первенцѣ своемъ... Въ небѣ онъ остановился, бѣлый, и могучимъ клювомъ своимъ онъ рвалъ перья въ груди своей, и перья бросалъ на землю. Слушай, мой первенецъ, какое явилось ко мнѣ видѣніе. Когда всѣ перья изъ груди своей вырвалъ орелъ, обезсиленный, онъ сталъ падать на землю. Но бѣлое сіяніе появилось у головы орла, и, кружа громко, орелъ снова взвился вверхъ, въ голубое, въ безбрежное, въ безсмертное, и въ немъ потонулъ. Вотъ какое было у меня видѣніе въ ночь рожденія твоего.

Поколебавшагося было Альгамара экзальтированная Ноеминь окончательно вдохновляетъ на подвигъ послѣдующимъ своимъ разсказомъ.

— А теперь я была тамъ... Я бродила въ полѣ, гдѣ строятся для тебя помосты... Я съ закрытыми глазами бродила тамъ,— и снова явилось это сіяніе. Бѣлый орелъ вырвалъ всѣ перья изъ своей груди, потомъ онъ когтями оторвалъ и бѣлую голову свою. Онъ бросилъ ее внизъ, людямъ. Но голова внизъ не упала, а поднялась вновь къ шеѣ и къ ней приросла...

Съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ пошелъ пророкъ на казнь. А на сцену вбѣгаетъ Эльвира. Она свернула съ пути въ Кордову, куда ее сослалъ халифъ, и явилась сюда—дать возможность бѣжать любимому человѣку, бѣжать вмѣстѣ съ той, которую онъ любитъ...

Зоранда. Спасай себя, Эльвира, ты въ очень большой опасности, и жертва твоя безполезна... Альгамаръ долженъ исполнить то, зачѣмъ былъ посланъ въ міръ.

Эльвира. (Не слушая). Ты счастливѣе ме-

ня, онъ любитъ тебя, я знаю... Уѣзжайте, живите, живите вмѣстѣ, живите.

Зоранда. Альгамаръ не уѣдетъ.

Эльвира. Онъ пойдетъ на смерть?

Зоранда. Уже пошелъ. (Кротко). Эльвира, твое страданіе велико. Можетъ быть тебѣ будетъ легче, если ты узнаешь, что Альгамаръ умретъ съ твердой вѣрой въ то, что онъ немедленно оживетъ.

Эльвира. Съ твердой вѣрой?.. Кто далъ ему такую вѣру?

Зоранда. Я!

Эльвира. Ты? Но развѣ... развѣ ты вѣришь?

Зоранда. (Негромко, но твердо и съ внѣшнимъ спокойствіемъ). Нѣтъ.

Эльвира. Въ то, что онъ оживетъ, ты не вѣришь?..

Зоранда. Нѣтъ...

Эльвира. Онъ умретъ, а ты останешься жить!

Зоранда. (Тихо). Я понесу эту муку.

Эльвира. И ты говоришь, что любишь его?

Зоранда. (Со страшной болью). О, Альгамаръ, Альгамаръ...

Эльвира. А онъ... Знаетъ ли онъ, что ты не вѣришь въ то, что онъ оживетъ?

Зоранда. Если бы онъ это зналъ, онъ не пошелъ бы на смерть.

Эльвира. Убійца!.. Ты убійца!..

Зоранда. (Подавляя бурю своей души, съ большой кротостью.) Сестра моя... Какъ велика твоя печаль... Бѣдная моя сестра...

Эльвира. О, зачѣмъ я опоздала!.. О, зачѣмъ не застала Альгамара, зачѣмъ не увидѣла его раньше... вчера...

Зоранда. Если бы ты и успѣла видѣть его вчера, если бы все знала раньше и открыла ему своевременно,—онъ все равно не повѣрилъ бы тебѣ.

Эльвира (Мечется). Онъ умретъ, онъ умретъ!.. Молодой... прекрасный... сильный... Вотъ теперь, сейчасъ, пока я здѣсь говорю, ему тамъ рубятъ голову!..

Зоранда. (Кротко, но сильно). Вижу страданіе твое... вижу, какъ ты любишь его... И я знаю, чѣмъ заплатишь ты, когда халифу станетъ извѣстно о твоемъ бѣгствѣ, о томъ, что ты была здѣсь,—такихъ вещей уже не прощаютъ...

Эльвира. Пусть я погибну, но Альгамаръ!..

Зоранда. Безмѣрна печаль твоя,—и я, какъ съ сестрой, буду говорить съ тобой... Слушай меня, Эльвира: нашъ Альгамаръ умретъ.

Эльвира. Не хочу, чтобы онъ умеръ!

Зоранда. Онъ долженъ умереть. Жизнь не для него... Временами, въ недобрыя минуты,—въ недобрыя минуты,—жизнь соблазняла Альгамара. Но никто не былъ бы въ силахъ оставить Альгамара въ жизни... Избранный, онъ обреченъ.

Эльвира. Обреченъ?!

Зоранда. Обреченный, онъ избранъ. Альгамаръ явился среди людей, чтобы разбудить ихъ. Онъ долженъ былъ дать имъ новое небо. Онъ посланъ былъ, чтобы принести имъ новую грезу... Онъ рожденъ былъ, чтобы пропѣть имъ новую пѣснь.

Эльвира. Но зачѣмъ смерть... смерть?..

Зоранда. Обреченъ... Альгамаръ дошелъ до края... Онъ пѣснь свою пропѣлъ до конца. Дальше ему нельзя оставаться на землѣ. Онъ сказалъ всѣ свои слова. Онъ сдѣлалъ всѣ свои дѣла. Онъ уже не могъ бы выполнить обѣщанное, и его объявили бы лгуномъ и обманщикомъ. Онъ все равно погибъ бы, и пало бы созданное имъ небо.

Эльвира. Но вѣдь все равно онъ останется обманщикомъ: онъ не оживетъ.

Зоранда. (Съ силой). Онъ оживетъ!

Эльвира. Ты же сама говорила, что не вѣришь въ это.

Зоранда. Не вѣрю. Но другихъ заставлю вѣрить. И для другихъ онъ оживетъ.

Эльвира. Всѣ будутъ видѣть обезглавленное тѣло. Оно будетъ выставлено на показъ. И голова будетъ надѣта на шестъ...

Зоранда. (Зажигаясь). Я буду говорить, что тѣло подмѣнили. Я буду говорить, что видѣла, какъ отрубленная голова приросла къ плечамъ Альгамара... Я буду всадѣ сѣять эти слова...

Эльвира. Тебѣ не повѣрятъ.

Зоранда. Я сумѣю говорить такъ, что мнѣ повѣрятъ. Повѣрятъ!.. Мои слова упадутъ на добрую почву. Добровольною смертью своей Альгамаръ утучнитъ ее... Мои слова дадутъ неслыханный, радостный, святой урожай... Я буду говорить, что оживилъ Альгамаръ пришелъ ко мнѣ... что онъ придетъ вновь... Я буду говорить, что жду его... Я буду ждать его... И люди будутъ ждать его, тосковать по немъ, искать его, подражать ему, рваться къ нему. Они рваться будутъ къ Свѣтлому Богу,— и никогда не перестанутъ они искать своего Свѣтлаго Бога"...

Отдаленный глухой крикъ пораженной ужасомъ толпы зрителей возвѣстилъ, что казнь свершилась...

„Эльвира. (Въ полуобморочномъ состояніи лепечетъ). Альгамаръ... Альгамаръ...

З о р а н д а. (Страстно кричитъ. Вся она пламень). Голова приросла вновь! Вы видѣли? Тѣло, которое тамъ—не его тѣло! Голова, которая на шестѣ—не его голова! Голова Альгамара приросла вновь!.. Онъ улетѣлъ въ небо... Онъ ожилъ! (Входитъ Осій).

О с і й. (Полонъ сіяющаго величія, а можетъ быть—безумія). Есть правда на землѣ! Есть въ жизни Свѣтлый Богъ!

З о р а н д а. (Бѣжитъ съ крикомъ). Голова приросла! Вы видѣли! Приросла!..

Р а б о ч і е. (И другіе люди бѣгутъ съ холма. Всѣ въ экстазѣ). Да, да, да... Мы видѣли... да... да.. Мы видѣли!.. Голова Альгамара приросла!.. Тѣло подмѣнили... Онъ ожилъ... Онъ святой!.. Онъ улетѣлъ въ небо... Онъ ожилъ!.."

„Плавильный тигель" И. Зангвилля.

[82(73)—2]

И въ самой Америкѣ и въ Англіи, особенно въ первой, эта пьеса американскаго драматурга Израиля Зангвилля пользуется громаднымъ успѣхомъ. Но не только въ силу своего исключительнаго успѣха,—она и сама по себѣ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

„Плавильнымъ тигелемъ" (melting pot),—пишетъ лондонскій корреспондентъ „Рѣчи" С. И. Р. (№ 22),—оказывается Америка, въ которой всѣ европейскія расы переплавляются и претворяются въ одну расу, въ расу американскую. Недаромъ Соединенные Штаты такъ полюбили эту пьесу Зангвилля и недаромъ Теодоръ Рузвельтъ объявилъ ее „американской поэмой".

— Вотъ вы стоите тутъ всѣ на берегу,—говоритъ главное лицо зангвиллевской драмы, молодой Давидъ Квисано, воображающій себя говорящимъ передъ толпой только что прибывшихъ эмигрантовъ,—вы стоите тутъ, разбитые на пятьдесятъ группъ съ вашими пятьюдесятью языками и исторіями, съ вашими пятьюдесятью ненавистями и соперничествами. Но, братья, недолго будетъ такъ продолжаться. Мѣдный грошъ не стоитъ теперь ваши междоусобія и вендетты. Нѣмцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русскіе,—всѣхъ васъ въ тигель! Богъ творитъ американца.

И когда въ концѣ пьесы тотъ же Давидъ Квисано глядитъ съ плоской крыши высокаго нью-іоркскаго дома на развертывающуюся передъ нимъ панораму огромнаго города съ его гаванью, съ его статуей свободы, озареннаго багровыми полосами яркаго солнечнаго заката, онъ восклицаетъ пророчески:

— Это огни Бога вокругъ Его тигеля. Вотъ онъ, этотъ великій плавильный котелъ. Слышите, какъ онъ кипитъ и бурлитъ?.. Востокъ и Западъ, Сѣверъ и Югъ, пальма и сосна, полюсъ и экваторъ, полумѣсяцъ и крестъ,—все плавится и смѣшивается очистительнымъ пламенемъ великаго алхимика. Здѣсь они соединяются, чтобы построить республику человѣка и царство Бога. Ахъ, Вѣра,—говоритъ онъ своей возлюбленной,—что значитъ слава Рима и Іерусалима, куда всѣ народы и расы идутъ на поклонъ, глядя *назадъ*, въ сравненіи съ Америкой, куда всѣ расы и народы идутъ на работу, глядя *впередъ*!

Самъ Давидъ и Вѣра испытываютъ дѣйствіе пламеннаго тигеля. Онъ еврейскимъ мальчикомъ бѣжитъ изъ Россіи послѣ кишиневскаго погрома, во время котораго на его глазахъ были зарѣзаны отецъ, мать и сестра. Она—дочь офицера, „орудовавшаго" во время того же самаго погрома, тоже бѣжитъ изъ русской тюрьмы, какъ революціонерка. И оба, встрѣчаясь въ Нью-Іоркѣ, влюбляются другъ въ друга.

Драма Зангвилля и состоитъ въ изображеніи этой любви, въ постоянной переплавкѣ сердца Вѣры, ея чувствъ, ея расовыхъ представленій и понятій, подъ вліяніемъ всецѣло обаяннаго Давида (который оказывается выдающимся музыкантомъ). Давидъ — мечтатель, фантазеръ, безсребренникъ. Онъ весь отданъ идеѣ о всечеловѣкѣ-американцѣ. Даромъ даетъ концерты въ бѣдныхъ кварталахъ. Пишетъ симфонію „Америка" и весь преисполненъ чувства благодарности къ пріютившей его странѣ. Но комнарныя воспоминанія о погромѣ мучаютъ и терзаютъ его, и лишь великая сила любви, вѣра въ людей и веселящія и воодушевляющія радостныя картины воображаемаго великаго будущаго въ состояніи залѣчить глубокія душевныя раны вѣчной, артистической души Давида.

То, что пьеса Зангвилля была такъ восторженно принята въ Америкѣ, показываетъ, что власть денегъ и тамъ начинаетъ падать и что великіе идеалы „плавильнаго тигеля" все болѣе и болѣе берутъ верхъ, хотя слѣдуетъ признать, что авторъ, какъ бы въ угоду американцамъ, придаетъ плавкѣ въ своемъ идеалистическомъ котлѣ лишь представителей бѣлыхъ расъ. Ни негры, ни желтокожіе въ его пьесѣ какъ-то не входятъ составной частью въ типъ всеобъединяющаго американца...

Бытъ старой Россіи.

[39 : 173) (47]

Многочисленныя воспоминанія текущаго года даютъ много яркихъ картинъ простой и без-

питростной, а иногда довольно безсмысленой и злой, но всегда очень колоритной жизни нашихъ предковъ. Считаемъ не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ этихъ воспоминаній. Возвращаться къ прошлому иногда бываетъ не только пріятно, но и полезно.

Петербургъ въ 50-хъ годахъ.

Въ „Голосѣ Минувшаго“ (№ 2) напечатаны Записки А. А. Пеликана „Во второй половинѣ XIX в.“ Записки эти очень выпукло и красочно рисуютъ бытовую жизнь Петербурга на рубежѣ царствованій Николая I и Александра II.

Жили тогда въ Петербургѣ, какъ пишетъ А. А. Пеликанъ, „много шире въ смыслѣ пространства“. Квартиры были большія и дешевыя. Квартира изъ 14 — 15 большихъ комнатъ со всѣми службами и конюшнями, сараями и проч. стоила съ дровами не дороже 1.500 руб. въ годъ. Квартиры, за которыя теперь берутъ 1.200 рублей, тогда или многого за 300 рублей. Но ни уюта, ни комфорта не было никакого. Не было даже водопровода. Воду возили изъ Невы, изъ Фонтанки, даже изъ каналовъ. Невскіе водовозы имѣли бѣлые чаны, фонтанскіе—зеленые. Въ нѣкоторыхъ домахъ на чердакахъ устраивали большіе баки, изъ которыхъ по трубамъ проводили воду въ квартиры. Въ этихъ бакахъ дворники нерѣдко устраивали для себя и своихъ пріятелей купальни. На лѣстницахъ, особенно черныхъ, стояло невыносимое зловоніе вслѣдствіе первобытнаго устройства уборныхъ. Дрова были очень дешевы. Но такъ какъ комнаты были большія, а печи устраивались прескверно, то по утрамъ въ квартирахъ стоялъ адскій холодъ. Богатые люди освѣщали комнаты лампами съ гусинымъ жиромъ. Это освѣщеніе, хотя и очень тусклое, стоило все же дороже, а потому обычно довольствовались сальными свѣчами, съ которыхъ постоянно приходилось снимать нагаръ щипцами. О керосинѣ не подозрѣвали, каменный уголь былъ рѣдкостью.

Пища, благодаря дешевизнѣ продуктовъ, была разнообразнѣе и питательнѣе, чѣмъ теперь. Мясо перваго сорта стоило 6—8 к. за фунтъ, курица—25 коп., пара цыплятъ—20 коп., фунтъ чернаго хлѣба $1^1/_2$—2 к., бѣлаго—4—5 коп., масла 15 коп. И привозные заграничные товары стоили гораздо дешевле: фунтъ лучшаго швейцарскаго сыру—45 коп., бутылка шампанскаго высшей марки—3 руб. Неудивительно, что и у Палкина за лучшій бифштексъ брали всего 45 коп.

Въ воспоминаніяхъ тогдашній Петербургъ представляется А. А. Пеликану болѣе наряднымъ и оживленнымъ, чѣмъ нынѣшній. Народу было меньше, но онъ былъ одѣтъ ярче и разнообразнѣе. А съ другой стороны, было гораздо больше собственныхъ экипажей самыхъ разнообразныхъ формъ. Извозчики брали гроши: конецъ 10 — 15 коп., самый большой— 20 коп. Богатые люди ѣздили цугомъ съ напрейными лакеями на запяткахъ, съ форейторами на лошадяхъ. Хорошій тонъ требовалъ, чтобы ростъ форейторовъ, набиравшихся изъ мальчиковъ, не былъ высокъ и чтобы онъ пропорціонально уменьшался отъ задняго къ переднему форейтору. Особеннымъ шикомъ считалось имѣть передовымъ форейторомъ крошку, на видъ лѣтъ семи. Но, конечно, дѣти для этого не годились, такъ какъ правильное движеніе всего цуга зависѣло отъ передового, т.-е. самаго маленькаго форейтора. Большое искусство требовалось при поворотахъ. Приходилось описывать правильную дугу съ опредѣленнымъ радіусомъ, чтобы и карета могла повернуть плавно и не круто. „По командѣ главнаго возницы, возсѣдавшаго на высокихъ разукрашенныхъ козлахъ, маленькій передовой форейторъ приступалъ къ повороту, при чемъ всѣмъ корпусомъ нагибался къ шеѣ лошадей и, вывося сколь возможно голову наружу и впередъ, оралъ благимъ матомъ: „пади! берегись!“ Прохожіе и проѣзжіе, дѣйствительно, должны были беречься, такъ какъ опасность повасть подъ колесо кареты и подъ ноги лошадей была не шуточная.

Все это, конечно, возможно было только при крѣпостномъ правѣ. Съ паденіемъ его исчезла и ѣзда цугомъ и форейторы. Долѣе другихъ съ форейторами ѣздилъ петербургскій митрополитъ. Въ средѣ духовенства обычай этотъ окончательно исчезъ только въ 1892 году со смертью митрополита Исидора.

Общественныя развлеченія были доступны и для средне-зажиточной публики. Первый рядъ креселъ въ Александринскомъ театрѣ стоилъ всего 1 руб., 50 к., а мѣсто за креслами— 75 коп. Клубовъ было только два: англійскій и Шустеръ-клубъ. Женщинъ туда не пускали. Не пускали ихъ и въ рестораны. Балы и маскарады устраивались часто. Члены императорской фамиліи, которыхъ было немного, очень часто показывались на улицахъ. Ихъ всѣ въ Петербургѣ знали въ лицо. Николай I ежедневно, если только позволяла погода, совершалъ пѣшкомъ прогулку преимущественно по Невскому. Даже Александръ II въ первые годы бывалъ въ маскарадахъ и маски имѣли право подходить къ нему и интриговать его.

1-го мая официально объявлялась весна. Какая бы ни стояла погода, но съ 1-го мая

всѣмъ военнымъ и воспитанникамъ гражданскихъ учебныхъ заведеній предписывалось облачаться въ лѣтніе панталоны изъ бѣлаго холста или сѣрой нанки. Верхнюю одежду должны были носить только въ накидку. Освѣщеніе улицъ прекращалось съ 1-го мая по 1-е августа. Фонари горѣли въ свѣтлые апрѣльскіе вечера, но ихъ не полагалось въ темныя іюльскія ночи. Догматъ, что власть сильнѣе природы, исповѣдовался непарушимо. Съ 1-го августа все преображалось. Шинели обязательно въ рукава, штаны суконные и т. д. Одежда отличалась большимъ разнообразіемъ, но и безвкусицей. На улицахъ пестрѣли армяки, безрукавки, зипуны, конюшіе бараньи тулупы, ямщицкія кучерскія шляпы, гречневики, лапти, кокошники, повязки и проч. Штатскіе ходили во фракахъ и реднготахъ, въ жабо съ широкими, нѣсколько разъ обертывавшимися вокругъ шеи галстуками-косынками. Военные щеголяли въ разнообразныхъ пестрыхъ формахъ, съ саблями, палашами, шпагами, тесаками, длинными гладкоствольными пистолетами. Военныхъ на улицахъ было гораздо больше, чѣмъ теперь. Еще больше было раненыхъ, катѣхъ и георгіевскихъ кавалеровъ. Георгія тогда давали не только за боевыя заслуги, но и за 25-лѣтнюю службу и за двадцать шестимѣсячныхъ морскихъ кампаній: „по морскому статуту Георгія получилъ, — острили тогда,—10 лѣтъ на судѣ высидѣлъ“.

Всюду по городу бродили уличные музыканты, акробаты, дрессировщики и вожаки медвѣдей и другихъ животныхъ. По дворамъ играла музыка, показывали ученыхъ медвѣдей, обезьянъ, собакъ, ежей... То и дѣло слышались крики разносныхъ торговцевъ.

Городъ вообще носилъ рѣзко выраженный военный характеръ. Число карауловъ, занимавшихся войсками, и гауптвахтъ было очень велико. „На обязанности стоявшаго на гауптвахтѣ часового было зорко слѣдить подъ страхомъ жесточайшей бастонады за проходящими, дабы во-время замѣтить приближающагося генерала. Каждому генералу полагалось вызывать караулъ, который по звонку караульнаго выбѣгалъ изъ сторожки, разбиралъ стоявшія въ сошкахъ ружья и сложными ружейными пріемами отдавалъ установленную честь. Цѣлый день отъ зари до зари гауптвахта находилась въ непрерывномъ движеніи: звонилъ колоколъ, билъ барабанъ, щелкали ружья, раздавалась команда. Въ городѣ на каждомъ шагу приходилось натыкаться на маршировавшія военныя части, удивляться ихъ акробатической маршировкѣ. Съ утра до вечера на разныхъ плацахъ производились ученья и муштровка. Офицеровъ ругали и разносили на глазахъ публики и при солдатахъ. Солдатъ били, ругали, грозили жестокими карами... Случалось, что какой-нибудь лихой прапорщикъ, или юдоль фровта, билъ по зубамъ подъ рядъ нижнихъ чиновъ, а бравый батальонный командиръ кричалъ ему: „молодецъ, прапорщикъ Ивановъ!“

Вообще, какъ въ домахъ, такъ и на улицахъ надо всѣмъ и надъ всѣми царило битье. Съ утра до ночи слышались со всѣхъ сторонъ неистовые крики и стоны. Почти ежеминутно кого-нибудь или били или разносили. Офицеры били на улицахъ солдатъ, чѣмъ-либо имъ не угодившихъ, штатскіе — извозчиковъ, студенты—ночныхъ бабочекъ, дворники и полицейскіе — пьяницъ, еще болѣе шумѣвшихъ и неистовавшихъ отъ тогдашней сивухи, чѣмъ нынче отъ монопольки, наконецъ, торговцы и простые обыватели смертнымъ боемъ лупили застигнутыхъ на мѣстѣ преступленія воришекъ. Мужья, не стѣсняясь присутствіемъ на улицѣ народа и полиціи, учили своихъ женъ, матери, отцы и хозяева — дѣтей и учениковъ. На разсвѣтѣ фурманщики ловили и убивали на улицахъ собакъ, визжавшихъ при этомъ благимъ матомъ, слышались звуки пастушьихъ рожковъ. По ночамъ перекликивались сторожа, полицейскіе хожалые“...

Вѣкомъ всероссійскаго битья были знаменитые шпицрутены. Разговоры о томъ, что того или иного повезутъ сквозь строй, составляли одну изъ частыхъ темъ сосѣдскихъ бесѣдъ. Наказаніе это въ средѣ людей, его не испытавшихъ, вызывало панику. Назначалось оно въ чудовищныхъ размѣрахъ; отъ минимума въ 500 палокъ до 6.000. Нерѣдко забивали насмерть. А. А. Пелевинъ разсказываетъ такой случай: Одинъ солдатъ за маловажную провинность приговоренъ былъ къ минимальному наказанію: 500 палокъ. Такъ какъ онъ страшно боялся, то товарищи по тюрьмѣ посовѣтовали ему совершить другое преступленіе, напримѣръ, сорвать съ офицера погоны—тогда-де начнется другое дѣло, наказаніе будетъ назначено по совокупности, а пока что отложено.

Приведенный на мѣсто казни солдатъ заявилъ исполнявшему приговоръ прапорщику, что имѣетъ сообщить ему на ухо нѣчто очень важное. Когда офицеръ подошелъ, солдатъ ударилъ его по лицу и сорвалъ погоны. Юный прапорщикъ пришелъ въ ярость и распорядился забить несчастнаго шпицрутенами насмерть. По докладѣ объ этомъ Николаю Павловичу послѣдовала резолюція: „Собакѣ — собачья смерть. Прапорщику И. объявить, чтобы въ будущемъ не былъ столь любопытенъ“...

Шишкрутены не исчезли и въ первые годы царствованія Александра II. Большой шумъ надѣлала тогда московская исторія. Оберъ-полицеймейстеръ Берингъ выпоролъ пожарнаго, который, имѣя орденъ, былъ избавленъ отъ наказанія розгами безъ суда. Пожарный далъ Берингу пощечину и сорвалъ эполеты. За это пожарный былъ присужденъ къ 3.000 шишкрутеновъ, но выдержалъ только 2.000 и отдалъ Богу душу. „Случай этотъ — замѣчаетъ А. А. Пелликанъ, — имѣвшій мѣсто въ началѣ освободительной эпохи, возмутилъ общество, но для главныхъ виновниковъ прошелъ безслѣдно, и даже не воспрепятствовалъ дарованію высокихъ монаршихъ милостей къ ближайшему наградному дню"...

Будни дворянскаго гнѣзда.

Воспоминанія Е. А. Сабанѣевой, вышедшія недавно отдѣльнымъ изданіемъ [1]), изображаютъ бытъ и нравы провинціальнаго русскаго дворянства второй половины XVIII и начала XIX вв.

Е. А. правдиво, жизненно и образно описываетъ мелкія событія своей жизни, рисуетъ типы своихъ родныхъ и знакомыхъ. Она много разсказываетъ о прошломъ со словъ своихъ бабушекъ и дѣдушекъ, даетъ мелкія подробности тогдашняго богатаго помѣщичьяго быта.

Вотъ портретъ ея прабабушки, мужъ которой былъ такимъ деспотомъ, что даже тѣ разсказы о немъ, которые приходилось выслушивать Сабанѣевой, передавались шопотомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя съ ранняго дѣтства,—пишетъ Е. А.,—надъ прабабушкой Глафирой Михайловной носился ореолъ святости и благоговѣйнаго уваженія къ ея памяти въ моей душѣ и воображеніи. Она была изъ тѣхъ кроткихъ и чистыхъ созданій, съ которыхъ не можетъ взыскать самый строгій судья. Знаю, что между нею и супругомъ ея произошла какая-то драма, но я не желаю помѣщать ее на страницахъ этихъ записокъ. Слышала я, что прадѣдушка сильно оскорбилъ свою супругу, затѣмъ Богъ взыскалъ ее тяжкою болѣзнью и она лишилась разсудка. Но умопомѣшательство прабабушки было тихое; она жила въ домѣ мужа въ отдѣльныхъ покояхъ, изъ которыхъ никуда не выходила. У нея былъ свой штатъ прислуги, и она была, какъ дитя: ничего для себя не требовала, почти ни съ кѣмъ не говорила. Единственнымъ ея занятіемъ было вязанье кошельковъ изъ тончайшихъ нитокъ; послѣ ея кончины осталось безсчетное количество такихъ экземпляровъ мѣшочковъ, вывязанныхъ безцѣльно, но весьма изящно и искусно. Въ домѣ ее почитали за юродивую о Христѣ; въ понятіи домочадцевъ она была отмѣчена, какъ взысканная отъ Бога и служащая Его Святой Волѣ своими страданіями. Супругъ, при всемъ своемъ деспотизмѣ, долженъ былъ подчиняться удаленію изъ ея присутствія; въ ней, всегда тихой въ своемъ умопомѣшательствѣ, его появленіе возбуждало страхъ, смѣшанный съ порывами гнѣва. Онъ избѣгалъ показываться ей на глаза, но разъ навсегда было имъ приказано, чтобы барыню покоили.

Въ 1812 году, передъ Бородинскою битвою, прадѣдъ съ семьей собрался выѣхать изъ имѣній въ Вологду. Французы были въ 60-ти верстахъ отъ Богимова. Когда все было готово для отъѣзда, Алексѣй Іоновичъ приказалъ нести барыню въ приготовленную для нея карету, но она кричала и не соглашалась покинуть своей комнаты. Дочери уговаривали ее, но она легла въ постель, завернулась одѣялами, врылась въ подушки. Супругъ тогда вошелъ въ ея комнату, бросился передъ нею на колѣни и говорилъ:

— Глафирушка, ты погибнешь, кто защититъ тебя отъ врага?

Она скинула съ головы одѣяло, взглянула на него и говорить:

— Богъ моя защита!—При этомъ она указала на икону Василія Великаго, которою ее благословляли при замужествѣ. Затѣмъ Глафира Михайловна вновь закуталась одѣялами и подушками, обратясь лицомъ къ стѣнѣ. Такъ и должны были оставить ее въ Богимовѣ, тогда какъ вся семья уѣзжала въ вологодское имѣніе.

... Воспоминанія о бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ связаны для меня съ самыми дорогими воспоминаніями моего дѣтства и, кромѣ того, съ нравственнымъ катехизисомъ, который указала мнѣ матушка на пути жизни. Съ бабушкой не легко было ладить при ея живомъ и вспыльчивомъ нравѣ, и матушкѣ приходилось часто терпѣть отъ нея незаслуженные упреки. Бабушка была мастерица дѣлать сцены, а съ батюшкой она умѣла ссориться и мириться по нѣсколько разъ въ день; милая моя дорогая мать была часто между двухъ огней и съ великимъ терпѣніемъ, тактомъ и кротостью мирила она обѣ стороны, проливая отъ себя такую струю свѣта, которой никакой мракъ не могъ противиться. Привыкшая къ мирному очагу своей родной семьи, какъ пугалась она сначала волненіями той среды, въ которую попала

[1]) „Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники, 1770—1838г.

въ домѣ супруга! Надо удивляться, съ какимъ мужествомъ она боролась съ враждебными ей нравственными стихіями и какъ успѣшно восторжествовала надъ ними. Бабушка впослѣдствіи отвыкла отъ мысли, чтобъ матушка могла чѣмъ-нибудь противъ нея провиниться или даже ошибиться, и отношенія между этими двумя женщинами были полны такого довѣрія другъ къ другу, что обѣ слились въ одну душу и дѣйствовали въ одномъ смыслѣ на пользу семьи и дѣтей...

Былъ Великій постъ на исходѣ,—кажется, Вербная недѣля; бабушка прислала сказать, что будетъ къ намъ, ибо желаетъ поговѣть. Сейчасъ же приказано было приготовить для нея комнаты. Для насъ, дѣтей, ея пребываніе въ домѣ соединялось съ вакаціей, потому что матушка, которая сама давала намъ уроки, при бабушкѣ не имѣла времени нами заниматься. Я была старшая въ семьѣ, а мнѣ было въ то время лѣтъ семь.

Бабушку сопровождалъ всегда большой штатъ прислуги; ѣздила она въ четверомѣстной каретѣ въ шесть лошадей съ выносными, форейторомъ и двумя лакеями на запяткахъ. Въ каретѣ—масса подушекъ; кромѣ бабушки, сидѣли въ ней: ея компаньонка, горничная Лена и двѣ собачки—Мирза и Журикъ. И вотъ мы ожидаемъ бабушку. Какъ только ея экипажъ покажется по дорогѣ мимо церкви, такъ буфетчикъ Сергѣй Николаевичъ войдетъ въ батюшкинъ кабинетъ, остановится въ дверяхъ и возвѣститъ, что барыня къ намъ жалуетъ,—мы къ окнамъ. Карета въѣхала въ ворота большого двора, и мы бѣжимъ встрѣчать въ переднюю нашу дорогую гостью. Дверь отворяется, входитъ бабушка, укутанная въ шубу, въ большомъ атласномъ капорѣ фіолетоваго цвѣта; ее ведутъ подъ руки, и Лена разстегиваетъ на ходу ея шубу, а лакей принимаетъ ее на свои руки; бабушка садится на диванъ, и съ нея снимаютъ теплые бѣлые лохматые сапоги, обшюженные бѣлымъ сафьяномъ. Мы должны все время смирно стоять; затѣмъ бабушка проходитъ въ батюшкинъ кабинетъ, гдѣ ее усаживаютъ на диванъ.

Мы, между тѣмъ, приняли отъ лакея ея двухъ собачекъ и несемъ ихъ на рукахъ за бабушкой, что составляетъ для насъ большое удовольствіе; но мы отнюдь не должны при этомъ забывать, что съ бабушкой слѣдуетъ поздороваться, а этого никакъ нельзя сдѣлать, пока она не сниметъ капора и безчисленнаго множества платочковъ и косыночекъ, которые на нее накутаны. Мы стоимъ противъ нея и ожидаемъ. Наконецъ снятъ послѣдній шарфикъ, и бабушка осталась въ однихъ волосахъ.

Тогда ей было лѣтъ подъ семьдесятъ, а въ ея темнорусыхъ косахъ, которыя она носила, закладывая ихъ по-дѣтски вокругъ головы, не было еще сѣдыхъ волосъ. Эти глянцевитые темные волосы гладко лежали надъ ея невысокимъ лбомъ и немного вились надъ висками. Говорили, что она была очень хороша въ молодости, высока и стройна. Глаза ея были каріе, очертаніе лица мягкое, черты тоже мягкія, носъ породистый, прямой, безъ горбинки, а ноздри имѣли способность раздуваться подъ вліяніемъ душевнаго волненія; выраженіе ея лица такъ часто мѣнялось, и довольно полныя губы раздувались въ гнѣвѣ, выражая такъ откровенно, что она сердится. Зато при улыбкѣ углы ея рта подымались вверхъ, особенно пріятно придавая ея лицу сдержанно-лукавое выраженіе. Игра ея лица производила на меня всегда глубокое впечатлѣніе: такъ вотъ и догадаешься, чего она хочетъ, и что ей нравится, и что ей не понутру. Я замѣтила, что скрывать свои чувства она не умѣла, да, кажется, и не могла, оттого и была часто рѣзка. Подчиняться модѣ или этикету она никогда не могла: всегда утрировала оборки своихъ чепцовъ, цвѣта матерій на платьяхъ и вообще мало обращала вниманія на впечатлѣніе, которое производила на другихъ.

Итакъ, когда послѣдній шарфикъ снятъ, то Лена уноситъ всѣ аттрибуты зимняго кутанья и подаетъ бабушкѣ чепецъ именно съ пресширокой оборкой и брадами изъ газовыхъ лентъ. Когда онъ уже на головѣ у бабушки, мы чинно подходимъ къ ней къ рукѣ. Въ это время показывается няня въ дверяхъ кабинета; она несетъ на серебряномъ подносѣ весь чайный приборъ и ставитъ его на круглый столъ противъ бабушки, которая послѣ самаго краткаго путешествія любила кушать чай.

...Бабушка Екатерина Алексѣевна была большая рукодѣльница: изъ ея рукъ выходили замѣчательно изящныя работы. Она много вышивала для нашего храма. Помню по серебряному глазету воздухи, которые обновили на храмовой нашъ праздникъ. По канвѣ золотомъ она вышивала безъ очковъ до глубокой старости. По поводу вязанья шерстями я слышала отъ нея слѣдующія воспоминанія изъ ея молодости.

— Теперь,—говорила она,—берлинская и англійская шерсть такая обыкновенная вещь,—ею хоть прудъ пруди; въ мое же время она была рѣдкостью; ее употребляли только большія барыни. Въ высшихъ сферахъ общества было доступно вышивать ковры; у насъ же въ деревнѣ и понятія о томъ не имѣли. Я смолоду была охотница до работъ, но шерсти ку-

пить и подумать не смѣла: батюшка такъ бы прогнѣвался, если бъ я осмѣлилась заикнуться о покупкѣ такого цѣннаго товара. У насъ вѣдь все было домашнее: шерстяные чулки мы носили, конечно, изъ домашней шерсти, не говоря уже о бѣльѣ,—все изъ домашняго холста. И столовое бѣлье тоже самое. У насъ-то все матушкины ярославскіе мужички привозили,—это входило въ ихъ оброкъ. Но и въ Богимовѣ отлично пряли и ткали; мы съ сестрами носили по будпямъ платья изъ домашней холстинки, по воскресеньямъ только ситцевыя. Я была меньшая изъ сестръ, и мнѣ первое бѣлое кашфасовое платье сшили, когда я была взрослой дѣвицей лѣтъ 18-ти.

Жизнь бабушки въ родительскомъ домѣ протекала всегда подъ страхомъ, всегда въ тревогѣ между больною матерью и деспотомъ-отцомъ. Отецъ не допускалъ мысли о воспитаніи дѣтей: въ тѣ времена чада должны были удерживаться съ черномъ тѣлѣ въ домѣ родителей, и онъ за порокъ считалъ, чтобы русскія дворянки, его дочери, учились иностраннымъ языкамъ.

— Мои дочери не пойдутъ въ гувернантки,— говорилъ Алексѣй Іоновичъ.—Онѣ не безприданницы: придетъ время, повезу ихъ въ Москву, найдутся женихи для нихъ.

Вотъ какъ прадѣдъ возилъ дочерей въ Москву, людей посмотрѣть и себя показать.

Это было въ началѣ царствованія императора Павла Петровича. Алексѣй Іоновичъ нанялъ домъ въ Москвѣ на три мѣсяца и зимнимъ путемъ поѣхалъ съ двумя старшими дочерьми, — Евдокіей и Софьей, — въ столицу. Государь былъ въ Москвѣ, и едва успѣли спять на Кузнецкомъ мосту бальныя платья для калужскихъ барышень, дѣвицъ Прончищевыхъ, какъ зимній сезонъ открылся баломъ, который монархъ почтилъ своимъ присутствіемъ. Это былъ первый выѣздъ дѣвицъ Прончищевыхъ, но какъ далеки онѣ были отъ мысли, что онъ будетъ и послѣдній! Дня три спустя послѣ этого бала Алексѣй Іоновичъ приказалъ дочерямъ съ вечера укладываться и собираться въ дорогу. На утро подвезли подъ крыльцо просторный деревенскій возокъ,—и богимовскій властелинъ увезъ дочерей во-свояси.

Объясняли это быстрое возвращеніе прадѣда изъ столицы страхомъ его за старшую дочь, которая своей красотой обратила на себя вниманіе государя, такъ что на другой день послѣ бала было сдѣлано изъ дворца освѣдомленіе о чинѣ отца калужской красавицы.

— Батюшка, —говорила бабушка:—не желалъ фавора для сестры при дворѣ и скорѣе увезъ ее въ деревню. Матушка моя видѣла эту тетку моего отца, когда она была уже не молода, но и тогда она еще сохранила слѣды замѣчательной красоты.

По возвращеніи изъ Москвы прадѣдъ, будто осердясь за неудачную поѣздку, поспѣшилъ найти дочерямъ женховъ въ деревнѣ.

А вотъ и еще одинъ любопытный женскій типъ. Княжна Екатерина Николаевна Ободенская, сестра дѣдушки, князя Петра Николаевича, была милая, добрѣйшая старушка. Она жила въ Москвѣ своимъ домомъ, часто кушала у брата, и онъ аккуратно ее навѣщалъ. Дѣдушка окружалъ ее лаской и вниманіемъ и помогалъ ей по управленію ея имѣніемъ. Она была его единственная сестра незамужняя и осталась до конца дней своихъ совершенной институткой. Она была воспитанницей Смольнаго Монастыря 1-го выпуска. Вотъ что матушка про нее разсказывала. „Разъ какъ-то стоя-ла я у окна нашего московскаго дома со стороны сада. Былъ великолѣпный майскій вечеръ, сирень въ саду начинала цвѣсти, аллеи акацій по одной сторонѣ сада, густая уже отъ свѣжихъ листьевъ, бросала отъ себя длинную тѣнь, а на полянкѣ, что противъ оконъ, яблони были въ полномъ цвѣту. Луна взошла, ярко свѣтила на небѣ и серебрила своимъ матовымъ отблескомъ эти цвѣтущія деревья. Я залюбовалась и задумалась. Я была одна въ комнатѣ; вдругъ кто-то тронулъ меня легонько за плечо. Я даже вздрогнула. Глажу, стоитъ подлѣ меня наша добрая старушечка-тетушка, княжна Екатерина Николаевна.

— Варенька, —говоритъ она,—отойди отъ окна, милый другъ, не гляди на луну.

— Отчего же, тетушка? Посмотрите, какъ хорошъ вечеръ!

— Не годится, мой другъ, дѣвицѣ глядѣть на луну: подумаютъ, что ты влюблена.

Я никакъ не могла понять это отношеніе луны къ состоянію влюбленности, но поцѣловала у тетушки руку и обѣщала не глядѣть на луну.

Дѣвочка — жена.

Звали ее Анна Евдокимовна Лабзина [1]) и родилась она въ 1758 г.

Дѣтство А. Е. протекло въ мирной деревенской обстановкѣ, на собственномъ хуторѣ, гдѣ то на границахъ тогдашнихъ Пермскаго и Уфимскаго намѣстничествъ, — между Екатеринбургомъ и Челябинскомъ,— подъ нѣжнымъ надзоромъ родителей, которые любили ее, по собственному ея признанію, больше, чѣмъ двоихъ другихъ

1) „Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. 1758—1828".

дѣтей. Вдова минуло А. Е. 13 лѣтъ, какъ ея мать, чувствуя приближеніе своей смерти, поспѣшила выдать ее замужъ, желая „пристроить“ сироту. Мужъ ея былъ А. М. Карамышевъ,— извѣстный уже тогда ученый горновѣдъ и минералогъ, оставившій по себѣ слѣдъ въ исторіи горнаго дѣла въ Россіи.

Выросши въ глухой деревнѣ, въ полномъ незнаніи жизни, подъ надзоромъ любящей, но строгой родительницы, А. Е. безпрекословно подчинилась рѣшенію матери своей и, выйдя замужъ, такъ же безпрекословно отдалась во власть своего мужа. Послѣдній въ самомъ непродолжительномъ времени, сбросивъ съ себя личину почтительно-скромнаго жениха, началъ тиранить свою беззащитную жену... Легко представить себѣ трагическое положеніе кроткой, богобоязненной и совсѣмъ неопытной молодой женщины, попавшей въ неограниченное распоряженіе мужа бурнаго, крайне безнравственнаго, а подчасъ и положительно жестокаго.

Большая часть воспоминаній А. Е. Лабзиной относится къ этой именно порѣ ея жизни.

...Мнѣ было тринадцать лѣтъ,—пишетъ она.— Насталъ, наконецъ, тотъ день, въ который была назначена наша свадьба. Поутру рано мать моя посадила меня возлѣ себя и начала говорить: „Теперь, мой другъ, тотъ день, въ который ты начнешь новую совсѣмъ и для тебя неизвѣстную жизнь. И ты ужъ не отъ меня будешь зависѣть, а отъ мужа и отъ сверкрови, которымъ ты должна безпредѣльнымъ повиновеніемъ и истинною любовью. Ужъ ты не отъ меня будешь принимать приказанія, а отъ нихъ. Моя власть надъ тобою кончилась, а осталась одна любовь и дружескіе совѣты. Люби мужа твоего чистой и горячей любовью повинуйся ему во всемъ: ты не ему будешь повиноваться, а Богу,— онъ тебѣ отъ Него данъ и поставленъ господиномъ надъ тобою. Ежели бы онъ и дуренъ бы былъ противъ тебя, но ты все сноси терпѣливо и угождай ему, и не жалуйся никому: люди тебѣ не помогутъ, а только ты откроешь его пороки и черезъ это его и себя въ стыдъ приведешь. Веди себя всегда такъ, чтобъ совѣсть твоя была всегда чиста. Не предпочитай ему другого мужчину, хоть бы онъ въ коровѣ былъ; не слушай ласкательствъ мужчинъ: они никогда истинны не бываютъ. Кто прямо тебя любитъ, тотъ не станетъ въ глаза хвалить. Веди себя такъ, чтобъ никакой мужчина не могъ и не смѣлъ тебѣ сказать никакой неблагопристойности, и не имѣй въ молодости твоей тѣснаго обхожденія съ мужчиной тѣмъ, котораго тебѣ мужъ не одобритъ; но и тутъ будь осторожна. Въ выборѣ друзей не надѣйся на себя, а предоставляй выбирать новой твоей матери, которая, изъ любви къ сыну и тебѣ, дастъ тебѣ друзей добрыхъ и опытныхъ, отъ которыхъ ты будешь научаться. Не скрывай отъ нея ничего, что будетъ происходить въ сердцѣ твоемъ,— чрезъ это ты избавишься отъ многихъ бѣдъ, могущихъ случиться съ тобой. Даже и того не скрывай, кто съ тобой что говорить будетъ: она будетъ отъ этого познавать людей и показывать тебѣ, съ кѣмъ ты можешь быть въ связи и съ кѣмъ не можешь. Сія твоя искренность отъ многаго тебя избавитъ. Ежели ты, по молодости твоей, и проступокъ какой сдѣлаешь,—не стыдись его открыть: черезъ открытіе въ другіе не впадешь. Люби мать мужа твоего—она есть и твоя: она—другая я. Обѣщаешь ли ты мнѣ, другу твоему, все сіе сдѣлать?“

Я бросилась къ ней на колѣни и зарыдала. „Все исполню, хотя бы они и врагами и мучителями моими сдѣлались!“

„О братѣ твоемъ я ничего не говорю; любовь твоя его не оставитъ, и ты ему будешь мать и нѣжный другъ, а онъ тоже тебя любитъ и будетъ тебя слушать. Ежели ты будешь жить въ большомъ свѣтѣ, то во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ не забывай дѣлать помощи бѣднымъ и несчастнымъ: не будь въ праздности: праздность—есть мать пороковъ. Гордости избѣгай, будь ко всѣмъ ласкова и снисходительна. Избѣгай случаевъ, чтобъ съ кѣмъ ссориться; я во весь мой вѣкъ не имѣла враговъ и ни съ кѣмъ не была въ ссорѣ“. Послѣ сего она обняла меня и благословила, призывая въ помощь Отца Небеснаго, чтобъ меня укрѣпилъ и утвердилъ въ терпѣніи и въ добродѣтели: она предвидѣла, что мнѣ должно много вытерпѣть. Итакъ, день сей совершилъ мою участь мая 21-го числа.

И жили мы въ деревнѣ недѣлю послѣ свадьбы, но болѣзнь увеличивалась моей матери и принудила ее везти въ городъ: разстояніе не велико—90 верстъ. Но она была такъ слаба, что всякое малое движеніе причиняло ей жестокое мученіе. И тутъ началась первая моя горесть, что мнѣ мужъ мой не позволилъ съ ней сѣсть въ карету, и я съ горестными слезами повиновалась ему, ни слова не говоря. И сія дорога была для меня мучительна: умерли во мнѣ всѣ радости, и я, кромѣ скорби душевной, ничего не чувствовала, и мысли мои безпрестанно были при больной. Кто ее теперь успокаиваетъ? Она привыкла быть со мной, и я облегчала ея болѣзнь. Этотъ жестокій человѣкъ лишаетъ ее сего послѣдняго утѣшенія при концѣ дней ея. Я такъ тогда мыслила. Одѣ слезы облегчали мою тягость; мужъ мой

и за слезы на меня сердился и говорилъ: „Теперь твоя любовь должна быть вся ко мнѣ, и ни о чемъ ты не должна больше думать, какъ о угожденіи мнѣ; ты теперь для меня живешь, а не для другихъ“. Я спросила: „Развѣ можно кончаться моей любви къ той, которая мнѣ дороже всего въ мірѣ? Меньше ли ты любишь мать свою съ тѣхъ поръ, какъ женился? Все въ свѣтѣ для тебя сдѣлаю, кромѣ сего!“ Онъ мнѣ отвѣчалъ, что: „Ты еще не знаешь тѣхъ великихъ обязанностей, которыя ты должна имѣть къ мужу, то я тебя научу!“ И сказалъ такимъ голосомъ, что у меня сердце замерло отъ страха. И я замолчала, но слезъ остановить не могла.

Съ нами сидѣла его любимая племянница, которая смѣялась моей горести и ему говорила: „Я удивляюсь, что вы не уймете ее: мнѣ ужъ скучно смотрѣть на ея пустыя слезы!“ Онъ сказалъ: „Погоди, мой другъ, будетъ еще время. Я въ дорогѣ не хочу начинать ничего“.

Что жъ я должна была ожидать послѣ сихъ разговоровъ? Но положила въ сердцѣ моемъ никому не сказывать и не жаловаться; а больше,—чтобъ не примѣтила мать моя моей горестной участи.

Наконецъ, пріѣхали мы на первую станцію. Я выскочила изъ кареты, побѣжала смотрѣть, жива ли моя мать,—и нашла ее въ такой слабости, что она не только говорить—и руки не могла мнѣ подать. Я дала ей выпить вина и вытерла ее уксусомъ, послѣ чего она сдѣлалась покрѣпче и спросила меня: „Здорова ли ты, мой другъ? У тебя блѣдность въ лицѣ необыкновенная?“ — „Я здорова, но пугаетъ меня ваша болѣзнь“.—„Чего жъ пугаться? Конечно, я чувствую сама, что скорымъ шагомъ приближаюсь къ вѣчности“.

Я видѣла, что нельзя ее везти, не давши отдохнуть, просила, чтобъ ночевать на станціи, но мужъ мой сказалъ мнѣ: „Ты не ночуешь здѣсь, а поѣдешь со мной“, сколько я ни упрашивала, чтобъ онъ не отнималъ у меня удовольствія быть при матери: „По крайней мѣрѣ, я увижу, какова она будетъ, и можно ли ее будетъ везти“. Онъ отвѣчалъ: „И безъ тебя все сдѣлаютъ“. И пошла къ свекрови моей. Она, увиди мою блѣдность и опухшіе глаза, обняла меня и спросила: „Что тебѣ сдѣлалось?“ Я отвѣчала, что мы сейчасъ ѣдемъ, а больная останется, то я боюсь, чтобъ она не кончила жизнь,—я упала къ ней на колѣни. „Сдѣлайте первую мнѣ милость; останьтесь при ней—я спокойнѣй буду!“ Она заплакала и сказала, что ежели бы я и не просила ее, то она не оставить ее безъ себя и будетъ сохранять покой ея, сколько возможно. Нянн моей съ нами не было: она отправлена была напередъ въ городъ для приготовленія тамъ нужнаго. Итакъ мы, оставя нашу мать, поѣхали въ городъ. Мнѣ казалось, что я ее ужъ не увижу, и я почти не помнила, какъ эта дорога кончилась. Пріѣхали мы въ городъ къ ужину. Няня насъ встрѣтила и приготовила ужинъ. Я ничего не могла ѣсть, только что плакала. И мои горькія слезы болѣе дѣлали смѣха въ его племянницѣ, нежели участія, которое бы она должна принять: мать моя была ея благодѣтельница.

Послѣ ужина мы пошли спать. Она стала съ дядей прощаться и заплакала. Онъ встревожился и сказалъ ей: „Отчего ты, моя милая, огорчаешься? Я знаю: твоя любовь ко мнѣ такъ велика, что тягостно для тебя и ночь проводить, не видавши меня. А жена моя съ радостью бы осталась бы при матери своей: вотъ какая разница между вами,—то я не допущу, чтобъ ты гдѣ-нибудь спала, кромѣ нашей спальни!“. Я молчала, а няня моя зарыдала и вышла вонъ, сказавши: „Вотъ участь моего ангела!“ Мужъ мой чрезвычайно разсердился и сказалъ мнѣ: „Ты съ ней навсегда разстанешься, и запрещаю тебѣ съ ней говорить, и чтобъ она при тебѣ никогда не была!“ А племянница ему сказала: „Я боюсь, чтобъ она не сказала вашей матушкѣ, то не лучше ли будетъ ее отправить въ деревню тотчасъ?“ Я сказала, что сего сдѣлать нельзя,—она одна остается, которая можетъ быть около больной: я вижу, что мнѣ быть—только тогда, когда позволятъ, то нельзя отнять послѣдняго спокойствія отъ умирающей.—„А въ разсужденіи того, что вы опасаетесь, чтобъ она не сказала, то, я васъ увѣряю,—будьте спокойны: она никогда и никому не будетъ говорить; но для меня мудрено, чего тутъ бояться, когда вы любите вашего дядю? Я и сама моихъ дядей люблю и не боюсь, ежели весь свѣтъ узнаетъ о моей привязанности“. И я сіе истинно и отъ добраго сердца говорила, не зная порочной любви. Итакъ мы пошли спать. Няня моя хотѣла войти меня раздѣть, но ей сказали, что ни услугъ ея, ни совѣтовъ больше для меня не надо и чтобъ она не осмѣливалась входить туды, куды ей было запрещено.

Вотъ другая горесть для моего ужъ угнетеннаго сердца! И спросила: „Скажите, Бога ради, чѣмъ она васъ прогнѣвала, что вы такъ жестоко съ ней поступаете? Я льстила себя надеждою, что вы за меня будете ей благодарны, что она меня воспитала. Видно, я во всемъ обманута! Мнѣ сказали, что мужъ меня будетъ любить не меньше, какъ мать меня

любила, и будетъ меня беречь, но я не знаю, что это за любовь мудреная? Скажите мнѣ, любите ли вы меня?“ Онъ спросилъ у меня то жъ. Я ему отвѣчала: „Я бы васъ любила, ежели бы вы не отнимали у меня того, что мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе, и не разлучали меня съ тѣмъ, кто мнѣ любезенъ. Я у васъ у самихъ спрашиваю: что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, если бы съ вами было поступлено такъ жестоко, какъ со мной?“ Говоривши, я горько плакала и бросилась обнимать его: „Не мучьте меня, вы мнѣ для того даны, чтобъ услаждали мою горесть и любили меня, а отъ меня вы увидите любовь, почтеніе и повиновеніе“. Онъ самъ тронулся и сказалъ: „Я тебя люблю“.—„Ежели вы меня любите, то дайте мнѣ слово не запрещать мнѣ быть съ матерью и няней. Я ничего не буду съ ними говорить такого, которое вамъ не угодно. Вы сами мнѣ предпишете, что говорить и что не говорить. Я вамъ обѣщаюсь никогда съ ними не быть наединѣ, а буду въ присутствіи нашей матери, которая будетъ слышать мои разговоры и видѣть мои поступки. Я теперь скорѣе откроюсь ей, нежели моей матери: мнѣ такъ сказано, что она заступила мѣсто моихъ друзей“. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и сказалъ: „Вы не должны говорить и моей матери все. Я не хочу, чтобъ она знала все то, что происходитъ въ твоемъ сердцѣ и между нами“.

Я сдѣлалась точно деревянная и молчала нѣсколько времени; даже и слезы мои остановились, духъ у меня заняло, и дыханіе становилось очень тяжело. Онъ испугался, побѣжалъ за водой, и няня его увидѣла встревоженнаго, спросила, что съ нимъ сдѣлалось; онъ только кричалъ: „Воды!“ Она налила воды и сама побѣжала ко мнѣ, сказавши: „Теперь меня никто не удержитъ!“ Пришедши ко мнѣ и увидя меня, блѣдную и распаланную, затряслась и дала пить воды. У меня и вода не проходила: я глотать не могла. Она бросилась на колѣни передъ мужа моего и просила, чтобъ онъ не отсылалъ ее отъ меня: „Вы еще не знаете ея, каковы у ней чувства: она умретъ!“ Нечего ему было дѣлать! Онъ сказалъ: „Смотри за ней и помогай: я не могу быть съ ней,— я и самъ не въ лучшемъ положеніи“,— и ушелъ съ племянницей въ другую спальну, которая была приготовлена для матери моей. Она сѣла возлѣ меня и спрашивала, что со мной сдѣлалось? Я посмотрѣла на нее и сказала: „Вы меня учили быть искренней и ничего въ сердцѣ моемъ не скрывать. Вы же мнѣ сказали, чтобы мужа любить и повиноваться во всемъ и исполнять его волю,—то я спрошу у тебя теперь: точно ли это есть мой долгъ?“ Она мнѣ сказала: „Безъ любви и повиновенія не можетъ быть человѣкъ счастливъ, а особливо къ мужу“.—„По о неискренности что ты мнѣ скажешь?“—„И это необходимо, но надо дѣлать съ разсмотрѣніемъ, къ кому быть искренной,—а не ко всякому“.—„Кого жъ вы мнѣ назначаете, и съ кѣмъ я должна быть откровенна?“—„Къ мужу и болѣе ни къ кому, въ его матери, которая истинно васъ любитъ, и она вамъ подастъ совѣтъ добрый и полезный“.—„Видно, я теперь совсѣмъ въ другой школѣ: первое мое ученіе приносило сердцу моему радость и спокойствіе, а новѣйшее— дѣлаетъ скорбь и уныніе. Еще вы меня научили терпѣть и молчать, то сіе послѣднее ученіе мнѣ полезнѣе теперь будетъ. Ты—мой другъ, и я тебя много люблю и почитаю, и болѣе у меня ничего не спрашивай“. Она заплакала и проспла меня лечь, но я сказала: „Я спать не хочу и не могу“. Пошла и посмотрѣть, спокоенъ ли мой мужъ, и нашла его покойно спящаго на одной кровати съ племянницей, обнявшись. Моя невинность и незнаніе такъ были велики, что меня это не тронуло, да я и не секретничала. Пришедши къ нянѣ, она у меня спросила: „Что, матушка, каковъ онъ?“ Я сказала: „Слава Богу, онъ спитъ очень спокойно съ Вѣрой Алек., и она его дружески обняла“. Няня, посмотря на меня очень пристально и видя совершенное мое спокойствіе, замолчала, только очень тяжело вздохнула. Я, посидѣвши у окна и мыслила, что—сама не знала: думала и о матери моей, жива ли она, но утѣшалась тѣмъ, что она не одна.

Въ это время начинало восходить солнце, и я вспомнила мое спокойное время, въ которое я сижинала на берегу съ матерью моей или съ нянею, и какое я чувствовала тогда спокойствіе, и сравнила съ теперешнимъ мучительнымъ моимъ состояніемъ. Слезы невольно полились, и я сказала: „Не знаю, лучше ли вы сдѣлали, давши мнѣ мужа, и вывели меня изъ самаго счастливаго состоянія и дали мнѣ очень рано чувствовать горесть“. Она, смотря на меня, сказала: „Успокойся, моя неоцѣненная, и вспомни: развѣ нѣтъ Бога, Который внимаетъ моленіямъ сердца чистаго и невиннаго? Поручай Ему всѣ твои скорби—Онъ утѣшитель твой; Онъ дастъ силы и крѣпость къ снесенію всего непріятнаго, только вѣрь и надѣйся и люби Его: Онъ любящихъ Его никогда не оставляетъ. Кажется, довольно утѣшенія для сердца твоего,—не жалуйся на насъ: мы никогда тебѣ не желали несчастія; а ежели бы возможно, то жизнію бы своей купили для тебя счастіе. Сегодня къ вечеру будетъ ваша матушка; ста-

райтесь себя, сколько можно, успокоить, чтоб она не замѣтила горести вашей: вы ей можете ускорить и приблизить смерть".

Послѣ смерти матери А. Е. съ мужемъ окончательно переселяются въ городъ. „Племянницу свою мужъ взялъ къ себѣ жить. День всѣ вмѣстѣ, а когда расходились спать, то ночью приходила къ намъ его племянница и ложилась съ нами спать. А ежели ей покажется тѣсно, или для другихъ какихъ причинъ, которыхъ я тогда не понимала, меня отправляли спать на канапе. Я же рада была, что я одна, и могу на свободѣ мыслить и рано вставать но привычкѣ моей, чего мнѣ мужъ не позволялъ и велѣлъ не ранѣе съ постели вставать, какъ въ одиннадцатомъ часу. И для меня это была пытка и тоска смертельная—не видѣть восходу солнца и лежать, хотя бъ я и не спала. И эта жизнь мени довела до такого разслабленія, что я точно потеряла сонъ и аппетитъ и ни въ чемъ вкусу не имѣла, сдѣлалась худа, желта; и въ такомъ положеніи была недѣли четыре.

Свекровь моя сокрушалась обо мнѣ и сама сонъ потеряла, и въ одну ночь захотѣлось ей посмотрѣть, сплю ли я. Вошедши очень тихо, нашла меня, лежащую на канапе, а мужа моего съ племянницей: она, увидя, задрожала и вышла вонъ. На другой день пришла ко мнѣ, потому что я ужъ и встать не могла отъ боли головной. И какъ осталась со мной наединѣ, то спросила у меня, почему я сплю на канапе. Я отвѣчала: „Мнѣ сказано, что тѣсно Вѣрѣ Алекс. и безпокойно, то я и оставляю ей быть покойной, не думая о себѣ". Она заплакала и укоряла меня нескрепностію моею, что я ей до сихъ поръ ничего не говорила. Я ей отвѣчала, что я сочла сіе лишнимъ.—„Да я бы васъ просила, какъ мать и благодѣтельницу мою, чтоб вы оставили меня здѣсь, когда поѣдете въ Петербургъ. Я ни на что вамъ не надобна, а для другихъ я могу еще быть полезна; и увѣрню васъ, что не буду и жаловаться на вашего сына, а буду винить себя, что я не умѣю ни любить, ни угождать мужу. Какая вамъ будетъ радость видѣть въ мученьѣ ту, которую вы любите и которая никакого худа вамъ не сдѣлала и могла бы любить сына вашего, ежели бы онъ захотѣлъ? Сдѣлайте милость,— отвезите меня въ деревню, чтобъ я тамъ умерла въ глазахъ друзей монхъ! И вы, конешно, не откажете въ послѣдней милости побыть со мной; мнѣ очень пріятно васъ всегда видѣть, и я васъ не меньше люблю моей матери. Вспомните, что при смерти матери моей я вамъ вручена, и, кромѣ васъ, въ мірѣ никого у меня нѣтъ: родные мои и друзья всѣ отъ меня отдалены и развлучевы со мной!"

Она горько плакала и сказала: „Что жъ ты, мой другъ, такъ себя убиваешь? Богъ милостивъ, все можетъ поправить! Будемъ молиться и надѣяться. Мнѣ кажется, мужъ тебя любитъ; иначе,—на что жъ бы ему и жениться? Его никто не принуждалъ!"—„Мудреная для меня эта любовь! Не всѣ ли такъ любятъ тамъ, куда онъ меня везти хочетъ, и не это ли воспитаніе, которое называютъ лучшимъ и просвѣщеннымъ? На что вы мена вывели изъ моего блаженнаго состоянія и дали такъ рано чувствовать горести сердечныя? Вы знали меня коротко и знали, что я жила среди друзей и ихъ любовью возрастала и веселилась. Что жъ теперь со мной будетъ? Ахъ, какъ бы я желала соединиться съ моей почтенной матерью! Одно еще есть, которое заставляетъ биться сердце мое,—любовь къ брату, который во мнѣ все видитъ. Посмотрите за нимъ, милая матушка, и не давайте хоть ему чувствовать потерю всего!" Она обняла меня и сказала: „Успокойся же, моя неоцѣненная дочь и другъ! Ты во мнѣ все найдешь: я все буду съ тобой раздѣлять!" И тотъ день она отъ мена не отходила.

Къ вечеру сдѣлался у меня жаръ и бредъ и, говорить, ничѣмъ больше не бредила, какъ знала мать мою и всѣхъ монхъ друзей, чтобъ они меня взяли къ себѣ. Свекровь моя сидѣла цѣлую ночь въ страхѣ и даже въ отчаяніи возлѣ меня, а мужъ мой уѣхалъ на рудники. Поутру позвали штабъ-лѣкаря, который сказалъ, что у меня жестокая и опасная горячка, и онъ сумнѣвается, перенесу ли я. Свекровь бросилась на колѣни передъ нимъ: „Спасите, Бога ради, и употребите всѣ способы къ выздоровленію ея! Вы—другъ ея матери, и надо вамъ знать причину болѣзни ея: сильное потрясеніе во всей, сдѣланное потерей матери ея, и отлученіе друзей сдѣлали эту болѣзнь". И я была двадцать дней безъ надежды!."

Черезъ два мѣсяца, однако, А. Е. совсѣмъ оправилась. „Однажды вечеромъ,—продолжаетъ она,—сидѣла я въ своей комнатѣ, читала. Мужъ мой пришелъ ко мнѣ и очень ласкалъ меня и спросилъ: „За что ты сердишься на бѣдную Вѣру Алек.?" Я ему сказала: напрасно онъ думаетъ, чтобъ я на нее сердилась. „Я даже у вашей матушки спрашивала объ ней: она приказала мнѣ замолчать и не поминать объ ней, сказавши, что я ее видѣть не хочу; то вы спросите у ней причину, чѣмъ ее Вѣра Алек. прогнѣвала, а я даже не знаю, давно ли она у насъ не была и почему". Мужъ мой

сказалъ: „Съ самаго начала твоей болѣзни она была прибита и выгнана ни за что моей матерью“. Меня чрезвычайно удивило сіе. „Зная кротость и добрый ндравъ моей свекрови, удивляетъ меня очень сказанное вами, и безъ причины матушка не поступила бъ съ ней такъ жестоко, а болѣе тѣмъ, что она любимая была ея внучка. Вы бъ постарались узнать причину и заставить у матушки просить прощенья“. Онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я это сдѣлала и просила бъ за нее, чтобъ позволено было ей жить у насъ до нашего отъѣзда. Я сказала, что мнѣ запрещено объ ней говорить, то я и не смѣю. Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердитымъ видомъ и сказалъ: „Я требую, чтобъ это было исполнено, иначе не получишь отъ меня ни любви, ни ласки, и опять все будетъ отъ тебя отнято. Я сейчасъ ѣду къ ней и ночь тамъ проведу пріятнѣе, нежели здѣсь. Ты думаешь, что я не знаю, что это твои затѣи?“ Я, заплакавши, отвѣчала: что въ мысляхъ моихъ не было, объ чемъ онъ мнѣ говорилъ: „И вы сами же мнѣ сказываете, что въ мою болѣзнь она выгната, то могла ли я тутъ участвовать?“ Онъ, ни слова не говоря, уѣхалъ. Свекровь моя дожидалась насъ долго и, не дождавшись, вошла ко мнѣ, и, увидя меня одну и расплакану, стала спрашивать. Я ей все разсказала. Она было разгорячилась, но я сказала: „Что жъ вы со мной сдѣлаете, и опять отнимете спокойствіе. Вѣдь онъ будетъ же къ ней ѣздить: онъ и сегодня хотѣлъ тамъ ночевать,—то я не знаю, лучше ли вы сдѣлаете? Люди могутъ разгласить о его поведеніи, то вамъ же непріятно будетъ. Ахъ, любезная матушка, на что вы торопились меня сдѣлать несчастной, не узнавши прежде его характеру? Къ несчастью моему, я вижу, что у него нѣтъ ничего святого. Я боюсь, чтобъ онъ и къ вамъ не потерялъ уваженія; тогда что вы будете дѣлать? Находите теперь средства спасать меня, сколько можно“.

И я ужъ не знаю, какъ и что было, но черезъ нѣсколько дней явилась Вѣра Алек. и совсѣмъ жить до нашего отъѣзду, а моя жизнь была вся въ страданіяхъ. Мужъ мой приставилъ за мной смотрительницей свою племянницу, чтобъ безъ нея нигдѣ не была и ни съ кѣмъ ничего не говорила, думая, что я буду жаловаться. Но у меня и въ намѣреніи не было сего. Свекровь моя ей велѣла, чтобъ она только день съ нами была, а послѣ ужина тотчасъ приходила бы въ ея комнату. Но и въ день, гдѣ мы сиживали одни, бывали такія мерзости, на которыя невозможно было смотрѣть. Но я принуждена была все выносить, потому что меня не выпускали. Я отъ стыда, смотря на все это, глаза закрывала и плакала. Наконецъ, и плакать перестала. Я твердое предприняла намѣреніе не жить съ моимъ мужемъ, а остаться въ Сибири, но я молчала до тѣхъ поръ, пока не собирались.

Въ одинъ вечеръ мужа моего не было дома. Я пришла къ свекрови и сказала, чтобъ они ничего моего не укладывали. „Я съ ними не поѣду, хотя мнѣ и не легко сіе сдѣлать. Но божусь вамъ, что силъ моихъ не достанетъ къ перенесенію всѣхъ мерзостей! Я столько молода, что боюсь себя, чтобъ не увѣриться, что нѣтъ ни въ чемъ грѣха и ни въ чемъ себѣ не отказывать. Что жъ тогда со мной будетъ? И каково вамъ будетъ смотрѣть на стыдъ вашей дочери и сына? Это васъ можетъ убить. Я вижу, что онъ будетъ показывать обо мнѣ сожалѣніе, но не вѣрьте. Пусть онъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ! Увѣряю васъ, что не буду никому жаловаться, и всѣ будутъ думать больше обо мнѣ и винить меня по молодости моей. Я же знаю, что вы достатку не имѣете и жалованье малое, то я вамъ дамъ вѣрющее письмо къ Демидову, отъ котораго вы получите изъ шестнадцати тысячъ половину. Болѣе я ничего для васъ сдѣлать не могу, а вы мнѣ сдѣлаете вѣчное спокойствіе и докажете, сколько вы милостивы ко мнѣ, что безъ прекословія и безъ огорченія оставите ту, которая васъ никогда не перестанетъ любить и почитать и называть своей доброй матерью. Теперь онъ можетъ исполнить свое обѣщаніе, данное Вѣрѣ Ал., чтобъ никогда съ ней не разлучаться. За что же вы хотите меня мучить? Я, кромѣ моей любви и почтенія, вамъ ничего не сдѣлала, но прошу васъ ему за меня не выговаривать, чѣмъ докажете мнѣ послѣднюю вашу любовь. Пусть онъ думаетъ, что я его не люблю, въ чемъ я и признаюсь вамъ. Не вините меня, что я столь чистосердечно съ вами говорю. Вы сами меня оправдаете, что такого мужа любить невозможно. Вы мнѣ скажете, что я могу себя принудить любить? Этого невозможно. Я вамъ и льстить не хочу такимъ манеромъ: никого нельзя заставить любить. Вотъ, моя почтенная мать, я вамъ все сказала, что было въ сердцѣ моемъ и нарочно говорю при моихъ родныхъ, чтобъ рѣшеніе мое и имъ было извѣстно“.

Они всѣ стояли, какъ деревянные, а свекровь моя сѣла и молчала, только плакала. Первый дядя мой началъ говорить, что онъ не одобряетъ моего поступка и чтобъ я вспомнила данное матери моей слово при концѣ жизни ея, „что все буду выносить и терпѣть“. „И ты знаешь ли, мой другъ, противъ кого ты идешь?—противъ Бога. И можешь ли

ты разорвать тѣ узы священныя, которыми ты соединена навѣки? И кто тебѣ далъ сіе право располагать твоею участью? Тебя всегда учили предаваться въ волю Спасителя нашего и въ Немъ одномъ искать своего утѣшенія и крѣпости силъ твоихъ. И почему ты знаешь, оставя мужа твоего, будешь ли ты спокойна и счастлива и не станетъ ли совѣсть твоя тебя укорять? И чему ты подвергаешь свою молодость?— стыдъ и нареканіе. И твои родные будутъ слышать и страдать. И ты обезпокоишь прахъ родителей твоихъ. Думаешь ли ты, что они не будутъ страдать, видя тебя нарушающую всѣ должности брака? Это одно должно быть для тебя ужасно, и правосудіе Божіе постигнетъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты одна въ свѣтѣ терпишь такъ много? Повѣрь, моя любезная, гораздо несчастнѣе и хуже есть супружества, и есть такія жены, которыя оставлены самимъ себѣ, безъ друзей, безъ подпоры, а къ тебѣ еще милосердъ Создатель нашъ—далъ тебѣ друга истиннаго въ свекрови твоей,— и ты еще жалуешься!"

Мать моя вдругъ бросилась передъ меня на колѣни: „Умоляю тебя прахомъ матери твоей и моей горестью: не веди старость мою во гробъ съ мученіемъ! Я тебя увѣряю, что не поѣдетъ съ нами Вѣра Алек. Ежели онъ будетъ усиливаться и я не буду въ силахъ чего сдѣлать, то обѣщаю тебѣ не ѣхать съ нимъ и съ тобой остаться здѣсь". И я сама бросилась къ ней и съ горькими слезами обѣщала ее не оставлять. Дяди и тетка меня обнимали и благословляли за доброе намѣреніе. Итакъ, всѣ успокоились кромѣ меня".

Изъ революціоннаго прошлаго.

[323(47)]

Пружины контръ-революціи.

По поводу покушеній на гр. Витте и убійства Іоллоса, однимъ изъ свидѣтелей по дѣлу подготовлявшаго эти политическія преступленія извѣстнаго охранника Казанцева привелъ на допросѣ слова другого свидѣтеля, тоже охранника, близко стоявшаго къ Казанцеву: „Если бы заговорить, то полетѣли бы такіе тузы, которыхъ никто и не подозрѣвалъ". Авторъ очерка „Семь лѣтъ назадъ" („Рус. М.", февраль), гдѣ подробно, на основаніи данныхъ офиціальнаго разслѣдованія, разсказаны исторіи покушеній на гр. Витте и судьба ближайшаго руководителя этихъ покушеній,— авторъ очерка, Л. Львовъ, меньше всего имѣлъ возможность повѣдать обществу объ участіи въ указанныхъ „дѣлахъ" такихъ именно *тузовъ*, т.-е. дать самыя интересныя, самыя важныя свѣдѣнія. Все же, однако, автору удалось освѣтить кое-что весьма значительное въ этой таинственной, „подводной" области.

„Прежде всего заслуживаетъ особаго вниманія и интереса, что о покушеніяхъ на графа Витте говорили *задолго до ихъ обнаруженія*, и говорили въ кругахъ *въ достаточной мѣрѣ офиціальныхъ*.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерно показаніе князя М. М. Андроникова, данное имъ 22 января 1909 г.

„Съ графомъ С. Ю. Витте я въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Когда въ 1906 г. графъ Витте, оставивъ должность премьеръ-министра, уѣхалъ за границу и затѣмъ осенью стали появляться слухи о его возвращеніи въ Петербургъ, то среди вообще всѣхъ, а въ особенности правыхъ партій стали упорно циркулировать слухи о томъ, что гр. Витте является причиною всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію и что возможны покушенія на его жизнь. Это обстоятельство побудило меня послать первую телеграмму въ Парижъ графу Витте съ просьбою продлить свое пребываніе за границею. Отвѣта никакого изъ эту телеграмму я не получилъ. Когда послѣ этого было уже почти назначено время возвращенія гр. Витте въ Россію и я изъ неоднократныхъ разговоровъ *съ тогдашнимъ градоначальникомъ генер.-фонъ-деръ-Лауницъ* могъ вывести заключеніе, что возмущеніе противъ графа Витте настолько усиливается, что вполнѣ возможно ожидать покушенія на его жизнь, то я послалъ въ Парижъ вторую телеграмму".

„Одни слухи и разговоры о возможности покушенія на гр. Витте не склонили бы меня послать телеграмму, но когда градоначальникъ на мои распросы сказалъ мнѣ, *что покушеніе вполнѣ возможно и что онъ не въ силахъ предотвратить этой возможности*, то я считалъ опасность совершенно опредѣленною и серьезною".

Особенно знаменательно, что генералъ Лауницъ предусматривалъ покушеніе потому, что зналъ, что „возмущеніе противъ гр. Витте настолько усиливается, что возможно ждать покушенія".

Чье возмущеніе и откуда покушеніе?

Вотъ вопросы, на которые отвѣты напрашиваются сами собой. Вѣдь даже тогда, когда еще покушенія не было, но оно уже было предугадано градоначальникомъ, для послѣдняго не было сомнѣній, что не революціонеры готовятъ это покушеніе.

Чѣмъ же объясняется освѣдомленность ген. Лауница? Почему онъ былъ безсиленъ „предотвратить покушеніе“?

О вторично готовившемся покушеніи зналъ уже не одинъ Лауницъ. Знали всѣ и въ томъ числѣ многіе члены Государственнаго Совѣта и самъ предсѣдатель его, который *именно въ виду ожидавшагося покушенія отмѣнилъ засѣданіе Государственнаго Совѣта, назначенное на 26 мая 1907 г.* (Показаніе бывшаго мин. вн. д. П. Н. Дурново на допросѣ 15 янв. 1909 г.).

Здѣсь идетъ рѣчь о покушеніи, подготовлявшемся Казанцевымъ и не состоявшемся въ виду гибели самого Казанцева, убитаго слѣпымъ исполнителемъ его порученій Ѳедоровымъ.

Особенно любопытны показанія самого графа С. Ю. Витте, данныя 27 декабря 1908 г.

„...Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія у меня въ домѣ адскихъ машинъ*) я получилъ письмо, въ которомъ требовалось 5.000 р. Въ письмѣ говорилось, что если адскія машины не удались, то будетъ устроено на меня вторичное покушеніе и что отвѣтъ ожидается въ швейцарской Народнаго дома. Я тогда же отправилъ это письмо директору департамента полиціи.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я получилъ второе письмо съ разсылнымъ, въ которомъ подтверждалось съ угрозами требованіе перваго письма, при чемъ предлагалось деньги въ конвертѣ вручить разсыльному. Въ эту зиму у меня на квартирѣ постоянно находился агентъ охраннаго отдѣленія. Я позвалъ къ себѣ этого агента, вручилъ ему полученное письмо, объяснилъ въ чемъ дѣло и сказалъ, чтобы онъ прослѣдилъ за разсыльнымъ, которому выслалъ запечатанный конвертъ, въ которомъ находилась бумага.

„Какой результатъ былъ этого прослѣживанія, я не знаю. Мнѣ писемъ болѣе не вернули, и я никогда болѣе никакихъ увѣдомленій отъ департамента полиціи или охраннаго отдѣленія не получалъ. А такъ какъ агенты охраннаго отдѣленія оказались совершенно безполезными, ибо не предупредили заложенія адскихъ машинъ въ моемъ домѣ, готовившагося на меня покушенія бомбами и, наконецъ, не приняли рѣшительно никакихъ мѣръ къ открытію виновныхъ, хотя это было сдѣлать довольно легко, то затѣмъ я болѣе и не просилъ о ихъ назначеніи ко мнѣ.

„...Я многократно слышалъ различные разсказы, съ которыми связаны событія вышеизложенныя. Изъ этихъ разсказовъ я пришелъ къ положительному заключенію, что одни и тѣ же лица руководили убійствами Герценштейна, Іоллоса и покушеніями, сдѣланными на меня. Что въ частности то же лицо, которое убило Іоллоса (Ѳедоровъ), клалъ мнѣ черезъ крышу адскія машины и долженъ былъ мнѣ бросить бомбу. Что лица, руководившія этими дѣлами — единомышленники крайнихъ правыхъ партій, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ находятся на государственной службѣ.*) Такъ сказать, довѣренный этихъ лицъ, нѣкто Казанцевъ (тотъ молодой человѣкъ, который былъ убитъ на пригородной дорогѣ), или ранѣе служилъ или находился въ какой-то связи съ охранными отдѣленіями. Въ заключеніе я глубоко убѣжденъ, что при соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ всѣ преступленія по убійствамъ Герценштейна, Іоллоса и покушеніе на меня были бы открыты“.

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ нахожденія въ домѣ графа Витте бомбъ была пущена версія о томъ, что это не покушеніе, а лишь симуляція. Особенно усердно эта версія муссировалась въ „Русскомъ Знаменѣ“.

Любопытно сопоставить съ этой версіей показанія бывшаго секретаря „Рус. Зн.“ Пресакова. Довѣренный только въ февралѣ 1909 года, онъ показалъ, что въ теченіе около двухъ лѣтъ, вплоть до 10 іюня 1907 г., онъ состоялъ секретаремъ редакціи газеты „Рус. Зн.“ Въ декабрѣ 1906 года д-ръ Дубровинъ прислалъ его достать подробный планъ дома гр. Витте, при чемъ заявлялъ, что этого желаетъ большая особа для изобличенія гр. Витте въ двоедушіи и предательствѣ. При этомъ Дубровинъ, по словамъ Пресакова, объяснилъ ему, что у гр. Витте имѣется компрометирующая переписка, которую необходимо получить. Для этого-то нуженъ планъ дома, чтобы возможно было ориентироваться при обыскѣ и занять выходы и входы. По словамъ свидѣтеля, Дубровинъ говорилъ, что особа обращается съ этимъ къ главному совѣту союза русскаго народа, такъ какъ „не довѣряетъ высшему правительству съ премьеръ-министромъ во главѣ“.

Затѣмъ свидѣтель, называя нѣкоторыя имена, показалъ, что еще за два дня до покушенія взорвать домъ графа Витте, онъ видѣлъ въ редакціи „Рус. Зн.“ черновой набросокъ статьи о состоявшемся покушеніи, при чемъ

*) 28 янв. 1907 г.

*) Двое изъ такихъ обнаруженныхъ официальнымъ разслѣдованіемъ лицъ указаны въ очеркѣ Л. Львова: чиновникъ для особыхъ порученій п и моск. ген.-губ. гр. А. А. Буксгевденъ и контролеръ контроля мин. имп. двора Д. Ф. Гоффштеттеръ.

въ статьѣ указывалось, что это дѣло рукъ революціонеровъ. Черезъ нѣсколько дней, когда покушеніе было обнаружено, по указанному выше наброску свидѣтелю была продиктована статья, которая и была напечатана въ № 24 „Рус. Зн.“ отъ 31 марта 1907 г. Въ этой статьѣ, приложенной къ дѣлу, указывается на то, что графъ Витте, находясь не у дѣлъ, не можетъ вліять на ходъ событій, не можетъ быть „опаснымъ“, такъ какъ никогда „не вернетъ потерянной власти“, и далѣе спрашивается: „Чего же хотятъ кровожадные безумцы, вкладывающіе адскія машины въ печь, неужели убійства ради убійства, крови ради крови?..“

Черезъ день послѣ покушенія взорвать домъ гр. Витте, Пруссаковъ, по его словамъ, случайно оказался свидѣтелемъ того, какъ Дубровинъ велъ разговоръ съ двумя неизвѣстными лицами, которыя упрекали его въ алчности и неправильномъ расчетѣ и угрожали „все разсказать графу Витте“. Дубровинъ, по словамъ Пруссакова, передавалъ этимъ неизвѣстнымъ деньги, и когда они ушли и Дубровинъ замѣтилъ, что онъ, Пруссаковъ, могъ видѣть и слышать происходившее, Дубровинъ сказалъ ему, Пруссакову, что это приходили „шантажисты отъ лѣвыхъ и графа Витте“ и требовали 6 тыс. руб., угрожая ложнымъ доносомъ, что покушеніе взорвать домъ гр. Витте было устроено союзомъ русскаго народа.

Докторъ Дубровинъ на допросѣ категорически отрицалъ это, какъ Гофштеттеръ отрицалъ всякое знакомство съ Казанцевымъ, а Буксгевденъ называлъ послѣдняго управляющимъ своего дома.

Пущенная „Рус. Зн.“ версія о симуляціи нашла себѣ отголосокъ и въ Государственной Думѣ, гдѣ этотъ вздоръ позволилъ себѣ повторить съ трибуны правый депутатъ Келеповскій. Странно отношеніе къ этой версіи офиціальныхъ лицъ столыпинскаго кабинета. Они знали всѣ подробности. Градоначальникъ предупреждалъ задолго о покушеніи, а между тѣмъ даже въ первоначальномъ постановленіи слѣдователя о прекращеніи дѣла отъ 15 іюня 1907 года говорилось, что „первый снарядъ, обнаруженный на вьюшкѣ, могъ быть положенъ и изъ комнаты“.

И это послѣ того, какъ эксперты ген. Забудскій и лаборантъ Ціаловъ удостовѣрили, что въ снарядахъ было по нѣсколько фунтовъ сильнѣйшаго взрывчатаго вещества, отъ взрыва котораго могли послѣдовать серьезныя разрушенія дома. Вѣдь помимо всего могла случайно лопнуть хрупкая стеклянная трубка, не говоря уже о томъ, что въ дѣляхъ симуляціи посылать людей на чердакъ спускать опасные снаряды — едва ли кому можетъ прійти въ голову...

Казанцевъ не новичокъ въ дѣлахъ праваго террора. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ убійствѣ Герценштейна,— это неопровержимо доказано рядомъ свидѣтельскихъ показаній, въ томъ числѣ столь, казалось бы, достовѣрнаго свидѣтеля, какъ жандармъ Запольскій. Затѣмъ онъ организуетъ покушеніе на гр. Витте. Покушеніе не удается, и Казанцевъ ѣдетъ въ Москву. Тамъ онъ въ это время организуетъ — и, къ сожалѣнію, успѣшно,— убійство Іоллоса. Затѣмъ онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ съ цѣлью организовать убійство гр. Витте.

И это его готовящееся покушеніе не остается тайной. Вѣдь именно въ виду ожиданія этого покушенія отмѣняется засѣданіе Государственнаго Совѣта 26-го мая. Стало быть и объ этомъ второмъ покушеніи власть освѣдомлена.

Знаютъ, что должно произойти, но никакъ „не могутъ“ узнать, кто же этотъ неуловимый, много лѣтъ орудующій „инициаторъ“!

Какое „безсиліе власти“! То, что покушенія ждали 26-го мая, указываетъ, что освѣдомленность была полная и точная. О днѣ покушенія власти имѣли самыя точныя свѣдѣнія. Только о покушавшемся не имѣли никакихъ свѣдѣній. И когда его убили, то полиція никакъ не могла опредѣлить, кто именно убитъ.

Настолько не могла, что 27-го мая обнаружилось убійство, а 15-го іюля судебный слѣдователь, занятый разслѣдованіемъ покушенія въ домѣ гр. Витте, постановилъ прекратить это дѣло — дѣло рукъ убитаго неизвѣстнаго, впослѣдствіи лишь оказавшагося Казанцевымъ.

Но какъ же случилось, что Казанцева не опознали?

Вѣдь имѣли дѣло не съ простымъ убійствомъ въ дракѣ или во время грабежа. Политическій характеръ убійства билъ въ глаза. Около убитаго нашли взрывчатыя вещества, бикфордовъ шнуръ. Напало были всѣ приготовленія къ террористическому акту. Извѣстно, какъ усиленно въ такихъ случаяхъ ведется разслѣдованіе.

И тѣмъ не менѣе Казанцева не опознаютъ. А вещи его, т.-е. единственные предметы, могущіе навести на слѣдъ, свободно беретъ специально командированный изъ Москвы человѣкъ, прикосновенный къ охранѣ, и, подписавшись фальшивымъ именемъ, передаетъ ихъ Буксгевдену, который послѣ тщательнаго ихъ осмотра передаетъ ихъ сожительницѣ покойнаго Илларіоновой.

Казанцева, состоявшаго агентомъ по розыску политическихъ преступниковъ (показаніе

жандарма Запольскаго), оказавшаго такую, между прочимъ, цѣнную услугу, какъ обнаруженіе склада бомбъ (показаніе Буксгевдена), по приказанію котораго арестуютъ на улицѣ людей (Семена Петрова), видного дѣятеля политическаго сыска — не опознали свои же агенты, несмотря на то, что лицо его далеко не было такъ обезображено, чтобы нельзя было узнать его. И тѣмъ болѣе, что полиѣ него нашли, повидимому, тѣ бомбы, которыя изготовлены были къ покушенію, о которомъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта былъ извѣщенъ заранѣе правительствомъ и рада котораго отмѣнено было засѣданіе Государственнаго Совѣта.

Какъ вообще личность такого агента могла оказаться неизвѣстною агентамъ? Непонятно, почему Буксгевденъ и Гофштетеръ не сочли нужнымъ поднять дѣло объ исчезновеніи Казанцева.

И только когда 17-го іюня судебный слѣдователь въ Петербургѣ получилъ отъ своего московскаго коллеги сообщеніе о томъ, что убитый — Казанцевъ,— вновь началось слѣдствіе.

Любопытно, что это „обнаруженіе“ совпадаетъ съ другимъ весьма важнымъ обстоятельствомъ. 19-го іюня вышла въ свѣтъ прокламація партіи соціалистовъ-революціонеровъ, въ которой устанавливается, что убитый не кто иной, какъ Казанцевъ, при чемъ разсказывается подробно о его дѣятельности. Прокламація помѣчена 19-го іюня. Вполнѣ вѣроятно, что охранныя власти заранѣе знали содержаніе прокламаціи, тѣмъ болѣе, что тогда еще дѣйствовалъ Азефъ. Такимъ образомъ, „опознаніе“ Казанцева революціей и полиціей состоялось одновременно. „Опознанный“ революціонерами Казанцевъ оказался „опознаннымъ“ и полиціей.

Любопытна и заслуживаетъ вниманія еще одна деталь. Пропадаетъ обыватель, жившій въ меблированныхъ комнатахъ, расположенныхъ въ центрѣ города. Черезъ нѣсколько времени является неизвѣстный и безъ всякой записки или довѣренности пропавшаго получаетъ его вещи. И содержатель меблированныхъ комнатъ ни тогда, ни впослѣдствіи не подвергается преслѣдованію за недонесеніе полиціи о такомъ фактѣ.

Чѣмъ объясняется такая вовсе не свойственная полиціи снисходительность, той полиціи, которая обычно строго требуетъ немедленнаго сообщенія свѣдѣній о пріѣзжихъ и выѣзжихъ? А тутъ такая мягкость! И въ какое время! Готовилось покушеніе, найдены бомбы, при нихъ убитый „неизвѣстный“...

Возобновленное при столь необычныхъ обстоятельствахъ слѣдствіе подтвердило, на основаніи показаній матери и брата Федорова, а также бывшаго члена совѣта рабочихъ депутатовъ Семена Петрова, уже извѣстныя намъ детали.

Выяснилось такимъ образомъ:

что Казанцевъ принималъ участіе въ убійствѣ Герценштейна, организовалъ убійство Іоллоса, дважды покушался на жизнь графа С. Ю. Витте— дѣйствовалъ съ вѣдома и согласія членовъ опредѣленной организаціи;

что онъ въ то же время состоялъ агентомъ по розыску и получалъ жалованье отъ лица, занимавшаго видное положеніе на государственной службѣ;

что онъ проживалъ по чужому паспорту, „пропавшему“ изъ охраннаго отдѣленія;

что онъ оказалъ охранному отдѣленію существенныя услуги, обнаруживъ, между прочимъ, складъ бомбъ;

что съ вѣдома и согласія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, Казанцевъ выдавалъ себя за революціонера и привлекалъ лицъ, дѣйствительно принадлежащихъ къ революціоннымъ партіямъ, къ участію въ террористическихъ актахъ при помощи бомбъ;

что въ Москвѣ устраивались частныя охранныя организаціи подъ руководствомъ лицъ, состоявшихъ на государственной службѣ.

Выяснилось также, что Казанцевъ далеко не ограничивалъ своихъ задачъ провокаціей, а преслѣдовалъ вполнѣ опредѣленную цѣль — убійство намѣченныхъ лицъ (Герценштейна и Іоллоса).

Если бы Казанцевъ преслѣдовалъ цѣль провокаціи, то вѣдь случай представлялся великолѣпный при спусканіи бомбъ въ трубы дома гр. С. Ю. Витте. Стоило только предварительно устроить засаду; Федоровъ и Степановъ были бы обнаружены на мѣстѣ преступленія съ бомбами. Казанцеву, или, вѣрнѣе, тѣмъ, для кого онъ „работалъ“, нужно было убить гр. С. Ю. Витте, какъ убиты были Герценштейнъ и Іоллосъ.

Для своего второго покушенія на жизнь гр. Витте Казанцевъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи и Федорова и Алексѣя Степанова, человѣка способнаго за деньги на все, вызвалъ изъ Архангельска имъ же, Казанцевымъ, недавно лишь преданнаго Семена Петрова.

Этотъ шагъ представляется несомнѣнно обдуманнымъ, ловкимъ тактическимъ пріемомъ. Вѣдь Семенъ Петровъ— бывшій членъ совѣта рабочихъ депутатовъ, арестованный впервые въ 1905 году, когда во главѣ правительства стоялъ гр. Витте, по распоряженію или, во всякомъ случаѣ, по иниціативѣ котораго былъ арестованъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Если

бы заговоръ обнаружился, если бы при удачѣ или неудачѣ покушенія злоумышленники были арестованы, то объясненія заранѣе готовы и могли быть преподнесены въ такомъ видѣ: Семенъ Петровъ, сосланный въ Архангельскую губернію, какъ членъ совѣта рабочихъ депутатовъ, бѣжалъ изъ ссылки, чтобы отомстить виновнику своей ссылки и разгрома совѣта рабочихъ депутатовъ...

Точно такъ же и убійства, совершенныя революціонеромъ Федоровымъ, могли быть легко свалены на революціонеровъ. Предъ нами отчетливо, но всѣхъ деталяхъ обдуманный планъ организаціи праваго террора руками одураченныхъ, скудныхъ разумомъ и знаніями революціонеровъ изъ простонародья. Въ своей собственной средѣ черносотенцы не могли найти людей, способныхъ пойти на жертву ради „идеи“, и, пользуясь агентами охраны, имѣющими связи съ революціонерами, построили оригинальный планъ. Вспомнимъ, что это было за время... Близился роспускъ 2-й Государственной Думы съ измѣненіемъ избирательнаго закона.

Актъ 3-го іюня былъ опубликованъ недѣлю спустя послѣ убійства Казанцева, послѣ того дня, когда ожидалось второе покушеніе на гр. С. Ю. Витте, почему и было отмѣнено засѣданіе Государственнаго Совѣта 26-го мая.

Тѣ, которые подготовляли покушеніе на гр. С. Ю. Витте, отлично учли моментъ. Гр. Витте явился бы жертвой, убійство которой вызвало бы необычайную сенсацію. Дѣло обставлялось такъ, что убійство можно было легко свалить на революціонеровъ. Смущенная рѣшительными политическими мѣрами общественная совѣсть была бы успокоена необходимостью борьбы съ призраками террора, не щадящаго и такихъ государственныхъ дѣятелей!

А вмѣстѣ съ тѣмъ погибъ бы и графъ С. Ю. Витте, котораго въ правыхъ газетахъ прямо называли измѣнникомъ и губителемъ отечества...

Планъ былъ хорошо обдуманъ. Но исполнители осѣклись. Все раскрылось, и выплыла на свѣтъ Божій такая чудовищная исторія, что ее можно было бы счесть бредомъ, если бы не лежали передъ нами сухіе официальные документы“...

Исторія убійства П. А. Столыпина.

Эта исторія впервые, въ связномъ, подробномъ, обстоятельномъ изложеніи, становится достояніемъ читающей публики. Разработалъ матеріалъ, сюда относящійся, — по официальнымъ документамъ,— Л. Ганъ, и очеркъ его напечатанъ въ мартовской кн. „Ист. Вѣст.“ Намъ нѣтъ надобности углубляться въ детали. Достаточно окинуть взоромъ ходъ событій и отмѣтить болѣе характерныя подробности дѣла. Поэтому, почти оставляя въ сторонѣ самую статью, воспользуемся, главнымъ образомъ, ея конспективнымъ обзоромъ, сдѣланнымъ „Рус. Вѣд.“ (№ 50).

Убійца Столыпина Богровъ, состоя студентомъ Кіевскаго университета, въ 1906 г. примкнулъ къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ, по его собственному показанію, будучи увлеченъ анархическими идеями. Въ 1907 г. онъ разочаровался въ своихъ товарищахъ и счелъ за благо дать исходъ этому разочарованію въ сотрудничествѣ въ мѣстномъ охранномъ отдѣленіи. Въ 1907 г. онъ явился къ начальнику этого отдѣленія Кулябку, вошелъ въ его довѣріе, сталъ получать отъ Кулябка опредѣленное жалованье, и въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ предалъ политической полиціи цѣлый рядъ подпольныхъ организацій. Въ 1910 г. онъ перекѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ составъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. По признанію Богрова, здѣсь онъ снова поставилъ себѣ задачей революціонную дѣятельность. Не примкнувъ ни къ какой революціонной организаціи, онъ возобновилъ сношенія съ политической полиціей и на основаніи рекомендательныхъ писемъ отъ Кулябка вошелъ въ довѣріе начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія фонъ-Коттена. Конецъ 1910 и начало 1911 г. онъ провелъ за границей; лѣто 1911 г. проживалъ у родителей на дачѣ близъ Кременчуга и здѣсь принялъ рѣшеніе убить Столыпина. Было ли это рѣшеніе принято самостоятельно, или оно было вынуждено требованіями со стороны революціонныхъ организацій, чтобы Богровъ чѣмъ-нибудь загладилъ свои предательства? Вотъ вопросъ, до сихъ поръ остающійся неясвымъ. Самъ Богровъ на разновременныхъ допросахъ далъ показанія и по первой, и по второй версіи *).

26 августа 1911 г. Богровъ сообщилъ Кулябку что въ дни предстоящаго пребыванія въ Кіевѣ государя въ Кіевъ пріѣдетъ знакомый Богрову революціонеръ „Николай Яковлевичъ“ съ цѣлью убить Столыпина. Выслушавъ это заявленіе и

*) На судѣ Богровъ заявилъ, что сначала, подъ давленіемъ партіи, у него явилась мысль убить Кулябка, ибо преступленіе это могло окончиться для него совершенно безнаказанно. Однако то довѣріе, которое оказывалъ ему Кулябко, и ласковое обращеніе съ нимъ постоянно останавливали его. 31 августа, ночью [illegible] онъ явился на квартиру Кулябка, тотъ [illegible] къ нему въ одномъ бѣльѣ, прикрытый [illegible]омъ, и ласково освѣдомился: „Въ чемъ дѣ[illegible]ло, батюшка?“ Это окончательно обезоружило [illegible] онъ вышелъ, не выполнивъ своего намѣренія.

сразу вполнѣ ему повѣрилъ, Кулябко тутъ же заявилъ Богрову, что въ цѣляхъ предупрежденія покушенія онъ можетъ предоставить ему доступъ во всѣ мѣста предполагаемыхъ торжествъ.

На слѣдующій день Кулябко сдѣлалъ обо всемъ этомъ докладъ Курлову, который былъ поставленъ во главѣ всей организаціи охраны въ Кіевѣ на время пребыванія тамъ Высокихъ гостей. Курловъ высказалъ было опасеніе, не заронитъ ли выдача Богрову билета на торжества сомнѣній въ душу знакомыхъ Богрова революціонеровъ. Но Кулябко отвѣтилъ, что Богровъ всегда сумѣетъ прінскать на такой случай правоподобныя успокоительныя объясненія. И, точно, правоподобное объясненіе нашлось: Кулябко разсорядился объяснить всѣмъ, что Богровъ получилъ билетъ на торжества по протекціи кафешантанной пѣвицы Регины!...

2 августа всѣ высшіе чины охраны были освѣдомлены о подготовляющемся террористическомъ актѣ. Но самъ глава правительства, которому и предстояло стать предметомъ покушенія, увѣдомленъ о томъ не былъ!

29 августа въ Кіевъ прибылъ государь. 31 августа, вечеромъ, предстоялъ торжественный пріемъ государя въ Купеческомъ саду, гдѣ долженъ былъ присутствовать и Столыпинъ. Въ пять часовъ этого дня Богровъ сообщилъ Кулябку, что „Николай Яковлевичъ“ уже пріѣхалъ въ Кіевъ и остановился въ его домѣ и съ нимъ пріѣхала еще „Нина Александровна“, что ими задумано, по порученію террористической группы, серьезное дѣло и что „Николай Яковлевичъ“ поручилъ ему, Богрову, установить точныя приметы Столыпина и Кассо, для чего ему нужно посѣтить Купеческій садъ, чтобы не вызвать въ „Николаѣ Яковлевичѣ“ недовѣрія. Получивъ билетъ въ садъ отъ Кулябка, Богровъ провелъ тамъ вечеръ и, не встрѣтивъ тамъ Столыпина, рѣшилъ осуществить свое намѣреніе на слѣдующій день, на парадномъ спектаклѣ.

Во второмъ часу ночи Богровъ явился къ Кулябку и заявилъ, что „Николай Яковлевичъ“ проводитъ эту ночь въ его квартирѣ, что на слѣдующій день готовится покушеніе на Столыпина и на Кассо, что „Нина Александровна“ имѣетъ при себѣ бомбы и что „Николай Яковлевичъ“ не сомнѣвается въ удачѣ, такъ какъ у нихъ имѣются таинственные высокопоставленные покровители.

Насталъ день 1 сентября. Только теперь Кулябко сообщилъ о готовящемся покушеніи генералъ-губернатору Трепову и адъютанту Столыпина Есаулову. Столыпинъ отнесся недовѣрчиво къ этому сообщенію и не придалъ ему значенія. Въ то же время Курловъ предостерегъ и Кассо и, узнавъ отъ директора департамента народнаго просвѣщенія, что Кассо ежедневно выѣзжаетъ въ рестораны, просилъ предложить Кассо изъ предосторожности прекратить эти выѣзды.

Между тѣмъ Богровъ увѣдомилъ Кулябка, что террористическій актъ, по всей вѣроятности, произойдетъ нечеромъ, на пути Столыпина въ театръ.

Надъ домомъ Богрова, гдѣ долженъ былъ находиться „Николай Яковлевичъ“, на весь день было установлено наблюденіе филеровъ. Филерамъ было сказано, что они должны выслѣдить „Николая Яковлевича“, когда онъ выйдетъ изъ дому и пройдетъ на Бибиковскій бульваръ, гдѣ его будетъ ожидать съ бомбой „Нина Александровна“, а затѣмъ они вмѣстѣ станутъ на линіи проѣзда. Филерамъ поручалось арестовать террористовъ только въ томъ случаѣ, если дальнѣйшее наблюденіе станетъ невозможнымъ.

Во всемъ этомъ очень характерны два обстоятельства. Охрана знаетъ, что готовится террористическій актъ; она знаетъ, гдѣ находятся террористы, и не думаютъ арестовать ихъ, а выжидаетъ, когда они начнутъ приступать къ осуществленію своего плана.

Второе замѣчательное обстоятельство состоитъ въ томъ, что за Богровымъ не было установлено никакого наблюденія, какъ-будто всѣ его заявленія заслуживали безграничной вѣры. Цѣлый день 1 сентября филеры ждали у дома Богрова выхода на улицу „Николая Яковлевича“ и, разумѣется, не дождались — по той простой причинѣ, что „Николай, Яковлевичъ“, такъ же какъ и „Нина Александровна“, были чистымъ изобрѣтеніемъ фантазіи Богрова. Вся эта сказка о двухъ террористахъ понадобилась Богрову только для того, чтобы добыть для себя билеты на торжества и усыпить всякую подозрительность охраны относительно его собственныхъ намѣреній.

И вотъ, пока филеры сторожили несуществующихъ „Николая Яковлевича“ и „Нину Александровну“, Богровъ съ полной свободой могъ готовиться къ выполненію имъ задуманнаго. Повидимому, онъ самъ удивлялся тому, что нигдѣ не находилъ призваковъ того, чтобы за нимъ слѣдили. Остальное извѣстно. Въ театрѣ Кулябко встрѣтилъ Богрова и прежде всего спросилъ его: „Что дѣлаетъ Николай Яковлевичъ?“ Богровъ попробовалъ успокоить Кулябка, сказавъ, что „Николай Яковлевичъ“ продолжаетъ находиться въ его квартирѣ. Кулябко однако не успокоился и предложилъ Богрову поѣхать домой слѣдить за нимъ. Богровъ сдѣлалъ видъ, что уходитъ, но, когда Кулябко отошелъ, онъ вернулся, вошелъ въ партеръ и выстрѣлилъ въ Столыпина.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Мартъ — II. • № 14

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

306. Живаго, Н. 087

Коротай Коротаевичъ. Нянина сказка. 1903. М., изд. „Задруга". 20 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Хорошая и талантливо написанная книжка. Опрятно изданная, иллюстрированная хорошо задуманными и хорошо исполненными рисунками автора, книга производитъ отрадное впечатлѣніе. Мило и просто разсказываетъ авторъ отъ лица няни сказочку о К. К. о томъ, какъ онъ грома боялся. Читая эту сказочку, становится смѣшно и весело.

Фабула чрезвычайно проста. К. К. построилъ себѣ домъ и сталъ въ немъ жить. Въ саду у него цвѣты росли, но полинять ихъ ему было трудно — онъ самъ маленькій, а лейка большая, и цвѣты стали вянуть. Тучка сжалилась и полила ихъ частымъ дождикомъ. Обрадовался Коротай, поблагодарилъ тучку. Черезъ нѣкоторое время тучка снова прилетѣла, но уже не облачкомъ, а грозовою тучей. Она хотѣла снова полить цвѣты, помочь К., но тотъ ея голоса-грома испугался и убѣжалъ въ лѣсъ. Лиса предложила ему помѣняться домами. Онъ охотно согласился. Въ его домъ поселились лисы, а самъ онъ поселился сначала въ норѣ лисы, а потомъ въ малашникѣ, который ему бѣлки построили. Но и здѣсь онъ прожилъ недолго. Занцъ его напугалъ барабаномъ. Дѣти слушаютъ и читаютъ эту сказочку съ большимъ интересомъ. И хочется пожелать, чтобы книжка эта попала въ руки возможно большаго числа маленькихъ дѣтей. Они оцѣнятъ и полюбятъ ее. (*„Что и какъ чит. дѣт." 1913/14—5*).

Авторъ книги, онъ же и иллюстраторъ ея, умѣетъ занятно писать небольшія сказочки, которыя дѣтямъ нравятся. Иллюстраціи его носятъ на себѣ отпечатокъ оригинальности и выразительности. Рисунки гармонируютъ съ текстомъ и не лишены яркости. (*А. А. Лохтинъ. „Нижег. Л." 1913—344*).

Книжка выдѣляется прекрасной внѣшностью. Текстъ далеко ниже рисунковъ. Фабула неудачна своей дѣланностью, вымученностью. (*Н. А. Ск—въ. „У. Рос." 1913—294*).

Сказка можетъ понравиться дѣтямъ младшаго возраста. Ея тенденція,—не нужно бояться грома,—скоро забывается въ быстро смѣняющемся дѣйствіи, но все же много искусственности въ этой довольно громоздко сложенной сказкѣ. Хороши рисунки. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд." 1914—53*).

307. [. 087

Красавица и Чудовище и нѣсколько другихъ старофранцузскихъ сказокъ. Иллюстраціи Эдм. Дюлакъ. 1913. Спб., изд. А. Ф. Девріена. XXIII 198 стр. Съ 300 раскрашенными рис. на отд. мѣстахъ. Ц. 12 р.

Изданіе вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Переведены четыре сказки: Красавица и Чудовище (Аленькій цвѣточекъ), Золушка, Синяя Борода и Спящая Красавица, Первая сказка въ изложеніи madame Pauline de Beaumont, остальныя три изъ сборника сказокъ Charles Perrault „Contes de ma mère l'Oye", при этомъ русская переводчица В. Долино-Добровольская постаралась сохранить въ переводѣ колоритъ старофранцузской сказки, но въ то же время допустила нѣкоторыя незначительныя измѣненія: такъ отброшено продолженіе къ Спящей Красавицѣ по Perrault'y, которое совсѣмъ не подходитъ къ главной части сказки; далѣе сокращенъ разсказъ о Красавицѣ и Чудовищѣ. Переводъ сдѣланъ вполнѣ литературно; эти сказки, несмотря на ихъ общеизвѣстность, все же читаются съ неослабнымъ вниманіемъ, при чемъ это замѣчаніе относится не только къ дѣтямъ, но и къ взрослому читателю. Но, конечно, самое главное въ этомъ изданіи — иллюстраціи. Дѣйствіе двухъ сказокъ (Красавица и Чудовище и Синяя Борода) Э. Дюлакъ переноситъ на Востокъ и даетъ въ своихъ иллюстраціяхъ дѣйствительно блестящія картины дивной восточной красоты. Особенно интересны иллюстраціи Чудовища; глядя на это чудовище ясно видно, что это не дѣйствительное чудовище, а несчастный, страдающій принцъ, жаждущій отъ красавицы желаннаго слова любви. Дѣйствіе остальныхъ двухъ сказокъ изображено въ обстановкѣ XVIII вѣка, и картинка, какъ парикмахеръ причесываетъ старшую сестру Золушки, или какъ ученые, погруженные въ глубокіе научные занятія, заснули крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ со спящей красавицей, являются дѣйствительными шедеврами. Э. Дюлакъ постигъ смыслъ, духъ сказки, и запечатлѣлъ главные моменты ея въ яркихъ, красочныхъ изображеніяхъ. (*П. С—кій. „Нов. Вр." 1913—13547*).

Утонченный стиль эпохи фижмъ и пудреныхъ париковъ придаетъ сказкамъ свою особую прелесть; но это—не для дѣтей. Скорѣе—это настольная книга для гостиной, тѣмъ болѣе, что многочисленные рисунки въ ней представляютъ верхъ изящества и воспроизведены со всѣмъ совершенствомъ современной техники. Напудренные принцы и маркизы блистаютъ неподражаемою граціею манеръ и роскошью нарядовъ конца

XVIII столѣтія на этихъ изящныхъ, товкихъ рисункахъ съ замѣчательно вѣжною гармоніей великолѣпныхъ красокъ. (*Ф. Щеколдина. „День". 1913—347*).

Д. далъ удивительно изящныя, проникнутыя духомъ сказокъ иллюстраціи. Для малышей книга слишкомъ изысканна, по внѣшности, и доставитъ больше удовольствія взрослому любителю изящныхъ изданій (*К. „Кіев. М." 1913—345*).

308. Крестьяновъ, В. Н. 087

Я йки пайки. Сказки для хорошихъ дѣтей. Съ цвѣтными картинками. 1913 Спб., изд. А. Ф. Девріена. 16 стр. Ц. 1 р.

Въ сказочкѣ стихи звучны и легки. Тетрадеобразная книжка содержитъ 14 красиво напечатанныхъ въ краскахъ картинъ. Содержаніе интересно. (*А. Локтинъ. „Нижег. Л." 1913—344*).

Сказка питается довольно убогой фантазіей, но позабавитъ дѣтей можетъ. (*А. А—совъ. „Кіев. М." 1913—350*).

Стихъ сравнительно не дурной.

Какъ-то зимнею порою
Днемъ, когда уже весною
Пахнетъ въ воздухѣ кругомъ,
И понѣвшимъ тепломъ
Растопило снѣгъ повсюду...

Но въ остальномъ и по замыслу и по построенію сказка не представляетъ собою ничего цѣннаго, ничего желательнаго для чтенія дѣтей. Зайцы озабочены приготовленіемъ пасхальныхъ яицъ для дѣтей. Они пишутъ письма куравъ съ просьбою приготовить яйца и красить ихъ. Все это можетъ быть мило и недурно, когда мать сама фантазируетъ и разсказываетъ такую сказочку-чепуху своимъ ребятишкамъ, но напечатанныя, она утрачиваетъ свой забавный характеръ. Для дѣтскаго чтенія она не пригодна. Быть можетъ, дѣтей, уже пріученныхъ къ легковѣсному чтенію, такая книга можетъ занять и минутно позабавить, но, думаю, что дѣти все же ничего сколько-нибудь цѣннаго не вынесутъ изъ нея и лишь напрасно обременятъ ею свою память. Изданіе книги хорошо, но картинки нарисованы плохо. комизмъ ихъ не удался автору-художнику и рѣжетъ глазъ своею карикатурностью. (*В. Рихтеръ. „Что и какъ чит. дѣт." 1913/14—4; „Пед. Об." 1914—1*).

309. Крестьяновъ, В. Н. 087

Слоникъ Мока и Мишукъ у себя дома. Рисунки автора. 1913. Спб., изд. А. Ф. Девріена. 27 стр. Ц 1 р. 50 к. въ перепл.

Эта сказочка, написанная въ стихахъ недурнымъ и довольно легкимъ слогомъ, и разсказывающая о томъ, какъ самостоятельно жили слоникъ и медвѣдикъ—дѣтскія игрушки. Разсказъ ведется очень просто. Звѣри построили себѣ домъ и въ немъ хозяйничали.

...„Слоникъ съ Мишкой,
Бревна натаскавъ подъ мышкой,
Хоть пыхтя, съ большимъ трудомъ,
А построили свой домъ;
Домъ, какъ слѣдуетъ, съ трубою,
Съ красной крышею крутою,
Съ окнами по всѣмъ стѣнамъ,
Чтобъ смотрѣть по сторонамъ"...

Далѣе въ томъ же родѣ идетъ описаніе дня ихъ жизни своимъ домомъ. Они обѣ мели дорожки, кормили куръ, готовили обѣдъ, катались, любовались луной и, наконецъ, легли спать. Иллюстрирована книжечка недурными цвѣтными картинками. Слоникъ и Мишукъ всюду нарисованы, какъ игрушечные, пышные. Звѣри—одна изъ любимыхъ игрушекъ нашихъ дѣтей. Изданная книга хорошо. Маленькія дѣти съ удовольствіемъ и безъ особаго вреда для себя прослушаютъ или прочитаютъ эту сказку. (*В. Рихтеръ —. „Что и какъ чит. дѣт." 1913/14—4.— „Пед. Об." 1914—1*).

Довольно занятно, порой въ юмористическомъ тонѣ, разсказывается о жизни „Слоника" и „Мишки". Стихи не вездѣ звучны, но прекрасные рисунки и живое содержаніе сказочки искупаютъ тяжеловатость стиха. (*А. А. Локтинъ. „Нижег. Л." 1913—344*).

Книжка носитъ веселый и юмористическій тонъ, незамысловата по содержанію, но снабжена многочисленными, хорошо исполненными, смѣшными и забавными рисунками. (*Н. Ш—въ. „Голосъ" 1913—288*).

Рисунки могутъ занять дѣтей, но содержаніе пошло и искусственно. Стихи бездарны. („*Рѣчь". 1913—344*).

Сказка питается довольно убогой фантазіей, которая вертится на приписываніи звѣрямъ людского быта, но позабавитъ крошечныхъ дѣтей сказочка можетъ. (*А. А—совъ. „Кіев. М." 1913—350*).

Книжка по содержанію вполнѣ доступна дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что иллюстрирована рисунками, понятными и безъ текста. Самые стихи тяжеловѣсны. (*Ю—нъ „Нов. Вр." 1913—13571*).

Аляповатая тетрадка-альбомъ оставляетъ желать много лучшаго. Прежде всего—языкъ и бездарная стихотворная форма. Всевозможныя уменьшительныя и ласкательныя въ обиліи встрѣчаются на каждой страницѣ. Какъ многіе взрослые, авторъ почему-то думаетъ, что если онъ будетъ говорить исковерканнымъ, сюсюкающимъ языкомъ, онъ станетъ интереснѣе и понятнѣе для дѣтей. Неудовлетворительно и содержаніе, такое же искусственное и пошловатое, какъ и форма. (*А. Николаевъ. „Своб. Ж." 1914—1*).

310. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. 323.1(01)

Національный и территоріальный признакъ въ автономіи. 1913. Спб. V—|—84 стр. Ц. 40 к.

Книжка написана въ 1907 г. и по случайнымъ причинамъ не увидала свѣта своевременно. Авторъ рѣшилъ выпустить ее потому, что „какъ разъ теперь воплощаются въ жизнь разныя стремленія и лозунги въ направленіи, прямо противоположномъ излагаемымъ принципамъ".

Авторъ скромно опредѣляетъ цѣль изданія этой книжки. Она не измѣнитъ чьихъ-нибудь убѣжденій; не вызоветъ даже „скромнаго отклика въ практической жизни". Это просто „человѣческій документъ" давно минувшихъ дней, когда такъ вѣрилось въ возможность близкаго обновленія Россіи. Книжка напечатана безъ измѣненій,—и какъ странно сейчасъ читать ее, говорящую языкомъ „медоваго мѣсяца" русской свободы, убѣжденно и серьезно толкующую о чувствѣ справедливости, о правѣ человѣческой личности на свободное самоопредѣленіе, о полнѣйшемъ равноправіи всѣхъ національностей, объ автономіи и даже федерализаціи Россійской Имперіи! Съ горькой усмѣшкой прочитываешь главу, которая говоритъ о прямой для государства пользѣ отъ религіозной, національной и тому подобныхъ свободъ. Изъ 10 главъ книжки

только двѣ посвящены выясненію національнаго и территоріальнаго признака въ автономіи. Остальныя говорятъ о различныхъ практическихъ сторонахъ рѣшенія вопроса автономіи, о федерализаціи, обезпеченіи правъ большинства и меньшинства и т. д.

При опредѣленіи національности авторъ отдаетъ предпочтеніе субъективнымъ признакамъ, развитому человѣческому самосознанію. „Вопросъ о національной принадлежности долженъ рѣшаться каждымъ сознательнымъ человѣкомъ въ отдѣльности". Онъ допускаетъ даже принадлежность сразу къ двумъ и болѣе національностямъ, такъ же какъ и полную внѣнаціональность. Отсюда выводится имъ возможность рѣшенія вопроса о „національной автономіи",—законномъ о полной свободѣ союзовъ и обществъ, такъ какъ, по мнѣнію автора, „частное понятіе національности подходитъ подъ общее понятіе свободной группировки лицъ, имѣющихъ себя одинаково національно-индивидуализированными и т. д."

Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приходитъ къ выводу, что національность сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ для рѣшенія вопроса объ автономіи той или другой области, такъ же какъ и этнографическій принципъ. На мѣсто ихъ должны быть поставлены территоріальныя соображенія; главная же роль при опредѣленіи территоріальной автономіи будетъ принадлежать народнымъ массамъ: отъ нихъ голосованія (лично или черезъ представителей) зависитъ ихъ принадлежность къ той или иной автономной области.

Таковы теоретическія положенія автора. Въ условіяхъ переживаемаго момента книжка, съ ея практическими планами непосредственнаго разрѣшенія національной и территоріальной автономіи читается, какъ благородная утопія, проникнутая любовью къ человѣку и горячимъ желаніемъ уничтожить порокъ современнаго человѣчества. (*В. Полонскій. „День". 1913—285*).

Въ 1907 г. автору дѣло представлялось такъ: въ Россіи имѣются ясно очерченныя области, требующія устами своихъ сознательныхъ гражданъ автономіи. Съ другой стороны, „желательна автономизація всего государства вслѣдствіе его громадности и объективно доказаннаго вреда централизаціи". Авторъ отмѣчаетъ возникающее въ Россіи „децентралистическое стремленіе упразднить губерніи и создать автономныя области. Онъ полагаетъ, что если бы Дума, паче чаянія, занялась этимъ вопросомъ, то ей пришлось бы, какъ объектъ автономизаціи, принять во вниманіе „историческія сложившіяся границы отдѣльныхъ генералъ-губернаторствъ". Мы присоединяемся къ мнѣнію автора, отвергающаго національный признакъ при рѣшеніи вопроса объ автономіи. Культурно-національная автономія предполагаетъ искусственное стягиваніе въ одну націю людей, которыхъ весь строй современной экономической жизни разъединяетъ, перетасовываетъ и перебрасываетъ въ разные концы государства. Преимущество областной автономіи въ томъ, что она не укрѣпляетъ національныхъ перегородокъ, создаётъ своего рода національныхъ курій, а, наоборотъ, ломаетъ эти перегородки, открывая путь для другого размежеванія, генеральнаго размежеванія по классамъ. При этомъ она открываетъ возможность развитія производительныхъ силъ и использованія природныхъ богатствъ области, не дожидаясь указанія изъ центра. Точно такъ же, если когда-нибудь осуществится федеративное устройство Россіи и на ея территоріи возникнутъ „соединенные штаты", то и эта федерація „будетъ не федераціей національностей, а только федераціей отдѣльныхъ областей". При этомъ, естественно, „вмѣсто единой Россіи. Думы появятся мѣстные областные сеймы, рядомъ съ немногочисленнымъ по составу центральнымъ парламентомъ и со второй палатою въ видѣ союзнаго сейма". Мы полагаемъ, что та степень демократизаціи Россіи, при которой станетъ возможно ея устройство на федеративныхъ началахъ, позволитъ обойтись и безъ такого тормоза поступательнаго развитія страны, какимъ всегда и вездѣ является вторая палата. Права большинства, по мысли автора, достаточно были бы обезпечены „проведеніемъ въ жизнь демократическаго принципа всесословной, точнѣе, бессословной волости и всеобщаго, равнаго избирательнаго права". Что же касается правъ меньшинства (національнаго и всякаго другого), то политическое представительство его въ законодательствѣ и въ управленіи страною (во всякаго рода территоріальныхъ и административныхъ единицахъ) авторъ предлагаетъ обезпечить путемъ признанія въ законѣ добровольной группировки гражданъ „по какимъ угодно признакамъ" или же предлагаетъ заимствовать у финляндцевъ ихъ систему выборовъ. Въ области школьнаго дѣла авторъ полагаетъ, что за меньшинствомъ должно быть признано право основывать школы всѣхъ типовъ и что меньшинству должна быть обезпечена матеріальная поддержка со стороны казны пропорціонально долѣ государственнаго обложенія, соотвѣтственно ложащагося на это меньшинство. (*„Вѣст. Зн." 1913—11*).

311. Биццоцеро, А. 334(45)

Восемнадцать лѣтъ сельско-хозяйственной коопераціи. 1883—1910. (Пармское кооперативное сельско-хозяйств. о-во). Пер. И. Гриненко. 1913. Харьковъ, изд. „Южно-Рус. Газ." 55 стр. Съ иллюстр. Ц. 30 к.

Б. крупная и колоритная фигура среди итальянскихъ кооператоровъ, привлекающая своей настойчивостью, упорнымъ трудомъ, блестящимъ умѣньемъ популяризовать вопросы агрономіи и коопераціи и безъзавѣтной преданностью послѣднимъ. Онъ снискалъ себѣ глубокое уваженіе и чувства симпатіи не только у своихъ соотечественниковъ, но и у иностранныхъ изслѣдователей итальянской коопераціи. Будучи профессоромъ странствующей каѳедры земледѣлія въ Пармской провинціи и горячо желая поднять сельско-хоз. культуру итальян. крестьянина, онъ съ первыхъ же шаговъ столкнулся съ неизбѣжными вопросомъ: откуда достать населенію средства на хозяйственныя улучшенія? Въ результатѣ этого возникло Пармское сельско-хоз. о-во. Краткимъ изложеніемъ исторіи этого о-ва и является настоящая брошюра, гдѣ безхитростнымъ языкомъ излагаются возникновеніе о-ва, чѣмъ оно было раньше и чего достигло въ настоящее время, а достигло оно многаго... Живо и съ большимъ чувствомъ написанная книжка прочтется съ интересомъ всякимъ интересующимся вопросами обществ. агрономіи и с.-х. коопераціи. Къ книгѣ приложены данныя о ходѣ операцій о-ва по годамъ. (*И. М. „Вѣст. Коопер." 1914—2*).

Результаты дѣятельности Б. похожи на чудеса. Несмотря на это, Б. полагаетъ, что кооперативное сознаніе пока слабо распространено въ Италіи. По его увѣренію, „въ Италіи очень много кооперативовъ, но очень мало кооператоровъ". „Да и къ тому же бѣдную кооперацію одѣваютъ во всевозможные наряды—кто въ красный, кто въ желтый, кто въ черный, въ то время какъ настоящій цвѣтъ ея одежды не можетъ быть, какъ только бѣлымъ, который означаетъ очень и очень многое, какъ, напр., правильные, ясные счета, правильный вѣсъ, справедливую цѣну, абсолютное отсутствіе обмѣра, упраздненіе посредниковъ, пользу каждаго и пользу всѣхъ, солидарность въ достиженіи благъ прогресса и... еще выше и выше, также и ея прекрасный идеалъ—соціальный миръ". Далѣе авторъ жалуется, что „каждый разсматриваетъ кооперацію съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ эгоистическихъ интересовъ и приспособляетъ ее къ своимъ цѣлямъ". Приведенныя строки не измѣняютъ общаго, весьма бодраго и радостнаго тона брошюры Б. Мы горячо рекомендуемъ ее широкой публикѣ. Такихъ хорошихъ и блестяще написанныхъ книгъ выходитъ немного. (*В. Тотоміанцъ. „Кооп. Жизнь". 1914—3*).

Въ этой популярной книгѣ хорошо изложены развитіе и результаты дѣятельности сельскохозяйственнаго общества; это—безспорное достоинство книги. Также хорошо въ сжатомъ очеркѣ изображено отраженіе прогресса земледѣлія, благотворительности и страхованія. Отмѣтимъ важное и вѣрное замѣчаніе объ этой книгѣ проф. А. И. Чупрова: „рѣдко мнѣ приходилось встрѣчать популярныя изданія, въ которыхъ сухая проза жизни соединялась бы съ такой возвышенной поэзіей, въ которой, несмотря на рѣдкую простоту формы, было бы вложено столько души, столько искренняго и глубокаго убѣжденія. (*И. А. Глумовъ. „Утро". 1914—2204*).

312. Энсонъ, В., проф. 342(42)

Англійская корона, ея конституціонные законы и обычаи. Пер. съ англ. съ примѣч. Н. Захарова. 1914. Спб., изд. Н. К. Мартынова. 480 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Демократизація государственной власти и концентрація ея въ рукахъ правительства—таковы наиболѣе характерныя черты „новѣйшей фазы" парламентаризма. Въ такихъ условіяхъ всесторонній анализъ правительственной власти на родинѣ парламентаризма пріобрѣтаетъ особый интересъ и значеніе. „Англійская корона" принадлежитъ перу извѣстнаго профессора оксфордскаго университета, бывшаго коммонера, парламентскаго секретаря и члена кабинета, изучившаго такимъ образомъ на практикѣ всѣ процессы и механизмы государственнаго устройства Англіи. Авторъ такъ опредѣляетъ свою задачу: „описать конструкцію и практическую повседневную работу разнообразныхъ правительственныхъ департаментовъ и учрежденій и показать ихъ связь съ центральной исполнительной властью". По справедливому замѣчанію переводчика, Э. не дѣлаетъ никакихъ теоретическихъ выводовъ, а точно воспроизводитъ дѣйствіе англійской конституціи, которая, по его же опредѣленію, „скорѣе практична, чѣмъ симметрична". Что гораздо хуже и что должно быть поставлено въ упрекъ автору, это—отсутствіе не конечныхъ теоретическихъ выводовъ, а теоретически-исходныхъ пунктовъ, отсутствіе отчетливыхъ граней въ логическихъ понятіяхъ, а иногда и въ цѣлыхъ категоріяхъ, съ коими ему приходится оперировать.

Если отвлечься отъ формальныхъ упрековъ, касающихся плана работы и, скорѣе, того, чего не далъ авторъ, даже самый придирчивый критикъ вынужденъ будетъ сказать, что авторъ заслуживаетъ большого и искренняго признанія за свой положительный матеріалъ. Въ книгѣ Э. читатель напрасно сталъ бы искать точныхъ юридическихъ конструкцій; требовательный юристъ, быть можетъ, скажетъ, что здѣсь не только нѣтъ „юриспруденціи понятій", но и вообще не достаточно юриспруденціи; тѣмъ не менѣе и тотъ согласится, что Э. даетъ интересную картину политической исторіи Англіи и происходящихъ въ ней „жизненныхъ процессовъ", а самое описаніе того, какъ распредѣлены въ Англіи функціи управленія между отдѣльными органами, выполнено мастерски. Въ отдѣльныхъ главахъ авторъ обозрѣваетъ: прерогативу короны, совѣты, правительственные департаменты и министровъ короны, титулъ короны и взаимоотношеніе монарха къ подданнымъ, владѣнія короны, международныя сношенія и вооруженныя силы короны, доходы и расходы короны и, наконецъ, отношеніе ея къ церкви и къ судамъ. Изъ всѣхъ этихъ вопросовъ наиболѣе общій интересъ имѣетъ, конечно, вопросъ объ эволюціи англійскаго кабинета или, по выраженію автора, „ростъ идеи премьеръ-министра".

Описаніе пережитковъ англійской монархической власти у Э. любопытно сопоставить съ такимъ же описаніемъ у С. Лоу, Лоуэлля и М. Я. Острогорскаго. Такое сопоставленіе приводитъ къ выводу, что характеризовать Англію, какъ „замаскированную республику" преждевременно даже для нашихъ дней, не то что для эпохи, когда писалъ Бэджготъ. Если, съ одной стороны, король и королева, говоря словами Э., „въ настоящее время не являются лишь частью механизма", если ихъ „нельзя разсматривать исключительно какъ орудіе", если они „способны не только выразить свое мнѣніе, но и настоять на немъ", то, съ другой стороны, „новое общественное и правовое сознаніе англійскаго народа, укрѣпленное утвержденіемъ во власти средняго класса, приложило къ монархіи требованіе знать свое мѣсто", знать, выражаясь словами Острогорскаго, что можетъ и чего не можетъ себѣ позволить монархъ въ Англіи. Переводъ книги сдѣланъ тяжеловатымъ, мѣстами и совсѣмъ непонятнымъ языкомъ. (*М. В. Вишнякъ. „Юрид. Вѣстн." 1914—1*).

Для переводной нашей литературы по государственному праву книга Э. большое пріобрѣтеніе. На русскій языкъ въ этой области переводились преимущественно книги, касающіяся парламентаризма, организаціи власти законодательной, между тѣмъ, какъ и организація административнаго механизма въ конституціонныхъ странахъ имѣетъ чрезвычайный интересъ. Книга Э. вполнѣ удовлетворяетъ этому интересу относительно Англіи. Она носитъ исторически-описательный характеръ и даетъ очень ясную и отчетливую картину англійской администраціи въ ея современномъ состояніи и историческомъ развитіи. (*Кн. „Кіев. М." 1913—345*).

...По мнѣнію Э. палата общинъ въ періодъ времени между 1832 и 1886 гг., между первой и третьей парламентской реформой, имѣла болѣе политическихъ правъ, чѣмъ она имѣла до того

времени или имѣетъ теперь. Причину уменьшенія независимости отдѣльныхъ членовъ палаты авторъ видитъ въ реформѣ 1885 г., установившей избраніе каждымъ избирательнымъ округомъ только одного члена, и развитіи партійной организаціи. Я думаю, что Э. преувеличиваетъ силу партійной организаціи и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ примѣру Остроргорскаго. На преувеличеніи Остроргорскаго указалъ уже Лоуэлъ. Э. полагаетъ, что въ настоящій моментъ палата болѣе зависитъ отъ кабинета, чѣмъ кабинетъ отъ палаты. Такая зависимость палаты, по мнѣнію Э., въ значительной степени обусловливается правомъ кабинета распустить палату. Характерно, что за послѣднее время главный органъ либеральной партіи высказывается противъ предоставленія кабинету такого права. Но на самомъ дѣлѣ примѣненіе этого права является необходимымъ условіемъ для правильнаго функціонированія системы парламентаризма, такъ какъ благодаря ему является возможность во всякій данный моментъ узнать мнѣніе страны. Э. предпосылаетъ обыкновенно изложенію современнаго положенія того или другаго учрежденія краткій, но содержательный историческій обзоръ. Такъ, читатель найдетъ въ книгѣ обзоръ постепеннаго развитія кабинета. Переводчикъ снабдилъ книгу дополняющими и разъясняющими примѣчаніями. (*О. Фортунатовъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—291*).

313. Гирке, Г. и Давидсонъ, А. 371 : 74.

Работы изъ бумаги. Пер. съ нѣм. Н. А. Кирпичниковой. 1913. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 95 стр. Съ 28 рис. въ текстѣ и 7 табл. чертеж. Ц. 40 к.

Книжка содержитъ описаніе работъ по сгибанію бумаги и по вырѣзыванію различныхъ фигуръ и украшенію ими предметовъ. Всѣ работы соединены съ игрою и дѣтскою жизнью въ дошкольномъ возрастѣ отъ 4 — 5 лѣтъ. Описанію предпосланы общія замѣчанія и соображенія о значеніи работъ изъ бумаги въ умственномъ и нравственномъ развитіи ребенка и о правильномъ веденіи этихъ работъ. Книжка предназначена для родителей и воспитателей дѣтей младшаго возраста и, несомнѣнно, принесетъ имъ большую пользу, какъ въ обстоятельно разработанной практической части, такъ и правильно формулированными общими положеніями. Переводъ сдѣланъ хорошо. Отступленія переводчика отъ оригинала даютъ только преимущества русскому изданію. Авторы книги—хорошія педагоги—практики, онѣ выдержали въ своемъ образцѣ работъ принципъ простоты и доступности ихъ дѣтямъ; переводчица взяла первые попавшіеся силузты съ такими мелкими деталями работы, которыя, конечно, недоступны дѣтямъ даннаго возраста. Интересующимся вопросами трудового воспитанія въ младшемъ возрастѣ, во всякомъ случаѣ, можно охотно рекомендовать эту книгу. (*„Рус. Шк.“ 1913—11*).

...Сдѣланныя переводчицей измѣненія въ текстѣ и въ иллюстраціяхъ слѣдствительно у чуткости и пониманіи предмета, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскія вставки нарушаютъ строгую послѣдовательность въ курсѣ работъ, которая наблюдается у нѣмецкихъ составительницъ. (*Е. Соломинъ. „Худ.-Пед. Жур.“ 1913—18*).

Книга вѣсколько заполняетъ существующій пробѣлъ въ отношеніи руководствъ по ручному труду. До сихъ поръ, кромѣ книги „Дѣтскій садъ“ Симоновичъ, нельзя было указать ни на одно подобное руководство на русскомъ языкѣ. По сгибанію настоящее руководство даетъ 64 предмета, изъ которыхъ половина связана въ двѣ серіи, представляющія изъ себя постепенное развитіе простыхъ формъ въ болѣе сложныя. Таблицы съ чертежами наглядно дополняютъ указанія текста. Заслуживаетъ вниманія подъ-отдѣлъ простой мебели, которая получается путемъ перегибанія, надрѣзыванія и склеиванія одной и той же основной фигуры—квадрата. Этотъ отдѣлъ очень интересуетъ дѣтей и доступенъ какъ для самыхъ маленькихъ, такъ и для старшихъ, которыя могутъ внести отъ себя дополненія и создавать новыя модели, ознакомившись съ простыми основами этой работы. Въ отдѣлъ вырѣзыванія входитъ и указанія относительно самостоятельнаго заготовленія дѣтьми нѣкоторыхъ простыхъ игрушекъ и забавъ. (*К. Маевская. „Дошк. Восп.“ 1913—7*).

314. Мекензи, В. Лесли. 61

Здоровье и болѣзнь. Пер. С. Займовскаго, подъ ред. д-ра мед. Л. А. Тарасевича. 1913. М., кн-во „Природа“. 152 стр. Ц. 60 к.

Авторъ довольно ясно, не лишенный нѣкоторой красоты, языкомъ старается познакомить читателя и дать ему научное понятіе о томъ, что такое здоровье и что такое болѣзнь; въ чемъ проявляется и какъ выражается послѣдняя и какъ реагируетъ организмъ на тѣ или иныя ея явленія. Далѣе книга затрагиваетъ явленія инфекціи, и борьбы организма съ ними въ видѣ иммунитета, борьбы и защиты общества путемъ санитарно-гигіеническихъ мѣръ. Какіе положительные результаты удается получить въ этомъ направленіи культурнымъ государствамъ, авторъ довольно подробно и обстоятельно демонстрируетъ путемъ статистики смертности. Эту главу прямо нельзя пропустить безъ вниманія: въ ней только цифры, вычисленія, проценты, но они такъ много говорятъ о томъ, какое громадное значеніе въ вопросѣ о смертности населенія играетъ культурность страны. Книжка можетъ и должна дать прочитавшему ее много цѣнныхъ свѣдѣній по вопросамъ, такъ близко касающимся каждаго изъ насъ. Переводъ хорошъ и читается книжка съ захватывающимъ интересомъ. (*К. Сербиковъ. „Вюл. Харьк. О. Люб. Пр.“. 1913—5*).

... Переходя къ описанію борьбы съ бугорчаткой, авторъ подробно останавливается на туберкулезномъ діатезѣ, жестоко нападая на сторонниковъ этого діатеза. Никому не придетъ въ голову,—говоритъ онъ,—признавать холерный, чумный брюшно-тифозный діатезъ. Всѣ люди одинаково предрасположены къ этимъ заразнымъ болѣзнямъ. Почему же на бугорчатку смотрятъ по особому и признаютъ какое-то особое къ ней предрасположеніе? Не проще ли и на нее смотрѣть, какъ на всякую другую заразную болѣзнь? Тогда не будетъ лицъ, обреченныхъ на нее какимъ-то діатезомъ, и заболѣваніе бугорчаткой будутъ считать такимъ же неустройствомъ общества и виной послѣдняго, какъ и заболѣваніе чумой; холерой или сыпнымъ тифомъ. Затѣмъ авторъ говоритъ объ общественныхъ мѣрахъ борьбы противъ бугорчатки и незамѣтно переходитъ къ главѣ о международныхъ болѣзняхъ—чумѣ, холерѣ и желтой лихорадкѣ. Здѣсь онъ рисуетъ картину быстрой и энергичной борьбы со-

временнаго общества съ этими болѣзнями, отмѣчая, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ этой борьбы является опасеніе застоя въ торговыхъ дѣлахъ. Все это изложено не отвлеченно, а въ видѣ описанія того, что происходило по поводу эпидемій въ Англіи. Безъ всякихъ комментаріевъ здѣсь бросается въ глаза разница въ отношеніи командующихъ классовъ общества къ бугорчаткѣ и къ остро-заразнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, одновременно и бьющихъ по карману, и угрожающихъ каждому, даже самому богатому жителю.

Глава о гигіенѣ молока, по моему мнѣнію, написана наиболѣе картинно, чѣмъ всѣ прочія главы. Въ ней авторъ слѣдитъ за судьбой молока съ момента вхожденія въ стойло доильницы и до момента продажи его въ молочныхъ. Получается рядъ ярко изображенныхъ сценъ, сильно дѣйствующихъ на воображеніе читателя и поэтому трудно забываемыхъ. Самый ярый скептикъ согласится съ заключеніемъ автора о громадной опасности этого главнаго пищевого продукта въ смыслѣ распространенія инфекцій.

Трудно читать безъ глубокаго чувства главы: „Домъ, какъ семейный очагъ“ и „Болѣзнь и Нужда“. Нарисовавъ картину идеальнаго дома, гдѣ каждый изъ членовъ долженъ находить себѣ и уютъ, и покой, и относительный комфортъ, авторъ сравниваетъ съ этимъ идеаломъ дѣйствительныя условія жизни и затѣмъ набрасываетъ картину распаденія семьи съ заболѣваніемъ отца или матери.

Послѣ этихъ художественныхъ страницъ становится вполнѣ естественнымъ переходъ къ слѣдующей главѣ—страхованіе на случай болѣзни. Въ ней описывается сдѣланное въ этомъ направленіи въ Англіи.

Заканчивается книга описаніемъ эволюціи борьбы за народное здравіе въ Англіи.

Книгу съ удовольствіемъ прочтетъ человѣкъ, знакомый съ общественной медициной. Еще съ большимъ интересомъ ее долженъ прочесть человѣкъ, не пріобщенный къ знакомству съ послѣдней. Онъ вынесетъ изъ книги ясное представленіе о томъ, что истинная борьба съ болѣзнями возможна лишь тогда, когда за нее возьмется само общество, и убѣдится также, что эта борьба не безцѣльна, что большинство болѣзней предотвратимо, и что у человѣчества въ собственныхъ рукахъ находится ключъ къ общему благополучію. (*А. Б. „Фельдш. Вѣстн.“ 1914—6*).

Авторъ былъ не только свидѣтелемъ эволюціи борьбы за народное здравіе въ Англіи, но и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ ея участниковъ и дѣятелей, чѣмъ, повидимому, и объясняется то, что въ своей книгѣ онъ удѣляетъ много мѣста изложенію какъ методовъ, которые примѣнялись англичанами въ борьбѣ за народное здоровье, такъ и результатовъ, достигнутыхъ ими въ этой борьбѣ. Съ этой точки зрѣнія книга М. для насъ, русскихъ, весьма поучительна. Главное вниманіе М. удѣляетъ тѣмъ болѣзнямъ, причину которыхъ слѣдуетъ искать въ соціальныхъ условіяхъ населенія, и которыя онъ называетъ „болѣзнями предотвратимыми“; къ таковымъ относятся, прежде всего, инфекціонныя болѣзни. Говоря о послѣднихъ, авторъ—горячій послѣдователь Мечникова, знакомитъ читателей съ его теоріей фагоцитоза и съ большимъ увлеченіемъ изображаетъ борьбу лейкоцитовъ съ микрококками. По его мнѣнію, теорія фагоцитоза Мечникова „плѣнительна и даже поэтична“. Много и подробно онъ говоритъ о туберкулезѣ, о современныхъ новѣйшихъ способахъ леченія его, а также знакомитъ читателя съ рядомъ узаконеній, согласно которымъ борьба съ чахоткой въ Англіи подчинена правительственному надзору. (*Б. Цирусъ. „День“. 1913—306*).

315. Гогенъ, П. *) 701

„Ноа-Ноа“ Путешествіе на Таити. Пер. И. Ш. Редакція и вступит. статья Я. Тугендхольда. 1914. М., изд. Д. Я. Маковскаго. 127 стр. Съ иллюстр. Ц. 2 р. 50 к.

Изумительно красивая по своей глубокой поэзіи книга великаго художника современной Франціи—Г. очень многое уяснитъ и публикѣ и художникамъ. Она воочію покажетъ, что новая, дерзкая техника нео-импрессіонизма не есть результатъ только новой техники. Глубокое проникновеніе Г. въ душу по-своему культурныхъ и удивительно чистыхъ обывателей Таити, дало твердую основу его новому искусству живописанія.

Крайняя упрощенность рисунка и необыкновенная яркость красокъ Г.—это художественное возсозданіе крайней простоты и красочности жизни таитянъ.

Техника Г. непосредственно связана съ его міропониманіемъ и это еще разъ доказываетъ невозможность отдѣленія формы отъ сущности искусства. Мы горячо рекомендуемъ книгу самой широкой публикѣ. (*Я. В. Перовичъ. „Утро“ 1914—2250*).

Съ именемъ Г. привыкли связывать представленіе о чемъ-то необычномъ, во многомъ—непонятномъ, пожалуй, странномъ. И вотъ—эта книга. Она—какъ сказка о человѣкѣ, жизнь котораго была полна горестныхъ очарованій, одного большого, святого откровенія. Сказка о чудесномъ „Принцѣ красоты“. Жизнь его похожа на цѣлую очаровательную симфонію, разыгранную до самаго конца, доведенную до синтеза, въ которомъ тревожная философія красоты сочеталась съ яркой, мученически-печальной судьбой, заключенной аккордомъ — смертью художника на славномъ посту красоты. Это—прекрасная легенда о человѣкѣ, душу котораго „однажды Богъ поразилъ любовью“ къ красотѣ, ради которой онъ бросаетъ всю мишуру и благополучіе свѣта и идетъ въ поиски за тридевять земель, въ тридесятое прекрасное царство,—уѣзжаетъ на полинезійскіе острова и въ оставленномъ временемъ примитивѣ экзотики ищетъ упорно и подвижнически свой немеркнущій идеалъ. Не жизнь, а вѣчная погоня за красотой, которая всегда у Г. претворяется въ религію, безъ которой нельзя и немыслимо жить. Эта книга должна быть прочтена не только тѣми, которые причастны къ искусству живописи; она должна сказать о многомъ и тѣмъ, чьи взгляды ожидающе обращены въ страну восхода счастливой звѣзды, кто томится и груститъ объ умершей сказкѣ, кто забылъ, что розъ нѣтъ безъ шиповъ и что все истинно великое и прекрасное носитъ на своемъ челѣ печать страданія. (*М. К—овъ. „У. Рос.“ 1914—44*).

Правда, описаніе таитянскаго быта нѣсколько идеализовано, но Г. видитъ его именно такъ, какъ описываетъ. У него было какое-то внутреннее родство съ той первобытной сродой, въ

*) См. № 13 „Бюллетеней“: „Поль Гогенъ“.

въ которую онъ попалъ. Его „Ноа-Ноа“ не утопическій романъ, это исповѣдь, его эстетическое и моральное credo. Съ захватывающимъ интересомъ читаются записки Г. Имъ предпослано обстоятельное введеніе, выясняющее оригинальную душу художника и проливающее свѣтъ на отдѣльныя, непонятныя безъ комментаріевъ мѣста текста. Издана книга очень изящно, съ прекрасно исполненными репродукціями на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ. (*Н. „Гол. М.“ 1914—50*).

Черныя репродукціи, конечно не могутъ передать главное—живопись Г., но благодаря имъ, самой книгѣ и очень хорошей статьѣ-характеристикѣ Тугендхольда, дается общее яркое представленіе о замѣчательнѣйшемъ и все еще не оцѣненномъ художникѣ, объ его значеніи. Дѣйствительно, неотдѣлимы были его жизнь и творчество, которое такъ повліяло на всю современную живопись, внесеніемъ совсѣмъ новаго элемента живописнаго синтеза. Своеобразнѣйшая преемственность была у Г., учившаго, что „всякій истинный художникъ — ученикъ своей модели“. Думается, что книга „Ноа-ноа“, гдѣ до такой степени остро выражено „сліяніе воспріятій европейца, проникшаго въ глубину совсѣмъ иной культуры дикарей“, дѣлаетъ Г. и замѣчательнѣйшимъ художникомъ-писателемъ. (*А. Р—въ. „Рѣчь“. 1914—50*).

Дѣятельность Г. или, вѣрнѣе, его величественный художественный подвигъ знаменуетъ сознательный бунтъ современной души противъ аналитической техники и импрессіонистскаго міроощущенія; въ этомъ запаздаломъ преемникѣ пророчествъ Руссо гнѣвное отрицаніе современной промышленной культуры во имя свободной, первоначальной человѣчности соединилось съ чарами подлинной экзотики. Экзотика эта—одно изъ побочныхъ, но устойчивыхъ развѣтвленій французской художественной традиціи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ великіе революціонеры французскаго художества были традиціоналистами. Г., блудный сынъ той же цивилизаціи, искалъ утоленіе своей мечтѣ въ обобщенныхъ формахъ примитивнаго искусства; въ благой простотѣ первобытной души, въ несложной мистикѣ древнихъ океанійскихъ космогоній онъ думалъ обрѣсти утраченный рай среди идиллическаго быта „благоуханныхъ острововъ“ Таити; сопоставленіе цѣлыхъ красочныхъ поверхностей и монументальное упрощеніе рисунка привели его къ созданію новаго декоративнаго синтеза. Конечно, пребываніе въ Таити и на Мартинкѣ, сыграло большую роль въ ростѣ Г.; но его картины Бретани, „Желѣзный Христосъ“ или „Бореніе Якова“ насыщенностью колорита свидѣтельствуютъ о томъ, что художникъ носилъ въ себѣ самомъ тропическое солнце. Настоящая книга послужитъ для русскихъ читателей прекраснымъ памятникомъ этого столь близкаго къ намъ по времени и уже облеченнаго въ легенду художественнаго житья. Нелегко отыскать уподобленія, способныя выразить несказанную прелесть дневника Г. о его пребываніи въ Таити,—этой благой вѣсти о первобытномъ раѣ, — дневника, впервые переведеннаго здѣсь цѣликомъ. Недаромъ названія книги на канакскомъ языкѣ обозначаетъ „Благоуханіе“.

Если „Ноа-ноа“, какъ документъ для психологіи художественнаго творчества, должно занять мѣсто рядомъ съ „Письмами къ Э. Бернару“ В. Ванъ Гога и нѣкоторыми частями дневника Делакруа, поэтическое очарованіе маленькой книги Г. совершенно своеобычно; страницы ея опьяняютъ читателя солнечной радостью, волнуютъ проникновеннымъ простодушіемъ. Прочитавшій ее, долго не забудетъ сіяющей праздничности перваго впечатлѣнія.

Біографія-характеристика написана Т. вполнѣ умѣло и съ подъемомъ (съ использованіемъ почти исчерпывающихъ матеріаловъ, собранныхъ въ книгѣ о Г.-Ротаншана). Особую цѣнность придаетъ изданію тактичный и не банальный выборъ хорошо исполненныхъ воспроизведеній.

Все это дѣлаетъ книгу въ высшей степени пригодной не только для ознакомленія съ интимнымъ обликомъ Г., лирика и утописта, но и для широкой популяризаціи его искусства. А конкретное знакомство съ Г. тѣмъ важнѣе теперь для русскихъ художниковъ и любителей, что подлинный образъ Г. все болѣе начинаетъ заволакиваться у насъ туманомъ напыщенныхъ идеологій. (*Андрей Левинсонъ. „День“. 1914—56*).

316. Гете, І. В. 83 — 1

Тайны. Фрагментъ. Пер. А. Сидорова. 1914. М., кн-во „Лирика“ 28 стр. Ц. 50 к.

На русскомъ языкѣ въ первый разъ появился знаменитый отрывокъ глубокаго философскаго стихотворенія Г., которое вызвало въ свое время массу толковъ и споровъ. Самъ Г. далъ на него толкованіе, но его комментаріи также не даютъ яснаго представленія о томъ, чѣмъ должна была быть поэма. Религіозно-мистическія настроенія Г. съ трудомъ поддаются изложенію и точному анализу, благодаря тому, что самъ Г. всегда уклонялся отъ всего, что касалось его мистическихъ прозрѣній, а также потому, что они принимали различные оттѣнки въ отдѣльные періоды его жизни. Легенда о „великомъ язычникѣ“ должна теперь считаться разрушенной,—пишетъ С. Рачинскій въ своемъ интересномъ предисловіи. Переводъ не вполнѣ отвѣчаетъ своей задачѣ. Мѣстами онъ не точенъ и носитъ слишкомъ „переводный“ характеръ. Но преодолѣть эти трудности почти невозможно, книжка Г. даетъ много цѣннаго. (*Энель. „Гол. М.“ 1914—20*).

Фрагментъ содержитъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ нѣкій братъ Маркъ послѣ долгихъ и утомительныхъ скитаній по горамъ приходитъ къ величественному зданію, гдѣ живутъ двѣнадцать благородныхъ и мудрыхъ старцевъ, образующихъ особое братство или общину. Во главѣ этой общины стоитъ выдающійся по своимъ душевнымъ свойствамъ, убѣжденности и внутренней силѣ настоятель, который долженъ былъ получить въ поэмѣ символическое имя Гумануса (Humanus). Герой поэмы долженъ былъ познакомиться съ исторіей всѣхъ этихъ своеобразныхъ отшельниковъ, а также съ судьбой того, кто сумѣлъ ихъ объединить и раскрыть передъ ними еще болѣе широкіе горизонты,—а затѣмъ онъ долженъ былъ стать преемникомъ Гумануса, который именно въ эту пору покидаетъ свою общину, считая миссію, на него возложенную, уже выполненной. И въ самомъ фрагментѣ, и въ объясненіяхъ, данныхъ поэтомъ, многое остается какъ бы недоговореннымъ, оставляющимъ обширное поле для догадокъ и толкованій,—но нельзя не признать интереснымъ и наводящимъ на много мыслей это неоконченное произведеніе, почти неизвѣстное русскимъ читателямъ! Предисловіе Г. А. Рачинскаго отли-

чается содержательностью и можетъ быть прочтено не безъ пользы. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1914—29*).

Про эту изящную книжечку можно сказать одно: хорошо сдѣлало издательство, что попыталось дать переводъ одной изъ неоконченныхъ загадочныхъ вещей Г. Нитересны въ предисловіи выдержки изъ писемъ Г. по поводу „Тайны“. Переводъ, увы, несмотря на заявленіе автора, что онъ провѣренъ, очень блѣденъ, тяжелъ, некрасивъ. (*Р. М. Б., „Путь“. 1914—3*).

317/19. Келлерманъ, Б. 83—3

Собраніе сочиненій. Т. III. Ингеборгъ. Романъ. Пер. съ нѣм. Б. С. Бычковскаго. Т. VI Тунпель*). Пер. съ нѣм. А. Даманской и З. Журавской. 1914. Спб., кн-во „Прометей“. Н. Н. Михайлова. 224 стр.+410 стр. Ц. 1 р.+1 р. 50 к.

Въ тунпелѣ. Романъ. Пер. съ нѣм. 1914. Спб., изд. М. Гутзацъ. 401 стр. Ц. 1 р. 25 к.

„Ингеборгъ“—лирика, поэма, большое стихотвореніе въ прозѣ, все что хотите, но не романъ. Сюжетъ просѣ до чрезвычайности: Аксель любилъ златокудрую Ингеборгъ. Ингеборгъ любила Акселя, и были они счастливы, какъ боги. Но однажды Ингеборгъ заболѣла и должна была умереть; одно чудо могло спасти ее, — и чудо совершилось: силой своей любви вернулъ ее Аксель къ жизни. Встала съ постели Ингеборгъ, — а потомъ покинула своего Акселя и ушла къ другому. Такова несложная фабула этой чудесной книги. Первыя страницы ея читаются съ нѣкоторымъ усиліемъ. Но затѣмъ она начинаетъ звучать какъ пѣснь, какъ восторженный гимнъ могучей, расцвѣтающей радостно жизни. „Благословляйте жизнь во всѣхъ ея формахъ,—смерть и любовь, ибо святы смерть и любовь“. Въ книгѣ живутъ не только люди; шепчутъ какія-то слова березки, склоняющіяся подъ вѣтромъ: сосредоточенно-молчаливо живетъ скамья, на которой часто сижинали влюбленные, любуясь небомъ и звѣздами; живетъ само небо, живутъ облака, вѣтеръ, вся природа кажется одухотворенной, и человѣкъ не противостоитъ ей, какъ нѣчто отличное; онъ такая же неотдѣлимая ея часть, какъ стройная березка, какъ золотистое облако, тающее въ небѣ. Изумительно, какъ могло создаться такое произведеніе подъ перомъ нѣмца. Откуда взялась въ немъ чисто-стихійная, гамсуновски непосредственная любовь къ природѣ.

Вся книга написана съ неослабѣвающимъ лирическимъ подъемомъ. Въ ней нѣтъ дѣйствія; нѣтъ событій; вся она заполнена переживаніями влюбленнаго Акселя; радостно-цвѣтущая, когда онъ счастливъ, пепельно-госклиая, когда его покидаетъ Ингеборгъ. Но въ обѣихъ частяхъ своихъ книга пронизана какимъ-то особеннымъ, радостнымъ, свѣтлымъ ощущеніемъ жизни. Кончается она новой любовью Акселя, новымъ возрожденіемъ, новой весной, когда вновь засіяло солнце, поютъ птицы и роса капаетъ съ деревьевъ. „Я курю трубку и улыбаюсь— пишетъ К... — Прекрасенъ міръ! Прекрасная жизнь!“ Чувство красоты міра, очаровательнаго могущества любви, весенней радости — онъ умѣетъ передать читателю. И предъ лицомъ этого основного достоинства, не хочется говорить о нѣкоторыхъ длиннотахъ книги и о томъ, что мѣстами онъ, болѣе чѣмъ слѣдуетъ, напоминаетъ Гамсуна. (*Евг. Полонскій. „День“ 1914—36*).

Книга написа въ духѣ и стилѣ чудесной повѣсти Гамсуна „Панъ“, нѣтъ у К. того элемента „мучительства любви“, который столь характеренъ для психологіи гамсуновскихъ героевъ и, въ особенности, для психологіи Глава. Кто изъ гамсуновскихъ героевъ способенъ сказать, подобно Акселю, послѣ ухода страстно-любимой дѣвушки къ другому: — она была... Да снизойдетъ на нее счастье! — Да и вся эротика романа, несмотря на горячіе токи, на яркія смѣлыя краски, интимна, нѣжна, цѣломудренна (отсюда новдушность и легкость книги).

Любовь! Вся міровая художественная литература сосредоточена около этого чувства, немыслима безъ него. Что можно о любви прибавить ко всему тому, что о ней сказано въ Пѣснѣ Пѣсней? Какими словами можно о любви заговорить послѣ Мюссэ, Гейне, Фета, Новалиса, Пушкина, Бодлэра? А вотъ, читаешь изумительную по лиризму, красотѣ, музыкальности настроенія страницу, гдѣ Ингеборгъ и Аксель въ порывѣ любви шлютъ письмо къ богамъ: „Вамъ, боги, мы пишемъ письмо! Мы, — я и Ингеборгъ“, и чувствуешь, что многое еще не сказано и ждетъ новыхъ словъ. (*В. Л—итъ. „Свѣт. Зап.“ 1914—2*).

„Ингеборгъ“ настолько близокъ къ „Пану“, что на языкѣ невольно вертится слово „плагіатъ“. Правда, герой К. князь, и самый романъ кончается иначе, чѣмъ у Гамсуна, но этимъ исчерпывается разница обоихъ произведеній. Въ остальномъ почти все совпадаетъ: та же одинокая жизнь въ лѣсу среди пробуждающейся природы, и единственный другъ охотника—собака; мечты и грезы о всесильной жизни и безмѣрная власть матери-земли. Все отъ начала до конца взято у Гамсуна: скопированъ его чудесный языкъ, его импрессіонистическая манера воспріятія, весь кругъ его образовъ и любовь, наполняющая цѣлый міръ. Мельчайшія детали списаны съ „Пана“. Заимствована такая прелестная у Гамсуна манера оживлять разсказъ внѣшне неожиданными, но и по духу тѣсно связанными съ цѣлымъ встанными эпизодами: о Германѣ Экке, который всю жизнь ждетъ жену свою Еву; о королевѣ Сильвіи, которую прозвали „Золотымъ Сердцемъ“ и пажѣ ея Глазъ. Даже самыя имена (Ингеборгъ, Ева) звучатъ по-норвежски; даже отдѣльныя—и притомъ характернѣйшія—фразы цѣликомъ взяты изъ Гамсуна: „Богъ ходитъ въ лѣсу, самъ Богъ“. И все же дарованіе К. несомнѣнно и популярность его ясна. Въ романахъ его чувствуется біеніе живого сердца и волненіе настоящаго художника,—хотя и не глубокаго по существу,—и это волненіе заражаетъ читателя. Есть въ немъ умѣніе заинтересовать большей частью несложной фабулой и сила, заставляющая волноваться судьбами его героевъ. Развѣ это не признакъ художника, пусть и не признаннаго озарить бездонныя глубины человѣческаго духа? Несомнѣненъ талантъ К., но странный это талантъ. Дарованіе, для проявленія котораго неизбѣжно нуженъ толчекъ извнѣ, возбужденіе другимъ литературнымъ произведеніемъ, „зараженіе“ чужой идеей. (*М. Гор. „Рѣчь“. 1914—12*).

Фабулой „Тунпеля“ является осуществленіе

*) См. № 9 „Бюллетеней“: „Эпопея труда и непреклонной воли“.

грандіознаго проекта соединенія Америки съ Европой посредствомъ проходящаго подъ океаномъ туннеля.

На первый планъ въ немъ выступаетъ, несомнѣнно, занимательность фабулы; отдѣльныя фигуры обрисованы часто схематично, и психологія ихъ мало выяснена. Но зато въ романѣ въ рядѣ живыхъ и яркихъ картинъ выступаетъ своеобразная жизнь Новаго Свѣта, гдѣ все личное приносится въ жертву дѣлу, гдѣ высшимъ уваженіемъ пользуется разсчетливый и умный практикъ, власть доллара поглощаетъ всѣ другіе политическіе интересы. Хорошо очерченъ образъ жены изобрѣтателя, мягкой и нѣжной натуры, чуткой къ эстетическимъ внечатлѣніямъ и тоскующей въ окружающей ее дѣловой обстановкѣ города-чудовища. (*Вл. Ситальскій. „День". 1913—250).*

Это, несомнѣнно, самое слабое произведеніе входящаго въ моду нѣмецкаго романиста—и болѣе, чѣмъ какое-либо, оно подчеркиваетъ его основной недостатокъ: отсутствіе настоящей самостоятельности. Онъ всегда бѣжитъ за чьей-либо побѣдной колесницей. Въ „Туннелѣ" онъ сталъ Жюль-Верномъ для взрослыхъ. Какъ характерно для нынѣшней читательской массы, что успѣхъ у нея имѣетъ не политическая, не моральная, не соціальная утопія, а утопія чисто техническая; какъ характерно для современныхъ нѣмцевъ то, что героемъ, идеализованнымъ въ утопическомъ романѣ, явился американецъ-инженеръ. Техника и въ старыхъ утопіяхъ играла роль; перенося событія въ будущее, авторы естественно пытались представить фантастически-реальное преобразованіе также матеріальныхъ условій жизни, на ряду съ прочими. Но никогда самодовлѣющая техника не выпячивалась такъ самодовольно, не занимала всей сцены утопіи. Въ малой и непритязательной утопіи французскаго карикатуриста Робита техникѣ отведено тоже первое мѣсто; но какъ она мелка, какъ юмористична, какъ мало восторга возбуждаютъ въ авторѣ воздушные батальоны сражающихся армій и городск. *бульонопроводъ*, трубы котораго также оказываются иногда непрочными—и горячій супъ заливаетъ роскошную гостиную... Но современный нѣмецъ не видитъ ничего забавнаго въ мірѣ, у него нѣтъ времени улыбнуться, онъ спѣшитъ, онъ работаетъ, онъ строитъ, онъ организуется и организуетъ. Организующій сверхъ-человѣкъ, геній индустріи, финансовой и технической, изобрѣтатель, дѣлецъ-инженеръ: вотъ идеалъ современнаго нѣмца. Во славу такого сверхъ-человѣка написанъ дубовый романъ К. Здѣсь все аверигично, могуче, бодро, сильно; здѣсь все принадлежитъ творцамъ матеріальной культуры, геніямъ, собирающимъ въ послушное цѣлое тупыя, бѣсмысленныя массы рабочаго человѣчества. Наполеонъ техники и человѣческое быдло—вотъ психологическая и соціальная концепція К.; она проведена въ романѣ съ кинематографической яркостью и дубовой увлекательностью. Читателей этотъ дубокъ найдетъ, конечно, у насъ; но нѣмецкаго успѣха у насъ не будетъ: нашъ читатель еще не заряженъ этимъ пафосомъ желѣзнодорожныхъ сообщеній и возможность сократить путь между Европой и Америкой на два дня цѣной двухъ тысячъ человѣческихъ жизней еще не приволитъ его въ ослѣпляющій восторгъ. Придетъ, вѣроятно, и это—намъ суждены иные пути соціальнаго развитія,—но хотѣлось бы думать, что придетъ въ нѣсколько иной, менѣе грубой, менѣе хамской формѣ. Гимнъ человѣческой энергіи всегда нуженъ, всегда умѣстенъ, но для того, чтобы онъ былъ упоителенъ, надо, чтобы онъ былъ созданъ не во славу верхнихъ десяти тысячъ, но во славу всей массы трудящагося человѣчества. Изъ этой массы поднялись творящіе геров К., поднялись, чтобы стать маніаками своего творчества: творчества индустріи, творчества обмѣна, творчества наживы. Говорятъ ихъ образы о дѣйствительной жизни? Едва ли. Скорѣе они говорятъ объ идеалахъ романиста, умѣло выразившаго современные идеалы значительной части своего народа. Печальные идеалы. (*„Рус. Бог." 1914—1*).

Безумный, неумолимый капиталъ, причина всего, что происходитъ на страницахъ книги. Не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, уничтожая тысячи людей, безсмысленнѣйшимъ образомъ разрушая жизнь и счастье самыхъ преданныхъ своихъ слугъ, слѣпой и могучій какъ стихія, онъ неизмѣнно царитъ въ романѣ, всѣ дѣйствующія лица котораго суть ни что иное, какъ только послушные исполнители его воли. Всѣ повинуются ему, иные за страхъ, а иные даже за совѣсть, единственно кто осмѣливается встать поперекъ его дороги—это рабочіе. Послѣ одной изъ ужасныхъ катастрофъ въ строющемся туннелѣ, они бросаютъ работу и объявляютъ забастовку. Самый большой недостатокъ автора въ томъ, что онъ, вопреки исторической вѣроятности, изображаетъ этотъ протестъ рабочихъ, какъ стихійный порывъ негодованія и злобы, а не какъ сознательную планомѣрную борьбу, каковой неизбѣжно должно быть рабочее движеніе въ изображаемый періодъ капиталистическаго развитія.

Въ концѣ концовъ капиталу все же удается осуществить свою задачу, туннель построенъ и посѣдѣвшій Макъ-Алланъ, вѣрный слуга капитала, потерявшій на его службѣ здоровье, любимую семью и собственную душу, съ грохотомъ мчится въ стальномъ поѣздѣ по черному подземельямъ туннеля. Романъ читается съ интересомъ, въ немъ много увлекательной стремительности и силы въ изображеніи событій. Къ сожалѣнію, очень часто качества эти покупаются цѣною чисто кинематографической упрощенности дѣйствія и идутъ въ ущербъ художественной полнотѣ разсказа, недостатокъ которой особенно замѣтенъ въ психологіи дѣйствующихъ лицъ. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно. (*Н. Серебровъ. „Просвѣщ." 1914—2*).

320. [. . . . . 83—1

Современные нѣмецкіе поэты въ переводахъ Эльснера. 1914. М., кн-во К. Ф. Некрасова. 161 стр. Ц. 1 р.

Э. обнаруживаетъ талантъ блестящаго переводчика. Онъ проникаетъ въ духъ каждаго автора и отлично передаетъ вибраціи и изгибы чужого стиха.

Больше всего мѣста удѣлилъ Э. въ своемъ сборникѣ Рильке. Это одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ трудныхъ для передачи нѣмецкихъ поэтовъ. Стихи его бѣгутъ одной цѣльной, прихотливо извивающейся нитью, на которую нанизаны вадумчивые образы-мысли, сверкающіе тончайшей отдѣлкой. Каждое стихотвореніе Рильке точно вычерчено на металлѣ глубокимъ рѣзцомъ, врѣзавшимъ въ каждый стихъ

какой-то сокровенный поэтическій смыслъ. Строгими и красивыми словами передаетъ Э. стихотворенія этого поэта и, не жертвуя звучностью, воспроизводитъ фраза за фразой его чеканные образы.

Я знаю подъ горною сѣнью
Часовню съ погнутымъ конькомъ;
Туда, какъ монахи къ служенью,
Идутъ кипарисы гуськомъ.
Забытые всѣми святые
Толкуютъ въ стѣнахъ алтаря;
Даритъ имъ вѣнцы золотые
Въ разбитыя окна заря.

Не менѣе удачно переданы Э. и др. поэты. Разнообразіе ритмовъ достигаетъ при этомъ у переводчика большого богатства. Мѣстами онъ не переводитъ, а почти реставрируетъ автора на чужомъ языкѣ. Даже при передачѣ очень сходныхъ по формѣ стихотвореній онъ обходится безъ повтореній и всегда сохраняетъ мягкіе и выразительные оттѣнки.

Одинаково легко и свободно откликается Э. въ своихъ переводахъ и на хрупкую нѣжность Ст. Георге, и на прекрасную холодность Вольфскеля, и на эмблематическую поэзію Момберта. Какъ хорошо, напр., сохранена мечтательная яркость М. Двугенден въ стихотвореніи „Зимній мѣсяцъ":

Мѣсяцъ, укрывшись за бѣдною мглой,
Водитъ по льду золотою иглой,
Льдинами рѣчку давно заковало:
Снѣжнаго шелка на ней покрывало.
Рыцарь серебряный, мѣсяцъ блестящій,
Бѣлымъ султаномъ нагнулся надъ спящей.
Хочетъ проснуться—очнуться рѣка:
Грудь ледяная ей стала узка.

Въ образы подлиннаго выраженія облечены, повидимому, и стихотворенія Моргенштерна, похожія на остроумныя и фантастическія инвективы, разукрашенныя пышнымъ узоромъ словъ и представляющія героическое сплетеніе лукавства и мистики („Сюртукъ", „Пальмштремъ", „Мѣсяцъ").

А какъ великолѣпно передалъ Р. Шукалъ, странствующій въ костюмѣ переодѣтаго гадальго и въ то же время граціозными оборотами старающійся подчеркнуть свое знатное происхожденіе. („Bravo", „Pierrot pendu".) Особенно хорошо удались Э. переводы изъ Гофманстала и В. Шольца. Приведу одно изъ стихотвореній Шольца:

Сегодня небо безпросвѣтно.
Погостомъ кажется земля,
И дождь упорный, чуть замѣтный,
Сѣчетъ разрытыя поля.
Нагой, такъ въ плащѣ тумана,
Тяжелой дремой лѣсъ объятъ.
Ночнымъ осенимъ ураганомъ
Развѣяло его наряда.
И медленно качая стремя,
Въ сѣдлѣ продрогши до костей,
На старой клячѣ ѣдетъ Время—
Угрюмый, старый лицедѣй.

Эти живые и красочные переводы удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ и свидѣтельствуетъ не только о поэтическомъ дарованіи нѣмецкихъ поэтовъ, но также о прекрасномъ художественномъ искусствѣ Э. (*В. „Kiev. M." 1913—317*).

Читатель, разсчитывающій найти въ книгѣ антологію современной нѣмецкой поэзіи, не будетъ удовлетворенъ въ достаточной степени.

Единственно личными вкусомъ и переводческими способностями Э можно объяснить то обстоятельство, что въ его книжкѣ изъ Рильке переведено сорокъ стихотвореній, а изъ Гофманстала только одно и изъ Лилиенкрона только два; что, давая переводы стихотвореній Ф. Шлапъ, Э. Ласкеръ-Шюлеръ, Э. Шуръ и др., онъ не включилъ въ число своихъ избранниковъ ни О. Ю. Барбаузма, ни Рих. Демеля, ни С. Вѣльскаго, ни Г. Фалькэ, ни Г. Конради, ни А. Гольца. Совершенно отсутствуютъ также О. Эрнстъ, Гартлебенъ, П. Гилле, Р. Гухъ, І. Салюсъ, Шикеле, Шербартъ и даже родоначальникъ одного изъ значительнѣйшихъ теченій нѣмецкой лирики—Ницше.

Но, поставивъ на Э. за то, чего онъ не сдѣлалъ, необходимо поблагодарить его за сдѣланное. Его переводы изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ займутъ почетное мѣсто въ русской переводной литературѣ. Не всегда точно соблюдая форму, онъ почти всюду сумѣлъ передать содержаніе и, что въ чистой лирикѣ еще важнѣе, настроеніе. Именно переводъ такихъ стихотвореній „съ настроеніемъ" особенно удается Э. (*И. Александровичъ. „День". 1913—306*).

321/2. Тагоръ, Р.*) 891.4—1

Гитанджали (Жертво-пѣсни). Пер. поэт ред Ю. Балтрушайтиса. 1914. М., изд. Б. Португалова. XXI+126 стр. Ц. 40 к.

Гитанджали (Жертвенныя пѣснопѣнія). Пер. Н. Пушешникова, подъ ред. И. Бунина. 1914. М., изд. „Кн-во Писателей въ Москвѣ". 56+VII стр. Ц. 40 к.

Странная книга — волнующая и успокаивающая. Не понятно въ ней—вѣдь „цѣлый народъ, цѣлая цивилизація, столь чуждые намъ" глядитъ на насъ изъ этихъ жертвенныхъ пѣснопѣній, но каждый образъ „Гитанджали" обѣщаетъ истинной поэзіей и насыщенъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, какъ фитиль лампады—прозрачными елеемъ. Европейскій читатель знакомится теперь съ произведеніями современнаго поэта, котораго бенгальцы называютъ святымъ, и съ первыхъ же строкъ книги пѣсенъ Т. насъ уноситъ волна настроенія въ море мистическаго, въ волнахъ котораго человѣкъ ищетъ непосредственнаго общенія съ сущностью всего — божественнымъ. Смыслъ и выводъ „жертвенныхъ пѣснопѣній" тотъ же, что въ большинствѣ произведеній индійской философіи: поглощеніе всего личнаго въ единствѣ міровой души. Въ „Гитанджали" есть и какъ будто знакомые намъ мотивы: въ бенгальскихъ пѣсняхъ порой слышатся намеки на образы священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Укажемъ хъ тѣ бы на пѣсню 51-ю. Поэтъ, конечно, не заимствуетъ, а только близко подходитъ къ тому, что живетъ въ мірѣ религіозно-моральнаго, независимо отъ условій пространства и времени. (*К. „Одес. Нов." 1914—9287*).

Книга Т. — рядъ лирико-философичесихъ поэмъ, проникнутыхъ чувствомъ возвышенной религіозности. Черезъ глаза этихъ гимновъ на насъ глядитъ цѣлый огромный, сложный внутренній міръ великой восточной расы. Переводъ

*) См. № 10 „Бюллетеней": „Поэтъ созерцанія".

(изд. Португалова), выполненный въ прозѣ, въ виду непередаваемыхъ трудностей индусскаго стихосложенія, вполнѣ выразителенъ. (*Сергѣй Кречетовъ. „У. Рос." 1914—44*).

Т.—великій, оригинальный поэтъ. Кромѣ того, Т. еще философъ, но онъ не отвернулся отъ міра. Божество Т. находится „среди самыхъ бѣдныхъ, самыхъ сирыхъ, самыхъ обездоленныхъ", — какъ говоритъ онъ.—„Не пой, не славословь, не перебирай четокъ!—говоритъ поэтъ жрецу.—Кому поклоняешься ты въ этомъ уединенномъ темномъ углу храма, двери котораго закрыты? Открой глаза и ты узришь, что твоего Бога нѣтъ передъ тобой". Богъ тамъ, гдѣ пахарь и работникъ, тамъ, гдѣ созидаютъ жизнь, а не тамъ, гдѣ отворачиваются отъ нея. Не надо сковывать себя цѣпью догматовъ. „Узникъ, скажи мнѣ, кто выковалъ эту несокрушимую цѣпь?"—„Я самъ,— отвѣтилъ узникъ,—съ величайшимъ стараніемъ сковалъ эту цѣпь". Міръ прекрасенъ. Въ этомъ есть радости общенія съ природой; радости работы, радости воспринимавія знанія, блаженства творчества и великое счастье любви. Послѣдней Т. приноситъ много „жертвенныхъ пѣсенъ". Когда длинный путь жизни пройденъ; когда отъ нея взято все, что она можетъ дать; когда окружающимъ и согражданамъ дано все, то наступаетъ спокойный „отъѣздъ". „Я получилъ мой отпускъ. Братья, пожелайте мнѣ счастливаго пути. Я кланяюсь всѣмъ и уѣзжаю. Лампада, озарявшая мой темный уголъ, угасаетъ. Повѣстка объ явкѣ прислана мнѣ, и я готовъ пуститься въ путь". Смерти, когда она является, поэтъ подноситъ „полный кубокъ своей жизни". Поэтъ-философъ, захваченъ борьбой за родину. „Гдѣ разумъ не знаетъ страха и голова поднята высоко; гдѣ знаніе свободно; гдѣ міръ не раздробленъ на части *узкими домашними стѣнами*... въ этомъ небѣ свободы, о, мой Отецъ, дай проснуться моей родинѣ". Я подчеркиваю эти слова, такъ какъ боюсь, что кое у кого явится желаніе обратить Т. въ туманнаго мистика или „модерниста". ...Второй переводъ удачнѣе перваго, хотя встрѣчаются нѣкоторыя небрежности, напримѣръ: „Сбрось твой священный плащъ и, подобно ему (плащу?), иди къ нимъ". „Я получилъ мой отпускъ",— говоритъ Т. — „Нынѣ отпущаеши",—переводитъ Пушешниковъ. Помимо всего, выраженіе не подходитъ еще потому, что индусы, а Т. въ частности, по *особымъ* причинамъ не будутъ цитировать приведенныхъ словъ. Не слѣдуетъ не только влагать индусскому поэту словъ Симеона Богопріимца, не надо также „стилизировать" Т. подъ стихи „Вѣсовъ" и „Золотого Руно". Быть можетъ это и красиво съ точки зрѣнія Балтрушайтиса, но надо предоставить Т. выражаться такъ, какъ онъ хочетъ.

Въ общемъ, опять повторяю, оба перевода сдѣланы удачно, и русская публика можетъ довѣриться имъ. (*Діонео. „Рус. Вѣд." 1914—53*).

Въ настоящее время Т. одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ не только Индіи, но и вообще культурнаго міра. На родинѣ имя его окружено легендами. Въ „жертвенныхъ пѣснопѣніяхъ" онъ съ удивительной силой сумѣлъ выразить душу своего народа, поднявшись въ то же время до тѣхъ высотъ, съ которыхъ виденъ весь міръ, вся вселенная. Религія Т.—дѣйственная, религія жизни, ея радостей, и нѣтъ сейчасъ поэта болѣе утверждающаго жизнь, чѣмъ Т. (*Н. А. „Сар. Вѣст." 1914—58*).

323. Эренбургъ, И. 891. 7—1.

Дѣтское. Обложка Е. Ширяева. 1914. Парижъ, скл. изд. у т-ва М. О. Вольфъ. 50 стр. Ц. 1 р.

Маленькія книжки Э., особенно его „Одуванчики", обратили на себя вниманіе удачнымъ разрѣшеніемъ задачъ интимной поэзіи. Миги жизни, ихъ счастье, ихъ горе, ихъ внезапность и сіяющая въ нихъ вѣчность Э. удавалось воплотить въ легкіе, подвижные, очень простые стихи. „Дѣтское" посвящена Ф. Жамму. Посвященіе очень теплое, даетъ возможность увидѣть именно въ этомъ поэтѣ школу, или направленіе, приведшія Э. къ отличнымъ результатамъ. Книжку „Дѣтское" составляютъ такія стихотворенія, какъ, напримѣръ, слѣдующее:

„Звѣздъ у Бога много—цѣлый свѣтлый рай,
А ты у меня одна на свѣтѣ, обожди не умирай!
А когда умрешь все же и станешь звѣздой въ раю,
Ты такъ скажи Господу: Боже, исполни просьбу мою!
Онъ исполнитъ и ты вернешься ко мнѣ назадъ,
Въ своей ночной рубашкѣ, длинной, длинной, до пятъ.
Я буду въ твоей комнатѣ тогда
И, глядя на небо, скажу: Упала звѣзда!.."

Совершенно обезоруженная, красота этихъ вещицъ—побѣдительна. Въ ихъ наготѣ есть цѣломудріе статуи. Эти крупинки малы, какъ атомы, но какъ атомы настоящаго искусства. (*Сергѣй Городецкій „Рѣчь". 1914—67*).

Въ ней есть ароматъ—въ этой маленькой поэтической книжечкѣ. Но ароматъ чужихъ французскихъ листовъ. Всего больше, кажется ароматъ изъ книги буколическаго французскаго поэта Ф. Жамма.

Простыми и тихими словами жалуется Э. на людей, на Бога, а можетъ быть на себя. О чемъ-то разсказываетъ усталымъ голосомъ, съ оттѣнкомъ дѣтской наивности. И если это не всегда получается поэтичнымъ, то все-таки видно, что у автора имѣется способность грезить и мечтательно улыбаться:

„Вечеромъ ты ляжешь,
Подвернешь подъ себя одѣяло и скажешь:
— Какой ты огромный и смѣшной!
Дай я поцѣлую глазки твои, посиди немного со мной,
Разскажи мнѣ что-нибудь ласковое...
— Я неласковый, гадкій, угрюмый,
Но ты объ этомъ сейчасъ не думай...
Ты такъ нѣжна
И ты у меня одна,
Одна на весь свѣтъ,
Другой такой нѣтъ".

Подобно Ф. Жамму, Э. слишкомъ любуется своей простотой, и эта сознательная и созерцающая себя примитивность переходитъ иногда въ смѣшную и сентиментальную ходульность. Впрочемъ, за вычетомъ двухъ-трехъ стихотвореній, книжечка Э. проникнута чистымъ и трогательнымъ настроеніемъ. (*Л. В. „Кіев. М." 1914—25*).

Въ книгѣ Э. слишкомъ мало самостоятельности—на поэта оказываетъ громадное, подчиняющее вліяніе Жаммъ. Но все же, въ общемъ, эта книжечка производитъ пріятное впечатлѣніе—въ ней ощущается прелесть природы, иногда

попадаются интересныя и свѣжія сравненія, какъ, напр.:

Солнце—золотой шмель,
Но есть большой паукъ на свѣтѣ;
Если дождь идетъ подъ рядъ нѣсколько недѣль,
Значитъ солнце попалось въ сѣти.
Лужи хлюпаютъ подъ ногой,
Мокрые воробьи хохлятся, съ деревьевъ каплетъ,
Это все пока шмель золотой
Не порветъ паутины тоненькой лапой.

(*Поэтъ. „Очаровъ. Стран.“ 1914—3*).

324. Головачевъ, П. М. 91(57)

Экономическая географія Сибири. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 183 стр. Ц. 70 к.

Работа Г. можетъ оказаться весьма цѣннымъ пособіемъ для первоначальной ориентировки въ экономической жизни Сибири. Въ сжатомъ видѣ, но достаточно ясно и выпукло авторъ очертилъ всѣ виды сибирской сельскохозяйственной промышленности, всѣ отрасли промышленности добывающей и обрабатывающей. Авторъ не ограничился перечисленіемъ голыхъ фактовъ, а, наоборотъ, наиболѣе общія условія экономическаго развитія Сибири и виды ея на будущее. Нѣкоторыя его оцѣнки могутъ показаться слишкомъ оптимистическими (въ частности, относительно переселенческихъ перспективъ), но при типѣ его книги—популярномъ, полусправочномъ—для слишкомъ детальныхъ анализовъ, пожалуй, не хватило бы мѣста. Книга снабжена рядомъ интересныхъ діаграммъ, исполненныхъ весьма тщательно и наглядно, такъ что заключающіяся въ нихъ матеріалъ доступенъ для читателей, совершенно не искушенныхъ въ дѣлахъ статистическихъ. (*С. И. „День“. 1914—49*).

Трудъ Г. заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Книгу нельзя назвать учебникомъ, хотя она очень пригодна и для учебныхъ цѣлей. Ее нельзя также отнести и къ разряду популярныхъ географическихъ очерковъ, такъ какъ она оперируетъ съ очень тщательно подобранными естественно-историческими, экономическими, статистическими и культурно-общественными фактами; но вмѣстѣ съ тѣмъ она весьма достаточна и интересна для большой публики. Главный центръ тяжести изложенія лежитъ въ освѣщеніи экономическихъ силъ страны, ихъ распредѣленія, развитія и оцѣнкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ учитываетъ разные моменты въ состояніи Сибири, какъ окраины Россіи. Особенное вниманіе обращено на экономическій переломъ въ жизни Сибири, вызванный сооруженіемъ транссибирской желѣзной дороги и интенсивнымъ переселенческимъ движеніемъ. Въ конечномъ итогѣ авторъ приходитъ къ выводу о возможности мощнаго экономическаго развитія Сибири. Но ея доминирующей производительной силой будетъ все же земли хлѣбопашца и скотовода и вообще добываніе сырыхъ продуктовъ, а не обрабатывающая промышленность. Онъ считаетъ, что до сихъ поръ Сибирь шла безсознательно, стихійно по пути сельскохозяйственнаго развитія, а въ будущемъ этотъ путь, какъ наилучшій и наиболѣе вѣрный для ея процвѣтанія, она будетъ проходить уже болѣе сознательно. (*Вл. В. „Рус. Вѣд.“ 1914—53*).

Въ этомъ трудѣ разсматриваются различныя отрасли хозяйственной дѣятельности сибирскаго населенія въ ихъ географическомъ распредѣленіи въ странѣ въ зависимости отъ окружающихъ мѣстныхъ условій и дается не только описаніе видовъ этой дѣятельности и ихъ современнаго состоянія, но выясняется ихъ происхожденіе, характеръ и вліяніе въ связи съ физико-географическими и естественно-историческими условіями данныхъ мѣстностей и съ культурнымъ состояніемъ ихъ населенія. Эта книга является первымъ опытомъ экономической географіи Сибири. Къ труду приложенъ портретъ автора. (*„Сиб. Жизнь.“ 1914—30*).

325. Нечаевъ, А. В., проф. 91:308](588)

По горной Бухарѣ. Путевые очерки. 1914. Спб., скл. изд. у М. М. Стасюлевича. IV+107 стр. Съ 37 рис. Ц. 75 к.

Простота, сжатость и точность языка — вотъ отличительныя достоинства путевыхъ очерковъ ученаго путешественника. Авторъ — геологъ, и цѣль поѣздки — геологическія изслѣдованія. Объ этой спеціальной задачѣ и ея результатахъ авторъ говоритъ, однако, очень мало. Книга предназначена не для ученыхъ, и не для геологовъ вообще, а для широкаго круга читателей. Авторъ былъ въ Бухарѣ въ 1908 г., и путешествіе по горной части этого ханства продолжалось въ общемъ свыше двухъ мѣсяцевъ. Хорошо подготовленный къ такому путешествію, Н. умѣетъ подмѣчать не только геологическія породы, но и красоту дикаго ландшафта и своеобразные нравы мѣстнаго населенія. Среди сравнительно небольшой литературы о горной Бухарѣ очерки Н. займутъ повтому не послѣднее мѣсто. (*Р. С. „Ежем. Журн.“ 1914—2*).

Въ качествѣ ученаго геолога, Н. интересуется, главнымъ образомъ, этой спеціальной стороной дѣла и въ этомъ отношеніи сообщаетъ очень много цѣнныхъ и интересныхъ фактовъ, при чемъ свѣдѣнія эти въ высокой степени любопытны: они порой свидѣтельствуютъ о „грандіознѣйшихъ геологическихъ явленіяхъ“, о „результатахъ мощныхъ горообразовательныхъ процессовъ“, объ этихъ „запечатлѣвшихся, по выраженію А. В., длительныхъ геологическихъ процессахъ“. Независимо отъ этой, главной стороны вопроса, мы находимъ въ очеркахъ Н. немало черточекъ и штриховъ, характеризующихъ бытъ и нравы, обычаи и легенды этой дикой и своеобразной страны. Эта-то „своеобразная поэзія пустыни“, какъ выражается Н., находитъ нерѣдко подъ его перомъ довольно яркое и красочное выраженіе (описаніе степи на остановкѣ въ Тибэу). При всей своей безпретенціозности на какое бы то ни было особое художественное значеніе, очерки читаются съ живымъ и неослабѣвающимъ интересомъ. (*М. Королицкій. „День“. 1914—49*).

Спеціальный геологическій характеръ экскурсіи не отразился въ книгѣ. Очерки Н. живы, литературны, и читать ихъ большое удовольствіе. Много первобытной примитивности въ жизни Бухары. Вся ея нехитрая бюрократія, не получая опредѣленнаго жалованья, кормится около населенія. Забавна армія: „Команда отдается по-русски, но при этомъ русскія слова настолько искажаются, что нерѣдко получается чистая безсмыслица. Видъ солдатъ жалкій, большинство оборванные, грязные. На ученьѣ команда исполняется вразбродъ, послѣ каждаго пріема ряды совершенно перетасовываются. Стрѣлять обучаются на незаряженныхъ ружьяхъ: по командѣ берутъ на прицѣлъ и кричатъ: „пу!“. Въ странѣ

многочисленны малярійныя гнѣзда, а медицинской помощи никакой: больные выбѣгаютъ къ путешественникамъ и просятъ хины. Въ общественныхъ отношеніяхъ патріархальность: расцѣпространенъ обмѣнъ подарками, а откровенные россійскіе „чаи" положительно оскорбляютъ; давать ихъ нужно дипломатично. Независимое своимъ богатствомъ населеніе, портящее родную власть, одобряетъ русскихъ. „Что эмиръ дѣлаетъ? Заботится о народѣ? Ничуть. Только съ дѣвками забавляется. А Бухару кто карауметъ? Не эмиръ, а русскіе. Если бы не русскіе, Бухару Афганъ давно бы взялъ. Дороги кто проводитъ? Тоже русскіе... У Бухары есть свои спеціфическіе восточные грѣшки („бачи"). Въ книги Н. видно, какъ рядомъ съ ними начинаютъ вымышать звѣздочки европейской „культуры". (*Ег. В. „Россія". 1914—2544*).

Новыя книги.

Общія сочиненія [0]

1529. [. . . . . 015(47) „1913"

Библіографическій Ежегодникъ. Вып. III. Годъ изд. 3-й. Подъ ред. И. В. Владиславлева.—Систематическ. указатель литературы за 1913 г. (классифик. по десятичной системѣ). 1914. М., кн-во „Наука". 370 стр. Ц. 1 р. 50.

Содержаніе: указатели: вышедшихъ за годъ книгъ, журналъ. литературы, рецензій. Библіографія иностран. литературы о Россіи. Отошедшіе (некрологъ). Конфисков. за годъ изданія. Свѣдѣнія о періодич. изданіяхъ, выходящ. въ Россіи на русскомъ яз.

1530. Срезневскій, В. И. 016(47.2)

Описаніе рукописей и книгъ, собранныхъ для Императорской Академіи Наукъ въ Олонецкомъ краѣ. 1913. Спб. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 4° XXVIII+688 стр. Ц. 3 р. 60 к.

1531. Гинкенъ, Ант. 028

О чтеніи и книгахъ. Вып. II. Похвала книгамъ. О чтеніи (какъ слѣдуетъ читать?) О выборѣ книгъ (что слѣдуетъ читать?) 1914. Спб., скл. изд. въ тип. А. В. Орлова. 160 стр. Ц. 80 к.

1532. Саевичъ, Н. А. 028:087.1

Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Дѣтская литература и журналистика за 1913 г. 1914. М., изд. ред. жур. „Педаг. Листокъ" — Учительская библ. 76 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Введеніе. Нѣкоторыя отличительныя особенности дѣтск. литер. послѣдн. времени. Дошкольн. возрастъ. Младшій возрастъ. Средній возрастъ. Старшій возрастъ. Поэзія въ дѣтской литературѣ. Исторія и историч. беллетристика. Зоологич. беллетристика. Географія и естествознаніе. Дѣтскій театръ. Игры и занятія. Дѣтская журналистика. Систематич. списокъ книгъ, рассмотр. въ „Опытѣ" дѣтской литературы.

1533. [. 04

Толстовскій музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870–1894. Съ предисл. и примѣч. В. Л. Модзалевскаго. 1914. Спб., изд. о-ва Толстов. музея. 478 стр. Съ портр. Толстого и Страхова. Ц. 2 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Т. любилъ въ С. вѣчную работу, его постоянныя исканія; „мы съ нимъ очень похожи другъ на друга нашими религіозными взглядами, мы оба убѣждены, что философія ничего не дѣлъ, что безъ „религіи жить нельзя, а вѣрить не можемъ".

1534. [. . . . . 061(05)

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1913 г. Т. XVIII. Кн. 3-я. 1914. Спб., изд. Имп. Акад. Наукъ. 404 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: А. И. Яцимирскій. Къ исторіи ложныхъ молитвъ въ южно-славянской письменности. Д. В. Айналовъ. Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. К. К. Истоминъ. „Старая манера" Тургенева (1834 — 1855). В. П. Адріановъ. Хожденіе Арсенія Селунскаго. В. М. Поповъ. Замѣчаніе о сѣверо-смоленскихъ и ржевскихъ говорахъ. Е. В. Аничковъ. Методологическія замѣчанія о текстѣ „Демона". Н. М. Петровскій. Письмо патріарха Константинопол. Геофилакта царю Болгаріи Петру. Библіографія: Б. М. Поповъ. A. Lindell. М. С. Московскевичъ. По поводу статьи В. А. Богородицкаго. А. И. Соболевскій. Прот. І. І. Кузнецовъ: свв. Василій и Іоаннъ. Е. Ѳ. Будде. Сочиненія Мих. Дм. Чулкова.

1535. Бонзельсъ, В. 087.1

Пчелка мая и ея приключенія. Разрѣшен. авторомъ пер. съ нѣмецк. Музы Розенфельдъ. Съ рис. В. В. Спасскаго. 1914 М. Кн-во „Творчество" (Г. Р. Сабсовича). 129 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1536. Де-Виттъ и др. 087.1

Исторія одной собаки. Оресъ. Бривъ. Герде. Четыре разсказа Де-Виттъ, Кюне, Гревфель, Мирской. Со многими рисун. 1914. М., изд. И. Н. Горбунова. — Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юнош. № 265 — 54 стр. Ц. 30 к.

Философія [1]

1538. [. . . . . 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Непріод. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Эд. Радлова, Сборникъ № 16. Психологія мышленія. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 156 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: И. И. Лапшинъ. Психологія эмоціональн. мышленія Г. Майера. О. Кюльне. Современная психологія мышленія. А. А. Кроглусъ. Вюрцбургская школа эксперимент. изслѣдованія мышленія и ея значеніе. А. І. Кучмавъ. Психологія мышленія Ѳ. Брентано, Т. Уфуссъ, Э. Гуссерля и К. Штумпфа.

1539. Рамачарака, іогъ. 13

Раджа-іога. Ученіе іоговъ о психическомъ мірѣ человѣка. 1914 Спб. Кн-во „Новый Человѣкъ". 246 стр. Ц. 1 р. 20 к.

1540. Минеръ, Л. С. 178.7:613.8

Научныя основы борьбы съ куреніемъ табаку. 1914. М., Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 22 стр. Ц. 40 к.

Религія [2]

1541. Герасимовичъ, А. 2(09)

Творящее въ религіи. Этюдъ матеріалистич. истолкованія исторіи религіи. І. Религія на зарѣ культуры. 1914. Спб., скл. изд. Литейный 30, кв. 38. 146 стр. Ц. 1 р.

Изъ книги: „Мы опредѣлимъ религію, какъ теорію сознательно-творческаго приспособленія человѣчества къ явленіямъ мировой жизни, понимаемой въ формахъ личной сознательной воли. Разработка этого положенія на почвѣ фактовъ первобытной религіи и является задачей очерка".

1542. Герасимовъ, Н. 294.3

Нирвана и Спасеніе. 1914. М., т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ. 264 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Упанишады. Пота. Буддизмъ. Джайны. Вишнуизмъ. Религія Любви. Мистеріи. Египетъ и Вавилонъ. Орфизмъ. Изида и Гермотизмъ. Религія Зороастра. Вѣра Митры. Ессеи и Гностики. Le Deum.

Соціальныя науки [3]

1543. [. 301

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф-овъ М. М. Ковалевскаго, Н. Н. Ланге, В. М. Шимкевича и Ник. Морозова. Т. IX. Кн. XXVII. 1914. М., изд. т-ва „Міръ". 144 стр. Съ иллюстр. въ текстѣ и 5 на отд. лист. Ц. по подп. 6 р. 75 к. за томъ.

Содержаніе: Общество. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго. Ч. I. (теоретическая). I. Основные законы развитія общества. Проф. De Greefa. Эволюція идей и ученій объ обществѣ: Соціальныя вѣрованія въ первобытн. обществахъ, находящихся въ разсѣянномъ состояніи и живущихъ охотой и рыболовствомъ. Соціальныя вѣрованія у пастушескихъ о-въ. Позитивизмъ и централизація боговъ. Египетъ. Вавилонія и Ассирія; Сирія, Финикія и Палестина. Индія. Иранъ, Персія и М. Азія. Китай. Европа.

1544. Сивковъ, К. В. 308(4)

Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII в. — Культурно-историч. Библ. подъ ред. Историч. ком. Уч. О. О. Р. Т. зн. № 7. — 1914. Спб., кн-во типо-лит. „Энергія". 134 стр. Ц. 85 к.

Содержаніе: Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII в. Вступ. очеркъ К. В. Сивкова. — Изъ „Статейнаго списка посольства. Б. П. Шереметьева." Изъ „Журнала путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—99 гг." Изъ „Путешествія стольника П. А. Толстого 1697—99 гг. Изъ „Описанія поѣздки гр. А. А. Матвѣева въ Парижъ въ 1705 г." Изъ „Дневника и путевыхъ замѣтокъ кн. Б. И. Куракина". Изъ письма кн. М. Голицына изъ-за границы въ 1711 г." Изъ „Записокъ" П. И. Неплюева. Изъ „Записокъ" гр. А. В. Вронцова. Изъ „Записокъ" А. Т. Болотова 1758—1760 гг. Изъ „Житія Ѳ. В. Ушакова" А. Н. Радищева. Изъ „Журнала путешествія Н. А. Демидова (1771—73 гг.)" Изъ воспоминаній и писемъ кн. А. Б. Куракина. (1770—72 гг.). Изъ „Записокъ" кн. Е. Р. Дашковой. Изъ „Писемъ Д. И. Фонвизина къ гр. Н. И. Панину". Изъ Путешествія по Пруссіи гр. Ѳ. В. Ростопчина (1786 г.). Изъ „Воспоминаній" В. И. Зиновьева. Изъ „Писемъ русскаго путешественника" Н. М. Карамзина.

1545. Вазовъ, И. 308(497.2)

Сосѣди. (Картина болгар. нравовъ изъ эпохи господства турокъ). Пер. съ болг. П. Дятлова. 1914. М., кн-во „Польза", В. Антикъ и К°. 124 стр. Ц. 10 к.

1546. Орженцкій, Р. 31

Учебникъ математической статистики. 1914. Спб., скл. изд. юрид. кн. скл. „Право" IV+166 стр. Съ чертеж. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Литература. — Общія понятія. Значеніе теоріи вѣроятности для статистич. методы. Средняя величины. Относительныя числа. Корреляція. Функціональная зависимость рядовъ. Мѣра совпаденія.

1547. [. . . . 32(47.31) .15"

Московская политическая литература XVI в. Изборникъ подъ ред. и со вступит. статьей М. Ковалевскаго. — Культурно-историч. библ. подъ ред. Историч. Ком. уч. О. О. Р. Т. Зн. № 8 — 1914. Спб., кн-во тип. лит. „Энергія". 134 стр. Ц. 85 к.

Содержаніе: Московская политич. литература XVI в. Статья М. Ковалевскаго. I — IV. Удѣльная Русь. Москва — 3 й Римъ. Нестяжатели и іосифляне. Эпоха Грознаго.

1548. Холоневскій, А. 323.1(43:47.5)

„Нѣмецкая опасность" (изъ пережитаго западнымъ славянствомъ). Пер. съ польск. 1914. М., кн-во „Прись". 20 стр. Ц. 20 к.

Изъ предисловія: „По поводу утвержденія Прусскимъ Сеймомъ новыхъ громадныхъ капиталовъ на колонизацію Познанской Польши, появилась статья въ журналѣ „Swiat", содержащая въ широкомъ и исчерпывающемъ объемѣ освѣщеніе польско-нѣмецкаго вопроса, поэтому позволяемъ себѣ перевести эту статью".

1549. [. . . . . 33(082)

Новыя идеи въ экономикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. М. П. Тугана-Барановскаго. Сборникъ № 4. Вздорожаніе жизни. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 164 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Л. фонъ-Мизесъ. Всеобщее вздорожаніе жизни въ свѣтѣ теоріи политич. экономіи. В. Эгентвелеръ. О причинахъ вздорожанія жизни. Ж. Лескюръ. Всеобщее повышеніе и пониженіе цѣнъ. А. Зальцъ. Вздорожаніе хлѣба на мировомъ рынкѣ. С. О. Марголинъ. Вздорожаніе жизни и количественная теорія денегъ Ирвинга Фишера.

1550. Грамматчиковъ, С. 331(04)

Мировой строй труда. 1914. М., скл. изд. у Рус. Т-ва Печ. и Изд. Дѣла. 214 стр. Ц. 1 р. 40 коп.

Содержаніе: Трудъ и трудовой строй: Работа труда въ трудовомъ строѣ. Законъ спеціализаціи труда. Мировой строй труда. Техника автоматич. строя труда: Цѣна и деньги. Прибыль — убытокъ. Капиталъ. Служебная роль капитала. Единицы трудового строя: предпріятіе. Государство. Заключеніе: Творческая личность и трудовой строй.

1551. Нольценъ, А. М. 331.825

Законъ объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни (Высочайше утвержденный 23 іюля 1912 г.; Собр. Узак., № 141, ст. 1292). Практическое руководство. 1913. Спб. Изд. кн. скл. „Право". 325 стр. Ц. 2 р.

1552. Медвѣдевъ, Н. С. и др. 334(02)

Семинарій В. Б. Тотомианца по политич. экономіи (коопераціи) при Имп. Моск. унив. Н. С. Медвѣдевъ. Торговое посредничество и кооперація. С. П. Пзвскій. Фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ и мѣры борьбы съ ней. Г. А. Герсони. Лиги покупателей за границей. А. П. Савичъ. Мелкое крестьян. хозяйство и коопе-

рація. П. И. Шелковъ. Маслодѣльныя артели Вологод. губ. 1914. М., изд. А. М. Будагова, скл. въ кн. маг. „Студ. Из-во". 224 стр. Ц. 1 руб.

Изъ предисловія: „Дипломная работа Шелкова является работой по первоисточникамъ, подкрѣпленнымъ личными наблюденіями на мѣстахъ. Работа Герсони тоже сдѣлана по первоисточникамъ. Что касается пр. работъ, то онѣ по своему характеру не могли базировать на обработкѣ сырого матеріала, но зато въ нихъ больше теоретич. обобщеній, быть можетъ спорныхъ, но полученныхъ послѣ долгихъ размышленій надъ прочитаннымъ и видѣннымъ".

1553. Конъ, Ст. 347.7

Къ вопросу о финансовой организаціи страховыхъ товариществъ. (Отд. отт. изъ „Вѣст. Фин., пром. и торг., за 1913 г.). 1914. Спб., скл. изд. при юрид. кн. скл. „Право". 86 стр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Система твердыхъ премій съ точки зрѣнія—западно-европ. опыта и нашего страхового законодательства. Появившіеся проекты финансовой организаціи страховыхъ товариществъ. Основанія индивидуализаціи страховыхъ взносовъ.

1554. Елистратовъ, А. И., проф. 35(02)

Основныя начала административнаго права. 1914. М., изд. Г. А. Лемана, скл. изд. въ кн. маг. „Студ. Из-во". VIII+332 стр. Ц. 2 руб. 50 коп.

Изъ предисловія: „Намъ невольно пришлось выдвинуть въ настоящемъ руководствѣ на первый планъ изученіе основныхъ началъ администр. права на основаніи болѣе развитыхъ законодательствъ нашего времени. Теорія админ. права соединяется съ посильною разработкой соотвѣтств. матеріаловъ русскаго положит. законодательства и частью практики".

1555. Познеръ, С. В. 37:296

Евреи въ общей школѣ. (Къ исторіи законодательства и правительств. политики въ области еврейскаго вопроса). 1914. Спб., изд. „Разумъ". XIV+214+136+II стр. Съ 8 діагр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Раздѣлъ I. Историч. очеркъ правительственныхъ мѣропріятій въ области просвѣщенія русскихъ евреевъ: отъ перехода еврейск. населенія западн. губ. въ русское подданство до воцаренія Имп. Николая I. Эпоха Имп. Николая I. 60-ые гг. Реакція — Введеніе ограниченія пріема евреевъ въ общія учебныя заведенія. Раздѣлъ 2. Процентная норма: Развитіе и практика примѣненія ограничительн. правилъ. (Общія замѣчанія. Ограниченія: пріема въ учебныя заведенія, въ правѣ освобожденія отъ взноса платы за ученіе и пользованія стипендіями, въ правѣ жительства. Стѣсненіе въ исполненіи религіозн. предписаній). Послѣдствія установленія %-ой нормы. Заключеніе. Приложенія. Источники.

1556. Евсѣевъ, К. 371

Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ русской педагогич. литературѣ. 1914. Спб., скл. изд. въ кн. маг. А. С. Суворина „Новое Время". 46 стр. Ц. 40 к.

Содержаніе: Введеніе. Литерат. бесѣды отъ конца XVIII до 70-хъ гг. XIX в.: I. А. Бесѣды въ Моск. Благородн. пансіонѣ и въ Александр. Царскосельск. лицеѣ. II. В. Бесѣды въ Казан. и Петерб. округахъ. III. С. Бесѣды въ Одесс. и Кіев. округахъ. IV. Литерат. бесѣды 70—90 гг. XIX ст. V. Литерат. бесѣды послѣдняго десятилѣтія.

1557. Шульце, Л. К. 371

Игры съ буквами. Пер. съ англ. подъ ред. Н. В. Чехова. 1914. М., изд. „Задруга" 44 стр. Ц. 35 к.

Изъ предисловія: „Игры въ буквы не должны представлять изъ себя единственный методъ для усвоенія буквъ и начатковъ чтенія. Это только подсобное упражненіе для болѣе легкаго запоминанія буквъ и попытка придать большій интересъ нѣкоторымъ звуковымъ упражненіямъ. Рядомъ съ играми въ буквы, - великаны могутъ итти и др. виды занятія съ буквами, связанные со всей остальной школьной работой".

1558. Мейманъ, Э., проф. 371(02)

Лекціи по эксперимент. педагогикѣ. 3-е изд. Пер. подъ ред. Н. Д. Виноградова съ послѣдн. перераб. и значит. расшир. нѣм. изд. Т. I. Физическое и духовное развитіе дѣтей. 1914. М., изд. т-ва „Міръ". XII+660 стр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе къ 1 и 2-му нѣм. изд.—Лекціи I—VIII: формальное опредѣленіе задачи эксперим. педагогики. Матеріальное опредѣленіе задачи экспер. педаг. Эксперим. изслѣдованіе тѣлесн. и духовн. развитія дитяти и педагогич. значеніе этого изслѣдованія. Эксперим. изслѣдованіе развитія отдѣльн. духовн. способностей подрастающаго и его педагогич. значеніе. Кругъ представленій у поступающихъ въ школу дѣтей и дальнѣйшее развитіе его въ теченіе школьн. лѣтъ. Развитіе памяти. Процессы представленія и рѣчь. Развитіе эмоцій и воли. Законы развитія и педагогич. значеніе изслѣдованія подрастающихъ. Указатель литературы.

Чистыя науки [5]

1559. Ціолковскій, К. 52

Изслѣдованіе міровыхъ пространствъ реактивными приборами (дополненіе къ I и II части труда того же названія). 1914. Калуга, изд. К. Э. Ціолковскаго (Коровинская, д. 61). 16 стр. Ц. 15 к.

Изъ книги: „Здѣсь я хотѣлъ бы популяризовать свои мысли, сдѣлать нѣкоторыя къ нимъ поясненія и опровергнуть взглядъ на „ракету" [для межпланетныхъ путешествій], какъ на что-то чрезмѣрно далекое отъ насъ".

1560. Калитинъ, Н. Н. и др. 52.7

Руководство къ любительскимъ наблюденіямъ во время полнаго солнечнаго затменія 8(21) авг. 1914 г., видимаго въ Европ. Россіи. 1914. Спб., изд. Рус. О-ва Люб. Міровѣд. 56 стр. Съ иллюстр. Ц. 35 к.

Содержаніе: Н. Калитинъ. Полное солнечн. затменіе 8(21) авг. 1914 г. и главнѣйш. метеорол. условія въ полосѣ тѣни. Схема полосы полн. солн. затм. 8(21) авг. 1914 г., проход. черезъ Евр. Р., съ указаніемъ пограничн. и ближ. къ ея границамъ нѣкот. географич. пунктовъ. Г. Тиховъ. О наблюденіяхъ во время солн. затменій простымъ глазомъ и при помощи простѣйш. приборовъ. I. Сикора. Демонстрированіе затменій на экранѣ. С. Гальперсонъ. Фото-актинометрія на предстоящемъ полномъ солнечн. затменіи. С. Селивановъ. Метеорологич. наблюденія во время затменія. Д. Снятскій. Программа біологич. наблюденій во время полн. солн. затм.

8 авг. 1914 г. Н. Субботина. О психологіи наблюдателя и психологич. наблюденіяхъ во время солн. затменія. Отъ Рус. О-ва Люб. Мірозѣд. Отъ Кіев. Кружка Люб. Астрономіи.

1561. Лехеръ, Э., проф. 53(02)

Физика для медиковъ и біологовъ. Авторизир. съ нѣмец. ассист. Физіолог. Инст. Имп. Моск. Унив. П. В. Головинскаго и В. С. Кана, подъ ред. проф. П. Г. Стаккевича. М. 1914, изд. Н. К. Статкевичъ. X+406 стр. Съ 499 рис. въ текстѣ. Ц. 4 р.

Отъ редактора: „... Книга представляетъ краткое, сжатое иногда до лаконичности, изложеніе основъ физики; дидактич. цѣлями авторъ разбилъ книгу на 780 §§, каждый изъ которыхъ излагаетъ законченный отвѣтъ на вопросъ".

1562. Остваль̀дъ, В. 546(02)

Основы неорганической химіи. Пер. съ нѣм. [по тексту 3-го нѣм. изд.] 1914. М., скл. изд. въ тип. Вл. Ф. Рихтера. XVI+768 стр. Съ иллюстр. Ц. 4 р.

Изъ предисловія О.: „Въ третьемъ изданіи первыя главы въ значит. мѣрѣ подверглись переработкѣ. Въ отдѣльной главѣ я далъ общій очеркъ химіи радіоакт. веществъ. Наконецъ, соотвѣтственно послѣдовавшему расширенію знанія пополненъ и весь текстъ. (янв. 1912 г.)".

1563. [. . . . 549(082):92(B)

Сборникъ въ честь двадцатипятилѣтія научной дѣятельности Влад. Ив. Вернадскаго. Съ портр. и 5 табл. 1914. М., скл. изд. въ Бюро Имп. Моск. О-ва Исп. Природы. IV+292 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Отъ участниковъ сборника. Списокъ научныхъ трудовъ В. Составленъ А. Е. Ферсманомъ. Списокъ печатн. работъ, исполн. въ минералог. кабинетѣ Моск. Ун. (по 1911 г.) подъ руковод. В. Собрано Н. И. Сургучовымъ. Д. Н. Артемьевъ. Кристаллизація фенило-лактона+эфиръ. В. В. Аршиновъ. О левинитѣ и др. минералахъ оз. горы Кинжалъ въ области пятигорскихъ минер. водъ на Кавказѣ. Ив. А. Багашевъ. Радіоактивность источниковъ Забайкалья. К. І. Висконтъ. О флюидальномъ сложеніи нѣкот. жильныхъ породъ Тургоякскаго гравитнаго штока въ Златоуст. горномъ округѣ на Уралѣ. Л. Л. Ивановъ. Очеркъ по геологіи и минералогіи Мѣднаго полуострова на Новой Землѣ. Съ табл. В. В. Карандѣевъ. Объ измѣненіи вращательной способности двуосныхъ кристалловъ. А. В. Казаковъ. Извлеченіе фосфорной кислоты изъ фосфоритовъ. Г. И. Каспаровичъ. Кеффекилита изъ окрестн. Бахчисарая. А. Р. Кириллова. О новыхъ и рѣдкихъ ледниковыхъ валунахъ Москвы. губ. О. М. Лебедева. О кристаллической формѣ и оптич. свойствахъ гликоколя. А. В. Missuna. Beitrag zur Kenntniss der tossilen Diatomeen Südrussland. П. П. Пилипенко. Къ минералогіи Алексѣев. рудника Минусин. у. С. П. Поповъ. Минералы окрестностей г. Ялты. Е. М. Рихина. О кристаллич. формѣ и оптич. свойствахъ хлорноватокислаго стронція. Я. В. Самойловъ. Къ вопросу о генезисѣ нѣкот. минераловъ осадочныхъ породъ.—О цеолитахъ Туркестана. Съ табл. Н. И. Сургучовъ. Вторичный доломитъ и десминъ въ Солянской горы въ г. Тифлисѣ. Съ табл. А. А. Твалчрелидзе. Къ минералогіи Батумскаго края. А. Е. Ферсманъ. Соединенія переменнаго состава въ земной корѣ. А. О. Шкляревскій. Изумрѣвія целестиновъ съ сѣв. Кавказа.

1564. Кандыба, Б. Н. 551.3

Рѣчныя наводненія. Причины наводненія и способы предохраненія отъ нихъ мѣстностей. Краткій очеркъ. 1913. Спб., изд. Инст. Инж. Путей Сообщ. Имп. Александра I. 29 стр. Съ чертеж. Ц. 50 к.

1565. [. . . . . 57(082)

Новыя идеи въ біологіи. Непериод. изд., выход. подъ ред. проф. В. А. Вагнера. Сборникъ № 5. Биохимія. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 144 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: А. С. Щепотьевъ. Біохимическія основы эволюціи. Р. Дитмаръ. Смерть и прекращеніе существованія въ природѣ въ свѣтѣ воззрѣній коллоидной химіи. Б. Рубичка. О наслѣдственномъ веществѣ и механикѣ наслѣдственности.

1566. Бушанъ, Г. 572

Иллюстрированное народовѣдѣніе при участіи А. Бигана (сѣв., центр. и зап. Азіи), В. Крикеберъ (Америка), Р. Лашъ (введеніе), проф. Ф. Лушанъ (Африка), проф. В. Фолицъ (Юж. и восточ. Азіи). Вып. I. В. Крикеберъ. Америка. Съ 8 табл. и 49 рис. въ текстѣ. Пер. съ нѣм. и ред. Н. Березина. 1914. Спб., кн-во „Прометей" Н. Н. Михайлова. 200 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Р. Лашъ. Введеніе въ народовѣдѣніе. В. Крикеберъ. Америка: Сѣверо-Американ. туземцы. Мексиканско-центрально-американ. культуры. Южно-Американ. народы. Культурные народы горной части Центр. Америки и Южной Америки.

1567. Геншель, Э. 576.8

Жизнь пѣсныхъ водъ Пер. съ нѣм. М. К. Тихомировой. 1914. М., кн-во К. И. Тихомирова. 390 стр. Съ рис. Ц. 2. р.

Содержаніе: Жизнь въ водѣ. Движеніе. Дыханіе. Питаніе. Органы защиты. Размноженіе. Развитіе. Простѣйшія. Родословное дерево пѣсноводныхъ животныхъ. Распространеніе пѣсноводн. животныхъ.

Прикладныя науки [6]

1568. Брусянинъ, В. В. 61(0:8)

Доктора и паціенты. Типы врачей въ художественн. литературѣ. Литературно-Общественн. параллели. 1914. Спб., изд. д-ра Б. А. Окса. 276 стр. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Взятая изъ литературы, срисовывая въ своихъ произведеніяхъ портреты съ живыхъ врачей и претворяя ихъ въ типы, раскрываетъ передъ нами психологію врача, какъ самаго совершеннаго человѣка, съ присущими ему достоинствами и слабостями".

1569. [. . . . . 61(082)

Новыя идеи въ медицинѣ. Непериод. изд., выходитъ подъ ред. проф. А. М. Левина, при ближ. участіи проф. Л. В. Блуменау, проф. А. А. Кадьяна, д-ра Е. С. Лондона и акад. И. П. Павлова. Сборникъ № 3. Внутренняя секреція. 1914. Спб., изд. „Образованіе". 124 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: П. С. Цитовичъ. Основы физіологіи органовъ внутренней секреціи. Г. Пезетъ. Нервизмъ системы и внутренняя секреція. Ф. Краусъ. Патологія щитовидной железы, паращитовидн. желѣзъ, придатка мозга ихъ взаимодѣйствіе.

1570. Левенфельдъ, Л., д-ръ мед. 613

Бракъ и счастье. Наблюденія, разышленія и совѣты врача. Сокращ. пер. съ 3-го нѣм. изд. Б. А. Винницкой, подъ ред. д-ра Е. Аркина. 1913. Спб., изд. „Литер.-Медиц. журн." д-ра Окса. 132. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предварит. замѣчанія. Источки супружескаго счастья (Предрасполагающія условія. Эссенціальные моменты). Пути, облегчающіе достиженіе семейнаго счастья.

1571. Рахмановъ, В. В. 613(075)

Учебникъ школьной гигіены. Для учит. семин. и школъ, педаг. курсовъ, учит. инст. и педаг. классовъ ср. учебн. зав. Съ 22 рис. и табл. 1914. Спб., кн-ое тов. „Просвѣщеніе"—Педагогич. отд., подъ ред. Г. Г. Тумима. 152 стр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Введеніе. Заразныя и неинфекціон. заболѣванія учащихся. Объ умственномъ утомленіи. Питаніе школьниковъ. Воздухъ въ классѣ и устройство школы. Освѣщеніе класса. Посадка учениковъ, классная мебель и школьныя занятія. Простѣйшіе методы изслѣдованія здоровья учащихся. Физич. воспитаніе. Гигіена учащихся. Литерат. указанія.

1572. Бирхеръ-Беннеръ, М., д-ръ мед. 616

Основы лѣченія питаніемъ на началахъ энергетики. Разрѣш. авторомъ пер. съ 3-го нѣм. изд. бар. А. В. Тизенгаузенъ и В. П. Погожева. Съ портр. автора и съ автор. предисл. къ рус. изд. 1914. Спб., тип. Главн. Упр. Удѣловъ. XIII+316 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Автор. предисловіе къ рус. изд. Предисловіе ко 2-му и 3-му изд.—Прежнія основы лѣченія питаніемъ. Успѣхи ученія о питаніи. Энергія и пища. Первое основное положеніе. Законъ превращенія, или второе основное положеніе энергетики въ питаніи. Вліяніе пищевого потенціала на жизненныя проявленія. Новыя данныя опытовъ. Пищевые продукты, какъ аккумуляторы. Вкусовыя вещества и возбуждающія средства. Новыя основы діэтотерапіи. Мѣсто лѣченія питаніемъ въ общей терапіи. Практич. правила энергетич. лѣченія питаніемъ. Приложеніе: Отвѣтъ на возраженія правилъ ученія о пищевомъ потенціалѣ. Литература.

1573. Буйневичъ, К. А., проф. 616(02)

Руководство къ изученію внутреннихъ болѣзней. Частная патологія и терапія. Изд. 5-е. 20-я тысяча. 1914. М., скл. изд. у автора. Плющиха, Б. Трубный, 9. IV+538 стр. Съ иллюстр. Ц. 4 р.

Содержаніе: Болѣзни сердца и сосудовъ. Болѣзни почекъ и мочевого пузыря.—Изслѣдованіе и семіотика мочи. Болѣзни органовъ дыханія. Изслѣдованіе груди. Изслѣдованіе и семіотика мокроты. Изслѣдованіе плевральныхъ жидкостей.

1574. Абрикосовъ, А. И., прив.-доц. 617.6

Патологическая анатомія полости рта и зубовъ. 1914. М., тип. П. Ф. „Ломоносовъ". 164 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Техника патолого-гистологич. изслѣдованія зубовъ. Измѣненія зубовъ: Измѣненія всего зуба въ цѣломъ, соотношенія зубовъ и твердыхъ тканій зуба. Измѣненія мягкихъ тканей зуба: пульпы, періодонта. Новообразованія, исходящія изъ зубовъ. Измѣненія полости рта, зѣва и глотки, слюнныхъ железъ.

1575. [. . . . . 62(05)

„Временникъ" О-ва содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практич. примѣненій им. Х. С. Леденцова, состоящ. при Имп. Моск. Унив. и Имп. Моск. Техн. Учил. Годъ IV-й 1913. М., тип. „Рус. Печатня". 73+66+4+84+75+92 стр. Съ иллюстр., чертеж. и табл. Ц. 40 к.+60 к.+50 к.+60 к.+50 к.

Содержаніе: Вып. I: Дѣятельность О-ва за вторую половину 1912 г. Приложеніе: К. К. Нотгафтъ. Къ вопросу о присоединеніи Россіи къ междур. Союзу для защиты промышленной собственности. И. П. Павловъ (чл. Акад. Наукъ). Лабораторія для изученія дѣятельности центральной нервной системы высшихъ животныхъ, сооружаемая по планамъ акад. И. П. Павлова на средства, пожертв. О-вомъ им. Х. С. Леденцова. П. П. Лазаревъ. Лебадевская лабораторія при городск. у-тѣ им. А. Л. Шанявскаго въ Москвѣ. П. Бахметьевъ. Результаты полученные при изслѣдованіи летучихъ мышей, подвержен. дѣйствію низкихъ температуръ. А. Ф. Баркеръ. Шерсть (пер. съ англ.). Вып. 2: Дѣятельность О-ва за первую половину 1913 г. Приложенія: Проф. И. А. Каблуковъ. Институтъ А. Карнеги въ Вашингтонѣ А. Ѳ. Слудскій. Карадагъ (въ Крыму), его естественно-историч. значеніе, научная и промышл. будущность. Проф. С. П. Ланговой. О способѣ д-ра Ганса умягченія водъ при помощи пермутита. Финасовый отчетъ О-ва за 1912 г. Вып. 3: Смѣта на 1914 г. Проф. В. П. Горячкинъ. Основныя задачи построенія и испытанія сельскохозяйств. машинъ и орудій. Проф. Е. Г. Кестнеръ. Автоматич. сцѣпка вагоновъ. Изъ аэродинамич. лабораторіи Имп. Моск. унив. (Изслѣдованіе модели аэроплана г. Повалишина). С. В. Стакинъ. Отводчикъ съ регулированіемъ температуры конденсаціон. воды. Патентъ № 18275. А. В. Умовъ. Новыя маловатныя лампы накаливанія. Приложеніе № 2. (Отдѣлъ техники): Доклады въ засѣд. Рус. О-ва испыт. матеріаловъ въ Москвѣ. Инж.-мех. А. И. Котельниковъ. Мѣдь для паровозныхъ топокъ—ея химич. составъ, тепловая и механическая обработка. Инж. И. П. Прокофьевъ. Примѣненіе стали высокаго сопротивленія въ пролетныхъ строеніяхъ мостовъ. Приложеніе № 3. (Отд. физико-химич.): Проф. Л. А. Чугаевъ. Краткій предварительный отчетъ о работахъ по изслѣдованію нѣкоторыхъ металловъ платиновой группы и ихъ соединеній. Прив.-доц. А. I. Бачинскій: Изслѣдованія о внутреннемъ треніи жидкостей. I.

1576. Критскій, М. 621.3

Техника безпроволочнаго телеграфа (въ элементарномъ изложеніи). Пособіе радіотехниковъ. 1914. Спб., изд. К. Л. Риккера. 85 стр. съ 70 черт. Ц. 1 р.

1577. Ціолковскій, К. 629.13

Простѣйшій проектъ чисто металлическаго аэроната изъ волнистаго желѣза. 1914. Калуга, изд. К. Э. Ціолковскаго. (Коронинская, 61). 10 стр. Съ чертеж. Ц. 10 к.

1578. Гольцъ, Т., фонъ деръ 63

Сельскохозяйственная таксація. Пер. съ 3-го нѣм. изд. Н. Н. Романова, подъ ред. проф. А. Ѳ. Фортунатова. 1913. М., кн-во Студ. Моск. Сельскохоз. Инст. VIII+704 стр. Ц. 3 р. 25 к.

Содержаніе: Ч. I. Общее ученіе о таксаціи: Введеніе—значеніе и задачи сельскохоз.

таксаціи. Опредѣленіе стоимости производимыхъ въ хозяйствѣ и въ немъ же потребляемыхъ продуктовъ. Расчеты относительно рабочихъ силъ. Вычисленіе относительно продуктивн. скота. Вычисленія относительно мертваго инвентаря. Оборотный капиталъ хозяйства и соотношенія величины различн. частей всего капитала предпріятія. Опредѣленіе рентабельности (чистаго дохода) всего хозяйства и отдѣльн. его отраслей. Спеціальное опредѣленіе содержанія единицъ питательной цѣнности въ главнѣйш. кормовыхъ средствахъ и стоимости послѣднихъ. Ч. 2. Таксація земельныхъ участковъ и имѣній: Цѣли таксаціи и ея виды. Бонитировка и классификація земель. Оцѣнка имѣній въ формѣ таксаціи по доходу или таксаціи цѣлаго. Примѣръ таксаціи цѣлаго (таксаціи имѣнія), выполненной путемъ опредѣленія чистаго дохода. Оцѣнка земельн. участковъ по методу таксаціи дохода или таксаціи частей. Методъ таксаціи земли. Сельскохоз. и политико-эконом. значеніе таксаціи земель.

1579. Стодольскій, Р. В., инж. 63

Карповое прудовое хозяйство. Практич. указанія для проектированія карповыхъ прудовъ и устройства карповаго хозяйства. Съ предисл. и подъ ред. Н. А. Бородина. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девріева. 74 стр. Съ 2 черт. Ц. 50 к.

1580. Челинцевъ, А. 63

Участковая агрономія и счетоводный анализъ крестьянскаго сельскаго хозяйства.—„Библіотека участков. агронома. № 1". 1914. Самара, изд. жур. „Земскій Агрономъ". 46 стр. Ц. 30 к.

1581. Леманъ, І. І. 655.1

Гравюра и литографія. Очерки исторіи и техники. Со статьей М. А. Остроградскаго. Эстампъ и внѣшній его видъ. 1914. Спб., изд. „Кружка Люб. Руск. Изящн. Изд." 8°. 291 стр., съ 186 иллюстр. Ц. 35 р.

Содержаніе: Ксилографія (рельефная печать): Гравюра на деревѣ. Цвѣтная ксилографія. Гравюра на мѣди (углубленная печать). Гравюра рѣзцомъ и крѣпкой водкой. Черная манера. Карандашный способъ. Гравюра пунктиромъ. Лависъ и акватинта. Литографія (плоская печать). — Эстампъ и внѣшній его видъ.

1582. Купфферъ, Э. Ю. 69

Жилой домъ. Руководство для проектированія и возведенія современ. жилищъ. 1914. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 4°. 450 стр. Съ 600 иллюстр., 3 фототип. и 3 цвѣтн. табл. Ц. 5 р. 50 к.

Содержаніе: Общія понятія о жиломъ домѣ. Историч. развитіе жилого дома. Внутреннее устройство. (Общій составъ жилого дома. Форма и размѣры жилыхъ помѣщеній. Отопленіе. Освѣщеніе. Элементы сообщенія. Водоснабженіе). Отдѣльныя помѣщенія. (Жилыя и хозяйственныя помѣщенія. Второстепенныя помѣщенія. Внѣшнія помѣщенія дома). Различныя виды жилого дома. (Домъ-особнякъ для средн. класса людей. Городской доходный домъ. Господскій жилой домъ. Дома для рабочихъ).

Изящныя искусства [7]

1583. Келленъ, Л. 75

Новая живопись. Пер. съ нѣм. С. Циммермана. Подъ ред. А. Шафковскаго. 1913. М., кн-во „Ирисъ". VIII+80 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Сущность искусства и предстоящая задача. Импрессіонизмъ и его историч. роль, какъ стиля. Ванъ Гогъ и Сезаннъ. Романтика новой живописи: Эволюція стиля. Годлеръ. Гогенъ и Матиссъ. Пикассо. и Кубизмъ. Экспрессіонисты.

1584. [. . . . . 792(05)

Ежегодникъ Императ. Театровъ. 1914. Вып. II. [1914. Спб., изд. Дирекціи Имп. Театровъ.] 120+20 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Драма вѣчности въ творчествѣ П. Клюделя. Е. Паннъ. Памяти В. П. Далматова. Отрывокъ изъ воспом. Н. С. Васильевой. В. П. Далматовъ. П. Гнѣдичъ. В. П. Далматовъ въ нѣкоторыхъ роляхъ своего репертуара. Бар. Н. В. Дризенъ. Матеріалъ къ біографіи В. П. Далматова. Почему В. П. Далматовъ ушелъ съ Импер. сцены въ 1894 г. Впечатлѣнія сезона: Александрин. театръ Ю. Слонимскій. Мольеровскій спектакль на сценѣ Михайлов. театра. Ѳ. Батюшкова. Новая варіація „Миѳа о Бэконѣ". Ю. Веселовскаго. Библіографія. Приложеніе: Лѣтопись, Имп. Москов. театра. Сезоны 1806—1811 гг. В. А. Михайловскаго.

1585. Дюперронъ, Г. А. 796.8

Легкая атлетика и игры. I. Легкая атлетика. 1913. Спб., изд. В. А. Березовскаго. 2-е, знач. изм. и до 202 стр. Съ иллюстр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Вступленіе. Общія понятія. Бѣгъ. Ходьба Прыжки. Метанія. Устройство состязаній. Справочный отдѣлъ.—Литература.

Литература [8]

1586. [. . . . . 8(09)

Исторія Западной литературы (1800—1910) Подъ ред. проф. Ѳ. Д Батюшкова. Кн. 6. 1914 М., изд. т-ва „Міръ". 233—376 стр. Съ иллюстр. въ текстѣ и на 11 отд. листахъ.

Содержаніе: Гл. X. Эленшлегеръ и датскій романтизмъ. К. Ѳ Тіандера. (Окончаніе). XI. Тегнеръ и шведскій романтизмъ. К. Ѳ. Тіандера. XII. Итальянская литература. Джакомо Леопарди. И. И. Гливенко. XIII. Утопическій соціализмъ XIX в. Г. В. Плеханова. Французскій романъ въ первой половинѣ XIX стол. Гл. XIV. Субъективный романъ. Сенанкуръ: Оберманъ. Ш. Нодье: Зальцбургскій живописецъ. Б. Констанъ: Адольфъ. Ю. Веселовскаго. XV. Стендаль (Анри Бейль). Ю. Веселовскаго. XVI. Бальзакъ. Ю. А. Веселовскаго. (Къ главамъ X—XII, XIV—XV приложена библіографія).

1587. [. . . . . 8—8

Аргонавты. Литературно-худож. сборники Кн 1. 1914. Кіевъ, изд. И. И. Самоненко. 204 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Стихи: Я. Барановскій. — Туркестанъ, В. Василенко, Г. Вышесланцевъ, Гарольдъ.—Изъ старой тетради, В. Г., Ю. Зубовскій, П. Загоровскій, В. Маккавейскій, С. Родзевичъ. Л. Бутувцовъ. Вражда. Гр. Владимірскій. Розы изъ вѣнка. Ю. Зубовскій. Чудовище. Е. Нарбутъ. Недоразумѣніе. Е. Смирнова. Призраки. М. Столѣшниковъ. Зависть. М. Френкель. Отецъ. Г. Фурманъ. У верстового столба. Н. Борисенко. А. Н. Скрябинъ. А. Дейчъ. „Гимны къ ночи" Новаляса. М. Марголинъ. Талантъ человѣчвскій. С. Родзевичъ. Въ по-

искахъ Атлантиды. П. Семеновъ Освобожденіе Хаоса. Н. Фореггеръ. О Врубелѣ.

1588. [. . . . . 8—8
Легучіе альманахи. Вып. 16. 1914. Спб., кн-во „Рубиконъ". 144 стр. Ц. 60 к.
Содержаніе: Н. Ашешовъ. Цвѣты запоздалые. Я. Годинъ. Радость любви (стих.). А. Каменскій. Діогенъ. Д. Цензоръ. Концертъ (стих.). А. Рославлевъ. Въ туманѣ. Д. Цензоръ. Калѣки (стихотв.). Б. Верхоустинскій. Строптивцевъ. А. Тамаринъ. Приличный случай. Н. Карповъ. Золото. А. Рославлевъ. Волна (стих.). А. Вережниковъ. Параська.

1589. [. . . . . 8—8
Подъ небомъ Туркестанта. Альманахъ 1-й. 1914. Ташкентъ, изд. кн. маг. М. Ф. Собберей. 52 стр. Ц. 30 к.
Содержаніе: П. Поршаковъ. Въ саклѣ. (Разсказъ). Стихи. А. Ширяевецъ. Кладъ. (Волжскій сказъ). Стихи. Д. Кирьяновъ. Изъ книги „Печаль бытія". Стихи.

1590. [. . . . . 8—8
Цвѣтные сборники. Сиреневый. Сборникъ 3-й. 1914. Спб., изд. „Освобожденіе". 144 стр. Ц. 60 к.
Содержаніе: В. Брюсовъ. Въ зеркалѣ. А. Каменскій. Случайность. В. Ленскій. Надъ озеромъ. Бабье лѣто. Ю. Волинъ. Парижскіе разсказы. В. Муйжель. У моря. В. Гофманъ. Лѣтній вечеръ.

1591. Киплингъ, Р. 82—3
Смѣлые мореплаватели [Повѣсть]. Пер. съ англ. В. Керженцева. Съ многочисл. иллюстр. 1914. Спб., изд. М. И. Семенова. 218 стр. Ц. 1 р.

1592. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 82—3
Арно-хроника почтоваго голубя. Разсказы изъ жизни животныхъ. Пер. съ англ. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 16⁰. 29 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

1593. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 82—3
Бродячая кошка. Разсказы изъ жизни животныхъ. Пер. съ англ. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 16⁰. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

1594. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 82—3
Властелинъ. Большой Таллакскій медвѣдь. Пер. съ англ. М. А. Орлова. 1914. Спб., изд. П. В. Луковникова. 121 стр., 90 рис. Ц. 40 к.

1595. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 82—3
Исторія одной серебристой лисицы. Жизнь домино изъ города Гольдеръ. Пер. съ англ. В. В. Буховецкаго. 1914. Спб., изд. П. В. Луковникова. 124 стр. съ 100 рис. Ц. 40 к.

1596. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 82—3
Мальчикъ и рысь. Разсказы изъ жизни животныхъ. Пер. съ англ. 1914 Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 16⁰. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

1597. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 82—3
Снапъ. Исторія буль-терьера. Разсказы изъ жизни животныхъ. Пер. съ англ. 1914. Спб., изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 16⁰. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

1598. Лондонъ, Дж. 82(73)—3
Великое чудо. Язычникъ. У черты. Разсказы. Пер. съ англ. Зин. Львовскаго. 1914. М., кн-во „Польза", В. Антикъ и К⁰. 98 стр. Ц. 10 к.

1599. Лондонъ, Дж. 82(73)—3
Потомокъ Макъ-Коя. Разсказы. Пер. съ англ. А. Тарасовой. 1914. М., кн-во „Польза" В. Антикъ и К⁰. 94 стр. Ц. 10 к.
Содержаніе: Потомокъ Макъ-Коя. Франсисъ Спайтъ. Слишкомъ много золота.

1600. Шиллеръ, Ф. 83—2
Коварство и любовь. (Мѣщанская трагедія въ пяти дѣйств.). Пер. съ нѣм. Н. Е. Эфроса. 1914. М., кн-во „Польза", В. Антикъ и К⁰. 128 стр. Ц. 10 к.

1601. Готье, Т. 84—1
Эмали и камеи. [Стихотворенія). Пер. Н. Гумилева. 1914. Спб., изд-во б. М. В. Попова, вл. М. А. Ясный. 252 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Изъ предисловія: „... Какъ Гете на свою тахту въ Веймарѣ убѣгалъ отъ прозы Гафизовы лелѣять розы, оставивъ дождь и темноту стучаться въ окна мнѣ сильнѣе, я пѣлъ „Эмали и Камеи".

1602. Бальзакъ и др. 84—3
Военные разсказы. Пер. съ франц. Съ иллюстр. 1914. Спб., изд. М. И. Семенова. 76 стр. Ц. 30 к.
Содержаніе: Бальзакъ. Палачъ. Золя. Штурмъ мельницы. Мопассанъ: Мать. Два пріятеля. Доде. Партія на билліардѣ.

1603. Бальзакъ, О. де. 84—3
Прощаніе. Разсказъ. Пер. съ франц. А. С. Ганнибалъ. 1914. М., кн-во „Польза", В. Антикъ и К⁰. 68 стр. Ц. 10 к.

1604. Додэ. А. 84—3
Брошенный ребенокъ. („Прекрасная Нивернеза"). Исторія одного судна. Въ обработкѣ Л. Черскаго. 1914. М., изд. Д. П. Ефимова. 32 стр. Ц. 5 к.

1605. Мопассанъ, Г. де. 84—3
Съ лѣвой руки. Разсказы. Пер. съ франц. В. Кошевичъ. 1914. М., кн во „Польза", В. Антикъ и К⁰. 16⁰. 200 стр. Ц. 20 к.
Содержаніе: Аллума. Отецъ и сынъ Ото. Буатель. Вѣстовой. Кроликъ. Однажды вечеромъ. Булавки. Дюшу. Свиданіе. Портъ. Покойница. Г-жа Эрма. Усыпительница.

1606. Гольдони, К. 85—2
Хозяйка гостинницы (Трактирщица). Комедія въ 3-хъ дѣйств. Пер. съ итальян. Ѳ. Коммисаржевскаго. 1913. М. Изд. кн-ва „Польза", В. Антикъ и К⁰, 2-е. 16⁰. 100 стр. Ц. 10 к.

1607. Коковцовъ, Д. 891.7—1
Скрипка вѣдьмы. Третья книга стиховъ. 1913. Спб., тип. „Энергія". 112 стр. Ц. 80 к.
Содержаніе отдѣловъ: Скрипка вѣдьмы. Старый свитокъ.

1608. Нечаева, С. 891.7—
Нѣжность. (Стихи). 1914. М., тип. т-ва А. А. Левенсонъ. 73 стр. Ц. 1 р.

1609. Рыбинцевъ, Г. 891.7—1
Осенняя просинь. Стихи. 1914. М., кн-во „Альціона". 52 стр. Ц. 1 р.

1610. Сибирякъ, А. 891.7—1
Стихи. 1914. Спб., изд. Литер. О-ва „Ars". 16⁰. 33 стр. Ц 25 к.

1611. Сѣверянинъ, И. 891.7—1
Златолира. Поэзы. Кн. 2-ая. 1914. М., изд. „Грифъ". 136 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе отд.: Сирень моей весны. (Живи, живое!) Лунныя тѣни. Колье принцессы.

1612. Ходасевичъ, В. 891.7—1

Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. 1914. М., кн-во „Альціона". 72 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Отдѣлы: Плѣнные шумы. Лары. Звѣзда надъ пальмой.

1613. Эллисъ. 891.7—1

Арго. Забытые обѣты. Марія. Двѣ книги стиховъ и поэма. 1914. М., изд-во „Мусагетъ". 196 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Посвященіе. Предисловіе. I. Арго: Табакерка съ музыкой. Голубой цвѣтокъ. Гобелэны. II. Забытые обѣты: Pietá Beauséant. III. Марія: Посвященіе. Марія. (Рыцарская поэма).

1614. Грибоѣдовъ, А. С. 891.7—2

Горе отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйств., въ стихахъ. Редакція, вступ. статья и примѣч. Н. К. Пиксанова. 1914. М., кн-во „Польза", В. Антикъ и К°. 118 стр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Отъ редактора. Библіографич. справка. А. С. Грибоѣдовъ. (Біографич. очеркъ). Г. о „Горѣ отъ ума". (Черновой набросокъ). Письмо Г. къ П. А. Катенину по поводу „Горя отъ ума".— Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.— Варіанты первоначальн. текста „Горя отъ ума". Списокъ иностран. и старыхъ словъ и выраженный въ „Горѣ отъ ума".

1615. Евреиновъ, Н. 891.7—2

Драматическія сочиненія. Т. II. 1914. Спб., изд. Н. И. Бутковской. IV+272 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предвареніе. Ярмарка на индиктъ св. Дениса. Три волхва. Веселая смерть. Такая женщина. Бабушка. Неизмѣнная измѣна.

1616. Сургучевъ, И. 891.7—2

Торговый домъ. Пьеса въ 4 д. 1913. М., изд. С. Ѳ. Разсохина. 45 стр. Ц. 2 р.

1617. [. . . . . 891.7—2/3

„Слово". Сборникъ второй. (Къ десятилѣтію смерти А. П. Чехова). Неиздан. драматич. и беллестрич. произведенія, отрывки, замѣтки, публиц. статьи А. П. Чехова.— Письма къ нему Д. В. Григоровича, Н. К. Михайловскаго, А. Н. Плещеева и др. Подъ ред. М. П. Чеховой. 1914. М., изд. кн-ва „Писателей въ Москвѣ". 292 стр. Съ портр. Ч. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе.— На большой дорогѣ. Драм. этюдъ въ 1-мъ дѣйст. Ночь передъ судомъ. (Водевиль). Скоропостижная конская смерть. Красавицы (Изъ записокъ врача). Отрывки изъ разсказа. Стихотв. А. П. (Факсимиле). Свадьба (Отрывокъ).— Темы, мысли, замѣтки, отрывки. Изъ записной книжки.— Московскіе лицемѣры. Наше нищенство. Люди подвига. В. А. Бандаковъ (Некрологъ). Фокусники.— Письма: Д. В. Григоровича, Н. К. Михайловскаго, П. И. Чайковскаго, Я. П. Полонскаго, А. Н. Плещеева, кн. А. И. Урусова. На поѣздѣ утромъ (Стих. Вл. С. Соловьева).

1618. Амфитеатровъ, А. В. 891.7—3

Сатирическій сборникъ. Сборникъ первый.— Забытый смѣхъ. Поморная муза. 1912. М., изд. „Моск. кн-ва". 436 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Планъ сборниковъ „Завѣтн. смѣхъ". Отъ составителя.—„Поморная муза": Беранжеронцы: В. С. Курочкинъ. Стихи К. Примѣчаніе къ стихамъ К. Г. Н. Жулевъ (Скорбный поэтъ). Стихи Ж. Примѣчаніе къ стихамъ Ж. Н. С. Курочкинъ. Стихи К. Примѣчанія къ стихамъ К. В. И. Богдановъ (Власъ Точечкинъ). Стихи Т. Примѣчанія къ стихамъ Т. Н. И. Кроль. Стихи К. Примѣчанія къ стихамъ К. Приложеніе: К. Прутковъ въ „Искрѣ".

1619. Арефинъ, С. 891.7—3

Первые шаги. Повѣсть. Обложка раб. худ. А. Слѣпяна. 1914. Спб., кн—во М. А. Яснаго (б. М. В. Попова). 200 стр. Ц 1 р. 25 к.

1620. Ашешовъ, Ник. 891.7—3

Раны любви. Книга разсказовъ. 1914 Спб., кн—во „Прометей", Н. Н. Михайлова. 208 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Гречанка. Грави сердца. Телеграфистка. Въ родной семьѣ. Финалъ. Раннія раны. Къ семейному счастью. Бѣлый Миражъ.

1621. Бутовскій, Н. 891.7—3

Повѣсти изъ современной офицерской жизни. Съ портр. и факсимиле автора. 1914. Спб., изд. В. А. Березовскаго. 178 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Повѣсти: Оскорбленный. Игроки. Разсказъ: Мудрецъ, замуравленный въ капитанскомъ чинѣ.

1622. Заринъ, А. 891.7—3

Сѣверный богатырь. Историч. повѣсть. Съ рис. А. Кузнецова. 1913. М., изд. Д. П. Ефимова. 248 стр. Ц. 1 р.

1623. Короленко, Вл. 891.7—3

Дѣти подземелья. 1914. Спб., изд. М. А. Коломенкиной. 64 стр. Ц. 10 к.

1624. Немировичъ-Данченко, Вас. 891.7—3

Наши женщины. Разсказы. Кн. 3. 1914. Спб., кн—во типо-лит. „Энергія". 324 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сама справилась. Мы—вольныя птицы. Мірская печальница. Сестра. Погасшій очагъ. На мѣдные берега. Никто не виноватъ. Часовой бѣжалъ. У раннихъ могилъ. Романтики на волчьемъ мѣху. Подбитая птица. Каиново племя. Театръ при буфетѣ. Безъ матерей. Въ проходномъ дворѣ. Амазонка. Тургеневскія дѣвушки, нынѣшняя женщина и дамы—танго. Шампанскіе вольные стрѣлки.

1625. Немировичъ-Данченко, В. И. 891.7—3

Солнце въ росинкахъ. 1. Въ дудкѣ. Разсказъ. Съ рис. А. П. Апсита. 1913. М., изд. Д. П. Ефимова. 72 стр. Ц. 40 к.

1626. Немировичъ-Данченко, В. И. 891.7—3

Солнце въ росинкахъ. II. Сердце настежь. Разсказъ. Съ рис. А. П. Апсита. 1913. М., изд. Д. П. Ефимова. 62 стр. Ц. 40 к.

1627. Осиповъ, А. 891.7—3

Очерки родного края. II. Одесса. Пасха въ Черниговѣ. Астрахань. Баку. Самара—Златоустъ. Варшава. Въ степи. 1913. М., изд. Д. П. Ефимова. 120 стр. Ц. 60 к.

1628. Радичъ, В. 891.7—3

Искра любви. Сборникъ разсказовъ. Съ рис. А. П. Апсита. 1913. М., изд. Д. П. Ефимова, 2-ое. 152 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Искра любви. Романъ. Чабаны. Ясная Слобода. Воробушко. На медвѣдя. Удачный выстрѣлъ. Каменоломни.

1629. Ропшинъ, В. 891.7—3

То, чего не было (Три брата). Романъ. 1914. М., изд. А. К. Прокофьева. 407 стр. Ц. 2 р.

1630. Шадринъ, И. 891.7—3
Сильнѣе смерти и др. разсказы. 1914. Спб., скл. изд. при кн—вѣ. „Промотей". 263 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сильнѣе смерти. Двѣ заповѣди. Не угодилъ. Капію родного участья. Одинокіе звѣри. Изъ недавняго прошлаго. Человѣкъ. На „новую" землю. Катюшка. Сорванные цвѣты. Ночь.

1631. Шведеръ, Евг. 891.7—3
Случайная елка. Разсказъ. 1913. М., изд. М. Б. Клюкина. 16°. 22 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

1632. Кранихфельдъ, Вл. 891.79(09)
Т. Г. Шевченко—Пѣвецъ Украины. Критико-біографич. очеркъ. Съ 8 иллюстр., испол. въ двѣ краски. 1914. Спб., кн—во „Жизнь и Знаніе—Библ. нашихъ читат. Кн. 8.—104 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Жизнь поэта. Произведенія поэта. Заключеніе.

Исторія и географія [9].

1633. Дульскій, П. М. 902.6(478)
Памятники казанской старины. Очеркъ. Съ 50 снимками видовъ „Старой Казани". 1914. Казань, изд. С. В. Соломина. 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Краткій очеркъ возникновенія Казани. Русская Казань. XVI—XVII в. XVIII в. Исканія классич. формъ въ искусствѣ XIX в. Окрестности Казани. Свіяжскъ. Приложеніе: Б. П. Денике. Описаніе фресокъ Успенскаго собора въ Свіяжскомъ мужскомъ монастырѣ. Указатель литературы о памятникахъ Казани, сост. П. Дульскимъ.

1634. [. . . . . 91(06)(47.3)
Отчетъ о дѣятельности Костромского научнаго Общества по изученію мѣстнаго края за 1913 г. (Годъ 2-й). 1914. Кострома, изд. Костр. Научн. О—ва по изуч. мѣстн. края. 80 стр. Ц. 15 к.

Содержаніе: Отчетъ правленія о дѣят. О—ва. Кассовый отчетъ. Списокъ членовъ. Уставъ библіотеки. Конспекты докладовъ: В. И. Смирновъ—П. В. Шуленниковъ — предсѣдатель О—ва. А. А. Языковъ—Населеніе, Костромск. у. В. И. Барыковъ—Послѣдній всеросс. кустарный съѣздъ. Н. Д. Кондратьевъ.—Расколъ, его духъ и культура. С. П. Барыковъ—Ученичество въ малярномъ промыслѣ Галичск. у. Е. Ф. Дюбюкъ.—Основныя черты въ развитіи крупной промышленности Костром. губ. въ дореформенное время. В. И. Смирновъ.—Каменный вѣкъ и курганная эпоха въ Костромск. краѣ.

1635. Альфіери, В. 92(A):85
Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти, разсказанная имъ самимъ. Пер. В. Г. Малахіевой-Мирровичъ. Подъ ред. Вор. Зайцева. Вступительная статья А. А. Андреевой. 1914. М., ка—во К. Ф. Некрасова. XXVI+334 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе А. Андреевой, автора.—Ч. 1. Дѣтство. Первыя девять лѣтъ. Отрочество: Восемь лѣтъ дурного обученія. Юность. Приблизительно десять лѣтъ путешествій и безпоридочной жизни. Зрѣлый возрастъ. Онъ обнимаетъ болѣе тридцати лѣтъ, отданныхъ сочиненію, переводамъ и разнаго рода изученіямъ. Ч. 2. Маленькое предисловіе. Эпоха четвертая.

1636. [. . . . . 92(Г)
Герценъ—публицистъ. Избранныя страницы со вступит. статьей и объясненіями Л. С. Козловскаго.—Культурно-Историч. Библ. подъ ред. Историч. Ком. О. О. Р. Т. Зи. № 9. 1914. Спб., кн—во типо-лит. „Энергія" 144 стр. Ц. 90 к.

Содержаніе: Предисловіе. Герценъ—общественн. мыслитель. Вступит. статья Л. Козловскаго.—Ч. I—IV. Герценъ въ Россіи. Г. за границей. Г. въ освобожденіи крестьянъ. Изъ произведеній Г. послѣднихъ лѣтъ. Литература о Г.

1637. Ефимовъ, Н. И. 92(К)
Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій и его основанія. Изъ исторіи по исторіи русскаго церковно-политич. сознанія. Вып. II. 1913. Симбирскъ. гкл. изд. въ кн. маг. Бр. Башмаковыхъ. 12 стр. Ц. 20 к.

Изъ вступленія: „Въ качествѣ литерат. дѣятеля съ политич. оттѣнкомъ Кириллъ возбуждаетъ даже особый интересъ. Онъ—учительный старецъ. Эта—чрезвычайно свѣтлый, обаятельный типъ иноковъ до-Петровскихъ вѣковъ, вымелькавшій, вопреки тѣмъ, и въ преобразованной Россіи. Любопытныя антиноміи представляютъ отношенія его къ міру и міра къ нему".

1638. Ростиславовъ, А. 92(К):75
Куниджи. 1914. Спб., изд. Н. И. Бутковской. 40 стр. Съ 10 иллюстр. на отд. листахъ и портр. Куниджи. Ц. 1 р.

Изъ книги: „Несомнѣнно К.—одна изъ самыхъ самобытныхъ интересныхъ фигуръ во всемъ русскомъ художествѣ. Какъ бы ни были велики ошибки и промахи, какъ бы ни утрировались непривлекательныя черты въ прекрасной по своей цѣльности и оригинальности натурѣ К., повсюду въ его жизни и дѣятельности звучало и сказывалось, что искусство, художество было для него самое главное и первое въ жизни".

1639. Гершензонъ, М. 92(К):9(47)
Декабристъ Кривцовъ и его братья. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 300 стр. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „Углубиться въ одной точкѣ прошлаго—до основныхъ теченій исторіи, разсказать судьбы одной семьи такъ, чтобы сквозь нихъ стало видимо движеніе общественно-психологич. силъ"...

1640. Бартеневъ, П. И. 92(П):891.7
Пушкинъ въ Южной Россіи. 1914. М., изд. журн. „Русскаго Архива" 16°. VII+171 стр. Ц. р. 50 к.

1641. Срезневскій, В. И. и Тукалевскій, В. Н. 92(Т)(0:7)
Толстовскій музей въ С.-Петербургѣ. Краткое описаніе музея. 1913. Спб., изд. Толстов. музея въ Спб. 16°. 64 стр. Ц. 15 к.

Содержаніе: Отъ составителей. Историч. справка о музеѣ. 1—8 комнаты. Приложеніе: Памятныя даты изъ біографіи Л. Н. Толстого.

1642. [. . . . . 92(Ш):891.79
Шевченко, какъ живописецъ и граверъ. I 14. Кіевъ. изд. журн. „Искусство". 4°. 16 стр+24 листа рис. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Михайловичъ. Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ Императора Александра I. — А. Н. Ватморъ. Мой первый начальникъ Ал. Ром. Дрентельнъ. (Изъ „Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ"). — И. В. Мѣщаниновъ. Памяти Ольги Леонтьевны Штаденъ.— В. А. Малаховскій. Нѣсколько страничекъ о прошломъ Гатчинскаго Николаевскаго института.—В. В. Умановъ-Каплуновскій. Поэтъ Григорій Головковъ. (Очеркъ). — Кн. Б. А. Щетининъ. Н. К. Михайловскій и московское студенчество. (Изъ воспоминаній).— Б. Г. А. И. Соколова. (Некрологъ). — Л. Ганъ. Убійство П. А. Столыпина.—А. В. Сульжиковъ. Смутное время въ Ромнахъ. (Оконч.).—Б. Б. Глинскій. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). (Продолж.). — В. Г. Вейденбаумъ. Гагры. (Изъ путевыхъ набросковъ). — Е. С. Шумигорскій. Изъ записной книжки историка. Взятіе Парижа и его значеніе въ русской исторіи.—Критика и библіографія.— А. А. Измайловъ. Новости исторіи. Обозрѣніе журналовъ.—Заграничныя историческія новости и мелочи.—Смѣсь.—Некрологи.— Замѣтки и поправки.

„Литературно-Медицинскій Журналъ". (1914—2). Д-ръ М. Д. Ліонъ. Критика фанатическаго противо-алкогольнаго движенія.—Д-ра Б. Брикнеръ, Э. Мошковичъ и Г. Гейса. 700 діагностическихъ и терапевтическихъ совѣтовъ для хирургической практики. (Перев. съ 3-го америк. изд. д-ра М. Д. Ліона. — **„Домашній докторъ"**. (1914—2). Б. Фромметъ. Дѣти города и школьныя колоніи.— Д-ръ г. С. Сперанскій. Наложеніе повязокъ. — Д-ръ М. Паргаминъ. Какъ жить, чтобы здоровымъ быть. — Практическая медицина. — Общественная медицина.—Растительный столъ.— Домашняя ветеринарія. — Медицинскія замѣтки.

„Логосъ". (1914—т. I, вып. I). Г. Ланцъ. Свобода и сознанія. (Къ столѣтію со дня смерти I. Г. Фихте).—Б. Яковенко. Путь философскаго познанія. — Проф. Риккертъ. О системѣ цѣнностей. — П. Наторпъ. Философія и психологія.— Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Херига. Идея благодати въ античной религіи. — Библіографія.—Обзоръ журналовъ.—Замѣтки.

„Маски". (1913/4—5). И. Джонсонъ. Коммисаржевская.—Л. Фейгенбергъ. О пустыхъ колесницахъ.—Ф. Китцнеръ. Театральныя мечтанія.— Каратыгинъ. Петербургскій музыкальный сезонъ. — В. Боцяновскій. „Жимолость" д'Аннунціо. — В. Сахновскій. Комедія Гольдони „Хозяйка гостиницы" въ Художественномъ театрѣ.— М. Б. Томашевскій. Мелодрама въ Свободномъ театрѣ. — Ѳ. Коммисаржевскій. За границей. (Впечатлѣнія).— Театральная лѣтопись. — Музыкальная лѣтопись. — Библіографія.

„Народное Образованіе". (1914—2). Э. Зеновъ. Изъ замѣтокъ сельскаго учителя. — Уголки школьной жизни: Учитель С. Троховъ. Масляница „въ кругу". Другъ отъ друга... Ѳ. Шаблинъ. Отрадныя воспоминанія. Свящ. Е. Куликовъ. Некрологъ. — В. Родниковъ. Руководство религіознымъ чтеніемъ дѣтей. (Дополнит. гл. къ методикѣ Закона Божія). — И. Успенскій. Василій Андреевичъ Золотовъ. (Очеркъ по исторіи русской педагогики).— А. Налимовъ. Орѳографическое лицо.—А. Красиковъ. Изъ школьной практики. Орѳографич. таблицы. — Свящ. I. Покровскій. О наградахъ.—Книжное и журнальное обозрѣніе. — Н. Тичеръ. Изъ иностранной педагогической литературы. — Библіографическій отдѣлъ. — Школьное дѣло на мѣстахъ. Разныя извѣстія и мелкія замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и за границей. — Почтовый ящикъ.— Школьное пѣніе.

„Новая Жизнь" (1914—2). И. Сургучевъ. Англійскіе духи.—Г. Чулковъ Встрѣча.—Б. Верхоустинскій. Передъ бурей.—Ст. Пшибышевскій. Дѣти горя.—Ал. Рославлевъ, А. Ахматова, М. Кузминъ, Ал. Вознесенскій, Ал. Шарневецъ, Вл. Ленскій, Вл. Эльснеръ, Р. Ивневъ. Стихи.—П. Быковъ. Фигуры литературной колоды.—П. Берлинъ. Русскій купецъ въ прошломъ и настоящемъ.—Х. Эм—скій. Изъ воспоминаній варшавскаго цензора.—Д. Скворцовъ. Н. К. Михайловскій.—М. Энгельгардтъ. Борьба съ болѣзнями.— Ан. Чеботаревская. Художникъ С. Ю. Судейкинъ.—Критика и библіографія.

„Педагогическій Сборникъ". (1914 — 1). К. Евсѣевъ. Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ русской педагогической литературѣ.—К. Житомирскій. Классификація глагольныхъ формъ во французскомъ и нѣмецкомъ яз.—А. Щепинскій. Кинематографъ со школьной точки зрѣнія.—С. Я. Фасенковъ. Изъ быта кадетскихъ корпусовъ.—Ф. Грековъ. По поводу исполнившагося 50-лѣтія со дня учрежденія учительской семинаріи военнаго вѣдомства.—Изъ дневника редакціи.—Критика и библіографія.

„Педагогическій Сборникъ". (1914 — 3). Евг. Лозинскій. Воспитаніе въ борьбѣ съ вырожденіемъ.—К. Житомирскій. Классификація глагольныхъ формъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. — К. Лѣпиловъ. Педагогическое рисованіе.—Е. С. Карательная щедрость и воспитательная скупость. — Н. З—овъ. Записки офицера-воспитателя. — Изъ дневника редакціи.—Критика и библіографія.

„Природа". (1914—2). А. А. Михайловъ. Движеніе звѣздъ и солнца.—А. Е. Ферсманъ. Химическая жизнь земной коры. II. Картина химическихъ превращеній.—А. Р. Кирилловъ. Радій и „дворики" въ минералахъ.—Проф. А. М. Безрѣдко. Сенсилибизированныя вирусы - вакцины.—Проф. Ледюкъ. Механизмъ воспріятія ощущеній.—Проф. Н. К. Кольцовъ. Эрнстъ Геккель.—Научныя новости и замѣтки.—Метеорологическія извѣстія.—Географическія извѣстія.— Библіографія.

„Природа". (1914—3). Прив.-доц. I. Ф. Поллакъ. Метеорная гипотеза солнечныхъ пятенъ проф. Тернера.—Проф. Браггъ Старыя и новыя излученія.—А. Е. Ферсманъ. Химическая жизнь, земной коры. III. Органическая жизнь, космосъ и химическія превращенія.—Проф. А. П. Павловъ. Ѳеодосій Николаевичъ Чернышевъ.—А. П. Калитинскій. Ископаемый человѣкъ. I. Неандертальскій человѣкъ.—Н. А. Колоссовскій. Мишель Эженъ Шеврель.—А. Рождественскій. „Провалы въ воздухѣ".—Научныя повѣсти и замѣтки.—Астрономическія извѣстія.—Изъ лабораторной практики.—Географическія извѣстія.— Библіографія.

„Русская Старина". (1914—3). Герцогъ Г. Лейхтенбергскій. Семейное преданіе.—Письмо Имп. Александра I Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ взятія Парижа. Сообщ. Е. Р. Шумигорскій.—Гр. Н. П. Игнатьевъ. Поѣздка гр. Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 гг. (Съ примѣч. П. Д. Воейкова).—Гр. Ал. Олсуфьевъ. Вел. Кн. Николай Николаевичъ въ 1860 г. въ Парижѣ.—Разговоръ Пушкина съ Келлеромъ о дневникѣ Гордона и и исторіи Петра Великаго.—С. Лаврентьева.

Свѣтъ негасимый...—Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитину, подъ ред. и съ примѣч. В. Яковлева.—Славлевъ. Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры.—П. Н. Исаковъ. Изъ воспоминаній прусскаго военнаго агента въ Вѣнѣ въ 1853—1854 гг.—Г. Артуровъ. Одинъ изъ многихъ. Разсказъ изъ воспоминаній портъ-артурца.—Л. Н. Любимовъ. Изъ жизни инженера путей сообщенія.—Н. А. Мурзановъ. Къ біографіи декабриста М. С. Лунина.—М. В. Станиславскій. Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ.—Е. С. Шумигорскій. Изъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина. Дневникъ мирового посредника Александра Андр. Половцева. Сообщ. А. А. Половцевъ.—П. Козловъ. Памяти Николая Михайловича Пржевальскаго. (По случаю 25-лѣтія со дня смерти). С. Глѣбовъ. Какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ.—А. Крупенскій. Письмо въ редакцію.—Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 г. Сообщ. Б. В. Каховскій.—М. Марина. Въ Петербургѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.—Книги по исторіи и исторіи литер., вышедшія съ 1 янв. по 12 февр. 1914 г.—Библіографическій листокъ.

„Русская Школа“. (1913—12). Законодательныя постановленія и правительств. распоряженія.—Н. Страховъ. Вниманіе и его развитіе.—Н. Лубенецъ. Дошкольное воспитаніе и народная школа. (Оконч.).—Н. Мижуевъ. Средняя школа въ Англіи и ея реформы въ XX в. (Оконч.).—С. Левитинъ. Новѣйшія педагогическія теченія на Западѣ. III. Робертъ Зейдель.—Н. Н. Устиновичъ. Язва народной школы.—В. Райковъ. Къ методикѣ начальнаго курса анатомія и физіологіи. (Оконч.).—М. В. Новорусскій. Что дѣлать народному учителю. Руководство къ оборудованію своей школы.—И. Звергетовъ. Къ вопросу объ индивидуализаціи воспитанія и обученія.—Библіографія эксперим. отд.—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Свободное Воспитаніе“. (1913/4—6). И. П. Накашидзе. Тайна счастья.—Э. О. Вахтерова. Школьныя библіотеки-читальни въ деревенскихъ школахъ.—Н. В. Чеховъ. Организація вспомогательнаго обученія въ сельскихъ мѣстностяхъ.—Р. Ландсбергъ. Педагогическая недѣля въ Лондонѣ.—М. М. Станиловскій. Работы на площадкѣ Челябинскаго О-ва внѣшкольнаго образованія.—Д-ръ И. В. Саживъ. Практическія занятія при преподаваніи ботаники въ начальной школѣ. Съ нѣм. С. Порѣцкой.—А. Гибшъ. Вѣсти изъ Америки.—Отовсюду.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“. (1914—1). В. В. Бартольдъ, акад. Къ исторіи орошенія Туркестана.—Б. М. Вельбель. Главнѣйшіе выводы Плотинскаго опытнаго поля за 1895—1912 гг.—С. З. Курдіани. Изъ біологіи плодоношенія лѣсныхъ породъ.—Обзоръ русск. литературы по сельскому хозяйству: I. А. Н. Челинцевъ. Важнѣйшіе вопросы сельскаго хозяйства въ повременной с.-х. печати за 1912 г; II. А. В. Отрыганьевъ. Результаты работы опытнаго поля имени В. Л. Нарышкина за 1908—1911 гг.; III. Л. А. Испытаніе европейскихъ и канадскихъ уборочныхъ машинъ; IV. Е. В. Перепелкинъ. Обслѣдованіе животноводства въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губ.; V. А. О. Фабрикантъ. Земская агрономія и матеріалы для изученія ея; VI. Н. К. Н—въ. Работы по сортоводству пшеницы.—Библіографія.—Приложенія: I. Д. Х. Робинсонъ. Основы и практика разведенія домашней пшеницы. II. С. М. Богдановъ. Дѣятельность с.-хоз. комиссіи 4-й Госуд. Думы въ первую сессію.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“. (1914—2). Бартольдъ, В. В., акад. Къ исторіи орошенія Туркестана.—Бетнеръ, Р. Г. Къ вопросу объ анатомическихъ особенностяхъ разныхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ.—Вельбель, Б. М. Главнѣйшіе выводы Плотинскаго опытнаго поля за 1895—1912 гг.—Курдіани, С. З. Изъ біологіи плодоношенія лѣсныхъ породъ.—Отрыганьевъ, А. В. Результаты работъ Одесскаго опытнаго поля за 1910—1912 гг.—Будринъ, П. В., проф. Изъ результатовъ вегетаціонныхъ опытовъ и лабораторныхъ работъ Московскаго с.-х. института.—Л., А. Испытаніе жатокъ и сноповязалокъ.—Перепелкинъ, Е. Е. Состояніе животноводства въ Харьковской губ. Овцеводство въ Херсонской губ.—Фабрикантъ, А. О. Обзоръ земской агрономической дѣятельности. Центральный районъ.—Широкихъ, П. О., маг. ветер. Рефераты работъ по молочному хозяйству.—Вѣржбицкій, А. Ф. Успѣхи гибродологическихъ изслѣдованій въ Великобританіи.—Библіографія.—Приложеніе: I. Робинсонъ, Д. Х. Основы и практика разведенія домашней птицы. II. Проф. С. М. Богдановъ. Дѣятельность С.-А. Комитета. 4-й Гос. Думы въ первую сессію.

„Сельскохозяйственное Образованіе“. (1914—1). И. М. Новыя формы сельскохозяйственнаго образованія.—В. Сазоновъ. Популяризація с. х. знаній въ Италіи.—А. Праздниковъ. Одна изъ мѣры для улучшенія преподаванія. Уроки въ присутствіи членовъ Совѣта.—С. Ляпидевскій. Къ методикѣ преподаванія животноводства.—Курсы и чтенія.—Хроника.—Библіографія.

„Сибирскій Архивъ“. (1914—2). Н. Путиловъ. Лѣтопись Усинской миссіи.—А. Линьковъ. Къ біографіи Ивана Аѳанасьевича (Усинскаго).—ъ. „Сибирскій Врачъ“ № 1 отъ 22 окт. 1913 г.—А. Фарафонтовъ. Политическая тюрьма и политическіе ссыльные въ Карѣ въ концѣ 80-хъ годовъ.—Замѣтки.

„Современный Міръ“. (1914—2). В. Муйжель. Хуторъ № 16, разск.—К. и О. Ковальскіе. Къ новымъ берегамъ, ром.—Н. Венгровъ. Стих.—Вл. Ладыженскій. Дома. Очерки. I. Проигрышъ. II. Одежда.—Г. Галина. Сны, стих.—Г. Маннъ. Вѣрноподданный, ром. Автор. пер. съ рукописи А. Полоцкой.—А. Федоровъ. Бассора, стих.—В. Вересаевъ. Аполлонъ и Діонисъ. (О. Ницше). „Рожденіе трагедіи“.—Ю. Стекловъ. Соціально-политическія воззрѣнія Бакунина.—Л. Дейчъ. Отъ народничества къ марксизму. (Изъ воспоминаній). (Оконч.).—М. Первухинъ. „Ла Гацца“. (Очеркъ современной итальянской газеты).—Д. Тальниковъ. Эстетика и общественность. (О современной литературѣ).—Е. Кускова. Кто они?—I. Ларскій. Вопросы текущей жизни. Борьба съ народнымъ зломъ.—Е. Чириковъ. Провинціальныя картинки.—Г. Алексинскій. Наслѣдство. (Русскіе финансы за послѣднее десятилѣтіе).—Критика и библіографія.

„Сѣверныя Записки“. (1914—2). Ив. Бунинъ. Шесть стихотв.—С. Сергѣевъ-Пенскій. Преображеніе, ром. (Продолж.).—П. Ю. Шмидтъ. На границѣ жизни и смерти.—Я. Страуянъ. Лѣсные братья, разск.—К. Липскеровъ. Стихотв.—М. Толмачева. Краски жизни.—В. Подгорный. Записки трудовика.—А. Кривинская. Рахель фонъ-Варнгагенъ.—Ѳ. Караянидисъ. Національное возрожденіе Турціи.—М. Брагинскій. Кон-

грессъ французскихъ соціалистовъ.—С. Русова. Поэтъ Украины.—Б. Яковенко. Философскій экономизмъ.—П. Лопатинъ. По поводу одной книги. („Пасынки военной службы").—Библіографія.

„Труды и Дни". (1914—тетр. 7). А. Топорковъ. Гете и Фихте.—М. Шагинянъ. Воля къ власти.—Ал. Сидоровъ. Гете и переводчикъ.—Э. Метнеръ. Наброски къ комментарію. V: Богини.—М. Шагинянъ. О „концѣ" и „окончаніи".—А. Лютеръ. Парсифаль въ средніе вѣка.—Эллисъ. Учитель вѣры.—Вяч. Ивановъ. О границахъ искусства.—Югурта. Культура и личность.—Ophis. О сущностяхъ.—Б. Садовскій. О сальеризмѣ.—В. Ставевичъ. О „Серебряномъ Голубѣ.—С. Дурылинъ. Лугъ и цвѣтникъ.—Дм. Недовичъ. О пути къ Символу.—С. Бобровъ. Гофманъ и проф. эстетика.—С. Бобровъ. Новое объ эпитетѣ.

„Украинская Жизнь". (1914—2). Отъ редакціи.—Ф. П. Матушевскій. Т. Г. Шевченко. (Жизненный путь). — М. Данько. Національный моментъ въ произведеніяхъ Шевченко.—Проф. Н. Ф Сумцовъ. Любимыя народныя пѣсни Шевченко.—Пр.-доц. В. И. Пичета. „Неволя" въ творчествѣ Т. Г. Шевченко.—М. А. Славинскій. Шевченко и библія.—М. А. Богдановичъ. Краса и сила. (Опытъ изслѣдованія стиха Т. Г. Шевченко).—К. Шероцкій. Гравюры Т. Г. Шевченко.—С. А. Ефремовъ. Шевченко въ своемъ дневникѣ.—Пр.-доц. А. С. Грушевскій. Литературные планы и надежды Кирилло-Меѳодіевскаго братства.—Ф. П. Матушевскій. Шевченко въ исторической обстановкѣ. — Л. Мельниковъ. Шевченко и Гоголь.—И. А. Бѣлоусовъ. Какъ я сталъ переводить „Кобзаря".—С. Глаголь. Проектъ памятника Шевченку въ Кіевѣ. — Чужой. О памятникахъ. (По поводу проекта памятника Шевченку Н. А. Андреева).—М. Жигмайло. Отношеніе потомства къ памяти Шевченко.—С. А. Ефремовъ. На текущія темы.—Л. Бурчакъ. Отклики русской печати. Въ связи съ юбилеемъ Шевченко. — На Украинѣ и внѣ ея. Шевченковская хроника.

„Учитель и Школа". (1914—1). Отъ редакціи.—Н—d. Передъ съѣздомъ. — Г. Соломинъ. Второй всерос. съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго.—В. Чарволускій. На порогѣ второго 50-лѣтія земской жизни. — А. Шингаревъ. Земство и народное образованіе.—С. Левитинъ. Демократизація школы. — А. Н—ръ. Образовательныя экскурсіи.—М. Сабининъ. Изъ жизни Спб. о-ва народныхъ университетовъ.—Б. Заксъ. Изъ жизни учителей и учительскихъ организацій. — Е. Чернолуская. Новѣйшія теченія въ школьной жизни Италіи.—Библіографія.

„Учитель и Школа". (1914—2). Сейчасъ послѣ съѣзда. — В. К. О всерос. съѣздѣ имени К. Д. Ушинскаго. — М. Левитанъ. Дѣти улицы. — Реньевъ, Е. Что должна дать географія ученику начальной школы. — Л. Сатинъ. Пасынки просвѣщенія.—А. Ч. Первый всерос. съѣздъ преподавателей физики, химіи и космографіи. — П. Жулевъ. Учительскій голосъ по организаціоннымъ вопросамъ школы. — Е. К. Комиссія по образованію въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. — С. Ф. Знаменскій. На съѣздѣ прусскихъ учителей. — Е. Чернолуская. Предстоящіе междунар. конгрессы и выставки. — Сообщенія съ мѣстъ. — Резолюціи 1-го всерос. съѣзда по вопросамъ народнаго образованія. — Постановленія, резолюціи и тезисы, принятые 2-мъ съѣздомъ имени К. Д. Ушинскаго.

„Учитель и Школа". (1914—3). Я. Душечкинъ. Первый всерос. учительскій съѣздъ.—Э. Эахтерова. Обученіе дѣтей и самообразованіе учителя. — В. Правдухинъ. Развитіе творчества, какъ методъ веденія письменныхъ работъ. — Б. Веселовскій. Городскія самоуправленія и школа. — С. Савичъ. О проектѣ Спб. сберегательно-вспомогательно-пенсіонной кассы. — Н. Окуневъ. Первый съѣздъ дѣятелей по вопросамъ суда для малолѣтнихъ. — Я Д. О работѣ II секціи. — В. Майскій. Конференція лондонскихъ учителей.—Сообщенія съ мѣстъ.—Резолюціи 1-го всерос. съѣзда по народному образованію.

„Художественно - Педагогическій Журналъ". (1914—3). Л. Мейеръ. Преподаваніе рисованія во Франціи. Перев. Б. Іофе. — П. Бахтинъ. Дѣтскій театръ и значеніе его для народной школы. — М. Ванъ. 50 лѣтній юбилей Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.—М. В. „Музей образцовъ" Россійской экспортной палаты. — С. Рокотовъ. Выставки 1913—1914 гг.—Искусство и жизнь. — Обзоръ печати.

„Что и какъ читать дѣтямъ". (1913/4—6). Отъ редакціи. — „Дѣтская Энциклопедія". Критическая статья и разборъ. — Отзывы о книгахъ.—Справки о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ. — Алфавитный указатель.

„Юридическій Вѣстникъ". (1914 — кн. V (I). П. Е. Михайловъ. О реальности права. — Е. В. Спекторскій. Къ спору о реальности права. — Б. А. Кистяковскій. Кризисъ юриспруденціи и дилетантизмъ въ философіи.—А. С. Алексѣевъ. Реставрація Бурбоновъ и конституціонные акты, предшествовавшіе хартіи 1814 г. — Л. В. Шалландъ. Парламентскій иммунитетъ.—М. П. Брунъ. Коллизіи разномѣстныхъ законовъ о безвѣстномъ отсутствіи.—Бар. А. А. Симолинъ. Два вопроса изъ области авторскаго права.—Р. М. Орженцкій. Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія.—Бар. С. А. Корфъ. Лео Мехелинъ. — Юридическое обозрѣніе: В. И. Синайскій. Первыя страницы русскаго законопроекта обязательственнаго права въ сравненіи съ германскимъ и швейцарскимъ. — А. І. Закъ. По поводу петерб. проектовъ новаго закона объ отвѣтственности и судопроизводствѣ по дѣламъ о малолѣтнихъ.— В. П. Новиковъ. Образовательный цензъ для отвѣтственныхъ редакторовъ. — С. А. Котляревскій. Къ вопросу о происхожденіи государства. — Литературное обозрѣніе.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. К. Тихомирова, Москва.

Э. Реклю. Землетрясенія. 50 к.—**Его же.** Вулканы. 60 к.—**Его же.** Озера. 35 к.—**Его же.** Рѣки. 80 к.—**Его же.** Источники. 35 к.—**П. Вольногорскій.** Въ нѣдрахъ земли. 1 р. 25 к.—**Ф. Бернетъ.** Таинственный садъ. 1 р. 50 к.—**И. С. Ломакинъ.** Школьный театръ. Сборн. пьесъ. 40 к.—**М. Зарницына.** Школяры. 25 к.—**С. Зенченко.** Другъ за друга. Изд. 2-е. 1 р.—**А. А. Красевъ.** Чего ждетъ отъ школы наша страна для своего объявленія. 40 к.—**Фр. Фребель.** Педагогическія сочиненія. Т. I. Воспитаніе человѣка. 2 р. Т. II. Дѣтскій садъ. 2 р.—**А. Дистервегъ.** Руководство для народныхъ учителей. 1 р. 50 к.—**Фенелонъ.** О воспитаніи дѣвицъ. 90 к.

Изд. „Посредникъ“ и И. Горбунова-Посадова. Москва.

Е. Коротнова. Въ часы досуга и веселья. 25 к.— Исторія одной собаки. Орелъ. Брикъ. Герда. 30 к.—„Арфа“. Сборникъ христіанскихъ гимновъ и стиховъ. 1 к.—**А. Бирюкова.** Грибы. 1/2 к.—**П. Буланже.** Жизнь Будды. 1 1/2 к.— **П. Добротворскій.** Нюта. 1/2 к.—**Густавсонъ.** Что приснилось маленькому Свену. 1 1/2 к.— **С. Егоровъ.** Нищіе. 1 к.—**И. Наживинъ.** Братія. 2 к.—**Его же.** Въ сумасшедшемъ домѣ. 2 к.—„Лира“. Сборн. христіанск. гимновъ и стиховъ. 1 к.—**Лонгфелло.** Разлученные. 3 к.— **Н. Никитинъ.** Кулакъ. 6 к.—**Л. Писарева.** Извозчикъ Ванюшка. 1/2 к.—**О. Рунова.** На дежурствѣ. 1 к.—**В. Савихинъ.** Два сосѣда. 2 к.—**А. Севастьяновъ.** Уродъ. 1 к.—**С. Семеновъ.** Настасья Большенина. 1 1/2 к.—**Его же.** Чужой коровай. 1 1/2 к.—**Его же.** Раздоръ. 7 к.—**Его же.** Брюханы. 3 к.—**Его же.** Сонъ Максима. 1 к.—„Соловей“, пѣсенникъ. 1 к.— **А. Теннисонъ.** Спасенный, повѣсть. 3 к.— **Его же.** Вьюга. 1 к.—**Л. Н. Толстой.** Отъ ней всѣ качества. 1 1/2 к.—**Его же.** Бесѣда досужихъ людей. 1 к.—**Его же.** Алеша-Горшокъ. 2 к.—**Его же.** Тайная вечеря. 1 к.—„Фабіола“, или древніе христіане. 8 к.—**В. Чертковъ.** Рабъ-мудрецъ. 1 к.—**Е. Яхонтовъ.** Махмудъ. 1 к.

Изд. т-ва „Міръ“. Москва.

Ф. Паульсенъ, Педагогика. 2 р.

Э. Б. Титченеръ, проф. Учебникъ психологіи. Универс. курсъ. Ч. I и II. По 1 р. 25 к.

Изд. „Энергія“.

Вас Немировичъ-Данченко. Наши женщины. Кн 3-я. 1 р. 50 к.—**Л. С. Козловскій** Герценъ-публицистъ. 90 к.—**М. Н. Коваленскій.** Московская политическая литература XVI в. 85 к.— **К. В. Сивковъ.** Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII в. 85 к.

Н. Лаврскій. Указатель книгъ и статей по вопросамъ искусства. Изд. „Творчество“. 25 к.

В. А. Ватинъ. Минусинскій край въ XVIII в. Изд. Минус. Мартьяновск. Музея. 1 р. 50 к.

К. Д. Кудрявцевъ. Что такое теософія и теософическое О-во. 2-е изд. 70 к.

В. П. Кащенко и С. Н. Крюковъ. Воспитаніе-обученіе трудныхъ дѣтей. 60 к.

Дневникъ 1-го Всерос. съѣзда по вопросамъ народнаго образованія. №№ 1—11.

Музыкальный Справочникъ на 1914 г. Изд. „Бетховенск. Студіи“.

Музыкальный Альманахъ. Изд. „Бетх. Студ.“ 1 р. 75 к.

Отчетъ Русскаго О-ва Любителей Міровѣдѣнія за 1913 г.

В. В. Горкневскій. Физическое образованіе 2 р. 50 к.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. Изд. Б. А. Лезина. 2 р. 50 к.

С. Л. Аваліани. Опытъ исторической хрестоматіи. Ч. II. Изд. „Одес. Нов.“ 1 р.

А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ, ром. Изд. М. А. Яснаго, быв. Попова. 1 р. 25 к.

В. С. Мурзаевъ. Творческое рисованіе. Изд. ж. „Педаг. Обозр.“ 50 к.

Изд. кн. скл. Д. П. Ефимова, Москва.

В. Линдъ. Что дѣлалось въ русской землѣ и до начала русскаго государства. 8 к. — **Его же.** Первые русскіе князья. 12 к.—**Т. Линдъ.** Крещеніе Руси. 8 к.— **Его же.** Князь Владиміръ Мономахъ. 10 к. — **Его же.** Кіево-Печерскій монастырь. 10 к.— **Его же.** Ростово-Суздальское княжество. 10 к. — **Его же.** Іоаннъ Грозный. 15 к. — **Его же.** Никонъ и Аввакумъ. 10 к. — **Его же.** Царевна Софья. 12 к. — **М. Линдъ.** Литва въ XIV и XV вв. 10 к.— **Его же.** Смутное время. 12 к.— **Его же.** Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. 12 к. — **О. Линдъ.** Димитрій Самозванецъ. 12 к.— По **А. Н. Панеру.** Печатникъ-колдунъ. 5 к. — **Э. Беллами.** Золотой вѣкъ. (Черезъ 100 лѣтъ). 10 к. — **А. Додэ.** Брошенный ребенокъ. 5 к.— **Гр. Л. Н. Толстой.** Чѣмъ люди живы 5 к.— **Н. И. Перелыгинъ.** Пигизлотникъ, разск. 5 к. — **Е. Красуская.** Нашествіе татаръ. 12 к. — **Б. И. Александровскій.** Народное правленіе въ древней Руси. 15 к.—**А. Заринъ.** Сѣверный богатырь, историч. повѣсть. 1 р. — **Его же.** I. Пимпа. II. Мордухай Пинкусъ, нашъ общій ученикъ. 30 к. — **Его же.** Веселое Рождество. 30 к.— **Его же.** I. Секретъ Забудскаго. II. Куртъ. 30 к. — **Его же.** Мой первый сюртукъ. Братья-разбойники. Неудачная охота. 30 к. — **Его же.** Нашъ журналъ. Подземный ходъ. Страхъ. 35 к.— **Р. Гофманъ.** Бабушкины сказки. 15 к. — **Кв. Бѣлоусовъ.** Птичья стайка, разск. и стихотв. 25 к.— **В. Радичъ.** Искра любви, сборн. разск. 80 к. — **Ея же.** I. На медвѣдя. II. Удачный выстрѣлъ. III. Каменоломня. 30 к. — **Ея же.** Искра любви. 3 разсказа. 30 к.— **Ея же.** I. Ясная слобода. II. Воробушко. 30 к. — **I. А. Любичъ-Кошуровъ.** Души живыя, очерки и разск. 30 к.— **А. Осиповъ.** Очерки родного края. I и II кн. 50 к. и 60 к. — **Е. Нюбломъ.** Новыя сказки. 30 к. — **Вас. Немировичъ-Данченко.** I. Солнце въ росинкахъ. II. Въ будкѣ. 40 к. — **Его же.** I. Солнце въ росинкахъ. II. Сердце настежь. 40 к.— **Его же.** Воинствующій Израиль. 60 к.— **Его же.** Собака. 20 к.— **Эдм де-Амичисъ.** Дѣтскіе подвиги. 50 к. — **А. Федоровъ-Давыдовъ.** Жилъ-былъ мальчикъ. 80 к.

Изд. „Польза“, В. Актикъ и К°. Москва.

Дж. Лондонъ. Великое чудо. 10 к.— **Его же.** Потомокъ Макъ-Коя 10 к.— **Его же.** Бѣлый клыкъ. 30 к.— **Ш. Я. Абрамовичъ.** (Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ). Фишка-хромой. 20 к. — **А. С. Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. 10 к.— **О де-Бальзакъ.** Прощаніе, разск. 10 к. — **И. Вазовъ.** Сосѣди. Картина болгарскихъ нравовъ. 10 к.— **И. Зангвилль.** Мечтатели Гетто. 20 к.— **Г. де-Мопассанъ.** Съ лѣвой руки, разск. 20 — **Г. Швабъ.** Докторъ Фаустъ. 10 к.— **Ф. Шиллеръ.** Коварство и любовь. 10 к.

Изд. „Мусагетъ“. Москва.

Агриппа Нетесгеймскій. 75 к. — **Х. С. Чемберленъ.** Арійское міросозерцаніе. 50 к.—**Рих. Вагнеръ.** Вибелунги. Всемірная исторія на основаніи сказанія. 50 к. — „Логосъ“.— Международный Ежегодникъ по философіи культуры. Кн. 3 и 4. 3 р. 50 к.— **Ю. Словацкій.** Ангелли. 50 к.— **Эллисъ.** Арго. Забытые обѣты. Марія. 2 р.— **М. Сѣдловъ.** Цезарь Ломброзо и спиритизмъ. 85 к.

Изд. „Ирисъ". Москва.

Л. Келленъ. Новая живопись. 80 к.—**А. Холоневскій.** Нѣмецкая опасность. 20 к.—**Г. Тастевенъ.** Футуризмъ. (На пути къ новому символизму.) 90 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб.

К. Чуковскій. — Лица и маски. 1 р. 50 к. — **Б. Верхоустинскій.** Во лѣсахъ. Разсказы, поэмы, апокрифы. 1 р 25 к.

Изд. Т-ва „Міръ". Москва.

Э. Мейманъ, проф. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. 3-е изд. Ч. I. 3 р. — **Итоги науки въ теоріи и практикѣ.** Кн. XXVII. — **Исторія западной литературы** (1800—1900). Кн. 6.

Изд. В. Березовскаго. Спб.

Г. А. Дюпперонъ. Легкая атлетика. 2-е изд. 80 к. — **Его же.** Футболъ и другія игры того же типа. 85 к. — **Н. Бутовскій.** Повѣсти изъ современной офицерской жизни. 1 р.

Изд. „Книгоизд. Писателей въ Москвѣ".

„Слово". Сборникъ второй. (Къ 10-лѣтію смерти А. П. Чехова). 1 р. 50 к.— **Архивъ В. А. Гольцева.** Т. I. 1 р. 50 к.

Изд. журн. „Вѣстн. Теософіи". Спб.

Бхагавадъ-Гита или пѣснь Господня. 50 к. — **Ч. Ледбитеръ.** Ясновидѣніе. 85 к.

Изд. кн. м. М. Я. Яснаго, быв. Попова. Спб.

С. Арефинъ. Первые шаги, повѣсть. 1 р. 25 к.— **Теофилъ Готье.** Эмали и Камеи. 1 р. 50 к.

Изд. Религіозно-философской библ. М.

Спасеніе и вѣра по православному ученію. 35 к.— **Спасеніе и вѣра** по ученію католическому и протестантскому. 40 к. — **Церковь,** католичество и протестанство Краткій очеркъ **по А. С. Хомякову.** 50 к.— **Папская непогрѣшимость.** Штроссмайеръ-Делингеръ. 25 к. — **Идея католичества** въ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. 20 к.

Отчетъ о дѣятельности Костромского научнаго О-ва по изученію мѣстнаго края за 1913 г.

Отчетъ по лѣтнимъ учительскимъ общеобразовательнымъ и педагогическимъ курсамъ Отд. по Нар. Образованію Харьковской Губ. Земск. Упр. за 1913 г.

Доклады Харьковской Губ. Зем. Упр. Губернскому Земскому Собранію очередной сессіи 1913 г. по отдѣлу народнаго образованія.

Руководство къ любительскимъ наблюденіямъ во время полнаго солнечнаго затменія 8 (21) августа 1914 г., видимаго въ Европейской Россіи. Изд. „Русск. О-ва Люб. Міровѣд." въ Спб. 35 к.

Ежегодный обзоръ русской литературы по Психіатріи и Неврологіи за 1913 г. Изд. ж. „Вопросъ Псих. и Неврол". 1 р.

Новыя современныя пѣсни. Вып. I и II. Изд. В. Н. Симакова. По 5 к. вып.

Деревенскія пѣсенки-частушки. Вып. VIII и IX. Изд. В. Н. Симакова.

М. Бирхеръ-Беннеръ. Основы леченія питаніемъ на началахъ энергетики. Изд. переводч. баронессы А. В. Тизенгаузенъ и В. П. Погожева. 2 р.

Познеръ. Евреи въ общей школѣ. Изд. „Разумъ". 3 р.

Анкета „Проблема музыкальнаго воспріятія". Изд. „Бетховенск. Студіи".

К. Э. Ціолковскій. Простѣйшій проектъ чисто металлическаго аэроната изъ волнистаго желѣза. Изд. автора. 10 к.—**Его же.** Изслѣдованіе міровыхъ пространствъ реактивными приборами. Изд. автора. 15 к.

I. H. Vant Hoff. Расположеніе атомовъ въ пространствѣ. Скл. изд. кн. маг. „Студенч. К—во". 1 р. 40 к.

Семинарій В. Ѳ. Тотоміанца по политической экономіи (коопераціи) при Имп. Моск. У-тѣ, Статьи: Н. С. Медвѣдева, С. П. Павской. Г. А. Герсона, А. П. Савичъ и П. И. Шелкова. Кн. скл. кн. маг. „Студенч. Из-во". 1 р.

Мих. Гроховскій. Первыя зарницы. Стихотв. 50 к.

В. Саводникъ. Краткій курсъ исторіи русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. Изд. автора. 1 р. 50 к.

Мих. Калининъ. Колючки дѣйствительности. 10 к.- **Его же.** Что такое? Изд. автора. 10 к.

Н. Герасимовъ. Нирвана и спасеніе. 1 р. 50 к.

В. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украйны. Изд. „Жизнь и Знаніе" 50 к.

Илья Былка, худ.-самоѣдъ. Записки о Новой Землѣ. Изд. ж. „Путь". 30 к.

„Временникъ" Общества содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій имени Х. С. Леденцова, состоящ. при Имп. Моск. У-тѣ и Имп. Моск. Технич. Училищѣ. За 1910 г., вып. 1, 2 и 3; 1911 г.—вып. 1, 2 и 3; 1912 г.—вып. 1, 2 и 3 и прилож. къ вып. 1; 1913 г. — вып. 1, 2 и 3 прилож. къ вып. 2 и 3.

Л. Левенфельдъ, д-ръ мед. Бракъ и счастье. Изд. „Лит.-Мед. журн." д-ра Окса. 80 к.

В. В. Брусянинъ. Доктора и паціенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Изд. д-ра Б. А. Окса. 1 р.

Н. Черкасовъ. Въ ряды. Поэмы и поэзы. 50 к.

Л. Авербаухъ. Реальное міровоззрѣніе. Изд. автора. 30 к.

И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. „Молодыя Силы". Казань. 2-е изд. 2 р.

Экскурсія на Уралъ. Сборникъ статей учениковъ и преподавателей Харьковскаго коммерч. уч. Подъ ред. В. Е. Геркевича.

Т. Г. Шевченко. Его думы и пѣсни. 25 к.

„Степь". Оренбургскій литературный сборникъ. Изд. Н. Афиногенова. 75 к.

Зигзаги въ туманѣ. Стихи. Сборникъ. 60 к.

И. Сѣверянинъ. Златолира. Поэзы. Кн. 2-я. Изд. „Грифъ". 1 р.

Астрофилъ К. Въ небесной глубинѣ. 8 к.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, д. № 26. Телеф. 1-31-34 и 88-60.

КАКЪ И ДЛЯ ЧЕГО УСТРАИВАЮТСЯ

Праздники древонасажденія

ВЪ ШКОЛАХЪ СЕЛЬСКИХЪ и ГОРОДСКИХЪ.

Съ предварительной статьей о роли лѣса въ природѣ и сельскомъ хозяйствѣ и о томъ, какое значеніе могутъ имѣть праздники древонасажденія и съ приложеніемъ стихотвореній, нотъ, гимна деревьямъ и пр.

РУКОВОДСТВО УСТРОИТЕЛЯМЪ ЗЕЛЕНЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ.

Составилъ *А. Н. Меньшиковъ*.

Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ (29 января 1913 года № 4314).

Складъ изданія въ книжномъ складѣ „ПРОВИНЦІЯ“, СПБ. Стремянная, 6.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАКОНЫ. **„ЮРИСТЪ“** ЗАКОНЫ.

Москва, Моховая, 22. Тел. 3-17-19.

Для удовлетворенія настоятельной потребности публики, очень часто даже совершенно не знающей, какъ и гдѣ получить ту или другую книгу юридической литературы, или тотъ или другой законъ—книговед-мъ „Юристъ“ изъ своего издательства и книжныхъ складовъ образованъ обширный розничный книжный магазинъ юридической литературы, подъ тою же фирмою „Юристъ“.

По постановкѣ дѣла въ своей спеціальности магазинъ „Юристъ“ будетъ единственнымъ въ Россіи.

Магазинъ имѣетъ книги по правовѣдѣнію и обществовѣдѣнію, всѣ законы и справочныя изданія.

Требованія г.г. покупателей на всѣ существующія въ продажѣ русскія книги юридической литературы, имъ и гдѣ бы то ни было изданныя или опубликованныя, исполняются магазиномъ безпрепятственно, быстро и точно. Всѣ лица и учрежденія, имѣющія надобность въ тѣхъ или другихъ книгахъ юридической литературы и законахъ, или только свѣдѣнія о такомъ—благоволятъ обратиться по адресу книж. маг. „Юристъ“.

Магазинъ отвѣчаетъ на всѣ запросы о книгахъ, но для отвѣта просятъ прилагать *одну семикоп.* марку или *бланкъ открытого письма* съ адресомъ.

Новый каталогъ юридической литературы *печатается* и будетъ высланъ всѣмъ желающимъ *безплатно*.

Подборъ книгъ ПОСТОЯННО пополняется новостями.

Типографія В. И. Себлина. Москва, Петровка, д. № 26. Телефонъ 1-31-34.

ОТЪ КОНТОРЫ:

Въ виду праздника Пасхи слѣдующій номеръ **„БЮЛЛЕТЕНЕЙ“** будетъ двойнымъ и **выйдетъ въ 20-хъ числахъ апрѣля.**

ДЗВІН

Приймається передплата на 1914 рік (II рік вид.) на журнал-місячник літератури, науки й громадського життя марксістського напрямку. Дзвін є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств. містить твори красного письменства, статті наукового змісту з історії, літератури, суспільних і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського життя в Россії і за кордоном. Стоячи на грунті наукового соціялизму, „Дзвін“ є діскусійним органом українских марксістів въ Россії і Австрії. Проблеми українскої дійсности, робітничого й національного життя знаходять в ньому належне місце й відповідне освітлення.

„Дзвін“ виходит при участи таких співробітників: Г. Алексинский, Х. Алчевська, Д. Антонович, О. Безпалко, А. Богданов, П. Бувший, В. Винниченко, М. Вороний, С. Гадячанин, В. Дорошенко, К. Залевський, І. Лебединський, В. Левинський, А. Луначарський, В. Лункевич, П. Маслов, О. Мерклінг, К. Миргородський, О. Назаріїв, М. Павлович (Волонтер), С. Петлюра, Н. Романович, Л. Рибалка, В. Садовський, Юр. Сірий, О. Скоропис, П. Стах, М. Троцький, М. Цыглинський, С. Черкасенко, В. Чумак, Г. Чупринка, Л. Юркевич і инш.

Редагування відділу красного письмен. принав на себе *В. Винниченко.*

Въ перших книжках „Дзвону“ в 1914 році будуть поміщені такі праці і статті: У відділі красного письменства: В. Винниченко: „І є і нема“ (опов.), Моє (опов.).— С. Черкасенко: В царстві нової казки (драма), Трівога (опов.), Пастка (опов.).— Юр. Сірый: Апоѳеоз (опов.), нариси з циклю „Улиця“.— Поезії Вороного, Олеся, Стаха („Дзвін“, „Мій демон“, „Пожожа“, „Романси“). У відділі науково-публіцистичнім: Г. Алексинській: Статистичні стюди про пролетаріят і капіталізм на Вкраїні, Впливи революції на культуру.— Д. Антонович: Памяти Михайла Руссова. В. Винниченко: Спостереження непрофессіонала, Етичне credo.— В. Дорошенко: До питання про характері и зміст української літератури та метод її історичного дослідження. К. Заловський: Течії в модерній польскій літературі, Українське питанне въ польскій прессі. А. Луначарській: Індійський гість (Рабиндранат-Тагор). Зализний реалізм (Гамп.).— І. Лебединський: Робітничий договор.— В. Левинській: Проблеми централізму і федералізму в австрійськім робітничім руху.— В. Лункевич: статті природничого змісту.— М. Павлович (Волонтер): Економічні причини упадку Оттоманської імперії, Россія и монгольске питанне, Китайська контр-революція.—М. Цеглинський: Культура в горячці.— Лев. Юркевич: По австрійській Україні (з вражінь коміпонжера марксізму). Місто й село въ українському робітничому руху. Демократично-політичні і національні завдання.

Умови передплати на „Дзвін“ на 1914 рік: В Россії: на рік — 4 р., на півроку — 2 р. 50 к. За кордоном: на рік—10 корон, на півроку — 6 корон. В Америці: на рік — 3 доляри, на півроку— $1^1/_2$ дол. Ціна окремого № в Россії 45 коп., за кордоном 1 кор. 20 сот. За ціну 1 р. 75 к. можна одержати комплект II тому „Дзвону“ (№№ 7—11), що становить окремо для себе цілість. За ціну 3 р. можна одержати книжки журналу від № 1, за виїмком № 3 (сконфисковано) і № 4 (разпродано). Першій і другий том журналу (№№ 1 — 12) на вичерпанню. Гроші надсилати і в справах редакційних просять звертатись по такій адрес: Київ, Жилянська ул, 20, редакція журнала „Дзвін“.

„Сельскохозяйственное Образованіе“.

Журналъ, издаваемый Учебнымъ Бюро Ученаго Комитета Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Издается съ 1 января 1914 года выпусками до 3 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) Законы и правительственныя распоряженія, касающіеся школьнаго и внѣшкольнаго сельскохозяйственнаго образованія. 2) Статьи по организаціоннымъ вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго сельскохозяйственнаго образованія. 3) Методика и программы преподаванія, учебные планы, учебныя пособія и проч. 4) Статьи по вопросамъ воспитанія въ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. 5) Обзоръ дѣятельности сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи и за границей. 6) Хроника сельскохозяйственнаго образованія. 7) Библіографія. 8) Справочный отдѣлъ: о выборѣ учебныхъ пособій, ихъ стоимости, фирмахъ, изготовляющихъ пособія, и пр. 9) Спросъ и предложеніе труда по сельскохозяйственно-педагогической части. 10) Объявленія. Подписная цѣна 2 р. въ годъ съ пересылкой. Пріемъ подписки и объявленій производится ежедневно отъ 12—5 ч. въ помѣщеніи редакціи журнала: С.-Петербургъ, ул. Гоголя, 22.

Предсѣдатель Учебнаго Бюро *О. Ленинъ.* Редакторъ *И. Мещерскій.*

ц. 40 к. Въ провинціи и на ст. жел. дор. 45 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 15-16. Апрѣль I—II. 1914.
(Пятый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Соціологическая теорія религіи.. 881
2. Хлыстовство и мальтузіанство.. 883
3. Изъ журнальныхъ стихотвореній. 887
4. Новые разсказы. („Надсмертное" Л. Андреева.—„Аввакумъ" А. Тырновой.—„Жена умнаго человѣка" Ѳ. Сологуба.—„Любовь Бориса Николаевича" К. Тренева.—„Двѣ ночи" А. Серафимовича.—„Капитанъ" А. Куприна)..... 891
5. „Изъ записной книжки" Чехова. (Темы, замѣтки, отрывки.—Мысли.—Бутоны чеховскаго юмора)..... 913
6. Т. Г. Шевченко. (Къ столѣтію со дня рожденія)..... 917
7. Изъ литературнаго прошлаго. Катковъ и Бакунинъ.—Вс. Крестовскій и Минаевъ.—Гл. Успенскій.—Михайловскій.—Короленко.—Чеховъ. 924
8. Что говорятъ футуристы 934
9. Общественная эволюція и толстый журналъ..... 941
10. Итальянская пресса 943
11. „Внутренній врагъ" демократіи. 948
12. Въ борьбѣ съ вырожденіемъ ... 953
13. Идеи, образы, факты. Научныя перспективы. (Искусственная жизнь. „Психологія" растеній. Новая постановка вопроса о химическомъ питаніи. Превращаемость пола. Дѣвственное размноженіе. Оживленіе трупа. Новый діагностическій методъ. Магнитъ въ медицинѣ. Прививка сна. Музыкальный неврозъ. Искусственное „зрѣніе" слѣпыхъ (оптофонъ). Преодолѣніе пространства. Перевороть въ земледѣліи).— Ощущенія умирающаго.—Инстинктъ продолженія жизни.—„Пила радости и служенія".—Звѣриное движеніе. (Походъ противъ „худощавой женщины". Брачныя медицинскія свидѣтельства)..... 959
14. Отзывы о книгахъ..... 470
15. Новыя книги..... 490
16. Содержаніе журналовъ..... 500
17. Библіографія по отдѣльнымъ вопросамъ. Общіе вопросы педагогики. а) Теорія. в) Исторія.—Педологія. Семейное воспитаніе. Дѣтскій садъ..... 506

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 9 м.—3 р., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-68.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука".
2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція".

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

Комиссіонера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право", Нюренберга, „Законовѣдѣніе", Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зеркала (и. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ". ☐ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—28.

Принимается подписка на 1914 годъ на

(II годъ изданія)

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ"

журналъ, издаваемый Русскимъ Библіографическимъ Обществомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей Б. С. БОДНАРСКАГО.

Программа журнала: Статьи и пр. работы по вопросамъ теоретической и прикладной библіографіи: изслѣдованія изъ области библіографіи, библіотековѣдѣнія, библіофиліи и книжнаго дѣла, указатели по отдѣльнымъ отраслямъ жизни и знанія, критико-библіографическіе обзоры, рецензіи. Хроника и varia: библіографическая жизнь въ Россіи и за границей, выдающіеся факты изъ жизни обществъ и учрежденій, преслѣдующихъ задачи изученія книги, разныя замѣтки на библіографическія темы, отвѣты на вопросы читателей и пр. Объявленія.

Сроки выхода: Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ въ апрѣлѣ, іюлѣ, октябрѣ и декабрѣ, размѣромъ не менѣе 5 печ. листовъ. Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ—4 р., на 1/2 г.—2 р., отд. №—1 р., за границу—5 р., Тарифъ объявленій: 1 страница—40 р., 1/2—20 р., 1/4—10 р., 1/8—5 р. 1/16—2 р. 50 к., строка петита въ 1 колонкѣ (стр. 2 кол.)—40 к. Контора и редакція: Москва, Моховая, 11 (старое зд. Унив.), Библіографическое Общество. Отдѣленіе: Б. Никитская, 10, книжн. магаз. „Наука".

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, отдѣленіи конторы (кн. маг. „Наука") и во всѣхъ столичныхъ и большихъ провинціальныхъ книжн. магазинахъ. Переписка по дѣламъ редакціи (присылка статей etc.) должна быть направляема въ Библіогр. О-во или по адресу редактора журнала: Б. Палашевскій, 2, кв. 7, Богдану Степановичу Боднарскому. Личные переговоры — по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 ч. веч. въ помѣщеніи Библіографическаго Общества, въ остальные дни—по предварительному соглашенію.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. Апрѣль—I—II. № 15—16.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

Соціологическая теорія религіи.

[2(01)]

Въ наше время религіозные вопросы обсуждаются со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, приходится встрѣчать формулировки, исходящія иногда изъ діаметрально противоположныхъ лагерей. Это опять подчеркиваетъ, какъ живуча еще въ современномъ, культурномъ человѣчествѣ религіозная мысль. Будь это преходящей модой, злободневнымъ теченіемъ въ литературѣ, не нашлось бы отклика со стороны писателей самыхъ различныхъ направленій. А тутъ какъ разъ встрѣчается утвержденіе соціологовъ, что безрелигіозныхъ людей вообще нѣтъ и быть не можетъ, а есть лишь „инаковѣрующіе". Какъ разъ въ соціологіи и предложена новая теорія религіи, интересная своей оригинальностью и простотой, стоящая совершенно особнякомъ среди обычныхъ воззрѣній на этотъ предметъ.

П. Сорокинъ въ мартовской книжкѣ „Завѣтовъ" излагаетъ обширный трудъ Дюркгейма: Les formes élémentaires de la vie religieuse. Анализируя возникновеніе религій, авторъ сначала разсматриваетъ старыя теоріи Тэйлора и М. Мюллера.

Тэйлоръ думалъ, что зерномъ, изъ котораго выросла религія, было понятіе о душѣ. Какимъ же образомъ возникло самое понятіе души?

Первобытный человѣкъ видѣлъ сны, въ которыхъ онъ съ необыкновенной легкостью совершалъ тѣ же дѣянія, что и въ бодрственномъ состояніи: бесѣдовалъ съ окружающими, охотился, переносился на громадныя разстоянія и даже видѣлъ людей, давно умершихъ. Отсюда, по Тэйлору, возникло представленіе, что во время сна наше „Я" отдѣляется отъ тѣла, гдѣ-то странствуетъ и совершаетъ тѣ или иныя дѣйствія.

Дальнѣйшая эволюція понятія души была такова: разъ при жизни душа можетъ покидать тѣло, входить въ общеніе съ умершими и т. д., то послѣ смерти она окончательно уходитъ изъ тѣла, больше не возвращается и становится свободной. Такимъ образомъ возникло понятіе о духахъ.

Различные народы представляли себѣ различнымъ образомъ это царство духовъ. Наивная мысль дикарей, не привыкшая къ отвлеченнымъ понятіямъ, необходимо связывала воображаемыхъ духовъ съ конкретными предметами и живыми существами. Такимъ образомъ произошла вѣра въ одушевленіе всей природы.

Чтобы быть исчерпывающими, вышеприведенныя теоріи должны, по Дюркгейму, отвѣтить на три вопроса: 1) какъ могло возникнуть представленіе о душѣ, 2) какъ оно могло сдѣлаться предметомъ культа и трансформироваться въ представленіе о духѣ вообще и 3) какъ отсюда могъ возникнуть культъ природы?

Уже возникновеніе представленія о душѣ изъ явленій сна вовсе не такъ естественно, какъ кажется съ перваго взгляда. Дикарю проще было бы вообразить, что во снѣ онъ видитъ на разстояніи, чѣмъ думать, что часть его существа отдѣляется и живетъ самостоятельной жизнью—мысль для дѣтей природы, натуръ непосредственныхъ, совершенно непріемлемая.

Затѣмъ является вопросъ: почему дикарь будетъ искать объясненіе для сновъ? Не такъ же ли обыденно это явленіе, какъ разговоръ, ходьба, дыханіе и проч. Тамъ, гдѣ уже выработано представленіе о духахъ, сонъ могъ играть роль въ качествѣ вторичнаго фактора. Такимъ образомъ, біологическія явленія не даютъ ключа къ разгадкѣ тайны возникновенія религіи.

Совершенно непонятно, почему послѣ смерти человѣка, его душа вдругъ дѣлается священной и становится предметомъ культа? По воззрѣніямъ анимизма религія возникла на почвѣ иллюзій, сновъ и галлюцинацій. Какимъ образомъ могла она на такомъ шаткомъ фундаментѣ продержаться въ теченіе вѣковъ, среди всевозможныхъ историческихъ пертурбацій, если въ ней не было другихъ началъ? Старыя теоріи не даютъ на это никакого отвѣта. Натурализмъ, защищаемый М. Мюллеромъ, об-

основавъ еще слабѣе и не можетъ дать сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія возникновенія религіи.

Объ теоріи стремятся вывести начало религіи то изъ физическихъ (натуризмъ), то изъ біологическихъ (анимизмъ) явленій. Дюркгеймъ кладетъ во главу угла соціальный моментъ.

По его мнѣнію, примитивной религіей первобытныхъ народовъ является „тотэмизмъ", наилучше изученный у австралійцевъ. Эти народы живутъ племенами, имѣющими классовую организацію. Всѣ члены одного класса не состоятъ въ кровномъ родствѣ между собою, но неразрывно связаны другъ съ другомъ морально. Каждый кланъ имѣетъ свой гербъ-тотэмъ. Этимъ тотэмомъ бываютъ животныя, растенія, камни и различныя предметы. Тотэмъ является символомъ коллективизма, этикеткой единства всего клана.

Тѣ животныя, растенія и предметы, которые дѣлаются тотэмами, эмблемами клановъ, становятся священными—такимъ образомъ, они получаютъ религіозное значеніе, какъ выразители коллективной силы. Тотэмы являются запрещенными вещами въ силу своего священнаго значенія; напр., такихъ животныхъ нельзя ѣсть.

Раздѣленіе предметовъ на священные и обыденные идетъ все дальше, захватываетъ все окружающее, даже солнце и луну.

Тотэмизмъ, по Дюркгейму, не есть религія тѣхъ или иныхъ явленій природы и животныхъ, но религія анонимной и безличной силы, которая проявляется во всѣхъ этихъ существахъ, не сливаясь съ ними и будучи отличной отъ нихъ. Эта сила вѣчна и вездѣсуща; она въ человѣкѣ, въ деревѣ, дождѣ, вѣтрѣ; поколѣнія смѣняются и уходятъ, эта сущность не умираетъ и передается дальше въ потокъ жизни. Она всему даетъ движеніе и жизнь и является въ то же время моральной пѣнностью. Всѣ люди, имѣющіе одинъ и тотъ же тотэмъ, навсегда морально связаны другъ съ другомъ высшимъ единствомъ жизни, выраженнымъ этимъ тотэмомъ.

Вещь, вознесенная на высоту божества подъ знакомъ тотэма, есть кланъ. Богъ даннаго клана есть ни что иное какъ самъ кланъ, самое племя, гипостазированное и выраженное чувственнымъ символомъ. Слѣдовательно, религія обязана возникновеніемъ не снамъ, не явленіямъ окружающей природы или человѣческаго организма, но обществу, и есть явленіе чисто соціальное.

Еще Зиммель въ своей книгѣ „Религія" говоритъ, что взаимная связь между человѣкомъ и его Богомъ повторяетъ тѣ виды отношеній, какія существуютъ между индивидомъ и общественной группой. То же самое говоритъ и Дюркгеймъ. Общество для его членовъ то же, что Богъ для его вѣрныхъ. Вѣрующій чувствуетъ себя въ зависимости отъ Бога, индивидъ находится въ зависимости отъ общества. Богъ высшій судья поступковъ его адепта, общество высшій авторитетъ для поведенія индивида.

Дюркгеймъ приводитъ конкретный примѣръ для иллюстраціи своихъ взглядовъ. Послѣ періода дождей кочующіе кланы австралійцевъ собираются вмѣстѣ на праздникъ „коробборри". Взаимное общеніе возбуждаетъ участниковъ празднества, настроеніе повышается, интенсивность жизни усиливается. Каждому представляется, что онъ сталъ инымъ, переродился отъ общенія съ другими, что находитъ себѣ внѣшнее символическое выраженіе въ видѣ масокъ и татуировки. Отсюда возникаетъ сознаніе существованія какъ бы двухъ міровъ, одного обычнаго, повседневнаго и другого, особеннаго, когда всѣ члены тотэма вмѣстѣ и чувствуютъ себя сильнѣе. Этотъ особенный, священный міръ мыслится въ образѣ тотэмовъ въ силу наклонности человѣка къ олицетворенію. Какъ знамя для солдата служитъ символомъ родины и даже на время вытѣсняетъ въ его сознаніи отвлеченный образъ, такъ тотэмъ выражаетъ обоготворенію силы племени.

Душа вначалѣ лишь часть общей религіозной силы, которой обладаетъ общество. Въ силу вѣчности общества и часть души пріобщается вѣчности. Отсюда вѣрованіе въ переволощеніе душъ.

Здѣсь Дюркгеймъ сходится во взглядахъ съ де-Роберти *) (Вѣстн. Евр. 1913. Сентябрь. „Соціологич. теорія безсмертія"), который утверждаетъ, что духовная личность есть нѣчто родовое, групповое, коллективное, а не индивидуальное и что каждая личность, какъ общественная группа, относительно безсмертна, какъ бы ничтоженъ ни былъ ея вкладъ въ сокровищницу культуры. Біологическое же рѣшеніе такихъ вопросовъ совершенно не годится.

Человѣкъ становится священнымъ, несмотря на свою бренность, какъ представитель коллективной силы, обитающей въ немъ. Этимъ объясняется священный характеръ крови, трупа и т. д.

Жизнеспособность религіи Дюркгеймъ объясняетъ тѣмъ, что она, какъ явленіе соціальное,

*) См. „Бюллетени". № 3 „Соціологъ о безсмертіи".

укрѣпляла солидарность членовъ общества и была явленіемъ высоко полезнымъ.

Что же ждетъ религію въ будущемъ? Если мы будемъ понимать религію вмѣстѣ съ Дюркгеймомъ, какъ раздѣленіе міра на сущее и должное, то она вѣчна и каждый человѣкъ есть и будетъ религіознымъ. Если же принимать религію, какъ познаніе міра, отличное отъ научнаго, то она осуждена на исчезновеніе. Вѣчнымъ останется стремленіе къ морально должному, независимо отъ того, въ какія понятія оно будетъ выливаться, будетъ ли укладываться въ старыя религіозныя рамки или потребуетъ новыхъ формъ для своего выраженія.

Такова эта оригинальная теорія. Какъ новая попытка освѣтить этотъ темный вопросъ съ своеобразной точки зрѣнія, она является большимъ шагомъ впередъ. Но насколько она насъ удовлетворитъ, явится ли она достаточно жизненной и исчерпывающей, отвѣтитъ ли на наши запросы, разгадаетъ ли намъ тревожащія насъ тайны, это вопросъ будущаго.

Хлыстовство и мальтузіанство.

[293.01:312.12]

Своеобразная связь устанавливается В. В. Розановымъ *) между хлыстовствомъ и закономъ Мальтуса. Хлыстовство, по его мнѣнію, есть „въ самой натурѣ вещей нашедшійся *отвѣтъ на законъ Мальтуса*.

„Законъ этотъ, пишетъ Розановъ, состоитъ въ доказательствѣ, что средства пропитанія въ данной странѣ, народѣ и, наконецъ, въ цѣломъ человѣчествѣ возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи, члены которой слѣдуютъ правилу сложенія, тогда какъ численность народонаселенія возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, члены которой слѣдуютъ правилу умноженія. Словомъ, населеніе, при нормальномъ размноженіи, всегда перегоняетъ трудоспособность и продукты, добываемые ею. „По одежкѣ протягивай ножки“, учитъ народная мудрость. Но какъ бы человѣчество ни подбирало подъ себя „ножки“, тѣмъ не менѣе этой „одежки“ нѣтъ,— возвращаясь отъ иллюстраціи къ иллюстрируемому,— средствъ къ существованію, не хватаетъ и не можетъ хватить на всѣхъ. Съ краю „ножки“ остаются совсѣмъ не покрытыя. Всѣ ужасы пауперизма, нищета, голодъ, алкоголизмъ отъ отчаянія, преступленія, переполненныя тюрьмы—все это есть почти математическое послѣдствіе того, что вообще ариѳметическая прогрессія не можетъ угнаться за геометрической. Растутъ люди быстрѣе, чѣмъ хлѣбъ: вотъ основной ужасъ самого бытія человѣческаго. Проклятіе, легшее на человѣка, какъ родъ, какъ на человѣчество.

Наука точна. Съ наукой что же подѣлать? Наука „поверхъ добра и зла“ въ томъ смыслѣ, что она въ первой же своей стадіи устанавливаетъ факты, обрисовываетъ дѣйствительность, и тутъ она должна быть или, точнѣе, невольно бываетъ точна и неподкупна, какъ желатиновая пластинка въ фотографіи. Законъ Мальтуса у многихъ, любящихъ человѣчество, надолго отнялъ сонъ. Легко произнести: „пауперизмъ“. А разверните-ка картину его въ каждой хижинѣ. Войдите въ отдѣльную семью. Прослѣдите ужасъ этой семьи: любящіе родители, уже обезсиленные, больные; и вотъ ихъ дѣти, отъ невоспитанія, заброшенности—уже уличные воришки въ мужской половинѣ, проститутки — въ женской. Все вѣдь день за днемъ... На глазахъ родителей, дѣдовъ. Съ ужасающей послѣдовательностью, неумолимостью. Чудовищно! „Нѣтъ, только чудовище могло создать человѣка не только такимъ уродцемъ, но и такимъ несчастнымъ“— это и срывалось, а во всякомъ случаѣ въ правѣ было сорваться съ устъ филантропа.

Между европейскими мыслителями 2-й половины XIX вѣка немного можно найти равныхъ по величію ума, необозримой учености и по благородству души—Джону Стюарту Миллю. Авторъ „Утилитаріанизма“, „Системы логики“, „Политической экономіи“ и еще цѣлаго ряда разсужденій и изслѣдованій историческихъ и философскихъ, онъ можетъ считаться благороднѣйшимъ продуктомъ и вмѣстѣ двигателемъ вообще западно-европейской духовной культуры. И вотъ, при обсужденіи положенія рабочихъ классовъ, онъ, перебравъ всевозможныя мѣры, предложенныя для улучшенія этого положенія, опредѣляетъ всѣ ихъ какъ *паллиативы*, и находитъ *радикальное средство только въ одномъ*: перестать съ *такою быстротою множиться*. „*Сами* рабочіе держатъ узелъ рабочаго вопроса въ рукахъ своихъ: это—*прекратить дальнѣйшій выбросъ рабочихъ рукъ на рынокъ соперничающаго труда*“. „Рабочіе, благоразумно сознавъ соотношеніе между спросомъ на трудъ и предложеніемъ его, и *не довѣряя всѣмъ безсильнымъ обнадеживаніямъ филантроповъ*, должны *по мѣрѣ возможно-*

*) См. только что вышедшую его книгу: „Апокалипсическая секта“ (Хлысты и скопцы). Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

сти воздерживаться отъ вступленія въ бракъ".

„Не вступайте въ бракъ". По какъ же иначе? Миль и другіе, разрабатывая лишь *соціальную* сторону вопроса, не касались *біологической, физіологической*. Это—западное „раздѣленіе труда", раздѣленіе его даже въ сферѣ мысли, при обсужденіи какой-нибудь одной конкретной жизненной темы. Пожалуй, „не вступайте въ бракъ". Но вѣдь это значило только —„не вѣнчайтесь", а не то чтобы—вовсе *не имѣть дѣтей!* Пожалуй, парни и мужики фабричные жевъ имѣть не будутъ: зато ровно въ этой же пропорціи *увеличится число дѣтей у незамужнихъ дѣвушекъ на фабрикахъ*, и на рынокъ все равно будетъ выброшено то же количество *„рабочихъ рукъ*, размножившихся въ геометрической прогрессіи". *Нужно — не рождать*!! А,—это другое дѣло, и гораздо труднѣе, чѣмъ „не вступать въ бракъ". *Остается проституція*. Да,—это исходъ. „Физіологія" дѣйствуетъ, а дѣтей не бываетъ. Никакого уродливаго самонаказанія, но только—несчастіе. Несчастіе ужаснѣйшее тысячъ, а въ будущемъ—милліоновъ дѣвушекъ, которыя потенціально могли бы быть матерями, женами!

Законъ Мальтуса и одинъ изъ двухъ выходовъ: или—*убивать* нарождающихся *дѣтей*, или—не имѣть отношенія къ женщинѣ иначе чѣмъ *къ проституткѣ*, т.-е. *безплодно*.

Когда я былъ у хлыстовъ, то по памяти стародавнихъ занятій политической экономіею и тоже въ своемъ родѣ слезъ надъ закономъ Мальтуса,— у меня и мелькнула мысль: „вотъ *еще исходъ, кромѣ дѣтоубійства и проституціи*".

...Хлысты, какъ я видѣлъ, представляли собою общину въ 50—60 человѣкъ, *абсолютно не множащуюся*. Основной канонъ секты: „не женатый—не женись, а женатый—разженись!" Но если для зрѣлаго, здороваго, уравновѣшеннаго рабочаго „не женись" есть: 1) душевное томленіе, 2) кутежъ и безобразіе холостого быта, 3) соблазнъ дѣвушекъ и дѣтоубійство или 4) обращеніе къ проституткѣ и гніеніе въ извѣстной болѣзни,—то для хлыста *исключены всѣ эти четыре данныя*! Гробъ безъ гроба, погребеніе безъ смерти! Для меня поразительно, какимъ образомъ изслѣдователи этой секты, съ одной стороны быстро и неудержимо распространяющейся, а съ другой — *численно навсегда ограниченной присутствіемъ исключительныхъ, можетъ быть, психо-патологическихъ, а можетъ быть геніальныхъ особенностей*,— не догадались, не увидѣли того, что само собою кидается въ глаза: именно, что хлыстовство представляетъ *единственную* переносимую, моральную и чистую *форму борьбы съ закономъ Мальтуса*. Что же стоятъ съ кнутомъ надъ рабочимъ, говоря „не женись", когда рядомъ нервно-патологическій субъектъ говоритъ: „ни за что не хочу жениться, а дайте мнѣ поработать", и его тащатъ въ тюрьму или вообще гонятъ, преслѣдуютъ. Ну, и дайте имъ поработать. Говорятъ, послѣ радѣнья бываетъ такъ называемый „свальный грѣхъ". Категорически могу отвергнуть это на томъ простомъ основаніи, подтверждаемомъ всѣми безъ исключенія наблюдателями хлыстовъ, всѣми безъ исключенія миссіонерами, что *у хлыстовокъ никогда не рождается дѣтей*, что было бы абсолютно невозможно, если бы фабула о свальномъ грѣхѣ была истинною. Въ послѣднемъ случаѣ дѣтей рождалось бы не только много, но они рождались бы постоянно и у всѣхъ хлыстовокъ, только отъ разныхъ отцовъ. Но сказать это о хлыстахъ (т.-е. что у нихъ рождаются дѣти), значитъ стать въ противорѣчіе со всѣмъ о нихъ извѣстномъ, засвидѣтельствованномъ, удостовѣренномъ. Отвращеніе ихъ къ плотскому общенію до такой степени ярко написано, нервно выражено, до такой степени проникаетъ всѣ подробности ихъ ученія, ихъ обильную поэзію (пѣсни), и словомъ, составляетъ такую сущность и зерно ихъ ученія, что самое возникновеніе сплетни о свальномъ грѣхѣ нужно отнести къ дѣйствію испорченнаго воображенія изслѣдователей (любители „анекдотовъ" извѣстной окраски)".

Дѣлая выводы изъ своихъ наблюденій надъ хлыстами, авторъ заключаетъ:

„Результаты, достигнутые хлыстами, огромны:

1) трудъ,
2) братство,
3) порядокъ,
4) полное счастье членовъ, какое-то „блаженство", „упоеніе", безъ всякаго вреда, ущерба для внѣшнихъ; безъ всякой муки рабства, принижения и вообще безъ всякой „подневольности" для членовъ.

Нѣтъ еще рабочей организаціи, да и вообще не открыто системы человѣческихъ отношеній, гдѣ добровольно люди такъ снимали бы свое „я", чтобы вырасти въ огромное коллективное „Я" общины, „корабля". Братство ихъ, нѣжность ихъ, ласка ихъ, родственность ихъ не въ линіи вертикальной (предки и потомки), а *въ линіи горизонтальной* (товарищи, „братья")—есть „звѣрка", въ исторіи еще не найденная. *У нихъ же это налицо*. Отчего, въ самомъ

дѣлѣ, не постигнуть, что человѣчеству, поставленному подъ проклятіе Мальтусова закона, не дано таинственное „искупленіе“, возможность снять съ себя печать каинства и убійства (проституція, дѣтоубійство) черезъ эту именно таинственную вкрапленность въ corpus человѣчества индивидуумовъ странныхъ, экзальтированныхъ, въ исторіи то менѣе, то болѣе численныхъ, которые живутъ, молятся, трудятся, счастливы, блаженны, но—*никогда не плодятся!* Это явленіе біологіи и исторіи, вдругъ получающее свое мѣсто и смыслъ. Не трудно видѣть, что эти до извѣстной степени апокалипсическіе человѣки какъ бы приняли на себя, по фактомъ, а не идеаломъ только, *предсказаніе Апокалипсиса*: „тогда—*рождать* больше *не будутъ*“. Я вполнѣ увѣренъ, что изумительная высота въ нихъ горизонтальныхъ чувствъ, товарищества, братства, содружества—достигнута именно черезъ таинственное угашеніе въ себѣ инстинкта и всей поэзіи и теплоты рожденія. Размноженія не происходитъ: зато община,— огромная, человѣкъ въ 60, и изъ людей, кровно между собою не связанныхъ,— горитъ, сочится жизнью, тепломъ, поэзіей, счастьемъ, какъ бы трепетное существо младенца потекло по нитямъ связи чужихъ между собою членовъ... „Корабль“— они называютъ— эту теплую, даже пламенную общину; я бы, по закону очевидно дѣйствующей здѣсь эквивалентности, назвалъ ее соціальною утробою, не рождающею и вѣчно возбужденною: а хлысты—какъ бы кровинки этой утробы, безпокойные, взволнованные, счастливые, неустанные; глубоко въ себѣ замкнутые и никому не мѣшающіе. Вѣдь самый ихъ прозелитизмъ, пропаганда—что такое? Не станутъ они меня соблазнять. Ни кого-нибудь изъ членовъ доброй журнальной редакціи, людей разсудительныхъ и спокойныхъ. Они ищутъ „своихъ“; „спасаютъ“ ихъ. И есть отъ чего: я сказалъ, что „хлыстъ“ есть врожденное явленіе, и если не попасть ему въ корабль, то онъ протомится всю жизнь свою, и куда ни войдетъ, въ работу, на службу, къ чужому хозяину, женится—вездѣ разобьетъ чужую жизнь и испортитъ чужое дѣло. Хорошъ же, умѣстенъ онъ только въ „кораблѣ“. „Корабль“ есть собственно единственное мѣсто естественной изоляціи врожденнаго „хлыста“ отъ инородной среды, которой онъ сталъ бы вредить, отъ несродныхъ ему иныхъ соціальныхъ связей, которыя онъ сталъ бы расшатывать. Выньте его изъ корабля, перенесите въ общину здоровыхъ (обыкновенныхъ) людей, „насъ“— и онъ сейчасъ начнетъ, невольно и самымъ бытомъ своимъ, неумѣніемъ ни съ кѣмъ слиться и совмѣстно работать, дезорганизовать нашу общину.

...Послѣ тѣхъ размышленій и наблюденій, плодомъ которыхъ явилась моя книга „Люди луннаго свѣта“,— явленіи какъ хлыстовства, такъ и скопчества становится совершенно прозрачными, ибо опредѣляется общій ихъ истокъ, начало. Истокъ этотъ лежитъ въ отклоненіи „половой стрѣлки“ (страсть, чувственное пожеланіе) отъ 1° (самецъ въ абсолютѣ) и отъ 180° (самка въ абсолютѣ), и — въ прохожденіи этой половой стрѣлки по промежуточнымъ градусамъ; при чемъ чувственное пожеланіе въ одномъ и въ другомъ полѣ, ослабляясь, доходитъ до нуля, и пропорціонально возрастаютъ духовныя эмоціи, духовныя силы, духовныя дѣятельности, духовныя напряженія, огни, страсти. Догматъ хлыстовъ: „не женатый—не женись, а женатый — разженись“ попадаетъ точка въ точку въ природу „луннаго свѣта“: „nolo concubere“, „nolo nuptias“. Они уже и женатые — все равно супружества не выполняли, были къ нему апатичны, равнодушны.

Всѣмъ таковымъ, навстрѣчу ихъ природѣ, хлыстовство говоритъ: „разойдитесь! — все равно вѣдь у васъ ничего нѣтъ, или — почти ничего“. Но, соотвѣтственно закону всеобщаго мірового сложенія организма, совокупленіе у нихъ не исчезло, а только *скрылось*. *Наружу* — нѣтъ его; *функціонально, анатомически* — нѣтъ; но оно въ однихъ случаяхъ частично (у неполныхъ хлыстовъ), а у другихъ вполнѣ перешло въ *жаръ* и *огонь* духовныхъ волненій, каковые у образованныхъ выражаются въ умственномъ поэтическомъ и общественномъ творчествѣ, до „задыханія“ и „экстаза“ (вдохновеніе), съ „поглощающею страстью“; а у простолюдиновъ, которымъ все это закрыто по самой невзвѣстности, передъ которыми не лежитъ этихъ рельсовъ сотворяющаго духа,— оно выражается въ *радѣніяхъ*, *„пророчествѣ“*, въ *дальновидѣніи*, доходящемъ до ясновидѣнія, въ расширенномъ и углубленномъ *чувствѣ природы*, такъ сказать *осязаніи* природы, *обоняніи* ея. Этотъ даръ „предсказывать“ и „предвидѣть“ у простолюдиновъ—есть у образованныхъ ихъ научный „геній“. Все это — тончайшіе щупальцы „мозга“, „души“, „пола“,— какъ хотите назовите, но *высочіе* отъ того именно, что совокупленіе *ослаблено* или *прекратилось*, что дѣти *плохо рождаются*, или ихъ вовсе *не рождается*... Все это дары пола, трансформировавшіеся въ спиритуализмъ. „Земной ангелъ“ или „небесный человѣкъ“ (терминъ дѣственнаковъ) заговорилъ, сталъ *думать, догадываться, искать, открывать*; это — тотъ „ангелъ“, первый канонъ

котораго и въ нормальномъ уставѣ (монастырь): „*будь одинъ, не женись*“ (= „не женатый—не женись, а женатый—разженись“), „*не имѣй дѣтей*“.

Хлыстовство — это вольное, дикое, отъ созданія міра бытійствующее *монашество*.

Монашество (добровольное и вдохновенное) — это упорядоченное, нормированное, принятое исторіею и человѣчествомъ, одобренное закономъ, правами и бытомъ хлыстовство.

„Братцы“ и „сестрицы“— *тамъ* и *здѣсь*; „родители“— оставлены и „дѣтей *никогда* не будетъ“— *здѣсь* и *тамъ*. Это не переступимые, до преисподней, овраги, которыми окопано хлыстовство-монашество и отдѣлено отъ міра; или, вѣрнѣе, это высѣченные въ гранитѣ берега, въ которыхъ течетъ рѣка „безполости“ и „лунная свѣта“.

...У хлыстовъ кановъ только одинъ, и онъ дѣйствительно общъ: нѣтъ тупости, вялости, апатіи. Все „въ танцѣ“, говоря аллегорически; все „въ радѣніи“, говоря тоже иносказательно; все—въ прыжкѣ, акціи, оживленіи, постоянномъ, неудержимомъ. Скажемъ такъ: все — „въ талантѣ“ и иногда въ „геніѣ“.

У кого „родилось бы трое“— въ „талантѣ“; но у кого, какъ у Іакова, „было бы четыре жены и 12 сыновъ, не считая дочерей“— тотъ „въ геніѣ“, и переходитъ въ историческую значительность. О Григоріи VII Гильдебрандтѣ можно бы сказать, что отъ него „родился бы цѣлый народъ“: но онъ „народа“ не родилъ, зато преобразовалъ наново, далъ новую конструкцію католичеству. Онъ былъ страстный врагъ брака, и именно съ характерною хлыстовскою брезгливостью къ нему. „У, какъ бы не загадиться“; „священники (католическіе) не должны имѣ гадиться“.

Но если „нѣтъ дѣтей“— то-есть эквивалентъ именно „дѣтей“: и отсюда тѣлесный смыслъ всего ихъ „христовства“, постоянное выпячиваніе именно тѣла своего „христомъ“ (или „богородицею“), и поклоненіе „тѣлу“ же его, а не спиритуализму, не духу; хотя отчасти—и духу. По впереди всего —„тѣло“ („будущія дѣти“, „нерожденныя дѣти“): оно для осязанія и обонянія хлыста (рядового) совершенно не таково, какъ для насъ; а—какъ для матери „тѣльце“ ея перваго ребенка, какъ для отца—его младенецъ, существо явно „священное“, по всѣмъ наблюденіямъ. „Христосъ“ хлыстовскаго корабли есть какъ бы „новорожденный“ всѣми хлыстами; и какъ мать, играя ребенкомъ въ колыбели, захватываетъ губами его ручку, локоточекъ, беретъ въ ротъ пальчики ножекъ, каждый пальчикъ по очереди: такъ хлысты „готовы точно укусить“ своего христа, но сладко укусить, безъ боли ему и только въ наслажденіе себѣ. Именно потому, что они не рождаютъ и не будутъ рождать, у нихъ возникаетъ,— только у нихъ рождается,— совершенно новое чувство тѣла, сахарнаго, золотого, сладкаго, почти съѣдобнаго. Ну, а какъ „съѣсть нельзя“— то они хоть „до земли поклоняются“ ему какъ „иконѣ“ и „образу Божію“. „Укусить“ нельзя; ну — хоть „поцѣловать“. О, это ужъ непремѣнно разразится: съ жаромъ и волненіемъ, съ экстазомъ и сладостью, какъ мы рѣшительно не умѣемъ представить себѣ. Наконецъ, вѣдь ребенокъ именно — половое, это есть fructus sexuum, и потому переходъ поцѣлуевъ въ ту форму, которая засвидѣтельствована въ греческихъ таинствахъ и почти навѣрное существуетъ у хлыстовъ—возможенъ, вѣроятенъ, очень близокъ. Наблюдайте внимательнѣе и осыпаніе поцѣлуями матерью своего ребенка, наблюдайте подробнѣе, и вы увидите кой-что изъ греческихъ и хлыстовскихъ таинъ. Во всякомъ случаѣ это не изобрѣтается и матерью.

„Сладокъ каждый пальчикъ“ сладостью намъ совершенно невѣдомою: и въ нѣкоторыхъ изъ древне-греческихъ мистерій совершалось живодѣніе, какъ есть слухи объ этомъ и у нашихъ хлыстовъ, и это у нихъ бываетъ или бывало. Собственно логика — съѣсть всего своего „христа“, „причаститься“ имъ до костоточекъ. Но этого—нельзя; а все другое—недостаточно, не насыщаетъ, оставляетъ алканіе и жажду. Отсюда —„еще повторить“, „еще увидѣть“, „прикоснуться“, „созерцать“.

Можетъ быть послѣдняя разгадка хлыстовъ заключается въ этомъ опредѣленіи, что они какіе-то дѣйствительно *послѣдніе человѣки, краевые человѣки*, на „окраннѣ“ человѣчества лежащіе, около какой-то бездны, съ „ничего“ подъ бокомъ, или —„раемъ“ и „адомъ“ подъ бокомъ; что они *переполнены человѣчностью* (опять же „нѣтъ дѣтей“) въ степени намъ вовсе непонятной,— *намъ*, которые *въ серединѣ*, внѣ „рая“ (размноженіе); и, просто, этихъ краевыхъ ощущеній мы не знаемъ и *никогда понять не можемъ*“.

Въ образныхъ выраженіяхъ авторъ такъ пытается передать смыслъ и пѣль хлыстовства:

„Зачѣмъ міру существовать, зачѣмъ жить людямъ, въ грѣхѣ, слабости, еще въ рожденіяхъ, безконечныхъ рожденіяхъ... для голода, для нуждъ, пустыхъ заботъ и страданій: собрались бы они лучше всѣ въ одинъ міровой корабль и, не дожидаясь, пока земля столкнется съ планетою или сгорѣть на солнцѣ,— лучше бы натанцовавшись, налюбовавшись, напѣвавъ-

шись, скушали бы всѣ сладко другъ друга и перешли прямо въ Вѣчную Жизнь, Вѣчное Сновидѣніе и Видѣніе".

Изъ журнальныхъ стихотвореній.

[891.7—1]

Помѣщаемъ нѣсколько стихотвореній, выбранныхъ вами изъ напечатанныхъ въ журналахъ и альманахахъ за первую половину текущаго сезона.

К. Бальмонтъ.

Дрема.

Смолянка-сонъ дремучая,
Болотная дрема,
Мечта въ умѣ тягучая,
Въ рукахъ, въ ногахъ, тома.
Дрема кошачья сонная,
Куреніе болотъ,
Вся пѣнкая, вся звонкая,
Вся въ душу зелье льетъ.
И хочется не хочется,
Какъ топь взяла постель,
И сердцу все пророчится,
Что жизнь одна мятель.
Все кружится, скружается,
Свивается въ извой,
Недужится, вѣвается,
Дремлю я, самъ не свой.
И будто въ лихорадкѣ я,
И будто я въ бреду,
То вижу ласки сладкія,
То снова боли жду.
И мучан, вся жгучая,
Вся пыкая, какъ медъ,
Дрожитъ дрема зыбучая,
И кошкой къ сердцу льнетъ.

Подснѣжникъ.

Въ зеленомъ перелѣскѣ
Подснѣжный колокольчикъ,
Раскрывшись раннимъ утромъ,
Тихонько позвонилъ.
Сказалъ: „Молитесь, травки!"
Шепнулъ: „Молитесь, звѣри!"
Пропѣлъ: „Молитесь, птицы!"
„Господь даетъ намъ силъ".
И бѣлая березка
Курилась благовонно,
И заячья капустка
Молилась въ тишинѣ.
И сѣрый можжевельникъ,
Упавши на колѣнки,
Шепталъ благоговѣйно:
„Дай ягодъ, въ срокъ, и мнѣ!"
А бѣлочка, желтѣя,
Съ брюшкомъ пушисто-бѣлымъ,
Скакнувъ отъ вѣтки къ вѣткѣ,
Искала, что поѣсть.
И протрубѣлъ комарикъ,
Свои расправивъ крылья,
Въ предлинную свирѣльку:
„Въ лѣсу богатствъ не счесть!"

Весна.

Молодая Весна въ поискѣ изъ цвѣтковъ,
Что готовъ соскользнуть передъ входомъ въ альковъ,
Наклонилась надъ свѣтлымъ затономъ,
Подъ навѣсомъ деревьевъ зеленымъ.
Уже Солнце зашло. Но весною свѣтло
Въ вечеру и въ ночи. И полъ-ночи прошло,
А Весна все заснуть не хотѣла,
И румянилось юное тѣло.
Соловьиная пѣснь и пришла, и ушла,
А Весна все ждала, надъ затономъ свѣтла.
И мечты возжелавшей Весталки
Расцвѣтали въ лѣсахъ, какъ фіалки.
И спала не спала, но въ глазахъ у Весны
Были тѣни тѣней, были дальніе сны.
И хотѣнья застывшей Вакханки
Расцвѣтали въ росѣ, какъ горчанки.
Такъ спала не спала отъ зари до зари
Огневая Весна, двѣ недѣли и три.
И растаяла въ брызгахъ разсвѣта,
Когда глянуло въ очи ей Лѣто.

(„Завѣты". 1913—XI).

Александръ Блокъ.

Къ Музѣ.

Есть въ твоихъ глубинахъ сокровенныхъ
Роковая о гибели вѣсть.
Есть проклятье завѣтовъ священныхъ,
Поруганіе счастія есть.
И такая влекущая сила,
Что готовъ я твердить за молвой,
Будто ангеловъ ты низводила,
Соблазняя своей красотой...
А когда ты смѣешься надъ вѣрой,
Надъ тобой загорается вдругъ
Тотъ неяркій, пурпурово-сѣрый
И когда-то мной видѣнный кругъ.
Зла, добра ли?—Ты вся—не отсюда.
Мудрено про тебя говорятъ:
Для иныхъ ты—и Муза, и чудо,
Для меня ты—мученье и адъ.

Я не знаю, зачѣмъ на разсвѣтѣ,
Въ часъ, когда уже не было силъ,
Не погибъ я, по ликъ твой замѣтилъ
И твоихъ утѣшеній просилъ?
Я хотѣлъ, чтобъ мы были врагами,
Такъ за что жъ подарила мнѣ ты
Лугъ съ цвѣтами и твердь со звѣздами—
Все проклятье своей красоты?
И коварнѣе сѣверной ночи,
И хмельнѣй золотого Ая,
И любови цыганской короче —
Были страшныя ласки твои.
И была роковая отрада
Въ попираньи завѣтныхъ святынь,
И безумная сердцу услада—
Эта горькая страсть, какъ полынь...
И донынѣ еще, безразсѣльно
Овладѣвши душою на мигъ,
Онъ ее опьяняетъ безцѣльно—
Твой неистовый, дивный твой ликъ.

(„Рус. М.“ 1913—XI).

Есть игра.

Есть игра: осторожно войти,
Чтобъ вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незамѣтно слѣдить.
Какъ бы ни былъ нечуткъ и грубъ
Человѣкъ, за которымъ слѣдить,—
Онъ почуетъ внимательный взглядъ
Хоть въ углахъ еле дрогнувшихъ губъ.
А другой—точно сразу поймет:
Вздрогнутъ плечи, рука у него;
Обернется—и нѣтъ ничего;
А межъ тѣмъ—безпокойство растетъ.
Всѣхъ страшнѣе—невидимый взглядъ,
Вѣдь его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою слѣдятъ.
Не корысть—не влюбленность, не месть;
Такъ—игра, какъ игра у дѣтей;
И въ собраніи каждомъ людей
Эти тайные сыщики есть.
Ты и самъ иногда не поймешь,
Отчего такъ бываетъ порой,
Что собою ты къ людямъ придешь,
А уйдешь отъ людей—не собой.
Есть дурной и хорошій есть глазъ,
Только бъ лучше ни чей не слѣдилъ:
Слишкомъ много есть въ каждомъ изъ насъ
Неизвѣстныхъ, играющихъ силъ.
Черезъ малую тысячу лѣтъ
Мы не сможемъ измѣрить души:
Мы услышимъ полетъ всѣхъ планетъ—
Громовые раскаты въ тиши.
А пока—въ неизвѣстномъ живемъ
И не вѣдаемъ силъ мы своихъ
И, какъ дѣти, играя съ огнемъ,
Обжигаемъ себя и другихъ.

(„Ежемѣс. Журн.“ 1914—2).

Валерій Брюсовъ.

Ожерелье.

Руки, вѣчно молодыя,
Мигъ не смѣя пропустить,
Бусы нижутъ золотыя
На серебряную нить.
Жемчугъ крупный, жемчугъ малый
Нижутъ съ утра до утра,
Жемчугъ желтый, жемчугъ алый
Бѣлой нитью серебра.
Кто вы, радостныя парки,
Вы, работницы судебъ?
Нити пестры, нити ярки,
Въ бѣломъ блескѣ я ослѣпъ.
Не моя ли жизнь—тѣ нити?
Жемчугъ—женскія сердца?
Парки вѣщія, нижите
Яркій жемчугъ до конца!
Выбирайте, подбирайте
Жемчугъ крупный и простой,
Кругъ жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!
Нить почти полна! немножко
Остается бусъ,—и вотъ
Золоченая застежка
Ожерелье—Смерть—замкнетъ!

(„Рус. М“. 1913—VIII).

А. М. Вербовъ.

У горнаго потока.

Струи, звеня, другъ друга догоняютъ,
И словно вѣсть волна несетъ волнѣ:
„Тамъ, позади—снѣга родные таютъ
На склонахъ горъ, въ лазурной вышинѣ“!..
Потокъ шумитъ, свергаясь водопадомъ
Межъ плитъ и скалъ, тревожа ихъ покой.
Онъ шлетъ „прости“ тесницамъ громадамъ
И мчится въ даль, спѣша въ просторъ морской.
И по пути, въ задумчивыхъ долинахъ
Онъ будитъ сонъ зеленыхъ береговъ—
И все поетъ о сказочныхъ вершинахъ
Въ сѣдыхъ вѣнцахъ сверкающихъ снѣговъ.
И, добѣжавъ до моря голубого,
Встрѣчая волнъ зеленыхъ шумный бѣгъ,
Вливаясь въ нихъ, струи поютъ имъ снова:
„Есть выси горъ, гдѣ блещетъ вѣчный снѣгъ“!
„До той красы, какъ вѣчность неизмѣнной,

До тѣхъ вершинъ, откуда мы идемъ,
Не добѣжать ватагѣ вашей пѣшей,
Не доплеснуть алмазныхъ брызгъ дождемъ"!..
. . . . . .
. . . . . .
Въ моей груди живутъ земныя страсти.
Я отдалъ дань влеченіямъ земли.
Но я всегда, но я вездѣ во власти
Родныхъ высотъ, откуда мы пришли.
И пусть рабомъ на низменныхъ равнинахъ
Я проживу и встрѣчу смерти часъ,—
Я буду пѣть о радостныхъ вершинахъ,
Я буду пѣть о томъ, что выше насъ!..

(„Рус. Бог." 1913—VIII).

Юрій Верховскій.

Лѣтомъ.

Мнѣ было такъ просто, такъ весело съ нимъ.
Мы въ лунныя ночи гуляли,
Бывало, надъ озеромъ долго сидимъ...
А утромъ въ лаунъ-теннисъ играли...
А въ дождь—„Аррагонскую Хоту" твердимъ
Въ четыре руки на рояли...
Мнѣ было такъ просто, такъ весело съ нимъ!
А нынче—я нынче сама не своя:
Я утромъ цвѣты поливала
И вдругъ за куртиной услышала я
Шаги—и походку узнала,—
Такъ близко—гдѣ старая эта скамья...
На ней я такъ часто мечтала,
А нынче—я нынче сама не своя.
Хотѣла бѣжать, или крикнуть—нѣтъ силъ.
И слышу отъ слова до слова—
Онъ съ гостемъ, онъ съ другомъ своимъ говорилъ,
Что счастья не знаетъ иного,
Что любитъ меня, что давно полюбилъ,
Что лѣтомъ—что сердце—что снова...
Хотѣла бѣжать, или крикнуть—нѣтъ силъ.
Мнѣ было такъ просто, такъ весело съ нимъ...
Какое жестокое лѣто!
Зачѣмъ же онъ встрѣтился съ другомъ своимъ!
Зачѣмъ же я слышала это!
Зачѣмъ же онъ мною любимъ—не любимъ...
Не знаю, не знаю отвѣта!
Мнѣ было такъ просто, такъ весело съ нимъ...

(„Вѣстн. Евр." 1913—XII).

Леонидъ Долининъ.

* * *

Стихи похожи на кристаллъ,
Красивый правильный и гладкій.
Они—застывшіе осадки
Того, что духъ перестрадалъ.
Слагаетъ самъ въ растворѣ соли
Кристаллъ свой чистый поліедръ;
И стихъ во тьмѣ душевныхъ вѣдръ
Родится мимо нашей воли.
Но для того, чтобъ онъ возникъ
И получилъ кристалльность формы,
Насыщенъ долженъ быть родникъ
И, откипѣвъ, остыть до нормы.

(„Рус. М." 1913—VIII).

Вѣра Рудичъ.

Изъ пѣсенъ о поздней любви.

„Влеченіе твое къ мужу"...
(Книга Бытія).

За что?! Платила я, праматерь Ева,
Твой долгъ. Проклятье, данное тебѣ,
Я приняла безъ ропота и гнѣва,
Несла его, покорная судьбѣ,
Такъ много лѣтъ. И нѣтъ единой муки
Любви поруганной, обманутой, больной,
Которой чьи-то каменныя руки
Не тѣшились жестоко надо мной.
Но вотъ во дни осенняго покоя
Ярмо рабыни сброшено съ меня,
И волны сильныя полуденнаго зноя,
Молчанье ночи, буйный трепетъ дня,
И ширь и мощь орлинаго полета,
И все, чѣмъ жизнь земная хороша,
Мнѣ въ сердце хлынуло, и ввысь росла безъ гнета
Освобожденная, созрѣвшая душа.
За что жъ опять, неслышно и лукаво,
Меня стянули звеньями цѣпей,
И вновь горитъ, позорно и кроваво,
Клеймо рабыни на груди моей?
Зачѣмъ, когда я не хочу мученья,
Я вся свободна—гдѣ-то въ глубинѣ,
Всегда жива, всегда полна влеченья,
Праматерь Ева, стонешь ты во мнѣ?

(„Вѣстн. Евр." 1914—I).

Б. Серебряковъ.

Пляска осени.

Вѣтеръ черный, монотонный,
Неизмѣнный, неуклонный
Мимо сосенъ
Мчится, скачетъ, завывая,
Листья желтые взметая,
Стелетъ осень.
Вѣтеръ рьяный,
Вѣтеръ пьяный

Нижетъ злобу, нижетъ страхъ,
Въ буйной трясцѣ,
Въ черной пляскѣ
Стонетъ жалобно въ кустахъ.
Ворохъ тѣней исколыхнулся.
Лѣсъ могучій покачнулся.
Застонали, заскрипѣли
Ели.
Что за музыка несется?
Кто хохочетъ, кто смѣется,
Межъ деревьевъ пробираясь,
Къ голымъ сучьямъ прикасаясь?
Вотъ звучитъ оркестръ нестройный,
Громкій, шумный, безпокойный,
Воютъ флейты, скрипки, трубы,
Въ черной злоѣ скала зубы.
Тамъ и здѣсь огни мелькнули,
Черныхъ вороновъ вспугнули;
Поднялась надъ лѣсомъ стая
И кричитъ, не умолкая.
Вѣтеръ черный, монотонный,
Неизмѣнный, неуклонный
Мимо сосенъ
Мчится, скачетъ, завывая,
Листья желтые взметая,
Стелетъ осень.
Черной бурей
Толпы furій
Въ пляскѣ бѣшеной несутся,
Вьются.
Визгъ разнузданный, развратный,
Танецъ страсти святотатный,
Адской страсти, адской ласки
Пляски.
Полный грозныхъ наважденій,
Стонетъ лѣсъ отъ вожделѣній,
Отъ безумныхъ сладострастій,
Отъ нахлынувшихъ ненастій.
Что за музыка несется?
Кто хохочетъ, кто смѣется,
Межъ деревьевъ пробираясь,
Къ голымъ сучьямъ прикасаясь?
Вѣтеръ черный, монотонный,
Неизмѣнный, неуклонный,
Мимо сосенъ
Мчится, скачетъ, завывая,
Листья желтые взметая,
Стелетъ осень.

(„Завѣты“. 1913—XII).

Ѳедоръ Сологубъ.

Счастливый путникъ.

Не вадо скорби, не надо злости.
Живи подъ солнцемъ, цвѣти утрами
Въ нерукотворномъ Господнемъ храмѣ.
Счастливый путникъ не сломитъ трости,
Уже надломленной вѣтрами.
Пусть будетъ въ жизни все перемѣнно,
Все невадежно, какъ сонъ мгновенный,—
Счастливый путникъ въ странѣ неизвѣстной
Поетъ въ дорогѣ пустой и длинной
Беззаботно и вдохновенно.
Бѣлѣютъ ночью въ поляхъ туманы,
И къ небу всходятъ, какъ облакъ горній,
И улетаютъ въ иныя страны,
И вновь дымятся росой поляны.
Кто счастливѣй, и кто покорнѣй?
Цвѣтетъ и вянетъ цвѣтокъ умильный
На радость людямъ, на пользу пчеламъ.
Медвяны росы въ странѣ обильной.
Счастливый путникъ, въ пути веселомъ
Цвѣтамъ и травамъ ты—свой, ты—сильный.
Росою травной омыши ноги,
Счастливый странникъ, слагай же пѣсни
Про облакъ горній, про пыль дороги,
И про лачуги, и про чертоги.
Что слаще пѣсни, и что чудесиѣй?
Любовь, ты скажешь? Любовь земная,
Счастливый путникъ, тебѣ услада,
Какъ за оградой гроздья винограда,
Какъ въ сѣняхъ сада плескъ водопада,
Какъ послѣ зноя тѣнь лѣсная.
Но не печалься, когда покинетъ,
Когда устанетъ, когда остынетъ.
Счастливый путникъ, твой домъ далече,
Но путь твой вѣренъ,—тебя не минетъ
Твоя награда, святая встрѣча.

(„Рус. Мы“. 1913—IX).

Александръ Ширяевецъ.

Бурлакъ.

Николаю Клюеву-

Уплыву, какъ только вспѣнится
Волга—матушка рѣка,—
У бродягъ душа не плѣнница,
Не дрожитъ у кошелька!
Любо пѣть мнѣ пѣсни смѣлыя,
Что поетъ по Волгѣ голь,
Видѣть волны—гребни бѣлые...
—Эхъ, зазноба, не неволь!..
Ты неси быстрѣй, Кормилица,
Наши барки и плоты!
Глядь, и вѣтеръ привасилится,—
Будетъ меньше маяты...
Не меня ль краса румяная
Манитъ съ берега рукой?!.
Да малѣй мнѣ воли пьяная,—
Обручился я съ рѣкой!

(„Ежемѣс. Журн.“ 1914—II).

И. Эренбургъ.

Осенью.

О чемъ-то скучно и лѣниво
Досказываетъ мокрый лѣсъ.
Обрывки тучъ дрожатъ пугливо
И жмутся на краю небесъ.
Кой-гдѣ дубки, орѣшникъ мелкій,
А за кустами тишь и глушь,
Лишь слышенъ шорохъ юркой бѣлки,
Да ноги хлюпаютъ межъ лужъ.
Что я скажу тебѣ сегодня,
Когда еще желтѣй листва,
Когда темнѣй и безысходнѣй
Мои ненужныя слова?
А тамъ ужъ кружитъ птичья стая.
Куда она летитъ опять?
И высь такая голубая,
Что не измѣрить, не понять.
И, слыша крикъ, душа, какъ птица,
Съ дробинкой маленькой въ крылѣ,
Еще наверхъ взлетѣть стремится
И грузно падаетъ къ землѣ.

(„Рус. Бог.“ 1913—XI).

* * *

Тихій вечеръ, какъ ты долгимъ днемъ заслуженъ,
Въ тѣсной кухнѣ какъ ты сладокъ сытный ужинъ.
Дымъ отъ трубки тихо тянется въ окошко,
И на стулѣ ласково мурлычитъ кошка...
Гдѣ-то скрипнетъ дверь, и все затихнетъ снова,
Слышно только какъ въ хлѣву жуетъ корова.
Я прошу тебя, родная, ради Бога,
Въ этотъ вечеръ помолись со мной немного,
Повтори за мною: „все, что въ жизни было,
Было слишкомъ труднымъ, было не подъ силу,
Двое насъ потерянныхъ и темныхъ, двое,
И мы молимъ о покоѣ, о покоѣ“...

(„Совр. М.“ 1913—XII).

Новые разсказы.

[891.7—3]

„Надсмертное“ Л. Андреева.

(„Современный Міръ“, январь).

Офицеръ-пилотъ Юрій Михайловичъ Пушкаревъ собирается совершить свой двадцать-девятый полетъ. Сегодня онъ намѣренъ побить рекордъ высоты.

Пилотомъ этотъ ясный и твердый человѣкъ считался опытнымъ; ни въ кого товарищи такъ не „вѣрили“, какъ въ него, ни за кого не были такъ спокойны,—потому что ни у кого не было такой спокойной улыбки. Но самъ Пушкаревъ „лучше, чѣмъ всѣ, чѣмъ даже жена его, зналъ цѣну этой смѣшной и маленькой опытности, обманчивому спокойствію“. „Жилъ въ его тѣлѣ кто-то еще, кто не поддавался увѣщаніямъ, твердо зналъ свое, былъ не то мудръ, не то совсѣмъ безъ разума, какъ звѣрь,—и этотъ другой страшился страхомъ трепетнымъ и темнымъ. И послѣ удачнаго полета этотъ другой становился глупо счастливъ, самоувѣренъ и даже нагълъ, а передъ полетомъ каждый разъ мутилъ душу, наполнялъ ее вздохами и дрожью“. Впрочемъ, это только былъ „кто-то, *живший въ его тѣлѣ*“,—какъ бы посторонній *самому* Юрію Михайловичу Пушкареву. „Юрій Михайловичъ всегда оставался ровенъ, спокоенъ и ясенъ; и такъ же ясна, проста и понятна была его жизнь съ красивой, любившей его молоденькой женой. Одинъ шутникъ пустилъ было удачную кличку: „нашъ разъясненный“.

Сегодня, передъ двадцать-девятымъ полетомъ, Юрій Михайловичъ чувствовалъ себя особенно яснымъ и спокойнымъ. „Вмѣсто обычнаго крѣпко сдерживаемаго страха было глубокое и радостное волненіе: какъ будто ждетъ его сегодня необыкновенное и великое счастье“. Ему присилился необыкновенно свѣтлый, полный таинственныхъ и радостныхъ намековъ, сонъ, который уже третій разъ въ жизни посѣщалъ его и былъ каждый разъ счастливымъ предзнаменованіемъ.

Это ровное, радостно-ясное спокойствіе сообщалось и женѣ Пушкаревой. Татьяна Алексѣевна, „передавая стаканъ и съ любовью глядя, чтобы не обжечь, на смуглые, твердые, никогда не дрожащіе пальцы мужа, вдругъ засмѣялась, сперва весело, потомъ даже сердито немного.

— Ты, Юра, просто обманщикъ, гипнотизеръ!

Онъ улыбнулся.

— Почему?

— Просто фальшивый человѣкъ—не смѣйся! Когда я съ тобой, мнѣ кажется тогда, что ничего не можетъ случиться, а вѣдь это же неправда, вѣдь всегда что-нибудь можетъ случиться! Развѣ можно быть такой спокойной, какъ я сейчасъ, вѣдь это же неправда, а дѣлаешь это ты. Я вовсе не хочу быть спокойной, это просто глупо!

И уже стараясь взволновать себя, вернуться къ потерянными ощущеніямъ страха и без-

покойства, она стала припоминать и разсказывать, немного сочиняя, свои темные сны, но страхъ не возвращался, и чѣмъ глубже было спокойное вниманіе Юрія Михайловича, тѣмъ явно неспособнѣе, просто глупѣе становились убѣдительные сны.

— Нѣтъ, Юра, ты сегодня еще хуже, чѣмъ всегда!

Но еще не отзвучали неласковыя слова, какъ всю ее залило чувствомъ совсѣмъ необыкновеннаго, остраго, почти мучительнаго счастья. Покраснѣвъ до самыхъ плечъ, бѣлѣвшихъ въ вырѣзѣ платья, она закрыла лицо руками и склонилась къ столу—ни взглянуть, ни слова промолвить она не могла бы теперь ни за что въ мірѣ. А сердце билось все сильнѣе и томительнѣе въ ожиданіи перваго слова, которое произнесетъ *онъ*, и это будетъ неныносимо: первое слово! Но онъ, необыкновенный, какъ ея счастье, не сказалъ ничего и только осторожнымъ и тихимъ поцѣлуемъ прикоснулся къ ея снова побѣлѣвшей шеѣ.

...Когда Юрій Михайловичъ съ женой подъѣзжали на извозчикѣ къ аэродрому, голубая пустыня неба ожила своею жизнью: отъ горизонта поднимались и, развертываясь, точно ставя все новые паруса, медленно проплывали въ зенитѣ, округлыя, сверкающія бѣлизной, торжественныя облака. Будто ярче засверкало солнце, углубилась синева, и очарованіемъ недосягаемости манили ея пролеты, бездны синія и нангубочайшія всѣхъ темныхъ бездонъ морскихъ; и похоже было минутами на великолѣпный смотръ: будто вышла изъ гавани цѣлая флотилія судовъ и, распустивъ сіяющіе паруса, гордясь, красуясь и затаивъ восторгъ, медленно проходитъ передъ Высочайшими взорами.

Татьяна Алексѣевна заволновалась:

— Не зашла бы гроза, какъ вчера, тогда какъ же?

— Нѣтъ,—увѣренно отвѣтилъ Юрій Михайловичъ,—смотри, у нихъ края точеные. Это смотръ, они скоро разойдутся.

— Тебѣ жаль, тебѣ хочется подняться выше ихъ?

Онъ внимательно и немного странно—такъ ей уже потомъ казалось—посмотрѣлъ ей въ лицо и глаза и отвѣтилъ съ своей спокойной улыбкой:

— Я тебя люблю ужасно.

Прощаться пришлось при народѣ, и прикосновеніе губъ было легко, какъ паутина, но самый крѣпкій поцѣлуй не ложится такъ незагладимо на лицо, какъ эта тончайшая паутинка любви: не забыть ее долгими годами, не забыть ее никогда.

...Тамъ, откуда ночью лилъ дождь и гдѣ перекатывался громъ, освѣщая свой ночной путь среди тучъ и хаоса,—теперь было тихо, лазурно и по-небесному просторно. Безмолвно и широко плыли рѣдкія облака по своимъ невиднымъ путямъ, солнце одиноко парило, и не было ни шума, ни голосовъ земныхъ и ни единаго знака земного, который обозначалъ бы преграду.

При первыхъ кругахъ Юрій Михайловичъ еще смотрѣлъ внизъ: на зеленую съ песочкомъ карту аэродрома, на неподвижную черную толпы, похожей на чернильное разбрызганное пятно—все еще считался съ землею и привычно ожидалъ отъ нея какой-нибудь внезапности, мгновеннаго препятствія. Но на пятомъ кругу вмѣсто того, чтобы плавно очерчивать поворотъ, сдѣлалъ прямую и рѣшительно нынесся за предѣлы аэродрома; и уже надъ лѣсомъ, въ просторѣ и тишинѣ, сталъ подниматься выше. „Хорошо бы теперь погулять въ лѣсу“,—подумалъ онъ снисходительно и ласково — и вдругъ ощутилъ съ необыкновенной ясностью знакомый съ дѣтства, пріятный, сырой запахъ лѣса, почувствовалъ подъ ногами траву и землю, даже какъ будто замѣтилъ низенькій грибъ подъ темной старою листвою. И тутъ только понялъ, что лѣсъ далеко, а онъ летитъ—не идетъ, какъ всю жизнь шелъ на свинцовыхъ подошвахъ, а летитъ по воздуху, ни на что не опирается, со всѣхъ сторонъ объемлется прозрачной и свѣтлой пустотою. Только кратчайшее мгновеніе прошло, какъ отдѣлился Юрій Михайловичъ отъ земли, а уже находится онъ въ мірѣ иномъ, въ иной стихіи, легкой и безграничной, какъ сама мечта;—и съ ужасающей силой, почти съ болью снова почувствовалъ онъ то волнующее счастье, что, какъ жидкость золотая и прозрачная, всю ночь и весь день переливалось въ его душѣ и въ его тѣлѣ. Даже дыханіе захватило отъ счастья и слезы подступили къ глазамъ — съ той, съ другой, съ невидимой стороны глазъ, гдѣ слезы знаются только самимъ человѣкомъ. Что же такое милое я вижу?—подумалъ онъ,—что же такое милое я чувствую? Такое милое, такое милое.

И съ этой минуты онъ почти пересталъ смотрѣть на землю: она ушла внизъ и далеко съ своими зелеными лѣсами, знакомыми съ дѣтства, низкорослою травою и цвѣтами, со всей своей радостью и робкой, ненадежной, земною любовью; и ее трудно понять, и ее трудно, даже невозможно вспомнить—крѣпокъ и ясенъ жгучій воздухъ высотъ, равнодушенъ къ земному. Даже улыбаться здѣсь не пристало—пусть съ той, съ другой, съ невидимой

стороны, какъ и слезы, подходитъ къ устамъ счастливая и скромная улыбка—но нельзя ее показывать, пусть строго и серьезно останется лицо. Уже высоко—подумалъ Юрій Михайловичъ,—уже высоко, но надо еще выше: вѣдь здѣсь такой просторъ, что можно и впередъ и вверхъ, и назадъ и внизъ, можно, какъ я хочу, все моя дорога. И на долгое, какъ ему показалось, время, онъ ушелъ въ серьезную и важную работу, весь сосредоточился въ радости управленія.

Глубоко внизу дымилась чаша земли, какъ котелъ: кажется, то облако внизу проходило; но о землѣ не хотѣлось думать и не думалось. И, чтобы сильнѣе почувствовать свою волю, Юрій Михайловичъ закрылъ глаза: на мгновеніе, какъ въ зеркалѣ, онъ увидѣлъ свое побѣдѣвшее свѣтящееся лицо; и дальше ему почудилось, что отъ головы его стелются назадъ свѣтлыя ленты лучей, отвѣваются назадъ и вѣютъ перья блестящаго шлема: будто стоитъ онъ на колесницѣ, крѣпко зажавъ въ окаменѣвшей рукѣ стальныя вожжи, и уносятъ его ввысь огненные небесные кони. И дальше показалось ему, что онъ вовсе и не человѣкъ, а сгустокъ яростнаго огня, несущійся въ пространствѣ: отлетаютъ назадъ искры и пламя, и свѣтится по небу горящій слѣдъ звѣзды, вуаль голубая. Такъ долго летѣлъ онъ вверхъ—странная человѣческая звѣзда, отъ земли уносящаяся въ небо.

Юрій Михайловичъ открылъ глаза и взглянулъ внизъ, на землю. И подумалъ, поднимая глаза отъ дымящейся земли:

— Вотъ и сбылся мой счастливый сонъ, вотъ уже я и въ святомъ жилищѣ моемъ, хожу среди моихъ высокихъ залъ, и нѣтъ со мною никого, только свѣтъ одинъ. Но что же милое я вижу? И одинъ вѣдь. Но что же такое милое я чувствую?—такое милое, такое, такое... Счастье мое, моя душа, мое счастье. Я люблю тебя ужасно.

И снова, съ ужасающей силой, трижды съ силой, съ болью открытой крови и текущихъ слезъ почувствовалось волнующее счастье, трепетъ блаженнѣйшихъ предчувствій, блаженство рокового. Далеко, совсѣмъ далеко, какъ послѣдній звукъ спѣтой пѣсни для уходящаго, неясное слово земной любви,—вспомнилось милое лицо, профиль черныхъ рѣсницъ, матово-розовая щека, томящаяся неслышнымъ крикомъ нѣжности; вспомнилось, какъ спала она тихо—возлѣ, какъ дышала тихо, совсѣмъ возлѣ; и какъ будто нашлось объясненіе восторгу и любви. Милая —подумалъ онъ нѣжно и дрогнулъ сердцемъ: — милая, я люблю тебя ужасно! Такъ подумалъ онъ, а въ слѣдующее мгновеніе забылъ — совсѣмъ и навсегда забылъ, забылъ о любимой. Иному предалось его сердце и въ суровой нѣжности своей на иную встало стражу.

...Колыхалась машина на высотѣ, какъ ладья на волнахъ воздушнаго моря; на крутыхъ поворотахъ она кренилась дико, умножая бѣшеную скорость паденіемъ, оглушала себя рокотомъ и зноемъ винта, взвизгами и всплесками разсѣкаемаго воздуха; разошлись облака, оголивъ холодѣющую лазурь, и солнце одиноко царило. Одиноко царило солнце, и былъ между нимъ и землею только одинъ предметъ, и одинъ человѣкъ; и озаряло оно, не грѣя, то свѣтлыя тонкія крылья, то смуглое поблѣднѣвшее лицо; играло искрами на металлѣ. И въ одну изъ этихъ минутъ, когда солнце близко и огненно блеснуло ему въ глаза, всего его, до самаго сердца, наливши легкимъ подымающимъ свѣтомъ,—Юрій Михайловичъ громко и странно выговорилъ:

— Нѣтъ!

Словъ его не слышно было бы другому за шумомъ машины, но онъ слыхалъ себя; и громко онъ сказалъ то, что еще въ снахъ ночныхъ волнующихъ, въ тяжеломъ видѣніи сознаго денщика, колющаго лучину, въ образѣ милыхъ лицъ и милыхъ глазъ ознаналось взволнованный душою, какъ необыкновенное счастье. Онъ сказалъ:

— Нѣтъ! На землю я больше не вернусь.

Онъ сказалъ эти странныя слова, обрекавшія его на смерть, и спокойно замолчалъ: и здѣсь онъ сохранилъ любовь къ молчанію, свой даръ пріятный. И спокойно продолжалъ свой бѣшеный бѣгъ въ пространствѣ. Если бы онъ могъ, онъ увеличилъ бы быстроту и увеличивалъ бы ее безграничнo; но этого не допускала машина, и онъ сталъ дѣлать другое, по виду безумное; и такъ его и поняли съ земли. Онъ сталъ рѣзать пространство кривыми линіями, ломаными и причудливыми, неожиданными и прекрасными, какъ полетъ ночной птицы, опьяненной лунными сіяніемъ: вверхъ и внизъ,—назадъ и впередъ,—круто вбокъ—до ужаса влѣво и внизъ. Задыхаясь отъ восторга, стиснувъ бѣлые зубы, чтобы какъ-нибудь нечаянно не закричать, не нѣтъ глупостей, онъ широкими размахами пронизывалъ воздухъ, хотѣлъ убѣдиться, что не тантъ въ себѣ невидимыхъ и коварныхъ преградъ свѣтлое пространство: нѣтъ, рѣжется мягко и всюду, не тантъ въ себѣ преградъ, есть единая свѣтлая безконечность. Разъ чуть не упалъ—было одно такое мгновеніе! — но выправился и понесся куда-то вглубь.

Но даже и въ игрѣ казалось непріятнымъ

терять высоту; и рѣшительно взмылъ онъ вверхъ, переставъ кружиться, громосвистящею ракетой понесся прямо ввысь къ своей высокой послѣдней цѣли. Онъ уже давно забылъ про себя, кто онъ и какъ попалъ онъ въ воздухъ, а теперь онъ снова сталъ звѣздою, спустокомъ яростнаго огня, несущимся въ пространствѣ, отвѣвающимъ назадъ искры и голубое пламя. Вдругъ ему почудилось, что волосы его горятъ огненными прядями, волнуясь, стекаютъ внизъ къ землѣ; и вдругъ понялъ онъ, что это есть прямая дорога изъ одной безконечности въ другую, увидѣлъ ясно, что такъ и влетитъ онъ, стремящійся, изъ этой вѣчности въ другую, гдѣ широко открытыми стоятъ и ждутъ его высокія двери его святого тайнаго жилища. „И какъ же я могу вернуться на землю?—тѣла его душа въ блаженномъ забытьи:—я вижу милое—такое милое, такое... Счастье мое, моя душа, мое счастье. Я люблю тебя ужасно.

Я былъ маленькій мальчикъ, и мнѣ хотѣлось перелетѣть черезъ крышу; совсѣмъ невысокая, смѣшная, ужасно низкая зеленая крыша, прогнившая. Это моя радость поетъ о томъ, что я былъ маленькій мальчикъ и мама звала меня Юрой, Юрочкой. Были у меня отецъ и мама, и оба умерли; потомъ много было еще чего-то прекраснаго, какъ печаль: кого-то я люблю ужасно. Это печаль поетъ во мнѣ: кого-то я люблю ужасно. Милое дитя мое, дорогой мой мальчикъ, душа моя. Я буду подниматься все выше. Тѣло мое отлетитъ отъ меня и упадетъ, а я пойду выше, дорогой мой мальчикъ, любимое дитя мое,—я пойду выше. Я иду выше. Я иду. Волнуется моя душа, стремится изъ тѣла, стремится къ горнему и дальнему полету—я иду выше и безъ конца. Волнуется моя душа—о, дорогой мой мальчикъ, о, дитя мое любимое, волнуется, волнуется моя душа!“

По лицу его текли слезы, онъ не зналъ о нихъ. Нѣжно бѣлѣли зубы среди полуоткрытыхъ устъ, и глаза, расширенные зрѣніемъ вѣчности, неотступно смотрѣли ввысь, туда, гдѣ за синими аркадами неба сіяла даль—воистину безбрежная. Слезы текли по его лицу.

— О, какое волненіе—какое!

...На землю онъ больше не вернулся. То, что крутясь низверглось съ высоты и тяжестью раздробленныхъ костей и мяса вдавилось въ землю, уже не было ни онъ, ни человѣкъ, ни кто. Тяготѣніе земное, мертвый законъ тяжести сдернулъ его съ неба, сорвалъ и бросилъ о земь, но то, что упало, свернулось маленькимъ комочкомъ, разбилось, легло тихо и мертвенно-плоско — то уже не было Юріемъ Михайловичемъ Пушкаревымъ.

На землю онъ больше не вернулся“.

„Авинянка“ А. Тырковой.

(„Вѣстникъ Европы“, январь).

Епископъ константинопольскій, въ предзакатный часъ, шагая по террасѣ у себя въ загородномъ монастырѣ, „поэтомъ произносилъ слова, бросавшія суровыя тѣни на лицо, обрамленное густой бородой: „Жена мужественная вѣнецъ мужу своему, жена злотворная, яко же въ древѣ червь, такъ мужа погубляетъ“...

Это изреченіе мудраго іудейскаго царя, на себѣ познавшаго ядовитую сладость женскихъ чаръ, взялъ епископъ для воскресной своей проповѣди.

И уже горѣла въ его душѣ острая радость обличенія. Слова тѣснились послушными рядами,—солдаты, готовые сразиться съ темными полчищами людскихъ слабостей и заблужденій, страстей и пороковъ. Окруженный воинствомъ ихъ, епископъ не видѣлъ ни моря, ни сѣрой зелени оливъ, ни жаркой алости вечерняго неба, пытающагося задержать на себѣ ласки уходящаго солнца.

Съ неотступностью злого видѣнія вставали передъ нимъ широкія ступени гипподрома, яркіе наряды женщинъ, ихъ нарумяненныя лица, возбужденныя и жесткимъ волненіемъ раскалившіяся, и горячимъ дыханіемъ толпы, и жаждой ощутить собственную привлекательность.

Не разъ, распростершись на полу своей молельни, подъ окнами которой нѣжно плескалась синяя волна Марморы, епископъ со слезами на глазахъ благодарилъ Создателя за то, что ограждаетъ Онъ его отъ соблазна плоти, что ищущій добычи взоръ грѣшницы вызываетъ въ немъ только холодъ праведнаго отвращенія. Не разъ видѣлъ онъ униженія и муки братьевъ—монаховъ, раненныхъ остріемъ запретной любовной страсти, и, страдая, радовался своей свободѣ, считалъ ее Благодатью Божіей, дарованной ему, грѣшному.

Онъ видѣлъ, какъ сластолюбивая женственность растлѣваетъ и дворецъ, и войско, и богатыхъ гражданъ, и темную городскую толпу. Какъ опутываетъ она своими нитями городъ благочестиваго Константина. Видѣлъ и отмѣчалъ сурово и страстно.

Опять и опять о томъ же готовится говорить епископъ. Соблазнъ порочной женской красоты, овладѣвъ тѣломъ мужчины, унижаетъ и темнитъ душу его. Ради спасенья этой, Господомъ любимой души, скажетъ онъ имъ:

„Безчисленное количество демоновъ носится вокругъ насъ въ воздухѣ, жадно ищутъ они путей къ слабой душѣ человѣческой, а черезъ женщину легче всего находитъ бѣсъ доступъ въ ослабѣвшее сердце...“

Еще горѣлъ въ немъ огонь праведнаго обличенія, пробужденнаго мыслью о злыхъ силахъ, когда внезапно появилась передъ нимъ высокая фигура женщины, закутанной въ темную паллу.

Она пришла такъ неожиданно, будто лукавый морской вѣтеръ принесъ ее изъ невѣдомыхъ странъ. Край тонкаго темно-синяго плаща закрывалъ ея голову и шею, скрывая линію плечъ и рукъ. Но и въ неподвижности ея чувствовалась стремительная гибкость молодости.

Епископъ поднялся, какъ могла попасть она на уединенный островъ, населенный только монахами. Съ привычнымъ благоволеніемъ спросилъ онъ:

— Кто ты, женщина? Что привело тебя ко мнѣ въ этотъ необычный для посѣщенія часъ?

Быстрымъ движеніемъ стряхнула она плащъ съ головы и, придерживая край длинной одежды, приблизилась къ епископу. Густые красновато-бронзовые волосы тяжелымъ узломъ спускались на тонкую бѣлую шею. Темнѣли большіе, печальные глаза, слабо розовѣлъ нѣжный, маленькій ротъ. Видно было, что ни румяна, ни бѣлила, ни иныя ухищренія не касались еще этого дѣвичьяго свѣтлаго лица. Епископу показалось, что гдѣ-то уже видѣлъ онъ узкій, упрямый подбородокъ и маленькій вынуклый лобъ, съ приподнятыми къ вискамъ узкими бровями. Изысканность одежды и мягкость движеній обличали въ ней женщину изъ знатнаго круга“.

Выясняется, что это язычница, прибывшая изъ Аѳинъ. У нея гордый и независимый видъ, взглядъ горитъ рѣшимостью, „но что-то тревожное и слабое внезапно мелькнуло въ глубинѣ дучистыхъ глазъ“, когда она начала и запнулась:

— Я пріѣхала къ тебѣ...

„— Ко мнѣ?—переспросилъ онъ и слегка склонился къ ней, какъ обычно склонялся къ тѣмъ, кто нуждался въ немъ.

Изъ складокъ синяго плаща, серебряной рыбкой, выпорхнула маленькая бѣлая рука и довѣрчиво легла на жесткій рукавъ монастырскаго талара.

— Я ищу своего жениха,—сказала дѣвушка. Его зовутъ Зенонъ. Онъ тоже изъ Аѳинъ. Мы съ дѣтства обручены. Отецъ послалъ его въ Византію, и я не видала его съ тѣхъ поръ. Торговавшіе въ вашемъ городѣ купцы сказали мнѣ, что онъ здѣсь, что ты учишь его мудрости. Авва, авва, верни мнѣ его!

Епископъ выпрямился и отступилъ. Маленькая рука соскользнула и опять утонула въ темныхъ складкахъ, безсильная и отброшенная.

— Женщина, зачѣмъ ты лжешь? У того, кого зовешь ты Зенономъ, нѣтъ больше земной невѣсты. Съ церковью Христовой обрученъ онъ.

Глаза дѣвушки блеснули, точно кто-то ударилъ камнемъ по кремню. Сдерживая голосъ, чтобы не крикнуть, какъ кричитъ звѣрь, настигнутый охотникомъ, она прошептала:

— Зачѣмъ ты оскорбляешь меня, авва? Философъ, дававшій уроки и Зенону и мнѣ, съ дѣтства научилъ меня отвращенію ко лжи. Мы оба привыкли говорить только правду. Спроси его, обрученъ ли онъ съ аѳинянкой Анніей, дочерью Сикстонія, или нѣтъ? Или вы, въ вашихъ монастыряхъ, учите притворяться и лгать, и онъ побоится сказать тебѣ правду?

Она тихо, зло засмѣялась, но сквозь смѣхъ звенѣли слезы.

Епископъ слишкомъ любилъ своего ученика, чтобы пожалѣть ее. И радовался, что Зенонъ далеко въ сосѣднемъ монастырѣ, по другую сторону пролива, куда послали его списывать священныя книги.

— Напрасно, аѳинянка, ты хвалишься своей любовью къ истинѣ. Слуги Христовы тоже не боятся правды. Уже одно то, что не вспомнилъ о тебѣ Зенонъ ни разу за два года, что безропотно раздѣляетъ онъ со мной труды монашескаго житія, показываетъ, какъ далекъ онъ сталъ отъ грѣховныхъ земныхъ страстей...

И еще не кончилъ говорить, какъ уже почувствовалъ, что лукавы и неправдивы его слова.

Внезапно понялъ епископъ, гдѣ видѣлъ онъ это свѣтлое лицо съ узкимъ подбородкомъ, надъ которымъ нѣжно алѣлъ маленькій ротъ, съ темной глубиной широкихъ глазъ, съ приподнятыми концами низкихъ бровей. Черты невѣсты, далекой златоволосой аѳинянки, любовно зарисовывалъ молодой монахъ на жесткихъ поляхъ священныхъ книгъ. И въ новомъ свѣтѣ предстало передъ учителемъ усердіе молчаливаго ученика. Откуда-то изъ глубины пахнуло горячимъ дыханіемъ соблазна, шелестъ темныхъ крылъ прозвенѣлъ, смѣясь, за его спиной. Сурово сдвинулись брови надъ испытующими добрыми глазами.

Но не на себя разсердился онъ, а на нее, на эту тоненькую дѣвушку, дерзко ворва-

вшуюся въ благочестивое уединеніе монастыря.

Настороженнымъ сердцемъ почуяла она въ его лицѣ, въ глазахъ, въ голосѣ какое-то колебаніе, и усилилась смѣлость ея.

— Кто далъ тебѣ право, монахъ, считать наши страсти грѣховными? Какъ можетъ маленькій, слабый умъ пытаться опрокинуть великія создавшаго насъ? Любовнымъ влеченіемъ напоенъ весь міръ. Въ лѣсной тиши птицы и звѣри ищутъ другъ друга. Цвѣтокъ, склоняясь, цѣлуетъ лепестки сосѣдняго цвѣтка. Даже жалкій, слѣпой земляной червякъ выползаетъ рано утромъ на росистую дорожку, отыскивая себѣ подругу. И планеты текутъ среди бездонной синевы сферъ, скрѣпленныя силой взаимной страсти. А вы хотите человѣка лишить того, что равняетъ его съ божествомъ, вы хотите затуманить источникъ радости и жизни. Кто далъ вамъ это право, монахъ?

— Божественнымъ дѣлаетъ человѣка смиренная покорность Господу, — возразилъ епископъ, стараясь сдержать праведное недовольство столь языческими рѣчами.

— А развѣ въ любви нѣтъ покорности Богу?—воскликнула аоинянка, блеснувъ глазами, точно гранями алмазнаго убора, и прибавила вкрадчиво и нѣжно:—Монахъ, ты уже забылъ, что значитъ молодость. Кровь уже не горитъ въ твоемъ сердцѣ, а тихо струится, какъ горный потокъ, выбравшійся на равнину. Дни, даже ночи, готовъ ты наполнять созерцаніемъ и молитвой. Но вѣдь мы съ Зенономъ еще молоды, и великій Панъ тысячью голосовъ зоветъ насъ къ себѣ. О, если бы ты слышалъ эти призывы, если бы ты зналъ всю жгучесть ихъ...

Опустивъ голову, дѣвушка прикрыла лицо краемъ плаща, точно боясь, что прочтетъ монахъ въ ея тоскующихъ глазахъ всю тревогу желаній. Цѣломудренной страстности было полно это движеніе. И монаху показалось, что капля горячаго масла упала ему на сердце. Впервые подумалъ онъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, молодость котораго уже прошла. Горькое сожалѣніе о безвозвратно утраченномъ ночной птицей промчалось черезъ его мудрую душу. Съ юныхъ лѣтъ, добровольно, съ радостью, отстранялъ онъ отъ себя утѣхи плоти. И вдругъ увидѣлъ, что костлявая рука времени уже отняла у него чашу испытанія, къ которой никогда не припадали его пѣломудренныя, не знавшія поцѣлуевъ уста. Невѣдомая раньше печаль сжала его сердце.

А дѣвушка схватила его руку нѣжными похолодѣвшими отъ волненія руками и прижимала ее къ своимъ щекамъ, и шептала:

— Верни мнѣ его, авва, верни. Я не могу больше жить безъ него.

Осторожно высвободилъ епископъ руку и тоже тихо, точно боясь, что ночь подслушаетъ ихъ, спросилъ:

— Зачѣмъ ищешь ты его? Развѣ въ Аоинахъ нѣтъ юношей красивѣй и сильнѣе, чѣмъ онъ? Вѣдь онъ отвергъ тебя?

— Нѣтъ,—твердо сказала она.—Я не вѣрю этому. Я такъ же нужна ему, какъ и онъ мнѣ. Я знаю, безъ меня нѣтъ счастья ему. Монахъ, ты говорилъ о грѣховной любви. Но развѣ не боги внушаютъ любовь, подобную той, которая наполняетъ меня? Въ домѣ моего отца бывали юноши и смѣлѣе, и богаче, и умнѣе Зенона. Но для меня они — какъ деревья въ лѣсу, какъ камни на дорогѣ. Мнѣ нуженъ онъ, только онъ. Платонъ говоритъ, что любовь сильна только тамъ, гдѣ она охватила тѣло и душу... Но зачѣмъ я это говорю тебѣ! Развѣ вы, монахи, проклявшіе жизнь, можете понять...

Въ тоскѣ сплетала она пальцы рукъ, полная смятенія, страсти и призыва, пытаясь сдержать слезы, уже давно струившіяся въ сердцѣ. Епископу почудилось, что легкія темныя одежды женщины издаютъ то же шуршаніе, которое порой слышалъ онъ, когда демоны, наполнявшіе воздухъ, обступали его паству. А узкое бѣлое лицо свѣтилось въ сгущавшихся сумеркахъ, гордое и ясное. Монахъ отступилъ и твердо сказалъ:

— Не жизнь проклинаемъ мы, а грѣхъ, несущій за собой тлѣніе и гибель вѣчную. Увѣдь, аоинянка. Тотъ, кого звала ты Зенономъ, поднялся на высоту, недоступную тебѣ.

Легкій смѣхъ, горделивый и горькій, раздался въ отвѣтъ ему.

— А не думаешь ли ты, авва, что объ этомъ лучше всего судить самому Зенону? Гдѣ же онъ? Зачѣмъ ты прячешь его? Неужели ты считаешь его такимъ слабымъ, что боишься моей встрѣчи съ нимъ? Вѣдь если онъ поднялся высоко къ облакамъ, а я ползаю внизу, во прахѣ, тебѣ нечего опасаться: я не найду дверей въ его душѣ.

Епископу хотѣлось сказать: „Къ душѣ можетъ быть и нѣтъ, но тѣло юноши всегда открыто для соблазна женскаго“...

Смутное уваженіе къ дѣвушкѣ, столь непохожей на суетныхъ, лживыхъ византіекъ, удержало его. Ея слова сердили его. Но то, какъ она говорила, прямота и настойчивость ея рѣчи невольно влекли къ ней. И тѣмъ сильнѣе было желаніе оградить Зенона, спасти его отъ возврата къ прежней жизни, не осіянной свѣтомъ Христовой истины.

— Хорошо, я сдѣлаю такъ, какъ ты просишь...

Еще не кончилъ онъ, какъ женщина, взмахнувъ темными краями плаща, стремительно унала къ его ногамъ.

Епископъ сложилъ руки на груди, какъ будто стараясь этимъ движеніемъ оградить отъ налетѣвшей бури и своего ученика, и себя.

— Ты не дослушала меня, женщина. Я не знаю ни кто ты, ни откуда ты. Но глаза твои и голосъ говорятъ о страданіи, а Господь заповѣдалъ намъ жалѣть даже заблудшихъ. Чтобы убѣдить тебя, что далеко за собой оставилъ Зенонъ всѣ прежнія страсти и слабости, я покажу тебѣ его, и ты сама увидишь, тѣмъ онъ сталъ. Но обѣщай мнѣ, что ты не выйдешь изъ кельи, пока я не позову тебя.

Дѣвушка не сразу встала съ колѣнъ. Она выпрямилась и, закинувъ голову, взглянула на звѣзды, ища защиты у нихъ..

Тихо поднялась она съ земли и сквозь сумерки пытливо смотрѣла въ лицо того, кто держалъ въ своихъ рукахъ ея дѣвичью судьбу. Во мглѣ высокій лобъ бѣлѣлъ, точно лучась, и въ этой близнѣ ей почудилась неумолимость мрамора. Она поняла, что другіе пути закрыты передъ ней, и рѣшилась, смутно увѣренная въ побѣдѣ:

— Хорошо, я обѣщаю, но если я увижу, что онъ, какъ прежде, мой, тогда никакія силы не удержатъ меня. Ты слышишь, монахъ?

По ступенькамъ, ведущимъ къ террасѣ, раздался стукъ деревянныхъ котурнъ о камень. Епископъ взялъ женщину за руку и быстро впелъ ее въ открытую дверь тѣсной каменной кельи"...

Зеноній уже входилъ на террасу. Настаяникъ шелъ навстрѣчу своему любимому ученику съ большой тревогой. „То, что нѣжные лики ангеловъ, обступавшихъ святое писаніе, списанные взбожной рукой молодого писца, напоминали взглядомъ темныхъ глазъ, злостью губъ, взмахомъ узкихъ бровей лицо дѣвушки, взволновало епископа сильнѣе, чѣмъ ея мольбы и признанія".

Взглянувъ при свѣтѣ мѣсяца въ лицо юноши, епископъ задаетъ свой тревожный вопросъ...

Зеноній тихо отвѣчаетъ:

— Господу нашему Іисусу хочу я служить до конца дней моихъ.

„И тотчасъ же страстная тревога ворвалась въ душу юноши, и образъ Анніи всталъ передъ нимъ любимый и утраченный. Епископъ, благославляя, положилъ руку на его голову, но юношѣ казалось, что учитель почувствуетъ трепетъ, охватившій его тѣло, и въ ужасѣ, точно оттоняя отъ себя вражескую силу, воскликнулъ онъ:

— Не искушай меня, отецъ, вопросами о томъ, что уже отринулъ я отъ себя.

Какой-то шорохъ раздался въ кельѣ, и епископъ торопливо сказалъ:

— Сынъ мой, я вѣрю чистотѣ твоей. Ступай, скажи братьямъ, что сегодня я вмѣстѣ съ ними буду совершать вечернюю молитву.

Юноша сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился. Изъ темноты раздался его голосъ:

— Отецъ, откуда ты узналъ о ней?

Чуткое ухо монаха уловило въ этомъ голосѣ ту же зловѣщую страстность, которая наполняла все существо апіянки.

— Довольно, сынъ мой, ты все сказалъ мнѣ. Ступай и жди меня.

Зеноній медлилъ. Ему показалось, что какія-то сѣти накинуты на него. Но не смѣлъ онъ понять, что въ молчаливой темнотѣ кельи притаилась его судьба, и, понуривъ голову, покорно скрылся за поворотомъ стѣны.

Когда шаги его затихли, епископъ обернулся. Въ дверяхъ, уже залитыхъ лунными свѣтомъ, стояла Анніи. Конецъ плаща опять прикрывалъ маленькую голову, и вся она казалась таинственной и строгой, какъ тѣ женщины, которыхъ язычники изображали на погребальныхъ урнахъ.

Епископъ ждалъ слезъ, и укоровъ, и проклятій, но апіянка сказала:

— Прощай, монахъ, мнѣ больше нечего дѣлать у васъ... Это не мой Зеноній, это другой...

Медленно направилась она къ краю террасы, потомъ остановилась, повернула къ нему лицо, на которомъ глаза казались еще темнѣе при свѣтѣ мѣсяца, и сказала:

— Зачѣмъ ты убилъ въ немъ радость? Неужели такъ велятъ ваши боги?..

Она пошла, не дожидаясь отвѣта...

На утро епископъ всталъ рано и отправился въ свою обычную прогулку кругомъ острова, на ходу повторяя обличительныя слова проповѣди, развѣянныя появленіемъ апіянки.

Епископъ остановился надъ обрывомъ, прислушался къ свисту пволги, прыгавшей въ густой хвоѣ сосны надъ его головой, и вдругъ всѣмъ своимъ худощавымъ сильнымъ тѣломъ ощутилъ красоту міра. Благодарно простеръ онъ къ солнцу руки, какъ въ теченіе тысячелѣтій простирали ихъ тамъ, въ глубинѣ Азіи, служители Аполлона, Бела, Митры и многихъ иныхъ могучихъ боговъ, имена которыхъ позабыты, но сила живетъ изъ вѣка въ вѣкъ.

И вмѣсто суровыхъ и жгучихъ упрековъ, порицаній, обвиненій, которыя онъ собралъ въ

душѣ своей, сорвались съ его улыбающихся устъ радостныя строфы изъ книги Хваленій, когда-то пропѣтыхъ геніальнымъ царемъ маленькаго палестинскаго народа.

— Хвалите его, солнце и луна, хвалите его, всѣ звѣзды свѣта...

Повторяя слова вѣщеснаго поэта, призывалъ онъ къ славословію снѣгъ и вѣтеръ, горы и деревья, птицъ и звѣрей, царей земныхъ, и отроковъ, и женъ.

И вмѣстѣ съ туманомъ поднявшись изъ зыбкой синевы моря, медленно прошла передъ нимъ тонкая фигура женщины. Станъ цѣломудренно прятался въ легкихъ складкахъ темной одежды, а маленькая, златокудрая головка, съ яснымъ узкимъ лицомъ и печалью темныхъ глазъ, свѣтилась, смѣлая и чистая. Красота ея была какъ красота горъ, и цвѣтовъ, и птицъ, и, какъ они, ждала она солнца и радости.

Шопотомъ, не думая о томъ, что онъ говоритъ, точно кто-то другой говорилъ за него, епископъ произнесъ:

— Малодушный мальчикъ, зачѣмъ отрекся ты отъ нея...

И самъ устрашился этихъ словъ. Припавъ къ острому камню, лежавшему у дороги, прикрывъ плащомъ голову, точно прячась отъ врага, онъ вспомнилъ слова великаго сердцевѣда, Іоанна Златоуста:

— Взоръ цѣломудренной женщины можетъ быть опаснѣе глазъ бесстыдницы...

И чудилось ему, что надъ нимъ шелестятъ крылья. Боялся онъ, что это крылья демоновъ, но тайная сладость струилась въ душѣ, оживленной неиспытанной поздней тревогой".

„Жена умнаго человѣка" Ѳ. Сологуба.

(„Завѣты", февраль.)

Въ разсказѣ Сологуба фигура „умнаго человѣка" представляетъ интересъ не только сама по себѣ—какою она вышла изъ-подъ „кисти" писателя-художника, но и по мысли, которую хотѣлъ воплотить въ этой фигурѣ авторъ. „Умный человѣкъ", — учитель Николай Ивановичъ Складневъ, — когда ему исполнилось тридцать лѣтъ, нашелъ, что пора жениться. Чуть не каждому онъ теперь „принимался долго и подробно разсказывать, какая нужна ему невѣста.

— Я самъ — человѣкъ увлекающійся, стало быть, мнѣ нужна невѣста разсудительная и спокойная, которая могла бы удерживать меня отъ излишнихъ увлеченій".

Долго присматривалъ невѣсту Складневъ. Наконецъ, присмотрѣлъ: избранницей оказалась новая учительница Валентина Петровна.

Чѣмъ больше присматривался къ ней, тѣмъ больше насчитывалъ симпатичныхъ чертъ.

„Сомнительная была только одна: когда Складневъ начиналъ говорить длинно и краснорѣчиво, Валентина Петровна иногда взглядывала на него съ недоумѣніемъ, потомъ опускала глаза и слегка смѣялась.

Изъ-за этого Складневъ, однажды, имѣлъ даже объясненіе съ Валентиною Петровною.

— Чѣмъ я навлекъ вашу насмѣшку?—иронически спросилъ онъ.

Валентина Петровна смутилась, покраснѣла, отвела глаза въ сторону.

— Какъ вы могли это подумать, Николай Ивановичъ? — сказала она. — Я и не думаю надъ вами смѣяться.

Складневъ говорилъ:

— Я уже не первый разъ замѣчаю, что, когда я начинаю развивать какую-нибудь мысль, болѣе или менѣе меня интересующую, или пытаюсь возможно болѣе убѣдительными доводами обосновать какое-нибудь положеніе, то вы начинаете улыбаться. Такъ какъ я считаю васъ особою въ высшей степени дѣльною и симпатичною, то я не могу оставить безъ вниманія такого вашего отношенія ко мнѣ, и потому счелъ нужнымъ объясниться и прямо поставить вамъ вопросъ, что же именно усматриваете вы смѣшного въ моихъ словахъ. Самъ для себя отвѣтить на этотъ вопросъ я не сумѣю, потому что, откинувъ въ сторону ложную скромность, я не усматриваю въ моихъ разсужденіяхъ ничего глупаго и смѣшного. Но человѣку свойственно заблуждаться, и со стороны, вообще, лучше видно, а потому я и рѣшаюсь предложить этотъ вопросъ вамъ, въ надеждѣ, что вы разрѣшите мое недоумѣніе.

Валентина Петровна нѣсколько разъ пыталась прервать рѣчь Николая Ивановича, но онъ говорилъ безостановочно, какъ заведенный, и уже, наконецъ, Валентинѣ Петровнѣ стало казаться, что онъ никогда не кончитъ. Ей опять захотѣлось смѣяться, и она съ трудомъ удерживалась отъ улыбки".

Но съ теченіемъ времени все легче и легче становилось удерживать улыбку, пока, наконецъ, совсѣмъ не разучилась улыбаться Валентина Петровна въ присутствіи Складнева. А тотъ между тѣмъ все усиливалъ свое ухаживанье, и уже друзья учительницы поздравляли ее съ одержанной побѣдой. Все это — и обстоятельныя ухаживанья, и дружескія поздравленія — вызывало въ Валентинѣ Петровнѣ „робкое недоумѣніе". „Она не могла сказать противъ Складнева ничего, но ей какъ-то не-

ловко было думать, что онъ въ нее влюбленъ".

Однажды Складневъ пришелъ къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ. Предварительно онъ, со свойственной ему „систематичностью", проварилъ свое мнѣніе о Валентинѣ Петровнѣ и мнѣніе другихъ — сослуживцевъ, начальства, учениць, родителей учениць, знакомыхъ, общества вообще, прислуги... И только „закончивъ кругъ своихъ наблюденій и справокъ", явился къ ней торжественный и важный. „На очкахъ оправа стальная, но онъ смотритъ такъ, что очки кажутся золотыми".

„При первыхъ же его словахъ Валентина Петровна почувствовала такой испугъ, что у нея задрожали ноги. Она заплакала и заговорила сбивчиво:

— Благодарю васъ, я не ожидала, извините, это такъ внезапно, позвольте мнѣ подумать до завтра, и теперь не могу".

Но еще задолго до завтра — едва захлопнулась за Складневымъ выходная дверь, — Валентина Петровна торопливо, разбрызгивая чернила, написала ему рѣшительный отказъ.

„Ни съ чѣмъ нельзя сравнить то чрезвычайное удивленіе, съ которымъ прочиталъ Складневъ письмо Валентины Петровны. Онъ хотѣлъ было итти къ Валентинѣ Петровнѣ немедленно, чтобы объясниться и уговорить ее не отказываться отъ своего счастья, но, обдумавъ положеніе, рѣшилъ отложить это до завтра".

Однако и „завтра" не принесло согласія. Выбитый изъ колеи, Складневъ попытался было найти другую невѣсту, но все не могъ намѣтить „ничего подходящаго". „Очевидно было для него, что Валентина Петровна должна быть его женою", и вотъ ровно черезъ три мѣсяца онъ повторилъ свое предложеніе.

„Первый разъ это было зимою, теперь весна, другой сезонъ, другія должны быть настроенія. Все должно быть по другому, и потому Складневъ сдѣлалъ свое предложеніе въ уединенной аллеѣ городского сада..."

Валентина Петровна повторила свой отказъ, — теперь уже безъ плача, безъ испуга. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ Складневъ увидѣлъ для себя утѣшеніе и возложилъ надежды на „знойное" лѣто и на соотвѣтствующія лѣту обстановку и рѣчи.

Третье объясненіе и онзошло на опушкѣ лѣса, „на большомъ стволѣ поваленной бурею старой березы". Говорилъ на этотъ разъ Складневъ въ бодромъ, оптимистическомъ тонѣ. Увы — и „новая форма брачнаго предложенія" не покорила Валентину Петровну. Даже „утѣшенія" не получилось: Валентина Петровна подавала реплики уже весело, нисколько не смущаясь. „Ему было досадно, что разговоръ кончается такъ странно, прозаично, безъ всякаго волненія".

Придя домой, Валентина Петровна со смѣхомъ обратила свое вниманіе на то, что предложенія Складнева повторялись регулярно черезъ каждые три мѣсяца. Значитъ, въ октябрѣ надо ждать новой атаки... Она не ошиблась.

Складневъ пришелъ въ „самый сѣрый и дождливый день, какихъ еще не было въ ту осень". Въ ту осень „Валентина Петровна чувствовала себя какою-то непріютною и обрюшенною. Въ городѣ знали, что Складневъ уже нѣсколько разъ сватался къ ней, — Складневъ не дѣлалъ изъ этого секрета, разсудивъ, что ему выгодне представить дѣло въ своемъ собственномъ освѣщеніи, чѣмъ ждать, какъ освѣтитъ этотъ случай Валентина Петровна, если вздумаетъ разсказывать о немъ. И всѣ въ городѣ сочувствовали Складневу и не одобряли поведенія Валентины Петровны.

...И никогда въ жизни еще не было Валентинѣ Петровнѣ такъ тоскливо, какъ въ этотъ день. Вся ея жизнь представлялась ей въ мрачныхъ краскахъ. Родные, казалось ей, забыли ее, друзья приходятъ къ ней только для того, чтобы весело поболтать за чашкою чая, — а въ трудныя минуты жизни не поможетъ никто. Всѣ любятъ ее, потому что любить такъ просто и легко, такъ выгодно и пріятно, и такъ всѣми похвалается, но вѣдь эта, выражаемая ласковыми словами, любовь никого ни къ чему не обязываетъ. Можно быть всѣми любимымъ и умереть съ голоду на улицахъ милаго, пріятнаго города, гдѣ живутъ такіе ласковые и привѣтливые люди. Всѣ любятъ, и никто не полюбитъ близко, близко, какъ свой".

Въ такой-то день пришелъ Складневъ.

„Когда она увидѣла на улицѣ его зовтикъ, пальто и калоши, все новое и очень хорошее, ей стало не то смѣшно, не то стыдно чего-то.

Завершая кругъ сезоновъ, полилась плавная, убѣдительная рѣчь, по-осеннему журчащая. Валентина Петровна даже и не слушала. Она думала о своей жизни, и мысли въ ея головѣ складывались тоскливыя. Наконецъ, прерванно Складнева на полусловѣ, она тихо сказала ему:

— Я согласна, Николай Ивановичъ.

Складневъ поморщился, онъ не любилъ, чтобы его перебивали. Но сейчасъ же рѣшилъ, что сердиться не надо. Надо радоваться, — цѣль его достигнута. И онъ съ самодовольствіемъ подумалъ, что человѣкъ умный и съ характеромъ добьется того, что захочетъ.

...Ну, вотъ и повѣнчались. Стали жить

вмѣстѣ. Какъ-то странно переломилась жизнь Валентины Петровны. Сидя за обѣденнымъ столомъ противъ своего мужа и слушая его нескончаемые разговоры, она не могла отдѣлаться отъ страннаго ощущенія, что все это — не настоящее, что это — только пока и что жизнь начнется когда-то потомъ.

Но вотъ она забеременѣла.

Валентину Петровну совсѣмъ не радовало это пробудженіе въ ней новой жизни. Ей какъ-то холодно было думать о томъ, что у нея будетъ сынъ отъ этого умнаго, милаго, разговорчиваго человѣка. И она стала совсѣмъ тихая и очень спокойная, — такъ, какъ будто ей было все равно. А мужъ попрежнему изводилъ ее своими разсужденіями.

Незадолго передъ родами возникъ вопросъ о томъ, гдѣ рожать.

— А развѣ не дома? — съ удивленіемъ спросила Валентина Петровна.

— Дома не гигіенично, — отвѣчалъ Складневъ.

И онъ долго и подробно объяснялъ женѣ, почему дома не гигіенично и какъ хорошо рожать въ спеціально приспособленныхъ для этого заведеніяхъ.

Валентина Петровна сначала спорила съ нимъ. Потомъ скоро споры эти утомили ее. Ей стало все равно.

„Все равно, — думала она иногда, — хоть бы совсѣмъ не жить. Все равно!“

Когда такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ принципіально, какъ любилъ выражаться Складневъ, приступили къ обсужденію того, какое именно родовспомогательное заведеніе выбрать. Валентинѣ Петровнѣ было все равно, — если не дома, такъ хоть у самого чорта. Но Складневъ не могъ отнестись легкомысленно къ такому важному вопросу. Сидя передъ слушавшей его съ закрытыми глазами Валентиною Петровною, онъ подробно и обстоятельно разбиралъ достоинства и недостатки всѣхъ извѣстныхъ въ томъ городѣ учрежденій этого рода.

— Ахъ, да мнѣ совершенно все равно! — сказала Валентина Петровна. — Куда ты хочешь, туда и я пойду.

— Какъ же можно такъ относиться! — возражалъ Складневъ. — Для правильныхъ и легкихъ родовъ весьма существенное значеніе имѣетъ, помимо объективныхъ данныхъ, а весьма возможно, и не менѣе ихъ, самочувствіе роженицы. Стало быть, мы должны позаботиться не только о томъ, чтобы лѣчебница была хороша сама по себѣ, но и чтобы она тебѣ нравилась. Поэтому ты не можешь относиться безучастно къ такому важному дѣлу, какъ выборъ лѣчебницы.

Валентина Петровна ужъ и не спорила.

— Мнѣ все равно, — уныло повторяла она, — нези меня, куда хочешь.

Складневъ опять пожималъ плечами, разводилъ руками, показывалъ всѣ умѣренные знаки удивленія, но не повышалъ голоса и не дѣлалъ ничего некорректнаго. Валентина Петровна смотрѣла на него и вспоминала, что онъ всегда сдержанъ и вѣжливъ, никогда ни на кого не кричитъ, не стукнетъ рукой, не хлопнетъ дверью, — ни при какихъ обстоятельствахъ не позволитъ себѣ выйти изъ себя. Сѣрая, шершавая, липкая скука обволакивала душу молодой женщины. Она смотрѣла въ окно и молчала.

Наконецъ, Складневъ выбралъ родильный пріютъ доктора Аслановой.

Роды прошли благополучно, и „слабое подобіе радости въ первый разъ за этотъ годъ отразилось на лицѣ Валентины Петровны“. Но на третій день температура внезапно поднялась, и черезъ двое сутокъ она умерла.

„Кончилась одна жизнь, началась другая. Жену надо было хоронить, ребенка воспитывать. Но какъ же его воспитывать?

— Я этого не знаю, — говорилъ Складневъ, — я не привыкъ къ дѣтямъ, ребенокъ будетъ мнѣ мѣшать.

И рѣшилъ отдать ребенка на воспитаніе, даже не взялъ его изъ лѣчебницы.

Ребенка устроилъ, для жены купилъ хорошее мѣсто на кладбищѣ при мѣстномъ монастырѣ.

Надъ могилою Валентины Петровны говорили рѣчи. Въ рѣчахъ съ большимъ сочувствіемъ говорили о неутѣшномъ горѣ его мужа. Сочувствіе Складневу понравилось, но слова о неутѣшности показались ему неумѣстными. Какой-то укоръ самолюбію были въ нихъ. Онъ думалъ, что такія слова были бы умѣстны только въ томъ случаѣ, если бы умеръ онъ, а Валентина Петровна осталась. Неутѣшная вдова — понятно, неутѣшный вдовецъ — странно. Еще если бы они долго прожили вмѣстѣ и онъ былъ бы старъ и слабъ, то, въ крайнемъ случаѣ, можно было бы принять эти слова. Теперь же это казалось Складневу цвѣтами краснорѣчія.

Да и всѣ, кто былъ на кладбищѣ, сочувствовали Складневу и очень жалѣли его, — и эта атмосфера всеобщихъ сожалѣній все болѣе и болѣе раздражала Складнева.

Могилу засыпали, наскоро крестъ поставили, могильный холмъ исчезъ подъ многоцвѣтною розсыпью цвѣтовъ. Стали расходиться. Друзья и знакомые окружили Складнева и стали его утѣшать. Складневъ сказалъ:

— Я вамъ очень благодаренъ, господа, но, повѣрьте, что я не нуждаюсь въ утѣшеніяхъ. Конечно, я считаю, что мой бракъ съ Валентиною Петровною былъ очень удаченъ, и мы оба чувствовали себя очень хорошо, но отсюда до трагической неутѣшности — дистанція огромнаго размѣра.

Толпа вокругъ Складнева начала рѣдѣть. Складневъ, не замѣчая этого, продолжалъ разглагольствовать:

— Конечно, я очень жалѣю о той роковой случайности, которая унесла въ могилу эту молодую жизнь и эту богато одаренную натуру. Не сомнѣваюсь, что если бы она осталась жива, то моя жизнь съ нею и въ будущемъ была бы во всѣхъ отношеніяхъ пріятна. Но въ настоящій моментъ, считая своимъ долгомъ всегда быть искреннимъ въ выраженіи своихъ чувствъ, я долженъ сказать, что въ примѣненіи къ моему настоящему душевному состоянію выраженіе неутѣшное горе представляется мнѣ чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ. Мы не такъ долго жили вмѣстѣ съ Валентиною Петровною, и потому я еще не успѣлъ настолько привыкнуть къ ней, чтобы разрывъ связанныхъ съ нею ассоціацій могъ причинить мнѣ значительныя душевныя страданія.

При этихъ его словахъ и тѣ, кто еще оставался около него, отвернулись, заговорили громко, стали расходиться. Складневъ досадливо пожималъ плечами, — онъ не привыкъ, чтобы его не дослушивали. Сѣтьоловскій (пріятель) взялъ его подъ руку и повелъ къ выходу.

Жена адвоката Верещева проводила его удивленными глазами и сказала стоявшему рядомъ съ нею доктору Асланбеку:

— Я не знала, что онъ такой.

— Какой такой? — жизнерадостно улыбаясь, спросилъ Асланбекъ.

— Такой тупой, — сказала Верещева.

— Ну, зачѣмъ такъ рѣзко! — возразилъ подошедшій къ нимъ адвокатъ Верещевъ.— Не тупой, а просто ужъ слишкомъ интеллигентный человѣкъ. Все разбираться во всемъ привыкъ".

„Любовь Бориса Николаевича" К. Тренева.

(„Завѣты", февраль.)

Разсказъ молодого, счастливо дебютировавшаго въ прошломъ году беллетриста помѣщенъ въ томъ же журналѣ, гдѣ и сологубовская „Жена умнаго человѣка", и почти рядомъ, и отъ этого ярче выступаетъ то общее, что оказывается въ нихъ. Въ произведеніи Тренева есть тоже свой „умный человѣкъ" и тотъ тоже имѣетъ жену, къ великому несчастію для послѣдней (и она тоже умираетъ отъ родовъ). У Тренева, однако, не въ этихъ супружескихъ отношеніяхъ центръ тяжести. Авторъ избралъ другую, болѣе сложную и тонкую, но зато и гораздо болѣе трудную тему—показать нравственное просвѣтлѣніе, „воскресеніе" главнаго своего героя, отъ тяжкаго грѣха передъ женщиной поднявшагося, черезъ раскаяніе и жалость, на высшую ступень любви къ ней. Вполнѣ осилить такую задачу не смогъ даже самъ Толстой (въ своемъ „Воскресеніи"). Не удивительно, что она оказалась непосильной и нашему молодому писателю.

Докторъ Борисъ Николаевичъ Вязвитиновъ мѣсяцъ тому назадъ, на пріемѣ больныхъ, внезапно порѣшилъ бросить все и уѣхать въ Крымъ отдохнуть.

„Выглянувъ въ переполненную паціентами пріемную, почувствовалъ такое гнетущее безсиліе духа, что принять ихъ всѣхъ показалось такъ же трудно, какъ если бы заставить нести ихъ на плечахъ. А за ними, въ его больницѣ, длинный рядъ кроватей... И было такое чувство, что никуда не убѣжать ему отъ нихъ: если же остаться здѣсь въ городѣ и не бѣжать сегодня, сейчасъ, то можно задохнуться и умереть". И онъ, не откладывая рѣшенія, въ тотъ же день бѣжитъ изъ города — „изъ протухлаго города, гдѣ камни и выпятившіеся острые углы жизни обнажили, сдавили личность, и болѣзненно слышишь ее, слышишь, какъ она трется объ эти углы, будто больная нога въ тѣсномъ сапогѣ..."

„...Борисъ Николаевичъ поселился на бѣлой дачѣ у моря, только окнами не на море,— не раздражалъ бы прибой волнъ,—а на горы. Рядомъ на террассѣ были еще двѣ комнаты: одна пустая, въ другой жила дама съ мальчикомъ лѣтъ семи. Звали ее Марья Сергѣевна. По цѣлымъ днямъ зажаривала она мальчика въ пескѣ на солнцѣ, почернѣла и обожглась сама; а онъ оставался все такой же прозрачный, худенькій. Нотаріусъ, что занялъ съ женой и тремя мальчиками комнату со стороны моря, подходилъ къ нимъ и, вздыхая, говорилъ:

— Да-а, барыня, мальчикъ-то вашъ все неважно выглядитъ! Эхъ-хе-хе! Дай Богъ, конечно, чтобы я ошибался, но едва ли Крымъ ему поможетъ. Помяните мое слово!

Расчесывая тремя пальцами вѣерообразную съ просѣдью бороду, онъ говорилъ ласково-грустнымъ голосомъ, а въ прищуренныхъ мутно-голубыхъ глазахъ струилось тихое довольство. Фамилія его была Бѣлковъ. Если Борисъ Николаевичъ сидѣлъ у себя на верандѣ, то Бѣлковъ, проходя мимо, говорилъ ему:

— Видомъ, милый человѣкъ, любуетесь? Что жъ, у васъ безъ моря! Воть у насъ— дѣйствительно, видикъ! Вы же сколько за свою келейку платите?.. Хе-хе! Переплатили, родной мой! Мы за свою только на пять рублей больше платимъ, по какое же, помилуйте, сравненіе!.. А въ общемъ, я вамъ скажу, пошлость—эти крымскіе виды! Тутъ знойная, раскрашенная природа, какъ мѣщанка, кричитъ! Ну, можно ли сравнить эти лысыя горы съ нашими грустными полями, задумчивыми лѣсами! Вы откуда изволили грибить?

Затѣмъ Бѣлковъ шелъ на берегъ, выворачивая ноги ступнями врозь и самодовольно ворочая бедрами.

Горничная Прискла, убирая комнаты, флегматически роняетъ вслѣдъ Бѣлкову:

— Отго, что панъ безперечь балакаетъ, такъ барыня молчитъ".

Жена Бѣлкова, Вѣра Степановна, „была моложе его лѣтъ на пятнадцать. Неловкой, путающейся въ юбкахъ походкой ходила съ террасы въ комнату и обратно. Руки робко брали и ставили вещи и безпомощно опускались.

Она была некрасива. Черты загорѣлаго лица были неправильны, расплывчаты; некрасивы бѣдныя губы, а у краевъ ихъ легли двѣ старившія ее скорбныя складки. Но красили лицо длинныя рѣсницы и подъ ними каріе хорошіе глаза".

„Отъ Бѣлкова положительно не было спасенья на дачѣ, а когда Борисъ Николаевичъ выходилъ на берегъ, и тамъ далеко разносился его блеющій голосъ. Облюбовавъ какого-нибудь больного, Бѣлковъ, сочувственно вздыхая и сладко причмокивая, говорилъ:

— Конечно, дай Богъ, чтобы я ошибался, но, по-моему, у васъ, родной мой, ракъ!"

А больному мальчику Марьи Сергѣевны онъ говорилъ, хлопая его по плечу:

— Ну, что, молодой человѣкъ? плохо мы поправляемся! Э-хе-хе! Вѣроятно, кто-нибудь изъ родителей не совсѣмъ здоровъ?

„...На склонахъ ближайшей горы видѣлись развалины какого-то древняго храма. Борисъ Николаевичъ отправился туда незадого передъ отъѣздомъ. Вышелъ съ утра, но поднимался въ горы, не торопясь, подолгу оставаливался, оглядываясь и отдаваясь голубой волшебной панорамѣ, съ каждымъ шагомъ развертывающейся все шире. Недалеко отъ вершины его догнала экскурсія дачниковъ во главѣ съ Бѣлковымъ. Борисъ Николаевичъ хотѣлъ было скрыться въ кустарникъ, но опоздалъ: Бѣлковъ уже былъ подлѣ и блеялъ:

— Ага, докторъ! Вотъ мы васъ, изволите ли видѣть, и догнали! Хе-хе-хе. А вѣдь вы чаика на два раньше нашего вышли... То-то, батенька! Ну, прошу, господа, не отставать.

Онъ взялъ подъ руку молодую дачницу, гордо поднялъ вѣерообразную бороду и, порочая бедрами и вывернутыми наружу тонкими ногами, сталъ по крутой тропинкѣ взбираться на гору.

— Гопъ-гопъ! — кричалъ онъ, останавливаясь на поворотахъ.

— Эхъ, вы! Ходоки! „Учились бы, на старшихъ глядя! Мы, напримѣръ, или Максимъ Петровичъ, дяди!" Откуда это, господинъ студентъ? Э, что жъ это вы такъ слабо! Я— „Горе отъ ума" напрокатъ... Ну, ну, Борисъ Николаевичъ, не отставать! А еще докторъ Не можете состязаться!

Борисъ Николаевичъ отвѣтилъ брезгливо:

— Я менѣе всего на свѣтѣ думалъ о томъ, чтобы состязаться съ вами, господинъ Бѣлковъ.

— Ну, да ужъ, ладно, ладно,—лукаво подмигнулъ дамамъ Бѣлковъ: — ва попетный! Хе-хе-хе.

Борисъ Николаевичъ посмотрѣлъ на него и почувствовалъ въ рукахъ сильный зудъ: такъ охватило желаніе швырнуть его со скалы. Онъ отсталъ отъ экскурсіи, и рядомъ съ нимъ шла только Вѣра Степановна. Она сняла съ головы красную повязку, и богатые волосы, заложенные сзади въ косы, выбились и закрыли уши. Шли нѣсколько минутъ молча. Потомъ Вѣра Степановна тихо и серьезно сказала:

— Мой мужъ, кажется, очень вамъ надоѣлъ.

Борисъ Николаевичъ, не взглянувъ на нее, спросилъ:

— А вамъ?

Онъ сѣлъ подъ деревомъ и сталъ смотрѣть внизъ на горные уступы. Вѣра Степановна сѣла рядомъ.

— Гопъ-гопъ!—донеслось издалека:—Mesdames!

Борисъ Николаевичъ посмотрѣлъ сбоку на Вѣру Степановну. Сѣрая юбка плотно обхватывала ея ногу, открывъ чулки. Подъ бѣлой прозрачной кофточкой волновалась невысокая грудь. Онъ взялъ обѣ ея руки и посмотрѣлъ въ побѣлѣвшее лицо. Она на мигъ подняла на него затуманенные глаза, закрыла ихъ рѣсницами и улыбнулась жалкой, просительной улыбкой.

— Гопъ-гопъ! Докторъ, не отставать!—докатилось сверху. Борисъ Николаевичъ опять почувствовалъ зудъ въ рукахъ. Быстро обнялъ онъ ее, грубо взялъ за грудь и, опрокинувъ назадъ, положилъ на траву. Вѣра Степановна не сопротивлялась. Черезъ четверть часа они

молча догнали экскурсію у самыхъ развалинъ храма.

Дамы восторгались колыхающейся далью моря, а Бѣлковъ торжественнымъ жестомъ приглашалъ полюбоваться то со скалы, то съ высоты развалинъ. Всякій разъ, дѣйствительно, открывался новый видъ. Дамы ахали, а Бѣлковъ самодовольно роняль:

— Ну, еще бы! Я ужъ знаю, что показать.

Выходило, будто онъ и есть авторъ этихъ картинъ.

Борисъ Николаевичъ удовлетворенно смотрѣлъ теперь на его выспренную грудь и театральные жесты, слушалъ его козлиный голосъ. А когда тотъ обратился къ Вѣрѣ Степановнѣ съ какимъ-то вопросомъ, и та тихо отвѣтила—Да... правда,—Борисъ Николаевичъ интимно наклонился къ Вѣрѣ Степановнѣ и сказалъ громкимъ шопотомъ:

— Приходи ночью!

На обратномъ пути Борисъ Николаевичъ почти ни слова не сказалъ съ Вѣрой Степановной и только мелькомъ встрѣтилъ ея спрашивающій взглядъ.

А ночью, когда на дачахъ еще не всѣ заснули, онъ услышалъ не террасѣ тихіе шаги. Отворивъ дверь, увидѣлъ при закатѣ мѣсяца силуэтъ Вѣры Степановны и подумалъ:

— Однако... не заставляетъ себя ждать...

Ушла она отъ него такъ же молча, какъ и пришла. Видѣлъ въ окно, какъ, наклонивъ голову, робко прошла по аллеѣ. Сѣла на скамейкѣ, безпомощно опустивъ одну руку, другою облокотившись о спинку скамьи и подложивъ ее подъ растрепавшіяся косы.

Громадной пирамидой вырисовывалась на лунномъ фонѣ ближайшая къ дачѣ голая гора, сквозь шумъ вѣтра слышны мѣрные раскаты прибоя. Стало неуютно и скучно. Будто въ осеннюю распутицу по грязи идешь. Домой бы скорѣй.

На другой день Борисъ Николаевичъ поднимался въ горы, какъ всегда, одинъ. Вѣтра не было, но по зеленому морю ходили бѣлые гребни; валы, ударяясь о далекія скалы, окутывали ихъ фіолетовой мглой. Ночью разразилась гроза у кавказскихъ береговъ, и теперь оттуда бѣжали, обгоняя другъ друга, блѣдныя тучи, будто разбитое войско въ паническомъ ужасѣ съ поля битвы. А внизу Борисъ Николаевичъ замѣтилъ сквозь деревья медленно поднимающуюся къ нему отъ дачъ женскую фигуру въ сѣромъ платьѣ съ красной повязкой на головѣ.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, — подумалъ онъ, всмотрѣвшись: скрылся за кустарниками и пошелъ дальше въ горы.

Борисъ Николаевичъ вернулся на дачу къ обѣду и, разумѣется, встрѣтилъ у воротъ Бѣлкова. Уѣзжала Марья Сергѣевна съ мальчикомъ. Въ толстомъ бутузѣ, почернѣвшемъ на солнцѣ, трудно было узнать того хилаго, прозрачнаго мальчика, о которомъ Бѣлковъ давалъ такія печальныя предсказанія.

— Что жъ, слава Богу,—нехотя говорилъ Бѣлковъ, а лицо его вытянулось, сдѣлалось скучнымъ, глаза смотрѣли тускло.

Борисъ Николаевичъ посмотрѣлъ на свободное мѣсто въ экипажѣ и вдругъ неожиданно для себя, спросилъ Марью Сергѣевну:

— Меня съ собой возьмете?

Черезъ пять минутъ его чемоданъ уже былъ увязанъ сзади экипажа.

— До свиданія, Вѣра Степановна!—крикнулъ онъ, увиданъ ее на террасѣ. Вставъ съ экипажа, подошелъ къ ней проститься и не узналъ ея. Будто прошли для нея не сутки, а долгій періодъ тяжкой болѣзни. Она стояла передъ нимъ, какъ изъ гроба, блѣдная, съ запекшимися губами, глаза ввалились большіе, пристальные, и глянуло изъ нихъ столько невысказаннаго горя, что у Бориса Николаевича остановилось сердце и самъ онъ остановился на полусловѣ.

— Уѣзжаю...

— Уѣзжаете... Совсѣмъ?..

— Да... Очень жаль... можетъ быть... когда-нибудь...

— Да?.. правда...—тихо сказала она, крѣпко, чтобъ не упасть, держась руками за перекинутую черезъ плечо на грудь большую косу. А силъ уже не было, и, путаясь въ платьѣ, отступала къ стулу.

— Прощайте... простите,—сказалъ Борисъ Николаевичъ, цѣлуя маленькую, какъ у дѣвочки, руку".

Возвратившись домой, онъ „окунулся съ головой въ дѣло, а въ душѣ гдѣ-то сбоку чуть слышно ныла маленькая, маленькая ранка, ныла, отравляя привычное дѣло. Мимоходомъ Борисъ Николаевичъ пытался „выслушать" свою душу. Тогда ранка какъ будто переставала сочиться. А стоило вернуться къ будничнымъ жизни, и опять начинало что-то ныть и сочиться. И эта неуловимая боль разлагала жизнь на мертвые элементы, безсмысленные, ненужные въ своей обособленности...

Онъ сидѣлъ за обѣдомъ и слушалъ, какъ жуетъ жена, прислушался къ собственному жеванію, представилъ его, какъ врачъ. Ахъ, какъ это ненужно и некрасиво! И этотъ обѣдъ и два приставленные къ нему жевательные аппарата!.. Вотъ домъ себѣ нажилъ. Зачѣмъ?"

Борисъ Николаевичъ началъ высказывать

этого рода мысли и вслухъ—своей женѣ. Наталья Алексѣевна женщина чуткая, умная, съ глубокой душой. Она проникается мыслями мужа и говоритъ:

— Если ты, Боря, нашелъ новую дорогу, такъ что же намъ мѣшаетъ пойти по ней!

— Никакой дороги и не нашелъ и не ищу...

„Видѣлъ онъ, что теплыя слова ея, оставаясь за порогомъ его души, не грѣютъ, не нужна ея любовь и дружба. И эта ненужность была для Бориса Николаевича едва ли не самой большой неожиданностью. Когда онъ и Наталья Алексѣевна встрѣтились въ жизни и узнали другъ друга, оба увидѣли, что созданы одинъ для другого. Ихъ любовь, страстная и глубокая, была всегда освѣщена полнымъ взаимнымъ пониманіемъ, тожествомъ убѣжденій. Они всегда были чуткими друзьями. И то, что она была практичнѣй и энергичнѣй его, создавало покой и удобство въ ихъ жизни, дѣлало ее законченной.

Были и невзгоды, тогда онъ находилъ въ ней сильнаго товарища, и горе переносилось легко, а будущее казалось такимъ ласково-свѣтлымъ, какъ смѣхъ Натальи Алексѣевны. Но вошла жизнь въ какую-то мертвую полосу и стала тлѣніемъ, кто-то дохнулъ на нее—завяли и осыпались ея цвѣты. Несчастья не случилось. Но произошло что-то невзмѣримо большее, чѣмъ пережитыя доселѣ счастье и несчастье, и стало ясно, что дружба и любовь жены уже не помогутъ: безсильны и скучны онѣ, какъ этотъ наполненный ими домъ".

Томленіе духа испытываетъ Борисъ Николаевичъ сначала неопредѣленное, смутное. Самымъ яснымъ пока было только то, что жизнь теперь „казалась склеенной изъ какихъ-то исключающихъ другъ друга частей. Сдавятъ онѣ душу, позвавшую было безпредѣльность и, скрипя, будутъ тереть ее..."

Но однажды зимней ночью, возвращаясь отъ тяжко-больного, Борисъ Николаевичъ вдругъ увидѣлъ, внутреннимъ окомъ, „ослѣпительный крымскій день съ зеленой далью... гору, устланную красными маками, а снизу, отъ моря поднимается еще одинъ маковый цвѣтокъ, ближе-ближе,—ужъ это не цвѣтокъ, а красная повязка на головѣ... Стало ясно, отчего гдѣ-то въ душѣ ранка, что сочится смутной, но непреходящей жалостью. Съ этой ночи Борисъ Николаевичъ замкнулся въ себѣ, пересталъ бывать въ клубѣ, въ гостяхъ".

Все чаще и чаще звучитъ въ душѣ его тоскующая мелодія, слышанная тамъ, въ Крыму. „А разсказываетъ мелодія, какъ въ знойный, благовонный день молодость и красота съ робкой лаской ждетъ, чтобы моремъ ли принесло, изъ-за горъ ли прилетѣло къ ней золотое счастье. О, пусть сѣшибитъ, пока поютъ зеленыя волны и смѣется красное солнце. Однажды нѣдь приходитъ молодость, и однажды къ ней счастье прилетаетъ... Но ушло солнце за горы и послало черную тѣнь вмѣсто счастья, унесло волной молодость, и тихо плачетъ кто-то и жалуется, что молодость не встрѣтилась со счастьемъ.

А ночь стоитъ душная, прозрачная. Въ окно видны цвѣты сирени, лилія и фіалки на куртинахъ. Борисъ Николаевичъ ждетъ, замирая отъ счастья и страха: придетъ ли? Она пришла, и, упавъ на колѣни, цѣлуетъ онъ теперь маленькія руки и край платья, а въ глазахъ ея ласка и безмѣрное горе, и тихій вопросъ:

— Да?.. правда?..

Правда ли, что на эти глаза наступилъ онъ грязными ногами...

Думать и рвутся рыданія. А за дверью кабинета слышны тревожные шаги".

Не выдержалъ Борисъ Николаевичъ. Убѣждая какъ-то чахоточную паціентку уѣхать немедленно въ Крымъ, онъ вдругъ, вожиданно для себя, надумываетъ присоединиться къ своей больной, и вотъ—среди зимы—онъ опять въ знакомыхъ мѣстахъ,—ѣдетъ пароходомъ на Ѳеодосію мимо песчанаго берега съ опустѣвшими, закоченѣвшими дачами.

„Борисъ Николаевичъ почувствовалъ, что та, созданная имъ, жизнь теперь опустѣла и заколочена, какъ эти дачи. А съ нимъ здѣсь огромное, какъ море, счастье. Такое большое, затопившее душу, что никогда и не подозрѣвалъ онъ о возможности его на землѣ.

Вотъ впереди та самая дача, съ деревцами, теперь обернутыми соломой. Какъ много невѣроятнаго въ человѣкѣ! Полгода тому назадъ здѣсь онъ презрительно раздавилъ ногой что-то такое, что невѣдомо для него упало въ его душу зерномъ новой жизни.

Ему за сорокъ лѣтъ: думалъ—отцвѣла душа, а она вдругъ зазеленѣла небывалой красоты побѣгами, какъ зацвѣтутъ по-весиѣ эти голыя деревья".

Въ Ѳеодосіи Борисъ Николаевичъ сѣлъ въ поѣздъ и поѣхалъ въ Ямскъ, мѣсто жительства Вѣлковыхъ.

Въ первый же день пріѣзда онъ изъ окна постоялаго двора видитъ Вѣру Степановну на базарной площади.

„Борисъ Николаевичъ засмѣялся, вышелъ на площадь безъ шапки, подобѣжалъ къ ней и за тихимъ радостнымъ смѣхомъ ничего не могъ сказать. Она взглянула на него, сразу узнала и не удивилась тому, какъ онъ попалъ сюда

и почему стоитъ здѣсь зимой безъ шубы и шапки. А то, что прочелъ онъ на ея лицѣ, былъ ужасъ и отвращеніе. Быстро пошла она прочь по сугробамъ, рядомъ съ досчатымъ тротуаромъ, шуба пугалась въ снѣгу, и обезсилѣвъ, она остановилась.

Остановился и Борисъ Николаевичъ и сталъ говорить ей о своей чистой, большой любви и о томъ, что величайшее несчастье его жизни, это—воспоминаніе объ отношеніи къ ней въ Крыму и что, ѣдучи сюда, онъ думалъ, какъ отдастъ жизнь, чтобы загладить это зло.

Снѣгъ сдѣлалъ его голову бѣлой, и слезы текли по красиво вьющейся русой бородѣ.

Потомъ Борисъ Николаевичъ одѣлся и пошелъ къ ней на домъ. Бѣлковъ былъ въ конторѣ, и Вѣра Степановна говорила, тихо жалуясь, что никого до него не любила, а полюбивъ его съ перваго дня знакомства, потеряла волю и всѣ слова; взялъ онъ всю ея душу гораздо раньше, чѣмъ взялъ тѣло, и если бы онъ приказалъ ей тогда броситься со скалы, она сдѣлала бы это такъ же безпрекословно, какъ отдалась ему. И какъ это было бы хорошо! Умерла бы, не поруганная.

— Умерла бы и счастливая и благодарная,—говорила она съ мечтательной улыбкой.—Не знала бы обиды до могилы и не пришла бы вмѣсто любви, эта физическая брезгливость къ вамъ. Я вѣдь и теперь думаю, что моя душа родилась только для васъ, и когда я васъ встрѣтила, тотчасъ поняла, почему мнѣ всегда такъ хотѣлось въ Крымъ... А вамъ захотѣлось плюнуть въ мою душу... Ахъ, Борисъ Николаевичъ... Научите, какъ мнѣ это забыть,—тихо сказала она, вся содрогаясь:—Снизу вотъ и чувствую на себѣ вашу грязь, отъ которой не отмыться... Господи, какая гадость... Какъ мнѣ жить? Какъ жить?...

Борисъ Николаевичъ молча пышелъ и потомъ долго ходилъ по базару, останавливаясь иногда; и думалъ сквозь крики бабъ и мужиковъ о томъ, что и его душа, очевидно, родилась для Вѣры Степановны и любовью къ ней чиста теперь, какъ была чиста только въ дѣтствѣ. И вся новая жизнь его теперь здѣсь, подлѣ нея.

— Какъ странна и загадочна жизнь, — думалъ онъ, кружась между сапей:—Мимолетное животное обладаніе неизвѣстной женщиной осквернило ея душу, и отняло у нея святыню любви, какъ будто для того, чтобы передать ее мнѣ и къ новой жизни меня возродить".

Борисъ Николаевичъ остался жить на постояломъ дворѣ и каждое утро ходилъ съ Вѣрой Степановной на базаръ, носилъ за нею корзину съ провизіей, а когда ея не было, шелъ къ ней.

Бѣлковъ къ Борису Николаевичу относился сначала вѣжливо. Но потомъ вымятилъ грудь и, воровая бедрами, сказалъ:

— Милостивый государь! Прошу прекратить ваши ношлыя и, смѣю увѣрить, тщетныя преслѣдованія моей супруги!

Борисъ Николаевичъ забылъ о существованіи и своего города, и своего дома, и больныхъ, и главное—своей жены. Но она, истосковавшаяся, напоминаетъ сама о себѣ—является сюда, въ Ямскъ (въ концѣ марта), и находитъ мужа въ новой странной роли „кухоннаго мужика", какъ возмущенно опредѣляетъ эту роль сопровождающій Наталью Алексѣевну д-ръ Глуховъ.

Борисъ Николаевичъ искренно обрадовался пріѣзду жены, но когда она, плача, зоветъ его домой, онъ—„радостно смѣясь сквозь слезы, сталъ говорить о своемъ новомъ счастьѣ, такомъ свѣтломъ, какое можетъ только въ сказкѣ представиться или во снѣ присниться. Безъ него, какъ безъ солнца на небѣ, дня теперь не прожилъ бы.

— Цвѣтокъ все лѣто цвѣлъ бы на полной Божьей волѣ, а человѣкъ, грубо сорвавъ его, прикалываетъ къ груди, и — завтра нѣтъ цвѣтка. Вотъ такъ и наше съ тобой счастье, Наташа: захватили мы его руками, оно и завяло. Надо бояться полнаго счастья".

Вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, онъ уговариваетъ жену остаться здѣсь, гдѣ такъ хорошо.

„— Втроемъ бы всюду ходили! Ахъ, Наташа! Ты такая чуткая! И ты увидала бы, какая это святая красота!

— Я и такъ тебѣ вѣрю,—глухо отвѣтила Наталья Алексѣевна, поднимаясь: — Я всегда тебѣ вѣрила... Только, ради Бога, не провожай меня...

Она вышла на шоссе по направленію къ вокзалу".

Въ мнѣ Борисъ Николаевичъ хоронилъ Вѣру Степановну, умершую отъ родовъ его ребенка. Послѣ ея смерти „однажды онъ перелистывалъ какой то старый иллюстрированный журналъ, и задумчиво глянула оттуда чья-то женская головка. Борисъ Николаевичъ зарыдалъ и засмѣялся отъ радости: такъ поразительно, до иллюзіи похоже на Вѣру Степановну.

Онъ прикрѣпилъ эту иллюстрацію къ памятнику, который Бѣлковъ поставилъ надъ могилой, и смотрѣлъ на нее рано, до восхода солнца и тихими вечерами. А закрывъ глаза, видѣлъ, какъ идетъ и уходитъ она: далекими тропами, зелеными холмами, идетъ путающейся

въ сѣромъ платьѣ походкой, живая и близкая, подбирая рукой непослушныя пряди волосъ. А на пути ея реветъ-мутится въ пропасти грязный потокъ; бѣломраморный мостикъ дрожитъ и шатается, готовый рухнуть, и когда робко взошла на него, и зашатался онъ, отдѣлившись отъ земли, Борисъ Николаевичъ въ ужасѣ закрылъ лицо руками.

Но, отнявъ руки, видѣлъ ее уже на высотахъ по ту сторону потока, а хрупкій мостикъ, остался далеко внизу. Безъ конца стелются на пути ея туманно-синіе холмы. И дни цвѣтутъ и отцвѣтаютъ на далекомъ ея пути, и вырастутъ годы и годы, ставши въ вѣка безконечными рядами. Разскажетъ имъ про печаль свою, какъ разскажетъ онъ про любовь свою этимъ лакующимъ майскимъ днямъ и чуткимъ вечерамъ.

Пришелъ Бѣлковъ съ траурнымъ крепомъ на рукавѣ и принесъ много цвѣтовъ на могилу.

— Это что еще за пошлость!—крикнулъ онъ, срывая съ памятника иллюстрацію.

Теплый закатъ горѣлъ надъ лѣсомъ, пронизавъ золотыми иглами и разорвавъ сиреневый занавѣсъ, и золотилъ на памятникѣ надпись:

„Здѣсь погребенъ прахъ любимой супруги нотаріуса N—го окружнаго суда и кавалера Василія Прокофьевича Бѣлкова Вѣры Степановны. Покойся, любящая и вѣрная супруга, до радостной встрѣчи!"

„Двѣ ночи" А. Серфимовича.

(„Современный Міръ", декабрь).

Въ глухое степное село пріѣзжаетъ холодой человѣкъ съ цѣлой кучей ящиковъ, набитыхъ пузырьками, штангласами, банками: онъ пріѣзжаетъ сюда открыть аптеку.

Съ парохода высадился онъ на пустынный берегъ уже ночью, въ темнотѣ; кругомъ ни души. Отъ вещей отойти нельзя. Да и гдѣ искать, и кого будить по спящимъ дворамъ, еще собаки изорвутъ.

„И онъ покорился. Сѣлъ на ящикъ, поставилъ локти на колѣни, голову положилъ на руки и сталъ не то думать, не то дремать. Вошло то знакомое, что постоянно съ малыми промежутками испытывалъ всю жизнь, это—особенное ощущеніе, что, молъ, сейчасъ начерно, ничего, обожду, а тамъ пойдетъ понастоящему, какъ слѣдуетъ.

Бывало, еще мальчишкой, а уже носилъ съ собою это ощущеніе начерно.

Въ садикѣ—ярко, солнце, муравьи, а ужъ голосъ матери:

— Сережа, иди скорѣй, учитель пришелъ.

И сидитъ за партой, однимъ глазомъ въ книгу, другимъ въ окно, да вдругъ такая рѣзь въ животѣ, губы поведетъ. Вскочитъ, отпросится и радостно пустится въ уборную. И сидитъ тамъ пять минутъ, и десять, и полчаса, и часъ.

Мать нѣсколько разъ подходитъ, стучитъ:

— Да скоро ли ты, учитель сердится, уйдетъ.

— Мамочка... Господи, да я чѣмъ же виноватъ!..

И не притворялся.

А тамъ наружная дверь сердито хлопаетъ,—ушелъ. И кажъ по командѣ прошелъ животъ. Выскочитъ Сережа, какъ ошпаренный. Радостно!.. куда дѣваться отъ солнышка, отъ птичьихъ голосовъ, отъ коротенькихъ полуденныхъ тѣней, отъ раздражающихъ запаховъ сирени, отъ безчисленно кишащей кругомъ, мелькающей, зовущей жизни. Такъ и проспѣетъ въ уборной нѣсколько лѣтъ, пока съ грѣхомъ пополамъ не попалъ въ гимназію.

А въ гимназіи опять все было начерно: ненавидѣлъ директора, ненавидѣлъ Кулика, коротенькаго, съ огромнымъ животомъ, перенѣшивавшимся черезъ губу носомъ—учителя исторіи, ненавидѣлъ латинскій языкъ, ненавидѣлъ самыя стѣны съ запыленной паутиной въ углу.

Въ старшихъ классахъ эта ненависть стала злостной и какъ-то слилась съ тѣмъ постояннымъ ощущеніемъ, что это все пока вчернѣ, а настоящее гдѣ-то впереди, вотъ-вотъ начнется.

Встрѣтитъ кого-то, друга, что ли, за котораго можно душу отдать, или мудраго,—всю жизнь освѣтитъ, или... или...

Рано узналъ женщину, рано, еще мальчишкой, зналъ женщинъ, которыхъ покупаютъ, зналъ прислугу, лазялъ по кухнямъ, и это, это-то особенно казалось начерно, пока, а настоящее гдѣ-то ждетъ... застѣнчивые милые глаза, тонкія дѣвичьи руки, и на чистыхъ гладко причесанныхъ волосахъ черными крылышками бантикъ...

Онъ опустилъ голову отъ щемящаго ощущенія невознаградимой потери"...

Доктору, пріѣзжавшему „открывать" новую аптеку, Сергѣй разсказываетъ, попивая съ нимъ водку, какъ его „изъ седьмого класса вышибли: по мордѣ далъ инспектору въ публичномъ домѣ...—Ну, меня съ волчьимъ, а его въ другую гимназію".

„Сергѣй разсказывалъ ясно, карауля выраженіе лица доктора, съ затаившимся намѣреніемъ обезвредить его, но докторъ и бровью не повелъ. И Сергѣю хотѣлось и не могъ раз-

сказать, какъ порвалъ всѣ знакомства, какъ далеко другими улицами обходилъ при встрѣчахъ гимназистокъ, и не оттого, что влѣзъ въ скандалъ и выгнали, а такъ наивно смотрѣли черные бантики на ихъ чистыхъ, милыхъ, гладко причесанныхъ волосахъ.

— Ну?

— Ну, дѣваться некуда, въ аптекарскіе ученики пошелъ, сдалъ на помощника, а терпѣть не могу это занятіе. Ну, да это все пока... Только-бъ выбиться. Я самъ не знаю, можетъ быть въ университетъ, вотъ деньжонокъ только сколочу, или просто поѣхать въ Петербургъ или въ Москву,—тамъ видно будетъ, все равно, только бы выбиться, только бы презирать людей нъ открытую, а не показывать, сидя въ норѣ, кукишъ въ карманѣ... Изъ гимназіи, кромѣ ненависти, ничего не вынесъ. Да и въ младшихъ классахъ, сколько помню, какъ будто все было не настоящее: придешь, бывало, въ классъ, и будто это такъ, пока. Спрашиваютъ, доска, карты на стѣнахъ, ученики сидятъ, а по праздникамъ инспекторъ высматриваетъ съ лисьимъ лицомъ, всѣ ли въ церкви—загоняли, и все это будто временное, а настоящее вотъ-вотъ начнется: уѣду я въ Америку или понаду на необитаемый островъ, а съ третьяго класса все сталъ думать про Кавказъ, къ горцамъ... и ужъ не помню, только настоящее было не въ гимназіи, не съ учителями, а гдѣ-то впереди, а это все пока, вотъ какъ порома на переправѣ дожидаешься или какъ будто сонъ, и знаешь—проснешься, и тогда уже будетъ на самомъ дѣлѣ".

Такъ, не „на самомъ дѣлѣ", зажилъ Сергѣй и теперь, сельскимъ аптекаремъ.

„Чтобъ не тосковать, выписалъ Сергѣй газету, журналъ, и, когда читалъ, казалось, что тамъ гдѣ-то—все но-настоящему, въ какомъ-то важномъ и должномъ порядкѣ. Все было особенно, значительно, и важно глядѣло со страницъ газетъ.

„Ну все равно, перемаяться эту маяту, а тамъ въ Москву или Питеръ"...

День уходилъ за днемъ, и, какъ Сергѣй ни отбивался, не только не отгородился отъ всекладной нелѣпой чужой жизни, но она его обкладывала со всѣхъ сторонъ упорно, настойчиво, шагъ за шагомъ, втягивая въ свой кругъ, и онъ не могъ выбраться".

Въ центрѣ этого закольцованнаго круга оказалась женщина,—замужняя дочь хозяина, у котораго Сергѣй снялъ флигель подъ аптеку, Варвара. Она вошла въ его жизнь еще въ ту, первую ночь, когда онъ тоскливо сидѣлъ на пустынномъ берегу рѣки, въ покорномъ ожиданіи „оказіи". Глубокій пѣвучій женскій голосъ, родившійся вдругъ гдѣ-то поблизости въ темнотѣ, заставилъ его встрепенуться и изумиться: до того не гармонировалъ этотъ голосъ съ окружающей обстановкой и съ тогдашнимъ настроеніемъ Сергѣя.

„Женскій голосъ лился свободно, безъ усилій, точно птица пѣла. И это не былъ деревенскій надсѣдливо визгливый бабій голосъ, а мягко, свободно, чарующе игравшій отсутствіемъ напряженія и усилій, лился въ душу сладкой истомой... Залъ освѣщенный, съ бѣлыми стѣнами, безчисленные ряды повернутыхъ къ эстрадѣ головъ, и на эстрадѣ *она*. Вся передъ сотнями людей, съ опущенными дѣтскими печальными руками, съ спрашивающими, широко открытыми дѣтскими глазами, и на чистыхъ волосахъ черными крылышками бантики, и залъ полонъ тоски ея живущаго своей жизнью, своей тоской, своей печалью голоса.

„Такъ вотъ что!"—сказалъ себѣ Сергѣй, дыша осторожно и неглубоко открытымъ ртомъ".

То пѣла, правда, не Варвара, а ея сестра—горбунья Груня, но Варварынъ голосъ оказался такъ странно похожъ на чудесный голосъ горбуньи, что незабываемое впечатлѣніе этой ночи навсегда связалось съ мыслью о первой.

Варвара часто заходила къ родителямъ, и вдѣсь каждый разъ встрѣчался съ ней Сергѣй. Начало знакомства принесло нѣкоторое разочарованіе. „У Варвары рукн огромныя, мужицкія, даже волосатыя. А лицо грубое, пусть красивое, но хуторской красотой". Да и—„ломается, какъ коза на веревкѣ". Но потомъ, приглядываясь все больше къ этой „хуторской" красотѣ, прислушиваясь къ ея грудному и пѣвучему смѣху, Сергѣй рѣшилъ: „Ну, что жъ!"..

„Подымалось старое, на время приглушенное: все это пока, и забудется, какъ сонъ, когда придетъ настоящее. И вмѣстѣ грубо и можетъ быть противно самому себѣ подымалось: просто безъ обиняковъ забрать Варвару. Какіе тутъ разговоры да сантименты! Такъ же просто и ясно, какъ тамъ съ дѣвицами, когда онъ ударилъ инспектора. А на сердцѣ свернулась знакомая всегдашняя незамѣчаемая тоска".

Однажды шелъ онъ къ дому вмѣстѣ съ обѣими сестрами.

„Сергѣй толкнулъ слегка плечомъ Варвару,—она усмѣхнулась,— и запѣлъ на мотивъ вальса козловатымъ голосомъ:

— О-очи че-орны-я, о-чи стра-сны-я и пре-кра-а-сны-я, ка-акъ лю-ублю я ява-асъ, ка-акъ ббо-юсь я ява-асъ...

Всѣ трое смѣялись. Сергѣй и Варвара низко рядомъ.

„Приде-отъ!“...

...И пришла.

Старый полуночный мѣсяцъ косо ложилъ полосу въ растворенное окно, ярко задѣвая спинку стула, уголъ раскрытой книги, снятую подушку и обнизу полускатившейся рубашки на смуглой груди.

Опираясь на локоть, Варвара задумчиво гладѣла въ голубѣющую отъ лунного свѣта темноту.

Отдаваясь усталости и негомѣ, Сергѣй потянулся за часами, — теперь бы заняться да заснуть, какъ убитому, да не уходить.

На улицѣ, по которой всюду лунныя тѣни,—молчаніе. Только гдѣ-то издалека неясно замутненная сонливымъ покоемъ долетѣла пѣсня,—ребята гуляютъ, до утра полуночники прошатаются.

— Мать наша красавица была, — говоритъ Варвара, продолжая свои мысли, также задумчиво глядя большимъ черньимъ глазомъ въ лунный свѣтъ,—помню, дѣвчонкой я была,— краси-вая. Такъ на-нѣтъ и сошла. Папаша заѣздили, не всякая лошадь праметъ столько работы, какъ она.

И помолчавъ, опять продолжала свои мысли вслухъ:

— Конечно, въ нашемъ быту нельзя, работать надо, покуда внутри все поровешь, только... хоть пожалѣлъ, пожалѣлъ бы когда.

Изъ вѣжливости Сергѣй сказалъ, зѣвая:

— Да-а...— чтобъ не обидѣть, сдерживая зѣвоту, и въ то же время, чтобъ видѣла, что зѣваетъ.

Знакомое чувство отчужденности, легкой брезгливости отгораживало отъ женщины. Зажечь бы свѣчу да и читать до утра, если не спать,—рука не поднималась сказать, чтобъ уходила.

— Всѣхъ папаша по-своему перекалѣчилъ: Иринушку съ восьми годковъ въ монастырь, христова невѣста, а поѣдешь къ ней, слезы прикипаютъ. Меня вздумалъ за сыщика отдать. Мордастый, бога-а-тый, дѣвки говорятъ, красивый; ну, я ни по чемъ за него. Пріѣхалъ къ намъ на смотрины, ражій, ну, я думала, онъ хоть словами меня возьметъ, а у него и словъ никакихъ нѣтъ, сидитъ, продаетъ глаза, на меня упулился. А папаша, знаете какой, кремень, все одно не жить мнѣ.—У него раздулись красивыя ноздри, и черные глаза стали огромные.—Я ему говорю: нѣтъ, не будетъ по-вашему, и вышла за перваго встрѣчнаго, только съ не по-его.

— Мужа не любишь?

Она опустила глаза, и въ лунной полосѣ сиповато отливали черные вьющіеся около маленькихъ ушей волосы.

— Я ни разу не измѣняла мужу,— проговорила она далекимъ чужимъ голосомъ.

Онъ глянулъ на ея наготу, такъ противорѣчащую словамъ, но въ голосѣ, въ глазахъ была простая въ своей убѣдительности правда.

Ему захотѣлось приласкать ее, и не сдѣлалъ этого, чтобъ не было непріятно истолковано за снова проснувшуюся чувственность.

Помолчали.

И, опять не переспливъ и отдаваясь потоку воспоминаній, она сказала, глядя въ голубую темноту черньимъ воронъимъ глазомъ:

— Господи, только въ дѣвушкахъ и пожила, вѣдь шестнадцати годковъ вышла“.

Чѣмъ ближе узнаетъ Сергѣй Варвару, тѣмъ больше открывается ему глубина ея простой и чистой души, души страдающей, смутно рвущейся къ *настоящему* теплу, настоящему счѣту. Во второе свиданіе, долетѣвшая издали пьяно-грустная пѣсня компаніи студентовъ такъ подѣйствовала на Варвару, что вдругъ,— неожиданно, быть можетъ, для нея самой,— „такъ вотъ ту (предшествующему) противорѣча и нарушая, рванулись подавленныя рыданія. Она приникла къ оконному косяку и билась, какъ подстрѣленная.

Въ темнотѣ догорало:

— „...то-оска-а прой-де-о-тъ“...

Сергѣй бросился:

— Варя... родная!

Она засмѣялась, торопливо пробѣжавъ рукой по глазамъ.

Что же ей сказать? Чтобъ развелась съ мужемъ, а онъ женится? чтобъ читала книжки, а онъ будетъ растолковывать?—еще нелѣпѣе.

Внизу (на берегу) перестали пѣть, слышались голоса, молодой смѣхъ.

— Варя, знаешь, жизнь, она у всѣхъ... Отчего ты мнѣ „вы“ говоришь, а не „ты“?

Она чуть нагнула голову:

— Ну какъ же.

— Мнѣ было тринадцать лѣтъ... Ты думаешь, вотъ тяжело вамъ, отецъ гнетъ, и вообще сурово и грубо у васъ... вотъ съ какихъ лѣтъ, — онъ низко надъ поломъ подержалъ руку,—мальчишки и дѣвчонки *все* у васъ знаютъ, и это въ концѣ концовъ не налипаетъ на нихъ. А у насъ... меня вѣдь какъ баловали, и отецъ, и мать. Богато жили, масса прислуги. Такъ понимаешь, что отецъ, мать говорятъ, учителя, это я такъ, мимо ушей, черезъ гладѣнъ, это они для меня говорятъ, понимаешь. А что говоритъ и дѣлаетъ у нихъ за спиной прислуга, въ это я вѣрилъ, это —

настоящее. Съ горничной и... съ тринадцати лѣтъ...

Она безучастно посидѣла, не поднимая глазъ, и сказала также безучастно.

— Съ тринадцати-то годковъ!

Онъ почувствовалъ близость, какой никогда къ ней не испытывалъ. Кольнуло щемящее чувство, что-то надо перестроить, какъ-то иначе... что-то потерялъ невозвратимое, и отъ этого она сидѣла чужая.

Захотѣлось разсказать все, всю жизнь. Что же разсказывать?

— Гдѣ же ваша мамаша?

Сергѣй насупился, подавляя щемящій укоръ.

— Бѣдуетъ.

И, чтобы перебить молчаніе, добавилъ:

— Отецъ умеръ, разорились.

— Чего же сюда не взяли?

— Чего, чего!.. расчевокалась... Стало быть, нельзя было.

И вдругъ съ необыкновенной ясностью: и мать отложилъ до *настоящаго*, а пока... можетъ, умираетъ?

...Долго шагалъ (по уходѣ Варвар_ и улыбался, и поскрипывалъ, нарочно ступая на половицу. Что-то надо перестроить, измѣнить, и таетъ холодный старый комъ въ груди".

Но все оставалось по-старому, ничего Сергѣй не „перестраивалъ". А Варвара почему-то больше не показывалась. „Отчего Вари нѣтъ? отчего?"—все чаще задумывался онъ, все чаще думалъ о ней, и даже не вытерпѣлъ: какъ-то онъ долго ходилъ по той улицѣ, гдѣ жила Варвара. „Сергѣй боялся, что его увидитъ, и хотѣлось, чтобъ увидѣла". А возвращаясь домой, говорилъ себѣ: „Ну и шутъ съ ней!.. Все это пустяки и пройдетъ, какъ сонъ".

„И снова отдавшись настроенію, что все это пока, временно, какъ на маленькой станціи желѣзной дороги, маленькой и скучной, пошелъ, успокоенный, домой.

Встрѣтился онъ съ Варварой въ ближайшее воскресенье. Она шла въ красной шали и яркой юбкѣ, съ странно яркимъ, можно было подумать, горячечнымъ румянцемъ на лицѣ, съ двумя подругами. Всѣ трое торопливо выплевывали прямо передъ собой сверкавшую бѣлизной шелуху, привычно вскидывая движеніемъ руки въ ротъ сѣмячки.

У Сергѣя дрогнуло сердце. Онъ приподнялъ шляпу:

— Здравствуйте, Варвара Ивановна, — и сдѣлалъ движеніе подойти.

Она пріостановилась, продолжая выплевывать сѣмечки прямо передъ собой, такъ что они ложились на грудь на шаль:

— Чего надо?

Повернулась и пошла за подругами, такъ же выплевывая сѣмена, а до Сергѣя донеслось: „носастый чортъ!.."

Сергѣй остолбенѣлъ.

И не то оскорбительно, что на его „вы", она бросила „ты", а что грубо и безстыдно плевала передъ собой шелухой, чего онъ терпѣть не могъ.

Поднялась на дыбы вся гордость и отгородила отъ прошлаго. Криво усмѣхаясь, Сергѣй пошелъ домой."

А утромъ онъ узналъ, что Варвара померла. Померла какъ-то ужъ очень загадочно. И у доктора, вскрывавшаго ее, видъ загадочный. Только одно сказалъ, — попивая съ молодымъ аптекаремъ водку:

— Слыхалъ, сулему безъ рецепта отпускаете. Не потерплю.

И, помолчавъ, проговорилъ, глядя въ окно:

— Да, жизнь, если въ нее не влѣзешь,— отъ нея бѣжать надо.

„...Сергѣй сидѣлъ на чемоданѣ. На темномъ берегу кто-то смутный тоже дожидался парохода, уткнувши носъ въ грудь и запихавши руки въ рукава.

Небо полно звѣздъ, и невидимая рѣка полна имп. Чуть примѣтной черточкой едва проступаетъ тотъ берегъ.

И вдругъ среди молчанія и темноты женскій голосъ...

Съ мучительно-жаднымъ, острымъ чувствомъ Сергѣй прислушался.

Нѣтъ, тихо и молчаливо, и не звенятъ комары, они давно уже пропали. Уродливымъ пятномъ темнѣетъ купальня съ темнымъ пятномъ отраженія.

Варя!..

Но вѣдь это же *у нея* на чистыхъ, гладкихъ волосахъ черный бантикъ крылышками! вѣдь это же *она* тогда пѣла въ тихую, теплую звѣздную ночь... это *ея* голосъ дрожалъ и плылъ, когда дрожали въ рѣкѣ звѣзды... и залъ съ колоннами... *ее* слушали всѣ, повернувъ головы .. „че-о-ну па-шень-ку-у пахать"... и печальныя руки опущены...

„Посто-ой!.. "—закричалъ онъ на всю темноту. Нѣтъ, не закричалъ,—кричать некому.

Да вѣдь это же и было настоящее, единственное, что разъ дается, неповторяемое, все—и желтая гора, и сады, и станица, и какъ люди въ ней бились, худо-ли, хорошо ли, но дѣлали свою жизнь, а онъ сидѣлъ у моря и ждалъ пог ды"...

„Бѣлое знамя“ А. Ремизова.

(„Русская Мысль“, ноябрь).

„Чувствовалъ я такую убитость, на край свѣта ушелъ бы... Трудно живется. И знаешь, коли пришла бѣда—Богъ посѣтилъ, да ужъ такъ подойдетъ, страшно: не надо и Бога самого и пусть лучше безъ всякаго Бога, только бы хоть какъ-нибудь, хоть мелко, ну, хоть свиньей пожить, только бы покой достать. Знаешь, навалитъ на тебя, принимай, все бери и неси—пришла бѣда, Богъ посѣтилъ!—терпѣливо и кротко неси, все это знаешь, тысячу разъ переслушалъ и передумалъ, ладно, хорошо это все, послѣ хорошо, когда вынесешь, а пока, хоть на край свѣта...

До края свѣта далеко,—до Парижа доѣхалъ.

Помню, какъ впервые попалъ я въ Парижъ, ну, какъ домой, такъ мнѣ все было близко, и все, какъ свое, московское. И я все ходилъ и смотрѣлъ: позанимаюсь, какъ дома, посижу, погнусь у стола, и смотрѣть — всякую диковинку хотѣлъ высмотрѣть. А диковинки тамъ со всей земли собраны, есть посмотрѣть чего! Да и такъ, если и нѣтъ ничего, тамъ себѣ придумаютъ: послѣдній твой сарай *палэ* у нихъ называется, дворецъ по-нашему, палацъ, и самый грязнѣющій постоялый дворъ за *отель* идетъ,—гостиница! И есть, на бульварахъ видѣлъ, туфельки изъ перьевъ самой маленькой птички райской, изъ перышковъ ея тоненькихъ сшиты, въ окнѣ стоятъ, семьдесятъ пять тысячъ франковъ цѣна, тысячъ тридцать по-нашему! Прочиталъ молитву Богородичну, на сто дней, по-ихнему, отпущеніе грѣховъ себѣ получилъ, лазилъ и не разъ на соборъ къ колоколамъ, чудищъ смотрѣлъ,—и у насъ такія на Спасской башнѣ стоятъ, только попригляднѣе. А подъ Іаковой башней тоже чудища, тѣ зеленыя, какъ и во дворикѣ въ Клюни,—безъ добраго слова мимо пройти невозможно: понятливо такъ глядятъ, понятливыя...

Все то же и теперь, и въ этотъ разъ, такъ же огоньки на Сенѣ-рѣкѣ горятъ и знакомо все, вышелъ я на улицу—и не наша улица, не наши дома, не наши названія, а словно въ Таганкѣ, такъ знакомо все до послѣдняго камушка. По этой Таганкѣ иду, а что-то жутко, тревога растетъ,—это отъ убитости моей все стало такимъ, враждебно все—иду, руки стиснуты и зорко вглядываюсь, Господи, какъ проклятый, иду!—и одни эѳіопы, въ Парижѣ страсть эѳіоповъ сколько, учиться пріѣзжаютъ, одни они, черные, мурины, чѣмъ-то близкимъ кажутся, можетъ быть, цвѣтомъ своимъ отверженные отъ насъ, чувствуютъ они проклятость свою, и оттого смотрятъ такъ, такъ жалобно и ласково. Знай языкъ ихній, заговорилъ бы... Идешь по улицѣ стиснутый весь, тревога растетъ, шумъ, гамъ, стукъ стоитъ, кричатъ, выкрикиваютъ и все слышится: „Раки живые! Раки живые!“—будто нашъ разносчикъ кричитъ, и тревога еще больше и ужъ не смотришь, одно только и смотришь, какъ бы подъ автомобиль не попасть, музыка играетъ въ кафэ, прежде, бывало, услышишь и всегда зайдешь, кафэ-о-лэ, кофію спросишь, дадутъ тебѣ большущую рюмку—въ рюмкахъ, не въ чашкахъ подаютъ, и сидишь, пьешь, слушаешь и легко, а теперь и калачомъ не заманишь, дальше, куда-то все дальше, пройдешь мимо Клюни, мимо садика со звѣрями каменными, которые звѣри такъ понятливо смотрятъ, поздороваешься со звѣрями и дальше—да куда же?—на край свѣта!

Поздно я пріѣхалъ, май кончался—послѣдніе майскіе дни. Только что прошелъ праздникъ Господенъ и по вечерамъ за всенощной выносили Дарохранительницу и крестнымъ ходомъ обходили съ ней церковь, по церкви впереди дѣвочки, фатою покрытыя, съ бѣлоснѣжнымъ знаменемъ — на знамени вышита шелками Божія Матерь, за ними народъ со свѣчами, мужчины одни,—свѣчи большія, какъ наши рублевыя, а за народомъ балдахинъ несутъ и подъ балдахиномъ идутъ священники, главный въ обѣихъ рукахъ Дарохранительницу несетъ, передъ балдахиномъ мальчики съ красными фонариками на высокихъ шестахъ.

Услышалъ я звонъ у св. Сюльпиція, такъ и толкнуло меня, вѣчевой звонъ, всякій вечеръ когда-то я слушалъ его, вѣчевой нашъ звонъ, да скорѣе по знакомой улицѣ, по Таганкѣ нашей—и съ закрытыми глазами дорогу найду!

Крестный ходъ вышелъ, играли въ Божьи органы, шли со свѣчами—свѣчей было много, словно у насъ на двѣнадцать евангелій, на Спасныя страсти. Я такъ и сталъ и смотрѣлъ, во всѣ глаза смотрѣлъ, и тутъ-то и увидѣлъ, надъ согнутыми спинами, надъ головами, надъ дорогими свѣчами, какое бѣлое, снѣговобѣлое, плыло бѣлое знамя Богородицы.

И я увидѣлъ, какъ старыя бабушки, старушки въ черномъ,—имъ не полагается въ крестномъ ходу со свѣчкой итти,—жались онѣ въ проходѣ и все внучатъ счастливыхъ своихъ, дѣвочекъ, покрытыхъ фатой, уряжали и прихорашивали—передавали имъ это знамя бѣлое, которое и сами носили когда-то въ свои счастливые годы, и плакали, за внучатъ просили Матерь Божію, за дѣтей, за тѣхъ, кто идетъ на смѣну имъ, за весь свой великій народъ.

Впереди меня стояли двѣ барышни, такъ не

очень казисто одѣты, шляпки, поди, по франку, сначала-то я и не замѣтилъ, а тутъ упящѣлъ: и такъ онѣ молились—сама держится за спинку стула и все ниже голову наклоняетъ и долго-долго такъ стоитъ, напрягшись, прижмется лбомъ къ спинкѣ, и брови сдвинуты крѣпко.

И о чемъ это онѣ такъ молились? и къ знамени бѣлому поворачивали голову и смотрѣли такъ, провожая бѣлое знамя, чего онѣ просили? или тужили о чемъ?

Трудно живется... Божія Матерь — бѣлое знамя—Она и тутъ, Она у всѣхъ, Она Матерь Божія, Ее онѣ просили помочь: трудно живется, тревожно, — утромъ проснешься и подумать страшно, что-то ждетъ тебя,—невѣрные дни и часы, и минуты невѣрныя. Дома что-нибудь случилось, боленъ ли кто, или свое, личное свое горе, нужда ли, бѣда ли настигла—пришла бѣда, Богъ посѣтилъ!—да, да, такъ это, вѣрно, а вынести-то трудно, помощи онѣ просятъ, силъ ужъ, видно, нѣтъ, посмотрятъ на знамя и опять опустятъ голову и въ спинку стула уткнутся, да долго-долго такъ, словно и не дышатъ, нѣтъ, дышатъ, по спинѣ видно—муравьи по спинѣ бѣгаютъ, видно.

Погасили свѣчи, поставилъ священникъ Дарохранительницу на престолъ, унесли и бѣлое знамя, сталъ народъ расходиться—все бабушки въ черномъ, старыя старушки, и я пошелъ за ними и какъ-то, точно въ первый разъ,—раньше-то, тогда-то я все диковинки смотрѣлъ, а тутъ людей увидѣлъ живыхъ, и ужъ шелъ прямо, не таясь, не сжимаясь.

Трудно живется... Какой-то старикъ у Люксембургскаго сада едва слышно, отъ старости у него и всякій голосъ пропалъ, сипло выговариваетъ, а самъ, поди, думалъ, что выкрикиваетъ, названіе газеты—Биржовки нашей, и тутъ же кричали, словно ихъ рѣзали:

— Биржевая! Биржевая!—кричали на всю улицу.

И старика никто не слышалъ. Старикъ едва на ногахъ стоитъ, и куда онъ пойдетъ?—не покупаютъ у него, и газетъ у него штуки три, куда ему дѣваться, на ночь глядя, вѣдь скоро ночь!

Трудно живется...

Нѣтъ, не проклятый, какъ свой, ходилъ я по улицамъ, я снова обошелъ всѣ знакомыя улицы, сызнова прошелъ Парижъ и тамъ, у самыхъ нарядныхъ и богатыхъ домовъ, гдѣ со всей земли собраны были диковинки, и въ отдаленныхъ кварталахъ у бѣдноты и нищеты, и проголоди всякой, и тамъ, и тамъ, столько горькаго бѣды и такой тревоги, и такой измученности и тѣсноты, я взобрался на холмъ къ *Святому Сердцу*—на верегы тѣсно жались дома, и глиняные горшки на трубахъ торчали, какъ обрубки молебно простертыхъ рукъ. И я вспомнилъ, какъ тѣ двѣ барышни, тѣ у св. Сюльпиція, провожали бѣлое знамя, и какъ похожи были лица ихъ на эти дома, тѣсно прижатые другъ къ другу съ обрубками молебно простертыхъ рукъ".

„Капитанъ" А. Куприна.

(„Новая Жизнь", январь).

Разсказываетъ о немъ, капитанѣ, матросъ, служившій когда-то подъ его командой на кораблѣ „Утренняя Звѣзда". Матроса въ кабачкѣ случайный собесѣдникъ угощаетъ ромомъ, ну, а ромъ, извѣстно, хорошо развязываетъ языкъ...

„На ненаблюдательнаго человѣка,—разсказываетъ морякъ про своего капитана,—онъ, пожалуй, могъ бы произвести впечатлѣніе лѣнтая. Въ то время, когда наше плаваніе шло благополучно, онъ полу-сидѣлъ, полу-лежалъ на ютѣ, въ своемъ излюбленномъ плетеномъ креслѣ-качалкѣ, пилъ замороженное бѣлое вино и, время отъ времени, бросалъ своему огромному сенъ-бернару „Prego" куски льда, которые песъ ловилъ и глоталъ съ жадностью".

Такимъ „лѣнтяемъ", и только, остался бы капитанъ, вѣроятно, навсегда въ глазахъ нашего матроса, если бы не случай,—случай, показывающій, какую силу духа, да еще какого духа, подчасъ таитъ въ себѣ самая обыкновенная на видъ флегма.

„...Въ Индійскомъ океанѣ, между, такъ, приблизительно, седьмымъ и девятымъ градусомъ, мы попали въ штиль. Вы сами понимаете, что при безвѣтріи парусное судно совершенно беззащитно. И мы двѣ недѣли простояли на одномъ мѣстѣ, въ полосѣ, гдѣ не было даже теченія. Тутъ пошло несчастье за несчастьемъ. Живой скотъ, который мы забрали съ собою, весь переокотѣлъ отъ какой-то странной болѣзни: не то чумы, не то ящура, не то оспы. Потомъ отъ страшной тропической жары у насъ загнила и испортилась пръсная вода. Мы пробовали ее кипятить, но изъ этого ничего путнаго не выходило. Вскорѣ вышелъ не только хлѣбъ, но и сухари. Тогда на обѣдъ намъ стали давать какую-то вонючую болтушку изъ воды и консервовъ. Мы, русская матросня, называли это кушанье бурдой, а еще бурдымагой. Ахъ, если бы вы знали, господинъ,—какая это звѣрская штука стоять среди моря, не видѣть береговъ, бездѣйствовать, прислушиваться къ урчанію въ собственномъ разстроенномъ желудкѣ и, вдобавокъ, такъ париться подъ лучами тропическаго солнца, что даже ужъ и потъ не выступаетъ изъ тѣла. Всѣ мы раз-

нервничались до послѣдней степени. Какъ взбѣсившіяся отъ жары собаки, ходили мы другъ вокругъ друга, рычали, оскаливали зубы".

А тутъ еще, какъ на грѣхъ, младшій штурманъ, въ порывѣ безсознательнаго, стихійно всѣхъ охватившаго раздраженія, ударилъ по лицу кока—повара—молчаливаго, гордаго поляка. Въ ту же ночь кѣмъ-то было разбито стекло компаса и вырвана безслѣдно магнитная стрѣлка... „Мы, команда, конечно, знали, кто это сдѣлалъ, но молчали изъ особаго чувства товарищества, — товарищества, которое можно вполнѣ понять и оцѣнить только на морѣ".

Положеніе судна оказывается весьма серьезнымъ (запаснаго компаса, надо замѣтить, не было на „Утренней Звѣздѣ"), особенно когда штиль смѣнился, по обыкновенію, циклономъ.

„Сгрудились тучи, подулъ ураганъ, и мы понеслись куда-то, во мракъ и неизвѣстность, точно насъ сзади гнали тысячи дьяволовъ. Если я вамъ попробую разсказать объ этомъ шабашѣ моря, вѣтра, дождя и громыханія на небѣ, то вы не повѣрите. Ну, представьте себѣ волны, вышиною съ восьмиэтажный домъ, или вообразите себѣ ледяныя горы, на которыя то поднимаешься, то опускаешься, точно на салазкахъ. Волны обхватываютъ палубу и сбиваютъ людей съ ногъ, точно это не люди-богочеловѣки, а мусоръ и щепки. Послѣ шести часовъ огромныхъ усилій мы остались только съ двумя мачтами—среднимъ гротомъ и бизанью. Остальныя три сломало ураганомъ, и мы, прямо съ нечеловѣческими усиліями, едва смогли ихъ обрубить топорами и выбросить за борта, которые онѣ исковеркали своимъ паденіемъ. Кромѣ того, у насъ ударомъ волны сорвало руль. Въ трюмѣ оказалась пробоина, подъ которую съ неимовѣрной трудностью подвели пластырь.

Ахъ! Клянусь вамъ Богомъ, даже до сихъ поръ, когда во время безсонницы я вспоминаю эту ужасную ночь, я весь покрываюсь холоднымъ потомъ отъ страха...

Вмѣсто того, чтобы надѣть чистыя рубашки и приготовиться къ смерти, мы разбили камбузъ и выпили весь ромъ, находившійся въ боченкахъ. Давнишнее озлобленіе, испугъ отчаянія, опьяненіе превратили насъ въ зѣрей. Не помню, кто, думаю, что тотъ же поляхъ, нашъ поваръ, первый подалъ злосчастную мысль, и вотъ, мы, почти вся команда, загнали боцмана Карпягу на бакъ и приказали ему свистать сигналъ:

— Всѣ наверхъ! капитана за бортъ кидать!

Сопротивляться велѣнію команды, да еще торговаго судна, да еще парусника, врядъ ли отважится даже самый непреклонный боцманъ, и онъ засвисталъ въ свою боцманскую трубку.

Всѣ мы разъяренной толпой, пьяные, возбужденные, испуганные близостью смерти, съ ругательствами почти на всѣхъ языкахъ міра, высыпали на палубу. Капитанъ стоялъ на своемъ мостикѣ. Казалось, онъ совсѣмъ не потерялъ своего обычнаго хладнокровія, но всѣ мы, увидѣвъ у него въ рукѣ большой кольтовскій револьверъ, остановились на двѣ или на три минуты и только лаяли на него, какъ трусливые псы.

Онъ крикнулъ на насъ сверху внизъ:

— Пьяная сволочь! Трусы! Двѣнадцать человѣкъ изъ васъ я убью навѣрняка, а остальные будутъ завтра же повѣшены мною на кокахъ.—И тутъ же, почти не цѣлясь, онъ выстрѣлилъ, и нашъ таинственный кокъ упалъ на доски палубы, съ пробитымъ насквозь черепомъ. И почти въ тотъ же моментъ—точно смерть этого человѣка была какой-то умиротворительной жертвой, кто-то изъ команды радостно воскликнулъ:

— Земля, съ лѣваго борта!!

Но только оказалось, что это вовсе не земля, а длинный коралловый барьеръ, на который насъ несло съ ужасающей скоростью. И черезъ нѣсколько мгновеній мы увидѣли огромные гребни бѣлой пѣны, перекатывающейся черезъ рифы, и услышали грозный ревъ морского прибоя.

Тутъ я остро и мучительно почувствовалъ, какъ смерть заглянула мнѣ въ глаза своими пустыми глазницами. Вотъ, тутъ-то капитанъ и показалъ себя человѣкомъ громадной власти, знанія, находчивости и необычайной красоты. Онъ, вдругъ, закричалъ голосомъ, который заглушилъ даже ревъ бурунова:

— Живо пошелъ всѣ по вантамъ! Поворотъ на фордевиндъ!!!

И почти мгновенно, точно толкнутые чудесной волей этого человѣка, мы уже расыпались по двумъ оставшимся мачтамъ, готовые сдѣлать этотъ опаснѣйшій изъ маневровъ, какіе только бываютъ на свѣтѣ.

И, правда, мы его сдѣлали, только слегка черкнувъ килемъ по мелководью. Ахъ! Если бы вы знали, что съ нами дѣлалъ тогда вѣтеръ! Навѣрное, поистинѣ, должно быть, Николай Угодникъ сжалился надъ нашими грѣшными тѣлами и грязными душами!

Черезъ четверть часа, а, можетъ быть, и черезъ полчаса—въ эти моменты борьбы со смертью развѣ можно расчислить время?—мы опять повернулись спиною къ вѣтру и прежнимъ, бѣшенымъ ходомъ понеслись, Богъ знаетъ, куда. И надо сказать, что геній ли капитана или его колоссальное счастье помогли намъ.

Мы съ бѣшеной скоростью попали на громадную волну, перескочили черезъ сравнительно глубокое мѣсто и очутились въ тихомъ, почти спокойномъ водномъ пространствѣ, достаточной глубины. И почти тотчасъ же засіяли намъ навстрѣчу огни какого-то селенія. Потомъ оказалось, что это былъ островъ Гальмагера (Джимоло)...

Мы спокойно спустили якорь и стали покорно зализывать раны, нанесенныя моремъ „Утренней Звѣздѣ“. У всѣхъ насъ, вѣроятно, было то же ощущеніе, какъ у меня: стыдъ передъ капитаномъ и вѣчная благодарность ему. Все это случилось, какъ разъ, въ ночь подъ Рождество, а мы чувствовали себя, какъ нищіе. Утромъ капитанъ поручилъ начальство надъ судномъ старшему помощнику и съѣхалъ на берегъ. Должно быть, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, насколько глубока бухта. Но мы думали совсѣмъ иное, и не одинъ изъ насъ въ часы долгаго, мучительнаго ожиданія облюбовывалъ себѣ ножъ, на которомъ ему скоро придется болтаться. Тутъ же мы узнали отъ штурмана, что капитанъ самъ въ продолженіе нашего бѣдствія ползъ тропинками питался той же бурдамагой, какъ и мы, и пилъ такую же гнилую воду. Повторяю, что хорошаго мы для себя ничего не ожидали. И, вотъ, представьте себѣ наше удивленіе. Вдали показывается шлюпка. Всѣ мы слѣдимъ за нею и за ея ходомъ съ громаднымъ напряженіемъ. Морскіе глаза зоркіе. Издали замѣчаемъ, что капитана на ней нѣтъ. Очевидно, онъ остался въ городѣ. Но шлюпка подходитъ все ближе и ближе. И, вдругъ, мы раскрываемъ рты отъ изумленія: со шлюпки доносится какой-то странный визгъ, всхлипываніе и рычаніе. Короче сказать, вскорѣ мы убѣдились въ томъ, что это извизгиваютъ дѣ огромныхъ свиньи, у которыхъ связаны передніе и заднія ноги. Что руководило великодушнымъ сердцемъ капитана, я до сихъ поръ понять не могу. Кромѣ свиней, въ шлюпкѣ оказалось пуда три прекраснаго кукурузнаго хлѣба, два пуда баранины, пять битыхъ гусей, боченокъ свѣжей, прохладной воды, два боченка прекраснаго англійскаго пива и невѣдомо откуда добытый плумъ-пудингъ.

Когда наверхъ по трапу взобрался боцманъ Иванъ Карпаго, не то веселый, не то строгій, но, кажется, чего-то уже хватившій спиртного въ городѣ, мы кинулись къ нему съ разспросами:

— Что капитанъ? Какъ капитанъ? Что говорилъ?

Онъ отвѣтилъ намъ, самодовольно разглаживая бороду, которую онъ носилъ подъ англичанина:

— Капитанъ поздравляетъ насъ съ Рождествомъ, посылаетъ намъ провизію, а также пиво и ромъ, чтобы мы опохмелились послѣ вчерашняго.

Мы не могли поднять глазъ другъ на друга. Ужъ, право, лучше было бы болтаться на ножѣ, чѣмъ быть подавленнымъ величіемъ души этого человѣка.

Замѣчательно, что во все время, пока мы чинились, а потомъ сдавали наши земледѣльческія машины въ Мельбурнѣ и пока шли обратно въ Ливерпуль, признавъ громадный грузъ живыхъ барановъ, онъ никому не вспоминалъ прежней ссоры. Но зато врядъ ли на какомъ-нибудь суднѣ, когда-нибудь испытывали люди такое безпредѣльное обожаніе, какъ къ этому человѣку. Не было, мнѣ кажется, ни одного изъ матросовъ, который, по первому его жесту, безъ всякаго колебанія, не прыгнулъ бы за бортъ. И, вотъ, появись онъ теперь между нами и прикажи мнѣ сдѣлать геройскій поступокъ или преступленіе, — я не задумаюсь ни на одну секунду исполнить его волю.

А онъ все время, какъ будто ни въ чемъ не бывало, лежалъ на своемъ креслѣ-качалкѣ, пилъ бѣлое вино и кидалъ куски льда своему сенъ-бернару „Prego“.

Изъ „записной книжки“ Чехова.

[92 (Ч) : 8].

Вмѣстѣ съ А. Измайловымъ хочется повторить удивленно и восхищенно, пробѣгая страницы чеховской „Записной книжки“ въ посвященномъ мѣликомъ ему второмъ сборникѣ „Слова“: „милліонеръ, милліонеръ!“ Сколько прелестныхъ, благоуханныхъ цвѣтовъ успѣлъ взрастить, за короткую свою жизнь, этотъ столь богато одаренный человѣкъ въ цвѣтникѣ своего художественнаго творчества. Но еще сколько нераспустившихся цвѣтовъ осталось тамъ послѣ него, въ такъ рано заглохшемъ „саду“!..

Въ упомянутомъ сборникѣ даны неизданныя драматическія и беллетристическія произведенія А. П., его публицистическія статьи изъ „Новаго Времени“, письма къ нему нѣкоторыхъ видныхъ писателей, но наибольшую цѣнность представляютъ безусловно тѣ сохранившіеся среди бумагъ покойнаго наброски и замѣтки для будущихъ сочиненій, планы задуманныхъ произведеній и т. п., что вошли въ рубрики: „Темы, мысли, замѣтки, отрывки“ (такъ назвалъ этотъ сырой, *подготовительный* ма-

теріалъ самъ Чеховъ) и „Изъ записной книжки“. Извлеченія, дѣлаемыя здѣсь нами, распадаются по своему характеру на три группы.

Темы, замѣтки, отрывки.

У писарей въ канцеляріи начальника острова съ похмелья болятъ головы. Хочется пить. Денегъ нѣтъ. Что дѣлать? Одинъ изъ нихъ, каторжникъ, присланный за фальшивыя бумажки, изобрѣтаетъ способъ. Онъ идетъ въ церковь, гдѣ на клиросѣ поетъ бывшій офицеръ, присланный за пощечину, и говоритъ ему, запинаясь:

— Идите, вамъ пришло помилованье! Телеграмму сейчасъ въ канцеляріи получили.

Бывшій офицеръ блѣденъ, дрожитъ, еле идетъ отъ волненія.

— А за такое извѣстіе съ васъ на водку слѣдовало бы,—говоритъ писарь.

— Возьми все! Все!

И отдаетъ ему рублей пять... Приходитъ въ канцелярію. Офицеръ боится умереть отъ радости и держится за сердце.

— Гдѣ телеграмма?

— Бухгалтеръ спряталъ. (Идетъ къ бухгалтеру.)

Общій смѣхъ и приглашеніе выпить.

— Какой ужасъ!

Потомъ офицеръ недѣлю боленъ.

Взрослыя дѣти, говоря за обѣдомъ о религіи, критикуютъ посты, монаховъ и пр. Старуха-мать сначала выходитъ изъ себя, потомъ, очевидно привыкнувъ, только усмѣхается, и потомъ наконецъ неожиданно заявляетъ дѣтямъ, что они убѣдили ее, что она ихней вѣры. Дѣти почувствовали себя нехорошо, и имъ было непонятно, что теперь старуха станетъ дѣлать.

Бездарный ученый, тупица, прослужилъ 24 года, не сдѣлавъ ничего хорошаго, давъ міру десятки такихъ же бездарныхъ узкихъ ученыхъ, какъ онъ самъ. Тайно по ночамъ онъ перелистаетъ книга—это его истинное призваніе: здѣсь онъ артистъ и испытываетъ наслажденіе. Къ нему ходитъ переплетчикъ, любитель учености. Тайно по ночамъ занимается наукой.

Страшная бѣдность. Положеніе безвыходное. Мать вдова, дочь дѣвушка, очень некрасивая. Мать наконецъ собралась съ духомъ и совѣтуетъ дочери пити на бульваръ. Она когда-то въ молодости тайкомъ отъ мужа ходила, чтобы заработать на наряды; у нея есть нѣкоторый опытъ. Она учитъ дочь. Та идетъ, ходитъ до утра, но ни одинъ мужчина не беретъ ее: безобразна. Дня черезъ два или по бульвару три кавалеръ-безобразника и взяли ее. Она принесла домой бумажку, которая оказалась потерянымъ билетомъ, уже никуда негоднымъ.

Офицеръ съ женой ходили въ баню вмѣстѣ и мылъ ихъ обоихъ денщикъ, котораго, очевидно, они не считали за человѣка.

Переписка. Молодой человѣкъ мечтаетъ посвятить себя литературѣ, пишетъ постоянно объ этомъ отцу, въ концѣ концовъ бросаетъ службу, ѣдетъ въ Петербургъ и посвящаетъ себя литературѣ—поступаетъ въ цензора.

Семинаристъ въ деревнѣ зубритъ латынь. Каждые полчаса, побѣжитъ въ дѣвичью и, зажмуривъ глаза, щупаетъ пухъ, щиплетъ, онѣ визжатъ, хохочутъ — потомъ опять за книгу. Это онъ называетъ „освѣжиться“.

И она стала заниматься проституціей и уже спала на кровати, а обивщавшая тетя уже ложилась на коврикѣ около ея постели и вскакивала, когда звонились гости; а когда они уходили, она говорила жеманно, съ кокетливой гримасой:

— Оставьте что-нибудь горничной.

И ей иногда оставляли 15 коп.

20-ти лѣтъ любила Z., 24 вышла за N. не по любви, а по расчету, что это добрый, умный, идейный человѣкъ. Супруги N. живутъ хорошо, всѣ завидуютъ, и въ самомъ дѣлѣ жизнь проходитъ гладко, ровно, она довольна и, когда говоритъ о любви, высказываетъ то мнѣніе, что для семейной жизни нужна не любовь, не страсть, а привязанность. Но какъ-то вдругъ заиграла музыка, внутри въ груди вдругъ все тронулось, точно весенній ледъ, она вспомнила Z., свою любовь къ нему и съ отчаяніемъ подумала, что ея жизнь сгублена, испорчена навѣки, что она несчастна; — потомъ прошло. Черезъ годъ опять былъ такой же припадокъ при встрѣчѣ Новаго года, когда поздравляли съ новымъ счастьемъ, и въ самомъ дѣлѣ захотѣлось новаго счастья.

Барышня, кокетничая, болтаетъ: „Меня всѣ боятся... и мужчины, и вѣтеръ... Ахъ, оставьте! Я никогда не выйду замужъ!“ А дома бѣдность, отецъ пьетъ запоемъ. И если бы увидѣли, какъ она работаетъ съ матерью, какъ прячетъ отца, то проникнись бы къ ней глубокимъ уваженіемъ и удивились бы, почему она

такъ стыдится бѣдности, труда и не стыдится этой болтовни.

Воспитавіе.—„Живите какъ слѣдуетъ“,—говорилъ отецъ. И жили хорошо, и гуляли по два часа въ сутки, и умывались холодной водой, все же вышли несчастные, бездарные люди.

Было такое поэтическое вѣнчаніе, а потомъ—какіе дураки! какія дѣти!

Мальчикъ изъ хорошей семьи, капризъ, шалунъ, упрямый, измучилъ всю семью. Отецъ, чиновникъ, играющій на роялѣ, возненавидѣлъ его, завелъ въ глубину сада и съ удовольствіемъ высѣкъ, а потомъ стало противно; сынъ вышелъ въ офицеры, а ему все было противно.

N. ходитъ къ Х. каждый день, бесѣдуетъ, сочувствуетъ ему искренно; вдругъ Х. уѣзжаетъ изъ дому, гдѣ ему было такъ хорошо. N. спрашиваетъ его мать, отчего уѣхалъ. Та отвѣчаетъ: оттого, что вы ходили къ нему каждый день.

Классная дама N., идя вечеромъ домой, услышала отъ знакомой, что будто Х. влюбился въ нее, хочетъ сдѣлать предложеніе. N. некрасивая, никогда раньше не думавшая о бракѣ, придя домой, долго дрожать отъ страха, потомъ не спитъ, плачетъ, подъ утро влюбляется въ Х.; а въ полдень узнаетъ, что то было только предположеніе, что Х. женится не на ней, а на У.

— „Мама, Петя Богу не молился!“—Петю будятъ, онъ молится и плачетъ, потомъ ложится и грозится кулакомъ тому, кто пожаловался.

Доктору N., незаконнорожденному, никогда не жившему съ отцомъ и мало знавшему его, другъ дѣтства Z. — говоритъ въ смущеніи: „Дѣло въ томъ, что отецъ твой затосковалъ, болѣетъ, просить позволенія взглянуть на тебя хоть однимъ глазомъ“. Отецъ держитъ „Швейцарію“. Жаровая рыба, которую онъ беретъ руками, а потомъ уже вилкой. Водка отдаетъ сивухой. N. пошелъ, посмотрѣлъ, пообѣдалъ—никакого чувства, кромѣ досады, что этотъ толстый мужикъ съ просѣдью торгуетъ такой дрянью. Но однажды, проходя въ 12 часовъ ночи мимо, взглянулъ въ окно: отецъ сгорбившись сидитъ за книгой. Узналъ себя, свои манеры...

Супруги живутъ 18 лѣтъ и ссорятся. Наконецъ онъ признается ей въ измѣнѣ, какой никогда не было, и оба расходятся къ великому его удовольствію и къ великому гнѣву всего города.

Въ имѣніи богатая библіотека, о которой говорятъ, но которой сосѣдямъ не пользуются, варятъ жидкій кофе, который пить нельзя, въ салу безвкусица, вѣтъ цвѣтовъ,—и все это выдается за нѣчто, якобы, толстовское.

Чтобы изучить Ибсена, выучился по-шведски, потратилъ массу времени, труда и вдругъ повялъ, что Ибсенъ не важный писатель; и никакъ не могъ понять, что ему теперь дѣлать со шведскимъ языкомъ.

N.—сынъ знаменитаго отца; онъ хорошъ, но что бы онъ ни сдѣлалъ, всѣ говорятъ: да, но все-таки это не отецъ. Однажды онъ участвовалъ въ вечерѣ, читалъ, всѣ имѣли успѣхъ, а про него говорили: да, но все-таки это не отецъ. Вернувшись домой и ложась спать, онъ взглянулъ на портретъ отца и погрозилъ ему кулакомъ.

N., отставной д. с. с., живетъ въ деревнѣ, ему 66 лѣтъ. Онъ образованъ, либералъ, читаетъ, любитъ поспорить. Отъ гостей слышитъ, что новый слѣдователь Z. ходитъ въ одной туфлѣ и въ одномъ сапогѣ и живетъ незаконно съ какой-то особой. N. все время думаетъ о Z., все время говоритъ о немъ, какъ это онъ-де ходитъ въ одной туфлѣ и живетъ съ чужой женой; все говоритъ объ этомъ, наконецъ даже идетъ къ своей женѣ спать (онъ не спитъ съ ней уже 8 лѣтъ), волнуется и все говоритъ объ Z. Наконецъ его хватаетъ ударъ; онѣмѣется рука и нога—и все отъ волненія. Докторъ. Разговоръ и съ нимъ о Z. Д-ръ говоритъ, что онъ знакомъ съ Z., что Z. носитъ уже два сапога (нога уже здорова) и женился на своей дамѣ.

N. кутитъ съ пасынкомъ-студентомъ, потомъ ѣдетъ въ домъ терпимости. Утромъ студентъ уѣзжаетъ, пора ему уѣхать, N. провожаетъ. Студентъ читаетъ нотацію за дурное поведеніе, ссорятся. N.:—я тебя, какъ отецъ, проклинаю.—И я тебя проклинаю.

Н. Н. В. никогда не соглашается ни съ чьимъ мнѣніемъ: „Да, это потолокъ бѣлый, допустимо, но бѣлый цвѣтъ, насколько извѣстно, состоитъ изъ семи цвѣтовъ спектра, и очень возможно, что здѣсь одинъ изъ этихъ цвѣтовъ

темнѣе или свѣтлѣе, чѣмъ нужно для того, чтобы былъ бѣлый цвѣтъ; я сначала подумалъ бы, прежде чѣмъ сказать, что онъ бѣлый".

Мнѣніе профессора: не Шекспиръ главное, а примѣчанія къ нему.

Морская буря. Юристы должны смотрѣть на нее, какъ на преступленіе.

N. написалъ очень хорошую пьесу; и всякій не хвалитъ, не радуется, а говоритъ: посмотримъ-то, что вы теперь пишите!

глядя въ окно на покойника, котораго несутъ:—ты умеръ, тебя на кладбище несутъ, а я завтракать пойду.

и ему казалось, что его вездѣ уважаютъ и высоко цѣнятъ, вездѣ, даже въ желѣзнодорожныхъ буфетахъ, и потому онъ ѣлъ всегда съ улыбкой.

когда этотъ либералъ, пообѣдавъ безъ сюртука, шелъ къ себѣ въ спальню и я увидѣлъ на его спинѣ помочи, то такъ было понятно, что этотъ либералъ-обыватель безнадежный мѣщанинъ.

Мысли.

Бѣда въ томъ, что самые простые вопросы мы стараемся рѣшать хитро, а потому и дѣлаемъ ихъ необыкновенно сложными. Нужно искать простое рѣшеніе.

Чужими грѣхами святъ не будешь.

Обыкновенные лицемѣры прикидываются голубями, а политическіе и литературные — орлами.

Я замѣтилъ, что, женившись, перестаютъ быть любопытными.

Надо быть яснымъ умственно, чистымъ нравственно и опрятнымъ физически.

Женщины безъ мужского общества блекнутъ, а мужчины безъ женскаго глупѣютъ.

Не такъ связываютъ любовь, дружба, уваженіе, какъ общая ненависть къ чему-нибудь.

Мертвые срама не имутъ, но смердятъ страшно.

Есть писатели, у которыхъ каждое произведеніе въ отдѣльности блестяще, въ общемъ же эти писатели неопредѣленны, у другихъ же каждое произведеніе не представляетъ ничего особеннаго, но зато въ общемъ они опредѣленны и блестящи.

Вѣра есть способность духа. У животныхъ ея нѣтъ, у дикарей и неразвитыхъ людей — страхъ и сомнѣнія. Она доступна только высокимъ организаціямъ.

Университетъ развиваетъ всѣ способности, въ томъ числѣ глупость.

Измѣнившая жена—это большая, холодная котлета, которой не хочется трогать, потому что ее уже держалъ въ рукахъ кто-то другой.

Любовь. Или это остатокъ чего-то выражающагося, бывшаго когда-то громаднымъ, или же это часть того, что въ будущемъ разовьется въ нѣчто громадное, въ настоящемъ же оно не удовлетворяетъ, дастъ гораздо меньше, чѣмъ ждешь.

Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, то ничего не дѣлай.

Жизнь кажется великой, громадной, а сидишь на пятачкѣ.

Если боишься одиночества, то не женитесь.

Фаустъ: чего не знаешь, то именно и нужно тебѣ; а что знаешь, тѣмъ не можешь пользоваться.

если-бы, положимъ, мнѣ выйти замужъ, то я бы убѣжалъ черезъ два дня, а женщина свыкается въ домѣ мужа такъ скоро, точно родилась въ немъ.

Внутренне содержаніе этихъ женщинъ такъ же сѣро и тускло, какъ ихъ лица и наряды; онѣ говорятъ о наукѣ, литературѣ, тенденціи и т. п. только потому, что онѣ жены и сестры ученыхъ и литераторовъ; будь онѣ женами и сестрами участковыхъ приставовъ или зубныхъ врачей, онѣ съ такимъ же рвеніемъ говорили бы о пожарахъ или зубахъ. Позволять имъ говорить о наукѣ, которая чужда имъ, и слушать ихъ, значитъ льстить ихъ невѣжеству.

если ты политически благонадеженъ, то этого достаточно, чтобы быть вполнѣ удовлетворительнымъ гражданиномъ; то же самое и у либеральныхъ: достаточно быть неблагонадежнымъ, чтобы все остальное было какъ бы не замѣчаемо.

Когда хочется пить, то кажется, что выпьешь цѣлое море—это вѣра; а когда станешь пить, то выпьешь всего стакана два—это наука.

Все, чего не могутъ старики, запрещено или считается предосудительнымъ.

Звѣзды погасли уже давно, но все еще блестятъ для толпы.

Вы должны имѣть практичныхъ, хорошо одѣтыхъ дѣтей, а ваши дѣти тоже должны имѣть хорошую квартиру и дѣтей, а ихъ дѣти тоже дѣтей и хорошія квартиры, а для чего это — чортъ его знаетъ.

Мы хлопочемъ, чтобы измѣнить жизнь, чтобы потомки были счастливы, а потомки скажутъ

по обыкновенію: прежде лучше было, теперешняя жизнь хуже прежней.

Теперь, когда порядочный рабочій человѣкъ относится критически къ себѣ и своему дѣлу, то ему говорятъ нытикъ, бездѣльникъ, скучающій; когда же праздный пройдоха кричитъ, что надо дѣло дѣлать, то ему апплодируютъ.

Чѣмъ человѣкъ (крест.) глупѣе, тѣмъ легче его понимаетъ лошадь.

Бутоны чеховскаго юмора.

Post coitum:—Мы, Болдыревы, всегда отличались крѣпкимъ здоровьемъ...

разница между мужчиной и женщиной: женщина, старѣя, все болѣе и болѣе углубляется въ бабьи дѣла, а мужчина, старѣя, все болѣе и болѣе уходитъ отъ бабьихъ дѣлъ.

— Вы хотите ѣсть?—Нѣтъ, наоборотъ.

...— И вотъ вышелъ онъ во всѣхъ своихъ регаліяхъ. — А какія у него регаліи? — Бронзовая медаль за труды по переписи 97 г.

Ѣхать съ женой въ Парижъ все равно, что ѣхать въ Тулу со своимъ самоваромъ.

Рецензентъ N. живетъ съ актрисой Х. Бенефисъ. Пьеса подлая, игра бездарная, но N. обязанъ хвалить. Онъ пишетъ кратко: И пьеса и бенефиціантка имѣли большой успѣхъ. Подробности завтра". Написалъ послѣднія два слова и легко вздохнулъ. На другой день идетъ къ Х., та отворяетъ дверь, даетъ поцѣловать себя и обнять и съ ядовитымъ лицомъ говоритъ: — подробности завтра!

Х: отъ квасу у меня начались въ животѣ холерные безпорядки.

Въ любовномъ письмѣ: „прилагаю на отвѣтъ марку".

Настоящій мужчина состоитъ изъ мужа и чина.

Огнецъ Іерохиромандритъ.

Почва такая хорошая, что если посадить въ землю оглоблю, то черезъ годъ вырастетъ тарантасъ.

Среди серьезной рѣчи маленькому сыну: застегни брюки!

У плохого поэта былъ стихъ: какъ саранча, летѣлъ онъ на сенданье.

— Онъ, господинъ мировой судья, обозвалъ мою собаку такъ: сукинъ сынъ.

Богатый купецъ хочетъ, чтобы у него патеръклозетъ былъ съ душемъ.

Когда онъ узналъ, что отецъ его получилъ дворянство, то сталъ подписываться такъ: Алексѣй.

— по этой части онъ съѣлъ собаку,— охъ, ахъ, не говорите такъ, наша мама очень брезглива.

— теперь я за третьимъ замужемъ... Перваго звали Иванъ Макарычемъ... второго Петръ. Петр.. забыла!

робкій молодой человѣкъ пріѣхалъ въ гости, остался ночевать; вдругъ вошла старуха лѣтъ 80, глухая, съ клистирной кружкой и поставила ему клистиръ; онъ, думая, что это такъ принято, не протестовалъ; на утро оказалось, что старуха отбилась.

Т. Г. Шевченко.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

[891.79.09:92(Ш)]

Въ этомъ году, 25-го февраля, исполнилось столѣтіе со дня рожденія замѣчательнаго малороссійскаго поэта Шевченко. Нужно сказать, что Шевченко, несмотря на то, что его произведенія написаны на малороссійскомъ нарѣчіи, въ значительной степени принадлежитъ русской жизни и дѣйствительности, поэтому мы привыкли относиться къ нему не только съ признаніемъ, какъ къ крупному поэту, но и съ любовію.

Въ настоящемъ № „В. Л. и Ж." мы останавливаемся на интереснѣмъ очеркѣ, посвященномъ поэту Корнѣемъ Чуковскимъ, очень ярко подчеркнувшимъ въ Шевченкѣ характерныя черты его личности и творчества.

„Украинскій языкъ, пишетъ К. Чуковскій, такой журчащій, щебечущій, какъ будто созданный для нѣжныхъ, любовныхъ рѣчей: Ясочка моя, ласочка моя, зіронька ясная! — сталъ у Шевченка еще нѣжнѣе и ласковѣе, ибо вопистину Шевченко самый нѣжный и ласковый изо всѣхъ во всемъ мірѣ поэтовъ.

Когда онъ пишетъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ, вотъ объ этихъ своихъ наймичкахъ и покрыткахъ, онъ не только ихъ любитъ, не только жалѣетъ, онъ тутъ же, на страницахъ, какъ бы ласкаетъ ихъ, береть ихъ за руку, гладитъ по головѣ,— и нечеловѣческая нѣжность, небывалая, обожаніе безмѣрное наполняетъ его всего,— восторгъ обожанія, экстазъ обожанія и нѣжности, какого не знаетъ ни одинъ поэтъ, и часто, не въ силахъ сдержать такой внезапный напливъ умиленія, вотъ онъ падаетъ ницъ и начинаетъ молиться объ этой „ясочкѣ", „ласочкѣ" — Катеринѣ, Оксанѣ, Марьянѣ:

О, Боже мій милий,
За що ж Ти караєш її молоду?
За те, що так щиро вона полюбила
Казацкі очі? Прости сироту!
Кого ж ій любити? Ні батька, ни неньки,
Одна, як та пташка въ далекім краю.

Пошли ж Ти їй долю,— вона молоденька,
Бо люди чужі її засміють.
Чи ж винна голубка, що голуба любить?
Чи винен той голуб, що сокіл убив?

Видите, онъ на колѣняхъ, онъ простираетъ руки, онъ представительствуетъ передъ Богомъ за свою „голубку", „пташку", „сироту", Оксану, Марьяну, Катерину, онъ проситъ для нея прощенія и милости, и собою готовъ заслонить ее отъ карающаго гнѣвнаго Бога.

О, Боже мій милий,
За що ж Ти караєш її молоду?

Это его юные стихи, едва ли не первые изъ напечатанныхъ, но и съ старости то же самое. Почти передъ смертью твердитъ онъ ту же молитву все о той же „пташкѣ", „голубкѣ", „сиротѣ": Веселий рай пошли їй, Господи, подай! Подай їй долю на цим світі! Начавъ говорить о ней, онъ естественно и неизбѣжно всегда приходитъ къ молитвѣ. Заброшенный въ пустыню, на безлюдный какой-то островъ, за тысячу верстъ отъ всѣхъ любимыхъ и близкихъ, снова съ той же безмѣрною нѣжностью молится онъ о покруткѣ:

— „Мій Боже милий!— ниспошли моимъ словамъ святую власть проникать у людей сердца, вызывать у нихъ слезы, чтобы осѣнило ихъ милосердіе, чтобы стало имъ жаль моихъ дѣвушекъ, т.-е. опять-таки тѣхъ же „найменчекъ", униженныхъ и оскорбленныхъ.

И замѣтьте, одно изъ этихъ стихотвореній создалось въ 1838 г., другое въ 1848 г., третье въ 1858 г., и, значитъ, молитвенный этотъ экстазъ былъ у него не случайный, а проходилъ черезъ все его творчество. Вотъ и еще такая же молитва о такой же обездоленной женщинѣ:

Ти сирота. Нема нікого,
Опріче праведнаго Бога.
Молися ж, серце. Помолюсь
І я з тобою.

Но этого мало, и въ концу своей страдальческой жизни этотъ одинокій и необласканный человѣкъ скопилъ у себя въ душѣ такіе запасы нерастраченной нѣжности, что она изливалась у него черезъ край, и странное, безумное, почти невозможное слово сказалъ онъ тогда о своей „голубкѣ" и „пташкѣ": *святая!* Святая Катерина! Святая Оксана! Чрезмѣрная нѣжность дошла до предѣла и вотъ перешла за предѣлъ! „Святая" твердитъ онъ о той, которую прежде ласкательно звалъ только квиточкой, ласочкой, серденькомъ.—„Многострадалица *святая*!" говоритъ онъ о крѣпостной рабѣ. Обманутая, огубленная женщина теперь тоже у него „*святой* ангелъ", и онъ вспоминаетъ теперь „як сотнями в кайданах гнали въ Сібір невольників *святих*". И въ томъ безумцѣ, который ударилъ тирана и былъ имъ за это замученъ, онъ тоже чувствуетъ святость: „*святой* рыцарь", зоветъ онъ его [1]). И даже кіевлянъ угнетенныхъ величаетъ святыми: „Мої *святиі* кияне!" Въ поэмѣ „Солдатскій Колодезь" калѣка-солдатъ тоже оказался *святымъ*: святой Максимъ.

Это слово стало у Шевченка обиходнымъ, потому что и чувство вошло въ обиходъ, чувство набожной, религіозной нѣжности къ трудящимся и обремененнымъ. Вѣра въ святость страданія теперь ему такъ нужна, иначе какъ же ему понять, какъ принять, какъ оправдать тѣ страданія, которыя вынесъ онъ самъ? И въ послѣдніе годы жизни, самъ растоптанный и замордованный, чуть онъ увидитъ страдающаго, онъ такъ больно и нѣжно чувствуетъ въ немъ красоту ослѣпительную, божественность, осіянность, что молится уже не о немъ, а *ему самому*,— ему самому! это такъ поразительно! и пишетъ о своей Катринѣ, Оксанѣ такія небывалыя строки:

Стане жаль
Міні її і зажурюся,
І перед нею помолюся,
Мов перед образом святим
Тієї матері святої,
Що в мир наш Бога принесла.

Экстазъ обожанія сталъ религіознымъ экстазомъ. Покрытка теперь для поэта икона; больше: она для него божество: „і перед нею помолюся, мов перед образом святим". До этого еще не доходила никакая человѣческая нѣжность. Молиться не о покруткѣ, а покруткѣ,— это вѣдь поклонъ Раскольникова передъ проституткою Соней. Шевченко встрѣтилъ однажды въ Оренбургѣ какую-то дѣвушку, вѣрнѣе—барышню, можетъ быть, на вечеринкѣ, въ гостяхъ, и, чуть только ему показалось, что она обреченная, что ее ожидаютъ страданія,—вотъ ужъ онъ пишетъ, быть можетъ, въ альбомъ, въ провинціальный альбомъ захолустной дѣвицы:

Дивлюся иноді, дивлюся
І—чудно!—мов перед святою
Передъ тобою помолюсь.

И чѣмъ больше ему выпадало тоски и отчаянія, тѣмъ страстнѣе и благоговѣйнѣе эти странныя его молитвы, молитвы человѣка передъ человѣкомъ, и жутко читать, какъ погибая, онъ взываетъ къ Марку-Вовчку, къ со-

[1]) „Ви огласили юродивим *святого* лицаря, а бивий фельдфебель ваш, Сарданапал, послав на каторґу *святого*". Здѣсь подразумѣвается польскій студентъ, давшій пощечину кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову.

мнительной беллетристкѣ Марьѣ Александровѣ Марковичъ, — о пощадѣ, о спасеніи, о милости:

Свѣте мій,
Моя ті зоренько святая!
Моя ті сило молодая!
Світи на мене і огрій
І оживи моє побите,
Убоге серце неукрите,
Господнее,— і оживу...

Въ самомъ ритмѣ этихъ стиховъ чувствуешь и мольбу, и руки, хватающія за края одежды, и видишь, что дальше нельзя, что нужно же, наконецъ, куда-нибудь прорваться, излиться этому потоку обожанія и нѣжности, и вотъ совершилось: въ гнилую петербургскую зиму незадолго до смерти Шевченко создаетъ пѣснь-пѣсней, молитву молитвъ, свой послѣдній акаѳистъ-псаломъ, эту сладчайшую поэму „Марія“, гдѣ его неутолимая жажда ласкать, обожать, преклоняться, наконецъ-то, нашла утоленіе!

Внезапно, онъ повялъ, онъ нашелъ, кому онъ отдастъ всѣ щедроты, всѣ молитвы, всѣ ласки своей отринутой души: Марію, страдающей Матери страдающаго Бога, изъ наймичекъ Наймичкѣ, изъ покрытокъ Покрыткѣ. Она-то отъ него не отвернется, и какъ-то въ ноябрѣ въ Петербургѣ онъ заперся у себя наверху, въ мастерской и тамъ наконецъ-то истратилъ, наконецъ-то расточилъ до капли свою отринутую ласку, свою осмѣянную нѣжность, устроилъ себѣ пиршество нѣжности, оргію нѣжности, молитвы, славословій, величаній, любви:

О, світе наш незаходимий!
О, ти, пречистая въ женах!
Благоуханий зельний кринє!

Онъ весь дрожитъ отъ умиленія, не только когда говоритъ о Маріи, но и обо всемъ, что ее окружаетъ. На что она ни посмотритъ, все ставовится для него тотчасъ же какимъ-то милымъ, трогательнымъ, осіяннымъ; и все, что ни возьметъ она въ руки, онъ готовъ лобызать и лелѣять. Вотъ Марія беретъ на руки козлевка, козленокъ ему кажется милымъ, „какъ кошечка“. „Сердешне козяточко!“ шепчетъ онъ. Марія идетъ къ Тиверіадскому озеру,— Шевченко влюбляется въ озеро: „тихий Божий став“, „широкий Божий став“. Марія готовитъ кому-то бурнусъ,— онъ умиленъ и бурнусомъ: „святешний бурнусе“, восхищается онъ.

Вокругъ Маріи „святий тихий рай“, и самый воздухъ какъ будто святой. Нейзажъ, ее окружающій, такъ для него упоителенъ, что даже похожъ на украинскій: „яворъ“, „тополи“, „ярочокъ“, „криниця“; и вы только вслушайтесь въ самый тонъ его голоса, въ эти уменьшительныя, ласкательныя, тихія слова:

А він маленький, неповинний,
Святую шибеничку [1]) кинув...
...Взила
У холодочек завела,
В бурьян, в садок, поцілувала
Та коржиком нагодувала,
Свіженьким коржиком. Воно ж
Попестилось собі, погралось
Та й спатоньки, мале легло...
Мов янгеляточко у раю.

Не спать, а *спатоньки*, не свѣжій коржъ, а *свіженькій коржик*, и даже висѣлица стала влюбленнаго *висѣличкой*. Здѣсь каждый образъ для него упоителевъ и ее самое, Марію, онъ здѣсь зоветъ „квѣтом рожевим“, „зельним цвітом“, „пресвѣтлымъ раемъ“,—„кроткая“, „всесвятая“,—

Святая сило всіх святих,
Пренепорочная, благая,
Молюся, плачу і ридаю!..

Онъ украшаетъ ее лиліями, маками, и съ какимъ восторгомъ и ужасомъ глядитъ на нее, когда начинаются ея небывалыя, „огненалмыя“ муки. Этими-то муками своими она и вызываетъ въ немъ нѣжность, ибо, если страдающіе для него святы, то святые должны страдать! Другой святости, кромѣ святости мукъ, онъ не знаетъ и молится только предъ ними!

Вообще у него была вѣчная потребность молиться. Онъ и раньше припадалъ къ Маріи, взывая:

Благословенная в женах,
Святая, праведная Мати
Святого Сина на землі.

Мы видѣли, какъ онъ молился о покрыткахъ и передъ покрытками. У него такъ часты обращенія, взываніе къ людямъ, къ Богу, къ различнымъ предметамъ, къ Музѣ, къ Украйнѣ, къ судьбѣ. Я бы сказалъ: это былъ *геній молитвы*.

...Такая ужъ отдающаяся, льющая, готовая на славословіе, на величаніе, на умиленіе была у него душа, и его переливчатый, журчащій стихъ какъ будто былъ созданъ для тихой вечерней молитвы.

Но вотъ, описавъ, однажды, какъ старухамать отомстила за порученіе дочери и подожгла господскія хоромы, Шевченко взглянулъ на обгулевные трупы и молвилъ,— такъ неожиданно!—

— „Пави до одного спеклись, неначе добрі *поросята*“.

И въ другомъ стихотвореніи, незаконченномъ, онъ, обращаясь къ кому-то, сказалъ:

— „А потім віж,— і потекла *свиняча*

[1]) Шибеница — висѣлица.

кров, як так смола з пічок ваших *поросячих*".

Т.-е. почти дословно сказалъ то же самое, что въ поэмѣ *Варнахъ* говорилъ у него клейменый какой-то каторжникъ:

— „Княжат (шаферовъ), паят і молодих всіх перерізали. Не втік ніже єдиний католикъ: всі полегли, мов *поросята* въ багні смердячому".

Нѣжнѣйшій, вѣчно молящійся поэтъ, и какія жестокія, жестокія слова! — „Мов *поросяча*, кров лилась. Я різав все, що паном звалось". О, этотъ ласковый, сладкогласный Баянъ ведаромъ былъ внукъ гайдамаки! Слишкомъ часто онъ звалъ эти приступы ослѣпляющей бѣшеной ярости, безоглядного гнѣва, который дѣлаетъ человѣка или преступникомъ, или пророкомъ: — „Задушу!— кричитъ онъ Лукерьѣ,— прочь, а то задушу тебя,— и по словамъ свидѣтелей, сдѣлался страшно лютъ, подялъ вверхъ руки, затопалъ ногами", — кротчайшій нѣжнѣйшій поэтъ! — и, разсказывая какъ-то Я. П. Полонскому о томъ, что его родные и до сихъ поръ рабы, крѣпостные, онъ рыдалъ, скрежеталъ зубами и, наконецъ, „взвизгнулъ и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что чашки съ чаемъ слетѣли на полъ и разбились вдребезги". — „Тебе ж, о суко, і ми сами, і наши внуки, і миромъ люди проклянуть!" — яростно умпровизируетъ онъ въ мастерской у Микѣшина передъ статуей Екатерины Второй, и въ глазахъ его Микѣшинъ замѣтилъ огонь. „Глаза его горѣли, и онъ напоминалъ вдохновеннаго пророка", вспоминалъ художникъ.

...Изступленная нечеловѣческая нѣжность и изступленный нечеловѣческій гнѣвъ. Этотъ *геній молитвы* — въ то же время и *геній проклятья*. Со временъ ветхозавѣтныхъ пророковъ ни одно еще, кажется, сердце не вмѣщало въ себѣ такъ много чрезмѣрной любви и такъ много чрезмѣрной ненависти.

...Но вотъ подробность повѣсти замѣчательная.

Какъ-то, въ маѣ 60-го года, уже совсѣмъ передъ смертью, Шевченко написалъ стихотвореніе „Молитва", гдѣ проситъ Бога, чтобы Богъ оковалъ ненавистныхъ ему людей оковами и замуровалъ бы ихъ глубоко въ землю:

У пуга кутні окуй,
В склену глибокім замуруй.

Но не прошло и двухъ дней, а Шевченко уже къ Богу съ новой молитвой, совершенно отвергающей старую. Онъ проситъ Бога не дѣлать того, о чемъ онъ просилъ наканунѣ. Въ новомъ стихотвореніи онъ пишетъ:

У пуга кутні не куй,
В склени глибокі не хруй!

То-есть сегодня онъ молится о мщеніи, а завтра уже о прощеніи. Непосредственный первый порывъ его оскорбленнаго сердца: уничтожить, проклясть, отомстить; но второй порывъ, такой же страстный и такой же властительный: милосердіе, всепрощеніе, не какое-нибудь, а опять-таки изступленное, нечеловѣчески-чрезмѣрное.

Испытавъ однажды издѣвательства, онъ записываетъ у себя въ дневникѣ: „Забудемъ и простимъ темныхъ мучителей нашихъ, какъ простилъ милосердный Человѣколюбецъ своихъ жестокихъ распинателей"...

Но черезъ нѣсколько страницъ въ томъ же дневникѣ про кого-то: „Рабочій домъ, тюрьма, кандалы, кнутъ и неисходимая Сибирь — вотъ мѣсто для этихъ безобразныхъ животныхъ".

То прощая, то вновь проклиная, вновь прощая и вновь проклиная, онъ и тамъ и здѣсь, и въ прощеніи и въ проклинаніи, былъ равно необуздавъ и неукротимъ, и недаромъ въ одной молитвѣ еще въ 1845 году обращался къ Богу съ такими словами: — „Дай жити, сердем жити, і людей любити, а коли ні, то проклинать, і світ запалити". Или всѣхъ любить, или сжечь всю вселенную, или всѣхъ обнять или всѣхъ проклясть — эти два великихъ порыва попеременно владѣли имъ.

...Въ 1847 году его арестовали и при обыскѣ у него нашли книгу „*О подражаніи Христу*". Подражаніе Христу, вотъ эта неземная красота величайшаго слова: „я прощаю" — надолго овладѣла имъ всецѣло. Можно сказать, что въ тюрьмѣ и въ казармѣ Шевченка охватилъ восторгъ всепрощенія, экстазъ всепрощенія и милости. Онъ весь освѣтился какимъ-то сіяніемъ кротости, и *это спасло его*. Позже онъ писалъ княжнѣ Репниной: „Ужасная безнадежность такъ ужасна, что только одна христіанская философія можетъ бороться съ нею". И онъ всячески старался развить, укрѣпить въ себѣ эту „христіанскую философію", потому что какъ же ему было иначе бороться съ „ужасомъ ужасной безнадежности".

Погубленный злобнымъ доносомъ какого-то предатели, студента Петрова, онъ въ Петропавловской крѣпости находитъ въ себѣ силы сказать ему: „я прощаю":

А його забудьте, други,
І не проклинайте!

И черезъ нѣсколько времени снова:

— „За те, що я тепер терплю, ій-Богу, братія, прощаю".

Вообще, когда читаешь его стихи того времени то явственно видишь, что въ казематѣ Петропавловской крѣпости находился тогда не

поэтъ, а святой. Въ этихъ изумительныхъ, коротенькихъ лирическихъ отрывкахъ, по двадцать, по сорокъ строкъ, которые именно съ этой поры появляются у него въ *Кобзарѣ*— всмотритесь, какъ часто тамъ слово „любовь". Какъ нѣкій апостолъ, изъ-за рѣшетки онъ завѣщаетъ друзьямъ.

— „Любітеся, брати мої! Смирітеся, молитесь Богу, свою Украіну любіть".

И въ казармѣ какъ онъ жалѣетъ, какъ сокрушается, что на волѣ не зналъ этой радости: христіанской любви и прощенія.—„Кого я— де—коли любив? Кому яке добро зробивъ? Нікого в світі, нікому в світі!"

Онъ хватался тогда за смиреніе, за всепрощеніе, ибо, повторяю, въ ту пору отчаянія и безнадежности только здѣсь была его опора. Тогда-то онъ и заключилъ знаменитое свое примиреніе съ поляками;

— „Подай же руку казакові і серце чистее подай, і знову іменем Христовим ми оновим наш тихий рай!"

Въ гнѣвѣ онъ какъ пророкъ, въ смиреніи какъ апостолъ; его ласка переходитъ въ молитву, его кротость—въ подвигъ любви и прощенія; каждое чувство онъ доводитъ до паѳоса и религіозенъ въ каждомъ своемъ словѣ: инымъ и не можетъ быть великій національный поэтъ, жрецъ и жертва своего народа, облагородившій, возвысившій, претворившій въ красоту и святыню все, что создала его родина.

Въ Бога онъ вѣровалъ крѣпко, опять-таки совсѣмъ по-крестьянски, хоть иногда и любилъ вольнодумствовать, но странное чувство не разъ осѣняло его: ему казалось, что всѣ мы покинуты Богомъ, что Богъ какъ бы махнулъ на всѣхъ рукой, ушелъ отъ насъ, отвернулся; и потому-то мы всѣ такъ несчастны, что Богу теперь не до насъ.

Въ Бога Шевченко вѣровалъ крѣпко, но изо всѣхъ свойствъ Бога онъ замѣтилъ и удержалъ въ своемъ сердцѣ только одно: милосердіе. Онъ бы хотѣлъ, чтобы Богъ былъ защитникъ и покровитель страдающихъ, больше отъ Бога ему ничего и не нужно. Мистика и метафизика не для него. Онъ такъ больно почувствовалъ съ дѣтства людскія страданія, что Богъ ему надобенъ ровно постольку, поскольку онъ эти страданія утишитъ.

Тайна, безконечность, сверхчувственный міръ, такъ ясно ощущаемый чуть не всѣми великими,—все это ему не любопытно. Онъ отнюдь не богоискатель, а если бъ и сталъ онъ отыскивать Бога, то только затѣмъ, чтобы Богъ поскорѣй пособилъ какой-нибудь страдалицѣ-Оксанѣ. Слишкомъ близко увидалъ Шевченко всѣ раны и язвы корчащагося въ мукахъ человѣчества и потому, если думалъ о Богѣ, то только какъ о цѣлителѣ ранъ. Онъ такъ полюбилъ здѣшній нашъ бѣдный міръ, что міра нездѣшняго ему и не надо. Взирая на небо, онъ думаетъ только одно: видитъ ли Небо страданія Земли?—

А Ти, Всевидящее Око,
Чи Ти дивилося з-висока,
Як мордували, разпинали
И вішали?

какъ мучили людей здѣсь, на землѣ.

Богъ, какъ участникъ человѣческихъ дѣлъ, только такой и существуетъ для Шевченка. И въ зависимости отъ того, велико ли это участіе, мѣнялось и его отношеніе къ Богу. Однажды онъ сказалъ, что готовъ пѣть Богу Оссану, но только тогда, когда людямъ выпадетъ лучшая доля;

— „А до того,— сказалъ онъ,— я не знаю Бога".

Слономъ, страдающихъ людей этотъ страдалецъ возлюбилъ даже больше, чѣмъ Бога. Онъ готовъ даже отречься отъ Бога, если Богъ не даетъ людямъ счастья. „Ми не раби Його, ми люди",— съ гордостью напоминаетъ онъ намъ. Счастье человѣческое у него главнѣе всего,— и когда этого счастья нѣтъ, тогда Шевченко съ изумленіемъ спрашиваетъ: „А може й Сам на небеси сміешся, Батечку, над нами?"

Онъ истинно набоженъ и чувствуетъ это свое прометейство, эти свои дерзкія напоминанія Богу о людяхъ, какъ смертный мучительный грѣхъ, но каяться въ своемъ грѣхѣ не будетъ, потому что эти обездоленные люди для него дороже спасенія души: „Я так іі, я так люблю мою Украіну убогу, що прокляну святого Бога, за неі душу погублю".

...Мы покинуты Богомъ, Богъ позабылъ о насъ, и это самое страшное, что только знаетъ о Богѣ Шевченко. Ибо изо всѣхъ страданій человѣческихъ онъ почему-то больнѣе всего почувствовалъ именно это: покинутость. Въ странѣ страдающихъ ему близки и милы всѣ, но роднѣе и ближе другихъ были тѣ, кого онъ зналъ „сіромахи", „сирòми",—„сирые сироты",— забытые, покинутые люди, и когда читаешь „Кобзарь", то кажется, что самое мучительное въ мірѣ — не голодъ, не безуміе, не болѣзнь, не смерть, а именно сирость, сиротливость, когда тебя оттолкнутъ, когда отъ тебя „отцураются", и какъ же это должно быть ужасно, если отъ людей „отцурался" ихъ Богъ!

Многое здѣсь изумляетъ меня, и многое мнѣ непонятно. Конечно, самъ сирота, въ девять лѣтъ лишившійся матери, а въ двѣнадцать— отца, познавшій въ „покинутой Богомъ пу-

стынѣ", въ Косъ-Аралѣ, въ Ново-Петровскѣ, весь ужасъ тоски и заброшенности, никѣмъ не обласканный въ старости, онъ, естественно, влекся къ такимъ же, какъ и самъ, сиротливымъ. Но все же почему невыразимо-зловѣще звучатъ у него всегда такія какъ будто нестрашныя слова:

— „А він мене і покинув"... „Він поіхав десь далеко, а мене покинув"... „Нема Петра, не чуть Петра, не вже ж то покинув"... „Покинули стару матiрь, той жiнку покинув"... „Не кидай матері, казали.—А ти покинула, втекла" [1]).

Почему, въ самомъ дѣлѣ, у Шевченка всѣ люди такъ безумно боятся быть покинутыми?

Насъ покидаютъ любимые, у насъ умираютъ любимые, отъ насъ отрываютъ любимыхъ—почему же это была вѣчная тема Шевченка, которой онъ все съ новыми приливами чувства неустанно отдавался въ „Кобзарѣ"?

И, странно сказать, даже къ вещамъ, даже къ предметамъ покинутымъ онъ чувствовалъ необъяснимое влеченіе. Гнѣздо, покинутое соловьемъ, одиноко качающееся на вѣтвяхъ калины, и этотъ покинутый челнъ, который несется по вѣтру пустой, и эта поэтичная „тополя", которая „одна, одна, як сирота на чужинi гине", и горы-сироты и море-сирота, и сироты-роши.

Эти избы, гдѣ не люди живутъ, а совы,— и высыхающіе пруды,— и заваливающіеся колодцы,— и тропинки, заросшія травой,— и колокольни, которыя покинулъ звонарь,—и раскрытыя ворота, куда никто не въѣзжаетъ, и матери, которыхъ покинули дѣти,— и дѣвушки, которыхъ покинули любовники,— и вселенная, которую покинулъ Богъ, отъ которой Онъ отвернулся, которую Онъ осиротилъ,— о, конечно же, эти символы, это подобія, это внѣшніе образы, которыми безсознательно Шевченко пытался хоть какъ-нибудь передать неизбывное, вѣчное чувство своей нечеловѣческой сироты, но все же одна подробность, небольшое одно обстоятельство, о которомъ и говорить бы не стоило, все время смущаетъ меня, и я торопился это высказать, прерывая себя самого...

Вы только представьте, только вообразите себѣ на минуту этого юношу-подростка Тараса здѣсь, въ Петербургѣ,— онъ бѣгаетъ гдѣ-нибудь по Гороховой, по Литейной, Мѣщанской въ тиковомъ халатикѣ, съ ведромъ и съ кистью въ рукѣ, весь забрызганный известью, покрой,— ученикъ маляра Ширяева, живописныхъ дѣлъ мастера.—„Тараска, за пивомъ!"—„Тараска, за табакомъ!"—спитъ и ѣстъ со стекольщиками, кровельщиками,— калужскими, костромскими,— въ грязи, на чердакѣ,— и, конечно, пивки, тумаки,— обыкновенный петербургскій мальчишка — бѣгаетъ, здѣсь, по Гороховой, и годъ, и два, и три, и четыре,— рабъ крѣпостной, безпросвѣтный:

Не знав сiромаха, що виросли крила,
Ще неба достане, коли полетить,
Не знав, нагинався,—

и, конечно же, ему даютъ на чай—вотъ тебѣ гривенникъ!— и, конечно, онъ цѣлуетъ руку (онъ пришелъ къ Сошенку и поцѣловалъ у него руку),— и, цѣлуя, боится, что его бить можетъ ударятъ (когда Сошенко отдернулъ руку, онъ испугался и убѣжалъ),— запуганный, затравленный рабъ, котораго сѣкли на конюшнѣ и который въ дѣтствѣ ѣлъ глину отъ голода. И вдругъ совершается чудо, фантазія, „то чего не было", „то, чего не бываетъ": слетаются къ нему какіе-то ангелоподобные люди,— онъ и не подозрѣвалъ, что существуютъ такіе,— маги и колдуны,— и говорятъ ему: ты свободенъ! И даютъ ему хартію вольности, волшебную какую-то бумагу,— ты свободенъ отъ маляра Ширяева, отъ помѣщика Энгельгардта, отъ воли и матерной брани,— и этотъ благосклонный Жуковскій, и пышный Брюловъ, и графъ Вьельгорскій, и графиня Баранова, и вице-президентъ Григоровичъ, и художникъ Венеціановъ — всѣ къ нему, всѣ о немъ, выкупаютъ его у помѣщика,— ласковы, милы, какъ никто, и хоть на одну, на самую короткую минуту, когда такія добрыя руки со всѣхъ сторонъ потянулись къ нему, вѣдь должно же было въ немъ умолкнуть это вѣчное чувство брошенности, потому что не брошенъ же былъ онъ тогда, потому что и черезъ двадцать лѣтъ не въ силахъ онъ будетъ позабыть о блаженствѣ своемъ тогдашнемъ и черезъ двадцать лѣтъ будетъ удивляться ему:

— „Самому теперь не вѣрится,— напишетъ онъ у себя въ дневникѣ,— а дѣйствительно, это было такъ". „Я изъ грязнаго чердака, я, ничтожный замарашка, на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи художествъ". „Быстрый переходъ съ чердака грубаго мужика-маляра въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка!"...

Былъ апрѣль и былъ май, были бѣлыя ночи, и, разстегнувши, должно быть, пазыо, какъ носился онъ по всему Петербургу, по Литей-

[1]) Три раза во всемъ „Кобзарѣ" вернулся къ покинутой тотъ, который покинулъ ее. Но онъ вернулся либо слѣпымъ (Невольникъ), либо мертвымъ (Хустина), либо, что хуже, обманутымъ (Між скалами, неначе злодій). По „Кобзарю" это какъ бы вѣчный законъ, что „покинувшій" не долженъ возвращаться.

ной и по Гороховой, и въ карманѣ у него отпускная, его хартія вольности, онъ выйметъ ее и цѣлуетъ, перекрестится и поцѣлуетъ, и уже выводитъ каракули на какихъ-то клочкахъ,— и вчитайтесь въ эти строки, что у него написались сейчасъ же въ ближайшіе мѣсяцы, когда былъ онъ спасенъ:

...Бо я одинокій
Сирота на світі в чужому краю...

Вотъ что онъ пишетъ на этихъ страницахъ. И снова:

— „Тяжко мині сиротою на сім світі жити".

И снова:

— „Сиротині сонце світить та не гріе"... „Люди б сонце заступили, щоб сироті не свѣтило".

О, конечно, онъ до слезъ благодаренъ этимъ приласкавшимъ его! Онъ посвящаетъ имъ чуть не всѣ свои „вірши": Жуковскому — *Катерину*, Григоровичу — *Гайдамакъ*; но въ этихъ виршахъ онъ говоритъ имъ одно: все о той же своей сиротливости: какъ страшно ему жить среди чужихъ на чужбинѣ. „Чужіе люди"— обычное слово въ тогдашнихъ его стихахъ. Кто же чужой ему былъ тогда? Графъ Яковъ де-Бальменъ? Петровскій? Гребенка? Штернбергъ? Или Сошенко? Съ нимъ они дѣлятъ послѣднее, работаютъ съ нимъ и голодаютъ, и вообще друзей у него столько, что какъ писалъ онъ потомъ, „бросишь въ собаку, а попадешь въ друга", и не просто „пріятелей", а преданнѣйшихъ, задушевнѣйшихъ,— и сколько потомъ на Украйнѣ: Кулишъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій, княжна Репнина, Козачковскій, Тарновскій,— и все же въ каждой строкѣ онъ только и жалуется, только и плачется на жестокое свое сиротство:

— „Кругом мене, де не гляну, де люди, а змії".

Удивительно. Со всѣхъ сторонъ передъ нимъ раскрытыя объятія, а онъ ихъ будто не видитъ. Щепкинъ, Сухаревко, Бодянскій, Максимовичъ,— неужели онъ не вспоминалъ о нихъ, позабылъ, когда писалъ впослѣдствіи въ казармѣ: „Ніхто любив мене, вітав, і я хвилився ні до кого". Самъ такой ласковый, къ ласкѣ другихъ не чувствителенъ. То-есть чувствителенъ, но не здѣсь, въ „Кобзарѣ". Откуда же въ немъ такое? И долго не могъ объяснить себѣ это, но теперь, мнѣ кажется, я знаю. Вникните, вслушайтесь въ народныя украинскія пѣсни, возьмите хотя бы того же Максимовича, старинный сборничекъ, еще тотъ, которымъ восхищался нѣкогда Гоголь,— и вы съ изумленіемъ увидите, что въ творчествѣ народа украинскаго *покинутость и сиротливость тоже главенствуютъ надъ всѣми другими чувствами*.

Въ классическихъ книгахъ Чубинскаго о юго-западномъ краѣ я нашелъ лишь 14 пѣсенъ о ревности, только 30 о несчастной любви,— но 240 посвящено разлукѣ!

Замѣчательно, что Шевченко возлелѣялъ въ себѣ и проявилъ, даже независимо отъ своей біографіи, даже иногда наперекоръ своей біографіи, исключительно эти народныя чувства; всѣ же другія, его народу несвойственныя, онъ хоть и переживалъ, хоть и страстно порою испытывалъ, но какъ-то они не вмѣщались въ „Кобзарѣ", какъ-то оставались за обложкою „Кобзаря", для нихъ какъ бы не было даже словъ у Шевченка,— ни образовъ, ни ритмовъ, ни лирики! Эти неродныя чувства и мысли,— сколько бы ни отдавался имъ Шевченко,— какъ-то гасли въ немъ, потухали, чуть только съ бралея за перо.

Вѣдь это же какое-то чудо! Шевченко живетъ въ Петербургѣ шестнадцать лѣтъ, на Васильевскомъ Островѣ, онъ до мозга костей петербурженъ, во гдѣ же въ его „Кобзарѣ" этотъ Васильевскій Островъ?— гдѣ же онъ хоть въ малѣйшей чертѣ психологіи? Гдѣ въ „Кобзарѣ" Брюловъ, гдѣ академія художествъ? Шевченко можетъ прожить съ Брюловымъ десятки лѣтъ, передъ нимъ благоговѣетъ, подражать ему всячески, въ живописи, въ одеждѣ, въ прическѣ, толковать съ нимъ о Дюрерѣ, Гвидо-Рени, Тенирсѣ, но нотъ онъ взялся за перо, и гдѣ ты тогда, Брюловъ! Гдѣ тогда ресторанъ Юргенса, гдѣ Излеръ, Александринскій театръ, и. Каратыгинъ, и „Сѣверная Пчела", и „Золотой Якорь", и Николай Полевой, и графъ Яковъ де-Бальменъ, и Даль, и Перовскій, и Плетневъ, и растеган, и „Адольфинка"— все спадаетъ съ него, какъ какой-то внѣшній покровъ, и нѣтъ у Шевченка тогда, въ тотъ изумительный мигъ, ни единаго жеста, ни одной полумысли, ни одной самомалѣйшей черточки, которой бы не было и въ томъ дѣпровскомъ Остапѣ, Максимѣ, Яремѣ, все онъ сбросилъ съ себя, какъ, помните,— Наташа Ростова, графинечка, воспитанная француженкой, когда вдругъ запѣвала русскую, сбросила съ себя и грацію и ею обычную психологію, и крестьянка Анисья сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять и выразить каждымъ жестомъ, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ Анисьи, и въ матери Анисьи, и вотъ этой-то способностью, этимъ даромъ отрѣшенія отъ всѣхъ случайныхъ чертъ своего личнаго „я", какъ никто, обладалъ Шевченко, и отсюда та особенность его книги,

что, сколько въ нее ни вглядывайся, въ ней почти не найдешь его личности, не найдешь ничего, для него одного характернаго, принадлежащаго ему одному, и все, что ни отнесешь, къ нему, *какъ къ поэту, какъ къ автору*, окажется: нѣтъ, не его, а всего народа украинскаго.

Мы, напр., объясняли личнымъ его темпераментомъ эту его страстную жажду возмездія: „Крови мнѣ, крови, бо хочется пить!“ — но вѣдь не даромъ же исторія Украйны была исторіей набѣговъ и битвъ, недаромъ же былъ на Днѣпрѣ этотъ „лицарскій“ островъ Хортица,— и Бульба, *отмщая* за сына, недаромъ всякій разъ приговаривалъ: „это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!“ и вырѣзывалъ женщинамъ груди, и сжигалъ, и вѣшалъ всѣхъ безъ разбору, именно какъ мститель, какъ „местникъ“; и малороссійскія пѣсни (по слову Срезневскаго) были недаромъ пѣснями именно местниковъ, тѣхъ кто, „неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ *отмщевали* за смерть ихъ врагамъ“.

Покинутость, сиротъ, мы уже видѣли, тоже не личное его ощущеніе,— и нѣжность, и гнѣвность тоже, и въ томѣ-то и чудо, что почти ни одной его личной черты въ его творчествѣ разыскать нельзя, и, говоря о немъ, противъ воли говоришь о народѣ, а, говоря о народѣ— о немъ! Тутъ какая-то необычалая круговая порука. Счастливѣйшій Платонъ Каратаевъ! Какое для него было блаженство въ этой его почти мистической сліянности съ народомъ. Ему никогда не приходилось искать ни формъ, ни идей для своего творчества, онъ не искалъ Бога, не искалъ міровоззрѣнія, не искалъ оправданія своему бытію, все ему было дано и все опредѣлено въ народѣ и народомъ, и ему незачѣмъ было спрашивать: что такое жизнь? что такое смерть? но что мнѣ вѣровать? что мнѣ дѣлать? куда итти? кто такой я? что такое вселенная?— народъ отвѣтилъ ему еще раньше, чѣмъ онъ объ этомъ спросилъ, и на всѣхъ путяхъ жизни былъ онъ народомъ и спасаемъ народомъ, и стоило ему хоть немного отклониться или уклониться хоть на волосъ въ сторону, отораваться на мгновеніе отъ народа, онъ становился неузнаваемо бѣденъ и слабъ“.

Изъ литературнаго прошлаго.

Катковъ и Бакунинъ.

[92(К:Б)]

Во II томѣ только что изданныхъ писемъ Бѣлинскаго („Бѣлинскій. Письма“) мы находимъ, въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 12—16 авг. 1840 г., подробное описаніе инкогнитаго— выражаясь мягко—столкновенія Каткова съ М. Бакунинымъ, имѣвшаго мѣсто тѣмъ лѣтомъ на квартирѣ Бѣлинскаго. Ссора этихъ двухъ липъ, впослѣдствіи игравшихъ такую крупную общественную роль, только на противоположныхъ концахъ политической арены, вызвана была не идейнымъ разногласіемъ, не „разсужденіями о разныхъ философскихъ вопросахъ“, какъ утверждалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ив. Панаевъ, а обострившимися личными отношеніями. Къ тому времени Бѣлинскій, свидѣтель инцидента, уже сильно охладѣлъ къ своему другу Мишелю, даже успѣлъ совершенно разочароваться въ немъ. Зато Катковъ, еще очень молодой тогда, съ каждымъ днемъ заноевывалъ все большія симпатіи „неистоваго Виссаріона“.

„Въ письмѣ твоемъ отъ 24 іюля, любезнѣйшій Василій,—писалъ Бѣлинскій,—спрашиваешь ты меня о моемъ свиданіи съ Бакунинымъ. Тутъ цѣлая исторія, или, лучше сказать, цѣлая драма. Постараюсь изложить ее тебѣ какъ можно обстоятельнѣе. Не скрою отъ тебя, что я ждалъ Бакунина съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Николай Бакунинъ писалъ ко мнѣ, что Мишель хочетъ со мною обстоятельно и на счетъ всего переговорить и объясниться, а я чувствовалъ, что это объясненіе съ моей стороны будетъ бранью и ругательствомъ, и потому, зная о своей храбрости, я нѣсколько безпокоился предстоящимъ свиданіемъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, является ко мнѣ Катковъ, въ какомъ-то необыкновенно и странно-одушевленномъ состояніи, и съ разными штуками и мистификаціями объявилъ наконецъ мнѣ, что Бакунинъ пріѣхалъ, что вчера, съ задняго крыльца, часовъ въ 11 ночи, явился онъ къ Панаеву, что Панаевъ не могъ скрыть своей къ нему холодности, отъ чего Бакунинъ конфузился, смотрѣлъ на него изъ-подлобья подозрительными глазами, а Катковъ не выходилъ изъ своей комнаты... Катковъ пришелъ ко мнѣ поутру— я всталъ поздно, и вотъ мы ждемъ, ждемъ Бакунина, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ ужъ скоро и 12 часовъ. Мы уже рѣшились было итти къ Панаеву въ чаянію тамъ обрѣсти нашего абстрактнаго героя. Но вдругъ гляжу въ окно—на дворѣ длинная, уродливая фигура, въ филистерскомъ прегнусномъ картузѣ, спрашиваетъ меня. Дикимъ голосомъ закричалъ я ему въ окно: Бакунинъ, сюда! Кровь прилила у меня къ сердцу. Наконецъ, онъ вошелъ, я поспѣшилъ выйти въ переднюю, чтобы подать ему руку и не допустить

его броситься ко мнѣ на шею; однакожъ онъ приподнялся своими жесткими губами къ моимъ и, черезъ спаленку, прошелъ въ мой кабинетъ, гдѣ и встрѣтился съ Катковымъ лицомъ къ лицу. Катковъ началъ благодарить его за его участіе въ его исторіи. Бакунинъ, какъ внезапно опаленный огнемъ небесными, попятился назадъ и задомъ вошелъ въ спальню и сѣлъ на диванъ, говоря съ измѣнившимся лицомъ и голосомъ и съ притворнымъ равнодушіемъ: „фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!“— Какіе тутъ факты! вы продавали меня по мелочи—вы подлецъ, сударь!—Бакунинъ вскочилъ. „Самъ ты подлецъ!“— Скопецъ! — это подѣйствовало на него сильнѣе подлеца: онъ вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго удара. Катковъ толкнулъ его съ явнымъ намѣреніемъ затѣять драку. Бакунинъ бросился къ палкѣ, завязалась борьба. Я не помню, что со мною было—кричу только: господа, господа, что вы, перестаньте,— а самъ стою на порогѣ, и ни съ мѣста. Бакунинъ отворачиваетъ лицо и дѣйствуетъ руками, не глядя на Каткова; улучивъ минуту, онъ поражаетъ Каткова поперекъ спины подареннымъ ему тобою бамбукомъ, но съ этимъ порывомъ силы и храбрости его оставили та и другая—и Катковъ далъ ему двѣ оплеухи. Положеніе Бакунина было позорно: Катковъ лѣзъ къ нему прямо со своимъ лицомъ, а Бакунинъ изогнулся въ дугу, чтобы спрятать свою рожу. Во время борьбы онъ вскричалъ: „если такъ, мы будемъ стрѣляться съ вами!“ Достигши своей цѣли, т.-е. давши двѣ оплеухи Бакунину, Катковъ, наконецъ, согласился на мои представленія и вышелъ въ кабинетъ. Я затворилъ двери. На полу кабинета валялась шапка Бакунина, спаленька моя обсыпана известкою, которая слетѣла съ потолка отъ возни. Вообрази себѣ мое положеніе. Я былъ весь на сторонѣ Каткова: но было жаль Бакунина, хотя мое сожалѣніе было для него оскорбительнѣе всякой обиды; къ тому же онъ былъ моимъ гостемъ и у меня въ домѣ подвергся позорнымъ побоямъ. Равнымъ образомъ, мое положеніе было затруднительно и въ отношеніи къ Каткову: мнѣ было на него досадно, что онъ мою квартиру избралъ театромъ такого рода объясненія, а между тѣмъ я въ то же время чувствовалъ, что есть такія положенія въ жизни, когда только одни филистеры думаютъ о приличіяхъ и отношеніяхъ. Однакожъ я вышелъ въ комнату, гдѣ былъ Катковъ: я не имѣлъ силы быть съ глазу на глазъ съ оконфуженнымъ Бакунинымъ. Мнѣ было жаль его, но мое сожалѣніе оскорбило бы его, если бъ я ему его высказалъ. Вдругъ Катковъ снова бросился къ нему. Я думалъ, что это начало новой баталіи, схватилъ его за руку и сталъ уговаривать. „Одно только слово!“ — сказалъ онъ, подошелъ къ Бакунину, который сидѣлъ, и, нагнувшись къ его физіономіи, грозя пальцемъ (какъ будто намѣреваясь отдуть имъ по носу), сказалъ ровнымъ сосредоточеннымъ голосомъ: „послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что вы сказали“. Засимъ, вынши моимъ просьбамъ, онъ ушелъ. Ну, братъ Василій, не забыть мнѣ этого дня. Я сыгралъ тутъ роль мокрой курицы. Мнѣ бы слѣдовало или молча, съ ученымъ видомъ знатока, смотрѣть на занимательный спектакль, или броситься между витязями, чтобы развять ихъ; но я стоялъ твердо на порогѣ комнаты, словно прикованный къ нему; и только руки мои свободно простирались къ бойцамъ, не доставая, впрочемъ, до нихъ. Да, Боткинъ, въ первый разъ увидѣлъ я жизнь лицомъ къ лицу, въ первый разъ еще узналъ, что такое мужчина, достойный любви женщины.

... Передъ выходомъ, я сказалъ ему (Бакунину), что рѣшительно отказываюсь отъ всякаго участія въ ихъ исторіи, кромѣ примирительнаго. Пріѣзжаю къ Панаеву — тамъ Языковъ. Ну—разспросы — я имъ повѣдалъ. Начали толковать о предстоящей дуэли, — и Катковъ предлагаетъ мнѣ быть его секундантомъ. О, боги! Я—секундантъ!.. Богъ васъ да благословитъ, а я не виноватъ! Я отказался. Катковъ обратился къ Панаеву — тотъ кивнулъ головою въ знакъ согласія. Я началъ толковать Каткову, что, вмѣсто того, чтобы хладнокровно распоряжаться съ секундантами противника его, я скоропостижно..... Такъ какъ мы еще накануѣ условились ѣхать къ Краевскому на дачу, то и поѣхали — Панаевъ съ Катковымъ, а я съ Языковымъ. Сей юноша началъ мнѣ говорить, что хотя онъ участіемъ въ дуэли и повергнетъ своихъ родныхъ въ крайнее огорченіе, однако не допуститъ Панаева, какъ мужа и отца, рисковать попасть въ солдаты—и что, по всѣмъ правамъ, божескимъ и человѣческимъ, мнѣ должно быть секундантомъ Каткова. Что жъ ты думаешь, Боткинъ? Я расхрабрился. Иду на войну, да и только! Ну, что твой Аѳанасій Ивановичъ, когда онъ пугалъ Пульхерію Ивановну. Во-первыхъ, этотъ случай, лучше всѣхъ теорій, вразумилъ меня, что иногда дуэли бываютъ необходимы; а во-вторыхъ—жизни хоть разъ въ жизни захотѣлось отвѣдать. Много тутъ участвовало и участіе къ Каткову, и желаніе отвести горькую участь отъ Панаева и Язы-

кова, и, наконецъ, отправленіе къ моей безцвѣтной, апатической жизни. Короче: пріѣхавъ на дачу, я далъ Каткову рѣшительное слово. По возвращеніи съ оной, вечеромъ, я отправился къ Бакунину. Онъ встрѣтилъ меня просьбою отдать Каткову записку и умѣреннымъ, что хотя онъ и чуждъ предразсудковъ, однако есть въ жизни случаи, и прочая. Я посѣщалъ съ нимъ согласиться (что казалось заставило его опѣшиться) и прочелъ записку. О..... и скопческимъ слогомъ разсказано въ ней было на двухъ почти страничкахъ то, что можно было сказать въ двухъ словахъ, а именно: что такъ какъ по русскимъ законамъ оставшійся отъ дуэли въ живыхъ долженъ быть солдатомъ, то и лучше имъ стрѣляться въ Берлинѣ. Но теперь, въ письмѣ Ефремова, которымъ онъ увѣдомляетъ меня о смерти Станкевича, находится ко мнѣ просьба, чтобы я уговорилъ Каткова отложить дѣло на неопредѣленный срокъ, ибо въ Берлинѣ В. А. Дьякова, для которой Мишель единственная подпора и пр. Кажется, молодецъ хочетъ отдѣлаться, а нашъ горячится тѣмъ пуще. Говорить—надо подлеца стереть съ лица земли. Впрочемъ, я подозрѣваю, что онъ принучиваетъ себя, ибо дуэль хороша тотчасъ же, когда оскорбленіе жило и сильно еще".

Полтора мѣсяца спустя Бѣлинскій сообщалъ тому же Боткину:

„... Къ Каткову онъ (Бакунинъ) тоже пишетъ, приписываетъ свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, проситъ извиненія, но говоритъ, что *извѣстное объясненіе* невозможно, да и не вѣрю,—.....на мѣстѣ объясненія, и всего вѣрнѣе — увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ".

Въ концѣ-концовъ дуэль, дѣйствительно, не состоялась и за границей.

Вс. Крестовскій и Минаевъ.

[92(К:М):179.1].

П. В. Быковъ, время-отъ-времени печатающій теперь въ разныхъ журналахъ и газетахъ свои литературныя воспоминанія, въ февр. кн. „Нов. Жизни"—разсказываетъ о двухъ „фигурахъ литературной колоды"—Всев. Крестовскомъ и Д. Минаевѣ, и между прочимъ описываетъ, какъ первый взъ нихъ „проучилъ" второго за его постоянныя спиѳторныя задиранія. Авторъ воспоминаній, справедливо осуждая поведеніе безталаннаго поэта, относится довольно благосклонно къ продѣлкѣ Крестовскаго, но впечатлѣніе отъ его разсказа получается такое, что хочется сказать изящнымъ дѣтскимъ выраженіемъ: „оба лучше"...

Поступокъ Крестовскаго, не менѣе минаевской „тактики", рисуетъ неприглядную сторону литературныхъ нравовъ той эпохи, съ которой любопытно сопоставить нынѣшній „вѣнскій періодъ" (петербургскій ресторанъ „Вѣна") русской литературы.

„У Крестовскаго, который, несмотря на свое легкомысліе и многіе недостатки, всетаки пользовался и любовью и симпатіями большинства его знавшихъ, былъ одинъ злѣйшій врагъ. Это сатирикъ и фельетонистъ безчисленныхъ изданій Минаевъ. Утромъ, встрѣтясь съ Крестовскимъ въ какой-нибудь редакціи, онъ вышучивалъ его и послѣ этого умудрялся перехватить у него хотя бы трехрублевку, а вечеромъ поносилъ своего незлобиваго и великодушнаго кредитора, не брезгая выдуманной имъ тутъ же сплетней, а то и клеветой. Минаевъ поступалъ такъ со многими. И если нѣкоторые изъ пишущихъ снѣшили раскрыть свой кошелекъ и дѣлились съ Минаевымъ, чѣмъ могли, то только потому, чтобы отвязаться отъ него, назойливаго, извергающаго изъ себя или рнемованную, хлесткую брань или, просто, безстыдную ругань. Въ своихъ приставаньяхъ, въ задираніи человѣка, отмахивавшагося отъ него, какъ отъ назойливой августовской мухи или досаждающаго комара въ сырой мѣстности, Минаевъ былъ неутомимъ, настойчивъ и неустрашимъ. Его просили, удалялись отъ него, онъ хохоталъ и бросалъ отборныя слова вслѣдъ уходившему. Ему грозили, онъ издѣвался еще больше и лѣзъ драться. Особенно онъ былъ противенъ въ пьяномъ видѣ... Но трезвымъ онъ оставался недолго,—и потому „исторіямъ" съ Минаевымъ конца не было... Мало знакомыхъ женщинъ онъ угощалъ крайне неблагопристойными каламбурами, декламировалъ стихи Баркова или Михаила Лонгинова, библіографа и порнографа, а первую встрѣчную женщину, если былъ „въ угарѣ", приглашалъ ужинать или въ баню.

Поступивъ въ уланы, Крестовскій пересталъ быть безъ конца великодушнымъ и терпѣливымъ по отношенію къ своимъ литературнымъ врагамъ и обидчикамъ. Съ Минаевымъ онъ прекратилъ знакомство, пересталъ съ нимъ кланяться. А Минаевъ продолжалъ глумиться надъ нимъ въ печати, обзывая его Всеволодомъ Клубничнымъ и многими другими глупыми именами, и распускать о немъ въ литературныхъ кружкахъ всевозможныя нелѣпости.— „Отчего вы не проучите нахала?"—спрашивали у Крестовскаго даже тѣ, кто разошелся съ нимъ во взглядахъ, въ оцѣнкѣ текущихъ событій.—„Марать объ него руки мнѣ не по-

звонитъ честь моего мундира!“ — спокойно отвѣчалъ авторъ „Петербургскихъ трущобъ“, на которыя Минаевъ яростно нападалъ и въ „Искрѣ“ и въ „Будильникѣ“ карикатуриста Н. А. Степанова. Но Минаевъ все таки дождался своего. Крестовскій зашелъ однажды въ одинъ изъ мелкихъ клубовъ, гдѣ Минаевъ любилъ „угощаться“ и угощать слушателей литературными слухами и отборными сплетнями. По адресу приведеннаго Крестовскаго онъ довольно громко сталъ дѣлать очень прозрачные намеки, которые и дополнилъ, по своему обыкновенію щеголять экспромптами (какъ говорили злые языки, иногда сочиненными раньше), незамысловатой эпиграммой:

У насъ одинъ есть романистъ...
Въ своихъ стишонкахъ онъ огнистъ,
Въ романахъ скученъ, водянистъ,
Развизенъ, сатиренъ, маслянистъ...
А въ жизни онъ лисѣ подобенъ...
Передъ слугою грубъ и злобенъ,
Передъ начальствомъ безподобенъ...
Онъ труситъ жизненныхъ колдобинъ—
И, какъ романъ его, трущобенъ...

Крестовскаго это взбѣсило тѣмъ болѣе, что Минаевъ кивалъ на него, что-то шепча своимъ слушателямъ,—и онъ рѣшился дѣйствовать, быть можетъ, вспомнивъ свои юношескія шалости и продѣлки, свою изобрѣтательность по этой части, подсѣлъ къ одному изъ игроковъ, въ которомъ нетрудно было узнать провинціала.—„Вамъ, кажется, не особенно везетъ? — спросилъ у него Крестовскій.—Я совѣтую вамъ, какъ старый воинъ на зеленомъ полѣ, оставить игру на время!“ Провинціалъ, изъ недалекихъ, всталъ, поблагодарилъ совѣтчика, и Крестовскій увлекъ его въ другую комнату.—„Не играйте сегодня здѣсь совсѣмъ,—внушительно замѣтилъ онъ провинціалу.—Васъ навѣрняка обыгрываютъ „карточные виртуозы“. Самый главный изъ нихъ извѣстенъ немногимъ, какъ шулеръ; если вы его удалите, за нимъ уйдутъ и его подчиненные... Тогда садитесь смѣло и играйте съ тѣми, кто играетъ чисто... Можетъ-быть, счастье улыбнется вамъ!..“ Провинціалъ разсыпался въ благодарностяхъ и спросилъ у Крестовскаго — какимъ же способомъ удалить этого господина.—„А вотъ видите,—отвѣтилъ ему Крестовскій,—этотъ господинъ, кромѣ своей „профессіи“, помѣшанъ на сочиненіи эпиграммъ. Подсядьте къ кружку его слушателей, предложите ему коньяку или абсенту, наведите разговоръ на стихи и спросите — правду ли говоритъ, что онъ сочиняетъ свои экспромпты заранѣе... Улыбнитесь и попросите разубѣдить васъ экспромптомъ, скажите, что вы изъ провинціи... Онъ, въ отвѣтъ, или обидные стихи вамъ скажетъ или прямо выругаетъ васъ... Ударьте его и ретируйтесь, пока его не вывели!“

Провинціалъ продѣлалъ все какъ по писанному. Минаевъ страшно обозлился на провинціала, за то, что онъ подорвалъ его авторитетъ; помолчалъ недолго и разразился такими стихами:

Провинція, какъ ракъ сырой,
Полезть средь жизни немудреной,
Или не движется порой,
Безжизненно, какъ ракъ вареный...
Румяны тамъ, какъ бураки.
И жить болванамъ тамъ но худо;
Тамъ процѣтаютъ дураки—
А вы пріѣхали оттуда...

Провинціалъ жестоко расправился съ Минаевымъ, который полѣзъ драться. Но высокій, плечистый провинціалъ былъ сильнѣе сатирика-пасквилянта... Въ концѣ-концовъ ихъ обоихъ вывели. При слѣдующемъ же ближайшемъ свиданіи съ Минаевымъ Крестовскій, не подавая ему руки, сказалъ Минаеву:—„За вашу эпиграмму въ клубѣ на мой счетъ я разсчитался съ вами... Будьте впередъ осторожнѣе!“ Минаевъ былъ еще трезвъ въ тотъ моментъ—и ссоры не затѣялъ, а поспѣшилъ отвернуться отъ Крестовскаго и уйти. Исторію эту знали многіе очевидцы, отъ которыхъ я ее слышалъ, а подробности добавилъ самъ Крестовскій, передавшій ихъ своимъ друзьямъ“.

Къ исторіи нашей передовой журналистики.

[07:92(У:Г:М:)]

Книгоиздательство писателей выпустило первый томъ „Архива В. А. Гольцева“—обширнаго собранія писемъ разныхъ представителей литературы, науки и искусства и общественныхъ дѣятелей къ покойному Гольцеву, какъ къ редактору „Русской Мысли“. Среди писемъ Глѣба Успенскаго имѣется здѣсь письмо отъ 30 дек. 1887 г., которое обращаетъ на себя вниманіе не только какъ документъ, характерный для самого автора письма: оно даетъ и кое-что для характеристики передовой журналистики 80-тыхъ годовъ и взаимныхъ отношеній ея руководителей.

„Многоуважаемый Викторъ Александровичъ! Когда я видѣлся съ Вами въ Москвѣ, я еще не видалъ Вашей статьи въ Русской Мысли о Сѣверномъ Вѣстникѣ и главнымъ образомъ о Н. К. Михайловскомъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ и прочитавъ ее, я очутился въ самомъ ужаснѣйшемъ положеніи, въ которомъ пребываю и сейчасъ и не знаю какъ изъ него выйду.

Я конечно несьма не одобряю Мих. за то,

что онъ началъ придираться къ Р. М. [1]). Въ Петербургѣ надъ этой полемикой смѣются и говорятъ: точно Гражданинъ съ Московскими вѣдомостями. Но ваша статейка, мнѣ кажется, поставила дѣло пререканія между двумя собратіями сразу на борьбу съ личностью именно Н. К. Мих. Это обстоятельство именно и ставитъ меня въ самое недобросовѣстное положеніе и по отношенію къ Сѣв. Вѣст. и главнымъ образомъ по отношенію къ Н. К. Мы съ нимъ работаемъ и живемъ 10 лѣтъ, и теперь, когда вы колите его грѣхами редакціи (именно его, а не редакцію), я долженъ писать для Русской Мысли. По всему Петербургу я искалъ денегъ и хотѣлъ ихъ возвратить, словомъ, не имѣлъ желанія ссориться съ Вами и редакціей или прекращать съ ней всякія связи, напротивъ, я этимъ дорожу. Я во многомъ безконечно Вамъ благодаренъ, въ этомъ Вы не можете сомнѣваться; не можете сомнѣваться и въ томъ, что я высоко цѣню настойчивость вашихъ стремленій и благородство цѣлей; но поймите жъ мое положеніе, могу ли я чувствовать себя по-человѣчески и искренно, будучи лично знакомъ съ Вами обоими и видя непріятную, начинающуюся только полемику. За кого жъ мнѣ тутъ стоять, кому сочувствовать и кому несочувствовать, повторяю Вамъ—*искренно?* Если Вы въ интересахъ Русской Мысли берете на себя трудъ обороны ея (Мих. не нивилъ никакихъ лицъ, а прямо говорилъ о направленіи журнала, при чемъ, конечно, и я не согласенъ съ нимъ во многомъ) отъ нападокъ на ея сотрудниковъ и непредоставляете этого дѣла имъ самимъ (хотя бы г-ну библіографу), то въ какое жъ положеніе становлюсь я, примыкая своимъ участіемъ къ журналу, который дѣлаетъ нападеніе на самое близкое мнѣ лицо, а не на журналъ, въ которомъ я простой работникъ. Появленіе моей статьи [1]) въ Русской Мысли (обѣщанной, какъ Вамъ хорошо извѣстно, до Вашей статьи о Михайловскомъ) произвело какъ на Михайлов., такъ и на всю редакцію Сѣв. Вѣстника самое непріятное впечатлѣніе. Я хотѣлъ достать денегъ, уплатить ихъ Вукол. Мих. [2]) и извиниться, но денегъ не досталъ и если бы досталъ ихъ, то выслалъ бы непременно вмѣстѣ съ обѣщанною статьею, предоставляя Вамъ самимъ по-человѣчески разсудить, каково мое нравственное состояніе, когда я своими руками наношу Н. К. большое громадное оскорбленіе и дѣлаю ему огромнѣйшую непріятность, принимая участіе въ журналѣ, который именно его-то и щипнулъ. Сѣв. Вѣстн. и Мих., и особенно по-

---

[1]) „Самое интересное для меня въ настоящую минуту то, писалъ Михайловскій („С. В." 87 г. кн. XI), что „Р. М.", удѣляющая столько мѣста романамъ Сенкевича, отнюдь не раздѣляетъ его шляхетскихъ тенденцій, а въ области критики исповѣдуетъ принципы, съ точки зрѣнія которыхъ эти романы и въ чисто-художественномъ отношеніи несостоятельны. Зачѣмъ же они печатаются? Неужели только потому, что и на нихъ найдется читатель? Но вѣдь журналъ не лавочка, въ которомъ должны быть товары для всѣхъ покупателей, и хозяевамъ и сидѣльцамъ которой не приходится думать объ исправленіи вкуса кліентовъ... Усиліями нашей критики и всѣхъ крупныхъ мастеровъ беллетристики, изъ нашей литературы, казалось бы, совсѣмъ изгнанъ тотъ лживый, ходульный, фольгой и сусальнымъ золотомъ разукрашенный романъ, представителемъ котораго на страницахъ „Р. М." является Сенкевичъ"... „Къ счастью, та же „Р. М." при случаѣ примыкаетъ къ литературному теченію, дочиста смывшему ходульную романтическую фальшь, и появленіе въ ней историческихъ романовъ Сенкевича есть только одно изъ выраженій того общаго хаоса, который царитъ въ журналистикѣ и которому, однако, пора кончиться. Проявленіе того же хаоса составляетъ журнальное обозрѣніе „Р. М.". Когда принципы находятся въ хаотическомъ состояніи, то *факты натурально стоятъ каждый особнякомъ, торчатъ въ разныя стороны*, безъ перспективы, безъ обобщенія... Останавливаясь „по порядку" на той или иной повѣсти или статьѣ, журн. обозрѣватель „Р. М." весьма мало интересуется ихъ общимъ значеніемъ... Онъ выдергиваетъ ихъ одно за другимъ, какъ рѣдьку изъ грядки, и тщательно описываетъ каждое"... Отвѣчая Н. Михайловскому въ 12 кн. „Русск. Мысли" въ 1887 г., В. А. Гольцевъ писалъ: „Пригнать къ направленію журнала до мельчайшихъ подробностей, беллетристическія произведенія... — дѣло мудреное и, по нашему мнѣнію, не нужное. До чего оно трудно, доказательствомъ служитъ „Сѣв. Вѣстн.", въ редактированіи котораго принимаетъ участіе такой опытный литераторъ, какъ Н. К. Михайловскій. Петербургскій собратъ, ополчившійся на насъ, печаталъ, напримѣръ, великосвѣтскій романъ какого-то Руслана и спиритическій романъ Н. Вагнера... Н. М. прибѣгнулъ къ нехорошему пріему, спрашивая, не желаетъ ли „Р. М." печатаніемъ „Потопа" угодить всѣмъ, на всѣ вкусы?.. Высказывать оскорбительное предположеніе всего менѣе подобало сотруднику петербургскаго журнала, въ которомъ помимо многихъ отдѣльныхъ грѣховъ, существуетъ параллельное развитіе несогласныхъ между собою взглядовъ (иностранное обозрѣніе г. Южакова и Дневникъ читателя Н. М.)... неблагоразумно, сидя въ домѣ съ стеклянной крышей, бросать камни въ сосѣда"... Далѣе В. А. Гольцевъ указываетъ на то, что страницы „Сѣв. Вѣстника" украшаются произведеніями того самаго І. Ясинскаго, романъ котораго „Старый другъ" Н. М. называетъ пасквилемъ.

[1]) „Непривычное положеніе". (Говорится о *предполагаемомъ* появл.).

[2]) Лавровъ, покойный издатель „Русской Мысли".

слѣдній, огорчены до глубины моимъ поступкомъ, который они считаютъ просто измѣной имъ; все равно если бы Ремезовъ или кто изъ сотрудниковъ Р. М. взялъ да и прислалъ свою статью въ Сѣв. Вѣстн., точно обрадовавшись тому, что его щиплетъ Русск. Мысль. Вотъ мое положеніе, изъ котораго я не знаю выхода кромѣ того, что у меня положительно опускаются руки и тошно жить на свѣтѣ. Въ Вашихъ рукахъ была такая масса всевозможныхъ недостатковъ и ошибокъ и чепухи, бывшей въ Сѣвер. Вѣстн., что Вамъ легко бы можно было полемизировать, не ставя насъ, сотрудниковъ, лично знакомыхъ между собою людей, въ невозможное положеніе. Не обращая я вниманія на наше рабочее положеніе, — Вы, вотъ меня, по крайней мѣрѣ, ставите положительно въ неловкое и мучительное положеніе, также какъ будто съ равнодушіемъ относитесь къ старымъ и прочнымъ литературнымъ связямъ. Мих. не нападалъ на Васъ и не Васъ сѣкъ виновникомъ недостатковъ Русск. Мысли, — вы жъ прямо взялись за него. Между тѣмъ, Вы сами знаете, что и у Васъ и въ Сѣв. Вѣстн. работаютъ люди, общіе Вамъ обоимъ знакомые. Почему жъ Вы о насъ-то не подумали и не пожалѣли? Не знаю, какъ поступилъ Короленко и Н. В. Шелгуновъ,—во я увѣренъ, что Вы очутились въ самомъ непскреннемъ нравственномъ состояніи совѣсти.

Извините меня, многоуважаемый Викторъ Александровичъ, за это письмо, но положеніе мое до того мучительно, что я положительно не знаю—что мнѣ дѣлать? Мнѣ просто совѣстно въ глаза смотрѣть людямъ — и ужъ какая тутъ будетъ работа!

Для меня было бы величайшимъ облегченіемъ, если бы Вы отложили мою статью до февраля [1]), прикленвъ къ 1 кн. ярлыкъ, что статья запоздала по моей болѣзни. Въ этотъ промежутокъ времени ошибка, сдѣланная Сѣв. Вѣстн. и Русск. Мысл., вѣроятно забудется, потеряетъ свой острый характеръ и въ то же время *постепенно возстановятся мои почти прерванныя нравственныя связи*, какъ съ Мих., такъ и съ Сѣв. Вѣстн. Русская Мысль не нуждается ужъ такъ сильно въ моемъ сотрудничествѣ, чтобы было невозможно дать мнѣ мѣсяцъ отдыху. Читатель будетъ знать, что статья есть (она и есть вѣдь),— но мнѣ-то Вы сдѣлаете величайшее благодѣяніе, давъ мнѣ возможность быть *просто* вашимъ сотрудникомъ, а не врагомъ Сѣв. Вѣстн. и Ник. Кон., которымъ я вдругъ сталъ теперь. Я надѣюсь, что Вы поймете всю напрасность накладывать на мою душу такую огромную муку. За что это? Я и такъ перемучился много на своемъ вѣку. Неужели жъ я не имѣю возможности разсчитывать на простое великодушіе людей, знающихъ мою жизнь. Говорю Вамъ положительно—я оправлюсь и буду у Васъ работать безпрепятственно, если Вы дадите время утихнуть протнвъ меня негодованію С. В. и Мих. Если жъ Вы не найдете возможнымъ сдѣлать это, то только *напрасно* наваливе на мою душу угнетающую тяжесть и самую удручающую тоску и горе. А я и такъ ужъ устлалъ непомѣрно. Вотъ мое положеніе! Если жъ Вы окажете мнѣ эту услугу, ничѣмъ не вредящую успѣху Русской Мысли, я буду благодаренъ Вамъ вѣчно и отъ души, всей души, что и докажу *на дѣлѣ*. Вашъ *Г. Успенскій*".

Михайловскій.

[92(М):301(47)]

Поминая недавно знаменитаго критика-публициста, по случаю исполнившагося десятилѣтія его смерти, А. Измайловъ (въ „Рус. Сл.", № 22) предавался воспоминаніямъ о томъ, какъ относилось къ этому властителю думъ, любимѣйшему учителю, „рыцарю почетнаго карауда", ихъ поколѣніе въ дни своей ранней молодости.

„Мы,—задушевно разсказываетъ авторъ о тогдашнихъ переживаніяхъ своихъ и своихъ сверстниковъ,—мы передъ нимъ благоговѣли,— другого слова нѣтъ. Вѣдь, мы были совсѣмъ другіе, чѣмъ нынѣшніе. За гроши мы скупали на толучкахъ некрасовскій „Современникъ" и перелистывали страницы Н. — бова и Н. Ч—ского съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ старовѣръ листаетъ дониконовскую церковную книгу. Теперь такого юношу можно показывать за деньги.

То чувство, съ какимъ мы встрѣчали Михайловскаго, выступающаго на вечерѣ, намъ уже не нережить никакою пѣною, никакимъ опьяненіемъ, какъ нельзя вернуть себѣ двадцать лѣтъ. Въ необъятномъ залѣ Дворянскаго собранія, гдѣ занятъ былъ каждый дюймъ, какой только можно было занять, у всей этой молодежи, прицѣпившейся къ подоконникамъ, столпившейся въ проходахъ, было воистину единое сердце.

Михайловскому не давали начать, не позволяли уйти,—вы знаете, какъ молодежь безжалостна въ аплодисментѣ. Читалъ онъ непрямѣчательно,—нервно, неровно, голосомъ слабѣющимъ и не очень внятнымъ, всегда по

[1]) Ст. напечатана въ янв. кн. „Р. М."

книжкѣ и, очевидно, никогда, по свойству нервныхъ людей, не имѣя силъ побѣдить волненія передъ толпой, какъ ни велика была привычка. Любилъ читать одинъ отрывокъ,—о послѣднемъ годѣ Некрасова и его умираніи. Стильныя, суровыя и жуткія страницы.

Но было неважно, что онъ читалъ. Д-бран половина зала ничего не слышала. Важно было его видѣть, и невысокій, старый, но и въ старости изящный, съ прекрасной академической головой, онъ царилъ надъ этой толпой, вызывая краску на щеки студентокъ.

По окончаніи вечера выносили его не иначе, какъ на рукахъ, колоссальною толпою, терпѣливо выжидавшею его на лѣстницѣ,— несли, какъ тріумфатора, считая счастьемъ коснуться края одежды его, ловя его улыбки, улыбаясь, наступая на ноги, зацѣпляя за косыночки и кружевные воротнички курсисточекъ. Очаровательное время!

Ему вѣрили и его любили такъ, что дѣйствительно два слова: magister dixit,—полагали конецъ всякому спору. Важно было не то, что сказано, напримѣръ, ему сказать слово въ духѣ своего ученія,—и все шло бы за нимъ. Больше. Его идейная власть стояла уже на той грани, гдѣ онъ могъ не только безнаказанно, но и съ тѣмъ же захватомъ сказать слово наперекоръ,—и ему повиновались бы, какъ ангелу съ неба. Въ минуту, напримѣръ, безусловнаго рѣшенія студенчества протестовать забастовкой, ему стоило бы сказать, что студентамъ должно учиться,—и, можетъ быть, не совсѣмъ понимая, почему это нужно, но вѣря, что нужно, молодежь тотчасъ же пошла бы въ аудиторіи и студіи. Суворину за такой совѣтъ разбили бы стекла,—передъ Михайловскимъ обнажали бы головы.

Потомъ, когда мы вышли въ жизнь и въ литературу, мы увидѣли, какъ насъ не обманули наше полудѣтское чутье. Наши старшіе братья уже давно облекли его тѣми же диктаторскими полномочіями въ области мысли. Слово его было воистину „со властію“. Онъ дѣлалъ дождь и погоду въ литературѣ и общественности, разсылалъ жалованныя грамоты и интердикты.

Страшно было прикосновеніе его пятнающей десницы и сражало человѣка наповалъ. Какъ никто, онъ владѣлъ убійственнымъ оружіемъ сарказма, но въ этихъ ратоборствахъ больше значило не словесное мастерство, а могучій нравственный авторитетъ. Зато, ваоборотъ, въ послѣдніе годы жизни его одно его указаніе пальцемъ: „вотъ идетъ человѣкъ!“—уже опредѣляло писательскую карьеру. Л. Андреевъ былъ едва ли не послѣдній, на кого онъ поднялъ этотъ указующій перстъ.

Стоя на своемъ наумительномъ посту, онъ равнялъ глазъ, какъ разнявають его морскіе волки, видящіе огонь маяка сквозь туманъ и бурю. Какъ сгибъ его къ концу жизни утончился до острія меча, такъ эта мѣткость критическаго глаза приближалась почти къ прозорливости. Не напоминайте ошибокъ его діагноза—чрезмѣрную и долгую осторожность въ отношеніи Чехова и т. п. Михайловскій былъ человѣкъ со всѣми предрасположеніями своего вѣка, осторожностью партійнаго бойца, просто, наконецъ, съ личными вкусами. И многое, о чемъ онъ высказывался, и что стоитъ во весь ростъ передъ нами, было въ его дни эмбріономъ. Въ критикѣ не мирятся съ полутонами и оговорками. Отъ критика требуютъ рѣшительныхъ и окончательныхъ словъ: вотъ тутъ, сейчасъ, около колыбелей и около незасыпанныхъ могилъ. Отъ него хотятъ проницаній, но онъ—не Вогъ...“

Короленко.

[92 (К)]

Въ „Якутской Окраинѣ“ помѣщены воспоминанія нѣкоей г-жи Аѳанасьевой о жизни В. Г. Короленко въ ссылкѣ, въ 1882—1884 гг., когда писатель былъ подневольнымъ обитателемъ села Амга. Нѣкоторыя подробности стоитъ выдѣлить.

Жилъ В. Г. въ одной изъ юртъ, стоявшихъ на окраинѣ селенія. Она отличалась отъ обыкновенной якутской юрты только тѣмъ, что въ ней была русская печь, сбитая изъ глины самими обитателями. Стѣны юрты были оклеены старыми газетами. Въ шутку В. Г. говорилъ, что иногда, отъ нечего дѣлать, онъ читаетъ эти газеты.

Все свое хозяйство ссыльные вели сами: сами пекли хлѣбъ, сами варили обѣдъ и убирали юрту; сами они пахали, сѣяли и убирали хлѣбъ, косили сѣно и немного занимались огородничествомъ.

В. Г. былъ довольно разсѣянный.

Помню—пишетъ г-жа Аѳанасьева,—отправился онъ разъ за водой къ рѣчкѣ въ верстѣ отъ юрты; пустилъ лошадь впередъ, а самъ зашагалъ сзади съ книжкой, увлекся чтеніемъ и не замѣтилъ, какъ лошадь свернула на лугъ щипать траву, а онъ продолжалъ итти за ней, и, спустя порядочное время, очутился въ сторонѣ, далеко отъ рѣчки.

На печи было написано углемъ крупными буквами „соль“. Сдѣлалъ это В. Г., такъ какъ онъ часто забывалъ солить тѣсто, а увидавъ

нались при посадкѣ хлѣба въ печь, вспоминалъ и густо посыпалъ его солью сверху.

В. Г. самъ стиралъ себѣ бѣлье. Денегъ было мало, особіе выдавалось по шести рублей въ мѣсяцъ, и отдавать бѣлье въ стирку было не на что. Лѣтомъ, бывало, возьметъ узелокъ съ бѣльемъ, корыто и идетъ къ озеру. Выстираетъ, развѣшаетъ бѣлье на изгороди, а самъ ляжетъ на траву съ книжкой и читаетъ, пока оно сохнетъ.

Зимой ему и его товарищамъ приходилось самимъ лить сальныя свѣчи. Когда не было масла, на этихъ же свѣчахъ поджаривался и хлѣбъ.

Чеховъ и отношеніе къ нему писателей старшаго поколѣнія.

[92(Ч):891.7.09].

Въ упомянутый у насъ выше—въ обзорѣ „Изъ записной книжки Чехова“ — второй сборникъ „Слова“ вошла, какъ сказано, серія писемъ къ молодому А. П. видныхъ писателей его времени. Мы остановимся лишь на нѣсколькихъ письмахъ Григоровича и Михайловскаго, хотя и письма Полонскаго и Плещеева представляютъ извѣстный біографическій интересъ. Вообще, помѣщенная въ „Словѣ“ переписка съ Чеховымъ свидѣтельствуетъ, какое трогательное любовное вниманіе оказывали ему и его расцвѣтавшему тогда таланту „старики“ и какъ дорожили они всякимъ проявленіемъ его дружескаго расположенія къ нимъ.

Читатели нашего журнала уже знаютъ, какъ отозвался Чеховъ на извѣстное обращеніе къ нему Д. В. Григоровича („Біол.“ № 11 за 1911/2 г.). Теперь можемъ сообщить текстъ самыхъ этихъ григоровичевскихъ писемъ.

1.

Петерб. 25 марта (1886 г.).

Милостивый Государь, Антонъ Павловичъ,

Около года тому назадъ, я случайно прочелъ въ Петерб. газетѣ Вашъ разсказъ; названія его теперь не припомню; помню только, что меня поразили въ немъ черты особенной своеобразности, а главное,—замѣчательная вѣрность, правдивость въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ и также при описаніи природы. Съ тѣхъ поръ я читалъ все, что было подписано *Чехонте*, хотя внутренно сердился за человѣка, который такъ еще мало себя цѣнитъ, что считаетъ нужнымъ прибѣгать къ псевдониму. Читая Васъ, я постоянно) совѣтывалъ Суворину и Буренину слѣдовать моему примѣру. Они меня послушали и теперь, вмѣстѣ со мною, не сомнѣваются, что у Васъ *настоящій* талантъ,—талантъ, выдвигающій Васъ далеко изъ круга литераторовъ новаго поколѣнія. Я не журналистъ, не издатель; пользоваться Вами я могу только читая Васъ; если я говорю о Вашемъ талантѣ, говорю по убѣжденію. Мнѣ минуло уже 65 лѣтъ; но я сохранилъ еще столько любви къ литературѣ, съ такою горячностью слѣжу за ея успѣхомъ, такъ радуюсь всегда, когда встрѣчаю въ ней что-нибудь живое, даровитое, что не могъ—какъ видите,—утереть и протягиваю Вамъ обѣ руки. Но это еще не все; вотъ что хочу прибавить: по разнообразнымъ свойствамъ Вашего несомнѣннаго таланта, вѣрному чувству внутренняго анализа, мастерству въ описательномъ родѣ (Митеть, ночь, мѣстность въ Агафьѣ и т. д.), чувству пластичности, гдѣ въ нѣсколькихъ строчкахъ является полная картина: тучки на угасающей заранѣ: *„какъ пепелъ на потухающихъ угольяхъ...“* и т. д —вы, я увѣренъ, призваны къ тому, чтобы написать нѣсколько превосходныхъ истинно художественныхъ произведеній. Вы совершите великій нравственный грѣхъ если не оправдаете такихъ ожиданій. Для этого вотъ что нужно: уваженіе къ таланту, который дается такъ рѣдко. Бросьте срочную работу. Я не знаю Вашихъ средствъ; если у Васъ ихъ мало, голодайте лучше, какъ мы въ свое время голодали, берегите Ваши впечатлѣнія для труда обдуманнаго, обдѣланнаго, писаннаго не въ одинъ присѣсть, но писаннаго въ счастливые часы внутренняго настроенія. Одинъ такой трудъ будетъ во сто разъ выше оцѣненъ сотни прекрасныхъ разсказовъ; разбросанныхъ въ разное время по газетамъ; Вы сразу возьмете призъ и станете на видную точку въ глазахъ чуткихъ людей и затѣмъ всей читающей публики. Въ основу Вашихъ разсказовъ часто взятъ мотивъ нѣсколько . . . . . оттѣнка, къ чему это? Правдивость, реализмъ не только не исключаютъ изящества,—но выигрываютъ отъ послѣдняго. Вы настолько сильно владѣете формой и чувствомъ пластики, что нѣтъ особой надобности говорить, напр., о грязныхъ ногахъ съ вывороченными ногтями и о пукѣ у дьячка. Детали эти равно ничего не прибавляютъ къ художественной красотѣ описанія, а только портятъ впечатлѣніе въ глазахъ читателя со вкусомъ. Простите мнѣ великодушно такія замѣчанія; я рѣшился ихъ высказать потому только, что истинно вѣрю въ Вашъ талантъ и желаю ему отъ всей души полнаго выраженія. На-днихъ, говорили мнѣ,—выходитъ книга съ Вашими разсказами; если она будетъ подъ псевдонимомъ *Че-хон-те*,—убѣ-

дательно прошу Васъ телеграфировать издателю, чтобы онъ поставилъ на ней настоящее Ваше имя. Послѣ послѣднихъ разсказовъ въ „Нов. Врем.“ и успѣха „Егеря“ оно будетъ имѣть больше успѣха. Мнѣ пріятно было бы имѣть удостовѣреніе, что Вы не сердитесь на мои замѣчанія, но принимаете ихъ какъ слѣдуетъ къ сердцу, точно такъ же, какъ я пишу Вамъ не авторитетно,—но простотѣ стараго сердца.

Жму Вамъ дружески руку и желаю Вамъ всего лучшаго! Уважающій Васъ *Д. Григоровичъ.*

2.

Петерб. 2 апр. 1886 г.

Отвѣтъ Вашъ истинно меня обрадовалъ и въ то же время растрогалъ, Антонъ Павловичъ. Письмо мое вырвалось у меня невольно, въ радостномъ увлеченіи привѣтствовать новый литературный талантъ; но и тогда же подумалъ: „онъ навѣрное иронически отнесется къ горячности старика... А впрочемъ, что за бѣда! Я свое дѣло сдѣлалъ по совѣсти!..“ Вы же отвѣтили мнѣ самымъ сердечнымъ образомъ— и хорошо сдѣлали. Вы этимъ подтвердили только мою вѣру въ Ваше дарованіе: впечатлительность и сердечность въ тѣсной связи съ творческой способностью. Повѣрьте, я счелъ бы за большой грѣхъ тревожить Вашу душу обольщеніемъ, если бы то, что писалъ Вамъ, не выходило изъ твердаго убѣжденья человѣка опытнаго, прожившаго 40 лѣтъ въ кругу лучшихъ нашихъ и иностранныхъ писателей, человѣка, сохранявшаго горячую любовь къ литературѣ, много читавшаго и теперь еще много читающаго. Читая Ваши разсказы,—я не сразу себѣ повѣрилъ. Какъ опытная гончая собака, почуявъ за кустами дупеля,—я на него не бросился, подобрался тихонько ближе, прочелъ еще разъ, подчеркивая то, что остановило мое вниманіе, и тогда уже, сдѣлавъ конечное заключенье, отправился къ Суворину, къ Полонскому, Потѣхину и Буренину—которые вполнѣ согласились со мною. Вотъ Вамъ мой дружескій совѣтъ: первымъ дѣломъ, необходимо покончить съ работой срочной, спѣшной и по мелочамъ. Вы прекрасно сдѣлали, что берегли и не тратились образами и картинами, которыя Вамъ особенно дороги. Выберите изъ этого запаса то, что Вамъ ближе къ сердцу, обдумайте хорошенько планъ (архитектурная постройка, повѣрьте, важная вещь)— и лѣтомъ приступайте съ Богомъ къ работѣ. Если къ свойствамъ Вашего таланта не подходятъ повѣсть или романъ,—пишите мелкіе разсказы,—но обдѣлывайте ихъ до тонкости. Тургеневъ однимъ записками охотника сдѣлалъ бы себѣ громкое имя! Передъ Вами сто грядъ засѣянныхъ фіалками; художественная задача въ томъ, чтобы въ одномъ небольшомъ флаконѣ сосредоточить фіалковый запахъ этихъ ста грядъ. Образецъ повѣсти, по-моему, „Тамань“ Лермонтова. Пусть всѣ литераторы соберутся и ни одинъ не найдетъ слово, которое можно было бы прибавить или убавить; тамъ все какъ цѣльный музыкальный аккордъ. Когда кончите Вашу работу, пришлите ее мнѣ,—не для замѣчаній, Боже упаси,—но для того только, чтобы я могъ опредѣлить ее въ хорошее мѣсто и за гонораръ, который я устрою, конечно, выгодный, чѣмъ Вы это сдѣлаете. Успѣхъ будетъ—я увѣренъ; Вы прямо займете то мѣсто, которое Вамъ слѣдуетъ. Тогда Вы смѣло можете отымать время у медицины въ пользу литературы. По любви Вашей къ природѣ и замѣчательному чувству, съ какимъ Вы ее описываете,—Вы еще поэтъ въ добавокъ. Это драгоцѣнное свойство, столь рѣдкое теперь въ литераторахъ новой формаціи,—выпишетъ Васъ какъ на крыльяхъ. Правдивость передачи внѣшнихъ впечатлѣній,—нимало не требуетъ подробностей грубо матерьяльнаго оттѣнка. Это между прочимъ, недостатокъ Золя—а ужъ на что талантъ! Прибавилъ ли Гоголь хотя малѣйшую черту въ свою чудную повѣсть „Шинель“, заставивъ городового казнить звѣрей на ногтѣ?—точно посреди задушевной бесѣды вдругъ кто-то рыгнулъ. Читали ли Вы Пиквикскій клубъ Диккенса. Если нѣтъ,—непремѣнно прочтите. Такая картина изъ русскихъ нравовъ давно ждетъ своего Диккенса. Россія велика, и Мертвыя Души далеко еще не все исчерпали. Но я заболтался съ Вами,—удѣлъ живыхъ старцевъ. Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца уѣзжаю за границу; но когда случится Вамъ быть въ Петербургѣ,—надѣюсь увидѣть Васъ и обнять Васъ, какъ обнимаю теперь заочно. Портретъ посылаю Вамъ съ великимъ удовольствіемъ и желалъ бы, чтобы Вы отвѣтили мнѣ тѣмъ же. Сердечно Вамъ преданный

Д. Григоровичъ.

Приведемъ также оба письма Н. К. Михайловскаго.

1.

88, 11, 15.

Антонъ Павловичъ,

Я сейчасъ дочиталъ корректуру Вашей „Степи“, и хочется мнѣ объ ней сказать Вамъ нѣсколько словъ. Хотите обижайтесь, хотите сердитесь за это непрошенное письмо — мнѣ все равно, потому что слишкомъ я далекъ

отъ мысли сдѣлать Вамъ обиду. Читая „Степь“, я все время думалъ, какой грѣхъ Вы совершили, разрываясь на клочки, и какой это будетъ ужъ совсѣмъ страшный, незамолимый грѣхъ, если Вы и теперь будете себя рвать. Читая, я точно видѣлъ салача, который идетъ по дорогѣ, самъ не зная куда и зачѣмъ, такъ, кости разминаетъ, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая объ ней, то росточекъ сорветъ, то дерево съ корнемъ вырветъ, все съ одинаковою легкостью и даже разницы между этими дѣйствіями не чувствуетъ. Много Вамъ отъ Бога дано, Антонъ Павловичъ, много и спросится. Сила—это само собой. Но сила бываетъ мрачная (Достоевскій) и ясная (Толстой до своего помѣшательства). Ваша сила ясная и въ этой ясности ручательство, что злу она не послужитъ, не можетъ послужить, за что бы Вы ни взялись, что бы ни задумали. Я былъ сначала пораженъ Вашей неисчерпаемостью, потому что не знать школы, хуже той, которую Вы проходили въ „Новомъ Времени“, „Осколкахъ“ и проч. Потомъ понялъ, что иначе и не могло быть,— эта грязь не могла къ Вамъ пристать. Школа однако сдѣлала, что могла, — пріучила Васъ къ обрывочности и къ прогулкѣ по дорогѣ не знаю куда и не знаю зачѣмъ. Это пройдетъ, должно пройти, Вы будете не только не служить злу, а прямо служить добру. Само собой это выйдетъ, и тогда берусь Вамъ предсказать блестящую будущность. Но примите хоть къ свѣдѣнію совѣты человѣка, посѣдѣвшаго на литературѣ, — не возвращайтесь ни на минуту на тотъ путь, съ котораго сошли, погибнете тамъ. Не то, чтобы Вы непремѣнно писали большія вещи, пишите что хотите, пишите мелкіе разсказы, но Вы не должны, не смѣете быть дилетантомъ въ литературѣ, Вы въ нее должны душу положить.

Простите пожалуйста, поймите, изъ какого источника это письмо идетъ. И еще простите одну мелочь: я дополнилъ Вашу подпись,—не Ан., а *Антонъ* Чеховъ. Есть, говорятъ, другой Чеховъ, да и вообще это фамилія не рѣдкая, а Вы—рѣдкій. Прецедентъ — *Глѣбъ* Успенскій. Вашъ *Ник. Михайловскій*.

2.

Извините, что не скоро отвѣтилъ Вамъ, уважаемый Антонъ Павловичъ, — былъ очень занятъ, какъ это всегда бываетъ передъ выходомъ книжки.

Не скрою, что Ваше письмо меня огорчило, до чего Вамъ дѣла нѣтъ, конечно, дѣла нѣтъ. Я ничего не могу возразить противъ отсутствія въ Васъ опредѣленной вѣры,—на нѣтъ и суда нѣтъ. Не считаю себя, разумѣется, въ правѣ касаться Вашихъ личныхъ чувствъ къ Суворину. Но позволю себѣ не согласиться съ однимъ Вашимъ аргументомъ. Вы пишете, что лучше ужъ пусть читатели „Новаго Времени“ получатъ Вашъ индиферентный разсказъ, чѣмъ какой-нибудь „недостойный, ругательный фельетонъ“. Безъ сомнѣнія это было бы лучше, если бы Вы въ самомъ дѣлѣ могли замѣнить собой что-нибудь дрянное. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ. Ради Вашего разсказа не изгонятся ни злобная клевета Буренина, ни каторжныя писанія „Жителя“, ни „патріотическая“ наука Эльве. Я думаю, Вы сами съ этимъ согласитесь. Вашъ разсказъ поступитъ въ общій котелъ, ничего собой не замѣнивъ и не измѣнивъ. Вы своимъ талантомъ можете только дать лишнихъ подписчиковъ и, стало быть, читателей Буренину, Жителю, Эльве, которыхъ Вы не замѣните, и разнымъ гаусманамъ передовицамъ, которыхъ Вы замѣнить и не пожелаете. Колеблющіеся умы, частію благодаря Вамъ, въѣдятся въ эту кашу и, привыкнувъ, найдутъ, что она не такъ ужъ дрянна,—а ужъ чего дрянѣе! Вы говорите объ аристократической брезгливости ясной силы, не дѣлающей чести ея сердцу. Здѣсь нѣтъ аристократизма, Антонъ Павловичъ, а сердце есть, сердце и участіе къ тѣмъ, кто по тяжелымъ обстоятельствамъ времени вынужденъ ежедневно питаться гнусностями. Не индиферентны Ваши разсказы въ „Н. В.“ — они прямо служатъ злу.

Простите пожалуйста. *Ник. Михайловскій*.

Маркъ Твэнъ.

[92(Т)]

Въ мартовской книжкѣ „Вѣст. Иностр. Лит.“ находимъ переводъ помѣщеннаго въ англійскомъ журналѣ „Strand“ очерка Маріонъ Алленъ, въ домѣ которой провелъ послѣдніе дни жизни знаменитый американскій юмористъ. Нѣкоторые сообщаемые здѣсь эпизоды довольно ярко обрисовываютъ личность покойнаго писателя.

„Какъ-то разъ я пригласила на ужинъ двухъ малолѣтнихъ сыновей моей подруги, проживавшей недалеко отъ насъ. Какъ только кончился ужинъ, малыши обратились къ Марку Твэну съ просьбой „разсказать имъ что-нибудь страшно интересное.“

Твэнъ никогда не заставлялъ себя долго просить и, въ данномъ случаѣ, охотно пошелъ навстрѣчу маленькой аудиторіи. Нечего говорить о томъ, что черезъ нѣсколько минутъ во всемъ

домѣ стоялъ невообразимый шумъ и хохотъ. Вмѣстѣ съ малышами заразительно весело, отъ всего сердца, смѣялся и самъ разсказчикъ.

Вдругъ Маркъ Твэнъ остановился и въ видѣ „уплаты за трудъ", потребовалъ, чтобы мальчики въ свою очередь разсказали ему что-нибудь. Одинъ изъ мальчиковъ, крохотный С., также не заставилъ себя долго просить и началъ какой-то презабвнѣйшій разсказъ, который когда-то отъ кого-то слышалъ.

Во время разсказа я не отрывала взгляда отъ лица Твэна и тотчасъ же замѣтила какую-то странную усмѣшку на его губахъ. И разсказчикъ замѣтилъ это и освѣдомился у писателя, не пришлось ли ему уже разъ выслушать этотъ же самый разсказъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, мальчикъ съ еще большимъ оживленіемъ продолжалъ дѣйствительно интересный разсказъ. Но видя, что Твэнъ попрежнему усмѣхается и даже больше прежняго, мальчикъ вторично освѣдомился о томъ, впервые ли писатель слышалъ его разсказъ. Тотчасъ же послѣдовалъ вторичный отрицательный отвѣтъ.

Кончивъ разсказъ, мальчикъ въ третій разъ обратился къ старику съ тѣмъ же самымъ вопросомъ. Только теперь усмѣшка Твэна перешла въ громкій, сердечный и длительный смѣхъ. Мнѣ лично никогда до сихъ поръ не приходилось видѣть, чтобы Маркъ Твэнъ такъ смѣялся.

Оказалось, что разсказъ, выслушанный имъ отъ мальчика, написанъ имъ самимъ, — Твэномъ.

— Но, мистеръ Твэнъ, почему же вы мнѣ раньше не сказали этого? Вѣдь я все время спрашивалъ васъ, — съ упрекомъ воскликнулъ мальчикъ.

— Видишь ли, дружокъ мой,—отвѣтилъ старикъ, ласково проводя рукой по свѣтлой головкѣ мальчика. — Я нахожу, что было бы крайне неделикатно прерывать тебя, потому что ты съ большимъ умѣньемъ передалъ мой разсказъ. Я точно впервые слышалъ его. Автору всегда пріятно слышать изъ чужихъ устъ свое произведеніе. Тѣмъ болѣ, когда его передаютъ съ такимъ талантомъ...—Онъ добавилъ:— Все же, мнѣ кажется, если бы ты еще разъ спросилъ меня во время разсказа, я далъ бы тебѣ положительный отвѣтъ, потому что, надо тебѣ знать, я—достаточно порядочный и искренній человѣкъ, и лгать мнѣ не такъ ужъ пріятно...

Съ тѣхъ поръ у дѣтей вошло въ привычку при началѣ каждаго разсказа обращаться къ Твэну съ троекратнымъ вопросомъ: — Мистеръ Маркъ Твэнъ, не приходилось ли вамъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь выслушать слѣдующій разсказъ который называется такъ-то и такъ-то?"...

Писатель относился къ своей болѣзни небрежно и за это долженъ былъ расплачиваться тяжкими страданіями.

„Особенно плохо приходилось больному по ночамъ, когда онъ положительно задыхался. Какъ-то разъ ночью всѣ въ домѣ были увѣрены, что насталъ конецъ. Минутами старикъ лежалъ совершенно безъ движенія. Глаза закатывались, не хватало въ легкихъ воздуха. Лицо приняло мертвенно-желтый оттѣнокъ.

Вдругъ, къ всеобщему изумленію, онъ пришелъ въ себя и потребовалъ своего секретаря, которому сталъ диктовать: „Правила для людей, предъ которыми раскрываются Небесныя врата". Повторяю, что писателю никогда не измѣняло хорошее настроеніе.

...Однажды зашелъ разговоръ о томъ, какъ каждому изъ насъ представляется „тотъ свѣтъ". Было условлено, что всѣ присутствующіе выскажутъ свое мнѣніе. Первымъ долженъ былъ говорить Твэнъ, болѣзненное состояніе котораго не возбуждало сомнѣній въ томъ, что еще очень недолго онъ будетъ украшать своимъ присутствіемъ наши собранія.

Онъ сказалъ слѣдующее: „Небо не представляется мнѣ мѣстомъ безграничныхъ, безпредѣльныхъ линій. Я не вижу въ немъ ни золотыхъ домовъ, ни серебряныхъ улицъ. Нѣтъ, я вижу его покрытымъ темнозелеными, тихо шумящими лѣсами, изумрудными лугами. Закрывая глаза, я вижу множество птичекъ, множество бабочекъ, множество цвѣтовъ. Небо представляется мнѣ мѣстомъ, гдѣ можно, наконецъ, отдохнуть отъ утомительной, шумной, подчасъ глупой жизни. Отдохнуть надо. Господь понялъ это и создалъ Небо"...

Что говорятъ футуристы.

[7/8.01:15].

Если судить футуризмъ по отдѣльнымъ выступленіемъ и выходкамъ соотечественныхъ его представителей, то, нѣтъ сомнѣнія, впечатлѣніе получается совершенно опредѣленное и меньше всего оно говоритъ о его серьезности. Но если судить о футуризмѣ не по той пѣнѣ, которую мы наблюдаемъ на его поверхности, если обратиться къ тому, о чемъ до недавняго времени и русскіе представители футуризма имѣли очень туманное представленіе—къ манифестамъ западнаго, прежде всего итальянскаго футуризма, а главное къ тѣмъ теченіямъ мысли, которыя выражаются въ такой шумной и крикливой формѣ, тогда мы должны будемъ

сознаться, что въ футуризмѣ есть верно правды, что онъ въ нѣкоторыхъ своихъ утвержденіяхъ оправдывается и жизнью и исторіей литературы; слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что большинство этихъ утвержденій, при болѣе внимательномъ отношеніи, оказывается не столь ужъ оригинальнымъ.

Ниже мы приводимъ рядъ мѣстъ изъ футуристскихъ манифестовъ, выясняющихъ идейныя основы футуризма*). Соотвѣтствуетъ ли въ какой-нибудь мѣрѣ воплощеніе ихъ въ футуристическихъ твореніяхъ своему идеалу или нѣтъ,—вопросъ этотъ мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ онъ для настоящаго задавія совершенно безразличенъ.

Футуристическое чувствованіе. Слова на свободѣ. Безпроволочное воображеніе.

Изъ манифеста Маринетти.

...Футуризмъ ставитъ своимъ принципомъ полное возобновленіе человѣческой чувствительности подъ дѣйствіемъ великихъ научныхъ открытій. Почти всѣ, которые пользуются телеграфомъ, телефономъ, граммофономъ, поѣздами, велосипедами, мотоциклетами, авто, трансатлантиками, дирижаблями, аэро, кинемо и великимъ ежедневнымъ (синтезъ мірового дня), не думаютъ, что все это имѣетъ рѣшительное воздѣйствіе на нашъ мозгъ.

Поѣздъ доставляетъ возможность каждому провинціалу покинуть на зарѣ свой маленькій городъ съ пустынными площадями, гдѣ вило забавляются пыль, солнце и вѣтеръ, и прогуливаться вечеромъ по столицѣ, усѣянной жестами, свѣтомъ и крикомъ. Житель альпійской деревушки можетъ каждый день при помощи газеты за одно су трепетать отъ безпокойства вмѣстѣ съ китайскими мятежниками, лондонскими или нью-іоркскими суффражистками, съ докторомъ Карреломъ и съ героическими санями полярныхъ изслѣдователей. Домосѣдъ — обитатель какого-нибудь провинціальнаго городка, можетъ воображать опьяненіе опасностью, слѣдя въ кинемо приключенія на охотѣ въ Конго за дикими звѣрями. Онъ можетъ восхищаться японскими атлетами, боксерами-негрями, американскими жонглерами, неистощимыми на трюки, элегантными парижанами,— и все это за одинъ франкъ на гуляніи въ Мюзикъ Холлѣ. Позднѣе, улегшись въ свою обывательскую постель, онъ можетъ наслаждаться отдаленнымъ голосомъ Карузо. Всѣ эти возможности не пробуждаютъ любопытства въ поверхностныхъ умахъ, которые не способны углубить что-либо, подобно арабамъ равнодушно смотрѣвшимъ на аэро въ небѣ Триполи. Наоборотъ, для тонкаго наблюдателя эти возможности суть силы, которыя измѣняютъ нашу чувствительность, созидая:

1. Ускореніе жизни, имѣющей теперь почти всегда скорый ритмъ. Физическій, интеллектуальный и чувствительный эквилибризмъ на натянутомъ канатѣ скорости между двумя противорѣчивыми притяженіями. Многосложныя и одновременныя сознанія въ одномъ индивидуумѣ.

2. Отвращеніе ко всему старому и извѣстному. Любовь къ новому и неожиданному.

3. Отвращеніе къ спокойной жизни. Любовь къ опасности. Способность къ ежедневному героизму.

4. Разрушеніе чувства свыше. Увеличеніе цѣнности индивидуума, желающаго отнынѣ жить *своей жизнью*, по выраженію Бонво.

5. Умноженіе и безконечное развитіе честолюбій и человѣческихъ желаній.

6. Точное знаніе недостижнаго и неосуществимаго.

7. Почти полное равенство мужчинъ и женщинъ и ихъ соціальныхъ правъ.

8. Уничженіе любви (чувства или чувственности), вызваное все возрастающей свободой женщины и ея эротической легкостью, которая является послѣдствіемъ этой свободы. Кромѣ того, уничженіе любви вызвано всемірнымъ превеличеніемъ женской роскоши. Я можно: сегодня женщина любитъ роскошь больше, чѣмъ любовь. Мужчина совершенно не любитъ женщину, лишенную роскоши. Любовникъ потерялъ всякій престижъ. Любовь потеряла свою абсолютную цѣнность (сложный вопросъ, на который я только указываю).

9. Измѣненіе патріотизма, ставшаго героической идеализаціей коммерческой, промышленной и артистической солидарности народовъ.

10. Измѣненіе пониманія войны, ставшей кровавымъ и необходимымъ вкладомъ силы народа.

11. Страсть, искусство и идеализація дѣлъ. Новое финансовое чувствованіе.

12. Человѣкъ, умноженный машиной. Новое механическое чувство. Полное соединеніе инстинкта съ продуктомъ мотора и съ обласкайными силами природы.

13. Страсть, искусство и идеализація спорта. Пониманіе и любовь къ рекорду.

*) Съ выдержками изъ другихъ заслуживающихъ вниманія „манифестовъ“ Маринетти и др. футуристовъ читатели „Бюллетеней“ уже знакомы. См. „Бюлл.“ № 22 за 1911/2 г., ст. „О футуризмѣ и его родоначальникѣ“ и № 4 за тек. годъ „Идеи, образы, факты“. „Футуристическая музыка будущаго“.

14. Новое чувствованіе, созданное туризмомъ, трансатлантиками и огромными отелями (синтезъ ежегодныхъ различныхъ расъ). Страсть къ городу, разрушеніе разстояній и тоскливыхъ уединеній. Осмѣяніе божества (*неосязаемое!*) пейзажа.

15. Быстрота уменьшила землю. Новое чувство міра. Объясненіе: люди послѣдовательно пріобрѣли чувство дома, участка, въ которомъ живутъ, географическаго пояса, континента. Сегодня они обладаютъ чувствомъ міра: имъ не нужно знать, что дѣлали ихъ предки, но нужно знать, что дѣлаютъ всѣ ихъ современники. Потребность сообщаться со всѣми народами земли и чувствовать себя за разъ центромъ, судьей и двигателемъ всего безконечнаго, изслѣдованнаго и неизслѣдованнаго. Вотъ откуда громадное развитіе человѣческаго чувства и тревожащее желаніе опредѣлить въ каждое мгновеніе наши отношенія со всѣмъ человѣчествомъ.

16. Отвращеніе къ кривой линіи, къ спирали и къ туннелю. Любовь къ прямой линіи и тунелю. Быстрота поѣздовъ и авто, смотрящихъ съ высока на города и деревни, даетъ намъ оптическую привычку къ ракурсу и къ зрительнымъ синтезамъ. Отвращеніе къ медлительности, къ мелочамъ, къ анализамъ и къ растянутымъ объясненіямъ. Любовь къ быстротѣ, къ сокращеніямъ, къ резюмэ и къ синтезу. „Скажите мнѣ все быстро, быстро, въ двухъ словахъ“.

17. Любовь къ глубинѣ и къ сути во всѣхъ упражненіяхъ ума.

Вотъ нѣкоторые элементы чувствованія футуриста, которые породили нашъ живописный динамизмъ, нашу энгармоническую музыку, наше искусство шумовъ и наши слова на свободѣ.

Не заботясь о слухахъ опредѣленіяхъ профессоровъ, я объявляю вамъ, что лиризмъ очень рѣдкая *способность опьяняться жизнью и опьянять ее собою;* способность превратить въ вино мутную воду жизни, которая насъ окватываетъ и просачивается въ насъ. Способность окрасить міръ спеціальными красками нашего измѣнчиваго я. Предположите, что одинъ пріятель, одаренный этой лирической способностью, находится въ полосѣ интенсивной жизни (революція, война, кораблекрушеніе, землетресеніе и т. д.) и сейчасъ же послѣ этого приходитъ разсказать вамъ свои впечатлѣнія. Знаете ли, что сдѣлаетъ совершенно инстинктивно вашъ пріятель, начиная свой разсказъ: онъ грубо разрушитъ синтаксисъ, остережется терять время на построеніе періодовъ, уничтожитъ пунктуацію и порядокъ прилагательныхъ и броситъ вамъ наскоро въ нервы всѣ свои зрительныя, слуховыя и обонятельныя ощущенія, по произволу ихъ безумнаго галопа. Буйность пароводненія взорветъ трубу періода, клапанъ пунктуаціи и прилагательныхъ, обычно размѣщаемыхъ съ регулярностью болтовъ. Такимъ образомъ у васъ будутъ пригоршни существенныхъ словъ, безъ всякаго условнаго порядка, потому что нашъ пріятель позаботится только передать всѣ вибраціи своего я. Если этотъ разсказчикъ, одаренный лиризмомъ, будетъ обладать кромѣ этого еще и богатымъ познаніемъ въ общихъ идеяхъ, онъ будетъ невольно и непрестанно связывать эти послѣднія ощущенія со всѣмъ, что онъ узналъ о мірѣ экспериментально или интуитивно. Онъ кинетъ огромныя сѣти аналогій на міръ, давая, такимъ образомъ, аналогичную и существенную глубину жизни телеграфно, т.-е. съ той экономной быстротой, которую предписываетъ телеграфъ репортерамъ и корреспондентамъ военнымъ въ ихъ поверхностныхъ отчетахъ.

Подъ безпроволочнымъ воображеніемъ я подразумѣваю абсолютную свободу образовъ или аналогій, выраженныхъ несвязными словами, безъ направляющихъ нитей синтаксиса и безъ всякой пунктуаціи.

„До сихъ поръ писатели предвидались непосредственнымъ аналогіямъ. Напримѣръ, они сравнивали животное съ человѣкомъ или другимъ животнымъ; но это еще слишкомъ фотографично. Они сравнивали, напр., фокс-терьера съ совсѣмъ маленькимъ чистокровнымъ. Другіе болѣе смѣлые могли сравнивать этого же самаго фокс-терьера съ маленькой машиной. Я сравниваю его съ кипящей водой. Существуетъ градація аналогій все болѣе и болѣе обширныхъ, отношеній, все болѣе и болѣе глубокихъ, хотя бы отдаленныхъ.

Аналогія есть ничто иное, какъ безграничная любовь, вновь связующая отдаленныя, по виду различныя и враждебныя вещи. Слѣдовательно, съ помощью очень обширныхъ аналогій этотъ оркестральный стиль, одновременно полихромный, полифоническій и полиморфный, можетъ обнять жизнь матеріала.

Когда въ моей „Битвѣ при Триполи“ я сравнивалъ траншею, усѣянную штыками, съ оркестромъ, митральезу съ роковою женщиной—я интуитивно ввелъ большую часть вселенной въ короткій эпизодъ африканскаго боя. Безпроволочное воображеніе и слова на свободѣ введутъ насъ въ самую сущность матеріала. Открывая новыя аналогіи между от-

даленными и повидимому противоположными вещами, мы опѣниваемъ эти вещи болѣе глубоко. Вмѣсто того, чтобы очеловѣчивать животныхъ, растенія и минералы (что дѣлаютъ съ давнихъ поръ), мы сможемъ минерализировать, электризовать или расплавлять сталь, заставляя его жить жизнью матеріала.

Женщина.

(Изъ манифеста женщины-футуристки Валентины де Сенъ-Пуанъ.)

Человѣчество посредственно. Большинство женщинъ ни выше, ни ниже большинства мужчинъ. Оба пола равны. Оба заслуживаютъ одинаковаго презрѣнія.

Человѣчество въ цѣломъ всегда являлось только обрабатываемой почвой, изъ которой появлялись геніи и герои обоихъ половъ.

Нелѣпо раздѣлять человѣчество на женщинъ и мужчинъ. Оно составлено только изъ женственности и мужественности. Всякій сверхчеловѣкъ, всякій герой, какъ бы эпиценъ онъ ни былъ, всякій геній, какъ бы онъ ни былъ могущественъ, — есть чудесное выраженіе какой-нибудь расы и эпохи только потому, что онъ составленъ заразъ изъ элементовъ женскихъ и мужскихъ, изъ женственности и мужественности: это значитъ, что онъ совершенное существо.

Индивидъ исключительно мужественный — лишь грубое животное; индивидъ исключительно женственный — только самка.

Чего недостаетъ женщинамъ въ той степени, что и мужчинамъ—это мужественности.

Чтобы вновь придать немного мужественности нашимъ расамъ, ослабѣвшимъ отъ женственности, надо ихъ увлечь къ грубости.

Каждая женщина должна обладать не только женскими добродѣтелями, но мужскими качествами, иначе она только самка. Мужчина, обладающій силой самца, безъ интуиціи — только грубое животное.

Довольно женщинъ, чьихъ „рукъ, оплетенныхъ, какъ стебли, вокругъ ихъ колѣнъ въ день отъѣзда“ должны бояться солдаты; женщинъ-сидѣлокъ, увѣковѣчивающихъ слабости и старости, приручающихъ мужчинъ для своихъ личныхъ удовольствій или матеріальныхъ нуждъ!.. Довольно женщинъ, творящихъ дѣтей только для себя, оберегающихъ ихъ отъ всякой опасности, всякаго приключенія, т.-е. отъ всякой радости; оспаривающихъ свою дочь у любви и своего сына у войны... Довольно женщинъ — сорутовъ очага, чьи щупальцы изнуряютъ кровь мужчинъ и малокровятъ дѣтей; женщинъ, по-скотски влюбчивыхъ, исчерпывающихъ вожделѣніе, до новаго прихода возобновительныхъ силъ!

Женщины—это Эриніи, Амазонки, Семерамиды, Жанны д'Аркъ, Жанны Ашетъ; Юдифи, Шарлотты Корде; Клеопатры и Мессалины; воительницы, бьющіяся жесточе самцовъ, побуждающія любовницы, разрушительницы, побѣждающія слабѣйшихъ, помогающія отбору изъ гордости или изъ отчаянья, „отчаянья, въ которомъ сердце все свое произведеніе даетъ“.

Пусть грядущія войны породятъ героинь, подобныхъ великолѣпной Катринѣ Сфорца, которая выдержала осаду своего города и, видя какъ пріятель угрожаетъ жизни ея сына, чтобы заставить его сдаться, героически демонстрируя свой полъ, воскликнула: „Убейте его, у меня еще есть форма, чтобы сдѣлать новыхъ!“

Да, „міръ сгнилъ отъ мудрости“, но по инстинкту женщина не мудра, не миролюбива и не добра. Такъ какъ она совершенно лишена чувства мѣры, она роковымъ образомъ становится въ теченіе сонливаго періода человѣчества слишкомъ мудрой, слишкомъ миролюбивой, слишкомъ доброй. Ея интуиція, ея воображенія — одновременно и ея сила и ея слабость.

Она—индивидуальность толпы: она служитъ свитой героямъ или, за неимѣніемъ ихъ, превозноситъ дураковъ.

Смотря по апостолу, духовному возбудителю, женщина, плотская возбудительница, убиваетъ или ухаживаетъ, проливаетъ кровь или унимаетъ ее, она воительница или сидѣлка. Та же женщина въ ту же эпоху, въ зависимости отъ окружающихъ идей, группирующихся вокругъ событій дня, ложится на рельсы, чтобы помѣшать солдатскому поѣзду отправиться на войну, и кидается на шею чемпіона-побѣдителя.

Вотъ почему никакая революція не остается чужда. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы презирать женщину, надо обратиться къ ней. Это самое плодоносное завоеваніе, которое можно сдѣлать, самое энгузіастское, которое въ свою очередь умножитъ эдентовъ.

Но не надо феминизма. Феминизмъ—политическая ошибка. Феминизмъ—мозговая ошибка женщины, сознаваемая ея инстинктомъ.

Не надо давать женщинѣ ни одного изъ тѣхъ правъ, которыя требуются феминистками. Если ихъ дать — то въ результатѣ будетъ не безпорядокъ, желанный футуристамъ, а наоборотъ, чрезмѣрный порядокъ.

Уже много вѣковъ затрагивается инстинктъ женщины, цѣнится только ея обаяніе и нѣжность. Анемичный мужчина, скупой на свою

кровь, хочетъ, чтобы женщина была только сидѣлкой. Она дала укротить себя. Но крикните ей новое слово, бросьте ей воинственный кличъ и, съ радостью обновивъ свой инстинктъ, она пойдетъ впереди васъ къ неподозрѣваемымъ завоеваніямъ.

Когда ваше оружіе должно будетъ вамъ служить, она будетъ его чистить. Она снова поможетъ отбору. Въ самомъ дѣлѣ, если она плохо оріентируется въ геніальности, полагаясь на скоропереходящую молву, она всегда сумѣетъ вознаградить сильнѣйшаго побѣдителя, того, кто восторжествуетъ мускулами и мужествомъ. Она не ошибется въ этомъ превосходствѣ, такъ грубо навязывающемся.

Пусть женщина вновь найдетъ свою жестокость и грубость, заставляющія ее озлобляться противъ побѣжденныхъ за то, что они побѣжденные, вплоть до увѣчиванія. Пусть перестанутъ ей внушать умственную справедливость, къ которой она тщетно стремилась. Женщины, ставьте вновь обаятельно-несправедливыми, какъ всѣ силы природы!

Освобожденныя отъ всякаго контроля, съ вновь найденнымъ инстинктомъ, вы снова займете мѣсто среди элементовъ, противопоставляя сознательной волѣ мужчинъ предопредѣленіе. Будьте свирѣпой и эгоистичной матерью, ревниво охраняющей своихъ малютокъ, имѣя по отношенію къ нимъ всѣ права и обязанности, пока онѣ нуждаются физически въ покровительствѣ.

Пусть мужчина, освобожденный отъ семьи, ведетъ жизнь удальства и завоеваній, насколько у него станетъ для нея физической силы, забывъ о томъ, что онъ сынъ, что онъ отецъ. Сѣющій не остановится у первой борозды, имъ оплодотворенной.

Сладострастіе—сила, такъ оно уничтожаетъ слабыхъ и побуждаетъ сильныхъ расходовать свою энергію, т.-е. поощряетъ ихъ къ возстановленію. Всякій героическій народъ — чувственъ. Женщина для него самый возбуждающій трофей.

Женщина должна быть матерью или любовницей. Истинныя матери всегда будутъ посредственными любовницами, и любовницы неудовлетворительными матерями, по избытку одного качества. Равныя передъ жизнью, эти двѣ женщины дополняютъ другъ друга. Женщина, имѣющая ребенка, дѣлаетъ будущее изъ прошлаго, любовница распредѣляетъ желаніе, влекущее къ будущему.

Женщина, удерживающая слезами сантиментальности мужчину у своихъ ногъ, стоитъ ниже дѣвки, которая изъ хвастовства заставляетъ своего „мужчину“ сохранить смѣлое господство надъ низами города: съ револьверомъ въ рукѣ, эта, по крайнѣй мѣрѣ, культивируетъ энергію, которая можетъ пригодиться на лучшія вещи.

Женщины, слишкомъ долго васъ толкали въ мораль и предразсудки; возвратитесь къ вашему высокому инстинкту, къ грубости, къ жестокости.

Для роковой дани крови въ то время, какъ мужчины ведутъ войну и борьбу, творите дѣтей и между ними, въ жертву героизму, творите часть Рока. Не воспитывайте ихъ для себя, т.-е. для ихъ ущерба, а въ полной свободѣ для самаго широкаго расцвѣта.

Вмѣсто того, чтобы низвести человѣка до службы *мерзкимъ нуждамъ сантиментальности*, побуждайте вашихъ сыновей и мужей превзойти себя.

Вы ихъ дѣлаете. Вы можете сдѣлать изъ нихъ все.

Вы должны дать человѣчеству героевъ. Дайте ему ихъ.

Похоть.

(Изъ манифеста Валентины де Сенъ-Пуанъ).

Похоть, понимаемая внѣ всякой моральной концепціи, и, какъ существенный элементъ динамизма жизни, есть сила.

Для сильной расы похоть, какъ и гордость, не грѣхъ. Какъ и гордость, похоть добродѣтель-возбудительница, такой же очагъ, питающій энергію.

Похоть это выраженіе существа, брошеннаго выше самого себя. Это скорбная радость совершенной плоти, радостная скорбь расцвѣтанія; это плотское единеніе, каковы бы ни были тайны, объединяющія существа; это мозговой и чувственный синтезъ существа для высшаго освобожденія духа, это пріобщеніе маленькой частицы человѣчества ко всей чувственности земли; это паническая дрожь маленькой частицы земли.

Похоть—это плотское исканіе неизвѣстнаго, какъ мозговая дѣятельность—исканіе духовное. Похоть это жесть творчества и творчество.

Плоть творитъ, какъ творитъ духъ. Ихъ творчества передъ лицомъ вселенной равны. Одно не выше другого и духовное творчество зависитъ отъ плотскаго. У насъ есть тѣло и духъ. Ограничиваніе одного, для умноженія другого—признакъ слабости и заблужденія. Существо сильное должно выявить всѣ свои возможности и плотскія, и духовныя. Похоть для побѣдителей—заслуженная дань. Послѣ битвы, гдѣ умерло много мужчинъ, нормально,

чтобы побѣдители, селекціонированные войной, доходили въ завоеванныхъ странахъ до насилія для того, чтобы возсоздать жизнь.

... *Искусство и война — великія проявленія чувственности; похоть — ихъ цвѣтокъ.* Народъ исключительно умственный или исключительно похотливый былъ бы постигнутъ одинаковымъ упадкомъ: безплодіемъ.

Похоть поощряетъ энергіи и расковываетъ сылы. Она немилосердно толкаетъ примитивныхъ людей къ побѣдѣ изъ-за гордости принести женщинѣ трофеи. Она толкаетъ сегодня великихъ дѣльцовъ, управляющихъ банкомъ, прессой, интернаціональными торговыми отношеніями, умножать золото, создавая центры, утилизируя энергіи, воспламеняя толпы; все для того, чтобы украшать, увеличить и возвеличить предметъ ихъ похоти. Эти люди, надорванные, но сильные, находятъ время для похоти, главнаго двигателя ихъ активности и реактивности, отраженныхъ на народахъ и на мірахъ.

Даже у новыхъ народовъ, у которыхъ похоть еще не осознана, которые не первоначальные грубые животные и не утонченники старыхъ цивилизацій, даже у нихъ женщина великій принципъ — гальванизаторъ, которому предоставлено все. Осторожный культъ женщины у мужчинъ не болѣе какъ безсознательное давленіе дремлющей похоти. У этихъ народовъ, какъ и у сѣверныхъ, но по разнымъ причинамъ, похоть почти исключительно рожденіе. Но похоть, каковы бы ни были аспекты, именуемые нормальными или анормальными, при которыхъ она проявляется, всегда высшая возбудительница.

... Христіанская мораль, одна только слѣдовавшая за языческой, была роковымъ образомъ обречена на смотрѣніе на похоть, какъ на слабость. Изъ этой здоровой радости, которая есть расцвѣтъ могущественнаго тѣла она сдѣлала стыдъ, который надо прятать, порокъ, отъ котораго надо отречься. Она олицемѣрила ее, вотъ что сдѣлалъ изъ похоти грѣхъ.

Пусть перестануть срамить желаніе, это грубое и въ то же время тонкое влеченіе двухъ тѣлъ, независимо отъ ихъ пола, двухъ тѣлъ, жаждущаго одно другого, стремящихся къ сліянію. Пусть перестанутъ срамить желаніе, прича его подъ плачевными и жалкими лохмотьями древнихъ и безполезныхъ сантиментальностей. Не похоть разлагаетъ, растворяетъ и уничтожаетъ, а гипнотизирующія осложненія сентиментальности, искусственная ревность, опьяняющія и обманывающія слова, патетичность разставаній, вѣрность на-вѣки литературная тоска: вся комедійность любви.

Уничтожимъ злополучныя романтическія отрепья, обезлепесточенныя маргаритки, дуэты при лунѣ, ложнолицемѣрный стыдъ! Пусть существа, сближенныя плотскимъ желаніемъ, не говорятъ исключительно о хрупкости сердецъ, а вмѣсто того, осмѣлятся высказать свои хотѣнія, предпочтенія своихъ тѣлъ, предчувствуя возможности радости или разочарованія ихъ грядущаго тѣлеснаго соединенія.

Физическій стыдъ, значительно отличающійся въ зависимости отъ времени и мѣста, имѣетъ лишь эфемерную цѣнность соціальной добродѣтели.

Надо въ похоти быть сознательнымъ. Надо сдѣлать изъ похоти то, что разумное и утонченное дѣлаетъ изъ самого себя и изъ своей жизни; *надо сдѣлать изъ похоти произведеніе искусства.* Притворяться безсознательнымъ или обезумѣвшимъ, чтобы объяснить любовный жестъ — лицемѣрно, слабосильно и глупо. Надо желать тѣло также сознательно, какъ всякую другую вещь.

... Похоть — сила, такъ какъ она утончаетъ духъ, обжигая смущеніе тѣлъ. Изъ здороваго и сильнаго тѣла, очищеннаго лаской, разумъ брыжжетъ свѣтло и ясно. Только слабыя и больныя осыпаются или убываютъ.

Похоть — сила, такъ какъ она убиваетъ слабыхъ и воспламеняетъ сильныхъ, помогая отбору...

Похоть для плоти то же самое, что идеальная цѣль для разума: роскошная химера, всегда близкая и неуловимая, неотступно настигаемая молодыми, жадными и опьяненными ею существами.

Похоть—это сила.

Музикъ-Холлъ.

(Изъ манифеста Маринетти).

Мы питаемъ глубокое отвращеніе ко всему современному театру (стихи, проза или музыка), потому что онъ глупо извивается между исторической перестройкой (подражаніе или плагіатъ) и фотографической репродукціей нашей повседневной жизни. Такой театръ—мелочный, медлительный, аналитическій и разжиженный,—достоинъ вѣка керосиновой лампы.

Футуризмъ прославляетъ музикъ-холлъ, потому, что:

1. Музикъ-холлъ, слѣдствіе электричества, рожденный нѣкоторымъ образомъ вмѣстѣ съ нами, по счастью, не имѣетъ ни традицій, ни учителей, ни догматовъ и питается быстрыми жизненными событіями.

2. Музикъ-холлъ безусловно практиченъ потому, что онъ имѣетъ въ виду развлекать и

забавлять публику эффектами комизма, эротическаго возбужденія или изобрѣтательнаго глумленія.

3. У авторовъ, актеровъ и механиковъ музикъ-холла только одинъ смыслъ существованія и ликованія: именно они безпрестанно выдумываютъ новые изумительные элементы. Отсюда абсолютная невозможность останавливаться и повторяться, ожесточенное соревнованіе мозговъ и мускуловъ, чтобы побить различные рекорды проворства, силы, запутанности и элегантности.

4. Только музикъ-холлъ пользуется сегодня кинематографомъ, обогащающимъ его неистощимымъ количествомъ зрительныхъ видѣній и неосуществимыми зрѣлищами (битвы, мятежи, бѣга, состязанія авто и аэро, путешествія, трансатлантики, глубины города, деревни, океана и неба).

5. Будучи выгодной витриной безчисленныхъ изобрѣтательныхъ усилій, музикъ-холлъ естественно производитъ то, что я называю *футуристической чудесностью,* рожденной современной машинностью. Вотъ нѣсколько элементовъ этой чудесности: могучія каррикатуры; бездны насмѣшекъ; неосязаемыя и восхитительныя ироніи; охватывающіе и рѣшительные символы; каскады неудержимаго взрыва смѣха; глубокія аналогіи между человѣчествомъ, животнымъ міромъ, міромъ растительнымъ и міромъ механики; сокращенія изобличающаго цинизма; путаница острыхъ словечекъ, шуточекъ и чепухи, пріятно провѣтривающихъ умъ; цѣлая гамма смѣха и улыбокъ, чтобы дать отдыхъ нервамъ; цѣлая гамма глупости, тупоумія и безтолковости и абсурда, незамѣтно толкающихъ человѣка на край безумія; новыя значенія свѣта, звука, шума и слова съ ихъ продолженіемъ въ неизслѣдованной части нашего чувствованія; груда загражденныхъ фактовъ и персонажей, сдвинутыхъ справа налѣво въ двѣ минуты; сатирическія назидательныя пантомимы; каррикатуры скорби и тоски, сильно запечатлѣвающіяся въ чувствованіи раздражающими жестами судорожной, нервительной и усталой вялости серьезныя слова, поднятыя на смѣхъ веселыми жестами, гаерскія гримассы, причудливость наряда, помятыя слова и т. д.

6. Сегодня музикъ-холлъ—горнило, гдѣ кипятъ элементы новаго готовящагося чувствованія. Въ немъ можно найти ироническое разложеніе всѣхъ избитыхъ прототиповъ Прекраснаго, Великаго, Торжественнаго, Религіознаго, Свѣтлаго, Обольстительнаго, Ужаснаго, а также абстрактную выработку новыхъ прототиповъ, которыми замѣнятъ старые. Итакъ, музикъ-холлъ это синтезъ всего того, что до сихъ поръ рафинировало человѣчество въ своихъ нервахъ, чтобы развлечься, смѣясь надъ матеріальнымъ и имморальнымъ горемъ; онъ также—кипящее сліяніе всѣхъ улыбокъ и смѣха, зубоскальства, кривляній, гримасъ будущаго человѣчества. Тамъ внушаютъ веселье, которое встряхнетъ людей черезъ 100 лѣтъ, ихъ поэзію, живопись, философію и прыжки ихъ архитектуры.

7. Музикъ-холлъ—самое гигіеническое изъ всѣхъ зрѣлищъ по своему динамизму формы и красокъ (одновременно движеніе жонглеровъ, танцовщицъ, гимнастовъ, разноцвѣтныхъ наѣздниковъ, спиральныхъ циклоновъ, танцовщицъ, стоящихъ на носкахъ). Своимъ танцовальнымъ ускореннымъ и увлекающимъ ритмомъ, музикъ-холлъ вытаскиваетъ самыя вялыя души изъ ихъ оцѣпенѣнія и заставляетъ ихъ бѣгать.

8. Музикъ-холлъ—единственный театръ, который утилизируетъ сотрудничество публики. Эта послѣдняя не присутствуетъ тамъ статично, какъ глупый созерцатель, но шумно участвуетъ въ дѣйствіи, сама поетъ, аккомпанируетъ оркестру, оттѣняя актеровъ непредвидѣнными причудами и странными діалогами. Сами актеры смѣшно спорятъ съ музыкантами. Музикъ-холлъ утилизируетъ дымъ сигаръ и папиросъ, чтобы слить атмосферу публики съ атмосферой сцены. Такимъ образомъ, публика работаетъ вмѣстѣ съ фантазіей актеровъ и дѣйствіе происходитъ одновременно на сценѣ, въ ложахъ и партерѣ. Оно продолжается даже по окончаніи спектакля между цѣлыми батальонами выстроенныхъ въ рядъ почитателей, монокльщіе хлыщи въ смокингахъ оспариваютъ этуаль для двойной заключительной побѣды: шикарнаго ужина и постели.

9. Музикъ холлъ—школа поучительной искренности для самца, потому что онъ возбуждаетъ его хищный инстинктъ и грубо снимаетъ съ женщины всѣ покрывала, фразы, романтическіе вздохи и слезы, уродующіе и маскирующіе ее. Онъ приводитъ въ стремительное движеніе всѣ удивительныя животныя качества женщины, ея силу нападенія, обольстительности, коварства и сопротивленія.

10. Музикъ-холлъ—школа героизма, создающая на сценѣ сильную и здоровую атмосферу опасности своими различными рекордами трудностей, которыя надо побѣдить, и усилій, которыя надо превзойти.

11. Музикъ-холлъ—школа проницательности, запутанности и мозгового синтеза благодаря своимъ клоунамъ, музыкальнымъ жонглерамъ, престидижитаторамъ, отгадывателямъ мыслей, удивительнымъ счетчикамъ, комикамъ-имитато-

рамъ или пародистамъ, и своимъ американскимъ эксцентрикамъ, которые разрѣшаются отъ фантастическаго бремени неслыханными меблировками и машинизмами...

12. Музикъ-холлъ — единственная школа, которая можетъ быть рекомендована отрокамъ и даровитымъ молодымъ людямъ, такъ какъ онъ разъясняетъ поразительно быстро сантиментальныя проблемы самыя трудныя и политическія событія...

13. Музикъ-холлъ систематически унижаетъ идеальную любовь и ея неотвязчивую романтичность, изглагая съ монотонностью, вялостью и рутинностью ежедневнаго ремесла жесты и тоскующую томность страсти. Онъ смѣшно механизируетъ чувство, обезцѣниваетъ гигіенически одержимость плотскаго обладанія, унижаетъ похоть до естественной функціи совокупленія, очищаетъ ее отъ всякой таинственности, унижающей грустности и всякихъ антигигіеническихъ мечтаній.

Музикъ-холлъ даетъ взамѣнъ этого смыслъ и вкусъ къ легкимъ связямъ, вѣтренымъ и приправленнымъ остроуміемъ. Спектакли кафэ-концертовъ подъ открытымъ небомъ на террасахъ Казино представляютъ самую забавную битву между спазмодическимъ луносвѣтомъ, задерганнымъ безконечными отчаяніями, и электросвѣтомъ, грубо скачущимъ по фальшивымъ камнямъ, нарумяненнымъ кожамъ, переливчатымъ кисейнымъ юбочкамъ танцовщицъ, по черному углю и фальшивой краскѣ губъ. Естественно, что электросвѣтъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы, а болѣзненный и декаденствующій луносвѣтъ разбитъ на голову.

14. Музикъ-холлъ, конечно, антіакадемиченъ, примитивенъ и наивенъ, а слѣдовательно, болѣе значителенъ неожиданностью своихъ поисковъ и грубой простотой своихъ средствъ. (Примѣръ: пѣвицы, при каждомъ куплетѣ, прогуливающіяся по сценѣ, подобно дикимъ звѣрямъ въ клѣткѣ).

15. Музикъ-холлъ уничтожаетъ все торжественное, освященное, серьезное, чистое въ искусствѣ съ прописнымъ И. Онъ участвуетъ въ футуристическомъ уничтоженіи безмертныхъ шедевровъ, плагіатируя и пародируя ихъ, исполняя ихъ безъ церемоній, безъ пышности и раскаянья, какъ какой-нибудь номеръ аттракціона. Вотъ почему мы вслухъ одобряемъ исполненіе въ 40 минутъ Парсифаля, какъ его приготовляютъ въ одномъ лондонскомъ музикъ-холлѣ.

16. Музикъ-холлъ уничтожаетъ всѣ наши традиціонныя понятія о перспективѣ, пропорціи, времени и пространствѣ. (Напр., маленькая рѣшетка и дверь, 30-ти сантиметровъ въ вышину, помѣщенныя посреди сцены, сквозь которыя американскіе эксцентрики проходятъ нѣсколько разъ, тщательно ихъ запирая, какъ будто они не могутъ поступать иначе).

17. Музикъ-холлъ предлагаетъ намъ всѣ разные рекорды, достигнутые сегодня; максимумъ быстроты, эквилибризма, акробатизма японцевъ; максимумъ мускульнаго бѣшенства негровъ; максимумъ развитія и ума животныхъ (лошадей, собакъ, слоновъ, тюленей, ученыхъ птицъ); максимумъ мелодичнаго вдохновенія Неаполитанскаго залива и Русскихъ степей; максимумъ парижскаго остроумія; максимумъ сравнительной силы расъ (борьба и боксъ); максимумъ анатомической уродливости и женской красоты.

18. Въ то время, какъ современный театръ возбуждаетъ внутреннюю жизнь, профессорское размышленіе, библіотеку, музей, монотонную борьбу совѣсти, тщательный разборъ переживаній, короче, эту отвратительную вещь и отвратительное слово: психологія. Музикъ-холлъ возбуждаетъ дѣйствіе, героизмъ, жизнь на вольномъ воздухѣ, ловкость, власть инстинкта и интуиціи. Онъ противопоставляетъ психологіи то, что я называю *сумасброднофизическимъ*.

19. Музикъ-холлъ предлагаетъ всѣмъ странамъ, лишеннымъ единой большой столицы (какъ Италія), блестящее резюме Парижа, какъ несравнимаго и окруженнаго роскошью и наслажденіями ультрацивилизованнаго очага.

Общественная эволюція и толстый журналъ.

[3.01(47):07]

Любопытную характеристику судебъ нашего такъ называемаго „толстаго журнала“ даетъ въ „Кіев. Мысли“ (№ 78) Антидъ Ото. „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, Мавръ можетъ удалиться“— такъ можно бы кратко опредѣлить ту почетную роль, которая еще такъ недавно безраздѣльно принадлежала носителю русской духовной культуры — толстому журналу.

„Толстому журналу,—пишетъ Ото, — нанесъ смертельный ударъ общественный прибой. Въ тѣ недавніе годы, когда ртутный столбикъ общественнаго барометра достигъ самой низкой своей точки, когда „Рѣчь“ оказалась единственной оппозиціонной газетой въ Петербургѣ, а „демократическая“ пресса столицы была представлена той же „Рѣчью“ въ двухкопеечномъ масштабѣ „Современнаго Слова“, — именно въ эти годы наши журналы почувствовали новый притокъ силъ, собрали растерян-

ныхъ было читателей, хотя—это-то ужъ несомнѣнно—отнюдь не собрали своихъ растерянныхъ мыслей. И наоборотъ: сейчасъ, когда въ Петербургѣ газетная стихія,—несмотря на то, что современные Ксерксы преусердно порютъ ее своими дѣтскими розгами,—переливаетъ всѣми цвѣтами политической радуги, сейчасъ журналы чахнутъ, вынужденные убѣдиться, что они пережили въ годы реакціи не вторую весну, а—увы!—бабье лѣто.

Попробуемъ поименно перебрать, какое мѣсто занимаютъ толстые журналы въ нашей нынѣшней общественной жизни.

Начнемъ съ „Вѣстника Европы". Это—тотъ журналъ, который всѣ называютъ почтеннымъ, и журналъ дѣйствительно вполнѣ почтенный. Но было бы очень нелегко отвѣтить, какую собственно функцію онъ несетъ теперь въ нашемъ идейно-политическомъ обиходѣ. Старый „Вѣстникъ Европы" былъ органомъ умѣреннаго программно-неопредѣлившагося, народнически-окрашеннаго либерализма. Влѣво отъ него стояли органы утопическаго соціализма. „Вѣстникъ Европы" давалъ элементарное гражданско юридическое воспитаніе русскому обществу, и не только либеральному: такъ какъ соціализмъ былъ утопическій, глядѣвшій поверхъ естественныхъ фазъ развитія, то на практикѣ не одни либералы, а и народнически-соціалистическіе, отчасти и марксистскіе элементы интеллигенціи усваивали азбуку гражданственности изъ того-же „Вѣстника Европы". Въ „Освобожденіи" Струве писалъ какъ-то по поводу юбилея К. К. Арсеньева: „Мы всѣ воспитывались на внутреннихъ обозрѣніяхъ „Вѣстн. Европы". Арсеньевъ и сейчасъ сохранилъ то мастерство, съ какимъ онъ — въ рамкахъ своего умѣренно-либеральнаго міросозерцанія— въ теченіе десятилѣтій освѣщалъ практику россійскихъ властей. Но школой для всѣхъ политическихъ партій „В. Е." уже пересталъ быть, потому что эти партіи уже вышли изъ приготовительнаго класса. „Вѣстникъ Европы" остался фактически въ сторонѣ отъ политическаго развитія. Это позволило ему сохранить довольно широкую „терпимость", благодаря которой подъ одной и той же обложкой умѣреннѣйшіе либералы уживаются съ радикалами и даже соціалистами. Бокъ-о-бокъ съ г. Слонимскимъ, который и сейчасъ не упускаетъ случая обругать не только марксиста, но и тещу его, г. Бланкъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ перазсказываетъ переписку Маркса съ Энгельсомъ.

Въ наше жестокое время партійныхъ страстей такая терпимость несетъ въ себѣ нѣчто успокаивающее. Но — увы! — это терпимость безотвѣтственная. Кто, въ самомъ дѣлѣ, читаетъ „Вѣстникъ Европы" какъ *свой* журналъ? Кто строитъ по „Вѣстнику Европы" свое міросозерцаніе? Кто станетъ, наконецъ, оріентироваться по „Вѣстнику Европы" въ политикѣ русскаго либерализма? Никто!

Другой ежемѣсячникъ русскаго либерализма —„Русская Мысль". Это, въ сущности, единственный толстый журналъ, который не просто живетъ автоматической силою идейной инерціи, а дѣйствительно стремится вырабатывать „новыя цѣнности": національно-либеральный имперіализмъ на консервативной религіозно-философской основѣ. Но именно поэтому „Русская Мысль" вступаетъ въ конфликтъ съ практическимъ, политическимъ, партійнымъ либерализмомъ, съ кадетствомъ. Если провести линіи политики г. Милюкова до конца и дать имъ философское обоснованіе, то получится нѣчто очень близкое къ тому, что „синтезируетъ" Струве. Но именно поэтому журналъ Струве политически непріемлемъ для партіи г. Милюкова. Живя со дня на день, безъ опредѣленныхъ перспективъ и самостоятельной политической концепціи, переходя отъ чисто-канцелярскаго „внесенія" демократическихъ законопроектовъ къ таинственнымъ патріотическимъ совѣщаніямъ, кадетская партія не только не заинтересована въ „синтетическомъ" сведеніи концовъ съ концами, а, наоборотъ, глубоко враждебна всякой попыткѣ возвести свою политику въ систему и дать ей философское обоснованіе. Работа Струве не можетъ не ощущаться г. Милюковымъ, какъ политически компрометирующее его партію доктринерство. Политика партіи Милюкова не только не нуждается въ толстомъ журналѣ стараго типа, но, наоборотъ, вынуждена чураться его. Если безформенно-прогрессивный, безотвѣтственно-терпимый „Вѣстникъ Европы" представляется, съ точки зрѣнія практическаго либерализма, почтенной старомодной ненужностью, то нетерпимо наступательная, безцѣльно забѣгающая впередъ „Русская Мысль" съ той же точки зрѣнія представляется вреднымъ излишествомъ.

„Современный Міръ" попрежнему живетъ въ сферѣ идейныхъ внушеній марксизма. Но какая огромная разница по сравненію съ „Новымъ Словомъ" (1897 г.). Марксизмъ того журнала былъ знаменемъ, подъ которымъ совершалась боевая мобилизація широкихъ круговъ интеллигенціи. Журналъ былъ необходимѣйшимъ факторомъ въ этомъ процессѣ. Совсѣмъ не то теперь. Исчезни „Современный Міръ", однимъ порядочнымъ журналомъ, однимъ культурнымъ предпріятіемъ стало бы меньше, но изъ комбинаціи общественныхъ силъ не выпало бы ни

одного звена. Читательскіе круги „Совр. Міра“ не живутъ директивами марксизма. А тѣ, что живутъ ими, не принадлежатъ въ своемъ подавляющемъ большинствѣ къ читателямъ „Совр. Міра“, а поскольку принадлежатъ, то преимущественно въ качествѣ гостей.

То же самое —съ необходимыми измѣненіями —относится и къ „Русскому Богатству“. Въ прежнія времена трибуна формально-цѣлостнаго ученія Михайловскаго, „Русское Богатство“— послѣ того, какъ вскрылись политическія противорѣчія этого ученія и отъ журнала справа отдѣлились кадеты, а слѣва отпочковались „лѣво-народники“,—перестало быть самостоятельнымъ центромъ идейнаго притяженія, а стало ежемѣсячнымъ изданіемъ, имѣющимъ такія-то и такія-то достоинства и такой-то кругъ читателей.

Таковъ основной фактъ: четыре старѣйшихъ русскихъ журнала превратились въ политически-безотвѣтственныя изданія; не въ томъ только смыслѣ, что они не являются официозами соотвѣтственныхъ партій и вообще не входятъ въ идейную систему этихъ партій, а и въ томъ, что нѣтъ вообще такой идейно-спаянной аудиторіи, отъ имени которой эти журналы могли бы говорить или которая чувствовала бы себя за эти журналы отвѣтственной. Есть просто читающая публика: ея сейчасъ настолько много, что хватаетъ и на живущіе старой инерціей журналы.

Мы не упоминали, правда, о соціалистическихъ журналахъ новаго происхожденія и новаго типа, какъ „Наша Заря“, „Просвѣщеніе“, „Борьба“. Но эти изданія нельзя причислить къ толстымъ журналамъ уже по одному тому, что они не толстые. Они и не могутъ быть толстыми, потому что читателю ихъ некогда читать большія статьи. Они не претендуютъ на универсальное значеніе, наоборотъ, ведутъ борьбу противъ универсальныхъ идеологій. Они связаны съ очень опредѣленной, идейно-политической группировкой, и роль ихъ — политически-служебная.

Что касается „Завѣтовъ“, то этотъ журналъ сочетаетъ въ себѣ черты стараго и новаго типа,—форма неустойчивая. Остается подождать, въ какую сторону направится его дальнѣйшее развитіе.

„Современникъ“ какъ бы пытается на себѣ одномъ продѣлать въ кратчайшій срокъ всю исторію русской журналистики: онъ усвоилъ себѣ большое историческое имя, имя классическаго толстаго журнала, и неутомимо мѣняетъ подъ этой оболочкой свое существо, стремясь, повидимому, доказать, что отъ стараго русскаго журнала дѣйствительно осталось... только имя.

Измѣрять степень общественнаго оживленія идейнымъ размахомъ публицистики толстыхъ журналовъ значитъ пользоваться самымъ ненадежнымъ, наименѣе приспособленнымъ для этой цѣли орудіемъ. Есть путь куда болѣе простой и вѣрный: просто посмотрѣть на то, что дѣлается въ странѣ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ, общественно-политическая хроника ежедневной прессы, протоколы общественныхъ съѣздовъ—развѣ все это недостаточно краснорѣчиво само по себѣ? Сюда же нужно присоединить и думу съ ея внутренними перегруппировками. Нѣтъ словъ: какъ бы ни садились музыканты четвертой думы, марсельезы они не сыграютъ. Но зато и мелодія камаринскаго мужика не идетъ у нихъ больше на ладъ. Въ основѣ всѣхъ партійныхъ межеваній и расколовъ думскихъ фракцій такъ или иначе сказывается необходимость приспособиться къ передому, надвигающемуся въ политической жизни страны. Расколъ октябристовъ въ думѣ, разумѣется, ничего не измѣнилъ. Но расколоться заставило октябристовъ только какое-то большое измѣненіе, постепенно накопившееся внѣ думы. Того равновѣсія побѣдоносной реакціи, на которомъ держалась третья дума, больше нѣтъ. Новое „равновѣсіе“ еще цѣликомъ впереди, и путь къ нему очень не простой и не короткій. А между однимъ равновѣсіемъ, уже нарушеннымъ, и другимъ, еще не установившимся, протекаетъ періодъ возрастающаго общественнаго оживленія. Оно не находитъ себѣ соотвѣтственнаго выраженія въ толстыхъ журналахъ? Жаль, конечно. Но это обстоятельство свидѣтельствуетъ не противъ оживленія, а противъ—толстыхъ журналовъ.“

Итальянская пресса.

[07:3.01(45)]

Когда ищутъ типическихъ чертъ современной прессы, поработившей капиталомъ и улицей, то—поскольку дѣло касается Европы — обращаются къ Франціи, къ французской періодической печати. Но и газетный міръ, газетная жизнь нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ странъ представляетъ въ этомъ отношеніи поучительное, знаменательное зрѣлище, давая не меньшій интересъ и значеніи дополнительный матеріалъ для характеристики. Такіе дополнительные штрихи можно найти въ очеркѣ М. Первухина „Ла Гаппа“ („Совр. Міръ“, февраль), гдѣ широко набросана картина итальянской буржуазной печати нашихъ дней. Вотъ двѣ-три изъ

самыхъ колоритныхъ деталей получившейся картины.

„Толпа предъявляетъ свои права на отдѣльную личность. Это—одна сторона весьма серьезнаго явленія, порожденнаго всею исторіею Италіи: право общества по отношенію къ индивидууму, какъ члену общества, куда болѣе компактнаго, сбитаго въ глыбу, чѣмъ общество русское.

Кажется, именно въ этомъ лежитъ объясненіе регулярнаго появленія въ итальянской провинціальной газетѣ сообщеній, напримѣръ, слѣдующаго рода, кажущихся намъ, русскимъ, совершенно непонятными:

„Позитано. 14 сентября. Ночью. По телеграфу отъ нашего корреспондента.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ въ нашемъ городѣ ходили настойчивые слухи о томъ, что поведеніе синьорины Кьяретты Адорни, дочери всѣми уважаемаго мѣстнаго негоціанта дона Ромоло Адорни, оставляетъ желать лучшаго. Многіе опредѣленно увѣряли, что по ночамъ видѣли синьорину разгуливавшею вмѣстѣ съ молодымъ поручикомъ мѣстнаго гарнизона, синьоромъ Луиджи Парини. Но мѣстное общество отказывалось вѣрить этимъ слухамъ, приписывая происхожденіе ихъ зависти политическихъ враговъ дона Ромоло Адорни.

Вчера, однако, всѣмъ пришлось убѣдиться въ печальной истинѣ: утромъ по городу разнеслась вѣсть, что, проведя всю ночь въ квартирѣ своего любовника, синьорина Кьяра Адорни на разсвѣтѣ бѣжала съ нимъ вмѣстѣ. Трудно описать общее негодованіе и волненіе, охватившее все населеніе!

Мы присутствовали при трогательной и трагической сценѣ вмѣстѣ съ толпой огорченныхъ гражданъ, торопившихся высказать свое сожалѣніе удрученной горемъ семьѣ дона Ромоло Адорни: донъ Ромоло, вернувшись изъ поѣздки по дѣламъ въ деревню, изъ устъ своей супруги узналъ роковую вѣсть о позорѣ, легшемъ на его имя, и вмѣстѣ являющемся позоромъ всего нашего города.

— У меня нѣтъ больше дочери!—твердымъ голосомъ, сдѣлавъ жестъ, достойный настоящаго римлянина, произнесъ несчастный, и скрылся за дверью своего оскорбленнаго жилища.

Полиція ведетъ дѣятельные поиски бѣжавшихъ преступниковъ, и весь городъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ результатовъ этихъ поисковъ. Если что-либо откроется, я не замедлю оповѣстить читателей".

Затѣмъ начинается „оповѣщеніе"; печатается рядъ телеграммъ изъ разныхъ мѣстъ:

— Бѣжавшую парочку влюбленныхъ замѣтили въ Амальфи.

— Справки показали, что бѣглецы въ Амальфи не были: за нихъ приняли легальную пару.

— Бѣглецы обнаружены на островѣ Капри, въ отелѣ Пагано.

— Бѣглецы успѣли скрыться изъ отеля Пагано.

И, въ концѣ концовъ, торжественное сообщеніе:

— Полиція, наконецъ, раскрыла гнѣздо, въ которомъ скрывались бѣглецы. Все это время они прятались въ одномъ пансіонѣ въ Неаполѣ.

Наиболѣе лакомою пищею для говящихся за матеріаломъ этого рода газетъ, имя же имъ легіонъ, служатъ семейные скандалы съ адюльтеромъ.

До какого измельчанія доходитъ итальянская газета, можно судить по слѣдующему характерному примѣру: въ „Трибунѣ", въ „Мессаджэро", въ „Маттино", а сплошь и рядомъ и въ болѣе сдержанныхъ и приличныхъ органахъ печати сѣвера Италіи появляются, въ качествѣ весьма важныхъ новостей, сообщенія о томъ, что въ Марсели апашъ подкололъ уличную проститутку, въ Парижѣ извозчикъ подстрѣлилъ гарсона кафэ, въ Лионѣ пьяный гулякъ разбилъ черепъ ночному сторожу.

Три строчки, безъ всякихъ даже комментаріевъ. Но съ помѣткою:

— Важнѣйшія извѣстія. Ночью, по телеграфу.

Итальянская буржуазія заслуживаетъ самаго серьезнаго упрека за то, что стремится рѣшительно во всемъ подражать болѣе старой и болѣе богатой буржуазіи французской. Слово „Парижъ" является поистинѣ магическимъ словомъ, прикрывающимъ все. Сдѣлать что-либо „по-парижски" — это идеалъ, выше котораго нѣтъ.

Это отразилось и на нравахъ, на методахъ работы, на премахъ, наконецъ, на тенденціяхъ итальянской печати, которая во многомъ является подголоскомъ парижской прессы, провинціальнымъ подражателемъ.

Парижъ забавляется, устраивая церемоніи выбора „королевъ рынка" и „принцессъ иголки",—Римъ и Неаполь тянутся вслѣдъ за Парижемъ, и въ свою очередь съ громомъ и трескомъ непристойно крикливой рекламы избираютъ изъ среды легко сбивающейся съ толку женской молодежи „королеву Рима" или „морскую царицу" Неаполя, избираютъ „принцессъ" изъ полуголодныхъ швеекъ и безграмотныхъ модистокъ.

Въ 1911 году именно римскіе хроникеры, и несомнѣнно съ опредѣленною цѣлью — поднять

интересъ къ своимъ газетамъ, организовали такія торжества съ выборомъ „царицы Рима“ и ея придворнаго штата. Торжества, надо признаться, торжественно провалились. Но именно „царица Рима“ и ея „фрейлины“ жестоко расплатились за затѣю газетной братіи: за два года изъ дѣвушекъ Рима, участвовавшихъ въ конкурсѣ, двѣ покончили самоубійствомъ, одна пыталась отравиться, не будучи въ силахъ вернуться къ трудовой жизни, двѣ пошли по рукамъ.

Въ Неаполѣ организованный тоже газетною братіею конкурсъ для выбора „царицы моря“ далъ идентичные результаты: два самоубійства, одна неудачная попытка самоубійства. нѣсколько семейныхъ трагедій. Но... но газетамъ, устраивавшимъ весь этотъ „бумъ“, какое же дѣло до жертвъ?

Двѣ-три недѣли можно было наполнять номера описаніями приготовленій къ торжествамъ и самихъ торжествъ. Двѣ или три недѣли печатались портреты выставленныхъ отдѣльными кварталами кандидатокъ на пость „королевы“ и на посты „принцессъ“. Тысячи строкъ были посвящены „интервью“ съ кандидатками, ихъ родственниками, ихъ женихами. Потомъ — шутовскіе выборы, церемоніи, пріемы... Описывались костюмы „королевы“ и „принцессъ“, домашняя обстановка, сообщались подробности ихъ біографій. Потомъ... газета занялась другимъ, бросивъ морально искалѣченныхъ дѣвушекъ, какъ сломанную игрушку.

———

Весьма любопытно отношеніе части буржуазной печати Италіи къ рекламѣ.

Газета—чисто коммерческое предпріятіе. Газета должна заботиться прежде всего о томъ, чтобы приносить доходъ своему издателю. А разъ это такъ, то всѣ средства хороши. Разъ принятъ такой тезисъ, то весьма понятнымъ является, почему, напримѣръ, въ крупной и вліятельной газетѣ Неаполя на видномъ мѣстѣ вы читаете написанную съ пафосомъ, переполненную поэтическими образами статью, посвященную великому событію:

— Открылся новый ресторанъ.

— Отстроена новая гостиница.

— Начался сезонъ купанья въ элегантныхъ купальняхъ акціонернаго общества.

— Начался рядъ спектаклей въ популярномъ кафэ-шантанѣ.

Надо отдать справедливость, что особою безцеремонностью въ этомъ отношеніи отличается печать неаполитанская, особенно „Mattino“.

Зачастую въ этой газетѣ вы читаете такую „хронику мѣстной жизни“:

— Носятся слухи о близкомъ уходѣ неаполитанскаго префекта.

— Всѣ элегантные люди носятъ только подтяжки „Граммонъ“, свѣжая партія которыхъ вчера получена у Армандо. Ситѣните.

— Прибылъ англійскій крейсеръ „Грозный“. Капитанъ сдѣлалъ визитъ властямъ.

— Лучшимъ въ мірѣ предохранительнымъ средствомъ отъ кожныхъ заболѣваній является, какъ признано всѣми учеными, употребленіе гольдъ-крема. Гольдъ-кремъ продается въ аптекѣ „Сперанца“.

— Вчера на солнцѣ была температура 29 градусовъ.

— Нашъ городъ замѣтно обновляется. Съ каждымъ днемъ возникаютъ новыя роскошныя зданія, поражающія всѣхъ изяществомъ своихъ формъ и солидностью постройки. Въ этомъ— огромная патріотическая заслуга тѣхъ строителей, которые переносятъ къ намъ усовершенствованные пріемы строительства, уже извѣстные за границею. Впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи стоитъ знаменитая старинная фирма „инженеръ Витторіо Витали и сыновья“, контора которыхъ, помѣщающаяся на .... улицѣ .... номеръ, принимаетъ крупные и мелкіе заказы.

— Вчерашній спектакль въ „Одэонѣ“ былъ форменнымъ тріумфомъ для молодой французской артистки Бланшъ Санъ-Фасонъ, изящной шансонетной пѣвицы, обладательницы историческаго жемчужнаго ожерелья королевы Маріи Стюартъ и, какъ извѣстно, удостоенной интимной дружбы экъ-короля португальскаго. Юная красавица съ очаровательными формами классически прекраснаго тѣла, обворожительною улыбкою завоевала сердца всѣхъ зрителей и слушателей. Мы надѣемся, что нашъ городъ будетъ еще счастливъ видѣть на своихъ гостепріимныхъ сценахъ эту театральную звѣзду въ теченіе всего текущаго сезона.

И такъ далѣе.

Газета Рима значительно сдержаннѣе въ отношеніи печатанія такихъ оплачивающихся но очень высокому тарифу объявленій, искусно смѣшанныхъ съ дѣйствительно хроникальными, то-есть редакціонными замѣтками. Но мало есть того, передъ чѣмъ останавливается газетная коммерческая реклама.

Какъ яркій примѣръ, у меня въ памяти остался одинъ поразительный эпизодъ.

Въ историческомъ мѣстечкѣ Раккониджи, гдѣ имѣется одинъ изъ королевскихъ замковъ, происходило свиданіе двухъ монарховъ—итальянскаго и иностраннаго. Свиданіе имѣло весьма серьезное политическое значеніе. Пріѣздъ иностраннаго монарха встрѣчалъ страстную оппозицію въ лѣвыхъ элементахъ самой Италіи.

Поговаривали о политическихъ заговорахъ, возможности покушеній. Для охраны персоны гостя-монарха были приняты исключительныя, удивившія всю Италію мѣры предосторожности, въ родѣ выставленія нѣсколькихъ тысячъ солдатъ по желѣзнодорожной линіи и такъ далѣе.

Настроеніе было крайне тревожное.

Утромъ состоялось свиданіе. Вечеромъ въ одной изъ римскихъ газетъ на первой страницѣ вершковыми буквами внизу заявленіе:

„Бомба въ Раккониджи-таки взорвалась. Нѣсколько убитыхъ. Масса раненыхъ осколками. Неописуемая паника. Серьезныя политическія осложненія. Подробности см. на четвертой страницѣ въ „послѣднихъ извѣстіяхъ“.

А въ указанномъ мѣстѣ подъ повторенными заголовкомъ „бомба въ Раккониджи“ было напечатано:

— Если бы бомба-таки взорвалась въ Раккониджи! Если бы было нѣсколько убитыхъ и масса раненыхъ... Какая ужасная паника поднялась бы въ Европѣ! Какія грозныя послѣдствія повлекло бы за собою это событіе! Выпускъ нами на рынокъ неподражаемыхъ поясовъ отъ грыжи произвелъ на нашихъ конкурентовъ точно такое же впечатлѣніе взорвавшейся бомбы. Убито наповалъ нѣсколько нашихъ соперниковъ. Среди конкурентовъ неописуемая паника“...

Сама газета тоже не очень стѣснялась, когда ей нужно рекламировать себя, и не разбирается въ средствахъ.

Поучительнымъ въ этомъ отношеніи является слѣдующій эпизодъ, разыгравшійся въ Римѣ осенью 1912 года.

Большинство римскихъ газетъ выходитъ вечеромъ, часовъ около шести. Изъ широко распространенныхъ изданій утромъ выходитъ только органъ радикальнаго блока „Мессаджэро“. Такимъ образомъ, именно въ „Мессаджэро“ читатель находитъ утромъ всѣ событія вчерашняго дня, вплоть до глубокой ночи.

И вотъ, какъ-то утромъ цѣлая страница „Мессаджэро“ оказалась посвященною описанію сенсаціоннаго убійства.

Убита обворожительная дэми-мондэнка, француженка Люси Гарди, шансонетная пѣвица, только что прибывшая въ Римъ, еще и не выступавшая на сценѣ, но уже обзаведшаяся „приватною клиентурою“. Убита, несомнѣнно, съ цѣлью грабежа случайнымъ знакомымъ, встрѣченнымъ на улицѣ и отправившимся на ночь къ Люси.

Описаніе, сопровождавшееся фотографіею убитой и рисункомъ, изображавшимъ ея трупъ въ окровавленной постели, было сдѣлано съ обычнымъ мастерствомъ, изобиловало массою пикантныхъ подробностей. Между прочимъ, хроникеръ описывалъ свои личныя впечатлѣнія отъ посѣщенія залитой кровью квартиры убитой, явно смакуя эти подробности, повѣствовалъ объ интервью съ агентами полиціи, съ прислугою убитой, съ сосѣдями. Все съ указаніемъ именъ и адресовъ.

Заканчивалась огромная, въ пятьсотъ или семьсотъ газетныхъ строкъ статья будящимъ любопытство читателя вопросомъ:

— Изъ-за чего злодѣй убилъ свою несчастную жертву? Что соблазнило его и побудило на отвратительное и ужасное преступленіе?

Вечернія изданія другихъ римскихъ газетъ молчали объ убійствѣ Люси Гарди. Это одно уже являлось крайне загадочнымъ, ибо такое убійство должно было, по традиціямъ, занимать всѣхъ, и его описаніями должны были заполняться цѣлые номера.

Въ утреннемъ номерѣ „Мессаджэро“—новыя подробности сенсаціоннаго убійства, новые рисунки. И заявленіе:

— Тайна убійства прелестной Люси раскрыта. Завтра мы подѣлимся съ нашими читателями этою новостью! Ждите до завтра, другъ читатель!

А завтра—заявленіе:

— Злодѣй убилъ Люси Гарди, соблазнившись изящною сумочкою, которую Люси получила въ премію, подписавшись на годъ на „Мессаджэро“. Спѣшите подписываться на нашу газету, самую распространенную въ Средней Италіи! Мы даемъ такую премію, какой не можетъ дать никто изъ нашихъ конкурентовъ!

Разумѣется, вся исторія съ сенсаціоннымъ убійствомъ была выдумана безшабашною редакціею, считающею излишнимъ церемониться, разъ зашла рѣчь о возможности пріобрѣсти сотню-другую лишнихъ подписчиковъ...

На обращенный редакціи „Мессаджэро“ другими газетами упрекъ въ пользованіи едва ли достойнымъ средствомъ, редакція цинично отшутилась, назвавъ свою выходку дословно „невинною шуткою“...

———

Изъ всей итальянской печати какъ-то особенно рѣзко своеобразностью нравовъ отличается печать неаполитанская. Подходить къ этой печати съ нашею, русскою, мѣркою приличій и достоинства органа живого слова положительно невозможно, ибо тутъ на каждомъ шагу натыкаешься на явленія, совершенно немыслимыя у насъ.

Такова, напримѣръ, оригинальная интимность, связывающая газету и ея читателей.

Въ любомъ номерѣ „Mattino“, газеты, которая по распространенности близка къ нашимъ самымъ крупнымъ газетамъ и является орга-

номъ націоналистовъ, а зачастую—оффиціальнымъ истолкователемъ плановъ, видовъ и намѣреній даннаго министерства, имѣется особый отдѣлъ:

— Святой текущаго дня.

— Сегодня церковь чтитъ память святого Леона и святой Кончеты. Нашъ городъ издревле возлюбилъ эти имена, и въ нашемъ населеніи имѣется множество лицъ, окрещенныхъ въ честь святого Леона и святой Кончеты. Такъ, сегодня—тезоименитство популярнаго маркиза дона Леона Далла-Торрэ-Ардентэ и его прелестной супруги, маркизы Кончеты изъ рода Бранка. Кстати: высокочтимая маркиза подарила нашимъ днямъ счастливому супругу еще одного отпрыска ихъ славнаго историческаго рода, прекраснаго младенца, которому въ честь отца и дѣда тоже дали имя Леона. Приносимъ всей семьѣ старыхъ и испытанныхъ друзей нашей редакціи наши искреннѣйшія поздравленія и благопожеланія, а высокородному младенцу—пожеланіи съ достоинствомъ восиять славное имя предковъ.

— Сегодня же тезоименитство синьора Леона Папададро, крупнаго негоціанта, торгующаго мясными продуктами на благо всего Неаполя. Приноса свои поздравленія, высказываемъ надежду, что дорогой именинникъ, старый нашъ подписчикъ, отпразднуетъ достойно этотъ великій день въ кругу своихъ друзей и родственниковъ, какъ это было въ прошломъ году.

— И еще одинъ близкій сердцу редакціи именинникъ: донъ Леонъ Равеллини, достойный поэтъ латинской кухни, на протяженіи девятнадцати лѣтъ служащій на благо мѣстному населенію своими неподражаемыми макстурами и пилюлями, празднуетъ пятьдесятъ первый разъ день своего ангела. Поздравляя его, высказываемъ пожеланіе, чтобы дорогой именинникъ могъ еще столько же лѣтъ заниматься своимъ благороднымъ дѣломъ на пользу страждущему человѣчеству. Его высокочтимой супругѣ, доннѣ Эриксэттѣ, и всѣмъ членамъ этой достойной семьи наши благопожеланія и привѣтъ.

— Сегодня празднуетъ тезоименитство коммендоръ Леонъ Каравани, видный чиновникъ нашей префектуры, прославившійся своею любезностью и высоко цѣнимый начальствомъ за прекрасодушіе и трудолюбіе. Приносимъ ему и его семьѣ наша благопожеланія.

И такъ далѣе.

Зачастую списокъ этихъ знатныхъ и незнатныхъ друзей „Маттино“ и его любезной редакціи занимаетъ цѣлый столбецъ.

Разумѣется, значительная часть этого страннаго съ русской точки зрѣнія „газетнаго матеріала“ оплачивается самими честолюбивыми именинниками, сгорающими отъ желанія хоть разъ въ году увидѣть въ печати свое славное имя.

Но всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ лицъ города газета галантно поздравляетъ совершенно безкорыстно:

— Изъ преданности и почтительности“...

Характерны также для прессы и Италіи, и вообще для капиталистической печати, тамошнія условія оплаты газетнаго труда.

„Въ Римѣ, въ Миланѣ, гдѣ жизнь безумно дорога, масса газетныхъ работниковъ довольствуется получеміемъ какихъ-нибудь ста, полутораста лиръ въ мѣсяцъ. Гонораръ въ двѣсти лиръ, или 75 рублей на наши деньги въ мѣсяцъ—это уже достаточно высокій гонораръ. Его удостаиваются лишь старые, опытные журналисты со связями. „Мессаджеро“, газета огромнаго распространенія, платитъ редакторамъ своихъ отдѣловъ около трехсотъ лиръ въ мѣсяцъ. Сто пятнадцать рублей на наши деньги семейному человѣку, обязанному постоянно бывать въ обществѣ, прилично одѣваться, разъѣзжать...

Построчная плата чрезвычайно низка. У насъ презрительно говорятъ о пятакѣ за строку. Итальянскій средній журналистъ широко раскрываетъ глаза, когда слышитъ о столь счастливыхъ странахъ, гдѣ журналистъ получаетъ тридцать чентезимовъ за строку. Онъ, итальянецъ, довольствуется тремя чентезимами, въ лучшемъ случаѣ—пятью чентезимами за строку.

Обыкновенно принципъ построчной платы вовсе не примѣняется, и трудъ сотрудника оплачивается по опредѣленному разовому тарифу „отъ статьи“, начинаясь съ пяти лиръ и рѣдко превышая двадцать лиръ за статью размѣромъ не менѣе ста строкъ.

Какъ ухитряются при этихъ грошовыхъ гонорарахъ существовать итальянскіе конферы при всей ихъ изворотливости, практичности, трезвости, при свойственной каждому итальянцу жилкѣ скопидомчества,—говоря откровенно, я не знаю...

Пранда, огромное большинство итальянскихъ профессіональныхъ работниковъ имѣютъ побочные доходы, собственные рессурсы для жизни, помимо редакціонныхъ заработковъ: одинъ служитъ чиновникомъ при министерствѣ, другой—агентомъ страхового общества, третій — транспортной конторы, четвертый — приказчикомъ въ магазинѣ или у адвоката, нотаріуса, на трамваѣ.

Такимъ образомъ, газетный заработокъ только *пополняетъ* бюджетъ.

Явленіе это, несомнѣнно, должно отражаться весьма отрицательно на общемъ тонѣ итальянской газеты, ибо неизбѣжно сказывается зависимость сотрудниковъ отъ элементовъ, ничего общаго съ газетою неимѣющихъ, а зачастую враждебныхъ гласности.

Да это такъ и есть.

Перепроизводство интеллигенціи, существованіе цѣлой арміи молодыхъ людей, кончившихъ курсъ юридическаго или филологическаго факультета и годами ожидающихъ возможности пристроиться въ какому-нибудь платному дѣлу, гонятъ въ редакціи газетъ, вѣрнѣе, въ редакціонныя прихожія цѣлыя толпы добровольцевъ. Эти добровольцы годами околачиваются возлѣ газеты, пытаясь при помощи упорства, настойчивости и приспособляемости профильтроваться въ газету и современемъ занять въ ней прочное платное мѣсто.

Газетный стажъ проходится годами.

Годъ, два года добровольцемъ, доставляющій замѣтки, помогающій тому или иному старому сотруднику, дѣлающій вырѣзку, обзоръ печати, компиляціи,—не получаетъ буквально ни гроша.

На второй, на третій годъ, когда онъ близокъ къ тому, чтобы стать для газеты своимъ человѣкомъ, онъ начинаетъ извлекать кое-какія косвенныя выгоды изъ своей близости къ газетѣ: получаетъ контрамарки для посѣщенія третьестепенныхъ театровъ, куда не пойдетъ никто изъ редакціонныхъ работниковъ, получаетъ билеты на право посѣщенія выставки, на какое-нибудь торжество. При случаѣ, когда подъ рукою вѣтъ другого нужнаго человѣка, добровольца командируютъ описать пожаръ, пріѣздъ высокихъ персонъ, обстановку убійства, и суютъ пять, десять лиръ „на расходы“. Это уже большой шагъ впередъ. Отсюда уже такъ близко до занятія при газетѣ опредѣленнаго платнаго амплуа съ жалованіемъ въ пятьдесятъ или шестьдесятъ лиръ...

Въ редакціяхъ богатѣйшихъ римскихъ газетъ я встрѣчалъ такихъ добровольцевъ, которые *годами* выжидали мѣстечка, а покуда довольствовались тѣмъ, что имъ разрѣшалось... спать въ редакціонномъ помѣщеніи, гдѣ нибудь въ темномъ углу за книжнымъ шкафомъ, на грудѣ полуистлѣвшихъ старыхъ номеровъ:

— Все-таки, можно обходиться безъ квартиры...

Убогость гонораровъ отражается на личномъ составѣ итальянскихъ журналистовъ, отбивая охоту итти въ газетную работу у людей образованныхъ, энергичныхъ и предпріимчивыхъ:

— Въ приказчикахъ больше выгадаешь!

Мечтою любого итальянскаго журналиста является—эмиграція во Францію или, еще лучше, въ Бразилію или Аргентину. Тамъ, все-таки, хоть что-нибудь да платятъ...

Это не мѣшаетъ, однако, уплатѣ и очень солидныхъ гонораровъ немногимъ избраннымъ. Д'Аннунціо, напр., береть не менѣе 500 лиръ отъ фельетона.

По общее правило — крайняя мизерность оплаты литературнаго труда вообще, газетнаго труда въ особенности.

Обусловливается это многими причинами. Въ первую голову — бѣдностью итальянскихъ газетъ, ничтожностью доходовъ, приносимыхъ вложеніями въ газетныя предпріятія капиталомъ. Но вліяетъ и еще одно явленіе, намъ покуда мало еще извѣстное.

Схоластическое образованіе, господствующее въ современной Италіи, создаетъ тысячи и тысячи людей, единственнымъ умѣніемъ которыхъ является умѣнье гладко писать. Писать гладкіе и благозвучные стихи. Писать прозу вылощенными, классическими періодами съ традиціоннымъ холоднымъ пафосомъ, съ начинкою изъ цитатъ. Въ обыденной жизни приложенія способностямъ этихъ людей нѣтъ. А приложить свое умѣнье такъ хочется...

И вотъ, любая редакція буквально задыхается подъ грудами рукописей стихотвореній, поэмъ, драмъ, повѣстей, разсказовъ, присылаемыхъ изо всѣхъ угловъ Италіи.

Одинъ изъ моихъ знакомцевъ, римскій журналистъ, какъ-то подѣлился со мною своею завѣтною мечтою:

— Завести собственную газету.

— А потребныя средства?

— Гроши нужны! Бумага, печать, почта!

— А гонорары?

— Пять лѣтъ буду издавать, не платя ни гроша. Если бы захотѣть, то можно еще заработывать на печатаемомъ матеріалѣ.

— То-есть?

— Сотни графомановъ и одержимыхъ честолюбіемъ видѣть свое имя въ печати охотно платятъ за напечатаніе ихъ произведеній.

Вотъ, подавляющая конкуренція этихъ графомановъ и честолюбцевъ и отражается тяжело на скромномъ и безъ того заработкѣ итальянскаго средняго журналиста. Господинъ издатель въ любой моментъ можетъ обойтись безъ платнаго сотрудника, довольствуясь услугами тучи сотрудниковъ безплатныхъ“...

„Внутренній врагъ“ демократіи.

(3.01)

Быть можетъ, ни въ одной странѣ, ни у одного народа процессъ эволюціи культуры

не протекаетъ съ такой яркостью и съ такой выпуклостью въ своихъ изломахъ и отклоненіяхъ, какъ во Франціи, и ни въ одной странѣ картина этого процесса такъ не прикованъ къ себѣ вниманіе всякаго вдумчиваго изслѣдователя. Это было и въ прошломъ, наблюдается это и въ настоящемъ, что не разъ уже приходилось отмѣчать намъ. Въ частности, нигдѣ такъ отчетливо, какъ во Франціи, не выступаетъ, наряду съ „лицомъ" современной культуры, ея „изнанка".

Особенно важно, въ нашъ демократическій вѣкъ, имѣть въ полѣ зрѣнія не только *лицо*, но и *изнанку* самой демократіи, призванной внести новое начало въ культурную жизнь человѣчества. Соотвѣтствующую позицію занялъ— въ февральской кн. „Вѣст. Евр."—извѣстный наблюдатель французскаго общества Вѣлоруссовъ, давшій статью подъ такимъ именно заглавіемъ: „Лицо и изнанка демократіи".

Свою статью онъ начинаетъ съ цитаты изъ новой книги Жоржа Клемансо „Dans les Champs du Pouvoir", или вѣрнѣе, изъ авторскаго предисловія къ книгѣ.

„...Спрашивали ли вы себя когда-нибудь, какою властью обладаетъ тотъ сборный людь, который читаетъ ежедневныя газеты? Знайте, что это просто-напросто абсолютный повелитель съ всеобщей компетенціей, такъ какъ изъ его атавистическихъ предразсудковъ, изъ его поверхностной освѣдомленности, изъ продиктованныхъ невѣжествомъ предубѣжденій, изъ легкомысленныхъ сужденій складывается то *общественное мнѣніе*, которое правитъ общественными собраніями, зовется „*гласомъ Божіимъ*" на землѣ и заставляетъ дрожать передъ собой такъ называемыхъ „правителей"...

„...Дать власть людямъ всѣхъ состояній, независимо отъ степени ихъ культуры, ихъ традицій, пріобрѣтенныхъ ими или внушенныхъ имъ идей, въ предположеніи, что всѣ эти противорѣчія гармонично сольются и образуютъ высокодѣйную въ моральномъ отношеніи волю, задача эта казалась нашимъ предкамъ, очарованнымъ магіей словъ, и простой и легко осуществимой. Поэтому они провозгласили принципы, — предоставивъ намъ заботу ихъ реализаціи. Превратить управляемыхъ въ правящихъ,—вотъ въ чемъ задача, задача старая, какъ міръ, вслѣдствіе ошибокъ, тоже вѣчно повторяющихся, тѣхъ, кому случайность рожденія, случайность побѣды, или случайность народнаго избранія дала возможность рѣшать за остальныхъ..."

„...Мы установили республику во Франціи, и въ дни моей юности я не сомнѣвался, что ея чудесная сила способна измѣнить весь міръ. На дѣлѣ мы лишь создали новую терминологію,— во славу французскому гевію,—и замѣнили условія общественной жизни, сдѣлавъ ихъ болѣе способными служить удовлетворенію какъ общихъ, такъ и частныхъ интересовъ. Человѣку, освобожденному нами, мы дали *возможность*,—но не *способность*,—дѣйствовать сообразно своимъ склонностямъ, не нанося ущерба равнымъ правамъ ближнихъ. Онъ не окруженъ болѣе стѣнами старыхъ привилегій,—но онъ остается плѣнникомъ тѣхъ атавистическихъ традицій, которыя ихъ воздвигли и которыя будутъ охранять возможно дольше ихъ удобосохранимые остатки. И въ результатѣ мы съ удивленіемъ видимъ, что великая реформа, съ такимъ торжествомъ возвѣщенная, лишь новый фракъ на ветхомъ человѣкѣ. Намъ говорятъ, что „богиня"-революція должна перестроить міръ. Я былъ бы счастливъ, если бы она соблаговолила начать съ самого человѣка..."

Если труденъ и медителенъ прогрессъ вообще,—спрашиваетъ уже отъ себя Вѣлоруссовъ,—если труденъ и медителенъ прогрессъ и демократическаго общества, если революція и республика обманули пылкія и скороспѣлыя надежды ихъ дѣятелей и основателей — гдѣ этому причина? Клемансо даетъ общій отвѣтъ: въ низкомъ уровнѣ культуры человѣка, въ его упорной неподвижности. Надо, слѣдовательно, поднять культурный уровень народа. Какимъ путемъ?

„...Какъ же такъ случилось, что, создавъ такую массу умственныхъ силъ, мы не создали сильной воли? Все дѣло въ томъ, что, вопреки народной поговоркѣ, *знать* не значитъ *мочь*. *Знаніе* открываетъ *возможности*, но не оно проводитъ въ дѣйствіе механизмъ, превращающій мысли въ акты. Для этого идеи должны превратиться предварительно въ гражданское убѣжденіе, образующее *гражданина*, безъ котораго республика есть только монархія безъ монарха, поле борьбы разнузданныхъ интересовъ".

Передъ нами, такимъ образомъ, еще одинъ изъ дефектовъ демократіи: отсутствіе, или, можетъ быть, вѣрнѣе — недостаточная наличность въ „гражданахъ" гражданскаго сознанія. Конечно, и это отнюдь не является особенностью однѣхъ только демократій; но въ демократіяхъ оно получаетъ совершенно особое значеніе. Въ теократіяхъ, въ олигархіяхъ, въ монархіяхъ, сословныхъ и полицейскихъ,—государственный порядокъ опирается въ иныя основанія; только въ демократіяхъ онъ цѣликомъ покоится, въ конечномъ счетѣ, на гра-

жданскомъ сознаніи массъ, и если оно отсутствуетъ, если оно недостаточно развито или искажено предразсудками, атавистическими предубѣжденіями, узкими и своекорыстными интересами, во что превращается демократія? „Въ монархію безъ монарха, въ поле борьбы разнузданныхъ интересовъ"!

Но политика лишь часть, и сравнительно небольшая часть, жизни общества. Перейдемъ поэтому къ ея культурнымъ проявленіямъ.

Возьмемъ, напр., печать. Я знаю: говорятъ, что виновать капиталъ, захватившій производство печатнаго слова и внесшій въ храмъ инстинкты торгаша и обнаженный коммерческій расчетъ. Я тоже говорю это очень рѣшительно, но оговариваюсь: виновата также и та общественная масса, на которую коммерческое предпріятіе работаетъ съ барышомъ. Пусть вѣрно, что бульварная газета воспитываетъ читателя въ низменныхъ вкусахъ и развращаетъ его понемногу; вѣрно, однако, и то, что читатель играетъ не только пассивную, но и активную роль, отворачиваясь отъ издателей, идущихъ по высшей линіи, и ставя издателю требованіе, своего рода категорическій императивъ: или давай намъ Рокамболя, или разорись. Никому нѣтъ охоты разориться, и Рокамболь царствуетъ по всей линіи.

Онъ царствуетъ потому, что нынѣшній литературный рынокъ и въ современной демократіи работаетъ на массу, а масса, этотъ „абсолютный повелитель съ всеобщей компетенціей"—пользуясь терминологіей Кленансо,—и въ нашей демократіи есть не Demos, а въ громадной своей толщѣ—Plebs. Не Demos а Plebs господствуетъ также и въ современныхъ демократіяхъ—вотъ что вскрываетъ намъ пресса. Не Demos, а Plebs бракуетъ серьезную, литературную, идейную печать,—она вѣдь существуетъ во Франціи, но еле влачитъ существованіе,—и нарасхватъ беретъ громадныя и толстыя газеты, занимающіяся информаціей, хроникой преступленій, сенсаціонными скандалами и спортомъ.

...Кто же онъ, этотъ духовный плебей? О, это самый крупный персонажъ въ нашихъ современныхъ демократіяхъ. Его можно найти на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ. Когда онъ рабочій,—онъ шатается въ свободное отъ работы время по кафэ, тянетъ абсентъ и равнодушенъ къ своему синдикату; лавочникомъ онъ знаетъ одно—копить копейку, чтобы кончить жизнь рантьеромъ. Его мечта—маленькій клочокъ земли за городомъ на старость и маленькій собственный домикъ, обнесенный кругомъ высокой каменной стѣной съ надписью: „Il-y-a ici des pieges aux loups". Въ качествѣ крупнаго буржуа, онъ будетъ играть на биржѣ, воевать съ соціалистами и ухаживать за депутатами. Въ качествѣ политика, онъ ставитъ переметной сумой и всѣми неправдами полѣзетъ къ министерскому портфелю. Въ качествѣ чиновника—карьеристомъ. Въ качествѣ сынка разжившагося дѣльца, онъ ообобьетъ пороги всѣхъ ресторановъ, возьметъ на содержаніе всѣхъ красавицъ, будетъ гордиться дружбой съ боксеромъ Карпантье и кончитъ свою карьеру иногда такъ, какъ кончилъ недавно въ Парижѣ сынъ бывшаго аргентинскаго министра и милліонера,—въ тюрьмѣ за мошенничество и воровство, послѣ долговъ и головокружительныхъ кутежей.

Духовный плебей — явленіе внѣвременное, свойственное всѣмъ формамъ государственнаго устройства,— и наша демократическая эпоха отворила ему также широко свои двери. Буржуазно-демократическая революція, какъ извѣстно, уничтожила привилегіи, разбила сначала сословныя перегородки, затѣмъ, въ своей дальнѣйшей эволюціи, и бытовыя,— и создала новое общество, юридически единое, но фактически разслоенное на классы, отличающіеся, однако, отъ прежнихъ сословныхъ и бытовыхъ дѣленій подвижностью своихъ границъ и переимчивостью своего состава. Въ современныхъ демократіяхъ благодаря этому совершается съ небывалой энергіей постоянное передвиженіе частицъ соціальнаго тѣла по вертикали, происходятъ сверху внизъ и снизу вверхъ постоянные токи. Внизъ стекаютъ всевозможные declasses,—и общественные низы, особенно въ большихъ городахъ, переполнены этими „бывшими людьми"; вверхъ поднимаются способности, таланты, счастливцы, удачники и хищники.

Способности и таланты мы оставимъ въ сторонѣ и остановимся на счастливцахъ, удачникахъ и хищникахъ. Это будутъ люди, которымъ удалось и посчастливилось сдѣлать деньги, — такъ какъ въ буржуазномъ обществѣ принадлежность къ господствующимъ, къ правящимъ классамъ опредѣляется прежде всего благосостояніемъ,—и такъ какъ „деньги не пахнутъ", то фактическое господство дается всякому, кто ими обладаетъ, незаписимо отъ способовъ пріобрѣтенія. А способы эти многоразличны, начиная отъ хищничества, эксплоатаціи, мошенничества и кончая биржевой игрой, скопидомствомъ и удачей въ жизненной лотереѣ. Въ массѣ снизу вверхъ пробиваются преимущественно тѣ, кто вкладываетъ въ дѣла наживы всю возможную энергію и идетъ къ этой цѣли съ неослабной энергіей, не стѣсняясь не идущими къ дѣлу соображеніями — sans

scrupules—т.-е. люди съ разрушенными бытовыми устоями, своего рода ингвисты. Ихъ много въ современномъ обществѣ, построенномъ на ожесточенной конкуренціи, и они кладутъ свою печать на тѣ „общественные верхи", куда проникаютъ. Печать эта характеризуется прежде всего отрицательнымъ признакомъ—отсутствіемъ культуры.

Создается нѣкоторая псевдокультура, матеріально высокая, внутренно низменная, которая, просачиваясь внизъ, спуская туда свои отбросы, заражаетъ источники народной жизни, освобожденной отъ оковъ быта. Замыкается, такимъ образомъ, нѣкоторый порочный кругъ, благодаря которому „золоченый хамъ" развращаетъ своего младшаго, еще не выбравшагося наверхъ брата, а тотъ всякими силами стремится въ его золотыя хоромы.

Если бы демократія не была способна вырабатывать иммунитетъ противъ этой заразы, если бы она не была въ силахъ разорвать этотъ порочный кругъ, плебей очень скоро доведъ бы ее до морального истощенія и гибели. Въ чемъ же заключаются эти сохраняющія демократію силы?

Во-первыхъ, въ истинномъ просвѣщеніи народа, котораго одна только демократія не боится, и во-вторыхъ, въ той свободѣ культурной дѣятельности во всѣхъ ея формахъ, которую демократія недаромъ положила въ основу своей государственной хартіи: права человѣка и гражданина. Не случайно, слѣдовательно, и не по благородству души, и не вслѣдствіе общественно-немотивированной любви къ званію направляетъ демократія свои усилія на образованіе народа, на пробужденіе въ немъ работы мысли, на развитіе духовныхъ потребностей и бережно охраняетъ свободу духовной дѣятельности,—но вслѣдствіе глубокой внутренней необходимости: это условіе sine qua non ея жизни.

Естественно поэтому, что третья французская республика направила всѣ свои усилія на дѣло народнаго образованія въ школѣ и на дѣло его политическаго воспитанія всѣми тѣми многообразными способами, которые даетъ режимъ политической свободы. Она сдѣлала въ этомъ направленіи много, дѣлаетъ до сихъ поръ все возможное,—но, какъ мы видѣли, плебей живъ до сихъ поръ и кладетъ свою печать на всѣ проявленія жизни. Очевидно, правъ Клемансо, разсматривающій образованіе какъ недостаточный рычагъ. Очевидно, обладаетъ ограниченнымъ значеніе „просвѣщенія" имѣетъ свой предѣлъ, полагаемый душевной и интеллектуальной низменностью однихъ, грубыми интересами и своекорыстіемъ другихъ, — и Демосъ стоитъ такимъ образомъ передъ трагическимъ внутреннимъ конфликтомъ.

Французская демократія сдѣлала не мало попытокъ выйти изъ него. Всѣ эти попытки были направлены на то, чтобы повысить тонъ душевной жизни демократіи, освѣтить ея дѣятельность, ея цѣли великой творческой идеей, способной зажечь въ человѣческихъ сердцахъ энтузіазмъ, необходимое условіе творческихъ усилій. Въ этихъ цѣляхъ третья республика въ основу школьнаго воспитанія положила преподаваніе морали, сводящейся къ уясненію необходимости гражданскихъ добродѣтелей; въ этихъ цѣляхъ была создана теорія межклассовой солидарности. Но всѣ эти попытки конфликта не разрѣшили и не устранили. Почему? Но прежде всего потому, что онѣ не касались соціальныхъ условій, съ одной стороны, порождающихъ плебея, съ другой—дающихъ ему власть надъ жизнью. Въ условіяхъ капиталистическаго строя, гдѣ часть населенія задавлена нуждой и не имѣетъ обстановки, необходимой для здороваго развитія личности, а другая властвуетъ и господствуетъ, благодаря богатству, безотносительному къ личнымъ достоинствамъ обладателя,—плебей неустраненъ, и борьба съ нимъ непосильна Чтобы облагородить человѣка и общественную жизнь, мало учитъ географіи, ариѳметикѣ и морали и мало говоритъ съ трибунъ о всевозможныхъ прекрасныхъ вещахъ,—необходимо пересоздать педагогическія условія жизни народа, дать массамъ возможность развиваться правильно и гармонично; уничтожить власть денежнаго мѣшка, соблазняющаго и развращающаго не только его обладателя, но и „малыхъ сихъ". Когда постепенно этотъ выводъ выяснился общественному сознанію, среди французской интеллигенціи и произошелъ тотъ сдвигъ въ пользу соціализма, который представляетъ, быть можетъ, наиболѣе крупное явленіе интеллектуальной жизни Франціи за послѣднія двадцать лѣтъ.

Я писалъ вамъ какъ-то о признаніи соціолога Дюркгейма, профессора Сорбонны,—о томъ, что не только онъ самъ, но все его поколѣніе и слѣдующіе за нимъ люди—не въ юношескомъ возрастѣ, когда такъ естественны всевозможныя увлеченія, а въ возрастѣ зрѣломъ, всѣ они, тѣмъ или инымъ путемъ, пришли къ соціализму. Признанію этому должно вѣрить; среди людей идеи и идеала нѣтъ другой доктрины и нѣтъ другого идеологическаго построенія, которое пользовалось бы такимъ распространеніемъ, какъ соціализмъ. Не даромъ же 275 депутатовъ парламента, т.-е. 45% „избранниковъ народа", какъ извѣстно,

чуткихъ къ голосу общественнаго мнѣнія, носятъ названіе соціалистовъ,—пусть не всегда просто соціалистовъ, а сдобренныхъ предикатами: „республиканскій", „радикальный",—тѣмъ не менѣе все же соціалистовъ. Почему же распространился соціализмъ такъ широко среди интеллигенціи? Среди пролетаріата его корни—въ экономическихъ условіяхъ жизни, но интеллигенціи вѣдь мало страдаетъ отъ отрицательныхъ сторонъ саларіата*), и для нея надо искать объясненія этого явленія внѣ области непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ. И это объясненіе заключается въ томъ, что съ соціализмомъ связывается однимъ—увѣренность, другими—надежда на подъемъ не только матеріальной, но и интеллектуальной и моральной жизни общества.

Среди французовъ, на старости лѣтъ переходящихъ къ соціализму, особое вниманіе обращаетъ на себя Анатоль Франсъ, такъ какъ элементы эстетизма и скептицизма, занимающіе такъ много мѣста въ его аристократическомъ по существу міросозерцаніи, казалось бы, менѣе всего предрасполагали его къ подобной эволюціи. А между тѣмъ она произошла, подтверждая правильность сдѣланнаго нами выше указанія. Во время недавней своей поѣздки въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ принятъ цвѣтомъ англійской интеллигенціи, съ одной стороны, Асквитомъ, съ другой, и Фабіанскимъ обществомъ, съ третьей,—а затѣмъ во время посѣщенія Брюсселя, гдѣ Анатоль Франсъ присутствовалъ на торжествѣ, вызванномъ пожертвованіемъ „Рабочему Институту" при народномъ домѣ милліона франковъ — пожертвованіемъ, сдѣланнымъ бельгійскимъ инженеромъ-изобрѣтателемъ Сольвеемъ, — Анатоль Франсъ далъ исчерпывающій отвѣтъ на два вопроса: почему онъ соціалистъ и чего онъ ожидаетъ отъ соціализма?

„Я соціалистъ, — сказалъ онъ,—и, ставъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я все глубже проникаюсь соціализмомъ. Я соціалистъ потому, что соціализмъ несетъ съ собой справедливость; я соціалистъ потому, что въ немъ истина, такъ какъ онъ вытекаетъ изъ саларіата съ той же необходимостью, съ какой саларіатъ вытекаетъ изъ рабства. Какъ сказалъ однажды Бернаръ Шоу, рабство именно въ саларіатѣ нашло свое высшее выраженіе,—вотъ почему мы идемъ теперь къ новымъ формамъ, къ коллективизму. Я соціалистъ еще и потому, что соціализмъ даетъ мнѣ счастье,—счастье быть предметомъ нападеній глупцовъ, попляковъ, невѣждъ. Взгляните на Жореса. Это мощный и благородный умъ и лучшій нашъ ораторъ. Если бы мы поставили его на колонну, сложенную изъ написанныхъ противъ негоругательныхъ статей, онъ оказался бы много выше Наполеона на Вандомской колоннѣ. По этому можно судить о высотѣ и достоинствѣ доктрины".

Въ Брюсселѣ онъ говорилъ:

„Связь, часто малозамѣтная, но всегда живая, связываетъ справедливость съ красотой, и расцвѣтъ искусствъ стоитъ всегда въ зависимости отъ расцвѣта общественной жизни. Такъ велевѣютъ листья и блещутъ красками цвѣты, питаемые соками, идущими изъ ствола и изъ корней. Буржазія на своемъ склонѣ думаетъ, что она одна обладаетъ чувствомъ прекраснаго и что пролетаріатъ не постигаетъ красоты. Это — одно изъ самыхъ дикихъ предубѣжденій, такъ какъ, наоборотъ, именно въ капиталистическомъ обществѣ гніетъ и разлагается искусство. Вандервельде сказалъ, и вы позволите мнѣ повторить его прекрасныя слова: „Если существуетъ среда враждебная развитію какъ чувства прекраснаго, такъ и спекулятивной мысли,—то это среда буржазная, всецѣло преданная матеріальнымъ интересамъ и денежнымъ расчетамъ. Если искусство, тѣмъ не менѣе, цвѣтетъ на развалинахъ прошедшаго, на пустыряхъ настоящаго, заваленныхъ мусоромъ, и на высокихъ вершинахъ, открывающихъ видъ на будущее,—то это потому, что его жизненность безгранична. Развѣ не видимъ мы, какъ прорастаютъ сѣмена травъ въ трещинахъ старыхъ стѣнъ, между камнями мостовыхъ, на тощемъ перегнойѣ безплодныхъ и изсушенныхъ почвъ? Но какъ ни жизненны творческіе источники искусства и философской мысли,—все же на нихъ не можетъ не отразиться губительное вліяніе внѣшнихъ условій, созданныхъ для нихъ обществомъ дѣльцовъ".

Da ist der Hund begraben! Едва ли я ошибусь, если предположу, что именно здѣсь, именно въ губительномъ вліяніи меркантильнаго общества на высшія проявленія человѣческаго духа и заключается могинъ, обусловившій эволюцію Анатоля Франса,—да и не одного его,—отъ скептическаго эстетизма къ соціализму. Надо уйти съ „пустыря настоящаго", гдѣ хозяйничаетъ плебей меркантильный, хищный, скупо жадный или бѣшено мотающій, низменно чувственный, умственно лѣнивый, подлинный идіотъ, объявленный гражданиномъ, но не ставшій имъ; надо уйти подъ тѣнь великой идеи, великаго обновляющаго энтузіазма.

Осуществитъ ли соціализмъ эти возложенныя на него надежды? Кто знаетъ? Это вопросъ завтрашняго дня...

*) Положеніе наемника. *Ред.*

Въ борьбѣ съ вырожденіемъ.

[649.15:37]

Современная вѣра въ прогрессъ, вѣра, ставшая своего рода религіей человѣчества, какъ бы сталкивается съ опровергающими фактами прошлаго, наиболѣе выразительнымъ изъ которыхъ является *вырожденіе*. Въ самомъ дѣлѣ, возможенъ ли прогрессъ, если никакая культура, созданная націями, не вѣчна, если даже сами націи вымираютъ (египтяне, латиняне и др.)? Евгеній Лозинскій посвящаетъ статью этому вопросу („Педагогическій Сборникъ", 1914 г. № 3) и разрѣшеніе противорѣчія между вѣрой въ прогрессъ и вырожденіемъ видитъ въ раціональномъ воспитаніи юношества. Однако, онъ нисколько не замазываетъ зіяющихъ трещинъ современнаго соціальнаго строя, а, наоборотъ, справедливо подчеркиваетъ ихъ, дабы сильнѣе убѣдить поверхностныхъ наблюдателей жизни въ необходимости борьбы съ вырожденіемъ.

„Зловѣщіе признаки вырожденія уже ярко горятъ на фонѣ общественной жизни. Куда мы ни посмотрѣли,—пишетъ онъ,—во дворецъ или въ лачугу,—всюду мы видимъ больныя лица, всюду мы слышимъ жалобы на болѣзни,—трудно найти здороваго человѣка. Состояніе современнаго цивилизованнаго человѣка съ его кашлями, простудами, его постоянное кутаніе, боязнь малѣйшаго сквозняка и проч., не внушаетъ никакого довѣрія, и кажется, что, несмотря на всѣ наши безчисленныя медицинскія книги, наши знанія, искусства, удобства жизни, мы въ умѣніи уберечь себя уступаемъ въ настоящее время животнымъ...

Далѣе. Если правъ Мечниковъ, что человѣкъ, какъ опредѣленная ступень и форма органическаго развитія, какъ homo sapiens, съ данными ему отъ природы жизненными ресурсами, долженъ имѣть среднюю продолжительность жизни двѣсти и триста лѣтъ, то спрашивается: можно ли назвать современнаго средняго цивилизованнаго человѣка, едва достигающаго до 60—70 лѣтъ, иначе, какъ вырожденцемъ. Въ сорокъ лѣтъ мы уже беззубы, плѣшивы, съ вялыми мускулами, а въ 55 лѣтъ мы являемся даже официально—„нетрудоспособными",

Очевидно, что необходимо не убаюкивать себя оптимистическими теоріями прогресса и не предаваться также пессимистическому фатализму, способному окончательно подорвать всѣ жизненныя силы современныхъ культурныхъ націй, а надо сконцентрировать всю оставшуюся еще у насъ энергію, дабы изыскать рѣшительныя мѣры борьбы съ надвигающейся опасностью и возможно скорѣе и полнѣе провести эти мѣры въ жизнь.

Но для того, чтобы бороться съ врагомъ, надо его знать. Надо знать всѣ истинныя причины и факторы постоянной гибели цивилизованныхъ народовъ. Причинъ этихъ много, но почти всѣ онѣ сводятся къ недостаткамъ соціальнаго характера. Отмѣтимъ здѣсь хотя бы слѣдующія: разложеніе семьи, скученность большихъ городовъ, паразитизмъ и хищничество однихъ и чрезмѣрная нужда другихъ, милитаризмъ, съ его истребленіемъ лучшихъ, отборныхъ людей, алкоголизмъ.

Физическій трудъ поставленъ въ самыя ненормальныя условія,—это является теперь уже аксіомой. Но кто можетъ сказать, чтобы умственный трудъ въ современномъ обществѣ удовлетворялъ элементарнымъ гигіеническимъ требованіямъ? И прежде всего взгляните на нашихъ дѣтей. Лишь только они переступили порогъ современной школы, какъ начинается убійственная каторга восьми-девяти-десятичасового умственнаго труда. Пять часовъ въ школѣ и три-четыре, а то и цѣлыхъ пять часовъ дома за приготовленіемъ уроковъ! Не значитъ ли это систематически расшатывать здоровье молодыхъ организмовъ, тормозить въ нихъ правильное развитіе мышцъ, костей и всѣхъ другихъ частей тѣла, затруднять пищареніе и нормальный обмѣнъ веществъ? Правда, нынѣ начинаютъ раздаваться голоса противъ такого педагогическаго безумія, тѣмъ не менѣе молодежь продолжаетъ воспитываться такъ, какъ будто цѣль педагогіи—укорачивать ея жизнь, давать обществу хилыхъ и малокровныхъ работниковъ и тѣмъ способствовать дальнѣйшему вырожденію человѣчества.

Въ конечномъ результатѣ получается какое-то всеобщее переутомленіе. Въ послѣднее время оно обнаруживается во всѣхъ возрастахъ, сословіяхъ, профессіяхъ. Еще сидя на школьной скамьѣ, мы стали испытывать на себѣ всѣ муки переутомленія, и тѣмъ дальше идемъ мы по пути жизни, тѣмъ невыносимѣе становятся онѣ, тѣмъ большія преграды ставятъ онѣ и труду и наслажденію. Всѣ общественныя функціи исполняются теперь, въ сущности, людьми переутомленными: промышленность, пути сообщенія, пресса, литература, искусство, судебное дѣло, даже высшая политика—все это находится теперь въ значительной мѣрѣ въ рукахъ переутомленныхъ. Неудивительно, если низкопробность и малоцѣнность всего совершаемаго въ этихъ областяхъ человѣческаго труда является своего рода знаменіемъ нашего времени.

Въ результатѣ получается полный упадокъ психической жизни общества. Здоровое твор-

чество новыхъ идей и образовъ переходитъ въ чисто-рабическое преклоненіе передъ кричащей формой безъ содержанія; альтруизмъ и общественныя чувства смѣняются эгоизмомъ; инстинкты борьбы, любовь и привязанность къ жизни постепенно переходятъ въ покорность судьбѣ или въ мрачное отчаяніе.

Инстинктъ самосохраненія современныхъ культурныхъ обществъ побуждаетъ ихъ къ борьбѣ противъ такого дегенеративнаго процесса, и первой страной, задумавшейся надъ данной проблемой во всей ея роковой серьезности, была Франція.

Уже въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія возникло во Франціи общественное движеніе въ цѣляхъ физическаго возрожденія націи. Начало этому движенію положилъ писатель Паскаль Груссе.

Плодомъ его агитаціи явилась *національная лига физическаго воспитанія*, главный контингентъ которой образовался изъ учителей, профессоровъ и директоровъ всевозможныхъ коллегій и лицеевъ.

Непосредственно за возникновеніемъ національной лиги въ Парижѣ образовалась въ Бордо „*Жирондистская лига физическаго воспитанія*“, явившаяся въ нѣкоторомъ родѣ соперницей національной лиги. Школьные батальоны, организованные послѣдней, новая лига призвала „патріотической ошибкой“. Ея задача—физическое, умственное и нравственное развитіе общества, образованіе здоровыхъ гражданъ съ практическимъ смысломъ, реализующихъ идеалы братства и справедливости.

Рядомъ съ названными выше двумя лигами въ той же Франціи существуетъ еще „*Союзъ гимнастическихъ обществъ*“, насчитывающій уже многіе десятки тысячъ членовъ.

Особое мѣсто въ описываемомъ здѣсь процессѣ возрожденія физической культуры во Франціи занимаютъ многочисленныя общества и клубы спорта.

Прежде всего отмѣтимъ весьма популярный во Франціи „союзъ спортсменовъ - атлетовъ“, состоящій изъ многочисленныхъ клубовъ и школьныхъ ассоціацій. Главное занятіе этихъ спортсменовъ — борьба, которую они ставятъ выше всѣхъ другихъ видовъ спорта.

Защитники борьбы ссылаются на примѣръ олимпійскихъ игръ, въ которыхъ принималъ участіе цвѣтъ греческаго народа, даже его законодатели,—между тѣмъ атлетическія игры занимали тамъ первое мѣсто. Они увѣряютъ, что физическая борьба оказываетъ свое благодѣтельное вліяніе и на нравственную сторону человѣка, пріучая его къ самообладанію, развивая въ немъ чувство такта и мѣры...

Оригиналенъ тотъ видъ современнаго спорта, который слыветъ „альпинизмомъ“. Это — всевозможныя экскурсіи на вершины высокихъ горъ, преимущественно въ Альпы, Пиринеи и Севенны. Польза такихъ экскурсій несомнѣнна. Химическій и бактеріологическій анализъ горнаго воздуха показываетъ, что по чистотѣ онъ значительно превосходитъ воздухъ долинъ. Физіологическій анализъ крови животныхъ, обитающихъ на высокихъ мѣстностяхъ, открылъ въ ней большее содержаніе кислорода, чѣмъ въ крови животныхъ, обитающихъ на низменныхъ мѣстностяхъ. Подъеманіе на высокія горы, преодолѣніе многочисленныхъ препятствій и опасностей, глубокое вдыханіе безупречно-чистаго воздуха благотворно вліяютъ на весь организмъ альпійскаго туриста, въ особенности на его нервную систему. Кромѣ того, альпинизмъ доставляетъ своимъ адептамъ и рѣдкое интеллектуальное наслажденіе. При созерцаніи нетронутой и дикой горной природы, бездонныхъ ущелій, подчасъ совершенно заросшихъ кустарникомъ, и колоссальныхъ пластовъ гранита, взрытыхъ какъ бы какою-то чудовищной созидательной силой, духъ человѣческій невольно переносится въ архаическія времена, въ эпохи образованія глетчеровъ, ихъ постепенной эволюціи, ища во всемъ этомъ смысла и наталкиваясь на проблемы, ожидающія еще своего разрѣшенія...

Теперь передъ воспитателями, педагогами и передовой частью общества остро становится проблема создавія школъ новаго типа, пригодныхъ для удержавія молодого поколѣнія на извѣстной высотѣ — условіе, безъ котораго невозможно дальнѣйшее успѣшное развитіе общественнаго строя.

По мнѣнію англійскаго педагога-новатора д-ра Reddie, отрицательные результаты современнаго воспитанія въ значительной мѣрѣ зависятъ прежде всего отъ крайней неблагопріятной внѣшней обстановки. Между тѣмъ эта обстановка то же, что почва для растенія. Разъ эта почва плоха, никакой уходъ, хотя бы самый добросовѣстный, не въ состояніи дать положительныхъ результатовъ. Такой почвой въ современномъ воспитаніи являются *города*.

Вонъ изъ душныхъ и шумныхъ городскихъ центровъ, на лоно природы, къ животворящему источнику физическаго и нравственнаго равновѣсія — таковъ одинъ изъ лозунговъ новыхъ теченій въ воспитаніи. И мы видимъ, какъ піонеры этого воспитанія начинаютъ организовывать воспитательныя колоніи вдали отъ городскихъ центровъ. Такъ, напримѣръ, школьный поселокъ въ Abbotsholme'ѣ, основавшій раньше другихъ докторомъ Reddie, имѣетъ въ своемъ непосредственномъ распо-

ряженіи луга, лѣсъ, холмы, сады, пахотное поле, рѣку и—удобныя средства сообщенія въ придачу. Трудовой режимъ: пять часовъ чисто-умственной работы, столько же часовъ на физическій трудъ (включая игры и другія упражненія), четыре часа — на обѣдъ, завтракъ, ужинъ, купаніе, отдыхъ. Остальное время посвящается сну. Въ частности, будніе дни проходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Рано утромъ — зимою въ 7, лѣтомъ въ 6 часовъ — раздается сигналъ къ вставанію, и искорѣ изъ открытыхъ всю ночь оконъ (закрыты они лишь три мѣсяца въ году) доносятся оживленный шумъ и гоморъ. Лѣтомъ отправляются въ рѣку купаться, зимою берутъ сидячую ванну. Затѣмъ всѣ собираются по дворѣ, откуда ѣдутъ на лугъ для десятиминутнаго упражненія въ бѣгѣ. Стремленіе перегнать учителя побуждаетъ къ соревнованію, и молодежь возвращается въ школу къ завтраку, съ розовыми щеками и нарядньмъ аппетитомъ. Хлѣбъ, яйца, масло, медъ, какао, молоко, иногда жареная рыба — таковъ обычный завтракъ въ этой школьной колоніи, предшествующій классньмъ занятіямъ. Краткій послѣобѣденный отдыхъ посвящается обыкновенно музыкѣ и поэзіи, послѣ чего слѣдуетъ ручная производительная работа. Въ коротких фланелевьмъ брюкахъ, въ вязаньхъ рубахахъ и нижнихъ носкахъ, оставляющихъ икры голыми, расходится воспитанники каждый къ своему дѣлу: одни въ столярную мастерскую, гдѣ подъ руководствомъ мастера-спеціалиста работаютъ верстакомъ и пилой; другіе съ заступами и лопатами отправляются въ садъ и огороды. Всѣ произведенія такого труда идутъ на пользу колоніи. Скамьи, доски, шкафы изготовляются самими учениками; фрукты и овощи для стола культивируются ими же. Случаются и спеціальньм работы: проводится мостикъ черезъ ручей по плану, выработанному съ учителемъ на урокахъ геометріи; устраивается голубятня; для любителей пчеловодства заведенъ пчельникъ. Во всѣхъ этихъ работахъ учителя и воспитанники работаютъ рука объ руку, съ непринужденностью добрьхъ товарищей, не стѣсняясь ни дождя, ни грязи, ни холода, ни вѣтра. Косьба и уборка съ полей хлѣба, собираніе фруктовъ принимаютъ характеръ настоящаго праздника. Послѣдній возъ сѣна, доставленный во дворъ колоніи, сопровождается шумнымъ торжествомъ. Послѣ всѣхъ работъ часъ—другой быстро пробѣгаетъ въ купаніи, играхъ. Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ.

Такъ наз. „приготовленіи уроковъ“ въ колоніи не знаютъ. Загроможденію памяти разными именами, годами и фактами здѣсь не придаютъ никакого значенія, что уже одно освобождаетъ учениковъ отъ обременительной многочасовой вечерней „зубрежки“. Это не мѣшаетъ однако воспитанникамъ Abbotsholme'а по собственной инициативѣ изучать лучшія произведенія имъ мѣста изъ знаменитьхъ поэтовъ и упражняться въ декламированіи предъ своими товарищами и воспитателями.

Религіозная жизнь школьной колоніи тоже носитъ крайне своеобразный характеръ. Въ лѣтніе вечера, напримѣръ, вся колонія, послѣ дневного труда, собирается на лугу или въ саду, среди кустовъ и деревьевъ, и при тихомъ, чарующимъ свѣтѣ догорающей вечерней зари поетъ религіозный гимнъ. Затѣмъ директоръ прочитываетъ какое-либо мѣсто изъ книгъ величайшихъ мыслителей или художниковъ слова или вообще что-либо способное настраивать молодыя сердца возвышенно и торжественно. Въ колоніи имѣется, однако, и своя часовня съ алтаремъ, на которомъ, кромѣ библіи, лежатъ магометанскій Коранъ, Авеста, избранныя сочиненія Карлейля и Рескина, Шекспира и Гете; вдоль стѣнъ картины, статуи и бюсты Моисея, Христа, Данте...

...Среди воспитанниковъ описываемьхъ колоній крайне развита кружковая жизнь: одни предпринимаютъ изданіе „собственной газеты“, другіе организуются въ цѣлягъ покровительства животнымъ, третьи увлекаются драматическимъ искусствомъ, музыкой. Все это въ большинствѣ случаевъ дѣлается по собственному почину воспитанниковъ, безъ вмѣшательства руководителей школы.

...Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ оригинальномъ педагогическомъ теченіи, въ конечной своей цѣли преслѣдующемъ тѣ же задачи. Въ послѣдніе годы въ различныхъ странахъ Запада возникали организаціи, задающіяся цѣлью — воспитывать вождей для народа.

Воспитаніемъ вождей заняты теперь разные союзы и кружки „молодьхъ рыцарей“, „піонеровъ“, „развѣдчиковъ“ и т. п., распространяемые въ Швеціи, Англіи, Германіи... Въ Англіи всѣ подобныя организаціи находятся подъ верховнымъ протекторатомъ короля Георга. Въ числѣ непосредственьхъ руководителей кружками мы находимъ врачей, учителей, профессоровъ, офицеровъ. Членами же кружковъ могутъ быть дѣти съ тринадцатилѣтняго возраста.

Главной заботой этихъ новыхъ воспитательныхъ теченій является формированіе людей смѣлаго почина, съ живымъ духомъ самодѣятельности и, кромѣ того, обладающихъ всѣми элементарнѣйшими прикладными знаніями. Бу-

дущіе вожди народа обязаны свято исполнять свои „десять заповѣдей", составляющихъ своеобразный катехизисъ всего движенія. Первая заповѣдь гласитъ: честность и вѣрность слову должны быть ненарушимы. Вторая заповѣдь требуетъ вѣрности королю и своему отечеству. Третья говоритъ о необходимости приносить пользу и оказывать помощь своимъ ближнимъ. „Піонеръ долженъ быть готовымъ во всякій моментъ помочь пострадавшимъ отъ несчастнаго случая и, гдѣ только возможно, спасать ихъ жизнь". Четвертая заповѣдь содержитъ въ себѣ наставленіе дружелюбно относиться ко всѣмъ людямъ и проявлять братское участіе къ своимъ товарищамъ независимо отъ ихъ религіи и общественнаго положенія. Далѣе, въ пятой заповѣди предписывается молодымъ людямъ вѣжливость и учтивость, въ особенности по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ, къ старикамъ и всякимъ другимъ безпомощнымъ людямъ. Шестая предписываетъ гуманное отношеніе къ животнымъ. Еще далѣе молодымъ піонерамъ предписывается безпрекословное повиновеніе своимъ вождямъ, всегда ровное и веселое настроеніе, бережливость и признательность за всѣ получаемыя отъ другихъ услуги. „Будь всегда наготовѣ"—таковъ одинъ изъ практическихъ девизовъ воспитанника. Это значитъ, что надо дисциплинировать себя такимъ образомъ, чтобы быть всегда внутренне готовымъ ко всякимъ роковымъ неожиданностямъ, могущимъ потребовать отъ насъ высшаго напряженія нашихъ духовныхъ силъ.

...Итакъ, чтобы стать вождемъ, „піонеромъ", героемъ въ разныхъ областяхъ современной общественной жизни, надо пройти строгую практическую школу, вырабатывающую въ молодыхъ людяхъ соотвѣтственныя душевныя и тѣлесныя качества. Создать эту школу и стремятся педагогическія организаціи даннаго типа. На первомъ мѣстѣ онѣ ставятъ непосредственную близость къ природѣ, практическое изученіе ея явленій и законовъ. Вдали отъ животворящаго и закаливающаго вліянія природы трудно стать вождемъ или піонеромъ въ какой бы то ни было области соціальной жизни.

Практическое воспитаніе состоитъ, кромѣ того, въ изученіи общеупотребительныхъ ремеселъ: столярнаго искусства, плотничества, слесарнаго и переплетнаго ремесла. „Учите своихъ дѣтей толково и умѣло обращаться съ топоромъ, строить палатку, смастерить лодку, стесать хижинку, сварить вкусный обѣдъ, и вы сдѣлаете изъ нихъ рѣшительныхъ, смѣлыхъ и самоувѣренныхъ работниковъ на общественной нивѣ. Это школа сильныхъ характеровъ"...

——

Въ дополненіе къ цитированному приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ статьи Ст. Вольскаго („Ежемѣсячный Журналъ" № 2)—„Какъ вырабатываются граждане. (Письмо изъ Америки)".

Описанія, сдѣланныя послѣднимъ, относятся къ тому же предмету—воспитанію юношества. Авторъ отмѣчаетъ любопытныя американскія школьныя организаціи: 1) „лагери развѣдчиковъ" и 2) „республики молодыхъ".

„Организація „развѣдчиковъ" первоначально была создана съ военными цѣлями. Имѣлось въ виду дать мальчикамъ военную подготовку, пріучать ихъ къ дисциплинѣ, выработать изъ нихъ будущихъ милиціонеровъ. Со временемъ, однако, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, эта цѣль была оставлена, и на первый планъ стали воспитательныя задачи. Мальчикъ, прежде всего, долженъ выработать въ себѣ духъ инициативы, смѣлости, предпріимчивости: безъ этихъ качествъ онъ будетъ мало пригоденъ къ суровой битвѣ жизни. Далѣе, онъ долженъ привыкнуть къ самоограниченію, долженъ не бояться лишеній. И, наконецъ, онъ долженъ привыкнуть къ самодисциплинѣ, къ командованію и подчиненію,—но не къ тому командованію и подчиненію, которое основано на приказѣ и мертвой муштровкѣ, а къ тому, которое вытекаетъ изъ сознанія необходимости и цѣлесообразности выполняемаго имъ дѣйствія. Развитіе этихъ-то качествъ и имѣется въ виду организаціями „развѣдчиковъ".

Лагерь „развѣдчиковъ" устраивается обыкновенно вдали отъ города, въ лѣсистой или гористой мѣстности. Туда на лѣто принимаютъ дѣтей отъ 10 до 16 лѣтъ, за плату отъ 5 до 8 долларовъ въ недѣлю, или въ случаѣ несостоятельности родителей—безплатно. Самъ лагерь представляетъ изъ себя дюжину—другую брезентовыхъ палатокъ, гдѣ все устроено по походному, начиная отъ складныхъ постелей и кончая мѣдными походными котелками. Въ 6 часовъ утра раздается звукъ рожка; къ $6^1/_2$ дѣти должны уже быть готовы и отправляются на урокъ плаванія къ близлежащей рѣчкѣ или къ озеру. Затѣмъ, послѣ завтрака слѣдуетъ урокъ естествознанія или гимнастики, а послѣ него—рядъ практическихъ упражненій, разсчитанныхъ на выработку сметливости и инициативы. Упражненій этихъ такъ много, и они такъ разнообразны, что имя заполняется время до самаго вечера. Вотъ, напримѣръ, подача первой помощи утопающему: одинъ мальчикъ изображаетъ утопленника, а два другихъ, подъ руководствомъ учителя, оживляютъ его различными способами. Вотъ спасеніе утопающаго: учитель показываетъ, какъ слѣдуетъ брать его,

чтобы не дать ему возможности схватить спасающаго за шею или за руки, какъ удобнѣе грести и т. д. Этотъ урокъ, данный сперва на сушѣ, будетъ повторенъ въ водѣ, во время урока плаванія. Вотъ оживленіе задохшихся. Вотъ перевязка ранъ. Вотъ устройство импровизированныхъ носилокъ изъ двухъ пиджаковъ, перекинутыхъ черезъ два шеста. Вотъ заливаніе пожара: двѣ палатки изображаютъ изъ себя „горящія зданія", дѣти выстраиваются въ цѣпь для передачи ведеръ воды, и начинается состязаніе между двумя „командами", какая изъ нихъ передастъ больше ведеръ въ опредѣленное время. Организуются и состязанія другого рода: дается, напр., задача развести какъ можно скорѣе костеръ на вѣтру изъ полумокрыхъ дровъ, потративъ при этомъ не болѣе двухъ спичекъ; или, дается списокъ 10—12 различныхъ породъ, и мальчикъ долженъ принести ихъ образчики изъ близлежащаго лѣса. Упражненія эти, можетъ быть, не увлекали бы такъ дѣтей, если бы въ нихъ не входилъ элементъ соперничества, борьбы. Но состязанія на скорость придаютъ имъ характеръ спорта, и дѣти занимаются ими съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ любимыми американскими играми въ мячъ—футболомъ и бэсболомъ. Здѣсь нѣтъ учёбы, нѣтъ притупляющей муштры: лагерь съ его состязаніями и спортомъ настолько походитъ на игру, что учителю нѣтъ надобности пріохочивать ребенка или, тѣмъ паче, принуждать его къ тому или иному дѣлу угрозой наказанія. Да и учителя, въ россійскомъ смыслѣ слова, нѣтъ: это только старшій по лѣтамъ товарищъ, умѣющій показать пріемы гимнастики дать наглядный урокъ по преподаванію, но никакими особыми привиллегіями и никакой административной властью не располагающій. Ибо административная власть, какъ мы увидимъ дальше, находится въ рукахъ у самихъ же „развѣдчиковъ". Уже самъ жизненный строй лагеря, съ его походной обстановкой и здоровой, но простой пищей до извѣстной степени развиваетъ въ мальчикѣ спартанскія качества, умѣнье жить при наименьшихъ удобствахъ. Но руководителямъ „лагеря" нужно большее: имъ нужно, чтобы мальчикъ умѣлъ найтись въ затруднительномъ положеніи, чтобы онъ могъ до конца использовать все, что даетъ природа. И вотъ съ этой цѣлью организуются еженедѣльно прогулки вглубь лѣса, подальше отъ жилья. Мальчики отправляются туда безъ всякой провизіи и проводятъ тамъ цѣлыя сутки. Задача заключается въ томъ, чтобы изъ питательныхъ корней растеній, изъ травъ, ягодъ и грибовъ—со всѣмъ этимъ ихъ знакомятъ во время уроковъ природовѣдѣнія — приготовить себѣ обѣдъ и завтракъ и не остаться голодными. И, по отзывамъ дѣтей, эти прогулки „точь въ точь какъ у краснокожихъ индѣйцевъ" являются самыми интересными моментами ихъ лагерной жизни.

Другая задача „лагеря"—развитіе въ мальчикахъ самодисциплины—достигается слѣдующимъ образомъ. Лагерь выбираетъ своего президента, своего судью, своего министра внутреннихъ дѣлъ, своего шефа полиціи. Вся внутренняя жизнь лагеря—поскольку дѣло не касается преподаванія въ строгомъ смыслѣ слова—находится въ рукахъ этихъ избранныхъ представителей. Если преподаватели и инструкторы не довольны поведеніемъ какого-либо мальчика, они сами не могутъ наложить на него никакого наказанія. Они лишь освѣдомляютъ объ этомъ судью, и тотъ назначаетъ „дѣло" къ слушанію и по жребію выбираетъ присяжныхъ засѣдателей (если проступокъ болѣе или менѣе серьезный). Приговоръ (отъ выговора до „заключенія въ тюрьмѣ", т.-е. въ одной изъ палатокъ) выполняется „шефомъ полиціи" или его помощникомъ. „Правила поведенія" опять таки предоставляется вырабатывать самимъ же мальчикамъ. Устраивается общій митингъ „развѣдчиковъ", на немъ обсуждаются проекты „законовъ" лагерной жизни, и, буде они не встрѣтятъ запрета со стороны президента, вывѣшиваются ко всеобщему свѣдѣнію и исполненію. Въ случаѣ же нето — запрета — проекты вторично передаются на разсмотрѣніе собранія и, если они соберутъ большинство двухъ третей, пріобрѣтаютъ силу закона независимо отъ мнѣнія президента. Словомъ, все ведется такъ же, какъ въ законодательныхъ палатахъ американской республики. Этимъ достигается двойная цѣль. Во-первыхъ, въ мальчикѣ развивается чувство отвѣтственности и рѣшимость подчиняться тѣмъ законамъ, которые выработаны при его участіи. Во-вторыхъ, дѣти привыкаютъ къ сознательному участію въ общественной жизни, и на практикѣ изучаютъ формы политической дѣятельности, съ которыми имъ впослѣдствіи придется столкнуться, какъ взрослымъ гражданамъ. Результаты подобныхъ пріемовъ воспитанія сказываются черезъ нѣсколько же дней послѣ поступленія мальчиковъ въ лагерь. Тѣ самые дѣти, которые въ школѣ и на улицѣ не признавали ничьего авторитета, становятся строгими законодателями и неукоснительными исполнителями выработанныхъ ими правилъ. „Раньше", разсказывалъ мнѣ лѣсничій того лѣса, въ которомъ пріютился бостонскій лагерь развѣдчиковъ, „мы не могли ничего подѣлать, чтобы оберечь отъ маленькихъ варваровъ птичьи гнѣзда и молодыя по-

росли. Теперь мы передали охрану лѣса на попеченіе мальчиковъ. Они собрались, издали свои „законы", наказали двухъ, трехъ ослушниковъ,—и теперь лѣсъ находится въ такомъ идеальномъ порядкѣ, въ какомъ онъ давно уже не былъ".

...Лагери „развѣдчиковъ" устраиваются теперь во всѣхъ рѣшительно городахъ Америки. Они превратились въ серьезную отрасль учебно-воспитательнаго дѣла; и существуетъ даже рядъ особыхъ курсовъ, гдѣ въ теченіе 6—8 мѣсяцевъ спеціально подготовляются инструкторы и преподаватели „лагерей",

Но еще болѣе интереснымъ опытомъ въ области воспитанія являются такъ называемыя „республики молодыхъ". Инициаторомъ этого дѣла былъ нѣкто Вильямъ Джорджъ, основавшій первую республику въ штатѣ Нью-Іоркъ въ началѣ девяностыхъ годовъ. Свою воспитательную карьеру В. Джорджъ началъ съ того, что попытался приспособить къ нѣлямъ „законности и порядка" тѣ шайки уличныхъ мальчугановъ, которыя дѣйствуютъ въ бѣдныхъ кварталахъ Нью-Іорка.

...На первыхъ порахъ контингентъ обитателей республики пополнялся главнымъ образомъ такъ называемыми „неисправимыми" мальчиками и дѣвочками, присылаемыми туда родителями, судьями и исправительными учрежденіями. Изъ числа этихъ-то „неисправимыхъ" и вышли, по свидѣтельству Джорджа, лучшіе „граждане" республики. Но затѣмъ стали поступать и просто „безпорядочныя" дѣти, посылаемыя родителями самыхъ различныхъ положеній и общественныхъ классовъ. Изъ полу-исправительнаго заведенія „республика" стала просто воспитательнымъ учрежденіемъ, съ той лишь разницей, что ведется она на основаніяхъ, совершенно чуждыхъ обычнымъ школамъ и колледжамъ.

„Республика молодыхъ"—это настоящее маленькое государство. За пограничной чертой, отдѣляющей ее отъ прилегающихъ владѣній, начинается дѣйствительное царство молодости. Въ „республикѣ" свои монетные знаки, свой президентъ, свои министры, свой судъ, свои полиція, своя тюрьма. Это такой же точно городъ, съ такимъ же точно общественнымъ и политическимъ укладомъ жизни, какъ любой городъ Соединенныхъ Штатовъ, отличающійся отъ другихъ только тѣмъ, что граждане и гражданки его—дѣти, подростки и юноши отъ 12 до 20 лѣтъ.

Каждый изъ свободное отъ уроковъ время (учебныя занятія занимаютъ около 4 часовъ въ день) „зарабатываетъ" свой хлѣбъ", ибо никто изъ дѣтей не имѣетъ права получать отъ родителей какія бы то ни было денежныя пособія. Дѣти работаютъ на фермѣ, въ мастерскихъ, въ булочныхъ, при чемъ нанимаетъ ихъ и платитъ имъ жалованье „подрядчикъ" изъ ихъ же среды, заключившій условіе на поставку или съ городскимъ торговцемъ, или съ фермеромъ, или съ финансовымъ администраторомъ „республики". Въ „республикѣ" наживаются, и кладутся въ банкъ капиталы (изъ денежныя стоимость, уже въ американскихъ долларахъ, выдается дѣтямъ при выходѣ изъ учрежденія), происходятъ краки, организуются стачки, заключаются—и иногда нарушаются—контракты. Экономическая жизнь протекаетъ въ тѣхъ же точно условіяхъ, какъ и въ настоящей, взрослой американской республикѣ. И, подобно этой послѣдней, тамъ свергаются правительства, происходятъ революціи и ведется ожесточенная борьба за реформы. Такъ, напр., прошелъ законъ, въ силу котораго прокуроръ республики, кромѣ жалованья, долженъ получать по 25 центовъ за каждый обвинительный приговоръ. Тотчасъ послѣ поданія его „прокуроръ" вошелъ въ коммерческое соглашеніе съ „судьей" и административный судъ (безъ присяжныхъ) сталъ выносить обвинительные приговоры безъ всякаго милосердія. Общественное мнѣніе возмутилось, прокуроръ и судья были преданы суду, и законъ отмѣнили, какъ явно вредный. Еще интереснѣе исторія одной революціи въ „республикѣ молодыхъ". Въ прошломъ году среди мальчиковъ возникла тайная организація „sub rosa", (состоявшая главнымъ образомъ изъ недавно поступившихъ членовъ), которая рѣшила пробраться къ власти и елико возможно использовать „общественный пирогъ". Посредствомъ различныхъ махинацій ей удалось провести своихъ ставленниковъ на всѣ почти административные посты республики. Результаты не заставили себя долго ждать: были немедленно повышены оклады жалованья, увеличены налоги, и начался такой режимъ произвола, который далеко оставилъ за собой режимъ диктаторовъ Южной Америки. Дѣло приняло настолько серьезный оборотъ, что стоящій во главѣ республики наблюдательный комитетъ (изъ взрослыхъ) настойчиво потребовалъ отъ Джорджа активнаго вмѣшательства. Но Джорджъ зналъ дѣтей лучше. Сѣрый своему принципу, что секретъ воспитанія заключается въ томъ, чтобы какъ можно меньше вмѣшиваться во взаимныя отношенія дѣтей и какъ можно меньше ихъ опекать, онъ предоставилъ юнымъ членамъ республики самимъ исправлять расшатавшійся механизмъ государства. Какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ свершился переворотъ:

судья, бывшій однимъ изъ членовъ противной партіи—оппозиціи,—васкоро привелъ къ присягѣ нѣсколько полисменовъ (это право принадлежитъ и судьямъ „большой“, настоящей республики), въ сопровожденіи этого новаго штаба полиціи явился неожиданно въ помѣщеніе президента, перересгоналъ всѣхъ членовъ правительства и заключилъ ихъ, до разбирательства дѣла, въ тюрьму. Затѣмъ послѣдовалъ общій митингъ, новые выборы президента, судъ надъ виновными—и нарушенная справедливость восторжествовала. Другой интересной страницей политической жизни является борьба дѣвочекъ за избирательныя права. Длилась она больше двухъ лѣтъ и наконецъ привела къ полному равноправію. Въ настоящее время „слабый полъ“ республики участвуетъ въ законодательствѣ наравнѣ съ мальчиками, и даже провели дѣвочку въ вице-президенты.

Но каковы плоды этихъ новыхъ методовъ воспитанія? Дѣйствительно ли „республикѣ“ удастся выработать характеръ и привить дѣтямъ инстинкты гражданственности и человѣчности? Разумѣется, отвѣчаетъ Джорджъ, перемѣна дѣтской души происходитъ медленно, и привитые жизнью (а отчасти, быть можетъ, и дурной наслѣдственностью) недостатки сглаживаются и исчезаютъ далеко не сразу. Ребенокъ, попавшій въ республику, въ первые мѣсяцы ведетъ себя хорошо лишь изъ соображеній политики: онъ не крадетъ, не безобразничаетъ, не ругается только потому, что это встрѣчаетъ отпоръ со стороны товарищей, а одинокимъ онъ остаться не хочетъ. Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше „политика осторожности“ превращается въ привычку, а привычка, въ свою очередь, переходитъ въ нравственный принципъ. И наконецъ, юный республиканецъ начинаетъ воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣйствій уже не потому, что онъ боится ихъ послѣдствій, а потому, что они становятся органически противны его натурѣ.

Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду и слабые пункты „республики молодыхъ“. Подростки не интересуются отвлеченными вопросами, не идутъ къ знанію ради знанія. На первомъ мѣстѣ, господствуя надъ всѣмъ остальнымъ, стоятъ чисто практическія, житейскія задачи.

Но во всякомъ случаѣ сдѣлавъ крупный шагъ впередъ; въ Америкѣ основано уже шесть „республикъ молодыхъ“ по принципамъ Джорджа, и недавно одна основана въ Англіи. И даже въ цѣломъ рядѣ обычныхъ школъ и колледжей начинаютъ вводиться методы Джорджа. Воспитаніе дѣтей на основѣ самоуправленія, чувства отвѣтственности и широкой инициативы стало для многихъ уже въ Америкѣ единственно желательной и единственно разумной формой воспитанія“.

Идеи, образы, факты.

Научныя перспективы.

[53+57+61+63]

Искусственная жизнь. Молодая еще наука біологія уже успѣла раздробиться на нѣсколько самостоятельныхъ вѣтвей: мы имѣемъ теперь біометрику, біопсихологію, электробіологію. Быстрое развитіе данной науки ведетъ къ новому отвѣтвленію: положено начало такъ назыв. синтетической біологіи. Съ нею,—точнѣе, съ опытами ея основателя, проф. С. Ледюка,—знакомитъ русскую публику М. Новорусскій (въ „Совр. Сл.“), по недавно изданному въ Парижѣ труду этого ученаго.

Французскій ученый спеціально занялся изученіемъ характера діффузіи жидкостей и тѣхъ явленій, которыя происходятъ отъ нея, съ цѣлью доказать, что объясненія жизненныхъ явленій слѣдуетъ искать въ физико-химіи жидкостей. Пользуясь различной концентраціей діффузіонныхъ токовъ и комбинируя осмотическія и химическія явленія при различныхъ условіяхъ и съ различными веществами, проф. Ледюкъ воспроизвелъ много такихъ явленій, которыя до сихъ поръ считались исключительной принадлежностью живой матеріи.

Прежде всего, ему удалось воспроизвести или, какъ онъ выражается, „синтетизировать“ *самую клѣтку*, притомъ нѣсколько типовъ ея. Вирочемъ, искусственныя клѣтки создавались и раньше. Гораздо поразительнѣе искусственное воспроизведеніе явленій *каріокинеза*, т.-е. дѣленія клѣтки ядвое. Завѣдомо мертвая клѣтка превосходно продѣлываетъ весь курсъ дѣленія—точь-въ-точь, какъ живая...

Если въ растворъ соли, между двумя окрашенными каплями, которыя имѣютъ концентрацію большую или меньшую, чѣмъ самъ растворъ, и которыя изображаютъ центросомы, ввести каплю раствора чуть-чуть большей или меньшей концентраціи, чѣмъ растворъ, каплю, которая изображаетъ ядро, то можно наблюдать всѣ трансформаціи, всѣ движенія и всѣ характерныя фигуры ядернаго дѣленія. Всѣ они проходятъ передъ глазами въ своей естественной послѣдовательности и совершенно правильнымъ образомъ.

Въ искусственной клѣткѣ можно произвести также и *процессъ дробленія*, который насту-

паетъ въ оплодотворенномъ яйцѣ въ начальной стадіи его развитія.

Если искусственную клѣтку подержать нѣкоторое время въ той самой жидкости, изъ которой она сдѣлана, то внутри ея появляется сначала одна бороздка, затѣмъ нѣсколько другихъ, и, наконецъ, клѣтка начинаетъ дѣлиться на вторичныя мелкія клѣточки, число которыхъ быстро возрастаетъ, пока вся клѣтка не превратится въ группу вторичныхъ клѣточекъ. Если рисунокъ такой искусственной сегментаціи сравнить съ рисункомъ куринаго яйца, которое только что начало развиваться и дробиться, то въ нихъ окажется удивительное сходство.

Не менѣе замѣчательныя явленія воспроизвелъ проф. Ледюкъ и въ области *питанія клѣтки*. Здѣсь можно наблюдать и поглощеніе, и химическое превращеніе, ассимиляцію и изверженіе, ростъ и развитіе, дифференціацію и организацію, и, наконецъ, ослабленіе и даже болѣзнь искусственной клѣтки. Все это обнаруживаетъ осмотическій ростъ искусственной клѣтки въ такомъ же родѣ, какъ и у живыхъ организмовъ.

Есть даже морфологическія образованія у искусственныхъ клѣтокъ, весьма похожія на морфологическія образованія настоящихъ организмовъ. Есть сумочныя образованія, и даже, какъ это ни странно, есть „осмотическіе грибки",—чрезвычайно похожіе на естественные грибки, не только по внѣшности, но и по строенію.

И, наконецъ, получено даже избирательное распредѣленіе окраски на различныхъ частяхъ этихъ искусственныхъ созданій. Одна часть, напр., можетъ быть свѣтло-, а другая темно-зеленой и даже золотисто-желтой.

Проф. Ледюкъ воспроизвелъ искусственно даже такія біологическія явленія, какъ *фототропизмъ*, *хемотропизмъ* и *гальванотропизмъ*, которыя считались специфической принадлежностью живой чувствительной протоплазмы. И все это—на самыхъ обыкновенныхъ минеральныхъ или неорганическихъ веществахъ.

Напр., если ванночка съ растворомъ соли съ одной стороны освѣщается солнцемъ, а съ другой—нѣтъ, и если капнуть въ нее каплю воды, окрашенной тушью, то частицы туши удаляются изъ освѣщеннаго пространства и располагаются въ темной части. Это наводитъ на мысль, что тамъ, гдѣ обнаруживается „чувствительность" къ свѣту, происходитъ не физіологическій, а чисто физическій процессъ размѣщенія вещества.

Сравнительно недавно было открыто удивительное явленіе, происходящее при оплодотвореніи, когда со стороны яйца навстрѣчу проникающему въ него сперматозоиду образуется своеобразное возвытіе, какъ бы обнаруживающее готовность и желаніе со стороны зрѣлой женской клѣтки. Но проф. Ледюкъ срываетъ покрывало и съ этой поэтической картины и производитъ ее на мертвыхъ объектахъ въ очень похожихъ образахъ.

Если вблизи искусственной клѣтки, образованной изъ ненасыщеннаго раствора азотнокислаго калія, положить маленькій кристалликъ этой соли, то со стороны такой клѣтки не только образуется выступъ въ направленіи къ кристаллу, но и особыя линіи циркуляціи внутри ея въ томъ же самомъ направленіи.

Искусственная клѣтка, конечно, остается попрежнему мертвой клѣткой. И вопросъ о созданіи живой плазмы все еще остается вопросомъ, который не поддается нашему рѣшенію. Поэтому внѣшняя конструкція мертваго механизма клѣтки, хотя бы мы и вполнѣ овладѣли имъ, едва ли приближаетъ насъ къ горделивой мечтѣ создать искусственно *живую* клѣтку.

Но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти остроумнѣйшіе опыты чрезвычайно поучительны, — пишетъ М. Новорусскій. Живое, несомнѣнно, подчинено всеобщимъ законамъ физики и химіи. Принципъ экономіи силъ требуетъ—не затрачивать на дѣло новыхъ жизненныхъ силъ тамъ, гдѣ результатъ можетъ быть достигнутъ старыми силами мертвой матеріи. Весьма возможно, что и всѣ тѣ тончайшія явленія въ живой клѣткѣ, которыя мы до сихъ поръ считали продуктомъ жизненной энергіи, есть не что иное, какъ продуктъ энергіи химической и физической.

———

„Психологія" растеній. Руководитель римскаго ботаническаго института, проф. Аккуа, въ своей послѣдней статьѣ старается выяснить вопросъ, существуютъ ли въ мірѣ растеній психологическія явленія. Онъ приходитъ къ положительному заключенію. Хотя новѣйшія изслѣдованія доказали, что не можетъ быть и рѣчи о существованіи у растеній какого-нибудь центральнаго органа или клѣтокъ, исполняющихъ функціи ощущеній, но все же было установлено, что органы, служащіе для воспріятія и усвоенія растительной энергіи, въ то же время служатъ и къ воспріятію ощущеній и ассоціаціи ихъ. На кончикахъ корней наблюдаются явленія, указывающія по меньшей мѣрѣ на то, что здѣсь двѣ различныхъ растительныхъ силы соединяются, смѣшиваются и взаимодѣйствуютъ. Молодые отростки корней въ своемъ направленіи руководятся притяженіемъ и влажностью окружающей почвы. Возбужденія этихъ двухъ

силъ воспринимаются и ощущаются однимъ и тѣмъ же органомъ.

Далѣе проф. Аккуа описываетъ рядъ сложныхъ явленій, которыми нѣкоторые виды растеній, какъ, напримѣръ, Phokeria, реагируетъ на свѣтъ. Эти явленія нельзя объяснить физіологически. Linaria cymbalaria—маленькое, вьющееся по стѣнамъ растеніе, вытягиваетъ свои побѣги по направленію къ свѣту, когда оно еще не оплодотворено. Съ момента оплодотворенія ростки, искавшіе раньше свѣта, прячутся отъ него, направляясь къ стѣнкѣ.

Проф. Аккуа приходитъ къ тому заключенію, что растеніе обладаетъ той же способностью воспринимать ощущенія, какъ и низшія породы животнаго міра. Тамъ мы встрѣчаемъ рядъ живыхъ существъ, у которыхъ морфологическая дифференцировка стоитъ еще въ начальной стадіи, нѣтъ еще нервной системы, но есть протоплазма, воспринимающая раздраженія и реагирующая на нихъ. („Нов. Вр.“).

Новая постановка вопроса о химическомъ питаніи. Усилія многихъ поколѣній химиковъ направлены были на то, чтобы найти способъ изготовлять питательныя вещества изъ неорганическихъ матеріаловъ, какъ дѣлаютъ это зеленыя клѣтки живыхъ растеній. Труды ученыхъ были не безплодны. Одинъ успѣхъ, хотя и медленно, слѣдовалъ за другимъ. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Бертло нашелъ способъ искусственно изготовлять простѣйшія жировыя вещества. Затѣмъ, спустя сорокъ лѣтъ, Эмиль Фишеръ приготовилъ химическимъ путемъ виноградный сахаръ, фруктовый сахаръ и нѣкоторыя другія вещества, относимыя химиками къ группѣ такъ называемыхъ углеводовъ. Такимъ образомъ, для двухъ группъ питательныхъ веществъ—*жировъ* и *углеводовъ*,—вопросъ могъ считаться рѣшеннымъ.

Оставалась послѣдняя, самая важная группа—такъ называемыя бѣлковыя вещества, входящія въ составъ протоплазмы растительныхъ и животныхъ клѣтокъ. Здѣсь передъ химиками стояла задача, неизмѣримо болѣе трудная, потому что составъ и строеніе частицъ (молекулъ) бѣлковыхъ веществъ во много разъ сложнѣе, нежели у жировъ и углеводовъ.

Теперь задача искусственнаго изготовленія бѣлковыхъ веществъ если не рѣшена еще окончательно, то весьма близка къ успѣшному разрѣшенію. При этомъ самый вопросъ о синтезѣ питательныхъ веществъ получилъ новую постановку, приведшую къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Тому же химику Эмилю Фишеру и профессору физіологіи Абдергальдену удалось доказать, что естественные бѣлки можно расщепить на цѣлый рядъ (20) болѣе простыхъ органическихъ соединеній (аминокислотъ), которыя могутъ быть получены искусственнымъ путемъ.

Но не въ этомъ лежитъ центръ тяжести многозначительныхъ работъ Фишера и Абдергальдена. Попутно ими сдѣлано огромной важности открытіе въ области физіологіи питанія. Весь процессъ усвоенія пищи животнымъ организмомъ представлялъ передъ нами въ новомъ видѣ, и трудно даже предвидѣть въ данный моментъ, къ какимъ послѣдствіямъ въ области теоретической мысли и практической жизни приведутъ эти новыя воззрѣнія.

Сущность открытія состоитъ въ томъ, что питательныя вещества въ процессѣ пищеваренія не прямо всасываются въ кровь черезъ стѣнки кишекъ, а предварительно расщепляются на болѣе простыя соединенія; при этомъ бѣлки распадаются именно на тѣ самыя составныя части, на которыя разложилъ ихъ Фишеръ и которыя *могутъ быть изготовлены искусственно въ лабораторіи химика.* Легко видѣть, насколько этотъ фактъ упрощаетъ задачу искусственнаго изготовленія питательныхъ веществъ.

Въ цѣломъ рядѣ опытовъ надъ животными и даже надъ человѣкомъ новыя теоріи получили блестящее подтвержденіе. Въ теченіе $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ Абдергальденъ кормилъ трехъ собакъ исключительно веществами, могущими быть приготовленными синтетически, и животныя не только не заболѣли, но даже прибавились въ вѣсѣ. Мальчикъ, страдавшій сужеміемъ пищевода, также питался лишь продуктами расщепленія бѣлковъ, жировъ и углеводовъ, пока не возстановлены были, послѣ хирургической операціи, нормальныя отправленія пищеварительнаго канала; результаты получились блестящіе.

Не можетъ быть сомнѣнія, что найденъ, наконецъ, ключъ къ рѣшенію заманчивой задачи искусственнаго приготовленія питательныхъ веществъ изъ угля, воды и воздуха. Правда, много времени пройдетъ, прежде чѣмъ искусственно изготовленные пищевые продукты удешевятся до такой степени, чтобы могли вытѣснить естественные. Если расцѣнить по рыночнымъ цѣнамъ стоимость пищеваго довольствія собакъ, служившихъ для опытовъ проф. Абдергальдену, то окажется, что синтетическая пища обошлась въ тысячи разъ дороже естественной. Но, вѣроятно, и первые образцы аризариновыхъ красокъ стоили немногимъ меньше,—это не помѣшало имъ, однако, навсегда убить возлѣлѣваніе марены. Возможно, что земледѣліе и скотоводство, когда-нибудь также

исчезнутъ, подъ давленіемъ конкуренціи болѣе дешевыхъ синтетическихъ продуктовъ химической промышленности.

Тогда колоссальный запасъ физическихъ и умственныхъ силъ, занятыхъ нынѣ въ этихъ отрасляхъ труда, направится въ иныя области и вызоветъ небывалое удешевленіе продуктовъ человѣческой работы... (Я. Перельманъ. — „Совр. Сл.“).

Превращаемость пола. Извѣстный французскій ученый Гюставъ Лебонъ еще совсѣмъ недавно („La Revue“, февраль, 1914 г.), по поводу изслѣдуемыхъ имъ тайнъ инстинкта, отмѣчалъ „превосходящую“ человѣческій опытъ загадочную мудрость пчелъ: онѣ, оказывается, умѣютъ, измѣняя химическій составъ пищи, видоизмѣнять по желанію и надобности полъ подрастающаго поколѣнія. Напримѣръ, когда улей остается безъ матки, пчелы знаютъ, чѣмъ кормить личинку, чтобы вырастить себѣ новую матку. Безостановочно прогрессирующая наука какъ бы сѣшитъ опровергнуть эту мысль о „превосходствѣ“ пчелъ. Разумъ открываетъ человѣку путь къ той тайнѣ, которою обладаютъ насѣкомыя благодаря инстинкту.

Ю. Деленскій въ „Новѣ“ сообщаетъ о весьма успѣшно произведенныхъ вѣнскимъ біологомъ Штейнахомъ опытахъ превращенія самца-млекопитающаго въ животное со всѣми вторичными половыми признаками и со всѣми инстинктами и наклонностями самки, и самки въ самца.

Еще три года назадъ Штейнахъ убѣдился, что, въ результатѣ подкожнаго вырѣзыванія истощеннаго вещества мужского яичка оскопленнымъ лягушкамъ-самцамъ, у нихъ появляются вновь вторичные половые признаки и возрождается половой инстинктъ. Штейнахъ дѣлалъ также оскопленнымъ лягушкамъ подкожныя вырѣзыванія истощеннаго вещества мозга, взятаго у лягушекъ-самцовъ во время течки; черезъ нѣкоторое время указанные признаки появлялись. Но если вырѣзываніи дѣлались изъ вещества другихъ тканей или мускуловъ, или даже, если они дѣлались изъ вещества мозга или яичка, взятаго *не въ періодъ течки*, они оставались безрезультатны. Отсюда слѣдуетъ, что въ періодъ течки половыя железы выдѣляютъ въ кровь такія вещества, которыя „зротизируютъ“ нервную систему. Тогда половая любовь есть не что иное, какъ простой химическій процессъ! [1])

Еще болѣе краснорѣчивы опыты, произведенные въ самое послѣднее время Штейнахомъ надъ болѣе высокими формами животнаго міра, надъ крысами и морскими свинками—какъ самцами, такъ и самками. Наиболѣе смѣлыя операціи вѣнскаго ученаго состоятъ въ слѣдующемъ: оскопленному самцу онъ пересаживалъ яичникъ самки. Эти опыты производились надъ крысами и морскими свинками въ весьма молодомъ возрастѣ. Почти въ половинѣ случаевъ яичники, пересаженные подъ кожу или брюшину оскопленныхъ самцовъ, зарубцовывались. Каковы же результаты этихъ опытовъ?

Прежде всего обнаружилось, что приращеніе яичниковъ у оскопленныхъ самцовъ не производитъ никакого дѣйствія на развитіе вторичныхъ мужскихъ половыхъ признаковъ; оно не только не пробуждаетъ ихъ жизни и роста, но скорѣе, напротивъ, оно способствуетъ ихъ регрессированію. Аналогичный результатъ — но уже въ отношеніи женскихъ вторичныхъ половыхъ признаковъ—получается послѣ приращенія яичка у оскопленныхъ самокъ. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что половая железа—мужская или женская—имѣетъ вліяніе специфическое: она содѣйствуетъ развитію однородныхъ половыхъ признаковъ и противодѣйствуетъ развитію разнородныхъ половыхъ признаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, у оскопленныхъ самцовъ, которымъ пересадили яичникъ, груди, соски и молочныя железы развивались въ такой мѣрѣ, что они принимали форму и размѣры тѣхъ же органовъ у нормальныхъ самокъ того же возраста.

Далѣе, женствленіе оскопленныхъ самцовъ съ приросшимъ яичникомъ распространяется на всю анатомическую конституцію животнаго.

---

[1]) Кстати замѣтить, одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей половой любви, англійскій врачъ Дж. Барретть, какъ пишутъ изъ Лондона, на основаніи клиническихъ данныхъ утверждаетъ, что любовь есть не что иное, какъ особый видъ заразной болѣзни... Доказательства онъ видитъ въ томъ, что этотъ недугъ чаще всего поражаетъ неокрѣпшій молодой организмъ и, притомъ, чаще всего весною, когда вся природа пропитана миазмами. Далѣе, „больной“ обыкновенно быстро блѣднѣетъ, худѣетъ, его нервная система разстраивается, появляется сердцебіеніе, безсонница и потеря аппетита, нерѣдко сопровождаемая запоромъ. Анализы д-ра Барретта показываютъ, что кровь пациента въ такихъ случаяхъ обнаруживаетъ ненормальныя измѣненія: въ ней значительно увеличивается число бѣлыхъ шариковъ. Если не принять во-время соотвѣтствующаго лѣченія, то любовь осложняется невростеніей, сумасшествіемъ и чахоткой.

„Коротко говоря,—заключаетъ Барретть,—любовь—такая же физическая болѣзнь, какъ и всѣ другія. Она сводится къ отравленію нервныхъ центровъ и къ нарушенію правильности кровообращенія. И передъ медициной стоитъ теперь очередная задача—изобрѣсти противолюбовную сыворотку“...

Ростъ медленнѣе, вѣсъ слабѣе и размѣры тѣла меньше, все равно, какъ у самокъ. Длина и ширина тѣла таковы же, какъ у самокъ. Даже развитіе костей, какъ можно судить по фотографіямъ, снятымъ при помощи рентгеновскихъ лучей, обнаруживаетъ подобіе съ эволюціею организма самки. Какъ и у самки, является подкожный слой жира. Въ возрастѣ 10—12 мѣсяцевъ шерсть у подобнаго оженствленнаго самца такая же, какъ у самки, хотя обычно для нормальнаго самца и нормальной самки различіе шерсти наиболѣе значительно именно въ этомъ возрастѣ. Что уменьшеніе въ вѣсѣ и размѣрахъ тѣла свидѣтельствуетъ объ оженствленіи самца, произведенномъ именно приросшимъ яичникомъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ органъ послѣ извѣстнаго періода развитія начинаетъ регрессировать, и тогда тѣло сразу начинаетъ увеличиваться въ вѣсѣ и размѣрахъ, и животное черезъ короткое время достигаетъ роста нормальнаго самца.

Наконецъ, „психологія" и инстинкты самцовъ (крысъ и морскихъ свинокъ) съ пересаженнымъ и затѣмъ приросшимъ яичникомъ совершенно мѣняются: самцы феминизируются,—они становятся какъ бы самками. „Бывшіе" самцы проявляютъ равнодушіе къ самкамъ и, наоборотъ, сильно возбуждаются въ присутствіи самцовъ. Половая железа самки эротизировала, стало-быть, ихъ мозгъ.

При преслѣдованіи со стороны самцовъ искусственныя самки стали такъ же, какъ настоящія самки, характернымъ образомъ поднимать хвостъ, а также защищаться отъ преслѣдованія задними ногами (самцы при преслѣдованіи дерутся передними ногами). И, какъ оказывается, искусственныя самки кормятъ дѣтенышей не хуже настоящихъ, при чемъ проявляютъ по отношенію къ нимъ чисто-материнскую заботливость...

Опыты Штейнаха представляютъ огромный научный интересъ. Они доказываютъ, во всякомъ случаѣ, превратимость вторичныхъ признаковъ и самой психики пола. Они,—говоритъ упомянутый Ю. Делевскій,—приближаютъ насъ къ разгадкѣ великой тайны любви,—тайны, занимавшей величайшихъ мыслителей человѣчества. Наука, чуждая романтизма, развѣнчиваетъ чувства, которыя страсть идеализируетъ, какъ самыя великія и самыя благородныя. Все, повидимому, сводится къ физіологической химіи...

Прив.-доц. А. Немиловъ, сообщающій о тѣхъ же сенсаціонныхъ опытахъ въ „Ежемѣс. Ж." и подчеркивающій, по поводу нихъ, изумительное дѣйствіе загадочныхъ „гормоновъ", въ данномъ случаѣ—половыхъ, обобщаетъ вопросъ и переноситъ его въ болѣе широкую область. „Пока еще,—пишетъ онъ,—гормоны химически не изучены (кромѣ адреналина надпочечныхъ железъ), такъ что всѣ эти опыты съ внутренней секреціей производятся пока въ „темную". Мы не знаемъ еще, что такое гормоны; мы только наблюдаемъ ихъ дѣйствіе и въ немногихъ сравнительно случаяхъ умѣемъ направлять ихъ вліяніе въ желательномъ для насъ направленіи. Въ настоящее время всѣ усилія ученыхъ и направлены именно на то, чтобы выяснить химическую природу этихъ таинственныхъ и могущественныхъ дѣятелей человѣческаго тѣла. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что эти усилія не увѣнчаются успѣхомъ. Скорѣе, это просто вопросъ времени. Что-то будетъ, когда мы научимся искусственно добывать различные гормоны въ лабораторіяхъ! Самое пылкое воображеніе не можетъ предвидѣть тѣхъ возможностей, которыя откроются тогда для творческой дѣятельности человѣка!"

Дѣвственное размноженіе. Цѣлый рядъ наблюденій и опытовъ различныхъ ученыхъ показалъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нормальное развитіе совершается при участіи самца и его половыхъ элементовъ, эти послѣдніе могутъ быть нерѣдко замѣнены различными искусственными воздѣйствіями. Развитіе неоплодотвореннаго яйца можетъ быть вызвано, напримѣръ, дѣйствіемъ различныхъ раздражающихъ веществъ, или веществъ, отнимающихъ отъ яйца воду, или даже путей непосредственнаго механическаго воздѣйствія на яйцо.

Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи опыта Леба надъ яйцами морскихъ ежей, нормально оплодотворяющихся живчиками.

Эти яйца можно заставить развиваться, дѣйствуя на нихъ жировой кислотой или хлористымъ магніемъ. Развитіе идетъ совершенно правильно и даетъ въ результатѣ нормальную особь. Инъ-Делажу удалось даже довести морского ежа, получившагося отъ такого искусственнаго оплодотворенія до взрослаго состоянія, и оказалось, что онъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго животнаго.

Гертвигъ, для окончательнаго выясненія вопроса, воспользовался разрушающимъ дѣйствіемъ на живое вещество лучей радія и мезоторія. Онъ подвергалъ сперму лягушки вліянію этихъ лучей и затѣмъ оплодотворялъ такою спермою икринки лягушки. Опыты эти дали совершенно неожиданный и на первый взглядъ непонятный результатъ. Оказалось, что при *короткомъ и слабомъ* дѣйствіи лучей радія на сперму, оплодотворенныя этой спермой яйца давали чрезвы-

чайно уродливыя формы развитія. Чаще всего развитіе вовсе не доходило до стадіи личинки,—зародышъ погибалъ въ яйцѣ. Когда же Гертвигъ подвергалъ сперму *продолжительному* дѣйствію лучей радія, (напр., въ теченіе 4-хъ часовъ дѣйствовалъ лучами отъ 60 миллигр. бромистаго радія) то яйца, оплодотворенныя такой спермой, развивались нормально и получались вполнѣ развитые головастики.

Мы видимъ здѣсь полную аналогію съ данными, получаемыми при опытахъ скрещиванія: въ тѣхъ случаяхъ, когда живчики были не сильно повреждены, они участвовали въ развитіи яйца своими ненормальными зачатками и, такъ сказать, путали нормальный ходъ развитія, нарушали гармонію и вызывали уродливости и смерть. Когда же радій значительно сильнѣе разрушалъ живое существо живчиковъ,— они, очевидно, дѣйствовали уже исключительно въ качествѣ только однихъ возбудителей и давали толчокъ развитію, не участвуя въ послѣдующемъ своимъ веществомъ. Однимъ словомъ,— несмотря на оплодотвореніе живчиками, въ послѣдующемъ случаѣ *мы имѣемъ передъ собою партеногенетическое развитіе яйца* подъ вліяніемъ одного внѣшняго раздраженія!

Возникаетъ вопросъ: если у лягушекъ возможно даже при оплодотвореніи дѣвственное размноженіе, безъ непосредственнаго участія мужского элемента въ развитіи зародыша, то не возможно ли предположить то же самое явленіе и у высшихъ животныхъ и даже у человѣка?

Инъ-Делажъ считаетъ это вполнѣ вѣроятнымъ. Вѣдь, если лучи радія дѣйствуютъ полуразрушающе на живчики, то точно также могутъ дѣйствовать и различные яды, напр., наркотики, алкоголь и т. п. И точно также возможно, что живчикъ, подвергшійся слабому отравленію алкоголемъ, вызоветъ сильнѣйшія нарушенія въ развитіи, а живчикъ привычнаго алкоголика окажется уже утратившимъ способность дѣйствовать своимъ веществомъ и дастъ только толчокъ въ развитіи женскаго яйца. Несмотря на оплодотвореніе, получится особь, по существу *партеногенетическая*—дѣвственно зачатая!

„Итакъ,—говоритъ Инъ-Делажъ,—возможно, что среди людей существуютъ партеногенетическія особи, мы постоянно встрѣчаемся съ ними, но у насъ не возникаетъ и сомнѣнія относительно особенностей ихъ происхожденія, такъ какъ эти особенности не выражены въ какихъ-либо необычайныхъ и необъяснимыхъ свойствахъ этихъ особей!" Ихъ единственное отличіе отъ нормальныхъ людей — полное отсутствіе отцовскихъ чертъ!

Оказывается, что, повидимому, вовсе не фантазія „дѣвственное" зачатіе хотя бы даже и у человѣка, но только оно все же носитъ иной характеръ, чѣмъ обычно принимается. Мужской элементъ участвуетъ въ развитіи, но только въ качествѣ раздражителя.

И, если это такъ, то—кто знаетъ—не можетъ ли быть этотъ раздражитель замѣненъ и совершенно ужъ искусственнымъ, — напр., какимъ-нибудь химическимъ веществомъ, вродѣ хлористаго магнія или жировой кислоты?.. Не стоимъ ли мы на пути къ настоящему искусственному оплодотворенію у человѣка?.. (П. Ю. Шмидтъ. „День").

Оживленіе трупа. Смерть завладѣваетъ организмомъ постепенно, шагъ за шагомъ,— существуютъ извѣстные этапы смерти,—и, въ общемъ, умираніе—довольно длительный процессъ, охватывающій одинъ органъ за другимъ съ большою постепенностью. Ткани и клѣтки органовъ продолжаютъ еще жить и послѣ этихъ этаповъ смерти, и если даже дѣятельность клѣтокъ сокращается, то онѣ все же находятся въ состояніи „переживанія" и при надлежащихъ условіяхъ могутъ быть опять оживлены и могутъ начать снова нормально дѣйствовать.

Эта способность „переживанія", свойственная клѣткамъ, рельефнѣе всего сказывается въ замѣчательныхъ опытахъ Каррели (см. „Бюл." № 1).

Можно было бы думать, что исключеніе изъ общаго правила о „переживаніи" тканей составляетъ нѣжная и тонкая по своему строенію нервная ткань— носительница чувствованій и сознанія. Многочисленные опыты показали, однако, что и эта ткань способна переживать организмъ и можетъ быть оживлена послѣ видимой смерти животныхъ, если ее поставить въ болѣе или менѣе нормальныя условія питанія.

Спинной мозгъ собакъ можетъ быть лишенъ притока крови въ теченіе 5 — 15 минутъ и возстановляетъ свою дѣятельность послѣ возстановленія кровообращенія. Броунъ-Секаръ въ свое время сдѣлалъ даже такой жестокій, но чрезвычайно интересный опытъ: онъ обезглавилъ собаку, жившую долгое время въ лабораторіи и привыкшую къ своей кличкѣ, затѣмъ черезъ сосуды ея головы пропустилъ дефибринированную кровь и назвалъ собаку по имени. Глаза головы животнаго открылись и повернулись въ его сторону!

Новѣйшія изслѣдованія Пика, Гетри и Стюарта показали, что изолированный головной мозгъ

собаки можетъ сохранять способность къ нѣкоторой дѣятельности (рефлексы, самопроизвольныя движенія) въ теченіе 8 — 30 минутъ, а по опытамъ Герлячка нѣкоторые рефлексы (рефлексъ зрачка) возможны даже черезъ 1—2 часа послѣ прекращенія питанія мозга.

Всѣ эти замѣчательныя данныя о пережиманіи тканей и органовъ побудили одного изъ нашихъ русскихъ ученыхъ, московскаго физіолога д-ра Андреева, заняться вопросомъ, не можетъ ли быть оживленъ и весь организмъ съ помощью аналогичныхъ методовъ.

Вѣдь если смерть наступаетъ этапами и организмъ погибаетъ не сразу, то, можетъ быть, можно искусственно вмѣшаться въ этотъ процессъ и задержать его? Чаще всего смерть вызывается остановкой дѣятельности сердца, но послѣднее останавливается часто изъ-за того, что уменьшается его питаніе, а питаніе уменьшается изъ силу того, что по какимъ-нибудь, быть можетъ, даже случайнымъ причинамъ ослабѣваютъ сокращенія сердца. Создается фатальный заколдованный кругъ—сердце само себя все болѣе и болѣе останавливаетъ, и, наконецъ, его пульсація прекращается!

Д-ръ Андреевъ примѣнилъ чрезвычайно простой методъ, давшій поразительные результаты. Объектами его опытовъ были собаки, которыхъ онъ убивалъ хлороформомъ, алкоголемъ, или просто выпусканіемъ крови. Онъ дожидался, когда совершенно остановится пульсъ, дыханіе, упадетъ кровяное давленіе и исчезнутъ рефлексы. Животное превращалось, такимъ образомъ, въ трупъ, не подававшій ни малѣйшихъ признаковъ жизни, и, если бы оно было оставлено въ такомъ состояніи, оно безъ сомнѣнія погибло бы.

Черезъ нѣсколько минутъ въ сонныя артеріи, по направленію къ сердцу вливалась подъ нѣкоторымъ давленіемъ подогрѣтая жидкость Рингера (растворъ солей, похожій по составу на жидкость крови), къ которой было прибавлено вещество, получаемое изъ надпочечныхъ железъ,—адреналинъ. Это вещество обладаетъ способностью вызывать сокращеніе сосудовъ и сердца.

Жидкость по артеріямъ проникала въ сердечные сосуды, питала мышцы сердца и возбуждала ихъ дѣятельность. Черезъ нѣсколько секундъ сердце начинало сокращаться, вслѣдъ за тѣмъ возстановлялись и дыхательныя движенія и дѣятельность нервной системы—появлялись рефлексы и движенія. Во многихъ случаяхъ собака оживала окончательно—она, въ буквальномъ смыслѣ слова, воскресала изъ мертвыхъ!

Эти поразительные опыты оживленія трупа показываютъ прежде всего, что, дѣйствительно, смерть схватываетъ организмъ не сразу и можетъ быть предупреждена и устранена при своевременномъ вмѣшательствѣ. Послѣ момента видимой смерти существуетъ еще болѣе или менѣе длительный періодъ „переживанія“ или періодъ „скрытой клѣточной жизни“, и только гибель всѣхъ клѣтокъ организма ведетъ къ окончательной смерти.

Новый методъ оживленія, открытый д-ромъ Андреевымъ, пока только еще разрабатывается имъ, и трудно сказать, въ какой мѣрѣ онъ можетъ получить приложеніе на практикѣ, особенно примѣнительно къ человѣку. Однако, какъ всякій новый путь къ наукѣ, онъ, несомнѣнно, несетъ въ себѣ массу неожиданныхъ возможностей. (П. Ю. Шмидтъ. „День“).

Новый діагностическій методъ. Изучая процессъ питанія, проф. Э. Абдергальденъ, которому его недавнія открытія доставили уже міровую славу, открылъ между прочимъ, что наша кровь реагируетъ, путемъ образованія особыхъ защитныхъ, такъ назыв. протеолитическихъ ферментовъ, на всякій чуждый организму видъ бѣлка, въ томъ числѣ и на бѣлокъ самого организма. Въ частности, Абдергальденъ доказалъ, что въ кровяной сывороткѣ беременныхъ женщинъ находятся бродила, способныя расщеплять (химически упрощать) бѣлокъ дѣтскаго мѣста [1]). Отсюда выросъ удивительный распознавательный методъ, позволяющій, *не видя женщины*, установиться беременность по составу крови.

Эта возможность, допускающая вполнѣ объективный и чрезвычайно ранній (уже *въ первые дни* послѣ зачатія) діагнозъ беременности, сама по себѣ представляетъ высокій теоретическій и практическій интересъ, а логическія слѣдствія и дальнѣйшія работы, вызванныя идеей Абдергальдена, еще болѣе расширяютъ ея интересъ и значеніе.

Было естественно испробовать новую реакцію при ракѣ, и оказалось, что кусочки распада раковой ткани, попадающіе въ кровь, вызываютъ въ ней также образованіе особыхъ „протеолитическихъ“ (расщепляющихъ бѣлокъ) бродилъ.

Отсюда стали діагностировать ракъ, дѣйствуя кусочкомъ раковой ткани на сыворотку крови предполагаемаго ракового больного, и по наличности бродила въ сывороткѣ судятъ о наличности рака.

Далѣе, перешли къ Базедовой болѣзни, къ зобу и другимъ страданіямъ, вызываемымъ

[1]) Подробности см. „Бюл.“ № 18 за 1912—1913 годъ.

измѣненіями въ такъ называемыхъ железахъ внутреннихъ секрецій. Еще далѣе перешли къ совершенно новой и чрезвычайно важной отрасли діагностики — къ сердціагностикѣ душевныхъ болѣзней: по составу крови уже теперь опредѣляютъ почти навѣрняка нѣкоторые виды психическихъ болѣзней, *не видя больного*. Прекрасные результаты новый методъ даетъ для распознаванія такъ назыв. „юношескаго помѣшательства", кретинизма, нѣкоторыхъ видовъ истеро-эпилепсіи и друг.

Плодотворность идеи Абдергальдена начинаетъ сказываться и въ такихъ областяхъ, гдѣ по ея примѣненіи даже трудно было бы думать. Такъ, успѣшное использованіе новой реакціи наблюдалось уже, напр., въ области горловыхъ, ушныхъ и носовыхъ болѣзней и даже при распознаваніи глистовъ, представляющемъ до сихъ поръ значительныя затрудненія.

Читателю, надо полагать, ясно, какія широкія, даже чисто практическія лѣчебныя перспективы открываютъ идеи Абдергальдена. (Д-ръ Л. Василевскій. „Бирж. Вѣд.". Medicus. „Петерб. Кур.").

Магнитъ въ медицинѣ. Всѣмъ извѣстно, что магнитъ притягиваетъ желѣзо. Мощные электромагниты, которые теперь строятъ для динамомашинъ, способны производить это даже на разстояніи черезъ вещества неметаллическія, расположенныя передъ ними. Проф. Пэйръ (Реауг) въ Лейпцигѣ, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, утилизировалъ это свойство магнита оригинальнымъ образомъ. Онъ даетъ больнымъ глотать желѣзо въ формѣ мельчайшаго порошка. Это не представляетъ собой никакого риска, такъ какъ извѣстно, что медицина примѣняетъ давно для лѣченія малокровія въ числѣ другихъ препаратовъ подобный же желѣзный порошокъ, обработанный водородомъ. Этотъ порошокъ легко растворяется въ желудкѣ, соединяясь тамъ съ соляной кислотой желудочнаго сока. По проф. Пэйру было, наоборотъ, важно, чтобы желѣзный порошокъ попалъ въ кишки, не разлагаясь совершенно въ желудкѣ. Для этого онъ помѣщалъ порошокъ въ особыя глютиновыя (роговыя) капсулы, растворяющіяся только въ кишечникѣ. И желѣзный порошокъ тамъ располагался равномѣрно по слизистой оболочкѣ стѣнокъ.

Въ тотъ моментъ, когда можно было предположить, что капсулы растворились, Пэйръ прикладывалъ къ стѣнкѣ живота очень сильный электромагнитъ. Подъ вліяніемъ оказываемаго имъ притяженія частички желѣза направлялись къ нему, увлекая за собой окружающія части кишечной петли, которыя вообще легко смѣщаются. Больной въ это время ощущаетъ какъ бы легкую колику. Если кишечникъ, напр., вслѣдствіе воспалительныхъ и послѣопераціонныхъ приращеній, спаекъ и т. п., потерялъ свою естественную подвижность, то боли получаются довольно сильныя. И это даетъ возможность врачу опредѣлить существованіе сращеній. Достаточно остановить токъ, проходящій черезъ электромагнитъ, чтобы боли моментально утихли.

Двигая магнитомъ, можно расправлять и направлять данную петлю кишечника, поднимать ее вверхъ и внизъ, разворачивать и даже разрывать неправильныя сращенія, не вскрывая брюшной полости животнаго, и, слѣдовательно, не подвергая его страшному риску зараженія брюшины. Всѣ такія перемѣщенія кишечника могутъ къ тому же чрезвычайно легко контролироваться съ помощью рентгеновскихъ лучей, такъ какъ петли, наполненныя желѣзомъ, отбрасываетъ на экранъ, или на фотографическую пластинку, темную тѣнь. Ясно, что этотъ способъ можетъ получить очень широкое примѣненіе по многихъ случаяхъ оперированія кишечника. Онъ заслуживаетъ примѣненія и въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо повысить сокращенія (перистальтику) кишечника въ цѣлихъ удаленія заваловъ и т. п.

Привычка сна. Два парижскихъ медика, Пьеронъ и Лежанръ, запанвшись клиническимъ изслѣдованіемъ физіологіи сна, произвели рядъ крайне поучительныхъ опытовъ надъ собаками. Экспериментаторы держали ихъ въ состояніи непрерывнаго бодрствованія, утомляя ихъ въ то же время въ такой степени, въ какой было возможно. Въ теченіе этого вынужденнаго бодрствованія животныхъ постоянно держали подъ наблюденіемъ, чтобы убѣдиться, влечетъ ли такая безсонница за собой какія-нибудь физіологическія разстройства. Оказалось, что температура была нормальной, дыхательный обмѣнъ совершался правильно, содержаніе воды въ крови оставался постояннымъ. И тѣмъ не менѣе животныя обнаруживали всѣ признаки заболѣванія. Въ мозгу появлялись несомнѣнныя болѣзненныя измѣненія. Если въ это время животному позволяли заснуть, оно погружалось въ глубокій сонъ и затѣмъ просыпалось совершенно здоровымъ и оживленнымъ. Если же вынужденная безсонница продолжалась дольше, то разстройство животнаго становилось все сильнѣе и сильнѣе, оно теряло всякую способность къ дѣятельности и двей черезъ 12 неизбѣжно умирало.

Очевидно, вынужденное бодрствованіе производило глубокія измѣненія въ клѣткахъ мозга.

Но въ чемъ состояли эти измѣненія? Было ли это простое истощеніе, или отравленіе нервныхъ центровъ ядами? Послѣднее казалось болѣе вѣроятнымъ, и опыты подтвердили это. Если у животнаго, подвергнутаго безсонницѣ, взять немного крови или, еще лучше, спинно-мозговой жидкости и впрыснуть ее въ нервную систему совершенно нормальной собаки, то у послѣдней вскорѣ появляются всѣ симптомы желанія спать. Она становится совершенно вялой, плохо слышитъ, вѣки ея опускаются, члены дрожатъ, наконецъ, глаза закрываются, и она неминуемо засыпаетъ. Очевидно, въ ея мозгу появляется то же самое характерное „отравленіе бодрствованіемъ". Если ей позволить хорошенько выспаться, то она встаетъ совершенно бодрой и попрежнему нормальной. Очевидно, значитъ, что въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго бодрствованія въ крови животнаго накопляются такія вещества, присутствіе которыхъ вызываетъ извѣстные и характерные признаки и затѣмъ непреодолимо причиняетъ сонъ. Впрыскивая это вещество здоровымъ животнымъ, можно переносить эту сонливость отъ одного къ другому такимъ же точно образомъ, какъ переносятъ заразу, когда впрыскиваютъ яды, выработанные болѣзнетворными микробами. А если такъ,—пишетъ М. Новорусскій въ „Совр. Сл.", — то сама собой напрашивается мысль: не лучше ли во время обычной болѣзненной безсонницы, которой мы такъ часто страдаемъ, употреблять, вмѣсто искусственнаго снотворнаго (морфія или бромистаго натрія), снотворное естественное, въ видѣ спеціально для этого приготовленной сыворотки, которая въ опытахъ надъ собаками оказываетъ такое могущественное и нормальное дѣйствіе?

Музыкальный неврозъ. Вашъ мужъ, сынъ, братъ или женихъ, а то и просто знакомый засиживаются по ночамъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ играетъ музыка и гдѣ, по общему почти мнѣнію, „весело". Въ такихъ случаяхъ приговоръ бываетъ готовъ и выносится чрезвычайно быстро. „Плохой мужъ", „пропащій сынъ", „заблудшій братъ". „ненадежный знакомый".

Но такъ ли это?

Видный голландскій психіатръ, проф. ванъ-Галэнъ задался этимъ вопросомъ и рѣшилъ провѣрить основательность и точность обывательскихъ приговоровъ при свѣтѣ научныхъ методовъ.

Результаты его изслѣдованія вышли теперь въ трехъ толстыхъ томахъ. Онъ подвергъ клиническимъ наблюденіямъ нѣсколько сотъ человѣкъ—не только мужчинъ, но и женщинъ, и пришелъ къ любопытному выводу.

Громадное большинство лицъ, послужившихъ предметомъ наблюденій профессора, оказались больны особой формой психической болѣзни, которую ванъ-Галэнъ называетъ не безъ основанія музыкальнымъ неврозомъ. Этой болѣзнью страдалъ, между прочимъ, Маркъ Твэнъ.

Выражается она въ томъ, что больной испытываетъ припадки ипохондріи, общую слабость, не можетъ работать. Но всѣ эти болѣзненныя явленія проходятъ, какъ только больной слышитъ знакомую ему музыку, лучше всего ту, съ которой онъ знакомился въ дѣтствѣ и которую знаетъ въ совершенствѣ. Какой-нибудь заигранный шарманочный мотивъ зачастую производитъ лучшее дѣйствіе, нежели новая отличная опера, отъ которой больные музыкальнымъ неврозомъ обыкновенно очень устаютъ.

Маркъ Твэнъ, какъ извѣстно, не могъ буквально жить безъ музыки. Вся его квартира была заставлена механическими фортепіано, и Маркъ Твэнъ неустанно покупалъ всѣ усовершенствованія въ этой области. Отправляясь въ путешествіе, онъ всегда бралъ съ собой механическое піанино. Безъ музыки онъ не могъ ѣсть, спать и работать. Такой острой и сильной степени музыкальный неврозъ достигаетъ довольно рѣдко. По большей части больные имъ не отдаютъ себѣ отчета ни въ состояніи своего психическаго здоровья, ни въ томъ, что музыка иногда для нихъ гораздо болѣе необходима, нежели пища.

Наблюденіями голландскаго психіатра отлично объясняются такія, напр., казалось бы, совершенно непонятныя вещи: неврастеники, страдающіе отъ малѣйшаго шума, прекрасно работаютъ въ кафе подъ звуки легкой музыки; люди со взвинченными нервами успокаиваются въ такой шумной обстановкѣ, которая гнетуще дѣйствуетъ на совершенно здоровыхъ людей. Наконецъ, что важнѣе всего, заключенія ванъ-Галэна устанавливаютъ, какъ безусловный фактъ, что люди, которыхъ тянетъ каждый день въ кафе, очень часто бываютъ вовсе не пьяницами, какъ ихъ себѣ представляетъ обывательское мнѣніе, а просто больными людьми. Какой-нибудь глупѣйшій вальсъ или опереточный мотивъ нуженъ имъ такъ же, какъ здоровымъ людямъ нужна прогулка по полямъ.

Трудъ ванъ-Галэна бросаетъ совершенно новый свѣтъ на цѣлую массу явленій повседневной жизни и открываетъ передъ общественными организаціями новыя соціальныя заботы и обязанности. Музыкой, оказывается, не только можно лѣчиться, но это лѣкарство необходимо не единицамъ, какъ мы до настоящаго времени склонны были думать, а очень значитель-

ной части современнаго человѣчества. (Н. Верязовъ. „Ран. У.“).

———

Искусственное „зрѣніе“ слѣпыхъ (*оптофонъ*). Существуетъ мало кому извѣстный, кромѣ химиковъ, элементъ селенъ, обладающій удивительнымъ свойствомъ измѣнять сопротивленіе проходящему черезъ него электрическому току въ зависимости отъ степени освѣщенія. Если, напримѣръ, селеновую пластинку ввести въ замкнутую цѣпь батареи, дающей токъ постоянной силы, и подвергать ее дѣйствію свѣтовыхъ лучей, то гальваническое сопротивленіе такой цѣпи, а, слѣдовательно, и сила тока будутъ измѣняться, возрастая съ увеличеніемъ интенсивности освѣщенія пластинки и уменьшаясь съ его ослабленіемъ.

Идея использовать это свойство селена для тѣхъ или иныхъ цѣлей уже не разъ соблазняла выдающихся изобрѣтателей въ области электротехники, при чемъ одни изъ нихъ пытались воспользоваться имъ для передачи изображеній на разстояніи, такъ называемой, телефотографіи, другіе — для безпроволочной передачи звука, дѣйствіемъ исключительно свѣтовыхъ лучей. Именно для этой послѣдней цѣли знаменитымъ Грагамомъ Беллемъ, уже вскорѣ послѣ изобрѣтенія имъ телефона, былъ придуманъ такъ называемый фотофонъ—аппаратъ, въ которомъ свѣтовыя колебанія при помощи селена превращаются въ звуковыя и, такимъ образомъ, свѣтъ становится слышимымъ. Возможность такого превращенія, возможность заставить звучать, такъ сказать, свѣтовые лучи и привела профессора бирмингамскаго университета Фурнье д'Альба къ мысли построить такой аппаратъ, который сдѣлалъ бы доступнымъ для слѣпыхъ восприятіе свѣтовыхъ явленій, хотя бы въ видѣ звуковыхъ ощущеній.

Фурнье д'Альбъ долго работалъ надъ этой идеей и недавно изобрѣлъ, наконецъ, приборъ, который, по отзывамъ спеціалистовъ, вполнѣ успѣшно разрѣшаетъ поставленную имъ задачу. Приборъ этотъ представляетъ собой нѣчто въ родѣ фотографической камеры, сзади объектива которой расположена небольшая гальваническая батарея. Въ цѣпь батареи вводится селеновая пластинка, также реостатъ и прерыватель, превращающій постоянный токъ батареи въ токъ, періодически прерываемый. Этотъ послѣдній, проходя черезъ соотвѣтствующимъ образомъ устроенныя телефонныя трубки, которыя при помощи особаго приспособленія надѣваются на уши слѣпого, вызываетъ у него ощущеніе нѣкотораго шума. Регулируя надлежащимъ образомъ сопротивленіе цѣпи, при помощи реостата, шумъ этотъ можно ослабить настолько, что онъ дѣлается совсѣмъ неслышнымъ, при извѣстныхъ, нормальныхъ, такъ сказать, условіяхъ освѣщенія прибора, напримѣръ, въ комнатѣ, освѣщенной дневнымъ разсѣяннымъ свѣтомъ. Но малѣйшаго усиленія или ослабленія освѣщенія уже достаточно для того, чтобы измѣнилось гальваническое сопротивленіе цѣпи прибора, при чемъ, конечно, измѣняется и сила циркулирующаго въ ней тока, а, стало быть, и шумъ, вызываемый прохожденіемъ тока черезъ трубку. У слѣпого получается, такимъ образомъ, возможность судить о малѣйшихъ свѣтовыхъ измѣненіяхъ, происходящихъ вокругъ него въ данный моментъ. Если, напр., поставить оптофонъ на подоконникъ окна нижняго этажа, то слѣпой легко можетъ считать проходящихъ мимо окна людей, такъ какъ каждый изъ нихъ, до извѣстной степени, ослабляетъ освѣщеніе аппарата. Съ помощью послѣдняго онъ можетъ опредѣлять расположеніе и число оконъ или источниковъ свѣта въ данномъ помѣщеніи, присутствіе въ немъ открытаго пылающаго очага, чувствовать наступленіе тьмы и появленія свѣта и т. д.

Конечно, теперь еще трудно судить о томъ, какъ широко можетъ быть использовано въ этой области изобрѣтеніе бирмингамскаго профессора; для выясненія этого вопроса въ настоящее время во многихъ англійскихъ пріютахъ и институтахъ для слѣпыхъ ведутся самые разнообразные опыты. Но уже то, что оптофонъ даетъ возможность слѣпымъ ориентироваться хотя бы непосредственно и самымъ несовершеннымъ образомъ въ мірѣ явленій, остававшемся до сихъ поръ совершенно недоступнымъ для нихъ и, такимъ образомъ, хоть отчасти уменьшаетъ ту безпомощность, которая такъ угнетающе дѣйствуетъ на психику этихъ несчастныхъ,—уже одно то въ достаточной степени опредѣляетъ значеніе этого поистинѣ гуманнаго изобрѣтенія. (Г. Баршъ. „День“).

———

Преодолѣніе пространства. Еще недавно казалось очевиднымъ для всѣхъ, что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Теперь мы съ этимъ софизмомъ покончили навсегда.

Можно сдѣлать приспособленіе къ телефону, и тогда нашъ другъ, сидя гдѣ-то, за сто верстъ отъ насъ, оставитъ, въ наше отсутствіе, на нашемъ телефонномъ столикѣ свою записку. Словно онъ пріѣзжалъ къ намъ, входилъ въ квартиру со своимъ ключомъ и, не заставши дома, написалъ записку.

Можно держать квартиру на крѣпкомъ замкѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. И все это время въ нее будутъ влетать незримые крылатые

вѣстники и оставлять, въ видѣ записокъ, вещественные слѣды своего пребыванія.

Можно устроить несгораемый шкафъ, съ маленькимъ электрическимъ приспособленіемъ, которое позволитъ врагу, находящемуся за 100 верстъ, превратить въ пепелъ всѣ находящіяся въ немъ дѣловыя бумаги. Можно такимъ же образомъ произвести пожаръ въ своей запертой квартирѣ или въ своемъ домѣ, находясь далеко отъ него. И когда эта „наука“ станетъ общеизвѣстной, случаи преступнаго поджога своего имущества будутъ повторяться гораздо чаще, чѣмъ въ настоящее время.

Словомъ, уже теперь, не взирая на замки, затворы и разстояніе, мы можемъ производить много различныхъ дѣлъ тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Въ недалекомъ будущемъ эта сфера нашей недосягаемой дѣятельности, несомнѣнно, расширится еще больше, и никто не можетъ предсказать, какъ далеко мы зайдемъ по этому пути.

Взрывъ на разстояніи теперь уже не диковинка. Адскія машины, которыя взрываютъ въ установленный часъ, теперь уже не нужны. Не нужны и провода къ минѣ, чтобы взорвать ее искрой, когда это понадобится. Искру вѣдь можно послать въ мину съ любого разстоянія безпроволочно, разъ мина устроена соотвѣтственнымъ образомъ.

И, напримѣръ, англійское адмиралтейство уже практикуется въ устройствѣ такихъ взрывовъ. Оно отводитъ въ море негодное и устарѣлое судно съ нѣкоторымъ искровымъ приспособленіемъ и посылаетъ въ него искру съ берега. Эффектъ получается полный, и черезъ нѣсколько минутъ отъ изорваннаго судна только одно воспоминаніе.

Такимъ образомъ, городъ, въ которомъ иностранцы владѣютъ недвижимостью, уже теперь можетъ быть взорванъ соотечественниками этихъ иностранцевъ въ періодѣ военныхъ дѣйствій. Нужно только, чтобы эти иностранцы, въ предвидѣніи войны, заложили въ подвалахъ своихъ домовъ настоящія мины съ электрическими приспособленіями.

Эти мины въ день объявленія войны могутъ быть взорваны герцевскими волнами съ любой непріятельской „искровой“ станціи.

Самый взрывъ совершается настолько просто и легко, что его можетъ испробовать всякій,—разумѣется, въ легкой и безопасной формѣ. Представьте себѣ небольшую стеклянную колбу, наполненную гремучимъ газомъ, т.-е. смѣсью кислорода и водорода. Сквозь ея парафиновую пробку пропущены внутрь двѣ слегка сходящіяся стальныя булавки. Къ ихъ головкамъ прикрѣпляются два куска мѣдной изолированной проволоки, которые вытягиваются горизонтально въ противоположныя стороны.

Колбу можно зарыть въ землю, а проволоки расположить въ направленіи двухъ радіотелеграфныхъ станцій, между которыми постоянно проносятся герцевскія волны. Предполагается, что мы живемъ какъ разъ на линіи между этими двумя станціями, т.-е. на пути наиболѣе активнаго дѣйствія этихъ волнъ.

И вотъ въ моментъ дѣйствія станцій, одна изъ безчисленныхъ электрическихъ волнъ пробѣжитъ по нашимъ проволокамъ и, конечно, по сходящимся игламъ внутрь колбы, гдѣ между концами этихъ иглъ проскакиваетъ маленькая искра. Эта искра производитъ взрывъ гремучаго газа, и колба разлетается вдребезги.

Для этого взрыва достаточно одной единственной искры. Но въ приборѣ, такъ устроенномъ, можно получать искры непрерывно, всякій разъ, какъ дѣйствуютъ станціи. Непрерывно же идущія искры могутъ дать новый эффектъ. А именно. Наполнимъ ту же самую колбу смѣсью азота и водорода. При непрерывно идущихъ разрядахъ электричества, эти газы соединяются другъ съ другомъ и образуютъ амміакъ. Если въ колбу помѣстить немного воды, которая легко поглощаетъ амміакъ, то химическій синтезъ двухъ газовъ можетъ длиться до конца, пока послѣдній атомъ азота въ колбѣ соединится съ водородомъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ уже утилизировать волны, идущія отъ станцій, не только съ цѣлями взрыва, что такъ важно для военнаго дѣла, но и съ техническими цѣлями, что еще важнѣе для промышленности. Опытъ производства амміака при содѣйствіи этой даровой энергіи производился въ 10 килом. отъ Парижа, гдѣ пользовались, конечно, „работой“ станціи на Эйфелевой башнѣ. Результаты опыта, т.-е. полученіе амміака въ колбѣ, констатировались уже черезъ 20 мин. послѣ установки этого оригинальнаго аппарата.

Если бы кругомъ Парижа установлены были на крышахъ, или зарыты въ землю, цѣлые милліоны такихъ колбъ, то уже сейчасъ можно было бы организовать совершенно даровое производство амміака въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Не надо ѣхать въ горы и выискивать малодоступные водопады, чтобы туда вести электромоторы и устраивать цѣлые заводы для утилизаціи атмосфернаго азота, какъ это обыкновенно дѣлается.

Подобно тому, какъ солнце разливаетъ въ пространство милліарды калорій тепла, и только ничтожная часть его утилизируется землей, такъ и радіотелеграфная станція распростра-

имѣетъ кругомъ безчисленныя электрическія искры (вогеціальныя), и только ничтожная часть этой энергіи улавливается аппаратами-рецепторами.

Послѣднее обстоятельство приводитъ къ самой важной мечтѣ всѣхъ электротехниковъ—къ *безпроволочной передачѣ силы* на большія разстоянія.

До послѣдняго десятилѣтія почти всѣ успѣхи электричества шли по проволокамъ. Только теперь постепенно отрѣшаются отъ этого стѣснительнаго посредника. И, несомнѣнно, работы безъ него и непрерывный опытъ многихъ сильныхъ радіотелеграфныхъ станцій скоро докажутъ на практикѣ, что предѣлы досягаемости для человѣческаго гевія никѣмъ не установлены. (М. Новорусскій. „Рѣчь“).

Переворотъ въ земледѣліи. Предпріимчивые американцы напали на мысль, которая лежитъ въ основу новой агрикультуры и, прежде всего, сулитъ полное упраздненіе земледѣльческихъ орудій. Радикальная мысль эта такова. Существуютъ динамитные патроны, разнаго объема и разной силы. Зарытый въ землю, каждый патронъ, при взрывѣ разрыхляетъ ее на значительную глубину и ширину. И разрыхленіе получается идеальное по тонкости и разрыхленности. Почему бы не примѣнить патроны къ земледѣлію и не перейти къ динамитной вспашкѣ.

Свою смѣлую мысль американцы не преминули осуществить на практикѣ, и уже имѣется цѣлый кадръ спеціалистовъ новаго дѣла, которымъ присвоили названіе „бластеры“ (blaster). Въ Германіи, гдѣ новая обработка земли прививается весьма успѣшно, ихъ окрестили шпренгмейстерами.

Прежде всего стали примѣнять динамитъ, въ видѣ спеціальныхъ патроновъ, при посадкѣ деревьевъ. Опыты показали, что фруктовыя деревья, посаженныя въ яму, сдѣланную динамитомъ, развиваются несравненно быстрѣе и лучше, чѣмъ въ ямѣ, выкопанной лопатой. Это объясняется тѣмъ, что динамитъ дѣлаетъ въ почвѣ массу мельчайшихъ трещинъ, куда потомъ проникаютъ и корни, и почвенныя воды съ питательными растворами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти воды уже труднѣе испаряются, и, значитъ, такъ обработанная посадка меньше страдаетъ отъ засухи.

Самая работа совершается чрезвычайно просто. Отведенная подъ посадку площадь размѣчается колышками, и рабочій дѣлаетъ ломомъ дыру ва мѣстѣ, гдѣ будетъ стоять дерево. Въ дыру опускаютъ патронъ со шнуромъ и засыпаютъ землей, которая хорошо утрамбовывается. Производится взрывъ. Онъ дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, внутрь, а на поверхность выбрасывается лишь незначительное количество земли. „Яма“ готова, и дерево можно сажать.

Прежде, при работѣ лопатой, нужно было затратить не меньше часа времени на подготовку мѣста для одного дерева. Теперь, съ динамитнымъ патрономъ, на это нужно не больше 5 мин. Можно сразу заложить хоть нѣсколько сотъ патроновъ, взять маленькую зажигательную машинку, электрическіе провода, и взорвать всѣ патроны въ одинъ моментъ.

О характерѣ работы можно судить по такимъ даннымъ. При патронѣ, содержащемъ 125 гр. динамита, дѣлается дыра ломомъ глубиной въ 50 сант. Взрывомъ разрыхляется земля на 120 сант. въ поперечникѣ и на 75 сант. въ глубину. Патронъ, содержащій вдвое больше динамита, т.-е., 250 гр., закладывается на глубину въ 75 см. и совершаетъ работу на 150 см. въ поперечникѣ и на 120 см. въ глубину.

Работа перваго патрона обходится не дороже 15 коп. Разумѣется, дыры можно заложить рядомъ въ такомъ расчетѣ, чтобы сплошь вся поверхность была вспахана, т.-е. взорвана. Стоимость такой вспашки на десятину въ Германіи обходится въ 122—165 руб.

Конечно, это доступно не всякому. Но и требуется такая радикальная вспашка не каждый годъ и не для всякой почвы. Крѣпкая цѣлина, или ни разу не пахавшійся лугъ, путемъ динамита, тотчасъ можетъ быть превращенъ въ самую лучшую, рыхлую почву.

Но при такомъ разрыхленіи весьма интересно еще то дѣйствіе, которое производитъ такая вспашка на гнѣздящихся въ почвѣ насѣкомыхъ. Она ихъ начисто убиваетъ, со всѣми личинками и куколками, и, такимъ образомъ, очищаетъ почву отъ всевозможныхъ вредителей. И въ первую голову гибнутъ наиболѣе зловредные майскіе жуки, вредъ отъ которыхъ, напр., во Франціи исчисляется сотнями милліоновъ франковъ.

Въ этомъ случаѣ, на зараженной вредителями поверхности, динамитная вспашка является самымъ лучшимъ и недорогимъ способомъ, который сразу достигаетъ обѣихъ цѣлей: и лучшей вспашки, и очищенія поля.

Остроумные нѣмцы къ этимъ двумъ цѣлямъ присоединили еще и третью. А именно. Динамитные патроны они начинаютъ еще удобрительными „жуками“. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же взрывъ, въ одинъ и тотъ же моментъ, разрыхляетъ землю, пропитываетъ удобрительными веществами и истребляетъ парази-

зитовъ. Три весьма важные результа получаетъ одинъ и тотъ же ширенгмейстеръ всѣсколькими ударами лома, да зарядкой патрона.

Со введеніемъ динамита въ широкій оборотъ, производство его расширится и, какъ всегда, значительно удешевится. Это послѣдуетъ тѣмъ легче, что азотная кислота, необходимый элементъ динамитнаго производства, теперь можетъ получаться прямо изъ воздуха въ любомъ мѣстѣ, гдѣ есть дешевая электрическая энергія. А даровая сила паденія воды дастъ почти половину энергіи, необходимой для взрыванія динамитомъ. (М. Новорусскій. „День“).

Ощущенія умирающаго.

[15:577.7]

Ни для кого не можетъ быть безразличнымъ вопросъ о роковой загадкѣ смертнаго часа. Оставляетъ ли душа свою бренную оболочку при полномъ свѣтѣ сознанія, или не сознаетъ умирающій, что онъ переходитъ въ иное бытіе? Тяжело близкимъ умирающаго присутствовать при его послѣднихъ минутахъ. Агонія любимаго человѣка, его блуждающій взглядъ, безпомощное протягиваніе рукъ, словно въ жестѣ мольбы о пощадѣ, хрипящее дыханіе, готовое, кажется, каждую минуту разорвать больную грудь—вотъ обычная картина физической смерти, глубоко западающая въ душу и оставляющая тамъ мучительный слѣдъ.

Для всѣхъ терзающихся этой загадкой предсмертныхъ ощущеній можетъ представлять источникъ нѣкотораго утѣшенія письмо одного профессора оксфордскаго университета, помѣщенное въ лондонскомъ „Таймсѣ“.

„Мой отецъ на 89-мъ году жизни заболѣлъ инфлуэнцой. Эта болѣзнь оказалась смертельной для бодраго, прекрасно сохранившагося старика. Незадолго передъ роковой развязкой начался агоніи хрипъ. Глядѣть на это было истиннымъ мученіемъ. Тщетно врачи увѣряли меня, что онъ ничего не чувствуетъ. Осунувшееся лицо отца выражало такую безысходную муку, такъ тяжело и прерывисто онъ дышалъ, что я не могъ повѣрить увѣреніямъ врачей. Но какимъ-то непостижимымъ чудомъ отецъ пережилъ эту ночь. Дыханіе стало болѣе ровнымъ, лицо приняло спокойное выраженіе и отецъ снова могъ говорить. Увидѣвъ меня у кровати, онъ велѣлъ мнѣ передать доктору, что отлично спалъ. Я очень удивился и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывалъ большое облегченіе“.

На слѣдующій день появилось въ „Таймсѣ“ письмо 70-лѣтняго старика, недавно проведшаго подобную ночь. Старикъ выздоровѣлъ отъ болѣзни, казавшейся смертельной. Въ критическую ночь онъ метался во всѣ стороны и тяжело стоналъ. Его родные полагали, что онъ уже отходитъ въ страшныхъ мученіяхъ. Въ дѣйствительности же, онъ не испытывалъ никакихъ мучительныхъ ощущеній. „Этотъ опытъ позволяетъ мнѣ бодро ждать наступленія того рокового момента, когда мнѣ придется навсегда разстаться съ жизнью“,—заключаетъ онъ свое письмо.

Институтъ продленія жизни.

[577.7:3]

Въ Нью-Іоркѣ открылъ свои двери „институтъ продленія жизни“. Почетными членами этого своеобразнаго института состоятъ бывшій президентъ Тафтъ, американскій посолъ въ Лондонѣ Пэджъ, изобрѣтатель телефона Беллъ и многіе другіе выдающіеся общественные и политическіе дѣятели. Задача общества состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать продленію человѣческой жизни до естественныхъ ея предѣловъ. Институтъ будетъ планомѣрно издавать брошюры и книги съ практическими совѣтами и указаніями, какъ надо жить, чтобы не расточать напрасно жизненныхъ силъ. Каждый за ничтожную плату сможетъ посѣтить институтъ и получить подробный діагнозъ, для представленія своему постоянному врачу, который приметъ къ руководству мнѣніе спеціалиста. Институтъ имѣетъ право наблюдать за лѣченіемъ своихъ членовъ. Институтъ не преслѣдуетъ цѣлей наживы. Онъ основанъ, главнымъ образомъ, на средства страховыхъ обществъ, которыя непосредственно заинтересованы въ продленіи жизни. Поэтому каждое лицо, имѣющее полисъ одного изъ обществъ страхованія жизни, пользуется правомъ на безплатное лѣченіе въ институтѣ.

„Лига радости и служенія“.

[172 (06)]

Кружокъ подъ такимъ названіемъ образовался при Россійскомъ Теософическомъ обществѣ. Цѣль Лиги — вносить свѣтъ и утѣшеніе въ жизнь міра. Для осуществленія этой цѣли, члены ея работаютъ индивидуально и коллективно. Свою работу они формулируютъ такъ:

I. Желая вносить въ міръ свѣтъ радости и утѣшенія, члены Л. Р. стремятся прежде всего не причинять боли и страданія чему-либо живому, и потому строго слѣдятъ за своими мыслями, чувствами, словами и поступками.

II. Члены Л. Р. стремятся быть всегда наготовѣ помочь, поддержать или утѣшить ну-

ждающагося. Они стараются не пропускать ни одного случая дать эту помощь.

III. Членъ Л. Р. начинаетъ свой день, вспоминая свое участіе въ Лагѣ. Онъ спрашиваетъ себя, кому бы онъ могъ въ этотъ день принести свѣтъ радости и утѣшенія и сдѣлать свободный даръ любви. При этомъ онъ напоминаетъ себѣ, что для выполненія своей задачи онъ самъ долженъ быть свѣтлымъ.

IV. Въ полдень онъ старается вспомнить свою принадлежность къ міровой Л. Р. и посылаетъ въ міръ мысли свѣта, мира и радости. Онъ говоритъ: да будетъ свѣтъ, да будетъ миръ, да будетъ радость.

V. Стремясь коллективно приносить въ міръ волну свѣта и любви, члены Л. Р. объединяются на физическомъ планѣ идеей активнаго служенія, составляя такимъ образомъ настоящій орденъ служенія.

VI. Какъ орденъ служенія, члены Л. Р. постоянно изыскиваютъ новые и лучшіе пути служенія міру. Кромѣ того, они всегда готовы исполнить всякую работу, которую въ данную минуту жизнь выдвигаетъ. При Т. О. они являются какъ бы летучимъ отрядомъ всегда готовыхъ работниковъ, независимо отъ того — какая работа бываетъ нужна, интересная или самая простая, черная работа. Пока намѣчены слѣдующіе виды служенія: 1) Праздничный обходъ больницъ съ цвѣтами и подарками. 2) Устройство елокъ и дѣтскихъ праздниковъ для брошенныхъ дѣтей. 3) Устройство чтеній и концертовъ въ народныхъ аудиторіяхъ, а также пріютахъ, богадѣльняхъ, больницахъ, тюрьмахъ и т. д. 4) Организація помощи слѣпымъ. 5) Устройство пріютовъ для выпущенныхъ арестантовъ на время пріисканія заработка. 6) Распредѣленіе и выполненіе всей черной работы при устройствѣ теософическихъ собраній, лекцій и съѣздовъ.

Эвгеническое движеніе.
[614:575]

Походъ противъ „худощавой женщины“. Состоявшаяся въ Америкѣ, въ главномъ городѣ штата Мичиганъ, конференція по вопросамъ улучшенія человѣческой породы вынесла строгій приговоръ типу стройной, худощавой женщины, воспѣтому поэтами всѣхъ временъ и странъ. Предсѣдатель конгресса д-ръ Смитъ въ своемъ обширномъ докладѣ твердо обосновалъ слѣдующій выводъ: „Законченнымъ типомъ женской красоты является хорошо сложенная женщина, съ сильно развитой грудью, съ крѣпкими, выносливыми нервами и округлыми очертаніями тѣла. Напрасно женщины въ погонѣ за „красивой линіей“ подвергаютъ себя строгой діэтѣ, такъ какъ женщина съ здоровой наслѣдственностью не можетъ и не должна стать худощавой“. Конгрессъ въ своей резолюціи высказалъ пожеланіе, чтобы женщины безповоротно осудили нелѣпую моду, полагающую идеалъ женской красоты въ худобѣ.

Брачныя медицинскія свидѣтельства. Въ штатѣ Висконсинъ приняты два билля: такъ называемый „Sterilization Bill“ — о стерилизаціи оперативнымъ путемъ преступниковъ, душевно-больныхъ и эпилептиковъ, и „Eugenic Marriage Bill“, по которому всѣ мужчины при вступленіи въ бракъ должны представить медицинское свидѣтельство о томъ, что „насколько это видно изъ клиническаго и лабораторнаго изслѣдованія, данный субъектъ не страдаетъ венерическою болѣзнью“. Врачи, выдавшіе ложное свидѣтельство, наказываются, какъ за нарушеніе клятвы, и лишаются правъ практики. Лица, вступившія въ бракъ безъ или вопреки свидѣтельства, заключаются въ тюрьму на 1—5 лѣтъ. Такого же рода законъ подготовляется въ другихъ штатахъ Сѣверной Америки.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. Апрѣль—I—II. № 15—16.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

329. Пиксановъ, Н. К., прив.-доц. 01:891.7

Семинарій по новой русской литературѣ. Три эпохи—Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы, библіографія, вопросники. 1913. Спб., изд. 2-е, соверш. перераб. VII+ +83 стр. Ц. 60 к.

Руководство П. предназначено для семинаріевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, нѣкоторыми своими частями—для рефератовъ въ среднихъ и по своей систематичности и цѣльности—для самообразованія. Но тѣми цѣлями, которыя поставилъ себѣ составитель, не всчерпывается значеніе книжки. Богатство указываемаго П. библіографическаго матеріала, при умѣлой систематизаціи его, можетъ сослужить пользу не только для проходящихъ курсъ русской литературы конца XVII и первой половины XIX вѣка, но и для занимающихся спеціальными изслѣдованіями. Для лицъ же, задавшихся цѣлью изученія русской литературы въ указанную эпоху, книжка П. представляетъ необходимымъ пособіемъ, облегчающимъ трудъ подыскиванія руководствъ и изученія. Второе изданіе не только полнѣе перваго по библіографіи уже существовавшихъ отдѣловъ, но въ него введены новые отдѣлы и необходимые для неопытныхъ руководящіе вопросы. (*И. „Рус. Вѣд."* 1913—279).

...Главное достоинство—разнообразіе предлагаемаго матеріала; каждый здѣсь можетъ найти себѣ работу по душѣ: интересующіеся главнымъ образомъ отраженіемъ общественныхъ теченій въ литературѣ остановятся на такихъ темахъ, какъ „Радищевъ и декабристы", „Кн. Щербатовъ и Карамзинъ, историч. параллель", „Крѣпостные театры въ Россіи въ Александровскую эпоху", „Грибоѣдовъ и декабристы", „Генезисъ лишняго человѣка въ русской литературѣ" и др. Кого болѣе занимаетъ смѣна личныхъ переживаній и настроеній поэта, тѣ станутъ разрабатывать цѣлый рядъ темъ объ исторіи созиданія велихъ произведеній: „Гоголь отъ ума", „Евгеній Онѣгинъ", „Ревизоръ", „Мертвыхъ душъ" и т. п. Наконецъ, кого влечетъ къ себѣ серіезная, зато и гораздо болѣе сухая научная работа, тѣ могутъ найти здѣсь себѣ кое-что подходящее, занявшись такими темами, какъ „Бесѣда любителей Русскаго Слова", „Россійская академія въ Александровскую эпоху", „Вольное Спб. о-во любителей словесности, наукъ и художества", „Спб. Вольное о-во любителей Россійской словесности". Планъ работы П.—такой: сначала приводится тема, затѣмъ библіографич. указанія, а въ концѣ дается рядъ наводящихъ вопросовъ. Составитель не ставитъ своей задачей дать полный библіографич. перечень: онъ по каждому вопросу ограничивается указаніемъ необходимыхъ основныхъ пособій, содержащихъ преимущественно фактическій матеріалъ. Иногда онъ главную тему подраздѣляетъ въ свою очередь на вѣсколько болѣе мелкихъ... подраздѣленіе темъ не всегда достаточно обосновано... (*В. Чернобаевъ. „Совр." 1914—3*).

...Тамъ, гдѣ по существу вопроса нужно принимать западно-европейскія вліянія на русскую жизнь и литературу, авторъ называетъ сочиненія и по исторіи Зап. Европы и иностранныхъ литературъ. ...по Вольтеру названъ одинъ Шаховъ, и не упомянуты ни Морлей, ни Штраусъ, имѣющіеся въ русскомъ переводѣ... едва ли слѣдовало указывать для ознакомленія съ Фейербахомъ работу С. Н. Булгакова. (*Н. К. „Научн. Ист. Журн."* 1914—2).

...Составленная на основаніи живого опыта совершенно переработанная подъ вліяніемъ новыхъ данныхъ, указаній критики и друзей, книга даетъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ. Въ ней находимъ мы не только темы для самостоятельныхъ работъ по исторіи литературы, во и по исторіи театра, и по исторіи высшаго образованія въ Россіи. Мало того, книга уже переросла „три эпохи" и отдѣломъ „Тургеневъ и 60-е гг." захватила уже четвертую эпоху. ...замѣтимъ лишь, что нѣкоторые экскурсы уже слишкомъ детализируютъ предметъ, что вредъ ли необходимо для семинаріи, а такія темы, какъ изслѣдованіе о Мартыновѣ, убійцѣ Лермонтова, вредъ ли обосновавы... (*Сергѣй Сватиковъ. „Совр. М." 1914—3*).

См. еще: „Гермесъ". 1913—20. *„Педаг. Сб."* 1914—3.

330. [. 281.91.01 (08)

„Старая вѣра". Старообрядческая хрестоматія. Составлена А. С. Рыбаковымъ, К. Н. Шведовымъ и П. Г. Носовымъ. Подъ общей ред. директора Моск. старообр. учил. А. С. Рыбакова. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 400 стр. Съ плюстр. Ц. 1 р. 60 к.

Составители включили въ хрестоматію житія первыхъ борцовъ и мучениковъ за старую вѣру, пространный старообрядческій синодикъ, послания и челобитныя расколоучителей и старцевъ соловецкихъ, поморскихъ и др., историческія сказанія объ основаніи и разворенія обителей, о

самосожженіи („Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей старца Ефросима“), нѣкоторые памятники эсхатологической литературы („Собранія отъ святаго писанія объ Антихристѣ“, „Вопросъ: чесо ради нынѣ мнози нарицаютъ время плача?“, стихи духовные и псальмы и, наконецъ, отрывки изъ сочиненій „внѣшнихъ“ писателей о старообрядчествѣ, художественное изображеніе которыхъ даетъ возможность глубже войти въ пониманіе старообрядчества. Обширный матеріалъ этотъ доселѣ былъ разсѣянъ по большей части въ рѣдкихъ и мало доступныхъ изданіяхъ... Теперь, собранный вмѣстѣ, онъ представитъ интересъ не только для читателя старообрядца, но и для читателя, совершенно равнодушнаго къ богословскимъ вопросамъ. Историческая, бытовая, психологическая сторона этихъ житій, посланій, челобитныхъ и сказаній несравненно выше заключенной въ нихъ богословской старовѣрческой мысли, не отличающейся ни особой глубиной, ни широтой. Нечего и говорить о литературной цѣнности этихъ памятниковъ до-петровской старины,—яркій, образный народный языкъ ихъ, порой простодушно-грубый, слишкомъ на современный взглядъ откровенный, по свѣжести, силѣ и мѣткости можетъ стоять рядомъ съ непосредственными созданіями народа — пословицей и пѣсней. Онъ несравненно выше языка Пролога и Патерика, испорченныхъ въ значительной мѣрѣ „златословесными украшеніями“. Старообрядческія житія—перлъ простоты и наивной непосредственности. Не говоримъ объ Аввакумѣ, автобіографія котораго достаточно извѣстна. Вотъ инокъ Епифаній разсказываетъ, какъ рѣзали у него языкъ (во второй разъ): „Посреди всего народа пустозерскаго поставиша насъ, и Лазарю священнику изъ коренія языкъ отрѣзаша и руку по запястіе отсѣкоша; потомъ приступиша ко мнѣ грѣшному—палачъ съ ножомъ и клещами хощетъ гортань мою отворяти и языкъ мой рѣзати. Азъ же грѣшный тогда воздохнулъ отъ глубины сердца моего умиленно, зря на небо, рекохъ сице: Господи, помози! О, дивнаго и скораго услышанія свѣта нашего Христа Бога! Найде бо на мя тогда яко сонъ, и не слыхалъ, какъ палачъ языкъ мой вырѣзалъ, только вмалѣвмалѣ ощутилъ, яко во снѣ, что палачъ ми отрѣзалъ языкъ, а на Москвѣ, какъ первой языкъ мой палачъ отрѣзалъ, тогда яко лютая змія укусила, и всю утробу мою защемило, и до Вологды тогда у мене отъ тоя болѣзни кровь шла заднимъ проходомъ“... И нѣсколько строками ниже—единственное сѣтованіе, единая робкая жалоба Господу, соизволившему послать испытаніе: „Егда стану псаломъ говорить—„Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей“, и егда дойдетъ до сего мѣста—„возрадуется языкъ мой правдѣ Твоей“—тогда азъ многогрѣшный воздохну изъ глубины сердца моего, и слезишки иногда изъ глазишекъ появятся, и съ тѣми слезами погляжу умиленно на крестъ и на образъ Христовъ, и реку сице ко Господу: Господи, кому во мнѣ возрадоватися, у меня и языка нѣту, чѣмъ возрадуюся“!.. Намъ нелегко теперь проникнуть въ психологію этихъ удивительныхъ людей, „всекрѣпкихъ въ терпѣніи“, „преимужественныхъ въ страданіи“, шедшихъ въ огонь за двуперстіе и въ то же время, въ часы голода, выпрашивавшихъ у стражи „калачика, мало сухариковъ, ино яблочка или огурчика“. Но неугосимое пламя, зажигавшее въ нихъ жажду борьбы за свою правду и вѣру, преображавше простыя и порою робкія сердца въ твердѣйшій адамантъ, сохраняетъ и до нашихъ дней всю силу назидательной цѣнности. „Слыши, страшливый: начало евангельскаго подвига—мужество... И о семъ подобаетъ намъ безпрестанно поучатися, даже страхомъ не колеблемся“. Такъ писалъ Аввакумъ въ „Посланіи ко всѣмъ вѣрнымъ“ и, ободряя ихъ передъ грядущей перспективой гоненій и лишеній, „аще жену и дѣтей отымутъ“, увѣщевалъ безтрепетно принять и эти напасти: „У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божіею благодатію снабдѣваема, а я пою Богу моему, дондеже есмь“... Для читателя, интересующагося созданіями народнаго творчества, должны представить большой интересъ духовные раскольничьи стихи и псальмы, перепечатанные изъ рѣдкаго сборника старообрядческихъ стиховъ Т. С. Рождественскаго. Книга снабжена многочисленными иллюстраціями, въ числѣ которыхъ значительную долю занимаютъ снимки съ изображеній старинныхъ пытокъ. Отрывки изъ художественныхъ произведеній, разрабатывавшихъ раскольничьи темы далеко не равноцѣнны... („*Рус. Бог.*“ *1914—2*).

См. еще: „*Рѣчь*“. 1914—40; М. Инскій. „*Утро*“. 1914—2204.

331. Приселковъ, М. Д. 281.9:9(47)

Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. 1913. Спб. XV + 414 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Несмотря на спеціальную тему, книга имѣетъ интересъ для широкаго круга читателей. Авторъ пересматриваетъ старые источники, дѣлая изъ нихъ совершенно оригинальные выводы. Основная мысль книги та, что вопросъ о принятіи христіанства Русью дѣло не личной убѣжденности, а пріобщенія къ европейской культурѣ, затруднявшееся стремленіемъ установить іерархію безъ потери политической самостоятельности, для чего Владиміръ Св. и обращается въ Болгарію (а не въ Византію, какъ утверждаетъ традиціонное мнѣніе). Только съ потерей независимости послѣдней, въ Кіевѣ устанавливается греческая митрополія.

...Авторъ дѣлаетъ смѣлое предположеніе о попыткахъ получить іерархію съ запада (Ольга, Святополкъ). Очень рискованы толкованія объ епископѣ Іоаннѣ (патріархѣ болгарскомъ) и „словѣ о законѣ и благодати“, которому, желая во чтобы то ни стало подчеркнуть зависимость церкви отъ Болгаріи, придается черезчуръ символическій смыслъ (подъ „іудействомъ“ нужно подразумѣвать болгаръ?!). Наиболѣе обоснованной и убѣдительной является въ книгѣ исторія Кіево печерскаго монастыря. Чувствуется, что здѣсь центръ работы автора. Кіево-печерскій монастырь — самостоятельный отъ митрополіи устроитель на Руси уставнаго монашества, съ первыхъ же лѣтъ существованія сталъ оплотомъ національной борьбы противъ огречиванія русской церкви. Новымъ и чрезвычайно цѣннымъ является: указанія на церковную политику князей, которая мѣнялась въ зависимости отъ хода междукняжеской борьбы дома Ярослава, и внутренняя политика митрополіи. Но и тутъ есть гипотезы чрезвычайно смѣлыя — таково предположенія о превращеніи митрополита Иларіона

въ великаго Никона—игумена Кіево-печерскаго монастыря. Своеобразное изложеніе (авторъ разсчитываетъ только на читателя-спеціалиста) придаетъ книгѣ особую увлекательность, а пересмотръ такихъ старыхъ темъ вполнѣ своевременъ въ связи съ новыми разыскиваніями послѣднихъ лѣтъ. (*О. К. „Совр.“ 1914—3*).

[Трудъ П. несомнѣнно составляетъ очень замѣтное явленіе въ небогатой литературѣ о церковной жизни Кіевской Руси].

...Руководящею идеей этой книги является борьба византійскаго имперіализма съ національною туземною стихіею на почвѣ церковныхъ отношеній Кіевской Руси: въ ней авторъ видитъ основной мотивъ, проходящій чрезъ эти отношенія. „Идеалъ вселенскаго царства, постоянно подносившійся взорамъ византійскихъ политиковъ и вселявшій имъ вѣру въ лучшее будущее даже въ періоды тяжкихъ политическихъ паденій Имперіи, при безграничномъ презрѣніи Ромеевъ къ варварамъ, сводился въ итогѣ къ ограничиванію и порабощенію всѣхъ народовъ, входившихъ въ формахъ той или иной зависимости въ составъ Имперіи Новаго Рима. Отсюда—быстрое развитіе національнаго сознанія варварскихъ народовъ и ихъ упорная борьба съ Имперіей, приводившая при искусной дипломатической игрѣ византійской политики, умѣвшей мириться по необходимости съ существующимъ до первыхъ благопріятныхъ условій, и при извѣстной превратности судебъ Второго Рима—къ постоянной смѣнѣ формъ церковной и политической зависимости варваровъ отъ Имперіи. Русской церкви и державѣ пришлось испытать въ своей исторической жизни и эту борьбу съ Имперіей, и эту смѣну формъ зависимости, пришлось вытерпѣть на себѣ идеалъ вселенскаго царства, чтобы впослѣдствіи взять его въ свои руки и сдѣлать, какъ идеалъ Третьяго Рима, — политическимъ лозунгомъ не на одно поколѣніе“...

Авторъ далекъ отъ мысли, что выставленныя имъ соображенія окончательно рѣшаютъ поставленные вопросы. Онъ „не скрываетъ отъ себя, что многое въ предлагаемой работѣ окажется непріемлемымъ или неубѣдительнымъ“ высказывая свои предположенія, онъ часто подчеркиваетъ очень опредѣленно ихъ гипотетическій характеръ...

Не соглашаясь съ построеніями автора, съ его предположеніями, слишкомъ усиленно проводящими черезъ факты не только церковной, но и политической жизни Кіевской Руси его излюбленную идею, нельзя остаться равнодушнымъ къ самой этой настойчивости, къ внѣшней логичности построеній — и ко многимъ не только смѣлымъ, но и очень остроумнымъ и удачнымъ замѣчаніямъ и соображеніямъ, разбросаннымъ на протяженіи этой умно написанной книги. Можно пожалѣть, что на ряду съ болѣе важными вопросами, непосредственно связанными съ основною идеею книги, ея изложеніе—особенно во второй части — загромождается множествомъ мелкихъ вопросовъ, которымъ мѣсто не въ текстѣ, а подъ текстомъ (авторъ подъ текстомъ даетъ исключительно лишь заголовки цитируемой литературы); все же для сколько-нибудь внимательнаго читателя основныя линіи его построеній выступаютъ достаточно выпукло — и заставляютъ съ ними считаться, даже при наличности преувеличеній и необоснованностей во многихъ изъ этихъ выводовъ. Для меня, напр., несомнѣнно, что авторъ слишкомъ преувеличиваетъ то значеніе, какое чисто церковные, іерархическіе вопросы имѣли, по его мнѣнію, въ политикѣ кіевскаго правительства, въ отношеніяхъ къ Византіи, въ настроеніяхъ общества и его отношеніяхъ къ князьямъ. Та чрезвычайная чувствительность, съ которою авторъ заставляетъ это общество реагировать на эти іерархическіе вопросы уже съ самаго начала христіанизаціи Руси, просто невѣроятна. Я совершенно не могу допустить, чтобы неудача Ольги въ ея стараніяхъ получить независимую іерархію настолько скомпрометировала ея политику, что она должна была сложить правленіе вмѣстѣ со всею христіанскою партіею, стоявшею у власти еще съ 940-хъ гг или чтобы судьбы іерархіи при Владимирѣ такъ захватывали общество, что вызывали здѣсь „внутреннія осложненія“, и событія по его смерти намекали „на какой-то взрывъ негодованія“ на церковную политику Владимира. Странное впечатлѣніе производитъ въ изложеніи автора крайняя безпомощность и правительства и общества въ разрѣшеніи іерархическаго вопроса при такой чрезвычайной заинтересованности имъ, какую предполагаетъ у нихъ авторъ, съ другой стороны — чрезвычайная мелочность, неуступчивость и придирчивость, какую онъ приписываетъ кіевскимъ митрополичьимъ и константинопольскимъ церковнымъ и правительственнымъ кругамъ по отношенію къ національнымъ кіевскимъ стремленіямъ, и плохо она мирится съ искусною дипломатіею новаго Рима, о которой говоритъ авторъ. Мало вѣроятна такая напряженная вражда между кіевскою высшею іерархіею и мѣстнымъ правительствомъ, обществомъ, духовенствомъ, какая рисуется его построеніями на протяженіи цѣлыхъ столѣтій. Если бы такой интересъ къ іерархическимъ вопросамъ въ кіевскихъ кругахъ, какой предполагаетъ у нихъ авторъ, существовалъ дѣйствительно, то іерархическіе вопросы получили бы иное разрѣшеніе, и я думаю, что проф. Голубинскій, отрицавшій сколько-нибудь постоянный и напряженный интересъ къ вопросамъ іерархической независимости у кіевскаго правительства XI—XII вв., во многомъ былъ правъ. Въ частности охридская гипотеза [зависимость Кіевской церкви отъ Охриды] кажется мнѣ мало убѣдительной, и отождествленіе Иларіона съ Никономъ тоже не больше, какъ остроумная гипотеза. (*М. Грушевскій. „Гол. Мин.“ 1914—1*).

...На почвѣ, подготовленной и расчищенной „Разысканіями о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ“ академ. Шахматова, П. производитъ остроумный критическій пересмотръ старыхъ данныхъ, достигая этимъ пересмотромъ, нерѣдко съ блестящей убѣдительностью, совершенно новыхъ выводовъ и положеній. Иногда кажется, что новое создано авторомъ изъ ничего и обратится опять въ ничто, если оборвать тонкую нить его догадокъ и предположеній. Методъ автора—методъ „косвенныхъ уликъ“. Въ отдѣльности каждая такая улика, извлекаемая авторомъ изъ источниковъ, какъ будто ничего и не значитъ; но въ своей совокупности, цѣпляясь одна за другую, онѣ вырисовываютъ сложный узоръ человѣческихъ отношеній, строятъ цѣлое зданіе на мѣстѣ, прежде совершенно пустомъ..

...Книжка П., несомнѣнно, проливаетъ много свѣта на все еще во многомъ темную исторію кіевской культуры. Двѣ стороны изслѣдованія П. помогаютъ ему въ этомъ. Во-первыхъ, изслѣ-

дованіе касается прежде всего церковно-политической исторіи Кіевской Руси, и этимъ затрагиваются существенныя черты кіевской культуры, которую постигнуть безъ пониманія церковныхъ отношеній, конечно, нельзя. Во вторыхъ, Кіевская Русь не представляетъ для П. замкнутаго и отдѣленнаго отъ всего міра общества. Кіевская Русь авторомъ вдвигается въ рамки всего окружающаго культурнаго развитія, кіевское общество понимается на фонѣ Византіи и славянъ, Рима и латинства. Эта широкая точка зрѣнія благотворно отражается на всемъ изслѣдованіи П. (*Г. Вернадскій. „Рус. М." 1914—1*).

332. Пичета, В. И. 3:9](47) „16"

Юрій Крижаничъ. Экономик. и политическіе его взгляды.—„Культурно-Историч. Библ., подъ ред. Ист. Ком. Уч. Отд. О. Р. Т. Зн. Вып. 2-е. 1914. Спб., кн—во „Энергія". 126 стр. Ц. 90 к.

Выдающійся писатель, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, К.—хорватъ, пріѣхавшій въ Россію и посвятившій ей лучшіе годы жизни, претерпѣвшій долгіе годы ссылки въ Сибири, написавшій солиднѣйшій трудъ по исторіи внутренняго состоянія русскаго государства въ XVII вѣкѣ, оставался почти совершенно неизвѣстнымъ въ нашемъ отечествѣ въ теченіе 200 лѣтъ. Главное сочиненіе К. „Политичны Думы", написанное имъ въ Сибири приблизительно въ 1670 г., стало извѣстнымъ въ Россіи лишь въ 1859 г. Съ тѣхъ поръ хотя появился рядъ солидныхъ изслѣдованій по изученію „Пол. Думъ" К., всетаки имя его, а въ особени его литературная его дѣятельность остаются мало знакомыми широкимъ кругамъ русскаго образованнаго общества. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать книгу П. „Описанія русскаго государства,—говоритъ П.,—сдѣланное К., выгодно отличается, какъ отъ описаній Олеарія и другихъ иностранцевъ, такъ и отъ описанія русскаго Подьячаго-Котошихина". Въ краткомъ предисловіи П. удалось съ большой обстоятельностью познакомить читателя съ жизнью и дѣятельностью К., дать характеристику его главнаго труда и выяснить его философскіе, политическіе и экономическіе взгляды. Текстъ сочиненія К. (въ выдержкахъ) приводится въ подлинникѣ, т.-е. на томъ языкѣ, какимъ писали въ XVII вѣкѣ. Хотя онъ и снабженъ пояснительными примѣчаніями, но и съ ними книга читается довольно трудно. (*„Вѣст. Евр." 1914—3*).

...Отборъ [отрывковъ] произведенъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, хотя, конечно, при всякомъ частичномъ отборѣ неизбѣженъ извѣстный субъективизмъ... (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1913—260*).

См. еще: К. Сивковъ. „*Вѣст. Евр.*" 1913—9; „*Рус. М*" 1914—2; М. Михайловъ. „*Нов. Жз.*" 1913—12; В. „*Гол. Москвы*" 1913—288.

333. Эльмановичъ, С. Д. 34(3)(54)

Законы Ману. Пер. съ санскрит. 1913. Спб., „Труды о-ва Рус. оріенталистовъ. № 1". VII+285+VII стр. Ц. 2 р. 25 к.

Переводъ законовъ Ману нужно привѣтствовать съ двухъ точекъ зрѣнія, какъ вкладъ въ русскую литературу по индологіи и вкладъ въ сравнительное правовѣдѣніе.

...Законы Ману, кодексъ, выработанный на основахъ брахманизма, много разъ перерабатывался, пока получилъ видъ, извѣстный намъ нынѣ. Носа названіе Mânavadharmaçâstra (книга законовъ Ману), этотъ кодексъ содержитъ не одинъ только правовыя нормы. Dharma у индусовъ имѣло широкое значеніе: право, справедливость, добродѣтель, нравственное достоинство, благочестіе, долгъ, законъ. Поэтому въ кодексъ включалось jus divinum и jus humanum, религія, нравственность и право. Индусъ привыкъ на человѣческую жизнь (смотрѣть сквозь призму религіозныхъ возрѣній. Законы Ману имѣли и теперь отчасти имѣютъ большое практическое примѣненіе. Поэтому изученіе ихъ какъ современной Индіи вызывается необходимостью, въ Европѣ—научнымъ интересомъ. Манъ былъ однимъ изъ учевыхъ, въ широкихъ размѣрахъ примѣнявшихъ знанія индусскаго права къ объясненію европейскихъ правовыхъ явленій. Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ:

... Индія—„великое хранилище явленій древняго обычая и древней юридической мысли". Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ. Спб. 1874.) Вотъ формула ея значенія для науки.

Законы Ману—одинъ изъ самыхъ полныхъ сборниковъ индусскаго обычая. Отсюда его важность. Къ этому можно прибавить еще слѣдующее. Вся индійская жизнь пропитана постановленіями Мэну: ихъ цитируютъ авторы литературныхъ произведеній, о нихъ упоминаютъ на сценѣ герои драмъ. Индія—страна консервативная, страна традицій par excellense. У индусовъ сохранилось многое, способное пролить свѣтъ на учрежденія и обычаи ихъ европейскихъ сородичей, освѣтить праиндоевропейскія и европейскую правовую древность. Переводъ своему Э. предпослалъ статью К. Кельнера „Объ индійской семьѣ языковъ". Вѣдь ли эта статейка можетъ „дать русскому читателю возможность немного ориентироваться въ исторіи богатой индійской литературы"...

Что касается подбора примѣчаній, то онъ сдѣланъ очень удачно и дѣйствительно даетъ возможность разобраться въ массѣ индусскихъ терминовъ и проч. (*Д. Бляумфельдъ. "Изв. Одес. Библ. О-ва" 1913—7*).

Законы Ману, по преданію индусовъ, даны родоначальникомъ арійской расы, Ману, великимъ мудрецамъ древности, руководителямъ индусовъ. Кодексъ включаетъ въ себѣ все.— Онъ начинается съ космогоніи, опредѣляетъ всѣ стадіи человѣческой жизни, обряды, обязанности всѣхъ возрастовъ и всѣхъ кастъ въ различныхъ случаяхъ жизни, поведеніе ихъ во время мира и войны, путешествія и т. п., наказаніе за нарушеніи божественныхъ и человѣческихъ законовъ, гражданскихъ, уголовныхъ, апитеміи, условія переселенія душъ и т. д. При чтеніи этой книги необыкновенно ясно вырисовывается, что слово, которое сказалъ Индуизмъ, какъ религія—это Законъ. Особенно интересны, послѣ Космогоніи, главы, посвященныя ученію, отношенію ученика къ учителю, посвященію, обязанностямъ домохозяина и наконецъ, отшельничеству, послѣ завершенія земныхъ обязанностей, на старости лѣтъ. Обращаютъ также на себя вниманіе нравственныя предписанія, невольно напрашивается параллель съ таковыми же изъ книгъ Библіи,

какъ, впрочемъ и бытовыхъ и общественныхъ обязанностей...

См. еще: „*Вѣст. Евр.*“ 1913—10; Б. Г—въ. „*Ист. Вѣст.*“ 1914—2.

334/6. Функсъ, Э. 39:17](09)(4).

Иллюстрированная исторія нравовъ. Перс. съ нѣм. В. М. Фриче. Т. I. Ревессансъ. Т. II. Галантный вѣкъ. Т. III. Буржуазный вѣкъ. 1913—14. М., кн—во „Совѣрм. Проблемы“. 396+346+348 стр. Съ иллюстр. Ц. 6 р. кажд. томъ.

Книга извѣстнаго нѣмецкаго историка нравовъ и карикатуры представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Это приходится оговаривать съ самаго начала, потому что при бѣломъ просмотрѣ большіе тома Ф. кажутся скорѣе альбомомъ веселыхъ и непристойныхъ изображеній. Русскій издатель рѣшилъ достигнуть дешевизны, и рисунки, за малыми исключеніями, крайне неудовлетворительны по исполненію. Сколько-нибудь удались лишь штриховые снимки съ гравюръ... Между тѣмъ по плану автора рисунки должны были играть очень солидную роль. Знатокъ гравюры и карикатуры, онъ умѣлъ сдѣлать великолѣпный подборъ. Для читателя русскаго изданія все это въ значительной мѣрѣ пропало. Остается текстъ. Онъ и безъ рисунковъ достаточно оправдываетъ появленіе перевода книги Ф...

Ф. обнаружилъ не только работоспособность, которая помогла ему подобрать факты, но и много умѣнія ихъ комбинировать, и большой вкусъ. Его цѣль была научной цѣлью и, хотя совершенно несомнѣнно, что книгу его будутъ читать также и любители спеціфической литературы, приходится сказать, что цѣль, поставленная авторомъ, достигнута. Исторію нравовъ можно обрабатывать очень различно. Изъ нея можно сдѣлать собраніе веселыхъ анекдотовъ; ее можно превратить въ подсобный иллюстративный матеріалъ къ общей исторіи, ее можно трактовать и какъ самостоятельную область изученія. Ф. выбралъ послѣдній способъ и, конечно, поступилъ правильно. Для него исторія нравовъ за XIV—XVIII вѣка представляетъ собою вполнѣ закономѣрный процессъ, обусловленный очень опредѣленными причинами. Исторія нравовъ—это внѣшняя эволюція быта, отражающая болѣе глубокую эволюцію соціально-экономическихъ отношеній. Отдѣльныя проявленія жизни пола, бытовыя детали, которыми эта жизнь сопровождается,—все это находится въ тѣсной зависимости отъ основного тонуса соціально-экономическихъ отношеній. Это свое положеніе Ф. доказалъ. Именно потому, что ему удалось доказать его, данныя, имъ собранныя, не пріобрѣтаютъ характера бунта случайно надергавшихъ отовсюду фактовъ, а въ цѣломъ даютъ стройную картину. Такова научная цѣнность этой книги, на видъ столь легкомысленной. Ее не только легко читать (въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить очень хорошаго русскаго перевода): изъ нея можно черпать матеріалъ для научныхъ конструкцій. (*А. Дживелегова. „Гол. Мин.“ 1913—7*).

...Ф. повидимому, серьезно убѣжденъ въ томъ, что его книга есть соціологическое изслѣдованіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ тутъ большое собраніе фактовъ, анекдотовъ и бытовыхъ курьезовъ, относящихся, впрочемъ, не къ исторіи нравовъ, какъ могъ бы подумать читатель, судя по заглавію, но почти исключительно къ „сексуальной проблемѣ“, къ исторіи половыхъ отношеній. Эта груда анекдотовъ сдабривается, правда, экскурсами автора въ область экономической интерпретаціи историческаго процесса, но эти экскурсы пристегнуты рѣшительно безъ всякаго основанія къ фактическому матеріалу, наполняющему книгу. Иногда даже кажется, будто авторъ вышелъ безвинную народію на экономическій матеріализмъ. И все это соединяется съ наивнѣйшими окриками по адресу другихъ попытокъ объясненія тѣхъ фактовъ, которые Ф. думаетъ, будто понимаетъ: все что говорятъ другіе, для него „чушь“, „вздоръ“: этими терминами онъ и пользуется. Конечно, матеріалистическая концепція не виновна въ этихъ открытыхъ нападкахъ Ф.: услужливый сторонникъ можетъ иной разъ для всякой теоріи оказаться опаснѣе врага. Что Ф. въ исторіи вообще дилетантъ, это явствуетъ не только изъ его смѣшныхъ претензій и курьезнѣйшаго обращенія съ теоріей, съ которой онъ, на свою бѣду, ознакомился: самое расположеніе матеріала свидѣтельствуетъ о томъ же. Онъ путаетъ свой матеріалъ, перескакиваетъ отъ одного сюжета къ другому, безъ конца и утомительно повторяется. Образцовъ грубаго невѣжества можно было бы привести нѣсколько.

Обо всемъ этомъ нужно пожалѣть. Самые матеріалы, собранные Ф., хоть и односторонни, но весьма обильны; иллюстраціи, украшающія книгу, хорошо подобраны (и превосходно воспроизведены въ русскомъ изданіи). Будь всѣ эти матеріалы въ рукахъ настоящаго ученаго, получилась бы серьезная и полезная книга... (*„Рус. Вог.“ 1913—12*).

См. еще: А. М-нъ. *„Ист. Вѣст.“* 1914—2 (Передается содержаніе 2-го тома, оцѣнивается книга и русское ея изданіе); А. Дживелеговъ. *„Рус. Вѣд.“* 1914—29; *„Рус. М.“* 1914—2.

337. Львовъ, Г. кн. и Полнеръ, Т. 352(09)(47)

Наше земство и 50 лѣтъ его работы. 1914. М., изд. „Задруга“. 61 стр. Ц. 20 к.

...Въ небольшомъ объемѣ книги... дается болѣе или обстоятельно, ясно и просто изложенный матеріалъ по исторіи возникновенія и дѣятельности земскихъ учрежденій. Въ первыхъ двухъ главахъ разсказывается про подготовленіе и изданіе земскаго положенія 1 янв. 1864 г., освѣщаются условія, при которыхъ разрабатывался новый законъ, явившійся логическимъ и необходимымъ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Очень живо излагаются основы земской реформы, ея коренная ломка въ 1890 г. и создавшіяся условія земской работы. Третья глава посвящена земскимъ финансамъ, распредѣленію доходовъ и расходовъ, оцѣнкѣ и обложенію имущества, натуральнымъ повинностямъ въ земскихъ учрежденіяхъ и соотношенію земскихъ и государственныхъ налоговъ. Въ четвертой, наиболѣе обширной главѣ, описывается развитіе земскаго хозяйства за 50 лѣтъ. Здѣсь отмѣчены главнѣйшія отрасли земской работы—народное образованіе, лѣчебная часть, борьба съ эпидеміями, экономическія мѣропріятія, продовольственная

часть, страховое дѣло, дорожныя мѣропріятія, общественное призрѣніе.

Въ изложеніи указаны основанія, на которыхъ развивалось земское попеченіе о нуждахъ населенія, принципы организаціи и достигнутые за полувѣковой періодъ результаты. Въ концѣ книжки приложены двѣ діаграммы распредѣленія земскихъ расходовъ въ началѣ дѣятельности земскихъ учрежденій въ 1868 г. и черезъ 44 года въ 1912 г.

Сравненіе этихъ двухъ интересныхъ изображеній приводитъ къ весьма поучительнымъ выводамъ, наглядно рисующимъ все громадное значеніе земскихъ учрежденій въ культурнохозяйственной жизни Россіи.

Книжка можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для ознакомленія населенія съ земской дѣятельностью. Ее можно горячо рекомендовать земскимъ учрежденіямъ для широкаго распространенія въ деревнѣ; она же можетъ считаться вполнѣ подходящей и для учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, которымъ было бы весьма цѣлесообразно познакомиться въ краткихъ чертахъ съ исторіей и развитіемъ дѣятельности русскаго земства. (*А. Шингаревъ. „Рѣчь“. 1914—74*).

...Составителямъ удалась очень трудная задача—достигнуть изложенія простого безъ всякой поддѣлки подъ народный языкъ, сжатаго безъ ущерба для существа вопроса. ...Книжка написана безъ тенденціи и преувеличеній, но во всемъ изложеніи чувствуется, что авторы говорятъ о хорошо знакомомъ имъ и дорогомъ дѣлѣ. Для ознакомленія крестьянскаго населенія съ тѣмъ, что сдѣлало земство, это—лучшая книжка, и нельзя не пожелать ей самаго широкаго распространенія. (*Николай Львовъ. „Рус. Вѣд.“. 1914—53*).

См. еще: „*Совр. Сл.*“ 1914—2193; П-чъ. „*Утро*“. 1914—2229; „*Новь*“. 1914—40.

338. Лебедевъ, П. Н. 53(081)

Собраніе сочиненій. I. Научныя работы. II. Популярныя статьи и рѣчи. 1913. М., изд. Моск. Физич. О—ва им. П. Н. Лебедева. 4°. XXIII + 415 стр. Съ портр., табл. чертеж. и рис. Ц. 5 р.

...Въ первой части собраны прежде всего тѣ блестящія изслѣдованія, тѣ неподражаемые образцы экспериментальнаго искусства, которые доставили Л. заслуженную славу изслѣдователя, „владѣвшаго искусствомъ экспериментированія въ такой мѣрѣ, какъ едва ли кто другой въ наше время“ (Винъ). Изслѣдованія эти, какъ извѣстно, отличались тѣмъ, что касались вопросовъ, по своимъ трудностямъ признававшихся неразрѣшимыми. Другой изъ особенностей самыхъ извѣстныхъ приборовъ Л. были ихъ миніатюрные размѣры. Таковы были приборы, при помощи которыхъ онъ доказалъ существованіе Герцевскихъ волнъ, по своимъ размѣрамъ уже приприближавшихся къ свѣтовымъ. Полный наборъ этихъ приборовъ помѣщался въ карманѣ сюртука, и Л. разъѣзжалъ съ нимъ по Европѣ, приводя въ восторгъ своихъ коллегъ. Таковы же были приборы, при помощи которыхъ онъ произвелъ свои классическіе опыты надъ свѣтовымъ давленіемъ. Большая часть этихъ историческихъ приборовъ могла быть сфотографирована въ натуральную величину. Наоборотъ, изображеніе его лабораторной обстановки показываетъ, что иногда по свойству задачи ему не приходилось отступать отъ приборовъ почти колоссальныхъ размѣровъ. Автографъ цѣлой страницы изъ знакомой всѣмъ его знавшимъ громадной конторской книги, въ которой онъ въ теченіе всей своей жизни велъ запись всѣмъ своимъ проектамъ работъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, даетъ возможность заглянуть, такъ сказать, въ самый процессъ его творчества. Кромѣ его главныхъ работъ собраны и описанія другихъ его не менѣе извѣстныхъ изобрѣтеній: термоэлемента въ безвоздушномъ пространствѣ, фонометра, спектографа и др. Какъ образецъ его научной критики, въ которой онъ былъ такъ же силенъ, какъ и въ научномъ творчествѣ, приведена его извѣстная статья „О кажущейся дисперсіи свѣта въ пространствѣ“, которая кромѣ блестящаго категорическаго опроверженія выводовъ... астронома Тихова указываетъ на новые горизонты, по мнѣнію критика, раскрывающіеся передъ современной астрономіей. Весь отдѣлъ заключаетъ 15 статей.

Второй отдѣлъ относится къ области дѣятельности, къ которой никогда особенно не влекло молодого ученаго, сознававшаго въ себѣ способность къ болѣе плодотворному труду и какъ бы предчувствовавшаго, что ему нужно экономить своимъ временемъ...

Популяризація, т.-е. приспособленіе своихъ и чужихъ мыслей къ пониманію широкихъ круговъ слушателей и читателей, представлялась ему временемъ, отнятымъ у творческой дѣятельности ученаго. Но это не мѣшало ему обнаружить и въ этой области присущую ему талантливость. И этотъ отдѣлъ заключаетъ немало оригинальнаго и научноцѣннаго. Стоитъ остановиться на... колоссальномъ... спектрѣ,—„Скалѣ электромагнитныхъ волнъ“, въ которую видимый свѣтовой спектръ входитъ только ничтожной составной частью, а волны, которымъ по справедливости слѣдовало бы присвоить названіе лебедевскихъ, являются общимъ связующимъ звеномъ. Наконецъ, полны значенія отзывы Лебедева о физикахъ: Кундтѣ, Столѣтовѣ и Ломоносовѣ... Какъ бы предчувствуя свою собственную участь, Л. пишетъ: „Измученный, умирающій Ломоносовъ не переставалъ болѣть душой о судьбахъ русской науки, не переставалъ бояться и за будущее, и русская дѣйствительность показала, что его опасенія были не напрасны: произошло то, что было бы чудовищнымъ, невѣроятнымъ на Западѣ“... И дѣйствительно, вся исторія физики въ Россіи, сводящаяся къ этимъ тремъ именамъ—Ломоносовъ, Столѣтовъ и Лебедевъ,—не одинъ ли это сплошной мартирологъ русскихъ физиковъ!

Интересно составленная проф. Лазаревымъ біографія Л. напоминаетъ основныя черты этой жизни, замѣчательной по своей цѣлостности и необычайной выдержкѣ. Еще 16-лѣтнимъ юношей на вопросъ: „Какое призваніе всего болѣе влечетъ его къ себѣ?“, онъ отвѣчаетъ: „Призваніе изобрѣтателя или ученаго, дѣлающаго открытія“, и упорно идетъ къ своей цѣли, пока не завоевываетъ себѣ мѣсто въ первомъ ряду міровыхъ ученыхъ. Молодой, жизнерадостный, блестящій, богатый, съ открытыми передъ нимъ соблазнами веселой, праздной жизни, онъ избираетъ себѣ путь тяжелаго личнаго труда (вспомнимъ десятилѣтніе упорные труды надъ разрѣ-

шеніемъ одной задачи) и не сходятъ съ него, пока ему не измѣняютъ физическія силы. Рядъ превосходныхъ портретовъ позволяетъ намъ слѣдить за самымъ, быть можетъ, любопытнымъ явленіемъ, доступнымъ изученію,—за постепеннымъ развитіемъ талантливой личности... И психологъ, эстетикъ задумается надъ этимъ человѣческимъ документомъ, надъ этой наглядной исторіей развитія человѣка, вспоминаются бюсты Марка Аврелія въ Капитолійскомъ музеѣ. Отъ углый, ничего не говорящія черты ребенка, переходящія въ тяжеловатыя черты отрока и юноши, въ, пожалуй, и красивыя, но не безъ оттѣнка фатоватости черты молодого человѣка, пока, наконецъ, внутренній огонь мысли утончаетъ и и просвѣтляетъ ихъ, отмѣчая той гармоніей внѣшней и внутренней красоты, которой мы любуемся на его двухъ извѣстныхъ послѣднихъ портретахъ... Издатели... сдѣлали все,... чтобы сохранить намъ возможно живой, обаятельный образъ ученаго, успѣвшаго проявить въ краткій періодъ своей кипучей дѣятельности... на что дѣйствительно способенъ нашъ національный геній... (*К. Тимирязевъ. „Рус. Вѣд." 1913—295*).

...Изъ собранія [сочиненій] исключено лишь незначительное количество статей и рецензій, имѣвшихъ исключительно временный интересъ. ...Излишне указывать на глубокій научный интересъ, который представляетъ собою это собраніе трудовъ крупнѣйшаго русскаго физика нашихъ дней.

...Чувства благоговѣйнаго почтенія къ памяти почившаго ученаго побудили издателей придать книгѣ не только изящную, но даже роскошную внѣшность, совершенно исключительную въ области русской научной литературы. ...Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія и признательности долженъ встрѣтить эту книгу всякій, кому дорога русская наука. (*Редакція. „Физика". 1913—3*).

339. Купферъ, Э. Ю., инж.-архит. 69(02)

Жилой домъ. Руковод. для проектированія и возведенія современныхъ жилищъ. 1914. Спб., изд. т—ва М. О. Вольфъ. VII—445 стр. Съ чертеж. и иллюстр. Ц. 5 р. 50 к.

...Трудъ этотъ, сравнительно скроменъ по размѣрамъ, очень цѣненъ.

...Планъ... руководства раціоналенъ и послѣдователенъ. Авторъ начинаетъ съ историческаго развитія жилого дома и переходитъ къ общимъ и спеціальнымъ требованіямъ, какъ собственно къ застройкѣ владѣній, такъ и къ объемамъ жилищъ, ихъ вентиляціи, отопленію и т. д. Переходя къ разнымъ категоріямъ жилья, авторъ прилагаетъ большое количество образцовъ доходныхъ домовъ и особняковъ, при чемъ главное вниманіе сосредоточиваетъ на цѣлесообразности помѣщеній и ихъ характерныхъ чертахъ, на свойствахъ мѣстности, на величинѣ квартиръ въ соотвѣтствіи съ наемной платой, на типахъ застройки городскихъ участковъ, на зависимости разстоянія домовъ отъ ихъ высоты, на домахъ—близнецахъ и на др. условіяхъ строительнаго законодательства. Не обойденъ здѣсь и острый вопросъ о квартирной нуждѣ... Очень детально разработаны, сопутствуемыя многочисленными чертежами, статьи объ односемейныхъ домахъ для рабочихъ, для двухъ и многихъ рабочихъ семействъ, двойные дома-близнецы и дома съ большимъ числомъ дешевыхъ квартиръ. Очень современнымъ слѣдуетъ признать ознакомленіе большой публики съ планировкой городовъ—садовъ... Всѣ эти жгучіе вопросы авторъ разрабатываетъ хотя и кратко, но съ большимъ знаніемъ. (*Академикъ Ф. Шехтель. „Рус. Вѣд." 1914—47*).

Замѣчательно полезное изданіе для каждаго желающаго сознательно отнестись къ вопросу о художественной и цѣлесообразной постройкѣ жилища и его внутренняго устройства. Авторъ при составленіи своего руководства главнымъ образомъ пользовался нѣмецкими и англійскими источниками. Въ виду того, что природныя и культурныя условія, а также весь укладъ жизни на западѣ Европы, а отчасти и употребляемый тамъ строительный матеріалъ, кладущій особенный оттѣнокъ на постройки, не подходятъ къ условіямъ жизни въ Россіи, авторъ всегда выбираетъ только то, что примѣнимо въ томъ или другомъ видѣ къ своеобразнымъ условіямъ русской жизни. Большинство образцовъ жилого дома взято изъ отечественнаго зодчества, при чемъ особенное вниманіе обращено на деревянныя сооруженія. Авторъ удачно придалъ своему сочиненію достаточно популярный характеръ. ...Всѣ отдѣлы снабжены многими типичными иллюстраціями, при чемъ для болѣе полнаго представленія каждой постройки или отдѣльныхъ помѣщеній наравнѣ съ ихъ планомъ приведенъ внѣшній или внутренній видъ, а весьма часто еще разрѣзъ и нѣкоторыя детали; вездѣ данъ размѣръ... (*Энк. „У. Рос." 1914—44*).

340/1. [. . . . . 78(059)

„Музыкальный альманахъ" и „Музыкальный справочникъ". Редакція Г. Ангертъ и Е. Шоръ. 1914. М., изд. „Бетховенской Студіи". 200+264 стр. Ц. за обѣ книги 1 р. 75 к.

„Музыкальный альманахъ" состоитъ изъ двухъ частей: въ первой — рядъ статей по музыкально-эстетическимъ вопросамъ: эта часть наиболѣе интересна и наиболѣе цѣнна. Я бы упрекнулъ редакторовъ въ нѣкоторомъ чрезмѣрномъ эклектизмѣ воззрѣній, или слишкомъ большой, можетъ быть, вѣротерпимости по эстетическимъ вопросамъ. Въ альманахѣ помѣщено много статей, но далеко не всѣ онѣ „унисонно" настроены и даже—напротивъ—многія противорѣчатъ другъ другу по мыслямъ и по исходнымъ пунктамъ. Среди отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ, отмѣчу превосходную статью Б. Шлецера „о музыкальныхъ формахъ". Въ ней рядъ глубокихъ и цѣнныхъ мыслей, рядъ интереснѣйшихъ заключеній о природѣ и принципахъ музыкальной архитектоники. Статья Ланца—„Философія музыки", несмотря на большіе размѣры—поверхностна: въ ней больше общихъ фразъ и мыслей, чѣмъ цѣннаго матеріала.

...Рядъ интересныхъ и, можетъ быть, достойныхъ вниманія мыслей выраженъ въ статьѣ Е. Шора—„Концертъ", но къ сожалѣнію затѣйливость изложенія увлекла автора въ область зыбкую и неустойчивую. Слишкомъ „фигурный" способъ изложенія часто затемняетъ очень простыя мысли автора до состоянія полной непонятности и дѣлаетъ невозможной для воспріятія его эстетическую теорію „экстатическаго эстетизма"—теорію въ сущности не новую и уже довольно обоснованную.

Изъ другихъ статей отмѣтимъ интересное изложеніе г. Виттомъ закона объ авторскомъ правѣ — статья крайне полезная въ настоящій моментъ; статьи Д. Шора и Э. Розенова по педагогическимъ вопросамъ — очень серьезныя и дѣльныя, и слабую, сентиментальную ненужную статью Шмидера „Нашъ Чайковскій"... (*Л. Сабанѣевъ. „Моск. Газ." 1914—30*).

...Вторая часть — музыкальный справочникъ — составлена довольно тщательно, хотя не избѣжала неточностей, впрочемъ, мелкаго свойства, неизбѣжныхъ въ такомъ изданіи, особенно въ первый годъ существованія. Справочникъ очень полонъ: въ немъ можно найти всѣ свѣдѣнія, необходимыя для музыканта. Несомнѣнно, что онъ съ успѣхомъ можетъ служить настольной книгой у всякаго лица, прикосновеннаго къ музыкѣ, и эту функцію исполнитъ лучше, чѣмъ всѣ существующія подобныя изданія... (*Л. С. „Гол. Москвы". 1914—44*).

...Предисловія редакторовъ изданія... весьма широковѣщательны какъ по части „знаменій музыкальной культуры", запечатлѣнныхъ „Справочникомъ", такъ и по части „маяковъ, планирующихъ мыслью", впервые будто бы возжигаемыхъ „Альманахомъ" въ „ночи безмолвія", окутавшей „русскую музыкальную жизнь (!". Но что говоритъ дѣло? „Лѣтопись — какая-то окрошка, составленная по иностраннымъ давнымъ безъ всякой провѣрки и руководящей идеи. Здѣсь вы можете найти даты жизни и произведеній третьестепенныхъ иностранныхъ композиторовъ, а когда родились или умерли какіе-нибудь Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ, Чайковскій или Сѣровъ, такъ и не найдете.

...Да и иностранныя даты часто крайне подозрительны.

...О такой же поверхности и отсутствіи самостоятельной критической мысли говоритъ и слѣдующій далѣе „Музыкальный библіографическій указатель". [Указываются важные пропуски и недочеты].

Но всего болѣе поражаетъ nonchalance редакторовъ въ каталогахъ „Примѣрныхъ библіотекъ по музыкальному образованію"... [Даются примѣры неосторожной рекомендаціи книгъ]

...„Альманахъ" удался больше „Справочника". Но—увы! — статья редакторовъ и здѣсь самая слабая.

Е. Шоръ въ своей статьѣ „Концертъ" („догматы экстетическаго эстетизма"!) вѣщаетъ иногда красиво, но всегда крикливо, quasi въ экстазѣ, рѣшительно обо всемъ въ мірѣ; получается впечатлѣніе, что послѣ этой статьи въ авторѣ хоть паромъ покати: все вывалено въ „концертъ". [Приведена выдержка изъ книги, какъ рисуется Ш. идеалъ концерты]...

Ангерръ въ своей статьѣ „О воспріятіи музыкально-прекраснаго" являетъ полную противоположность своему товарищу по редакціи. Онъ простъ и наивенъ до умилительности. Всѣ объективныя мѣрила прекраснаго въ музыкѣ А. отвергаетъ, оставляя лишь „непосредственный захватъ". Но кто же не знаетъ, что одно и то же произведеніе разъ можетъ захватить васъ, другой разъ нѣтъ! И не слишкомъ ли „просто" мѣриломъ великаго и прекраснаго дѣлать исключительно впечатлѣніе момента, зависящее отъ тысячи случайныхъ причинъ, до зубной боли и винныхъ паровъ включительно!?

Интересны статьи Ланца и Б. Шлецера. Оба исходятъ изъ шопенгауэрскаго взгляда на музыку какъ на чистую объективацію міровой воли. Но Шлецеръ понимаетъ эту объективацію скорѣе психологически: музыка для него — непосредственное воплощеніе нашихъ „волевій", т.-е. динамики нашего духа.

Композиторъ реально переживаетъ рядъ душевныхъ состояній, элементы которыхъ (ABCDE), находятъ себѣ выраженіе въ элементахъ музыкальной формы (abcde), но порядокъ и интенсивность этихъ музыкальныхъ элементовъ иные: никогда не abcde (т.-е. никогда не соотвѣтственный реальнымъ переживаніямъ), но abcabdea, или abcdeabc, или abcdea и т. д.,—словомъ, всегда съ возвращеніемъ тѣхъ или иныхъ элементовъ. Почти всегда при этомъ вставляются и новые музыкальные элементы prst, которымъ соотвѣтствующихъ не было въ реальномъ переживаніи, и, наоборотъ, выбрасываются элементы переживанія KLM, не нашедшіе отраженія въ музыкѣ. Этотъ круговой законъ возвращеній (повторенія) и является основнымъ началомъ созданія музыкальной формы, смыслъ которой—вырвать жизнь человѣческихъ хотѣній изъ реально-неразрывной связи съ живыми хотѣніями предшествующихъ и послѣдующихъ, дать ей самодовлѣющее, самоцѣльное, музыкальное выраженіе и такимъ образомъ перенести ее въ міръ „трансреальности", сдѣлать объектомъ эстетическаго созерцанія. Созерцаніе это вызываетъ въ слушателѣ рядъ отраженныхъ душевныхъ переживаній ($A_1B_1C_1D_1E_1$), но уже не реальныхъ, а „трансреальныхъ", эстетическихъ. Самая музыка, какъ таковая, при такой точкѣ зрѣнія играетъ лишь ничтожную посредствующую роль трансформатора, ибо „предметомъ эстетическаго созерцанія при воспріятіи музыки являются не самый звуковой рядъ, но возсозданная жизнь нашихъ хотѣній".

Изъ ряда напрашивающихся возраженій противъ этой, по существу не новой, но по новому интересно разработанной Ш. и частью пріемлемой теоріи, приведу только два—три. Врядъ ли можно назвать „жизнь хотѣній" композитора реальной въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ Ш. Всякое переживаніе должно осѣсть, отсѣсть, чтобы кристаллизоваться въ звукахъ. Съ другой стороны, вовсе не нужно на самомъ дѣлѣ убить Ѳедора Карамазова, чтобы до осязаемости ярко возсоздать многолюдную жуть этого убійства,—надо только обладать чудесной отзывчивостью пушкинскаго „эха", да геніемъ духовной идентификаціи. А при такихъ условіяхъ переживанія художника-творца сплошь-рядомъ окажутся, пожалуй, гораздо ближе къ „трансреальному", чѣмъ къ реальному. Важно было бы параллельно освѣтить и значеніе художника-исполнителя, совсѣмъ не затронутое у Ш.

Несомнѣнной для врожденнаго музыканта мнѣ кажется ошибка Ш., не признающаго за звуковой формой, какъ таковой, никакого самостоятельнаго значенія. Это—такъ же односторонне, какъ односторонне и противоположное утвержденіе (Ганслика),—будто все содержаніе музыки исчерпывается ея звуковой формой.

Наконецъ, еще замѣчаніе. Музыка,—говоритъ Ш.,— воплощеніе динамики человѣческихъ хотѣній. Но динамика — вѣчное движеніе, движеніе же, стремленію, соотвѣтствуетъ природа вмѣнно диссонанса, а не консонанса. Поэтому жизнь человѣческаго духа можетъ найти себѣ подлинное

музыкальное выраженіе только въ диссонансѣ. Всѣ же консонансы, каденціи и т. п., суть только условные пріемы формальнаго разграниченія (тѣ искусственно втиснутые элементы p,r,s,t, которымъ въ переживаніяхъ совсѣмъ нѣтъ соотвѣтствія); нужда въ нихъ все уменьшается съ развитіемъ искусства звуковъ и они становятся, наконецъ, лишними. Возразить на это можно сначала исторически. Неужели цѣлые вѣка (средніе), когда примѣнялись исключительно консонирующія сочетанія, такъ и довольствовались одними „условными элементами" (prst), даже не понюхавъ подлинно музыкальныхъ прелестей „трансреальныхъ элементовъ" abcd? Второе возраженіе — „гармоническое". Всякое консонирующее сочетаніе (кромѣ тоники, и то не всегда) въ конкретныхъ условіяхъ тональности обладаетъ въ большой или меньшей степени характеромъ стремленія впередъ, „динамической" силой, а стало-быть, можетъ исполнять функціи диссонанса. Ц, напримѣръ, третье возраженіе, съ эстетической точки зрѣнія самого Ш., который, совершенно правъ, утверждая, что жизнь духа можетъ явиться объектомъ эстетическаго созерцанія лишь въ томъ случаѣ, если, разорвавъ формы реальнаго бытія, воплотится въ новыя самодовлѣющіе-цѣльныя формы бытія эстетическаго. И вотъ, въ этомъ процессѣ самозавершенія звуковой формы консонансу, какъ могучему средству разграниченія, всегда принадлежало и, конечно будетъ принадлежать огромное значеніе. Разумѣется, и самое понятіе о консонансѣ исторически эволюціонируетъ, но это уже иное дѣло. Въ „Альманахѣ" имѣются еще статьи, (но онѣ) далеко не равноцѣнны; особеннаго вниманія заслуживаютъ „Проблемы преподаванія искусства" Шёнберга.

Во всякомъ случаѣ, починъ, „Ветховенск. студія" можно только привѣтствовать... Надо только подходить къ этому дѣлу съ большимъ сознаніемъ долга, съ большей подготовкой. (*Ю. Энгель. „Рус. Вѣд." 1914—65*).

342. Шульговскій, Н. Н. 8.08

Теорія и практика поэтическаго творчества. Техническія начала стихосложенія. 1914. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. XXIV + 522 стр. Ц. 3 р.

Въ каждомъ искусствѣ имѣется техническая сторона, для усвоенія которой не достаточно никакого врожденнаго таланта, а требуется внимательное и трудолюбивое изученіе. Между тѣмъ какъ въ распоряженіи художниковъ и композиторовъ имѣются школы и академіи живописи, консерваторіи и разнообразнѣйшіе учебники,— поэзы у насъ до сихъ поръ обречены быть самоучками. Каждому изъ нихъ предоставляется вновь, своими силами, находить тѣ законы русскаго стиха, которые уже найдены его предшественниками. Съ другой стороны, стихъ, какъ всякое явленіе, несомнѣнно подлежитъ научному изученію. Наука не должна проходить мимо стиха, не попытавшись выяснить его основные законы, и его историческую эволюцію. Все это въ Россіи находится еще въ зачаткѣ. Лучшія работы по русской метрикѣ и ритмикѣ были написаны чуть ли не сто лѣтъ назадъ, въ допушкинское время. Съ тѣхъ поръ, кромѣ отдѣльныхъ статей, разрабатывавшихъ частные вопросы, не появлялось въ этой области ничего, заслуживающаго вниманія. Поэтому работу Ш., поставившаго себѣ цѣлью связно изложить законы русскаго стиха, нельзя не привѣтствовать. Авторъ въ значительной степени подготовленъ къ своей задачѣ. Онъ знаетъ метрику русскую и античную. Онъ знакомъ съ поэзіей и свои выводы строитъ на основаніи стиховъ не только нашихъ старыхъ поэтовъ, но и новыхъ (Бальмонта и др.). Большая часть того, что говоритъ Ш., совершенно справедлива, и его книга, конечно, будетъ очень полезна для начинающихъ писать стихи. Все это не значитъ, однако, что мы считаемъ трудъ Ш. совершеннымъ. Напротивъ, мы видимъ въ его книгѣ много недостатковъ. Прежде всего мы считаемъ ошибкой избранный авторомъ методъ. Ш. имѣетъ въ виду цѣли практическія и ведетъ изложеніе, примѣняясь къ читателю, вовсе неподготовленному, не имѣющему понятія даже объ элементарнѣйшихъ правилахъ стихосложенія. Въ силу этого, изложеніе Ш. лишено настоящей систематичности; авторъ принужденъ повторять одно и тоже по нѣсколько разъ и давать пространнѣйшія объясненія вещамъ простѣйшимъ. Въ противорѣчіи съ этимъ стоитъ обширныя части труда, посвященныя античной метрикѣ. Для практическихъ цѣлей автора онѣ совершенно излишни и безъ пользы увеличиваютъ объемъ книги: можно было свободно ограничиться всего нѣсколькими замѣчаніями въ этой области. Далѣе, хотя авторъ, какъ мы говорили, и подготовленъ къ своему дѣлу, весьма многія тонкости русскаго стихосложенія остаются ему, повидимому, неизвѣстными.

...Укажемъ... какъ примѣръ, на связь между употребленіемъ пиррихіевъ и цезуръ въ двусложныхъ размѣрахъ: связь эта въ книгѣ Ш. не выяснена совсѣмъ, а безъ нея теряетъ свое значеніе и все ученіе о пиррііяхъ. Весьма несовершенными мы считаемъ и главы, посвященныя риемѣ: вопросъ можно освѣтить гораздо глубже по существу и гораздо интереснѣе съ исторической точки зрѣнія. Изъ отдѣльныхъ недостатковъ отмѣтимъ, что считаемъ совершенно ненужной всю главу о русскихъ пэонахъ. Пэона, какъ особой стопы, въ русскомъ стихосложеніи существовать не можетъ. Приводимые Ш. примѣры написаны просто ямбами и хореяма съ пиррихіями,—въ чемъ, впрочемъ, косвенно, сознается и авторъ. Все же, въ общемъ, книга единственная и добросовѣстная работа въ своей области, книга Ш. заслуживаетъ широкаго распространенія. Съ ней должны бы ознакомиться всѣ, желающіе писать стихи по-русски или относпться къ стихамъ сознательно. (*Валерій Брюсовъ. „Рус. М." 1914—3*).

...Методъ, котораго придерживается Ш.—не преподаніе читателямъ догматическихъ правилъ, которыя они должны принимать на вѣру, а выводъ этихъ правилъ изъ образцовъ искусства. Этотъ способъ усвоенія теоріи, несомнѣнно является болѣе плодотворнымъ, чѣмъ обычный для руководствъ—догматическій. Въ книгѣ подвергнуты подробному разбору различные размѣры, дается понятіе о цезурѣ и ея мѣстѣ въ стихѣ, о соединеніи стиховъ въ строфы и о формѣ послѣднихъ; въ главѣ о „звуковой гармоніи стиха" читатели почерпнутъ много полезныхъ указаній о „звуковыхъ украшеніяхъ" поэтическихъ произведеній,—рифмѣ, аллитераціи, ассонансѣ. Очень обстоятельно отдѣлъ о различныхъ стихотворныхъ формахъ, причемъ отве-

дено подобающее мѣсто одной изъ самыхъ трудныхъ формъ поэтическаго творчества, сонету... Солидный трудъ Ш., основанный на тщательномъ изученіи литературы предмета, какъ русской, такъ и иностранной, несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ интересующихся вопросами поэтическаго творчества... (*В. Ю. Б. „Нов. Вр.“ 1914—13618*).

Въ рецензіи говорится сначала о причинахъ, побудившихъ Ш. издать свою книгу (отсутствіе руководствъ по стихосложенію и забота о начинающихъ поэтахъ) и указывается, что вторая причина очень вредитъ книгѣ. „Ш. слѣдовало говорить о томъ, какъ пишутся стихи, а не о томъ, какъ ихъ надо писать“. Далѣе Ф. говоритъ: „авторъ ошибается, что у насъ не умѣютъ писать стиховъ. Это не вѣрно. Мы переживаемъ эпоху расцвѣта стихосложенія“. „Акмеисты“—„подлинные парнасцы, знающіе и любящіе форму стиха. Можно даже сказать, что футуристы появились въ качествѣ, вполнѣ понятной, реакціи противъ чрезмѣрнаго искусства, а слѣдовательно искусственности, современнаго стихосложенія“. Ш. нашелъ бы кучу „техническихъ несовершенствъ“ въ стихотвореніи „выпущенномъ изъ-подъ пера“ нынѣшняго поэта, но „и онъ, конечно признаетъ, что призывъ къ „нахальности“ очень современенъ. Не чета его старозавѣтнымъ максимамъ: „не плюйте на полъ!“ Первая причина, заставившая Ш. написать свой трудъ, признается Ф. гораздо болѣе серьезной, но „къ сожалѣнію, Ш. не отдалъ себѣ отчета, почему эта литература (по русскому стихосложенію) такъ бѣдна“. Далѣе идетъ, въ рецензіи, описаніе изслѣдованій Бѣлаго о метрѣ и ритмѣ, указаніе на особенности русскаго стихосложенія. „Заслуга А. Бѣлаго и состоитъ въ томъ, что онъ... обратилъ вниманіе на специфическое соотношеніе метра и ритма въ русскомъ стихосложеніи, соотношеніе и составляющее главную особенность и прелесть русской поэзіи. Естественно, что пока это соотношеніе не изучено и не выражено въ извѣстной формулѣ, составители популярныхъ учебниковъ попадаютъ въ очень затруднительное положеніе. Въ такомъ положеніи оказался и Ш. Какъ человѣкъ начитанный и добросовѣстный, онъ видитъ эти трудности. Но, къ сожалѣнію, недостаточно ясно. Желая же написать учебникъ, доступный пониманію профановъ, онъ эти трудности замалчиваетъ и вноситъ въ свои построенія большую путаницу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ф. указываетъ, что „главные недостатки книжки Ш. должны быть объяснены бѣдностью нашей теоретической литературы“ и если Ш. „не разрѣшилъ всѣхъ затрудненій, то спасибо ему и за то, что онъ эти трудности не скрылъ окончательно, какъ это дѣлалось до сихъ поръ“. Въ заключеніе въ рецензіи говорится, что несмотря на всѣ свои недостатки, книжка Ш. полезна и совѣтуется автору при слѣдующемъ изданіи серьезнѣе продумать и сократить книгу, потому что въ ней много балласта, дурного тона и дурного стиля. (*Д. Философовъ. „Рѣчь“ 1914—67*).

См. еще: А. Кр. „День“, 1913—70; В. П—нъ. „У. Рос.“, 1914—56; В. Васильевъ. „Стол. Молва“, 1914—355; „Кіевъ“, 1914—27.

343. Лазурскій, В. Ѳ. 8.09(02)

Курсъ исторіи западно-европ. литературы. Ч. 1. Средневѣковая литература. 1913. Одесса. 230 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Это—очень хорошій учебникъ, который можно только горячо рекомендовать всѣмъ желающимъ основательно ознакомиться съ средневѣковой литературой Запада. Англо саксонскій, французскій, нѣмецкій и испанскій эпосъ, лирика трубадуровъ и миннезингеровъ, романы бретонскаго цикла, мистеріи, моралите и фарсы, романы античнаго цикла, романъ о Лисѣ, фабліо и романъ о Розѣ, Данте,—таково въ наиболѣе существенныхъ чертахъ содержаніе курса. Обстоятельно изложено содержаніе изучаемыхъ произведеній, выясненъ процессъ ихъ литературнаго происхожденія, освѣщено положеніе въ современной наукѣ спорныхъ вопросовъ, къ каждой главѣ прибавлена краткая библіографія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Указана иногда и связь между литературными явленіями и социальными условіями, хотя эта точка зрѣнія и не проведена послѣдовательно чрезъ весь курсъ и не вскрыта какъ слѣдуетъ зависимость въ такихъ случаяхъ литературныхъ явленій отъ психологіи даннаго класса. Слѣдовало бы иногда ярче выявить содержаніе того или иного утвержденія... Едва ли правильно, что трубадуры воспѣвали „идеалъ женственности“ (чему противорѣчатъ какъ альбы и серенады, такъ и приводимыя самимъ авторомъ кансоны). Въ главѣ о Данте есть нѣсколько промаховъ. [Указываются эти промахи]... (*В. Фриче. „Рус. Вѣд.“ 1914—47*).

... Прежде всего необходимо отмѣтить добросовѣстность автора, его тщательное отношеніе къ предмету. Мы почти не замѣтили ошибокъ. Можно было бы кое съ чѣмъ не согласиться въ распредѣленіи матеріала и въ построеніи курса. Напр., намъ представляется непростительно краткой и даже небрежной характеристика нѣмецкаго миннезанга... [Указываются недочеты съ этой стороны]. Впрочемъ эти недочеты легко исправимы. Въ небольшомъ курсѣ, обнимающемъ массу матеріала, ихъ невозможно избѣжать... Болѣе существеннымъ недостаткомъ представляется намъ сухость изложенія. Часто авторъ ограничивается только перечисленіемъ мнѣній комментаторовъ, и иногда среди этихъ перечисленій утрачивается цѣльность впечатлѣнія. Авторъ точно боится живыхъ характеристикъ и цѣльныхъ образовъ... Совершенный курсъ въ этой области—дѣло будущаго, и нельзя не признать, что работа Л.—серьезный шагъ на этомъ пути... (*П. Коганъ. „Совр. М.“ 1914—3*).

... Пріятно поражаютъ вводныя главы „Исторія литературы, какъ наука“ и „Происхожденіе поэзіи“. Удачна далѣе мысль Л. давать нѣсколько примѣровъ на старофранцузскомъ, средненѣмецкомъ языкѣ и пр. языкахъ. Подборъ матеріала сдѣланъ съ большимъ пониманіемъ дѣла, такъ, напримѣръ, глава о школьномъ образованіи въ средніе вѣка объясняетъ многія черты поэзіи этой поры, но жаль только, что это embarras de richesses исключаетъ возможность втиснуть курсъ Л. въ тѣсныя рамки средняго образованія... (*К. Тіандеръ. „Рѣчь“. 1914—53*).

См. еще: В. Саводникъ. *„У. Рос.“* 1914—44. [Въ заключеніе рецензіи говорится что „къ числу достоинствъ книги долженъ быть отнесенъ изящный и легкій языкъ, которымъ она написана, а также удачный подборъ примѣровъ и цитатъ, придающій изложенію живость и яркость];

... „Пользу курсъ Л. можетъ принести развѣ лишь „начинающимъ“... „О систематизаціи матеріала, а какой-либо связной и цѣлостной картинѣ развитія средневѣковой литературы авторъ мало

заботился"... „Стиль Л. нерѣдко страдаетъ большимъ безвкусіемъ"... „Лишь вскользь, ...авторъ сообщаетъ о различныхъ гипотезахъ, относящихся къ тому или другому литературному явленію, при чемъ нельзя сказать, чтобы онъ стоялъ на уровнѣ современнаго состоянія разбираемыхъ вопросовъ. (... игнорируются... теоріи Беккера и Бедье о происхожденіи старо-француз. эпоса). Попадаются въ книгѣ Л. свѣдѣнія неточныя и невѣрныя"... „Не можемъ обойти" и „изумительной наивности нѣкоторыхъ мѣстъ" изложенія Л. ...„Совершенно мнимыми... являются... частныя ссылки на взгляды Л. Толстого, иногда совершенно неожиданныя"). (*М. П. „Гол. Москвы". 1914—38*).

344/6. Михайловъ, М. Ил. 891.7(08)

Полное собраніе сочиненіе. Съ портр., критико-библіограф. очеркомъ и библіографич. указателемъ. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. I—III. 1914. Спб., изд. т-ва А. Ф. Марксъ XLIII+405+311+312 стр. Ц. 1 р. 25 к. кажд. томъ.

Авторъ извѣстной прокламаціи „Къ молодому поколѣнію", за которую онъ былъ приговоренъ къ каторгѣ, М. и послѣ смерти казался настолько страшенъ нашему правительству, что въ 1866 г. было арестовано до выхода въ свѣтъ и безъ суда и слѣдствія сожжено собраніе его сочиненій, редактированное Гербелемъ... Новое полное собраніе, по словамъ редактора, расширенное противъ уничтоженнаго гербелевскаго, нужно только привѣтствовать... М. по справедливости считается лучшимъ переводчикомъ Гейне и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ. Первый томъ его сочиненій, въ которомъ собраны эти переводы и немногія оригинальныя стихотворенія, является наиболѣе значительнымъ въ его литературномъ наслѣдствѣ. Что касается его беллетристики, то вопреки восторженнымъ отзывамъ о ней редактора изданія, многое въ ней кажется уже и блѣднымъ и растянутымъ, хотя въ свое время... она не только читалась безъ скуки, но и была очень не зауридна, такъ какъ давала вдумчивыя и живыя, теплымъ юморомъ проникнутыя картинки провинціальнаго быта: повѣсть „Адамъ Адамычъ", изображающая судьбу въ грубой провинціальной средѣ простодушнаго нѣмца-гувернера, и до сихъ поръ можетъ быть прочитана съ интересомъ, какъ и нѣкоторыя другія вещи. („*Вѣст. Евр.*" *1914—3*).

....Несомнѣнно, интересъ къ М. не будетъ тѣмъ, какимъ онъ могъ быть 40—50 л. назадъ... Но и сейчасъ, какою чистотою и радостною жертвенностью звучатъ слова закованнаго въ кандалы поэта:

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

И отношеніе къ женщинѣ:

О, только бы знать, что надъ тобой
Безъ тучъ восходитъ день.
Что ясная встрѣчаешь ты
Безъ слезъ ночную тѣнь.

Да и какимъ инымъ могъ быть М., переводчикъ „Пѣсни о рубашкѣ" Т. Гуда, „Сна невольника" Лонгфелло, „Бѣлаго покрывала" М. Гартмана, М., признавшійся во всемъ во время слѣдствія надъ нимъ по поводу прокламаціи „Къ молодому поколѣнію", изъ жалости къ предателю своему, измученному допросами, Вс. Костомарову! Этой стороной жизни своей уже привлекателенъ М. и, хотя, по увѣренію П. В. Быкова,— на поэта одна женщина имѣла „огромное, роковое вліяніе, благодаря которому изъ области мечтаній онъ перешелъ къ живому дѣлу, и ради идеи понесъ тяжелый крестъ", все же велика и собственная его воля и душевная цѣльность...

М., какъ оригинальный поэтъ, оставилъ слишкомъ малое наслѣдіе для того, чтобы можно было имѣть сужденіе о немъ, какъ о поэтѣ. Творчество требуетъ извѣстной матеріальной обезпеченности, а М. приходилось быть журналистомъ, живущимъ литературнымъ трудомъ. Переводить, писать статьи и беллетристику было, вѣроятно, для него дѣломъ сравнительно болѣе легкимъ. Въ оригинальныхъ стихахъ М. на его поэзію зачастую накладывали свою руку Гейне и другіе, тѣ, кого онъ переводилъ, особенно въ юношескихъ стихотвореніяхъ.. Мотивы поздней, оригинальной лирики — почти исключительно гражданскіе мотивы, область, по которой трудно судить о поэтѣ, какъ таковомъ.

Переводы М., быть можетъ, лучшее изъ всего оставленнаго имъ. М. былъ прекраснымъ знатокомъ западно-европейскихъ литературъ, „не было,—по словамъ Н. В. Шелгунова,—въ англійской, нѣмецкой и французской литературѣ такого беллетриста или поэта, котораго бы онъ не зналъ". И многое множество изъ того, что затверживалось нами въ дѣтствѣ по хрестоматіямъ, слушалось на вечерахъ, пѣлось — его переводы. Будетъ ли то Бернсъ или Лонгфелло, Томасъ Гудъ или Гейне, Гёте, Шиллеръ, Беранже, Гюго, Байронъ. М. былъ однимъ изъ первыхъ переводчиковъ Марло (отрывокъ изъ „Фауста"). Его статьи объ иностранной литературѣ („Американскіе поэты и романисты". „Юморъ и поэзія въ Англіи" и др.) оказались бы небезполезными и теперь. Но кажется, главная и общепризнанная заслуга М.—его переводы изъ Гейне. Почти вся „Buch der Lieder" была переведена имъ въ ту пору, когда Гейне—въ 50 ые годы—былъ необычайно популяренъ, и переводило его большинство русскихъ поэтовъ.

...Его біографъ говоритъ совершенно справедливо: „ни одинъ изъ нашихъ переводчиковъ Гейне не достигалъ такой вѣрной передачи духа, внѣшней и внутренней красоты, извѣстнаго настроенія, манеры, колорита пѣсенъ нѣмецкаго поэта. Переводы М. удивительно вѣрно передаютъ подлинникъ и не отступаютъ отъ него ни въ отношеніи поэтической формы, ни въ отношеніи строя мысли со всѣми ея оттѣнками, ни въ отношеніи образности, оборотовъ рѣчи, характера стиха.

...Его первая повѣсть „Адамъ Адамычъ" и другая... „Круженница", разсказъ „Африканъ"... кажутся намъ лучшими.

Гейне вліялъ на оригинальные стихи М., проза сильно напоминаетъ манеру Тургенева. При всемъ спокойствіи эпическаго склада, сказывающагося въ глубоко мѣткихъ описаніяхъ, въ ней много лирическаго чувства, тонкаго юмора и много ума—М. умѣлъ писать. Остается непревзойденною мощь, художественная законченность Тургенева. Но все же повѣсти и разсказы М. и сейчасъ читаются съ удовольствіемъ. По воспоминаніямъ лицъ, знавшихъ поэта, онъ былъ

необычайно, при всей своей некрасивости, изященъ. Тѣмъ же качествомъ обладаетъ его проза: въ ней много благородства и умѣнья кончить не шаблонно.

..... „Дневникъ" М., веденный имъ въ тюрьмѣ и частью въ ссылкѣ... поразителенъ своею правдивой искренностью... (*Влад. Княжниковъ. „День". 1914—49*).

...Образцовые переводы М., бытовыя картины, дневникъ и нѣкоторыя публицистическія статьи должны сохранить навсегда свое значеніе. Развѣ время что-нибудь отняло у прелестнаго „Экспромта лондонскаго мазурика"?

Съ полисменомъ поневолѣ
Долженъ я хлѣбъ-соль вести:
Илъ они со мною въ долѣ,
Или я у нихъ въ части.

Это было сказано въ 1860 г., но все въ „Лондонѣ" осталось по-прежнему. „Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами"— одно изъ лучшихъ русскихъ гражданскихъ стихотвореній, вѣрное предсказаніе судьбы самого автора и многихъ, многихъ... Перелистывая эти томы, переносишься мыслью въ старое, быть можетъ, наивное, не сложное, во свѣтлое и истинно-доброе время „Колокола", „Современника", „Искры", либеральнаго „Морского Вѣстника", споровъ изъ-за чтенія съ эстрады „Египетскихъ ночей", страшныхъ, а сейчасъ такихъ невинныхъ проклямацій, лихихъ студенческихъ пѣсенъ. Много ли теперешнихъ книгъ такъ сохранитъ и перенесетъ въ будущее краски и запахи нашей эпохи? (*Л. „Рѣчь". 1914—40*).

См. еще: „*Одес. Нов.*" 1914—9297.

347. Бальмонтъ, К. Д. 891.7—1.
Звенья. Избранные стихи. 1890 — 1912 г. 1913. М., кн-во „Скорпіонъ". VI+280 стр. Ц. 1 р.

...Выборъ [стихотвореній] сдѣланъ самимъ авторомъ, что придаетъ сборнику особенный интересъ. ...По словамъ Б. [въ предисловіи], поэтическое творчество ведетъ въ „горницу души". Пріотворивъ одну дверь, входимъ въ одну „горницу души" поэта, пріотворивъ другую дверь — въ горницу другую;—поэтъ говоритъ „горницу", а сказалъ бы—волшебный залъ, и ходимъ мы не по „терему", какъ выражается Б., а по дворцу, въ которомъ почти каждая зала расписана и разукрашена на особый манеръ, большей частью съ тонкимъ художественнымъ вкусомъ и роскошной позолотой.

Заглавіе „Звенья" предполагаетъ внутреннюю связь стихотвореній, но я такой связи не нахожу, если не считать случайной близости немногихъ „фейныхъ сказокъ". Довольно того, что у Б. каждое стихотвореніе имѣетъ свое лицо и свою цѣнность, одни большую, другія—меньшую, а есть и такія, напр., „Драконитъ", „Вѣдогонъ", „Загонору", „Звѣздная грамота", „Дли чего", еще съ десятокъ т. п. темныхъ и туманныхъ изліяній души поэта, которыя можно было бы совсѣмъ не вносить въ сборникъ „набранныхъ произведеній". Humanum errare est. Какъ извѣстно, художники и поэты иногда сильно ошибаются въ оцѣнкѣ собственныхъ произведеній.

Какъ бы то ни было, у мага поэзіи въ „Звеньяхъ" немало чудныхъ по красотѣ вещей.

Стихъ Б. отличается большой музыкальностью, разнообразіемъ формъ, ажурностью, и тонкостью анализа, умѣньемъ во всякой молочи открыть цвѣты, звуки, краски, многообразіе, поселины и оттѣнки. Возьмемъ для примѣра стихотвореніе „Снѣжинка". Кому, зачѣмъ нужна отдѣльная снѣжинка? Такая мелочь, такое ничтожество, а у Б. ей посвящено цѣлыхъ 8 строфъ, звучныхъ, содержательныхъ, и въ ничтожной снѣжинкѣ открывается живая человѣческая душа

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!
Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,—
На землю просится.
Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣствіе
Страну низринула...
Не вотъ кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звѣзда кристальная;
Лежитъ пушистая
Снѣжинка смѣлая,
Какая чистая,
Какая бѣлая!

Форма стиха вполнѣ отвѣчаетъ снѣжинкѣ,—легкая, кристальная, летучая.

Другое дѣло, напримѣръ, океанъ; для океана нужна уже и другая форма, и Б. даетъ для океана другой, вполнѣ оригинальный стихъ, многогласный, величественный и шумный:

Волны морей безпредѣльно-пустынно шумящія,
Богъ Океанъ, многогласно-печально вывающій,
Пѣнныя ткани, безпѣльно-воздушно-летящіи,
Брызги съ воздушностью, призрачно-сказочно-тающій,
Горькія воды, туманно-холодно-безбрежныя,
Долгій напѣвъ, безконечно-томительно-длительный...

..... Если для океана и моря нужны одни краски, то для болота другія, другой стихъ, другой размѣръ. Бальмонтъ и болоту умѣетъ дать надлежащую поэтическую окраску, какъ видно изъ его стихотворенія „Камыши", съ изображеніемъ болота въ лунную полночь.

Въ другомъ тонѣ стихотвореніе, посвященное русской природѣ, подъ заглавіемъ „Безгласность", съ печальнымъ заглавіемъ, потому что также быть безгласнымъ. Печаль лежитъ на всемъ стихѣ, на его содержаніи и формѣ, удачно согласованныхъ въ одно стройное цѣлое:

Есть въ русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безпомощность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.
Придя на разсвѣтѣ на склонъ косогора,—
Надъ зябкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада заснувшаго бора,
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.
. . . . . .
Войди на закатѣ, какъ въ снѣжіи волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,
Деревья такъ сумрачно странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.

Какъ будто душа о желаніомъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно больно,
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

Грусть разлита по всему стихотворенію. Тонкая, нѣжная кисть рисуетъ измученное сердце въ удивительно нѣжно-печальныхъ тонахъ, причемъ самый стихъ въ полной гармоніи съ содержаніемъ звучитъ такъ грустно, плачетъ невольно, и сердце въ унисонъ съ печальной природой ничему не рало.

У Б. природа живетъ полной жизнью. Особенно характерна въ этомъ отношеніи „Фантазія"—картина лѣса въ зимнюю лунную ночь:

Какъ живыя созданья, въ искрахъ лунныго сіянья,
Чуть трепещутъ очертанья сосенъ, елей и березъ;
Вѣщій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ луны пріемлетъ,
И роптанью вѣтра внемлетъ, весь наполненъ тайныхъ грезъ.
Слыша тихій сонъ метели, шепчутъ сосны,
Шепчутъ ели,
Въ мягкой, бархатной постели имъ пріятно почивать,
Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
Вѣтви стройныя склонивъ, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то звуки, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье,—точно искрится звѣзда;
Точно свѣтлый дождь струится, и деревьямъ что-то мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.

Далѣе слѣдуетъ пролетъ черезъ лѣсъ духовъ ночи:

Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все сильнѣе въ немъ томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томитъ тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего то жаль.
А луна все льетъ сіянье, и безъ муки безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ стволовъ...

Это цѣлая симфонія чудныхъ красокъ и звуковъ; каждый стихъ, каждое слово даетъ настроеніе. Есть у Сенкевича хорошій разсказъ, какъ лѣтомъ, въ вечерній часъ, деревня, каждое на свой ладъ, возноситъ моленія Творцу вселенной. Есть у Виктора Гюго большое прекрасное стихотвореніе о полетѣ ночныхъ духовъ—„Les Gimnes" (Джинны). „Фантазія" Б. превосходитъ ихъ мягкостію тона и тонкой ажурностью рисунка.

Главное очарованіе Бальмонту даетъ его волшебный стихъ; самъ авторъ прекрасно это сознаетъ. [Приводится стихотвореніе „Я—взысканность русской медлительной рѣчи"...]... У Б. есть, кажется, всего одно только стихотвореніе о степи, маленькое, ... но, по художественной, цѣнности оно стоитъ высоко. Называется оно „Ковыль".

Получается степь по существу, какъ она дѣйствуетъ на душу, своего рода эссенція степи, ея ароматъ, внутренняя жизнь въ одномъ цѣльномъ обобщеніи. (*Проф. Н. Ф. Сумцовъ „Юж. Край" 1914—1936*).

Это—хрестоматія творчества Б. Расположенныя въ строго хронологическомъ порядкѣ стихотворенія являются какъ бы ступенями той лѣстницы, по которой шелъ поэтъ. Начиная съ первыхъ несмѣлыхъ попытокъ, въ которыхъ еще такъ мало будущаго, любимаго Б., чрезъ высокій яркій расцвѣтъ, полный изумительныхъ мощныхъ достиженій, къ нынѣшнему — пока послѣднему—періоду, ведетъ насъ „хрестоматія". Можно прослѣдить, какъ росло, развивалось, крѣпло, и достигло вершины творчество Б.,—и какъ оно, миновавъ вершину, стало спускаться, можетъ быть, для того, чтобы—послѣ роздыха,—снова подняться. [Послѣднее] такъ чувствуется при чтеніи этой книги, перевитой солнечнымъ сіяніемъ и ароматомъ юности. Особенно, стихи періода „Горящихъ Здавій" и „Будемъ, какъ Солнце", убѣждаютъ, что не весь поэтъ еще сказался, что есть еще скрытая сила въ его душѣ. Не разубѣждаютъ въ этомъ даже такія, не похожія на прежнія, надуманныя, холодныя книги, какъ „Хороводъ Временъ" и „Птицы въ воздухѣ". Крупный современный поэтъ, уступающій только въ нѣкоторыхъ частностяхъ другимъ поэтамъ, такимъ, какъ В. Брюсовъ, Ив. Бунинъ, Ал. Блокъ,—Б. обладаетъ единственной, свойственной только ему, способностью воплощать причудливыя современныя мечтанія и исканія. Ему близки печали и радости мятущагося современника, идущаго отъ одной крайности къ другой. Въ „Звеньяхъ" особенно замѣтна эта чуткость къ всечеловѣческой жизни, къ думамъ близкихъ и чужихъ. Душа поэта такъ полно, такъ многосторонне вбираетъ и выявляетъ бытіе, что падаетъ завѣса между ней и міромъ, и предъ нами чудесное явленіе сліянія части съ цѣлымъ—человѣка съ жизнью—въ одномъ творческомъ порывѣ, въ одномъ устремленіи къ свѣту. Съ первой книги — „Подъ сѣверными небомъ",—черезъ „Тишину", „Горящія Зданія", „Будемъ, какъ Солнце", „Фейныя Сказки", черезъ статьи, которыя—тѣ же стихотворенія въ прозѣ, къ „Зарею Зоръ", къ „Хороводу Временъ",—тянется одна золотая нить радости, любящей міръ, души. Чародѣй стиха, внесшій въ русскую поэзію дотолѣ неслыханныя формы и образы, ...Б.,—самый любимый и чтимый нынѣшній поэтъ. Вліяніе его огромно... „Звенья",—несомнѣнно станутъ настольной книгой каждаго любящаго родную литературу... (*С. Астровъ. „Совр." 1914—4*).

...Историки искусства отнесли отрицательно къ передѣлкамъ народнаго творчества интеллигенціей; неужели же мы не такъ же отнесемся къ стихотворнымъ переложеніямъ Б. міровыхъ мыслей и формъ? Намъ не слѣдуетъ забывать заслугъ Б. въ дѣлѣ разрушенія реалистическихъ чуветъ, но у насъ должно хватать смѣлости и вкуса, чтобы отвергнуть Б.-поэта, Б.-созидателя. Конечно, если Б. угодно, онъ можетъ пересыпать свои вишіи лохмотья, какъ нафталиномъ, увѣреніями, что онъ, гнѣвный, пламенный, перелѣтный, братъ вѣтру, отецъ солнца, словомъ, прослѣдитъ всю свою родню въ мірѣ стихійныхъ явленій, но неужели эта мишура можетъ кого-нибудь обмануть? Когда человѣкъ начинаетъ кричать, значитъ у него не хватаетъ голоса пропѣть. Косноязычная и пошловатая поэзія Б.

сродни, конечно, не вѣтру и солнцу, а бездарностямъ Ратгауза и прочихъ составителей словарей стихотворныхъ банальностей. Въ заключеніе замѣчу, что въ предисловіи Б. пробуетъ спасти себя отъ выхода въ тиражъ созиданіемъ неологизмовъ по методу Сѣверянина (тайновѣсть и т. д.), но однимъ комичнымъ неологизмомъ, вродѣ „внутрезоркость", ужасно напоминающимъ „Трезорку", нельзя исправить своего основного дефекта: непригодности къ сильному и острому поэзному творчеству. Конечно, толпа еще долго будетъ внѣшне привѣтствовать патоку Б., внутренно со скукой перелистывая его страницы, но намъ, любящимъ и цѣнящимъ поэзію, надо отбросить ложное прюдерство и спокойно вычеркнуть имя Б. изъ своей памяти. (*Аббатъ-Фанферлюшъ. „Мезонинъ Поэзіи". 1913—3/4*).

См. еще: Семенъ Губеръ. „*Утро*", 1913—2131. Вѣничъ. „*Руль*", 1913—435.

348. Бибикъ, А. 891.7—3

Къ широкой дорогѣ. Романъ. Съ предисл. В. Львова-Рогачевскаго. 1914. Спб., кн-во М. А. Яснаго. 280 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Б., безспорно, самый крупный изъ современныхъ рабочихъ беллетристовъ. Романъ носитъ подзаголовокъ „Игнатъ изъ Новоселовки" и сопоставленіемъ заглавія съ заголовкомъ ясно опредѣляется основная нотка романа. Новоселовка—это рабочая слободка на окраинѣ города, тамъ, гдѣ поля вплотную подбѣгаютъ къ домамъ и гдѣ разница между пролетаріемъ-рабочимъ и мѣщаниномъ-домовладѣльцемъ часто стирается, сходитъ на-нѣтъ, потому что многіе домовладѣльцы поступаютъ на заводъ, а заводскіе рабочіе зачастую имѣютъ возможность скопить деньжатъ на постройку собственнаго домика. Игнатъ—сынъ одного изъ такихъ рабочихъ, обзаведшихся домикомъ. По стопамъ отца, пошелъ онъ на заводъ. Могъ бы унаслѣдовать и домъ его. Но то, что удовлетворяло отца, не удовлетворяло сына. Въ его душѣ родятся новые вопросы, появляются новыя, невѣдомыя отцамъ желанія. Да и время становится инымъ, чѣмъ тѣ годы, когда привыкли жить отцы. Жизнь за стѣнами завода становится шумной. Въ заводъ проникаютъ вѣсти, которыхъ раньше тамъ не слыхали: о волненіяхъ рабоч., о забастовкахъ, о разстрѣлахъ стачечниковъ. Настоящее становится тревожнымъ и волнуетъ не только молодежь, но и отцовъ. Послѣдніе отмахиваются отъ этого новаго. Отецъ Игната учитъ сына своей старой, отъ предковъ-крестьянъ по наслѣдству полученной мудрости: человѣкъ человѣку—волкъ. Но молодежь не мирится на этихъ урокахъ отцовъ. Въ душѣ Игната родится вопросъ: „Развѣ можетъ быть „иначе?" „Иначе"—это значитъ не такъ, какъ теперь, когда машины калѣчатъ людей, когда выбившіеся путемъ подслуживанія въ мастера разные Золотько могутъ помыкать рабочими, когда послѣдніе не знаютъ иныхъ удовольствій, какъ забытье въ пьяномъ угарѣ, иныхъ стремленій, какъ собственный домикъ и притомъ обязательно съ цѣпной собакой, когда каждый каждому „волкъ". Эта мысль объ иномъ заполняетъ всего Игната и все дальнѣйшее въ его жизни,—это борьба за это иное. Чтеніе книгъ, кружки, забастовка на заводѣ, арестъ, тюрьма, ссылка, возвращеніе на родину и участіе въ бурныхъ событіяхъ 1905 г.,—вотъ путь, которымъ шелъ „Игнатъ изъ Новоселовки" къ широкой дорогѣ участія въ массовомъ движеніи. Съ внѣшней стороны романъ не чуждъ недочетовъ. Мѣстами встрѣчаются длинноты: мѣстами, наоборотъ, чувствуется скомканность. Далеко не всѣ типы удачны. Но въ общемъ романъ производитъ очень большое и цѣльное впечатлѣніе. (*Н. Б. „Сѣв. Раб. Газ." 1914—26*).

Широко былъ задуманъ этотъ романъ, много въ немъ намѣчено, хотя и не новыхъ, но интересныхъ мыслей, и многое автору удалось и „схватить", и „провести". „Къ широкой дорогѣ"—это одна изъ тѣхъ немногихъ въ нашей литературѣ повѣстей изъ рабочей жизни, гдѣ эта жизнь нарисована безъ прикрасъ въ ту или другую сторону, безъ идеализаціи, гдѣ чувствуется, что авторъ хотѣлъ и сумѣлъ быть только правдивымъ.

... Параллельно съ исканіями и борьбой за всю рабочую семью идетъ борьба и въ самой семьѣ, гдѣ сталкиваются двѣ правды—стараго и молодого поколѣній, работающихъ на заводѣ. Эта борьба проведена въ романѣ очень красочно и ярко. Особенно хороши сценки состязанія ученика Игната со старикомъ токаремъ и выступленіе Перегудова на митингѣ.

Но, уйдя съ головой въ жизнь и въ свое „дѣло", Игнатъ не порываетъ съ природой и въ ней старается найти немножко отдыха, и мира, и бодрости для своей наболѣвшей души. Помимо Игната, въ романѣ много интересныхъ и ярко написанныхъ фигуръ.

... Вторая часть романа—Игнатъ въ ссылкѣ и 1905 годъ—написана много слабѣе первой, которая была бы превосходна, если бы языкъ не страдалъ иногда излишествомъ техническихъ терминовъ... (*В. М. „Ран. У." 1914—50*).

Романъ представляетъ собой довольно оригинальное явленіе. ... автобіографическій элементъ сказывается довольно сильно на всемъ произведеніи. Но бытовой колоритъ очень ярокъ въ романѣ и придаетъ ему особенный интересъ. Хочется пожалѣть даже, что авторъ слишкомъ поспѣшно перенялъ манеру нашихъ интеллигентскихъ бытописателей рабочей среды и изобразителей революціонныхъ движеній, и постарался свое произведеніе, свои думы и наблюденія вогнать въ довольно шаблонную форму обычныхъ повѣстей этого типа. Во всякомъ случаѣ, романъ Б. займетъ свое мѣсто какъ яркій документъ эпохи. .... у Б. на первомъ планѣ—переломъ настроеній въ рабочей средѣ.

Этотъ романъ уже возбудилъ вокругъ себя какія-то фракціонныя недоразумѣнія. У автора находятъ „ликвидаторскія тенденціи". ... Но если таковыя тенденціи и есть въ романѣ, то какъ разъ переломъ „отъ романтизма къ реализму" (который отмѣчаетъ авторъ предисловія) выраженъ въ немъ наиболѣе слабо, плохо и неясно мотивированъ. („*Совр. Сл." 1914—2222*).

См. еще: М. Калининъ. „*Путь Правды*". 1914—22 [отмѣчается своеобразное отношеніе къ событіямъ недавняго прошлаго, напоминающее „нѣкоторыя разсужденія нѣкоторыхъ ликвидаторовъ"..., „излишнее подчеркиваніе какихъ-то особенныхъ недостатковъ „подполья", и „какое-то странное трактованіе борьбы между сторонниками „экономики" и „политики въ рабочемъ движеніи", „весьма наивно и даже грубо-тенденціозно очерчены разногласія между различ-

ными теченіями въ рабочемъ движеніи". Признается, что „Б. обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ и при болѣе безпристрастномъ подходѣ къ явленіямъ прошлаго, могъ дать интересныя картины дѣйствительности"]; С. Михайлова-Штернъ. „*Новь*", 1914—63.

349. Евгеніевъ, В. 891.7:32(47)

Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художеств. литературы XVIII и XIX вв. 1914. Спб., кн-во „Энергія". 128 стр. Ц. 75 к.

...Скомпановка уже существующаго, готоваго и извѣстнымъ образомъ разрозненнаго матеріала, имѣющая цѣлью выяснить: „что сдѣлали русскіе писатели для обнаруженія нравственной несостоятельности крѣпостничества, понимая подъ нимъ весь строй существовавшихъ въ то время сословныхъ отношеній"—сдѣлана въ достаточной степени удачно, хотя мѣстами и черезчуръ сжато. Какъ достоинства книги, отмѣтимъ ясность изложенія, хорошій, простой языкъ и искреннее одушевленіе автора. (*М. Королицкій*, „*Сѣв. Зап.*" *1914—3*).

...Нельзя ничего возразить противъ весьма удачно подобранныхъ мѣстъ изъ произведеній русскихъ писателей, начиная отъ Кантемира до Герцена и Чернышевскаго, направленныхъ противъ крѣпостного права. ...Но Е. хочетъ сдѣлать изъ своей книжки не простую сводку, а „очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы". Между тѣмъ для такого очерка мало добросовѣстно составленной сводки и того горячаго гражданскаго чувства, которое владѣетъ авторомъ; нужно еще нѣсколько анализа и умѣнья разбираться въ сложныхъ историческихъ группировкахъ. А этого послѣдняго какъ разъ не хватаетъ Е. Горя негодованіемъ по адресу крѣпостниковъ, онъ въ группу „писателей-борцовъ" заноситъ и Кантемира, и Радищева, и Екатерину II, и Пушкина, и декабристовъ, и славянофиловъ, и западниковъ. ...Правда, Е. отмѣтилъ, что одни боролись противъ всей крѣпостной системы, а другіе, какъ Сумароковъ и Екатерина II, противъ „частныхъ проявленій зла", но все-таки такого разграниченія маловато. Вопросъ о побужденіяхъ второй группы невыясненъ, да и первая вся не критически отнесена въ одинъ лагерь. Между тѣмъ сторонники освобожденія крестьянъ, какъ въ наше время поборники политической свободы, отнюдь не могутъ быть всѣ просто и легко объединены. Не выдержана и цѣль книги дать очеркъ изъ исторіи художественной литературы. Поневолѣ автору пришлось коснуться и публицистической литературы. Но тогда тѣмъ болѣе надо было прибѣгнуть къ анализу. Да сверхъ того, бѣгло остановившись на однихъ теченіяхъ нашей публицистики (Герценъ, Бѣлинскій, Чернышевскій), авторъ только упоминаетъ о другихъ (напр., о Н. Тургеневѣ). Всѣ разобранные недостатки книжки объясняются раздѣляемой авторомъ, какъ видно изъ введенія, старо-народнической концепціи русской литературы, весьма далекой отъ научно-исторической точки зрѣнія. А въ качествѣ пособія для учащихся книжка недурна. (*А. Шебунинъ* „*Совр.*" *1914—4*).

...Менѣе удачны страницы, говорящія о наиболѣе крупныхъ представителяхъ литературнаго движенія XIX вѣка—Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Лермонтовъ. Авторъ желаетъ искать у нихъ чисто формальнаго протеста противъ крѣпостничества, забывая, что, конечно, чисто художественная сила ихъ будила наилучшее въ душахъ современниковъ и боролась могуче съ общей пошлостью во имя истиннаго просвѣтлѣнія и свободы. Интереснѣе часть книги, отведенная писателямъ XVIII вѣка; подробно авторъ говоритъ о Радищевѣ и его знаменитомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву". Пламенный обличитель неправды, характеризовавшій крѣпостничество, какъ „чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй", конечно, не имѣлъ ничего общаго со множествомъ модничавшихъ либераловъ, говоруновъ, наводнившихъ собою „дней Александровыхъ прекрасное начало".

Изъ дальнѣйшаго любопытны строки, посвященныя К. Ф. Рылѣеву и А. С. Грибоѣдову. Послѣ упоминанія знаменитой оды перваго „Къ временщику", авторъ довольно подробно говоритъ о статьѣ Грибоѣдова „Загородная прогулка" и его же комедіи „Студентъ"; наибольшее же выраженіе взглядъ Грибоѣдова на рабство находитъ въ монологахъ Чацкаго, въ его разсказахъ о „Несторѣ негодяевъ знатныхъ", мѣнявшемъ слугъ своихъ на собакъ и т. д.

Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что книга можетъ служить какъ бы справочникомъ по данному вопросу, хотя для спеціалистовъ она явится слишкомъ популярно и обще-изложенной... (*Дмитрій Крючковъ*. „*День*". *1914—77*).

См. еще: „*Вѣст. Евр.*" 1914—3: „*Совр. Сл.*" 1914—2193, М. Инскій. „*Утро*". 1914—2243.

350. Португаловъ, М. В. 891.7:396(47)

Женщина въ русской художественной литературѣ XIX в. (1823—1876). Вступит. статья и избранные отрывки изъ произведеній. 1914. Спб., кн-во „Энергія", 156 стр. Ц. 1 р.

...Три главныхъ обобщающихъ признака позволили составителю дать эту галлерею женскихъ образовъ: тяготѣніе женщины къ новой жизни, ея отчужденіе отъ среды и мучительный для нея разрывъ на почвѣ непониманія съ избранникомъ ея сердца. Черезъ всю книгу проходитъ эта постоянная борьба женщины, борьба за образованіе, за развитіе, за воспитаніе, идейные порывы и обществен. стремленія, хожденіе въ народъ, служеніе народу, борьба за право личной жизни и чувства—и вотъ этотъ-то пройденный, но еще далеко не завершенный тернистый путь женщины и освѣщается въ умѣло подобранныхъ отрывкахъ изъ произведеній художниковъ русской литературы. Передъ нами проходятъ вѣчные образы Татьяны, Ольги, Вѣры, Наташи, Лизы, Вѣры Павловны и мн. др. женщинъ яркими подтвержденіями тѣхъ мыслей, думъ и страданій, которыми жила и мучилась женщина еще столь недавняго прошлаго. Какъ сжатая и яркая картина изъ русской исторіи XIX в., книга П. должна заинтересовать всѣхъ любителей историч. чтенія и вполнѣ достигаетъ намѣченной цѣли. (*А. Б.* „*Совр.*" *1914—1*).

...Составитель, во-первыхъ, ограничилъ свой выборъ эпохой, когда вопросъ этотъ „получалъ наиболѣе яркое разрѣшеніе"—серединная половина XIX в. Во-вторыхъ, онъ обратилъ вниманіе „лишь на тѣ произведенія, въ которыхъ ярко и глубоко затронутъ былъ вопросъ о призваніи и назначеніи женщины не только какъ

члена семьи, но и общества". При такой постановкѣ составитель не счелъ возможнымъ ввести въ свою галлерею женскіе образы Лермонтова, Достоевскаго, Лѣскова и др. писателей той эпохи. Просѣянный черезъ двойное сито „необъятный, неисчерпаемый" художественный матеріалъ XIX в. далъ, въ концѣ концовъ, лишь 27 отрывковъ изъ произведеній 12 писателей для тоненькой хрестоматіи.

Надо, однако, признать, что столь суровая чистка необъятнаго матеріала не оправдала ожиданій. Добрая доля героинь, взятыхъ для хрестоматіи, имѣетъ весьма слабое касательство къ общественно-идейному элементу, а то и вовсе никакого. Такъ, о героиняхъ Гончарова (Ольга и Вѣра) самъ составитель говоритъ, отмѣчая въ нихъ пониженіе общественно-идейнаго героизма: „Все-таки онѣ значительны еще и иной, не менѣе высокой человѣческой правдой. Эту вѣчную правду, можетъ быть, не здѣшнюю, не земную, а далекую, небесную постигла Вѣра". То „созвѣздіе", къ которому пришла Вѣра, есть „Богъ, добро и любовь". Образъ тургеневской Лизы („Дворянское гнѣздо") окруженъ „тѣмъ же сіяніемъ, ореоломъ нравственной чистоты и святости".

Такимъ образомъ, „небесная правда" и общественно-идейныя стремленія въ представленіи составителя хрестоматіи вещи равноцѣнныя. Не будемъ спорить. Но несомнѣнно одно—въ понятіи эпохи, о которой идетъ рѣчь, эти вещи взаимно другъ друга исключали, и человѣкъ, обращавшійся отъ общественныхъ исканій къ тріадѣ, не только находилъ себѣ уготованное мѣсто въ старомъ укладѣ, но именно это обращеніе и означало крушеніе общественно-идейныхъ стремленій. И намъ кажется, что и теперь въ оцѣнкѣ этихъ двухъ историческихъ явленій слѣдовало бы держаться одного берега.

Относительно же Ольги составитель говоритъ: „Важно, что Ольга, отказавшись отъ обломовской идилліи, пошла по новому пути съ представителемъ разночинной среды, человѣкомъ дѣла и дѣйствія". Стало быть, даже безболѣзненное пріобщеніе героини къ средѣ мѣщанской буржуазіи по линіи наименьшаго сопротивленія—выйти замужъ по любви за состоятельнаго человѣка и стать помощницей его по пріумноженію и накопленію капиталовъ—учитывается, какъ явленіе въ плоскости общественно-идейной. Далѣе мы имѣемъ некрасовскій образъ „красивой и благородной крестьянки" („Морозъ - красный носъ"), Катерины („Гроза" Островскаго), „натуры страстной и сильной", „не вынесшей жизни безъ ласки, свѣта и тепла любви", Леночки („Молотовъ" Помяловскаго). „пустой, наивной дѣвушки" Нади Дороговой („Мѣщанское счастье" Помяловскаго) и т. д.

Все это разнообразіе пріемовъ оцѣнки при выборѣ матеріала, гдѣ на ряду съ небесной правдой" стоитъ стремленіе къ личному счастью, а возлѣ послѣдняго—народолюбіе писателя и т. д., при чемъ все это подводится подъ общественно-идейное знамя,—лишаетъ книгу цѣльности и выдержанности. Въ своихъ же попыткахъ во вступительной статьѣ связать несвязуемое составитель мало убѣдителенъ, и исходная точка его даетъ сильнѣйшую аберрацію.

Но если смотрѣть на хрестоматію безъ лишнихъ общественно-идейныхъ требованій, то она представляетъ извѣстный интересъ, просто какъ галлерея художественныхъ женскихъ образовъ очень важной и очень интересной эпохи. Къ сожалѣнію, галлерея эта сильно пострадала отъ усиленнаго отсѣиванія матеріала... (*Вен. Дубровскій. „Совр. М" 1914—3*).

...Въ каждой школьной библіотекѣ желательна эта книга... (*Ф. „Педаг. Об." 1914—2*).

...Какъ историч. картина, она слишкомъ неопредѣленна, отрывочна, не даетъ яснаго представленія о развитіи женскаго вопроса. Какъ сборникъ матеріаловъ, она слишкомъ неполна... Неудачна сама по себѣ мысль приводить только положительныя характеристики... Въ книгѣ хорошо только настроеніе редактора: старое, прогрессивное, либеральное настроеніе до-реакціонной эпохи. (*Б. Энингардтъ. „Свое. Журн." 1913—12*).

351. Никольскій, Н. М. 9(3)

Древній Вавилонъ. Популярно-научные очерки по исторіи культуры Сумера, Вавилона и Ассура. Съ 93 рис., планомъ древняго Вавилона и историч. картою. 1913. М., изд. т-ва „Міръ". 434 стр. Ц. 2 р.

...Старое представленіе о культурахъ Востока, какъ о застывшихъ въ косной неподвижности состояніяхъ, теперь уступило мѣсто представленію объ эволюціонномъ развитіи восточныхъ государствъ, раскрывавшемъ въ своемъ теченіи тѣ же историческіе этапы, что и государства болѣе близкихъ къ намъ временъ. Востокъ сдѣлался болѣе понятнымъ для насъ, и въ структурѣ восточныхъ обществъ мы нашли тѣ же самыя соціологическія категоріи, которыя встрѣчаемъ и въ исторіи новыхъ государствъ. Съ другой стороны, мы увидали, какъ много восточныхъ знаній, преданій и всякаго рода вліяній перешло въ современныя намъ культуры путемъ заимствованія или преемственной передачи. Въ работѣ Н. очень удачно соединены пріемы популярно-общественнаго изложенія и научнаго труда. Въ живой и легкой формѣ авторъ сообщаетъ своимъ читателямъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ привели работы крупнѣйшихъ оріенталистовъ нашего времени. Въ первыхъ главахъ онъ знакомитъ насъ съ тѣмъ труднымъ и долгимъ путемъ археологической и скриптологической работы, благодаря которому раскрыли свои тайны курганы Месопотаміи и были разгаданы заключенныя въ нихъ клинообразныя надписи. Затѣмъ характеризуется бытъ сумеровъ, древнихъ насельниковъ двурѣчья, ярко изображается дворъ и хозяйство сумерскаго патэси (князя и жреца) и его отношенія къ царю, при чемъ рисуется типичная картина феодальнаго раздробленія, характеризуются религіозныя вѣрованія сумеровъ со всѣми типичными чертами тотемизма и анимизма, подробно описывается жизнь въ священномъ городѣ сумеровъ Нипнурѣ со всѣми его богомольцами, жрецами и храмами, разсказывается о старинной жреческой наукѣ съ ея заклинаніями, гаданіями, съ ея культомъ небесныхъ свѣтилъ и астрономическими наблюденіями. Послѣ этого авторъ переходитъ къ объединенію Сенгара, указывая на тѣ общіе моменты, которыя должны были содѣйствовать объединительнымъ началамъ,—на развитіе торговли и промысловъ, на потребность въ общей защитѣ отъ враговъ, на завоевательные походы и на паденіе могущества старой землевладѣльческой знати. Въ

связи съ этимъ авторъ излагаетъ исторію возвышенія Вавилона, даетъ картинку изъ хозяйственной и политической жизни древняго вавилонскаго царства временъ царя Хаммураби. излагаетъ перемѣны въ религіи, связанныя съ объединеніемъ семитовъ кругомъ Вавилона, подробно разсказываетъ легенды, связанныя съ именемъ вавилонскаго бога Мардука (о его борьбѣ со злой богиней Тіаматъ, о сотворѣніи міра и т. п.) и др. Затѣмъ идетъ разсказъ о внѣшнихъ опасностяхъ, которымъ подвергался Вавилонъ въ теченіе 2-го и началѣ 1-го тысячелѣтія до Р. Х.— о набѣгахъ хеттовъ, касситовъ и, наконецъ, ассиріянъ. Исторія ассиріянъ, ихъ религіозныя вѣрованія, ихъ войны и военные пріемы, способы построеній, ихъ мирный бытъ и занятія въ исходѣ II тысячелѣтія излагаются особенно подробно; это—самостоятельная и довольно большая часть книги. Еще подробнѣе авторъ разсматриваетъ исторію Ассиріи при Саргонѣ (VIII—VII вв.) и даетъ прекрасную картинку двора Саргона—Дуръ-Шаркукина и своеобразной, полной интригъ, закованной въ строгія правила этикета жизни въ немъ. Заканчивается книга главами о Вавилонѣ подъ властью Ассиріи и халдейскихъ царей. Въ книгѣ И. вообще вѣрно его умѣніе оживить далекую старину, о которой онъ разсказываетъ, его способность расцвѣтить яркими красками, какъ будто прямо взятыми изъ исторіи современныхъ намъ государствъ, мертвыя, казалось бы, культуры Востока, не модернизируя ихъ и не лишая специфическаго восточнаго колорита... (*В. Перцевъ. „Вѣст. Евр."* 1914—2).

...Въ свое время какъ Вавилонъ, такъ и окружавшія его области явились, такъ сказать, историческимъ перекресткомъ, точкой пересѣченія крупнѣйшихъ путей мѣлаго ряда всяческихъ культуръ. Здѣсь они встрѣчались, сюда несли свои лучшіе соки, которые Вавилонъ перерабатывалъ, обогащалъ новыми элементами и гналъ во всѣ концы свѣта. На Европу вліяніе Вавилона распространялось, конечно, не прямо, а просачиваясь черезъ цѣлый рядъ отдѣлявшихъ ихъ культуръ; повтому и учтено оно можетъ быть очень вѣрно и лишь приблизительно, что, впрочемъ, не отнимаетъ у него характера привовывающей въ себѣ значительности. Достаточно указать хотя бы на весьма ощутительную зависимость текста Библіи отъ вавилонскихъ сказаній. Многія частности нашей астрономіи восятъ столь же явственный отпечатокъ вавилонскаго происхожденія. Все это вызываетъ въ насъ при изученіи Вавилона вѣчто большее, чѣмъ обычный историческій интересъ. [Указываетъ, далѣе, на цѣнность въ этомъ отношеніи труда Н.] (*М. Богдановичъ. „Голосъ". 1914—3*).

...Особенно цѣнны главы... о древнѣйшей эпохѣ, гдѣ авторъ могъ черпать изъ первыхъ рукъ, пользуясь указаніями и совѣтами своего отца, извѣстнаго... оріенталиста... (въ книгѣ повтому находится и вѣсколько новыхъ, вигдѣ еще не опубликованныхъ рисунковъ и снимковъ); не меньшаго вниманія заслуживаютъ главы, посвященныя исторіи раскопокъ и дешифрацію клинописи (по обоимъ вопросамъ въ русской литературѣ до сихъ поръ не было столь пространнаго обзора)... (*„Рус. М." 1913—10*).

См. еще: В. Т. *„Изв. по Нар. Обр."* 1914—31. [Говорится о важности работы Н. и указывается на многія погрѣшности]; В. Волгинъ. *„Рус. Вѣд."* 1913—244; Илья Шеламовъ. *„Сѣв. Зап."* 1913—12; *„Юрид. Библіогр."* 1914—1; П. Б. *„Ист. Вѣст."* 1914—2.

352. Карѣевъ, Н. 9(44)

Революціонные комитеты парижскихъ секцій (1793—1795). Съ прилож. неиздан. документовъ. 1913. Спб. 36+XLVI стр. Ц. 40 к.

...Муниципальный законъ 1790 года, раздѣливший Парижъ на 48 секцій, поставилъ во главѣ каждой изъ нихъ особый выборный комитетъ (такъ назыв. „гражданскіе комитеты", во эти учрежденія вскорѣ были отттѣснены на второй планъ такъ наз. „революціонными комитетами", организованными въ каждой секціи, согласно декрету Конвента отъ 21 марта 1793 года. Созданные первоначально для наблюденія за иностранцами, проживавшими во Франціи, эти комитеты быстро расширили предѣлы своей компетенціи и въ эпоху террора получили преобладающее значеніе, какъ мѣстныя ячейки той власти, вершку которой представлялъ Конвентъ со своими комитетами („общественнаго спасенія" и „общей безопасности").

...Компетентное изслѣдованіе одного изъ лучшихъ знатоковъ французской революціи вноситъ много новаго въ освѣщеніе, хотя и частнаго, но въ высшей степени интереснаго и малоизслѣдованнаго вопроса о комитетахъ парижскихъ секцій. (*Н. „Дѣло". 1913—341*).

Матеріаломъ для статьи... К. послужили документы, до сихъ поръ почти не использованные историкомъ франц. революціи. Это—архивный матеріалъ по исторіи парижскихъ секцій. Имя не пользовались ни Тэнъ, ни Олоръ, ни Жоресъ. Сохранились они только отчасти.

...Предшественникомъ К. въ его работѣ былъ Меллье, съ которымъ авторъ во многомъ согласенъ и на работу котораго онъ часто ссылается.

Революціонные комитеты возникли для борьбы съ врагами отечества. Комитеты должны были собираться для пріема доносовъ на всѣхъ подруговъ революціи и для производства обысковъ и арестовъ. К. опровергаетъ мнѣніе Краповтина, который полагалъ, что въ нихъ преобладали буржуа и прежніе чиновники; всего больше въ нихъ было рабочихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и безграмотность комитетскихъ протоколовъ. Авторъ даетъ краткую исторію комитетовъ и расходится съ мнѣніемъ, которое поддерживали такіе различные по своимъ взглядамъ историки, какъ Тэнъ и Олоръ, ставящіе въ вину комитетамъ произволъ, злоупотребленія властью, насилія, тиранію и т. д. К., вмѣстѣ съ Меллье, находитъ, что ослабой жестокости комитеты не обнаружили. Содержаніе ихъ постановленій—чисто дѣлового характера; иногда даже встрѣчается заботливость о гарантіяхъ безпристрастія. Конечно, въ нихъ царилъ духъ подозрительности.

...Прочитывая въ секціонныхъ регистрахъ одинъ за другимъ протоколы засѣданій, только и наталкиваешься на записи о доносахъ, о взятіи подъ подозрѣніе, объ отдачахъ подъ надзоръ, объ обыскахъ, объ опечатаніи квартиръ или бумагъ объ арестахъ, объ обезоруженіи, о допросахъ, о сношеніяхъ съ другими комитетами по поводу тѣхъ или другихъ подозрительныхъ гражданъ, объ отправкѣ задержанныхъ по подозрѣнію въ Комитетъ общей безопасности". Эта дѣятельность то ослабѣвала, то усиливалась и достигла расцвѣта, когда Конвентомъ былъ изданъ

законъ 17-го сентября о подозрительныхъ людяхъ. Въ протоколахъ встрѣчаются иногда имена извѣстныхъ дѣятелей революціи, но не они занимаютъ первое мѣсто; иногда записи настолько обстоятельны, что рисуютъ любопытныя бытовыя сцены. Кромѣ ссылки комитеты были заняты пропитаніемъ парижскаго населенія, главнымъ образомъ съ того момента, какъ былъ объявленъ законъ о максимумѣ цѣнъ на жизненные припасы. Продовольствіе больныхъ составляло особую заботу комитетовъ. Они должны были также добывать предметы, необходимые для арміи (селитру, обувь), и заботиться о ихъ производствѣ... (*А. Т. „Вѣст. Евр“ 1913—12*).

См. еще: „Завѣты“. 1914—2; *„Ист Вѣст.“* 1914—1; А. Джинелегонъ. *„Рус. Вѣд.“* 1913—285; Н. Б—ій. *„Рѣчь“*. 1913—260.

353. [. . . . . 9(47)

Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Подъ ред. Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ. Ч. I. До Петра В. Съ 56 рис. въ текстѣ и 20 на отд. листахъ. 1913. М., изд. „Задруга“. 367 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Книга должна „дать рядъ элементарныхъ очерковъ по русской исторіи, предназначенныхъ, главнымъ образомъ, для чтенія въ низшихъ классахъ средней школы“. Не для взрослыхъ, хотя бы и мало знающихъ, а для дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 12—13 лѣтъ предназначаютъ авторы свои „разсказы изъ русской исторіи“. Вотъ, что говорятъ далѣе авторы о характерѣ своей работы: „Наша книга сама по себѣ отнюдь не имѣетъ цѣлью замѣнить учебникъ. Это книга для чтенія, которой преподаватель можетъ пользоваться въ классѣ“ и которая можетъ „въ то же время дать матеріалъ для самостоятельнаго домашняго чтенія ученика. Читатель не найдетъ поэтому въ нашихъ очеркахъ какого-либо систематическаго изложенія русской исторіи. Скорѣе это рядъ отдѣльныхъ очерковъ, которые должны дать общее представленіе о ходѣ исторической жизни съ ея постепеннымъ усложненіемъ... „Наше прошлое“ должно дать рядъ картинъ преимущественно бытовыхъ, иногда эпизодовъ, но отнюдь не случайныхъ: эпизодъ допускался только тогда, когда онъ былъ яркимъ выраженіемъ тѣхъ или другихъ общихъ явленій исторической жизни“. Въ указанныхъ предѣлахъ авторы справились со своей задачей, въ общемъ, очень удачно. И что особенно пріятно поражаетъ, такъ это то, что въ книгѣ нѣтъ того слащаво-сантиментально-патріотическаго налета, которымъ страдаютъ почти всѣ книги по исторіи, предназначенныя для школы. Авторы остановились, главнымъ образомъ, на характеристикѣ внутренней жизни, быта, нравовъ, вѣрованій. Этюды, затрогивающіе внѣшнюю политику, лишь въ очень ограниченномъ числѣ вкраплены въ книгу, такъ какъ авторы придерживаются того совершенно правильнаго мнѣнія, что „вопросы внѣшней политики, которой такъ часто отдаютъ въ элементарныхъ книгахъ преимущественное вниманіе..., не могутъ быть осмыслены (за весьма малымъ исключеніемъ) въ томъ возрастѣ, для котораго предназначается книга“.

Въ живыхъ, порою весьма яркихъ разсказахъ проходятъ передъ читателемъ картины „нашего прошлаго“ ...изложена жизнь Кіевской Руси... Сѣверо-восточной Руси. Далѣе, развертывается жизнь Московскаго государства XVI вѣка. Въ слѣдующихъ очеркахъ авторы знакомятъ насъ съ главнѣйшими событіями смутнаго времени. И, наконецъ, передъ читателемъ проходятъ картины жизни Московскаго государства XVII вѣка. Въ предисловіи высказывается мнѣніе, что книга „можетъ найти себѣ примѣненіе не только въ средней, но и въ школѣ народной. Она можетъ быть полезной и всѣмъ тѣмъ, кто лишь начинаетъ знакомиться съ русской исторіей. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ—насчетъ полезности книги и для всѣхъ тѣхъ, кто лишь начинаетъ знакомиться съ русской исторіей,—едва ли, однако, можно согласиться безъ всякихъ оговорокъ. Вѣдь незнакомыхъ съ русской исторіей очень много и среди взрослыхъ. Но книга, разсчитанная на уровень пониманія человѣческой жизни и исторіи, свойственный дѣтямъ, едва ли можетъ удовлетворить запросы человѣка взрослаго. Правда, есть взрослые съ дѣтскимъ пониманіемъ жизни. И для нихъ данная книга можетъ быть полезной не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ для дѣтей. Но людей, предъявляющихъ къ исторіи болѣе серьезныя требованія, всякая даже самая лучшая дѣтская книга совершенно не можетъ удовлетворить по той простой причинѣ, что слишкомъ много останавливается на внѣшней сторонѣ жизни прошлаго и слишкомъ мало на выясненіи сущности того ряда соціально-экономическихъ и политическихъ конфликтовъ, который, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе взрослаго читателя. Я счелъ необходимымъ сдѣлать это замѣчаніе для того, чтобы еще рѣзче подчеркнуть характеръ разсматриваемаго коллективнаго труда. Было бы просто неправильно отнестись къ этой прекрасной книгѣ для дѣтей, какъ къ книгѣ для взрослыхъ. Съ внѣшней стороны книга издана хорошо. Печать четкая. Много рисунковъ, очень умѣло подобранныхъ, хотя и не всегда достаточно отчетливо отпечатанныхъ... (*Ник. Андреевъ. „Рус. Шк.“ 1914—2*).

...Въ 66 очеркахъ [книги] юный читатель найдетъ живой, картинный, а подчасъ и увлекательный разсказъ о главнѣйшихъ моментахъ и событіяхъ русской исторіи до Петра В. Вполнѣ объективный и научный характеръ изложенія—еще болѣе увеличиваетъ положительные достоинства книги. Несмотря на то, что она не даетъ вполнѣ систематическаго изложенія русской исторіи IX—XVII вв. и нѣкоторые очерки, ее составляющіе, не вполнѣ внутренно объединены и связаны между собой, она съ интересомъ можетъ быть прочтена отъ начала до конца, какъ нѣчто цѣльное и единое.

...Однако, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ „Наше прошлое“ не вполнѣ удовлетворяетъ [требованію извѣстной хронологич. и внутренней послѣдовательности]. Особенно яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ глава „Смутное время“, какъ-то клиномъ врѣзывающаяся во все остальное изложеніе... Предшествующая глава „Московское государство XVI в.“... всей совокупностью своихъ статей должна оставить въ читателѣ такое впечатлѣніе, чтобы всѣ перипетіи смуты не были для него проявленіемъ чьей-либо злой воли, какой-нибудь крамолы или просто явленіями, ничѣмъ не связанными съ предыдущимъ ходомъ событій. А

между тѣмъ, такое или подобное впечатлѣніе при чтеніи главы „Смутное время"... получиться можетъ. ...отъ юнаго читателя книги требуется значительная доза самостоятельнаго размышленія и синтеза, чтобы у него выработалось ясное представленіе о событіяхъ, подготовившихъ смуту... [Указывается, что́ было бы желательно видѣть въ этой главѣ]. Другимъ довольно существеннымъ дефектомъ книги общаго характера является извѣстная пестрота изложенія, что сказывается не только въ стилѣ повѣствованія или въ большей или меньшей его картинности..., но и въ количествѣ типовъ статей, изъ которыхъ состоитъ эта книга: мы встрѣчаемъ въ ней и чисто беллетристич. форму изложенія и полубеллетристич., и описанія, и прагматич. повѣствованія съ присоединеніемъ характеристикъ и біографич. данныхъ. ... Съ нашей личной точки зрѣнія слѣдовало бы совершенно устранить беллетристич. форму изложенія..., слѣдовало бы свести къ minimum'у форму описанія и прагматически-повѣствовательнаго изложенія.., форму бытового разсказа слѣдовало бы сдѣлать значительно болѣе доминирующей... Теперь обратимся къ отдѣльнымъ главамъ книги... Первая глава... рисуетъ жизнь Кіевской Руси. Картина этой жизни получается недостаточно полная, ...какъ-то мало обрисована экономич. жизнь Кіевск. Руси; въ частности, жизнь южнаго города... ничего не говорится о духовной культурѣ Кіев. Руси, въ частности остался, напр., въ сторонѣ вопросъ о борьбѣ язычества и христіанства, о двоевѣріи... не обрисовано... и вліяніе Византіи на русскую жизнь... нѣтъ лѣтописи и лѣтописца. ...[Далѣе говорится о недостаткахъ отдѣльныхъ очерковъ]. Второй отдѣлъ...—„Въ сѣверо-восточной Руси",—состоитъ изъ двухъ частей: одна посвящена Суздальской Руси, а другая—Новгородской. Первая представляется намъ мало удачной: въ ней мало показана жизнь народа..., но много вниманія отведено политич. и военной исторіи... [Дѣлаются замѣчанія по поводу отдѣльныхъ очерковъ этого и слѣдующихъ отдѣловъ]. Послѣдній отдѣлъ книги—„Московское государство въ XVII в.".,—является наиболѣе удачнымъ (за исключеніемъ того, что сказано о немъ выше); онъ особенно богатъ живыми, дѣйствительно популярными очерками... [Сдѣланы характеристики очерковъ]. ...Рисунки... подобраны... умѣло, но есть промахи: не всегда рисунокъ соотвѣтствуетъ тексту... Но всѣ эти замѣчанія вовсе не умаляютъ... положительныхъ качествъ [книги], а потому мы желаемъ [ей] самаго широкаго распространенія. (*К. Сивковъ. „Вѣст. Восп." 1914—1*).

„Большинство очерковъ написано сухо и громоздко"... „изданіе, имѣющее опредѣленную тенденцію, воспользовалось матеріаломъ слишкомъ неравномѣрно"... „Н. п." не можетъ быть отнесено къ числу лучшихъ изданій историч. комиссіи. (*Н. Марксъ. „У. Рос." 1913—270*). *См. еще*: Л. С. *„Вѣст. Евр."* 1913—12; *„Что и какъ чит. дѣт"*. 1913/4—6; *„Ежем. Жур"* 1914—2; Н. Б. *„Утро"*. 1913—2131; Н. П. *„Вят. Рѣчь"*. 1914—26.

354. Полонская, Н. Д. 9:912](47)

Историко-культурный атласъ по русской исторіи, съ объяснит. текстомъ, составл. Н. Д. Полонской, подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. II. 1913. Кіевъ, изд. В. С. Кульженко. 61 стр., 40 табл. Ц. 2 р.

Какъ видно изъ предисловія проф. Довнаръ-Запольскаго, атласъ П. предназначается для учащихся средней школы. Цѣлью составительницы при этомъ было стремленіе приблизить старину къ учащемуся, изучающему русскую исторію, развить интересъ къ ней, возбудить желаніе видѣть ее въ натурѣ. Такимъ образомъ, атласъ долженъ дополнить или даже замѣнить то, что учащіеся могутъ вынести съ той или другой историч. экскурсіи. ...Города и укрѣпленія, домашняя утварь, одежда, вооруженіе, средства передвиженія, церкви, дворцы, частные дома и пр., всѣ эти слагаемыя нашей внѣшней культуры представлены довольно полно и разнообразно; но составительница не забыла и духовной культуры: письменность, школа, стѣнопись, иконопись, обряды, развлеченія и проч., все это нашло мѣсто въ ея атласѣ. Можно, конечно, было бы кое-что выпустить (напр., въ отдѣлѣ не-славянскихъ древностей), кое-что, наоборотъ, ввести вновь (напр., въ отдѣлахъ домашн. быта или сельск. хозяйства), но, повторяемъ, взятый въ цѣломъ, атласъ П. отвѣчаетъ своему назначенію. Однако двѣ причины помѣшаютъ, вѣроятно, широкому проникновенію его въ среднюю школу. Во-первыхъ, онъ дорогъ... Другой причиной, затрудняющей пользованіе атласомъ П., является плохое выполненіе многихъ рисунковъ. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы со старыхъ оригиналовъ, которые, очевидно, сами плохо выполнены. .. [Въ концѣ отзыва сдѣлано нѣсколько частныхъ замѣчаній.] (*К. Сивковъ. „Вѣст. Восп." 1914—2*).

... атласъ ... включаетъ: 1) рисунки, воспроизводящіе большей частью съ гравюръ, современныхъ данной эпохѣ, различныя стороны частнаго и обществен. быта город. и сельской Россіи; 2) объяснит. текстъ къ этимъ рисункамъ и 3) библіографич. указанія по исторіи соотвѣтствующихъ вопросовъ. Нечего и говорить о томъ, что подобное пособіе представляетъ большую цѣнность и для цѣлей школьнаго преподаванія исторіи, и для распространенія свѣдѣній по исторіи русской матеріальной культуры въ широкихъ кругахъ читающей публики. .....(*А. Кизеветтеръ. „Рус. М." 1914—65*).

Второй выпускъ атласа разсматриваетъ культурно-бытовую жизнь XV—XVII вв. Московской и Юго-Западной Руси. Краткій пояснительный текстъ составленъ толково и удовлетворяетъ цѣли изданія. Этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать относительно иллюстративнаго матеріала: представленные на таблицахъ предметы искусства и быта размѣщены такъ тѣсно, съ такимъ, иногда, несоблюденіемъ пропорцій и уменьшеніемъ, что почти теряется всякое ихъ художественное значеніе и въ сильной степени умаляется значеніе съ точки зрѣнія наглядности. (*Н. Габилевъ. „Стар. Годы". 1914—2*).

... дается характеристика оборонительныхъ средствъ Московскаго государства, домашней обстановки московскихъ людей, а также ремеслъ, обрядовъ, развлеченій и т. д. Текстъ составленъ авторомъ внимательно, написанъ довольно живо. Нѣкоторые очерки (Городъ и деревня, обряды и много др.) настолько удачны, что прочтутся учащимся съ большимъ интересомъ. Что касается матеріала для таблицъ, то, какъ это уже было указано такимъ авторитетнымъ археологомъ,

какъ А. А. Спицынъ (Ж. М. Н. Пр., авг., 1913 г.), содержаніе ихъ со строго-научной точки зрѣнія является иногда спорнымъ. Но если принять во вниманіе, что атласъ и не разсчитанъ вовсе на кругъ спеціалистовъ, а предназначенъ для болѣе скромной цѣли служить научно-популярнымъ пособіемъ для учащихся, то этотъ дефектъ не имѣетъ большого значенія, къ тому же избѣжать его въ археологіи, дисциплинѣ еще весьма мало разработанной, очень затруднительно. (*К—шовъ. „Ист. Вѣст." 1914—2*).

См. еще: А. Т. *„Вѣст. Евр."*, 1913—12; *Ежем. Журн."* 1914—2.

355. Сенъ-Викторъ П-де. 92:7

Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 475 стр. Ц. 1 р. 25 к.

С.-В.,.. одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ писателей 19 вѣка. Другъ Барбэ д'Оревильи и Т. Готье, онъ любилъ искусство, какъ божество, и могъ бы смѣло сказать вмѣстѣ съ Малларма, что весь міръ существуетъ только для того, чтобы о немъ можно было написать одну прекрасную книгу. Можетъ быть, даже не книгу, а фразу. Недаромъ его называли друзья „Донъ-Жуаномъ фразы".

„Стоитъ написать цѣлую книгу только для того, чтобы Вы написали о ней одну страницу",—писалъ С.-В. Гюго, прочтя статью о „Труженникахъ моря". „Когда я читаю С.-В., я надѣваю синіе очки, чтобы не ослѣпнуть",—говорилъ о немъ Ламартинъ, намекая на сіяющее великолѣпіе его стиля. О книги „Боги и люди" самъ авторъ пишетъ такъ: пусть читатель представить себѣ мастерскую, въ которой художникъ собралъ нѣсколько наименѣе слабыхъ своихъ этюдовъ, чтобы выставить ихъ на судъ публики: историческую картину рядомъ съ офортомъ, рисунокъ съ античной статуи рядомъ съ портретомъ или фантазіей.

Книга открывается славословіемъ Венерѣ Милосской, для которой С.-В. находитъ мудрыя и глубокія слова. За ней виднѣется статуя Діаны. Дальше таинственныя и вдохновенныя изображенія Цереры и Прозерпины. Это боги, вѣрнѣе, богини.

А вотъ люди... Неронъ—химерическій сплавъ безумца и гаера, преступника и диллетанта. Рядомъ съ нимъ Маркъ Аврелій—стоикъ на престолѣ, чье царствованіе—одна дѣйственная добродѣтель. За ними идетъ Аттила—этотъ калибанъ войны, похожій на четвертаго всадника Апокалипсиса, достойный не исторіи, а эпопеи на варварскомъ языкѣ. Людовикъ XI, Цезарь Борджіа, Бенвенутъ Челлини,—бандитъ съ руками феи, циклопъ, чеканившій перстни. Въ свой альбомъ С.-В. зарисовалъ много портретовъ. Тутъ мы найдемъ и Генриха III, короля французскаго. Діану-де-Пуантье, фаворитку Генриха II, Роланда. Боккачіо, Агриппу д'Обинье, Донъ-Кихота и др. Книга оканчивается мрачнымъ образомъ Свифта, этимъ дикимъ мизантропомъ, прекраснымъ символомъ генія котораго можетъ служить свернувшійся дикообразъ. „Боги и люди" замѣчательная книга. Это кошница, полная великолѣпныхъ благоухающихъ образовъ, чеканныхъ сравненій и эпитетовъ, то нѣжныхъ и волнующихъ, какъ звуки любимой мелодіи, то мѣткихъ и сильныхъ, какъ удары судьбы. (*Л. Ляшкевичъ. „День". 1914—85*).

...Очерки С. В., посвященные исторіи, изящны, часто блестящіе, но больше никакого комплимента по ихъ адресу не выжмешь. ...С.-В. черпаетъ свои познанія изъ одной, много двухъ книжекъ, положеній которыхъ и не думаетъ провѣрять или хотя бы только подвергать ихъ сомнѣнію или критикѣ. Такъ какъ фраза владѣетъ имъ весьма деспотически, то онъ во имя ея совершаетъ рядъ безвкуснѣйшихъ грѣховъ противъ историч. истины. [Даны примѣры неточностей въ статьяхъ С.-В.].

Зато превосходны статьи чисто-литературныя и критическія... Изящны, милы, задушевны очерки на миѳологическія темы... которыя такъ явственно и живо затрогиваютъ и волнуютъ страстнаго эллиниста, каковымъ всю жизнь былъ С.-В. О Діанѣ онъ пишетъ не только съ любовью, но съ какою-то смутною тоскою, какъ о бывшемъ, но невозвратно исчезнувшемъ: „Какими чарами должно было наполнять лѣса ея тайное присутствіе! Она освѣщала ихъ урочища и обожествляла ихъ шумы. Вѣтерокъ, шуршавшій въ листвѣ, быть можетъ, былъ ея божественнымъ дыханіемъ. Быть можетъ, озеро, еще дрожавшее рябью, только что обнимало ея божественное тѣло. Ея сказочная охота чаровала лѣсъ; она слышалась сквозь всѣ его шорохи. Пастухи и дровосѣки въ крикахъ вѣтра слышали свистъ ея стрѣлъ; пятна свѣта, пестрѣвшія въ тѣни, казались имъ отливами ея плечъ..." Въ миѳологическихъ статьяхъ С.-В. есть прелестныя мѣста, заставляющія вспоминать пушкинскаго Феба, который близъ „тѣнистаго Тайгета стадо пасъ, угрюмъ и сиръ", потому что и у Пушкина было это близкое, душевное пониманіе и ощущеніе царства великаго Пана. Эти статьи С.-В.—маленькіе перлы, поэмы въ прозѣ, и даже не вѣрится, что одно и то же перо написало и ихъ, и пустозвонные, дилетантскіе, никому ненужные историческіе этюды. Переводъ этюдовъ такого стилиста дѣло не легкое. Волошинъ справился со многими трудностями, но тамъ и сямъ все же попадаются шероховатости. [Указываются погрѣшности перевода].

Но въ общемъ задачу свою переводчикъ выполнилъ умѣло. (*„Рус. Бог.". 1914—1*).

...Жестоко ошибется тотъ, кто будетъ искать въ этихъ старыхъ писаніяхъ какихъ-нибудь глубокихъ откровеній. Читатели, знающіе всемірную исторію и литературу лишь по школьнымъ учебникамъ, поразятся массой интереснаго и пикантнаго матеріала, выложеннаго передъ ними С.-В. Но въ области мысли, интеллектуальной широтой и философской глубиной французскій фельетонистъ стоитъ не выше средняго современнаго читательскаго уровня. Безъ своего исключительнаго литературнаго блеска онъ казался бы намъ банальнымъ. Но красота фразы дѣлаетъ книгу неувядаемой. Это не вульгарный фейерверкъ словъ. Передъ нами искуснѣйшій изъ миніатюристовъ, вырѣзывающій мѣткими и изящными выраженіями чудные образы прошлаго. Какъ выпуклы они, выразительны, какъ художественно отдѣланы! Замѣчательная книга! Слово „читается" не приложимо къ ней. Большими глотками пьешь эту удивительную литературность, махровымъ цвѣткомъ распустившуюся на тучной почвѣ французской культуры... (*Евг. В. „Россія". 1914—2556*).

См. еще: П. Кожевниковъ. „У. *Рос.*". 1913—294.

356. [. . . . . 92 (Ч).

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Вып. III. (1878—1883) статья Е. Лядкаго. Примѣч. М. Н. Чернышевскаго. 1913. Спб., кн-во „Огни". 297 стр. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

... Три тома... переписки (Ч.)... я считаю завѣчательнѣйшей книгой, болѣе современной, чѣмъ это кажется, важной и нужной. .... Статья Лядкаго написана съ большой любовью, съ большимъ годъемомъ,—но Боже мой, какія слова можно сказать рядомъ съ этими подлинными, страшными въ своемъ однообразіи, силѣ и тяжести? Языкъ писемъ третьяго тома медленно каменѣетъ; кажется,—человѣкъ ворочаетъ скалы. Одинъ—слишкомъ долго!—онъ бросаетъ эти камни съ всякающей, и все-таки огромной, силой. Чернышевскій еще живъ. Но тяжела гробовая крышка и три аршина мерзлой земли надъ ней. Восемнадцать лѣтъ (ссылки) давитъ... Кто бы остался живъ?

А онъ почти тотъ же, если не считать эту, надрывающую сердце, тяжелую каменность языка.

Какой холодный, сильный и несчастный человѣкъ. И какой огонь въ его холодѣ, какая дѣтская, стыдливая и бездонная нѣжность въ силѣ, какое величіе въ несчастьѣ! Его судьба, и онъ самъ слишкомъ поразительны, чтобы я могъ сейчасъ останавливаться на оцѣнкѣ его, какъ писателя и мыслителя, на его талантливости или неталантливости. Судьба и душа этого человѣка важнѣе всякихъ книгъ.

Безпріодѣльная, „безтѣлесная" (по выраженію Лянкаго) любовь его къ женѣ, къ „ненатлядной красавицѣ Лялечкѣ",— однообразна и неподвижна, какъ вѣчность. Я бы назвалъ ее не „безтѣлесной", а „надтѣлесной"; она такъ огромна, что не вмѣщается въ наши понятіи, именно какъ вѣчность не вмѣщается. Если ощутить ее, просѣдѣть во всей бѣдности повторяющихся словъ, строка за строкой,—начинаешь казаться очень серьезно, что она не могла кончиться, ибо и начаться не могла, а только есть всегда.

Странная, какихъ „не бываетъ на свѣтѣ", эта любовь, однако, и самая человѣческая, потому что мудрая, трезвая, ясная, умная. Въ замѣчательномъ письмѣ къ Пыпину Ч. говоритъ „другу и брату" объ Ольгѣ Сократовнѣ съ такой откровеностью, съ такой проницательностью, какую можетъ дать только дѣйствительно небывалая любовь: потому что любовь эта отъ ясности взора ни на іоту не уменьшается, горитъ въ разумныхъ, ясныхъ, вѣрныхъ словахъ тѣмъ же „вѣчнымъ" огнемъ.

Ч. говоритъ о Добролюбовѣ, о Некрасовѣ,—я не помню, чтобы кто-нибудь говорилъ о нихъ такъ. Говорили остре, говорили глубже,—говорили много! Но Ч. далъ свое. И освѣтилъ ихъ своимъ лучомъ. Тоже любилъ ихъ,—по-особенному, по-своему. Его любовь, всякая, была сотканa изъ какого-то совсѣмъ особаго матеріала. Любовь, покрывающая, сама покрытая и—вѣчная.

„Онъ (Некрасовъ) былъ—немногимъ больше образованный человѣкъ, чѣмъ Ольга Сократовна. . . . . И—я постоянно пробовалъ разсказывать ему просто... что было бы полезно ему узнать. Онъ,—разумѣется не тяготился, не чувствовалъ досаднымъ, что я хочу учить его. Но—при малѣйшей возможности, отмѣнивалъ отъ скучнаго ему предмета разговора... чаще всего танцо его говорить о своей карточной игрѣ... ... „О Некрасовѣ я рыдалъ,—просто рыдалъ по цѣлымъ часамъ, каждый день, цѣлый мѣсяцъ"...—пишетъ Ч. далѣе. А онъ годами не плакалъ, даже забылъ, какъ плачутъ. Каменѣли слова, замерзали слезы,—но вдругъ растапливаютъ ихъ порывъ любви, и слезы тогда лились „цѣлый мѣсяцъ".

Незабвенны и строки Ч. о Добролюбовѣ.

. . . . Кто захочетъ,—пусть прочтетъ эту замѣчательнѣйшую книгу съ терпѣніемъ и вниманіемъ, пусть вдумается въ судьбу и обликъ этого... писателя? ученаго? вождя идейнаго? нѣтъ, просто человѣка, настоящаго человѣка.

Его послалъ Богъ гнѣва и печали.
Сынамъ земли напоминать о Христѣ.

(*Антонъ Крайній. „День". 1914—56*).

. . . Книга заключаетъ письма отъ 1 янв. 1878 г. до 10 авг. 1883 г. Въ эти годы Ч. уже видимо потерялъ всякую надежду на возвращеніе въ Россію. Мысль его обращена почти исключительно къ родной семьѣ, къ воспоминаніямъ, къ разсказамъ объ обыденныхъ мелочахъ и въ „особенности къ его милой радости", къ женѣ.

. . . Въ 1878 г. Ч. неожиданно перестали на полгода посылать письма... Перерывъ объяснили тѣмъ, что письма Ч. въ началѣ 1878 г. показались слишкомъ пространными его наблюдателямъ, и они предложили ему писать покороче, если не желаетъ, чтобъ совсѣмъ запретили писать. Оскорбленный и потрясенный такимъ дикимъ предложеніемъ, Ч. заявилъ, что можетъ вовсе перестать писать, послѣ чего засѣлъ въ своей комнатѣ и не выходилъ около года. За этимъ перерывомъ письма его стали большею частью кратки, и въ нихъ нѣтъ уже пространныхъ разсужденій на общія темы. ..... Въ обширномъ письмѣ къ А. Н. Пыпину отъ 25 февр. 1878 г. Ч. подробно разсказываетъ, какъ онъ два раза не позволилъ Добролюбову жениться. . . . . „У меня никогда не было,—пишетъ Ч. объ этомъ,—ни одного пріятеля, ни въ юности, ни послѣ. Д. я любилъ какъ сына... Онъ зналъ, что не женится безъ моего позволенія. Это не всякій сынъ сдѣлаетъ такую уступку волѣ отца. Некрасова Ч. горячо защищаетъ отъ обвиненій въ нечестной игрѣ...

Отрывки писемъ О. С. Чернышевской, приводимые въ примѣчаніяхъ, пріоткрываютъ намъ завѣсу надъ несказанными горемъ, пережитымъ семьею Н. Г. въ теченіе почти 20-лѣтней ссылки его.

Очень хорошо сказано (въ статьѣ Лянкаго), между прочимъ, что „истинной тюрьмой для Ч. было то затворничество въ себѣ, тотъ уходъ навсегда въ тайники своего „я", который онъ совершилъ добровольно, какъ только почувствовалъ себя окончательно разобщеннымъ съ міромъ научной работы и общественной мысли... онъ обособился въ своемъ мірѣ идей, какъ въ глубокомъ колодцѣ, куда не проникаютъ лучи солнца, но куда и днемъ, какъ ночью, одни лишь звѣзды глядятся мерцающимъ свѣтомъ"... Судя по сообщенію М. Н. Чернышевскаго... Возвращеніе (его отца) было дѣломъ рукъ извѣстнаго Р. П. Судейкина... (*„Вѣст. Евр." 1914—2*).

. . . . Изъ писемъ незабвенное впечатлѣніе производятъ письма Ч. къ Ю. Н. Пыпиной о воспитаніи дѣтей и объ его отношеніи къ жен-

щинѣ и письмо къ А. Н. Пыпину.... Среди этихъ воспоминаній опять особенно трогательны тѣ, гдѣ онъ изображаетъ себя „защитникомъ женщины". „Когда-нибудь,—говоритъ Н. Г.,—будутъ на свѣтѣ только „люди"; ни женщинъ, ни мужчинъ не останется. Тогда люди будутъ счастливы". И вотъ этимъ-то вѣчнымъ стремленіемъ проникнуты всѣ письма великаго учителя къ его дѣтямъ, къ женѣ, къ брату, друзьямъ. Пусть люди будутъ счастливы! Прежде всего—счастье всѣхъ.... (*А. „Совр." 1914—I*).

См. еще: „Сиб. Жизнь." 1914—30.

Новыя книги.

Общія сочиненія [0]

1643. [. 016:1

Книга по философіи. (Логика, теорія познанія, психологія, метафизика, этика и эстетика). 1914. М., изд. кн. маг. т. д. „Трудъ". 24 стр. Ц. 20 к.

Изъ предисловія: „Каталогъ, посвященный философіи, просматривался членами Москов. философскаго кружка."

1644. Сессунцовъ, Е. Ѳ., свящ. 016:2(07)

Указатель книгъ для чтенія на урокахъ Закона Божія. 1913. Казань. Тип. „Центральная". 80 стр. Ц. 35 к.

1645. [. 016:616.89

Ежегодный обзоръ русской литературы по психіатріи и неврологіи, издав. журн. „Вопросы Психіатріи и Неврологіи" (ред. М. А. Захарченко). Обзоръ за 1913 г. 1914. М., изд. журн. „Вѣст. П. и Невр." 178 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Неврологія. Интоксикаціи и дистрофіи. Психіатрія. Терапія нервныхъ и душевн. болѣзней.

1646. Хавкина, Л. Б. 027(73)

Нью-Іоркская публичная библіотека. Съ 16 рис. въ текстѣ. 1914. М.. изд. автора. 48 стр. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: „Объ этой библіотекѣ въ нашей печати появлялись лишь скудныя, отрывочныя свѣдѣнія; между тѣмъ она заслуживаетъ ознакомленія, такъ какъ по интенсивности работы не имѣетъ равной въ мірѣ".

1647. [. . . . . 07(47)

Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. 1914. М., изд. „Кн-ва Писателей въ Москвѣ".— Матеріалы для исторіи русской журналистики. 316 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Письма къ Г. Г. И. Успенскаго, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловскаго, М. Е. Салтыкова, П. Ф. Якубовича, Н. Ѳ. Анненскаго, В. В. Лесевича, Н. В. Шелгунова, А. М. Скабичевскаго и Д. Н. Мамина-Сибиряка.

1648. Снѣссаревъ, Н. 07:17211](47)

Міражъ Новаго Времени. Почти романъ 1914. Спб., тип. М. Пиковарскаго и А. Типографа. 136 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Отъ автора: „Нов. Вр." покойнаго А. С. Суворина я отдалъ двадцать пять лѣтъ (1887—1913 г.г.). Это даетъ мнѣ право теперь съ спокойной совѣстью издать настоящую книгу. Она написана ровно черезъ годъ послѣ моего ухода изъ дѣла и въ ней нѣтъ ни одного слова неправды."

1648. Бѣлинскій, В. Г. 081

Письма: три тома. Редакція и примѣч. Е. А. Ляцкаго. Т. III. (1873—1848). 1914. Спб. изд. „Огни". 476 стр. Ц. 2 р. 50 к.

1650. Чаадаевъ, П. Я. 081

Сочиненія и письма. Подъ ред. М. Гершензона. Т. II. 1914. М., кн-во „Путь". VIII+344 стр. Съ факсимиле рукописи Ч. Ц. за два тома 5 руб.

Содержаніе: Варіанты къ №№ 38, 39, 49, 68, 74, 81, 109. Переводы писемъ 1820—1856 гг. Замѣтки о духовидѣніи. Философическія письма (I—IV). Апологія сумасшедшаго. Замѣчанія на брошюру А. С. Хомякова. Записка гр. Бенкендорфу. Франц. и англ. тексты въ примѣчаніяхъ. Поправки и дополненія къ №№ 123, 126, 140, 159, 131—185. Указатель личныхъ именъ.

1651. Бичеръ-Стоу, Г. 087.1

Хижина дяди Тома или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Америки. Съ англ. перевела и сократила для дѣтей отъ 5 до 10 лѣтъ М. К. Еленина. 1914. М., изд. во К. И. Тихомирова. 272 стр. съ рис. Ц. 50 к.

1652. Купринъ, А. 087.1

Дѣтскіе разсказы. Съ иллюстр. М. Соломонова. [1914]. М., изд. „Моск. Кн-ва". 148 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Бѣлый пудель. На рѣкѣ. Въ нѣдрахъ земли. Бѣлый принцъ. Чудесный докторъ. Словъ. Пасачъ.

1653. Моравская, М. 087.1

Цвѣты въ подвалѣ. Разсказы для дѣтей. Рисунки В. Фалилеева. 1914. Спб., изд. т-ва О. Н. Поповой. 72 стр. Ц 1 р.

Содержаніе: Въ звѣриномъ магазинѣ. Дочка трактирщика и бродячій студентъ. Одуванчикъ и змѣиная шкурка. Пижитый бедуинъ. Семь галокъ. Цвѣты въ подвалѣ.

1654. Насвѣтова, Ю. 087.1

Друзья. Разсказы. Рисунки П. Захарова. Обложка работы Г. Нарбута. Библ. „Тропинка", подъ ред. П. Соловьевой и Н. Миндесенной. 1914. М., изд. Т-ва И. Д. Сытина. 142 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

1655. Пименова, Э. 087.1

Полярный Робинзонъ. Приключеніе капи ана Миккель-ена во льдахъ Гренландіи (Экспедиція 1909 — 1912 гг.). „Библіотека Юнаго читателя". 1914. Спб. Тип. „Общ. Польза". 16°. 134 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

1656. Розенъ, Эрвинъ. 087.1

Какъ я нашелъ свою дорогу въ жизни. Изъ воспоминаній нѣмецкаго писателя. Перс. съ нѣм. А. Острогорской. 1913. Спб., изд. „Юнаго Читателя". 16°. 216 стр. Ц. 40 к.

1657. Толмачева, М. 087.1

Маленькіе люди. Разсказы. Съ рис. М. Чемберсъ. Библ. „Тропинка", подъ ред. П. Соловьевой и Н. Миндесенной. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 125+2 стр. Съ рис. Ц. 65 к.

1658. Шведеръ, Евг. 087.1
Милымъ крошкамъ. Книжка сказокъ. 1913 Спб., изд. А. Ф. Девріена. 62 стр. Съ 26 рис. Ц. 60 к.

Философія [1]

1659. Боголюбскій, Н. И., протоіер. 1:2
Вѣра науки и религіозная вѣра. Лекція, прочитанная на собраніи Златоустов. Религіозно-Философ. Кружка учащихся 17 ноября 1913 г. 1914. М., скл. изд. у свящ. І. Г. Соколова. (Ст. Басманная, д. ц. Великомуч. Никиты). 18 стр. Ц. 20 к.

Изъ книги: „Не вѣра наука, нѣтъ! и нѣтъ! И никакая другая вѣра, а лишь вѣра христіанская есть „побѣда, побѣдившая міръ!"

1660. Ледбитеръ, Ч. 133
Ясновидѣніе. Пер. М. Станюковичъ. 1914. Спб., изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи". 112 стр. Ц. 85 к.

Содержаніе: Что такое ясновидѣніе? Простое ясновидѣніе: полное и частичное. Ясновидѣніе въ пространствѣ: намѣренное, полу-намѣренное, ненамѣренное. Ясновидѣніе во времени: происшедшее и будущее. Методы развитія.

1661. Ганнекенъ, А. 15
Введеніе въ изученіе психологіи. Пер. съ франц. М. Эйзенштамъ, подъ ред. и съ предисл. Б. Яковенко. 1914. М., кн-во „Польза"—В. Антикъ и К°. 16°. 192 стр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Опредѣленіе и предметъ науки психологіи. Разграниченіе явленій психологич. и явленій физіологич. Независимость психологіи, какъ науки. Методъ въ психологіи. Классификація психич. явленій. Общій планъ научной разработки психологіи.

1662. Рахмановъ, В. В. 15
Психологія, какъ наука о личности. [1914]. Спб., кн-во „Освобожденіе". 110 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Понятіе личности. Элементы личности. Единство личности. Психич. переживанія личности. Развитіе и распадъ личности. Литературныя указанія.

1663. Алексѣевъ (Аскольдовъ), С. А. 165
Мысль и дѣйствительность. 1914. М., кн-во „Путь". IV+388 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Изъ предисловія: „Радикальный имматеріализмъ, которымъ было проникнуто сочиненіе „Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи", смѣнился здѣсь категорическимъ признаніемъ принципа матеріи въ Аристотелевскомъ смыслѣ и въ этомъ слѣдуетъ видѣть не отказъ отъ спиритуализма, какъ общаго направленія, а скорѣе его углубленіе и расширеніе... Одной изъ главныхъ задачъ этой книги, было показать, что новѣйшія варіаціи критицизма въ основныхъ своихъ чертахъ представляютъ лишь сложныя прикосновенія для удержанія нѣкоторыхъ догматич. утвержденій Канта, — своего рода искусственныя подпорки для зданія, распадающагося отъ непоправимой уже несогласованности. Въ этой задачѣ авторъ старался не только обнаружить слабость обоснованій современ. школъ этого направленія, но и ихъ внутреннюю мотивацію, т.-е. не только явное „почему", но также не всегда замѣтное „зачѣмъ".

Религія [2]

1664. Морозовъ, Н. 221
Пророки. Исторія возникновенія библейскихъ пророчествъ, ихъ литерат. изложеніе и характеристика. 1914. М., тип. т-ва И. Д. Сытина. 312 стр. Съ 155 рис. въ текстѣ и 2-мя картами. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Мессіанцы-Второзаконники наканунѣ среднихъ вѣковъ. Осилитъ Богъ („Іезекіиль"). Дневникъ неизвѣстнаго мессіанца - астролога, разсматриваемый, какъ историч. документъ V вѣка нашей эры. Когда написана книга „Осилитъ Богъ"? Научно-критич. разборъ. Помнитъ Грядущій („Захарія"). Дневникъ неизв. мессіанца-астролога, разсмат., какъ историч. документъ V в. нашей эры. Мысли, возникающія послѣ чтенія книги „Помнитъ Грядущій". „Стрѣла Грядущаго". Научно-критич. изложеніе книги „Іеремія", разсм., какъ историч. документъ V в. нашей эры. „Всесильный Разумъ". Научно-критич. изложеніе книги „Даніилъ", разсм., какъ историч. документъ средн. вѣковъ. Грядущее освобожденіе. Научно-критич. разборъ книги „Исаія", разсм., какъ историч. документъ среднихъ вѣковъ. О древности библейскихъ рукописей въ европ. книгохранилищахъ. Легендарныя географіи и легенд. исторіи древняго міра. Приложеніе: Египетское небо. (О времени египет. іероглифич. надписей).

1665. С коловъ, Пл. 262
Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка. 1913. Кіевъ. Тип. И. И. Чоколова. 577 стр. Ц. 4 р. 50 к.

1666. [Хомяковъ, А. С.] 28
Церковь, католичество и протестантство. Краткій очеркъ ихъ исторіи по А. С. Хомякову. 1914. М., изд. „Религіозно-филос. библ. Вып. XXXIII". 152 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Явленіе христіанства въ мірѣ и его побѣда надъ язычествомъ. Вселенскіе соборы и раскрытіе догматич. ученія. Отпаденіе отъ Церкви Рима и возникновеніе протестантства. Внутренняя связь протестантства съ католичествомъ и его несостоятельность. Борьба въ Западномъ мірѣ и усиленіе скептицизма и невѣрія. Сохраненіе Церкви на Востокѣ и главнѣйшія возраженія противъ нея Запада. Вопросъ о соединеніи Запада съ Востокомъ. Заключеніе. Приложеніе къ гл. VII: Изъ статьи Макса, принца Саксонскаго, объ уніи Запада и Востока.

1667. [. 281
Спасеніе и вѣра по православному ученію. 1913. М., изд. „Религіозно-филос. библ. Вып. XXXI". 16°. 110 стр. Ц. 35 к.

Содержаніе: Предисловіе. Общее понятіе о спасеніи. Прощеніе грѣховъ и нравственное измѣненіе человѣка. Облеченіе человѣка во Христа. Вѣра, какъ условіе спасенія.

1668. Розановъ, В. В. 281.93.01
Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы) 1914. Спб. скл. изд. въ кн. маг. И. И. Митюрникова. 208 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Мечта „духовныхъ христіанъ". Побѣдка къ хлыстамъ. Матеріалы о хлыстахъ. Роковая филологическая ошибка. „Стра-

ды" и „Посланія" Кондратія Селиванова. Скопическія духовныя пѣсни. О „Сибирскомъ Странникѣ".

1669. [. 282

Спасеніе и вѣра по ученію католическому и протестантскому. 1913. М., изд. „Религіозно-философ. библ. Вып. XXXII". 16°. 117 стр. Ц. 40 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Православное жизнепониманіе въ католичествѣ и протестантствѣ. Православное жизнепониманіе предъ судомъ Св. Писанія и Св. Преданія.

1670. Штроссмайеръ—Дёллингеръ. 282

Папская непогрѣшимость. 1914. Сергіевъ посадъ, изд. „Религіозно-философ. библ. Вып. XXXIV". 78 стр. Ц. 25 к.

Содержаніе: Рѣчь Штроссмайера на Ватиканскомъ соборѣ. Заявленія и письма Дёллингера о Ватиканѣ. декретахъ: Соображенія для епископовъ собора по вопросу о папской непогрѣшимости Новый порядокъ дѣлопроизводства собора и его богословское значеніе. Письма архіепископу фонъ Шерръ, нунцію Руффо Сицилла.

1671. [. . . . . 282(0:8)

Идея католичества въ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. 1914. Сергіевъ посадъ, изд. „Религіозно-философ. библ. Вып. XXXV". 46 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Изъ романа „Идіотъ". Изъ „Двѣнадцать писателей" за 1877 г. Изъ „Братьевъ Карамазовыхъ". Послѣсловіе.

1672. Аничковъ, Е. В. 29

Язычество и древняя Русь. Христіанизація варварскихъ народовъ Европы. Ч. I—II. 1914. Спб., скл. изд. у М. М. Стасюлевича. XXXVIII+ +386 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе. Ч. I. Языческій бытъ и христіанскія поученія. Ч. 2. Боги и обряды.

1673. Ардовъ, А. С. 296

Евреи—евангелисты. Съ вступ. статьей А. Пѣнкратова. 1914. М., кн-во „Москва". 52 стр. Съ иллюстр. Ц. 35 к.

Изъ предисловія: „Е.-е.—идейные люди переростіе талмудическое обрядовѣріе Искренніе богоискатели. Они кинулись къ христіанскому Евангелію. (Они изъ нихъ примкнули къ „евангелизму", другіе—къ лютеранству".

1674. Меламедъ, С. М. 296

Психологія еврейскаго духа. Пер. съ нѣм. Мих. Кадишъ. 1914. М., кн-во „Совр. проблемы". XII+296 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ предисловія: „Юдаизмъ, какъ религія и какъ этика, представляетъ собою крупную взаимодѣйствательно-идеалистич. тенденцію въ мировой исторіи; тенденція эта не имѣла и не имѣетъ никакого базиса въ жизни. Никто такъ правильно не охарактеризовалъ евреевъ, какъ Магометъ, который назвалъ ихъ народомъ книги. Въ настоящее время юдаизмъ долженъ быть обреченъ на гибель, если посреди великой цивилизаціи и посреди дѣйствительной жизни онъ будетъ продолжать вести жизнь книги".

Соціальныя науки [3]

1675. Всѣвсозова, Е. Н. 308(42)

Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. 1914. Спб., изд. 4-е переработ., Е. И. Водовозовой. II+220 стр. съ рис. Ц. 40 к.

1676. [. . . . . 323.1(47.71)

Украинскій вопросъ. 1914. Спб., изд. ред. журн. „Украин. Жизнь". 134 стр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Основные элементы украинской національной идеи. Украинское національное движеніе въ прошломъ и настоящемъ, какъ выраженіе національ. самоопредѣленія. Національныя пріобрѣтенія украинства. Украинство въ отношеніи къ русской государственности и культурѣ.— Источники для изученія украин. вопроса.

1677. Гимпельсонъ, Я. И. 323.1(×92)

Законы о сверстахъ. Систематич. обзоръ дѣйствующихъ законоположеній о сверстахъ разъяс. Правит. Сената и Центральныхъ правительств. установленій. Съ постатейнымъ, хронологич. и алфавитно-предметнымъ указателями. Подъ ред. и съ предисл. Л. М. Брамсона. 1914. Спб., изд-т-ва „Юриспруденція". XV+440 стр. Ц. 3 р.

1678. Корфъ, С. А., бар. проф. 325(42)

Автономныя колоніи Великобританіи. 1914 Спб., тип. Тренке и Фюсно. VII + 453 стр. Ц. 3 р.

1679. Козьминыхъ-Ланинъ, И. М., внж. 331

Свѣчурочныя работы. На фабрикахъ и заводахъ Московской губ. 1914. М., тип. В. Венгерова. 31 стр. Ц. 1 р.

1680. [. . . . . 331(058)

Спутникъ рабочаго на 1914 г. 1914. Спб., изд. „Прибой", 2-ое переработ. 16°. VI+192+74 стр. Съ иллюстр. Ц. 35 к.

Изъ предисловія: „Во второмъ изд. мы совершенно опускаемъ статію объ „Интернаціоналѣ", сокращаемъ статью „Группы Освобожденія Труда". дѣлаемъ выпуски изъ біографіи Бебеля, Маркса, Лассаля и Чернышевскаго и коренныхъ образомъ измѣняемъ замѣтку о с.-д. депутатахъ. Изъ новаго матеріала помѣщенъ указатель книгъ для библіотекъ рабочихъ организацій и для самообразованія".

1681. Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. 331.88

Артельное харчеваніе рабочихъ одной шелкокрутильной фабрики въ Москвѣ. 1914. М. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 35 стр. Ц. 75 к.

1682. Александровскій, Ю. В. 332.7

Уставъ кредитный (Св. Зак. Т. XI, ч. 2. изд. 1903 г. и по Прод. 1912 г.), комментированный законодат. мотивами, разъясненія Правит. Сената правилами, инструкціями и др. распоряженіями, послѣдовавшими въ порядкѣ управленія. Раздѣлы X—XII Вып. IV, 1914. Спб. Изд. „Законъ и Право". 955 стр. Ц. 5 р.

1683. Холмогорскій, Ѳ. 334:63

Товарищество по закупкѣ сельско-хозяйственныхъ и ползованію имн. 1913. М. Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 50 стр. Ц. 12 к.

1684. [. . . . . 34(07)

Труды слушателей юридич. семинаріи Москов. Город. Народн. Унив. им. А. А. Шанявскаго. 1914. М., тип. т-ва Кушнерева и К°. 308 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: *С. М. Моносзонъ.* О происхожденіи стт. 644—652 и 654—659 Свода Законовъ Гражданскихъ. *И. И. Рубинъ.* Объ условіяхъ отвѣтственности господъ и вѣрителей за недоз-

воленныя дѣянія слугъ и повѣренныхъ. *Е. Н. Данилова.* Отвѣтственность должника за дѣйствія третьихъ лицъ, участвующихъ въ исполненіи договора. *А. Ц. Каррасъ.* Вознагражденіе невинно-осужденныхъ и невинно къ суду привлеченныхъ *М. М. Заменгофъ.* Городъ и деревня въ преступности.

1685. Фуксъ, І. Б. 340.6

Гомосексуализмъ, какъ преступленіе. Юридич. и уголовно-политич. очеркъ. 1914. Спб., скл. изд. при юрид. кн. маг. „Право". 96 стр. Ц. 1 р.

Изъ книги: „Разсмотрѣвъ постановку преслѣдованія гомосексуализма со стороны различныхъ уголовныхъ кодексовъ разныхъ временъ и провѣривъ правильность трактующихъ о гомосексуализмѣ съ уголовной точки зрѣнія теорій, мы, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ справедливымъ требованіямъ этики, полагаемъ, что гомосекс. дѣйствія должны подлежать преслѣдованію и наказанію: какъ дѣйствія, оскорбляющія обществен. стыдливость, когда они совершаются публично, какъ посягательства на неприкосновенность личности, когда дѣйствія эти сопровождаются насиліемъ и какъ соблазнъ малолѣтнихъ, если къ участію въ гомосекс. сношеніяхъ привлечены таковые. Гомосекс. дѣйствія, сами по себѣ не нарушая какихъ-либо правовыхъ благъ и безразличныя съ точки зрѣнія государственной, ничего преступнаго въ себѣ не заключаютъ, и законы преслѣдующіе ихъ, какъ не отвѣчающіе существеннымъ требованіямъ права, подлежатъ упраздненію".

1686. Штильманъ, Г. 343:07](47)

Печать и уголовный законъ. 1914. Спб., изд. юрид. кн. скл. „Право". VIII+168 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Печать и уголовный судъ. Отвѣтственность за преступленія періодич. печати. Отвѣтственный редакторъ и издатель. Какъ примѣняется законъ. Давность по дѣламъ о преступленіяхъ печати. Законопроектъ о печати. Карательный аппаратъ законопроекта о печати. Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ.

1687. Жиркевичъ, А. В. 344

Гауптвахты Россіи должны быть немедленно же преобразованы на началахъ закона, дисциплины, науки, человѣколюбія, евангельскихъ завѣтовъ, элементарной справедливости, блага Родины. Посвящается гг. Членамъ Государ. Думы. 1913. Вильна, тип. „Русскій Починъ". VIII+ +219 стр. Ц. 1 р.

1688. Волковъ, И. М. 345(3)

Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рис. и картой.—Культурно-историч. памятники Древн. Востока. Подъ общей ред. проф. Б. А. Тураева. Вып. 1. 1914. М., скл. изд. т-ва А. А. Левенсонъ. IV+86 стр. Ц. 70 к.

Содержаніе: Введеніе: Хаммураби и его время. Открытіе сборника, его переводы и научная обработка.—Текстъ сборника въ переводѣ. Главнѣйшія черты древне-вавилонскаго быта по сборнику.

1689. Юцисъ, Г. 347.7

Чекъ. Историч. обзоръ. Современный чекъ. Юридическій анализъ. 1914. Одесса, изд. П. М. Каплана. 61 стр. 75 к.

1690. Могилевъ, М. С. 347.9

Гражданское судопроизводство. Настольная книга для членовъ окружныхъ судовъ и мировыхъ судей. 1914. Спб., тип. „Правда". VIII+ +456 стр. Ц. 3 р.

1691. Болдыревъ, В. 355

Атака укрѣпленныхъ позицій. Тактическое изслѣдованіе на почвѣ военно-историч. примѣровъ: Ловча (1877 г.), Коленцо (1899 г.) и Ляоянъ (1904 г.) съ задачей. 1914. Спб., тип. Имп. Николаев. Воен. Акад. IV+217 стр. съ 9 схемами и 8 прил. Ц. 2 р. 25 к.

1692. Махаевъ, С. К. 362

Подвижницы милосердія. Русскія сестры милосердія. 1914. М., тип. Г. Лисснера и Д. Собко. 143 стр. съ 6 рис. Ц. 1 р.

1693. Вдовиченко, А. М. 37(47)

Полный сборникъ узаконеній, распоряженій и разъясненій по вопросу объ освобожденіи учащихся отъ платы за ученіе въ мужск. и женск. средн. учебн. завед., учит. инст., въ высш. начальн. учил., въ школахъ ремесл. учениковъ и въ низш. ремесл. школахъ вѣдомства Мин. Нар. Просв. По 15 дек. 1913 г. (По офиціальн. источникамъ). 1913. Вильна. 38 стр. Ц. 75 к.

1694. [. . . . . 371(074)

Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній 1864—1914. Историч. очеркъ подъ ред. Я. Л. Барскова. 1915. Спб., тип. „Сиріусъ". 4. XVII+243 стр. Съ рис. и порт. Ц. 5 р.

1695. Острогорскій, А. Н. 371(081)

Н. И. Пироговъ и его педагогич. завѣты. (Очерки по исторіи русской педагогич. мысли). 1914. Спб., скл. изд. въ кн. маг. М. М. Стасюлевича. VI+180 стр. Ц. р.

Изъ предисловія: „Въ настоящей книгѣ я лишь описываю наслѣдіе П. въ томъ видѣ, какъ онъ оставилъ его намъ, только внося нѣкоторыя поясненія его мыслей, данныя болѣе близкими къ намъ, по времени, писателями".

1696. [. 372.21

Матеріалъ для бесѣдъ съ маленькими дѣтьми. Вып. III. Пособіе для дѣтскихъ садовъ. Растенія. Составлено сотрудн. о-ва „Дѣтскій трудъ и отдыхъ" подъ ред. А. К. Шлегеръ и С. Т. Шацкаго. 1914. М., к-во „Грамотей". 52 стр. Съ иллюстр. Ц. 40 к.

Содержаніе: Введеніе. Растенія. (Береза. Яблоня. Ель и сосна. Одуванчикъ. Крапива. Рожь и пшеница). Работы. (Ленъ. Хлопокъ. Рисъ. Картофель). Пѣсни. Дѣтскія работы. Дѣтская литература. Солнце. Вода. Вѣтеръ. Жилище. Отопленіе и освѣщеніе. (Указаны работы дѣтей. Литература). Пища. (Бесѣда). Соль. Сахаръ. Чай. Дѣтскія работы. Одежда. Шерсть. (Указаны дѣтскія работы и литература). Способы передвиженія (Матеріалъ. Дѣтскія работы). Литература для всѣхъ трехъ выпусковъ Сборники пѣсенъ и игръ. Литература для руководительницъ.

1697. [. 374.66

Экскурсія на Уралъ. Сборникъ статей учениковъ и преподав. Харьков. Коммерч. Училища Имп. Александра III. Подъ ред. В. Е. Геркевича. 1914. Харьковъ, Епархіальн. тип. VIII+ 104 стр. Съ 13 табл. иллюстр. и картой. Ц. 90 к.

Содержаніе: Отъ редактора. Экскурсія учениковъ Харьк. Комм. Учил. на Уралъ.— Е. Гаценко. По Чусовой. В. Геркевичъ. На Уралѣ. М. Василенко. По заводскому Уралу. В. Переверзіевъ. Кунгурская пещера. А. Гаценко. Очеркъ экономич. состоянія Урала. М. Савенковъ. На Печорѣ.

1698. [. 375

Правила и программы для испытаній на званіе учителя и учит—цы высшаго началь. училища. (Съ прилож. закона и положенія 25 іюня 1912 г. о высшихъ началь. училищахъ). 1914. Спб., изд. (неофиц.), Украин. кн. маг. 80 стр. Ц. 35 к.

Содержаніе: Предисловіе. Правила для соотвѣтств. испытаній на званіе учителя и учит—цы, программы для испытаній на званіе учителя и учит—цы, законъ, положеніе, штаты высшихъ начальн. училищъ. Рекомендуемыя для подготовки къ испытаніямъ на званіе учителя высшаго училища руководства и пособія.

1699. Багалѣй, Д. И., проф. 378.003

Экономическое положеніе русскихъ университетовъ. 1914. Спб., тип. „Общ. Польза". 36 стр. Ц. 40 к.

Филологія [4]

1700. Огіенко, И. И. 491.7

Наглядная таблица для разстановки знаковъ препинанія. Пособіе для экзаменовъ. 1914 Кіевъ, скл. въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1 листъ. Ц 6 к.

1701. Огіенко, И. И. 491.7

Русское литературное ударе́ніе. Правила и словарь русскаго ударенія. Пособіе при изученіи русской рѣчи для учащихъ, учащихся и самообразованія. 1914. Кіевъ, скл. въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина. Изд. 2-е, знач. доп. и совершенно перераб. 240 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Законы русскаго литературнаго удареніе. Словарь ударенія рус. литер. языка.

Чистыя науки [5]

1702. Пенндорфъ, Б. 511

Методика коммерческой ариѳметики. Перев. І. В. Яцыкевич. Съ прилож.: „Коммерческія вычисленія въ общеобразоват. средней школѣ, проф. Г. Е. Тавердинга. 1914. Спб., кн-во „Физика". 119 стр. Ц. 1 р. 10 к.

1703. Юнгъ, проф. 523.7

Солнце. Пер. съ англ. І. А. Давыдова. 1913. Спб., изд. „Общество. Польза". X + 328 стр. Съ 104 рис. Ц. 2 р.

1704. Кавелинъ, С. П. 526

Межевыя и землеустройство. Руководство съ чертежами и формами бумагъ. 1914. М., изд. кн. маг. М. А. Голубева. 246 стр. Ц. 2 р. 50 к.

1705. Клодъ, Ж. и Оствальдъ, В. 537

Электричество и его примѣненіе въ общедоступномъ изложеніи. Перев. Т. П. Кравецъ. Редакція и обработка А. А. Эйхенвальдъ. 1914. М., изд. 2-е испр. и доп. „Космосъ". XI+645 стр. Съ рис. Ц. 5 р. 50 к.

1706. Осиповъ, И. П., проф. 547

Введеніе къ изученію органической химіи. 1913. Харьковъ, изд. т-ва А. С. Суворина, 4-ое, испр. и доп. XII + 302 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 25 к.

1707. [. 55

Таблицы по историч. геологіи съ прилож. петрографич. таблицы. (Для слушателей проф. А. П. Павлова). 1914. М., изд. кн. маг. „Студенческ. изд-во". 4º. 10 стр. Ц. 25 к.

Содержаніе: Схема минералогич. и химич. состава главнѣйшихъ горныхъ породъ. Кембрійская, силурская, девонская, каменноугольная, пермская, тріасовая, юрская, мѣловая, третичная (палеогенъ и неогенъ) системы.

1708. Шэферъ, Е. А. 57

Жизнь, ея сущность, происхожденіе и сохраненіе. Пер. Б. С. Бычковскаго. 1914. Спб., изд. „Физика". 64 стр. Ц. 50 к.

1709. [. 577

Атомы и микроорганизмы. І. Проф. И. И. Боргманъ. Атомическая теорія строенія тѣлъ. II. Проф. С. И. Злотогоровъ. Микроорганизмы и ихъ роль въ природѣ. 1914. Спб., изд. при участіи Спб. О-ва народн. унив. и Постоян. комиссіи по устр. курсовъ для учителей—Библ. „Вольн. унив.". 96 стр. Съ иллюстр. въ текстѣ и цвѣт. табл. Ц. 75 к.

1710. Покровскій, С. 58(07)

Среди природы. Зимнія, весенніе, лѣтніе и осенніе наблюденія надъ природы. Со многими рис. 1914, М., скл. кн. маг. „Посредникъ"—Библ. И. Горбунова-Посадова № 276.—180 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Зимнія наблюденія природы: Будемъ наблюдать природу! Ледяные узоры. Жизнь въ лѣсу. Перечень наблюд. въ зимнее время. Весенніе наблюденія: Начало весны (Весеннее равноденствіе. Почему дѣлается теплѣе. Высота солнца. Флюгеръ. Птицы. Звѣри. Насѣкомыя. Первые цвѣты). Середина весны (Ледоходъ. Жизнь въ апрѣлѣ). Послѣдняя треть весны. (Цвѣтеніе растеній. Развертываніе листьевъ. Размноженіе животныхъ и растеній). Списокъ набл. въ весен. время. Лѣтнія наблюденія. Списокъ наблюденій и опытовъ въ лѣтніе мѣсяцы. Осенніе наблюденія: Начало и конецъ осени. Списокъ наблюд. и задачъ на осеннее время.

1711. Морозовъ, Г. Ф., проф. 59

Біологія нашихъ лѣсныхъ породъ. 1914. Спб., изд. А. С. Панафидиной. 110 стр. Съ рисун. Ц. 40 к.

1712. Холодковскій, Н. А., проф. 59(02)

Учебникъ зоологіи и сравнительной анатоміи для высш. учебн. завед. 1914. Спб., изд. 3-е, пересмотр. и доп., А. Ф. Девріена. XV+1031 стр. Съ 961 рис. и 16 таб. Ц. 6 р.

1713. Диссельгорстъ, Р. 591

Строеніе тѣла домашнихъ животныхъ. Краткое руководство по анатоміи крупныхъ домашнихъ млекопитающихъ, составленное примѣнительно къ интересамъ сельскихъ хозяевъ и животноводовъ. Пер. со 2-го нѣм. изд. А. В. Немилова. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девріена 463 стр. Съ 350 рис. Ц. 3 р. 50 к.

1714. Шлехтендаль, Д. и Вюнше, Д. 595.7

Опредѣлитель насѣкомыхъ. Введеніе въ ихъ изученіе. Пер. съ нѣм. І. Ярцева. Подъ ред. проф. К. Линдемана. 1914. М., изд. маг. „Сотрудникъ Школъ" А. К. Залѣсской, 4-е. VII+ +616 стр. Съ 15 табл. рис. Ц. 2 р. 50 к.

Прикладныя науки [6]

1715. Гринъ, И. В. 614

Абортъ преступленіе или операція. Докладъ, сдѣланный на XII Пироговъ. Съѣздѣ. 1914. М.,

скл. у автора (Арбатъ, 40, кв. 11). 48 стр. Ц. 50 к.

Изъ книги: „...я считаю всякое вторженіе въ данномъ случаѣ—ограниченіемъ, „свободы личности", ибо изъ того, что женщина можетъ родить, не слѣдуетъ, что она должна плодить".

1716. Снарскій, А., д-ръ. 614(075)

Курсъ гигіены. По программѣ восьмыхъ классовъ женскихъ гимназій. Ч. 1—II 1913—14. Тифлисъ, тип. К. П. Козловскаго. IV+132+146 стр. Ц. 55 к.+60 к.

1717. Блюменталь, Ф. М., д-ръ. 616

Новѣйшіе успѣхи серотерапіи. 1914. М., изд. Пист. д-ра Ф. М. Блюменталя. 52 стр. Ц. 30 к.

Содержаніе: Серотерапія дифтеріи. (Дозировка и способы введенія сыворотка. Очищенная отъ инактивныхъ бѣлковъ сыворотка. Новое средство Беринга (смѣсь дифтерійн. токсина съ сывороткой). Серотерапія: дизентеріи, стрептококковыхъ заболѣваній, скарлатины, эпидемич. менингита, гонорройныхъ заболѣваній, пневмоніи, брюшного тифа, гемофиліи и геморрагіи).—Литература.

1718. Блюменталь, Ф. М. 616

Серотерапія дифтеріи въ свѣтѣ „Теоріи боковыхъ цѣпей" Эрлиха. 1913. М., изд. „Пист. д-ра Ф. М. Блюменталя". 28 стр. Ц. 30 к.

Изъ книги: „Черезъ всю теорію Эрлиха красной нитью проходитъ одна доминирующая идея, одна счастная мысль, составляющая какъ бы символъ его вѣры, идея о химическомъ средствѣ живой протоплазмы клѣтки къ опредѣленнымъ химическимъ веществамъ."

1719. Викгамъ, Л. и Дегрэ, П, 616

Новости медицины — Радій. Его примѣненіе при лѣченіи рака, ангіомъ, келоидовъ, мѣстнаго туберкулеза и др. болѣзней. Съ 63 рис. въ текстѣ. Авторизов. пер. съ франц. подъ ред. д-ра мед. Я. А. Житомирскаго. 1914. Паримъ, изд. жур. „Медицин. Парижъ" (280, Bd Raspail). 112+XIV стр. Ц. /5 к.

Содержаніе: Отъ рус. ред—ія. Предисловіе автора къ рус. изд. Предисловіе. Общія замѣчанія о радіи и радіоактивности. Главнѣйшіе элементы радіоактивности радія. Методы терапевтич. фильтража и перекрестнаго огня. Аппараты. Реакціи въ тканяхъ при соприкосновеніи послѣднихъ съ лучами. Злокачеств. новообразованія.—Ракъ. Ангіомы или красныя родимыя пятна. Келоиды и патологич. рубцы. Хирургич. туберкулезъ, волчанка, скрофулодермія. Различныя заболѣванія. Результаты, полученные отъ примѣненія эмоціеносныхъ методовъ. Приложеніе. (Радій и ракъ—иллюстраціи).

1720. [. 616

Рѣчи, произнесенныя на открытіи общества для борьбы съ злокачественными новообразованіями и помощи страдающимъ ими. 1913. М., тип. т-ва Н. И. Пастухова. 16°. 14+15+23 стр. Ц. 30 к.

Содержаніе: Зыковъ, В. М., проф. О современномъ состояніи вопроса о злокачественныхъ новообразованіяхъ. Лазаревъ, П. П., проф. Радіоактивные элементы и ихъ превращенія. Снегиревъ, В. Ѳ. проф. О цѣлебномъ дѣйствіи рентгеновскихъ лучей, радія и мезатонія на доброкачественныя и злокачественныя новообразованія.

1721. Соболевъ, Л. В., д-ръ. 616

Болотная лихорадка (малярія). Общедоступное изложеніе современнаго ученія о провзвѣнихъ, сущности и причинѣ этой болѣзни, способѣ зараженія ею, лѣченіи ея и мѣрахъ къ ея искорененію. 1914. Спб., изд. К. Л. Риккера. 74 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

1722. Соколова, Е. Д., д-ръ. 616

Клиническое значеніе коронологіи. 1914. Спб., изд. „Новое въ медицинѣ". 30 стр. Ц. 25 к.

1723. Гринштейнъ, А. М., д-ръ мед. 616.89

Вагосимпатико-тонія. (Симпатич. нервная система и клиника). 1914. М., изд. І. А. Маевскаго—Летучая Энцикл. 16°. 48 стр. Съ чертеж. Ц. 15 к.

Изъ вступленія: „Ученіе это принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ и наименѣе разработан. главъ висцеральной невропатологіи. Возникновеніе ученія относится къ 1909 г., когда появилась первая работа Eppinger'a и Hess'a."

1724. Гринштейнъ, А. М., д-ръ мед. 616.89

Методъ Abderhalden'a. (Серодіагностика заболѣваній нервной системы и беременности). 1914. М., изд. І. А. Маевскаго—Летучая Энциклопедія. 16°. 48 стр. Ц. 15 к.

Изъ вступленія: „Можно сказать съ увѣренностью, что методъ А. является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній медицины за послѣднее десятилѣтіе. Сущность этого метода сводится къ изученію ферментативной дѣятельности кровяной плазмы."

1725. Кутанинъ, М. П., д-ръ. 616.89

Маніакально-депрессивный психозъ. (Подробное изложеніе работы. E. Stransk'aго „Manisch-depressives Irresein." 1914. М., тип. т-ва А. И. Мамонтова. 56 стр. Ц. 40 к.

1726. Тилльмансъ, Г., д-ръ. 617

Руководство по частной хирургіи. Пер. съ 9 нѣмецк. изд. подъ ред. д-ра Ф. А. Рейна. Ч. II. Хирургія живота и конечностей. 1913. М., изд. А. А. Карцева. VII+1050 стр. съ 783 рис. Ц. за 2 тома 12 р.

1727. Шендеръ, Б. С., д-ръ. 617.8

Профессіональныя болѣзни носа, горла и уха. Въ 2-хъ частяхъ. 1913. Одесса, скл. изд. кн. маг. А. А. Карцевъ, сынъ и К°. (Москва). 189 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1723. Александровъ, Ф. А. 618.1

Новые пути въ лѣченіи гинекологическихъ заболѣваній. 1914. Спб., изд. „Новое въ медицинѣ". 16 стр. Ц. 25 к.

1729. Михайловъ, В. С. 619

Первоначальная помощь больному скоту. 1914. М., изд. т-ва „Агрономъ". 52 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

1730. Александровъ, В. А. 621.3

Наглядный электротехническій задачникъ. Ч. I. Постоянный токъ и общіе законы электротехники. Пособіе при прохожденіи электротехники въ школѣ и для самост. упражненій съ задачами чисто практическаго свойства. 1914. М., тип. А. А. Поплавскаго. 6+351 стр. съ чертеж. Ц. 1 р. 25 к.

1731. Бокій, Б. И., проф. 622

Практическій курсъ горнаго искусства. 1913.

Спб., тип. А. Э. Коллинсъ. VII+1146 стр. Ц. 14 р.

1732. Ростовцевъ, В. Н., инж. 627

Охрана земляныхъ плотинъ во время прохода весеннихъ водъ. Уходъ за плотинами. 1914. Спб.. изд. А. Ф. Девриена. 36 стр. Съ 14 рис. Ц. 40 к.

1733. Холмогорскій, Ѳ. 63

Вѣрный путь къ улучшенію земледѣлія. Сельскохозяйственное общество. 1914. М., тип. т-ва И. Д. Сытина. 59 стр. Ц. 12 к.

1734. Казаченко, Б. В. 631.4

Изъ практики по культурѣ болотъ. Докладъ, читан. въ Гродненск. Агрономич. Совѣщаніи. 1914. Спб., тип. А. Смолянскаго. 43 стр. Съ 14 рис. Ц. 50 к.

1735. Кравковъ, С. П., проф. 633

Біологическія основы культуры сельско-хозяйственныхъ растеній. 1914 Спб., изд. А. С. Панафидиной. 62 стр. Ц. 25 к.

1736. Елинъ, И. Л. 635

Капуста. Практич. способъ разведенія ранней и поздней капусты безъ помощи парниковъ и разсадниковъ въ обыкнов. домашн. огородахъ. 1914. М., кн. маг. „Посредникъ". Деревен. хоз. и крестьянск. жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 152. 32 стр. Ц. 5 к.

1737. Елинъ, И. Л. 635

Огурцы. Практически-испытанный способъ, какъ получить вѣрный и ранній урожай огурцовъ на грядахъ въ сѣверн. губ. 1914. М., кн. маг. „Посредникъ" — Деревен. хозяйство и крестьянск. жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 153.—16 стр. Ц. 3 к.

1738. Ивановъ, М. Ф. 636

Каракулеводство на югѣ Россіи. (Опытъ зоотехническо-экономич. изслѣдованія). 1914. Полтав. об-ва сел. хоз. X+224 стр.+28 лист. рис. Ц. 1 р. 50 к.

1739. Осиповъ, А. И. 636

Разведеніе утокъ съ хозяйственной и промышленной цѣлью. 1914. Спб., изд. журн. „Деревня". 52 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

1740. Холмогорскій, Ѳ. 636

Доходное птицеводство. Товарищество по сбыту куриныхъ яицъ. 1914. М., тип. т-ва И. Д. Сытина. 44 стр. Ц. 10 к.

1741. Прыжовъ, И. Г. 663.3(47)

Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. 1914. Казань, изд. „Молодыя Силы", 2-е. Историч. библ. (Матеріалы для исторіи общества и народн. быта въ Россіи). 282 стр. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Отъ издательства. Предисловіе автора. Исторія кабаковъ въ Россіи: Черты старинной жизни русскаго народа. Бортничество и пчеловодство. Первое появленіе пошлинъ съ питей. Медовыя дани. Подать съ хмѣли и солода. Питейные дома на Западѣ. Корчма — древнеславянскій общественн. домъ. Москва. Появленіе кабака около 1555 г. Корчмство становится контрабандой. Новый характеръ питейнаго дѣла въ отношеніи къ духовенству, къ боярамъ, къ народу. Управленіе кабаками. Кабацкіе головы, цѣловальники, окружники. Развитіе корчемства и преслѣдованіе корчемниковъ. Инородцы. Правежъ, спутникъ кабака. Ордынъ-Нащокинъ и Крижаничъ. Распространеніе кабаковъ съ 1552 г. до начала XVIII в. Исторія питейнаго дѣла въ юго-западѣ Руси. Кіевскіе корчмы. Юго-западн. корчмы до 1659 г. Польша. Малороссія. Корчмы въ Малороссіи съ Хмельницкаго и до XVIII в. Кабаки въ Слобод. Украинѣ. Юго-западн. корчмы въ XVIII в. Распространеніе кабаковъ въ XVIII в. Откупная система. Послѣдніе времена откуповъ. Общества трезвости. Введеніе новой питейной системы, и ея послѣдствія. — Списокъ названій и сочиненій, упомян. въ этой книгѣ. Сост. И. П. Кочергинъ.

Изящныя искусства [7]

1742. Фуксъ, Э. 7(09):176

Иллюстрированная исторія эротическаго искусства. 1914. М., кн-во „Соврем. проблемы". 392 стр. Съ иллюстр. Ц. 10 р.

Содержаніе: Введеніе Ч. I. Эротическій элементъ въ серьезномъ искусствѣ: Естественная исторія и жизненный законъ искусства. Ч. II. Эротич. элементъ въ карикатурѣ: Преобладаніе карикатурн. элемента во всѣхъ эротич. изображеніяхъ. Древность. Средніе вѣка. Ренессансъ. Съ высотъ въ низины (XVII в.). Вѣкъ абсолютизма (Франція и Германія). Героическій вѣкъ буржуазіи (Англія). Эпоха великой франц. революціи первой франц. имперіи. Домарговскій періодъ и 1848 г. Новое время (Франція, Германія и Англія).

1743. Казнаковъ, С. Н. 738

Пакетовыя табакерки Императ. фарфороваго завода. 1913. Спб., тип. „Сиріусъ". 199 стр. Съ рис. Ц. 6 р.

Отъ издат.: „Въ трудѣ К. вошли всѣ донынѣ извѣстныя пакетовыя табакерки, отлично воспроизведенныя въ краскахъ. Пакетовыя табакерки—сов. ѣмъ особая отрасль художеств. производства; ея издѣлія — интимны, непремѣнно связаны съ исторіч. воспоминаніями о давно умершемъ хозяинѣ, табакерки овѣяны для романтичъ. мыслями о томъ, кто ее заказываль, кому ее дарилъ .. Отъ этого въ нихъ столько предеста. Издать ихъ и описать можно было только съ большой любовью къ дѣлу; въ книгѣ К. это условіе соблюдено вполнѣ, и за нимъ, какъ будто, скромно прячутся немалый трудъ и большія знанія въ этой области. (В. „Ст. Годы". 1914—1).

1744. [. 745

Курсъ искусственныхъ цвѣтовъ. 1913. Спб., изд. ред. журн. „Вѣстникъ Моды". 4°. 125+III стр. съ 510 рис. Ц. 1 р.

1745. [. 796

Любимыя игры дѣтей. Сборникъ подвижныхъ игръ для дѣтей въ школѣ, дома и на открытомъ воздухѣ. Составленъ кружкомъ руководит. подъ общей ред. В. Поликова. Съ фотограф. снимками съ игръ. 1914. М., скл. кн. маг. „Посредникъ"—Библ. нов. во пит. и образ. дѣтей. Подъ ред И. Горбунова Посадова. Вып. XCVIII. 84 стр. Ц. 45 к.

Содержаніе: Предисловіе. Воспитат. значеніе игръ и вліяніе ихъ на дѣтей. Какъ развить въ дѣтяхъ интересъ къ играмъ. Лучшее время для игръ и ихъ продолжительность. Выборъ мѣста для игръ. Расходъ на пріобрѣтеніе инвентаря для игръ.—Игры, подходящія больше для дѣтей отъ 5 до 8 и отъ 8 до 14 лѣтъ.

Литература [8]

1746. [. . . . . 8—8
Земля. Сборникъ 13-й. 1914., М., изд. „Моск. Кн-ва". 298 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: М. Арцыбашевъ. Ревность. Драма въ 4-хъ дѣйст. С. Юшкевичъ. Леонъ Дрей. Романъ.

1747. [. . . . . 8—8
Земля. Сборникъ 14-й. 1914. М., изд. „Моск. Кн-ва". 288 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: М. Арцыбашевъ. Разсказъ объ одной пощечинѣ. В. Винниченко. Завѣты отцовъ. Евг. Чириковъ. Гиблое мѣсто. А. Ѳедоровъ. Арабъ.

1748. [. . . . . 8—8
Слово. Сборникъ третій. 1914. М., изд. „Кн-ва Писат. въ Москвѣ". 274 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Гр. Ал. Толстой. Большія непріятности. Н. Телешовъ. Мама. Ив. Шмелевъ. Поѣздка. Л. Авилова. Осеннее. Ив. Бунинъ. Братья.

1749. [. . . . . 8—8
Степь. Оренбургскій литературный сборникъ. 1914. Оренбургъ, изд. Н. Афиногенова. 202 стр. Ц. 75 к.
Содержаніе: Н. Афиногеновъ. Настроенія. Въ степи. Изыскатель. Жалоба. Малые Барсуки (легенда). Иванъ Безвѣстный. Выкралъ. Смертное. Два друга (легенда). Старый Челкаръ. Змѣя (преданіе). Дѣти (путевыя замѣтки). Пугачъ и Лунь (преданіе). Л. Исаковъ. Степь. Киргизскія пѣсни. И. Мысикъ. Степь. А. Самборжецкій. Младшій кондукторъ Оберовъ. Ю. Б—овъ. Звѣздочки ясныя. А. Завалишинъ. Душегубъ и вѣдьма. Стихи: М. Муравьевъ-Верхоторскій. Источникъ вѣры. А. Зенгеръ. Въ ночь... Жизнь любить—это жизни основа. Н. Ст—й. Джалл—пакъ (легенда Мугоджарскихъ горъ).

1750. Рильке, Р. М. 83—1
Книга Часовъ. Ч. I. О монашеской жизни. [24 избранныхъ стихотворенія]. [Пер. Ю. Анисимова]. 1913. М., кн-во „Лирика". 16⁰. 46 стр. Ц. 1 р.
Изъ предисловія Ю. Анисимова: „...Я старался передать лишь нѣсколько наиболѣе характерныхъ мыслей Р."

1751. Турчиновичъ, Аф. 84(09)
Великій романтикъ Викторъ Гюго, его жизнь и труды. 1914. Спб., тип. т-ва А. С. Суворина. 141 стр. съ 20 рис. Ц. 75 к.

1752. Брюсовъ, В. 84—1
Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. XXI. Французскіе лирики XIX в. Съ 15 портр. 1913. Спб., изд. „Сиринъ". XVIII+296 стр. Ц. 1 р. 75 к.
Содержаніе: Предислоіе: О французской лирикѣ, къ читателямъ отъ переводчика. Предисловіе къ XXI т.—А. Шенье, А. Арно, Ш.—Ю. Мильвуа, М. Деборъ-Вальморъ, Ламартинъ, А. де Виньи, В. Гюго, О. Барбье, Ж. де-Нерваль, А. де-Мюссе, Т. Готье, Леконтъ де-Лиль, Ш. Бодлэръ, Л. Дьерксъ, Сюлли Прюдомъ, Ж.—М. де-Эредія, С. Малларме, П. Верлэнъ, М. Роллина А. Рэмбо, Ж. Лафоргъ, Л. Тайадъ, Ж. Роденбахъ, Э. Верхарнъ, Ж. Мореасъ, А. Самэнъ, И. Жилкинъ, Ш. ванъ-Лербергъ, М. Матерлинкъ, Ренэ Гиль, Ф. Вьеле-Гриффинъ, А. де-Ренье, А. Реттэ, Э. Рейно, С. Мерраль, Ф. Жамъ, Ю. Лапэръ, Приска де-Ландель, Л. Делерю-Мардрюсъ, П. Форъ, Р. Аркосъ, Ж. Дюамель, Ж Ромэнъ. Примѣчанія: Очеркъ франц. лирики XIX в. (Эпоха имперіи и романтизмъ. Парнасъ и реализмъ. Проклятые поэты, символизмъ и новѣйшія школы. Библіографія). Критико-библіогр. очерки. Алфавитн. указатель франц. поэтовъ.

1753. Вернъ, Жюль. 84—3
Завѣщаніе чудака. Необыкновенное путешествіе. 1914. Спб., изд. тов. А. С. Суворина. 490 стр. Съ 34 рис. и карт. Ц. 2 р.

1754. Зола, Эмиль. 84—3
Собраніе сочиненій. Т. XXI. Подъ ред. и со вступит. статьями Е. В. Аничкова и Ѳ. Д. Батюшкова. Лурдъ. Романъ. 1914. Спб., изд. т-ва „Просвѣщеніе". 16⁰. XIII+685 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1755. Ренье, Анри де. 84—3
Маркизъ д'Амеркеръ. Пер. М. Волошина. 1914. М., кн-ва „Альціона". 121 стр. Ц. 1 р.

1756. Бродскій, Н. 891.7(09)
Развѣнчанъ ли Бѣлинскій? 1914. М., типо-лит. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰. 36 стр. Ц. 30 к.
Изъ брошюры: „Прежде всего намъ хотѣлось отмѣтить, что многое изъ того, что Ю. И. Айхенвальдъ приписываетъ Бѣлинскому, составляетъ неотъемлемую его собственность, что остріе его словъ, направленное противъ „неистоваго Виссаріона" легко можно повернуть противъ него самого."

1757. Асѣевъ, Н. 891.7—1
Ночная флейта. Стихи. Предисловіе С. Боброва. 1914. М., кн-во „Лирика". 32 стр. Ц. 50 к.
Изъ предисловія: [Понявшему] „значеніе и смыслъ внутренняго изученія схемъ лирическихъ движеній въ поэмѣ, и неустанно [развивающему] существенный максимальный метафотизмъ, для истоковъ свѣжихъ—ему придется отдать себя чистой лирикѣ и обратиться больше всего къ несравненнымъ розсыпямъ алмазовъ Н. М. Языкова. Эти пути и вели творчество А."

1758. Богомоловъ, Б. 891.7—1
Царевна Зоренька Стихи дѣтскіе съ предисл. Игоря Сѣверянина. 1913. Спб., тип. „Гутенбергъ". 32 стр. Ц. 60 к.

1759. Брюсовъ, В. 891.7—1
Полное собраніе сочиненій и переводовъ, т. II. Tertia Vigilia. (Стихи 1897—1901 г.). Изд. 3-ье. 1914. Спб., изд. „Сиринъ". VIII+204 стр. Ц. 1 р. 75 к.
Содержаніе: Предисловіе. Возвращеніе. Любимцы вѣковъ. У моря въ стѣнахъ. Еще сказка. Милая правда. Близкимъ. Книжка для дѣтей. Изъ дневника. Прозрѣнія. Мы. Лирич. поэмы. Приложеніе: Первая любовь. Въ пустынѣ. Дѣти Эола. Примѣчанія.

1760. Моравская, М. 891.7—1
На пристани. Стихи. 1914. Спб., скл. изд. у О. Н. Поповой. 96 стр. Ц. 1 р.
Содержаніе: Отдѣлы: На пристани. I—III. Немного жалости. I—II.

1761. Симаковъ, В. И. 891.7—1
Деревенскія пѣсенки-частушки. Изданы по вновь собран. матеріаламъ. Пермской, Костромской, Вологодской, Вятской и Тверской губ.

Вып. VIII и IX. 1904. Спб., изд. В. И. Симакова. 4 — 31 + 4 — 31 стр. Ц. по 5 к.

1762. Симаковъ, В. И. 891.7—1

Новыя современныя пѣсни поэтовъ изъ народа. Вып. I. Пѣсни скорбныя. Вып. II. Пѣсни житейскія. Сост. В. И. Симаковымъ. 1914. Спб., изд. В. И. Симакова. Народ. библ. „Мужичокъ“—16°. 8 — 31 + 4 — 31 стр. Ц. по 5 коп.

Содержаніе: Вып. I: Въ зимній вечеръ. Разговоръ двухъ старушекъ. А. К. Гусевъ. Власьевна и Тарасьевна.—П. Ермиловъ. О былломъ. Міроѣдъ. Прошлое и настоящее деревни.—А. Молоко. Изъ-за газеты. (Деревен. сценка).—О. Штрихъ. Пѣсня. Родина. Вып. II. Сельскій кулакъ.—Н. Волковъ. Деревенская быль. Мѣсть. Гряшникъ.—А. К. Гусевъ. Волостной писарь. Старшина Еремѣй.—А. Молоко. Сходка.—„Отчаянный“. Староста. Новый домъ въ деревнѣ.—С. Н. Кошкаровъ. Гадалка.—О. Штрихъ.

1763. Сухотинъ, Ю. 891.7—1

Полынь. Стихотворенія. 1914. М., изд. К. Ф. Некрасова. 112 стр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Стихотворенія. Поэмы: Далекій день. Угличъ. Звѣзда свѣтлаго Яра.

1764. Михайловъ, М. Л. 891.7—1/3

Полное собраніе сочиненій. Съ портр., критико-біографич. очеркомъ и библіографич. указателемъ. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. I—III. 1914. Спб., изд. т-ва А. Ф. Марксъ. XLIII + 405 + + 311 + 312 стр. Ц. по 1 р. 25 к.

Содержаніе: Т. I. Стихотворенія оригинальныя и переводныя. Т. II. Въ провинціи. Т. III. Перелетныя птицы. Голубые глазки. Африканъ.

1765. Андреевъ, Л. Н. 891.7—2

Мысль. Современная трагедія въ 3-хъ дѣйств. и 6 картинахъ. [1914] Спб., кн-во „Прометей“, Н. Н. Михайлова. 154 стр. Ц. 75 к.

1766. Княжнинъ, Я. 891.7—2

Вадимъ Новгородскій. Трагедія. Съ предисл. В. Саводника. 1914. М., тип. т-ва А. И. Мамонтова. XXIV + 64 стр. Съ портр. К. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Трагедія обратила на себя неблагосклонное вниманіе имп. Екатерины, нашедшей въ ней отголосокъ республиканскихъ идей и политич. вольномыслія, подвергласъ запрещенію и уничтоженію. ...Въ „Вадимѣ“ мы находимъ яркое выраженіе нѣкоторыхъ характерныхъ сторонъ русской драматич. литературы Екатерин. эпохи. ...Въ настоящемъ изданіи впервые перепечатывается цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ, текстъ трагедіи.“

1767. Харькевичъ, М. 891.7—2

Джоакино. Сцена изъ дѣтства Россини, въ 3-хъ дѣйст.—Дѣтскій театръ, издав. подъ ред. Н. Новича. 1913. Спб., тип. М. М. Стасюлевича. 23 + + 4 стр. съ рис. Ц. 50 к.

1768. Абельдяевъ, Д. 891.7—3

Лилія. Романъ. 1914. М., тип. П. П. Рябушинскаго. 180 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1769. Артуровъ, Г. 891.7—3

Въ странѣ хризантемъ. Повѣсть изъ японской жизни. [1914]. М., скл. изд. „Освобожденіе“. 144 стр. Ц. 1 р.

1770. Будищевъ, Ал. 891.7—3

Хата съ краю. Разсказы. [1914]. М., изд. „Моск. Кн-ва“. 304 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Хата съ краю. Пріятели. Хамъ. Бредъ. Дорогой рубинъ. Матиновка. На страшной доскѣ. Въ неоріятной компаніи. Домикъ въ лѣсу. Катастрофа. Подъ войРіона. Лгунья. Разбойники. Воронъ. Пастухъ. Смагинъ. Фальшивая монета. Капканщикъ. Бѣлая акація. Дочь клоуна.

1771. Волинъ, Ю. С. 891.7—3

Лицо человѣка. (Разсказы). [1914]. Спб., кн-во „Освобожденіе“. 248 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Самбатіонъ. Морлоки. Гражданинъ вселенной. Въ горахъ. Докторъ. Явленіе смерти. На нижніе разсказы (Чижикапцы. Исторія безъ конца. Находка. Чужой). Тамъ гдѣ играютъ. Первый полетъ. Дружочекъ.

1772. Городецкій, С. 891.7—3

На землѣ. Разсказы. 1914. Спб., тип. т-ва А. С. Суворина. 232 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Послѣднее отдать. Островитяне. Кроты. Ярмарка. Голубиная Душа. Синими очами. Страшный сонъ. Въ эти дни. Звайзгисъ. Елисавета. Сова. Щучій поцѣлуй. Антовъ. Бомка. Христофоръ. Перевозчикъ Петръ. Пастухъ Пантелей.

1773. Гринъ, А. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. III. Позорный столбъ. 1914. Спб., кн-во „Прометей“, Н. Н. Михайлова. 222 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Позорный столбъ. Племя Сігугъ. Синій каскадъ Теллури. Приключенія Гинча. Далекій путь. Тюмъ и палуба.

1774. Егоровъ, Е. 891.7—3

Третій сборникъ. (Армейскіе разсказы, очерки и шаржи). 1914. Спб., изд. В. Березовскаго. 240 стр. Ц. 1 р.

1775. Зайцевъ, Б. 891.7—3

Разсказы. Кн. IV. 1914. М., кн-во К. Ф. Некрасова. 288 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Изгнаніе. Усадьба Лавныхъ. Вечерній часъ. Елисейскія поля. Грѣхъ. Студентъ Бенедиктовъ. Лѣто. Актерское счастье.

1776. Купринъ, А. 891.7—3

Бѣлый пудель. Разсказъ. Съ иллюстр. М. Соломонова. [1914]. М., „Моск. Кн-ва“. 72 стр. Ц. 40 к.

1777. Купринъ, А. 891.7—3

Стонъ. Разсказъ. Съ иллюстр. М. Соломонова. [1914]. М., изд. „Моск. Кн-ва“. 24 стр. Ц. 25 к.

1778. Лазаревскій, Б. 891.7—3

Полное собраніе сочиненій. Т. VII. Красота. 1914. Спб., кн-во „Освобожденіе“. 216 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Красота. Урія. Кладбище. Розы. Соперникъ. Богатство. Сумерки. Голубой цвѣтокъ. Страусовыя перья. Триста рублей. Безсмертіе. Потерпѣвшій. Слезы. Двѣ Наталочки. Страшное. Помощникъ машиниста. Воспоминаніе.

1779. Манасеина, Н. 891.7—3

У чужихъ. Разсказъ.—Библ. „Тропинка“, подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. 1914 М., изд. т-ва Н. Д. Сытина. 63 стр. съ рис. Ц. 35 к.

1780. Пришвинъ, М. 891.7—3

Славны бубны и др. разсказы. Т. III. 1914. Спб., изд. т-ва „Знаніе“. 256 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Славны бубны (Катеринъ-гора. Любовь Османа. Алмазная гора. Бѣлый дѣдъ). Никонъ Староколѣнный. Саморокъ. Дере-

венскій ренессансъ. Бабья лужа. Слуга времени По градамъ и весямъ (Звонъ. Церковь невидимая. Согласіе Дмитрія Ивановича). Мертвый городъ Обыватели. (Химикъ. Радій).

1781. [. . . . 891.7—3

Разноцвѣтныя каменья. Книга маленькихъ разсказовъ, собран. и перевед. подъ ред. В. Брюсова. 1914. М., изд. „Альціона". 168 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Стендаль. Излишняя благосклонность вредитъ. Пер. І. Брюсовой. Вилье де Лиль-Аданъ. Необычайные разсказы: Іеронимъ д-ра Галлидонхиля. Попечитель. Пер. Аврелія. Ж. Мореасъ. Дѣва Марія на турнирѣ. Пер. Аврелія. А. де Ренье. Кентавръ. Пер. В. Б. А. Бордо. Вечерніе огни. Пер. Б. Рунтъ. Т. Ласкарисъ. Встрѣча. Пер. Б. Рунтъ. Г. Мартэнъ. Счастливый случай. Пер. Б. Рунтъ. Э. д'Огъ. Смерть послѣдняго папы. Пер. Аврелія. Примѣчанія.

1782. Скиталецъ. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. VI. Метеоръ. 1914. М., кн-во „Освобожденіе". 208 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1784. Чапыгинъ, А. 891.7—3

Повѣсти и разсказы. Т. II. Бѣлый скитъ. 1914. Спб., изд. „Изд. т-ва писателей". 288 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Бѣлый скитъ. Повѣсть. Мірская няня. Разсказъ. Смертный зовъ. Повѣсть.

1785. Чириковъ, Евг. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. V. Марька изъ Ямъ. 1914. М., изд. „Моск. Кн-во". 270 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Марька изъ Ямъ. Танино счастье. Именинница.

1786. Шевченко, Т. Г. 891.79

Шевченко, его думы и пѣсни, въ переводѣ П. А. Бѣлоусова. Рис. А. Н. Комарова. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 80 стр. Съ портр. и автограф. III. Ц. 25 к.

Содержаніе: Т. Г. Шевченко. (Біографич. очеркъ) Ив. Бѣлоусова. Думы. Пѣсни III.

1787. Брандтъ, Р. Ф., засл. проф. 891.8(09)

Обзоръ славянскихъ литературъ. (Исторія литературы Болгарской, Сербской и Чешской). По запискамъ слушат., редакт. профессоромъ. 1913. М., скл. изд. „Студ. Изд-во". 158 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Исторія и географія [9]

1788. Клаузнеръ, І. Л., д-ръ. 9(33)

Іерусалимъ, его прошлое и настоящее. Пер. съ еврейск. Х. Гринберга. 1914. Одесса, Изд. Общ. вспомощ. евреямъ-земледѣльцамъ и ремеслен. въ Сиріи и Палестинѣ. „Палестина". 16⁰. 33 стр. Съ рис. Ц. 5. к.

1789. Чистяковъ, В. 9(38)

Древняя Греція. (Систематич. учебникъ). Изданіе 1-е 1914. М., скл. изд. въ кн. маг. „Наука". 268 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Изъ предисловія: „Книга—плодъ спеціальныхъ занятій нѣкоторыми вопросами по исторіи Греціи. При изложеніи я старался главнымъ образомъ обращать вниманіе на факты политич. и культурной исторіи, стремясь къ простому и наглядному описанію и придерживаясь больше всего самихъ источниковъ. Я заботился дать болѣе или менѣе полную картину жизни и эволюціи Древней Греціи, высоко цѣни свѣдѣнія греческихъ авторовъ и преимущества такого изложенія."

1790. Корелинъ, М. 9(45)„13:14"

Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Современники, друзья, ученики и послѣдователи первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV столѣтія. 1914. Спб. изд. 2-ое Тип. М. М. Стасюлевича. V+448 стр. Ц. 2 р.

1791. Горовскій, Б. 91(57)

Забытыя русскія земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевые очерки. Съ 55 иллюстр. и 1 картой. 1914. Спб., изд. Б. А. Суворина. VIII+122 стр. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „При составленіи своей книги я не задавался мыслью дать обществу серьезный научный трудъ; я хочу только, чтобы рядъ написанныхъ очерковъ, высказанныхъ мнѣній хоть немного заинтересовалъ общество, привлекъ бы его вниманіе къ далекимъ, забытымъ краямъ."

1792. Денисовъ, В. И. 91(57)

Россія на Дальнемъ Востокѣ. Амурскій рельсовый путь. Владивостокскій портъ. Приамурскій край. Японія и Китай. Манчжурія. Монголія. 1913. Спб. Тип. Ю. Я. Римана. 149 стр., съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

1793. Веселовскій, Ал-ѣй 92(Б):82

Байронъ. Біографич. очеркъ. Съ 2 фототип. работы П. П. Павлова. 1914. М., тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰. V+322 стр. Ц. 2 р.

1794. Вилинскій, С. Г. 92(В)(0:8)

Житіе св. Василія Новаго въ русской литературѣ. Ч. I. Изслѣдованіе. 1913. Одесса, тип. „Техникъ". VII+354 стр. Ц. 2 р. 80 к.

1795. Николаева, Н. 92(В):75

В. В. Верещагинъ. Подъ ред. С. Глаголя. 1914. М., изд. І. А. Маевскаго. „Летучая Энцикл."—16⁰. 48 стр. Съ 24 иллюстр. Ц 15 к.

Содержаніе: В.—(Жизнь и творчество). Списокъ главн. произвед. В. наход. въ музеяхъ Спб. и М. Библіографія.

1796. Сольми, Э. и др. 92(В):75

Флорентійскія чтенія. Леонардо да-Винчи. (Циклъ лекцій, прочитан. весною 1906 г. въ О-вѣ во Флоренціи, въ присутствіи исключительно членовъ этого о-ва). 1914. М., изд. І. А. Маевскаго. 304 стр., съ 41 иллюстр. на отд. листахъ. Ц. 4 р.

Содержаніе: Э. Сольми. Воскресеніе трудовъ Л. М. Реймондъ. Воспитаніе Л. А. Конти. Л., какъ живописецъ. В. Спинаццола. Л., какъ архитекторъ. А. Фаваро. Л. въ исторіи опытныхъ наукъ. Ф. Ботацци. Л., какъ біологъ и анатомъ. Б. Кроче. Л., какъ философъ. И. дель-Лунго. Л., какъ писатель. Ж. Пеладанъ. Эпилогъ. Л. Бильтрами. Аэропланъ Л.

1797. Волконская, М. Н., кн. 92(В)

Записки кн. Маріи Ник. Волконской. Пер. съ франц. ориг. А. Н. Кудрявцевой. Біограф. очеркъ и примѣч. П. Е. Щеголева. 1914 Спб., кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. Изд. 2-ое, дополн. VIII+216 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Во 2-мъ изд., въ дополненіе къ примѣчаніямъ, помѣщены два не-

изданныхъ письма кн. В. и данъ указатель собств. именъ".

798. Жаковъ, К. Ѳ. 92(Ж)

Сквозь строй жизни. Ч. III. Вып. I. 1914. Спб., изд. И. К. Борисова. 80 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Отъ автора. Гарамортъ преподаватель. Экзаменъ Гараморта. Нобо. Размышленія Гараморта. Гарамортъ—въ женскомъ пансіонѣ, преподаватель гимназіи. Какъ праздникъ проводилъ Гарамортъ и о чемъ думалъ онъ. Совѣтъ звѣрей. Бесѣда Гараморта съ тѣнями древнихъ мудрецовъ о томъ, какъ жить на свѣтѣ. Я собираюсь въ Сибирь. Череповецъ.

1799. [. . . . . 92(Т)(05)

Толстовскій Ежегодникъ 1913 г. 1914. Спб. изд. О-ва Толстов. музея въ Спб. и Толстов. въ М. 30+152+80+80+104 стр. Съ 3 автогр. Толстого, 7 иллюстр. къ его разсказамъ, 2 порт. и 3 иллюстр. на отд. лист. Ц. 3 р.

Содержаніе: Отъ Совѣта О-ва Толст. музея въ Спб. I Писанія Т.: Варіантъ къ „Крейц. Сонатѣ". „О музыкѣ". Набросокъ Т. отъ 30 нояб. 1889 г. („Carthago delenda est"), съ примѣч. В. Г. Черткова. Неизвѣст. переводъ Т. англійск. статьи J. A. Ruth'a „Pure religion und pure gold", съ предисл. В. Ѳ. Булгакова. Тексты завѣщанія Т., съ вступ. замѣткой В. Г. Черткова. II. Письма Т. Письма Т. къ В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову о „Посредникѣ", народн. журналѣ и литературѣ, для народа вообще. 1884—1894 гг. Подъ ред. и съ примѣч. А. К. Чертковой и съ предисл. А. М. Хирьякова. Письма Т. къ И. М. Кургышу, съ предисл. К. С. Шохоръ-Троцкаго, къ Ю. О. Якубовскому, къ Е. И. Попову, съ примѣч. Е. И. Попова, къ Г. С. Голицыну, съ предисл. В. М. Попова. III. Воспоминанія о Т.: Изъ записокъ гр. С. А. Толстой подъ заглавіемъ „Моя жизнь". Четыре посѣщенія гр. Г. монастыря „Оптина пустынь". Т. и его друзья за 25 лѣтъ (1886—1910). Воспоминанія Ю. О. Якубовскаго. Т. и современная наука. Изъ воспомин. Н. А. Морозова. День Льва Ник. по воспомин. В. Ѳ. Булгакова. Свиданіе съ Т. въ Кочетахъ (у М. С. и Т. Л. Сухотиныхъ). Изъ дневника В. Г. Черткова. Какъ писалось завѣщаніе Т. По воспомин. А. П. Сергѣенка. V. Статьи и матеріалы: К. С. Шохоръ-Троцкій. Сютаевъ и Бондаревъ. А. М. Хирьяковъ. О вліяніи Т. Проф. И. Оршанскій по поводу „Крейцеровой Сонаты". В. Ѳ. Булгаковъ. Отчетъ по описанію библіотеки Т., находящейся въ Ясной Полянѣ. Изъ архива гр. С. Л. Толстого. Дополненіе къ статьѣ „Сютаевъ и Бондаревъ". Письмо Т. Т. М. Бондареву. V. Хроника и библіографія: Хроника (Съ 15 отк. 1912 г. по 1 окт. 1913 г.) Составилъ П. Я. Канторъ. Отчетъ Толстов. музея въ Спб. за 1912—13 г. Толстовская библіографія за 1912 г. Сост. подъ ред. А. Л. Бема.

1800. Доброклонскій, А. П. 92(Ѳ):2

Преп. Ѳеодоръ, исповѣдникъ и игуменъ Студійскій. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Ч. 1. 1913. Одесса, тип. „Экономическая". XX+972+LC+10 стр. Ц. 5 р.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ". (1914—3). Вяч. Ивановъ. Чурлянисъ и проблема синтеза и искусствъ.—Вал. Чудовскій. Н. К. Чурлянисъ (отрывки). — А. Р-въ. Выставки и художественныя дѣла—Экспертъ. Петербургскій художественный рынокъ. — Каратыгинъ. Музыка въ Петербургѣ. — Я. Т-дъ. Письмо изъ Москвы. — В. П. Письмо изъ Новочеркасска. — М. К.-Л. Письмо изъ Даніи. — Тп. Миѳъ о безкорыстіи — Худож. вѣсти съ Запада.— С. Чехонинъ Русская кустарная выставка въ Берлинѣ. — Rossica.

„Библіографическія Извѣстія". (1913—4). А. В. Мезіеръ. Мѣстная библіографія Россіи. („Общества изученія края" въ роли библіографовъ). — Каталографія. (Техника библіографич. описанія). — В. С. Боднарскій. Библіографія русской библіографіи. (Библіогр. литер. за сент.—дек. 1913 г.). — Рецензіи. — Хроника.

„Богословскій Вѣстникъ". (1914—3). Памяти П. И. Цвѣткова. — К. М. Поповъ. Списокъ печатныхъ трудовъ проф. П. И. Цвѣткова. — Отъ Совѣта Имп. Моск. Духовной Академіи. — Письма еп. Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ. Сообщ. М. А. Новоселовъ. — Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолію Александрову. Сообщ. А. А. Александровъ. — Іером. Пантелеймонъ. Антропологія по твореніямъ Св. Іоанна Дамаскина. — В. А. Кожевниковъ. Индусскій аскетизмъ въ до-буддійскій періодъ. — Леонтій, митроп. моск. Мои замѣтки и воспоминанія. — П. Н. Каптеревъ. Телеологія неоламаркистовъ. — Критика.

„Вегетаріанское Обозрѣніе". (1914—2). И. Горбуновъ-Посадовъ, Г. Боссе и А. Зоновъ. Къ единомышленникамъ. Проектъ программы II Вегетар. съѣзда. Проектъ выставки. Проектъ устава Справочного Вегетаріанскаго Бюро. — Влад. Кименталь. Къ вопросу о воспитаніи. — Хр. Досевъ. Община „Возрожденцевъ" въ Болгаріи. — Ѳ. фонъ-Галецкій. Письма изъ Германіи. Садоводныя колоніи въ Іерусалимѣ. — Ф. Ойлеръ. Воззваніе къ англичанамъ. Съ англ. Л. Перно. — Избранныя мысли. — Д-ръ В. Поте. Здоровье подрастающаго поколѣнія на нашей отвѣтственности. Съ фр. Е. Ю. Рейнке. — Т. Соколовская Художественный отдѣлъ. Черепаха. разсказъ. — Въ мірѣ печати. Крапива, какъ. пондальное растеніе. — Старый Вегетаріанецъ и. С. О. Перперъ. По міру. Хроника. — Библіографія и критика. — Е. Поповъ и Э. К. Вегетаріанскій кулинарный отдѣлъ.

„Вегетаріанское Обозрѣніе". (1914—3). B. Galard О томъ, какъ я представляю себѣ идеалъ Вегетаріанскаго о-ва. Съ фр. Е. Ю. Рейнке. — Хр. Досевъ. Община „Возрожденцевъ" въ Болгаріи. — Д-ръ мед. I. Келлогъ. О вымираніи расы. Съ фр. С. П-ръ. — I. Шліосбергъ. Движеніе въ пользу создателя городовъ-садовъ. — D-r Iotyko. Дѣти-вегетаріанцы. Съ фр. Е. Ю. Рейнке. — Въ мірѣ печати. Охрана природы. — Старый Вегетаріанецъ и С. О. Перперъ. По міру. Хроника. — Библіографія и критика. — Вал. Трубецкой. Анкета „Здоровье духа — бодрость тѣла". — Э. К. Вегетар. кулинарный отдѣлъ. — Смѣсь.

„Вольный Университетъ". (1914—4). С. Русовъ Т. Шевченко — украинскій поэтъ. — Н. Корниловъ. Дѣятельность земствъ по положенію 1 января 1864 г. и реформа 12 іюня 1890 г. — С. Яковлевъ. Какъ образовалась земля. — В. Козельскій. Кооперативное движеніе. — Е. Смирновъ. Ирландскій гомруль. — В. К. Новое въ

наукѣ и техникѣ.—А. Мезіеръ. Что и какъ читать гдѣ и какъ пріобрѣтать книги.

„Вольный Университетъ". (1914—5). Е. Коцъ. Мѣстный судъ. — С. Яковлевъ. Какъ образовалась земля. — Б. Иллеръ. Чѣмъ была и чѣмъ стала народная интеллигенція. — Е. Кускова. Хроника внутренней жизни. — Е. Самуйленко. Театры для рабочихъ въ Германіи. — В. К. Новое въ наукѣ и техникѣ. — Б. Брюловъ. Введеніе въ обзоръ современнаго искусства. — Смѣсь.

„Вольный Университетъ". (1914—6). К. Тахтаревъ. Понятіе о законѣ и о закономѣрности. — В. Шипчинскій. Ураганъ 28 февр. — 1 марта 1914 г.— Ник. Андреевъ. Исторія открытія огня. — Вл. Львовъ-Рогачевскій. На распутьи. — В. Козельскій Хроника внутренней жизни. — М. Хейсинъ. Культурно-просвѣтительное движеніе германскихъ рабочихъ. — М. Сабинина. Дѣятельность о-въ Народныхъ Университетовъ въ Воронежѣ.

„Воспитаніе и Обученіе". (1914—3). Д-ръ Л. И. Чулицкая-Тихѣева. Уходъ за душевнымъ здоровьемъ ребенка въ годы перваго дѣтства.— Н. Альмедингенъ. Въ „Дѣтскомъ Домѣ" Монтессори. (Продолж.). — А. Нилимовъ. О дѣтской книгѣ.—I Всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія.—IV Международный конгрессъ по семейному воспитанію. — Педагогическая хроника.—Библіографія.

„Вѣра и Разумъ". (1914—6). Проф.-прот. Н. Стеллецкій. Благодать Божія, какъ сила, вспомоществующая нравственному усовершенствованію человѣка. (Продолж.).—Проф.-прот. I. Галаховъ. Къ вопросу о соціальномъ положеніи женщины по ученію христіанства.—С. Ивановъ. Мистика ареопагитикъ.—Прот. I. Пичета. Памяти преосвящ. Иларіона, еп. Полтавскаго.— И. Проданъ. Правда о Кантѣ.—Свящ. Н. Липскій. Вѣра и знаніе. (Продолж.).

„Вѣстникъ Воспитанія". (1914—3). Н. Бродскій. Поэзія Н. В. Станкевича.—Прив.-доц. М. М. Рубинштейнъ. Изъ исторіи идеи всеобщаго обученія.—П. Вороновъ. Англійскія частныя школы.— А. Дивильковскій. Загробная наука.—Изъ жизни санаторіи-школы: 1. Вмѣсто предисловія. 2. И. И. Воспобойниковъ. Вспомогательное обученіе числу и мѣрѣ. 3. С. Крюковъ. Изученіе начальной географіи.—В. Мурзаевъ. Рисованіе на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ.—З. Лерхъ. Что сдѣлано для облегченія участи слѣпыхъ.— А. А. Локтинъ. Кабинетъ дѣтскаго чтенія.—Критика и библіографія.—Хроника.

„Вѣстникъ Еврейскаго Просвѣщенія". (1904—29 (III). Е. Эфрусн. О преподаваніи библійской исторіи.—Х.-Ш. К. Меламеды и хедеръ.—С. Левитинъ. Трудовая школа и національное воспитаніе.—М. Л. Евреи въ общихъ и еврейскихъ учебн. заведеніяхъ Россіи.—Е. I. Инородческая школа на всероссійскомъ съѣздѣ по народному образованію. — Резолюціи, принятыя на съѣздѣ по народному образованію въ инородческой секціи.—Изъ педаг. журн. С. Г. Iohann Dunk. Внушеніе въ школѣ. — Критика и библіографія. — Еврейское библіотечное дѣло.

„Вѣстникъ Европы". (1914—4). Евг. Чириковъ. Возвращеніе, ром. (Продолж.).—А. Чумаченко. На берегу. Стих.—Н. Олигеръ. Принцесса, повѣсть. (Оконч.).—А. Колтоновскій. I. Осеннее. II. Зигзагъ. III. Капризъ лѣта, стихотв.—И. Бунинъ. Святые, разск.—Б. Садовскій. I. Проѣздомъ. II. Усталость. III. Молитва, стихотв.— Е. Ватманъ. Когда угасалъ день, разск.— Л. Андрусонъ. Лѣсная пѣсня. (Изъ Н. Ленау).— И. Толстой. Поздно, разск.— З. Вершинина, стих.—Ю. Каменевъ. Самый остроумный противникъ Герцена. — Н. Котляревскій. Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія 60-хъ годовъ. Иностранная книга въ рукахъ молодого человѣка 1855—1861 гг.—Д. Овсянико Куликовскій. Вопросы времени. II. Интеллектуальное раскрѣпощеніе. — М. Ковалевскій. Спасительный тормазъ или гибельная запруда? — Т. Сёрстонъ. Мятежная юность, ром. Перев. съ англ. М. Славинской. (Оконч.).—Н. Огановскій. Борьба за сибирскія земли.—Діонео. Письмо изъ Лондона—К. Арсеневъ. На темы дня.—Бѣлоруссовъ. Судные дни. (Письмо изъ Парижа).— В. Шеръ. Фабрично-заводскій рабочій Московской губ.—Л. Слонимскій. „Непреложные законы" гр. С. Ю. Витте.—П. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—Обыватель. Письмо изъ Кіева.—Иностранное обозрѣніе.—Литературное обозрѣніе.— М. Ковалевскій. Памяти П. П. Семенова.—В. Кузьминъ-Караваевъ и Арсеньевъ, К. Вопросы внутренней жизни. — Библіографич. листокъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы". (1914—3). I. Общественная жизнь: Ганото о балканскихъ событіяхъ 1912—1913 гг. Современное настроеніе въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Опасности зимняго спорта. Американскія желѣзныя дороги. Іосифъ Капабланка, геній шахматной игры.— II. Литература и печать. Воспоминанія о Маркѣ Твэнѣ.—Библіографич. отд.: Новыя теченія въ англійской литературѣ. О футуризмѣ.— Мансуэль. Садъ сатаны.— Х. Кейнъ. Богомъ данная мнѣ женщина.—К. Штробль.—К. Перъ. Кади замужемъ.—Д. Виделясъ. Отецъ Наркисъ. Съ греч.— А. Фогаццаро. Мальгари. Съ итальян.— М. Твэнъ. Въ области сновидѣній.—Летящая собака. Съ фр.—Ю. Клеве. Западня. Съ польск.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики". (1914—3 (603). Проф. В. П. Ермаковъ. Число цѣлыхъ положительныхъ рѣшеній уравненія $x+2y+Zz=m$.—Акад. А. А. Марковъ. Двухсотлѣтіе закона большихъ чиселъ.—А. Риги. Природа X-лучей.—Проф. Д. Синцовъ. II-й всероссійскій съѣздъ преподавателей математики.— Письмо въ редакцію.—Международная комиссія по преподаванію математики: съѣздъ комиссіи въ Парижѣ.—Библіографія.—Задачи.—Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики". (1914—4 (604). Отъ редакціи.— Акад. П. И. Вальденъ. О вліяніи физики на развитіе химіи.—Д. Сильвестръ. Геометрическій парадоксъ Д'Аламбера-Карно и его рѣшеніе. — В. Каганъ. По поводу ст. Киселева.— Научная хроника.—Опыты и приборы.— Н. Плеханова. Конгрессъ, созываемый для чествованія памяти Непра.—Разныя извѣстія.—Отъ Организ. комитета II-го Всерос. съѣзда преподавателей математики.—Библіографія.—Задачи.—Рѣш. задачъ.

„Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Педологіи". (1914—т. XI, в. I). Акад. В. Бехтеревъ. Индивидуальныя и соціальные факторы развитія организмовъ и соціальность, какъ условіе прогресса.—В. С. Мышкисъ. Малолѣтніе преступники въ Петербургѣ.—Т. Райновъ. Понятіе чистой логики.—М. Басовъ. Второй Всерос. съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ.—Проф. А. В. Герверъ. Отчетъ о дѣя-

тельности Психо-Неврологическаго института за 1912 г.

„Голосъ Минувшаго“. (1914—3). В. В. Міяковскій. Годы ученія А. Н. Радищева.—И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. III. Николаевская эпоха.—Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Трагедія власти.—В. Ѳ. Лазурскій. Яснополянскіе посѣтители въ 1894 г.—П. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній.—А. А. Пеликанъ. Въ второй половинѣ XIX в.—И. Е. Рѣпинъ. Изъ временъ возникновенія моей картины „Бурлаки на Волгѣ“.—Н. Б. Бродевскій. Изъ воспоминаній. (Нач. XIX. в.).—П. О. Соколовская. Сокровенность масонскихъ стиховъ.—Е. А. Колосовъ. Къ характеристикѣ общественнаго міросозерцанія Н. К. Михайловскаго.—С. В. Петлюра. Былое въ украинскихъ журналахъ.—А. М. Васютинскій. Вольтеръ-придворный и Вольтеръ-помѣщикъ.—В. Н. Перцевъ. Изъ писемъ бар. Штурмфера объ австрійской революціи 1848 г.—С. Дурылинъ. О погибшихъ произведеніяхъ Гаршина.—Статьи въ текущихъ журналахъ.—Критика и библіографія.—В. Я. Богучарскій. А. Х. Христофоровъ, некрологъ.

„Для Народнаго Учителя“. (1914—6). В. Рутценъ. Одинъ изъ нерѣшенныхъ вопросовъ.—Р. Ландсбергъ. Школьная жизнь за границей.—Л. Коварская. Къ предстоящимъ заграничнымъ экскурсіямъ.—В. Бабаковъ. Школьная практика.—Систематич. сводъ разолюцій, принятыхъ секціями и комиссіями 1-го всероссійскаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія.—Постановленія и резолюціи, принятыя на съѣздѣ имени К. Д. Ушинскаго.—N. Памяти педагога.—Библіографія.—Н. Котельниковъ. Изъ жизни учительскихъ организацій.—Разныя извѣстія.—Письмо въ ред. отъ врем. комитета „Фонда Нар. Просвѣщ.“

„Дневники Писателей“. (1914—1). Отъ редакціи.—Ю. Балтрушайтисъ. Предчувствіе, стих.—Ѳ. Сологубъ. Замѣтки.—Ив. Рукавишниковъ. О любви.—О. Миртовъ. О чудѣ Господнемъ. Ан. Чебатаревская. Изъ дневника.—Макс Волошинъ. Банки.—Къ пріѣзду Н. М. Минскаго.—Изъ писемъ: А. И. Куприна, Л. Андреева, А. Крандіевской и Читателя.—Вѣсти о писателяхъ и о книгахъ.

„Ежемѣсячный Журналъ“. (1914—3). Ал. Блокъ. Стихотв.—П. Соловьева. Прошло. Нарцисъ, стихи.—А. Ахматова. Два стихотв.—А. Ѳедоровъ. Два стихотв.—М. Пожарова. Стихотв.—А. Рубакинъ. Стихотв.—Ал. Ширяевецъ. Жигули. Масляница. Пѣсни. Кабацкая, стихи.—Желѣзнодорожникъ. (Каэфъ). Стих.—М. Богдановичъ. Изъ стих. Т. Г. Шевченко.—Н. Рыбацкій. Пѣсни кузницы, стихотв.—А. Соболь. Родинѣ.—Мих. Борецкій. Свыше силъ.—М. Мироновъ. Предатель.—Вл. Шабуринъ. Большой и маленькій.—В. Винниченко. Божки, ром.—С. Семеновъ. Односельцы, повѣсть.—А. В. Немиловъ. Почему всѣ части человѣческаго тѣла работаютъ согласно. (Оконч.).—В. Курбатовъ. Объ искусствѣ и красотѣ. Изображеніе неприкрашенной природы.—Л. П. Никифоровъ. Л. Н. Толстой о себѣ. Извлеченія.—Е. Колосовъ. Чему насъ училъ Н. К. Михайловскій.—В. Винниченко. Геній Украины.—Н. А. Морозовъ. Воспоминанія.—Вл. Скороходовъ. Изъ воспоминаній стараго общинника. У Энгельгардта и въ Буковской общинѣ. (Оконч.).—Д. Коноваловъ. Религіозныя движенія въ Россіи. В. Радаевъ. (Продолж.).—Ст. Ст. Зуйковъ. Мои исканія вѣры.—А. Петрищевъ. О щекотливомъ женскомъ дѣлѣ.—Б. Черненковъ. Жизнь деревни.—Кр. П. Гавриловъ. Право хуторянина.—М. Новиковъ. Община и жизнь.—Е. Синегубъ. Жизнь и политика.—Гр. Шрейдеръ. Изъ Италіи. Послѣдній изъ могиканъ.—А. Дерманъ. Среди журналовъ.—Библіографія.—Р. С. Лѣтопись важнѣйшихъ событій. Январь. Февраль.—Д. Святскій. Непосредств. знакомство съ небомъ. Мартъ.—Я. С. и В. А. Пространство и населеніе Россіи.

„Естествознаніе и Географія“. (1914—2). Н. Балашовъ. Маріинская система.—Проф. В. Н. Болдыревъ. Очеркъ по исторіи физіологіи въ связи съ развитіемъ медицины и біологіи. (Продолж.).—Проф. К. Сентъ-Илеръ. О наблюденіи и наблюдательности.—К. Д. Мачаваріани. Городъ Сухумъ и Абхазія въ настоящемъ и прошломъ. (Продолж.).—А. П. Пинкевичъ. Необходимъ ли учебникъ природовѣдѣнія?—В. И. Граціановъ. На берегу Ламанша.—П. Фрейбергъ. Альфредъ Русель Уоллесъ.—Критика и библіографія.—Смѣсь.—Хроника.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1914—1). В. І. Дмитріева. Не настоящій человѣкъ.—К. и С. Ковальскіе. Три свѣчи.—Е. Н. Чириковъ. Пегасъ и Гога.—Андреяновъ. Поселокъ.—Р. Кумовъ. Толстой-странникъ.—И. Е. Рѣпинъ. Счастье и смыслъ жизни.—П. Книжникъ. Современный прогрессъ религій.—М. Слобожанинъ. Идеализмъ въ практической жизни.—В. Носъ. Изъ дали села и деревень.—А. Сухановъ. Учительскіе съѣзды.—А. Русановъ. Служебное положеніе народнаго учителя въ нашемъ законодательствѣ.—В. А. Поссе. Обществ. жизнь по Герцену.—А. Бронскій. Что читать по этикѣ?—Товарищеская бесѣда.—Библіографія.—А. Липецкій, Ал. Владимировъ, П. А. Ш. и В. Торновъ, стихи.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1914—2). Н. Степаненко. Мать.—А. Василецъ. Вечеръ.—Е. Милицына. Друзья.—В. Брусянинъ. На лыжахъ.—А. Невѣровъ. Послѣднее средство.—А. Мошинъ. Наше счастье.—К. Захаренко. Т. Г. Шевченко.—А. М. Лебедевъ. Чѣмъ намъ дорогъ Шевченко.—Н. Степаненко. На Родинѣ Т. Г. Шевченко.—Б. Лойко. Общественныя теоріи прошлаго вѣка и современный милитаризмъ.—А. Николаевъ. Двѣ смерти.—Д-ръ Г. Гордонъ. Молодежь и ея отношеніе къ проституціи.—В. Мошковъ. Кооперація и народный учитель.—Д. Страховъ. Швейцарское крестьянство и его организація.—П. Миролюбовъ. Двѣ годовщины.—Товарищеская бесѣда.—Библіографія.—Ст. Давыдовъ, Ал. Липецкій и Л. Гумилевскій, стихи.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1914—3). Вл. Носъ. Въ тенетахъ.—С. Михайловъ. Въ монастырѣ.—Т. Босковичъ. Бабка.—Евг. Шведеръ. Въ родномъ гнѣздѣ.—Гр. Деледда. Кабаненокъ.—Вл. Евгеньевъ. Некрасовъ и читатели изъ народа.—А. Долговъ. О фельдшерахъ.—Вл. Шадринъ. Россія въ половинѣ XIX в.—М. Новорусскій. Великое изверженіе въ Японіи и отчего произошло оно.—Б. Заксъ. Какъ открыть въ деревнѣ библіотеку.—Товарищеская бесѣда.—Библіографія.—С. Астровъ, Ал. Жернаковъ, Ст. Давыдовъ, стихи.

„Журналъ Министерства Юстиціи“. (1914—3). Законодательство.—Извлеч. изъ Высоч. указовъ по Мин. Юст.—Приказы по вѣдомству М. Ю.—Циркулярныя распоряж. по Мин. Ю.—Второй Всерос. съѣздъ тюремныхъ дѣятелей.—В. Н.

Ширяевъ. Объ юридической природѣ должностныхъ преступленій (доктрина должностныхъ преступл.).—Н. Г. Вавинъ. О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментахъ легатарнаго права.—П. Ю. Черкасскій. Побои. (Оконч.).—В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло въ губ. Царства Польскаго. (Оконч.). — Хроника. — В. К. Послѣслужебное обезпеченіе служащихъ по гражданскому вѣдомству (къ пересмотру пенсіоннаго законодательства).—С. В. Завадскій. Кассаціонная практика по Прибалтійскому краю.—А. А. Фруктовъ. Кассаціонная практика.—И. Барковскій. Отдѣлъ иностраннаго законодательства и международнаго права при мин. юстиціи во Франціи.—Ф. Эннекенъ. Письма изъ Парижа.—Сесиль Мидъ Алленъ. Письма изъ Англіи—Литературное обозрѣніе.

„Извѣстія по Народному Образованію“. (1914—3). Правительств. распоряженія.—Л. О. Петцель. Дѣтскіе сады за границей. — В. Лясковскій. Левъ Ив. Поливановъ. (Оконч.).—Х. Ѳ. Вознесенская. Вспомагательныя школы въ Германіи. (Оконч.).—П. Е. Кузнецовъ. Туземное образованіе въ Алжирѣ.—Отзывы о книгахъ.

„Извѣстія Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія“. (1914—10(2). Сикора. Демонстрированіе затменія на экранѣ.—С. Гальперсонъ. Фотоактинометрія на предстоящемъ полномъ солн. затменіи.—С. Селивановъ. Метеорологическія наблюденія во время затменія —Д. Святскій. Программа біологическихъ наблюденій во время полнаго солнечнаго затмѣнія 8 авг. 1914 г.—Н. Субботина. О психологіи наблюдателя и психологическомъ наблюденіи во время солнечнаго затменія. — Схема полосы солнечнаго затменія 8 (21) авг. 1914 г.—Д. Чижевскій. Принципъ относительности и его провѣрка астрономическимъ путемъ.—Астрономическія наблюденія.—Разныя замѣтки.—Журналы общихъ Собраній.—Библіографія.—Хроника.

„Историческій Вѣстникъ“. (1914—4). М. Г. Веселкова-Кильштетъ. На родной почвѣ, ром. (Продолж.).—Гр. Н. П. Игнатьевъ. Записки. (продолж.). — О. Козельскій. Лѣсные братья, разск.—Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій. У гроба царя. (Страница изъ моихъ воспом.).—Г. Черенковъ. Годъ по тюрьмамъ.—Я. Н. Колубовскій. Изъ литературныхъ воспоминаній.—Ш. В. Архіерейская встрѣча. Были. (Изъ воспом. о преосвящ. тобольск. Виталіи).—Г. Л. И. Памяти П. П. Семенова-Тяньшанскаго. — М. Казоханинъ. Самозванецъ Калугинъ. — Н. Н. Оглоблинъ. Въ смутные дни. (Очерки и наброски).—Л. Ганъ. Убійство П. А. Столыпина. (Оконч.).—Б. Г.—О. К. Нотовичъ. (Некрологъ).—А. М. Черняева. Одинъ изъ стаи славныхъ (П. Г. Кузьминскій).—Б. Б. Глинскій Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). (Продолж.). П. П. Село Никольское Бердянск. у. и посѣщеніе его покойнымъ цес. Николаемъ Алекс. въ 1863 г.—Ф. Е. Заринъ Несвицкій. Пушкинскій домъ въ Царскомъ Селѣ.—Вел. кн. Николай Михайловичъ. Письмо камеръ-фурьера Бабкина къ сыну, написанное 23 ноября 1825 г.—Е. С. Шумигорскій. Изъ записной книжки историка. (Двѣ легенды объ имп. Александрѣ I).—Критика и библіографія. — А. А. Измаиловъ. Новости исторіи. Обозрѣніе журналовъ.—Заграничныя историч. новости и мелочи.—Смѣсь.—Некрологи.—Замѣтки и поправки.

„Кооперативная Жизнь“. (1914—5). О союзномъ строительствѣ. — А. Кулыжный. Практическіе шаги по осуществленію кооперативнаго сбыта яицъ.—В. Ключевскій. Вреденъ или полезенъ мелкій кредитъ. — Кн. К. Кекуатовъ. Союзы и договорныя объединенія кооперативовъ.—Н. Чайковскій. Сбытъ кооперативныхъ продуктовъ на заграничномъ рынкѣ.—Кооперативная жизнь въ Россіи —Кооперативная жизнь за границей—Товарищескія операціи съ хлѣбомъ въ 1913 г.—М. П. Авсаркисовъ. Денежный рынокъ.—О новыхъ книгахъ.—По поводу конфликта въ Народномъ банкѣ. Хроника. — Инструкторскій отдѣлъ.—Хроника Моск. Народнаго Банка.

„Кооперативная Жизнь“. (1914—6). Наглядное обученіе для кооператоровъ. — Н. Чайковскій. Сбытъ кооперативныхъ продуктовъ на заграничномъ рынкѣ.—А. Кулыжный. О кооперативномъ сбытѣ сельскихъ продуктовъ чрезъ Московскій Народный банкъ.—Его же. Практическіе шаги по осуществленію кооперативнаго сбыта яицъ.—Кооперативная жизнь въ Россіи. — Кооперативная жизнь за границей. — Товарищескія операціи съ хлѣбомъ въ 1913 г. — А. Гурвичъ. Къ вопросу о кооперативномъ торговомъ музеѣ.—Д. Илимскій. Городъ и деревня.—О новыхъ книгахъ.—Письма въ редакцію.—Инструкторскій отдѣлъ.—Хроника Моск. Нар. банка.

„Научный Историческій Журналъ“. (1914—1). Н. И. Карѣевъ. Задачи „Научнаго Истор. Ж.“—А. А. Кауфманъ. Къ вопросу о статистическомъ методѣ въ историко-экономическихъ изслѣдованіяхъ. — М. И. Ростовцевъ. Эллинистическая Азія въ эпоху Селевкидовъ.—Рецензіи.—Автореферaты: М. Островская. Авторскій докладъ о книгѣ „Земельный бытъ сельскаго населенія на сѣверѣ въ XVI—XVIII вв.,—Н. Карѣевъ. Теорія историческаго знанія. Эпоха франц. революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія 10 лѣтъ. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи.—Изъ русскихъ журналовъ: Н. К. Историко-теоретическіе взгляды Чернышевскаго, Лаврова и Михайловскаго. Современ. французскіе соціологи.—М. А. Островская. Новое освѣщеніе собора 1648—1649 гг. и происхожденія Уложенія. Хроника.—Библіографія.

„Наша Заря“. (1914—3). А. Бибикъ. Къ морю, разск. — С. Клычковъ, А. Сергѣевъ, С. Кашкаровъ, Н. Венгровъ. Стихи. — М. Панинъ. Переписка Маркса и Энгельса.—М. Павловичъ. Международные конфликты и алармистская пресса.—Ив. Кубиковъ. Искусство и отношеніе къ нему пролетаріата. — В. Звѣздинъ. Памяти П. А. Злыднева.—Булкинъ. Рабочая самодѣятельность и рабочая демагогія.—Л. М. Отвѣтъ Булкину — А. Мартыновъ. На что они разсчитываютъ? (Кадетская дискуссія).—В. Львовъ-Рогачевскій. Огненное слово. (100 лѣтъ Т. Г. Шевченко).—Н. Череванинъ. Объ устояхъ реакціи. — А. Потресовъ. Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ. — Резолюція Всерос. Литературнаго О-ва о законопроектѣ о печати, принятая 17—19 янв. 1914 г. — Л. М. — С. Н. Кранихфельдъ. (Некрологъ).—Н. Рожковъ. Союзъ русскихъ аграріевъ.—Библіографія.

„Новый Журналъ для Всѣхъ“. (1914—3). А. Боане, Н. Здродовскій, С. Родовъ, А. Сумароковъ и И. Строгановъ. Стихи.—К. Дебринъ. Въ полѣ житейскомъ.—А. Паронянъ. Курбанъ.—А. Тиняковъ. Старый редакторъ. — А. Грудницкій. Въ степи. — В. Носенковъ. Весенній этюдъ. —

В. Луцывъ. Зазулька. — К. Дружининъ. Десятилѣтіе войны 1904—1905 гг.—Н. фонъ-Зенъ. Къ 75-лѣтію со дня смерти М. М. Сперанскаго. — Д. Рудинъ. Н. К. Михайловскій. — Д. Р—ъ. Къ 70-лѣтію рожденія А. Ѳ. Кони. — Д. Бородинъ. Винная монополія и народная трезвость. — Н. Слуховскій. Разложеніе брака. — П. Пишъ. Въ борьбѣ за землю.—С. Б—овъ. Театръ.—Г. Григе. Научный обзоръ.—Ф. Мюри. Союзы и общества въ Китаѣ.—Библіографія.

„Обновленіе Школы". (1914—кн. XXII) А. Зачиняевъ. Памяти Ц. П. Балталона. († 27 янв. 1913 г.).—Д-ръ І. Штимпфль. Значеніе психологіи дѣтства для учителя. Съ прилож. 4-хъ опросныхъ листовъ С. Холла и руководства для набл. за дѣтьми. Проф. Мартинана. Предисл. и перев. съ 3-го нѣм. изд. Н. Е. Румянцева.—Н. Арнольдовъ. Можетъ ли быть множитель числомъ отвлеченнымъ?

„Педагогическое Обозрѣніе". (1914—3). В. Фишеръ. О преподаваніи литературы въ средней школѣ.— Я. Яворская. Драматическій методъ обученія. (Продолж.).—М. Басовъ. Итоги второго Всерос. съѣзда по экспериментальной педагогикѣ. (Оконч.). — В. Формаковскій. Взаимоотношеніе физическаго и умственнаго развитія учащихся. (Продолж.).—В. Б. Изъ книгъ и журналовъ.— Хроника школьной жизни.— Заграничная хроника.— Изъ школьной практики: N. „Личный бланкъ" школьника.—Критика и библіографія.

„Педагогическое Обозрѣніе". (1914—4). В. Мурзаевъ. Ручной трудъ въ связи съ уроками родного языка въ начальной школѣ.—В. И. Формаковскій. Взаимоотношеніе физическаго и умственнаго развитія учащихся. (Оконч.).— Я. Яворская. Драматическій методъ обученія. (Оконч.).—Н. Мальцева. Къ постановкѣ преподаванія мѣстной исторіи во французскихъ начальныхъ школахъ.—А. Л. Отчетъ о 2-мъ Всероссійскомъ съѣздѣ преподавателей математики въ Москвѣ.—В. Б—въ. Обученіе грамотѣ по америк. методу.—Запасъ представленій у дѣтей, поступающихъ въ начальныя школы. (Изъ книгъ и журналовъ). — Хроника школьной жизни.—Изъ школьной практики. Уроки коллективнаго сочиненія.—Критика и библіографія.

„Педагогическій Сборникъ". (1914—4). М. Марковскій. Тургеневъ съ современной точки зрѣнія. — К. Житомирскій. Классификація глагольныхъ формъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. — В. Вольнцевичъ. Новости иностранной педагогической литературы. — А. Флеровъ. Замѣтки личнаго опыта. — В. Будановъ. Изъ разговоровъ въ учительской. — М. Д. Приселковъ. Памяти Н. В. Дмитріева. — Критика и библіографія.

„Природа". (1914—4). Проф. В. А. Вагнеръ „Высшій Разумъ" въ философскомъ міропониманіи Алфреда Уоллеса. — Старш. астр. Пулковской обсерв. С. К. Костинскій. Памяти Бредихина. — Проф. К. Д. Покровскій. Большая комета 1910. I. — Проф. П. П. Лазаревъ. Фотохимическая теорія зрѣнія.— М. П. Садовникова. Аммофила и помпилъ. — Проф. А. В. Леонтовичъ. Клодъ Бернаръ. — Проф. Г. де-Фризъ. Групповое возникновеніе новыхъ видовъ. — Научныя новости и замѣтки.—Географическія извѣстія.— Библіографія.

„Просвѣщеніе". (1914—3). А. Марусинъ. Годъ Нюсиной жизни. (Оконч.). — Г. Зиновьевъ. Авг. Бебель въ эпоху „подполья". — С. Астровъ. Солнце и сердце. — Н. Бухаринъ. Теорія субъективной цѣнности Бемъ-Баверка. — Н. Степановъ. Экономика и политика въ рабочемъ движеніи. Ив. Австралійскій. Изъ свободной Австраліи. I. Соціалисты въ судѣ. II Брисбейнская тюрьма.— Г. Каменскій. Избирательная реформа въ Галиціи. — Г. Тинскій. Къ аграрному вопросу. — В. Ильинъ. I. Радикальный буржуа о русскихъ рабочихъ. II. Политическіе уроки.— Г. З. Уступка предразсудкамъ. — С. Корсовъ. Мирный исходъ и кризисъ. — Наша анкета. — Библіографія.

„Путь". (1914—3). М. Межакова. Пѣсенка, разск. — П. Зоревъ. Два стихотв. — В. Моровъ. Безъ почвы, повѣсть. — Е. Чернобаевъ. Изъ Казимира Тетмайра, стихотв. — А. Треплевъ Плѣнникъ „Навьихъ чаръ", статья.—Дм. Семеновскій Святый Боже, стих. — Литературный архивъ.— Къ столѣтнему юбилею со дня рожденья Т. Г. Шевченки. — Литературная хроника. — Замѣтки о новыхъ книгахъ.

„Русская Мысль". (1914—3). В. Брюсовъ. Стихотворенія. С. Н. Сергѣевъ-Ценскій. „Наклонная Елена". (Оконч.).— Ал. Блокъ. Стихотв.— Г. Гессе. Росгальда, ром. Авториз. перев. съ нѣм. А. С. Полоцкой. (Оконч.).— Ал. Топольскій. Стихотв. — Н. С. Романовъ. Судъ, этюдъ. — Г. Дж. Уэллсъ. Страстная дружба. Перев. Э. К. Пименовой. (Продолж.). — Ю. Верховскій. Сельскія эпиграммы. — Ю. Слезкинъ. Ольга Оргъ, ром. — Объ Окассенѣ и Николетѣ. Пер. М. Н. Ливеровской.— А. А. Корниловъ. Семейство Бакуниныхъ. (По неизданнымъ источникамъ). — Ф. А. Щербина. Новая земская Россія. — В. А. Маклаковъ. Толстой и судъ. — Кн. С. Волконскій. О читкѣ. Актеръ, критика, школа. — В. Брюсовъ. Здраваго смысла Тартарены. Діалогъ о футуризмѣ. — А. С. Изгоевъ. На перевалѣ. Къ чему готовить? — П. Струве. Почему застоялась наша духовная жизнь? — Въ Россіи и за границей: 1. Земецъ. Новое нападеніе. 2. Г. Тумановъ. Земская реформа на Кавказѣ. — 3. И. О. Левинъ. Русская „Оранжевая книга" о Балканскихъ событіяхъ. 4. Я. Яковлевичъ. „Обязанное хозяйство" 5. Н. Л. „Эльзасская душа". 6. В. Брюсовъ. Разгадка или ошибка?. 7. Евг. Лундбергъ. О футуризмѣ. 8. Б. Эйхенбаумъ. Къ исторіи вѣнскаго Бургтеатра. 9. М. Первухинъ. Эръ Ромавеско и Трилусса. 10. С. О. Марголинъ. Еврей и капитализмъ. 11. Н. Брюлловъ-Шаскольская. Изученіе религіи массъ. 12. В. Быстренинъ. На перепутьи. 13. П. Эфрузи. Ученыя животныя. 14. Некрологъ. — Критическое обозрѣніе.

„Русская Школа". (1914—2). Законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія.— Б. Веселовскій. Земство и народное образованіе за 50 лѣтъ.— Н. Іорданскій. Условія осуществленія всеобщаго обученія въ Россіи. (Оконч.).— С. Ф. Знаменскій. Что могутъ дать учительству профессіональныя организаціи. — Э. Вахтерова. Чтеніе съ дѣтьми въ семьѣ. (Оконч.).—Вл. Гиппіусъ. Памяти В. Я. Стоюнина. (Къ 25-лѣтію со дня смерти).— Чл. Гос. Думы Ив. Клюжевъ. Народное образованіе въ Швеціи. (Продолж.) — А. П. Нечаевъ. Наглядность въ преподаваніи географіи. (Оконч.) — Prof. G. Stanley Hall (Стенли-Холлъ). Новыя теченія въ области воспитанія въ Америкѣ.— Fr. Gansberg. (Ф. Ганзбергъ). Дитя и наука. (Къ вопросу о реформѣ школы).— Н. Эвергетовъ. Второй съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ.—

Библіографія эксперим. отдѣла. — Критика и библіографія.— Педагогическая хроника.

„Русская Старина“. (1914—4). Гр. Н. П. Игнатьевъ. Поѣздка гр. Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877-78 гг. (Съ примѣч. П. Д. Вобейкова). — Вич. Шахматовъ. Странички семейной хроники. — В. Тимощукъ. Записки гр. Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 гг.—Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку, подъ ред. и съ примѣч. В. Яковлева.—В. Случевскій. Борьба съ антихристомъ подъ г. Тирасполемъ. — М. Л. Гофманъ. Лирика Е. А. Боратынскаго. — А. Е. Кауфманъ. Оклеветанный сатирикъ.— А. П. С. Изъ семейной хроники. Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—78 гг. — Н. Лерверъ. Освобожденіе скальда. Скандинавская повѣсть.— В. Лѣсницкая. Воспоминанія о Бухаринныхъ.— Ив. Мѣщанинова. Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента.—Д-ръ Л. Розоровъ. Петръ Великій-лѣкарь.—М. В. Станиславскій. Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ.—А. Е. К. Инженеръ-генералъ Бор. Ант. Іванебахъ.—Дневникъ мирового посредника. Ал. Андр. Половцева. Сообщ. А. А. Половцевъ.—Е. А. Альбокрій. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.—Ал. Евреинова. Письмо А. І. Евреинова. О сооруженіи памятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ. Изъ записн. кн. „Русск. Ст.“.— В. Н. Федоровъ. Изъ далекаго прошлаго.—Ив. Суворовъ. Бѣдствіе иноземца въ Вологдѣ.—З. П. Тюменъ. Стопятьдесятъ четыре человѣка потомства священника. — С. Фарфаровскій. Выписки изъ „Синодика“ или заповѣди святого и великаго Никейскаго собора. Книги вышедш. изъ исторіи и историч. литер. съ 12 февр. по 6 марта 1914 г. Библіогр. листокъ.

„Русское Богатство“. (1914—3). В. Табуринъ. Молчаніе человѣка. — А. Чумаченко. Съ шарманкой, стих.— П. Юшкевичъ. А. Бергсонъ и его философія интуиціи. — С. Кораскевичъ-Юценко. Ивга и ея дѣти.— С. Ефремовъ. Шевченко и литература.— С. Ипкинъ. Въ колоніи.— А. Прибылева. Мои воспоминанія о Карѣ.— У. Дж. Локкъ. Любимый бродяга.— С. Елпатьевскій. О П. И. Якубовичѣ.— А. Рѣдко. Среди „устремленій“ къ непостижному.— Діонео. Изъ Англіи. — З. Ксчетковъ. Бельгійскій крестьянскій союзъ.— Н. Огановскій. Въ защиту „доктринерства“.—А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.—Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностран. жизни.— Л. Василевскій. (Плохоцкій). Венгерскіе „русанки“ и ихъ судьба.— А. Пѣшехоновъ и И. Гордѣевъ. Случайныя замѣтки .— Новыя книги.

„Русское Богатство“. (1914—4). Г. Яблочковъ. Слѣпая душа.— А. Федоровъ. Стихотв.— Вл. Кранихфельдъ. Новая экскурсія въ Голодлево.— Н. Щедринъ. У пристани.— Н. Шрейтеръ. Стихотв.— Е. Васильева. Вражда.— А. Федоровъ. Звонъ къ вечернѣ, стих.— П. Тимко. Переселенческій поѣздъ.— У. Дж. Локкъ. Любимый бродяга.— Леонидъ Б. Стихотв.— Вл. Розенбергъ. Лебединая пѣснь Щедрина.— Діонео. Изъ Англіи.— В. Майскій. Властители современной Германіи.— В. Бѣлоруссовъ. Одна изъ парижанокъ. А. Трайнинъ. На съѣздѣ криминалистовъ.— С. Елпатьевскій. Самоистребленіе человѣчества.— А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.— Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни.— А. Пѣшехоновъ. На очередныя темы.— И. Гордѣевъ. Мастеровые или подвижники? — Новыя книги.

„Свободное Воспитаніе“. (1913/4—7). К. Н. Вентцель. Реформа современной школы по воззрѣніямъ В. А. Лая.— М. Островская. Дѣтскія сочиненія въ гармоніи съ свободнымъ развитіемъ души ребенка.— Р. Ландсбергъ. Нравственное воспитаніе и преподаваніе этики въ англійскихъ школахъ.— М. Левитина. Права дѣтства.—Н. Кириченко. Библіографія по школамъ на открытомъ воздухѣ. Съ предисл. врача Д. П. Петрова.— Л. Тезаворовская. Народный дѣтскій садъ.— Ого всюду.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“. (1914—3). Акад. В. В. Бартольдъ. Къ исторіи орошенія Туркестана.— Б. М. Вельбель. Главнѣйшіе выводы Плотянскаго опытнаго поля за 1895—1912 гг.— С. З. Курдіани. Изъ біологіи плодоношенія лѣсныхъ породъ. — П. А. Гриненко. Кооперативныя фабрики химическихъ удобреній въ Италіи.— Обзоръ русской и иностр. литературы по сельскому хозяйству.— Библіографія.— Прилож.: І. Д. Х. Робинсонъ. Основы и практика разведенія домашней птицы. П. С. М. Богдановъ. Дѣятельность с.-х. комиссіи 4-й Гос. Думы въ первую сессію.

„Сельско-Хозяйственное Образованіе“.(1914—2). Н. Г. Коваленко. Съѣздъ дѣятелей по сельскохоз. образованію въ Москвѣ.— В. Джабагіевъ. Зимніе курсы въ Нидерландахъ.—И. И. Ковальскій. О преподаваніи физики съ метеорологіей въ низшихъ с.-хоз. училищахъ.—И. И. Бѣлецкій. Учебныя пособія по растеніеводству.—А. К. Шиманъ. О постановкѣ с.-хоз. работъ ученикомъ среднихъ училищъ.—За границей.—Старый учитель. Изъ письма въ ред.—Вопросы и отвѣты.— Хроника.—Обзоръ журн. Объ экзаменахъ.— Библіографія.

„Современная Психіатрія“. (1914 —1). И. А. Алфеевскій. Къ патологической анатоміи диспперкоза нервной системы.—А. Д. Коцовскій. Къ патогенезу такъ называемаго пеллагрознаго тифа.—Я. Д. Мацкевичъ. О реакціи hange съ коллоднымъ золотомъ въ спинно-мозговой жидкости.—К. Р. Евграфовъ. Замѣтка о законѣ 5 дек. 1912 г. въ части его, относящейся къ душевнобольнымъ.—С. С. Сергіевскій. Къ вопросу о дальнѣйшихъ шагахъ земскаго призрѣнія и леченія душевно-больныхъ въ связи съ новымъ закономъ 5 дек. 1912.—Рецензіи.—Хроника.

„Современная Психіатрія“. (1914—2). В. А. Гиляровскій. О роли железъ внутренней секреціи и въ частности о значеніи надпочечниковъ въ патологіи нѣкоторыхъ случаевъ идіотіи.— Т. Е. Сегаловъ. Къ вопросу о парасифилисѣ.— В. В. Люстрицкій. Устройство и режимъ такъ наз. крѣпкихъ отдѣленій въ Европ. Россіи. Г. Я. Трошинъ. Врачебно-педагогическая секція 1-го Всероссійскаго Съѣзда по вопросамъ народнаго образованія.— П. В. Никитинъ. Второй Всерос. Съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ въ Петербѣ.—Хроника.

„Современная Психіатрія“. (1914—3). М. В. Вульфъ. Опытъ психоаналитическаго разбора случая психоневротическаго заболѣванія.— С. М. Родіоновъ. Сумеречныя состоянія хроническихъ алкоголиковъ и ихъ судебно-психіатрическое значеніе.—М. О. Гуревичъ и Л. А. Прозоровъ. У Международный конгрессъ по призрѣнію душевно-больныхъ въ Москвѣ.—Г. В. Рейтцъ. Изъ за-

сѣданій О-ва врачей б-цы Св. Николая Чудотворца въ Спб.—Рефераты.—Хроника.

„Современникъ“. (1914—2). Вл. Бородаевскій. Ковыль, стих.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Мгновеніе, повѣсть. (Оконч.).—С. Астровъ. Изъ книги „Свѣтлыя дали“. I. Эти пѣсни. II. Сирень, стихотв. — М. Морозовъ. Конокрадъ Культипка, разск. — М. Садовану. Козьма Ракаръ, разск. Перев. съ румынск. З. Львовскаго.— А. Упитъ. Кошмаръ, разск. Перев. съ латышск. Р. Праина.— Мих. Павловичъ. Царбенскій инцидентъ и Крупповское дѣло.— К. Пажитновъ. Революція цѣнъ въ Россіи.— Н. Череванинъ. Два главныхъ фактора промышленнаго подъема. — В. Водовозовъ, Законопроектъ о печати и Госуд. Дума. — В. Львовъ-Рогачевскій. Изъ жизни литературы. Въ лагерѣ символистовъ.— К. Тіандеръ. Датчанинъ и бытописатель Россіи. (Оге Маделюнгъ). — О. Приселкова. Стихотв.— Новыя книги.

„Современникъ“. (1914—3). Г. Гребенщиковъ. Степашкина любовь.—Н. Лепетичъ. Стихотв.— П. Хальстремъ. Мистицизмъ случайностей, разс. Перев. со шведск. Е. Благовѣщенской.—Б. Оксеновъ. Suomi, стихотв.—Т. Кончинскій. Ворота Гиппикосъ, этюдъ. Перев. съ польск. Д. Морозова.—Вл. Вороновскій. Зима, стихотв.—Вл. Войтинскій. На партійной работѣ. I. Въ рабочемъ поселкѣ.—Б. Веселовскій. Очерки мѣстнаго самоуправленія. — Г. Циперовичъ. Металлическій голодъ.—Б. Фромметтъ. Фальсификація и борьба съ нею.—Вл. Бер. Уэллсъ о соціализмѣ и интеллигенціи.—Ортодоксъ. Іоганнъ Готлибъ Фихте. — Новыя книги.

„Современникъ“. (1914 — 4). Сем. Астровъ. Снова, стихотв.—Вл. Войтинскій. На крестьянскомъ съѣздѣ.—Ник. Сор—о. Зима, стихотв. — Сельо Нетто. Слѣпая. Изъ бразильскихъ разсказовъ. Перев. К. Жихаревой.—А. Липецкій. Стихотв. Б. Пэнъ. Разсказъ о томъ, какъ онъ убилъ двухъ зайцевъ, разск. перев. З. Львовскаго.— Евг. Л. Изъ забытаго прошлаго.— В. Б. Нѣмецкіе интеллигенты о евреяхъ и еврейскомъ вопросѣ.— А. Шебунинъ. Къ 10-лѣтію кончины Н. К. Михайловскаго.— В. Ковровъ. Политическія перспективы.—Г. Новоторжскій. Нуженъ ли пересмотръ?— Мих. Павловичъ. Франко-русскій союзъ и путиловская загадка.—Мих. Андерсенъ. Реакціонное искусство.—В. Станкевичъ. Съѣздъ криманалистовъ.—М. Петровъ. Нѣчто о модѣ и о художникѣ Бакстѣ.—В. Трутовскій. „Популяризація“ милитаризаціи.—Б. Фромметтъ. Послѣ учительскихъ съѣздовъ.—Новыя книги.

„Современный Міръ“. (1914 — 3). Ив. Вольновъ. Давыдъ, разск.—А. Федоровъ. Сонеты, стихот.— В. Унковскій. Судьба, разск. — В. Эльснеръ. Полночная метель, стих. — К. и О. Ковальскіе. Къ новымъ берегамъ, ром. (Продолж.).—Г. Манъ. Вѣрноподанный, ром. Авториз. перев. съ рукописи А. Полоцкой. (Продолж.).—Рамонъ-Пересъ де-Аяла. Внѣшность обманчива, разск. Перев. съ испанск. М. В. Ватсонъ.— Ю. Стекловъ. Соціально-политическія воззрѣнія Бакунина. (Окончан.).— Д. Тальниковъ. О честномъ писателѣ. — В. Вересаевъ. Аполлонъ и Діонисъ. (О Ницше). (Продолж.).—А. Коллонтай. Грозный призракъ.— В. Ильинъ. Еще одно уничтоженіе соціализма.— А. Дерманъ. Корни и плоды поэзіи Шевченки.— М. Первухинъ. Псевдо-футуризмъ. (Письмо изъ Рима). — Евг. Чириковъ. Провинціальныя картинки. — Критика и библіографія.

„Софія“. (1914 — 3). Ars asiatica. — Ал. Анисимовъ. Этюды о новгородской иконописи. — А. М. Скворцовъ. Фрески Каваллини.—Эм. Хусидъ. Домъ золотыхъ амуровъ.— Ник. Бердяевъ. Пикассо.—М. Гершензонъ. Умиленіе.—К. Локсъ. Апулей. — П. М. Сѣровъ.—Р. Ettinger. Зиновей Ивановъ. — Б. Ф. Э. Звенигородскія фрески. — Б. Г. Романъ Андреи Бѣлаго. — А. Діесперовъ. В. Розановъ. „Среди художниковъ“.

„Сѣверныя Записки“. (1914 — 3). Ал. Блокъ. Стихотв. — С. Сергѣевъ-Ценскій. Преображеніе, ром. (Продож.). — В. Жирмунскій. Роб. Броунингъ, замѣтка. — Я. Страцинъ. Лѣсные братья, разск. (Оконч.). — М. Кузьминъ. Стихотв. — А. Новиковъ. Подарокъ, разск. — П. Ю. Шмидтъ. На границѣ жизни и смерти. (Оконч.).— Н. Шапиръ. Философско-культурные очерки. III. Русское искусство и русская мысль. — Б. Эйхенбаумъ. Рих. Демель. — С. Марголинъ. Псевдокритицизмъ въ политической экономіи.—Л. Грин—ъ. Мих. Лебенсонъ. — Ю. Делевскій. О формахъ относительной солидарности между рабочими и предпринимателями.— Б. Черненковъ. Аграрный вопросъ въ литературѣ.—В. Керженцевъ. Англійскіе „бунтари“. (Письмо изъ Англіи). — Г. Ландау. Политическія замѣтки. — Библіографія.

„Украинская Жизнь“. (1914 — 3). Отъ редакціи.— О. Бѣлоусенко. Украинскіе дни въ Госуд. Думѣ.— В. Прокоповичъ. Родной языкъ въ народной школѣ на Украинѣ.—Дм. Донцовъ. Украинско-польское соглашеніе. (Письмо изъ Галиціи).— Л. Василевскій (Плохоцкій). Къ вопросу объ исторической и этнографической Польшѣ. — М. Возняк. Шевченко въ Галицкой Украинѣ. — Л. Бѣлецкій. Изъ воспоминаній о П. П. Чубинскомъ.—М. Д. Токаревскій. Изъ исторіи возникновенія „Воспоминаній“ Б. С. Познанскаго. — Л. Бурчакъ. Столѣтіе со дня рожденія Шевченки въ откликахъ украинской и русской печати. — С. А. Ефремовъ. На текущія темы. — П. Къ поѣздкѣ депутата Лашкевича во Львовъ.—С. В. Петлюра. Къ практическимъ задачамъ украинства.— О. Якобій. На Украйнѣ и внѣ ея. — Библіографія. — Литературн. лѣтопись.

„Учительское Дѣло“. (1913—12). Х. Пирсиненъ. Духовный мостъ.—Постановленія, резолюціи и тезисы, принятые II съѣздомъ имени К. Д. Ушинскаго.—Резолюція III секціи I Всероссійскаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія.— Отчетъ постоянной комиссіи по устройству курсовъ для учителей за 1913 г.— Указатель „Уч. Дѣла“ за 1913 г.

Художественно-Педагогическій Журналъ (1914—4). М. Вайсбейнъ. Первый Всерос. съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія.—Л. Ле—манъ. Художественное воспитаніе въ брюссельскихъ школахъ.—С. Рокотовъ. Выставки 1913—1914 гг. Искусство и жизнь.—Некрологъ: М. П. Боткинъ.—Среди печати.

Библіографія по отд. вопросамъ.

Общіе вопросы педагогики.

а) Теорія. [37(01)]*).

Абботъ, Э. Воспитаніе родителей. Перев. съ англ. Нобода. Спб. 169 стр. 60 к.

Айхенвальдъ, Ю. Отдѣльныя страницы. Сборн.

*) См. „Бюллетени“ № 13.

педагогическихъ, философскихъ и литературныхъ статей. (Шопенгауэръ. О дѣтяхъ. Очеркъ педагогическихъ воззрѣній Фихте. О воспитаніи Д. Миля. В. Гюго, какъ поэтъ семьи и дѣтей. Чувство пола у дѣтей. Застѣнчивость. Изъ мыслей Гете и Соловьева). М., 1 р. 25 к.

Аристотель. О воспитаніи. [См. его „Политику". Пер. С. А. Жебелева. М. 1911. 3 р.].

Бенеке, Ф. Руководство къ воспитанію и обученію. 2 т. Спб. 1871—1872 гг.

Бенъ, А., проф. Наука воспитанія. Изд. „Семья и Шк." Спб. 1881. 2 р. 50 к.

Волковичъ, В. Педагогика-наука предъ судомъ ея противниковъ. Изд. 2-е О. Богдановой. Спб. 1909. 45 к.

Володкевичъ, Н. 1) Задачи педагогической дѣятельности. 2) О принципахъ, которые должны быть положены въ основу преподаванія естествозн. Кіевъ. 1905.

Вопросы воспитанія. Сборникъ статей Мейера, Рахманова и Румянцева. Изд. газ. „Шк. и Жизнь". Спб. 1911. 40 к.

Гербартъ, І. Главнѣйшія педагогическія сочиненія въ систематичѣ. изложеніи А. В. Адольфя. Изд. К. Тихомирова. М. 1906. 2 р. 25 к.

Гильдебрандъ, Р. О преподаваніи родного яз. въ школѣ и о національномъ воспитаніи и образованіи вообще. Пер. Е. Якушкина. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1902. 1 р.

Гольцевъ, В. Воспитаніе, нравственность и право. Изд. 2-е Сытина. М. 1897. 75 к.

Даденовъ, Н. Новое педагогическое направленіе въ Германіи. (Personlichkeits pädagogik). (Оттискъ изъ „Циркуляра по Кіевскому Уч. Окр. №№ 6, 7, 8. 1912). Кіевъ. 1912. 77 стр. 40 к.

Деминовъ. Начальная педагогика. Для учащихся въ народныхъ школахъ и для грамотныхъ крестьянъ. М. Изд. Е. Думнова. 63 стр. 20 к.

Диттесъ, Ф. Очеркъ практической педагогики. Пер. съ нѣм. Паульсена. Спб. 1886. 1 р. 25 к.

Дюрингъ. Цѣнность жизни. Пер. Антоновскаго. [Гл. о воспитаніи]. Спб. 1898. 2 р. 50 к.

Емельяновъ, Б. Учебникъ педагогики. Общая педагогика. Сост. примѣнительно къ программамъ ср. женск. уч. завед. Вѣд. Упр. Имп. Маріи и Мин. нар. пр. Каменецъ-Подольскъ. 166+III стр. 75 к.

Егеръ, О. Педагогическое завѣщаніе. Практическія замѣтки по педагогикѣ и дидактикѣ. Пер. С. Крылова. Изд. 2-е К. Тихомирова. М. 50 к.

Іоганнессонъ, П. Органическая и механическая точка зрѣнія на воспитаніе. „Ест. и Геог.". 1913, 5.

Кантъ, Э. О педагогикѣ. Пер. С. Любомудрова. Изд. 2-е К. Тихомирова. М. 1907. 80 к.

Карфъ. Наши педагогическіе вопросы. Изд. А. К. Залѣсской. Т. I. М. 1882. 2 р. Т. II. М. 1886. 60 к.

Маттіасъ, А., д-ръ. Практическая педагогика для ср.-уч. завед. Пер. съ нѣм. Королькова. М. 1899. 1 р. 50 к.

Мечниковъ, И. Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія. [См. кн. „Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міросозерцанія". М. 1913. Изд. „Научное Слово". 2 р. и журн. „Вѣст. Евр." 1871 г.].

Милль, Д. Автобіографія. (Исторія моей жизни и убѣжденій). М. 1896.

Моррисъ, В. Вѣсти ниоткуда. (Утопическая теорія воспитанія.) Изд. 2-е „Дѣло" Спб. 1906. 50 к.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Т. IX. Философія и педагогика. Изд. Харьк. о-ва распр. въ народѣ грамотности. М. 1911.

Наторпъ, П. Философія, какъ основа педагогики. Пер. съ нѣм. Шпетта. Изд. Н. Клочкова. М. 1910. 80 к.

Его же. Развитіе народа и развитіе личности. Пер. съ нѣм. А. Пальчика. Изд. „Школа и Жизнь". Спб. 1912.

Органовичъ, А. Очеркъ воспитанія и практическаго обученія въ Швеціи. „Журн. Мин. Нар. Пр." 1913, 5.

Острогорскій, А. Педагогическія экскурсіи въ область литературы. Изд. К. Тихомирова. М. 1897. 1 р. 50 к.

Его же. Образованіе и воспитаніе. Спб. 1897. 50 к.

О цѣли воспитанія и образованія. Сборн. религіозно-философской библіотеки. Вып. VIII. М. 1913. Изд. 2-е, перер. и дополн. 112 стр. 35 к.

Педагогика и Педологія. „Педаг. библ." подъ ред. А. Нечаева. Изд. М. Пейкеръ. Спб. 1904. 40 к.

Педагогическая мысль. Изд. Коллегіи П. Галагана. Подъ ред. проф. И. Сикорскаго и привдоц. Гливенко. I и II вып. Кіевъ. 1904. По 1 р. за вып.

Педагогическая академія въ очеркахъ и монографіяхъ. (Воспитаніе въ семьѣ и въ школѣ). Подъ общ. ред. А. Нечаева. 15 тт. Изд. „Польза". В. Антикъ и Кº. М. 20 р.

Поляновъ, С. Традиціонные взгляды и педагогическіе идеи въ школьномъ воспитаніи „Рус. Шк." 1913, 10.

Рабле и Монтэнь. Мысли о воспитаніи. Избр. отрывки изъ „Гаргантуа" и „Пантагрюэля" Рабле и „Опытовъ" Монтэня. Пер. В. Смирнова. Изд. К. Тихомирова. М. 1896. 1 р.

Родниковъ, В. Исторія русской педагогики. Кіевъ. 1913. Изд. 3-е, кн. маг. И. Оглоблина. 123 стр. 70 к.

Роллэнъ. Трактатъ объ образованіи. Пер. съ фр. П. Первова. Изд. К. Тихомирова. М. 1911. 3 р. 50 к.

Румянцевъ, Н. Педагогія, ея возникновеніе, развитіе и отношеніе къ педагогикѣ. Изд. О. Богдановой. Спб. 1910. 25 к.

Сборникъ педагогическихъ статей въ честь редактора журн. „Педаг. Сборн." А. Н. Острогорскаго, по случаю 25-лѣтія его редакторской дѣятельности. Подъ ред. В. Петрова. Спб. 1907. 2 р.

Сборникъ статей педагогическаго характера. 1902—1912 гг. Царскосельск. реальн. уч. Подъ общ. ред. П. Некрасова. Ц. С. 345 стр.

Сиворцовъ, И. Записки по педагогикѣ. 2 ч. Изд. бр. Башмаковыхъ. Спб. 1909., въ перепл. по 80 к. за т.

Его же. Основныя задачи воспитанія. М. 1890. 40 к.

Соколовъ, Л. Общая педагогика. Учебникъ для женск. гимн. Кіевъ. 1913. 140 стр. 90 к.

Труды Спб. Педагогической академіи. Вып. I. „Начало дѣла". Спб. 80 к.

„Философія" въ общедоступномъ изложеніи. Изд. „Общ. Польза". 1909. 3 р. [См. ст. В. Мизуха „Педагогика"].

Цигеръ, Т. Очеркъ общей педагогики. Пер.

съ нѣм. подъ ред. М. Лихарева. Изд. „Образованіе“. Спб. 1903. 50 к.

Его же. Общая педагогика. Изд. „Вѣст. Зн.“ Спб. 1908. 50 к.

Шелгуновъ, Н. Письма о воспитаніи. (См. собр. соч. Т. I. Изд. О. Поповой. Спб. 1904).

Эвергетовъ, И. К. вопросу объ индивидуализаціи воспитанія и обученія. „Рус. Шк.“ 1913, 12.

Эскиросъ. Эмиль XIX ст. Пер. подъ ред. съ предисл. и прилож. ст. „Теорія воспитанія Г. Спенсера“. М. Цебриковой. Спб. 1 р. 25 к.

Яновскій, К. Мысли о воспитаніи и обученіи. Изд. ж. „Рус. Шк.“ Спб. 1900. 2 р.

в) Исторія педагогики. [37(09)]

Абрамовъ, Я. Песталоцци. Его жизнь и педагогическая дѣятельность. Біогр. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1892. 25 к.

Балталонъ, Ц. Педагогическіе взгляды Д. И. Писарева. „Образ.“ 1897, 10, 11 и 12.

Бартъ. Исторія воспитанія въ свѣтѣ соціологіи и исторіи духовнаго развитія. Изд. Богдановой. Спб. 1913.

Бауманъ, Ю. Введеніе въ педагогику. Исторія педагогическихъ теорій. Общая педагогика. (Педагогич. психологія). Пер. съ нѣм. Г. Зоргенфрея. Спб. 1905. 1 р.

Бахтинъ, Н. Руссо и его педагогическія воззрѣнія. (Отд. отт. изъ журн. „Русская Шк.“ 1912 г.). Спб. 1913. 84 стр. Ц. 50 к.

Васильковъ, Н. Огюстъ Контъ и его педагогическія идеи. „Образ.“ 1898, I.

Введеніе въ исторію европейской педагогики. Переработано по Ф. Ресснеру Г. Поповымъ. Кіевъ. 249 стр. 1 р. 30 к.

Веймеръ, Г. Исторія педагогики. Съ нѣм. пер. К. Тюлеліевъ. Изд. М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1 р.

Вернигъ. Песталоцци. Краткій біографич. оч. Изд. 2-е, испр., В. Линда и Д. Байкова. М. 1899. 40 к.

Витбергъ. Стоюнинъ, какъ педагогъ и человѣкъ. Спб. 1899. 20 к.

Волковичъ, В. Другъ человѣчества—Н. И. Пироговъ. „Филос. пед. библ.“. Изд. О. Богдановой. Спб. 1910. 40 к.

Гё, Ф. Исторія образованія и воспитанія. Пер. П. Первова. Изд. К. Тихомирова. М. 1912. 3 р. 50 к.

Гершензонъ, М. О. Мысли двухъ философовъ о школѣ (В. Гумбольдтъ и Ковдорсе). М. 1905. 10 коп.

Гольцевъ, В. Очерки развитія педагогическихъ идей въ новое время. (XVI—XVII ст.). М. 1880. 1 р.

Демковъ, М. И. Краткая исторія педагогики. М. 1913. Изд. 3-е. 195 стр. Ц. 75 к.

Его же. Старые и новые педагоги, ихъ жизнь, мысли и труды. Для учащихъ и учащихся въ народныхъ школахъ. М. 1912. Изд. А. Д. Ступина. 182 стр. съ рис. Ц. 75 к.

Его же. Исторія русской педагогики. 3 ч. Ч. I. Древне-русская педагогія. (X—XVII вв.).— Ч. II. Новая русская педагогія. (XVIII в.). М. 1910. 3 р.—Ч. III. Новѣйшая русская педагогія. (XIX в.). Спб. 1909. 3 р.

Его же. Исторія западно-европейской подагогики. Изд. Сытина. М. 1912. 2 р.

Его же. Педагогика западно-европейская и русская. Педагог. хрестоматія. Изд. Сытина. М. 1911. 1 р. 25 к.

Его же. Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Опытъ педаг. хрест. Изд. К. Тихомирова. М. 1908. 2 р. 50 к.

Его же. Очерки по исторіи русской педагогики. М. 1913. Изд. 2-е. VIII+144 стр. 60 к.

Его же. Руководство по исторіи педагогики. М. 1913. 127 стр. 50 к.

Диттесъ. Исторія воспитанія и обученія. Для учителей и воспитателей. Пер. съ нѣм. К. Модзаловскаго. Спб. 1875. 1 р.

Добролюбовъ, Н. По поводу педагогической дѣятельности Н. И. Пирогова. О значеніи авторитета въ воспитаніи. „Общедост. библ.“ Спб. 1911. Изд. „Дѣятель“. 33 стр. 10 к.

Ельманова, Е. Взгляды Н. Г. Помяловскаго на воспитаніе „Образ.“ 1904, 8.

Ждановъ, А. Сократъ, какъ педагогъ. Харьковъ. 1892. 30 к.

Завьяловъ, Н. Педагогическая хрестоматія. М. 1906. 1 р.

Золотаревъ, С. Очерки по исторіи педагогики на Западѣ и въ Россіи. Изд. бр. Башмаковыхъ. Спб. 1910. 1 р. 25 к.

Каптеревъ, П. Ф. Исторія русской педагогія 1910 г. 540 стр. 3 р.

Его же. Идеи о первоначальномъ воспитаніи въ классической древности. Спб. 30 к.

Его же. Значеніе христіанства въ постановкѣ первоначальнаго воспитанія и христіанскія теоріи. Спб. 1900. 30 к.

Князьковъ, С. и Сербовъ. Очерки исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра I. Подъ ред. С. Рождественскаго, съ рис. Изд. „Польза“. М. 1910.

Коллонтай, А. Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова. „Образ.“ 1898, 9, 10 и 11.

Комерёе. Спенсеръ и научное воспитаніе. 1903. 156 стр. 50 к.

Его же. Песталоцци и элементарное воспитаніе. Спб. 1904 г. 132 стр. 50 к.

Его же. Руссо и естественное воспитаніе. Спб. 1903. 40 к.

Его же. Ж. Массе и обязательное образованіе. Изд. К. Тихомирова. М. 1909. 25 к.

Летурно. Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческихъ расъ. Изд. „Знаніе“. Спб. 1900. 2 руб.

Л-скій, А. Педагогическія идеи Гербарта. „Рус. М.“ 1901, 10.

Лозинскій, Е. Свобода и необходимость въ исторіи воспитанія. „Пед. Л.“ 1910, кн. 4 и 6.

Его же. Новыя мысли Л. Толстого о воспитаніи и образованіи. „Вѣст. Восп.“ 1913, 1.

Майковъ, П. И. и Бецкой. Спб. 1904. ‘4 р.

Македоновъ, А. Н. Буняковъ, его жизнь и дѣятельность. Біогр. оч. Изд. М. Гутзаца. Спб. 1907 30 коп.

Малисъ, Ю. Н. И. Пироговъ. Его жизнь и научно-общественная дѣятельность. Біогр. оч. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1893. 25 к.

Медвѣдковъ, А. П. Краткая исторія русской педагогики. Изд. Я. Башмакова и К⁰. Спб. 1913. 188 стр. Ц. 80 к.

Его же. Краткая исторія педагогики въ культурно-историческомъ отношеніи. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова. 304 стр. 1 р. 20 к.

Мелиховъ, В. Очеркъ воспитанія и обученія въ древнемъ Римѣ. Ч. I. Римское воспитаніе во времена республики. Харьковъ. 124 стр. 75 к.

Миролюбовъ, Н. Педагогическія воззрѣнія святыхъ отцовъ церкви. Харьковъ. 1900. 1 р. 50 к.

Модзалевскій Л. Очеркъ воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Спб. 1877—92 гг. Ц. 4 р. 432+534 стр.

Монро, П. Исторія педагогики. Ч. I. Древность и средніе вѣка. Пер. съ англ. М. В. Рейхъ. Подъ ред. Н. Д. Виноградова. М. 1911. Изд. т-ва „Міръ". 1. 30—Ч. II. Новое время. 1 р. 50 к.

Его же. Амосъ Коменскій, основатель новой педагогики. Изд. Н. Мартынова. Спб. 1892. 20 к.

Нарбековъ, И. Идеалъ воспитанія и образованія у древнихъ грековъ по сочиненіямъ филос. Платона. „Политика и государство", „Законы". Казань. 1912. Изд. Каз. Дух. Академіи. 36 стр.

Наторпъ. Песталоцци, его жизнь и его идеи. Перев. съ нѣм. М. Энгельгардтъ. Изд. „Школа и Жизнь". Спб. 1912. Ц. не обозн.

Новосадскій. Педагогическіе идеалы Платона. Варшава. 1904.

Острогорскій, В. и Семеновъ, Д. Русскіе педагогическіе дѣятели. I. Н. Пироговъ. II. К. Ушинскій. III. Н. Корфъ. Изд. 2-е Сытина. М. 1909. 30 к.

Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. Изъ серіи: Воспитаніе въ семьѣ и школѣ. Педагог. академія въ очеркахъ и монографіяхъ, подъ общей ред. проф. А. П. Нечаева. М. 1912.

Памяти Н. И. Пирогова. (1810—1910). Сб. ст. Г. Фальборка, А. Кони, А. Васильева. В. Вагнера и А. Фомина. Изд. „Школа и Жизнь". Спб. 1911.

Памяти К. Д. Ушинскаго. По случаю 25-лѣтія со дня кончины. Спб. 1896. 50 к.

Памяти П. Ф. Лесгафта. Сборн. подъ ред. „Совѣта біологич. лабораторіи. Изд. „Шк. и Жизнь". Спб. 1911. 3 р.

Паульсенъ. Историческій очеркъ развитія образованія въ Германіи. М. 908. 333 стр. Ц. 1 р. 30 коп.

Первовъ, П. Педагогическая хрестоматія. Коменскій, Локкъ, Руссо, Песталоцци, Ушинскій, Пироговъ. Пособіе при изученіи педагогики въ VIII кл. женск. гимн. и инст. Изд. К. Тихомирова. М. 1907. 1 р.

Песковскій, М. Бар. Н. А. Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. 1 р.

Его же. Н. А. Корфъ. Біогр. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1892. 25 к.

Раумеръ, К. Исторія воспитанія и обученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени. 2 т. Спб. 75—78 г.

Регенеръ, Ф. Введеніе въ исторію европейской педагогики. Переработано Г. Поповымъ. Кіевъ. 1913. Стр. 249. Ц. 1 р. 30 к.

Рубакинъ. Янъ Амосъ Коменскій, страдалецъ за вѣру. Изд. „Посредникъ". М. 1910. 12 к.

Румянцевъ, Н. Н. И. Пироговъ, его взгляды на природу дѣтей и задачи воспитанія. Спб. 1910. 15 к.

Сануликъ, П. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Изд. Карцева. М. 1907. 10 к.

Сахаровъ, И. Изъ исторіи педагогики. Мысли великихъ педагоговъ, древнихъ и новыхъ писателей о воспитаніи и обученіи. М. 1907. 40 к.

Семевскій, В. В. И. Водовозовъ. Біогр. оч. Спб. 50 к.

Синицкій, А. Изъ исторіи воспитанія въ 19 в., въ соціологическомъ освѣщеніи П. Барта. „Вѣст. Восп.". 1912, 3.

Современное значеніе педагогическихъ идей Н. И. Пирогова. Спб. 1911. Изд. об-ва эксперим. педаг. 40 к.

Соколовъ, П. Исторія педагогическихъ системъ. Спб. 1912. Изд. О. Богдановой. 716 стр. 2 р. 75 коп.

Его же. Исторія общей педагогики. Спб. 1912. 2 р.

Соловьевъ, И. Руссо и современная педагогика. „Вѣст. Восп." 1912, 6.

Сторожениво. Педагогическія теоріи эпохи Возрожденія.

Студенцовъ, А. Педагогическій занѣтъ Н. Г. Чернышевскаго. „Вѣст. Восп." 1912, 9.

Суперанская, А. Наше воспитаніе по сочиненіямъ Г. И. Успенскаго. „Образ." 1899, 1 и 2.

Ея же. Наше воспитаніе по сочиненіямъ М. Е. Салтыкова. „Образ." 1896, 10 и 11.

Тадаоу, М. Великій реформаторъ воспитанія и образованія Ж.-Ж. Руссо. Съ англ. пер. П. Буланже. М. 1912. Изд. И. Горбунова-Посадова. 16 стр. 10 к.

Усова, С. Н. Новиковъ, его жизнь, литературная и общественная дѣятельность. Біогр. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1890. 25 к.

Уссингъ, Ж. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ. Пер. съ нѣм. Федоровой. Спб. 1899. 75 к.

Фогель, А. Педагогика у Песталоцци. Пер. К. Воскресенскаго. Казань. 1912. Изд. Упр. Каз. Уч. Окр. 103 стр.

Циглеръ, Т., проф. Исторія педагогики. Авторизз. перев. съ 3-го испр. и доп. нѣм. изданія Е. Цитронъ и А. Карнауховой. Подъ ред. прив.-доц. С. А. Ананьина. Изд. „Сотрудникъ". Спб.—Кіевъ. 1911. VIII+494 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Чернышевъ, В. Забытые труды Ушинскаго. Стр. 36. Спб. 1907 г. Ц. 20 к.

Шмидтъ, К. Исторія педагогики, изложенная въ ея всемірно-историческомъ развитіи и исторической связи съ культурной жизнью. Изд. Солдатенкова. М. 81—90 г. Ц. 21 р. 4 т.

Педологія. [371|2]

Семейное воспитаніе. Дѣтскій садъ.

Ананьинъ, С. А. Дѣтскіе идеалы. „Рус. Шк." 1911, 7, 8 и 9.

Арсталь, А. Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составл. родителями и друзьями дѣтей подъ ред. А. Арсталя. Пер. съ норвеж. А. и П. Гавзенъ. Изд. 2-е Маркса. Спб. 2 р.

Баранова, В. и Рубинова, Р. Въ мірѣ дѣтей. „Вѣст. Восп." 1911, 6.

Баръ, П. Элементарное воспитаніе и обученіе на основаніи современной психологіи и философіи. Пер. съ 3 го нѣм. изд., ред. В. Волковичъ. Спб. Изд. О. Богдановой. VI+275 стр. 3 р. за 2 т.

Безобразова, М. О домашнемъ воспитаніи. „Восп. и Об." 1909, 2.

Бенескій, И. А. Объ общественной помощи дѣтямъ. „Св. Восп". 1907, 8 г., 8.

Бехтеревъ, В. Вопросы воспитанія въ возрастѣ перваго дѣтства (въ связи съ постановкой его въ Педагогическомъ Институтѣ). „Образов." 1909, 2.

Его же. О воспитаніи въ младенческомъ возрастѣ. „Вѣстн. Псих., Кр. Антр. и Пед." 1913, III.

Бинз, А. Современныя идеи о дѣтяхъ. Пор. подъ ред. Г. Шпотта. М. 1910. Изд. „Космосъ". 1 р. 50 к.

Блокъ, М. Матери великихъ людей. Изд. 2-е Ф. Павленкова. Спб. 1905. 50 к.

Бондуинъ, Д. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Методы и процессы. Ч. I. Перев. съ 3-го америк. изд. Изд. „Моск. Книгоизд.". 1911 г. 1 р. 50 к.

Его же. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Методы и процессы. Т. II. Перев. съ 3 америк. изд. „Душевная жизнь дѣтей". Библ. подагг. психологіи подъ ред. Н. Виноградова и А. Громбаза. М. 1912. Изд. „Моск. Книгоизд.". 238 стр. 1 р. 50 к.

Брейфусъ, Э. И. Семейное воспитаніе въ Германіи. „Энцикл. сем. восп.". Вып. XIX. Стр. 36. 30 к.

Брусянинъ, В. Дѣти въ произведеніяхъ Л. Андреева. „Вѣстн. Восп.". 1912, 2.

Бутневичъ, А. С. Дѣтскіе капризы и борьба съ ними". „Св. Восп.". 1907/8, 6.

Бычковъ, Н. Неграмотныя дѣти въ большихъ городахъ. „Вѣст. Восп.". 1909, 6.

Ванъ, М. Дошкольное воспитаніе въ Швейцаріи. „Рус. Шк.". 1911, 3, 5 и 6.

Вентцель, К. Н. Свободное воспитаніе и семья. „Св. Б.". 1912/3, 8.

Его же. Освобожденіе ребенка. Изд. 2-е. Горб.-Посадова. 10 к.

Веселовскій, Ю. Дѣти смутнаго времени. „Вѣст. Восп." 1907, 2.

Его же. Дѣти въ современной беллетристикѣ и трагедія дѣтской души. М. 1902. Стр. 164. 1 р. 50 к.

Его же. Дѣти въ современной французской беллетристикѣ. М. 1902. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей отъ первоначальнаго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Книга для воспитателей. Спб. 1913. Изд. 7-е. 2 р.

Вопросы дошкольнаго воспитанія. Сб. I. 1912. Изд. спб. О-ва содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей. Стр. 320. 1912. Ц. 1 р. 25 к. То же. Сб. II. Спб. 225 стр. 1 р.

Вопросы педагогической патологіи въ семьѣ и школѣ. Подъ ред. А. Владимірскаго, А. Оршанскаго и Г. Фальборна. Спб. изд. газ. „Школа и Жизнь". 1911. 1 р.

Вороновъ, В. О литературномъ творчествѣ дѣтей. „Вѣст. Восп." 1913, 4.

Его же. Городъ въ жизни и въ рисункахъ дѣтей. „В. Восп." 1912, 9.

Вороновъ, И. Родители и дѣти. „Вѣст. Восп." 1913, 6.

Воскресенская, В. Дѣти въ литературѣ XIX в. „Вѣст. В." 1910, 2 и 3.

Выставка „Дѣтскій Трудъ". Апрѣль—май. 1910. Кіевъ. Изд. Кіев. О-ва Нар. Дѣтск. садовъ. Скл.: маг. „Школьное Воспитаніе". 40 к.

Гартвигъ, А. Ручной трудъ, какъ методъ обученія и воспитанія въ семьѣ и школѣ. Подъ ред. А. Флерова. М. 1912. Изд. ж. „Пед. Обозр.". 52 стр. 45 к.

Гейфельдеръ. Дѣтство человѣчества. 1861. Стр. 108.

Геннадіевъ, Г. Годовалый ребенокъ и его воспитаніе. Спб. Изд. Вольфъ. 15 стр. 15 к.

Гольцевъ. Дѣти и природа въ разсказахъ Чехова и Короленко. М. 1904. Ц. 6 к.

Гордонъ, д-ръ. Любопытство дѣтей. „Восп. и Об." 1908, 7.

Его же. О дѣтскихъ капризахъ. „Восп. и Об." 1907, 1.

Гундобинъ, Н., проф. Воспитаніе и лѣченіе ребенка до семилѣтняго возраста. Изд. Риккера. 3-е IX + 248 стр. 2 р. 40 к.

Гуревичъ, А. Первый съѣздъ по семейному воспитанію. „Рус. Шк.". 1913, 2.

Гутеръ, П. Первый всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію. „Для Н. Уч.". 1913, 4 и 5.

Его же. Планъ организаціи дѣтскаго трудового сада въ Москвѣ. „Св. Восп.". 1912/3, 2.

Дарвинъ, Ч. Наблюденія надъ жизнью ребенка. Спб. 1881. 20 к.

Деникеръ, Г. Исторія развитія ребенка. Популярно-научный очеркъ для родителей и воспитателей съ многочисл. иллюстр. Перев. съ 8-го нѣм. изд. Е. Дедюлиной, подъ ред. Н. Румянцева. Спб. 1911. 60 к.

Деникеръ І. и А. Семейное воспитаніе во Франціи „Энц. сем. восп.". Вып. XXXVI. Стр. 44. 30 к.

Дернова-Ярмоленко, А. Дневникъ матери. Книжка для систематическаго наблюденія и записей надъ тѣлеснымъ и душевнымъ развитіемъ ребенка. М. 1911. Изд. И. Сытина. 40 к.

Дмуховская, Е. Семья—первая школа для дѣтей. Спб. 1913. Изд. М. О. Вольфа. 15 стр. 15 к.

Ея же. Воспитаніе жизнерадостнаго ребенка. Спб. 1913. Изд. М. О. Вольфа. 16 стр. 15 к.

Долгополова-Шуръ, В. Н. Жизнерадостность и нравственныя начала ребенка. „Сем. Восп.". 1911. 3.

Дорошевичъ, В. Семья и школа. Изд. Сытина. М. 1905. 1 р.

Друммондъ, У. Введеніе въ изученіе ребенка. Изд. „Моск. Книгоизд.". 1912. 2 р.

Его же. Дитя, его природа и воспитаніе. Пер. съ англ. Спб. 1902. 1 р.

Душевная жизнь дѣтей въ первые годы жизни. Дае публичныя лекціи. Изд. ж. „Рус. Шк.". Спб. 1892. 40 к.

Збочанъ, К. Дѣти въ народной школѣ. „Шк. и Жизнь". 1911, № 23.

Зеленко, А. Семейное или общественное воспитаніе? „Св. Восп." дек. 1911.

Его же. Выставка при Всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію. „Рус. Шк.". 1912, 2.

Зеленковичъ, Я. Вліяніе улицы на воспитаніе дѣтей. „Уч. Вѣс.". 1909, 11, 12.

Зельтеръ, П. и Рейнъ, В. Дитя. Физическій и духовный уходъ за нимъ отъ рожденія до зрѣлости. Въ II частяхъ. Пер. со 2-го нѣм. изд. подъ ред. Г. Линсцера и Д. Соколова. Спб. 1913. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. XI + 789 стр. Съ 185 рис.

Золотаревъ, С. Связь между вопросами общественнаго, семейнаго и государственнаго воспитанія. „Свѣт. Зап.". 1913, 1.

Игнатьевъ, прив.-доц. Духовныя особенности дѣтскаго возраста и вліяніе ихъ на заболѣваемость и смертность. Изд. „Наука". 20 к.

„Институтъ ребенка" при университетѣ Кларкъ въ Ворчестерѣ. „Св. Восп.". 1913/3, 2, 3.

Іорданская, Е. О-во содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей [въ Спб.] „Св. Восп.". 1912, 2.

Ея же. Народные дѣтскіе сады. „Библ." подъ ред. Н. Румянцева и О. Смирнова. Изд. ж. „Народн. Уч.". М. 1913. 47 стр. 20 к.

Крвингъ, Кингъ. О примѣненіи нѣкоторыхъ принциповъ дѣтскаго сгда къ соврем. педагогикѣ вообще. „Св. Восп.", 1912/3, дек.

Казина, А. Мысли и думы о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи. Спб. 1912. 81 стр. 65 к.

Казьминъ, Н. В. Семейное воспитаніе въ Россіи. 30 к. „Энцикл. сем. восп.". Вып. XV.

Каптеревъ, П. Основныя начала семейнаго обученія. (Дидактика семьи). „Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія" вып. VII", изд. 2-е, 1912, дополн. 68 стр. 40 к.

Его же. Задачи и основы семейнаго воспитанія. „Энцикл. сем. восп.". Вып. I. Стр. 41. 30 к. **То же.** Вып. I. Спб. Изд. 2-е доп. 122 стр. 60 к.

Его же. О дѣтской подражательности. „Энцикл. сем. восп.". Вып. VI. 30 к.

Его же. О дѣтской природѣ. „Энц. сем. восп." Вып. XVII 30 к.

Его же. Идеи о первоначальномъ воспитаніи въ классической древности. „Энц. сем. восп.". Вып. XXIV. Стр. 36. 30 к.

Его же. О страхѣ и мужествѣ въ первоначальномъ воспитаніи. „Энцкл. сем. восп.". Вып. XXXVVII—XXXVIII. 60 к.

Его же. Основатель дѣтскихъ садовъ, его послѣдователи и противники. „Образ." 1896, 1, 3, 3, и 4.

Каптеревъ, М. и Мальцевъ, А. Вопросы матерямъ о дѣтяхъ. Спб. 188. 25 к.

Карлицезъ, Н. Первоначальное научное воспитаніе. „Восп. и Об.". 1909, 6.

Кей. Вѣкъ ребенка. Пер. съ нѣм. Е. Залога и В. Шахно. Подъ ред. Айхенвальда. Ц. 1 р. 25 к. 293 стр. **То же.** Пер. Юрасова. Изд. Сытина. М. 1905. 1 р.

Ея же. Мать и дитя. Изд. „Совр. Пробл.". М. 1908. 30 к.

Кельнеръ, Л. Мысли о школьномъ и дошкольномъ воспитаніи. Пер. О. Масловой и Н. Горбова. Изд. 3-е К. Тихомирова. М. 1902. 1 р. 25 к.

Кергомаръ. Дошкольное воспитаніе и дѣтскіе сады во Франціи. М. 1911. Стр. 208. 50 к.

Кирпатрикъ, Э. Педологія (основы науки о дѣтяхъ). Изд. Богдановой. Спб. 1913.

Книга о ребенкѣ. Коллективный трудъ спеціалистовъ по вопросамъ воспитанія дѣтей и ухода за ними. Ч. I. Вступительныя главы. Душа и тѣло ребенка. 380 стр. 2 р.—Ч. II. Воспитаніе ребенка. Домашнее и общее воспитаніе. Общественное воспитаніе и призрѣніе. Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. 575 стр. 3 р. Пер. съ нѣм. подъ ред. д-ра Л. Оршанскаго. М. 1912. Изд. В. Саблина.

Коганъ, Л. Исторія одной анкеты. (Къ вопросу о дѣтскихъ идеалахъ). Одесса. 1912. 23 стр. 25 к.

Коломинъ-Мамистовъ, Р. Т. Крестьянское дѣтство. „Р. Шк.". 1912, 1.

Коменскій, Янъ-Амосъ. Материнская школа. Пер. съ нѣм. М. Воскресенской. Спб. 1892. 50 к.

Его же. Уставъ материнской школы. Пер. съ чешск. Ф. Румича. Н.-Н. 1893. 50 к.

Компере, Г. Умственное и нравственное воспитаніе ребенка. Пер. съ 5-го фр. изд. подъ ред. д-ра М. Владимирскаго. М. 1912. Изд. Сабанишниковыхъ. 453 стр. 2 р.

Его же. Отрочество, его психологія и педагогія. Пер. С. Вознесенскаго. Изд. О. Богдановой. Спб. 1901. 50 к.

Его же. Песталоцци и элементарное воспитаніе. Спб. 1904. 132 стр. 50 к.

Коптевъ, П. Задачи семейнаго воспитанія. „Восп. и Об.". 1913, 2.

Кружокъ совмѣстнаго воспитанія и образованія въ Москвѣ (1907—1912). М. 1912. 36 стр. 50 к.

Крупская, Н. Семья и школа. „Св. Восп.". 1912/3, 1.

Кузьменко, Д. Воспитаніе дѣтей. Пособіе родителямъ и воспитателямъ. Педагогич. наставленіе для дома и для школы. „Серія брошюръ по воспит. дѣтей". Вып. I. 36 стр.; вып. II. 26 стр. 35 к.; вып. III. 26 стр. 20 к.

Лаврентьева, С. „Другъ дѣтей". (Е. М. Бемъ). (Біогр. эскиз.). „Рус. Ст.". 1911, 3.

Лакомбъ, П. Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка. Съ фр. пер. А. Юргенсъ. „Библ. свободнаго воспит., образ. и защиты дѣтей. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 2-й". Изд. 3-е. 56 стр. 30 к.

Лебедевъ, А. И. Школьное дѣло. (Для учителей, родителей и воспитателей). Вып. II. Дѣти. Теорія и практика воспитанія. Н.-Н. 1914. Изд. 2-е. Доп. автора. 560 стр. съ иллюстр. 1 р. 75 к.

Леваневскій, А. Воспитаніе ребенка въ первый годъ его жизни. „Восп. и Об.". 1911, 10.

Его же. Матеріалы о психическомъ развитіи ребенка въ теченіе перваго года его жизни. „Р. Шк.". 1909, 3.

Его же. Матеріалы по вопросамъ о психическомъ развитіи ребенка въ теченіе 2-го года его жизни. „Рус. Шк.". 1911. V—VI.

Его же. Матеріалы къ вопросу о психическомъ развитіи ребенка въ теченіе третьяго года его жизни. „Рус. Шк.". 1912, 5, 6, 7 и 8. [Всѣ три очерка вышли отдѣльной книгой].

Лесгафтъ, П. Семейное воспитаніе ребенка. Ч. III. Семейный періодъ воспитанія. Спб. 1911. Изд. посмертное. 230 стр. 1 р. 50 к.

Его же. Семейное воспитаніе и его значеніе. Ч. I и II. 1910. 1 р. 50 к. 247 стр. Ч. III. 1912. 230 стр. 1. 50 к.

Либровичъ, С. Что нужно знать родителямъ. (Докладъ, читан. въ Спб. родит. Кружкѣ). Спб. Изд. Вольфъ. 20 стр. 15 к.

Лига народнаго воспитанія въ Берлинѣ и домъ Песталоцци-Фребеля. Подъ ред. И. И. Горбунова-Посадова. М. 1911. 20. Содержаніе: Лига народн. воспитанія. Дѣтскій садъ. Элементарные классы. Убѣжище для дѣтей. Курсы садовницъ. Школы для нянекъ и боннъ. Школа домоводства. Деревенскій домъ въ Гарцѣ для слабыхъ дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ. Родительскіе вечера.

Литвинскій, П. А. Изученіе природы маленькими дѣтьми. „Энцикл. сем. восп.". Вып. XLVII.

Лозинскій, Е. Г. Джорджъ—другъ дѣтей. „Вѣст. Восп.". 1912, 5.

Ломброзо, П. Жизнь ребенка. Пер. съ итальян. К. Жихаревой. Изд. В. Яковенко. Спб. 1905. 75 к.

Его же. Міросозерцаніе дѣтей. „Р. Шк.". 1909, 5, 6.

Лотецкій, Г. Душа твоего ребенка. Книга для родителей. 1) Пер. съ нѣм. д-ра Кога. Житомиръ. 1911. Изд. П. Бонадурера. 152 стр. Ц. 1 р. 2) Пер. съ нѣм. Е. Максимовича, подъ ред. Е. Коваленскаго. Спб. 1912. Изд. Волфа. 175 стр. Ц. 1 р. [См. также жур. „Восп. и Об." 1909, 1—5, 7—5].

Лубенецъ, Н. Всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію. „Дошк. Восп." 1913, 2.

Ея же. Дошкольное воспитаніе и начальная школа. „Рус. Шк." 1913, 2.

Маевская, К. Программа занятій въ дѣтскомъ саду. „Дошк. Восп." 1913, 3, 4 и 5.

Малеснокъ, Ф. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Изд. „Кн. Дѣло". М. 1898. Ц. 50 к.

Матеріалъ для бесѣдъ съ маленькими дѣтьми. Вып. I—II. Пособіе для дѣтскихъ садовъ. Сост. сотруд. О-въ. „Дѣтскій Трудъ и Отдыхъ", подъ ред. Л. К. Шлегера и С. Т. Шацкаго. Ц. 35 к. и 50 к.

Мейманъ, Э. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Ч. I. Умственное и физическое развитіе дѣтей. Перев. съ нѣм. Н. Виноградова. М. 1911. Изд. т-ва „Міръ". 2-е. Ц. 1 р. 60 к.— Ч. II. Индивидуальныя особенности дѣтей. Пер. подъ ред. Н. Виноградова. Ц. 1 р. 60 к.

Монтессори, М., д-ръ. Домъ ребенка. Методъ научной педагогики. Пер. съ итальян. С. Г. Займовскаго, дополн. по англ. и америк. изд. съ введ. проф. Г. Гольмса. Изд. „Задруга". М. 1913. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Мрочекъ, В. Международная лига раціональнаго воспитанія дѣтей. „Рус. Шк." 1911, 5 и 6.

Муриновъ, Вл. Украшеніе жизни. „Шк. и Ж". 1911, № 29.

Нечаевъ, А. П. Педагогика и педологія. Спб. 1904. 110 стр. Ц. 40 к.

Николай, игуменъ. Новозавѣтный и библейскій идеалъ воспитанія дѣтей. Тифлисъ. 1912. Изд. автора. 312 стр.

Никольскій, М. Жизнь знаменитыхъ людей. Черты изъ дѣтства великихъ людей. Очерки, составл. по Фоа и др. Спб. 1912. Изд. Вольфа. 333 стр.

Общество „Дѣтскій Городокъ" Петерб. частн. Отчеты за 1911 и 1912 гг. Спб. 65 стр.

О., Е. Экспериментальный дѣтскій садъ въ Мюнхенѣ. „Св. Вос." 1912,3, 9.

Обуховъ, А. Какъ мы портимъ нашихъ дѣтей. (Къ съѣзду по семейному воспитанію.) „Рус. М." 1912, 12.

Его же. Азбука воспитанія. „Пед. Листъ." 1912, 1 и 2.

Олленгеймъ. Развитіе ребенка, наслѣдственность и среда. Пер. М. Іохингесъ и Е. Воскресенской, подъ ред. д-ра мед. Б. Игнатьева. „Вопросы педагогической психологіи". Подъ ред. А. Бернштейна, В. Игнатьева и др. М. II+ 305 стр. Ц. 90 к.

Осиповъ, Н. Анализъ „Дѣтства, отрочества и юности" Л. Толстого. Изд. „Наука". 1914.

Осоргинъ, М. Дѣти улицы. (Въ Италіи). „Вѣст. Восп." 1912, 2.

Останинъ, И. Факторы дѣтскаго счастья. Педагогическіе очерки. Одесса. 1901. 1 р. 25 к.

Острогорскій, А. Н. Объ отношеніи семьи къ школѣ. „Энц. сем. восп.". Вып. XXII. Стр. 36. 30 к.

Его же. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. „Энцикл. сем. восп." Вып. II. Стр. 66. 30 к.

О'Ши. Роль активности въ жизни ребенка. Изд. „Моск. Книгоизд." 1912. 1 р. 50 к.

П. Способы добиться повиновенія у дѣтей. „Восп. и Об." 1908, 3.

П. Чувство такта у дѣтей. „Воспит. и Об." 1907, 1.

Панибратцева, В. Что намъ нужно? (Письмо матери къ материмъ). [О воспитаніи]. „Образ." 1905, 6.

Паппенгеймъ, Г. 24 темы, разработ. для дѣтскаго сада и школы. Перев. съ нѣм. З. Веселкиной, А. Цвѣтковой и Л. Толстовогъ. Кіевъ. 1911. Изд. Кіевск. о-ва пар. дѣтск. садовъ. Стр. 84. 40 к.

Папперъ, Я. Дѣтское смиреніе и дѣтская распущенность. „Восп. и Об." 1907, 1.

Пере, Г. Первые три года жизни ребенка. Спб. 1879. 1 р. 50 к.

Его же. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Пер. съ 4 нѣм. изд. „Душевная жизнь дѣтей". Библіотека педагогической психологіи, подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха. Изд. „Москов. Кн-ва". М. 1913. Стр. 322. 1 р. 50 к.

Переселенцева, Н. Н. Семейное воспитаніе въ Финляндіи. „Энц. сем. восп." Вып. XII. Стр. 32. 30 к.

Перно, Л. Воспитаніе тамъ, гдѣ хотятъ беречь искру Божію въ дѣтяхъ. „Св. Восп." 1912/3, 12.

Поварнинская, В. В. Дѣтскій садъ и огородъ. „Энц. сем. восп." Вып. XI. Стр. 28. 25 к.

Поировская В. и Соловьева, Е. Дѣтскій садъ. Вып. I. Спб. 1912. Изд. „Просвѣщеніе". Стр. 107. 80 к.

Поповъ, П. И. Семейное воспитаніе у сѣверо-американцевъ. „Энц. сем. восп." Вып. XXXIII. Стр. 48. 30 к.

Постовская, М. и Поляковъ, В. Съѣздъ по семейному воспитанію. „Нар. Обр." 1913, 1 и 2.

Прейеръ. Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ. Съ указ. для родителей его наблюденій. 1893. I р. 20 к.

Прейсъ, В. Душа ребенка. Наблюденіе надъ духовнымъ развитіемъ человѣка въ первые годы жизни. Перев. съ послѣдн. (7-го) нѣм. изд. Подъ ред. В. Данзе. Спб. 1911. Изд. О. Богдановой. 2 р. 25 к.

Пруаль, Л. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Психологическій и соціальный этюдъ. Перев. А. Г. Спб. 1908. Стр. 181. 1 р.

Пшеничный, А. Изслѣдованія по вопросу, кѣмъ хотятъ быть ученики. „Для Нар. Уч." 1909, 7.

П. Я. Дѣтская зависть. „Восп. и Об." 1907, 7.

Его же. Дѣтское желаніе нравиться. „Восп. и Об." 1908, 9.

Его же. Дѣтское соревнованіе. „Восп. и Об." 1908, 12.

Р., Е. Вопросъ о сближеніи школы и семьи. „Рус. Шк." 1911, 7.

Резолюціи и юридическій отчетъ 1-го Всерос. съѣзда по семейному воспитанію. „Русск. М." 1913, 4.

Роновъ, Г. Нѣкоторыя черты современной школьной молодежи. „Вѣст. Восп." 1911, кн. 7.

Рапопортъ, С. Очерки изъ жизни англійскаго юношества. „Вѣст. Евр." 1906, 2.

Россолимо, Г. Планъ изслѣдованія дѣтской души. Пособіе для родителей и педагоговъ М. 20 к.

(Продолженіе будетъ).

Издатели: **В. Крандіевскій. и В. Носенковъ.** Редакторъ **В. Крандіевскій.**

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ
ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** МОСКВА, Моховая, д. 26.

„Библіографическій Ежегодникъ“

подъ редакціей И. В. Владиславлева.

Вып. I. 208+XXXII стр. 60 к. Вып. II. 312+XXXIV стр. 90 к. Вып. III. 1 р. 50 к.

„Задача г. Владиславлева—подвести итогъ всему тому, что накопилось за годъ. Съ особымъ интересомъ отнесся онъ къ текущей журналистикѣ. Очень желательно, чтобы изданіе „Библіографическаго Ежегодника“ вошло въ обычай. Каждому, кто слѣдитъ за литературой и любитъ книгу, слѣдуетъ пріобрѣсти указатель“ („Совр. Міръ“, 1912 г., № 6).

„Эта справочная книжка, компактно и дешево изданная, даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея скромное заглавіе. Всякій найдетъ въ ней массу полезныхъ для себя свѣдѣній. Книжка составлена образцово“. („Рус. Сл.“, 1912 г. № 86).

„Книжный потокъ съ каждымъ годомъ увеличивается, и разобраться въ немъ становится задачей нелегкой. „Систематическій указатель“ является хорошимъ для этого пособіемъ и потому долженъ служить настольной книгой какъ для самообразованія, такъ и для комплектованія библіотекъ. При изобиліи матеріала и компактной печати цѣну нужно признать невысокой“. („Вѣстн. Воспит.“ 1912 г., № 5)

„Книга является весьма цѣннымъ вкладомъ въ области книжнаго дѣла и, при ея доступности въ цѣнѣ, должна получить самое широкое распространеніе“. („Кн. Вѣстникъ“, 1912 г. № 13).

„Появленіе изданія г. Владиславлева должно вызвать особое сочувствіе всѣхъ, кому близки интересы русской книги. 1-й выпускъ „Библіогр. Ежегодника“ надо признать цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русскихъ читателей и библіотечныхъ дѣятелей. Онъ даетъ массу матеріала, и, можетъ быть, даже больше, чѣмъ можно было дать за такую сумму“. („Библіотекарь“, 1912 г., № 1).

„Прекрасная и крайне полезная работа, необходимый справочникъ для всѣхъ, кто пожелалъ бы слѣдить за тѣмъ, что даетъ книжный рынокъ и періодическая печать за годъ“. („Нар. Жури.“ 1913 г., № 4).

„Ежегодникъ“ детально систематизированъ и удобенъ для справокъ. Можно пожелать благополучнаго продолженія „Ежегодника“, который имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы занять видное мѣсто среди настольныхъ справочныхъ пособій“. („Кіев. Мысль“, 1913 г., № 32).

„Библіографическій Ежегодникъ“ вполнѣ успѣшно справился съ отвѣтственной задачей помочь русскому читателю ориентироваться въ массѣ подавляющихъ его произведеній слова“. („Утро Россіи“, 1912 г., № 75).

„Ежегодникъ“ полезенъ для всѣхъ, кто интересуется книгой. Слѣдуетъ пожелать ежегодному выпуска „Указателя“, потребность въ которомъ несомнѣнно ощущается“. („Педаг. Листъ.“ 1912 г., № 4).

„Горячо привѣтствуемъ появленіе настоящаго указателя. Такая справочная книга даетъ возможность и ученому, и литератору, и просто лицу, интересующемуся извѣстнымъ вопросомъ, подобрать нужную ему литературу. Книга заслуживаетъ широкаго распространенія“. („Голосъ Москвы“ 3/III 1912 г.).

„Мысль выпускать ежегодно такого рода обзоры надо признать и удачной и желательной“ („Рус. Молва“ 1913 г., № 133).

„Списокъ лит. произведеній составленъ весьма тщательно и содержитъ все существенное, что только дѣйствительно заслуживаетъ вниманія“. („Вѣстн. Восп.“ 1913 г.).

„Библіографическій Ежегодникъ“ незамѣнимъ для библіотекъ и работающихъ въ томъ или иномъ отдѣлѣ книжнаго дѣланія, каковы бы ни были возможные въ немъ пропуски и пробѣлы, неизбѣжные по всякомъ мало-мальски обширномъ библіографическомъ трудѣ“. („Вѣстн. Европы“, 1913 г., № 6).

„Въ высшей степени полезный справочникъ... Книга стоитъ не дорого и заслуживаетъ самого широкаго распространенія“. („Современникъ“ 1913 г., № 5).

„Каждое изданіе, имѣющее отдѣлъ о книгахъ, не можетъ обойтись молчаніемъ единственную въ своемъ родѣ книгу—„Систематич. указатель литературы“, подъ ред. И. Владиславлева. Низкая цѣна изданія, при громадномъ количествѣ труда, затраченнаго на работу, заставляетъ принести благодарность составителю за предоставленную имъ возможность пріобрѣсти книгу широкимъ кругамъ читателей“. („Вѣстн. Мелк. Кредита“, 1913 г., № 14).

„Библіографическій Ежегодникъ“ выходитъ не позже февраля мѣс. каждаго года.

РУКОВОДСТВО КЪ ВЫБОРУ КНИГЪ,
СОСТАВЛЕНІЮ и ПОПОЛНЕНІЮ БИБЛІОТЕКЪ.

Каталогъ книгъ 14,000 названій, 384 стр., случайныхъ и новыхъ по всѣмъ отраслямъ знаній **высылается безплатно.**

АККУРАТНО и НА ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ПОПОЛНЯЮ БИБЛІОТЕКИ: ШКОЛЬНЫЯ, ОБЩЕСТВЕННЫЯ, ПУБЛИЧНЫЯ, ГОРОДСКІЯ, ЗЕМСКІЯ, ПОЛКОВЫЯ ОБЩЕСТВЪ ТРЕЗВОСТИ, ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СОБРАНІЙ и КЛУБОВЪ.

Условія и каталоги высылаю по первому требованію. ▬▬ Высылаю всѣ книжныя новинки.

НИЖЕСЛѢД. КНИГИ ПРЕДЛАГАЮ УДЕШЕВЛЕННО.

Высыл. налож. плат., цѣны безъ пересыл.

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:

И. Гончарова 12 т. 7 р., *И. Тургенева* 10 т. 9 р., *С. Надсона* въ 1 т. 1 р. 50 к., *А. С. Пушкина* въ 1 т., съ рис., за 1 р. 20 к., *Ф. Шпильгагена*. 16 т. 6 р. 50 к., *В. Бѣлинскаго* 4 т. 2 р. 70 к., *Г. Сенкевича* 7 т. 6 р. 50 к., *Козьмы Пруткова* въ 1 т. 1 р. 80 к., *М. Загоскина* 2 т. 2 р. 65 к., *Всев. Крестовскаго* 8 т. 8 р., *Лермонтова* въ 1 т., съ рис., 90 к., *Всевол. Соловьева* 10 т. 7 р. 50 к., *В. Шекспира* въ 4 т., съ рис., 4 р. 75 к., *С. Смайльса* 6 т. 4 р. 20 к., *И. Г. Помяловскаго* 2 т., 590 стр., за 1 р., *Фен. Купера* 36 т. 4 р., *Капит. Марріэта* 24 т. 4 р. 50 к., *А. Апухтина* въ 1 т. 3 р. 75 к., *Буссенара* 40 т. 5 р., *М. Твена* 28 т. 5 р., *Ѳ. Тютчева* 3 т. 1 р., *Л. Андреева* 17 т. 3 р. 50 к., *Вересаева* 10 т. 2 р., *Мольера* 10 т. 2 р. 25 к., *Салтыкова-Щедрина* 40 т. 5 р., *И. Горбунова* 4 т. 80 к., *А. Чехова* 16 т. 6 р., и 12 дополн. т. 3 р. 50 к., всѣ 28 т. 9 р., *А. Куприна* 21 т. 3 р. 75 к., *Мельникова-Печерскаго* 22 т. 3 р. 75 к., *А. Пчемскаго* 38 т. 4 р., *П. Боборыкина* 12 т. 2 р. 75 к., *Г. Данилевскаго* 24 т. 3 р. 75 к., *Лѣскова* 36 т. 3 р., *Станюковича* 40 т. 4 р., *Ибсена* 18 т. 2 р. 50 к., *К. Гамсуна* 18 т. 2 р. 50 к., *А. К. Толстого* 12 т. 3 р. 50 к., *Г. Гейне* 16 т. 1 р. 30 к., *Гауптмана* 10 т. 1 р. 40 к., *О. Уайльда* 8 т. 1 р. 40 к., *Л. Мея* 8 т. 1 р., *А. Фета* 5 т. 1 р. 25 к., *Г. Успенскаго* 28 т. 3 р. 75 к., *Михайлова-Шеллера* 50 т. 3 р.

РАЗНЫЯ КНИГИ:

Мужчина и женщина въ ихъ взаимоотношеніяхъ, роскошн. изд. т-ва „Просвѣщеніе", со множ. художеств. иллюстр., въ роскошн. перепл., 3 т., вмѣсто 33 р. за 20 р. *115 проектовъ* дачъ на разныя цѣны, сост. арх. Оторн, съ план. и рис. фасадовъ и 1 р. 75 к. *Проф. Блохъ*: *Половая жизнь нашего времени*, 730 стр., вмѣсто 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к. *Настольный энциклопедическій словарь* А. Чудинова, 1000 стр., въ изящн. коленкор. тисн. перепл., за 2 р. 40 к. *Боккачіо Декамеронъ*, съ рис. франц. художн., 540 стр., за 1 р. 80 к. *Форель, А., проф.*: Половой вопросъ, 2 т. 500 стр., съ рис., за 90 к. *Вейнингеръ, О.*: Полъ и характеръ, 390 стр., за 80 к. *Біографія композиторовъ* съ IV—XX в., огромн. томъ, 900 стр., съ портр., вмѣсто 8 р. за 4 р. *Вегетаріанская поварская книга*, 150 стр., сост. А. Бѣлковъ, за 50 к. *А. Шопенгауеръ*: *Изложеніе его ученія Фолькелта*, 418 стр., за 60 к. *Павелъ I*, сочин. *Г-на Толичъ*, 300 стр. съ портр., вм. 3 р. за 1 р. *Записки И.-пп. Екатерины II*, 220 стр., за 60 к. *Предупрежденіе и сохраненіе здоровья*, сост. проф. Хлопинымъ, д-ромъ Горшенскимъ и друг., 758 стр., съ рис. вмѣсто 3 р. за 1 р. 25 к. *Міръ животныхъ Европы*, ихъ жизнь и нравы, сост. проф. Гакке, съ 240 рис. Пунерт, 590 стр., вм. 3 р. за 1 р. 75 к. *Теорія сновидѣній, гипнотизма и спиритизма* въ научн.-попул. изложѣ. А. Жинкина, 218 стр. за 60 к. *Чтецъ-декламаторъ*, сборн. повѣй и прозы, въ роскошн. перепл., за 1 р. 45 к. *Народовѣдѣніе, проф. Ратцель*, роскошн. изд., 2 т., съ раскрашн. рис., въ хорош. перепл., вм. 14 р. за 8 р. *Вселенная и человѣчество*, подъ ред. Г. Кремера, роскошн. изд., т-ва „Просвѣщеніе", въ роскошн. перепл., съ рис., 5 т., вм. 55 р. за 28 р. *Задушевное слово* журналъ для дѣтей старш. возр., полн. года 95, 96, 97 по 2 р. годъ. *Тоже*, для младш. возр., 92, 902, 95, 903 гг. по 2 р. годъ. *Ницше. Сумерки Идоловъ* или Какъ философ. молотомъ, вм. 1 р. за 60 к. *Русановъ. Седьмое звено* (проблемы пола) романъ 223 стр. за 60 к. *Виндельбандъ. В. Платонъ*. Ученіе, жизнь 200 стр. за 35 к. *Сборникъ для выразительнаго чтенія*. Стихи изъ лучшихъ русск. и иностран. поэтовъ подъ ред. артис. Имп. театр. Ю. Юрьева 482 стр. за 60 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **ГЮИ де-МОПАССАНА.**

15 т. за 3 р. 1912 г. 4470 стр. Въ золочен. коленк. переплетѣ 5 р.

ТРЕБУЙТЕ новый каталогъ 14,000 книгъ, 384 стр., БЕЗПЛАТНО.

Книжная торговля И. Ф. КОСЦОВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный пр., 28-12.

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, д. № 26. Телефонъ 1-31-34.

ET 9.3.60

Biulleteni literatury i zhizni.
g. 5, no. 13-15/16
AP
50
B54
g.5,no.13-15/16

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED